

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

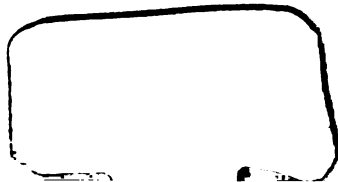
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ VII.

1907.

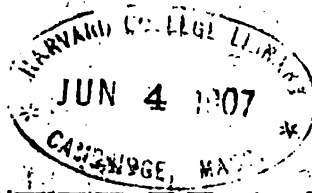
ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ VII.

1907.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1907.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату.	3
II. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	—
III. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. пр.	11
IV. Циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія	12
V. Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	—
VI. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	15
Программа математики для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ	19

Н. М. Бубновъ. Абакъ и Возцій 1

Баронъ А. Э. Нольде. Забытая попытка кодификаціи литовско-польскаго права при графѣ Сперанскомъ. XI (продолженіе) 34

У Г. Н. Шмелевъ. Сборъ-вотчинникъ 65

И. И. Квачала. Эма Кампанелла. II 110

Л. Ю. Шенелевичъ. Историко-литературная дѣятельность Кардуччи. III 126

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. Б. Петровъ. Новая книга о Шатобрианѣ 146

И. А. Ивановскій. Баронъ С. А. Корфъ. Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1765—1865 г. С.-Пб. 1906 166

Н. С. Суворовъ. С. Смирновъ. Духовный отецъ въ древней восточной церкви (Исторія духовничества на Востоцѣ). Ч. I. Сергіевъ Посадъ. 1906 170

П. А. Заболотскій. Славянскіе отзывы о русской литературѣ 180

В. В. Варнеке. *Ivo Bruns. Vorträge und Aufsätze.* München. 1905 187

— Книжныя новости 201

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Н. П. Остроумовъ. Мадрамы въ Туркестанскомъ краѣ 1

В. И. Фармаковскій. Общегерманскій учительскій съѣздъ и педагогическая выставка въ Мюнхенѣ. IV—VI (окончаніе). 59

А. Д. Вейсманъ. Народный университетъ въ Англіи 92

См. 3-ю стр. обложки.

Содержаніе
НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ VII
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(январь и февраль 1907 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

**ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ
СЕНАТУ.**

	Стран.
1. (1-го декабря 1906 года)	3
2. (1-го января 1907 года)	25
3. (1-го января 1907 года)	—

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (6-го октября 1906 года). Объ учрежденіи при Переславль-Залесской женской гимназій стипендіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени	25
2. (12-го октября 1906 года). О подчиненіи инородческихъ начальныхъ училищъ вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ	26

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(11-го ноября 1906 года, № 82)	3
(18-го ноября 1906 года, № 84)	7

	Стран.
(25-го ноября 1906 года, № 85)	8
(1-го декабря 1906 года, № 88)	11
(1-го декабря 1906 года, № 88)	26
(9-го декабря 1906 года, № 90)	29
(16-го декабря 1906 года, № 91)	34
(22-го декабря 1906 года, № 92)	37
(30-го декабря 1906 года, № 93)	40

ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ ПО ВЪДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(24-го ноября 1906 года, № 85)	11
(1-го января 1907 года, № 1)	40

ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (12-го ноября 1906 года, № 23581). О порядке допущенія лицъ женскаго пола къ преподаванію въ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	12
2. (15-го ноября 1906 года, № 23696). О воспрещеніи сходокъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	85
3. (9-го декабря 1906 года, № 25331). О размѣрахъ вознагражденія преподавателей чистописанія въ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ	86
4. (20-го декабря 1906 года, № 26157). По вопросу о томъ, въ какомъ объемѣ должно быть производимо испытаніе по естественнѣднію ученикамъ VI класса реальныхъ училищъ	87
5. (20-го декабря 1906 года, № 26158). Объ отнѣннѣ въ реальныхъ училищахъ выпускнаго испытанія по географіи	88

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. . . . . 12 и 88

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ . . . . . 15 и 92

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ. 94

СПИСОКЪ КНИГЪ, РАВНОТЪРННЫХЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ И ПРИЗНАННЫХЪ ЗАСЛУЖИВАЮЩИМИ ВНИМАНІЯ ПРИ ПОПОЛНЕНІИ БЕСПЛАТНЫХЪ НАРОДНЫХЪ ЧИТАЛЕНЪ И БИБЛИОТЕКЪ . . . . . 17 и 95

ПРОГРАММА МАТЕМАТИКИ ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО КЛАССА РЕАЛЬНЫХ УЧИЛИЩЪ.	19
---	----

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Н. М. Вубновъ. Абагъ и Бозцій	1 и 296
Баронъ А. Э. Нольде. Забытая попытка кодификаціи литовско-польскаго права при графѣ Сперанскомъ. (окончаніе)	34 и 234
Г. Н. Шмелевъ. Соборъ-вотчинникъ	65 и 205
Н. И. Квачала. Оома Кампацелла. II	110
Л. Ю. Шенелевичъ. Историколитературная дѣятельность Кардуччи. III.	126
П. А. Заболотскій. О русской стругѣ въ славянскихъ литературныхъ XIX вѣка	266
Н. Г. Дебольскій. О непосредственномъ знаніи	317
В. Ф. Лазурскій. Англійская журналистика XVII вѣка. II	341

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. К. Петровъ. Новая книга о Шатобрианѣ	146
И. А. Ивановскій. Баронъ С. А. Корфъ. Дворянство и его словенное управленіе за столѣтіе 1762—1855 г. С.-Пб. 1906	165
Н. С. Суворовъ. С. Смирновъ. Духовный отецъ въ древней восточной церкви (Исторія духовничества на Востока). Ч. I. Сергіевъ Посадъ. 1906	170
П. А. Заболотскій. Славянскіе отзывы о русской литературѣ	180
В. В. Варнеке. <i>Ivo Bruns. Vorträge und Aufsätze.</i> München 1905.	187
Н. С. Суворовъ. В. Бочкаревъ. Историко-каноническіе очерки. Южновъ 1906	360
К. Г. Вобльиъ. <i>G. Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Theil I—II.</i> Leipzig 1900—1904	365
П. А. Заболотскій. <i>D-r Iov. Karánek. Slavische Literaturgeschichte.</i> Leipzig 1906	384
Н. О. Лернеръ. Сочиненія Пушкина. Порениска. Томъ I. С.-Пб. 1906	390
А. И. Томсонъ. Л. Морозовецъ. Основные звуки человѣческой рѣчи и универсальный алфавитъ. М. 1906	396
Н. П. Кондаковъ. <i>Мульосъ, Аит.</i> Византійское искусство на выставкѣ въ Гротта-Феррата. Римъ. 1906	408
— Книжныя повести	201 и 415

ОТДѢЛЪ ПО ПАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Н. П. Остроумовъ. Мадрасы въ Туркестанскомъ краѣ	1
--	---

В. И. Фармаковскій. Общегерманскій учительскій съездъ и педагогическая выставка въ Мюнхенѣ. IV—VI (окончаніе)	59
А. Д. Вейсманъ. Народный университетъ въ Англии	92
А. И. Анастасіевъ. Новая начальная школа	129
В. И. Фармаковскій. Королевская земская бібліотека въ Писбаденѣ	182
О. Д. Англіискій билль по народному образованію 1906 года	191
Н. Н. Виноградовъ. Начальное образованіе въ Якутской области и мѣры къ его упорядоченію	196

Отзывы о книгахъ:

П. А. Потѣхнѣ. Изданіи постоянной комиссін народныхъ чтеній: А. Н. Канасъ. Чужое добро въ прокъ не идетъ	120
О. Д. Хвольсонъ. К. Гутковский. Ученіе о теплотѣ въ связи съ вопросомъ о строеніи вещества	122
О. Д. О. П. Герасимовъ. Изъ записной книжки	125
П. В. Котурницкій. В. Л. Гебель. Элементарный курсъ теоретической механики	203
И. А. Ивановскій. Уставы о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ	217
И. А. Ивановскій. В. Я. Крюковский и Н. Н. Товстотсъ. Учебникъ законовѣднія	—
В. В. Сиповскій. А. Заринъ. Князь Теряевъ Распояхинъ	222
В. В. Сиповскій. Л. А. Чарская. Газавать, тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу	224
И. О. Анпенскій. Н. Н. Потапенко. Сочиненія	225
В. М. Шимкевичъ и В. И. Палладинъ. Книга природы М. 1899—1901	233
В. И. Модестовъ и И. И. Холодиякъ. Запѣтки	236
— Книжныя новости	126 и 239

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТТОНИСЬ.

В. М. Истринъ. Новая программа курса русской словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (окончаніе)	1
С. Л. Стенановъ. Обзорніе проектовъ реформы средней школы въ Россіи, преимущественно въ послѣднее шестилѣтіе (1899—1905 гг.)	34 и 73
П. П. Коудаковъ. В. В. Стасовъ (некрологъ)	51
А. Д. Романовъ. Соціальныя музеи въ Парижѣ	123
П. Д. Чечулинъ. Н. П. Барсуковъ (некрологъ)	134

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

В. К. Мальмбергъ. Этюды по древне-греческой вазовой живописи (<i>продолженіе</i>)	1
И. В. Нетушилъ. Первый римскій диктаторъ (<i>окончаніе</i>)	20 и 64
М. М. Покровскій. Очерки по римской исторіи и литературѣ	43

ОЗЪЯВЛЕНІЯ	1- 3
----------------------	------

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ДОБРОЕ ДѢЛО“

(Комиссіонеръ Земствъ и Школъ)

Книжные магазины и складъ. С.-Петербургъ, Бассейная, 4.

Составляетъ народ., земск., школ. и др. бібліотеки. Частные заказы, также налож. платежомъ. Избр. народныя и дѣтск. книги. Изд. «Посредника», Комисс. Нар. Чтеній, Комит. Грамот., Книж. за Книжкой, Донск. Рѣчи, Читалы. Нар. Школы и мног. другихъ. Трезвость, вегетаріанство, воспитаніе. Свои изданія. Всѣ учебники. Учебныя пособія по заказу. Складъ соч. Л. Н. Толстого. Подписка на всѣ газ. и журналы по ред. цѣнамъ.

Земствамъ и школамъ уступка 15%.

Просьба содѣйствовать общему дѣлу—народному образованію.

Л. Л. Толстой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 Г.

НА

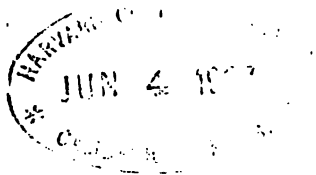
„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ“

И НА

„ИЗВѢСТІЯ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ“.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ,

данные правительствующему сенату.

1. (1-го декабря 1906 года). „Члену консультации, при министерствѣ юстиціи учрежденной, товарищу оберъ-прокурора перваго департамента правительствующаго сената, дѣйствительному статскому совѣтнику *Блюстину*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ его членомъ названной консультации“.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ поручить временно исполненіе обязанностей по вакантной должности одного изъ двухъ товарищей министра народнаго просвѣщенія члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику *Блюстину*, съ правомъ присутствованія въ государственномъ совѣтѣ, совѣтѣ министровъ и правительствующемъ сенатѣ.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(11-го ноября 1906 года, № 82). *Назначается* экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ зоологіи, коллежскій совѣтникъ *Головинъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ зоологіи.

Утверждается коммерціи совѣтникъ *Бутинъ* — почетнымъ попе-

чителемъ Нерчинскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года.

Перемѣщается исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета, по кафедрѣ полицейскаго права, магистръ уголовного права, коллежскій совѣтникъ *Михайловскій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философій права.

Уволяется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Явутскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Сабуровъ*, съ 1-го октября, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Уволеннаго отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскаго совѣтника князя *Тенишевска*—считать уволеннымъ отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, съ 12-го октября.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: исправляющій должность профессора Императорскаго Московскаго техническаго училища, магистръ физики *Щемелевъ*—съ 15-го января 1901 г. и исправляющій должность адъюнкты-профессора того же училища *Павловъ*—съ 1-го ноября 1901 г.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: старшій помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета *Калиновскій*—съ 4-го октября 1899 г.; учителя реальныхъ училищъ: Московскаго, *Феннеръ*—съ 1-го октября 1905 г., частнаго Мазинга, въ Москвѣ, *Куце*—съ 10-го марта 1906 г.; преподаватель специальныхъ предметовъ мануфактурно-ремесленнаго училища товарищества Прохоровской трехгорной мануфактуры *Разинъ*—съ 11-го августа 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи *Мещенцевъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; прозекторы Императорскаго Московскаго университета, при кафедрахъ: оперативной хирургіи, докторъ медицины *Волынецъ*—съ 28-го мая 1905 г., описательной анатоміи, *Стопницкій*—съ 31-го мая 1905 г.; сверхштатные ассистенты того же университета: при общей клинической амбулаторіи имени В. А. Алексѣевой, *Кабановъ*—съ 10-го августа 1905 г., при торакалгическомъ отдѣленіи клиникъ, *Егоровъ*—съ 11-го мая 1905 г.; преподаватель писчебумажнаго производства Императорскаго Московскаго техниче-

скаго училища *Жеребовъ*—съ 14-го іюня 1906 г.; лаборантъ Императорскаго Московскаго университета при кафедрахъ: фармакологіи и фармаціи *Кейзеръ*—съ 18-го января 1906 г.; помощникъ прозектора того же университета при кафедрѣ описательной анатоміи *Грейлихъ*—съ 12-го февраля 1905 г.; помощникъ инспектора студентовъ того же университета *Никифоровъ*—съ 24-го августа 1905 г.; лаборантъ по кафедрѣ химической технологии красильныхъ веществъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Виноградовъ*—съ 5-го февраля 1906 г.; учителя: Московской 10-й гимназіи, *Вюлгеръ*—съ 27-го марта 1906 г. и Скопинскаго реальнаго училища (бывшій, выгнъ въ отставку), *Думанъ*—съ 15-го марта 1902 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные советники*: сверхштатные ассистенты Императорскаго Московскаго университета: *Емельяновъ* и *Николаевъ*, оба—съ 19-го сентября 1904 г., *Смугукинъ*—съ 21-го марта 1905 г., *Соболевъ*—съ 1-го февраля 1905 г., *Гайчманъ* и *Покровскій*, оба—съ 7-го мая 1905 г., *Небартъ*—съ 26-го октября 1905 г. и *Утиловъ*—съ 20 декабря 1904 г.; приватъ-доцентъ и сверхштатный лаборантъ того же университета при кафедрѣ физиологіи *Шатерниковъ*—съ 13-го мая 1904 г.; помощники прозектора при кафедрахъ: оперативной хирургіи и топографической анатоміи, *Старковъ*—съ 3-го февраля 1905 г. и судебной медицины, *Заборовскій*—съ 9-го ноября 1904 г.; помощникъ инспектора студентовъ того же университета *Григорьевъ*—съ 28-го іюня 1902 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя *Розановъ*—съ 21-го іюля 1906 г.; преподаватели: Московской 6-й гимназіи, *Дмитріевъ*—съ 1-го сентября 1904 г., Московской 10-й (сверхштатный), *Слудскій*—съ 18-го января 1905 г., Московскаго Петропавловскаго мужскаго училища: *Ватеръ*—съ 27-го февраля 1905 г., *Волковъ* и *Симоновъ*, оба—съ 1-го октября 1904 г., реальныхъ училищъ: Московскаго, *Проптеръ*—съ 23-го марта 1904 г., Ливенскаго, *Стеблевъ*—съ 28-го іюня 1905 г., Московскаго, *Толстовъ*—съ 7-го ноября 1905 г., частнаго Воскресенскаго (сверхштатный), *Росинскій*—съ 22-го марта 1905 г.; преподаватели Комиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ: *Еншерловъ*—съ 18-го августа 1905 г. и *Лопатинъ*—съ 31-го августа 1905 г., Брянскаго средняго семикласснаго техническаго училища, *Бакинъ*—съ 25-го августа 1905 г.; наставникъ Алферовской учительской семинаріи *Духовницкій*—съ 16-го сентября 1905 г.; учитель-инспекторъ 1-го Брянскаго городского училища *Головачевъ*—съ 10-го марта 1904 г.; преподаватель Петропавловской женской гимназіи, въ Москвѣ, *Герольдштейнъ*—съ 28-го октября

1904 г.; учитель Трубчевскаго городского училища *Мухинъ* — съ 1-го августа 1905 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: сверхштатные ассистенты клиникъ Императорскаго Московскаго университета: дѣтскихъ болѣзней: *Раръ* — съ 18-го сентября 1903 г. и *Стеранскій* — съ 13-го сентября 1903 г., нервныхъ болѣзней, *Ивановъ* (Николай) — съ 12-го декабря 1901 г., при кафедрѣ физиологіи, *Юдинъ* — съ 18-го апрѣля 1902 г., при терапевтическомъ отдѣленіи, *Кожевниковъ* — съ 21-го июня 1900 г., при кафедрѣ хирургической патологіи, *Щелканъ* — съ 7-го августа 1901 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго технического училища *Каптеревъ* — съ 6-го марта 1906 г.; главный надзиратель пансіона гимназическихъ классовъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая *Боголюбовъ* — съ 15-го апрѣля 1906 г.; сверхштатные ассистенты Императорскаго Московскаго университета: при кафедрѣ геологіи, *Боголюбовъ* — съ 21-го мая 1905 г. и при зоологическомъ музеѣ, *Беккеръ* — съ 22-го декабря 1904 г.; сверхштатные лаборанты того же университета: *Савостьяновъ* — съ 29-го мая 1903 г., *Мактевъ* — съ 29-го января 1903 г., *Наумовъ* — съ 7-го февраля 1905 г., *Шиловъ* — съ 22-го сентября 1905 г.; того же университета: сверхштатный помощникъ прозектора *Ивановъ* (Василій) — съ 16-го марта 1903 г., приватъ-доцентъ и сверхштатный лаборантъ *Строгановъ* и приватъ-доцентъ и сверхштатный ассистентъ *Житковъ*, оба — съ 7-го февраля 1905 г.; секретарь правленія *Кезельманъ* — со 2-го марта 1903 г.; бухгалтеръ канцеляріи попечителя *Фейстъ* — съ 20-го сентября 1906 г.; помощникъ столоначальника той же канцеляріи *Истоминъ* — съ 9-го июня 1905 г.; преподаватель Комиссаровскаго технического училища въ Москвѣ *Блокъ* — съ 19-го мая 1906 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московской 5-й гимназіи *Соколовъ* — съ 1-го июня 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: помощники инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго технического училища: *Смирновъ* и *Славскій*, оба — съ 6-го марта 1906 г.; сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета *Елматьевскій* — съ 28-го февраля 1905 г.; сверхштатные лаборанты того же университета: *Курсановъ* — съ 31-го іюля 1905 г. и *Колли* — съ 25-го февраля 1905 г.; сверхштатный помощникъ прозектора того же университета *Цѣликовъ* — съ 29-го марта 1905 г.; помощникъ смотрителя Императорской Екатерининской больницы *Урановъ* — съ 1-го іюня 1906 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московской 10-й гимназіи *Назаровъ* — съ 15-го сентября 1904 г.; учитель приготовительной

школы при Московской гимназіи имени И. и А. Медвѣдниковыхъ *Синьковскій*—съ 1-го августа 1905 г.; изъ губернскихъ въ *коллегскіе секретари*: экономъ-экзекуторъ клиникъ Императорскаго Московскаго университета *Дмитріевъ*—съ 21-го мая 1905 г.; учитель реальнаго училища Полякова, въ Москвѣ, *Доброхотовъ*—съ 26-го августа 1903 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Барановъ*—съ 1-го октября 1905 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, учитель 1-го Брянскаго приходскаго училища *Никольскій*—съ 17-го декабря 1904 г.; въ *коллегскіе регистраторы*: учителя приходскихъ училищъ: 1-го Брянскаго, *Преображенскій*—съ 24-го ноября 1904 г. и Ливенскаго, *Пинковъ*—съ 1-го октября 1905 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго ассессора: учителя: гимназическихъ классовъ Императорскаго лиція въ память Цесаревича Николая *Линдэ*—съ 1-го мая 1902 г., Рославльской мужской прогимназіи, *Приваловъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Московскаго реальнаго училища, *Дудинъ*—съ 22-го января 1902 г., частной женской гимназіи Щепотьевой, въ Москвѣ, *Сыроновъ*—съ 21-го сентября 1902 г., преподаватели: Московской гимназіи имени И. и А. Медвѣдниковыхъ, коллежскій секретарь *Райковъ*—съ 1-го сентября 1901 г. и Скопинскаго реальнаго училища, *Азаръ*—съ 1-го іюля 1900 г.; воспитатель Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта московскаго дворянства, коллежскій секретарь *Павловъ*—съ 26-го октября 1901 г.; *титულлярнаго совѣтника*, врачъ частной женской гимназіи Алферовой въ Москвѣ, *Францовъ*—съ 21-го марта 1902 г., по степени лекаря; *коллегскаго секретаря*: помощникъ классныхъ наставниковъ Московской 3-й гимназіи *Смирновъ*—съ 25-го марта 1902 г.; учителя городскихъ училищъ: Болховскаго, *Алфеевъ*—съ 1-го октября 1900 г. и 2-го Брянскаго, *Петровъ*—съ 21-го августа 1901 г.; *губернскаго секретаря*, учитель начальной школы при Московскомъ Петропавловскомъ училищѣ *Зеебодэ*—съ 13-го мая 1902 г.

(18-го ноября 1906 года, № 84). По Оренбургскому учебному округу. *Производятся за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи, *Борисовъ*—съ 1-го ноября 1904 г.; преподаватель Пермской гимназіи *Ванель*—съ 1-го августа 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллегскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Орско-Верхне-Уральскаго района, Оренбургской губерніи, *Лаижаревъ*—съ 1-го мая 1902 г.; преподаватели: Екатеринбург-

бургской гимназіи, *Пенюжковичъ*—съ 10-го марта 1906 г., Оренбургской гимназіи, *Носковъ*—съ 14-го октября 1905 г., Оренбургской киргизской учительской школы, *Завьяловъ*—съ 23-го іюня 1906 г., Уфимскаго реального училища, *Литвиненко*—съ 1-го іюля 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: преподаватель Нижне-Тагильскаго горнозаводскаго училища *Маковский*—съ 1-го іюля 1903 г.; учитель Екатеринбургскаго 1-го городского училища *Шаминъ*—съ 15-го февраля 1906 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Пермской мужской гимназіи *Поповъ*—съ 18-го февраля 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: врачъ Нижне-Тагильскаго горнозаводскаго училища *Петровъ*—съ 21-го ноября 1879 г., столоначальникъ канцеляріи попечителя *Горбуновъ*—съ 6-го сентября 1906 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора, Камбарской школы ремесленныхъ учениковъ *Яркинъ*—съ 10-го ноября 1899 г.; учителя: Шадринскаго городского училища, *Кондюринъ*—съ 15-го февраля 1905 г., Нижне-Тагильскаго городского училища, *Кузнецовъ*—съ 15-го августа 1905 г.; завѣдывающій Чердынскою мужскою низшей ремесленной школою *Крочикъ*—съ 27-го августа 1903 г.; надзиратель Оренбургской киргизской учительской школы *Гумилевскій*—съ 21-го іюня 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: преподаватель Ирбитской женской гимназіи *Маврицкій*—съ 15-го марта 1905 г.; учителя: Мензелинскаго городского училища, *Халитовъ*—съ 1-го іюля 1902 г. и *Василовъ*—съ 12-го ноября 1902 г., Камышловскаго городского училища, *Сыромятниковъ*—съ 1-го ноября 1901 г., Екатеринбургскаго 1-го городского училища, *Устиновъ*—съ 15-го іюля 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя: завѣдывающій Челябинскимъ 5-мъ приходскимъ училищемъ, *Щуმიловъ*—съ 1-го августа 1904 г., мужскихъ приходскихъ училищъ: Кунгурскаго 1-го, *Тимофьевъ*—съ 12-го сентября 1904 г., Челябинскаго 2-го (завѣдывающій), *Лоротовскихъ*—съ 1-го августа 1904 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, инспекторъ народныхъ училищъ 1-го района Тургайской области *Гьяляевъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; *коллежскаго ассессора*, преподаватели: Уфимскаго реального училища: *Завьяловъ*—съ 1-го сентября 1902 г. и *Порубальскій*—съ 1-го сентября 1899 г., Оренбургской гимназіи, *Кистанъ*—съ 14-го февраля 1901 г., Красно-Уфимскаго промышленнаго училища, *Мурзаевъ*—съ 1-го марта 1902 г.

(25-го ноября 1906 года, № 86). Опредѣляется на службу, изъ отставныхъ, инженеръ-технологъ, коллежскій совѣтникъ *Тиръ*—адъютентъ-

профессоромъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, по прикладной механикѣ и теоріи построенія машинъ.

Опредѣляется на службу, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 2-й степени *Катаржи*—съ утвержденіемъ почетнымъ попечителемъ Бѣлѣцкой гимназіи, согласно избранію, на три года.

Назначаются: директоръ народныхъ училищъ Подольской губерніи, статскій совѣтникъ *Сазоновъ*—начальникомъ Ломжинской учебной дирекціи; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета, магистръ физики *Ульмигъ*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора того же университета, по кафедрѣ физики и физической географіи; инспекторы: народныхъ училищъ Троицкосавскаго и Селегинскаго уѣздовъ, Забайкальской области, статскій совѣтникъ *Поповъ* и Харьковской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Гоуитыккій* и преподаватель Бѣлгородскаго учительскаго института, коллежскій совѣтникъ *Войтиловичъ*—директорами: первый—народныхъ училищъ Забайкальской области, второй—Азовской шестиклассной прогимназіи, а послѣдній—Новочеркасской учительской семинаріи.

Утверждаются: сенаторъ, шталмейстеръ Высочайшаго двора *Брянчаниновъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тереженко* и статскій совѣтникъ *Викторовъ*—почетными попечителями: первый—вновь Зарайскаго реальнаго училища, съ оставленіемъ его сенаторомъ и шталмейстеромъ, второй—вновь Глуховской гимназіи, а послѣдній—Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища, всѣ—согласно избранію, на три года, изъ нихъ Викторовъ—съ 26-го сентября.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, ординарный профессоръ Варшавскаго политехническаго института Императора Николая II, инженеръ-технологъ, статскій совѣтникъ *Красускій*—профессоромъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, по химической технологіи.

Переменяются: начальники учебныхъ дирекцій: Ломжинской, статскій совѣтникъ *Аванасевъ* и Кѣлѣцкой, статскій совѣтникъ *Токаревъ*—начальниками учебныхъ дирекцій: первый—Кѣлѣцкой, а второй—Варшавской.

Увольняются отъ службы: за выслугою срока: директоръ Новочеркасской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Макаревичъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно проше-

ніямъ: инспекторъ студентовъ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Борзакоскій*, съ 12-го октября, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; директоръ Понозыбковскаго реальнаго училища и состоящаго при немъ средняго сельско-хозяйственно-техническаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Исаитъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Азовской шести-классной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Стефановскій*, съ 12-го сентября.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ астрономіи *Красновъ*—съ 1-го января 1906 г.; директора: С.-Петербургской шестой гимназіи, *Зоренбургей*—съ 1-го сентября 1906 г. и гимназіи и реальнаго училища доктора Видемана въ С.-Петербургѣ, *Шмидтъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; экстраординарные профессора: Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ русской словесности *Михайловъ*—съ 17-го іюня 1906 г. и Демидовскаго юридическаго лица, магистръ богословія *Темниковскій*—съ 5-го октября 1905 г. и причисленный къ министерству *Зворыкинъ*—съ 7-го января 1906 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: директоръ Псковской учительской семинаріи *Закусевъ*—съ 1-го августа 1906 г.; экстраординарные профессора: Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ славянской филологіи *Францевъ*—съ 21-го апрѣля 1906 г., и Императорскаго Московскаго университета, докторъ зоологіи *Кожесниковъ*—съ 20-го марта 1903 г., преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института *Видеманъ*—съ 1-го сентября 1906 г. и причисленный къ министерству *Копиновичъ*—съ 20-го августа 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: магистръ уголовного права *Демченко*—съ 1-го августа 1900 г. и магистръ гражданского права *Треницынъ*—съ 31-го августа 1901 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари, причисленный къ министерству *Леонтьевъ*—съ 24-го сентября 1906 г.

Утверждаются въ чинъ статскаго совѣтника со старшинствомъ: ординарные профессора Императорскаго Московскаго университета: докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, коллежскій совѣтникъ *Поржезинскій*—съ 9-го декабря 1905 г. и докторъ политической экономіи,

коллежскій совѣтникъ *Каблуковъ*—съ 23-го декабря 1905 г.; директоръ С.-Петербургской первой гимназіи, надворный совѣтникъ *Погодинъ*—съ 1-го сентября 1897 г.

Переименовывается въ коллежскіе секретари, со старшинствомъ, причисленный къ министерству, отставной корнетъ арміи *Аверьяновъ*—съ 17-го іюня 1906 г.

Отдается старшинство въ чинѣ *надворнаго совѣтника*, причисленному къ министерству фонъ-*Дервизу*—съ 21-го февраля 1904 г.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, въ коллежскіе регистраторы, со старшинствомъ, экономъ С.-Петербургской 3-й гимназіи *Станжуловичъ*—съ 5-го октября 1906 г.

(1-го декабря 1906 года, № 88). *Назначаются*: членъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, товарищъ оберъ-прокурора перваго департамента правительствующаго сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Блюстинъ*—членомъ совѣта министра, съ оставленіемъ его членомъ названной консультаціи; инспекторъ Черниговской гимназіи, статскій совѣтникъ *Комиссаржевскій*—директоромъ Велико-Сорочинской учительской семинаріи.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(24-го ноября 1906 года, № 85). По Императорскому клиническому институту великой княгини Елены Павловны. *Награждаются* орденами: *св. равноапостольнаго кн. Владимира 4-й степени*, сверхштатный ассистентъ, коллежскій совѣтникъ *Николай Штилицъ*.

Св. Анны 2-й степени, членъ попечительнаго комитета, консультантъ и почетный профессоръ, статскій совѣтникъ *Іосифъ Земацкій*.

Св. Станислава 2-й степени, консультантъ и почетный профессоръ, статскій совѣтникъ *Василій Окуневъ*.

Св. Станислава 3-й степени, письменоводитель, губернский секретарь *Онуфрій Терпиловскій*.

IV. ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (12-го ноября 1906 года, № 23581). *О порядкѣ допущенія лицъ женскаго пола къ преподаванію въ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Въ циркулярныхъ предложеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 29-го августа и 12-го октября сего года, за №№ 17236 и 21060, вашему превосходительству было сообщено къ исполненію о восполѣдовавшихъ 26-го августа и 7-го октября сего же года Высочайшихъ повелѣнійхъ касательно допущенія лицъ женскаго пола, съ высшимъ образованіемъ, къ преподаванію учебныхъ предметовъ въ младшихъ классахъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также лицъ женскаго пола, обладающихъ надлежащими познаніями въ новыхъ языкахъ, къ преподаванію сихъ языковъ въ старшихъ классахъ тѣхъ же учебныхъ заведеній.

Въ дополненіе къ сямъ предложеніямъ, считаю нужнымъ васъ увѣдомить, что какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ упомянутыми Высочайшими повелѣніями, такъ и въ случаяхъ, имѣвшихся въ виду Высочайшими повелѣніями 25-го и 29-го сентября 1901 года относительно предоставленія лицамъ женскаго пола права преподавать новые языки въ младшихъ классахъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно всѣ учебныя предметы и новые языки въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій, допущеніе означенныхъ лицъ къ преподаванію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, при условіи точнаго исполненія требованій, указанныхъ въ перечисленныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, должно происходить по распоряженію учебно-окружнаго начальства, безъ представленія дѣла на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Стефановскій, И. Н.* Учебный курсъ теоріи словесности. 3-е испр. изданіе, бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1906. Стр. 113. Цѣна 75 коп.“

— „*Fleischhut, Berta.* 1) Mein deutsches Buch. Lehrbuch der deutschen Sprache. 14—20. Tausend. St. Pbg. Стр. VII+240. Цѣна въ перепл. 90 коп. — 2) Wörterbuch. St. Pbg. 1906. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Акимовъ, В.* 1) Систематическій курсъ элементарнаго черченія. а) Атласъ. 57 чертежей на 32 табл.—б) Текстъ. Объясненіе къ построенію чертежей. Стр. 64.—2) Какъ обращаться съ чертежными инструментами. Практическое руководство для начинающихъ. Стр. 24. Изданіе Г. В. Гольстена. С.-Пб. 1906. Цѣна атласа и 2 брошюръ 2 р. 25 коп.“ (для реальныхъ училищъ, въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Дадкинъ, И. М.* Полная этимологія русскаго языка. Вильна. 1906. Стр. III+161. Цѣна 60 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Dohne, Friedrich.* Theoretisch-praktisches Rechenbuch. II Teil. Verlag von W. Mellin & Co. Riga. 1907. 144 S. Preis geb. 60 Kop.“ (для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія).

— „*Полivanовъ, Левъ.* Русская хрестоматія. Часть III. Книга 2-я, для употребленія при изученіи теоріи поэзіи. Съ приложеніемъ теоріи поэзіи. Изданіе 7-е. М. 1906. Стр. XXXV+316+136. Цѣна 1 р. 10 коп.“

— „*Slevogt, S. J.* Kira. Eine Erzählung. 2-te verbesserte Auflage. Verlag der Buchhandlung „Sotrudnik schkol“. М. 1906. Стр. 86. Цѣна 35 коп.“ (для двухъ младшихъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Трачевская, А., и С. Калунъ.* Таблицы по зоологіи съ объяснительнымъ текстомъ. Вып. 2-й I серіи. Таблицы XI—XIX. С.-Пб. 1905. Цѣна 60 коп. за таблицу.“ (въ качествѣ класснаго пособія, также для низшихъ учебныхъ заведеній).

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Коварожикъ, Ф.* Арифметика. Полтава. 1906. Стр. VIII+229. Цѣна въ перепл. 90 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи учебныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Атласъ плодовъ.* Сочиненіе, составленное подъ общей ред. *А. С. Гребницкаго.* Изданіе Императорскаго Русскаго Общества плодоводства. Вып. IV. С.-Пб. 1906. Стр. XXIII+(431—589). Цѣна 6 руб.“

— „*Дилевская, Н.* Черноморскія степи. (Геогр. комиссія при учебномъ отдѣлѣ общ. распростр. технич. знаній). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 127. Цѣна 40 коп.“

— „*Карлейль, Томасъ.* Теперь и прежде. Переводъ съ англ. *Н. Горбова.* М. 1906. Стр. XXII+450. Цѣна 3 р.“

— „*Костинскій, С. Ф. А.* Бредихинъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Изданіе журн. „Физикъ - любитель“. Николаевъ 1905. Стр. 25.“

— „Любитель природы. Журналъ, издаваемый подъ ред. *И. И. Мамонтова.* С.-Пб. Подписная цѣна за полугодіе 2 р.“

— „Обзоры по физикѣ за 1906 годъ. (Январь—іюнь). Редакція *В. К. Лебединскаго.* Изданіе физическаго отдѣленія русскаго физико-химическаго общества. С.-Пб. 1906. Стр. 80. Цѣна 75 коп.“

— „*Портъикій, С. А.* Зеленый міръ. Босѣды о жизни растенія. (Библиотека для дѣтей и юношества подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.*) М. 1903. Стр. 165. Цѣна 90 коп., въ пакѣ 1 р. 10 коп.“

— „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій ¹⁾). Собраніе портретовъ русскихъ людей эпохи царствованій Императрицы Екатерины II, Императоровъ Павла I и Александра I (1762—1825). Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Томъ I, вып. 1—4. С.-Пб. 1905. 100 таблицъ.—Томъ II, вып. 1—3. С.-Пб. 1906. 75 табл. Подписная цѣна за томъ въ 4 выпуска 50 руб., для учебныхъ заведеній—35 р.“ (также по подпискѣ на будущее время).

— „Соловьевъ, К. Н. Родное село. (Бытъ, нравы, обычаи и повѣрья). С.-Пб. 1906. Стр. 318.“

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ власному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Билоха, П.* Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Переработалъ *А. Соколовъ*. Изд. 38-е, В. В. Думнова. М. 1906. Стр. 178. Цѣна 70 коп.“ (для городск., по Положенію 1872 г., учил.).

— „*Корханиди, П.* Живое слово. Часть I. Азбука. Изд. 4-е. Тифлисъ. 1906. (Учебникъ русскаго языка по наглядно-переводному методу для греческихъ училищъ).—То же для армянскихъ училищъ.—То же для грузинскихъ училищъ. Стр. 110+1 табл. Цѣна каждой кн. 25 коп.“

— „*Корханиди, П. М.* Живое слово. Часть II. Первая книга для чтенія дома и въ школь. Изд. 4-е. Тифлисъ. 1906. Стр. 174+II. Цѣна 35 коп.“

— „*Корханиди, П.* Начальная русская хрестоматія (съ элемен-

¹⁾ Ученымъ комитетомъ признаны заслуживающими особой рекомендаціи.

тарной русской грамматикой). Часть I. Изд. 5-е. Тифлисъ 1906. Стр. 440+VI. Цѣна 70 коп.“ (также для младшихъ классовъ среднихъ уч. зав., въ качествѣ пособія).

— „Новая народная школа. Первый послѣ буквара книга для класснаго чтенія. Составлена кружкомъ учителей подъ ред. *Г. Борисова* и *Н. Лаврова*. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1907. Стр. 158. Цѣна 30 коп.“

— „*Плетневъ, И.* Учебникъ всеобщей географіи. 8-е испр. изд., М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1906. Стр. 185. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ, по Положенію 1872 г., учил.).

— „*Плетневъ, И.* Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. Курсъ III и IV года обученія. 8-е изд., М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1906. Стр. 99. Цѣна 50 коп.“

— „*Сивеловъ, М.* Пособіе при обученіи чистописанію. Прописи русскія. Изд. 6-е, А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. IV+20 табл. Цѣна 20 коп.“

— „*Сатаровъ, В. Н.* Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изд. 4-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 72+1 карта. Цѣна 15 коп.“

— „*Флеровъ, А.* Дѣтскій другъ. Первая послѣ буквара книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ и для домашняго обученія. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1906. Стр. 173+3. Цѣна 35 коп.“

— „*Флеровъ, Всев.* Новый русскій букварь для обученія чтенію и письму. Изд. М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1906. Стр. 79. Цѣна 15 коп.“

б) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аксаковъ, С. Т.* 1) Дѣтскіе годы Багрова внука. М. 1900. Цѣна 1 р. 25 коп.—2) Семейная хроника. М. 1898. Цѣна 1 р. 75 коп.—3) Аленскій цвѣточекъ. Сказка. С.-Пб. 1897. Цѣна 10 коп.“

— „*Линдеманъ, К. Э.* О насѣкомыхъ. Изд. К. Тихомирова (Библіотека учебн. книгъ. Отдѣлъ естествознанія). М. 1906. Стр. 127. Цѣна 30 коп.“

— „*Линдеманъ, К. Э.* О червяхъ и ихъ вліяніи на здоровье и жизнь человека и домашнихъ животныхъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1906. Стр. 77. Цѣна 20 коп.“

— „*Павловъ, А.* Природа. Краткій курсъ естествовѣдѣнія. Изд. А. В. Павлова. М. 1906. Часть I. Изд. 2-е, испр. и перераб. Стр. IV+128. Цѣна 50 коп.—Часть II. Стр. IV+245. Цѣна 80 коп.—Часть III. Стр. IV+263. Цѣна 90 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Поливановъ, Левъ.* Первая пчелка, книга для класснаго чтенія въ народныхъ училищахъ. Изд. 13-е. М. 1906. Стр. XIII + 385. Цѣна 55 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе всѣ замѣчанія ученаго комитета).

— „*Сатаровъ, В., и А. Тороповъ.* Родная нива. Книга для чтенія. Изд. 3-е, К. Тихомирова. М. 1906. Стр. 434+IV. Цѣна 85 коп.“ (также для младшихъ классовъ средн. уч. зав., съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Сахаровъ, Ис. II.* Родной міръ. Первая послѣ буквара книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Изд. В. Спиридонова и А. Михайлова. М. 1906. Стр. 198. Цѣна 35 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читальнь и библіотекъ ¹⁾).

— „*Александръ, еп.* Воскресенскій храмъ и его приходъ Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Ставрополь. 1906. Стр. 127. Цѣна 30 коп.“

¹⁾ Въ силу Высочайшаго повелѣнія 2-го декабря 1905 г., бесплатными народными читальнями и библіотекми, въ отношеніи своего книжнаго состава, подчинены общимъ правиламъ о публичныхъ библіотекахъ. Желая однако содѣйствовать завѣдывающимъ народными библіотеками, учрежденными при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также и завѣдующимъ означенными читальнями въ выборѣ подходящихъ книгъ, министер-

— „Думскій, Ф. И. Золотыя слова. Сборникъ проповѣдей русскихъ церковныхъ витій. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1905. Стр. 215. Цѣна 50 коп.“

— „Крюковъ, П. А. Праздники дровонасажденія, какъ ихъ устраивать и какъ заводить посадки. Изд. т-ва П. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“

— „Линдеманъ, К. Э. О настѣкомыхъ. Изд. К. Тихомирова. (Библиот. учебныхъ книгъ. Отдѣлъ естествознанія). М. 1906. Стр. 127. Цѣна 30 коп.“

— „Линдеманъ, К. Э. О червяхъ и ихъ вліяніи на здоровье и жизнь человѣка и домашнихъ животныхъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1906. Стр. 77. Цѣна 20 коп.“

— „Портъикій, С. А. Зеленый міръ. Бесѣды о жизни растенія. (Библиот. для дѣтей и для юношества, подъ ред. И. Горбунова-Посадова). М. 1903. Стр. 165. Цѣна 90 коп., въ папѣ 1 руб. 10 коп.“

— „Русаневичъ, А. Помощь крестьянамъ. Бесѣды съ сельскими хозяевами объ улучшеніяхъ быта крестьянскаго поселенія. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1906. Стр. 48. Цѣна 20 коп.“

— „Фальборкъ, Г., и В. Чарнолускій. Испытанія на званія учителя уѣздн. училища; домашн. учителя; городского учителя; учителя начальныхъ училищъ; инородческихъ начальныхъ училищъ; преподавателя мусульманскаго закона, грузинскаго, армянскаго и татарскаго языковъ; учителя З. Вожія евангелическо-лютеранскаго исповѣданія; учителя рисованія, черченія и чистописанія; учителя церковно-приходскихъ школъ; для занятія магOMETанскихъ духовныхъ должностей; на должности раввиновъ и подраввиновъ; на вольноопредѣляющагося II разряда; на аптекарскаго ученика и на первый классный чинъ. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ во всѣхъ учебныхъ округахъ. Изданіе 3-е, пересм. и доп., тов. «Знаніе». С.-Пб. 1906. Стр. 244. Цѣна 1 руб. 20 коп.“

— „Чуровъ, А. И. Реформы земледѣлія въ Италіи. (Библиот.

ство поручило ученому комитету продолжать дѣятельность по разсмотрѣнію произведеній печати и публиковать списки тѣхъ книгъ, которыя по своему содержанію могутъ быть доступны и полезны, а потому наиболее желательны въ народной библиотекѣ.

Съ такою же цѣлью ученымъ комитетомъ издавъ въ минувшемъ декабрѣ списокъ книгъ, вышедшихъ въ прожиско время, начиная съ 1891 г., въ различныхъ изданіяхъ, признанныхъ наиболее подходящими по своей дѣлѣ и качествамъ.

«Свободная Россія», № 23. Подъ общей ред. *С. П. Меллунова* и *И. М. Шестакова*). Изд. *Е. В. Кожевниковой* и *Е. А. Коломійцевой*. М. 1906. Стр. 52. Цѣна 15 коп.“

— „*Шнейдеръ, В.* Расхищеніе питательныхъ веществъ нашей почвы. С.-Пб. 1906. Стр. 15. Цѣна 25 коп.“

ПРОГРАММА

математики для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ, утвержденная министерствомъ народнаго просвѣщенія и подлежащая введенію въ дѣйствіе, на основаніи циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія отъ 30-го іюня 1906 г. № 12414, съ 1907—1908 учебнаго года.

I. Ариѳметика.

Основные теоремы о дѣлимости чиселъ. Общій наибольшій дѣлитель двухъ цѣлыхъ чиселъ. Рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій 1-ой степени съ двумя неизвѣстными въ числахъ цѣлыхъ и положительныхъ.

II. Алгебра.

Комплексныя числа. Дѣйствія надъ ними: сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе, возвышеніе въ степень (биномъ Ньютона) и извлеченіе квадратнаго корня.

Основные свойства цѣлой функціи и ея корней. Частные случаи: функціи $x^n - a^n$ и функція $ax^{2n} + bx^n + c$.

Постороннія рѣшенія. Изслѣдованіе уравненій 1 степени съ одною неизвѣстною и системы двухъ уравненій 1 степени съ двумя неизвѣстными. Случаи неопредѣленности и несовмѣстности.

III. Тригонометрія.

Тригонометрическія (круговыя) функціи дуги. Измѣненія значеній тригонометрическихъ функцій при измѣненіи дуги (аргумента) отъ $-\infty$ до $+\infty$. Формулы приведенія тригонометрическихъ функцій каковой нѣсть дуги къ тригонометрическимъ функціямъ дуги, заключенной между 0 и $\frac{\pi}{4}$.

Соотношенія между тригонометрическими функциями одной и той же дуги.

Теорема сложения (тригонометрическихъ функций суммы и разности дугъ). Тригонометрические функции кратной дуги и половин дуги.

Представленіе суммы и разности синусовъ и косинусовъ въ видѣ произведеній. Понятіе объ обратныхъ круговыхъ функцияхъ.

Тригонометрическія уравненія.

Неравенства: $\sin x < x < \tan x$ и $0 < x - \sin x < \frac{x^3}{4}$ для дугъ, заключенныхъ между 0 и $\frac{\pi}{2}$, и вытекающая изъ этихъ неравенствъ возможность приближеннаго вычисленія тригонометрическихъ функций.

IV. Основанія аналитической геометріи.

Опредѣленіе положенія точки на плоскости прямоугольными координатами. Расстояніе двухъ точекъ, выраженное въ прямоугольныхъ координатахъ ихъ. Выраженіе прямоугольныхъ координатъ середины прямолинейнаго отрезка черезъ координаты его концовъ.

Прямая. Различныя виды уравненія прямой: 1) уравненіе, рѣшенное относительно одной изъ координатъ; 2) уравненіе, содержащее отрезки осей координатъ; 3) нормальное уравненіе прямой и 4) общее уравненіе 1-ой степени. Уравненіе прямой, проходящей черезъ данную точку. Уравненіе прямой, проходящей черезъ двѣ данныя точки. Координаты точки пересѣченія двухъ данныхъ прямыхъ. Уголъ между двумя прямыми; условія ихъ параллельности и перпендикулярности. Расстояніе точки отъ прямой. Выраженіе площади треугольника.

Перенесеніе начала координатъ.

Кругъ. Его уравненіе въ прямоугольныхъ координатахъ.

Полярныя координаты. Архимедова спираль. Общая идея координатъ и геометрическихъ мѣстъ.

Свѣченія поверхности прямого круговаго конуса плоскостями, не проходящими черезъ вершину. Три типа свѣченій: эллипсъ, парабола, гипербола. Характеристическое свойство ихъ, выражающееся въ постоянствѣ отношенія расстояній каждой точки ихъ отъ фокуса и директрисы. Уравненія въ полярныхъ координатахъ. Уравненія въ прямоугольныхъ координатахъ, отнесенныя къ вершинѣ. Уравненія эллипса и гиперболы, отнесенныя къ центру и ослямъ. Эллипсъ какъ проекція круга. Уравненія эллипса и гиперболы въ биполярныхъ координатахъ. Уравненіе касательной въ данной точкѣ кривой. Диаметры эллипса, гиперболы и параболы.

V. Основанія анализа *безконечно малыхъ*.

Основанія ученія о предѣлахъ. Приложеніе ученія о предѣлахъ къ измѣренію длины окружности, площади круга, поверхностей и объемовъ цилиндра, конуса и шара. Предѣлъ отношенія $\frac{\sin x}{x}$ при стремленіи x къ нулю. Предѣлъ бинома $(1 + \frac{1}{n})^n$ при неограниченномъ возрастаніи n . Натуральная система логарифмовъ. Модуль.

Переменная независимая (аргументъ) и зависимая (функция). Личная и неличная функции. Непрерывное измѣненіе аргумента. Понятіе о непрерывности функции для данного значенія аргумента и для данной области аргумента. Примѣры непрерывныхъ функций; функция ax . Геометрическое представленіе функций.

Понятіе о производной и дифференціалѣ функций. Геометрическое и механическое значеніе производной.

Производныя суммы, разности, произведенія и частнаго.

Производныя и дифференціалъ сложной функции. Производная обратной функции.

Производныя функций: степенной, показательной, логарифмической и тригонометрическихъ.

Геометрическое представленіе свойства непрерывной функции: „если функция непрерывна въ нѣкоторой области аргумента и на границахъ этой области имѣетъ противоположные знаки, то она обращается въ нуль внутри этой области“.

Геометрическое представленіе теоремы Ролля; теорема Лагранжа.

Признаки возрастанія и убыванія функций. Наибольшія и наименьшія значенія функций для данной области аргумента; ихъ разысканіе.

Уравненія касательной и нормали къ данной кривой въ данной точкѣ; касательная къ эллипсу, гиперболѣ и параболѣ.

Понятіе объ опредѣленномъ интегралѣ. Приложеніе къ опредѣленію площадей. Понятіе о неопредѣленномъ интегралѣ.

АБАКЪ И БОЭЦІЙ.

ЛОТАРИНГОКІЙ НАУЧНЫЙ ПОДЛОГЪ XI ВѢКА.

Историко-критическое изслѣдованіе въ области
средневѣковой науки.

(Памяти В. Г. Васильевскаго).

ВВЕДЕНІЕ.

Ученныя чаянія абацистовъ XI вѣка и открытіе желанной геометріи Боэція съ абакомъ въ Лотарингін.

Въ Лотарингін абакомъ занимались особенно много ¹⁾). Это, конечно, не было дѣломъ слѣплого случая. Ужъ не были ли лотарингцы особенно учеными и цивилизованными людьми? Ужъ не процвѣтала ли здѣсь академическая наука болѣе, чѣмъ въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и христіанской Испаніи? Не были ли здѣсь классическія тра-

¹⁾ *Бернелинъ* въ XI столѣтіи пишетъ въ предисловіи своего *Liber abaci* къ своему другу Амелію, который просилъ его изложить „*multiformes abaci rationes*“, слѣдующее: „*Quod si tibi taedium non esset harum fervore Lotharienses expetere, quos in his cum maximo expertus sum florere, et si domini papae regula de his subtilissime scripta tantum sapientissimis non esset reservata, frustra me ad has compelleres scribendas*“ (*Olleris, Oeuvres de Gerbert, Clermont-Ferrand et Paris 1867, p. 357; Виднов, Gerberti Opera Mathem., Berolini, 1899, p. 383, l. 17*). — Здѣсь „*harum*“ и „*his*“—это „*multiformes abaci rationes*“, а „*dominus papa*“ — Гербертъ или Сильвестръ II папа.—Центромъ занятій абакомъ была особенно Льежская школа, которая одна выдвинула дѣльный рядъ извѣстныхъ намъ абацистовъ: *Гертера, Адальболда, Паццона* (см. ниже прим. 17), *Франкона, Радульфа Льежскаго, Ретимболда Кельнскаго*. Изъ нихъ Герригеръ, современникъ Герберта, написалъ объ абакѣ совершенно отъ Герберта независимое сочиненіе, широкое мною восстановленное (*Gerb. Opp. Math. pp. 205 — 221*). Остальные обнаруживаютъ знакомство съ „*multiformes abaci rationes*“, т. е. съ операциями на абакѣ, въ своихъ сочиненіяхъ.

дѣи болѣе живучими, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, и не этимъ ли объясняется неожиданная сохранность абака, котораго, какъ мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ ²⁾, нельзя считать за подарокъ арабской культуры и тѣмъ менѣе за новое самостоятельное изобрѣтеніе? Думаю, что прѣдъ ли все это можно было бы утверждать о Лотырингѣ. Для какихъ цѣлей прибѣгали главнымъ образомъ къ абаку? Если вѣрять утвержденіямъ абакистовъ спеціалистовъ ³⁾ и даже просто образован-

Адальболдъ въ вычисленіяхъ своего письма къ Герберту (Gerb. Opp. Math. pp. 300—309); хотя онъ спеціально объ абакѣ не упоминаетъ, но вычисленія сторонъ геометрическихъ фигуръ, подобныя тѣмъ, которыя онъ производитъ въ письмѣ къ Герберту, Гербертъ пропаводитъ посредствомъ абака (Gerberti geom. с. VI, 3; см. Gerb. Opp. Mathem. p. 85, l. 1). Франконъ, льожскій схоластикъ, хотя и не писалъ спеціального сочиненія объ абакѣ, какъ это, невѣрно толкуя одинъ неясно выраженный пассажъ сочиненія Верпера о Гербертѣ (*Werner, Gerbert von Aurillac, neue Ausg., Wien 1881, p. 77, n. 2*; преки. изд., *ibid.* 1878, p. 64), утверждаетъ *Cantor* (*Vorlesungen über Gesch. der Math., B. I, 2 Aufl., p. 835*), но абакистомъ, что про него собственно только и хотеть сказать *Wagner*, во всякомъ случаѣ, былъ. Въ сочиненіи о квадратурѣ круга, написанномъ около 1036—1055 г., онъ осмыляется на „ratio calculandi abacique peritia subtilissima“ (*Abh. z. Gesch. der Math., Heft 4, Leipzig 1882, p. 157*). За Радольфомъ и Регинболдомъ качество абакистовъ вполне утверждается ихъ порепнскою, изданою недавно *P. Tannery* (*Une correspondance d'écolâtres du XI siècle, Paris 1900, изъ Notices et Extraits des MSS. de la Bibl. Nat. t. XXXVI*). гдѣ уже не только абакъ упоминается, но и производится вычисленіи по способу абака („abacisimo“, pp. 31, 53). По Рейну намъ извѣстны еще слѣдующіе абакисты: *Вальтера*, шпейерскій шюдьяконъ, который занимался абакомъ еще до написанія Гербертомъ (около 980) своего сочиненія объ абакѣ (*Vita S. Christophori, Præf., Thes. Anecd. II, pars II, p. 42*; см. Gerb. Opp. Math. p. 204), и *Германъ Контрактъ* (Калѣка), аббатъ монастыря Рейхенау, который издалъ объ абакѣ особое сочиненіе (*Bulletino Volscomagni t. X, Roma, 1877, pp. 643—647*).— Недалеко отъ Рейна въ Безансонѣ мы находимъ въ XII ст. Герланда (его трактатъ объ абакѣ напечатанъ въ *Bulletino Volscomagni t. X, pp. 595—607*).

²⁾ Это мы покажемъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій: „Подлинное сочиненіе объ абакѣ“ (печатается въ Кіевскихъ Унив. Изв. съ 1905 и выйдеть отдѣльно), „Арифметическая самостоятельность европейской культуры“ (Кіевъ 1907 г.), „Абакъ—колыбель современной арифметики“ (готовится къ печати).

³⁾ Абакъ назывался у нихъ часто просто „*mensa geometricalis*“ (см. прим. 6). *Гербертъ* въ предисловіи къ своему сочиненію объ абакѣ, написанному около 980 г. для Константина, такъ опредѣляетъ цѣль его: „Итакъ вотъ тебѣ, внимательный послѣдователь подобныхъ вещей, руководство, краткое правда словами, но обширное смысломъ, надежное пособие при работѣ съ геометрическимъ взиромъ для суммированія и раздѣленія дѣленій (*астролябии*), сообразно его подниманію или опусканію, а также въ теоріи и практикѣ по измѣренію одинаково, какъ неба, такъ и земли“ („*Habes ergo, talium diligens investigator viam rationis, brevem quidem verbis, sed prolixam sententiis, et ad collectionem intervalloꝝ et distributionem in actualibus*

ныхъ людей того времени ⁴⁾, то абакъ только и существовалъ, что для геометрин. Онъ тѣсно съ ней соединенъ, онъ есть введеніе въ геометрію. Заведуть рѣчь о геометрин,—сейчасъ и его припомнить ⁵⁾. Названіе „геометрическая доска“ ⁶⁾, которое, повидному, еще изъ древности и болѣе случайно, чѣмъ органически, прицѣпилось къ абаку, употребляли именно вслѣдствіе убѣжденія въ его пригодности специально для гео-

geometrici radii secundum inclinationem et erectionem, et in speculationibus et actualibus simul dimensionis coeli et terrae plena fide coniunctam; (Gerh. Opp. Math. p. 7, l. 6). Несмотря на неопытный для людей XX в. языкъ, ясно, что абакъ, по представленію Герберта, годенъ для операций съ числами въ геометрин и отчасти астрономин, насколько она покоится на геометрин. Только такое связка съ геометріей и объясняется тотъ фактъ, что Гербертъ, какъ онъ признается въ томъ же предисловіи, „уже нѣсколько лѣтъ“ (пятилѣтій) абакомъ не занимался. Будь его абакъ пособіемъ для рѣшенія обыденныхъ вопросовъ жизни, какъ наша арифметика, такая науза была бы необъяснима. Кто изъ насъ можетъ 20 лѣтъ прожить безъ арифметики? Еще въ XII столѣтіи, когда абакъ сталъ употребляться и для практическихъ задачъ жизни (см. прим. 16), *Радольфъ Ланскій* († 1131), признавая значеніе абака для теоретической арифметики древнихъ (*ad arithmeticae speculationis investigandas rationes*), для музыки, астрономин, вообще для обращенія съ числами (*ad omnes fere veterum lectiones, qui circa numeros subtiliter adhibere diligentiam, abacus valde necessarius invenitur*), все же находитъ, что онъ нуженъ главнымъ образомъ для вычисленія фигуръ („*formulae*“) геометрин („*maxime tamen geometricae disciplinae formulis inveniendis sibi que invicem coaptandis, quibus terrarum marisque spatia mirabili indagazione comprehendisse putantur, huius tabulae usus accomodus et ab illius artis professoribus repertus perhibetur*“). Сочиненіе Радольфа издано *Наглемъ* въ *Supplementheft zu Zeitschr. Math. u. Phys.* Bd. XXXIV (1889). Предисловіе, гдѣ находятся эти слова, было напечатано еще въ началѣ XIX в. (см. Gerh. Opp. Math. p. 389).

⁴⁾ Такъ, напримѣръ, для ученика Герберта, *Рисера*, котораго мы не имѣемъ основанія считать за специалиста, абакъ есть введеніе въ геометрію. См. прим. 5.

⁵⁾ *Рисеръ* въ своихъ *Historiarum libri*, въ книгѣ III, написанной 996—998 г., излагаетъ ученую біографію Герберта и, какъ только дошелъ до преподаванія имъ геометрин, то сейчасъ же заговорилъ объ абакѣ. I. III, c. 54 „*In geometria vero non minor in docendo labor expensus est. Cujus introductioni abacum, id est tabulam dimensionibus aptam, opere scutarum effecit*“ (ed. altera, *G. Waitz*, SS. Ber. Germ. in usum scholarum, 1877; cf. Gerh. Opp. Math. p. 380, l. 32).

⁶⁾ См. *комментаріи № 1* на Герберта, написанный въ 999—1003 г. (см. мое „Подлинное соч. Герб. объ абакѣ“, стр. 2 прим. 4), въ Gerh. Opp. Math. p. 250, l. 7: „*Vocatur ergo abacus mensa geometricalis*“. Такъ же называется, какъ увидимъ (гл. I), абакъ и нашъ „Воэціи“ въ своей геометрин, составляющей предметъ этого изслѣдованія („*Sed jam tempus est ad geometricalis mensae traditionem venire*“). Gerh. Opp. Math. p. 155, l. 8). *Радольфъ Ланскій* (прим. 3) и *Рисеръ* (прим. 5) называютъ абакъ „*tabula*“, а по тому, что они объ этомъ „*tabula*“ говорятъ, мы можемъ дать абаку и названіе „*tabula geometricalis*“, каковое мы и встрѣчаемъ въ одномъ изданномъ мною анонимномъ письмѣ (Gerh. Opp. Math. p. 285, l. 10: „*in geometricali tabula, id est in abaco*“).

метріи, а не потому, что абакъ легко было сдѣлать изъ всякой открытой полнатурой доски, которая всего необходимѣе была именно для рисованія и странія геометрическихъ фигуръ. Рѣдкія мѣста объ абакѣ у классическихъ писателей способны были поддерживать средне-вѣковыхъ абацистовъ въ ихъ увѣренности, что тѣсная связь абака съ геометрией освящена самой классической древностью. Но они недостаточно ясны. Трудно разобрать, идетъ ли рѣчь о доскѣ—абакѣ для геометрическаго черченія, или же о доскѣ—абакѣ счетномъ инструментѣ. Вѣдь абакъ значитъ попросту „доска“ ⁷⁾, а доска одинаково

⁷⁾ Мѣста объ абакѣ, какъ о математическомъ инструментѣ, слѣдующія:—II в. до Р. Хр.: *Polyb.* V, 26, 13 (ed. Büttner-Wobst t. II, Lips. 1889, p. 139). Ὅπως γὰρ εἶπεν οὗτος παρακλήσει τὰς ἐπὶ τῶν ἀβακίων ψήφους. Ἐκαί τινες γὰρ κατὰ τὴν τοῦ ψηφίζοντος βούλησιν ἀρετὴ γαλιανῶν, καὶ παραποικία τάλαντον ἰσχύουσιν.—I ст. п. Р. Хр.: *Persius Satyr.* I, 131 (ed. alt., Otto Jahn, Berlini 1886): „Nec qui abaco numeros et secto in pulvere metas seit.“—II ст. п. Р. Хр. *Diog. Laert.*, Vitae et placita clarorum philosophorum (ed. Firmin Didot 1850, Gabr. Cobet, I, 59) приписываетъ выраженіе, подобное позитивному, Солону (VI в. д. Р. Хр.): „ἔλεγε δὲ τοὺς παρὰ τοῖς τυράννοις δυναμένους παρακλήσεις εἶναι τὰς ἐπὶ τῶν λογισμῶν“—IV в. п. Р. Хр. *Iamblichus*. De vita Pythagorica (ed. Aug. Nauck. Petrop. 1884, p. 18) cap. V, § 22: εἰς τὴν δὲ ἀριθμῶν μάθησιν καὶ γεωμετρίας ἐνάγειν αὐτὸν ἐπειράτο, ἐπ’ ἀβακος τὰς ἐκείνου ἀποδείξεις ποιούμενος. Nauck предлагаетъ читать: τὴν δὲ ἀριθμῶν καὶ γεωμετρίας ἀγειν αὐτὸν ἐπειράτο, „пытался вести его по дорогѣ черезъ числа и черезъ геометрію“, т. е. считатьъ μάθησιν за вставку и не вставляетъ „εἰς“, котораго нѣтъ въ cod. Florentinus. Тутъ же *Iamblichus* въ *Adhortatio ad philosophiam* (λόγος προτροπικός, εἰς φιλοσοφίαν) въ *Explicatio pythagoricorum symbolorum* (ἀνάπτυξις τῶν πυθαγορικῶν συμβόλων), *Symbol.* XXXIV (ed. Kiessling. Lips. 1813) говорить: ἡ δὲ σποδὸς ἀντὶ τῆς κόσεως τῆς ἐπὶ ἀβακὶ παρακλήθη, ἐφ’ ἧς αἱ ἀποδείξεις συμπερζίνονται: т. е. „слово пошелъ влито вѣдетъ слова пыль, которая находится на абакахъ и на которой помѣщаются доказательства“.—V ст. п. Р. Хр. *Marcianus Capella*, de nuptiis Philol. et Mercurii, упоминаетъ объ абакѣ въ главѣ о геометріи (VI, 575, 579, 582, 586) и въ главѣ объ арифметикѣ (VII, 724, 725, 729). Абакъ у него изображенъ въ видѣ стола, стоящаго посреди свята боговъ. Къ нему приближается Пифагоръ вѣдетъ съ арифметикой. Такъ какъ подъ арифметикой въ древности разумѣли совѣтъ по нашей практической арифметикѣ, а теоретическую арифметику (въ родѣ школаховской и боэціевской), никакого отношенія къ четыремъ правиламъ неимѣющую, такъ какъ также теоретическая арифметика скрывается и въ ямвлиховскомъ „ἡ δὲ ἀριθμῶν μάθησις“, (если Ямвлихъ и сказалъ когда нибудь что нибудь подобное, см. выше текстъ Nauck’s), то, по нашему мнѣнію, прямое указаніе на абакъ, какъ на счетный инструментъ, даютъ только Поливій, Персій и Диогенъ Лаэртій. Тутъ нѣтъ ни слова о связи его съ Пифагоромъ. Абакъ, которымъ по Ямвлиху и Марціану пользовался Пифагоръ, жившій однако до нихъ за 1000 лѣтъ (!), есть покрытая пылью доска, на которой удобно чертить геометрическія фигуры и писать формулы теоретической арифметики. Разумѣется, что, проведи по этой пыли колонны (metas; см. у Persii „sectoque in pulvere metas“), можно было его обратить и въ счетный инструментъ, но, чтобы этотъ инстру-

необходима и пригодна и для геометріи, и для счета. Но древность знала, какъ и мы, ся ученики, научную геометрію, для которой нужны научныя доказательства, а не ариометическій счетъ. (Сложный счетъ

ментъ былъ изобрѣтенъ Пифагоромъ, объ этомъ никто кромѣ нашего „Воэція“ (въ его геометріи) не говоритъ. Но такого различія въ X и XI столѣтіяхъ не дѣлали, и знакомыя мѣста Марціана понимали въ смыслѣ изобрѣтенія Пифагоромъ абака вообще, будь то просто именная доска, или доска для счета. Что абакъ вообще значитъ просто доска или доска стола, это кромѣ Марціана и названій „geometricalis mensa“, „geometricalis tabula“ (см. прим. 6), ясно и изъ тѣхъ разнообразныхъ значеній слова „abacus“, которыя указаны въ любомъ словарѣ древностей (столъ, абакъ—доска надъ капиталю, доска поставка для роскошной посуды, доска для игры въ родѣ шахматной, доска римскаго счетнаго инструмента), но я могу теперь указать една ли не самый ранній источникъ, гдѣ это слово встрѣчается и гдѣ оно значитъ „доска стола“, безъ какого бы то ни было счетнаго инструмента и пыли на немъ. Это *Ἀθηναίων Πολιτείας Ἀριστοτέλει* (IV в д. Р. Хр.). Здѣсь въ отрывкахъ конца папируса (pag. XXXV, ed. 4 Fr. Blass, pp. 105—107, Lipsiae 1903, Bibl. Teubn.) дѣло идетъ о выемкѣ изъ урнъ продырявленныхъ и полныхъ жетоновъ (ψῆφοι). Жетоны продырявленные (ψῆφοι τετροπήμενοι) говорили въ пользу истца (δικηλοῦτος), полные (πλήρεις) въ пользу отвѣтника (φεύγοντος). Судьи брали по два такихъ жетона, одинъ дырчатый, другой полный, и сжимали ихъ пальцами такъ, что нельзя было разобрать, въ которой рукѣ полный, въ которой продырявленный жетонъ, и клали одинъ изъ нихъ въ мѣдную амфору, другой въ деревянную. Значеніе имѣла только мѣдная урна, и въ нее сразу болѣе одного жетона просунуть нельзя было. По окончаніи баллотировки (πάντες δ' ἐπαίδαν ὡς διεψηφισμένοι) служители берутъ мѣдную, имѣющую значеніе урну (τὸν ἀμφορέα τὸν χύριον) и выкладываютъ (въ папирусѣ только конецъ слова ясенъ „ρῶσα“, конъектура Бласса ἐξ ῥῶσα?) на столъ, изъ которомъ столько углубленій, сколько всѣхъ жетоновъ („ἐπι ἄβαχα τροπήματα ἔχοντα, ὅσαίπερ εἰσὶν αἱ ψῆφοι“), съ тѣмъ, чтобы они были разобраны и легко доступны счету, чтобы тяжущіеся видѣли, что отверстія (стола) заполнены (τοσαῦτα, ὅπως καὶ διεψηφισμένοι καὶ εὐαριθμητοὶ ὄντι, καὶ τὰ τροπήματα ὄντα πλήρη ὄντα τοῖς ἀντιδίκους). Избранные же для счета жетоновъ считаютъ ихъ на столѣ (οἱ δὲ ἐπὶ τὰς ψῆφους εἰληχότας διαριθμοῦσιν αὐτάς ἐπὶ τοῦ ἄβαχος), отдѣльно полные и отдѣльно дырчатые (χύρις μὲν τὰς πλήρεις, χύρις δὲ τὰς τετροπήμενας). Равенство тѣхъ и другихъ или преобладаніе полныхъ ведетъ къ рѣшенію дѣла въ пользу отвѣтника. Тутъ хотя дѣло и идетъ о счетѣ, но вполне ясно, что ἄβαξ съ углубленіями есть просто столъ и имѣлся онъ только для того, чтобы счетъ происходилъ на глазахъ у тяжущихся. Случайное сходство корней „ἄβαх“ съ еврейскимъ абад (мелкая дорожная пыль) и то обстоятельство, что абаки посылались для черченія и писанья какой-то зеленоватой пылью (*Berneimius, Liber abaci, Olleris, Oeuves de Gerbert, p. 359 „glaucio pulvere“*) или по Овидію и Цицерону „ученая пыль“ (*pulvis eruditus*), которая дѣлалась изъ зеленого стекла (см. *Georges, Lat. Lex.* подъ словомъ „pulvis“) и посылалась, итроитно, на наведенную чѣмъ-нибудь ливкиемъ гладкую полированную доску, привели къ недѣльному словопроизводству греческаго слова ἄβαξ отъ еврейской пыли. Подробности объ этомъ см. мои „Ариометическая самостоятельность европѣйской культуры“ глава V (см. выше прим. 2).

(умноженіе и дѣленіе многозначныхъ цѣлыхъ и смѣшанныхъ чиселъ) былъ нуженъ въ древности, какъ и теперь, не для геометріи, какъ науки, а для болѣе быстрого и удобнаго рѣшенія задачъ, предлагаемыхъ жизнью, въ томъ числѣ и практическихъ задачъ на измѣреніе поверхностей и объемовъ (землемѣрное искусство, архитектура). Торговый обиходъ и сложныя финансовыя операціи, въ объемѣ известномъ древности, были немислимы безъ сложнаго счета на современный ладъ. Но на покатой къ среднимъ вѣкамъ поверхности римской имперіи все это измѣнилось. Наука падала: геометрія превращалась въ землемѣріе, довольствовавшееся теоремами безъ доказательствъ или замѣнявшее доказательства наблюденіемъ числовыхъ отношеній сторонъ фигуръ, ихъ поверхностей, объемовъ. Ея главное содержаніе и цѣль были задачи на практическое измѣреніе^{*)}. Тутъ очень важно было умѣть легко, ясно и скоро оперировать съ многозначными числами. Вотъ какимъ образомъ и абакъ былъ притянутъ къ геометріи. Экономическій маразмъ послѣднихъ временъ имперіи, постепенная локализация оборотовъ все въ болѣе и болѣе узкихъ округахъ, до почти полной замкнутости въ себѣ хозяйства крупныхъ имѣній (виллъ), характеризуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начало средневѣковья. Промышленная, торговая и хозяйственная жизнь сдѣлались такими, что никакого сложнаго счета не нужно было. Нечего было особенно считать, а что надо было считать, легко можно было сосчитать или послѣдовательнымъ сложеніемъ или вычитаніемъ. Такъ абакъ не только былъ притянутъ къ геометріи, понимаемой въ ея буквальномъ смыслѣ— „землемѣрія“, но и потерялъ вмѣ ея всякую почву, всякій *raison d'être*. Наступили, наконецъ, и такія времена, когда и все наслѣдіе римскихъ землемѣровъ съ ихъ землемѣрной геометріей уже было равно ни къ чему не нужно, и пріобрѣтало чисто академическій интересъ. Землемѣрная грубая геометрія и та обратилась въ науку, доступную

*) Главнымъ и почти единственнымъ кладомъ геометрическаго знанія въ VI—XII вѣкахъ были рукописи римскихъ землемѣровъ, анализу которыхъ я посвятилъ седьмое приложение моихъ *Gerb. Opp. Math.* pp. 394—493. Здѣсь pp. 418—422 перечислены геометрическія сочиненія и отрывки, блуждавшія по этимъ рукописямъ, а на pp. 494—553 нѣкоторые изъ нихъ напечатаны впервые или въ исправленномъ текстѣ. Эти сочиненія и являются источниками геометрическаго знанія въ VI—XII в. Довольно сказать, что Гербертъ зналъ Евклида безъ доказательствъ единственно по тому, что извлеченіе изъ перевода Евклида, сдѣланнаго Боэціемъ, попало въ рукописи римскихъ землемѣровъ (*Gerb. Opp. Math.* p. 422, № 16 и pp. 161—174), пропускало всѣ доказательства. Характеръ этой геометрической литературы грубо-практической.

лишь немногимъ и чисто отвлеченную. На практикѣ ничего не измѣряли, а въ школахъ разбирали разныя казавшіяся головоломными, а часто вслѣдствіе испорченности текста и, дѣйствительно, бывшія головоломными задачи на измѣреніе и рецонты (по скажу, формулы) поверхностей, объемовъ, отношенія сторонъ прямоугольныхъ треугольниковъ⁹⁾. Мало у кого было для этого охоты, и абакъ сдѣлался вещью, никому не нужной¹⁰⁾. Его стали забывать и, наконецъ, такъ основательно забыли, что намъ теперь съ большимъ трудомъ удастся устроить сообщеніе черезъ эту пустыню забвенія. Возрожденіе науки при Карлѣ, особенно въ X и XI вѣкахъ, коснулось и „землемѣрной“ геометріи. Съ нею достали съ полки забвенія покрытій вѣковой пылью (на этотъ разъ настоящей)¹¹⁾ абакъ, и не безъ труда стали возста-навливать и учить въ немногочисленныхъ школахъ его правила¹²⁾. Абакъ казался совершенно сросшимся съ геометріею и рассматривался какъ часть ея¹³⁾. Если бы дѣло на этомъ и остановилось, если бы абакъ продолжалъ попрежнему оставаться академическимъ инструментомъ, то, надо думать, Лотарингія не имѣла бы въ этомъ отношеніи никакого преимущества передъ другими странами. Но, сколько абацисты ни пристегивали абакъ по затверженной указкѣ къ своей практической геометріи, они, несмотря на всю школьную дрессировку, все же никакъ не могли отказываться видѣть среди бѣла дня дѣйствительной жизни. Они должны были понимать, что абакъ годенъ совсѣмъ не для одной геометріи. И, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось это все яснѣе и яснѣе. Гербертъ, если вѣрить Рихеру, еще стоялъ на затверженной точкѣ зрѣнія. Его абакъ поглощался геометріею. Онъ умудрился добрыхъ двадцать лѣтъ обходиться безъ абака, конечно, потому, что не занимался геометріею: безъ геометріи вѣдь жить

⁹⁾ См. литературу, приведенную въ предыдущемъ примѣчаніи.

¹⁰⁾ Гербертъ вѣсколько пятилѣтій обходился свободно безъ абака (см. прим. 3).

¹¹⁾ Не еврейской (авак) и не ученою зеленатовой пылью грекоримскаго міра (см. прим. 7 въ концѣ).

¹²⁾ Сочиненіе Герберта есть блестящій примѣръ такого, неудачнаго во всякомъ случаѣ, возстановленія по памяти рѣдкаго, очевидно, учебника. Этотъ еретическій и дерзкій взглядъ на сочиненіе общепризнаннаго свѣтила по части абака будетъ научно доказанъ во второй книгѣ печатаемаго въ Кіевск. Унив. Изв. сочиненія „Подлинное сочиненіе Герберта объ абакѣ“ (см. прим. 2). Известныя намъ въ концѣ X в. школы, гдѣ культивировался абакъ, суть слѣдующія: Льежъ (Геригеръ, см. прим. 1), Реймсъ (Гербертъ съ 984 г.), Флерн на Лоарѣ (Аббонъ, Константинопль, адрессатъ сочиненія Герберта объ абакѣ; см. Gerh. Opp. Math. p. 7 n. 7).

¹³⁾ См. примы. 3, 4, 5.

еще можно ¹⁴⁾. А Геригеръ, его современникъ, въ Лотарингіи въ своемъ трактатѣ объ абакѣ рѣшаетъ, правда, еще отдающую закорузой школьной атмосферой, но уже во всякомъ случаѣ негеометрическую задачу, во сколько времени улитка, приглашенная ласточкой на пиръ, проползетъ разстояніе въ одно лѣс, отдѣляющее ее отъ пирной залы, если она въ одинъ день проползаетъ извѣстную малую мѣру (uncia) ¹⁵⁾. Другіе абакисты уже прямо берутъ задачи изъ практической, даже прямо торговой жизни, оставляя свою геометрію въ школь. Напримеръ, Герландъ рѣшаетъ задачу, какъ раздѣлять сто марокъ между 11 приказчиками, производить дѣленіе съ большою точностью и недѣлимый, по понятіямъ того времени, дробный остатокъ отдаетъ на поминъ души родителей ¹⁶⁾. Возрожденіе въ X и XI столѣтіяхъ торговли и промышленности, вызвавшее въ жизни шумную и славную исторію городовъ и коммунъ, должно было отразиться и на абакѣ. Вновь было, что считать, вновь сложное счетное искусство, т. е. абакъ, дѣлался необходимымъ въ практической жизни. Въдъ не для академическихъ цѣлей въ капеллѣ Ноткера въ Льежѣ (Лотарингія) таскалъ на себѣ доску абака Вацонъ, а очевидно для повседневнаго употребленія ¹⁷⁾. Извѣстно, что въ сѣверной Европѣ главной дорогой торгово-промышленнаго движенія въ то время былъ Рейнъ и прилегающая къ нему верхняя и нижняя Лотарингія въ тогдашнемъ обширномъ географическомъ смыслѣ (Эльзась, Лотарингія, Франшъ-Конте, Бельгія, Голландія). По Рейну торговое движеніе съ юга достигало моря и проникало въ Англію. Системы рѣкъ Соммы, Сены, Лоары образовали дополненіе къ этой торговой дорогѣ, и приобщали Шампань и вообще сѣверную Францію къ тому движенію, которое проходило черезъ Лотарингію въ Англію.

Вотъ гдѣ лежитъ, мнѣ кажется, причина особеннаго интереса къ абаку именно въ Лотарингіи въ концѣ X вѣка, особенно въ XI вѣкѣ. Классической страной абака въ XI вѣкѣ является Лотарингія съ при-

¹⁴⁾ См. прим. 3.

¹⁵⁾ *Herigeri regulae* II, c. 21 (*Gerb. Opp. Math.* p. 219—221; особ. p. 220 l. 27: „Tot annis et diebus pervenit limax invitatus ad prandium ab hirundine supra leugam, id est miliarium et dimidium, unam tantum cotidie conficiens in ambulando unciam“).

¹⁶⁾ *Gerlandi de abaco* (*Bulletino Boncompagni* t. X p. 606 n. 5): „datur igitur pro anima parentium“.

¹⁷⁾ *Anselmi, Gesta epp. Leodiensium*, c. 30 (*MGHSS* t. VII, p. 206: „piae memoriae domnus Wazo—in ipsius (Notkeri) capella, primo quidem minimus et fere abjectus, librorum abbacie gerulus coaluerit“...)

легающими мѣстностями ¹⁸⁾. Вообще же слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ до сихъ поръ незамѣченный фактъ, что почти все абацисты, имена которыхъ намъ извѣстны, живутъ въ прирейнскихъ странахъ ¹⁹⁾, сѣверной Франціи (не южной Лоары) ²⁰⁾, въ Англіи и Италіи ²¹⁾. () мѣстѣ написанія безымянныхъ сочиненій объ абака мы, къ несчастью, ничего сказать опредѣленнаго не можемъ, но врядъ ли и они возникли внѣ указанныхъ нами границъ.

Частое употребленіе абака и опытность въ операціяхъ на немъ отличали лотарингцевъ во всякомъ случаѣ уже въ началѣ XI вѣка ²²⁾. Абакъ получалъ все большее и большее значеніе въ практической жизни и изъ академическаго инструмента обращался въ обыденный ²³⁾. Но успѣшному его распространенію въ неакадемическихъ кругахъ всегда должны были мѣшать разнообразіе и при полнѣйшемъ отсутствіи путевой теоріи абака сравнительная сложность его правилъ (особенно для дѣленія), а съ XII столѣтія нагрянувшая болѣе простая арабская писчая арифметика подкосила его въ корнѣ. Но въ XI столѣтіи абакъ еще нераздѣльно царилъ въ христіанской Европѣ, особенно въ Лотарингіи. Многіе имъ пользовались. Но никто ничего не зналъ, какъ и когда онъ появился, кто былъ его изобрѣтателемъ ²⁴⁾. Господствовавшая традиція выводила его изъ класси-

¹⁸⁾ См. прим. 1.

¹⁹⁾ См. прим. 1.

²⁰⁾ На Лоарѣ абакъ культивировали въ школѣ Fleury-sur-Loire (см. прим. 12).

²¹⁾ Въ Англіи Ательгартъ изъ Бата, сочиненіе объ абака котораго напечатано въ *Bulletino Vencespragni* XIV, 91—134.—Въ Италіи, откудашло торговое движеніе, знакомство съ абакомъ и потребность въ удобной арифметикѣ лучше всего доказывалась дѣятельностью Леонардо Фибоначчи на границѣ XII и XIII столѣтій, который осудилъ абакъ, или, какъ онъ называетъ, „арка Пифагора“: „arsus Pictagore“ (см. ниже прим. 24, 27, 28, 32, 33) за его сложность и медленность пропагандируетъ подъ тѣмъ же названіемъ „liber abbaci“ новую „пидусскую“ арифметику („modum Indorum“). Онъ является именно тѣмъ человѣкомъ, который болѣе всѣхъ способствовалъ въ Европѣ распространенію современной арифметики. Колонны на абака назывались иногда „arsus“, такъ какъ наверху обѣ лѣвыя колонны соединялись малой дугой, а три колонны мѣстѣ большой дугой. См. *Cantor, Math. Beiträge zum Kulturleben der Völker*. Halle 1863, pp. 341—354, p. 430 и 629.—Существуетъ и трактатъ объ абака, написанный итальянцемъ, а именно *Turchillus, Reguncule super abacum*, изданный *E. Narducci* (*Bullet. Vencespragni*, t. XV, p. 135 sqq.).

²²⁾ См. прим. 1.

²³⁾ См. прим. 17.

²⁴⁾ Что до появленія геометріи Боэціи въ XI в. никто не зналъ точно, что абакъ изобрѣтенъ будто бы Пифагоромъ, это мы ясно увидимъ изъ всего этого сочиненія. Кромѣ Боэціи ни одинъ изъ извѣстныхъ среднихъ вѣкамъ классическихъ свѣдѣтелей

ческой древности ²⁵). Немногочисленные (вѣроятно, тѣ же, что и намъ извѣстны) и неясныя мѣста у древнихъ авторовъ объ абакѣ подтверждали, казалось, эту традицію, хотя возможность путать геометрической абакъ (доску) съ абаккомъ (доской) инструментомъ для счета и уменьшала авторитетъ этого подтвержденія ²⁶). Всѣми извѣстны были мѣста у Марціана Капеллы объ абакѣ въ сенатѣ боговъ. Къ абаку приближается Пифагоръ съ Арифметикою. Хотя тутъ и разумѣется простая писчая доска, годная для рисованія геометрическихъ фигуръ и писанія формулъ теоретической арифметики ²⁷), но, если и современные намъ ученые (въ родѣ напримѣръ Кантора ²⁸), для которыхъ абакъ счетный инструментъ — археологія, толковали это мѣсто въ смыслѣ счетнаго инструмента, то уже абакистамъ XI вѣка и самъ Богъ велѣлъ видѣть здѣсь хорошо знакомую имъ счетную доску. Извѣстно пристрастіе древности къ имени Пифагора, дѣлающее крайне трудной задачу опредѣлить дѣйствительный характеръ и размѣры его ученой дѣятельности. Особенно съ появленіемъ новопифагорейцевъ стремленіе валить всю геометрію, арифметику (теоретическую) и музыку

объ абакѣ, ни даже Марціанъ Капелла (см. прим. 7), не называетъ Пифагора прямо изобрѣтателемъ абака вообще или доски съ колоннами и съ жѣвченными (цифрами 1—9) жетонами въ частности.

²⁵) Это видно между прочимъ изъ письма Герберта къ Константину, начатаннаго Gerb. Opp. Math. p. 23, гдѣ Гербертъ среди школьной риторики все же даетъ ясно понятіе, что для правильнаго пониманія абака нужно „a veteribus dicta aeque observandae salutis viae teneri“ (ibid. 24, l. 2). Ср. предисловіе къ сочиненію объ абакѣ, гдѣ Гербертъ упрекаетъ одного „philosophus sine litteris“, воображаемаго себя абакистомъ, что онъ не хочетъ учиться у предковъ:— „auditor majorum fore dedignatur“ (ibid. p. 7, l. 3). Во всякомъ случаѣ, кромѣ древности абакъ въ X в. могъ быть заимствованъ лишь у арабовъ, но именно объ арабахъ не заикнулся оказавъ на одинъ изъ абакистовъ XI и XII вв. Увѣренность въ его арабскомъ происхожденіи есть одинъ изъ крушныхъ доводовъ сорной исторической мысли XII в., начинавъ съ *Вильгельма изъ Мальмесберги* (De rebus gestis regum Anglorum l. II, c. 167, MGHSS t. X p. 461; ср. Gerb. Opp. Math. p. 387 l. 20), который выдумалъ, будто Гербертъ похитилъ свой абакъ у арабовъ. Подробности объ этомъ см. *Бубноузъ*, Сборникъ писемъ Герб., t. II. С.-Пб. 1889, стр. 21—22;—*ею же* Архив. самост. европ. культуры, стр. 21, 42—44.

²⁶) См. прим. 7.

²⁷) Таковъ, несомнѣнно, тотъ абакъ, съ которымъ является Пифагоръ у Ивлиха и Марціана (см. примѣч. 7).

²⁸) Cantor, Vorles. über Gesch. d. Math. I^a p. 120, 121.—Cantor, Mathem. Beiträge p. 142: „Pythagoras der Erste in Griechenland war, der die Rechentafel auf Sand zeichnete“.

въ одну кучу, обозначенную именемъ Пифагора, должно было успѣться. Нѣкоторой помѣхой являлись другія популярныя имена, въ родѣ Евклида, Архимеда и такъ дальше, но ихъ общій недостатокъ состоялъ въ томъ, что они жили позже. Многое о нихъ было извѣстно и ихъ имена менѣе годились для окрещиванія разнаго рода анонимныхъ и постепенныхъ изобрѣтеній, къ каковымъ, какъ увидимъ въ другомъ мѣстѣ ²⁹⁾, принадлежали и абакъ и наша арифметика. Уже древность, видимо, связывала какимъ-то образомъ геометрической абакъ съ Пифагоромъ ³⁰⁾. Очень можетъ быть, хотя этого, кажется, и нельзя доказать цитатой, что геометрической абакъ задолго до X в. назывался не только „геометрической“ ³¹⁾, но и „пифагоровой“ ³²⁾ доской. Для средневѣковыхъ же абакистовъ было, конечно, совершенно ясно, что и абакъ-счетная доска тоже сродни Пифагору и, если они счетную доску называли „геометрической“, то кто же имъ мѣшалъ называть ее и „пифагоровымъ столомъ“ ³³⁾? Если бы кто и нашелъ въ какомъ-нибудь документѣ X вѣка такое выраженіе, это меня не удивило бы, но, конечно, нисколько бы не свидѣтельствовало о томъ, что абакъ счетный инструментъ, дѣйствительно, изобрѣтенъ Пифагоромъ. Для средневѣковыхъ же абакистовъ XI вѣка связь абака-счетнаго инструмента съ Пифагоромъ, его изобрѣтеніе Пифагоромъ было самымъ вѣроятнымъ отвѣтомъ на интересовавшій ихъ вопросъ. Все толкало ихъ по дорогѣ къ Пифагору, куда указывала, казалось, и сама древность. На Пифагорѣ всѣ мирились и успокаивались. Его слава была давнипней, канонической, можно сказать! Она ничего самолюбія не обижала, а почти божественный авторитетъ Пифагора, вѣщавшій изъ свѣ-

²⁹⁾ См. Бубновъ „Арифметическая самостоятельность европейской культуры“ (см. выше, прим. 2).

³⁰⁾ См. Ивлиха и Марціана въ прим. 7.

³¹⁾ См. прим. 6.

³²⁾ Charles (Comptes Rendus Ac. Sc. t. XVI, p. 1415) приводит какой-то рукописный трактатъ, озаглавленный „Descriptio Abaci Pythagore“, и начинающійся такъ: „Abacus Pythagore tabula fuit“. Но время написанія этого трактата неизвѣстно, а потому это выраженіе можетъ быть просто результатомъ свидѣтельства наней „геометрія Боопія“ (см. примѣч. 24), которое, какъ увидимъ, не древнѣе XI в.

³³⁾ Шаль (см. примѣч. 32) цитируетъ еще рукопись монастыря S. Benigne de Dijon, гдѣ было заглавіе „Abacus, seu mensa pithagorica de numeris“, но, чтобы и эта рукопись была древнѣе нашего „Боопія“, который свидѣтельствуеъ, будто бы счетный столъ назывался сначала „mensa Pythagorea“, а потомъ уже „позднѣйшіе“ стали называть его „abacus“ (Gerb. Opp. Math. 157, l. 12 и п. 17). См. прим. 32. См. гл. I, прим. 22.

дой старины, возвышалъ абакъ въ глазахъ всѣхъ людей и даже самихъ абацистовъ.

Но если Пиногоръ казался *the right man on the right place*, то все же онъ виталъ въ видѣ колеблющейся тѣни въ области Анда и всѣ попытки приблизить эту тѣнь, схватить ее оставались безуспѣшными, какъ когда-то аналогическія попытки Одиссея. Надо было эту тѣнь фиксировать и поставить по дорогѣ къ ней, въ видѣ вѣхъ, еще двухъ-трехъ человѣкъ съ громкими популярными именами, которые были бы посредниками въ передачѣ пинагоровскаго наслѣдія повѣйшимъ поколѣніямъ. Можно было написать объ этомъ ученое изслѣдованіе, но своимъ современникамъ въ подобнаго рода вопросахъ средніе вѣка вообще, а абацисты въ частности, не особенно-то довѣряли. Конечно, они имѣли для этого основаніе. Знаніе и авторитетъ были не въ настоящемъ и не въ будущемъ, а позади, въ свѣтломъ, недостижимомъ ореолѣ древней науки. Дѣло обстояло бы совершенно иначе, если бы кому удалось найти у кого либо изъ древнихъ „свидѣтельство“ *en règle* объ изобрѣтеніи абака—счетнаго инструмента Пинагоромъ и о тѣхъ людяхъ, которые распространяли это изобрѣтеніе въ позднѣйшіе вѣка. Всего естественнѣе было поискать чего-нибудь подходящаго у другого прославленнаго въ средніе вѣка математика древности, который былъ популяренъ едва ли не болѣе Пинагора, съ тѣмъ однако выходящимъ предъ послѣднимъ преимуществомъ, что былъ куда консистентнѣе, т. е. у Боэція. Прославленный мужъ соединялъ ореолъ мученика за вѣру съ авторитетомъ энциклопедиста по всѣмъ отраслямъ тривія и квадрия. Въ квадрия, т. е. въ астрономію, геометрію, музыкѣ и ариметикѣ онъ оставилъ по себѣ прочный памятникъ. И астрономія, и геометрія, и музыка, и ариметика вышли изъ подъ его калама (пера)! Астрономія къ XI вѣку давно уже канула въ Лету³⁴⁾. Подъ геометріей Боэція въ то время было извѣстно пятникнижное громоздкое и мозаичское произведеніе, описанное мною въ другомъ мѣстѣ и обозначенное какъ подложная геометрія Боэція № 1³⁵⁾. Имя Боэція въ слабой степени оправдывалось присутствіемъ въ ней убогихъ извлеченій изъ перевода Боэціемъ

³⁴⁾ Какъ думаютъ, послѣ 1515 г. (*Cantor, Vorl. I^a, p. 536*). Во всякомъ случаѣ въ X вѣкѣ въ числѣ книгъ монастыря Боббіо въ Италіи было сочиненіе „*de Astronomia*“ Боэція (оно прямо приведено въ каталогѣ этой бібліотеки, составленномъ въ X в.), которое и напечатано здѣсь въ 983 новымъ аббатомъ Боббіо, Гербертомъ (*Кр. 8: VIII volumina Boethii de astrologia, см. Gerb. Opp. Math. p. 99 n. 5, p. 100 n. 6*).

³⁵⁾ *Gerb. Opp. Math. p. 180—188.*

Евклида, каковой буквальный переводъ, не сохранившійся въ оригиналѣ до насъ цѣликомъ, и есть единственная настоящая геометрія Воэція ²⁶⁾, да такихъ же выдержекъ изъ арифметики Воэція ²⁷⁾. Тутъ ни звука объ абакѣ или Пифагорѣ, какъ изобрѣтателѣ абака. Да если бы кто-нибудь изъ абацистовъ и могъ что-нибудь въ этой мѣшанинѣ вычитать и понять (кромѣ, разумѣется, обломковъ Воэція), тому мы могли бы въ глаза позавидовать, а за глаза назвать чловѣкомъ, говорящимъ неправду. Думаю даже, что болѣе способные къ критикѣ читатели того времени, знакомые съ подлинными сочиненіями Воэція, не могли не видѣть, что тутъ что-то неладно. Но крайней мѣрѣ, Гербертъ, сначала было обрадованный этой геометрией въ рукописи римскихъ землемеровъ ²⁸⁾, въ своей собственной геометрии цитуетъ ее подъ неопредѣленнымъ „нѣкто“ ²⁹⁾. Музыка и арифметика Воэція сохранились и были настольными книгами всякаго порядочнаго схоластика въ X—XII вв. Въ нихъ имя Пифагора и пифагорейцевъ упоминалось часто. То, что говорилось здѣсь о Пифагорѣ, указываетъ, что легендарное древо Пифагора было не только въ цвѣту, но уже и отцвѣтало. Поучительные рассказы здѣсь можно было читать о великомъ учителѣ. Однажды, напримѣръ, нѣкій юноша изъ Тавроменіона, напившись пьянъ, ломясь ночью въ двери дома своего соперника, гдѣ была спрятана знакомая ему доступная женщина. Дверь не поддавалась, и онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ энергическому средству,—поджечь домъ. Сколько юноши товарищи не убѣждали его одуматься,

²⁶⁾ *Ibid.* p. 180, pp. 160—174.

²⁷⁾ *Ibid.* p. 180 n. 3, p. 185 n. 16.

²⁸⁾ Типа *TVbba*. См. Gerberti Opera Math. pp. 397, 398, 172 sqq., особ. 475. Тутъ на этой страницѣ и точно описанъ рукописи римскихъ землемеровъ (см. выше прим. 8) типа *TVbba*, которую Гербертъ намѣлъ въ 983 г. и о которой онъ писалъ въ 983 г. (Iр. 8, см. прим. 34): „VIII volumina Boethii de astrologia *praecclarissima quoque figurarum geometricae*“.

²⁹⁾ Взятъ изъ подложной геометрии Воэція № 1, находившейся въ рукописи *TVbba* (прим. 38), опредѣленіе геометрии (Gerb. Opp. Math. p. 50 n. 6), Гербертъ цитируетъ сочиненіе такъ: „Cui (т. е. геометрии) etiam talem *quidam* terminum definitionis aptavere“ (Geom. Gerb. I, 2, въ Gerb. Opp. Math. p. 50 l. 7). Впрочемъ, текстъ гербертовскаго письма (ер. 8, см. пр. 38) не исключаетъ возможности предположенія, что пятикнижная подложная геометрия Воэція была въ Гербертовской рукописи анонимной, какъ въ некоторыхъ другихъ того же типа (*TVbba*). Или Воэція, по мысли Герберта, можетъ быть, и не распространяется далѣе „de astrologia“, но во всякомъ случаѣ, пятикнижная геометрия Воэція, хотя бы и въ анонимномъ видѣ, была въ числѣ источниковъ Герберта при составленіи имъ своей геометрии (Gerb. Opp. Math. p. 48 n. 3, p. 397, 398).

ничто не помогало: музыка фригійскаго лада, напротивъ, еще болѣе возбуждала расходившагося буяна. Къ счастью, неподалеку случился Пифагоръ, занимавшійся по своему обычаю ночью наблюденіемъ теченія звѣздъ. Онъ приказалъ измѣнить фригійскій ладъ на подфригійскій, и дѣло было въ шляпѣ ⁴⁰⁾. Обо всемъ этомъ схоластики XI вѣка читали, конечно, съ благоговѣніемъ и не безъ интереса. Не проходили безъ вниманія съ ихъ стороны и тарентинскій грекъ, извѣстный математикъ около 400 г. до Р. Хр., Архитъ, который такъ таки съ титуломъ Пифагорейца и приводится у Боэція ⁴¹⁾. Но объ абажѣ нигдѣ ни слова. Ну, молчаніе Боэція въ музыкѣ и ариметикѣ было еще понятно. Вѣдь ни та, ни другая, какъ это знали люди, читавшіе эти сочиненія Боэція, никакого отношенія къ искусству считать и оперировать съ числами не имѣли. Но уже въ геометріи—то... Пѣтъ, позвольте, какъ могъ въ геометріи Боэцій не упоминать даже объ абажѣ, когда этотъ абажъ вѣдь есть введеніе въ геометрію и безъ него геометріи, что безъ рукъ? Положительно пятикнижный Боэцій довольно подозрительный Боэцій. Порядку и связи въ немъ мало, а тутъ еще и это молчаніе объ абажѣ!

Таково было настроеніе въ кругахъ схоластикова, занимавшихся математикой и абакомъ, какъ вдругъ было сдѣлано сенсационное открытіе. Найдена другая геометрія Боэція, на этотъ разъ уже, должно быть, настоящая. Она по въ пяти, а всего въ двухъ книгахъ, порядку въ ней больше, а главное тутъ и Пифагоръ со своимъ абакомъ и Архитъ пифагореецъ и, конечно, тоже абакистъ. И отрывки изъ перевода Евклида тутъ стоятъ на видномъ мѣстѣ, какъ это согласно свидѣтельству Кассиодорія ⁴²⁾ должно было быть. Однимъ словомъ, все, какъ подобаетъ настоящей геометріи такого знаменитаго человѣка, какъ былъ Боэцій. Наконецъ-то это сочиненіе найдено, а съ нимъ и совершенно опредѣленные указанія объ изобрѣтеніи абака—счетной

⁴⁰⁾ *Boethii Inst. Mus.* (ed. *Friedlein*, Lipsiae 1867) I, 1 (*Friedl.* p. 184, 185).

⁴¹⁾ *Boethii Inst. Arithm.* (ed. *Friedlein*, Lipsiae 1867) II, c. 42 (Archytas Pythagoricus);—*Inst. Mus.* III, c. 11 (Archytas), V c. 17 („Archytas vero cuncta ratione constituens“), V c. 18.

⁴²⁾ *Cassiodorus. De artibus ac disciplinis liberalium litterarum* (*Migne*, Patrol. Lat. t. 70 col. 1213): „Euclidem translatum in Romanam linguam idem vir magnificus Boethius dedit“. Это написано лѣтъ 30 послѣ смерти Боэція (524). Ср. *Cassiod. Variarum* I, 15 (письмо отъ имени Теодориха къ Боэцію около 506 г.): „Translationibus enim tuis Pythagoras musicus, Ptolemaeus astronomus leguntur Itali,—Nicomachus arithmeticus, geometricus Euclides audiuntur Ausoniis“.

доски Пифагоромъ! Между Пифагоромъ и Боэціемъ передаточной инстанціей является Архитъ, а между Архитомъ и повѣйшими абацистами самъ Боэцій. Ну, что можетъ быть вѣроятнѣе всего этого?

Авторитетная и отвѣчающая ученымъ запросамъ времени исторія абака, начиная съ Пифагора, переходя черезъ Архита и Боэція, и кончая XI вѣкомъ,—да это грандіозное для абацистовъ XI вѣка, и не для ихъ однихъ, а и для исторіи арифметической науки открытіе! Это нѣчто въ родѣ открытій современной ассиріологій! Но не Вавилонъ и Ассирія, а Лотарингія была мѣстомъ сенсационнаго открытія. Ей принадлежитъ, какъ увидимъ, рѣдкое счастье явить міру изъ пѣдръ бібліотекъ своихъ монастырей во всей ея неприкосновенности, безъ пропусковъ и урѣзовъ, безъ замѣтной порчи текста, изумительную двухъ книжную геометрію Боэція съ кусочками пифагоро-архитовскаго абака по концамъ каждой книги. Съ рукописями всякія невѣроятныя исторіи случаются. Что же тутъ мудренаго, что желанная абацистами геометрія Боэція явилась, какъ икона, ожиданно, но таинственно именно въ Лотарингіи, обдѣливъ собою всѣ другія страны съ болѣе древней культурой?

ГЛАВА I.

Что говорится въ геометріи Боэція объ абакѣ?

Съ жаромъ, должно быть, принялись лотарингскіе схоластики за чтеніе давно желанной книги. Что и какъ они въ ней понимали, это съ достовѣрностью за нихъ мы сказать не можемъ, а сами они ограничиваются лишь весьма общими намеками на содержаніе книги ¹⁾. Главное, что требовалось доказать, а именно, что къ абаку причастны и Пифагоръ и Боэцій, два столпа древней математики, и что *par dessus le marché* и Архитъ пифагореецъ не бездѣйствовалъ при этомъ, это они прекрасно поняли ²⁾. Надо думать, что и кое-что дру-

¹⁾ Въ родѣ наиримѣръ того, что Боэцій писалъ вообще объ абакѣ, а самый абакъ есть изобрѣтеніе Пифагора. См. прим. 2.

²⁾ *Regulae domni Odilonis super abbacum* (*M. Gerbert, Scriptores Eccles. de Musica*, I, 1784, pp. 296—302): „Haec ars non a modernis, sed ab antiquis inventa—Hujus artis inventorem Pythagoram habemus.—Hanc artem antiquitus graece conscriptam, a Boethio credimus in latinum translataм“. Тутъ видно вліяніе утвержденія нашего „Боэція“, что онъ взялъ свой абакъ у Архита, который былъ грекомъ, а Архитъ былъ имъ обязанъ пифагорейцамъ вообще и Пифагору въ частности. Одной изъ помянутыхъ словъ Боэція „ab Archita, non sordido hujus disciplinae auctore, Latio acco-

гое въ ученюмъ докладѣ Боэція объ абакаѣ имъ было куда понятнѣе, чѣмъ ученымъ XVI—XIX вѣка. Вѣдь они были абацисты! Абакаѣ съ его премудростію были для нихъ живая вещь, а не результатъ ученыхъ раскопокъ. Многое необходимое для пониманія этого доклада они легко читали по другимъ рукописямъ, хранившимся въ монастырскихъ бібліотекахъ, а мы должны открывать эти рукописи, съ трудомъ понимать и чуждое намъ содержаніе ихъ хранить на готовѣ въ памяти, чтобы уразумѣть очень иногда простую вещь. Зато мы равнодушно читаемъ нѣкоторыя вещи въ докладѣ объ абакаѣ, отъ которыхъ даже заурядный абацистъ долженъ былъ прійти въ состояніе полного оцѣпененія, какъ отъ хорошаго удара палкой по лбу. Но, и прія въ себя, абацисты XI вѣка не протестовали, не критиковали, а молча глотали всѣ нилюли, которыя имъ прописывалъ великій докторъ Боэціи. Нигдѣ, по крайней мѣрѣ, мы не читаемъ ихъ критики. Не настала въ то время еще наша пора, когда всякій смѣло готовъ развѣчивать авторитеты, если они говорятъ невѣрное, неподходящее или не нравящееся. Тогда авторитетъ вѣнчалъ иногда величайшую глупость, срывающуюся съ языка у канонизированной знаменитости, или заставлялъ повторять непонятныя вещи, и, чѣмъ что было непонятнѣе, тѣмъ казалось, конечно, мудрѣе.

Новѣйшимъ ученымъ, не абацистамъ, выросшимъ въ другихъ бібліотекахъ, постиженіе сущности ученаго свидѣтельства Боэція объ абакаѣ далось не легко. Это оказалась совсѣмъ не мягкая фига, а довольно таки твердый орѣхъ. Много о него было поломано зубовъ;

---

modatam“ не въ смыслѣ приспособленія греческаго абака къ употребленію его римлянами уже Архитомъ, а полагають (*credimus*), что это было впервые сдѣлано Боэціемъ. Для такого взгляда дать достаточно основаній изложеніе Боэціемъ системы дробей въ концѣ II книги (ниже прим. 62).—Ательгартъ изъ Бата (*Bath*, см. введеніе прим. 21), извѣстный тѣмъ, что былъ не только абацистъ, но и алгоритмикъ (арифметикъ на современный ладъ), повторяетъ даже послѣнее утвержденіе Боэція (введеніе прим. 33), будто абакаѣ сначала назывался „пифагоровымъ столомъ“, и только послѣ удостоился названія абака (см. введ. прим. 7): „*Pythagorici vero hoc opus composuerunt, ut ea, quae magistro suo Pitagora docente audierunt, oculis subjecta retinerent et firmitus custodirent. Quod ipsi quidem mensam pithagoream ob magistri sui reverentiam, sed posterit tamen abacum dixerunt*“ (*Bullet. Boncompagni t. XIV, 1881, p. 91*). Весь пассажъ Ательгарта есть текстуально близкое повтореніе соответствующаго пассажа Боэція, съ которымъ мы еще познакомимся. См. *Gerb. Opp. Math. p. 157 l. 9 n. n. 17*. Одного Архита, бѣднику, абацисты не цитировали, но имя его они, конечно, читали у нашего „Боэція“. Но что значить это имя рядомъ съ Пифагоромъ и любимцемъ среднихъ вѣковъ Боэціемъ? Звукъ пустой!

а все же онъ не былъ окончательно раскушенъ. Таблица дробей, въ концѣ 2-й книги, и ея отношеніе къ абаку и рисунку въ концѣ 1-й книги такъ таки и оставались загадкой. Достаточно сказать, что до сороковыхъ годовъ XIX вѣка, т. е. до Chasles'я ³⁾, никто изъ людей новаго времени ровню ничего не понималъ въ томъ, что говорилъ Боэцій, такъ какъ даже не было извѣстно, что такое тотъ абакъ, о которомъ онъ толкуетъ. Но и послѣ Шаля истина утлой ладьей робко пробиралась потихоньку впередъ черезъ волнуемое море ученыхъ толкованій и предположеній, съ трудомъ выдерживая тяжесть нагруженныхъ на нее ученыхъ сочиненій. Думается мнѣ, что, съ согласія читательной, ее удалось, можетъ быть, приютить въ пристанищѣ настоящей главы. Именно полнымъ забвеніемъ абака и его литературы объясняется несвойственная новѣйшимъ умамъ робость въ раскрытіи перловъ ученаго доклада геометріи Боэція, упорная вѣра въ него многихъ далеко не довѣрчивыхъ, а требовательныхъ критическихъ головъ ⁴⁾, постоянно возобновляемыя попытки проникнуть умственнымъ взоромъ въ глубину кладези, принимаемаго за кладезь премудрости. Имя Боэція не оставалось таки безъ вліянія и на повѣйшихъ ученыхъ, и вопросъ о кладезѣ премудрости невольно связывался съ вопросомъ о подлинности или неподлинности геометріи, какъ сочиненія Боэція. Кто принималъ ея свидѣтельство на вѣру, создавалъ вѣру изъ имени Боэція, кто сомнѣвался, тотъ все же не рѣшался сказать въ лицо одному изъ послѣднихъ представителей классической науки „лги, да знай же мѣру“, а предпочиталъ считать это сочиненіе подложнымъ. Но были и такіе, которые, признавъ это сочиненіе за подложное, приписывали ему авторитетность по какой-то странной привычкѣ и старались вымолотить зерна истины изъ соломы, которая могла бы ихъ содержать только въ томъ случаѣ, если бы она происходила изъ житницы Боэція ⁵⁾.

³⁾ *Chasles, Mémoire sur le passage du premier livre de la géométrie de Boèce (Mém. cour. par l'Ac. de Bruxelles t. XI, 1836).—Chasles, Aperçu hist. sur l'origine et le développement des méthodes en géométrie, 1 éd. 1837, 2 éd. 1875, pp. 464—476.*

⁴⁾ Возьмемъ хотя бы выдающихся историковъ математики *Chasles'а* (см. прим. 3 и въ другихъ его сочиненіяхъ) и *Cantor'а* въ *Vorles ü. Gesch. d. Math. I² (1894)* pp. 533—551, который, хотя и убавилъ вѣры въ Боэція сравнительно съ 1863 г., когда появились его *Math. Beiträge* (pp. 176—211), но все же вѣрнѣе въ геометрію Боэція съ абакомъ и лишь для полноты обзора лпцемѣрно допускаетъ: „Sei aber auch die der unsrigen entgegengesetzte Meinung die richtige“ (p. 547).

⁵⁾ Изъ скептиковъ подробно всѣхъ трактовалъ сюжетъ *A. Boeckh, De numeris Graecorum (Index lectionum quae... in universitate litteraria Friderica Guilelma per*

Ниже мы постараемся понять и оцѣнить то, что сказано въ геометріи Боэція объ абакѣ, въ всякой связи съ вопросомъ о принадлежности или непринадлежности ея Боэцію. При свѣтѣ другой известной мнѣ литературы объ абакѣ можно, кажется мнѣ, проникнуть взоромъ черезъ всю толпу густого тумана, покрывающаго концы обѣихъ книгъ геометріи Боэція. Если бы оказалось, что тутъ есть много недѣльницъ, а такъ оно, спѣшимъ предупредить, и окажется, то тѣмъ хуже для Боэція, если онъ авторъ. Онъ вѣдь былъ тоже человѣкъ и могъ ошибаться, тѣмъ болѣе, что его время было временемъ глубокаго паденія математики, какъ науки. Вопросъ же о принадлежности или непринадлежности ему двухъкнижной геометріи, повидимому, безконечный, мы разрѣшимъ, не прибѣгая къ доказательствамъ *ad hominem*, состоящимъ въ выуживаніи у него ошибокъ и въ утвержденіи, что такихъ ошибокъ онъ сдѣлать не могъ, а потому авторъ не онъ ⁶⁾, и не опирался на излюбленный, но подлежащій еще самъ доказательству, догматъ, будто абакъ и наши цифры съ нулемъ не могли быть известны Боэцію ⁷⁾. Если бы этотъ догматъ былъ доказуемъ, то вопросъ о подлинности геометріи Боэція съ абакомъ рѣ-

---

semeestre aestivum A. MDCCCXLI a die XIX M. Aprilis instituentur, Berolini, Formis Nauckianis, 1841).—*Friedlein*, Gerbert, die Geometrie des Boethius und die indischen Ziffern, Erlangen 1861;—Zur Frage über die Echtheit der Geom. des Boethius (Neue Jahrb. f. Phil. LXXXVII, 1863, pp. 425—427).—*Weissenborn*, Die Boethius-Frage (Zeitsch. f. Math. u. Ph. t. XXIV, Supplementheft 1879, pp. 187—240).—*Elo же* Zur Boethius-Frage (Progr. Grossherz. Realgymn. zu Eisenach 1880).—*Heiberg* (Philologus XLIII, 1884, pp. 507—522). Изъ нихъ Бекъ и Фридлейнъ повинны въ томъ, что, не вѣря въ авторство Боэція и ища автора чуть ли не въ XI в., лѣрятъ его единственнымъ въ своемъ родѣ свидѣтельствомъ, а Фридлейнъ даже и текстъ настоящаго Архита изъ Боэція выдвигиваетъ(!). *Cantor* Vorl. I^a p. 547, допуская теоретически подложность геометріи (см. прим. 4), тоже находитъ возможнымъ придавать большое значеніе геометріи, видя въ ней древнюю традицію, а не обманъ пустой.

⁶⁾ См. прим. 5. Особенно констатированіемъ ошибокъ заняты *Weissenborn* и *Heiberg*.

⁷⁾ См. *Friedlein*, Gerbert, die Geom. d. Boethius и другихъ ученыхъ. Нѣтъ, повидимому, ничего тверже того, что наши цифры Европа усвоила отъ арабовъ, а арабы и позднѣйшіе византійцы указываютъ на Индію, какъ на родину нашихъ цифръ. Но мы въ другомъ мѣстѣ („Ариомет. самостоятельность европ. культуры“, „Абакъ-колыбель современной ариометрики“; см. инд., прим. 2) покажемъ, что абакистамъ X—XII вв. наши цифры были известны независимо отъ арабовъ и индусовъ и притомъ въ болѣе архаической формѣ, съ названіями, неизвѣстными ни арабамъ, ни индусамъ и свидѣтельствующими о вавилонскомъ ихъ происхожденіи. См. Ариом. самост. европ. культуры, гл. IV.

шался бы просто. Но это совсѣмъ не такъ. Мы увидимъ, что даже признаніе этого сочиненія и его единственнаго древняго свидѣтельства объ абакѣ и нашихъ цифрахъ за подлогъ еще далеко не дѣлаютъ безнадежнымъ доказательство, что этотъ абакъ, даже наши цифры и знакъ, совершенно сходный съ нашимъ нулемъ, но имѣвшій другое значеніе, были извѣстны древности и до Воэція. Вопросъ о подлинности геометріи Воэція будетъ разрѣшенъ мною въ третьей главѣ этого сочиненія при помощи недопускающаго возраженій „геометрическаго“ метода наложенія текста на текстъ. Не штука бить ногами умирающаго льва, или въ монастырской школѣ XI вѣка сокрушать доморощеннаго мудреца въ монашеской рябѣ ⁹⁾. Пусть, попробуемъ оппонировать автору по существу, пока онъ для насъ Воэцій. Такой диспутъ съ Воэціемъ будетъ живѣе и интереснѣе, тѣмъ болѣе, что, если онъ окажется не Воэціемъ, а лишь облекшимся въ его костюмъ средневѣковымъ любителемъ ученаго маскарада, то ничто не помѣшаетъ намъ взять назадъ нашъ нѣсколько непочтительный тонъ и поренести его на настоящаго автора, извинившись передъ настоящимъ Воэціемъ.

Большая часть первой книги Воэція занята переводомъ Евклида на латинскій языкъ и вообще имѣетъ геометрическій характеръ ⁹⁾. Въ такой книгѣ рѣчь объ абакѣ, который долгое время считался тѣсно связаннымъ съ геометрией ¹⁰⁾, вполне уместна. Первая книга имѣетъ теоретическій характеръ. Практическая геометрія, задачи на измѣреніе треугольниковъ и другихъ фигуръ по опредѣленнымъ числовымъ даннымъ составляютъ содержаніе второй книги. Въ концѣ ея авторъ говоритъ о дробяхъ на абакѣ, такъ какъ дроби онъ, чисто на римскій манеръ, понимаетъ, какъ части реальныхъ единицъ, на примѣрѣ, извѣстныхъ мѣръ протяженія, а о нихъ вполне правильно онъ говоритъ въ началѣ 2-й книги передъ практическимъ измѣре-

⁹⁾ Авторъ выдѣтъ изъ реторты нашего изслѣдованія не въ тогѣ Воэція, а въ обликѣ лотарингскаго монаха XI в.

¹⁰⁾ Повсюду ниже подъ сокращеніемъ *Fr.* будетъ разумѣться изданіе *G. Friedlein. A. M. Torquati S. Boethii de institutione Arithmetica libri duo, de institutione Musica libri quinque, accedit geometria quae fertur Boethii, Lipsiae 1867, Bibl. Teubn.* Здѣсь pp. 372—428 напечатана наша геометрія „Воэція“. Геометрическимъ матеріаломъ изъ 28 стр., составляющихъ первую книгу, заняты 22 (pp. 373—392), абакомъ всего 6 (392—398). Орывки объ абакѣ переизданы у меня *Gerh. Opp. Math.* pp. 191—196.

¹¹⁾ См. введеніе прим. 3, 4, 5.

ніемъ. Можно, конечно, упрекнуть автора за такое раздвоеніе рѣчи объ абакаѣ, но, чтобы самый абакаѣ подходилъ къ остальному содержанию книги, какъ ложка меду въ бочкѣ дегтя, этого ни въ какомъ случаѣ утверждать нельзя. Связь по понятіямъ долгаго времени, начало котораго лежитъ въ древности, тутъ есть и даже большая.

Наполнивъ извлеченіями изъ перевода Евклида большую часть своей первой книги, Боэцій переходитъ отъ этихъ извлеченій прямо къ абаку. Онъ говоритъ ¹¹⁾: „Однако уже время прійти къ традиціи геометрическаго стола, которую Архитъ, безъизвѣстный писатель по этой отрасли, приспособилъ къ Лациуму. Но только прежде я предпошлю (si prius praemisero) о томъ, какіе роды угловъ и линій бываютъ, а также раньше скажу кратко о поверхностяхъ и границахъ“.

Тутъ еще на добрыхъ полторы страницы ¹²⁾ авторъ испытываетъ терпѣніе своихъ читателей схоластиковъ. Они уже думали, что дѣло дошло, слава Богу, до „геометрическаго стола“, съ которымъ мы уже знакомы ¹³⁾, и до Архита. Но авторъ заставляетъ ихъ читать разнаго рода геометрическія и землемѣрные дефиниціи. Часть ихъ появляется уже второй разъ на пространствѣ одной и той же первой книги (объ углахъ и линіяхъ уже въ началѣ ея ¹⁴⁾ авторъ приводитъ дефиниціи Евклида, на которыхъ собственно и можно было бы успокоиться), другая ихъ часть попадается въ первый разъ. Но какъ о томъ, такъ и о другомъ схоластики XI вѣка могли досыта начитаться изъ извѣстныхъ имъ (и намъ) рукописей римскихъ землемѣровъ (типа ТВbb) и даже въ опредѣленномъ ихъ мѣстѣ, которое имъ было извѣстно какъ анонимное, а мы его знаемъ, какъ принадлежащее землемѣру II вѣка послѣ Р. Хр. Бальбу ¹⁵⁾. Наконецъ, авторъ

¹¹⁾ „Sed jam tempus est ad geometricalis mensae traditionem ab Archita, non sordido hujus disciplinae auctore, Latine accommodatam venire, si prius praemisero, quot sint genera angulorum et linearum, et pauca luco praelocutus de summitatibus et extremitatibus“ (Fr. 393 II. 6—10, Gerb. Opp. Math. p. 193 II. 12—16).

¹²⁾ Fr. 393 I. 11—395 I. 2.

¹³⁾ См. введ. прим. 6.

¹⁴⁾ Fr. 374 II. 5—19.

¹⁵⁾ Balbi ad Celsum. Expositio et ratio omnium formarum (formae = geometr. фигуры), изд. въ Gramatici Veteres ex rec. C. Lachmanni. Berolini 1848, t. I, pp. 91—108. Въ рукописяхъ землемѣровъ типа ТВbb (ТВbba, ТВbbb), о которыхъ см. введ. прим. 8 и 38, находились анонимно отрывки Бальба: Gram. Vet. I, 96, 21—97, 13; 95 II. 5—10; 96 I. 21—97 I. 13; 98 I. 11—103 I. 11; 103 I. 17—104 I. 6; 104 I. 13—105 I. 12; 105 I. 16—106, 8, которые даютъ даже больше, чѣмъ можно чи-

рѣшается перейти къ обѣщанному абаку—счетному инструменту, который схоластики сразу же узнали въ „геометрическомъ столбѣ“.

„Для того, чтобы умѣть обходиться съ той схемой, которую мы напредъеваемъ передать, необходимо, говорить онъ ¹⁶⁾, чтобы тотъ, кто обращается къ этому искусству (т. е. абака), зналъ, что такое диниты, что артикулы, что такое совмѣстныя, что одинокія ¹⁷⁾ числа, что такое множители, или что такое дѣлители“.

Обо всемъ этомъ авторъ даетъ понятіе вкратцѣ ¹⁸⁾, но все это его читатели XI вѣка прекрасно знали и безъ него. А вотъ то, что слѣдовало дальше, было для нихъ очень интересно и въ этой опредѣленности даже совершенно ново.

„Мужи ¹⁹⁾ древней мудрости всю высоту философіи основали на силѣ чисель. Они слѣдовали въ этомъ тиваторейскому ученію, а также были ревностными послѣдователями ²⁰⁾ и созерцателями указаній платоновскаго авторитета. Кто безъ знакомства съ числами способенъ оцнить и познать модуляціи музыкальныхъ симфоній? Кто уловитъ хотя бы даже самой тверди зѣздныхъ массы, состояція изъ

татъ у Возція. Знакомство абацистовъ съ рукописями ТВbba лучше всего доказываетъ тѣмъ, что рукопись именно этого типа Гербертъ нашелъ въ 988 г. въ Воббю (см. введ. прим. 38—39) и послалъ ее или копию съ нея къ Адальбольту въ Льежъ, фактъ впервые и точно мною установленный (см. Gerb. Opp. Math. p. 475).

¹⁶⁾ „Nosse autem hujus artis dispicientem, quid sint digiti, quid articuli, quid compositi, quid incompositi numeri, quid multiplicatores, quidve divisores, ad hujus formae speculationem, quam sumus tradituri, oportet“ (Fr. 395 ll. 3—6; Gerb. Opp. Math. 156 ll. 4—7).

¹⁷⁾ „Compositus“ я перевожу „совмѣстный“, — „incompositus“ — „одинокій“. Термины эти установлены мною въ „Подлинное сочиненіе Герберта объ абакѣ“, кн. II, гл. 1, прим. 2 (см. выше, введ. прим. 2).

¹⁸⁾ Fr. 395 ll. 6—22; Gerb. Opp. Math. p. 156 ll. 7—20.

¹⁹⁾ „Priscae igitur prudentiae viri, Pythagoreum dogma secuti, Platonicaeque auctoritatis investigatores speculatoresque curiosi totum philosophiae culmen in numerorum vi constituerunt. Quis enim musicarum modulamina symphonicarum, numerorum expers, censendo pernoscat? Quis ipsius firmamenti siderea corpora stellis compacta, naturae numerorum ignarus, deprehendat, ortusque signorum et occasus colligat? De arithmetica vero et geometrica quid attinet dicere, cum, si vis numerorum pereat, nec in nominando appareant. De quibus quia in arithmeticeis et musicis sat dictum est, ad dicenda revertamur“ (Fr. 395 l. 25—396 l. 6; Gerb. Opp. Math. p. 156 l. 22—157 l. 8).

²⁰⁾ Думаю, что иначе трудно перевести „Platonicaeque auctoritatis investigatores“. Здѣсь „investigator“ не значить „ислѣдователь“, а „послѣдователь“ (ищущій „in vestigio“).

свѣтъ, и замѣтитъ восходъ и заходъ созвѣдій, если ему неизвѣстна природа чиселъ? А объ ариѳметикѣ и геометріи стоитъ ли говорить, когда, если исчезла бы сила чиселъ, то и званія ихъ не осталось бы?! Объ этомъ однако довольно сказано въ ариѳметикѣ и музыкѣ ²¹⁾. А потому возвратимся къ тому, что мы хотѣли сказать“.

Послѣ этого общаго введенія слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительно то, что авторъ уже давно собирался сказать, да все по дорогѣ заблутывался о другомъ.

„Чтобы ²²⁾ не впасть какъ-нибудь въ ошибку (aliquando fallerentur) при умноженіи или дѣленіи, а также въ подизмѣ ²³⁾, тѣоарейцы, какъ на все они были изобрѣтательными и остроумными, такъ и въ данномъ случаѣ нарисовали себѣ нѣкій рисунокъ. Этотъ рисунокъ они называли въ честь своего учителя тѣоаревымъ столомъ, такъ какъ то, что они нарисовали, они узнали благодаря указаніямъ своего учителя. Позднѣйшіе называли его абакомъ. Нарисовали они себѣ этотъ рисунокъ въ тѣхъ видахъ, чтобы при помощи наглядной демонстраціи лучше перелить въ общее всѣхъ свѣдѣніе то, что они воспріяли въ своемъ высококомъ умѣ. Самый же рисунокъ имѣлъ у нихъ слѣдующій довольно удивительный видъ“.

Послѣдній издатель Бовѣя, Фридлейнъ, въ своемъ изданіи, на которое мы постоянно и ссылаемся, даетъ на стр. 396, какъ онъ выражается въ прим. 17, „самый простой рисунокъ абака“ (abaci

²¹⁾ „In arithmetiis et musicis“, авторъ разумѣетъ, конечно, свою собственную, т. е. Бовѣя, ариѳметику и музыку. Ниже онъ (Fr. 390 l. 4; Gerb. Opp. Math. p. 192 l. 11) говоритъ уже, не обвиняясь, „in nostrorum arithmeticarum theorematibus instructus“, т. е. о своей собственной ариѳметикѣ.

²²⁾ „Pythagorici vero, ne in multiplicationibus et partitionibus et in podismis aliquando fallerentur, ut in omnibus erant ingeniosissimi et subtilissimi, descriperunt sibi quandam formulam (quam ab honorem sui praeceptoris mensam Pythagoram nominabant, quia hoc, quod depinxerant, magistro praemonstrante cognoverant, — a posterioribus appellabatur abacus), ut, quod alta mente conceperant, melius, si quasi videndo ostenderent, in notitiam omnium transfundere possent, eamque subterius habita sat mira descriptione formabant“ (Fr. 396 ll. 7—16; Gerb. Opp. Math. p. 157 ll. 9—17). Вмѣсто принятаго въ текстъ Фридлейна „partitionibus“ я беру вариантъ нѣкоторыхъ рукописей, указанныхъ у Фридлейна, т. е. „partitionibus“, такъ какъ только этотъ вариантъ выдерживаетъ смысловую критику.

²³⁾ Подпизмъ называлось первоначально число линейныхъ, квадратныхъ и кубическихъ футовъ въ геометрическихъ фигурахъ, а потомъ и умѣнно опредѣляти это число для соотвѣтствующій отдѣлъ практической геометріи. См. Gerb. Opp. Math. p. 78 n. 16 и указатель подъ словомъ „podismus“.

simplicissimam tantum formam in contextum reseri), т. е. двѣнадцать вертикальныхъ колоннъ, которыя справа влѣво помѣчены римскими цифрами I, X, C, M и т. д. По изъ приложенныхъ тутъ же къ стр. 396 на отдѣльномъ листѣ рисунковъ абака въ различныхъ рукописяхъ видно, что этотъ „самый простой рисунокъ“ не находится ни въ одной рукописи, а есть собственный выводъ Фридлейна. Такимъ образомъ Фридлейнъ измѣнилъ обязанности издателя и замѣнилъ ее своимъ собственнымъ авторствомъ, которое было бы интересно лишь въ самостоятельномъ изслѣдованіи, а не въ издаваемомъ текстѣ Бозція, гдѣ намъ интересно только то, какъ рисовалъ этотъ рисунокъ Бозцій, а не Фридлейнъ. Ни откуда не видно, чтобы Бозцій стремился въ данномъ случаѣ къ простотѣ. Напротивъ, основываясь на рисункахъ рукописей, приведенныхъ у Фридлейна, и на нѣкоторыхъ соображеніяхъ и сопоставленіяхъ, которыя будутъ приведены ниже въ этой же главѣ, я могу сказать съ безусловной точностью, что рисунокъ имѣлъ у автора геометріи слѣдующій видъ. (См. табл. на стр. 24).

Что касается изображеній цифръ (во второмъ сверху ряду), то рукописи даютъ разумѣется изображенія, нѣсколько варьирующія, но изъ этихъ вариантовъ имѣютъ значеніе лишь знаки для девяти и пяти, которые стоятъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вверхъ ногами, что сближаетъ девятку съ шестеркой, а пятерку съ буквой h. Знакъ третій справа для тройки стоитъ то на одномъ, то на другомъ боку. Точное воспроизведеніе знаковъ и ихъ вариантовъ меня здѣсь не интересуетъ. Съ меня довольно, что это просто знаки нашихъ цифръ въ ихъ древнѣйшей формѣ, отъ которой наши цифры, хотя онѣ уже значительно уклонились, несомнѣнно происходятъ.

Этотъ рисунокъ абака, кажущійся удивительнымъ автору геометріи, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ ровно ничего удивительнаго для XI и XII вв. Совершенно такіе же рисунки мы находимъ у многихъ абацистовъ X—XII вѣковъ⁴²). Даже и та его несущественная осо-

⁴²) Взять хотя бы рисунокъ абака въ Бернской рукописи № 250 (Bongars.) десятого вѣка fol. 1, написанный „Girbertus Latio numeros abaci que figuras“, и рисунокъ парижской рукописи 8663 начала XI в. fol. 49 v., стоящій въ связи съ сочиненіемъ Герберта объ абакѣ и представляющій несомнѣнно только вариантъ перваго рисунка. Колоннъ здѣсь правда 27, и названій цифръ (Igin, Andras и т. д.; ср. прим. 46) нѣтъ, но за то въ одномъ горизонтальномъ ряду (2 сверху) стоитъ черезъ двѣ колонны справа влѣво изображенія цифръ, въ другомъ ряду—I, X, C, Ī, X̄ и т. д., въ третьемъ половинѣ I, X, C, Ī, X̄, въ четвертомъ четверти, въ пятомъ восьмью, въ

	Sipos	Ce- lentis	Tome- nias	Zenis	Cal- ctis	Qui- mas	Arbas	Or- mis	And- ras	Igin	
	⊙	9	8	Λ	↳	4	Ⓐ	Ⓕ	Ⓖ	1	
CM̄	XM̄	IM̄	CM̄	XM̄	M̄	C̄	X̄	Ī	C̄	X̄	Ī
L̄ D̄D̄	V̄ D̄D̄	D̄ D̄D̄	L̄ D̄D̄	V̄ D̄D̄	D̄ D̄	L̄	V̄	D	L	V	IS
XXV D̄	II S D̄	CCL D̄	XXV D̄	II S D̄	CCL CCL	XXV	II S	CCL	XXV	II S	I 3
XII S CCL	I 3 C L	CXXV CCL	XII S CCL	I 3 CCL	CCL	XII S	I 3	CXXV	XII S	I 3	I 3

бенность, что число колоннъ доходило всего до 12 вмѣсто 27, какъ у Герберта и многихъ другихъ, совсѣмъ не свойственна ему только одному²⁵). Никого, конечно, изъ абацистовъ нашъ авторъ не уди-

нештомъ во всѣхъ 27 колоннахъ изображеніе знаковъ римскихъ дробей, съ которыми мы еще познакомимся. Этотъ рисунокъ, какъ это будетъ видно изъ третьей главы, есть рисунокъ гербертовской школы.

²⁵ См. трактатъ объ абакѣ, начинающійся словами „Ars ista vocatur abacus“ (напеч. *Chastel, Comptes Rendus Ac. Sc. XVI, pp. 237—246*), гдѣ изъ описанія рисунка ясно, что колоннъ можно рисовать и 12 и больше (р. 238: „disponantur quaedam spacia, XII vel plura lateraliter, quae spacia arcus nominantur“). Въ этихъ аркахъ

внлъ и тѣми десятью знаками, которые онъ справа влѣво внисалъ (во второмъ горизонтальномъ ряду) въ первыя десять колоннъ абака, начиная со знака для единицы и кончалъ знакомъ похожимъ на современный нуль (крайній влѣво). Странно звучащія названія, сопровождающія ихъ (въ первомъ горизонтальномъ ряду), странны однако только для насъ, а никакъ не для абакистовъ XI—XII вѣковъ, которые умудрялись ихъ даже перекладывать въ стихи ²⁶). Иѣкоторые до того забыли ими себѣ памороки, что вмѣсто того, чтобы сказать „дважды три шесть“ говорили „андрасъ на ормисъ будетъ кальтисъ“ ²⁷). Таблица умноженія и при этой тарабарщинѣ оставалась внѣ всякаго сомнѣнія. Сомнѣніе могъ собственно возбуждать разнѣ только здравый смыслъ тѣхъ абакистовъ, которые, говоря и думая по латыни, употребляли для первыхъ девяти цифръ тарабарскія названія. Очевидно, они видѣли въ этихъ названіяхъ что-то священное и таинственное, и думали, кажется, что они умножали не числа, обозначаемыя этими знаками, съ ихъ именами, а самыя цифры и имена. И поперечныя линіи съ различнаго рода числовыми помѣтками и дробными знаками были извѣстны въ X—XII вѣкахъ ²⁸). Совершенно напраснымъ является возбужденный новѣйшими учеными ²⁹) вопросъ, не вставлены ли знаки и имена для девяти чиселъ и нуля уже позднѣ Боэція, или нельзя ли

писались, начиная съ первой справа и до девятой влѣво, изображенія девяти цифръ съ ихъ названіями. Хотя абакисты этотъ писакъ не ранѣ конца XII в., какъ это видно изъ его арабскаго настроенія и соответствующей чудесной филологіи („*Agri ista vocatur abacus, hoc nomen vero arabicum est et sonat mensa*“! см. введ. прим. 7), но онъ передаетъ въ своемъ трактатѣ только обыкновенное ученіе объ абакѣ, такое, какое мы находимъ, начиная съ X в., у Герборта. Ничего арабскаго въ немъ нѣтъ кромѣ арабской филологіи (для слова *mensa*), но и она неудачна. Видно, во всякомъ случаѣ, что арабская ариметика уже перекочевала изъ Испаніи подъ тѣмъ же названіемъ абака (введ. прим. 1) и распространила убѣжденіе, будто и абакъ съ колоннами и его названіе арабскаго происхожденія. Число колоннъ 27 есть только одинъ изъ вариантовъ. У Герландъ (нач. XII в.) напримѣръ 15 колоннъ (*Bulletino Vinc. X pp. 598: „tres arcus sufficient, nos tamen malumus abundare, quam deficere, ideo ponimus XV“*), а рукопись Карльеруэ даетъ даже XII, p. 601 („*quintadecimare*“ „класть въ пятнадцатую колонну“).

²⁶) *Cantor, Vorles. I^a p. 839* печатаетъ эти стихи изъ ватиканской рукописи (*Vat. Univ. 5327*).—*Chasles, Aperçu historique* (ed. 1875) p. 478 изъ шартрской рукописи, которую онъ относитъ къ XI в., но которая написана на самомъ дѣлѣ въ XII в. (*Chartres 498*, прежде № 142, *Gerb. Opp. Math. p. XXVI*).

²⁷) Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, Герландъ (см. прим. 25).

²⁸) См. прим. 24.

²⁹) Литература предмета и разные взгляды на геометрію Боэція будутъ изложена ниже въ главѣ „Обманщикъ и обманутые“.

предположить, что хоть десятый-то знакъ прибавленъ послѣ Бозэція. Пусть Бозэцій знаетъ всего лишь девять знаковъ. Нельзя же ему разрѣшить знать и нуль, ибо вѣдь тогда вся наша ариометика у него очутится въ карманѣ! Вѣдь ни у одного древняго писателя нѣтъ ни звука объ этихъ знакахъ! Вѣдь несомнѣнно, что наша ариометика и цифры, сходныя съ цифрами геометріи Бозэція, индусскаго происхожденія, а Бозэцій уже потому не можетъ принадлежать къ числу святыхъ этого индико-ариометическаго вѣроисповѣданія, что жилъ до или во всякомъ случаѣ внѣ нашего ариометическаго спасенія!

Не подозрѣвалъ всего того шума, который долженъ былъ быть вызванъ много времени спустя его рисункомъ, нашъ Бозэцій продолжалъ академически ³⁰⁾:

„Пользовались же они ³¹⁾ рисункомъ выше изображеннаго вида слѣдующимъ образомъ. Замѣтилъ прежде всего, что у нихъ были апикси или характеры ³²⁾ разныхъ типовъ (diverse formatos apices vel characteres)“.

„Одни изъ нихъ написали для себя знаки апиковъ такого рода, что слѣдующій значекъ соответствовалъ единицѣ: 1, а вотъ этотъ двойкъ: , третій тремъ: , четвертый четверкъ: ,

³⁰⁾ „Superius vero digestae descriptionis formula hoc modo utebantur. Habebant enim diverse formatos apices vel characteres. Quidam enim hujuscemodi apicum notas sibi conscripserant, ut haec notula responderet unitati (см. текстъ), ista autem binario (см. текстъ), tertia vero tribus (см. текстъ), quarta vero quaternario (см. текстъ), haec autem quinque ascriberetur (см. текстъ), ista autem senario (см. текстъ), septima autem septenario conveniret (см. текстъ), haec autem octo (см. текстъ), ista autem novenario jungeretur (см. текстъ). Quidam vero in hujus formae descriptione literas alfabeti sibi assumebant hoc pacto, ut litera, quae esset prima, unitati, secunda binario, tertia ternario, ceteraeque in ordine naturali numero responderent naturali. Alii autem in hujusmodi opus apicos naturali numero insignitos et inscriptos tantummodo sortiti sunt. Nos enim apices ita vario ceu pulverem disporgere in multiplicando et dividendo consuevit, ut si...“ (Fr. 397 ll. 1 — 17, Gerb. Opp. Math. p. 158 l. 1—159 l. 2). Объ изображеніи знаковъ остается въ силѣ сказанное только что въ текстѣ. Я отступилъ отъ изображенія ихъ въ текстѣ у Фридлейна только для пятерки, для которой Фридлейнъ предпочелъ стоящую вверхъ ногами форму, похожую на латинское h. „Арехъ — значить просто знакъ, буква, а также и жетонъ, на которомъ писались знаки для раскладки на абакѣ. Этотъ послѣдній смыслъ даже ближе къ первоначальному значенію слова „арехъ“ (см. Georges s. v. arx). Ср. выше въ приведенной цитатѣ: „apices naturali numero insignitos et inscriptos“.

³¹⁾ Пифагорейцы, конечно.

³²⁾ И то и другое значить изображеніе знаковъ.

вотъ этотъ приписывался пяти: **Ч**, такой вотъ шести: **Б**, седьмой приходился семеркѣ: **Л**, а этотъ восьми: **8**, этотъ же приходится къ девяткѣ: **9**“.

„Другіе же въ рисунки этого вида брали себѣ для пользованія буквы алфавита ³³⁾, съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая буква соответствовала единицѣ, вторая двойкѣ, третья тройкѣ, и остальныя въ своемъ естественномъ порядкѣ соответствовали бы естественному числу“.

„Третьи наконецъ довольствовались тѣмъ (*tantummodo sortiti sunt*), что для этой цѣли усвоили себѣ апки съ назначеніемъ и написаніемъ на нихъ естественнаго числа“ ³⁴⁾.

„Такого-то вотъ рода апки они при умноженіи и дѣленіи обыкновенно разсытали разнообразно прямо какъ тѣль какую-то, тигъ, что...“.

Дальше идетъ весьма краткое и для незнакомаго съ абакомъ совершенно непонятное руководство ³⁵⁾ по части нумераціи на абакѣ (значеніе цифръ по положенію той колонны, въ которой они находятся), по умноженію и дѣленію на абакѣ. Особенно кратки какъ разъ головоломныя правила дѣленія на абакѣ. Онѣ, если ихъ подробно и толково изложить, и то заставятъ призадуматься ³⁶⁾. Намеки же автора, которые онъ даетъ вмѣсто правилъ, обращаютъ его главу о дѣленіи въ китайскую головоломку, которой, какъ, впрочемъ, и всего, что написано здѣсь, никто не понималъ, начиная съ первого печатнаго изданія этого Боэція въ концѣ XV вѣка и кончая первой половиной XIX вѣка, когда Паль выдвинулъ изъ мрака вѣковъ счисленіе и операциі абака, истолковалъ впервые краткое сочиненіе Герберта объ абакѣ, понялъ еще въ двадцать разъ болѣе краткое изло-

³³⁾ Конечно, греческаго. Латинскій алфавитъ нашъ авторъ избралъ, начиная отъ А до М, въ концѣ второй книги для изображенія дробей, а не цифръ, какъ это мы въ свое время въ этой же главѣ увидимъ.

³⁴⁾ Это, конечно, латинскія цифры: I, II, III, IV, VI, VII, VIII, VIII.

³⁵⁾ *Fr.* 397 l. 17—400 l. 27; *Gerb. Opp. Math.*, pp. 159 l. 4—161 l. 25.

³⁶⁾ Въ этомъ всякій убѣдится, кто прочтаетъ ихъ въ объясненіи *Charles'a* (*Comptes Rendus, Ac. Sc. t. XVI, pp. 218—246, 281—299*), или *Фридриха Zeitsch. f. Math.* IX pp. 145—171), а также и моп сочиненія „Подлинное сочиненіе Герберта объ абакѣ“ кн. II (см. введ. прим. 2) и „Ариом. самост. евр. культ.“, гл. VI.

женіе нашего Боэція и призналъ, что Гербертъ и нашъ Боэцій говорятъ въ сущности объ одномъ и томъ же абакѣ ³⁷⁾. Впрочемъ, и послѣ Шаля не мало тутъ было еще затрудненій и недоразумѣній. Стоять только припомнить, чего только не продѣлывали съ „пифагоровой доской“ ³⁸⁾, и какъ только се не объясняли!

Но нашъ авторъ писалъ не для XIX—XX вѣковъ, а для того вѣка, когда онъ самъ жилъ. Въ то время абакъ былъ многимъ хорошо извѣстенъ, и со своимъ изложеніемъ онъ выступалъ совсѣмъ не въ качествѣ пионера. Онъ писалъ геометрію, а въ геометріи обязательно долженъ былъ фигурировать, какъ мы помнимъ ³⁹⁾, абакъ. Вотъ онъ и коснулся абака слегка, придавая главное значеніе не изложенію абака, а вопросу объ изобрѣтеніи абака и его филиаціи вплоть до своихъ собственныхъ временъ. И по этому вопросу онъ сказалъ не мало страшно важныхъ вещей.

Если бы онъ хотѣлъ обучать абаку, то чѣмъ, какъ не ироніей, звучали бы его слѣдующія строки? Въ началѣ главы о дѣленіи онъ говоритъ ⁴⁰⁾: *„что касается дѣленій“* ⁴¹⁾, *то умъ читателя легко съумѣетъ ихъ познать, если только онъ хоть сколько-нибудь введенъ въ нихъ. Мы намерены въдѣ говорить о нихъ кратко и суммарно, а потому, если что тутъ попадется темнаго, то это мы поручаемъ дополнить внимательному упражненію (diligenti exercitio) читателей“*. Въ концѣ своего отдѣла объ абакѣ онъ еще разъ говоритъ то же самое обо всемъ своемъ абакѣ ⁴²⁾: *„Всѣ это я изложилъ въ видѣ краткаго введенія. Если что-нибудь сказано темно, или, чтобы не надоесть, пропущено, то это мы поручаемъ упражненію внимательнаго читателя. Здѣсь же мы заключаемъ эту нашу книгу и обращаемся къ*

³⁷⁾ См. прим. 3.

³⁸⁾ Пифагорова доска—просто абакъ (см. введ. прим. 6 и 33). А въ немъ видѣли и таблицу умноженія или толковали еще иначе (*Friedlein*, см. прим. 119).

³⁹⁾ См. введ. прим. 3.

⁴⁰⁾ „Divisiones igitur quantalibet jam ex parte lectoris animus introductus facile valet discernere. Breviter etenim de his et summotenus dicturi, si qua obscura intervenerint, diligenti lectorum exercitio adinvestiganda committimus“ (*Fr.* 399 l. 17—400 l. 2; *Gerb. Opp. Math.* p. 160 l. 22—161 l. 2).

⁴¹⁾ Т. е. правилъ о дѣленіи.

⁴²⁾ „Hanc vero brevi introductione praelibantes, siqua obscure sunt dicta vel. ne taedio forent, praetermissa, diligentis exercitio lectoris committimus, terminum hujus libri facientes et quasi ad utiliora sequentium nos convertentes“ (*Fr.* 400 l. 28—401 l. 2; *Gerb. Opp. Math.* p. 161 ll. 25—28).

дальнѣйшему изложенію, какъ къ такому, которое еще не было всего этою". Такъ заканчиваетъ нашъ Боэцій свою первую книгу, намѣреваясь перейти къ чисто землемѣрной практической геометріи, составляющей вторую книгу. Она, конечно, не ему только казалась полезнѣе всего того, что было сказано въ первой книгѣ. Вездѣ онъ говоритъ серьезно. Онъ не смѣется надъ своимъ читателемъ и ужь, понятно, не думалъ, что наступитъ время, когда онъ самъ станетъ смѣшонъ своимъ читателямъ.

Повторяемъ, что все, сообщаемое Боэціемъ здѣсь, не заключало въ себѣ ничего существенно новаго для читателей XI вѣка. Они прекрасно знали всѣ детали абака, его рисунки, даже и тѣ знаки, отъ которыхъ такъ или иначе происходятъ наши цифры съ ихъ странными именами, были имъ знакомы. И имъ было извѣстно, что на жетонахъ абака эти знаки совсѣмъ не были единственно и обязательно употребляемыми. Намъ извѣстенъ абакистъ конца десятаго вѣка, употребляющій на абакѣ безо всякаго смущенія римскія цифры I—IX ⁴³). Бернелингъ разрѣшаетъ намъ писать на жетонахъ для обозначенія первыхъ десяти чиселъ буквы греческаго алфавита отъ альфы до теты (эвты) ⁴⁴). Боэцій приводитъ въ рисунокъ десять знаковъ, изъ которыхъ послѣдній имѣетъ форму кружка съ написаннымъ въ немъ треугольникомъ, легко превращавшимся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ въ букву **(a)**. Въ текстѣ же онъ говоритъ всего о девяти знакахъ. Но и по этому поводу нечего кричать „караулъ“ и пронохивать уголовное преступленіе подлога рисунка, какъ это дѣлали нѣкоторые новѣйшіе ученые ⁴⁵), или удалять этотъ десятый знакъ съ рисунка, или прибавлять его въ текстѣ, какъ это считаютъ нужнымъ дѣлать другіе, или, наконецъ, производить надъ текстомъ Боэція операцію удаленія прототиповъ нашихъ цифровыхъ знаковъ. Всѣ эти крайнія мѣры и волненія были результатомъ недоразумѣнія или твердаго догмата объ индусско-арабскомъ происхожденіи нашихъ цифръ. Но для абакистовъ XI вѣка, жившихъ до начала арабскаго вліянія въ ариметикѣ и ничего объ

⁴³) Анонимъ о дробяхъ — *Incertus de minutis*. Критически изданъ мною Gerb. *Opp. Math.* pp. 225—244. Здѣсь римскія цифры на абакѣ см. на рисункахъ pp. 241, 242. О времени написанія p. 226 n. 1.

⁴⁴) *Olleris, Oeuvres de Gerbert*, p. 361. Абакистъ, скрывающійся подъ буквами I, G. (*Bullet. Boncomp. X. p. 607*) „*Primus caracter habet A, secundus B, I', Δ, E, S, Z, H, Θ*“.

⁴⁵) См. главу „Обманщикъ и обманутые“.

арабахъ не знавшихъ, а знаки, приводимые Боэціемъ, съ ихъ именами прекрасно знавшихъ⁴⁶⁾, этотъ догматъ не только не былъ обязательнымъ, но даже, вѣроятно, показался бы имъ смѣшнымъ. Дѣйствительно, какъ бы это они, живущіе, можно сказать, на другой день послѣ предположимаго порохода этихъ знаковь отъ арабовъ въ христіанскую Европу, не знали бы объ этомъ? Какъ бы это они могли спокойно проглотить такую пилюлю, какъ появленіе недавнихъ арабскихъ знаковь у Боэція? Но именно то, что произвело такой переполохъ въ повѣйшее время, было встрѣчено ими спокойно съ довѣріемъ. Для нихъ не было ровно ничего удивительнаго въ томъ, что знаки, извѣстные имъ безо всякихъ арабовъ, были знакомы и Боэцію. Они удивились бы скорѣе противоположному. Поэтому никто въ средніе вѣка не высказывалъ никакого сомнѣнія въ подлинности или всей двухъ книжной геометріи Боэція, или хотя бы пассажа объ абакахъ или цифрахъ. Для всего этого наступилъ чередъ въ новѣйшее время. Никакого противорѣчія въ томъ, что въ рисунгѣ Боэціи приводить десять знаковь, а въ текстѣ девять, они точно также не видѣли. Они десятый знакъ совсѣмъ не считали за цифру. Они его на своихъ

⁴⁶⁾ Изображенія ихъ приводятъ *Бернелимъ* (*Olleris, Oeuvres de Gerbert, p. 361*), *Герландъ* (*Bullet. Boncompagni X p. 596*), *Радульфъ* Ланскій (*Zeitschr. f. Math. XXXIV Suppl. pp. 97, 117*), *абациста*, скрывающийся подъ буквами I. G. (*Bullet. Boncomp. X p. 607*), трактатъ „*Ars ista vocatur abacus*“ (*Charles CC. ВВ. Ac. Sc. XVI p. 238*), приведенные въ прим. 24 рисунокъ абака бернской (250) и парижской (8663) рукописей. Изъ сравненія описанія абака первымъ *комментаторомъ* на Герберта (№ 1, см. *Gerb. Opp. Math. pp. 248—249*), писавшаго въ 999—1003, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что его „*caracteres*“ или „*notae*“ или „*figurae*“ (*unitatis, binari, ternarii... novenarii*), распределенные черезъ двѣ колонны въ третью, начиная съ первой, суть не что иное, какъ изображенія нашихъ цифръ, фигурирующія на одномъ изъ указанныхъ выше рисунковъ (*Par. 8663*) тоже черезъ двѣ колонны въ третью. Слова Рихера (*lib. III c. 54*) объ абака Герберта „*cujus longitudini in XXVII partibus diductae novem numero notas omnem numerum significantes disposuit*“ относятся несомнѣнно къ рисунку, схожему съ рисункомъ бернской и парижской рукописей, и къ тѣмъ же „*notae*“ *комментатора*, т. е. къ нашимъ девяти цифрамъ. Врядъ ли Рихеръ могъ бы греческія цифры Α—Ο назвать „*notae*“, а римскихъ числовыхъ знаковь вѣдь всего семь, какъ это мы сами знаемъ и ясно говорятъ еще въ IX в. *Рабанъ-Мауръ* (*Liber de computo, Migne 107 col. 673*): „*Septem ergo litteris numeri notantur, id est I, V, X, L, C, D, M*“. — Названія цифръ (*Igin, Andras etc.*) приводятъ *Герландъ*, авторъ трактата „*Ars ista vocatur abacus*“, *Радульфъ*, стихи, цитированные выше въ прим. 26. Изображенію нуля приводятъ *Радульфъ* (нач. XII в.): это кругъ съ точкой по серединѣ. Его названіе, „*sipos*“ мы находимъ у *Радульфа* и въ стихахъ, цитированныхъ въ прим. 26 (по тексту *Vatic. Univ. 5327*): „*Hunc sequitur Sipos est (?), qui rota namque*

рисункахъ абака тоже приводили, а въ своемъ изложеніи въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорили о цифрахъ, они его тоже пропускали не хуже Воцціа ⁴⁷⁾. За то объ этомъ кругѣ они говорили въ другихъ мѣстахъ своего текста и объясняли, что онъ служитъ для отмигтовъ тѣхъ изъ девяти цифръ, на которыя нужно обратить особенное вниманіе, на примѣръ при умноженіи многозначныхъ, чтобы знать, какіе именно разряды помножаются въ данную минуту. Этотъ „кружокъ“ (rota), или „кружочекъ“ (rotula), или „чистый сверху кружочекъ“, или „излишній кружочекъ“ (rotula supervacua, можетъ быть: supra vacua?) или „сипось“ (испорченное: „псефось“) ставился надъ той цифрой, на которую хотѣли обратить вниманіе. Только въ одномъ произведеніи ⁴⁸⁾ я встрѣтилъ нѣсколько похожее на наше теперешнее

---

vocatur“. Cantor перевелъ „rota“ черезъ „Rad“—колесо, но это просто другое неподходящее переводу названіе сипоса. Подъ этимъ названіемъ мы находимъ сипось у комментатора Герберта 999—1003 (Gerb. Opp. Math. pp. 257 II. 14, 25, 26; 258 II. 11, 25, 35; 259 II. 8, 18, 25; 260 II. 2, 18, 31; 261 II. 3, 12, 18, 28): rota, rotula но совершенно отдѣльно отъ цифръ. Значитъ, всѣ знаки и названія Воцціи были извѣстны абацистамъ, по меньшей мѣрѣ, начиная съ X в.

⁴⁷⁾ Правда, такихъ рисунковъ, гдѣ всѣ десять знаковъ стояли бы въ рядѣ, нигдѣ кромѣ, какъ у Воцціа, мы не нашли. Въ другихъ рисункахъ нули нѣтъ, но это объясняется тѣмъ, что при расположеніи въ 27 колоннахъ черезъ двѣ, начиная съ первой, девятка попадаетъ въ 27 разрядъ и для десятого знака нѣтъ подходящаго мѣста, но, разъ они располагались въ колоннахъ подрядъ, то ничто не мѣшало любому абацисту поставить „сипось“ въ 10 колонну, какъ это у Воцціа.—Комментаторъ на Герберта 999—1003, описывая рисунокъ абака (см. предыд. прим.), приводитъ только девять „potae“, а о „rota“ онъ говоритъ отдѣльно, въ другомъ мѣстѣ, при описаніи операціи умноженія.

⁴⁸⁾ См. *третій комментарий* на Герберта, Gerb. Opp. Math. pp. 275 l. 11, 277 l. 16, 279 l. 14. Здѣсь намъ нуль еще остается круглымъ жетономъ, „кружкомъ“ (rotula), а не письменнымъ знакомъ, но ставится въ пустыхъ колоннахъ между цифрами, гдѣ въ немъ на абакѣ при колоннахъ совсѣмъ нѣтъ никакой нужды. Напр. р. 275 l. 11 дѣлитель 302 изображается тремя знаками жетонами съ 3 и 2 въ колоннахъ сотенъ и единицъ и „ротулой“ въ колоннѣ десятковъ. Въ другихъ двухъ мѣстахъ этого сочиненія намеки на ротулы („dicesque cum rotulis“, „cultis rotulis“) заставляютъ думать, что эти ротулы или вѣстѣ съ мѣченными жетонами въ счетѣ во множителяхъ и такимъ образомъ опредѣляли автоматически мѣсто произведенія, безъ тѣхъ сложныхъ правилъ, которыя даютъ Гербертъ (Gerb. Opp. Math. pp. 8—11) и Пернеръ (ibid. pp. 208, 209), совершенно такъ, какъ у насъ. Хотя точная дата этого замѣчательнаго документа и неизвѣстна, однако авторъ всецѣло еще стоитъ подъ влияніемъ ученія Герберта, нигдѣ ничего новаго, нигдѣ ничего арабскаго не вводитъ. Врядъ ли онъ писалъ позже XI в. Во всякомъ случаѣ, и нуль его не арабскій. Арабскій нуль извѣстенъ послѣдователямъ арабской ариметики (альгоритмикамъ)

употребленіе этого кружка, а именно для отмѣтки, что пустая колонна между двумя заполненными такъ и должна остаться пустой и никакая цифра въ нее не должна попадать. Все это были въ сущности совѣтъ несважныя значенія „кружка“. Безъ него абацисты могли прекрасно обойтись. Но употреблять этотъ кружокъ въ колоссально-важномъ значеніи нашего нуля имъ не могло прійти даже въ голову, такъ какъ нашъ нуль имъ былъ совершенно не нуженъ; онъ замѣнялся пустой колонной абака съ большимъ успѣхомъ. Понятіе нуля у нихъ было, а въ знакъ для него они не нуждались. Вотъ почему, желая привести всѣ вообще знаки, употребляющіеся въ абацѣ, на рисунокъ его, они приводили ихъ десять. Когда же они перечисляли цифры, они могли и должны были привести всего девять знаковъ. Такъ собственно должны дѣлать и мы: говори о знакахъ нашей нумераціи мы приводимъ ихъ десять, перечисляя цифры мы можемъ указать девять: нуль не есть знакъ для числа.

Наконецъ, всѣ эти Пифагоры, пифагорейцы, Архиты-пифагорейцы и Боэціи и ихъ роль въ изобрѣтеніи и передачѣ абака, все это не только не могло казаться парадоксальнымъ абацистамъ XI вѣка, но, напротивъ, вполне оправдывало и подтверждало ихъ неопредѣленныя чаянія, ожиданія и предположенія ⁴⁹⁾.

И такъ абацистамъ XI вѣка ничего не оставалось, какъ съ до-вѣріемъ и восторгомъ привѣтствовать появленіе въ ихъ именномъ время впервые двухкнижной „пестолницей“ геометріи Боэціи! Никто ранѣе XII вѣка не обнаруживаетъ ни малѣйшаго знакомства съ двухкнижнымъ Боэціемъ. Всѣ цитаты, которыя можно было бы привести отсюда ранѣе XII вѣка, можно найти въ пятикнижномъ Боэціи, который извѣстенъ былъ уже въ IX вѣкѣ ⁵⁰⁾. Ни одной рукописи ранѣе XI вѣка

съ конца XII в. исключительно подъ названіемъ „сифра“ или „circulus“, названіе *spros* или *gota*, *gotula* имъ совершенно неизвѣстны (см. мою „Ариом. самост. европ. культуры“, стр. 96, прим. 2). А нашъ авторъ называетъ свой нуль, какъ и первый комментаторъ Герберта (999—1003), стариннымъ названіемъ „*gotula*“, что есть вольный, реальный, переводъ греческаго ψῆφος (*psiphos*), откуда явилось „сипосъ“. Такимъ образомъ, тутъ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ классическимъ пластическимъ нулемъ въ видѣ неписаннаго сверху, чистаго сверху жетона (см. комментатора 999—1003 гг. на Герберта *Gerb. Opp. Math.* 257 l. 14: *gotula supergasua* = можетъ быть „сирга таспа“).

⁴⁹⁾ См. введениіе.

⁵⁰⁾ *Gerb. Opp. Math.* pp. 180 l. 12—188 l. 23 (особ. p. 181 ll. 12—18). Этими пятикнижнымъ сочиненіемъ уже пользовался Гербертъ (см. выше введ. прим. 39). Древность этой компіляціи доказывается еще и тѣмъ, что авторъ ея пользовался

этой двухкнижной геометріи не найдено и, какъ мы скоро увидимъ, и не будетъ найдено. Всякому, кто представитъ таковую, я берусь доказать, что онъ ошибся въ своемъ опредѣленіи по той простой причинѣ, что этой геометріи ранѣе XI вѣка и не существовало ¹⁾.

И. Бубновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

очень древнимъ экземпляромъ рукописей римскихъ землемеровъ (см. введеніе прим. 8, 38), очень похожимъ на архетипъ всѣхъ ихъ, т. е. на T, если не самымъ T, который относится къ VII вѣку (Gerb. Opp. Math. p. 401—405, особ. 421—426).

¹⁾ Она, какъ увидимъ изъ слѣдующихъ главъ, только въ XI в. въ концѣ сфабрикована.

ЗАБЫТАЯ ПОПЫТКА КОДИФИКАЦИИ ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКАГО ПРАВА ПРИ ГРАФѢ СПЕРАНСКОМЪ ¹⁾.

XI.

По смыслу Высочайшей резолюціи на Положеніи западнаго Комитета, отмѣнялось прежнее право во всѣхъ *западныхъ* губерніяхъ. Такимъ образомъ, отмѣнялись *не* вообще *все* дѣйствовавшія въ Россійской Имперіи нормы польско-литовскаго происхожденія, а только тѣ, которыя имѣли силу въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Уже выше отмѣчено ²⁾, что по обычной официальной терминологіи губерніи малороссійскія къ числу „западныхъ“, или „присоединенныхъ отъ Польши“, не относились, слѣдовательно, резолюція Государя по своему буквальному смыслу не охватывала малороссійскихъ мѣстностей. Эта территория литовско-польскаго, или точнѣе говоря, *литовскаго* права сохранилась и до сихъ поръ въ дѣйствующемъ правѣ.

Въ пользу отмѣны малороссійскаго права нельзя было приводить тѣхъ соображеній, которыя лежали въ основаніи изданія этой мѣры для мѣстностей юго- и сѣверо-западнаго края. Малороссія не бунтовала въ 1830 году, и о „польскомъ“ характерѣ этого края никогда и рѣчи не было; напротивъ, старинныя распри его съ Польшей доказывали даже прямо противоположное.

Далѣе, право Малороссіи, со времени присоединенія ея къ Имперіи, имѣло свою судьбу, отличную отъ судьбы права западныхъ гу-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 годъ.

²⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1906 г., августъ, стр. 254.

берній,—вліяніе Польши значительно ослабѣло послѣ присоединенія Украйны къ Москвѣ. Внутреннее отличіе малороссійскаго права отъ права западныхъ губерній было замѣчено при кодификаціонныхъ работахъ, поэтому, когда составлялся Западный Сводъ, и было рѣшено малороссійскіе законы собрать въ отдѣльномъ кодексѣ.

Благодаря такому обособленному положенію малороссійскихъ губерній, указъ 25 іюня 1840 года не повлекъ за собой пріостановки кодификаціи мѣстныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ тамъ.

Напротивъ, согласно Высочайшей резолюціи 11 января 1840 года на докладъ Блудова (который былъ тогда главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ), эти работы были продолжасмы и въ конечномъ результатѣ привели къ составленію дѣйствующихъ и нынѣ статей X тома, спеціально относящихся до губерній Черниговской и Полтавской. Если разсматривать эти статьи въ современномъ составѣ дѣйствующаго законодательства, то онѣ представляютъ собой „чистые“ остатки малороссійскаго права, существовавшаго тамъ до 1840 года. Собранію ихъ предшествовала очистка мѣстнаго права отъ различныхъ архаическихъ элементовъ, которые по инерціи, номинально, сохраняли свою силу и служили только источникомъ всеобщихъ недоразумѣній.

Въ началѣ XIX столѣтія выяснилась необходимость формальной отмѣны магдебургскаго права, дѣйствовавшаго во многихъ мѣстностяхъ Украйны, и эта работа была выполнена при близкомъ участіи Даниловича. Для полнаго выясненія смысла законодательныхъ актовъ, направленныхъ къ упорядоченію малороссійскаго права, и для точнаго описанія хода кодификаціонныхъ работъ въ его области, необходимо въ краткихъ словахъ коснуться его исторіи за прежніе вѣка¹⁾.

До присоединенія къ Россіи, съ 1471 г., Малороссія, „непрестанное позорище войны между Россіей, Польшей, Литвой и Татарами“, какъ сказано въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о составленіи Западнаго Свода“, входила въ составъ великаго княжества Литовскаго, и вслѣдствіе этого „Статуты 1529 и 1566 гг., при самомъ ихъ изданіи, были уже закономъ, дѣйствовавшимъ въ Малороссіи“²⁾. Но

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣется въ виду не полное описаніе вѣтшей исторіи малороссійскаго права въ XIX вѣкѣ, а только исторія разработки законодательныхъ актовъ, стоящихъ въ связи съ кодификаціей.

²⁾ „Обозрѣніе истор. свѣд. о сост. Свода мѣстныхъ законовъ Зап. губ.“, I раздѣлъ, II отдѣленіе (А. Г. С. № 587). Части „Обозрѣнія“, касающіяся Малороссіи, составлены по сочиненію Вантышъ-Каменскаго „Исторія Малой Россіи“ и Полному Собранію Законовъ.—О дѣйствіи въ южныхъ областяхъ Речи Посполитой

дальнѣйшее вліяніе Речи Посполитой на права Малороссіи было незначительно. Сеймовыя конституціи въ Малороссіи не имѣли никакой силы ¹⁾; de jure весь правопорядокъ опредѣлялся Статутомъ, отдѣльными привилегіями королей, обычаями и другими нормами мѣстнаго происхожденія, въ частности готманскими наказами. Но кромѣ Статута, изъ Литвы было занесено въ Украину и магдебургское право, какъ нѣкоторая законченная система городского права. Появленіе его относится къ довольно отдаленнымъ временамъ. Въ царскихъ грамотахъ, подтверждающихъ городамъ ихъ прежнія права и вольности, дѣйствіе магдебургскаго права уже прямо предполагается ²⁾. Есть данныя, по которымъ можно установить, что оно дѣйствовало, напр., въ Стародубѣ и Поречславѣ уже въ 1620 году, въ Новгородѣ Сѣверскомъ въ 1622 г., въ Черниговѣ въ 1623 г. и др. ³⁾. Главнымъ источникомъ магдебургскаго права являлись сочиненія Гронцкаго и Щербача, распространенныя въ Польшѣ, за которыми признавался авторитетъ истиннаго текста закона; но оно отчасти измѣнялось мѣстными юридическими обычаями, которые въ нѣкоторыя области права вносили значительныя перемѣны ⁴⁾.

Всѣ эти прежнія малороссійскія права, при присоединеніи къ Московскому государству, были торжественно подтверждены; такія же подтвержденія имѣли мѣсто и впоследствии ⁵⁾.

Въ 1728 году (22 августа) было приказано приступить къ собра-

той (восподства Киевское, Волынское и Брацлавское) *второго* („Волынскаго“) Статута, а не *третьяго* 1588 г. см. проф. *Бершадскій*, Литовскій Статутъ и польскія Конституціи, стр. 6.

¹⁾ О томъ, что конституціи сеймовъ не имѣли силы въ Малороссіи, см. „Обозрѣніе“, а также „обзоръ исторіи Малороссійскаго права“, представленный II Отдѣленіемъ въ Государственный Совѣтъ, А. Г. С. дѣло № 5а, 1840 годъ. Это явствуетъ также изъ свидѣній, приводимыхъ проф. *А. Ф. Кистляковскимъ*, Прага, по которымъ судится малороссійскій народъ, стр. 35 слѣд., особенно стр. 55.

²⁾ См. *Кистляковскій*, „Права“, стр. 4.

³⁾ „Обозрѣніе“, I разд. II отд., которое здѣсь слѣдуетъ Бантышъ-Каменскому, Исторія Малой Россіи, I, стр. 191 и 223.

⁴⁾ Теперь, послѣ цитированнаго изслѣдованія *А. Ф. Кистляковскаго* и работы *Ф. В. Тарановскаго* „Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права“, Варшава, 1897 г.; см. особенно стр. 55, также 34 и слѣд., не можеть быть никакихъ сомнѣній, что именно книги Гронцкаго и Щербача имѣли въ Малороссіи силу источниковъ права.— О мѣстныхъ источникахъ права см. *Базальи*, Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892 г., мартъ).

⁵⁾ См. объ этомъ I главу.

нию въ одинъ сводъ мѣстныхъ малороссійскихъ нормъ, и для этого велѣно было образовать особую комиссію изъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ ¹⁾. Работы комиссіи подвигались медленно, и изъ Петербурга приходилось часто напоминать ей о необходимости довести дѣло до конца. Въ 1734 году, когда комиссія была преобразована на новыхъ началахъ, еще ничего не было окончено. По новому штату комиссія должна была состоять изъ (не болѣе) 12 членовъ, мѣстопробываніемъ для нея была назначена Москва (а не Глуховъ, какъ было раньше), а въ качествѣ предсѣдателя предполагалось приставить къ ней „искусную персону изъ великороссіянъ“, на расходы было ассигновано 2.000 р. въ годъ. Въ слѣдующемъ году комиссіи было разрѣшено переѣхать обратно въ Глуховъ; составъ ея впоследствии измѣнился. Ей удалось—по крайней мѣрѣ формально—довести до конца порученное ей дѣло, т. е. перевести на русскій языкъ распространенные въ Малороссіи правовые сборники и сдѣлать изъ нихъ общій сводъ.

Перевели прежде всего Литовскій Статутъ. Какой оригиналь и текстъ какой редакціи были положены въ основаніе перевода, нельзя установить съ точностью; можно думать, что переводчики пользовались польскимъ изданіемъ 1693 года ²⁾. Этотъ переводъ комиссіи впоследствии получилъ значительное распространеніе въ Малороссіи, и многочисленные рукописные экземпляры его были собраны проф. А. О. Кистяковскимъ ³⁾. Языкъ этихъ отдѣльныхъ экземпляровъ во многомъ тождественъ; какъ это, такъ и другія обстоятельства заставляютъ признать полную убѣдительность за догадкой проф. Кистяковского о томъ, что семью этихъ рукописей можно возвести къ одному переводу, за которымъ признавался крупный авторитетъ, а авторомъ перевода не могъ быть никто иной, какъ комиссія. Но во всякомъ случаѣ, кто бы ни былъ переводчикомъ распространенныхъ въ Малороссіи версій Статута, одно несомнѣнно: въ нынѣшнихъ губерніяхъ Черниговской и Полтавской въ половинѣ XVIII вѣка получилъ распространеніе Ста-

¹⁾ Исторія кодификаціи малороссійскаго права въ XVIII вѣкѣ превосходно разработана въ цитиров. выше изслѣдованіи проф. А. О. Кистяковскаго: „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“. Кіевъ (1879), введеніе; по сравненію съ этимъ трудомъ, работа г. *Теличенко*, „Очерки кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ“, Кіевъ, 1888 г., не даетъ много новаго.—Въ текстѣ указаны только главнѣйшіе моменты кодификаціи малороссійскаго права, болѣе подробныя свѣдѣнія могутъ быть почерпнуты изъ книги проф. Кистяковскаго.

²⁾ Проф. Кистяковскій, „Права“ стр. 16.

³⁾ Указ. соч., стр. 34.

туть *третьей* редакціи 1588 г., переведенный не съ русскаго, а съ польскаго языка. De jure долженъ былъ бы дѣйствовать тамъ Статутъ *второй* редакціи, 1566 г.; но, очевидно, время сдѣлало свое, и старый памятникъ былъ вытѣсненъ новымъ, который по точной буквѣ закона тамъ не долженъ былъ имѣть силы.

Далѣе, комиссія перевела 1) книгу Щербича Speculum Saxonicum подъ заглавіемъ: „Зерцало Саксоновъ, или право саксонское и магдебургское, порядкомъ алфавита изъ Латинскихъ, изъ Немѣческихъ экземпляровъ (сводовъ) собранное и на польскій языкъ тщательно и вѣрно черезъ Павла Щербича, секретаря Его Королевскаго Величества Польскаго новоперенесенное, нынѣ же на Русскій штатскій языкъ по указу Ея Императорскаго Величества переведенное лѣта Господня 1732“.

2) Книгу Кушевича „Право Хельминское, поправленное и съ Латинскаго языка на польскій истолкованное, въ 5 книгахъ къ общей пользѣ переведенное черезъ Павла Кушевича изъ Хельмна, по милости и привилеи Священнѣйшаго Королевскаго Величества, нынѣ же съ Польскаго на Русскій штатскій языкъ по указу Ея Императорскаго Величества переведенное лѣта Господня 1735“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что хельминское право въ русскихъ городахъ было очень мало распространено; случаевъ пожалованія его городамъ, по словамъ О. В. Тарановскаго, извѣстно теперь не болѣе десяти. Поэтому, естественно возникаетъ вопросъ о мотивахъ, на основаніи которыхъ комиссія включила и трудъ Кушевича въ число переводимыхъ ею памятниковъ дѣйствующаго права. По мнѣнію О. В. Тарановскаго ²⁾, этотъ переводъ должно объяснять желаніемъ комиссіи собрать наибольшее количество матеріаловъ для разрѣшенія разныхъ сомнѣній, которыя оставляли труды Гроицкаго и Щербича ³⁾. Другими менѣе глубокими, по, пожалуй, болѣе правдоподобными соображеніями объясняютъ переводъ Кушевича Даниловичъ ⁴⁾. Какъ онъ предполагаетъ, комиссія перевела трактатъ Кушевича только потому, что въ 1646 году онъ былъ изданъ вмѣстѣ съ книгой Щербича въ

¹⁾ Заглавія, приведенныя ниже, заимствованы изъ описи, при которой изысканъ въ архивѣ II Отдѣленія экземпляръ рукописи (въ одномъ томѣ) препровожденъ въ Комитетъ Министровъ. См. А. Г. С. дѣло № 17, 1828 года (№ 928).

²⁾ Тарановскій. Обзоръ памятниковъ, стр. 50.

³⁾ Тарановскій, тамъ же, стр. 49.

⁴⁾ А. Г. С. дѣло № 17, 1828 г. (№ 928), записка Даниловича.

одномъ томѣ, и, переводя трудъ послѣдняго, комиссія прихватила и приложение, не задумываясь вовсе надъ обязательностью для Малороссіи нормъ, собранныхъ Купевичемъ. Этимъ, конечно, еще не устраняется окончательно предположеніе и о томъ, что право хельминское могло служить матеріаломъ для истолкованія другихъ сборниковъ магдебургскаго права.

3) Такими же, вѣроятно, соображеніями слѣдуетъ объяснять и фактъ перевода учебника Церасина *Encheiridion aliquot locorum etc.*, который не имѣлъ распространенія въ Малороссіи¹⁾.

4) Затѣмъ, перевела комиссія и другую книгу Щербича „Право гражданское Майдбургское съ латинскаго и съ нѣмецкаго на польскій языкъ тщательно и вѣрно переведенное чрезъ Павла Щербича, на тотъ часъ Синдика Львовскаго, потомъ секретаря Его Величества, нынѣ же на Русскій штатскій языкъ по указу Ея Императорскаго Величества переведенное, лѣта Господня 1735“.

5) Сверхъ этого комиссія перевела книгу Гроицкаго, *Porządek Sadow etc.*, которая на практикѣ имѣла силу законнаго текста. Подъ общимъ заглавіемъ „Порядокъ судовъ“ были собраны въ одно всё вообще сочиненія Гроицкаго.

6) Наконецъ, кромѣ ученыхъ трактатовъ, въ числѣ матеріаловъ, имѣвшихся въ комиссіи и ею переведенныхъ, встрѣчается еще и собраніе магдебургскихъ нормъ въ чистомъ ихъ видѣ—сборникъ Яскера (1535 года).

На основаніи всѣхъ перечисленныхъ выше литовскихъ и нѣмецкихъ источниковъ былъ составленъ законченный въ 1743 г. сводъ дѣйствующихъ на Украинѣ законовъ, подъ названіемъ „Права, по которымъ судятся малороссійскій народъ“. Памятникъ этотъ былъ представленъ генераломъ Бибиковымъ, стоявшимъ во главѣ управленія Малороссіи въ 1744 г. въ Сенатъ. Повидимому, долгое время онъ лежалъ безъ всякаго движенія, пока въ 1756 г. не состоялся указъ объ отсылкѣ его къ гетману Разумовскому, для новаго пересмотра. Въ 1758 г. была снова созвана комиссія для исполненія указа, но отъ дѣятельности ея не осталось никакихъ слѣдовъ. Съ этихъ поръ вообще прекращаются всѣ свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ мѣстной кодификаціи. Центральное правительство не дѣлало никакихъ попытокъ ускорить дѣло, и эту бездѣятельность его не слѣдуетъ объяснять случайностью: русское правительство преслѣдовало политику объединенія

¹⁾ Тарановскій, Обзоръ памяти., стр. 51.

Малороссіи во всѣхъ отношеніяхъ съ прочей имперіей и, какъ справедливо указываетъ проф. Кистяковскій ¹⁾, было заинтересовано въ томъ, чтобы о „Правахъ“ скорѣе забыли. Въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ, касающихся кодификаціи малороссійскихъ законовъ, ничемъ не говорится о проектѣ Глуховской комиссіи.

Дѣло собранія мѣстныхъ законовъ было организуемо на новыхъ началахъ при каждой попыткѣ кодифицировать имперское законодательство. Въ комиссію 1767 года были приглашены, въ числѣ прочихъ, и депутаты отъ Черниговской губерніи; о собраніи малороссійскихъ нормъ заботились и комиссіи составленія законовъ, собранныя при Павлѣ I и Александрѣ I, дѣятельность которыхъ въ этомъ направленіи уже описана выше ²⁾. О работахъ Глуховской комиссіи и о выработанномъ ею сводѣ въ Малороссіи память исчезла, и притомъ настолько основательно, что вниманіе научныхъ изслѣдователей было впервые обращено на нихъ только послѣ того, какъ проф. Кистяковскій, случайно въ 1874 году, снова „открылъ“ „Права“ и, издавъ этотъ памятникъ съ прекраснымъ историческимъ введеніемъ, сдѣлалъ его прочнымъ достояніемъ науки.

Однако, о существованіи въ архивахъ трудовъ Глуховской комиссіи знали нѣкоторые дѣятели, причастные къ кодификаціи права западныхъ окраинъ. Ясное представленіе о немъ и его источникахъ имѣлъ и Даниловичъ, который впервые подвергъ малороссійскій сводъ научной разработкѣ ³⁾. Но свѣдѣнія эти, впоследствии, въ свою очередь похо-

¹⁾ Кистяковскій, указ. сочнн. стр. 27.

²⁾ См. выше, глава II.

³⁾ Въ собственной бібліотекѣ Даниловича имѣлись интересныя рукописи твореній малороссійской комиссіи. Объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго. Графъ Канкринъ собралъ значительное (повидному) количество изданій Литовскаго Статута и въ 1837 году представилъ свою коллекцію Государю, который приказалъ передать ее во II Отдѣленіе. Но Канкринъ, интересовавшійся, очевидно, Литовскимъ Статутомъ, кромѣ этого, поручилъ управляющему Кіевскою Казенною палатой справиться о нѣкоторыхъ рукописяхъ, принадлежавшихъ Даниловичу, который въ то время былъ профессоромъ въ Кіевѣ. Въ 1838 году онъ получалъ изъ Кіева отвѣтъ, и въ немъ между прочимъ сказано слѣдующее: „Кромѣ сего, г. Даниловичъ имѣетъ подлинную и единственную рукопись свода Малороссійскаго права, составленную въ царствованіе Елизаветы Петровны, комиссіей, назначенной изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, коихъ собственноручныя подписи находятся на концѣ сей книги, Статутомъ пменусмой. Но списъ надписанъ и красноты почерка рукопись сія весьма примѣчательна“ (А. Г. С. № 20, 1837 [1273]). Возможно, что эта рукопись содержала не самый сводъ, а только переводъ Статута. О дальнѣйшей судьбѣ этой рукописи я

ронения въ архивѣ, пропали безъ пользы для послѣдующихъ изслѣдователей, которымъ пришлось изучать все съизнова.

Въ началѣ XIX вѣка сводъ, составленный въ 1743 году, могъ имѣть значеніе уже только источника исторіи малороссійскаго права, такъ какъ въ концѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ различныхъ законодательныхъ актовъ Екатерины II, мѣстное право подверглось ряду коренныхъ измѣненій. Въ 1787 году было введено въ Малороссіи административное дѣленіе на губерніи ¹⁾ (сперва три: Кіевская, Новгородъ - Сѣверская и Черниговская, Полн. Собр. Зак. № 15227, 15229; затѣмъ въ 1796 г. — была выдѣлена Кіевская, въ особомъ составѣ, и наконецъ въ 1802 г. образованы изъ Малороссійскихъ мѣстностей двѣ губерніи Черниговская и Полтавская, въ современныхъ границахъ; указы 1-го января и 27-го февраля 1802 г., Полн. Собр. Зак. №№ 20099 и 20162).

При этомъ новомъ раздѣленіи былъ введенъ и новый порядокъ судопроизводства, описанный въ екатерининскомъ „Учрежденіи о губерніяхъ“, и хотя мѣстное матеріальное право прямо и не было затронуто имъ, но новый судебный порядокъ нанесъ ему тяжелый ударъ. Особенно сильно отразилась перемѣна процессуальныхъ порядковъ на дѣйствіи магдебургскаго права.

Глубокихъ корней нѣмецкое право не имѣло въ Малороссіи, а новый канцелярскій характеръ судопроизводства, новый личный составъ служащихъ и другія обстоятельства сильно способствовали скорѣйшему его забвенію ²⁾. Въ 1796 г. (указъ 3-го ноября) прежніе порядки были отчасти возстановлены Павломъ I, но магдебургское право за десять лѣтъ уже успѣло утратить всякое значеніе. Это лучше всего доказывается тѣми фактами, которые привели къ формальной его отмѣнѣ.

Въ 1824 году Сенатъ, разбирая рѣшеніе Полтавскаго генеральнаго суда по дѣлу мѣщанина Вовнянки съ купцомъ Калабуховымъ о денежныхъ дѣлахъ по торговлѣ, усмотрѣвъ, что судъ примѣнилъ къ

не могъ собрать свидѣній. Изъ черновыхъ набросковъ завіщанія Даниловича (хранящихся въ числѣ его бумагъ въ Виленской Публичной Библіотекѣ) можно заключить, что онъ оставилъ свою бібліотеку своимъ (двумъ) сыновьямъ, а гдѣ она находится теперь, и установить не могъ.

¹⁾ А. Г. С. дѣло № 6а, 1840 г. часть II, „Историческое обозрѣніе хода законодательства въ Малороссіи“, приложенное къ законамъ, которые были внесены въ Государственный Совѣтъ.

²⁾ Кистляковскій, „Права“, стр. 90 слѣд.

дѣлу Литовскій Статутъ, а не магдебургское право, опредѣлявшее имущественныя отношенія горожанъ. Въ виду этого, Сенатъ рѣшеніе Полтавскаго генеральнаго суда отмѣнилъ, предоставивъ истцу снова начать искъ по магдебургскому праву, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ генеральному суду снабдить экземплярами этихъ законовъ всѣ полтавскія судебныя мѣста. Но генеральный судъ вскорѣ донесъ, что онъ нигдѣ не могъ отыскать магдебургскаго права; не оказалось его ни въ повѣтовыхъ судахъ, ни въ магистратахъ и ратушахъ, ни даже въ Виленскомъ губернскомъ правленіи, куда почему-то тоже обратились за справками. Нашли только одинъ экземпляръ, да и то не полный, у адвоката Герловича. Поэтому генеральный судъ въ свою очередь обратился къ Сенату съ просьбой сдѣлать распоряженіе о напечатаніи необходимаго количества экземпляровъ и о разсылкѣ ихъ куда слѣдуетъ, а до тѣхъ поръ пока эта разсылка не окончится, просилъ разрѣшенія рѣшать дѣла по Статуту.

Къ этому ходатайству всецѣло присоединился и военный генералъ-губернаторъ, подтверждавшій, что требованіе Сената рѣшать дѣла по магдебургскому праву неудобноисполнимо и приведетъ къ остановкѣ всѣхъ тяжбъ въ судахъ. Но Сенатъ твердо стоялъ на своемъ. Въ своемъ отвѣтѣ на представленіе генеральнаго суда онъ старается изобличить послѣдній во внутреннихъ противорѣчіяхъ. Полтавскій генеральный судъ самъ основываетъ свои сужденія по дѣламъ объ убыткахъ по однимъ выпискамъ изъ магдебургскаго права, говорится тамъ, слѣдовательно, „естъ ли бы не имѣлъ того права, то и выписокъ дѣлать было бы не изъ чего“.

Далѣе, изъ представленія суда Сенатъ усмотрѣлъ, что Полтавскій городской магистратъ „отыскалъ у себя въ архивѣ книгу правъ магдебургскихъ, но яко бы безъ начала, и не объясняя количества недостающихъ листовъ, прислалъ оную въ Генеральный судъ. Обстоятельство сіе“, заключаетъ Сенатъ, „обнаруживасть, что Генеральный судъ представленіями своими наводятъ одну только напрасную переписку и излишне затрудняютъ Правительствующій Сенатъ“. Наконецъ, нашлась часть магдебургскихъ законовъ въ сенатскомъ архивѣ, книга его въ переводѣ, „доставленная въ бывшихъ годахъ изъ Малороссіи, а сіе опровергаетъ уже изъясненіе Генеральнаго суда, что якобы нѣтъ въ Малороссіи той книги“. Въ результатъ за неумѣнье отыскать потерянный законъ Генеральный судъ получилъ замѣчаніе, а Сенатъ рѣшилъ: 1) приказати руководствоваться магдебургскимъ правомъ и 2) войти къ министру юстиціи съ представленіемъ о нано-

чатаніи достаточнаго количества экземпляровъ магдебургскихъ законовъ для разсылки¹⁾.

Сенатскій указъ 1824 года имѣлъ громадное практическое значеніе,—вслѣдствіе ого остановились въ судахъ всѣ дѣла мѣщанъ. Мѣстные суды не рѣшались разбирать такіе процессы по прежнему, по Статуту, въ виду такого настойчиваго разъясненія Сената, а другого закона, „настоящаго“, у нихъ не имѣлось. Отъ этого и обыватели и торговля терпѣли необыкновенныя стѣсненія и убытки. Генералъ-губернаторъ Бенкендорфъ нѣсколько разъ указывалъ въ своихъ донесеніяхъ на эти неудобства и просилъ ускорить дѣло. Въ концѣ 1827 года министръ юстиціи (въ то время князь Долгорукой) представилъ въ Комитетъ Министровъ о необходимости изготovitъ черезъ переводчиковъ министерства иностранныхъ дѣлъ переводъ магдебургскаго права. По въ засѣданіи 21-го февраля 1828 года Комитетъ и министръ юстиціи согласился съ мнѣніемъ Балугьянскаго, представлявшаго въ Комитетъ II Отдѣленіе, что можетъ быть не вызоветъ неудобствъ пользованіе переводомъ уже сдѣланнымъ въ 1732—1735 гг., и полагалъ достаточнымъ напечатать его и „обратить для общаго пользованія“, и все дѣло для дальнѣйшаго изслѣдованія комитетъ передалъ во II Отдѣленіе.

Во II Отдѣленіи, не смотря на ту быстроту въ канцелярскомъ разрѣшеніи дѣлъ, которой требовалъ и достигалъ Сперанскій, вопросъ о магдебургскомъ правѣ нѣсколько залежался. Объясняется это очень просто—во II Отдѣленіи не было свѣдущихъ чиновниковъ, которые могли бы разобраться въ такомъ запутанномъ дѣлѣ. И задача, поставленная II Отдѣленію, была не изъ легкихъ, надо было разыскать такой законъ, который „потеряли“ всѣ инстанціи, и низшія и самыя высокія. Къ серьезному разсмотрѣнію дѣла, не смотря на хлопоты Бенкендорфа объ ускореніи, можно было приступить только съ пріѣздомъ Даниловича, т. е. во второй половинѣ 1830 года.

„Внѣшняя исторія магдебургскаго права есть предметъ, никѣмъ

---

¹⁾ А. Г. С. дѣло № 12, 1828 г. (№ 928). Въ распубликованной запискѣ II Отдѣленія (II Полн. Собр. Зак., № 4319) фактическія обстоятельства дѣла изложены въ сокращенномъ видѣ.—Сенатъ предполагалъ даже уже окончательно рѣшенныя по Статуту дѣла горожанъ предписать перерѣшить по магдебургскому праву.—У *Середонина*, Историческій Обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. II, часть I, стр. 322 фактическая сторона дѣла изложена не точно,—вопросъ о магдебургскомъ правѣ возникъ въ Комитетѣ именно вслѣдствіе представленія министра юстиціи, по настоянію Сената, а не по ходатайству малороссійскихъ городовъ.

не тронутый въ нашей литературѣ. Что такое магдебургское право, откуда, т. е., изъ какихъ элементовъ и какимъ образомъ оно возникло и разлилось, какими путями и сѣвось какую среду оно проникло въ Польшу, Литву и Малороссію, все это вопросы, которыхъ никто у насъ не касался“. Такъ писалъ въ 1879 г. проф. Кистяковскій ¹⁾. И онъ былъ совершенно правъ: всѣ русскія ученые работы по вышней исторіи магдебургскаго права, — а ихъ и теперь очень немного, — вышли уже послѣ книги А. О. Кистяковскаго ²⁾. Но утверждение проф. Кистяковскаго по существу не совсѣмъ вѣрно. Имѣется одно очень старое, но почтенное, изслѣдованіе по этому вопросу, въ которомъ описана исторія нѣмецкаго права — въ общихъ чертахъ — въ Малороссіи. Именно, первымъ, правда, короткимъ, однако, вполне научнымъ трактатомъ о магдебургскомъ правѣ въ Малороссіи была записка Даниловича, представленная имъ Сперанскому 28-го декабря 1830 года ³⁾; ее можно прочесть, но къ сожалѣнію въ нѣсколько сокращенномъ видѣ во (второмъ) Полномъ Собраніи Законовъ, подъ № 4319. Вниманіе ученыхъ изслѣдователей она не привлекла въ той мѣрѣ, какъ она этого заслуживаетъ, потому что въ ней не указана авторитетная фамилія ея составителя и въ опубликованномъ текстѣ выпущены между прочимъ почти всѣ цитаты, а отъ этого выводы записки кажутся голословными. Къ тому же и матеріалы, относящіяся къ исторіи кодификаціи малороссійскаго права, были такъ хорошо попрятаны по различнымъ архивамъ и на столько недоступны изслѣдователямъ, что провѣрка выводовъ казалась долгое время дѣломъ невозможнымъ. А въ сущности, въ этой запискѣ вератцѣ сказано уже все то, что впослѣдствіи подробнѣе обосновано новѣйшими научными трудами.

Даниловичу были поставлены слѣдующіе вопросы: 1) „объ изложеніи историческаго хода правъ нѣмецкихъ, какъ Магдебургскихъ такъ и Хельминскихъ въ гг. Польши, Литвы и Малороссіи употребляемыхъ, 2) показаніе содержанія оныхъ, 3) съ прибавленіемъ, какія главы изъ нихъ до сихъ поръ имѣютъ дѣйствительную силу“. При этомъ, конечно, Даниловичъ долженъ былъ имѣть въ виду и ближай-

¹⁾ „Права“, стр. 55.

²⁾ Всѣ сколько-нибудь интересныя работы упоминаются въ цитиров. книгѣ Тирановскаго „Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права“.

³⁾ Хранится въ А. Г. С. въ дѣлѣ № 7, 1728 г. (№ 928); на ней собственноручная пометка Сперанскаго: „Записка г. Даниловича“.

шую цѣль порученной имъ работы, т. е. выясненіе объема и причинъ дѣйствія нѣмецкаго права именно на Украинѣ.

Прежде всего, Даниловичу пришлось разъяснить элементарный вопросъ: что такое представляетъ собой магдебургское право? Теперь этотъ вопросъ кажется излишнимъ, теперь ясно, что малороссійское „нѣмецкое“ право представляетъ собой измѣненное и переработанное право г. Магдебурга, и въ настоящее время уже установлено, въ чемъ именно эти измѣненія заключаются. Но когда писалась записка, то ни во II Отдѣленіи, ни въ Комитетѣ Министровъ, никто этого въ точности не зналъ. Напротивъ, всякому, лишь поверхностно ознакомившемуся съ заглавіями источниковъ, которые случайно попали ему въ руки, могло показаться, что въ „майтбортскомъ“ или „магдебургскомъ“ правѣ—нѣмецкаго очень мало; связь нѣмецкихъ правъ съ Германіей надо было доказать.

Экземпляръ книги Яскера (1535 г.), найденный Даниловичемъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, экземпляръ, въ которомъ латинскій текстъ изданъ вмѣстѣ съ польскимъ переводомъ, рѣшалъ окончательно и для профановъ всѣ сомнѣнія о томъ, что польское магдебургское право есть „часть саксонскаго“. Далѣе, необходимо было объяснить историческія причины появленія нѣмецкаго права въ Польшѣ и значеніе его для исторіи самостоятельнаго развитія городовъ. Въ краткой запискѣ нельзя было долго распространяться о томъ, какія послѣдствія для даннаго города имѣло пожалованіе нѣмецкаго права, и какія отношенія, благодаря ему, получали совершенно своеобразную окраску. Даниловичъ могъ только подчеркнуть, что пожалованіе магдебургскаго права въ древности означало не только повелѣніе поступать по Магдебургскому уложенію, а предоставленіе городу автономіи. Автономность политическихъ единицъ, управляемыхъ по магдебургскому праву, въ древности представляла наиболѣе характерную черту ихъ устройствъ. Впослѣдствіи же, когда города не сумѣли утвердить за собой свою самостоятельность, подъ „магдебургскимъ“ правомъ стали разумѣть просто законы, существовавшіе въ г. Магдебургѣ, дѣйствіе которыхъ было распространено на данный польскій городъ, въ силу особой привилегіи.

Это утвержденіе записки, опубликованной въ Полномъ Собраніи Законовъ, проф. Кистяковскій называетъ неточнымъ ¹⁾. Его замѣчаніе вполне основательно: одной „автономіей“ магдебургское право ни-

¹⁾ „Права“, стр. 95.

когда не исчерпывалось, но при оцѣнкѣ изслѣдованія Даниловича не слѣдуетъ забывать, что Даниловичъ имѣлъ въ виду именно вератцѣ охарактеризовать значеніе магдебургскаго права въ исторіи польскихъ городовъ. Первоначальныя „пожалованія“ этой правовой системы, въ сущности, производились именно съ той цѣлью, какая указана въ запискѣ—съ цѣлью дать городамъ автономію. Это явствуетъ изъ того, что въ древности привилегіи о пожалованіи „не говорили о введеніи какого-либо сборника права въ качествѣ обязательнаго закона. Онѣ освобождали лишь деревенскія и городскія поселенія ab omni jure Polonico, даруя имъ тѣ права и льготы, которыя были связаны съ понятіемъ *juris Teutonici, juris Magdeburgensis*.—Это освобожденіе отъ польскаго права и надѣленіе нѣмецкимъ выражалось: въ освобожденіи отъ всѣхъ или значительнѣйшихъ поборовъ и натуральныхъ повинностей,... въ освобожденіи отъ суда старостъ воеводъ, каштеляновъ и дарованіи общинѣ самосуда; въ дарованіи самоуправленія,... въ дарованіи права издавать автономныя постановленія... права устанавливать общинныя сборы“¹⁾. То же самое сказано и въ запискѣ; Даниловича можно упрекнуть только въ нѣсколько неточной формулировкѣ и, можетъ быть, излишней краткости.

Установивъ въ общихъ чертахъ значеніе магдебургскаго права, Даниловичъ переходитъ къ описанію сборниковъ, являющихся источниками его. Единственнымъ официальнымъ собраніемъ нормъ магдебургскаго права, утвержденнымъ королевскою властью²⁾, можетъ быть признанъ, по его мнѣнію, сборникъ Яскера, 1535 года, остальные же сочиненія по этому предмету являются только учеными трактатами.

На это различіе слѣдовало указать, прежде всего, въ видахъ выясненія теоретической истины, а также и для того, чтобы сгруппировать всѣ аргументы въ пользу отмѣны магдебургскаго права. Записка Дани-

¹⁾ *Гаранинскій*, Обзоръ, стр. 20.

²⁾ *О. В. Гарановскій* указываетъ („Обзоръ“, стр. 25), что мнѣніе, высказанное въ запискѣ II Отдѣленія о королевскомъ утвержденіи книги Яскера, не вѣрно. „Переводъ Яскера никогда не утверждался королемъ, какъ единственный законный текстъ магдебургскаго права“. Однако, въ другой запискѣ о магдебургскомъ правѣ, о которой рѣчь будетъ ниже, Даниловичъ вторично выставляетъ это утвержденіе, подкрѣпляя его совершенно опредѣленной ссылкой: „ср. рукописи дипломатическаго кодекса Догеля, кн. VII“ (А. Г. С. д. № 24, 1834 года [№ 1152], записка Даниловича, стр. 26). Насколько эта цитата Даниловича убѣдительна, я не могъ провѣрить, такъ какъ VII часть *Codex diplomaticus* не напечатана. Насколько мнѣ извѣстно, рукописи, цитированныя Даниловичемъ, хранятся въ Варшавѣ въ библиотекѣ графовъ Красинскихъ.

ловича, не слѣдуетъ этого забывать, преслѣдовала практическую цѣль. Поэтому въ запискѣ сравнительно подробно разобраны тѣ сборники нѣмецкаго права, которые имѣлись въ малороссійской комиссіи 1732 г., и которые были ею переведены. И вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснены недоразумѣнія, которыя привели Сенатъ и низшія инстанціи на ложный путь. О кодификаціонныхъ работахъ въ цѣломъ всѣ эти учрежденія не имѣли правильнаго представленія. Въ виду этого и отмѣчено въ запискѣ, что Сенатъ, „сохранивъ въ своемъ архивѣ первую часть трудовъ малороссійской кодификаціонной комиссіи, припялъ книгу Гроицкаго, „учебное руководство изданное для училищъ“, за дѣйствительное магдебургское право. При поресылкѣ трудовъ комиссіи отдѣльныя части ихъ растерялись; первая оказалась въ Сенатѣ, а остальные (три, по счету Даниловича) были найдены въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ, въ архивѣ II Отдѣленія.

Профессоръ Кистяковский ¹⁾ признаетъ эту характеристику сборника Гроицкаго неправильною, считая книгу Гроицкаго не столько учебною, сколько „законною“, и содержащую дѣйствительно „магдебургское право“. Едва ли эта критика основательна; значеніе книги Гроицкаго, какъ источника права, было прекрасно извѣстно Даниловичу (объ этомъ см. ниже), но въ этой запискѣ ему необходимо было установить, какіе сборники права могли почитаться официальными. Такую официальную силу, согласно духу русскаго законодательства, не склоннаго считаться съ обычнымъ правомъ, могли имѣть только сборники, утвержденные верховною властью, и именно этотъ пунктъ, вопросъ о санкціи, нуждался въ освѣщеніи. И вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не согласиться съ Даниловичемъ, что „Порядокъ“ Гроицкаго не есть то, что можно назвать строго научно „магдебургскимъ правомъ“ съ большимъ основаніемъ, чѣмъ книгу Искера, которая въ самомъ дѣлѣ содержала только переводъ самыхъ нормъ, а не ихъ переработку.

Выяснивъ, такимъ образомъ, исторію и характеръ сборниковъ магдебургскаго права, Даниловичъ переходитъ къ характеристикѣ его содержанія и къ оцѣнкѣ малороссійскихъ переводовъ. Отвѣты на эти вопросы являются предпосылками для окончательнаго вывода о томъ, можно ли вообще оставить магдебургское право въ силѣ, какъ юридически обязательную норму. Въ особомъ приложеніи къ запискѣ (оно не опубликовано въ Полн. Собр. Зак.) отмѣченъ тѣ мѣста

¹⁾ „Права“, стр. 95.

памятниковъ, которыя свидѣтельствуютъ о полной устарѣлости магдебургскаго права (фрагменты, въ которыхъ повѣствуется о царѣ Немвродѣ, о порядкѣ суда надъ императоромъ, и еще нѣкоторыя другіе). Малороссійскими переводами Даниловичъ также остался недоволенъ. Языки, которыми они изложены, показались ему непонятнымъ ¹⁾, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ онъ отмѣтилъ, оригиналь переданъ невѣрно. Впрочемъ, этого послѣдняго пункта, невѣрностей перевода, Даниловичъ коснулся весьма поверхностно. Въ „приложеніи“ указаны два образчика такихъ неточностей, но этимъ все и ограничивалось.

Такое, въ общихъ чертахъ, ходъ разсужденій въ запискѣ Даниловича ²⁾. Она доставляла достаточный матеріалъ, на основаніи котораго Сперанскій могъ себѣ составить правильное представленіе о томъ, какъ направить порученное ему дѣло—къ сохраненію или отмѣнѣ магдебургскаго права. Даниловичъ излагалъ только юридическій *status quo*, какимъ онъ долженъ былъ быть по буквѣ закона. Поэтому записка его заканчивалась слѣдующимъ выводомъ: „Единственно несомнѣнно, что взаимныя дѣла и споры между мѣщанами, купцами, цеховыми, ремесленниками и посадскими, относящіяся до городского ихъ имущества и земли, приданаго, наслѣдствія, завѣщанія, контрактовъ и договоровъ, долговыхъ обязательствъ, коммерческихъ соотношеній, причиненнаго вреда и обидъ, всякихъ судебныхъ взысканій производятся по древнимъ ихъ магдебургскимъ правамъ, какъ сіе усмотрѣть можно изъ конституціи 1633 г. книги III ³⁾, стр. 796 о судахъ сеймовыхъ и городскихъ. Сверхъ сего, весь порядокъ судоустройства и судопроизводства основанъ на магдебургскихъ правахъ“. По буквѣ закона такъ и было; какъ поступать дальше и что дѣлать

¹⁾ Въ напечатанномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ текстѣ записки про языкъ перевода сказано, что онъ составленъ „даже не на малороссійскомъ нарѣчій, а на какомъ-то штатскомъ языкѣ, и потому совершенно не прамыслелонъ“. Подозрѣнія по поводу слова „штатскій“ въ подлинной запискѣ Даниловича нѣтъ, оно вставлено очевидно уже потомъ чиновниками, породѣлявшими се. И не удивительно, что Даниловичъ на это выраженіе не обратилъ никакого вниманія; человеку, знакомому съ терминологіей старинной русской юридической литературы, ясно было, что „штатскій“ въ этомъ случаѣ означаетъ просто „государственный“. Переводъ на „русскій штатскій языкъ“ значитъ „переводъ на русскій государственный языкъ“. Всякія сочиненія подъ заглавіемъ „de ratione status“ въ старинныхъ рукописныхъ переводахъ обыкновенно озаглавлены: о радціи штата.

²⁾ Она не изложена здѣсь подробно, потому что съ ней не трудно ознакомиться по Полному Собранію.

³⁾ Искются въ виду, очевидно, Volumina legum.

съ явно непригоднымъ закономъ — это долженъ былъ рѣшить уже самъ Сперанскій. Отвѣта на это у Даниловича и не спрашивали.

Записку свою Даниловичъ изготовилъ во время. 21-го декабря 1830 г. получилъ ее Сперанскій, а уже 2-го января пришло отъ управляющаго министерствомъ юстиціи, Блудова, письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что Государь обратилъ вниманіе на то, что Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи магдебургскаго права долго не приводится въ исполненіе. Можно думать, что подъ вліяніемъ этого письма Сперанскій потребовалъ отъ своихъ подчиненныхъ величайшей быстроты: на слѣдующій же день, 3-го января, Блудову былъ отосланъ пространный отвѣтъ, и въ post-scriptum Сперанскій хитро отмѣтилъ, что онъ получилъ письмо Блудова какъ разъ тогда, когда отправлялъ къ нему свой отвѣтъ.

Въ этомъ отвѣтѣ, изложивъ подробно исторію магдебургскаго права вообще и въ Малороссіи, въ частности, по запискѣ Даниловича, Сперанскій прямо перешолъ къ рѣшенію вопроса, — что дѣлать съ остатками этой правовой системы? Распубликовать древній переводъ на неразумительномъ „штатскомъ“ языкѣ, переводъ нисѣмъ не утвержденный, къ тому же сдѣланный не съ подлинника, а съ учебной книги, по его мнѣнію, не слѣдовало.

Съ другой стороны, дѣлать новый переводъ съ подлиннаго текста тоже не имѣло смысла; законъ самъ по себѣ уже устарѣлъ, многія части его никакъ нельзя было примѣнить къ жизни. А между тѣмъ прямой отвѣтъ былъ необходимъ, ибо съ 1827 года всѣ гражданскія дѣла мѣщанъ остановились въ судахъ. Поэтому Сперанскій предложилъ санкціонировать положеніе, существовавшее до злополучнаго спора Вовнянки съ Калабуховымъ, и вернуться къ прежнему порядку, когда всѣ гражданскія дѣла горожанъ рѣшались по Статуту. Этотъ порядокъ слѣдовало, по его мнѣнію, закрѣпить особымъ указомъ Сенату.

Съ этимъ, единственно возможнымъ, предложеніемъ согласилось и министерство юстиціи. Записка Сперанскаго была представлена въ Комитетъ Министровъ ¹⁾ и, по разсмотрѣніи въ немъ, была утверждена Государемъ. Въ соответствующемъ указѣ Сенату было выражено слѣдующее: „Какъ изъ подробныхъ свѣдѣній, Комитету Министровъ представленныхъ, явствуетъ, что законъ подъ именемъ магдебургскаго права въ Малороссійскихъ городахъ введенный, съ дав-

¹⁾ Формально ее внесло министерство юстиціи.

нихъ уже лѣтъ оставленъ въ бездѣйствіи, былъ замѣняемъ въ рѣшеніи дѣлъ отчасти Литовскимъ Статутомъ, отчасти общими Россійскими законами: то согласно представленію Полтавскаго генеральнаго суда и Малороссійскаго военнаго генералъ-губернатора, въ рѣшеніи спорныхъ дѣлъ между городскими обывателями поступать на томъ же основаніи, какъ до указа Правительствующаго Сената 13-го ноября 1827 года было поступаемо¹⁾. Этимъ указомъ отмѣнялось магдебургское право въ *малороссійскихъ* городахъ. Какъ справедливо указываетъ профессоръ Кистяковскій, „законъ только подвелъ окончательные итоги тому, что сдѣлано было жизнью“²⁾.

Судьба магдебургскаго права въ Малороссіи весьма любопытна во многихъ отношеніяхъ. Любопытно уже то, что нормы права, выработанныя магдебургскими шейффенами, хранителями и выразителями завѣтовъ древне-германскаго права и духа, гражданами богатыхъ и могущественныхъ германскихъ городовъ, получали дѣйствіе въ какомъ-нибудь Чигиринѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ или Стародубѣ, которые не имѣли ровно ничего общаго съ нѣмецкими городами, крупными автономными политическими единицами. Но само по себѣ, такое передвиженіе правовыхъ системъ въ пространствѣ не представляетъ ничего исключительнаго. Передвиженіе римскаго права еще болѣе грандіозно; завоевавъ почти всю Европу, оно перешло даже и на другіе континенты, въ южную Африку, въ Азію, однимъ словомъ, повсюду, куда его занесли европейскіе колонисты. Исторія магдебургскаго права на Украинѣ интересна въ другомъ смыслѣ. Она является яркимъ примѣромъ того, какъ легко пріобрѣтаетъ силу въ мѣстностяхъ низкой юридической культуры всякая „норма“, всякая сентенція, звучащая какъ правовое велѣніе, хотя бы она и была завѣдомо чуждая, если только она даетъ отвѣтъ для разрѣшенія мѣстныхъ недоразумѣній, и если про нее извѣстно, что она гдѣ-то примѣняется, какъ законъ. Получили въ Малороссіи дѣйствіе не только тѣ нѣмецкіе законы, которые были „пожалованы“, т. е. введены сознательно въ жизнь, но и тѣ, которые совершенно случайно туда проникли. Сочиненіе Щербича, которое считалось источникомъ права, было найдено въ одной книгѣ съ работою Кушевича, и этого оказалось достаточно, чтобы признать и за нормами „Кушевича“ нѣкоторое юридическое значеніе. Проникшіи, увлекаясь внутренними достоинствами

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ (второе), № 4319.

²⁾ „Права“, стр. 97.

„Halsgerichtsordnung“ Карла V, помѣстивъ въ свой сборникъ нѣкоторыя выдержки изъ этого памятника, завѣдомо не имѣвшаго силы въ Польшѣ. И благодаря тому, что сочиненія Гроицкаго пользовались авторитетомъ въ судахъ, получили признаніе наряду съ прочими нормами, въ нихъ изложенными, и нѣкоторыя правила Каролины ¹⁾. Такія заимствованія даже нельзя назвать рецпціей права. Говорятъ, что перелетныя птицы иногда переносятъ въ своихъ перьяхъ, или инымъ способомъ, зерна растеній, и благодаря этому встрѣчаются совершенно неожиданно въ различныхъ мѣстностяхъ такіе виды растеній, появленіе которыхъ тамъ кажется необъяснимой загадкой. Такими случайными заносами нормъ права и было распространеніе отдельныхъ нѣмецкихъ нормъ по Малороссіи; распространителями ихъ, и вѣроятно не всегда сознательными, въ Украинѣ, какъ и въ Литвѣ, были адвокаты ²⁾, наиболѣе образованный въ юридическомъ отношеніи классъ судебныхъ дѣятелей. А той легкости, съ которой магдебургское право завоевало себѣ признаніе въ судахъ Малороссіи, способствовали многія обстоятельства. Главнымъ образомъ то, что на Украинѣ не было собственной, сколько-нибудь законченной правовой системы. О томъ, что такое законъ, чѣмъ опредѣляется внутреннее развитіе всякаго права, о томъ, что оно должно быть взято изъ жизни, объ этомъ, конечно, никто не задумывался.

Можно, впрочемъ, констатировать, что не однимъ стариннымъ малороссійскимъ судамъ было свойственно такое отсутствіе представленій о правѣ. Взгляды Сената и та настойчивость, съ которой онъ сваливалъ на чужія плечи заботы по разысканію „закона“, тоже заслуживаютъ вниманія.

А въ старину дѣло обстоило, очевидно, такъ. Для разрѣшенія тѣхъ пререканій, которыя неизбежно связаны съ гражданскимъ оборотомъ, судамъ необходимъ былъ законъ, какъ какой-то инструментъ, при помощи котораго разсѣкаются споры. Всякій инструментъ признавался хорошимъ, и собственный и импортированный, лишь бы онъ достигалъ цѣли и былъ подъ руками; старый инструментъ очень легко могъ смѣниться новымъ, сколько-нибудь болѣе удобнымъ. Тотъ взглядъ на право, какъ на какое-то объективное орудіе для разрѣшенія споровъ, очень рельефно выразился даже и въ послѣднемъ эпизодѣ изъ жизни магдебургскаго права. Полтавскій генеральный судъ, по

¹⁾ Объ этомъ см. ниже.

²⁾ Тарановскій, Обзоръ, стр. 44 и слѣд.

требованію Сената, долженъ былъ „искать“ во всѣхъ архивахъ, и своихъ и чужихъ, старый законъ, который „затерялся“. Такихъ примѣровъ не много дастъ исторія права. И едва ли можно найти въ ней второй примѣръ пріостановки правосудія въ теченіе семи лѣтъ по той причинѣ, что ни судебныя, ни высшія правительственныя мѣста никакъ не могли „найти“ закона! Очевидно, требовательность въ юридическихъ отношеніяхъ была очень невысока; между различными правовыми системами, стихійно смѣнявшимися другъ друга, мѣстные дѣятели не всегда могли уловить различій, а общіе принципы, — права собственности, обязанности договоровъ и проч., всездѣ у „всѣхъ христіанскихъ народовъ“ опредѣлены одинаково. Смѣна магдебургскаго права Статутомъ, происшедшая назамѣтно и неусдержимо, тѣмъ и объясняется. Сходство между этими двумя правовыми системами только облегчало переходъ¹⁾. Это состояніе правопорядка въ Малороссіи можно охарактеризовать такъ: къ разрѣшенію тяжбъ *обыкновенно применялось магдебургское право, но нельзя про него сказать, что оно было „дѣйствующимъ“ правомъ, если терминъ „дѣйствіе“ понимать въ обыкновенномъ значеніи, какъ исключительную обязательность всякой нормы, установленной какимъ либо изъ правотворящихъ факторовъ, обязательность, существующую во все время нормы до отмѣны тѣмъ же самымъ или другимъ факторомъ.*

Указъ 1831 года, общимъ образомъ отмѣнившій магдебургское право въ Малороссіи, все-таки не коснулся одной территоріи, гдѣ оно сохранило дѣйствіе. И какъ это ни странно, магдебургское право уцѣлѣло какъ разъ въ такомъ пунктѣ, который съ давнихъ поръ считался центромъ Малороссіи, и въ которомъ оно дѣйствовало, если можно такъ выразиться, съ максимальной интенсивностью, именно сохранилось оно въ Кіевѣ. Произошло это по той простой причинѣ, что Кіевская губернія относилась къ числу „западныхъ“, а не малороссійскихъ, Кіевъ былъ центромъ Кіевского, а не „малороссійскаго“ генералъ-губернаторства и, вслѣдствіе этого, указъ 1831 г., въ которомъ говорилось о „малороссійскихъ“ городахъ, на него распространяться не могъ.

Кіевлянамъ пришлось вести свою самостоятельную войну съ мѣстными и центральными властями въ защиту магдебургскаго права; эта борьба велась ими энергично, потому что до самаго момента отмѣны магдебургское право не было пустымъ звукомъ для Кіева, а

¹⁾ Тарновскій, Обзоръ, стр. 44 и слѣд.

реально дѣйствовало тамъ. Впрочемъ, кievляне отстаивали не столько свое гражданское право, сколько городское устройство, свои публично-правовыя привилегіи. Нѣмецкое право было дано Кіеву уже въ концѣ XV вѣка; въ дополненіе къ этой общей системѣ жаловались еще и другія отдѣльныя привилегіи, и совокупность этихъ нормъ опредѣляла устройство органовъ городского управления и автономію Кіева, какъ самостоятельной единицы ¹⁾. Съ такимъ устройствомъ перешелъ Кіевъ къ Москвѣ (т. е., фактически съ 1654 г., юридически—съ 1686 г.), и долгое время оно оставалось безъ измѣненій. Еще при Екатеринѣ II нѣкоторыми указами (1864 г. 29-го сент., Полн. Собр. Зак. № 12249, и въ 1772 г.) специально Кіеву были подтверждены „на первый случай“ его права и привилегіи. Но несмотря на это, именно при Екатеринѣ было реформировано городское устройство Кіева. Серьезныя измѣненія вызвало введеніе въ 1782 г. намѣстническаго управления и распространеніе на Кіевъ городского положенія 1785 г. Но и оно не устранило всѣхъ особенностей; такъ, на примѣръ, сохранился „вооруженный мѣщанскій корпусъ“ ²⁾. Реформы екатерининскаго времени просуществовали въ Кіевѣ недолго. Указомъ 19-го сентября 1798 года Павелъ I возстановилъ прежнія права и привилегіи города, и ихъ снова подтвердилъ Императоръ Александръ I (въ 1802 году) ³⁾. До вступленія на престолъ Николая I такое положеніе оставалось безъ перемѣнъ, Кіевъ продолжалъ пользоваться своими древними привилегіями, и высшая мѣстная власть, въ лицѣ генералъ-губернаторовъ (это званіе было временно упразднено ⁴⁾ въ 1812 году) относилась къ нимъ, если и не всегда сочувственно, то въ общемъ индифферентно. Благодаря этому, въ Кіевской губерніи усилилось вліяніе польскаго

¹⁾ Подробныя и всестороннія свѣдѣнія объ исторіи Кіева и его устройства права даетъ капитальное сочиненіе В. С. *Иконникова*, „Кіевъ въ 1654—1855 г.г.“, Кіевъ, 1904. Въ этой книгѣ приводятся и вся литература, касающаяся постепенныхъ реформъ магдебургскаго права въ Кіевѣ. По этому предмету имѣется также много статей въ „*Кіевской Старинѣ*“, за разные годы. Въ виду тщательной разработки этого вопроса историками, въ настоящемъ изслѣдованіи онъ затронутъ лишь мимоходомъ, насколько это необходимо для разъясненія событій, вызвавшихъ послѣдній указъ объ отмене кievскихъ привилегій. — Исторія городского устройства Кіева въ XVII вѣкѣ охарактеризована въ статьѣ г. *Каманна*, въ „Сборникѣ статей... посвященномъ М. Ф. Владимірскому-Вуданову“, стр. 176 и слѣд.

²⁾ *Иконниковъ*, „Кіевъ“, стр. 40. Въ предыдущія царствованія были введены нѣкоторые новыя повинности.

³⁾ Тамъ же, стр. 77—84.

⁴⁾ *Иконниковъ*, указ. сочин., стр. 97.

элемента, въ рукахъ котораго оказалось все судебное и административное управленіе. Новое царствованіе принесло крупныя перемѣны въ этомъ отношеніи. Было восстановлено генераль-губернаторство (1827 г.) и первый же генераль-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Желтухинъ отнесся очень полагательно къ мѣстнымъ „особымъ правамъ“ вообще, а въ частности, къ привилегіямъ Кіева ¹⁾. Желтухинъ не питалъ довѣрія къ мѣстному польскому дворянству и въ рядѣ представленій доказывалъ необходимость отмены мѣстнаго права, указывая и на злоуредность его въ политическомъ отношеніи и на недостатки по существу.

Въ опроверженіе замѣчаній Желтухина было отправлено изъ Кіева въ Петербургъ ходатайство губернскаго маршала, въ которомъ испрашивалось новое подтвержденіе мѣстныхъ привилегій. Обѣ записки, и Желтухина и маршала, были переданы на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, которому и предоставлялось разобраться въ этомъ сложномъ дѣлѣ. Такія ходатайства отъ мѣстностей, сохранившихъ остатки прежняго юридическаго положенія, въ началѣ царствованія Николая I не были рѣдкостью. Несмотря на то, что сохраненіе въ силѣ прежнихъ привилегій основывалось на манифестахъ или указахъ, изданныхъ въ свое время Высочайшей властью, и, слѣдовательно, ожидалось оно на нормахъ, которыя должны были бы сохранить силу на вѣчныя времена, до специальной отмены, несмотря на это, всѣ области, дорожившія своими мѣстными особенностями, при каждой перемѣнѣ царствованія снѣгали получить новое подтвержденіе своихъ привилегій. Очевидно, общія подтвержденія, объявляемыя обыкновенно вскорѣ послѣ присоединенія данной области къ имперіи и выражаемыя обыкновенно въ широкой редакціи, торжественнымъ и неточнымъ языкомъ, не внушали жителямъ этихъ областей увѣренности въ томъ, что гарантированное состояніе останется всегда безъ измѣненій. Этимъ объясняется и ихъ желаніе получить личное обѣщаніе царствующаго монарха.

Но, конечно, такія ходатайства иногда приводили къ результатамъ, нежелательнымъ для инициаторовъ ихъ. При разсмотрѣніи ихъ легко возникалъ вопросъ о принципиальной желательности или нежелательности сохраненія въ силѣ мѣстныхъ привилегій, и вниманіе центральнаго правительства обращалось на такіе предметы, которые безъ особаго повода, пожалуй, его бы и не привлекли.

¹⁾ Тамъ же, стр. 148.

Въ началѣ царствованія Николая I многія мѣстности обращались къ Государю съ такими просьбами о подтвержденіи прежнихъ правъ—балтійскія провинціи, отдѣльные города западнаго края и вотъ, наконецъ, и Кіевъ. При разсмотрѣніи этихъ просьбъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, естественно, всегда возникали вопросы: въ чемъ заключаются мѣстныя привилегіи, и какія послѣдствія можетъ вызвать ихъ отмѣна, т. е. распространеніе на данную область общихъ законовъ имперіи. И на оба вопроса, обыкновенно, нельзя было дать категорическаго отвѣта, такъ какъ мѣстныя права не были приведены въ ясность, да и общее имперское право еще только кодифицировалось. Поэтому, если такое ходатайство съ первымъ же взглядомъ не представлялось совершенно неисполнимымъ, настолько, что на него могъ послѣдовать только отрицательный отвѣтъ, то обыкновенно оно оставлялось безъ разсмотрѣнія по существу, впредь до окончательнаго приведенія въ ясность мѣстнаго или общеимперскаго права. Такой уклончивый отвѣтъ представлялъ „удобный выходъ“ изъ положенія. Онъ не содержалъ прямой санкціи домогательствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не нарушалъ существовавшаго уже порядка.

Такъ поступили и съ кіевскими привилегіями. Когда Соединенные Департаменты приступили къ разсмотрѣнію ходатайства губернскаго маршала и представленій генераль-губернатора, то они не вошли въ обсужденіе дѣла по существу. Было рѣшено къ замѣнѣ польскихъ правъ русскими приступить, когда сіи послѣднія будутъ приведены въ совершенный порядокъ и ясность, т. е. всякая реформа дѣйствовавшаго въ Кіевѣ мѣстнаго права отлагалась до окончательнаго изготолвленія Свода Законовъ имперіи. Благодаря такому рѣшенію, отпадала необходимость входить въ обсужденіе ходатайства губернскаго маршала о спеціальному подтвержденіи мѣстныхъ особенностей, такъ какъ оставался въ силѣ дѣйствующій порядокъ, и сообразно этому, ходатайство его оставлено безъ послѣдствій ¹⁾. (Съ этимъ мнѣніемъ Соединенныхъ Департаментовъ, состоявшимся 28-го ноября 1828 г., согласилось и Общее Собраніе Государственнаго Совѣта (21-го января 1828 г.), и оно было утверждено Государемъ.

Но, разумѣется, такая отсрочка не могла остановить надолго отмѣны привилегій Кіева. Послѣ возстанія 1830 года вообще все мѣстное право власти стали разсматривать какъ нѣчто опасное; путемъ

¹⁾ Эти свѣдѣнія взяты изъ Арх. Гос. Сов., дѣло Департамента Законовъ, 1834 года, № 23.

отдѣльныхъ указовъ отмѣнялись различныя отдѣлы прежняго права и, конечно, „дѣло о привилегіяхъ г. Кіева“ не могло закончиться въ благопріятномъ для кіевлянъ смыслѣ. Къ тому же, древнее „готическое“, какъ удачно опредѣлялъ его Шульгинъ, устройство городского управленія привлекло вниманіе и центральныхъ властей еще по другому поводу. Одинъ „безпокойный“ мѣщанинъ города, недовольный результатами выборовъ ремесленнаго головы (въ 1821 г.), въ рядѣ жалобъ по начальству указывалъ на многія денжныя злоупотребленія магистрата и другихъ должностныхъ лицъ, не подчиненныхъ—благодаря дѣйствию магдебургскаго права—контролю правительственныхъ властей. Уголовное дѣло по этому поводу тянулось, конечно, очень долго, завершилось оно только въ 1834 году, когда, по указу Сената, были отрѣшены отъ должности всѣ члены магистрата¹⁾; но переписка различныхъ учрежденій относительно этого процесса постоянно напоминала о существованіи особеннаго городского устройства, и, притомъ, устройства плохо контролируемаго.

Пресмникъ Желтухина, графъ Левашовъ возобновилъ походъ на магдебургское право. Пространное представленіе его о необходимости реформировать городское устройство и уничтожить привилегированное положеніе горожанъ было поручено въ Комитетъ Министровъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго тогда стоялъ Блудовъ. Въ этомъ представленіи было возбуждено три вопроса: 1) оставить-ли за Кіевомъ нѣкоторыя особенности городского и судебного устройства, 2) слѣдуетъ ли общій указъ 30-го октября 1831 г., о перенесеніи прежнихъ малороссійскихъ мѣстныхъ учрежденій, распространить на Кіевъ и, въ частности, учредить тамъ городскую думу, по общему порядку, и, наконецъ, 3) сохранить-ли свободу кіевскихъ мѣщанъ отъ рекрутской повинности. Министерство внутреннихъ дѣлъ стояло за отмѣну мѣстныхъ изыятій. Комитетъ Министровъ разбиралъ это дѣло въ двухъ засѣданіяхъ, 5-го и 19-го декабря, и, наконецъ, пришелъ къ выводу, что онъ не компетентенъ для разрѣшенія предлагаемыхъ мѣропріятій; отвѣтъ на предложеніе гр. Левашова могъ быть данъ только въ законодательномъ порядкѣ. По этому соображенію Комитетъ Министровъ призналъ необходимымъ дѣло передать въ Государственный Совѣтъ.

Государственный Совѣтъ оказался въ затруднительномъ положеніи: прежде чѣмъ постановить какое-либо рѣшеніе, необходимо было

¹⁾ Иконникова, „Кіевъ“, стр. 173 и слѣд.

разобраться въ исторіи возникновенія привилегій Кіева, а это можно было сдѣлать только путемъ чисто научныхъ изысканій. Поэтому 15-го іюня 1834 г. Государственный Совѣтъ, подобно другимъ сложнымъ историко-юридическимъ вопросамъ, и дѣло о привилегіяхъ Кіева передалъ на заключеніе II Отдѣленія ¹⁾. 29-го сентября 1834 г. статсъ-секретарь Тагѣвъ извѣстилъ Сперанскаго о желаніи Государя скорѣе привести дѣло къ окончанію, а Сперанскій поручилъ Даниловичу изготovitъ въ возможно скоромъ времени ²⁾ обстоятельную записку.

Такимъ образомъ, Даниловичу снова пришлось имѣть дѣло съ магдебургскимъ правомъ, и притомъ изучить его уже съ другой точки зрѣнія, чѣмъ въ первый разъ, когда рѣчь шла объ отмѣнѣ его въ малороссійскихъ городахъ. Тогда на первомъ планѣ стояла частно-правовая сторона магдебургскаго права, какъ совокупности нормъ, опредѣляющихъ имущественныя отношенія горожанъ, а въ 1834 году ему поручено было разсмотрѣніе публично-правовыхъ вопросовъ, устройства города, какъ общественной единицы, со всеми его привилегіями, т. е. изъятіями изъ общаго порядка. Къ тому же, надо было сдѣлать все это скоро,—за этимъ наблюдалъ Сперанскій. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ два мѣсяца, въ концѣ ноября 1834 г., Даниловичъ представилъ по начальству обширную записку (на 80 листахъ), которая содержитъ полный научный трактатъ о магдебургскомъ правѣ вообще и объ устройствѣ Кіева въ особенности. Изъ нея видно, что за время, прошедшее между составленіемъ первой справки (1830 г.) и этой второй, Даниловичъ успѣлъ значительно расширить и углубить свои познанія въ области городского права. Исторія появленія магдебургскаго права въ Литвѣ и его источниковъ разработана очень подробно; этому послѣднему отдѣлу удѣлено особенное вниманіе ³⁾, и

¹⁾ Положенное выше основано на свѣдѣніяхъ, которыя можно извлечь изъ Арх. Гос. Сов. *о дѣлѣ Департамента Законовъ* № 23, 1834 г.

²⁾ Арх. Гос. Сов. дѣло № 24, 1834 г. (№ 1152) (дѣло II Отдѣленія).

³⁾ Въ запискѣ 1834 года Даниловичъ вообще отвелъ исторіи магдебургскаго права и древнѣйшему періоду его дѣйствія значительно большее мѣсто, чѣмъ въ первомъ своемъ трудѣ по этому вопросу, 1830 г. Такъ, напримеръ, онъ съ большой полнотой, хотя и въ краткихъ словахъ описываетъ причины появленія нѣмецкаго права въ Польшѣ и Литвѣ. Оно объясняется, по его мнѣнію, 1) нѣблѣющимъ состояніемъ г. Магдебурга, который, благодаря этому, явился образцомъ для другихъ городовъ; 2) выгодами королей польскихъ, которымъ было желательно имѣть могущественныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ дворянствомъ (объ этомъ Даниловичъ говоритъ и въ пунктѣ 5

особенно тщательно прослѣжена въ запискѣ исторія научной разработки его. О книгахъ Церасина, Гроицкаго, Щербича сказано все существенное, и даже приведены подробныя біографическія данныя объ этихъ ученыхъ.

своего порочисленія причип); 3) основаніемъ монастырей, которые привлекали трудолюбивыхъ выходцевъ изъ Германіи, приносявшихъ съ собой свое право; 4) брачными связями польскихъ королей съ нѣмецкими принцессами; 5) вліяніемъ магдебургскаго епископа; 6) запрещеніемъ дворянамъ заниматься ремеслами, въ силу чего создавалось обособленное положеніе класса городскихъ обывателей; 7) вліяніемъ управленіемъ королевскихъ чиновниковъ, которое облегчало требованія о самоуправленіи; наконецъ, 8) общими притокомъ нѣмецкихъ колонистовъ. Съ такой полнотой обстоятельства, содѣйствующія распространенію нѣмецкаго права въ польскихъ и литовскихъ мѣстностяхъ, не перечислены ни въ одномъ специальномъ сочиненіи по этому предмету. — О разнообразіи и содержательности этой записки Даниловича можно судить по ея оглавленію. *Раздѣлъ I. Историческія свѣдѣнія о законахъ и привилегіяхъ городовъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ.* § 1. Родъ городскихъ законовъ. Глава I. Основаніе городовъ и права ихъ во время Польскаго Правительства. Отдѣленіе I. О Германскихъ узаконеніяхъ. § 2. Общія понятія о началѣ магдебургскихъ законовъ. § 3. Основаніе въ Польшѣ городовъ. § 4. Пожалованіе городамъ Германскихъ городскихъ законовъ. § 5. Послѣдствія пожалованія Германскихъ законовъ. § 6. Различныя наименованія Германскихъ законовъ. *A. О Магдебургскихъ законахъ.* § 7. Время введенія въ Польшу Магдебургскихъ законовъ. § 8. Причинны введенія въ Польшу сихъ законовъ. § 9. Древніе сборники Германскихъ законовъ въ Польшѣ. § 10. Нынешній сводъ Магдебургскихъ законовъ въ Польшѣ. § 11. Раздѣленіе свода Лекера. § 12. Система и внутреннее достоинство сборника Лекера. § 13. Сокращенія и выписки изъ Лекера: I Ивана изъ Тухолки. § 14. II Кирстейна Церасина и Желехонскаго. § 15 III. Практическии примѣчанія Липскаго. § 16 IV. Сокращенія магдебургскихъ законовъ на Польскомъ языкѣ. § 17. Біографія Гроицкаго. § 18. Исчисленіе сочиненій Гроицкаго. § 19. Мнѣнія современниковъ о книгѣ Гроицкаго. § 20. Сборникъ магдебургскихъ правилъ Щербича. § 21. Раздѣленіе сочиненій Щербича и онаго изданія. *B. О Хельминскомъ правѣ.* § 22. О составѣ Городскаго хельминскаго права и изданіяхъ онаго. § 23. Переводъ хельминскаго права. *Отдѣленіе II. О городскихъ привилегіяхъ, вилькирахъ и сеймовыхъ конституціяхъ.* I. О привилегіяхъ. § 24. Сущность привилегій. § 25. Подробное содержаніе привилегій. § 26. Подтверженіе привилегій. II. О вилькирахъ. § 27. Предметъ вилькировъ. § 28. Какіихъ городовъ извѣстны вилькиры. III. О сеймовыхъ конституціяхъ. § 29. Предметъ конституцій и Статутовъ. § 30. Главнѣйшія постановленія конституцій. § 31. О конституціи Литовской, уничтожившей Магдебургское законодательство въ нѣкоторыхъ Литовскихъ городахъ. § 32. Распоряженія въ городахъ, лишенныхъ магдебургскихъ законовъ. § 33. Послѣднія постановленія польскихъ сеймовъ, касательно магдебургскаго права. Глава II. О городскихъ законахъ и привилегіяхъ утвержденныхъ Россійскими Государями. § 34. Общія распоряженія Россійскихъ Государей касательно городовъ. Отдѣленіе I. Общее подтвержденіе магдебургскихъ законовъ. *A. Подтверженіе для Малороссіи и Литвы.* § 35. Подареніе магдебургскихъ правъ Кіеву. § 36. Подтверженіе онаго Россійскими Государями

Въ этомъ изслѣдованіи Даниловичъ подробнѣе останавливается и на характеристикѣ тѣхъ сочиненій, за которыми на практикѣ признавался авторитетъ, подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ первомъ, которое онъ представилъ въ 1830 году. Стоитъ привести его сжатый и точный замѣчанія по этому предмету, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ имѣлъ совершенно ясное представленіе о книгахъ Гроинкаго и Щербича: „Для руководства менѣе образованныхъ членовъ магистратовъ“, сказало у него, „скоро появилось въ свѣтъ сокращеніе магдебургскихъ законовъ на польскомъ языкѣ, Варооломея Гроинкаго и Павла Щербича, которыя отъ долгаго употребленія и навыка приобрѣли въ Польшѣ силу совѣщательныхъ книгъ“.

„Трудъ Щербича раздѣляется на двѣ части, изъ нихъ первая объемлетъ краткое извлеченіе изъ Зеркала Саксоновъ, размѣщенное алфавитнымъ порядкомъ, или лучше сказать, Словарь тѣхъ законовъ; вторая же—представляетъ древнѣйшій переводъ магдебургскаго права (Weichbild) изъ книги Яскера и нѣмецкихъ экземпляровъ“¹⁾.

Кіеву и прочимъ Малороссійскимъ городамъ. § 37. Возстановленіе оныхъ грамотъ. § 38. Подтвержденіе Императоромъ Александромъ I. § 39. Подтвержденіе законовъ для Литвы. В. Исторія Свода и перевода на Россійскій языкъ Магдебургскихъ узаконеній. § 40. Переводъ Магдебургскихъ законовъ на Россійскій языкъ. § 41. Комиссія въ Малороссіи для Свода и исправленія законовъ. § 42. Источники, изъ коихъ составленъ Сводъ и переводъ. § 43. Послѣдніи мѣры правительства къ переводу городскихъ законовъ. *Отдѣленіе II (sic)*. § 44. О статьяхъ особенныхъ, коихъ по магдебургскому праву возстановленія требуютъ малороссійскія и польскія города. § 45. О городскомъ устройствѣ по Магдебургскому праву. § 46. Составъ постоянной и годичной Рады или Магистрата. § 47. Дѣла принадлежашія магистрату или годичной Радѣ. § 48. Обязанности Войты и Лавниковъ. § 49. О правѣ свободной торговли. § 50. О правѣ взыскапія шлохотскаго безчестія для бывшихъ на урядѣ. § 51. Гербъ чиновныхъ лицъ и безчестіе. Распространеніе сего преимущества на другія города. § 52. Право свободы отъ постоя. § 53. Свобода отъ доставленія подводъ. § 54. Освобожденіе отъ военной службы. § 55. Право покровительства отъ притѣвленія военныхъ людей. § 56. О правѣ владѣнія гѣсомъ, сѣнокосомъ, рыбными ловлями и пр. § 57. О городскихъ доходахъ, расходахъ и управленіи оными. § 58. О управленіи доходами и расходами г. Вильны. § 59. Объ отчетности Виленскихъ шафаровъ. § 60. О способѣ собирапія и храненія доходовъ. § 61. О управленіи доходами и расходами г. Кіева. *Отдѣленіе III*. О введеніи Россійскимъ правительствомъ новаго въ городахъ устройства. § 62. О новомъ устройствѣ вообще. § 63 I. Подлежность городскихъ судьямъ. § 64 II. Учрежденіе полиціи. § 65 III. О свободѣ городской торговли. § 66. Дальнѣйшія перемены въ городскомъ устройствѣ. § 67. Настоящее дѣйствіе магдебургскихъ законовъ“. — Каждому параграфу отведено приблизительно по страницѣ (рукописной).

¹⁾ *Тарановскій*, указ. соч. стр. 113, возражаетъ противъ опредѣленія „Порядка“,

Если сравнить сказанное Даниловичемъ съ оцѣнкой трудовъ Гроицкаго и Щербича въ книгѣ г. Тарановскаго „Обзоръ источниковъ магдебургскаго права“, то станетъ очевиднымъ, что новѣйшія тщательныя изысканія только подтверждаютъ правильность замѣчаній Даниловича. Эти его слова слѣдуетъ принимать въ расчетъ при оцѣнкѣ описанной выше записки (напечатанной во второмъ Полн. Собр. Зак., № 4319).

Между прочимъ Даниловичъ указываетъ на то, что не всѣ отдѣлы книгъ Гроицкаго можно считать дѣйствующимъ правомъ. Сюда, напримѣръ, нельзя, по его мнѣнію, относить выдержекъ изъ Каролины (Palsgerichtsordnung Карла V), помѣщенныхъ у Гроицкаго; поэтому онъ отмѣчаетъ, что замѣчаніе генераль-губернатора Желтухина о жестокости магдебургскаго права и неравномѣрности наказаній для богатыхъ и бѣдныхъ ¹⁾ неосновательно. Погодованіе Желтухина, какъ говоритъ Даниловичъ, должно относиться не къ магдебургскому праву, а къ Гроицкому, ибо Каролина никогда въ Польшѣ не дѣйствовала. Теоретически замѣчаніе Даниловича, конечно, вполне справедливо, а на дѣлѣ, вѣроятно, правъ былъ Желтухинъ. Едва ли судьи, вѣрившіе въ книги Гроицкаго, какъ въ официальные источники права, въ точности разбирали, какой артикуль его сочиненія содержалъ дѣйствующую норму, а какой только доктринерское разсужденіе. Въ литовскихъ архивахъ сохранились несомнѣнные свидѣтельства о томъ, что суды въ рѣшеніяхъ ссылались на тѣ мѣста книгъ Гроицкаго „Постемнекъ“, въ которыхъ изложено уголовное право Каролины ²⁾. И недаромъ нѣмецкіе сборники послужили источникомъ нѣкоторыхъ уголовно-правовыхъ постановленій Литовскаго Статута ³⁾. Вѣроятно, и на Волини происходило то же самое, и пормы Каролины фактически дѣйствовали такъ же, какъ и всѣ прочія „постановленія“ учебниковъ.

Послѣ общаго введенія о магдебургскомъ правѣ Даниловичъ переходитъ къ непосредственной темѣ записки, къ привилегіямъ Кіева.

даннаго въ первой запискѣ 1830 года, гдѣ этотъ трудъ названъ „учебной книгой“. Но если понимать „учебникъ“ какъ элементарное руководство, собраніе элементарныхъ данныхъ для несвѣдущихъ юристовъ, или даже полныхъ профановъ, то, очевидно, опредѣленіе Даниловича не далеко отъ истины.—О тѣхъ соображеніяхъ, по которымъ Даниловичъ считалъ сборникъ Мекера официальнымъ, уже сказано выше.

¹⁾ Объ этомъ см. *Иконниковъ*, „Кіевъ“, стр. 149. *Середонинъ*, Историческій Обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ II, стр. 55.

²⁾ Такіе приговоры (разныхъ эпохъ, отъ XV до XVIII столѣтія) приведены у *Тарановскаго*, Обзоръ, стр. 188.

³⁾ *Максимейко*, Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута, стр. 156.

Однако, какъ онъ указываетъ — и совершенно правильно — на основаніи общихъ нормъ магдебургскаго права нельзя получить вѣрнаго представленія объ особенностяхъ устройства каждаго отдѣльнаго города, такъ какъ оно измѣнялось отдѣльными актами королей и даже „вилкирами“ (автономными постановленіями) городскихъ корпорацій. По имѣя подъ рукой всѣхъ матеріаловъ для исторіи кievскаго городского устройства, Даниловичъ въ видѣ образца излагаетъ устройство виленскихъ городскихъ учрежденій, ему болѣе знакомое. По этому образчику можно было, съ приблизительною точностью, судить и объ устройствѣ Кіева. Эта послѣдняя часть записки писана торопливо, такъ какъ приходилось закончить ее какъ можно скорѣе. На ней не видно той отдѣлки, которою отличается начало, и не вездѣ проставлены цитаты. Поэтому и отдѣлы, касающіеся Кіева, изложены блѣдно.

На основаніи записки Даниловича и еще и другихъ данныхъ, заимствованныхъ изъ переписки съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, было составлено заключеніе II Отдѣленія, посланное Споранскимъ Марченкѣ, Государственному Секретарю (30-го ноября 1834 года). Въ этомъ заключеніи привилегіи, на которыя претендовали кievляне, распределены на четыре разряда. Къ первому отнесены тѣ, которыя въ сущности не представляли изыятій изъ общаго порядка, какъ, напримеръ, право города на владѣніе пожалованными имѣніями, право устраивать ярмарки, право привлекать иногороднихъ купцовъ къ платежу городскихъ повинностей и право на покровительство отъ притѣсненій со стороны военнослужащихъ. Такими правами обладали всѣ вообще города Имперіи. Во вторую категорію включены тѣ права города, которыя уже раньше были отмѣнены специальными актами: именно, свобода отъ постоя (отмѣнена въ 1794 году), право непосредственнаго сбора и управленія питейными доходами (отмѣнено въ 1806 году) и безпошлинной торговли (отмѣненное въ 1824 г.). О привилегіяхъ первыхъ двухъ разрядовъ разсуждать не приходилось — онѣ уже получили разрѣшеніе въ законѣ. Но оставались въ силѣ привилегіи другого характера — прежде всего, право управляться по магдебургскимъ законамъ и обусловленное этимъ особое городское устройство, которое сохранено было за Кіевомъ „на первый случай“ (указъ 1772), и поскольку „оно сообразно съ общими Государства установленіями и законами“ (1801 г.). Во главѣ города стоялъ несмѣняемый воитъ, магистратъ и городская комиссія; въ дѣйствія этихъ органовъ мѣстные представители административной власти вмѣшиваться не могли. Въ

судобномъ отношеніи жители Кіева были подсудны только магистрату и войту; апелляція на рѣшенія ихъ подавалась прямо въ Сенатъ. За сохраненіе этихъ учрежденій особенно ратовали кіевскія городскія власти. Но изъ записки Сперанскаго не видно, чтобы онъ сочувствовалъ оставленію въ силѣ этихъ правъ.

Наконецъ, къ четвертой группѣ отнесены отдѣльныя права горожанъ, еще не отмѣненныя общимъ законодательствомъ. Самымъ важнымъ изъ нихъ являлось увольненіе отъ рекрутской повинности; взамѣнъ рекрутовъ городъ содержалъ особую городскую стражу (2.000 человекъ пѣхоты и 500 кавалеріи, при артиллеріи), т. е. нѣчто въ родѣ городской милиціи. Военнаго значенія этотъ отрядъ не представлялъ никакого; вся дѣятельность этого бутафорскаго войска выражалась въ парадахъ и нѣкоторыхъ церемоніяхъ по большимъ праздникамъ. Но горожане дорожили этими остатками старины, очевидно, какъ по соображеніямъ чувства, почитая свое прошлое, такъ и по соображеніямъ разума, потому что необременительное участіе въ стражѣ избавляло ихъ отъ службы въ войскахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ предлагало освободить старожиловъ мѣщанъ, приписанныхъ къ городу до 1782 года, отъ рекрутчины и взимать вмѣсто каждаго рекрута съ города по тысячѣ рублей. Сперанскій воиленъ соглашался съ этимъ предложеніемъ.

Далѣе, кіевскимъ мѣщанамъ было предоставлено одно своеобразное преимущество, выдѣлявшее ихъ изъ ряда прочихъ мѣщанъ, именно право на „пѣхотское“ обезпеченіе въ случаѣ обидъ. По словамъ записки, этой привилегіей пользовались однако не всѣ мѣщане, а только „несшіе общественную службу“. Противъ сохраненія этого права за старожилами II Отдѣленіе ничего не имѣло. Къ этой же группѣ была отнесена и послѣдняя обособленность юридическаго положенія Кіева, именно устраниеніе евреевъ отъ жительства. Это изъятіе было рѣшено оставить безъ разсмотрѣнія, до общаго пересмотра законовъ о евреяхъ.

Вопросъ о привилегіяхъ Кіева былъ заслушанъ въ Государственномъ Совѣтѣ 7 марта 1835 года, въ Департаментѣ Законовъ, и 14 марта въ Общемъ Собраніи. Указъ по этому дѣлу послѣдовалъ 23 ноября 1835 г. (напечатанъ въ Полн. Собр. Зак. т. X отдѣленіе 2, прибавленіе стр. 47, № 7694 а).

Въ этомъ указѣ было выражено, что порядокъ управленія города Кіева, по внимательномъ разсмотрѣніи, не соответствуетъ существеннымъ выгодамъ города, и что изъ правъ, нѣкогда ему данныхъ и

на первый случай (курсивъ подлинника) подтвержденныхъ, одни уже сами отпали, другія же въ теченіе времени обратились во вредъ, а поэтому признано за благо, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановить: „1) для управленія городскихъ хозяйственныхъ дѣлъ учредить въ г. Кіевѣ по примѣру другихъ городовъ на основаніи городского положенія Городскую думу; затѣмъ, упразднить Городскую Комиссію и передать ея дѣла въ думу; 2) присвоить магистрату тѣ права и обязанности, какія присвоены прочимъ магистратамъ; 3) упразднить городскую стражу; 4) распространить рекрутскую повинность на всѣхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ городу послѣ ревизіи 1782 года, а со старожилыхъ взыскивать по одной тысячѣ рублей за каждаго слѣдуемаго съ нихъ рекрута; 5) подчинить мѣщанъ въ ихъ искахъ о безчестіи общимъ Законамъ; тѣмъ же, которые пользовались въ такихъ искахъ шляхетскимъ правомъ, назначить вознагражденіе въ четверо больше, сравнительно съ простыми мѣщанами“.

Какъ видно, не всѣ предложенія министерства внутреннихъ дѣлъ, съ которыми согласно было и II Отдѣленіе, были приняты въ окончательную редакцію указа 1835 г. Указъ объ отмѣнѣ привилегій Кіева былъ написанъ самимъ Сперанскимъ; въ его бумагахъ ¹⁾ сохранился собственноручный набросокъ проекта, помѣченного 6 декабря 1834 года, который почти дословно совпадаетъ съ опубликованнымъ текстомъ, но со слѣдующими измѣненіями.

Пунктъ четвертый у Сперанскаго заканчивается такъ: взыскивать по 1 тысячѣ рублей за каждаго слѣдуемаго съ нихъ рекрута, „и деньги сіи, не внося въ общіе государственные доходы, обращать въ городской доходъ и употреблять на пользу самаго города и въ пособіе его благоустройства. При семъ не воспрещается городскому обществу отдавать мѣщанъ въ рекруты и натурой, но общественнымъ приговорамъ, на общемъ основаніи существующихъ для сего правилъ, но безъ зачета ихъ въ денежную рекрутскую повинность, какъ слѣдующую не въ казну, но въ городской доходъ предназначенную и въ пользу самаго города“. Это мѣсто проекта не вошло въ окончательный текстъ указа. На него слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ какъ оно является свидѣтельствомъ стремленія Сперанскаго отстаивать существующее право, признанное за частными лицами или корпораціями, и

¹⁾ См. бумаги графа Сперанскаго въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ настоящее время картонъ № 6; черновая писана карандашомъ. Слова указа о томъ, что привилегіи г. Кіева были сохранены „на первый случай“, подчеркнуты у Сперанскаго.

въ этомъ смыслѣ истолковывать всѣ ограничивающіе ихъ законы, вводимые по соображеніямъ Staatsraison. Такъ онъ понималъ и ограниченіе свободы кіевлянъ отъ рекрутской повинности; если и соглашался онъ съ политическими соображеніями, требующими такой отмены, то все же считалъ необходимыми, насколько возможно сохранить существующій status, оставляя городу тотъ новый налогъ, которымъ ограничивалось его прежнее привилегированное положеніе, и поэтому старался поддерживать, насколько возможно, правильное, по его мнѣнію, предложеніе министерства внутреннихъ дѣлъ ¹⁾).

Съ изданіемъ указа о Кіевѣ магдебургское право формально было отменено во всѣхъ областяхъ, гдѣ оно прежде дѣйствовало. Малороссійское право было освобождено отъ архаическихъ законовъ, которые дѣйствовали (кромѣ Кіева) только на бумагѣ и являлись источникомъ излишнихъ и напрасныхъ недоумѣній. Отмена ихъ была произведена бережно, послѣ тщательныхъ и всестороннихъ изысканій, никакихъ потрясеній она не вызвала, и жалѣть объ уничтоженіи такихъ антиковъ не приходится.

Однако, отменой старыхъ законовъ не могла ограничиться кодификація малороссійскаго права. Слѣдовало подвести итоги и въ другомъ направленіи, слѣдовало собрать еще дѣйствующіе остатки прежняго правопорядка. Къ этому приступили вскорѣ послѣ отмены литовскаго права въ западныхъ губерніяхъ, и закончилась эта работа уже послѣ смерти Сперанскаго.

Баронъ Александръ Шельде.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Кромѣ того, у Сперанскаго „безчестіе“ кіевлянъ исчислено въ двойномъ размѣрѣ противъ нормальнаго мѣщанскаго, а въ указѣ 1835 г. — въ четверномъ.

СОБОРЪ — ВОТЧИННИКЪ.

(Изъ исторіи московскаго Успенскаго собора) ¹⁾.

I. Вотчины Успенскаго собора.

Различные вклады въ Успенскій соборъ.—Время приобрѣтенія Успенскимъ соборомъ поземельныхъ владѣній.—Способы ихъ приобрѣтенія.—Количественный и качественный составъ богородицкихъ вотчинъ.—Движеніе населенія въ нихъ.—Льготы и привилегіи, которыми были надѣлены богородицкія вотчины въ XVI и XVII столѣтіяхъ.—Уничтоженіе этихъ льготъ и привилегій въ XVIII вѣкѣ.—Отношеніе къ богородицкимъ вотчинамъ священно-служителей Успенскаго собора.—Распределеніе вотчинъ между священно-служителями.

Успенскій соборъ занималъ самое почетное, выдающееся мѣсто среди не только московскихъ, но и вообще русскихъ церквей. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ него стекались значительныя пожертвованія. Большая часть вкладчиковъ дала деньги либо земли—населенныя или пустыя. Лишь изрѣдка попадались вклады животными или вещами. Такъ, напримѣръ, дьякъ Андрей Васильевичъ Шереметинъ далъ по своей дочери Ксеніи и по своимъ сыновьямъ Аванасію 10 руб. и лошадь, цѣною въ 10 руб. ²⁾. Андрей Яковлевичъ Щолкаловъ пожертвовалъ серебряный кубокъ, цѣною въ 10 руб., а братъ его Василій—„кафтагъ камчатъ золотной“, цѣною въ 25 руб. да тафты на 5 руб. ³⁾. По родственникамъ митрополита Макарія, „въ вѣчной поминокъ“, были даны Четьи-Миней ⁴⁾.

Одни вкладчики, жертвуя извѣстную денежную сумму, ставили

¹⁾ Предлагаемая статья представляетъ изъ себя 2 главы изъ изслѣдованія о московскомъ Успенскомъ соборѣ, которое въ скоромъ времени появится въ печати.

²⁾ Москов. Синод. библ. Синод. москов. Усп. соб., № 65, л. 444.

³⁾ Ibid., Синод., № 64, л. 313.

⁴⁾ Ibid., л. 295 об.

то единственное условіе, чтобы они и ихъ родственники были записаны въ синодикъ и вѣчно поминались ¹⁾). Другіе, давая деньги, требовали, чтобы на эти деньги была куплена земля; а до покупки земли деньги эти можно было отдавать въ ростъ: напримѣръ, князь Семенъ Ив. Бѣльскій далъ „по собѣ и по своему роду“ 150 руб., „а повелѣ на тѣ денги землю купить на память себѣ и своему роду, а докуды земли не купятъ—и протопопъ съ братьею тѣ денги *содать азъ людемъ*“, т. е. могутъ отдавать въ ростъ ²⁾). Нѣкоторыя лица, жертвуя деньги на покупку земли, выставляли непремѣнное условіе, чтобы эти деньги отнюдь не отдавать въ ростъ: 31-го марта 1569 г. ловчій царя Ивана IV Григорій Дмитріевичъ далъ въ Успенскій соборъ 50 руб. съ тѣмъ, чтобы на эти деньги была куплена земля; „а по собѣ имъ (т. е. протопопу «съ братіей») тѣхъ денегъ не дѣлти и *въ росты не давати*“ ³⁾).

Любопытно это напоминаніе нѣкоторыхъ благочестивыхъ вкладчиковъ о томъ, чтобы пожертвованныя ими деньги не отдавались въ ростъ: оно показываетъ, что духовенство не брезговало отдачей денегъ подъ проценты, хотя церковь уже давно осуждала эту операцію, какъ грѣховное дѣло.

Вклады въ Успенскій соборъ денежныхъ суммъ съ условіемъ купить на пожертвованныя деньги землю мы встрѣчаемъ только въ XVI вѣкѣ; позднее такого условія намъ не попадалось.

Въ XVI вѣкѣ, изъ общей суммы въ 1.120 руб. слишкомъ, пожертвованной въ Успенскій соборъ разными лицами, приблизительно 700 руб. предназначалось на покупку земли. Въ XVII столѣтіи было пожертвовано 1.295 руб. слишкомъ, а въ XVIII—всего 110 руб. ⁴⁾).

¹⁾ Напримѣръ, митрополитъ Антоній далъ въ Успенскій соборъ 100 руб. „на память своей души и по своимъ родителемъ въ вѣчный поминокъ“. Ibid., л. 261. Или: „лѣта 7091 далъ князь Иванъ Петровичъ (Шуйскій) въ церкви къ Пречистой Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и великимъ чудотворцемъ Петру и Іонѣ пятьдесятъ рублевъ денегъ о его здравіе Бога молити, а родители его поминати; а пошлетъ Богъ по душу его—и его папсата съ его родители и поминати ихъ, доколе мръ вселенныя стоитъ“. Ibid., л. 285 б.

²⁾ Ibid., л. 43 об.

³⁾ Ibid., л. 299; ср. лл. 211 об.—212; см. также Синод. № 65, лл. 450—451.

⁴⁾ Приведенныя въ текстѣ цифры мы вывели на основаніи свидѣній, находящихся въ синодикахъ Успенскаго собора, которые хранятся въ московской синодальной бібліотекѣ. Всѣхъ синодиковъ сохранилось 7 (№№ 64—70): одинъ изъ нихъ (№ 64) относится къ XVI вѣку, другой (№ 70)—къ XVIII вѣку, а 5 (№№ 65—69)—къ XVII вѣку.

При этомъ, какъ мы уже сказали, вкладчики XVII и XVIII столѣтій ни слова не говорятъ о покупке земли, предоставляя распорядиться пожертвованными деньгами протопопу Успенскаго собора „съ братіей“¹⁾.

¹⁾ Размѣры вкладовъ, дававшихся „на поминъ“, колебались между 10 и 200 руб. Большая часть лицъ жертвовала по 50 и по 100 руб.; некоторые давали по 2 руб. „со имоща“. Синод. № 65, лл. 29 об и 51 об. Надо думать, что вкладчики, дававшие деньги, получали отъ протопопа Успенскаго собора „съ братіей“ особенный документъ (вкладную), въ которомъ обозначались размѣры вклада и условия, на которыхъ онъ былъ данъ. Помимо слѣдовъ этого въ синодикахъ, до насъ дошелъ подобный документъ отъ XVII вѣка. Считаю не лишнимъ привести его цѣлкомъ. „Лѣта 7159 поибри въ день милости ради Возжи и Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и великихъ тріехъ святителей Петра и Алексѣя и Юны, московскихъ и всеа Русіи чудотворцевъ, далъ вкладу въ домъ Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія въ большой соборъ боярину Григорей Гавриловичъ Пушкинъ 30 рублевъ денегъ по себѣ и по своихъ родителяхъ, при протопопѣ Григорей, при протодьяконѣ Григорей, ключарѣ Иванѣ съ братьею. И намъ, протопопу Григорью съ братьею, боярина Григорья Гавриловича и о его женѣ и о дѣтѣхъ о здравіи Бога молити и родители его поминати, а будетъ Богъ пошлетъ, по думу его смертоноснаго ангела или по думу жени его и намъ, протопопу Григорью съ братьею, или кто по насъ иные наша братья въ дому Пречистые Богородицы будутъ, ево, боярина Григорья Гавриловича, и жену его и дѣтей написать въ вѣчные сенадикъ и поминати ихъ по вся дни съ прочими вкладчики дому Пречистые Богородицы. А деньги въ казну принялъ азъ, протопопъ Григорей съ братьею; и того ради дана бысть сія вкладная ему, боярину Григорью Гавриловичу, впредь для вѣчнаго поминанія. А сію вкладную писалъ того же Большаго собору дьяконъ Василей. Къ сей вкладной Успенія Пречистые Богородицы Большаго собору протопопъ Григорей печать Пречистые Богородицы домовую приложилъ“. Москов. синод. библ. Докум., перед. изъ московскаго Успенскаго собора, № 78. Печати на документѣ нѣтъ. Впрочемъ, приведенный документъ—копія, хранящаяся въ „казнѣ“ Успенскаго собора, а подлинникъ, съ печатью Успенскаго собора, былъ отданъ вкладчику.

Нѣкоторые лица попадали въ синодикъ Успенскаго собора вслѣдствіе злоупотребленія, а нѣкоторые—по приказанію государя. Въ синодикѣ XVII вѣка (№ 65), на поляхъ противъ рода дьяка Андрея Стефанова, находится слѣдующая любопытная замѣтка: „по сихъ родителяхъ не дано ничего, а поминати даромъ со 121 году, а написаны за посылъ“. Л. 272 об. Значитъ, родъ дьяка Андрея Стефанова былъ внесенъ въ синодикъ Успенскаго собора за взятку, данную лицу, которое вело синодикъ.

Въ 1651 г. голова московскихъ стрельцовъ Иванъ Михайловичъ Баскаковъ подалъ на имя государя челобитную, въ которой писалъ, между прочимъ: „въ нынешнемъ, государь, во 160-мъ году служилъ тебѣ, государю, братъ мой голова Михайло Баскаковъ и изволеніемъ, государь, Вожіемъ въ пожарное время згорелъ. Милосердый государь царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, пожалуй мои, холопа своего, за службу и за кровь брата моего Михаила вели, государь, написать въ вѣчной сенадикъ Успенія Пречистой Богородицы для сво Михайловы мученическіе смерти“. 8-го ноября 1651 г. государь „велѣлъ брата сво Михайловы

Исчезновеніе условія о покупкѣ земли въ XVII вѣкѣ слѣдуетъ объяснять, по всей вѣроятности, закономъ 15-го января 1580 г., запретившимъ монастырямъ и церквамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія.

Трудно сказать, насколько строго исполнялась воля тѣхъ вкладчиковъ, которые хотѣли, чтобы на пожертвованныя ими деньги была куплена земля. Судя по одному случаю, нужно думать, что эта воля по возможности исполнялась. Въ 1569 или 1570 г. дьякъ Константинъ Семеновичъ Мясоѣдъ-Вислой далъ въ Успенскій соборъ 100 руб. съ тѣмъ, чтобы на эти деньги была куплена земля. „И протопоиъ Еустафей съ братьею купилъ село Ондrejaновское съ деревнями у Ивана (пробѣлъ) у Агарева, а далъ на помъ двѣсти рублевъ: сто рублевъ казенную, а *другую сто рублевъ Мясоѣдову*“¹⁾.

Кромѣ денегъ на покупку земли, московскому Успенскому собору жертвовались и земли—населенныя и пустыя. Самое раннее упоминаніе о земельномъ вкладѣ въ этотъ соборъ относится къ концу XV вѣка, къ 1486 г. Въ этомъ году верейскій князь Михаилъ Андреевичъ „далъ.... къ Пречистой къ соборной церкви на Москву *протопопу и священникомъ* въ Ерославскомъ уѣздѣ свое село Татаренки въ Заечковѣ со всѣмъ, что къ тому селу изъ старины потягло, по своей душѣ после своего живота—то имъ и за годовой поминокъ“. Вкладъ этотъ былъ условный: „а будетъ то село, читаемъ мы дальше въ грамотѣ, надобеть моему господину Великому князю—и господитъ мой князь Велики то село возметъ себѣ, а къ Пречистой дать съ того села протопопу съ священники 60 рублевъ“²⁾.

Изъ одного памятника XVI вѣка мы узнаемъ, что „пресвященный Симонъ, митрополитъ всея Руси“³⁾, купи село Савастіановское и селище Юрьевское у Мосла у Тарбѣова и у его братьи, а далъ на немъ сто рублевъ и вда его къ домъ Прочистылъ и великого чуд(о)-творца Петра *протопопу зъ братією*“⁴⁾.

хайла написать въ вѣчный севадикъ въ соборной апостольской церкви Успенія Пречистые Богородицы“. Москов. синод. библ. Докум., перед. изъ московскаго Успенскаго собора, № 150.

¹⁾ Синод., № 64, л. 303.

²⁾ С. Г. Г. и Д., I, № 122, стр. 304; ср. № 121, стр. 300.

³⁾ Симонъ былъ митрополитомъ съ 1495 до 1511 г.

⁴⁾ Синод., № 64, л. 141 об. Въ I т. Актовъ, относ. до юр. б. др. Рос. (№ 63, VIII), напечатана „даннал“ на с. Окснѣянское съ деревнями *московскому Успенскому собору*, первой половины XV вѣка. Но достаточно болѣе или менѣе внимательно прочитать этотъ документъ, чтобы убѣдиться, что с. Окснѣянское съ деревнями

Эти извѣстія мы считаемъ очень цѣнными: они показываютъ, что уже въ концѣ XV вѣка произошло отдѣленіе Успенскаго собора отъ должности митрополита, въ отношеніи земельныхъ владѣній; съ этого времени у Успенскаго собора появляется самостоятельное недвижимое имущество, образуется самостоятельный земельный фондъ. Первоначально, до конца XV вѣка, Успенскій соборъ, какъ кафедральный, находился въ самой тѣсной связи съ должностью митрополита, составляя нераздѣльную часть митрополичьей кафедры. „Митрополичья кафедра, говоритъ проф. Горчаковъ, какъ енархіальное церковное установленіе, состоящее изъ должности митрополита, кафедральной церкви и домовыхъ монастырей, была субъектомъ права на земельныя имущества митрополита и кафедральной соборной церкви“¹⁾. Такимъ образомъ, до конца XV вѣка у Успенскаго собора не было отдѣльныхъ земельныхъ владѣній; до конца XV вѣка земельныя владѣнія были у митрополичьей кафедры, въ составъ которой входилъ и Успенскій соборъ; поэтому и онъ былъ субъектомъ права на земли митрополичьей кафедры. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, было ли это идеальное право, или же оно осуществлялось и на практикѣ; иначе говоря—мы не знаемъ, пользовался ли Успенскій соборъ или нѣтъ доходами съ земель митрополичьей кафедры. Судя по практикѣ XVII вѣка, мы должны думать, что пользовался: вѣроятно, часть доходовъ митрополичьей кафедры шла на содержаніе собора и его причта. Хотя Успенскій соборъ продолжалъ быть кафедральнымъ вплоть до XVIII столѣтія²⁾, однако съ конца XV вѣка связь его съ митрополичьей кафедрой стала ослабѣвать: съ этого времени, какъ мы видѣли, Успенскій соборъ становится собственникомъ отдѣльнаго отъ митрополичьей кафедры недвижимаго имущества³⁾.

было дано вовсе не Успенскому собору. „.... Се язъ Игнатей Васильевичи, читаемъ мы въ упомянутой «данной», далъ есмь святѣй Богородици съборной на Москвѣ: въ домъ и святому чудотворцу Петру, митрополиту всеа Руси, село свое Окснинское, свою отчину, съ церковію съ святѣмъ Николою, изъ Звенигородскомъ уѣздѣ, и господыиу своему Ionъ епископу, нареченному въ святѣйшую митрополию Русьскую, или кто по немъ будетъ иной митрополитъ“. Итакъ, ясно, что с. Окснинское было дано не московскому Успенскому собору, а митрополичьей кафедрѣ. Ср. *солиц. М. Горчакова*, „О зем. влад. всерос. м., п. и св. Сии.“, стр. 58, прим. 11, стр. 89, прим. 4 и Прилож., стр. 11, прим. 2 и стр. 81.

¹⁾ Ор. cit., р. 116: ср. pp. 117 и 310—311.

²⁾ Съ XVIII вѣка кафедральной церковью сдѣлался Архангельскій соборъ.

³⁾ Проф. Горчаковъ начало отдѣленія въ имущественномъ отношеніи Успенскаго собора отъ митрополичьей кафедры ошибочно относитъ къ концу XVI вѣка,

Объемъ этого имущества увеличивался въ продолженіе XVI и первой трети XVII столѣтія и достигъ наибольшихъ размѣровъ въ концѣ 1633 г., послѣ чего притокъ земельныхъ пожалованій и владѣвъ въ Успенскій соборъ прекратился.

Къ сожалѣнію, далеко не относительно всѣхъ земельныхъ владѣній Успенскаго собора имѣются въ нашемъ распоряженіи точныя свѣдѣнія о времени ихъ приобрѣтенія; впрочемъ, приблизительно это время можно опредѣлить. Слѣдующія земли одѣланы собственностью Успенскаго собора, несомнѣнно, до 1575 г.:

- 1) с. *Татаренки* „въ Заочновѣ“ (въ Ярославскомъ уѣздѣ. 1486 г.) ¹⁾,
- 2) с. *Савостьяновское* и селище *Юрьевское* (между 1495 и 1511 г.),
- 3) селцо *Андреяновское* съ деревнями (вскорѣ послѣ 7078—1569—70 г.) ²⁾,
- 4) с. *Висильевское* съ деревнями (не позднѣе 1539 г.),
- 5) с. *Константиновское* или *Царевоконстантиновское* съ деревнями (не позднѣе 1539 г.),
- 6) с. *Высокое* съ деревнями (*Глухово, Чеприна* и *Фобаново*, не позднѣе 1539 г.) ³⁾,
- 7) с. *Дымцово* (*Введенское* тожь) съ деревнями (въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, 7077—1569—70 г.).

Слѣдующія земли достались Успенскому собору между 1575 и 1598 гг.:

- 8) с. *Аничково*,

ор. cit., p. 311. Отдѣленіе домовыхъ монастырей отъ митрополичьей кассандры началось значительно ранѣе отдѣленія Успенскаго собора—именно съ начала XV вѣка или даже съ самаго конца XIV вѣка. См. *ibid.*, p. 117, прим. 1 и p. 310.

¹⁾ Впослѣдствіи мы не встрѣчаемъ этого села среди вотчинъ Успенскаго собора; можетъ быть, оно было взято великимъ княземъ, либо запустѣло.

²⁾ С. Савостьяновское находилось въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Въ писцовой книгѣ 1626—28 гг. оно называется такъ: „деревня, что было селцо, Савастьяновское — Тарбѣво“. Въ переписной книгѣ 1677 г. оно называется уже д. Тарбѣво; это последнее названіе удерживается за нимъ и впослѣдствіи. А. М. Ю. писцов. кн. Дмитровскаго уѣзда, № 627, л. 371 об. и переп. кн. по г. Дмитрову, № 15.064, л. 141 об. Вѣроятно, въ томъ же уѣздѣ находилось и селище Юрьевское. Такъ какъ впослѣдствіи о немъ не упоминается, то можно думать, что оно было присоединено „приищено въ пашню“ къ д. Тарбѣвѣ. Что касается селца Андреяновскаго, то мы не знаемъ, въ какомъ уѣздѣ оно находилось. Любопытно, что въ документахъ XVII стол. это поселеніе не упоминается въ числѣ владѣній Успенскаго собора: быть можетъ, оно запустѣло, обратилось въ пустошь, или же кѣмъ-нибудь было захвачено.

³⁾ Перечисленные 3 села находились въ Дмитровскомъ уѣздѣ.

- 9) с. *Перескоково* съ деревнями,
- 10) с. *Андреяновское*,
- 11) с. *Добрынино* съ деревнями ¹⁾,
- 12) сельцо *Сабель* съ деревнями (*Рудалиха* или *Рудавица* и *Стеклаха* или *Стеклица*, *Костелиха* тожь) и пожнями (7085—1576—77 г.) ²⁾,
- 13) пустошь *Гавшино* (въ Московскомъ уѣздѣ, въ Васильцовѣ ст.),
- 14) пустошь *Дубровки* (въ Московскомъ уѣздѣ, въ Вяземскомъ ст.),
- 15) 6 пустошей въ Московскомъ уѣздѣ, въ Горѣтовѣ ст.,
- 16) 11 пустошей и 4 селища въ Ратуевѣ ст. Московскаго уѣзда.

Въ первой половинѣ XVII вѣка Успенскій соборъ приобрѣлъ слѣдующія вотчины:

17) половину селища *Михайловскаго* (сельцо или деревня *Русавкино* тожь) съ 2 полупустошами (*Хрулева* и *Заболотье*, въ Московскомъ уѣздѣ, въ Обарничѣ ст.; 7141.—1632—33 г.),

18) села *Овчюхи* и *Чоково* съ деревней *Васильевской* (во Владимирскомъ уѣздѣ; 30 ноября 1633 г.) ³⁾.

²⁾ Перечисленные 4 села находились всё въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Села Перескоково и Аничково впоследствии запустѣли: въ писцовой книгѣ 1626—28 г. они уже названы пустошами. Въ 1705 г. мы снова видимъ д. Перескоково съ 1 кв. дѣ., но вскорѣ послѣ этого она опять запустѣла: въ ландратской книгѣ 1715 г. деревни съ такимъ названіемъ уже не встрѣчается. С. Андреяновское превратилось впоследствии въ д. Андреяново, которая потомъ стала называться Андреяновымъ. С. Добрынино послѣ 1654 г. не упоминается въ числѣ владѣній Успенскаго собора. Трудно сказать, куда оно дѣвалось: можетъ быть, оно точно также запустѣло. А. М. Ю. Спис. съ писц. кн. Дмитровскаго уѣзда, № 627, лл. 375, 381 об. и 383; переп. кн. по г. Дмитрову, 1705 г., № 15.066.

²⁾ Въ первой четверти XVII столѣтія относившіяся къ сельцу Саблю 2 деревни запустѣли, превратились въ пустоши, и сельцо было переименовано въ деревню и вмѣстѣ съ пустошами приписано къ с. Дымцову. Москов. синод. библ. Докум., перед. изд. м. Усп. соб., №№ 15 и 16. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ документахъ д. Сабель и с. Дымцово показаны въ Вѣжецкомъ — Верху, въ Городецкомъ уѣздѣ, въ Верховскомъ ст.; лишь въ жалованныхъ грамотахъ 1625 и 1654 г. эти поселенія показаны въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ Верховскомъ ст. Ibid., №№ 14, 16, 31 и др. А. М. Ю. Межев. и писцов. кн. по Торжку и другимъ городамъ, № 476, л. 139. Опис. док. и дѣлъ св. Сын., III прил. XXXI, ст. СХХ. А. Н., III, № 133, стр. 208. Въ настоящее время с. Дымцово и д. Сабель находятся въ Вѣжецкомъ у. Тверской губ. Списки насел. м. Р. Н., XLIII, pp. 64—65.

³⁾ Въ некоторыхъ документахъ эти села показаны въ Курьевъ-Польскомъ у. Въ настоящее время сс. Овчухи и Чоково и д. Васильевка находятся во Владимирскомъ у. Владимирской губ. Сп. насел. мѣстъ Р. Н., VI, стр. 7 и 20.

Мы перечислили всѣ земельныя владѣнія Успенскаго собора, свѣдѣнія о которыхъ намъ удалось найти въ различныхъ документахъ; мы видѣли, что эти владѣнія были раскинуты въ 4 уѣздахъ: Московскомъ, Дмитровскомъ, Владимирскомъ и Бѣжецкомъ.

Что касается *способовъ* ихъ пріобрѣтенія, то намъ извѣстны три: пожалованіе, вкладъ и купля.

Изъ одного документа мы знаемъ, что села Васильевское, Константиновское, Высокое и Андреяповское съ деревнями, находившіяся въ Дмитровскомъ уѣздѣ, были пожалованы государями ¹⁾. О способѣ пріобрѣтенія остальныхъ земельныхъ владѣній этого уѣзда мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ свѣдѣній; возможно, что и они были пожалованы государями.

Села Овчюхи и Чоково съ деревнями были пожалованы Успенскому собору царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Это были первоначально дворцовыя села. Въ одномъ синодикѣ Успенскаго собора находится извѣстіе, что упомянутыя села были пожалованы по Никитѣ Романовичѣ Юрьевѣ ²⁾, а изъ челобитной Успенскаго протопопа Григорія „съ братіей“ 1646 г. мы узнаемъ, что с. Чоково было пожаловано царемъ Михаиломъ „въ вѣчный поминокъ“ по патриархѣ Филаретѣ ³⁾. Оба эти извѣстія мы должны признать неточными: изъ сохранившейся копии съ жалованной грамоты царя Михаила Ѳеодоровича на сс. Овчюхи и Чоково мы узнаемъ, что оба эти села были даны въ Успенскій соборъ, „по... Великому государѣ святѣйшемъ патриархѣ Филаретѣ Никитичѣ московскомъ и всеа Русіи“. За это пожалованіе протопопъ Успенскаго собора „съ братіей“ должны были внести имя патриарха Филарета „въ вѣчный синодикъ“ и поминать его и „понахиды гвѣть еженедѣльно весь годъ по овторникамъ и по четвергамъ и по субботамъ.“ ⁴⁾.

¹⁾ Москов. син. библ. Док., перед. изъ м. Усп. соб., № 12.

²⁾ „Самъ (Никита Романовичъ Юрьевъ) пожаловалъ при себѣ 100 руб. и потомъ государь пожаловалъ 2 села — Овчюхи да Чоково“. Ibid. син. м. Усп. соб. № 65, л. 18. Ср. Син. № 66, л. 17.

³⁾ Ibid. Док., перед. изъ м. Усп. соб., № 25.

⁴⁾ И п. Филаретъ, подобно Н. Р. Юрьеву, еще при своей жизни далъ въ Успенскій соборъ 100 руб. „Лѣта 7130-го святѣйшій Филаретъ, патриархъ Московскій и всеа Русіи далъ къ Пречистой Богородицы и великимъ чудотворцемъ Петру и Юрѣ въ соборъ протопопу Кондратию съ братією по себѣ денегъ сто рубльскъ—о его здоровье Бога молити, а родителей его поминати; а Богъ по душу его сошлетъ—и его поминати въ повседневномъ и въ литейномъ синодикѣ и за просфирисписаніемъ съ его родителями вмѣстѣ во вѣки, доколѣ мръ вселенная стоить“. Ibid. Синод. № 65, л. 435.

Мы уже знаемъ, что с. Савостьяновское и селище Юрьевское были даны въ Успенскій соборъ митрополитомъ Симономъ ¹⁾).

Сельцо Сабель съ деревнями и пожнями было дано Евфросиньей Замыцкой по своему мужу Никитѣ Константиновичѣ Замыцкомъ. Въ сохранившейся копіи съ „данной“ грамоты Евфросиньи Замыцкой мы, между прочимъ, читаемъ, что жертвовательница дала въ Успенскій соборъ „по своему мужу на поминокъ и въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ съ прокъ безъ выкупа въ Бѣжецкомъ-Верху въ Городецкомъ уѣздѣ въ Верховскомъ стану сельцо Сабелей (Сабель) з деревнями, а деревень въ сельцу: деревня Рудалиха да деревня Стеклѣиха и съ пустошами и съ лѣсы и съ луги и съ пожнями и съ рыбными ловлями на рекѣ на Мелѣче и на рекѣ на Ужене и съ перевѣсы и съ черными лѣсы и съ бортными ухожья и со всеми угоды“. Любопытно также слѣдующее указаніе: „а крѣпости у чудотворца у Петра положили семи на раку.... и протопопъ Григорей з братьею крѣпости съ чудотворцова гроба возмутъ въ казну“ ²⁾). Можетъ быть, здѣсь мы должны видѣть символическій актъ: положивъ крѣпости на сельцо Сабель съ деревнями на раку святго Петра, Евфросинья Замыцкая хотѣла тѣмъ наглядно показать, что свою землю она пожертвовала не протопопу „съ братіей“, а той церкви, въ которой лежатъ мощи митрополита Петра. Способъ пріобрѣтенія с. Введенскаго съ деревнями Успенскимъ соборомъ занимаетъ средину между вкладомъ и куплей. Дѣло въ томъ, что княгиня Ульяна, вдова князя Ѳедора Васильевича Овчинникова-Оболенскаго, согласилась продать свою вотчину, с. Введенское съ деревнями, протопопу Успенскаго собора Евстафію „съ братьею“ за 1.000 руб., но взяла съ нихъ только 600 руб. „престольныхъ церковныхъ денегъ“, остальныхъ же 400 руб. „не взяла, потому что ту 400 рублевъ дала.... въ домъ Успенія-Пречистые Богородицы и великимъ чудотворцемъ Петру и Іоанъ по мужу своему по князь Ѳедорѣ Васильевичѣ и по всему своему роду, которые у Пречистые Богородицы въ сенадикѣ написаны“. „И протопопу Евстафію съ братьею, читаемъ мы въ купчей-данной кн. Ульяны, или кто по немъ у Успенія Пречистые Богородицы иный протопопъ съ братьею будетъ за тотъ мой вкладъ за 400 рублевъ мужа моего князь Ѳедора и весь родъ нашъ поминати по всякъ день на вечерняхъ и на заутреняхъ и въ лятіяхъ заупокойныхъ и въ просвиромисніи и на литургіяхъ, доколѣ Богъ

¹⁾ Ibid. Синод. № 64, л. 141 об.

²⁾ Москов. синод. библ. докум., перед. изъ ж. Усп. соб., № 14, лл. 3 об.—5

благоволить и церкви Божіи стоять“. Кромѣ того, при жизни княгини Ульяны, нужно было молиться объ ея здравіи, а послѣ ея смерти слѣдовало ея имя записать „во всенедельной вѣчной сенадикѣ“ вмѣстѣ со всѣми ея родственниками и „помяти во-вѣки“ ¹⁾.

Въ 1632—33 гг. Пётръ Степановичъ Корсаковъ далъ въ Успенскій соборъ приданую вотчину своей первой жены—полсельца Михайловскаго съ 2 полупустошами (Хрулева и Заболотье) ²⁾. Кромѣ обычнаго условія—записать родственниковъ въ синодикъ, вкладчикъ поставилъ еще то условіе, чтобы протопопъ „съ братіей“ выстроили на рѣкѣ Горенкѣ мельницу и позволили ему молотъ на себя 30 четв. всякаго хлѣба въ годъ ³⁾. И мы знаемъ, что это условіе П. С. Корсакова было исполнено—мельница на рѣкѣ Горенкѣ впоследствии была выстроена ⁴⁾.

Мы уже говорили, что сельцо Андреяновское съ деревнями было куплено протопопомъ Евстафіемъ „съ братіей“ на пожертвованныя деньги ⁵⁾.

Что касается остальныхъ земельныхъ владѣній Успенскаго собора (19 пустошей и 4 селищъ въ Московскомъ уѣздѣ), то о способѣ ихъ приобрѣтенія мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ; позволительно только предполагать, что нѣкоторые изъ нихъ могли быть куплены на пожертвованныя деньги.

Теперь мы постараемся разсмотрѣть количественный и качественный *составъ* земельныхъ владѣній Успенскаго собора. Начнемъ съ Московскаго уѣзда.

По писцовой книгѣ Московскаго уѣзда 1626—29 гг., въ п. Дубровкахъ было: наѣзжей пашни—20 четв., перелога и пашни, порос-

¹⁾ Ibid., Синод. № 65, л. 56.

²⁾ Первоначально это поземельное владѣніе находилось въ помѣстьѣ за Григоріемъ и Андреемъ Нагими, а потомъ перешло къ Василию Тихоновичу Абрамову, который въ 1618—19 гг. отдалъ его въ приданое за своей дочерью, вышедшей замужъ за П. С. Корсакова. Ibid., Док., перед. изъ м. Усп. соб., № 7. Въ 7191/1632—83 гг. Гавріиль Римскій-Корсаковъ, внукъ П. С. Корсакова, былъ челомъ государямъ, чтобы „велѣли тое вотчину (полсельца Михайловскаго съ 2 полупустошами) отдать ему на выкупъ“. Римскому-Корсакову было отказано въ его просьбѣ на томъ основаніи, что, во-первыхъ, вотчина—не родовая, а приданая, и, во-вторыхъ, она была отдана въ Успенскій соборъ до Уложенин. Ibid., №№ 9 и 10, л. 21 (22).

³⁾ Ibid., № 8.

⁴⁾ Ibid., № 27, л. 5.

⁵⁾ Ibid., Синод. № 64, л. 303.

шей лѣсомъ—100 ч. въ одномъ полѣ, сѣнныхъ покосовъ—180 коп. и лѣса—5 дес.; значить, всей земли (не считая сѣнныхъ покосовъ) было приблизительно 185 дес. ¹⁾ Въ 6 пустошахъ Горѣтова ст., по писцовой книгѣ 1622—24 гг., было пашни, поросшей лѣсомъ $161\frac{1}{2}$ четв. въ одномъ полѣ или $242\frac{1}{4}$ дес. и 200 коп. сѣнныхъ покосовъ ²⁾.

Въ 11 пустошахъ и 4 селищахъ Ратуева стана, по писцовой и межевой книгѣ 1626—29 гг., было: наѣзжей пашни—7 ч. (въ 2 пустошахъ), перел. и пашни, пор. лѣс., 195 ч. въ одномъ полѣ, сѣн. пок.—207 коп., лѣса—32 дес., „да лѣсу жѣ поверстного въ длину на версту, а поперегъ тожъ, а индѣ больше, а индѣ меньше“ ³⁾. Слѣдовательно, всей земли, не считая „поверстного“ лѣса, было около 335 дес. и 207 коп. сѣн. пок.

Въ пустоши Гавшинѣ, находившейся въ Васильцовѣ стану, по писцовой книгѣ 1680—81 гг., было: пашни $62\frac{1}{2}$ четв. (вѣроятно, въ одномъ полѣ), сѣн. пок.—40 коп. и лѣса-рощи 4 дес. Значить, всего земли было $97\frac{3}{4}$ дес. и 40 коп. сѣн. пок. ⁴⁾.

Въ селѣцѣ Русавкинѣ, въ 1622—24 гг., мы видимъ: дворъ вотчинника, въ которомъ жилъ „дѣловой“ человекъ, и 2 дв. крестьянскихъ (3 чел.); земли: пашни пах. $\frac{1}{8}$ четв., пашни, поросшей лѣсомъ, $16\frac{7}{8}$ четв. въ одномъ полѣ, сѣнныхъ покосовъ 15 коп. и лѣса 3 д. Въ 2 полупустошахъ, относившихся къ селѣцу Русавкину, было: наѣзжей пашни 3 четв., поросшей лѣсомъ 37 четв., сѣнныхъ покосовъ 40 коп., лѣса и рощи $5\frac{1}{2}$ дес. Слѣдовательно, въ селѣцѣ и 2 полупустошахъ земли было 94 дес. и 55 коп. сѣнныхъ покосовъ. Какъ видимъ, селѣцо Русавкино было въ первой четверти XVII столѣтія, очень маленькимъ поселеніемъ; крестьянская запашка была незначительна—нѣсколько менѣе $2\frac{1}{2}$ дес. на 1 дворъ; у крестьянъ не было даже своихъ лошадей—и для полевыхъ работъ они пользовались лошадьми вотчинника, за что должны были отдавать ему извѣстную долю урожая ⁵⁾. Въ 1632—33 гг., когда вотчина Корсакова перешла въ собственность Успенскаго собора, мы видимъ въ ней болѣе значительное населеніе—6 двор. крестьян. (7 чел.) и 1 дв. боб. (1 чел.),

¹⁾ Ibid., Док., перед. изъ м. Усп. соб., № 4. Ср. въ А. М. Ю. писц. и меж. кн., № 689, 2-я п., лл. 1525 об.—1526.

²⁾ Ibid., № 5. Ср. въ А. М. Ю. спис. съ писц. кн., № 9806, лл. 181—183.

³⁾ А. М. Ю. Спис. съ писц. и меж. кн., № 689, 1-я пол., лл. 43 об.—45.

⁴⁾ Ibid., Грам. К. Э. по Москов. у., № $\frac{306}{7}$ 538, л. 44 об.

⁵⁾ „...А сказалъ Петръ Корсаковъ, что тѣ ево крестьяне памутъ на ево Петровыхъ лошадахъ изъ доли“. Ibid., № 7.

а въ 1646 г.—7 дв. кр. и 1 дв. нищей-вдовы ¹⁾). Такимъ образомъ, къ половинѣ XVII ст. количество дворовъ въ селѣцѣ Русавкинѣ учтвѣрилось. Можетъ быть, это увеличеніе населенія нужно поставить въ связь съ фактомъ перехода селѣца Русавкина изъ рукъ свѣтскаго вотчинника въ собственность церковнаго установленія, вотчины котораго пользовались важными привилегіями: эти-то привилегіи и привлекали новыхъ поселенцевъ. Впрочемъ, въ послѣдней четверти XVII в. (въ 1677 г.) количество дворовъ въ селѣцѣ Русавкинѣ уменьшилось почти на половину: въ то время въ немъ было 4 кр. дв. (8 ч. м. п.) и 1 дв. вдовы-бобылки. Въ 1704 и 1715 гг. въ немъ было 5 кр. дв. (17 ч. м. п.), а по 1-ой ревизіи въ немъ числилось 10 д. м. п. То же число душъ м. п. было въ немъ по 2-ой ревизіи (1747 г.); по 3-ей ревизіи (1762 г.) количество душъ м. п. увеличилось только на 2 ²⁾). Итакъ, во всѣхъ московскихъ вотчинахъ Успенскаго собора было:

Пашни пах.	$\frac{3}{16}$ дес.	} Итого . . . 950 д.
„ наѣз.	45 „	
Пер. и лѣс. пор.	859 $\frac{5}{16}$ „	
Лѣса	49 $\frac{1}{2}$ „	
Сѣн. пок.	682 коп.	

Въ Вѣжецкомъ уѣздѣ, какъ мы знаемъ, находилась вотчина Успенскаго собора—с. Дымцово съ деревнями и пустошами.

По писцовой книгѣ 1626—29 гг., къ с. Дымцову принадлежали 2 деревни (Дымцово-Большое и Сабель) и 29 пустошей ³⁾. Земли было: пашни пах. 18 четв., наѣзжей пашни (въ 5 пустошахъ) 17 $\frac{1}{2}$ четв.,

¹⁾ Еще была 1 дв. пустой Ивашки Терентьева: „бѣжалъ безвѣстно въ нынѣшнѣмъ во 154 г.“ Ibid., № 8.

²⁾ А. М. Ю. Персн. кн. по гор. Москвѣ, 1677 г., № 9813, лл. 508 об.—509; переп. кн. Москов. у., 1704 г., № 9817, л. 249; ландратская кн. Москов. у., 1715 г., № 18497, лл. 798 об.—799. Опис. док. и дѣлъ св. синод., III, прил. XXXI, ст. СХХ. А. М. Ю. Книги Кол. Экон. ревизскія (3-ей ревизіи), в. 60, лл. 526—528.

³⁾ Въ с. Дымцовѣ была церковь въ честь Введенія во храмъ пресвятой Богородицы съ придѣломъ во имя св. Дмитрія Солунскаго. Церковь эта, въ моментъ переписи, „стояла безъ пѣнія“. „А въ церкви образы и книги и ризы и колокола—строеніе мірское, приходныхъ людей“. У церкви находился пустой дворъ поповъ, въ которомъ жила бобылка-вдова съ сыномъ, и 3 пустыхъ дворовыхъ мѣста: дьячка, пономаря и просвярни. Церковной земли было: пашни пах. 2 ч., порел. 8 ч., пор. лѣс. 10 ч., сѣн. покос. 10 коп. М. Синод. библ. Док., перед. изъ м. Усп. соб., № 16. На рѣчкѣ Ужени была мельница. А. М. Ю. Меж. и писц. кн. по Торжку и др. гор., № 476, л. 171.

перед. 237½ ч., пашни, поросшей лѣсомъ, 417 ч., лѣса 324 дес. Значить, всей земли было около 1.359 дес.; сѣяныхъ покосовъ—634 коп. Дворовъ было немного, а именно: 3 дв. кр. (6 чел.) и 10 дв. боб. (30 чел.). С. Дымцово, повидимому, подверглось разоренію въ смутную эпоху. Указаніе на это мы находимъ въ писцовой книгѣ 1626—29 гг., гдѣ на 5 жилыхъ дворовъ показано 10 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ крестьянскихъ: „а крестьяне побиты отъ литовскихъ людей“. Такимъ образомъ, небольшое количество дворовъ въ с. Дымцовѣ (1 дв. кр. и 4 дв. боб.) объясняется тѣмъ, что оно было разорено литовскими людьми и еще не успѣло оправиться отъ этого разоренія ¹⁾. Впослѣдствіи количество дворовъ въ с. Дымцовѣ и приписанныхъ къ нему деревняхъ все возрастало; кромѣ того, 3 пустоши изъ 29 обратились въ деревни. Въ 1646 г. въ интересующемъ насъ селѣ и 4 деревняхъ (Сабель, Дымцово-Большое, Рябчиха и Дымцово-Меньшое) было: 31 дв. кр. (96 чел.) и 2 дв. боб. (6 чел.) ²⁾; а въ 1678 г. въ томъ же селѣ и 5 деревняхъ (Сабель, Дымцово-Большое, Дымцово-Меньшое, Рябчиха и Поддубье) мы видимъ: 55 дв. кр. (188 ч.) и 4 дв. боб. (10 чел.) ³⁾. Итъкъ, въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія въ с. Дымцовѣ и 2 приписанныхъ къ нему деревняхъ было только 13 дв. (3 кр. и 10 боб.), а въ 1678 г. количество ихъ почти учетверилось (47 дв.—46 кр. и 1 боб.); сверхъ того, 3 пустоши сдѣлались деревнями, съ 12 дв. (9 кр. и 3 боб.). Но въ 1717 г. мы замѣчаемъ въ упомянутыхъ поселеніяхъ значительную убыль дворовъ и мужского населенія; въ этомъ году въ с. Дымцовѣ и 4 деревняхъ (д. Поддубье запустѣла) было:

1) 25 крестьянскихъ	дв. . . .	(166 ч. м. п.)
2) 9 солдатскихъ	„ . . .	(4 „ „ „)
3) 5 вдовыхъ и нищен.	„ . . .	(2 „ „ „)

Итого. . . 39 дворовъ . . . (172 ч. м. п.)

По 1-й ревизіи, въ с. Дымцовѣ съ деревнями было 299 д. м. п.; по 2-й ревизіи—274 д. м. п., а по 3-й—292 д. м. п. ⁴⁾.

¹⁾ Литовскимъ же разореніемъ слѣдуетъ объяснить, по всей вѣроятности, и запустѣніе 2 приписанныхъ къ с. Сабель деревень—Рудалихи и Стеклахи.

²⁾ Въ это время въ Дымцовой церкви уже происходила служба. Возлѣ церкви были дворы: священника, дьякона и просвирни.

³⁾ Кромѣ того, около церкви были дворы священника и дьякона.

⁴⁾ А. М. Ю. Ландратская кн. по Вѣжоцку, 1717 г., лл. 465 об.—178. Опис.

Теперь перейдемъ къ владимірскимъ вотчинамъ Успенскаго собора—селама Овчюхи и Чоково и дер. Васильевской. Въ с. Чоковѣ съ 8 пустошами ¹⁾ и приписанной къ нему деревнѣ Васильевской съ 5 пустошами по писцовой книгѣ 1645—47 гг. было: 206 ч. п. пах., 207²⁴/₂₄ ч. н. п. и 128¹⁷/₂₄ ч. пор. лѣс.—въ одномъ полѣ; значить, въ трехъ поляхъ было 1.065 четв. или 532¹/₂ дес. Сѣнныхъ покосовъ было 1.020 коп.; дворовъ: 23 кр. и 13 боб., а всего—36 дв. ²⁾.

Къ 1678 г. количество дворовъ въ с. Чоковѣ и д. Васильевкѣ увеличилось и достигло цифры 59 (258 ч. м. п.). По первой ревизіи, въ этихъ 2 посленіяхъ числилось 390 д. м. п. ³⁾; по 2-ой ревизіи—354 д. м. п. и по 3-ей—410 д. м. п. ⁴⁾.

Изъ писцовой книги Владимірскаго уѣзда 1644—47 гг. мы узнаемъ, что въ с. Овчюхахъ было: 22 дв. кр. (37 ч.) и 12 дв. боб. (17 ч.); земли: 494 четв. пашни пах., 44 ч. перел., 262 пор. лѣс., сѣн. покос.—900 коп. и 15 д. лѣса ⁵⁾. Слѣдовательно, всей земли, кромѣ сѣнныхъ покосовъ, было 1.215 дес.

Въ 1678 г. въ с. Овчюхахъ было уже 52 дв. (201 ч. м. п.). То же самое количество дворовъ видимъ мы въ немъ и въ 1715 г., только мужское населеніе съ 201 увеличилось до 243 ч. По 1-й ревизіи, въ Овчюхахъ было 256 д. м. п.; по 2-ой—188 д. м. п., а по 3-ей—211 д. м. п. ⁶⁾. Такимъ образомъ, въ владимірскихъ вотчинахъ Успенскаго собора было:

док. и дѣлъ св. синод., III, прил. XXXI, ст. СХХ. Книги Кол. Экон. ревизскія (3-ей рев.), в. 28, № 28.

¹⁾ Въ с. Чоковѣ была церковь во имя Николая Чудотворца съ придѣломъ во имя преп. Сергія, церковь, которая, въ 1645—47 гг., „стояла безъ пѣнія“.

²⁾ А. М. Ю. Спис. съ писцов. кн. Владимірскаго у., № 600, лл. 264 об.—268.

³⁾ А. М. Ю. Переп. кн. по гор. Юрьеву-Польскому, № 12469, лл. 509—513. Опис. док. и дѣлъ св. синод., III, прил. XXXI, ст. СХVIII.

⁴⁾ А. М. Ю. Книги Кол. Экон. ревизскія (3-ей рев.), в. 31, №№ 66 и 72.

⁵⁾ Въ с. Овчюхахъ была церковь въ честь Рождества пресв. Богородицы съ придѣломъ во имя москов. чудотв. Петра, Алексія и Ионы, „древняя клѣтка, а въ церквѣ образы и свѣчи и книги и ризы и колокола и всякое церковное строеніе мірское. А на церковной земли дворъ поповъ пустъ, мѣсто дьячково, мѣсто пономарево, мѣсто просвириница“. Церковной земли было: 10 четв. перел. и 30 коп. сѣн. покос. А. М. Ю. Грам. Кол. Эконом. по Владимірскому у., № 462¹/₂₃₉₉.

⁶⁾ А. М. Ю. Переп. кн. по гор. Юрьеву-Польскому, № 12469, лл. 270—272. Ландратская кн. по гор. Владиміру, 1715 г., № 17297, лл. 97—104. Опис. док. и дѣлъ св. синод., III, прил. XXXI, ст. СХVII. А. М. Ю. Книги Кол. Экон. ревизскія (3-ей рев.), в. 29, № 12.

Пашни пах.	1.050	дес.	} 1.747½ д.
„ паѣзж.	307/16	„	
„ перел.	66	„	
„ пор. лѣса.	5861/16	„	
Лѣса	15	„	
Сѣн. покос.	1.920	коп.	

Теперь займемся дмитріевскими вотчинами Успенскаго собора.

Въ 20-хъ годахъ XVII вѣка эти вотчины представляли картину запустѣнія. По писцовой книгѣ 1626—28 гг., онѣ состояли изъ 3 селъ, 6 населенныхъ деревень, 1 пустой и 79 пустошей; при чемъ почти всѣ эти пустоши сначала были деревнями или селами, напримѣръ: „пустошь, что было село, Оничково... пустошь, что было сельцо Перескоково“ и проч. ¹⁾ Надо думать, что дмитровскія вотчины Успенскаго собора запустѣли въ смутную эпоху; намекъ на это мы находимъ въ упомянутой писцовой книгѣ; дер. Фофаново описана въ ней такъ: „а въ ней (т. е. въ дер. Фофановѣ) дворъ пусть крестьянской Савки Шенина: *убили литовскіе люди*“ ²⁾. Болѣе опредѣленное указаніе заключается въ одной челобитной протопопа Успенскаго собора Тимофея „съ братьею“, поданной въ 1633 г. на имя царя Михаила Фёдоровича и патріарха Филарета, челобитной, въ которой мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „били мы челомъ тебѣ, великому государю, о благословеніи въ прискъ, о своей нуждѣ, что вотчинка церковная въ дальнихъ городехъ *вся зинустыла отъ литвы и отъ казаковъ*“... ³⁾. Значить, смутная эпоха, такъ губительно отразившаяся на матеріальномъ благосостояніи всего московскаго государства, не прошла безслѣдно и для вотчинъ Успенскаго собора: кромѣ бѣжекъ и дмитровскихъ вотчинъ, въ эту тяжелую эпоху запустѣли также московскія вотчины (дер. Дубровки, с-цо Румянцово съ деревнями и с. Аристово съ деревнями). Возможно, впрочемъ, что запустѣніе вотчинъ Успенскаго собора, результаты котораго мы наблюдаемъ въ 20-хъ годахъ XVII вѣка, началось не въ смутную эпоху, а раньше—въ послѣднее 30-тилѣтіе XVI вѣка, когда замѣтно „бѣгство крестьянъ изъ центральной области“ московскаго государства. Бѣдствія смутной эпохи лишь докончили то, что началось раиѣе ⁴⁾.

¹⁾ А. М. Ю. Спис. съ писц. кн. Дмитров. у., № 627, лл. 381 об. и 383.

²⁾ Ibid., л. 380 об.

³⁾ Ibid., Грам. Кош. Экон. по Москов. у., № 390/7538, л. 103.

⁴⁾ Н. А. Рожковъ, Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., стр. 305 и слл.

Въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія дмитровскія вотчины Успенскаго собора представляли изъ себя все мелкія поселенія, что видно изъ слѣдующей таблицы:

1) с. Васильевское	6	кр. дв. и 12 боб. дв.
2) с. Константиновское	1	" " " 1 " "
3) д. Ярыгино	2	" " " 2 " "
4) д. Левонovo	1	" " " — " "
5) д. Тарбѣево	2	" " " 3 " "
6) д. Андреяново	1	" " " — " "
7) с. Высокое	4	" " " 3 " "
8) д. Глухово	1	дв. „дѣловыхъ“ людей.
9) д. Чеприно	1	" кр. и 1 боб. дв.

Итого. . . 9 посел. . . . . 18 кр. дв. и 22 боб. дв. 1 дв. хол.

Значить, въ 9 поселеніяхъ было 40 дв., въ среднемъ на каждое поселеніе приходится нѣсколько болѣе 4 дворовъ.

Количество земли въ дмитровскихъ вотчинахъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Пашни пах.	149 ¹ / ₄ дес.	} 4.391 ³ / ₄ д.
„ наѣж.	19 ¹ / ₂ „	
„ перел.	1.426 ⁷ / ₈ „	
„ пор. лѣс.	2.615 ⁵ / ₈ „	
Лѣса.	180 ¹ / ₂ „	
Сѣн. покос.	2.116 коп.	

Такимъ образомъ, запущенной земли было въ 24 раза болѣе земли, находившейся подъ обработкой ¹⁾).

Съ теченіемъ времени количество дворовъ и населенія въ дмитровскихъ вотчинахъ увеличивалось. Въ 1677 г. въ нихъ было:

1) Въ с. Васильевскомъ	18	кр. дв. и 11 боб. дв.
2) „ с. Константиновскомъ	3	" " " 2 " "
3) „ д. Ярыгинъ	7	" " " 4 " "
4) „ д. Тарбѣевъ	8	" " " 3 " "
5) „ д. Андреяновъ	7	" " " — " "
6) „ с. Высокомъ	13	" " " 2 " "

Итого. . . 56 кр. дв. и 22 боб. дв.

¹⁾ Ibid., лл. 369—386.

Итакъ, хотя количество поселеній уменьшилось (деревни Левонново, Глухово и Чеприно запустѣли), однако въ остальныхъ число дворовъ увеличилось почти вдвое (съ 40 до 78); въ нихъ было 284 чол. м. п.

Въ 1705 г. въ дмитровскихъ вотчинахъ было слѣдующее количество дворовъ:

1) Въ с. Васильевскомъ	42 дв.	(107 ч. м. п.)
2) „ д. Ярыгипъ	23 „	(86 „ „ „)
3) „ с. Константиновскомъ.	13 „	(34 „ „ „)
4) „ д. Тарбѣевъ	21 „	(82 „ „ „)
5) „ д. Андряицовъ.	13 „	(41 „ „ „)
6) „ с. Высокомъ.	30 „	(105 „ „ „)
7) „ д. Глуховъ.	7 „	(25 „ „ „)
8) „ д. Чепринъ	10 „	(38 „ „ „)
9) „ д. Фофановъ.	4 „	(16 „ „ „)
10) „ д. Перескоковъ.	1 „	(4 „ „ „)

Итого. . . 164 дв. (538 ч. м. п.)

Слѣдовательно, за 28 лѣтъ (съ 1677 и до 1704 гг.) въ дмитровскихъ вотчинахъ появилось 4 новыхъ поселенія, количество дворовъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, и число мужского населенія почти удвоилось. Въ 1715 г. мы замѣчаемъ въ упомянутыхъ вотчинахъ нѣкоторое уменьшеніе числа дворовъ, что видно изъ слѣдующей таблицы:

1) с. Васильевское	36 дв.	(117 ч. м. п.)
2) с. Константиновское	14 „	(37 „ „ „)
3) д. Ярыгино	21 „	(102 „ „ „)
4) д. Тарбѣево.	25 „	(92 „ „ „)
5) д. Андряицovo.	11 „	(40 „ „ „)
6) с. Высокое	29 „	(113 „ „ „)
7) д. Глухово	7 „	(26 „ „ „)
8) д. Чеприна.	10 „	} (61 „ „ „)
9) д. Фофаново.	5 „	

Итого. . . 158 дв. (588 ч. м. п.)

Такимъ образомъ, въ 1715 г. одно поселеніе (дер. Перескоково) запустѣло, а въ остальныхъ количество дворовъ нѣсколько уменьшилось (на 6); мужское населеніе увеличилось (на 50 ч.). По 1-й ре-

визіи, мы замѣчаемъ дальнѣйшее и довольно значительное увеличеніе мужского населенія (на 116 чел.), что можно усмотрѣть изъ слѣдующей таблицы ¹⁾:

1) с. Васильевское	135 д. м. п.
2) с. Константиновское	57 " " "
3) с. Ярыгино	117 " " "
4) д. Тарбѣево	115 " " "
5) д. Андреянцово	76 " " "
6) с. Высокое съ 3 деревнями (Глухово, Чернино и Фофаново)	204 " " "
<hr/>	
Итого	704 д. м. п.

По 2-й и 3-й ревизіямъ, населеніе дмитровскихъ вотчинъ Успенскаго собора было таково ²⁾:

1) Въ с. Васильевскомъ	141 д. м. п. (2 р.), 156 д. (3 р.)
2) " с. Константиновскомъ	39 " " " (— "), 43 " (— ")
3) " д. Ярыгинъ	90 " " " (— "), 116 " (— ")
4) " д. Тарбѣевъ	145 " " " (— "), 149 " (— ")
5) " д. Андреянцовъ	74 " " " (— "), 71 " (— ")
6) " с. Высокомъ съ 3 дер.	190 " " " (— "), 189 " (— ")
<hr/>	
Итого	679 д. м. п. (2 р.), 724 д. (3 р.)

Значитъ, послѣ 1-й ревизіи мужское населеніе дмитровскихъ вотчинъ стало уменьшаться: за 20 съ небольшимъ лѣтъ, протекшихъ между 1-й и 2-й ревизіями, оно уменьшилось на 25 чел. Но потомъ оно стало увеличиваться и въ 1762 г. (по 3-й ревизіи) превысило цифру 2-й ревизіи на 45, а цифру 1-й ревизіи—на 20.

Теперь подведемъ общій итогъ—посмотримъ, сколько было земли во всѣхъ вотчинахъ Успенскаго собора. Слѣдствія объ этомъ можно свести въ такую таблицу:

¹⁾ Ibid., переп. кн. по гор. Дмитрову, 1677 г., № 15064, лл. 126 об.—127, 140—143 и 375 об.—376; переп. кн. по гор. Дмитрову, 1705 г., № 15066; ландратская кн. по гор. Дмитрову, 1715 г., № 17528, лл. 269 об.—271, 433 об.—451, 951—952 и 993 об.—1001. Опис. док. и дѣлъ св. синаода, III, прил. XXXI, ст. СХІХ.

²⁾ Ibid., Книги Кол. Экон. ревизскія (3-ей рев.), в. 37, №№ 8—9 и 32—35, в. 38, №№ 41—43.

ВОТЧИНЫ.	Обработ. п.	Запущ. п.	Лѣсъ.	Сѣн. пок.
Московскія	45 ³ / ₁₆ дес.	859 ⁶ / ₁₆ дес.	49 ¹ / ₂ дес.	682 коп.
Бѣжецкія	53 ³ / ₄ "	981 ³ / ₄ "	324 "	834 "
Владимірскія	1.080 ⁷ / ₁₆ "	652 ¹ / ₁₆ "	15 "	1.920 "
Дмитровскія	168 ³ / ₄ "	4.042 ¹ / ₂ "	180 ¹ / ₂ "	2.116 "
Итого . . .	1.347 ⁵ / ₈ дес.	6.535 ³ / ₁₆ дес.	569 дес.	5.552 коп.

Итакъ, во всѣхъ вотчинахъ Успенскаго собора было приблизительно 8.451¹³/₁₆ дес. земли и 5.552 коп. сѣнныхъ покосовъ. Изъ всего количества земли 1.347⁵/₈ дес. (15,9%) находилось подъ пашней, 569 дес. (6,7%) — подъ лѣсомъ, а остальная масса (6.535³/₁₆ дес. или 77,4%) была запущена, почти не эксплуатировалась и приносила сравнительно очень небольшой доходъ. Если исключить владимірскія вотчины, то къ остальнымъ отношеніе обрабатываемой земли къ запущенной окажется еще болѣе поразительнымъ, а именно: обрабатываемой земли — 267¹/₁₆ дес. (4,3%), а запущенной — 5.883¹/₁₆ дес. (95,7%). Наиболѣе благоприятное отношеніе между обрабатываемой землей и запущенной мы видимъ во владимірскихъ вотчинахъ (62,4% обрабатываемой земли и 37,6% запущенной), а наименѣе благоприятное въ дмитровскихъ (4% обрабатываемой земли и 96% запущенной); московскія и бѣжецкія вотчины занимаютъ средину: въ московскихъ вотчинахъ — 5% обрабатываемой земли и 95% запущенной, а въ бѣжецкихъ — 5,1% обрабатываемой земли и 94,9% запущенной.

На 1 дворъ приходилось въ среднемъ слѣдующее количество пашни:

- 1) въ селѣхъ Русавкинѣ . . . . . 2¹¹/₃₂ дес.
- 2) „ дмитровскихъ вотчинахъ . . . . . 2¹¹/₈₀ „
- 3) „ с. Дымцовѣ съ 2 дер. . . . . 4¹/₁₀ „
- 4) „ с. Чокоевъ и д. Васильевской . . . ок. 9¹/₂ „
- 5) „ с. Овчюхахъ . . . . . 21³/₄ „

6*

Изъ этой таблицы видно, что лишь крестьяне владимірскихъ вотчинъ обрабатывали болѣе или менѣе достаточное количество земли, а въ остальныхъ, особенно въ сельцѣ Русавкинѣ и въ дмитровскихъ вотчинахъ, запашка была, можно сказать, ничтожная. Впрочемъ, можно оговориться, что свѣдѣнія о владимірскихъ вотчинахъ относятся къ половинѣ 40-хъ гг. XVII вѣка, а свѣдѣнія объ остальныхъ — къ половинѣ 20-хъ гг., т. е. къ тому времени, когда эти вотчины еще не успѣли оправиться отъ погрома смутной эпохи.

Отмѣченное нами обиліе запущенной пашни объясняется, на нашъ взглядъ, двумя обстоятельствами: во 1) небольшимъ количествомъ населенія, а во 2) бѣдностью, маломочностью наличныхъ крестьянъ. Впослѣдствіи, когда населеніе вотчинъ Успенскаго собора стало увеличиваться, и даже нѣкоторыя пустоши превратились въ деревни, должна была постоянно расширяться и площадь обрабатываемой земли и, въ соответствіи съ этимъ, сокращаться площадь запущенной. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстно, что въ с. Овчюкахъ въ 1664 г. было 600 чтв. слишкомъ пашни паханой въ одномъ полѣ, тогда какъ лѣтъ 20 тому назадъ ея было 494 чтв. ¹⁾ Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подобныхъ свѣдѣній относительно другихъ вотчинъ Успенскаго собора; но за то у насъ имѣются свѣдѣнія о движеніи населенія этихъ вотчинъ, свѣдѣнія, на основаніи которыхъ можно придти къ заключенію, что въ продолженіе XVII столѣтія населеніе богородицкихъ вотчинъ все возрастало.

ВОТЧИНЫ.	2-я пол. 20-хъ годовъ.	Пол. 40-хъ годовъ.	Конецъ 70-хъ годовъ.
Московскія .	—	7 кр.+ 1 боб.	4 кр.+1 боб=5 дв. (8 ч. м. п.).
Вѣжцкія . .	3 кр.+10 боб.	31 кр.+ 2 боб.	55 кр.(188 ч.)+4 боб.(10 ч.)=59(198).
Владимірскія.	—	45 кр.+25 боб.	111 кр. (459 ч. м. п.).
Дмитровскія .	18 кр.+22 боб.	кр. 4.926	56 кр.+22 боб=78 дв. (284 ч. м. п.).
Итого . .	53 дв.	160 дв. ²⁾ .	253 дв. (949 ч. м. п.).

¹⁾ Москв. Синод. библ. Докум., перед. изъ м. Успен. соб., № 19.

²⁾ Ид., №№ 45 и 46.

Во второй половинѣ 20-хъ гг. XVII столѣтія во всѣхъ вотчинахъ Успенскаго собора было только 53 дв.: въ это время ему еще не принадлежали ни сельцо Русавино въ Московскомъ уѣздѣ, ни вотчины во Владимірскомъ уѣздѣ, которыя перешли въ его собственность, какъ мы знаемъ, только въ 1633 г.; этимъ фактомъ въ значительной степени объясняется то обстоятельство, что черезъ 20 лѣтъ, въ половинѣ 40-хъ гг. XVII столѣтія, количество дворовъ въ богородицкихъ вотчинахъ утроилось; впрочемъ, и въ бѣжецко-дмитровскихъ вотчинахъ число дворовъ за этотъ промежутокъ времени увеличилось на 29. Трудно сказать, отчего произошло это увеличеніе: оттого ли, что отдѣлились и обзавелись своими дворами взрослые сыновья, братья и другіе родственники, или же отъ прилива новыхъ поселенцевъ; вѣроятнѣе всего — отъ того и отъ другого. Въ одной переписной книгѣ мы находимъ указаніе на вторую причину увеличенія числа дворовъ; среди крестьянъ дер. Васильевской (Владимірскаго уѣзда) мы находимъ въ 1646 г. новаго поселенца: „(в) Бориско Романовъ съ дѣтми съ Васкою да съ Ондришкою. Бориско-де пришедь изъ Суздальскаго уѣзду государевы дворцовыи Лонатинскіе волости изъ деревни Кутузовки; живетъ тутъ (т. е. въ дер. Васильевской) съ 152 г.“¹⁾

Послѣ половины 40-хъ гг. XVII вѣка и до конца 70-хъ увеличеніе числа дворовъ въ вотчинахъ Успенскаго собора шло нѣсколько быстрѣе, чѣмъ со второй половины 20-хъ гг. и до половины 40-хъ: въ первый промежутокъ времени каждый годъ прибывало въ среднемъ 3 дв., а во второй—приблизительно 2. Это болѣе быстрое увеличеніе числа дворовъ въ богородицкихъ вотчинахъ съ половины XVII вѣка нужно объяснять, по всей вѣроятности, тѣмъ, что къ этому времени онѣ успѣли окончательнo оправиться отъ погрома смутной эпохи.

Теперь посмотримъ на движеніе населенія вотчинъ Успенскаго собора въ первой четверти XVIII вѣка. (См. табл. на стр. 86).

Изъ этой таблицы видно, что почти за 40-лѣтній промежутокъ времени, протекшій между перепискою 1677—78 гг. и такъ называемой ландратской переписью, количество дворовъ и населенія въ вотчинахъ Успенскаго собора продолжало увеличиваться, хотя, повидимому, не съ такой быстротой, какъ во второй половинѣ XVII столѣтія. Тяжелая пора наступила для этихъ вотчинъ, какъ и для всего русскаго государства, съ начала XVIII вѣка: трудная борьба со шведами и связанное съ

¹⁾ А. М. Ю. Спис. съ переп. кн. по г. Юрьеву-Польскому, 1646 г., № 12467.

В О Т Ч И Н Ы.	1704 и 1705 годовъ.	1715 и 1717 годовъ.	1-я ревизія.
Московскія	5 дв. (17 ч. м. п.).	5 дв. (17 ч. м. п. + 22 ч. ж. п. = 39 ч. об. п.).	19 д. м. п.
Бѣжецкія	—	39 " (172 " " + 158 " " = 330 " ").	299 " " "
Владимірскія	—	52 " (243 " " + 276 " " = 519 " ") ¹⁾ .	646 " " "
Дмитровскія	164 дв. (546 ч. м. п.).	158 " (588 " " + 599 " " = 1.187 " ").	704 " " "
Итого	169 дв. (563 ч. м. п.).	254 дв. (1.020 ч. м. п. + 1.055 ч. ж. п. = 2.075 ч. об. п.).	1.668 д. м. п.

¹⁾ Это—число дворовъ и населеніи только въ с. Овчюхахъ; свѣдѣній о количествѣ дворовъ и населенія въ с. Чокотѣ и д. Васильевской мы не имѣли.

нею обиліе рекрутскихъ наборовъ должны были неблагопріятно отразиться на ростъ ихъ населенія; и дѣйствительно, какъ можно судить по московской и дмитровскимъ вотчинамъ, населеніе въ нихъ съ 1704 и до 1717 г. увеличивалось очень медленно, а количество дворовъ либо осталось безъ измѣненія, либо даже нѣсколько уменьшилось. Послѣ 1717 г. населеніе богородицкихъ вотчинъ стало увеличиваться, повидимому, немного быстрее.

Увеличеніе населенія свидѣтельствуетъ о томъ, что вотчины Успенскаго собора находились, начиная со второй половины XVII вѣка, если не въ цвѣтущемъ, то во всякомъ случаѣ въ довольно благопріятномъ положеніи: надо думать, что крестьяне Успенскаго собора въ общемъ были народъ зажиточный. Этому заключенію какъ будто противорѣчатъ нѣкоторыя дошедшія до насъ извѣстія. Въ челобитной, поданной протопопомъ Успенскаго собора Михаиломъ съ братіей царямъ Іоанну и Петру, указывается, между прочимъ, на то, что вотчины этого собора находились *„не въ хлѣбородныхъ мѣстахъ“* ¹⁾. Въ другой челобитной того же протопопа (15 марта 1678 г.) уже прямо говорится, что крестьяне Успенскаго собора *„скудные — никакихъ торговъ и промысловъ у нихъ нѣтъ“* ²⁾. Въ документъ, относящемся къ 20-мъ годамъ XVIII столѣтія, мы находимъ такую характеристику экономическаго состоянія вотчинъ Успенскаго собора: *„и съ вышенисаныхъ вотчинъ оныхъ доходовъ за оскуденіемъ крестьянъ и за недородомъ хлѣбнымъ получаемъ въ полы и меньше, а и нынѣ ничего не платятъ“* ³⁾.

Послѣднее извѣстіе указываетъ, по нашему мнѣнію, лишь на временное оскуднѣніе крестьянъ Успенскаго собора, вызванное неурожаемъ хлѣбовъ. Что касается двухъ первыхъ извѣстій, то мы не можемъ вполне довѣрять имъ: какъ мы видѣли, они находятся въ челобитныхъ, поданныхъ духовенствомъ Успенскаго собора правительству съ цѣлью исходатайствованія у него различныхъ льготъ и привилегій; для болѣе вѣрнаго достиженія намѣченной цѣли священно-служители Успенскаго собора старались представить экономическое положеніе соборныхъ вотчинъ хуже, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Что касается количества населенія богородицкихъ вотчинъ по 2-й и 3-й ревизіямъ, то оно было слѣдующее:

¹⁾ Москов. Синод. библ. Док., перод. изъ м. Усп. соб., № 15, л. 6.

²⁾ Ib., № 46, л. 2.

³⁾ Опис. док. и дѣлъ св. Синода, III, прил. XXXI, ст. СXXXI.

Вотчины.	2 рев.	3 рев.
Московскія	19 д. м. п.	21 д. м. п.
Бѣжопскія	274 " " "	292 " " "
Владимірскія	542 " " "	621 " " "
Дмитровскія.	679 " " "	724 " " "
Итого	1.514 д. м. п.	1.658 д. м. п.

Какъ видно изъ этой таблицы, населеніе вотчинъ Успенскаго собора во время второй ревизіи значительно уменьшилось (на 154 д. м. п.) сравнительно съ первой ревизіей; но во время третьей ревизіи мы замѣчаемъ приростъ населенія (на 144 д. м. п.); однако и въ это время цифра его не достигла цифры первой ревизіи (меньше на 10 д. м. п.). Женскаго населенія въ богородицкихъ вотчинахъ, по третьей ревизіи, было нѣсколько менѣе мужского—именно, 1.559 д. Такимъ образомъ, наканунѣ реформы 1764 г., всего населенія въ вотчинахъ Успенскаго собора было 3.217 чел. Во время второй ревизіи всѣхъ соборныхъ и церковныхъ крестьянъ было 23.767 д. м. п., а во время третьей—31.535 ¹⁾). Слѣдовательно, во время второй ревизіи крестьяне Успенскаго собора составляли около 6,4% всего количества соборныхъ и церковныхъ крестьянъ, а во время третьей ревизіи—около 5,3%.

Поземельныя владѣнія Успенскаго собора, подобно владѣніямъ другихъ церковей и монастырей, были надѣлены значительными льготами и привилегіями. Первая жалованная грамота была дарована Успенскому собору, насколько намъ извѣстно, царемъ Иваномъ Грознымъ въ 1575 г. ²⁾). Отсюда вовсе не слѣдуетъ, что до этого года владѣнія Успенскаго собора не пользовались никакими льготами и привилегіями. Мы видѣли выше, что съ конца XV в. Успенскій соборъ сталъ отдѣляться въ имущественномъ отношеніи отъ митрополичьей каѳедры: отдѣленіе это выразилось въ томъ, что Успенскій соборъ сдѣлался владѣльцемъ вотчинъ, не связанныхъ съ митрополичьей каѳедрой; но и послѣ такого отдѣленія вотчины Успенскаго собора, думаемъ мы, продолжали пользоваться тѣми привилегіями и льготами, какими были надѣлены земли митрополичьей каѳедры. Кромѣ того, намъ извѣстно, что въ 1539 г. крестьяне Успенскаго собора получили особаго пристава, крестоваго дьяка Крячка Трифонова. „Кому будетъ, читаемъ

¹⁾ В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствов. имп. Екатерины II, т. II, стр. 195.

²⁾ А. И., III, № 133. Эта грамота до насъ не дошла.

мы въ грамотѣ 25-го іюля 1539 г., до ихъ прикащиковъ и до крестьянъ каково дѣло, и они по нихъ шлютъ моего данаго пристава Крячка Трифонова, а пишеть имъ одинъ срокъ въ году Рождество Христово; или до кого будетъ ихъ прикащикомъ и крестьяномъ до мнѣхъ Великаго князя до чорныхъ или до дворцовыхъ и до владычныхъ и до княжихъ и до боярскихъ и до монастырскихъ и до чьихъ ни буди каково дѣло, и ихъ прикащики и крестьяне по тѣхъ людей ихъ шлютъ того моего данаго пристава Крячка Трифонова; а опричь того ихъ данаго пристава иные наши недѣльщики площадные и дворовые въ ихъ села и въ деревни по ихъ прикащиковъ и по крестьянъ не ѣздить и на поруки ихъ не даютъ и сроковъ на нихъ не наме-тываютъ“.

Въ 1542 г., послѣ смерти Крячка Трифонова, былъ назначенъ новый приставъ, гвѣвичій дьякъ Иванъ Ѳоминъ Костица ¹⁾).

Несомнѣнно, что назначеніе „даннаго“ пристава и опредѣленнаго судебного срока было серьезной льготой для крестьянъ Успенскаго собора.

Къ концу третьей четверти XVI в. упомянутое отдѣленіе Успенскаго собора отъ митрополичьей каѳедры завершилось. Жалованная грамота 1575 г. и была слѣдствіемъ этого факта: Успенскій соборъ, сдѣлавшись самостоятельнымъ вотчинникомъ, получилъ и отдѣльную жалованную грамоту.

Въ 1598 г. Борисъ Годуновъ далъ Успенскому собору вторую жалованную грамоту ²⁾).

Въ одномъ документѣ конца XVII в. мы читаемъ, что „царь Борисъ Ѳеодоровичъ и сынъ его царевичъ князь Ѳеодоръ Борисовичъ пожаловали Успенія Пречистыя Богородицы соборныя церкви, что на Москвѣ, протопопа Евоніи съ братьсю, или кто по немъ иной протопопъ будетъ... кто у нихъ въ селѣхъ и въ деревняхъ и на пустошахъ учнутъ жить людей и крестьянъ—и имъ никакова здѣля не дѣлать и пошлынъ не платитъ“ ³⁾).

Итакъ, царь Борисъ освободилъ крестьянъ Успенскаго собора отъ платежа податей и несенія повинностей; но, какъ узнаемъ изъ другого документа, освобожденіе это было неполное: съ крестьянъ Успенскаго собора были сняты не всѣ повинности; они должны были

¹⁾ См. прилож.

²⁾ См. прилож.

³⁾ Москов. Синод. библи. Док., перед. изд. м. Усп. соб., № 3.

отбывать „смоленскую и береговую посоху“ и ямскую повинность. „Судомъ и оброкомъ и всѣми пошлинами“ они „тянули“ протопопу „съ братіей“, т. е. священно-служители Успенскаго собора имѣли право судить ихъ и вѣдали съ нихъ въ свою пользу различные поборы ¹⁾).

Если мы обратимся въ самой грамотѣ царя Бориса, то увидимъ, что она даровала крестьянамъ Успенскаго собора очень широкія льготы: она освободила ихъ отъ платежа *естя*хъ податей и несенія *естя*хъ повинностей; мы не находимъ въ ней оговорки относительно „смоленскіе и береговые посохи“ и ямской повинности, напротивъ, грамота говорить, что „людемъ и крестьяномъ (Успенскаго собора) не надобе... ни ямъ, ни подводъ, ни ямскія деньги... ни казавовъ въ посоху не даютъ“. Слѣдовательно, привлеченіе крестьянъ Успенскаго собора къ отбыванію „смоленской и береговой посохи“ и ямской повинности совершилось послѣ 1598 г. Можетъ быть, царь Борисъ далъ Успенскому собору новую грамоту, которая до насъ не дошла.

31-го августа 1605 г., Успенскій соборъ получилъ жалованную грамоту отъ Лжедмитрія I, представляющую полнѣйшее сходство съ грамотой царя Бориса 1598 г. ²⁾).

¹⁾ 21-го ноября 1602 г. въ Дмитровъ къ губному старостѣ Давыду Спиридонову была отправлена царская грамота слѣдующаго содержанія. Протопопъ Успенскаго собора Евфимій „съ братіей“ близъ челомъ государю, что по данной имъ жалованной грамотѣ не вѣлію собирать съ ихъ крестьянъ никакихъ податей и обременять ихъ повинностями, кромѣ „смоленскіе и береговые посохи“; между тѣмъ Д. Сафоновъ править на ихъ крестьянахъ на 7110 и 7111 гг. „къ тюрьмамъ губныхъ цѣловальниковъ и губново дьячка и тюремныхъ сторожей и полача и бирича“; въ жалованной грамотѣ написано, что „ихъ крестьяне Дмитровскаго уѣзда села Васильевскаго да села Кослянтиновскаго съ деревнями да пустоши Тарбѣева да села Высоково да села Опичкова да Перескокова да сельца Ондрашовскаго да Добрынина съ деревнями къ тюрьмамъ, ни въ проторы, ни въ разметы, ни во всякія дѣла не тянуть, а тянуть тѣ люди и крестьяне судомъ и оброкомъ и всѣми пошлинами протопопу съ братією“. Грамота запрещаетъ губному старостѣ брать съ крестьянъ Успенскаго собора губныхъ цѣловальниковъ, тюремныхъ сторожей и проч. Ibid., № 28.

Изъ грамоты царя Бориса, посланной 11-го марта 1603 г., на Пѣшокъ, мы узнаемъ, что, такъ какъ вотчина Успенскаго собора с. Высокое съ доровнями „ямскимъ строенемъ“ приписано къ Дмитровскому яму, то запрещается брать охотниковъ изъ этого села еще на Пѣшковскій ямъ. Появленіе этой грамоты было вызвано челобитиемъ протопопа Григорія „съ братіей“. Ibid., № 29.

²⁾ А. М. Ю. Грам. Кол. Экон. по Московскому уѣзду, № 396—7538, лл. 9 об.—13.

23-го мая 1625 г. Успенскій соборъ получилъ жалованную грамоту отъ царя Михаила Ѳеодоровича.

Дарованная этой грамотой льготы и привилегіи можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) на финансовыя и 2) на судебно-административныя.

Крестьяне и „люди“, жившіе въ вотчинахъ Успенскаго собора, освобождались отъ платежа почти всѣхъ податей и несенія почти всѣхъ повинностей. Мы видѣли, что при царѣ Борисѣ на крестьянахъ Успенскаго собора лежали „смоленская и береговая посоха“ и ямская повинность, жалованная грамота царя Михаила сняла съ нихъ эти повинности; но оставила ямскіи донуги, стрѣлцкіе хлѣбные запасы и городовое и острожное дѣло, т. е. крестьяне Успенскаго собора должны были платить почтовый налогъ, давать хлѣбъ на содержаніе стрѣлцкой пѣхоты и принимать участіе въ построеніи и починкѣ различныхъ укрѣпленій ¹⁾.

¹⁾ „Кто у нихъ въ той ихъ церковной вотчинѣ учнутъ жить люди ихъ и крестьянъ, и тѣмъ ихъ людямъ и крестьяномъ нашихъ данныхъ, и таможенныхъ и мытныхъ, и помѣрныхъ и вѣсчихъ, и восмичныхъ, ни роговыхъ, ни поворотныхъ, ни мостовицныи, ни ямчужныхъ, ни похоняничныхъ денегъ, ни казаковъ въ посоху не давати, ни двора нашего не ставять, ни луговъ нашихъ не косять, ни коня нашего не кормить и татарскихъ коней не ставять, ни заятенного, ни явчего, ни перевозу не дають, ни скотскихъ, ни товарскихъ, ни къ становщикоу, ни къ десятичю, ни къ дворовымъ селомъ некоторыми оброки не тинуть, ни во всякія дѣла, ни проторы, ни въ розметы, ни къ тюрьмамъ, ни иная некоторая пошлина; а тануть тѣ ихъ люди и крестьяне судомъ и оброкомъ и всѣми пошлинами протопону съ братьемъ, отъ ямскихъ денегъ, и стрѣлцкихъ хлѣбныхъ запасовъ, и городового и острожного дѣла, а ямскіи имъ деньги и стрѣлцкіе хлѣбные запасы давати, и городовое и острожное дѣло имъ дѣлати, по иницювымъ и по дюзорнымъ книгамъ, съ живуцаго, съ сошными людьми вмѣстѣ... Также семи ихъ пожеловали: наши князи и бояре и воеводы, и ратные люди, и всякіе ѣздоки въ тѣхъ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ у ихъ людей и у крестьянъ сильно не ставятся, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ, ни ямскіе слободы въ ошонники у нихъ не смѣли; или кто изъ ихъ селъ и изъ деревень крестьяне отъ обидъ и отъ продажъ разбѣжятся за насъ, или за князя, или за бояръ, или въ охотники ямскіе слободы запишутся—и имъ своихъ крестьянъ вывести къ себѣ; и гонцы наши у нихъ подводъ и проводниковъ не емлютъ; а кто у нихъ въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ станетъ сильно, а учинится у ихъ людей. у крестьянъ проторъ какаая или гибель въ ихъ стоянѣ—и мы на тѣхъ людехъ ту гибель велимъ взяти вдвое, безъ суда“. А. И., III, № 133, стр. 208—209.

Изъ одного документа, относящагося къ 1638 г., мы узнаемъ, что съ 53 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ Успенскаго собора было взято 106 руб. на жалованье ратнымъ людямъ (вмѣсто даточныхъ людей). Москов. Синод. библ. Док. жерел. изъ м. Усп. соб., № 47. Въ 1653 г. крестьянамъ владимірскихъ вотчинъ

Крестьяне Успенскаго собора были изъяты изъ вѣдѣнія общаго суда и администраціи и подлежали особенному, спеціальному суду и администраціи: ихъ судьями и управителями были священно-служители Успенскаго собора. Ни одинъ правительственный агентъ, кромѣ развѣ пристава, привозившаго „безсудную“ или „правую“ грамоту, не имѣлъ права вторгаться въ замкнутый мірокъ вотчинъ Успенскаго собора.

По всѣмъ дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ—крестьяне Успенскаго собора подлежали суду протопопа „съ братіей“ этого собора.

Если въ какомъ-нибудь дѣлѣ были замѣшаны „заволостные“, т. е. сторонніе люди, то коллегія священно-служителей Успенскаго собора должна была произвести разслѣдованіе и на основаніи добытыхъ данныхъ постановить рѣшеніе, произнести приговоръ. Если коллегія почему-нибудь затруднялась рѣшить извѣстное дѣло, то оно докладывалось государю, который и произносилъ по нему окончательный приговоръ. О такихъ дѣлахъ, въ которыхъ были замѣшаны только крестьяне Успенскаго собора, священно-служители этого собора должны были представлять доклады государю. Коллегія священно-служителей не только сама обладала правомъ суда и расправы надъ крестьянами Успенскаго собора, но и могла передать это право другимъ лицамъ.

Въ случаѣ предъявленія иска на протопопа „съ братіей“ Успенскаго собора или на ихъ прикащиковъ, они подлежали суду самого государя; судъ происходилъ въ одинъ изъ слѣдующихъ трехъ сроковъ въ году: на Рождество Христово, въ Троицынъ день, либо въ день Симеона Лѣтопроводца¹⁾; при чемъ священно-служители Успенскаго собора и ихъ прикащики не платили судебныхъ пошлинъ. По религіозно-правственнымъ дѣламъ, какъ сами священно-служители, такъ и „ихъ вотчинные люди и крестьяне“ судились патріархомъ²⁾.

Успенскаго собора было разрѣшено платить ямскія и стрѣлцкія деньги въ Москвѣ. „Двѣ грамоты въ Володимирѣ къ воеводѣ къ Осодору Оксакову, по челобитью Успенія Прочистые Богородицы Большаго собору, что на Москвѣ протопопа Григорья съ братією: велѣно имъ ямскіе и стрѣлцкіе деньги платить на Москвѣ“. А. М. Ю. Дѣла Печатной конторы поминания, книга 68, л. 135 (31-го мая 1653 г.).

¹⁾ Грамота царя Бориса установила одинъ судебный срокъ—„той-же день по Рождествѣ Христовѣ“. См. прилож.

²⁾ „Также семи ихъ пожаловали: бояре нани и намѣстницы, и дворецкіе, и третички, и волостели, и ихъ тѣны, и всѣ поминанія въ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ къ людямъ ихъ и къ крестьяномъ ко всѣмъ не всмлаютъ ни по что, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ; а учившя у нихъ въ сѣ-

19-го февраля 1654 г., въ Успенскомъ соборѣ былъ окрепленъ царевичъ Алексѣй, сынъ царя Алексѣя Михайловича; по этому случаю царь Алексѣй пожаловалъ протопопа этого собора Ивана, протодьякона Григорія, ключарей, поповъ и дьяконовъ—„велѣлъ вотчины ихъ... обвѣдать и съ вотчинъ ихъ ямскихъ и стрѣльцкихъ, и поворотныхъ, и въ службу даточныхъ, и подымныхъ, и въ тюремную подѣлку, и въ сторожу денегъ и никакихъ податей и поборовъ... имать не велѣлъ“¹⁾.

Жалованная грамота 1654 г. самая льготная изъ всѣхъ грамотъ, какія получалъ Успенскій соборъ²⁾: она совершенно „обвѣлила“ соборныя вотчины, т. е. освободила ихъ крестьянъ отъ *всѣхъ* податей и повинностей; она сняла съ нихъ и тѣ немногія повинности и подати,

лѣтъ и въ деревняхъ душегубство, или разбой, или татба съ поличнымъ съ заволо- стными людьми, и протопопъ съ братьею обещеть и управу въ томъ межъ ихъ учинить; а въ чемъ имъ не мочно управы учинити, и протопопъ съ братьею извѣстять намъ—и мы имъ въ томъ управу велимъ учинити; а иметь искати ихъ человекъ на ихъ человекъ какого дѣла нибуди, разбой или татбъ съ поличнымъ, и протопопъ съ братьею судныя доложить намъ; а вѣдать и судить сами во всемъ людей своихъ и крестьянъ протопопъ съ братьею, или кому прикажутъ; а данщикоу наши дани на ихъ крестьянѣхъ не емлютъ, и праветчики и поборщикоу поборовъ своихъ не берутъ и не высылають къ нимъ ни по что; а кому будетъ чего искати на протопопъ съ братьею, или на ихъ прикащикѣхъ, ино ихъ суку язъ царь и Великій князь Михайло Осодоровичъ всея Русіи, безошлочно, въ году на три срока: на Рождество Христово, да на Троицнъ день, да на Семень день Лѣтопроводца; а опрчь тѣхъ нашихъ указныхъ 3 ороковъ ихъ не судять ни въ чемъ; а кто на нихъ накинеть срокъ, или кто на нихъ и безсудную и правую грамоту возьметъ, не по тѣмъ нашимъ указнымъ срокомъ, и та безсудная и правая грамота не въ грамоту, а прѣставъ ѣзду лишеть. А въ духовномъ дѣлѣ протопопа съ братьею, и весь причеть церковный, и ихъ вотчинныхъ людей и крестьянъ судить отецъ нашъ, Великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ и всеа Русіи, или кому оиъ, Великій государь, поведитъ ихъ судити, на его государевѣ патріаршѣ дворѣ“. Нужно упомянуть также о томъ, что крестьяне Успенскаго собора ограждались отъ незваныхъ гостей: „также семи протопопа съ братьею пожаловали: кто прѣдетъ къ ихъ людямъ и къ крестьяномъ на шръ незванъ, а учинится какова гибель, и тому незваному та гибель платити, безъ суда, вдвое“. А. И., III, № 133, стр. 209.

¹⁾ Москов. Сан. библ. Док., пер. изъ м. Усп. соб., № 30. Въ челобитной протопопа Успенскаго собора Михаила „съ братіей“, поданной царямъ Иоанну и Петру, указывается другой мотивъ дарованія жалованной грамоты 1654 г.: царь Алексѣй далъ ео „во время его государскаго помѣстїи на польскихъ людей ратїю, желая отъ просвѣты Богородицы военодствомъ еи за сіе соодолѣнію получить, еже и получи“. Ibid., № 45, л. 6.

²⁾ Грамота 1654 г. въ большей своей части является буквальныймъ воспроизведеніемъ грамоты царя Бориса 1598 г.

какія оставила грамота 1625 г., т. е. ямскія деньги, стрѣлцкіе хлѣбные запасы и городовое и острожное дѣло. Кромѣ того, вмѣсто трехъ судебныхъ сроковъ, установленныхъ грамотой царя Михаила, грамота 1654 г. установила только одинъ срокъ—день, слѣдующій за Рождествомъ Христовымъ¹⁾.

Итакъ, съ 1654 г. и вплоть до XVIII столѣтія крестьяне Успенскаго собора ничего не давали государству и, можно сказать, не знали государства; они знали только протопопа „съ братьею“. Вотчины Успенскаго собора представляли изъ себя замкнутый мірокъ, огражденный отъ остального міра Московскаго государства крѣпкой стѣной льготъ и привилегій. Правда, нѣкоторые агенты правительственной власти позволяли себѣ, по незнанію или по чему-нибудь другому, нарушать неприкосновенность этой стѣны, но царскія грамоты напоминали имъ, что они имѣютъ дѣло съ привилегированными вотчинами, освобожденными отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей²⁾.

¹⁾ „... не надобе наша некоторая дань, ни ямъ, ни подводы, ни ямскія деньги... ни застѣное... ни въ наше пищанья (пищальныя?) дѣла уголья и деньгами не дають и струговъ никакихъ не дѣлають и съ пустыхъ четвертой съ дачъ на подмогу ратнымъ людямъ и съ живущаго податей и запасовъ всякихъ и подъ ружье подводъ и поворотныхъ никакихъ денегъ на наши службы не дають и дѣсовъ нигдѣ не чистить... ни городоваго дѣла не дѣлають... ни камни, ни извести не возять... А кому будеть искати на протопопѣ съ братьею или на ихъ прикащикахъ, ино ихъ суку лязь царь и великій князь на одинъ срокъ въ году—въ той-же день по Рождествѣ Христовѣ, безноманно“. Ibid., № 31.

²⁾ Въ Москов. синод. библ., среди документовъ, передач. изъ м. Успенскаго собора, находится нѣсколько копій съ грамотъ, посланныхъ въ различные города, въ уѣздахъ которыхъ были вотчины Успенскаго собора. Въ грамотѣ отъ 6 сент. 1660 г., посланной въ Бѣжецкій-Верхъ, запрещается заставлять крестьянъ Успенскаго собора дѣлать „городовую подѣлку“. № 33. Грамота отъ 29 ноября 1679 г., отправленная туда же, содержитъ въ себѣ распоряженіе о невзиманіи съ крестьянъ и бобылей Успенскаго собора рублевыхъ и полтинныхъ денегъ на 187 г. и ямскихъ и полонянничныхъ денегъ на 188 г. № 34. Грамота отъ 4 ноября 1680 г., посланная въ Дмитровъ, предписываетъ въ томъ только случаѣ не взимать съ крестьянъ Успенскаго собора рублевыхъ, полтинныхъ, полуполтинныхъ, ямскихъ и полонянничныхъ денегъ, „буде они съ 162 г. (т. е. съ 1654, со времени дарованія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ жалованной грамоты) по нынѣшній по 189 г. въ монастырскомъ и въ иныхъ привазахъ никакихъ поборовъ съ иными соборы не платили“. № 37. Въ нѣсколькихъ грамотахъ 1681 г. содержится запрещеніе взимать съ крестьянъ домовыхъ вотчинъ Успенскаго собора стрѣлцкіи хлѣбъ. №№ 39—42. Грамота отъ 29 марта 1690 г., посланная во Владимиръ, запрещаетъ собирать съ крестьянъ с. Овчуховъ, д. Васильевской и с. Чокова какія-бы то ни было подати. № 43. См. также №№ 35, 36, 38 и 44.

Съ начала XVIII столѣтїа, вотчины Успенскаго собора утрачиваютъ свое привилегированное положеніе: крестьяне этихъ вотчинъ привлекаются къ платежу государственныхъ податей и отбыванію нѣкоторыхъ повинностей. Такъ, въ 1706 г. съ вотчинъ Успенскаго собора были взяты подводы (съ 50 дв. по одной подводѣ)¹⁾. Съ тѣхъ же вотчинъ было взято въ монастырскій приказъ: въ поборъ 1705 г. съ 80 дв., а въ поборъ 1706 г. съ 100 дв. по человѣку, всего за 6 чел. драгунъ 180 руб. (по 30 руб. за человѣка)²⁾. Значить, крестьяне Успенскаго собора подлежали рекрутской повинности, взамѣтъ которой иногда взималась извѣстная денежная сумма.

Можетъ быть, переложеніе тяжелой рекрутской повинности на деньги обыкновенно практиковалось по отношенію къ крестьянамъ Успенскаго собора; несомнѣнно, что заплатить извѣстную денежную сумму было легче, чѣмъ выставить извѣстное число рекрутъ.

Кромѣ того, крестьяне Успенскаго собора несли и другія государственныя повинности: посылались на разныя работы въ Петербургъ, въ Нарву, въ Вышній-Волочекъ, ѣздили съ подводами въ Смоленскъ и проч.³⁾.

Когда была произведена 1-я ревизїа, то крестьяне Успенскаго собора попали въ подушный окладъ, наравнѣ съ крестьянами другихъ разрядовъ. Какъ извѣстно, первоначально душевой окладъ былъ восьмигривенный, а закономъ 12-го августа 1762 г. было приказано собирать въ годъ съ души по 1 руб.⁴⁾. Мы уже знаемъ, что по 1-ой ревизїи во всѣхъ вотчинахъ Успенскаго собора числилось 1.668 д. м. п.; значить, они должны были платить въ годъ 1.334 руб. 40 коп.

¹⁾ Ibid., № 48.

²⁾ Ibid., № 49.

³⁾ Арх. министерства юстиціи. Переп. книга по Дмитрову, 1705 г., № 15066. „А по сказкѣ старосты (с. Васильевскаго) Василья Иванова, тотъ-де Елизаръ (сынъ крестьянина) посланъ въ Смоленскъ съ казною“. „А по сказкѣ того села (Васильевскаго) старосты, тотъ-де Григорей отданъ въ работники въ Нарву“. „А по сказкѣ старосты (с. Васильевскаго), тотъ-де Савелей (сынъ крестьянина) взять въ работники на Вышней-Волочекъ въ плотники“. „А по сказкѣ той деревни (Тарбѣва) старосты Максима Артамонова, тотъ-де Григорей Петровъ (сынъ крестьянина) отданъ въ работники въ гребцы на Вышней-Волочекъ“. „А по сказкѣ, тотъ-де Фролъ (сынъ крестьянина д. Фофановой) посланъ въ Смоленскъ съ подюды“. По переписной книгѣ 1705 г., въ дмитровскихъ вотчинахъ Успенскаго собора было 164 кр. дв. и 538 чел. м. п.; изъ нихъ 10 ч. были отправлены на казенныя работы.

⁴⁾ А. Заваляловъ, Вопросъ о перков. нѣтъ. при имп. Екатеринѣ II. С.-Пб. 1900, стр. 216.

Итакъ, изъ привилегированныхъ обывателей, освобожденныхъ отъ государственныхъ податей и повинностей, кажими были крестьяне Успенскаго собора въ XVII в., они превратились въ XVIII столѣтіи въ государственныхъ тягловцовъ; стѣна льготъ и привилегій, окружавшая раньше вотчины Успенскаго собора и дѣлавшая изъ нихъ замкнутый мірокъ, теперь рушилась—и вотчины эти вмѣстѣ съ другими землями государства стали нести государственную тяготу.

Собственникомъ вотчинъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, былъ Успенскій соборъ. Священно-служителямъ этого собора—протопопу „съ братіей“—принадлежало только право *пользованія* ими. Это хорошо понимали и сами священно-служители: въ одной челобитной, поданной царю Алексѣю Михайловичу, они довольно удачно называютъ себя *помѣщиками*¹⁾. Итакъ, Успенскій соборъ—вотчинникъ, а священно-служители этого собора по отношенію къ его вотчинамъ—помѣщики. Извѣстно, что служилые люди получали отъ государя помѣстья въ вознагражденіе за свою службу и въ то же время въ видѣ матеріальнаго обезпеченія этой службы; они лишь до тѣхъ поръ пользовались помѣстьями, пока вполне исправно отправляли военную службу, пока аккуратно являлись въ достаточной степени „воинны, людны и оружны“ всюду, куда имъ приказывало правительство; въ случаѣ неисправностей съ ихъ стороны, они лишались своихъ помѣстій. Подобно этому, и священно-служители Успенскаго собора пользовались его поземельными владѣніями за свою службу въ комъ и въ то же время ради этой службы. У Успенскаго собора былъ неприкосновенный земельный фондъ, предназначенный для матеріальнаго обезпеченія его священно-служителей. Каждое новое лицо, поступавшее въ число этихъ священно-служителей, приобретало тѣмъ самымъ право пользованія извѣстной частью поземельныхъ владѣній Успенскаго собора; оно пользовалось этой частью лишь до тѣхъ поръ, пока состояло священно-служителемъ; прекращалась его служба въ Успенскомъ соборѣ—и оно утрачивало право пользованія своей частью, переходившее къ его преемнику.

Само собой разумѣется, что священно-служители Успенскаго собора не имѣли права отчуждать вотчинъ этого собора: во-первыхъ, потому, что они были только помѣщиками, а во-вторыхъ, по той при-

¹⁾ „... А помѣщиковъ насъ 14 человекъ“. Москов. синод. библ. Док., пер. изъ м. Успен. соб., № 32.

чинѣ, что „по правиломъ святымъ данное церкви твердо и неподвижно бываетъ“¹⁾.

Впрочемъ, до насъ дошло одно челобитіе, которое какъ будто указываетъ на то, что духовенство Успенскаго собора обладало правомъ не только пользованія, но и распоряженія Богородицкими вотчинами. Въ 1646 г. протопопъ Успенскаго собора Григорій съ братіей подалъ на имя государя челобитную слѣдующаго содержанія: въ 1645 г. они били челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу въ приказѣ Большаго дворца о *мѣнѣ* Богородицкихъ вотчинъ—с. Чокова и д. Васильевской на подмосковную вотчину кн. Матвѣя Васильевича Прозоровскаго—с. Раево; мѣна эта не состоялась; почему—мы не знаемъ; но, повидимому, не потому, чтобы подобная сдѣлка была признана незаконной. Кн. Прозоровскій, тайно отъ протопопа Успенскаго собора, подалъ челобитіе въ приказъ Большаго дворца съ извѣщеніемъ о томъ, что упомянутая предполагавшаяся сдѣлка яко-бы совершилась, и на основаніи этого челобитья въ Помѣстный приказъ была прислана память, заключавшая въ себѣ распоряженіе „рописать“ обмѣненные земли, т. е. оформить состоявшуюся сдѣлку. Но челобитная протопопа Григорія „съ братіей“ помѣшала осуществленію мошенической продѣлки кн. Прозоровскаго²⁾.

На священно-служителяхъ Успенскаго собора лежала обязанность оберегать Богородицкія вотчины, заботиться объ ихъ цѣлости и неприкосновенности. Исполненіе этой обязанности было воплотѣ въ интересахъ священно-служителей, такъ какъ уменьшеніе недвижимаго имущества Успенскаго собора вредно отразилось бы на количествѣ ихъ доходовъ.

А Богородицкія вотчины нуждались въ охранѣ: принадлежность ихъ славному собору не воплотѣ оберегала ихъ отъ любителей легкой наживы.

Намъ извѣстно, что пустошью Гавшиной, находившейся въ Васильцовѣ ст. Московскаго уѣзда, завладѣлъ—было думный дьякъ Аверкій Кирилловъ. Онъ задумалъ, очевидно, сдѣлать изъ этой пустоши свою подмосковную вотчину, воздвигъ тамъ различныя жилыя и хозяйственныя постройки и разбилъ фруктовый садъ. Но мечтамъ думнаго дьяка не было суждено осуществиться: по челобитью прото-

¹⁾ Изъ челобитья протопопа Успенскаго собора Михаила „съ братіей“ царимъ Іоанну и Петру. Ibid., № 45, л. 6.

²⁾ Ibid., № 25.

попа Михаила „съ братіей“, начался процессъ—и въ сентябрѣ 1684 г., упомянутая пустошь со всѣми постройками и фруктовымъ садомъ Аворкія Кириллова была возвращена Успенскому собору ¹⁾).

Было и еще нѣсколько попытокъ поживиться на счетъ Богородицкихъ вотчинъ. О попыткѣ кн. Прозоровскаго мы уже упоминали. Кромѣ того, въ 40-хъ годахъ XVII столѣтія, какой-то Матвѣй Прокудинъ хотѣлъ—было захватить старинныя угодья с. Чокова—луга и мельницу. Позднѣе, въ 1684—85 гт., нѣкто Григорій Верещагинъ намѣревался завладѣть 2 пустошами, принадлежавшими къ селу Высокому ²⁾).

Въ концѣ XVII столѣтія протопопъ Успенскаго собора „съ братіей“ вели процессъ съ Вознесенскимъ дѣвичьимъ монастыремъ, крестьяне котораго завладѣли четырьмя пожнями, принадлежавшими сначала, повидимому, къ сельцу Саблю, а потомъ приписанными вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ къ с. Дымцову. По суду эти пожни были возвращены Успенскому собору, которому онѣ были крѣпки по данной 7085, 1576—77 г. ³⁾. Протопопъ Успенскаго собора „съ братіей“ и игуменья Вознесенскаго монастыря „съ сестрами“ обмѣнялись сдѣлочными записями, по которымъ обѣ стороны обязались не начинать спора изъ-за упомянутыхъ поженъ; въ случаѣ несоблюденія этого условія, виновная сторона должна была уплатить 1.000 рублей неустойки ⁴⁾).

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было охранять цѣлость богородскихъ вотчинъ, выступали не отдѣльные священно-служители Успенскаго собора, а вся коллегія—протопопъ „съ братіей“: отъ

---

¹⁾ „А на той пустоши Гавшиной построень дворъ, а на дворѣ хорошнаго строенья: 2 горницы бѣлыя на глухихъ подметахъ, въ горницѣ въ одной печь ценниная (разноцвѣтная), въ другой зеленая, промежъ тѣхъ горницъ сѣпъ да чердакъ дощатой съ подволокою, изъ чердака на огородъ построены переходы влсчіе, въ сѣняхъ чуланъ, позади задней горницы переходы, баня бѣлая, передъ банничею сѣнцы, изъ тѣхъ сѣней на огородъ крыльцо дощатое, на дворѣ житница 4 саж., поварня полутретья (2¹/₂) сажени, у воротъ 2 избы съ сѣнцы, ворота большіе о дву щитахъ непокрыты, 2 сарая большіе, позади тѣхъ сараевъ по пѣбѣ—одна съ сѣнцы, а другая безъ сѣней, погребъ дубовой съ наогребницею покрыты соломой; а то все строенье покрыто драпью, а чердакъ тесомъ; около двора 33 авена забору; а то все строенье поное; позади хорошнаго строенья огородъ, а въ томъ огородѣ яблонныхъ и вишневыхъ съ 200 деревъ“. Ibid., № 3. См. также №№ 1 и 2.

²⁾ Ibid., № 12.

³⁾ Ibid., № 19.

⁴⁾ Ibid., № 20.

имени этой коллегіи подавались челобитныя, на ея имя писались различные документы и проч. Она выступала и тогда, когда грозила опасность привилегіямъ и льготамъ Успенскаго собора, когда какой-нибудь правительственный агентъ нарушалъ ихъ по невѣдѣнію или умыленно.

Недвижимое имущество, принадлежавшее Успенскому собору, устанавливало, несомнѣнно, очень тѣсную связь между священно-служителями этого собора, являлось, пожалуй, самымъ крѣпкимъ звеномъ, объединявшимъ ихъ въ коллегію.

Поземельныя владѣнія, принадлежавшія нѣкоторымъ церквамъ, предназначались для двухъ цѣлей: во-первыхъ, для покрытія расходовъ собственно на церковь („на воскъ и на фиміянъ, и на всякое церковное строеніе“), и во-вторыхъ, для матеріальнаго обезпеченія („на кормлю“) церковнаго причта¹⁾. Всѣ вотчины Успенскаго собора служили только второй цѣли, т. е. доходами съ нихъ пользовались соборные священно-служители; расходы собственно на соборъ покрывались, какъ увидимъ впоследствии, изъ другихъ источниковъ. Право пользованія богородицкими вотчинами принадлежало только *священно-служителямъ* Успенскаго собора, т. е. протопопу, протодьякону 2 ключарямъ, 5 священникамъ и 5 дьяконамъ: *соборные* пономари, не говоря уже о сторожахъ и звонаряхъ, а также *придѣльные* священно-служители и причетники были лишены этого права²⁾.

Итакъ, 14 священно-служителей Успенскаго собора пользовались принадлежавшими ему землями. Но какъ они пользовались? всѣ ли въ одинаковой степени, или нѣтъ?

Извѣстно, что въ прежнее время, какъ и теперь, церковные доходы дѣлились между членами причта не равномерно, а соответственно служебному достоинству каждаго члена; въ большинствѣ приходоу священникъ получалъ $\frac{1}{2}$ церковныхъ доходовъ, дьяконъ— $\frac{1}{4}$,

¹⁾ Р. И. Б., XVII; ст. 228: „...тѣми, государь, вотчинами въ твоёмъ царскомъ богомольѣ въ соборной церкви всякое церковное строеніе строится: въ прошломъ, государь, въ 122 году строена вновь въ предѣлѣ служба во имя твоего государева ангела, пресодобнаго отца Михаила Малоина, и во церкви, государь, воскъ и ладанъ и вино служебное и книги и ризы и всякой церковной обиходъ исполняется; и изъ тѣхъ-же, государь, вотчинпокъ и ми, богомольцы твои, питаеся“.... (изъ челобитной царю Михаилу Осодоровичу протопопа Устюжскаго Успенскаго собора Василия „съ братьемъ, 1643 г.). См. *ibid.*, ст. 181, 187—190, 231—242 и XIV, ст. 74 204 и 331—332.

²⁾ Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы, издач. подъ ред. И. Забылина, II, ст. 445—446.

а дьячекъ и пономарь—по $\frac{1}{8}$, хотя существовали и другія пропорціи ¹⁾. Тотъ же принципъ распредѣленія церковныхъ доходовъ, т. е. служебное достоинство, имѣлъ мѣсто и въ Успенскомъ соборѣ. Священнослужители этого собора слѣдующимъ образомъ дѣлили между собой церковные доходы: протопопъ получалъ вдвое больше священника, а священникъ—вдвое больше, чѣмъ дьяконъ; доля протодьякона, повидному, равнялась долѣ священника; что касается ключаря, то на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно думать, что его доля въ полтора раза превышала долю священника ²⁾. Значить, если дьяконскую долю обозначить чрезъ 1, то доли другихъ священнослужителей выразятся такими цифрами: доля священника—2, доля протодьякона—тоже 2, доля ключаря—3 и доля протопопа—4.

Распредѣленіе вотчинъ Успенскаго собора между его священнослужителями происходило *по церковному доходу*, т. е. доли въ земельныя владѣнія должны были вполне соответствовать долямъ въ церковномъ доходѣ ³⁾. Для достиженія такого соответствія, для пропорціональнаго распредѣленія богородицкихъ вотчинъ, священнослужители Успенскаго собора прибѣгали къ извѣстнымъ приемамъ. Приемы эти были довольно просты. Прежде всего доли священнослужителей приравнивались къ минимальной долѣ, къ долѣ дьякона, и получалось, такимъ образомъ, 27 „дьяконскихъ“ долей ⁴⁾. Конечно, наиболѣе цѣнными, наиболѣе доходными были населенныя земли: онѣ-то главнымъ образомъ и подлежали пропорціональному распредѣленію. Все количество крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, находившихся въ данное время въ богородицкихъ вотчинахъ, дѣлили на 27 и получали такимъ путемъ то число дворовъ, которое должно было приходиться на дьяконскую долю, получали ту норму, съ помощью которой можно было сравнительно легко и удобно распредѣлять населенныя земли между священно-служителями: если, напримѣръ, дьяконская доля заключала въ себѣ 9 дворовъ, то на долю священника

¹⁾ См. изслѣд. Н. Н. Шимко, „Патріаршій Казен. приказъ“, стр. 325; ср. op. cit. А. Завьялова, стр. 292—293.

²⁾ Опис. док. и дѣлъ св. Синод., III, прилож. XXXI, стг. СХVII и СХIХ.

³⁾ Тотъ же порядокъ наблюдаемъ мы и въ другихъ церквахъ, которымъ принадлежали земли: напр., священно-служители Устюжскаго Успенскаго собора уговорились раздѣлить между собой хлѣбный доходъ съ пречистенской деревни Горки „по вытѣмъ, по церковному доходу“. Р. И. Б., XII, ст. 195.

⁴⁾ 5 долей священниковъ=10 дьяконскимъ, 2 доли ключарей=6 дьяконскимъ, доля протодьякона=2 дьяконскимъ и доля протопопа=4 дьяконскимъ. Итакъ: $5+10+6+2+4=27$.

должно было приходиться 18 дворовъ, на долю ключаря—27 и т. д. Но и населенныя земли не были, само собой разумѣется, одинаковаго качества: одиѣ были болѣе плодородны и поэтому болѣе доходны, а другія—менѣе плодородны и менѣе доходны. Судя по писцовымъ книгамъ, въ Московскихъ и Владимірскихъ вотчинахъ Успенскаго собора земля была хорошаго качества, въ Бѣжецкихъ—средняго, а въ Дмитровскихъ—плохого качества. Было бы несправедливо одному священно-служителю отвести его долю, на примѣръ, въ Дмитровскихъ вотчинахъ, а другому—во Владимірскихъ. Для устранения подобной несправедливости, всѣ населенныя земли Успенскаго собора были разбиты на 2 группы, на 2 категоріи: одна состояла изъ Московскихъ и Владимірскихъ вотчинъ, а другая—изъ Бѣжецкихъ и Дмитровскихъ. Доля каждаго священно-служителя обязательно раздѣлялась по этимъ двумъ группамъ. Помимо экономическихъ соображеній, на выдѣленіе Московско-Владимірскихъ вотчинъ Успенскаго собора въ особенную группу могло повліять еще то обстоятельство, что онѣ поступили въ собственность этого собора *позднѣе* Бѣжецко-Дмитровскихъ вотчинъ, именно въ 1633 г.

Послѣ всего сказаннаго, мы будемъ въ состояніи понять одинъ очень любопытный документъ: это „раздѣльная“ запись на с. Чоково, д. Васильевку, с. Овчюхи, подмосковную д. Русавкино и пустошь Гавшино, т. е. на Московско-Владимірскую группу богородицкихъ вотчинъ. „Раздѣльная“ эта составлена 24 марта 1647 г. „И тоѣ соборную вотчину (т. е. перечисленныя выше поселенія и пустошь), читаемъ мы въ упомянутомъ документѣ, приговорили раздѣлити себѣ по жеребьему *по церковному доходу* на 13 долей и положили с. Чоково да деревню Васильевское со всѣми угодья на пол-шесты доли ($5\frac{1}{2}$), да с. Овчюхи на пол-шесты-жъ доли, да въ подмосковную деревню Русавки (но) да пустошь Гавшино да въ Русавкиномъ же мельница на ходу положили на двѣ доли“. Протопопъ, 3 священника и дьяконъ взяли себѣ с. Овчюхи; протодьяконъ и священникъ получили д. Русавкино съ мельницей и пустошь Гавшино; с. Чоково и д. Васильевское „со всѣми угодья“ достались 2 ключарямъ, священнику и 4 дьяконамъ. „...И раздѣля та соборная вотчина по своимъ жеребьему, такъ заканчивается интересующій насъ документъ, *утвердителя межъ собою крѣпостями и раздѣльными книгами вѣрныи бѣлмятежно*“¹⁾.

¹⁾ Москов. Син. библ. Док., изд. изъ м. Усп. соб., № 27, лл. 2 об.—4.

Итакъ, мы видимъ, что сами священно-служители Успенскаго собора распредѣляли между собой богородицкія вотчины; никто, никакая высшая власть не вмѣшивалась въ это распредѣленіе—по крайней мѣрѣ, въ XVII вѣкѣ. Результаты обоюднаго соглашенія вносились въ особенный документъ, въ такъ называемую „раздѣльную“, къ которой прикладывалась печать Успенскаго собора ¹⁾. Документъ этотъ имѣлъ значеніе „вѣрности“ и составлялся для того, чтобы предупредить споры, которые могли возникнуть между членами причта, чтобы сдѣлать пользованіе богородицкими вотчинами „безмятежнымъ“. Эта цѣль, повидимому, достигалась, потому что въ источникахъ не сохранилось слѣдовъ того, чтобы между священно-служителями Успенскаго собора происходили серьезные несогласія изъ-за того или другого распредѣленія богородицкихъ вотчинъ. Споры, конечно, бывали, но споры незначительные, обыкновенные, которые улаживались, такъ сказать, домашними средствами.

По „раздѣльной“ 1647 г., московско-владимірская группа богородицкихъ вотчинъ была раздѣлена на 13 долей; это—несомнѣнно, „дьяконскія“ доли, мы знаемъ, что всѣхъ такихъ долей было 27; значить, Бѣжецко-Дмитровская группа вотчинъ Успенскаго собора была разбита на 14 долей. Такъ какъ въ 1647 г. во всѣхъ вотчинахъ Успенскаго собора насчитывалось приблизительно 160 дворовъ, то, значить, на каждую „долю“ приходилось около 6 дворовъ.

Слѣдовательно, каждый дьяконъ долженъ былъ получить приблизительно 6 дворовъ, каждый священникъ—по 12 дворовъ, протодьяконъ—тоже 12 дворовъ, каждый ключарь—по 18 дворовъ и протопопъ—24 двора. Каждый священно-служитель одну половину своей доли, или около того получилъ въ лучшей Московско-Владимірской группѣ богородицкихъ вотчинъ, а другую—въ худшей Бѣжецко-Дмитровской группѣ: дьяконъ, на примѣръ, долженъ былъ получить по 3 двора въ каждой изъ двухъ группъ.

Мы видѣли, что с. Овчухи досталось, при раздѣлѣ 1647 г., протопопу, 3 попамъ и дьякону, т. е. оно было разбито на 11 „дьяконскихъ“ долей; полагая на каждую такую долю по 3 двора, получимъ 33 двора; и дѣйствительно, мы знаемъ, что въ то время въ упомянутомъ селѣ было 34 двора: 22 крестьянскихъ и 12 бобыльскихъ. С. Чокowo и д. Васильевская достались 2 ключарямъ, попу и 4 дья-

¹⁾ Ibid., № 26 („раздѣльная“ на с. Чокowo, д. Васильевское и п. Гавшино, 16 марта 1646 г.).

конамъ, т. е. были раздѣлены на 12 „долей“; полагая на каждую долю по 3 двора, получимъ 36 дворовъ; столько именно дворовъ было въ упомянутыхъ поселеніяхъ въ 1646—47 гг.

Изъ другого источника мы узнаемъ, что с. Чокowo было раздѣлено между ключаремъ и 4 дьяконами, а д. Васильевская—между другимъ ключаремъ и попомъ¹⁾. Д. Русавкино съ мельницей и пустошь Гавшино достались протодьякону и попу. Въ д. Русавкинѣ, по переписной книгѣ 1646 г., было 8 дворовъ: 7 дворовъ крестьянскихъ и 1 дворъ нищей-вдовы. Такъ какъ д. Русавкино и пустошь Гавшино были разбиты на 4 „доли“, а каждая „доля“ заключала въ собѣ 3 двора, то, значить, пустошь Гавшино, по своей доходности (она отдавалась въ наймы²⁾), была приравнена 4 или 5 дворамъ. Эта пустошь была введена въ раздѣлъ *населенныхъ* земель Московско-Владимірской группы, вѣроятно, для того, чтобы довести количество „долей“ въ этой послѣдней до 13.

Такъ какъ „раздѣльная“ 24-го марта 1647 г. касается только Московско-Владимірской группы вотчинъ, то отсюда можно заключить, что распредѣленіе Бѣжонско-Дмитровскихъ вотчинъ осталось безъ измѣненія.

Иногда происходилъ раздѣлъ не цѣлой группы вотчинъ, а лишь части ея: напримѣръ, 16-го марта 1646 г. были подѣлены с. Чокowo, д. Васильевка и подмосковная пустошь Гавшино³⁾. До насъ дошла, кромѣ того, „раздѣльная“ 19-го марта 1647 г. По этому документу д. Русавкино съ мельницей и пустошами и пустошь Гавшино были раздѣлены на 2 доли, с. Овчюхи—на 5 долей, с. Чокowo—на 4 доли и д. Васильевская—на 2 доли; при чемъ эта послѣдняя была представлена протопопу⁴⁾. Такой раздѣлъ почему-то былъ признанъ неудовлетворительнымъ—и черезъ 5 дней, 24-го марта, былъ произведенъ новый, результаты котораго были занесены въ „раздѣльную“ 24-го марта 1647 г. Выраженіе этого послѣдняго документа „утвердиться межъ собою... впроки *безмятежно*“, быть можетъ, намекаетъ на то, что раздѣлъ 19-го марта вызвалъ „мятежъ“, сильное неудовольствіе въ нѣкоторыхъ священно-служителяхъ.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ раздѣловъ, были, вѣроятно, и другіе;

¹⁾ М. А. М. Спис. съ писц. кн. Владимірскаго уѣзда, 1645—47 гг., № 609, лл. 264 об.—268.

²⁾ Московск. Синод. библ. Док., перед. изъ м. Усп. соб., № 1.

³⁾ Ibid., № 26.

⁴⁾ Ibid., № 27, лл. 5—6.

намекъ на это мы находимъ въ нѣкоторыхъ документахъ. Въ переписной книгѣ 1704 г. село Михайловское (Русавкино тоже) занисано за протопопомъ Моисеемъ, „что по переписнымъ книгамъ 186 г. написано того-жъ собору за попомъ Васильемъ Никитинымъ да за протодьякономъ Андреемъ Ивановымъ“¹⁾. Слѣдовательно, въ самомъ концѣ XVII столѣтія, либо въ первые три года XVIII, происходилъ раздѣлъ, по крайпей мѣрѣ, *нѣкоторыхъ* вотчинъ Успенскаго собора, при чемъ село Русавкино досталось протопопу. Между 1704 и 1725 гг. былъ новый раздѣлъ, такъ какъ въ 1725 г. село Русавкино находилось въ пользованіи уже не протопопа, а священника Хрисанова Маркелова и протодьякона²⁾.

Пѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы раздѣлы богородяцкихъ вотчинъ происходили періодически, чрезъ опредѣленные промежутки времени, они, вѣроятно, имѣли мѣсто тогда, когда того хотѣло большинство священно-служителей; но едва-ли часто появлялось у нихъ подобное желаніе. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые священно-служители получали въ пользованіе отдѣльныя деревни, строили тамъ дворы „на прѣздѣ“, селили иногда своихъ холоповъ, вообще обжились, если возможно такъ выразиться, въ своихъ „подѣляхъ“ (такъ называются въ документахъ доли священно-служителей): крестьяне привыкали къ нимъ, а они—къ крестьянамъ. Что касается тѣхъ священно-служителей, которые получали поселенія не въ единственное, а въ *общее* пользованіе, то и они, привыкнувъ къ своимъ товарищамъ и крестьянамъ, едва-ли стремились къ новымъ раздѣламъ.

Отсюда слѣдуетъ, что раздѣлы вотчинъ Успенскаго собора между его священно-служителями происходили рѣдко. Это подтверждается и данными писцовыхъ, переписныхъ и ландратскихъ книгъ, въ которыхъ, при описаніи того или другого поселенія, принадлежавшаго Успенскому собору, обыкновенно отмѣчается, въ пользованіи какого священно-служителя или какихъ священно-служителей оно находится. Эти данныя позволяютъ, кромѣ того, сдѣлать заключеніе, что „подѣли“ какъ-бы прикрѣпились къ должностямъ: напримѣръ, с. Васильевское всегда предоставлялось въ пользованіе протопопамъ Успенскаго собора, с. Царевонстантиновское—одному изъ ключарей и проч. Новый священно-служитель, назначавшійся въ Успенскій соборъ, обыкновенно получалъ „подѣль“ своего предшественника.

¹⁾ М. А. М. Ю. Переп. кн. Московскаго уѣзда, № 9817, л. 249.

²⁾ Описаніе док. и дѣлъ св. Синод., III, прил. XXXI, ст. СХХ.

Въ 1725 г. богородицкія вотчины слѣдующимъ образомъ были распределены между священно-служителями Успенскаго собора ¹⁾:

- 1) протопопъ имѣлъ с. Васильевское и часть с. Овчуховъ,
- 2) протодьяконъ—части с. Высокаго, сельца Русавкина и с. Дымцова съ деревнями,
- 3) 1-й ключарь—часть с. Чокова и с. Царевоконстантиновское,
- 4) 2-й ключарь—части д. Васильевки и с. Дымцова съ деревнями,
- 5) 1-й священникъ—части д. Андреянцовой и д. Васильевки,
- 6) 2-й священникъ—части д. Андреянцовой и с. Овчуховъ,
- 7) 3-й священникъ—части с. Высокаго, с. Дымцова съ деревнями и с. Овчуховъ,
- 8) 4-й священникъ—д. Глухово и часть сельца Русавкина,
- 9) 5-й священникъ—части с. Овчуховъ и с. Дымцова съ деревнями,
- 10) 1-й дьяконъ—деревни Чеприну и Фофаново и часть с. Овчуховъ,
- 11) 2-й дьяконъ—д. Тарбѣво и часть с. Чокова,
- 12) 3-й дьяконъ—д. Ярыгину и часть с. Чокова,
- 13) 4-й дьяконъ—части с. Дымцова съ деревнями и с. Чокова,
- 14) 5-й дьяконъ—части с. Дымцова съ деревнями и с. Чокова.

Мы думаемъ, что такое распределеніе богородицкихъ вотчинъ между священно-служителями Успенскаго собора было довольно устойчивымъ, постояннымъ; лишь иногда происходили въ немъ незначительныя измѣненія.

Изъ 14 поселеній, принадлежавшихъ Успенскому собору, 7 находилось въ единственномъ пользованіи (села Васильевское и Царевоконстантиновское и деревни Глухово, Чеприна, Фофаново, Тарбѣво и Ярыгина) и столько же въ общемъ (села Дымцово съ деревнями, Овчухи, Чоково и Высокое и деревни Васильевка, Андреянцovo и Русавкино).

Священно-служители, получавшіе извѣстное поселеніе въ общее пользованіе, обыкновенно дѣлили между собой находившіяся въ немъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы; въ основаніи этого раздѣла лежалъ уже извѣстный намъ принципъ служебнаго достоинства. Надо думать, что коллегія священно-служителей Успенскаго собора не вмѣшивалась въ упомянутый раздѣлъ, въ немъ принимали участіе лишь непосредственно заинтересованныя лица, т. е. тѣ священно-служители, въ об-

¹⁾ Ibid., стр. СХVII—СХХI.

щемъ пользованіи которыхъ находилось подлежащее раздѣлу поселеніе; коллегія могла вмѣшиваться только по жалобѣ кого-нибудь изъ соучастниковъ.

Въ источникахъ мы находимъ достаточное количество указаній на раздѣлъ дворовъ въ поселеніяхъ общаго пользованія.

Въ 1646 г. с. Дымцово съ 4 деревнями находилось въ пользованіи протодьякона, ключаря, 2 священниковъ и 2 дьяконовъ. Одинъ изъ соучастниковъ, дьяконъ Перфилай Логиновъ, подалъ писцу сказку, „за своею рукою, а въ сказкѣ ево написано, что на ево долю доведетца крестьянъ“: въ с. Дымцовѣ 5 дв. (11 чел. м. п.) и въ д. Рябчихѣ 1 дв. (4 чел. м. п.); „да ево-жъ де крестьянинъ Ивашко Омеляновъ сынъ прозвище Данилко съ дѣтми съ Мишкою да съ Куземкою да съ Ганкою да съ Сторшкомъ (?) да съ Баскою сбѣжалъ, а бѣгая де живетъ того же Богородицкаго собору въ вотчинѣ за попомъ за Богданомъ Марксовымъ въ деревнѣ Дымцовѣ-Меньшомъ. И всего за дьякономъ Перфильемъ въ вотчинѣ въ селѣ и въ деревнѣ противъ ево сказки доведетца на сво долю 6 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 15 чел., а тѣ крестьяне всѣ написаны въ ихъ опчей скаскѣ за протодьякономъ да за попами и за нимъ, дьякономъ, вмѣстѣ, а межъ ими не росписаны, за которымъ сколько дворовъ крестьянскихъ; и которыхъ крестьянъ дьяконъ Перфилай Логиновъ написалъ за собою въ своей скаскѣ, и тѣми имены крестьяне въ ихъ опчей скаскѣ написаны-жъ“¹⁾.

Въ 1677 г. д. Русавкино находилась въ пользованіи попа и протодьякона; при чемъ на долю попа приходилось 2 двора крестьян. (5 ч. м. п.), а на долю протодьякона—2 дв. крестьян. (3 ч. м. п.) и 1 дв. вдовы-бобылки Марьицы²⁾.

Въ томъ же году, какъ и въ 1705-мъ, д. Андреянцова была въ пользованіи 2 священниковъ; крестьянскіе дворы распределены были между ними слѣдующимъ образомъ: въ 1677 г. на долю одного священника приходилось 4 дв., а на долю другого—3, въ 1705 г. на долю одного—7 дв. (23 ч. м. п.) и на долю другого—6 (18 ч. м. п.)³⁾.

Въ 1705 и 1715 гг. с. Высокое находилось въ пользованіи свя-

¹⁾ Москов. Синод. библ. Докум., перед. изъ м. Уси. соб., № 16. Ср. въ А. М. Ю. спис. съ переп. кн. Вѣнецкаго уѣзда, 1646—47 гг., № 11439, лл. 729—731.

²⁾ А. М. Ю. Переп. кн. по г. Москвѣ, 1677 г., № 9813, лл. 508—509.

³⁾ Описание док. и дѣлъ св. Синод. III, прил. XXXI, ст. СХІХ; А. М. Ю. Переп. кн. по г. Дмитрову, 1705 г., № 15066.

щенника и протодьякона; первому принадлежало: въ 1705 г.—11 крестьянскихъ дв. (43 ч. м. п.) и въ 1715 г.—12 дв. (47 ч. м. п.), а второму—въ 1705 г. 19 крестьян. дв. (62 ч. м. п.) и въ 1715—17 дв. (66 ч. м. п.)¹⁾.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнiю, что священно-служители Успенскаго собора, получавшіе какое-нибудь поселеніе въ общее пользованіе, обыкновенно дѣлили между собой находившіяся въ немъ дворы, и затѣмъ каждый соучастникъ самостоятельно распоряжался своими дворами.

Но не во всѣхъ поселеніяхъ и не всегда дворы подлежали раздѣлу; въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ такого раздѣла мы не замѣчаемъ, въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ, вмѣсто раздѣла дворовъ, имѣлъ мѣсто раздѣлъ *доходовъ*.

Нѣкоторыя данныя позволяютъ думать, что московско-владимірская группа вотчинъ Успенскаго собора первоначально, съ 1633 и до 1646 г., не была подѣлена между его священно-служителями.

Отъ 1635 г. до насъ дошло донесеніе попа, старосты и цѣловальника с. Чокова протопопу Успенскаго собора „съ братіей“, донесеніе, начинающееся такъ: „государю протопопу Тимоею Ульяновичу и *всему собору* Богородицкіе вочины *ваше* села Чокова Пиколской поитъ Арьтеміи Бога молить да староста Сидоръ и цѣловальникъ Истома челомъ бьютъ“²⁾.

Такое же донесеніе имѣемъ мы изъ с. Овчуховъ, отъ 1637 г., и это донесеніе обращено не къ отдѣльнымъ священно-служителямъ Успенскаго собора, а ко всѣмъ, къ протопопу „съ братіей“³⁾.

Въ 1637 г., *по приговору* „протопопа“ съ братіей, были посланы въ сс. Овчухи и Чоково священникъ Иванъ Савинъ и дьяконъ Мокѣй; они, между прочимъ, присутствовали при молотбѣ хлѣба, предназначеннаго для священно-служителей Успенскаго собора, выслушали просьбу Овчуховскихъ крестьянъ о томъ, чтобы протопопъ „съ братіей“ приказали чоковскимъ крестьянамъ помочь имъ перевезти хлѣбъ въ Москву, и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ донесли протопопу „съ братіей“⁴⁾.

Такимъ образомъ, Овчухи и Чоково, а также, вѣроятно, деревни

¹⁾ А. М. Ю. Лавдратская книга по г. Дмитрову, 1715 г., № 17528, лл. 997—1001.

²⁾ Моск. Синод. библи. Докум., перед. изъ м. Усп. соб., № 53.

³⁾ *Id.*, № 58.

⁴⁾ *Id.*, № 56.

Васильевка и Русавкино сначала не были разбиты на „доли“, а находились въ общемъ пользованіи протопопа Успенскаго собора „съ братіей“; священно-служители этого собора сообща, съ общаго совѣта хозяйничали, распоряжались въ перечисленныхъ поселеніяхъ, собирали съ нихъ денежный и натуральный „доходъ“ и дѣлили его между собой, соотвѣтственно служебному достоинству каждаго.

Такой способъ пользованія московско-владимірской группой вотчинъ продолжался около 13 лѣтъ; въ 1646 г., какъ мы видѣли, произошелъ раздѣлъ *части* этихъ вотчинъ, а въ слѣдующемъ году *все* онѣ были распорѣдлены между священно-служителями; но и послѣ этого по отношенію къ с. Овчихамъ удержался, повидимому, прежній способъ пользованія, т. е. протопопъ, 3 священника и дьяконъ, которымъ досталось это село, дѣлили между собой не дворы, находившіеся въ немъ, а собираемый съ крестьянъ доходъ.

Нельзя не признать, что такой способъ пользованія населенными землями болѣе отвѣчаетъ справедливости, чѣмъ раздѣлъ дворовъ: при первомъ способѣ скорѣе можетъ быть достигнуто вполнѣ справедливое, равномерное распредѣленіе матеріальныхъ благъ; но за то при немъ трудно сохранить согласіе между соучастниками; вотъ почему, вѣроятно, онъ и просуществовалъ такъ недолго и удержался впоследствии только въ одномъ селѣ.

Мы не знаемъ, примѣнялся ли когда-нибудь этотъ способъ по отношенію къ бѣжецко-дмитровской группѣ богородицкихъ вотчинъ; но мы знаемъ навѣрное, что въ 20-хъ гг. XVII стол. вотчины этой группы были уже раздѣлены между священно-служителями Успенскаго собора ¹⁾.

Кромѣ населенныхъ земель, Успенскому собору принадлежало, какъ намъ извѣстно, большое количество пустошей. До насъ дошла извѣстія о томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ пустошей находились въ пользованіи отдѣльныхъ священно-служителей Успенскаго собора. Такъ, изъ челобитной протопопа Успенскаго собора Михаила съ „братіей“, поданной царю Ѳеодору Алексѣевичу, мы узнаемъ, что пустошь Гавшино „въ наймы отдавали по вся годы соборные протодьяконы, потому что *въ удѣлъ дана протодьякону*“ ²⁾.

Въ 80-хъ гг. XVII стол. 2 пустоши, принадлежавшія къ с. Вы-

¹⁾ А. М. Ю. Списокъ съ писцовой книги Дмитровскаго уѣзда, 1627—28 гг.. № 627, лл. 369 об.—370, 371 об. и 380.

²⁾ Московск. Синод. библ. Док., перед. изъ м. Усп. соб., № 1.

сокому (Починокъ и Никольскій-Аничковскій погостъ), находились въ пользованіи ключаря и протодьякона ¹⁾).

Пустошь Дубровка, находившаяся въ Вяземскомъ ст. Московскаго уѣзда, была „подѣлю“ одного изъ ключарей ²⁾).

То же самое нужно сказать и о 6 пустошахъ Горѣтова ст. Московскаго уѣзда ³⁾). Отъ первой четверти XVIII в. до насъ дошло извѣстіе о какой-то оброчной пустоши Успенскаго собора, доставшейся въ пользованіе дьякону этого собора Анфиногену Иванову ⁴⁾).

Итакъ, несомнѣнно, что нѣкоторыя пустоши, подобно населеннымъ землямъ, распредѣлялись между священно-служителями Успенскаго собора; при этомъ надо замѣтить, что онѣ не смѣшивались съ населеніями, а дѣлились особо отъ этихъ послѣднихъ. Центръ тяжести, безъ всякаго сомнѣнія, лежалъ въ населенныхъ земляхъ, а пустоши были добавленіями къ нимъ. Если въ 1646 — 1647 гг. пустошь Гавшино поступила въ раздѣлъ наравнѣ съ населенными землями, то на это мы должны смотрѣть какъ на исключенію, а не какъ на правило.

Конечно, и при дѣлѣхъ пустошей соблюдался принципъ служебнаго достоинства: и онѣ, подобно населеннымъ землямъ, дѣлились „по степенемъ“ ⁵⁾).

Гр. Шмелевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Ibid., № 12: онѣ названы „подѣлами“ ключаря Ивана Григорьева и протодьякона Ивана Васильева.

²⁾ Ibid., № 4; ср. въ А. М. Ю. списокъ съ писм. кн. Московскаго у., 1627—29 гг., № 629; 1-я кн., л. 1525-й.

³⁾ Московск. Сии. библ. Док., пер. изъ м. Усп. соб., № 5.

⁴⁾ Дьяконъ Ивановъ получалъ „съ оброчной пустоши съ мельницъ (?) денегъ во 12 руб. съ полтиною въ годъ“. Опис. док. и дѣлъ св. Сии., III, ст. 291—292.

⁵⁾ Ibid., ст. 298.

ТОМА КАМПАНЕЛЛА.

II ¹⁾.

Кампанелла спокойно вернулся въ Калабрию. Послѣ короткаго пребыванія въ Никасторѣ онъ отправился на свою родину въ Стило и поселился въ монастырѣ, отдавая все свое время благочестію и труду. Онъ преподавалъ философію и писалъ книги ²⁾. О его правдивости свидѣтельствуетъ трагедія Марія Стюартъ, написанная по правиламъ его поэтики (которою никакъ не слѣдуетъ пренебрегать) и въ католическомъ духѣ ³⁾. Въ другомъ сочиненіи, трактующемъ о благодати и свободѣ воли по поводу спора между іезуитами и доминиканцами и написанномъ, повидимому, по порученію церкви, Кампанелла высказался въ духѣ своего ордена въ пользу смягченнаго августинизма ⁴⁾.

Большее значеніе, чѣмъ эти два произведенія, имѣетъ его „de Monarchia Hispanica“, считающаяся съ полнымъ правомъ лучшимъ произведеніемъ Кампанеллы. Эта книга свидѣтельствуетъ не только о томъ, какъ сильно интересовали Кампанеллу принципиальные вопросы политики, но также и о томъ, что онъ вникалъ глубоко и въ мельчайшихъ подробностяхъ въ исторію и въ общее политическое положеніе Европы. Съ его образомъ мыслей мы уже раньше познакомились въ его „Discorsi ai Principi d'Italia“ и возможно, что „Monarchia Hispanica“

---

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 годъ.

²⁾ Ср. Amabile IV, стр. 144.

³⁾ Syntagma de libris propriis въ ук. м. стр. 344.

⁴⁾ Это сочиненіе, дошедшее до насъ въ позднѣйшемъ изданіи, было написано именно въ это время; это видно изъ Syntagma въ ук. м. стр. 375.

была написана по совѣту губернатора Альфонса де Роккасъ, ознакомившагося съ содержаніемъ Discorsi ¹⁾. Интересъ Кампанеллы къ Испаніи можетъ быть отчасти объясненъ тѣмъ, что онъ, какъ калабриецъ, былъ испанскій подданный.

Книга „de Monarchia Hispanica“ можетъ быть раздѣлена на три части: въ первой (1—8) говорится въ примѣненіи къ испанской монархіи о трехъ историческихъ факторахъ: Богѣ, человѣческомъ разумѣ и случаѣ, соединенномъ со счастьемъ. Начиная съ гл. 8 дается набросокъ внутренней реформы монархіи, а именно говорится о королѣ, о его образованіи, о законахъ, о совѣтѣ, о правосудіи и его противоположности, о баронахъ и дворянахъ испанскаго государства, о войскахъ, о финансахъ, объ оппозиціи, объ ораторахъ и прокурорахъ. Съ главы 21-й авторъ переходитъ къ внѣшнимъ отношеніямъ и указываетъ, какъ Испанія должна относиться къ Италіи, Сициліи и Сардиніи, къ Германіи, Франціи, Англии, Польшѣ, Россіи, Седмиградіи, Нидерландамъ, къ Африкѣ, Персіи, Турціи и, наконецъ, къ Америкѣ. Въ послѣдней главѣ трактуется о мореплаваніи. Тенденція этой книги вполне антимаксималистическая; однако не только изложеніе, а часть и содержаніе, проникнуто духомъ знаменитаго флорентійца. Все произведеніе, „которое противники Испаніи считали разоблаченіемъ послѣднихъ плановъ Филиппа II“ ²⁾, проникнуто мыслью о средствахъ къ достиженію мірового владычества, при чемъ двѣ величины имѣютъ первенствующее принципиальное значеніе: Римъ и природа.

Хотя это сопоставленіе и можетъ показаться страннымъ, но оно не должно удивлять насъ послѣ того, какъ мы ознакомились съ первыми трудами Кампанеллы. Авторъ подчеркиваетъ значеніе законовъ природы и при этомъ указываетъ на роль, которую играютъ въ судьбѣ государствъ пророчества ³⁾, что видно на примѣрахъ изъ исторіи древнихъ народовъ; пророки суть носители главной основы госу-

¹⁾ Это произведеніе было написано, по мнѣнію Амабиле, между концомъ 1598 и второй половиной 1600 (т. е. когда Кампанелла уже сидѣлъ въ тюрьмѣ). Однако и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ признать ту же побудительную причину; поэтому я рассматриваю его какъ введеніе къ реформаторской дѣятельности Кампанеллы; тѣмъ болѣе, что и Кампанелла ссылается на него, какъ на написанное раньше. Ср. его защитительную рѣчь въ концѣ этой главы.

²⁾ *H. Gotheim. Ign. v. Loyola. Halle 1895, стр. 41, 42.*

³⁾ Ср. *De monarchia Hispanica, Editio novissima, Francoforti ad Viadrum, 1686, стр. 6, 12, 14.* Кампанелла оставилъ за собою право указать пророчества, имѣющія значеніе для Испаніи; на стр. 90 онъ указываетъ на числа 7 и 9 какъ на fatales numeri.

дарства, а именно Божьей воли. Но отъ Бога зависить и изъ Него же вытекаетъ и вторая основа—человѣческая мудрость, которая можетъ быть дѣйствительной только благодаря первой. Мудрость же заключается въ томъ, чтобы слѣдовать законамъ; ибо природа есть внутреннее божественное искусство, подобно тому какъ наше искусство есть вышшая природа вещей ¹⁾. Правда, взгляды Кампанеллы на природу и его требованіе согласоваться съ ея законами не вполне последовательны. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: христіанскій законъ есть законъ естественный; евреи, возстающіе противъ короля испанскаго, возстаютъ противъ природы, поэтому Испанія имѣетъ право отнимать у нихъ земля. Это не случайное замѣчаніе, а компромиссъ, къ которому былъ вынужденъ авторъ вслѣдствіе грозившей ему опасности. Такъ какъ законъ природы есть высшій принципъ государственности, то преимущество должно быть на сторонѣ двухъ конкретныхъ властей: идейная власть должна принадлежать папѣ, фактическая—Испаніи; остальному міру, особенно сильной Турціи, принадлежитъ роль, выпавшая въ исторіи Іудей на долю ассиріянъ.

Для достиженія этихъ высокихъ цѣлей требуется, чтобы монархъ былъ достоинъ власти; ибо вѣчный законъ природы заключается въ томъ, чтобы менѣе совершенные подчинялись болѣе совершеннымъ ²⁾.

Этому прежде всего должно способствовать воспитаніе; государь долженъ быть первымъ по физическому и духовному развитію, долженъ умѣть обуздывать самого себя и долженъ охранять религіозное единство своего государства ³⁾. Онъ долженъ покровительствовать наукѣ, ученымъ и школамъ, особенно отдавать предпочтеніе натуръ-философамъ, а изъ философовъ—платоникамъ и стоикамъ ⁴⁾, или же тѣмъ философамъ, представителемъ которыхъ является самъ авторъ—*„qualem ego ex sanctorum Patrum lectione hausî“*.

При изданіи законовъ онъ долженъ сообразоваться съ *„natura illius loci“*, для котораго издастся законъ. Изъ средствъ, которыя должны служить къ укрѣпленію единства государства, авторъ особенно настаиваетъ на равенствѣ: *„Aequalitas civium e medio tollit invidiam, rapinam, fastum, odium et mollitiem populi“* ⁵⁾.

Примѣненіе этихъ правилъ для даннаго времени приводитъ автора

¹⁾ Тамъ же, стр. 28.

²⁾ Тамъ же, стр. 160—163.

³⁾ Тамъ же, стр. 55, 67.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 79.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 155, а также 154, 158.

къ слѣдующимъ выводамъ: испанскій король долженъ стремиться къ тому, чтобы быть избраннымъ въ императоры, но при этомъ имѣть всегда въ виду интересы папы, тогда онъ въ состояніи будетъ подчинить себя все. Если онъ будетъ стоять на стражѣ правъ папы и католицизма, онъ будетъ въ состояніи созвать совѣтъ всѣхъ христіанскихъ князей, представить имъ и заставить ихъ принять высокій планъ: соединеніе всѣхъ людей подъ властью единого пастыря ¹⁾. Для этого необходимо свергнуть трехъ еретическихъ повелителей, если только они не пожелаютъ перейти въ католичество; а такъ какъ мало вѣроятя, что нѣмецкіе города не окажутъ протеста, то необходимо немедля подчинить ихъ военной власти соединенныхъ христіанъ ²⁾.

Дальнѣйшія политическія указанія, которыми очень богато это произведеніе, касаются преподаванія юношамъ законовъ природы въ формѣ катехизиса, благосостоянія народа, христіанской нравственности, реформы ордена и т. д. При сравненіи двухъ способовъ военной обороны—сухопутнаго и морского, авторъ отдаетъ предпочтеніе послѣднему, и находитъ, что властвовать надъ моремъ значить быть властелиномъ всей земли ³⁾. Подъ конецъ онъ совѣтуетъ королю взять опытнаго и способнаго совѣтника, въ родѣ Ликурга или Солона. Именно въ настоящее время такихъ людей больше, чѣмъ когда-либо, только они не выдвигаются вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій ⁴⁾. Къ числу ихъ авторъ несомнѣнно причисляетъ себя. Такое высокое мнѣніе автора о себѣ не должно насъ удивлять.

Изъ трехъ основныхъ мыслей этого произведенія: Испанія, Римъ, согласованіе съ законами природы, дунгъ Кампанеллы была дѣйствительно близка послѣдняя; это показываютъ дальнѣйшія событія. Уже за девять лѣтъ передъ тѣмъ еврей Авраамъ сообщилъ ему, что въ его гороскопѣ больше звѣздъ, чѣмъ въ гороскопѣ Христа ⁵⁾. Дальнѣйшія вычисленія указывали на сильный кризисъ, который ему предстояло пережить. Телезій былъ противникомъ астрологів; но будучи горячимъ приверженцемъ философскихъ воззрѣній Телезія, въ вопро-

¹⁾ Тамъ же, стр. 21, 25, 27, 37, 39, 40.

²⁾ Тамъ же, стр. 42.

³⁾ Тамъ же, стр. 131: „qui se dominum maris efficiet, idem etiam dominus terrae erit“.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 378—9.

⁵⁾ Amabile IV, стр. 19. Риниери, стр. 44, также полагаетъ, что съ этого времени Кампанелла потерялъ разсудокъ, а также и сознаніе своихъ христіанскихъ обязанностей.

саяхъ о значеніи астрологіи и магіи Кампанелла не послѣдовалъ за нимъ. П. Мирандола, который возродилъ интересъ и симпатію къ магіи, осудилъ, какъ извѣстно, астрологію ¹⁾, Меланхтонъ же гордился искусствомъ ставить гороскопы ²⁾. Неудивительно, что Кампанелла, съ его глубокимъ критическимъ взглядомъ на несовершенства вселенной и стремленіемъ къ преобразованію ея, вѣрилъ въ то, что ему предназначено играть крупную роль въ исторіи. Теперь ему предстояло подготовить окружающую его среду къ великому перевороту, чтобы затѣмъ выполнить предназначенную ему высокую задачу. Онъ началъ съ проповѣдей въ монастырской церкви; его указанія на близкій конецъ міра привлекли, конечно, всеобщее вниманіе.

Хотя Кампанелла придавалъ различныя оттѣнки своимъ проповѣдямъ, въ зависимости отъ состава слушателей, тѣмъ не менѣе нельзя ошибиться относительно истиннаго характера его проповѣдей. Онъ представляетъ рѣшительное отклоненіе отъ христіанства, даже вообще отъ религіи. Въ его рѣчахъ, на сколько мы можемъ судить по краткимъ показаніямъ свидѣтелей, звучалъ отголосокъ эпикурейскаго ученія. Только кощунства отчасти новы и указываютъ на возмутительное неуваженіе монаха къ предметамъ, святымъ для христіанина.

Судя по донесеніямъ, въ нихъ преобладала натуралистическая точка зрѣнія съ вытекающими изъ нея атеистическими выводами, которые часто выражены вульгарно, очевидно для того, чтобы быть понятными народу ³⁾. Богъ есть природа и больше ничего; Троица есть химера; это онъ доказываетъ на примѣрѣ тѣла о трехъ головахъ, а тѣхъ, кто оставался при своей вѣрѣ, онъ называлъ ослами. Въ этомъ натуралистическомъ механизмѣ нѣтъ мѣста для загробной жизни; нѣтъ ни духа, ни чорта; послѣ смерти душа растворяется, а тѣло обращается въ прахъ.

Съ этой точки зрѣнія Кампанелла критикуетъ христіанство и мораль. Христосъ былъ пищимъ, распятымъ. Кампанелла смѣется надъ капуцинами за ихъ поклоненіе ему; въ доказательство своего

¹⁾ Ср. Carriere въ ук. м. гл. I, стр. 84.

²⁾ Ср. небольшую статью Mensing: Astrologie, Sammlung gemeinverständl. wissenschaftl. Vorträge Вирхова, сер. VI, тетр. 140, Берлинъ 1871; Burckhardt, Die Cultur der Renaissance. VIII Aufl. 1901. Bd. II, стр. 234 сл.

³⁾ Въ числѣ наданныхъ Амабиле актовъ (VI, стр. 421) находится Sommario del processo contro il Campanella, redatto da Mons'r di Caserta. Въ немъ мы находимъ систематическое обвиненіе въ ересь, изложенное подробно въ 34 пунктахъ. Дальше будетъ кратко приведено его содержаніе.

презрѣнія къ кресту, который онъ называетъ кускомъ дерева, онъ растаптываетъ его ногами. Онъ смѣется надъ дѣвствомъ Маріи. Разсказы апостоловъ, по его мнѣнію, имѣли цѣлью способствовать распространенію христіанства, большая часть изъ нихъ представляетъ смѣшныя выдумки, также киты и разсказы изъ Ветхаго Завета. Таковы же и христіанскіе обряды. Таинства суть обманъ; папа—антихристъ, его власть есть узурпація. Конечно, можно быть блаженнымъ и безъ крещенія. Мясо можно ѣсть каждый день, въ чемъ онъ ссылается на апостоловъ: „comedite quod est vobis oppositum“.

Въ своихъ проповѣдяхъ онъ хвалилъ язычниковъ и совѣтовалъ подражать магометамъ, пророка которыхъ онъ называлъ *brav'huomo*. Такъ какъ природа есть норма, то культъ Венеры не есть грѣхъ, и человѣкъ можетъ пользоваться своими половыми органами противос естественно (содомія). Свидѣтели не упустили случая освѣтить эти слова образомъ жизни самого Кампанеллы. Вообще по его мнѣнію скрытый грѣхъ не есть грѣхъ.

На ряду съ этими рѣзкими выраженіями встрѣчаются и болѣе мягкія, но они вытекаютъ не столько изъ иного настроенія, сколько изъ вниманія ко взглядамъ слушателей. Кампанелла не признавалъ чудесъ, однако онъ приписывалъ себѣ силу производить истинныя чудеса и утверждалъ, что знаніе, благодаря которому онъ можетъ совершать ихъ, онъ получилъ отъ демона. Христа онъ считалъ величайшимъ законодателемъ, но онъ не воскресъ, а его тѣло было украдено; это было сдѣлано и съ тѣлами другихъ законодателей. Хотя Кампанелла и надругался надъ эвхаристіей, но въ другомъ мѣстѣ онъ признаетъ, что всѣ религіи имѣютъ свои таинства и что христіанское жертвоприношеніе есть еще наилучшее. Впрочемъ Христу принадлежать только вступительныя въ эвхаристію слова и слѣдуетъ перестать вѣрить въ его присутствіе въ причастіи. Къ тому же священники должны быть безгрѣшными, ибо никакой господинъ не приметъ подарка отъ слуги, который ему врагъ. Такія выраженія, какъ религія нужна для цѣлей государства, чтобы сдерживать народъ, указываютъ на то, что онъ самъ желалъ создать новую религію для своего новаго идеальнаго государства.

Свидѣтельства о „новой сектѣ“, которая должна была возникнуть какъ результатъ ожидаемой борьбы, очень обстоятельны. Одинъ изъ тезисовъ былъ: свобода отъ тирании католическаго закона, злоупотребленія котораго Кампанелла хотѣлъ прекратить. Для этого онъ написалъ книгу о Лукѣ и Іоаниѣ. Дѣянія апостоловъ онъ считаетъ

незаслуживающими довѣрія, ибо въ нихъ видно одностороннее вліяніе Павла. Но особенно интересно то, что онъ со своими поверженцами (вѣроятно, въ Стилѣ) принималъ участіе въ праздникѣ Пасхи, что показываетъ, что онъ все же находился подъ вліяніемъ Христа, котораго онъ такъ низко ставилъ.

Эти подробности взяты изъ показаній свидѣтелей на судѣ. За правдивость ихъ ручается угроза Кампанеллы своимъ товарищамъ, что если они не возьмутъ своихъ показаній назадъ, они умрутъ вмѣстѣ съ нимъ. На основаніи ихъ мы не можемъ составить себѣ яснаго представленія о системѣ Кампанеллы, можетъ быть потому, что она еще не была имъ вполне выработана. Мы можемъ, однако, составить довольно вѣрную картину о предполагаемой имъ реформѣ, если сопоставимъ судебный матеріалъ съ его произведеніемъ (написаннымъ, вѣроятно, позднѣе) „Солнечный городъ“.

Кампанелла предполагалъ построить свою реформу на развалинахъ тиранинн въ формѣ новой образцовой общины. Въ основѣ ея должно было лечь не откровеніе—хотя Кампанелла желалъ, чтобы его считали пророкомъ—а основательное изслѣдованіе и рѣшительное примѣненіе законовъ природы.

Два закона, хотя они и не новы, придають особую своеобразность реформѣ Кампанеллы: общая собственность и уничтоженіе брака частью путемъ регулированія дѣторожденія, частью допущеніемъ иныхъ (но продуктивныхъ) половыхъ сношеній. Натурализмъ переходитъ въ обожаніе природы, поклоненіе солнцу; личное безсмертіе съ нимъ несовмѣстимо ¹⁾.

Изъ проповѣдей Кампанеллы невозможно составить точнаго представленія объ этой общинѣ. Изъ всего сказаннаго можно заключить, что она рисовалась ему какъ языческое государство, въ которомъ люди получаютъ все, что только не вредитъ всестороннему совершенствованію расы, каждый работаетъ въ одинаковой степени на пользу всѣхъ, но при этомъ принимаются въ соображеніе природныя способности cadaго. Все, что противорѣчатъ законамъ природы, принципиально отвергается, между прочимъ и христіанство. Уступки, которыя онъ дѣлалъ этой религіи, были иногда можетъ

---

¹⁾ Подробное изслѣдованіе этихъ основныхъ чертъ реформы находимъ у I. Amabile VI, 609 сл. *Scemi della Città del Sole e delle Questioni sull'ottima repubblica in rapporto alle cose emerse nei processi della congiura e dell'eresia*. Краткое изложеніе того же у Felici, *Dottrine*, стр. XXV.

быть большими, чѣмъ показываютъ свидѣтели, и можетъ быть потому, что одинъ важный членъ его Coetus'a остался вѣрующимъ. Можетъ быть потому, что онъ стремился изобразить свое государство какъ реформу христіанства, онъ не вполне отвергаетъ это послѣднее, хотя, какъ видно изъ всего сказаннаго, считаетъ его несомнѣстимымъ со стремленіями новаго законодателя.

Рѣчи Кампанеллы производили сильное, хотя и не всегда благоприятное впечатлѣніе. Нѣкоторые считали его сумасшедшимъ, другіе предполагали, что онъ находится въ связи съ сатаной¹⁾, тѣмъ болѣе, что онъ заявилъ, что ересіархи Арій, Савелій и Лютеръ были невѣжды, которые могли развѣ только дать новое объясненіе какому-нибудь священному тексту; новые же законы могутъ дать только великіе мужи, и это дѣлаетъ онъ, новый Мессія, для спасенія челоувѣчества²⁾.

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ агитаціи, которую велъ Кампанелла. Упомянемъ только, что онъ привлекъ на свою сторону двѣ дворянскія враждовавшія между собою семьи (Contestabile и Ripaldi), которыхъ онъ примирилъ; что онъ разсылалъ повсюду своихъ агентовъ³⁾, что онъ началъ переговоры съ турками⁴⁾. Между прочимъ онъ предполагалъ въ случаѣ удачи произвести реформу одежды въ духѣ турецкой, а для себя устроить въ замкѣ близъ Стило сераль. По его порученію Рипальди вошелъ въ сношенія съ турками, флотъ которыхъ находился у береговъ Калабрій; изъ его сообщеній Кампанеллѣ видно, что командиръ турецкаго флота, ренегатъ Цикала, обѣщалъ имъ поддержку въ день возстанія 10-го сентября (1599). Въ тотъ день всѣ, кто окажутъ сопротивленіе, должны были быть убиты и въ первую очередь, конечно, слуги короля и служители церкви. Нельзя сказать, чтобы движеніе приняло размѣры, грозные для испанскаго могущества; но высадка турокъ была возможной и могла привести къ дальнѣйшимъ осложненіямъ. Приверженцы Кампанеллы рассчитывали на чудесную помощь, которая была имъ обѣщана предсказаніями астрологовъ.

На 10-е сентября было назначено всеобщее возстаніе, 3-го должна

¹⁾ О дальнѣйшей судьбѣ движенія ср. Amabile IV, стр. 155 сл.

²⁾ Согласно неизданной статьѣ изъ Reggio, Vatic. Bibl. Cod. Urbini 818 fol. 400 сл.

³⁾ Вьратцъ у E. Gotheim Th. Campanella въ ук. м. стр. 62—63.

⁴⁾ Подробно у Rinieri въ ук. м. стр. 53—56.

была состояться общая трапеза—се-то, вѣроятно, свидѣтели и со-ставляли съ трапезой Христа ¹⁾). Но въ это время калабрійскому фи-скалу былъ сдѣланъ доносъ, въ результатѣ котораго сообщники были арестованы, возстаніе подавлено, и когда Цикала въ условленный день приблизился со своимъ флотомъ къ берегу, его тамъ никто не встрѣтилъ. Бѣгство Кампанеллы въ Сицилію не удалось, и онъ былъ арестованъ. Это не помѣшало ему выразить смѣлую надежду, что послѣ него явятся другіе дѣятели и что правительство должно изъ его сочиненій вывести поученіе стать лучшимъ, а для этого оно должно понять, что сознание народа пробудилось.

Положеніе Кампанеллы было безнадежное, но онъ не терялъ вѣры въ свою звѣзду. Онъ не сомнѣвался въ своемъ влияніи на товарищій по судьбѣ, иначе его угрозы тѣмъ, кто его выдастъ, были бы бессмысленны. Самъ же онъ отрицалъ вводимыя на него обвиненія, а когда это было невозможно, старался оправдаться ²⁾).

Мы имѣемъ цѣликомъ нѣкоторые изъ его защитительныхъ рѣчей. Первая послѣ ареста *Declaratio* (сент. 1599) незначительна ³⁾). Въ ней Кампанелла пытается доказать, что его участіе въ движеніи было чисто теоретическое и невинное, такъ какъ онъ говорилъ только о предсказаніяхъ и о будущихъ временахъ и развѣ только указывалъ на пользу вооруженія. При этомъ онъ выдалъ тѣхъ главныхъ со-участниковъ, о которыхъ онъ думалъ, что имъ удалось бѣжать, и свалилъ на нихъ всю вину. Показанія Кампанеллы въ этой деклараціи лживы, и онъ впослѣдствіи самъ старался сгладить ея неблагопріятное впечатлѣніе.

Изъ Кастельвестеро Кампанелла былъ вскорѣ перевезенъ въ Скиллаче, затѣмъ, по желанію папы, въ Неаполь; нѣкоторые изъ его товарищей были подвергнуты уже въ Калабріи, въ Скиллаче и Жераче, смертной казни.

Въ Неаполѣ ему были предъявлены два обвиненія: политическое и церковное. Его товарищи по заключенію были подвергнуты страшной пыткѣ; подъ пыткой и въ виду предстоящей смерти Ринальди признался въ своей винѣ и подтвердилъ свое показаніе въ присутствіи Кампанеллы ⁴⁾). Послѣ этого Кампанелла тоже былъ подвергнутъ пыткѣ,

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Акты и подробное описаніе у Амабиле (IV—VI). Краткое, но достойное до-вѣрія описаніе, съ новыми датами, у Риніери въ ук. м., стр. 57—65.

³⁾ Напечатано у Амабиле VI, стр. 28—33, о ней у него въ т. IV, стр. 279—91.

⁴⁾ Амабиле V, стр. 61, 62.

послѣ чего онъ сознался въ томъ, что хотѣлъ основать республику. Окончанію процесса, который долженъ былъ закончиться смертнымъ приговоромъ, помѣшалъ нунцій, который желалъ, чтобы раньше былъ законченъ процессъ по обвиненію въ ереси, на что ему было нужно предписаніе папы. На Пасху Кампанелла внезапно притворился сумасшедшимъ, чтобы воспрепятствовать казни ¹⁾.

За время своего ареста Кампанелла написалъ много стихотвореній, которыя указываютъ на непоколебимость его убѣжденій ²⁾, затѣмъ двѣ защитительныхъ рѣчи. Мы сначала разберемъ послѣднія, которыя освѣщаютъ (вѣрнѣе затемняютъ) сущность его политической реформы. О ловкости автора можно судить по тому обстоятельству, что онъ сумѣлъ ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго положенія дѣла нѣкоторыхъ современныхъ историковъ ³⁾, и даже послѣ того, какъ Амабиле напечаталъ судебные акты.

Защитительная рѣчь начинается со словъ *Jesus Maria*, и исходную точку Кампанелла заимствуетъ изъ Священнаго Писанія ⁴⁾, въ которомъ мятежниками называются только тѣ люди, которые изъ злобы или честолюбія возстаютъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ государя. Таковыми нельзя называть тѣхъ, кто, какъ онъ и его товарищи, слѣдуютъ только пророчествамъ. Было бы смѣшно предполагать, что имъ руководило честолюбіе, когда онъ всегда жилъ въ нуждѣ и страданіяхъ. Онъ только хотѣлъ подвигнуть народъ на созданіе новой церкви для своего ордена. На такое его настроеніе указываютъ многія изъ его сочиненій. По желанію претора онъ написалъ книгу *De monarchia Hispanica*, въ которой онъ высказалъ свою глубочайшую преданность королю. Поднятое имъ движеніе было „*non contra Majestatem, sed ad Tutamen*“ и основывалось на многочисленныхъ текстахъ Писанія и знаменійхъ, предсказывавшихъ великій переворотъ на землѣ ⁵⁾. Что теперь наступило это время, это открываетъ теологія съ помощью *scientia naturalis*, а именно на основаніи старыхъ толкованій значенія чиселъ 7 и 9 (сумма которыхъ 16 указываетъ на 1.600). На это же указываютъ многія поразительныя знаменія природы, которыя Кампанелла и перечисляетъ. Этотъ пере-

¹⁾ Уже заглавіе перваго сборника Амабиле указываетъ на то, какое значеніе для процесса имѣло это обстоятельство.

²⁾ О нихъ также у Максима Ковалевскаго въ ук. соч., стр. 153.

³⁾ Ср. литературныя указанія во вступленіи.

⁴⁾ Напечатано у Амабиле VI, стр. 478 сл.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 480.

воротъ онъ толковалъ въ смыслѣ благопріятномъ для короля и папы. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ многія мѣста изъ Священнаго Писанія, а также и Платонъ, который полагалъ, что золотой вѣкъ наступитъ при правленіи священниковъ. То, что антихристъ еще не появился, не говоритъ противъ этихъ ожиданій, потому что его царствованіе на землѣ будетъ продолжаться только два года. Но онъ, Кампанелла, могъ и ошибаться, такъ какъ онъ не былъ пророкомъ, а только послѣдователемъ пророковъ. И онъ не утверждалъ, что переворотъ наступитъ потому, что король плохъ. То, что онъ вмѣстѣ со своими доминиканцами подготовлялъ соборъ, дѣлалось въ интересахъ самого короля, такъ какъ онъ хотѣлъ создать *Seminarium virorum magnorum in litteris et armis* для защиты короля въ военное и мирное время, какъ заявлено въ его книгѣ ¹⁾. Что касается обвиненія въ союзѣ съ турками, то Кампанелла старается поколебать его, дискредитируя свидѣтелей, которыхъ обвиняютъ въ личномъ недоброжелательствѣ, и указывая на пристрастіе слѣдствія *Sciagava*, который заискивалъ у короля; отчасти же сваливаетъ все на характеръ калабрійцевъ, склонныхъ къ преувеличиванію ²⁾.

Онъ опровергаетъ и обвиненіе въ ереси: такія обвиненія, говоритъ онъ, всегда ввозились на пророковъ и святыхъ. Если бы онъ желалъ основать секту, онъ отправился бы въ Германію или Турцію. Но если бы даже это обвиненіе было справедливо, то все осталось только при одномъ желаніи, за которое не полагается такого наказанія (смертная казнь). И наконецъ все дѣло подлежитъ юрисдикціи папы. И снова онъ возвращается къ гипотезѣ подготовленія возстанія: въ томъ, что возникло движеніе, нѣтъ ничего дурного, таковое возбуждали и апостолы, и пророки. Какъ можетъ король завидовать ему? Можно ли бояться безсильнаго монаха, руководимаго звѣздами и пророчествами?

Особое изслѣдованіе посвящено пророчествамъ, которыя играютъ такую большую роль въ самозащитѣ Кампанеллы. Это *Articuli prophetales*, переработанныя изъ итальянскаго сочиненія о знаменіяхъ кончины міра ³⁾. Ссылками на языческія и іудейскія показанія Кампанелла доказываетъ необходимость пророчества для государства, какъ исход-

¹⁾ Тамъ же, стр. 483.

²⁾ Тамъ же, стр. 486.

³⁾ *Segnacoli della morte del Mondo*, написанное до ареста. Амабиле VI, стр. 140, сл. изслѣдованіе въ т. IV, стр. 149 сл.

ной точки обсужденія. Писатели священныхъ книгъ и избранные Богомъ мужи придаютъ значеніе пророчествамъ. Всѣ философы учатъ, что вселенная имѣла начало и погибнетъ въ огнѣ. Принеднее и будущее церкви описаны въ Священномъ Писаніи. Какъ Священное Писаніе, такъ и ожиданія всѣхъ народовъ указываютъ на то, что передъ кончиной міра наступитъ золотой вѣкъ, котораго можно ожидать потому, что онъ есть естественное благо. Тогда править государствомъ будетъ духовенство, а главный священнослужитель, папа, будетъ королемъ всей земли. Ему подчинятся всѣ короли, и войны прекратятся. Какъ языческія, такъ и церковныя предсказанія указываютъ на то, что столицей будетъ Римъ. Въ настоящее время церковь, искалѣченная ересью, ничего не можетъ сдѣлать. Изъ этого плѣненія ее спасетъ, какъ нѣкій Киръ, король испанскій; къ нему подходятъ предсказанія, касающіяся этого событія, если только онъ къ тому времени сдѣлается императоромъ. Это вызоветъ обращеніе въ христіанство евреевъ, магометанъ и еретиковъ и волеетъ мужество и миръ въ самую церковь. Внѣшнія и внутреннія знаменія указываютъ на то, что это будетъ исходить отъ доминиканцовъ, слѣдовательно автору имѣлъ право выступить вѣстникомъ. И писаніе, и природа указываютъ на то, что кончина міра близка, а также и всѣ философы, за исключеніемъ развѣ Лукреція, который теперь заговорилъ бы иначе. Вѣрить этому заставляютъ автора небесныя и земныя знаменія. На то, что 1600 годъ будетъ началомъ перемѣнъ, указываютъ особенно Платонъ и Августинъ, которые придаютъ особенное значеніе соединенію чиселъ 7 и 9, къ тому же это високосный годъ. Чудесныя знаменія въ Калабріи (въ числѣ ихъ воскресеніе его сестры Эмилии, пролежавшей мертвой три дня) доказываютъ, что онъ имѣлъ основаніе „*dubitare de mutatione Calabriae*“. Пѣкоторыя изъ его предсказаній уже исполнились, и если и не всѣ подтвердятся, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что онъ выступилъ какъ грозный проповѣдникъ и имѣлъ въ виду пользу церкви. Не слѣдуетъ заглушать дара проричанія. Дальнѣйшія обоснованія его ученія можно найти въ его сочиненіяхъ: *de monarchia Christianorum* и *de regimine Ecclesiae*, которыя находятся первое у кардинала St. Giorgio, второе въ Стило въ его *sarcinulis*, и тамъ же *Monarchia Hispanica*. Безъ этихъ книгъ акты ничего не значатъ ¹⁾.

¹⁾ Эти *Articuli* не начатаны, рукописи находятся въ Ватиканѣ и въ Сазантенсѣ.

Изъ вышеизложеннаго можно вывести сужденіе о характерѣ Кампанеллы. До сихъ поръ еще въ нѣмецкой литературѣ держится неправильнаго взгляда на дѣло, и даже въ итальянской не исчезли всѣ сомгвнія по этому вопросу. Поэтому мы считаемъ полезными еще нѣкоторыя замѣчанія.

Въ напечатанныхъ трудахъ Кампанеллы мы не находимъ прямого сознанія во взводимыхъ на него обвиненіяхъ; напротивъ, онъ настаиваетъ на своей новинности. Поэтому многіе думали, что его арестъ и пытка были незаконны, такъ какъ основывались на ложномъ подозрѣніи. Правда, еще въ XVIII вѣкѣ неаполитанскій историкъ Gjanpone далъ вѣрное и полное изложеніе процесса; но еще въ срединѣ этого вѣка ученый издатель его избранныхъ произведеній высказалъ мнѣніе, что онъ не заслуживаетъ довѣрія ¹⁾. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ Саггіега считалъ этотъ вопросъ не выясненнымъ ²⁾; также хорошо освѣдомленный и осторожный издатель „Schlaraffia politica“ ³⁾ и наконецъ пять лѣтъ тому назадъ нѣмецкій переводчикъ Солнечнаго города д-ръ Вессель ⁴⁾. А между тѣмъ уже въ началѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія появились въ печати судебные акты, на которыхъ и основывается наше изложеніе, при чемъ издатель ихъ, Амабиле, даетъ подробное описаніе процесса. Зигвартъ ⁵⁾ и Готтгеймъ ⁶⁾ признаютъ, правда мимоходомъ, что нельзя сомгвняться въ вѣнѣ Кампанеллы. Почему же по всѣмъ прониклись этимъ убѣжденіемъ?

Эти сомгвнія опираются главнымъ образомъ на послѣдующее чрезвычайно лойальное поведеніе Кампанеллы, наводящее на вопросъ: неужели же Кампанелла былъ такой лицемѣръ, такой обманщикъ? Этотъ вопросъ задаетъ современный итальянскій историкъ, Фаллетти, который, не будучи удовлетворенъ изложеніемъ Амабиле, самъ подвергнулъ подробному изслѣдованію судебные акты. Чтобы глубже вникнуть въ суть дѣла, остановимся не надолго на изслѣдованіяхъ Фаллетти ⁷⁾.

¹⁾ D'Ancona въ ук. м., стр. LXXXIV.

²⁾ Въ ук. м., стр. 224.

³⁾ Лейпцигъ, 1892, стр. 73.

⁴⁾ Въ „Sammlung gesellschaftswissenschaftlicher Aufsätze. Heft 14, 15. München. 1900. Einleitung.

⁵⁾ Въ Essays, ср. литерат. указ. Gothein (62. 63).

⁶⁾ Тамъ же, стр. 62, 63.

⁷⁾ Изслѣдованіе Фаллетти раздѣляется на: Origine del Processo, I disegni del Campa-

Фаллетти сопоставляет обвинительный актъ съ изложеніемъ Кампанеллоу цѣлой заговора. При этомъ онъ пользуется поэтическими произведеніями Кампанеллы, его *Monarchia di Spagna*, его *Delinatio defensionis*, какъ будто изъ нихъ можно заключить, что Кампанелла сознается только въ бичеваніи плохой администраціи. Въ главѣ: Признался ли Кампанелла въ своей винѣ? Фаллетти утверждаетъ, что Кампанелла проповѣдывалъ двѣ республики: большую и малую. Большая имѣла смыслъ и безъ возстанія противъ Испаніи, малая стремилась только къ независимости отъ короля и папы; въ основѣ же его проповѣди лежала вѣра въ конецъ міра. Это заключеніе подтверждается и тѣмъ, что Кампанелла отвергалъ ереси, хотя (что признаетъ и Фаллетти) онъ въ то же время не вѣрилъ въ догматы. Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ поборолъ всѣ сомнѣнія. Фаллетти ссылается на *Atheismus triumphatus*, cap. V. Изъ всего этого вытекаетъ, что Кампанелла не сознался въ своей винѣ. Кампанелла не могъ быть осужденъ на основаніи показаній свидѣтелей, которые сами находились подъ судомъ; ихъ показанія не устанавливаютъ, принималъ ли Кампанелла въ движеніи, подготовленномъ Понціо и Ринальди, такое же участіе, какъ они. Изъ подробнаго разбора *Cantelae* Фаллетти приходитъ къ выводу, что нѣтъ основанія утверждать, что Кампанелла желалъ стать властителемъ міра, а только то, что онъ считалъ возможнымъ осуществить Солнечное государство; при этомъ Фаллетти указываетъ на настроеніе и вѣрованія того времени, а также на то, что Кампанелла былъ болѣе Маккиавелли, чѣмъ самъ Маккиавелли. Но показанія не даютъ возможности судить о томъ, хотѣлъ ли Кампанелла основать Солнечное государство.

Въ *Conclusione* Фаллетти приходитъ къ заключенію, что Кампанелла не желалъ прибѣгать къ возстанію противъ Испаніи, и считалъ, напротивъ, что ей предназначено быть орудіемъ образованія единаго всемірнаго государства. Почитанію единства Кампанелла научился у Аристотеля; это почитаніе снимаетъ съ него подозрѣніе въ притворствѣ, оно служило ему руководствомъ въ послѣдующей борьбѣ противъ ересей. На судѣ онъ предалъ только тѣхъ товарищей, которые неправильно истолковали его слова.

Амабиле въ отдѣльной статьѣ совершенно основательно отвергаетъ

---

nella secondo l'Accusa. La congiura secondo il Campanella. Fra T. C. fu reo-confesso? Il Campanella fu reo-convinto? Debiamo credere nella Cantela? Breve esame della cantela del Campanella. Conclusione.

всю аргументацію Фаллетти ¹⁾). Онъ указываетъ на то, что изображеніе Солнечнаго государства, которое Кампанелла совсѣмъ не считалъ утопіей, есть хиліазмъ; астрологическія указанія вызвали въ Кампанеллѣ вѣру въ его міровую миссію. Поэтому Амабиле считаетъ вполне основательнымъ высказанный имъ въ первыхъ двухъ томахъ взглядъ на ходъ заговора; конечно, дѣло шло о заговорѣ противъ Испаніи; новое изслѣдованіе всѣхъ приведенныхъ аргументовъ заставляетъ автора думать, что и впоследствии Кампанелла не отказался отъ своей миссіи; не вѣря во второе пришествіе Христа, онъ сохранилъ свои эсхатологическія мечтанія до конца жизни.

Феличе, ученикъ Амабиле, держался по существу тѣхъ же взглядовъ на Кампанеллу и сдѣлалъ попытку воспроизвести его религіозно-философскую доктрину ²⁾). Оба, и Амабиле, и Феличе, почитатели Кампанеллы, первый главнымъ образомъ по національнымъ, второй по религіознымъ соображеніямъ. Къ нимъ присоединился русскій ученый Максимъ Ковалевскій. Ихъ взгляды нашли себѣ подтвержденіе въ сочиненіи католическаго священника Риніери, который считаетъ, что Амабиле вполне вѣрно изложилъ отношенія между папой Климентомъ VIII и турецкимъ нашою Синаемъ Цикала, замѣшаннымъ въ заговоръ Кампанеллы, и даже приводитъ въ пользу его взгляда новые факты на основаніи самостоятельныхъ изслѣдованій архивовъ ³⁾). Что онъ совсѣмъ иначе смотритъ на Кампанеллу и его дѣло, это не касается результатовъ, добытыхъ Амабиле. Я не могъ ознакомиться съ трагующимъ этотъ вопросъ рефератомъ объ его трудѣ (*Rivista bibl. italiana*. Novembre 1918 ⁴⁾), но, судя по цитатѣ Gerini, референтъ полагаетъ, что документы далеко не доказываютъ, что Кампанелла былъ душою заговора. Самъ Gerini, не проявляющій большихъ знаній по этому дѣлу ⁵⁾), высказываетъ наивное предположеніе, что испанское правительство могло проуволичить все дѣло съ цѣлью избавиться отъ опаснаго лица. Замѣтъ онъ прибавляетъ (это, можетъ быть, и есть исходная точка референта цитируемой *Rivista bibl.*), что странно, почему Кампанелла послѣ своего освобожденія и бѣгства за границу, ничего не говоритъ

¹⁾ Ср. библиогр. указ. (*Del carattere di T. C.* 1890). Начало этого труда.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Риніери въ ук. м., глава IV, стр. 41 сл.

⁴⁾ Цитир. у Gerini: *Gv. Scrittori Pedagogici Italiani del secolo decimo settimo*. Torino etc. 1900, стр. 136.

⁵⁾ Ср. его цитату изъ произведеній Амабиле. Тамъ же.

объ этомъ своемъ предиріятіи ¹⁾. Намъ это молчаніе не кажется такимъ страннымъ, ибо Кампанелла былъ освобожденъ папою, несмотря на это предиріятіе. Замыслы Кампанеллы были въ сущности направлены противъ всѣхъ существовавшихъ правительствъ, въ томъ числѣ и противъ французскаго, отъ котораго онъ зависѣлъ послѣ бѣгства изъ Италіи. То, что онъ сознался въ своей винѣ въ прямой исповѣди Богу, изложенной въ книгѣ, предназначенной къ печати, не было до сихъ поръ никому извѣстно. Я печатаю этотъ имѣющій рѣшающее значеніе документъ и надѣюсь, что послѣ того, что будетъ здѣсь еще высказано по поводу этого сочиненія, не останется ни малѣйшаго сомнѣнія въ полной винѣ Кампанеллы ²⁾.

Разъ все предиріятіе основывалось на чудесныхъ ожиданіяхъ, то неудача его не могла казаться окончательной, несмотря на ужасныя жертвы. Эта вѣра, можетъ быть, и была причиною искуснаго и мужественнаго поведенія Кампанеллы во время заключенія. Она оказалась сильнѣе всѣхъ страданій и пытокъ, которыя могли бы сломить всякаго другого.

Но это поведеніе Кампанеллы во время процесса есть въ то же время внутреннее пораженіе. Притворство и измѣна, хотя и не вытекаютъ изъ натурализма, но все же понятны и извинительны съ этой точки зрѣнія; но при ссылкѣ на высшее призваніе они могли бы быть оправданы только успѣхомъ. Кампанелла долго не сдавался и своимъ мужествомъ и силою, а также своими литературными трудами поддерживалъ своихъ сторонниковъ. Онъ зналъ, что успѣхъ не зависитъ отъ него, но вѣрилъ въ свою звѣзду. Эта вѣра едва ли различается отъ суовѣрія и часто встрѣчается, даже и въ смѣшномъ видѣ, у радикальныхъ реформаторовъ. У Кампанеллы она составила трагизмъ его жизни.

II. Начала.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же стр. 139, также прим. къ тому же.

²⁾ Ср. главу I его произведенія „Quod Reminiscentur“, о которой подробнѣе ниже.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КАРДУЧЧИ ¹⁾.

(Opere di Carducci. I—XVI. Bologna 1890—1905).

III.

Работы Кардуччи по исторіи Возрожденія принадлежатъ къ лучшимъ его произведеніямъ и по объему составляютъ весьма солидную группу.

Въ этой группѣ мы находимъ, рядомъ со спеціальными, изслѣдованія и статьи общаго содержанія, основанныя на глубокомъ изученіи матеріала. Если имѣть въ виду хронологическій распорядокъ, то изложеніе придется начать съ Петрарки. О Петраркѣ, кромѣ мелкихъ замѣтокъ, университетскихъ лекцій и проч., Кардуччи написалъ два этюда *Presto le tomba di Franc. Petrarca* и *Petrarca alpinista*.

Первый этюдъ замѣчательнъ по цѣльности содержанія, блестящему изложенію и глубокому проникновенію въ духъ поэзіи Петрарки. Въ началѣ своей статьи Кардуччи указываетъ, что пѣвецъ Лауры въ противоположность средневѣковымъ пѣвцамъ, не знавшимъ красоту природы, весьма наглядно и сознательно воспроизводитъ ее въ своихъ произведеніяхъ. Женщина, распыляющаяся въ неопредѣленныхъ образахъ у средневѣковыхъ поэтовъ, облечена у Петрарки въ лицѣ Лауры въ плоть и кровь; въ описаніяхъ духовной и тѣлесной красоты женщины никто до настоящаго времени не превышаетъ пѣвца Лауры; равнымъ образомъ Петрарка постигъ и несравненно изобразилъ психологію любви.

Какъ латинскій писатель, Петрарка достигъ такого совершенства,

---

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 годъ.

какое было немисливо для средних вѣковъ. Онъ былъ твердо увѣренъ въ торжествѣ идей Возрожденія и сумѣлъ и другимъ внушить это довѣріе. Его необыкновенная популярность, авторитетъ, которыми онъ пользовался, возвысили званіе учонаго и литератора въ такой степени, что ни до него, ни послѣ него не было ничего подобнаго. Не менѣ велики заслуги Петрарки, какъ итальянскаго поэта. Онъ расширилъ понятіе объ Италіи, какъ объ одномъ культурномъ цѣломъ, до современнаго понятія. Объединеніе Италіи было предметомъ страстныхъ желаній Петрарки—отсюда его слѣпая привязанность къ Кола ди Ріенци, обманувшему его ожиданія, и ко всѣмъ, кто имѣлъ нѣкоторыя шансы на объединеніе Италіи. Въ заключеніи критикъ говоритъ о заслугахъ поэта, какъ творца языка.

Этюдъ „*Petrarca alpinista*“, небольшой по объему, рисуетъ пѣвца Лауры въ качествѣ путешественника и любителя природы. Впечатлѣнія Петрарки при восхожденіи на Альпы изложены Кардуччи признаніями самого поэта.

Къ этому восхожденію относится интересный эпизодъ, какъ Петрарка на одной изъ вершинъ Альпъ раскрылъ *Confessiones* бл. Августина и прочелъ цитату, гдѣ великій церковный писатель говоритъ: „Люди идутъ глядѣть на горныя высоты, широкіе морскіе проливы, длинныя рѣки, необъятное пространство океана, движеніе звѣздъ, а забываютъ созерцать самихъ себя“.

Петрарка призадумался, заглянулъ въ собственную душу, и величіе человѣческаго духа поразило его въ сравненіи съ природой.

Александръ Гумбольдтъ въ *Космосъ* называетъ Петрарку лучшимъ истолкователемъ природы.

Слѣдующій этюдъ посвященъ другому великому дѣятелю ранняго Ренессанса—Боккаччо. Это—рѣчь, произнесенная въ Чертальядо, родинѣ Боккаччо, 21-го декабря 1875 года.

Несмотря на популярный характеръ и небольшой размѣръ (20 страницъ), этюдъ является цѣльной характеристикой Боккаччо и его времени. Мы находимъ здѣсь очеркъ положенія Италіи во время юности Боккаччо, указаніе на его пребываніе при Неаполитанскомъ дворѣ, характеристику вліянія Данте, греческихъ и латинскихъ писателей на автора Декамерона. Декамерону посвящено нѣсколько страницъ, необыкновенно художественно и вѣрно опредѣляющихъ значеніе сборника новеллъ Боккаччо и его положеніе во всемірной литературѣ. Несмотря на краткость, повторю, мы имѣемъ въ этой статьѣ полную характеристику литературныхъ заслугъ Боккаччо.

Этюдъ изъ эпохи Возрожденія XV столѣтія слѣдуетъ начать съ работы, посвященной Лоренцо Медичи. Первое собраніе сочиненій Лоренцо было составлено въ 1466 году, согласно желанію Фридриха Арагонскаго. Во время составленія этого сборника Лоренцо былъ еще очень юнъ, ему шелъ 19-й годъ. Нетрудно замѣтить, что въ стихотвореніяхъ упомянутаго сборника имѣется два стиля. Первый состоитъ изъ подражанія извѣстнымъ образцамъ, второй—оригиналенъ и воспроизводитъ лично пережитыя впечатлѣнія поэта.

Особенно хороши стихотворенія по поводу смерти Симонетты Катанейской, а также обращенныя къ Лукреціи де Пальто.

Послѣ анализа выдающихся стихотвореній этого рода „*Les rimes et les selres d'amore*“ Кардуччи приходитъ къ выводу, что Лоренцо ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ считать подражателемъ Петрарки, а вполне оригинальнымъ, самостоятельнымъ поэтомъ. Въ слѣдующей, третьей, главѣ критикъ разсматриваетъ тѣ произведенія Лоренцо, въ которыхъ поэтъ является описателемъ природы, авторомъ буколикъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подражающимъ Боккаччо, далеко превосходящимъ свой образецъ.

Кардуччи углубляется въ анализъ стиля Лоренцо и отмѣчаетъ необыкновенную тонкость, изящность поэтическихъ образовъ этого поэта.

Наконецъ подвергнуты анализу и драматическія произведенія Медичи, большею частью основанныя на мотивахъ жизни первыхъ христіанъ.

Критикъ указываетъ на скрытую меланхолію поэзіи Медичи, считавшагося счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Въ слѣдующей главѣ (IV) Кардуччи анализируетъ праздничныя канцоны, карнавальные пѣсни и духовныя оды Медичи. Первый родъ поэзіи, имѣвшей чрезвычайно много развитій, въ которомъ отличались такіе поэты какъ Кавальсанти, Чиани, Саккетти, былъ усовершенствованъ и утонченъ Медичисомъ. Разнообразные оттѣнки лирики, комизма и сатиры передаются весьма тонко прекраснымъ и богатымъ языкомъ.

Карнавальные пѣсни, происхождение которыхъ слѣдуетъ искать въ глубокой древности, по мнѣнію иныхъ критиковъ, были изобрѣтены Лоренцо Великолѣпнымъ. Въ нихъ есть блескъ лирики Анакреонта и Горация, сюжеты воспѣвались самые разнообразныя и притомъ при очаровательномъ карнавальномъ cortege и при звукахъ необыкновенно мелодичной музыки.

Повидимому, нѣтъ никакой связи между духовными одами и выше-названными произведеніями.

Эти оды исполнены глубокой тоски, скорби и истиннаго религіознаго чувства. Видна душа усталая отъ всѣхъ земныхъ радостей и стремящаяся къ безконечности. Здѣсь смѣсь платоническихъ и христіанскихъ идей. Библейскіе образы воспроизводятся въ оригинальной тосканской формѣ.

Всѣ эти оды распѣвались (а не декламировались), иногда пѣлись двумя хорами. Послѣ пѣнія происходили пляски. Нѣкоторыя даже веселыя карнавальныя пѣсни Лоренцо звучатъ тоскливой нотой.

Chi vuol esser lieto sia
Di domani non è certezza
Quant'è bella Gioinezza
Cie si fugge totavia.

Лоренцо былъ лирикомъ, писателемъ, элогикомъ, сатирикомъ, философомъ и народнымъ писателемъ, продолжателемъ тосканской поэзіи и начинателемъ греческаго и латинскаго возрожденія. Скопчикъ уживался въ немъ съ вѣрующимъ, а христіанинъ съ эпикурейцемъ. Для своего времени онъ былъ выдающимся художникомъ слова и мало даже уступалъ въ этомъ отношеніи болѣе крупнымъ поэтамъ своего времени Люиджи Пульчи и Анджело Полиціано.

Этюдъ, посвященный Саванароллѣ и написанный на основаніи новыхъ документовъ, весьма ярко обрисовываетъ отношенія соотечественниковъ Саванароллы къ знаменитому проповѣднику, вопреки запрету, наложенному на его память господствующей церковью.

На почитателей брата Іеронима было воздвигнуто немедленно послѣ его смерти гоненіе; само собою разумѣется, что преслѣдованія не достигли своей цѣли, а, напротивъ, окружили имя Іеронима еще болѣе широкимъ ореоломъ. Многіе считали доктрину Саванароллы истинно христіанскимъ ученіемъ, а его самого пророкомъ, предсказанія котораго всегда оправдывались. Завѣты Саванароллы долго жили среди проповѣдниковъ, возстававшихъ противъ злоупотребленій церкви. Вліяніе Саванароллы проникло далеко за предѣлы Флоренціи; такъ Максимъ Грекъ, лично знавшій бр. Іеронима во время своего пребыванія во Флоренціи, въ своемъ сочиненіи *о совершенствѣ жизни монаха* возстаетъ противъ „беззаконнаго папы, который осудилъ бр. Іеронима“.

Однако папа Юлій II, по свидѣтельству Боттони, высказался

однажды, что онъ охотно канонизировалъ бы Саванароллу. О Саванароллѣ появилась цѣлая литература, составилось множество легендъ, многіе видѣли его восходящимъ во славу къ небу; во Флоренціи и Римѣ Саванароллѣ служились молебствія, длившіяся по 40 часовъ. Была даже составлена особая служба, подъ заглавіемъ „*Officio del venerabile in Cristo servo di Dio Fra Girolamo Savonarola ferrarese, martyre dell' Orden dei Predicatori*“, служба отправлявшаяся 23-го марта въ годовщину смерти проповѣдника. Въ 1503 г. было основано общежитіе 9 благочестивыми женщинами, между которыми была вдова Медичи и двѣ Перли,—по завѣту брата Іеронима. Около 1540 года въ общину была принята Александра Риччи, „дѣвица знатнаго происхожденія, въ монашествѣ Екатерина“.

О своемъ излѣченіи въ 1540 году отъ тяжелой болѣзни блаженнымъ Іеронимомъ, Риччи рассказываетъ слѣдующее. Къ ней явились три монаха въ доминиканскомъ одѣяніи. Посреди нихъ находился братъ Іеронимъ. „Прежде чѣмъ исцѣлить тебя, я потребую двухъ обѣщаній: чтобы ты упражнялась во всѣхъ добродѣтеляхъ, особенно въ послушаніи; во-вторыхъ, чтобы ты исповѣдывалась и причащалась въ день св. Троицы“ (который совпадаетъ съ годовщиной сожженія Іеронима и его товарищей). Потомъ онъ коснулся ся распухшаго живота и поцѣловалъ правую сторону лица. Больная немедленно исцѣлилась.

Исцѣленная сочинила оду въ честь своего исцѣлителя. Ничего удивительнаго, что въ монастырѣ тщательно собиралось все, что касалось Саванароллы: его печатныя произведенія, его рукописи, его апологіи. Сестры занимались перепиской этихъ сочиненій. У монахини Екатерины былъ портретъ, написанный Вареломеомъ де ля Борто. Тамъ былъ палецъ святого и желѣзный обручъ, который держалъ тѣло въ пламени (отъ прикосновенія къ нему исцѣлился чудеснымъ образомъ отъ ранъ Андрео Писколини). Тѣмъ же мѣсяцемъ почитаніе Саванароллы велось тайно.

Большая часть духовенства относилась враждебно къ блаженному Іерониму. Его сравнивали съ Мартиномъ Лютеромъ. Особенно преслѣдовали его память августинцы. Кромѣ духовенства у Саванароллы были свѣтскіе враги: таковыми были новые владѣтели Флоренціи. Демократическій характеръ проповѣдей Саванароллы былъ имъ хорошо извѣстенъ. Они знали хорошо, что приверженцы этого проповѣдника преисполнены глубоко республиканскаго духа. Съ неудовольствіемъ они слышали о новыхъ монастыряхъ, основанныхъ по завѣту брата Іеронима. Весьма интересенъ обмѣнъ писемъ между великимъ герцо-

гомъ Францискомъ и Александромъ Медичи, архіепископомъ, кузцомъ Козьмы и посланникомъ въ Римъ (папа Левъ XI съ 1605 г.).

26-го августа 1583 года архіепископъ писалъ герцогу, что память о Іеронимѣ Саванароллѣ, уже заглохшая 10—12 лѣтъ тому назадъ, теперь возрождается съ новой силой. Его ученіе распространяется между монахами, монахинями, свѣтскими людьми. Его почитаютъ, какъ великаго мученика, его реликвию хранятъ, какъ мощи святого. Далѣе архіепископъ сообщаетъ, какія мѣры онъ принималъ для уничтоженія этихъ реликвій: онъ запретилъ вѣшать портреты Саванароллы въ церквахъ, запретилъ печатать перечень чудесъ блаженнаго Іеронима; ему усердно помогали въ этихъ репрессіяхъ кардиналъ Юстиніанъ. Архіепископъ видитъ вредъ распространенія культа Саванароллы, во-первыхъ, въ томъ, что его послѣдователи отдаляются отъ папскаго престола; если они и не дѣлаются еретиками, то все-таки скептически относятся къ прелатамъ и неохотно ихъ слушаютъ. Кромѣ того, приверженцы Саванароллы лишаются врагами герцога; „хотя, конечно, слѣдуетъ прибавить архіепископъ, эти враги столь же страшны для него, какъ мухи для слона“. Герцогу благодарить въ своихъ отвѣтахъ архіепископа за участіе и обѣщаетъ передать дѣло на разсмотрѣніе инквизиціи,—архіепископъ, однако, протестуетъ противъ послѣдняго рѣшенія.

Между тѣмъ блаженная Екатерина вела затворническую жизнь въ монастырѣ. Она пользовалась большимъ почетомъ за благочестіе и ученость: ей нерѣдко посвящали свои сочиненія теологи-писатели. Таковы были изданія *Giulii, Modio* и др. Многія высокопоставленные лица, какъ король Франціи, мать и жена Козимо Медичи, герцоги феррарскій, мантуанскій, урбинскій, посѣщали блаженную Екатерину и поручали себя ей молитвамъ. Святая всѣмъ отвѣчала скромно и любезно, но съ особеннымъ удовольствіемъ она вступала въ переписку съ простыми людьми, утѣшая ихъ въ горѣ и снабжая благами совѣтами. Замѣчательно письмо, въ которомъ она убѣждаетъ какого-то отца примириться съ своими сыновьями. Письмо это относится къ 1544 г. и приведено у Кардуччи. Оно полно искренней доброты и глубоко затрагиваетъ родственныя чувства адресата. Въ нѣкоторыхъ письмахъ монахиня смѣло и откровенно упрекаетъ высокопоставленныхъ лицъ въ несправедливомъ отношеніи къ низшимъ. Во всѣхъ посланіяхъ Екатерины Риччи отражается сильное вліяніе идей Саванароллы.

Обобщая результаты вліянія флорентійскаго реформатора, Кардуччи

видитъ въ культѣ Саванароллы, продолжавшемся почти два столѣтія, показатель того реформаторскаго духа, который никогда не умиралъ въ итальянской церкви. Обновленіе церкви шло рука объ руку съ развитіемъ демократическихъ идей и является однимъ изъ фазисовъ общей культурной эволюціи среди государствъ апеннинскаго полуострова.

Итальянское революціонное движеніе имѣетъ глубокіе корни въ ученіи такихъ реформаторовъ, какъ Иеронимъ Саванаролла.

Вполнѣ самостоятельными являются обширныя изслѣдованія Кардуччи объ Аріосто и Тассо. Изслѣдованіе объ Аріосто по преимуществу посвящено латинскимъ стихотвореніямъ этого поэта, и критикъ вполнѣ убѣдительно доказалъ, что авторъ „Ненстоваго Роланда“ гораздо лучше писалъ въ молодости по латыни, нежели по итальянски.

Для выясненія духовной атмосферы, въ которой воспитался геній Аріосто, Кардуччи даетъ историческій очеркъ возникновенія Возрожденія въ Феррарѣ.

Во главѣ этого новаго культурнаго движенія стоитъ маркизь Леонелло и Гуарино Веронезскій. Леонелло внесъ элементъ искусства въ придворную жизнь кавалеровъ и дамъ, познакомилъ знать съ поэмами Вергилія и открылъ Феррарскій университетъ. Такимъ образомъ, благодаря соединенію рыцарскихъ элементовъ съ классическими, онъ подготовилъ почву богатой феррарской литературѣ. Не менѣе важную роль въ интеллектуальной жизни Феррары сыгралъ Гуарино. Гуарино явился въ Феррару въ 1429 году и былъ учителемъ сына Леонелло, Николло. До Гуарино классики были почти неизвѣстны феррарцамъ; онъ былъ преподавателемъ университета съ 1441 года—преподавалъ реторику и поэтику.

Гуарино былъ однимъ изъ фанатиковъ классическаго Возрожденія. О немъ говорятъ, что потерявъ во время кораблекрушенія два ящика съ классическими кодексами, онъ посѣдѣлъ въ одну ночь. Несомнѣнно, что двадцати лѣтъ отъ роду Гуарино первый изъ итальянцевъ отправился въ Константинополь для изученія греческаго языка подъ руководствомъ Иммануила Хризолора и много лѣтъ путешествовалъ по Греціи для приобрѣтенія пристрастия въ языкъ и знаній.

Всю молодость и зрѣлый возрастъ Гуарино провелъ въ переводахъ и комментированіи греческихъ классиковъ, а также въ преподавательской

дѣятельности въ Венеціи и Веронѣ, пока не устроился окончательно въ Феррарѣ.

Много сочиненій написалъ Гуарино, и почти всѣ они остаются намъ неизвѣстными, но больше всего потрудился онъ надъ завершеніемъ ученыхъ предпріятій Леонелло, а также надъ завершеніемъ его образованія. Сохранилась переписка между этимъ благороднымъ нобилемъ и его учителемъ Гуарино.

Леонелло пишетъ о всѣхъ повседневныхъ происшествіяхъ, освѣдомляется о томъ или другомъ писателѣ, проситъ объясненія непонятныхъ ему мѣстъ. Гуарино въ восторгѣ отъ ученика и радуется его успѣхамъ.

Когда Леонелло въ 1442 году достигъ власти, онъ явился блестящимъ исключеніемъ среди тирановъ различныхъ городовъ Италіи. Онъ не велъ войнъ, а мирнымъ образомъ приобрѣлъ Пузиньяно. Онъ ограничилъ свои частные расходы, а когда вступилъ въ бракъ съ дочерью Альфонса Арагонскаго, вопреки обычаю тогдашнихъ государей, требовавшихъ отъ подданныхъ уплаты ихъ брачныхъ празднествъ, онъ принялъ всѣ расходы на свой счетъ и подарилъ бѣднѣйшимъ гражданамъ 3.000 лиръ (большая для того времени сумма). Онъ украсилъ городъ постройками и учредилъ госпиталь св. Анны. При всемъ этомъ онъ находилъ время для обильной переписки съ учеными Италіи, покупалъ кодексы и читалъ ихъ, читалъ Плутарха, переведеннаго для него съ греческаго Гуарино, первый высказалъ сомнѣніе относительно писемъ Сенеки и св. Павла, разсуждалъ во время пиршествъ о Цезарѣ и Сципіонѣ и даже импровизировалъ итальянскіе стихи.

Возбуждаетъ удивленіе истинная мудрость Леонелло, которая проявляется въ различныхъ декретахъ, особенно въ дипломѣ, данномъ по поводу основанія университета.

Что касается до Гуарино, то онъ преподавалъ два раза въ день у себя на дому, затѣмъ у Леонелло, а дома у себя имѣлъ общежитіе, въ которомъ неимущіе студенты содержались даромъ. Его домъ былъ открытъ до поздней ночи, такъ что едва хватало времени на ѣду и сонъ. Его преподаваніе состояло изъ упражненій и интерпретаціи по аналитическому методу, послѣдовательному и строгому.

Слава Гуарино и Леонелло привлекала учениковъ съ далекихъ странъ. Между ними мы находимъ одного талантливаго венгерца и двухъ нѣмцевъ.

Такимъ образомъ Леонелло способствовалъ созданію той культурной

атмосферы, въ которой могли расцвѣсти таланты Аріосто и Баярдо. Къ сожалѣнію, онъ умеръ весьма рано, 43 лѣтъ, не успѣвъ икусить плодовъ отъ сѣмянъ, которыя посѣялъ. Гуарино пережилъ Леонелло на 10 лѣтъ. Гуманистическія науки процвѣтали и послѣ нихъ благодаря двумъ герцогамъ, могъе даровитымъ, пожели Леонелло, но довольно умнымъ и образованнымъ.

Особенно оживилась жизнь въ Феррарѣ при Геркулесѣ I. Гуарино основалъ цѣлую школу; среди его послѣдователей особенно замѣчательныя Базиліо, Базини и Джіано Паллионіо. Въ семьѣ Аріосто были поэты Франческо Аріосто, Перегрینی и Малатеста Аріосто. Всѣ они писали по латыни, а Малатеста сочинялъ замѣчательныя итальянскія драматическія произведенія.

Такимъ образомъ, въ Феррарѣ мы видимъ развитіе гуманистическихъ знаний, параллельно съ развитіемъ національной литературы.

Непосредственными предшественниками автора „Неистоваго Роланда“ были: Гуарино, Рива, Карбино, Баярдо, Строцци.

Одинъ изъ древнѣйшихъ біографовъ Людовика Аріосто рассказываетъ, что Аріосто еще съ дѣтскихъ лѣтъ предавался занятіямъ латынью съ такимъ успѣхомъ, что не было никого изъ сверстниковъ, кто бы могъ съ нимъ сравниться.

Узнавъ объ этомъ, Строцци, знаменитый ученый, бесѣдовалъ съ мальчикомъ и пахотилъ удовольствіе въ разсмотрѣніи совмѣстно съ нимъ сложныхъ и тонкихъ вопросовъ, а также заставилъ своего сына Ерколо, сверстника Людовика, бесѣдовать съ нимъ о научныхъ вопросахъ. Однако эти извѣстія не подтверждаются признаніями самого Аріосто.

Первымъ учителемъ Аріосто былъ Григорій Сполета по прозванью Эліо или Эллядіо. У него Аріосто прошелъ первыя ступени обученія и выучился порядочно по латыни. Онъ быстро овладѣлъ латинскимъ стихомъ такъ, что вскорѣ написалъ оду въ честь Альфонса III Феррарскаго. Далѣе его перу принадлежитъ ода: „*Ad Philiroem*“, впервые изданная Кардуччи, и рядъ эпиграммъ, иногда весьма остроумныхъ, напечатанныхъ въ разсматриваемомъ этюдѣ Кардуччи.

Кардуччи послѣдовательно разсматриваетъ латинскія стихотворенія Аріосто съ 1495 по 1502 годъ. Мы находимъ здѣсь выдержки изъ этихъ стихотвореній, а также характеристику отношенія Аріосто къ его друзьямъ (Шіо, Строцци, Вембо, Аріосто). Смерть отца (1505 года) является рѣшающимъ моментомъ въ жизни поэта. Она вызвала въ немъ искреннее горе, выразившееся между прочимъ въ эпитафіи, написанной

въ честь отца, до сихъ поръ не изданной. Аріосто пришлось позаботиться о многочисленныхъ братьяхъ и сестрахъ, оставшихся сиротами, хотя въ матеріальномъ отношеніи семья была достаточно обеспечена, такъ какъ Николай Аріосто не вполнѣ безкорыстно исполнялъ свои обязанности коменданта.

Въ свое время противъ него былъ написанъ цѣлый рядъ инвективъ, обвиняющихъ коменданта Реджіо въ злоупотребленіяхъ и вымогательствахъ всякаго рода.

Періодъ отъ смерти отца до поступленія на службу къ кардиналу Эсте не изобилуетъ сколько-нибудь замѣчательными событіями въ жизни Аріосто. Онъ идетъ эпиталямю на свадьбу знаменитой Лукреціи Борджіа, и вслѣдъ за этимъ его назначаютъ капитаномъ въ Каноссѣ. Къ этому періоду относится рядъ латинскихъ эпиграммъ (эпитафій), возбуждавшихъ большой интересъ современниковъ.

Многочисленные латинскія стихотворенія, перечень которыхъ приведенъ у Кардуччи, и часть которыхъ впервые напечатана, подвергались отчасти лестной, отчасти весьма придирчивой оцѣнкѣ современниковъ.

Сынъ Аріосто—Виргиній говоритъ, что отецъ не любилъ многочисленныхъ книгъ, но довольствовался немногими любимыми.

Изъ латинскихъ поэтовъ, по словамъ Виргинія, Аріосто особенно любилъ Вергилія и Тибулла, оды Горация и Катуллы и отчасти Проперція. Пинія (XVI ст.) утверждаетъ, что Аріосто находился подъ вліяніемъ Тибулла, Проперція и отчасти Катуллы и Горация. Новѣйшіе критики не находятъ въ латинскихъ стихахъ Аріосто той элегантности и мягкости, какими отличаются его итальянскіе стихи (Паниццы). Фосколо, а за нимъ и Кардуччи, считаютъ латинскія произведенія Аріосто весьма изящными, достойными лучшихъ образцовъ древности. Но мнѣнію послѣдняго критика Аріосто обогатилъ латинскій языкъ и подготовилъ себя, какъ виртуоза стила, именно латинскими стихотвореніями.

Въ 1503 году кончается періодъ созрѣванія ума Аріосто, періодъ его латинскаго творчества. Возрожденіе національной литературы и языка вступало въ свои права. Латинскій языкъ смѣнился итальянскимъ. Аріосто не могъ остаться позади общаго движенія: одинъ изъ первыхъ латинскихъ поэтовъ сдѣлался первымъ итальянскимъ. Особенно много обязано возрожденію національнаго языка Аріосто, принявшемуся послѣ 1503 года за „Поэтоваго Роланда“. Однако поворотъ къ національной поэзіи былъ задержанъ господствующимъ еще

въ феррарскихъ литературныхъ кружкахъ вкусомъ къ латинской поэзіи. Во главѣ этого „консервативнаго“ направленія стоялъ другъ Аріосто—Бембо. Во время своего намѣстничества въ Гарфаньяно, вдали отъ двора, Аріосто занимался садоводствомъ и, заканчивая свою безсмертную поэму, время отъ времени писалъ латинскіе стихи.

Послѣ этюда Кардуччи значеніе Аріосто, какъ латинскаго поэта, вполне выяснилось; многія его стихотворенія на латинскомъ языкѣ впервые изданы почтеннымъ критикомъ.

Безъ изслѣдованія о „Неистовомъ Роландѣ“ монографія объ Аріосто была бы неполной; сознавая это, а также имѣя въ виду отсутствіе цѣльнаго и вполне критическаго анализа „Orlando Furioso“, Кардуччи даетъ намъ всестороннюю характеристику великой поэмы. Онъ излагаетъ читателю исторію развитія каролингскаго цикла на итальянской почвѣ—отъ примитивныхъ народныхъ пѣсней до большихъ сводныхъ поэмъ и художественныхъ обработокъ Пульчи и Баярдо; необыкновенно искусно выяснены критикомъ генезисъ и историческая основа этой литературы, причины ея популярности въ Италиіи и ея эволюція. Наглядно выяснены обстоятельства, среди которыхъ Аріосто принялся за свою поэму, его самостоятельность въ выборѣ сюжета, его зависимость отъ Баярдо.

Первоначально онъ имѣлъ въ виду ту цѣль, которую преслѣдовалъ его предшественникъ. Онъ хотѣлъ поправиться свѣтскому обществу и развлечь его игривой и изящной свѣтской поэмой. Однако, какъ это почти всегда бываетъ съ великими поэтами, первоначальный планъ былъ расширенъ до неузнаваемости. „Orlando“ появился между сраженіемъ при Равеннѣ и между сраженіемъ при Мариньяно. По своимъ чудовищнымъ размѣрамъ, по безумнымъ проявленіямъ дикости и мужества, по рыцарской удали, сраженіе при Мариньяно является достойнымъ прототипомъ описанія битвы у Аріосто. Феодалное рыцарство уже погнбалось, многочисленность этого класса обезличила его: умирая въ жизни, рыцарство возродилось въ литературѣ. Оно дѣлается предметомъ жестокой сатиры у Фоленго и Ареггино.

Но Аріосто былъ слишкомъ рыцарственъ по своему характеру и слишкомъ поэтъ, чтобы перейти къ сатирѣ. Вмѣсто осмѣянія онъ, подобно Сервантесу, превознесъ вѣчно неувыдающіе идеалы—независимо отъ комизма, возбужденнаго ихъ поздними посетителями.

Кардуччи указываетъ на способъ пользованія Аріосто источниками; „Je prends mon bien où je le trouve“, могъ онъ сказать вмѣстѣ съ Лафонтеномъ. Источники „Неистоваго Роланда“ обслѣдованы превосходно

Райной. Фосколо прекрасно сравнил поему съ соборомъ св. Марка, который венеціанцы построили изъ колоннъ различныхъ стилей и мрамора всякихъ цвѣтовъ. Специалисты сѣмѣють опредѣлить романскій, греческій, византійскій стили, но для обыкновеннаго зрителя достаточно впечатлѣнія гармоніи и красоты, которое производитъ цѣлое.

Такъ и Аріосто въ своей поэмѣ соединилъ разнообразныя литературныя элементы въ одно прекрасное цѣлое. Было умѣстно итальянскому поэту прославить происхожденіе царственнаго національнаго дома, въ противовѣсъ папской куріи, посягающей на объединеніе Италіи, и римскому императору, грозящему ея самостоятельности. Продолжая основу поэмы Вазрдо, Аріосто лишь по вѣнностіи злмлюетсѣ его подражателемъ: онъ вполне оригинально и самостоятельно развиваетъ новую фабулу, причудливо играя съ сюжетомъ и читателемъ. Поэма полна возвышенности и величія, и правъ одинъ изъ горячихъ почитателей Аріосто, Баретти, когда говорить: „Неистовый Роландъ долженъ быть читаемъ лишь тѣми, кто совершилъ какой-либо подвигъ во славу отечества, въ награду и отплату за него“. Лучшей характеристикой поэмы должна считаться до сихъ поръ рѣчь Личоніо въ первомъ актѣ „Torquato Tasso“ Гете.

Въ заключительныхъ главахъ Кардуччи излагаетъ тотъ медленный и упорный процессъ творчества, который привелъ Аріосто къ полному совершенству, какъ поэта. Аріосто съ чрезвычайнымъ усордіемъ работалъ надъ поэмой, исправляя едва ли не каждое слово. За печатаніемъ поэмы онъ слѣдилъ самъ, и этотъ трудъ былъ настолько тяжелъ, что ускорилъ его кончину. Въ послѣдней главѣ этюда Кардуччи весьма интересно сопоставленіе между „Божественной комедіей“, поэмой Аріосто и романомъ Манцони *Promessi Sposi*.

Но менѣе важное значеніе, не по повизнѣ, а по обработкѣ матеріала, имѣетъ обширный этюдъ Кардуччи о второстепенныхъ произведеніяхъ Torquato Tasso. Извѣстно, какова была злополучная судьба этого великаго поэта, создавшая цѣлую, отчасти легендарную литературу. Изъ поэтовъ Гете лучше всего понялъ творца освобожденнаго Іерусалима; изъ историковъ Чекки, Френцель, особенно Корелингъ, пролили свѣтъ на болѣзненную психологію поэта, котораго несчастія сдѣлали умалишеннымъ, но не наоборотъ, какъ доказываютъ психіатры и во главѣ ихъ Ломброзо. Ломброзо въ своихъ интересныхъ психіатрическихъ этюдахъ переходитъ изъ области чисто медицинскій въ область литературную. Онъ являетъ собою поразительный примѣръ непримѣнимости аналогіи одной научной области къ другой.

Такъ Ломброзо совершенно произвольно обращается съ литературнымъ матеріаломъ, изъ котораго заимствуетъ біографическія указанія. Онъ не провѣряетъ источниковъ и односторонніе отзывы современниковъ, патетическія признанія больного поэта считаетъ объективными данными для опредѣленія духовнаго склада Тассо. Съ біографіей поэта онъ очень мало знакомъ, достаточно лишь указать, что Ломброзо не придаетъ почти никакого значенія ужасному семилѣтнему пребыванію въ такъ называемомъ госпиталѣ Св. Анны, гдѣ ни въ чемъ виновный поэтъ, слава всей Италіи, былъ заключенъ, подобно дикому звѣрю, терпя голодъ и нужду всякаго рода. Естественно Альфонсъ и его дворъ, издѣвавшіеся, несмотря на протесты лучшихъ людей Италіи, падъ несчастнымъ поэтомъ, повергнутымъ въ мрачную тюрьму, должны были и въ годы его свободы создать такія условія, отъ которыхъ могъ поколебаться даже очень твердый и устойчивый мозгъ.

Само заключеніе во всякомъ случаѣ неопаснаго человѣка было актомъ гнусной и низкой мести сильнаго слабому, незаслуженно прославленнаго—безобидному пѣвцу.

Свою статью о Тассо Кардуччи начинаетъ съ разсмотрѣнія различныхъ изданій сочиненій Тассо. Далѣе онъ излагаетъ краткое содержаніе тѣхъ стихотвореній поэта, которыя появились послѣ полученія имъ желанной свободы. Здѣсь критикъ вполне правильно отмѣчаетъ поворотъ поэта къ религіи. Таковы: *Жизнь Св. Бенедикта*, *Гора Елеонская*, *Созданіе міра* и др.

Особенно много поучительнаго элемента въ *Monte Oliveto*. Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ мы видимъ полный упадокъ оригинальнаго творчества и поэзію, которая напоминаетъ произведенія иезуитской поэзіи позднѣйшаго времени.

Очень много вниманія и мѣста посвятилъ Кардуччи пастушеской поэмі Тассо „*Aminta*“. По этому поводу критикъ дѣлаетъ обширный экскурсъ въ область исторіи пасторали, полный эрудиція и интереса. Свое изложеніе Кардуччи начинаетъ съ бѣглаго, но содержательнаго очерка классической идилліи; отъ Теокрита онъ переходитъ къ Вергилію и его подражателямъ. Первымъ буколическимъ писателемъ въ Италіи Кардуччи считаетъ Данте. Рядъ безцвѣтныхъ сочинителей эклогъ XIII и XIV ст. завершается творчествомъ Боккаччо, который былъ авторомъ и перваго пастушескаго романа (*Ameto*) и первой поэмы (*Ninfaie fiisolano*). Послѣ Боккаччо въ развитіи буколики наступаетъ перерывъ; лишь Балрдо въ половинѣ XV ст. вновь навязываетъ нить преданія. Въ концѣ XV ст. мы находимъ замѣчательнаго

автора пасторалей Спаньоли. Полнаго блеска достигаетъ пастораль при Саннадаро (XV ст.). Мы минуемъ весьма подробный анализъ всѣхъ пастушескихъ драмъ и вообще буколическихъ произведеній, предшествующихъ появленію Аминты. Последняя была написана Тассо на островѣ Бельведеръ недалеко отъ Феррары, на которомъ происходитъ мѣсто дѣйствія. Кардуччи указываетъ на оригиналовъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой пастушеской драмы. Относительно нѣкоторыхъ — вопросъ весьма не легко разрѣшимый, напр., относительно Мопса. Повидимому, въ Сильвіи Тассо вовсе не имѣлъ въ виду Леонору, а себя въ Аминтѣ. Въ послѣдней главѣ ученый критикъ разсказываетъ о тѣхъ породахъ, которымъ подвержена Аминта съ теченіемъ времени.

Послѣдній этюдъ о Тассо отведенъ трагедіи *Torrismondo*. Эта трагедія Тассо въ теченіе менѣе пяти мѣсяцевъ выдержала 11 изданій (конецъ 1587—начало 1588). На сценѣ *Torrismondo* ставился всего два раза въ 1618 и 1697 г. *Torrismondo* писался очень долго: начатый въ 1573 году онъ былъ конченъ въ 1586 году послѣ освобожденія Тассо изъ долготѣлннго заключенія. Сюжетъ трагедіи состоитъ въ слѣдующемъ: *Torrismondo* и *Germondo* сыновья, одинъ готскаго короля, а другой шведскаго, были товарищами по оружію съ первыхъ лѣтъ юности. *Germondo*, узнавъ о войнѣ Аральда, короля норвежскаго, отправился переодѣтый къ нему на помощь и за оказанныя услуги долженъ былъ принять вѣнокъ изъ рукъ прекрасной дочери норвежскаго короля Альвиды. Не желая открытъ забрала, онъ былъ увѣнчанъ въ шлемѣ. Взглянувъ на красавицу, *Джермондо* былъ навсегда плененъ ея красотой. Сдѣлавшись шведскимъ королемъ, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы получить въ жены Альvidу, но отецъ ея, старинный врагъ Швеціи, отказалъ ему въ рукѣ дочери. Тогда *Germondo* обратился къ своему другу, сдѣлавшемуся королемъ Готіи, чтобы тотъ просваталъ за себя прекрасную Альvidу и передалъ ее до заключенія брака *Джермондо*. Готскій король обѣщаль, но во время бурнаго морскаго путешествія нарушилъ свою клятву и привезъ новую готскую королеву вмѣсто Швеціи въ свою столицу Арана. Что касается до источниковъ, которыми пользовался Тассо, то сохранилось извѣстіе, что онъ въ 1586 году писалъ къ новеллисту Мори, что нуждается въ хроникѣ Саксона Грамматика и Олая Великаго для одной трагедіи. Въ 1544 году появилась книга, принадлежащая Іоанну Магнусу, упсальскому архіепископу, переселившемуся въ Римъ послѣ того, какъ Густавъ Ваза сталъ преслѣдовать католическое духовен-

ство, „Gothorum suecorumque historia“. Магнусъ пользовался рѣдкими матеріалами, вывезенными изъ Упсалы, а также древними историками, каковы Саксонъ Грамматикъ. Сочиненіями „Tabula terrarum septentrionalium“ и „de Gentibus septentrionalibus“ Олая пользовался Тассо для географіи и міеологіи своего сочиненія.

Переходимъ къ развитію самого дѣйствія.

Первый актъ открывается сценой въ королевскомъ дворцѣ. На сценѣ поочередно ведутся діалоги между Альвидой и ея кормилицей и Торисмондо и его совѣтникомъ. Молодые люди повѣряютъ свои тайны собесѣдникамъ, и мы узнаемъ, что и тотъ, и другой обманули довѣріе Джермондо. Совѣтникъ предлагаетъ Торисмонду дать въ жены Джермондо Росмунду, сестру его, которая къ тому же красивѣе Альвиды. Торисмондо рѣшаетъ послѣдовать этому совѣту.

Второй актъ начинается прибытіемъ посла, который извѣщаетъ о прибытіи шведскаго корабля. Торисмондо въ понятномъ смущеніи.

Является Росмунда и тоже произноситъ длинный монологъ. Это появленіе отдѣльныхъ лицъ, бесѣдующихъ съ публикой, принадлежитъ къ слабымъ мѣстамъ трагедіи. Росмунда говоритъ долго, чтобы высказать, что она желаетъ поступить въ монахини. Приходитъ королева—мать, которая уже посвящена въ планъ просватать Росмунду за Джермондо, и совѣтуетъ красавицѣ принарядиться, чтобы выйти на встрѣчу Джермондо. Росмунда не соглашается и споритъ съ матерью. Она мечтаетъ о томъ, чтобы сдѣлаться охотницей и подобно лани мчаться по полямъ и горамъ, свободною и независимою.

Является Торисмондо и рассказываетъ о тѣхъ приготовленіяхъ, которыя дѣлаются при дворѣ въ честь шведскаго короля.

Третій актъ начинается монологомъ совѣтника, который и сообщаетъ, что Джермондо слѣдуетъ обратиться къ Росмундѣ, забывъ Альvidу. Приходитъ Росмунда и заявляетъ, что она не то, что они думаютъ, она не дочь и не сестра короля, она не желаетъ похищать чужого счастья и предпочитаетъ жить въ монастырѣ. Являются два короля и обмѣниваются вычурными комплиментами. Уходитъ Джермондо и приходитъ Альвида, которую супругъ увѣщаетъ примириться съ шведскимъ королемъ. Отъ Джермондо приносятъ корону и дорогіе подарки Альвидѣ. Она не знаетъ, что съ ними дѣлать, такъ какъ считаетъ себя готской королевой.

Четвертый актъ начинается монологомъ совѣтника, который объясняетъ всѣ выгоды отъ брака Джермондо съ Росмундой.

Джермондо отвѣчаетъ уклончиво; что касается до Росмунды, то

она рассказываетъ свою біографію. Она родилась отъ одной ирландской дамы, и мать ея, будучи при смерти, разъяснила ей эту тайну. Такъ какъ по предсказанію дочь, родившаяся отъ отца Торисмондо, должна была принести несчастію, то она была удалена отъ двора, а чтобы утѣшить мать, была взята на ея мѣсто Росмунда. Она помнитъ даже имя стараго слуги Фронтоня. Королева—мать призываетъ его, и онъ подтверждаетъ рассказъ Росмунды. Изъ его разсказа выясняется, что настоящая Росмунда—Альвида.

Пятый актъ начинается отчаяніемъ Альвиды, которая считаетъ себя покинутой. Во второй сценѣ королева—мать радуется двумъ предстоящимъ свадьбамъ.

Главная сцена—четвертая, въ ней разыгрывается катастрофа. Альвида закалывается и на ея еще неостывшемъ трупѣ закалывается Торисмондо, написавъ письмо Джермондо. Послѣдній является и согласно завѣщанію Торисмондо овладѣваетъ готскимъ царствомъ. Этимъ и заканчивается трагедія.

Очевидно, значеніе трагедіи не въ ея содержаніи, а въ замѣчательно умѣломъ подражаніи духу греческихъ трагедій, выразившемся съ чрезвычайною рельефностью въ примѣненіи хора. Провожодны также и отдѣльныя лирическія мѣста, замѣчательно и стихосложеніе, разнообразіе лирическихъ размѣровъ, примѣненныхъ къ трагедіи.

Въ отдѣлѣ статей по исторіи Возрожденія мы находимъ весьма живо написанную статью о живописцѣ и поэтѣ *Сальваторѣ Розѣ*. Это одинъ изъ тѣхъ многостороннихъ талантовъ эпохи Возрожденія, которые достигали значительнаго совершенства не на одномъ, а на нѣсколькихъ поприщахъ. Роза родился въ 1615 г. въ деревнѣ Ренелля въ двухъ миляхъ отъ Неаполя и принадлежалъ къ семьѣ, въ которой таланты живописи были наследственными. Съ дѣтства онъ обнаружилъ уже большія способности къ рисованію и, не имѣя другого матеріала, какъ уголь и иного мѣста для помѣщенія своихъ рисунковъ, какъ стѣны, украшалъ ихъ рисунками всякаго рода, за что въ одномъ монастырѣ былъ жестоко наказанъ. Благодаря чудесному ландшафту, несравненному колориту, неаполитанская школа художниковъ издавна славилась техникой пейзажа и умѣніемъ подбирать краски, а также тонировать ихъ. Роза съ порывхъ же лѣтъ дѣтства, какъ только получилъ возможность имѣть краски, сталъ рисовать пейзажи. Вскорѣ ему пришлось своими рисунками содержать всю семью, осиротѣвшую послѣ смерти отца Розы, когда послѣднему было лишь 17 лѣтъ. Усиленной работы едва хватало на убогія нужды семьи.

Иногда картины такъ дешево оплачивались, что вырученныхъ денегъ не хватало даже на полотно и краски. Случай помогъ Розѣ.

Извѣстный живописецъ Лянфранко, случайно увидѣвъ картину Розы, пришелъ въ восторгъ отъ нѣхъ, взялъ юношу къ себѣ помощникомъ и далъ возможность отправиться въ Римъ въ 1634 году. Волненіе, испытанное молодымъ живописцемъ, когда онъ созерцалъ безконечныя художественныя сокровища столицы міра, было настолько велико, что Роза заболѣла лихорадкой и пролежалъ 6 мѣсяцевъ. Онъ излѣчился только по возвращеніи въ Неаполь, гдѣ много работалъ, пока не скопилъ достаточно средствъ, чтобы поѣхать вторично въ Римъ въ 1638 г.

На испанскомъ престолѣ находился въ то время знаменитый покровитель наукъ и искусствъ Левъ X. Около этого мецената собрались первостепенные живописцы всѣхъ школъ. Такимъ образомъ Роза очутился въ чрезвычайно благоприятной для художественнаго развитія атмосферѣ.

Роза сознавалъ, что весьма трудно среди этой плеяды великихъ живописцевъ приобрести извѣстность и кліентовъ.

Чтобы достигъ популярности, онъ сдѣлался странствующимъ актеромъ. Въ сочиненныхъ имъ самимъ комедіяхъ онъ позволялъ себѣ жестокия, но справедливыя нападки на неословательно возвеличенныхъ модныхъ живописцевъ. Кроме комедій, Роза сочинялъ музыкальныя пьесы и стихотворенія всякаго рода. Какъ живописецъ, онъ занялъ выдающееся положеніе и написалъ нѣсколько замѣчательныхъ картинъ (Блудный сынъ, Чистилище, Богъ Панъ). Въ 1646 году онъ вернулся вновь на родину.

Въ Неаполѣ онъ засталъ разгаръ народнаго недовольства противъ власти испанцевъ.

Худшей изъ всѣхъ колонизаторскихъ системъ является испанская. Въ Неаполѣ она отличалась особенною безалаберностью. Обыкновенно назначались придворные изъ Мадрида, пошатнувшіе свои денежныя дѣла и неимѣвшіе представленія ни о странѣ, ни о ея законахъ.

Эти невѣжественныя, жадныя до наживы люди сводили свою дѣятельность къ увеличенію налоговъ, продажѣ казенныхъ мѣстъ столь же продажнымъ чиновникамъ, иногда они строили безобразную церковь, остывали въ полномъ пренебреженіи порты и арсеналы, всегда же были окружены толпою искателей приключеній, безнаказанно совершавшихъ всякія гнусности подъ защитой вице-королей. Испанцы бу-

квально сосали кровь бѣднаго народа, не считаясь съ его нуждами и ограниченностью средствъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подневольный народъ всячески реагировалъ противъ притѣснителей, и прежде всего эта реакція сказалась въ народномъ творчествѣ. Цѣлый рядъ сатиръ, иногда очень остроумныхъ, явилъ испанцевъ. Особенно замѣчательна пародія на „Отче Нашъ“, жестоко, кораящая честолюбіе, сребролюбіе и сластолюбіе испанскихъ владѣтелей. Всѣ испанскіе правители возвращались на родину обогащенными.

Несмотря на гарантію Карла V отъ всякихъ новыхъ налоговъ, каждый правитель сѣзнова измышлялъ дополнительныя подати.

Когда позорной памяти Медина Сидонія возвращался на родину послѣ семилѣтняго управленія страной, то говорили, что едва ли во всей области найдутся четыре семьи, достаточно обезпеченныя пищей.

Другой того же стіля правитель, герцогъ Аркосъ, когда ому заявили, что народъ не имѣетъ возможности платить большихъ податей, вскричалъ: „Такъ пусть продадутъ мясо своихъ женъ и дѣтей“.

Глухое неудовольствіе разразилось яркой вспышкой въ 1644 году, едва не окончившейся вооруженнымъ возстаніемъ.

Среди ярыхъ революціонеровъ былъ и Сальваторъ. Къ счастью, въ 1648 году донъ Хуанъ Австрійскій сдѣлался вице-королемъ и своими общаніями успѣлъ успокоить возбужденное населеніе. Еще до пріѣзда донъ Хуанъ Сальваторъ въ концѣ 1647 года переехалъ въ Римъ. Здѣсь онъ много писалъ перомъ и кистью. Изъ его картинъ особенно замѣчательны: Демокритъ, Кадмъ, Сократъ, особенно двѣ аллегорическія — Непостоянство и Фортуна. Сочиняя стихи, рисуя картины, Сальваторъ велъ при этомъ весьма веселый образъ жизни, постоянно принималъ у себя и посѣщалъ другихъ художниковъ и, конечно, своею славой живописца и поэта успѣлъ нажить себѣ много враговъ. Особенно враждебно относились къ нему представители официального искусства. Рѣзкія выходки и насмѣшки художника по ихъ адресу не могли примирить съ нимъ; даже личной свободѣ Сальватора угрожала опасность; къ счастью, въ 1649 году его пригласилъ во Флоренцію Карлъ Медичи.

Послѣдніе 23 года Сальваторъ провелъ во Флоренціи у Медичи-совъ и въ Римѣ; для Медичи и герцога Фердинанда онъ написалъ нѣсколько картинъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна одна, изображающая битву, и нѣсколько прекрасно написанныхъ пейзажей. Кромѣ названныхъ, мы находимъ въ галлерейхъ еще нѣсколько картинъ аллего-

рическаго содержанія (Справедливость, спасающаяся въ деревню, Чира, украшенный оливковымъ вѣнкомъ съ львомъ и ягненкомъ по сторонамъ). Во Флоренціи Сальваторъ особенно подружился съ Лоренцо Липпи. Липпи, тоже извѣстный живописецъ, не владѣлъ въ совершенствѣ колоритомъ пейзажа, и Сальваторъ по собственному почину нерѣдко исправлялъ и пополнялъ его картины. Въ свою очередь Липпи написалъ великолѣпный портретъ своего друга.

Сальваторъ имѣлъ не только друзей среди живописцевъ, но находился въ центрѣ литературнаго движенія. Онъ былъ членомъ литературной академіи, извѣстной подъ именемъ *Percossi*. Въ собраніяхъ этой академіи нерѣдко давались театральныя представленія при участіи лучшихъ актеровъ и литераторовъ. Во время вечернихъ пировъ читались и декламировались многочисленныя литературныя произведенія членовъ союза.

Въ 1652 году Сальваторъ, успѣвъ довольно выгодно продать нѣсколько картинъ, переѣхалъ въ Римъ. Здѣсь онъ тоже много писалъ перомъ и кистью и жестоко казнилъ своихъ литературныхъ враговъ въ сатирахъ.

Въ 1654 году мы видимъ его опять въ Тосканѣ, гдѣ онъ провелъ 3 года и написалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ картинъ.

Картины эти въ значительной части философскаго и аллегорическаго содержанія. Таковы, напримѣръ, изображенія Гераклита, Фортуны, Философа, бросающаго въ море деньги, и моряковъ, старающихся ихъ поймать.

Сальваторъ пробылъ здѣсь до 1651 года и несмотря на свою производительность и громадныя заработки, почти всегда былъ безъ денегъ, щедро надѣляя ими своихъ друзей и пріятелей. Сохранилось много анекдотовъ о щедрости Сальватора, о его домашней жизни, въ которой важную роль игралъ его слуга, названный своимъ господиномъ Чернымъ Философомъ.

Въ послѣдней главѣ Кардуччи даетъ характеристику Сальватора, какъ человѣка, живописца и поэта. Какъ человѣкъ, Сальваторъ отличался многими симпатичными чертами. Чрезвычайно веселый южанинъ, онъ былъ душою общества и привлекалъ вниманіе своими остроумными бесѣдами. Необыкновенно внимательный и добрый для друзей, онъ былъ неумолимъ для своихъ профессиональныхъ враговъ. Какъ живописецъ, Сальваторъ былъ первокласснымъ виртуозомъ, особенно сильнымъ въ изображеніи пейзажа, чему онъ, впрочемъ, придавалъ мало значенія, напрасно считая себя специалистомъ въ изображеніи

фигурѣ. Какъ поэтъ, Сальваторъ былъ лирикомъ чистѣйшей воды; его поэзія отражала его личный характеръ, веселый, беззаботный, игривый, съ громадной дозой остроумія и сатирическаго характера.

Характеристикой Сальватора Розы оканчиваемъ нашъ обзоръ главныхъ трудовъ Кардуччи по исторіи Возрожденія. Его пять лекцій „О развитіи національной литературы въ Италіи“ являются превосходнымъ синтезомъ, обобщеніемъ всего хода итальянской литературы до XVI вѣка; такъ какъ эти лекціи переведены на русскій языкъ (г. Риттеромъ), то ознакомленіе съ ними читателя считаю излишнимъ на страницахъ этого журнала. Перехожу къ трудамъ Кардуччи по новой литературѣ, иностранной, по новой исторіи.

Л. Шенселевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Новая книга о Шатобрианѣ.

Графъ Ф. Де-Ла-Бартъ. Шатобрианъ и поэтика мировой скорби во Франціи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Кіевъ, 1906. Стр. IX+459.

I.

Работа г. Де-ла-Барта — не заурядное явленіе въ своей области. Этотъ цѣнный, солидный вкладъ въ русскую науку, которая до сихъ поръ не имѣла ни одного самостоятельнаго изслѣдованія о Шатобрианѣ, можетъ пригодиться и западно-европейскимъ ученымъ.

Авторъ очень удачно выбралъ свою тему. Онъ не тратилъ силъ на мелкій, второстепенный вопросъ, а предпочелъ сосредоточиться на столь крупномъ литературномъ явленіи, какъ романтизмъ, на столь замѣчательномъ, центральномъ дѣятелѣ поэзіи и науки, какъ Шатобрианъ. Здѣсь онъ применилъ къ движеніямъ, за послѣдніе годы рѣзко обозначившимся въ европейской, въ частности, во французской историко-литературной наукѣ. Возрожденіе интересовъ къ романтизму, провѣрка старыхъ взглядовъ на Шатобриана—факты несомнѣнные ¹⁾. Въ данную минуту Шатобриана во Франціи изучаютъ, по преимуществу, или біографически, разъясняя темные пункты его жизни, загадочныя свойства личности, или ограничиваются общей характеристикой литературной дѣятельности. Къ первой группѣ относятся такія работы, какъ *G. Pailhès, Chateaubriand, sa femme et ses amis, A. Bar-*

¹⁾ См. нашу статью Къ исторіи романтизма, *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1905, октябрь, отд. II. Стр. 163—187.

doux, La comtesse Pauline de Beaumont и др. Ко второй—талантливые этюды въ родѣ *Lescure*, Chateaubriand, *A. Maurel*, *Essai sur Chateaubriand* и т. д. Но работу *филологическихъ*, серьезныхъ изслѣдованій текста произведеній Шатобриана, ихъ состава, генезиса и т. п. мы почти не встрѣчаемъ. Упомянуть въ этой области возможно лишь *V. Giraud*, Chateaubriand, *Études littéraires* (Paris, 1904), его же *Atala*, reproduction de l'édition originale — небольшая книжечка, въ которой также опубликованы интересные документы о молодости Шатобриана (Paris, 1906, Albert Fontemoing), *C. Latreille*, Chateaubriand, *études biographiques et littéraires* (Paris, 1905) и новое критическое изданіе *Mémoires d'Outre-tombe*, выполненное г. *Edmond Biré* (6 томовъ, Paris, Garnier frères).

Мы, не колеблясь, сравнимъ работу нашего автора съ этюдами *V. Giraud*, или *C. Latreill'*я, такъ какъ и она основана на внимательномъ изученіи поэтического творчества Шатобриана, принимаетъ въ расчетъ почти всѣ новѣйшія изслѣдованія о немъ, рисуетъ перспективы, оставшіяся до сихъ поръ въ туманѣ, будитъ критическую мысль. Послѣ книги г. Де-ла-Барта оцѣнку автора *Génie du Christianisme*, въ иныхъ отношеніяхъ, придется измѣнить. Достоинствомъ разбираемой книги можно считать и легкое, изящное изложеніе, которое не всегда встрѣтимъ въ ученомъ изслѣдованіи.

Но какъ-бы высоко мы ни ставили диссертацию г. Де-ла-Барта, о которой имѣли удовольствіе давать отзывъ въ историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, при чтеніи ея невольно приходитъ въ голову—*qui trop embrasse, mal étrecint!* Дѣло въ томъ, что между заглавіемъ и содержаніемъ книги нѣтъ точнаго соответствія: содержаніе гораздо шире, многозначительнѣе. Г. Де-ла-Бартъ дѣлаетъ не только характеристику личности Шатобриана, не только изучаетъ сантиментальную стихію его поэзіи. Нѣтъ, по нашему мнѣнію, книгу слѣдовало бы озаглавить *Шатобрианъ* или *этюды о Шатобрианѣ*, такъ какъ авторъ втянулъ въ кругъ своей работы почти всѣ поэтическіе труды Шатобриана—лирику юныхъ дней, Пачезовъ, Рене, Атала, Мучениковъ, Последняго изъ Абенсраговъ. Конечно, не могъ онъ обойти Опыта о революціяхъ и *Génie de christianisme*. Шатобрианъ, какъ поэтъ и теоретикъ искусства, весь на лицо въ программѣ г. Де-ла-Барта. Остались незатронутыми лишь ученые и политическіе трактаты Шатобриана.

Такая широта горизонтовъ должна радовать критика, особенно русскаго, который отнынѣ и для суммарнаго ознакомленія съ Шато-

бріаномъ можетъ своему читателю рекомендовать изслѣдованіе г. Де-ла-Барта. Но помѣстить въ одну книгу филологическаго характера *эссею* Шатобріана-поэта — задача, едва-ли выполнимая съ успѣхомъ, одинаковымъ во всѣхъ частяхъ. Такая книга или потребуетъ громадныхъ размѣровъ, нескончаемаго труда, или рискуетъ остаться не равномерной, безъ должной разработки всѣхъ элементовъ, пожалуй, безъ центра. Такъ, повидимому, случилось и съ г. Де-ла-Бартомъ. Въ его книгѣ есть прекрасныя страницы и главы, но попадаются также эпизоды, оставляющіе недоумѣніе и, отчасти, нуждающіеся въ новой обработкѣ. Такая неравномерность изложенія объясняется не только обширностью изучаемаго предмета, но и первоначальнымъ замысломъ г. Де-ла-Барта, который, если не ошибаемся, лишь постепенно раздвинулъ въ необозримую даль раменіи своего труда.

Перейдемъ-же къ детальному разсмотрѣнію отдѣльныхъ вопросовъ.

II.

Трудъ г. Де-ла-Барта распадается на три отдѣла, не равные по достоинству и величинѣ.

Первый—введеніе (стр. 1—74) — излагаетъ сущность сентиментализма, какъ одного изъ наиболѣе важныхъ моментовъ французской литературы и общественности въ концѣ XVIII столѣтія. Это—самая слабая часть работы, мало-самостоятельная, суммарная, не свободная отъ моментовъ, страдающихъ недостаточной мотивировкой. Напримѣръ, вопросъ о вліяніи нѣмецкой и даже англійской литературы на французскую данной эпохи (стр. 64—73) разсмотрѣнъ довольно поверхностно, главнымъ образомъ по книгѣ Joseph Texte'a, *J. J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire* (Paris, 1895). А между тѣмъ Эдвардъ Юнгъ, авторъ *Ночей* (*The Complaint, or Night Thoughts*), заслуживалъ большаго вниманія. Его популярность во Франціи, въ концѣ XVIII столѣтія, едва-ли возможно оспаривать. Не избѣгъ вліянія, повидимому, и Шатобріанъ, не взирая на всю суровость его отзыва о Юнгѣ въ извѣстной статьѣ, написанной въ мартѣ 1801 г. и вошедшей въ составъ *Essai sur la littérature anglaise*¹⁾. Въ *Ночахъ* Юнга есть одно мѣсто, которое само напрашивается на сравненіе съ *Atala*. Это—рассказъ о ночномъ, тайномъ погребеніи Нарциссы. Кто бы ни была эта загадочная личность, столь горячо оплакиваемая Юнгомъ²⁾,

¹⁾ См. объ этомъ W. Thomas, *Edward Young*, стр. 521 и слѣд. (Paris, 1901).

²⁾ Тамъ же, стр. 149 и слѣд.

обстановки ея погребенія ¹⁾, до известной степени, напоминает похороны невесты Шактаса. Нѣтъ ли какой-нибудь осязательной связи между этими двумя эпизодами? Вѣдь и вообще между Шатобрианомъ и Юнгомъ есть точки соприкосновенія: пессимизмъ, наклонность къ пышной, риторической фразѣ, библейскія воспоминанія и т. д. Вѣроятно, г. Де-ла-Бартъ не пожалѣлъ бы, углубившись въ разсмотрѣніе любопытной детали. Слѣдуя же своему главному источнику, J. Тухеу, онъ посвящаетъ Юнгу въ своемъ трудѣ двѣ страницы (70—71), но затронутой нами проблемы не касается. И въ четвертой главѣ (стр. 294—297) г. Де-ла-Бартъ ограничивается сопоставленіемъ погребальныхъ сценъ Атала и Манонъ Леско.

Большой подробности ожидали бы мы и въ вопросѣ о роли Вертера во французской литературѣ, объ отношеніяхъ Шатобриана къ нѣмецкому герою, въ которыхъ есть не мало любопытныхъ черточекъ. Здѣсь г. Де-ла-Бартъ и кратко и, кажется, недостаточно знакомъ съ литературой предмета. Что Шатобрианъ въ молодости охотно читалъ Вертера, котораго ставитъ на одну доску съ Оссианомъ, *Rêveries du promeneur solitaire* Руссо, *Études de la Nature* В. де С. Пьера, намъ известно изъ его собственныхъ признаній ²⁾. Но несомнѣнно и то, что онъ пытался внести коррективъ въ нѣмецкую фигуру, въ ея крайній индивидуализмъ и полное отсутствіе религіозныхъ настроеній ³⁾. Совпаденіе Рене и Вертера не можетъ считаться абсолютнымъ, по-разному относятся къ героямъ и авторы. Устами миссіонера Шатобриана, во имя христіанства, произносится осужденіе непонятному для себя, и для другихъ, супругу Селусты ⁴⁾. Поэтому, можетъ быть, правы тѣ ученые, которые въ Рене Шатобриана видятъ родъ анти-Вертера, противоядіе сладостному яду ⁵⁾. Во всякомъ случаѣ, безъ внимательнаго изслѣдованія вопроса о Вертерѣ и Рене трудно писать книгу о сентиментализмѣ Шатобриана.

Не удовлетворяетъ, иногда, въ анализуемой главѣ и самое распределеніе матеріала. Отъ нѣкоторыхъ страницъ получается впечатлѣніе мозаики, подобранной безъ должнаго искусства. Авторъ писалъ второ-

¹⁾ Ночь III.

²⁾ *Mémoires d'Outre-Tombe*, ed. Biré, т. II, стр. 208.

³⁾ См. F. Baldensperger, *Goethe en France*, стр. 39 (Paris, 1904).

⁴⁾ Это отмѣчено и г. Де-ла-Бартъ (стр. 152). Но, по его мнѣнію, Шатобрианъ осуждаетъ болѣзнь Рене только для видимости (!).

⁵⁾ Baldensperger, стр. 40—41.

пяхъ, работаль по кусочкамъ. Говоря о буржуазномъ романѣ XVII столѣтія, г. Де-ла-Бартъ цитируетъ извѣстныя слова Рабля *rouge se que rigé est le progré de l'homme*. Въ предисловіи ¹⁾ къ *Gargantua* эти слова въ связи съ гуманной, философской тенденціей романа, имѣютъ глубокое значеніе, которое трудно приписать Фюртьеру, Сорелю и Скаррону. Цитата неудачная! Немотивированнымъ представляется и переходъ (въ изложеніи) отъ Нивеля и Детуша къ Дидро (стр. 44—45). Зачѣмъ послѣ чувствительности Руссо вдаваться въ разсужденія о его безуміи, указывать даже литературу предмета (стр. 47)? Потомъ авторъ опять перескакиваетъ на Дидро, на матеріализмъ Гельвеція (стр. 50). На стр. 54-й говорится сразу о второй *трети* XVIII вѣка и о второй половинѣ. Къ чему далѣе на стр. 67-й авторъ сообщаетъ о безцеремонности Вольтера въ обращеніи съ текстомъ Шекспировскаго Гамлета? Цитата, правда, любопытная, но къ дѣлу неидущая.

Такимъ образомъ во введеніи многого нѣтъ, иное излишне.

III.

Мы видѣли, что г. Де-ла-Барта слѣдуетъ считать серьезнымъ знатокомъ Шатобріана и литературы о немъ. Неудивительно поэтому, что, миновавъ слабое введеніе, мы вступаемъ въ область, освѣщаемую, болѣею частью, правильно, расцѣпленную изысканно. *Второй* отдѣлъ книги (главы I—VI, стр. 75—366)—важнѣйшій. На это указываетъ и ея заглавіе, и специальное обозначеніе отдѣла: *поэтика міровой скорби*. Первая глава налагаетъ поэтику сантиментальныхъ скорбниковъ конца XVIII вѣка, равно какъ теоретическое обоснованіе литературной *меланхолии*, предложенное Бернарденомъ де С. Пьеръ, *m-me de Staël* и Балланшемъ. Во второй, очень важной и живо написанной, главѣ авторъ разсматриваетъ старый вопросъ объ отношеніяхъ *міровой скорби* и чувствъ, идей, настроеній французскаго общества въ эпоху Революціи, Консульства и Имперіи. Въ противность ученымъ, писавшимъ объ этомъ вопросѣ прежде, напимѣрь, Тэню и г. Н. Котляревскому, г. Де-ла-Бартъ дѣлаетъ вполне правильное замѣчаніе, что вопросъ нельзя рѣшать огульно, что причины *міровой скорби* могли быть разныя у каждаго отдѣльнаго писателя, что корни пессимизма въ началѣ XIX столѣтія должно искать не

¹⁾ Вѣрнѣе, въ стихотворномъ обращеніи *Aux lecteurs*.

только въ сферѣ политико-соціальной, но также и въ области личныхъ отношеній¹⁾. Все это совершенно правильно, и г. Де-ла-Бартъ, подчеркинувъ этотъ фактъ, способствовалъ настоящему освѣщенію предмета. И вотъ оказывается, что пессимизмъ и міровая скорбь Шатобриана сложились значительно раньше общаго крушенія идеаловъ, разочарованія гуманнаго сердца, создались подъ вліяніемъ личныхъ непріятностей, пережитыхъ авторомъ Рене въ годы юности и, особенно, въ эпоху эмиграціи, въ эпоху лондонской нищеты и горькихъ испытаній. Г. Де-ла-Бартъ выноситъ вопросъ за предѣлы потертыхъ соображеній и ставитъ его на прочную почву исторіи духа. Другой вопросъ, даетъ ли онъ самъ исчерпывающее объясненіе! Ниже мы еще вернемся къ вопросу, но пока продолжимъ пересказъ книги г. Де-ла-Барта по главамъ. Третья глава посвящена анализу душевной исторіи и поэтическаго міросозерцанія Шатобриана въ началѣ его литературной карьеры. Въ четвертой главѣ изучается поэтика *мировой скорби*, поскольку она отразилась въ произведеніяхъ Шатобриана вообще и, въ частности, на его стилистическихъ приѣмахъ. Въ пятой—авторъ занимается анализомъ женскихъ типовъ у Шатобриана, отмѣчая родство съ женщинами сантименталистовъ и пытается установить, что-же личнаго, собственнаго внесъ Шатобрианъ и въ женскую психологію, и въ то, что удобнѣе всего назвать *ars amandi*—метафизика чувства любви. Шестая глава посвящена вопросу о вліяніи иностранныхъ (по преимуществу англійскихъ) писателей на Шатобриана, при чемъ авторъ толкуетъ также элегическое отношеніе къ природѣ, наблюдаемое и у автора Рене. Третій отдѣлъ, въ которомъ только двѣ главы (VII и VIII, стр. 367—459), изучаетъ любопытный и не менѣе старый вопросъ о герояхъ Шатобриана въ ихъ отношеніи къ его личности, пересматриваетъ извѣстный споръ о литературномъ и автобіографическомъ существѣ поэтическихъ образовъ Рене, Эвдора или Абенъ-Гамеда. Кто они, самъ ли Шатобрианъ, или только созданіе фантазіи автора, навѣянное, отчасти, литературной модой? Последняя глава—критическій обзоръ обширной Шатобриановской литературы, выполненный со знаніемъ дѣла, хотя и не безъ пропусковъ. Весь второй отдѣлъ озаглавленъ—*Шатобриановская легенда*.

¹⁾ На это уже было указано покойнымъ А. И. Веселовскимъ въ его Замѣткѣ, *Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка* (по поводу книги Н. А. Котляревскаго), С.-Пб. 1898 г., стр. 5 и слѣд.

IV.

Спора нѣтъ, г. Де-ла-Бартъ работалъ по первоисточникамъ, и добросовѣстно относясь къ тому, что о романтизмѣ и Шатобрианѣ писалъ до него. Но, кажется, что изъ ученыхъ и критиковъ два оказали особое, ясно-уловимое вліяніе на нашего автора. Увы! того и другого уже нѣтъ въ живыхъ! Одинъ, Sainte-Beuve, давно разстался съ жизнью, другого безжалостная смерть только что похитила отъ насъ. Этотъ второй—величайшій изъ русскихъ историковъ литературы, слава отечественной науки, Александръ Николаевичъ Веселовскій. Ему не пришлось выступить критикомъ г. Де-ла-Барта, онъ не украсилъ своимъ присутствіемъ свѣтлаго праздника науки ¹⁾! Судьба лишила г. Де-ла-Барта счастья помѣриться силами съ высокочтимымъ учителемъ! Никто, конечно, не удивится, если найдетъ въ диссертациі нашего автора слѣды прямыхъ воздѣйствій покойнаго академика. Университетскіе годы, когда г. Де-ла-Бартъ вмѣстѣ съ пишущимъ эти строки слушалъ лекціи усопшаго, прямые совѣты и указанія, почерпнутые изъ личныхъ бесѣдъ, изученіе многочисленныхъ трудовъ Александра Николаевича—все это не могло не отразиться на книгѣ г. Де-ла-Барта самымъ благотворнымъ образомъ. Мы едва ли ошибемся, если и первоначальный замыселъ его диссертациі поставимъ въ нѣкоторую связь съ книгою А. П. Веселовскаго о Жуковскомъ ²⁾. Параллели двухъ трудовъ очевидны. Въ своей работѣ о гѣвцѣ Свѣтланы покойный академикъ рядомъ остроумныхъ и часто неопровержимыхъ соображеній показалъ, что Жуковскій не романтикъ, не проповѣстникъ новаго направленія поэзіи, а *отсталой изъ стаи славной* сентименталистовъ и меланхоликовъ XVIII столѣтія. Совершенно въ томъ-же направленіи и г. Де-ла-Бартъ толкуетъ генезисъ поэтики Шатобриана. Главная и, вѣроятно, первичная цѣль его диссертациі—указать органическую и прочную связь того, кого принято считать родоначальникомъ французскаго романтизма, съ поэтикой меланхоликовъ XVIII столѣтія. Здѣсь г. Де-ла-Бартъ говоритъ свое, новое слово: его прещественники при изслѣдованіи *Les origines* Шатобриана обыкновенно не идутъ далѣе Руссо. Г. Де-ла-Бартъ рисуетъ намъ *первоначальную* Шатобриана, даетъ прочную базу для изученія

¹⁾ Диспутъ г. Де-ла Барта имѣлъ мѣсто въ С.-Петербургѣ 8-го октября, а въ ночь на 10-е А. Н.—ча не стало.

²⁾ В. А. Жуковскій, поэзія чувства и „сердечнаго воображенія“. С.-Пб. 1904.

последующихъ стадій его литературнаго развитія, опредѣленными чертами отмѣчаетъ историческій фонъ. Здѣсь также безспорная заслуга г. Де-ла-Барта: *такой* работы о Шатобрианѣ еще не было. Она и выполнена русскимъ ученымъ. Но, признавъ эту часть изысканій г. Де-ла-Барта наиболее цѣнной, мы позволимъ себѣ нѣсколько вопросовъ, выскажемъ нѣкоторыя недоумѣнія. Мы представляемъ себѣ дѣло такъ. Рѣшивъ главную задачу ¹⁾, нашъ авторъ пошелъ дальше, отъ Шатобриана-чувствительника двинулся къ его дальнѣйшимъ модификаціямъ, сталъ изучать прочія сочиненія французскаго поэта. И здѣсь довольно многое онъ оставилъ неразъясненнымъ, кое-чему далъ невѣрное освѣщеніе. Если онъ de facto изучаетъ *всего* Шатобриана—поэта, то и требованія, предъявляемыя ему, будутъ другія, болѣе широкія. Онъ, напримѣръ, могъ вовсе обойти *Le génie du christianisme*, но, заведя рѣчь объ этомъ трактатѣ, не долженъ былъ ограничиться блѣдными и неудовлетворительными аргументами, которые предлагаетъ читателю. Недоумѣнія возбуждаются даже первой, лучшей частью работы. Г. Де-ла-Бартъ, напримѣръ, очень охотно пользуется любимымъ словечкомъ А. Н. Веселовскаго—клише, обозначая этимъ терминомъ *традиціонныя*, книжныя, не пережитыя элементы, имѣющіеся у каждаго поэта. Сантименталисты конца XVIII столѣтія характеризуются какъ писатели ложныя, условныя, поэзія которыхъ не находилась въ согласіи ни съ ихъ личностью, ни съ окружающей обстановкой. Въ поэзіи, напримѣръ, Мильвуа, Фонтана, даже Андреа Шенье весьма замѣтны общія мѣста, *клише* и т. д. ²⁾. При такой характеристикѣ возникаетъ нѣсколько вопросовъ. Правильно ли выдвигать эту сторону поэзіи сантименталистовъ, оставляя прочія въ тѣни? Не получается ли у читателя ложнаго представленія о нихъ? Далѣе, настолько ли важно пресловутое клише, что изъ-за него какъ-бы приходится забывать *личный* элементъ, который не трудно найти и у Фонтана, и у Мильвуа, а тѣмъ болѣе у Шенье ³⁾? Наконецъ, кто-же былъ *первый портной* изъ обозначенныхъ стихотворцевъ? Но эти недоумѣнія сравнительно не важны. Гораздо хуже, что г. Де-ла-Бартъ не опредѣляетъ *личную* почину самого Шатобриана. Неужели и, какъ *чувствительникъ*, Шатобрианъ ограничивается клише? Неужели его

¹⁾ Авторъ и самъ признаетъ центральнымъ вопросомъ своей книги—сопоставленіе поэтики Шатобриана и поэтики чувствительниковъ. См. предисловіе, стр. VI.

²⁾ Стр. 60, 61, 63, 64, 76, 87, 88, 91 и т. д.

³⁾ См. талантливыя характеристики этихъ поэтовъ у Н. Potez, *L'élégie en France avant le Romantisme* (Paris, 1896).

лирика такъ безжизненна, книжна, монотонна? Но пусть сентиментальный Шатобрианъ—тоже лишь сочетаніе клише. Не позволительно ли спросить въ такомъ случаѣ: каково-же отношеніе Шатобриана къ романтизму? Какъ изъ сентименталиста выработался романтикъ? Вообще, чтѣ-же новаго внесъ Шатобрианъ въ литературный оборотъ? Вопросъ, неизбѣжный для всякаго, кто задумается надъ громаднымъ вліяніемъ Шатобриана на всю послѣдующую литературу! Вѣдь само собою ясно, что поэтъ *клише* такого вліянія оказать не могъ! Вопросъ, неизбѣжный и для диссертанта, который, какъ мы уже отмѣчали много разъ, говоритъ о *стихѣ* поэтическихъ трудахъ Шатобриана. Между тѣмъ серьезныхъ попытокъ рѣшить этотъ вопросъ въ диссертации мы не найдемъ. Авторъ и самъ понимаетъ неизбѣжность вопроса ¹⁾, но все-же не спѣшитъ разсвѣять сомнѣнія читателя.

V.

Поэтъ *клише* и перефразовъ, какииъ Шатобрианъ изображаетъ на нинихъ страницахъ диссертации, совпадаетъ съ далеко непривлекательнымъ образомъ его, какъ чловѣка, нарисованнымъ увѣренной и смѣлой рукой г. Де-ла-Барта. Здѣсь, если не ошибаемся, можно говорить о второмъ, но на этотъ разъ уже вредномъ, вліяніи, которому подвергся нашъ ученый. А. Н. Веселовскій открылъ г. Де-ла-Барту широкіе горизонты, окрылялъ его мысль. Sainte-Beuve, напротивъ, сковалъ его самостоятельность, можетъ быть, даже отравилъ автора каплей своего пристрастія. Конечно, Sainte-Beuve настолько крупная величина, что съ его мнѣніями необходимо считаться. Всякій, изучающій французскую литературу конца XVIII и начала XIX столѣтія, постоянно наталкивается на замѣтки, статьи и цѣлыя изслѣдованія знаменитаго критика. Его Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire до сихъ поръ самая обстоятельная и самая талантливая работа въ своей области. Она, конечно, отлично знакома г. Де-ла-Барту, который въ однихъ случаяхъ повторяетъ ея выводы, аргументы, даже цитаты, въ другихъ—дѣлаетъ существенныя дополненія къ классическому труду. Напримѣръ, анализа Начезовъ, которому г. Де-ла-Бартъ посвящаетъ не мало страницъ своей диссертации, у Сентъ-Бѣва не найдемъ. Есть и другія отличія. Г. Де-ла-Бартъ въ обзорѣ шатобриановской литературы подробно говоритъ и о Сентъ-Бѣвѣ, отмѣчая

¹⁾ Напр. на стр. 289.

нѣкоторые недочеты и промахи его сочиненія ¹⁾). Но, въ конечномъ результатѣ, ихъ оцѣнка личности и поэзіи Шатобріана почти совпадаютъ. Намъ кажется, что можно говорить о несомнѣнномъ воздѣйствіи великаго критика на младшаго собрата. Г. Де-ла-Бартъ даже сгущаетъ мрачныя, рѣзкія краски, набросанныя Сентъ-Бѣвомъ на свою картину. Сентъ-Бѣвъ, какъ всякій знаетъ, основными элементами шатобріановскаго характера считалъ 1) склонность къ мечтательности и смутную тоску, 2) культъ юности и романческаго упоенія „грезой“, 3) культъ чести ²⁾). Но Сентъ-Бѣвъ плохо вѣрилъ въ искренность Шатобріана, считалъ его актеромъ, человѣкомъ рисовки, который гнался за эффектными положеніями и т. д. У Шатобріана, по Сентъ-Бѣву, было мало, или совсѣмъ не было того, что называется *sincérité*. Впрочемъ, Сентъ-Бѣвъ, въ теченіе своей карьеры критика, не одинаково относился къ Шатобріану. Долгое время онъ былъ его поклонникомъ, даже герольдомъ славы, но послѣ смерти Шатобріана у Сентъ-Бѣва стала обнаруживаться склонность умалить, развѣнчать, даже очернить своего героя. Она замѣтна и въ *Chateaubriand et son groupe littéraire*, гдѣ уже текстъ, по редакціи 1849 г., содержитъ легкія инсинуаціи, заявленныя болѣе открыто въ примѣчаніяхъ къ изданію 1861 г. Чѣмъ бы ни объяснять эту перемену фронта, тенденціозность, пристрастность Сентъ-Бѣва оспариваемы быть не могутъ. Ее признаютъ писатели самыхъ разнообразныхъ направлений ³⁾. Съ этимъ г. Де-ла-Бартъ долженъ былъ считаться... А между тѣмъ, какъ уже сказано, онъ приблизительно повторяетъ характеристику Сентъ-Бѣва, при чемъ даже культъ чести, отмѣченный французскимъ критикомъ, какъ бы улетучивается. Образъ получается настолько непривлекательный, что у читателя все время на губахъ вопросъ: да къ чему же изучать *такого* писателя? Вѣдь Шатобріанъ чуть ли не Тартюфъ, носившій свою маску нѣсколько десятилѣтій! Въ самомъ дѣлѣ, Шатобріанъ старался *поддѣлываться* подъ тонъ Рене. Онъ только для *видимости* осуждаетъ *болѣзнь* Рене. Либерализмъ Шатобріана *кажуційся*; въ дѣйствительности Шатобріанъ—*замытой* врагъ свободы (!). Славолюбіе Шатобріана громадно. Онъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ Стендаля и Наполеона, натуры

¹⁾ Де-ла-Бартъ, стр. 424 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 432.

³⁾ См. G. Michaut, *Études sur Sainte-Beuve*, стр. 89 — 137 (Paris, 1905) и C. Latreille, *Chateaubriand*, стр. 216—259 (Paris, 1905).

властныя и энергичныя. Онъ—актеръ, рисуется, ищетъ эффектныхъ ситуацийъ, такъ что его жизнь—*непрерывная* игра. Даже въ столь патетическихъ эпизодахъ, какъ смерть m-me de Beaumont, г. Де-ла-Барть склоненъ подчеркнуть отрицательные моменты. Шатобрианъ честолюбивый эгоистъ. Онъ *играетъ* въ чувствительныя воспоминанія. Послѣ 1800 г. *скорбь* Шатобриана — чистое актерство. Разыгрывая Рене, онъ имѣетъ въ виду нравиться женщинамъ, поддержать свою популярность и т. д. Даже *трагическая* исторія рукописей Шатобриана, якобы утраченныхъ, тоже лишь приемъ литературнаго лицемерья ¹⁾. Конечно, вмѣстѣ съ Сентъ-Бёвомъ, и нашъ ученый не особенно вѣритъ въ искренность *обращенія* Шатобриана. Онъ обходитъ вопросъ, хотя и здѣсь склоненъ видѣть вліяніе расчетовъ и соображеній, совершенно чуждыхъ религіи. Обращеніе Шатобриана произошло весьма кстати, именно въ то время, когда во Франціи шли толки о реставраціи католической религіи ²⁾. Правъ ли г. Де-ла-Барть въ такой односторонней оцѣнѣ рѣшительно всѣхъ поступковъ, всѣхъ моментовъ личности Шатобриана? Позволительны весьма серьезныя сомнѣнія. Прежде всего, по самому существу дѣла, будь Шатобрианъ таковъ, какимъ его изображаетъ г. Де-ла-Барть, онъ представлялъ бы въ литературной исторіи единственное въ своемъ родѣ явленіе — лицеца и лицемерья, оказавшаго громадное вліяніе на всѣ послѣдующія группы писателей, на очень многія стороны французской общественности и поэзіи. Неужели, напримѣръ, поэзія живетъ только ложью и актерствомъ? Едва ли уместна въ данномъ вопросѣ ссылка на нѣкоторое актерство, якобы присущее представителямъ романскихъ національностей. Такъ ли это? Не говоримъ о такихъ кристальныхъ душахъ, какъ Сервантесъ, но неужели Паскаль, Корнель и многіе другіе французы не сважутъ укоризненно г. Де-ла-Барту: *et tu, Brute?* Далѣе, можетъ ли г. Де-ла-Барть поручиться, что, сочиняя свою обвинительную рѣчь, онъ принялъ въ расчетъ, взвѣсилъ все *pro* и *contra* Шатобриана, не кашель *ничего*, смягчающаго суровые отзывы, дающаго иную оцѣнку поступковъ и приемовъ Рене? Можемъ ли и мы, по чести, повѣрить ему, что онъ *действительно* исполнилъ такую работу? Нѣтъ, гораздо вѣроятнѣе, что г. Де-ла-Барть увлекается, конечно, вполне искренно, ролью прокурора, можетъ

¹⁾ *Де-ла-Барть*, стр. 152, 157—158, 159, 172, 179, 180, 185, 188, 191, 284, 370, 371, 377.

²⁾ Тамъ же, стр. 181—182.

быть, подчиняясь толчку, который получилъ отъ Сентъ-Бёва! Мы полагаемъ, что, и не будучи знатокомъ Шатобриана, можно найти много факты въ его пользу, признать, что онъ, подобно всѣмъ смертнымъ, заблуждался, былъ не свободенъ отъ увлеченій, но не всегда же, не всю жизнь. Пусть г. Де-ла-Бартъ правъ въ *своихъ* обвиненіяхъ. Пусть факты жизни Шатобриана, отмѣченные имъ, говорятъ *противъ* великаго писателя! Но развѣ ими исчерпывается все, что мы знаемъ о Шатобрианѣ? Неужели, напримѣръ, въ долголѣтней дружбѣ съ Фонтаномъ, Жуборомъ, m-me de Récamier Шатобрианъ былъ только законенѣлымъ лицомъ, черствымъ эгоистомъ? Могъ ли, напримѣръ, подарить своею дружбой такого человѣка Жуберъ, личность честная, высоко-настроенная, дѣльная ¹⁾? Далѣе, какъ помирить со всѣмъ этимъ Шатобриана—*bon enfant*, о которомъ говоритъ самъ авторъ ²⁾? И въ политической дѣятельности Шатобриана могли быть мрачныя, отрицательныя стороны, но, во всякомъ случаѣ, основнымъ принципамъ своего credo — роялизму и религіи — Шатобрианъ оставался вѣренъ. Точно также *свободу печати*, одинъ изъ устоевъ всякаго либерализма, Шатобрианъ защищалъ всегда и вездѣ, считая это *presque l'unique affaire de sa vie politique* ³⁾. Наконецъ, что въ Шатобрианѣ было чрезвычайно развито чувство чести, на это указываетъ и Сентъ-Бёвъ. Самъ Шатобрианъ признается, что поступилъ солдатомъ въ армию принцевъ только изъ чести, такъ какъ заранѣе считалъ ихъ дѣло проиграннымъ, не вѣрилъ въ жизнеспособность королевскаго абсолютизма ⁴⁾. Безъ серьезныхъ оговорокъ не можемъ мы согласиться и съ тѣмъ, что въ Шатобрианѣ преобладалъ актеръ, что онъ былъ человѣкомъ въ высокой степени неискреннимъ. Многія страницы *Mémoires d'Outre-Tombe* краснорѣчиво свидѣтельствуютъ противъ этого. Возьмемъ хотя бы превосходную седьмую книгу первой части, содержащую рассказъ о дѣятельности Шатобриана въ кампаніи роялистовъ, при осадѣ Тювилья, рассказъ о безславномъ возвращеніи въ Брюссель. Неужели и здѣсь Шатобрианъ рисуетъ, выставляетъ себя героемъ, ничтъ эффектныхъ положеній? Неужели здѣсь не сквозятъ такіа чувства, которыхъ трудно ожидать въ Шатобрианѣ, если вѣрить г. Де-ла-Барту? Напримѣръ, благодарныя воспоминанія о женщинахъ Намюра, о за-

¹⁾ См. объ этомъ *A. Maurel, Essai sur Chateaubriand*, стр. 67 и слѣд.

²⁾ Стр. 176.

³⁾ См. *Latreille*, *ук. соч.*, стр. 139 — 140.

⁴⁾ *Mémoires d'Outre-Tombe*, т. II, стр. 33.

ботливой женѣ Герисейскаго лодмана! Или жалость Шатобриана въ неопытнымъ солдатамъ, которымъ жутко и боязно при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ! Или скептическое отношеніе въ собственному героизму и т. д. ¹⁾ Или тотъ, кто написалъ указанную книгу мемуаровъ, не былъ только актеромъ и честолюбивымъ эгоистомъ: онъ умѣлъ развѣнчивать и себя ²⁾!

Вопросъ объ искренности религиозныхъ построеній Шатобриана, о его *обращеніи* подвергся за послѣдніе годы тщательному пересмотру и рѣшенъ... въ пользу знаменитаго поэта. Г. Де-ла-Барту слѣдовало бы это знать. Не такъ давно вышла объемистая диссертация — Georges Bertrin, *La sincérité religieuse de Chateaubriand* (Paris, 1900), достоинства которой были оцѣнены писателями различныхъ лагерей. Конечно, г. Bertrin также нѣсколько увлекается прокурорской ролью въ отношеніи Сентъ-Бѣва, котораго склоненъ заподозрить чуть ли не въ поддѣлкѣ одной страницы изъ мемуаровъ Шатобриана ³⁾. Но нѣтъ спору, что онъ выставилъ въ надлежащемъ свѣтѣ пристрастіе и даже малую лояльность Сентъ-Бѣва къ автору Рене. Г. Де-ла-Бартъ обязанъ былъ считаться съ работой Бертрена: или опровергнуть его аргументы, или изучить вопросъ самостоятельно. Онъ не дѣлаетъ ни того, ни другого, а поэтому страницы, отведенныя въ его книгѣ *обращенію*, уже теперь устарѣли. И мы, конечно, не можемъ здѣсь заниматься пересмотромъ вопроса. Лично намъ аргументация Бертрена кажется убѣдительною. Замѣтимъ только, что и у самого Шатобриана *обращеніе* не изображается, какъ рѣзкій переломъ, какъ скачокъ отъ одного міросозерцанія къ другому. Смутная религиозность — остатки воспитанія и впечатлѣній юношескихъ лѣтъ — *никогда* не покидала Шатобриана. Она жила въ немъ и при переѣздѣ въ Америку ⁴⁾, и во время кампаніи принцевъ ⁵⁾. Его *Отытъ* не былъ *безбожной* книгой (*un livre impie*). Отъ *скептицизма* этой юношеской работы можно было безъ труда перейти къ *уверенности* (*la certitude*) *Génie du christianisme* ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 63, 79, 93, 97.

²⁾ Воле безпристрастную характеристику личности Шатобриана можно найти въ книгѣ покойнаго А. А. Шахова, *Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка* (С.-Пб. 1898), стр. 21 и слѣд.

³⁾ См. G. Michant, *Études sur Sainte-Beuve*, ук. стр.

⁴⁾ См. воспоминанія аббата Мондесира (Mondésir) въ ук. изд. *Atala*, стр. XXV и слѣд.

⁵⁾ *Mémoires d'Outre-Tombe*, т. II, стр. 92.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 177—180. Это также отмѣтилъ А. А. Шаховъ въ ук. соч. стр. 40—43.

Письмо сестры о смерти матери было только эмоциональным толчком, ярким лучем солнца, растопившим и безъ того уже рыхлый, весенний ледъ. *J'ai pleuré et j'ai crié*. Въ этомъ пунктѣ есть нѣкоторая аналогія душевной исторіи Шатобриана и соответственныхъ моментовъ въ жизни Данте, Паскаля, Джона Генри Ньюмена и др. ¹⁾.

VI.

Наставать на лицемеріи и неискренности Шатобриана тому, кто пишетъ о немъ цѣлую книгу, вещь довольно рискованная. Изученіе Шатобриана станетъ невозможнымъ, потеряетъ прочную опору, если оставить въ сторонѣ *Mémoires d'Outre-Tombe*, какъ источникъ сомнительный, произведеніе стараго лицебра и софиста. А вѣдь если г. Де-ла-Бартъ хочетъ оставаться вѣренъ своей характеристикѣ Шатобриана, то ему грозитъ именно эта опасность. Если Шатобрианъ вралъ и актеръ по натурѣ, то можно ли вѣрить его автобіографіи, ссылаться на нее? Извѣстно, что въ автобіографіяхъ вообще мечта и дѣйствительность перемѣшиваются и сливаются очень искусно. Какъ же относится г. Де-ла-Бартъ къ замогильнымъ запискамъ своего героя? Намъ кажется, что онъ не выработалъ вполне определенной точки зрѣнія на предметъ. Строгая, отрицательная оцѣнка личности Шатобриана обязываетъ cadaго, пишущаго о немъ, поставить и рѣшить вопросъ о *достоверности* мемуаровъ, рѣшить или самостоятельно, или опираясь на чужія изслѣдованія. Г. Де-ла-Бартъ такой работы не выполнилъ, и потому запутывается въ неразрѣшимыя противорѣчія, одной рукой бьетъ, другой милуетъ. Прежде всего, онъ нѣсколько разъ даетъ одностороннюю характеристику мемуаровъ, съ которой трудно согласиться. Такъ на стр. 377 мы читаемъ: *Mémoires d'Outre-Tombe*, въ особенности первые два тома, представляются мнѣ не исповѣдью безыскусственной и правдивой, а скорѣе романомъ въ духѣ романтической школы, мыстами переходящимъ въ лирическую поэму ²⁾. Что мемуары не есть произведеніе безыскусственное, что они написаны знатокомъ и мастеромъ литературы, съ этимъ согласится всякій. Но почему же имъ не быть *правдивыми*? Вѣдь то же можно сказать и про *Wahrheit und Dichtung* Гёте, которое все-таки считается

¹⁾ См. объ этомъ F. X. Craus, Dante, стр. 410 — 411 и приложение K. Biré во второмъ томѣ его изданія, стр. 554 — 560, которое лишній разъ доказываетъ правду Шатобриана-автора мемуаровъ.

²⁾ Курсивъ г. Де-ла-Барта.

біографическимъ источникомъ перваго разряда. Въ частности, относительно 7-й книги мемуаровъ мы видѣли, что рисовки и аффектаціи въ ней незамѣтно. Мемуары не лирическая поэма, а эпопея цѣлой эпохи, авторъ которой, конечно, не оставляетъ себя въ тѣни. Это и не въ традиціяхъ автобіографіи. Правдивость Шатобріана установлена для множества отдѣльныхъ моментовъ, для общаго тона изображаемаго времени, для характеристики дѣйствующихъ лицъ. Изданіе г. Giré—наглядное тому доказательство. Что Шатобріанъ округляетъ факты, по своему ихъ освѣщаетъ и комбинируетъ, даже перепутывалъ событія и лица, отдаленныя отъ него цѣлыми десятилѣтіями—все это понятно само собою, но мемуаровъ въ романъ или лирическую поэму еще не превращаетъ ¹⁾. Пусть г. Де-ла-Барть правъ, когда говоритъ, будто Шатобріанъ старался доказывать, что Рене—онъ самъ, поддѣлывался подъ тонъ своего героя ²⁾. Пусть есть нѣкоторая доза истины въ замѣчаніи, что Рене и Мемуары—последовательная обработка одного и того же литературнаго сюжета, фраза, остающаяся въ умѣ читателя основательное недоумѣніе ³⁾. Согласимся со всѣмъ этимъ. Въ мемуарахъ Шатобріана рядомъ съ правдою есть и литература, они тоже—*Wahrheit und Dichtung*. Но почему же г. Де-ла-Барть самъ излагаетъ дѣтскіе и юношескіе годы Шатобріана, лондонское время, любовныя настроенія молодости и еще многое другое, какъ разъ по мемуарамъ, ничто же сумняся, пересказываетъ соответственныя книги и главы? Кто же тутъ правъ? Шатобріанъ ли, желавшій въ мемуарахъ оставить правдивую исторію своей души ⁴⁾, что признаютъ теперь солидные ученые, которые, подобно г. Giraud, готовы видѣть въ Шатобріанѣ *благороднаго, доверчиваго и честнаго христіанина*, или г. Де-ла-Барть, въ иныхъ случаяхъ критикующій достоверность замогильныхъ записокъ, въ другихъ—всецѣло на нихъ опирающійся ⁵⁾? Мы лично охотнѣе повѣримъ старику Шатобріану, потому что вѣримъ и въ искренность романскихъ націй, и не можемъ себѣ представить въ гениальномъ писателѣ чудовищнаго, долготѣяннаго лицемѣрія. Во всякомъ случаѣ, г. Де-ла-Барть, обвѣщающій намъ новыя работы о Шатобріанѣ, долженъ вернуться къ *Mémoires d'Outre-*

¹⁾ См. Giraud, ук. соч., стр. 3—56.

²⁾ Де-ла-Барть, стр. 377.

³⁾ Тамъ же, стр. 381, 391, 392.

⁴⁾ *Mémoires d'Outre-Tombe*, т. II, стр. 147.

⁵⁾ *Де-ла-Барть*, стр. 153 и слѣд. и 304 и слѣд.

Tombe еще раз и окончательно установить свое отношеніе къ этой книгѣ.

VII.

Пересмотра требуетъ и то, что онъ пишетъ о Génie du Christianisme, центральномъ и наиболѣе важномъ изъ раннихъ произведеній Шатобриана. И здѣсь страницы диссертацин заставляютъ ждать лучшаго. Авторъ нѣсколько разъ возвращается къ Génie du Christianisme, анализуя отдѣльные моменты его состава. Но едва-ли онъ дастъ исчерпывающее изложеніе трактата. У него попадаются мысли, съ которыми никакъ нельзя согласиться. Между тѣмъ, какъ мы уже сказали ¹⁾, по нашему мнѣнію, г. Де-ла-Бартъ не имѣетъ права ограничиваться и о Génie краткими замѣтками, произвольно выдѣляя изъ него лишь потребное для своей главной цѣли. Во всякомъ случаѣ, читатель недоумѣваетъ, встрѣчая слѣдующее опредѣленіе сущности апологетическаго трактата: Основная идея „Духа христіанства“ та, что вѣра (и особенно католическая религія) *пастична*, что христіанское ученіе можетъ внушить поэту образы болѣе яркіе, чѣмъ греко-римская мифологія ²⁾. Что и этой мысли принадлежитъ очень видное мѣсто въ трактатѣ, что она *одна* изъ основныхъ всего сочиненія, съ этимъ согласится всякій. Но не менѣе очевидно для того, кто читалъ Génie du Christianisme съ нѣкоторымъ вниманіемъ, что доказательствомъ ея одной Шатобрианъ не ограничиваетъ своей задачи, что онъ имѣетъ въ виду не болѣе и не менѣе, какъ написать *апологию* христіанства, пополнить пробѣлъ, оставленный безвременно-умершимъ Паскалемъ. Шатобрианъ мѣтаетъ не только въ эстетическія эмоціи читателей: его цѣли возвышеннѣе и глубже ³⁾. Точно также трудно понять, что именно хочетъ сказать г. Де-ла-Бартъ, когда на стр. 352-ой говорить о *пантеистическомъ міросозерцаніи* Духа христіанства. Конечно, въ толкованіи трактата ему во многомъ помогаетъ ученіе о поэтѣ-клише и предвзятое мнѣніе о Шатобрианѣ — неисправимомъ фразерѣ и лицемерѣ. Только при этомъ можно вообразить, какъ у г. Де-ла-Барта появилась фантастическая догадка, будто христіанство для Шатобриана лишь литературный факторъ, родъ поэтической ма-

¹⁾ См. выше, § 4.

²⁾ *Де-ла-Бартъ*, стр. 242.

³⁾ См. отдѣлъ Beaux-Arts et Littérature, кн. II, гл. 6-ая, стр. 397 (по изд. Didot, Paris, 1844).

шины ¹⁾). Г. Де-ла-Бартъ, правда, не выдаетъ этой мысли за свою, говорить отъ имени *нѣкоторыхъ критиковъ*, но даже въ такой смягченной формѣ это предположеніе не украшаетъ его книги. А между тѣмъ христіанство во всякомъ случаѣ не менѣе важный факторъ въ исторіи Шатобріана, чѣмъ, напримѣръ, сантиментализмъ. И самъ поэтъ, и все, что мы знаемъ о немъ изъ другихъ источниковъ, указываютъ на это. Одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, какую роль сыграло христіанство въ зарожденіи и развитіи пессимизма Шатобріана, въ созданіи образа Рене? Мы отмѣтили выше, что Шатобріанъ *никогда* не былъ невѣрующимъ, что даже его скептицизмъ и сомнѣнія не имѣли глубокихъ корней. *Смутно* христіанство всегда жило въ душѣ поэта. Не способствовало ли оно укрѣпленію пессимизма? Причинъ шатобріановскаго пессимизма много. Авторъ диссертациі самъ говоритъ о сложности явленія. Кромѣ испытаній эмиграціонной эпохи можно, напримѣръ, имѣть въ виду невѣріе Шатобріана въ политику, и правую, и лѣвую, невѣріе, въ значительной степени изолировавшее его отъ современниковъ, укрѣплявшее въ немъ сознаніе одиночества ²⁾). Но развѣ христіанство, понимаемое *сантиментально*, не способствуетъ пессимизму? Вѣдь и Шатобріанъ говоритъ о *Le vague des passions*, какъ атмосферѣ, принесенной христіанствомъ, въ которой и развивается *болезнь* Рене. Такимъ образомъ, въ *личныхъ* неудачахъ Шатобріана можно прибавить соображенія общаго характера. Г. Де-ла-Бартъ на стр. 240—242 анализируетъ отрывокъ о *le vague des passions*, но самъ опредѣленно по вопросу не высказывается.

VIII.

Перейдемъ къ методологическимъ промахамъ автора. Ихъ, въ нашему удовольствію, не много, и только одинъ производитъ очень непріятное впечатлѣніе. Мы сразу и укажемъ на него. Это—полная шаткость въ употребленіи термина *мировая скорбь*, помѣщенного даже въ заглавіи книги. Оно можетъ внушить совершенно ложную идею о содержаніи диссертациі. Дѣло въ томъ, что г. Де-ла-Бартъ безъ разбора пользуется словами — сантиментализмъ, пессимизмъ, мировая скорбь—и все для обозначенія нѣсколькихъ, вполне ясныхъ, моментовъ французской и англійской литературы въ концѣ XVIII-го сто-

¹⁾ Де-ла-Бартъ, стр. 246.

²⁾ Де-ла-Бартъ, стр. 231.

лѣтія. Мысль-то у г. Де-ла-Барта новая и правильная, о сентиментализмѣ Шатобріана, а терминъ остался старый, къ дѣлу не идущій. О заправскихъ представителяхъ міровой скорби, напимѣръ Байронѣ, Альфредѣ де-Виньи, даже Сентъ-Бѣвѣ, авторѣ *La volupté* и лирическихъ стихотвореній, у г. Де-ла-Барта и рѣчи нѣтъ. Поэтому читатель его долгое время находится въ полномъ заблужденіи и чувствуетъ досаду, когда, наконецъ, разъясняется, что подъ видомъ *міровой скорби* фигурируетъ чувствительная и меланхолическая поэзія XVIII-го столѣтія. Насколько мы поняли содержаніе I-ой главы диссертациі, міровая скорбь = чувствительности французовъ и англичанъ незадолго до французской революціи (!). Къ чему же было, въ такомъ случаѣ, городить огородъ? Потому авторъ, какъ будто, хочетъ поправиться, сообщая на стр. 146-ой, что меланхолія чувствительниковъ *не есть* міровая скорбь. Еще-бы! Наконецъ, на стр. 391-ой авторъ дѣлаетъ выводъ, совершенно правильный, но едва-ли ожидаемый въ книгѣ съ заглавіемъ его диссертациі: Шатобріанъ *не есть* поэтъ міровой скорби.,. Такая методологическая небрежность—непростительный промахъ въ ученой работѣ!

Не много лучше обстоитъ дѣло и съ чувствительностью или сентиментализмомъ. И здѣсь попадаются шероховатости терминологіи. Если можно допустить, конечно, не безъ натяжки, что Прево и Расинъ сентименталисты, то какъ отнести къ ихъ числу Босюэ, Шекспира и даже авторовъ Библии? А по г. Де-ла-Барту выходитъ именно такъ. На стр. 239-ой сказано, что для выраженія пессимизма Шатобріану послужила поэтика французскихъ и английскихъ чувствительниковъ. Нѣсколько ниже къ числу такихъ *пособниковъ* Шатобріана прибавлены авторъ Гамлета, знаменитѣйшій французскій богословъ XVII-го столѣтія и неизвѣстные творцы Ветхаго Завѣта. Неужели пессимизмъ всѣхъ этихъ писателей одинаковъ, не имѣетъ отгѣнковъ? Г. Де-ла-Бартъ просто на просто не различаетъ чувствительности, пессимизма и міровой скорби. Первые два момента были у Шатобріана, въ существованіи третьяго позволительно сомнѣваться.

На основное противорѣчіе автора диссертациі—двойное отношеніе къ Мемуарамъ уже указано. Но въ его работѣ есть и другія. Напимѣръ, онъ считаетъ одной изъ особенностей поэзіи Шатобріана импрессионизмъ, стремленіе нагромождать всякіе ужасы и т. д.—свойства, едва-ли характерныя для изучасмаго поэта. Но не станемъ спорить о томъ, правъ ли г. Де-ла-Бартъ по существу. Для насъ важно лишь то, что импрессионизмъ Шатобріана онъ то ставитъ на счетъ

англійскихъ романистовъ, въ родѣ Рэдклифъ или Льюса, то возводитъ его къ Вольтеру и Кребиллону, то, наконецъ, за эти прегрѣшенія дѣлаетъ повиннымъ самого Данте ¹⁾. На комъ же остановиться? Писатели взяты довольно разнообразны! Такъ и некромаію Шатобриана воспринялъ не только отъ чувствительниковъ, но и отъ Петrarки, у котораго авторъ совершенно напрасно тоже усматриваетъ стремленіе *напромождатъ эффекты* ²⁾. Образы и антитезы, характерныя для стиля Шатобриана, объясняются то особенностями его психики, то литературнымъ вліаніемъ ³⁾. Кстати, говоря о литературныхъ воздѣйствіяхъ, г. Де-ла-Бартъ склоненъ дѣлать ошибку многихъ начинающихъ ученыхъ—принимать совпаденіе, можетъ быть, чисто случайное, за прямое подражаніе и заимствованіе. Такъ, напримѣръ, Эвдоръ—блѣдная копія съ корнеловскаго Поліекта ⁴⁾. Есть, наконецъ, въ книгѣ г. Де-ла-Барта курьезы, по вѣснѣмъ вѣроятіямъ, *lapsus calami*. Напримѣръ, на стр. 387-ой слова бл. Августина *Nondum amabam et amare amabam* и т. д. приписаны автору Подражанія Христу. На стр. 405-ой авторъ отыскалъ нѣкому невѣдомыхъ, *последнихъ мартитанскихъ калифовъ Зеирсовъ и Абенсераговъ*.

Мы кончили и будемъ очень огорчены, если читатель вынесетъ представленіе о книгѣ г. Де-ла-Барта, какъ о работѣ, вызывающей лишь сомнѣнія и вопросы, работѣ, къ которой надо относиться съ великой осторожностью. Это—невѣрно. Повторимъ безъ обиняковъ: диссертация г. Де-ла-Барта почтенный трудъ, въ которомъ достоинствъ больше, чѣмъ недостатковъ. Последніе, почти всегда, объясняются не малымъ знаніемъ предмета, торопливостью и небрежностью автора, а обширностью того, что подлежало изученію. Авторъ поступилъ-бы правильнѣе, если бы, въ самомъ дѣлѣ, ограничился анализомъ шатобриановскаго сентиментализма, оставивъ христіанство и все связанное съ нимъ (слѣдовательно и *Les Martyrs* и *Le dernier des Abencérages*) для втораго тома своихъ этюдовъ. Будемъ надѣяться, что, во всякомъ случаѣ, онъ не замедлитъ явиться въ печати.

Д. Петровъ.

¹⁾ *Де-ла-Бартъ*, стр. 292, 332, 350.

²⁾ Тамъ же, стр. 335—336.

³⁾ Стр. 360—364.

⁴⁾ Стр. 402—408.

Баронъ С. А. Корфъ. Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1865 г. С.-Петербургъ, 1906 г., 707 стр.

Вопросъ о дворянствѣ въ Россіи не разъ былъ предметомъ монографическаго изслѣдованія. Но нельзя сказать, чтобы онъ былъ обработанъ исчерпывающимъ образомъ, несмотря на наличность такихъ выдающихся ученыхъ трудовъ, какъ извѣстная книга профессора А. В. Романовича-Словатинскаго. Авторъ разсматриваемаго сочиненія избралъ предметомъ своего изслѣдованія одну лишь сторону обширнаго вопроса о русскомъ дворянствѣ, правда сторону весьма важную и интересную. Онъ задался цѣлью „представить возможно полную картину исторіи дворянскаго сословнаго управленія“ за періодъ времени, начиная съ 1762 г. и оканчивая царствованіемъ Императора Николая I. Желая возможно всесторонне разсмотрѣть избранную имъ тему, баронъ Корфъ останавливается не только на юридической сторонѣ сословнаго дворянскаго управленія въ его историческомъ развитіи, но и на сторонѣ бытовой и потому старается выяснить отношеніе дворянства къ его сословнымъ интересамъ и къ выборной службѣ, а также охарактеризовать „положеніе послѣдней и ея историческое и общественное значеніе“ (Предисловіе, V). Съ цѣлью разрѣшенія поставленной себѣ задачи онъ собралъ и изучилъ довольно обширный сырой матеріалъ (законодательство, законопроекты, наказы депутатамъ въ Екатерининскую комиссію, записки современниковъ, административныя распоряженія и т. п.) и ознакомился съ литературой предмета. На основаніи всего этого матеріала баронъ Корфъ тщательно нарисовалъ какъ съ юридической, такъ и бытовой точки зрѣнія довольно полную картину возникновенія и постепеннаго развитія дворянскаго сословнаго управленія въ теченіе взятаго имъ промежутка времени. Въ его книгѣ читатель находитъ не только обстоятельный анализъ содержанія цѣлаго ряда законодательныхъ актовъ, отмѣчавшихъ собою направленіе въ развитіи изслѣдуемыхъ институтовъ, но и условія условій, при которыхъ эти акты были изданы, а также оцѣнку ихъ значенія. Словомъ г. Корфъ даетъ въ своемъ сочиненіи самый полный обзоръ исторіи дворянскаго сословнаго управленія до конца царствованія Николая I. Таковы несомнѣныя положительныя стороны разсматриваемаго изслѣдованія. Но въ него вкрался и рядъ разнаго рода недостатковъ, на которые справедливость требуетъ также обратить вниманіе.

Прежде всего нельзя не пожалѣть о томъ, что свой обзоръ исторіи

дворянскаго сословнаго управленія г. Корфъ обрываетъ на царствованіи Николая I и оставляетъ безъ разсмотрѣнія судьбу этого управленія въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Между тѣмъ состояніе сословнаго дворянскаго управленія въ новѣйшее время, въ виду важныхъ государственныхъ реформъ, начиная съ царствованія Императора Александра II, имѣетъ большой интересъ. Оставивъ свое изслѣдованіе на времени царствованія Императора Николая I, бар. Корфъ лишаетъ тѣмъ себя важнаго матеріала для общихъ выводовъ о всей судьбѣ разсматриваемаго имъ явленія нашей государственной и социальной жизни. Затѣмъ жаль также, что авторъ разсматриваемаго труда въ своемъ изложеніи, по крайней мѣрѣ въ первыхъ главахъ, придерживается строго хронологическаго порядка. Хронологическій порядокъ безъ систематическаго недостаточенъ. Читатель долженъ самъ заняться систематизаціей и переработкой хронологически расположеннаго матеріала, чтобъ составить себѣ опредѣленное представленіе о ходѣ развитія отдѣльныхъ сторонъ разсматриваемаго института. Съ этими соображеніями, повидимому, считается и самъ авторъ, такъ какъ, начиная съ VIII главы, онъ соединяетъ хронологическій порядокъ своего обзора съ систематизаціей матеріала по отдѣльнымъ вопросамъ.

Далѣе изложеніе страдаетъ растянутостью, частыми повтореніями одного и того же, излишними подробностями (напримѣръ, о депутатскихъ наказахъ) и ненужными отступленіями (напримѣръ, общая оцѣнка реформъ Екатерины II, стр. 214—219, характеристика царствованія Павла I, стр. 220—230, Александра I и партій при немъ, а равно характеристика дѣятельности неофициальнаго комитета, стр. 276—300, характеристика чиновничества при Николаѣ I, стр. 639 и сл.).

Кромѣ отмѣченныхъ недостатковъ въ книгѣ г. Корфа есть и другія погрѣшности. Прежде всего это—невѣрныя положенія. Такъ на стр. 33 находимъ ту мысль, что „наказы не сознавали такъ же, какъ и правительство, необходимости отдѣленія суда отъ администраціи“. Это не вѣрно: необходимость отдѣленія суда отъ администраціи вполнѣ сознавалась правительствомъ, чему доказательствомъ служатъ какъ постановленія учрежденія о губерніяхъ 1775 г., такъ и манифестъ, при которомъ это учрежденіе было издано и въ которомъ прямо сказано, что учрежденіе „какъ всякъ усмотрѣть можетъ, судебныя мѣста отдѣляетъ отъ губернскихъ правленій“. Да на стр. 101 это признаетъ

и самъ авторъ и, вопреки высказанному имъ раньше взгляду, говоритъ, что, „издавая учрежденіе о губерніяхъ, Екатерина II преслѣдовала три основныхъ идеи: во-первыхъ, ей хотѣлось провести раздѣленіе вѣдомствъ, во-вторыхъ, отдѣлить судъ отъ администраціи“... Съ другой стороны есть основаніе утверждать, что и въ обществѣ мысль о необходимости отдѣленія суда отъ администраціи находила иногда хотя и робкое выраженіе, напримѣръ, въ мнѣніи нижнеломовскаго дворянскаго депутата (см. Сборн. Имп. рус. истор. общ., XIV, 100).

Неосновательно также и безъ дальнѣйшихъ поясненій даже прямо мало понятно утвержденіе на стр. 94,—что „Иванъ Грозный первый изъ русскихъ царей, открыто принявшій демократическо-монархическую программу, положилъ тѣмъ самымъ основу дальнѣйшему развитію дворянства на Руси въ направленіи сословной обособленности“. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, будто третья часть жалованной грамоты дворянству, въ которой говорится о дворянской родословной книгѣ, „имѣетъ значеніе, какъ первое установленіе формальнаго различія между сословіемъ дворянскимъ и прочими классами населенія“ (стр. 147). Установленіе такого различія имѣетъ свои корни уже въ законодательствѣ Петра Великаго—въ табели о рангахъ, въ законахъ о титулахъ и гербахъ дворянскихъ.

Затѣмъ на стр. 210 авторъ говоритъ: „законодательство Екатерины не установило опредѣленнаго круга дѣятельности ни для собраний (дворянства), ни для предводителей; функціи ихъ опредѣлялись исторически, вслѣдствіе чего намъ представляется невозможнымъ дать юридическую конструкцію органовъ сословнаго управленія въ современномъ смыслѣ“. Эти положенія и фактически повѣрны и принципиально неприемлемы. Въ жалованной грамотѣ дворянству компетенція, права, преимущества и обязанности дворянскихъ собраний и предводителей дворянства опредѣлены довольно подробно въ цѣломъ рядѣ статей, начиная со ст. 38. То же обстоятельство, что функціи извѣстнаго органа опредѣляются не однимъ какимъ либо законодательнымъ актомъ, а основываются на законахъ, изданныхъ въ разное время, но сохраняющихъ свою силу въ данный моментъ, нисколько не мѣшаетъ дать юридическую конструкцію этого органа.

Кромѣ неприемлемыхъ положеній встрѣчаются иногда въ книгѣ путаница и противорѣчія. Такъ эти недостатки ярко обнаруживаются, напримѣръ, при оцѣнѣ значенія жалованной грамоты 1785 г. На стр. 164—165 читаемъ: „Жалованная грамота дворянству установила

новое и весьма важное начало; дворянскому сословному управленію были даны новыя права и большая самостоятельность въ дѣлѣ за-вѣдыванія сословными нуждами; ему (?) даровано было самоуправленіе. Юридически такая реформа имѣетъ, конечно, огромное значеніе; нельзя однако сказать, чтобы она имѣла и практическое значеніе, т. е. внесла бы существенныя измѣненія въ строй дворянской жизни и оказала бы какое-либо вліяніе на корпоративную организацію сословія. Дворянство... не воспользовалось, да и не могло воспользоваться новыми началами жалованной грамоты". Но уже на послѣдующихъ стр. въ разрѣзъ съ только что сказаннымъ авторъ утверждаетъ, что реформа Екатерины II „укрѣпила корпоративную связь сословія, систематизировала службу по выборамъ дворянства“ (171) и что „дальнѣйшее развитіе дворянскаго сословнаго управленія имѣло своимъ основаніемъ начала, заложенныя грамотой 1785 г.“ „Обстоятельство это, продолжаетъ онъ, доказываетъ намъ, какъ вѣрно поняла Екатерина стремленія дворянскаго сословія и какъ искусно сумѣла согласовать ихъ съ требованіями жизни“. „Начала грамоты дворянству сослужили службу фундаментальнѣйшему ходу исторіи дворянскаго сословнаго управленія; скажемъ далѣе, они были настолько жизненны, что просуществовали, несмотря на то, что въ послѣдующее время было сдѣлано все возможное для ихъ упраздненія“ (181 — 182). „Корпоративная организація дворянства стала требованіемъ самой жизни“ (стр. 207). При столь явныхъ противорѣчіяхъ трудно сказать, какого взгляда держится авторъ по затронутымъ только что вопросамъ. Столь же противорѣчны и сбивчивы воззрѣнія г. Корфа и по вопросу о томъ, были ли у дворянъ въ XVIII вѣкѣ мѣстные интересы и, если были, то насколько они были значительны. Вотъ доказательства.

Приведа на стр. 172 мнѣніе покойнаго проф. А. Д. Градовскаго о томъ, что главной причиной неудачи введенія дворянскаго сословнаго самоуправленія было отсутствіе мѣстныхъ интересовъ у дворянъ, баронъ Корфъ на слѣдующей 173 стр. говоритъ: „Мы никакъ не можемъ согласиться съ такимъ разсужденіемъ. Интересы мѣстные у дворянства той эпохи (екатерининской) несомнѣнно существовали; объ этомъ намъ не разъ уже приходилось говорить; съ переселеніемъ значительной части дворянства изъ столицъ въ уѣзды такіе интересы не могли не зародиться; законъ въ этомъ случаѣ, какъ намъ кажется, шелъ именно навстрѣчу стремленіямъ дворянскаго сословія“. Однако

на этомъ тезисѣ г. Корфъ не долго настаиваетъ, и уже на 213 стр. мы читаемъ: въ 1762 г. служба дворянъ „перестала быть принудительной, дворянство было распушено по деревнямъ; но прежніе интересы скоро восторжествовали; съ провинціей у дворянства не было никакой связи; остальное населеніе они (?) презирали, къ сельскомъ же хозяйствѣ ничего не понимали“. Еще болѣе опредѣленно въ томъ же направленіи высказывается нашъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своей книги. Характеризуя на стр. 377 взгляды Сперанскаго по дворянскому вопросу, онъ замѣчаетъ: „Сперанскій вѣрно опредѣлилъ значеніе сословнаго управленія. Первымъ условіемъ онъ ставилъ наличие у дворянства мѣстныхъ интересовъ; послѣднихъ же онъ не находилъ, и, намъ кажется, исторія достаточно подтвердила правильность такого взгляда“. Но это не все. На стр. 591 бар. Корфъ, оцѣнивая результаты закона 1831 г., приходитъ къ такимъ выводамъ: „За дворянскими губернскими обществами были признаны корпоративныя права и значеніе юридическихъ лицъ; но, утверждая за ними такое положеніе, законодатель не могъ, по вѣрному замѣчанію Градовскаго, создать интересовъ для нихъ. Корпоративныхъ интересовъ у русскаго дворянства не было и не могло быть, это достаточно ясно доказала изученная нами исторія; дворянскія корпорации остались теоретическими фикціями“. Можно ли быть болѣе непослѣдовательнымъ и впадать въ большія противорѣчія?

Этимъ я заканчиваю указанія на важнѣйшіе недостатки книги бар. Корфа. Отмѣчу еще только одинъ литературный пробѣлъ. Говоря о неофициальномъ комитетѣ при Александрѣ I, бар. Корфъ замѣчаетъ, что „дѣятельность этого комитета осталась неполной выясненной исторіей“ и пр. Жаль, что авторъ, повидимому, упустилъ изъ виду книгу Великаго Князя Николая Михайловича: „Графъ П. А. Строгановъ“ (т. I—III, 1903 г.), въ которой есть на этотъ счетъ новый интересный матеріалъ.

Остается подвести теперь итогъ и сдѣлать общую оцѣнку разсматриваемаго сочиненія. Составляя достоинства книги бар. Корфа со слабыми ея сторонами, приходится придти къ тому заключенію, что послѣднія значительно покрываются первыми, и потому, не колеблясь, можно признать эту книгу имѣющимъ научное значеніе изслѣдованіемъ въ области вопроса о дворянствѣ въ Россіи.

И. Ивановскій.

С. Смирновъ. Духовный отецъ въ древней восточной церкви (Исторія духовничества на Востокаѣ). Ч. I (періодъ вселенскихъ соборовъ). Сергіевъ Посадъ, 1906 (XXIII+341).

Въ 1899 г. г. С. Смирновымъ былъ изданъ очеркъ: „Древне-русскій духовникъ“. Изученіе матеріала, относящагося къ древне-русскому духовничеству, привело изслѣдователя къ рѣшенію выяснитъ всю исторію восточнаго и русскаго духовничества; но въ издаваемой теперь первой части онъ успѣлъ изслѣдовать лишь половину первоначальной исторіи духовничества (съ IV в. до половины IX в.), потому что вопросъ оказался болѣе сложнымъ, чѣмъ могло казаться автору сначала. Книга г. Смирнова есть серьезная и добросовѣстная ученая работа. Опъ имѣетъ хотя и не исчерпывающую, но достаточную освѣдомленность въ литературѣ, собралъ обильный матеріалъ и разработалъ его съ подобающимъ научнымъ безпристрастіемъ, не обходя и не замалчивая тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя другому на его мѣстѣ могли бы, пожалуй, показаться неприятными и непріемлемыми. Однако, нѣкоторыя положенія и сужденія автора могутъ быть оспариваемы съ строго-научной точки зрѣнія, и я тѣмъ болѣе чувствую себя вынужденнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, что не имѣлъ въ виду книги г. Смирнова въ новыхъ изданіяхъ моихъ изслѣдованій: „Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ восточной церкви“ и „Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ“. Первое изъ нихъ появилось въ свѣтъ весною нынѣшняго года, а второе хотя вышло теперь, въ концѣ осени, но въ той его части, въ которой затрогиваются вопросы, трактуемые въ книгѣ г. Смирнова, напечатано было также весною.

Изслѣдованію своему авторъ предпослалъ введене: это есть не что иное, какъ рѣчь, произнесенная имъ передъ публичною защитою разбираемой книги, которая представлена была въ Московскую духовную академію, въ качествѣ магистерской диссертациі. А самое изслѣдованіе составляетъ изъ трехъ главъ.

Такъ какъ мнѣ придется говорить словами автора, то читатель предупреждается, что г. Смирновъ недостаточно твердо въ юридической терминологіи, смѣшивая поручительство съ порученіемъ (стр. XVIII и 270), полномочіе съ уполномоченіемъ (стр. XVII и 270) и постоянно говоря о „бытовомъ институтѣ старчества“, которое уже по той причинѣ не могло быть институтомъ, что было бытовымъ явленіемъ, такъ какъ институтомъ принято называть учрежденіе, опредѣленное со всѣхъ сторонъ законодательными нормами, или, по меньшей мѣрѣ,

признаннымъ властію обычнымъ правомъ, а не остающееся лишь явленіемъ или фактомъ быта.

Въ восточной церкви съ XII в. и въ древней Руси, говоритъ авторъ, „съ понятіемъ духовнаго отца соединилось представленіе какъ о священникѣ—*совершителѣ таинства покаянія*, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ о *руководителѣ-пастырѣ* тѣхъ вѣрующихъ, надъ которыми онъ совершалъ таинство и которыхъ называлъ своими дѣтьми духовными“. Это, не совсѣмъ удачно редактированное, положеніе поясняется другимъ тоже не совсѣмъ удачнымъ со стороны редакціи: „съ институтъ духовнаго отца (съ XII в.) два элемента: каноническій—*источникъ духовно-отеческихъ полномочій и власти (іерархическій санъ духовнаго отца и епископское поручительство) и пастырскій—внутренняя и внѣшняя организація взаимныхъ нравственно-бытовыхъ отношеній духовнаго отца и дѣтей*“ (стр. XVI—курсивы всѣ автора). Проще говоря, авторъ желаетъ сказать, что въ позднѣйшемъ духовникѣ соединились: священникъ, который не былъ первоначально совершителемъ таинства покаянія, и духовный отецъ (монастырскій старецъ), который не былъ священникомъ. Въ постепенномъ вычлѣненіи каждаго изъ этихъ элементовъ позднѣйшаго духовничества, затѣмъ во взаимномъ ихъ сближеніи и состоитъ вся первоначальная исторія изучаемаго авторомъ института (а вмѣстѣ и задача изслѣдованія).

Изъ трехъ главъ книги г. Смирнова первая говоритъ о старцевѣ въ древнихъ восточныхъ монастыряхъ, вторая—объ исповѣди и покаяніи въ древнихъ монастыряхъ востока, третья—объ исповѣди мірянъ передъ старцами и покаянной дисциплинѣ въ церкви до IX в.

Нельзя сказать, чтобы авторъ пришелъ къ ясному и опредѣленному выводу относительно того, какъ нужно смотрѣть на исповѣдь, совершавшуюся передъ монастырскими старцами,—присущи ли были этой исповѣди черты таинства, или она не имѣла таковыхъ. На стр. 95 говорится, что даже „исповѣдь, совершася старцами-пресвитерами (т. е. имѣвшими пресвитерскій санъ, какъ это бывало на примѣръ въ Египтѣ), надо считать только старческой, а не сакраментальною“. На стр. 116—117 говорится, что древняя монашеская исповѣдь была „только благочестивымъ упражненіемъ“, или „однимъ изъ моментовъ аскетическаго дѣланія“, а „но составною частію таинства покаянія“. Но, добавляется почти непосредственно вслѣдъ за этимъ, „естъ серьезныя основанія думать, что съ монашеской исповѣди формировался институтъ, близкій къ тайной сакраментальной исповѣди (курс. въ подл.).., убѣдительно доказательство этого заклю-

чается въ томъ, что монашеская частная исповѣдь издревле была *исповѣдью тайною*, потому что соединялась съ соблюденіемъ тайны исповѣданныхъ прегрѣшеній“ (относительно этого положенія автора будетъ сдѣлано замѣчаніе ниже). На стр. 133—134 говорится, что „если старческія молитвы къ Богу о прощеніи грѣховъ исповѣдавашаго ихъ не содержали мысли о правѣ старцевъ вязать и рѣшать, зато... мы видимъ съ ихъ стороны твердую увѣренность, что молитва ихъ будетъ услышана, и прощеніе будетъ дано“. „А такъ какъ древнѣйшія сакраментальныя формулы разрѣшенія въ исповѣдныхъ чинахъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ составлены въ молитвенно-просительномъ, а не въ изъявительномъ тонѣ... то это обстоятельство снова сближаетъ монашескую старческую исповѣдь съ тайною сакраментальною, какъ предшествующую форму съ послѣдующею, развившеюся подъ ея вліяніемъ“. Вообще автору кажется, что „между старческою исповѣдью и сакраментальною тайною болѣе поздняго времени есть значительныя черты сходства—въ самомъ чинѣ, въ разрѣшительныхъ формулахъ, въ системѣ епитимій.

Едва ли изъ приведенныхъ выдержекъ можно заключить объ устойчиво опредѣлившемся взглядѣ автора на предметъ его разсужденія, и неопредѣленность точки зрѣнія автора нисколько не разъясняется тѣмъ, что говорится на стр. 200: „исповѣди мірянъ предъ старцами *въ древности* среди самаго монашества придавалось гораздо большее значеніе, а именно какъ акту, *разрѣшающему отъ грѣховъ*, приближающему се къ акту сакраментальному“. Самъ потерявъ изъ вида всякую историческую перспективу, то считая древнюю монашескую исповѣдь только благочестивымъ упражненіемъ, то находя въ ней значительныя черты и близость съ позднѣйшею сакраментальною тайною исповѣдью, авторъ напрасно приписываетъ всѣмъ канонистамъ взглядъ, что исповѣдь мірянъ предъ простыми монахами была церковно-бытовымъ явленіемъ, а не составною частію таинства покаянія (стр. 200). Что касается меня лично, то въ брошюрѣ: „Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ“, Ярославль, 1898, стр. 81—82, я говорю, что „люди, желавшіе снять тяжесть съ своей совѣсти и найти себѣ душевное успокоеніе, не въ силу судебного осужденія и не въ силу какого-либо каноническаго предписанія, а добровольно стали обращаться къ монахамъ, чтимымъ за святость жизни. И такъ какъ духовническая практика монаховъ явилась не въ силу установленнаго церковнымъ правительствомъ порядка, а путемъ обычая, то я и называлъ ее церковно-бытовымъ явленіемъ. Считали ли добро-

вольные пациенты монаховъ исповѣдь предъ ними сакраментальною, или не сакраментальною, неизвѣстно,—вѣроятно же всего, что они вовсе не задавались этимъ вопросомъ. Приписывали ли себѣ сами монахи вяжущую и разрѣшающую власть, или *правильнѣе сказать, съ какою времени они стали приписывать ее, тоже неизвѣстно*. За достовѣрное нужно принять, однако, что кто исповѣдывался предъ монахомъ, не шелъ уже потомъ на исповѣдь къ приходскому священнику, такъ что исповѣдь предъ монахами, какъ церковно-бытовое явленіе, хотя бы она и не была сакраментальною, или, иначе не была составною частію таинства покаянія, исключала сакраментальную духовническую практику*. Все это было сказано мною противъ профессора Павлова, который именно настаивалъ на томъ, что духовническая практика монаховъ была бытовымъ явленіемъ, а „сакраментальная“ находилась въ рукахъ приходскихъ священниковъ. Между тѣмъ г. Смирновъ цитируетъ и приведенныя мои слова, и соответствующее мѣсто изъ „Номоканона при большомъ требникѣ“ профессора Павлова, приписывая намъ обоимъ взглядъ на исповѣдь предъ монахами, какъ на бытовое явленіе.

Авторъ слѣдуетъ Голю (K. Holl. *Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum*, 1898), производя монастырскихъ старцевъ отъ харизматиковъ апостольскаго времени, и не придастъ должнаго значенія тому влиянію, которое оказали на монашество сочиненія Псевдо-Діонисія Ареопагита, послѣдствіемъ чего и было то, что всякая историческая перспектива исчезла изъ глазъ. Изъ того, что св. авва Варсануфій ставилъ даръ отпускать грѣхи наряду съ даромъ исцѣленій и даромъ изгнанія бѣсовъ и зналъ, по его словамъ, *только трехъ мужей*, обладавшихъ въ его время даромъ отпускать грѣхи—одного въ Римѣ, другого въ Коринѣ, третьяго въ Іерусалимской церкви—нельзя дѣлать никакихъ выводовъ о происхожденіи старцевъ отъ харизматиковъ апостольскаго времени и объ усвоеніи ими себѣ власти вяжущей и разрѣшающей. Говори объ исповѣди предъ монахами, то какъ о благочестивомъ упражненіи, то какъ о чемъ-то „близкомъ“ къ таинству покаянія, авторъ считаетъ за несомнѣнное, что тайная сакраментальная исповѣдь существовала въ церкви съ глубокой древности (стр. 176), другими словами увѣренъ въ томъ, что въ глубокой древности существовало столь же точно сформулированное понятіе о таинствѣ покаянія, какъ оно сформулировано теперь въ догматическомъ богословіи. Эта формула служитъ для него мѣрой, съ которою онъ надѣется произвести правильное распредѣленіе

явленій древне-церковной жизни по разнымъ категоріямъ. Но ему нужно было опровергнуть высказанный въ литературѣ взглядъ, что таинство покаянія въ древности соединялось съ публичнымъ церковнымъ покаяніемъ. Пока этого не сдѣлано, всякія разсужденія объ исконномъ существованіи „сакраментальной тайной исповѣди“ будутъ не несомнѣнными, а болѣе чѣмъ сомнительными, и то, что авторъ называетъ „близкимъ“ къ ней, въ сущности должно означать то самое, что мы въ настоящее время называемъ таинствомъ покаянія. Дѣло же историка состоитъ въ томъ, чтобы объяснить, какими образомъ и по какимъ причинамъ совершилось перенесеніе таинства съ публичнаго на тайное покаяніе, а равнымъ образомъ въ какой мѣрѣ и съ какою постепенностью содѣйствовали этому перенесенію монахи, или содѣйствовали, какъ выражается авторъ, институтъ старчества. Между учрежденіемъ въ III вѣкѣ должностію покаяннаго пресвитера и между духовничествомъ авторъ видитъ только внѣшнее сходство. „Сходство заключается въ томъ прежде всего, что духовникъ (позднѣйшій) обладаетъ тою же іерархическою степенію, что и покаянный пресвитеръ, а затѣмъ въ томъ, что какъ покаянный пресвитеръ получалъ свое полномочіе отъ епископа, который поставлялъ его на должность, такъ и духовникъ, обладавшій саномъ священника, совершалъ таинство покаянія, по представленію канонистовъ XII вѣка, по особому поручительству епископа, которое обычно выражалось тогда специальною грамотою. Очень можетъ быть, что упраздненная должностъ покаяннаго пресвитера для греческихъ канонистовъ и послужила отчасти выясненію права епископскаго полномочія пресвитеру-духовнику на употребленіе апостольской власти вязать и рѣшить. Но утверждать, что между институтомъ покаяннаго пресвитера и позднѣйшимъ институтомъ духовника существуетъ связь генетическая, никакъ нельзя“ (стр. 270). Такъ разсуждаетъ авторъ. Съ этимъ можно согласиться, но нельзя одобрительно отнестись къ автору за то, что онъ опять неточно передаетъ мое мнѣніе, сопоставляя его съ мнѣніемъ проф. Павлова. Послѣдній признается правымъ въ томъ отношеніи, что официальными носителями въ древней церкви власти вязать и рѣшить признавалъ только лицъ, имѣвшихъ священный санъ, а проф. Суворовъ признается неправымъ въ томъ, что считаетъ единственными совершителями тайной исповѣди въ періодъ вселенскихъ соборовъ монаховъ, независимо отъ того, имѣли они священный санъ или нѣтъ (стр. 294). На самомъ дѣлѣ въ брошюрѣ: „Вопросъ о номоканонѣ“ и проч. на стр. 80—81 я говорю слѣдующее: „что добровольно могли обращаться къ *епископу* лица,

совѣсть которыхъ была обременена тяжкими грѣхами, и что епископъ, хотя бы и обремененный множествомъ церковно-административныхъ дѣлъ, не могъ отказать кающемуся въ принятіи его исповѣди, когда кающійся къ нему именно обращался,—этого ни я не отрицаю, ни проф. Павловъ не можетъ отрицать“ (проф. Павловъ старался доказать, что ординарными духовниками были приходскіе священники). Поэтому авторъ, приводя два-три свидѣтельства изъ періода вселенскихъ соборовъ о принятіи тайной исповѣди епископами, ничего новаго для меня не сказалъ. Новымъ и цѣннымъ могло бы считаться приведеніе авторомъ нѣсколькихъ свидѣтельствъ о принятіи исповѣди пресвитерами. По даннымъ относительно египетскихъ пресвитеровъ нужно пользоваться съ нѣкоторою осторожностью. Извѣстно, что въ Египтѣ долгое время, кромѣ епископа александрійскаго, не было никакихъ другихъ епископовъ. Поэтому пресвитеры египетскіе должны были находиться въ нѣмъ положеніи, сравнительно съ пресвитерами какихъ-либо другихъ странъ, и вполне допустимо предположеніе, что даже въ IV и V вв., когда въ Египтѣ существовала уже масса епископовъ, пресвитеры могли считать себя компетентными въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, которыя въ другихъ странахъ входили въ кругъ компетенціи епископской. Затѣмъ нельзя назвать удачными попытки автора извлечь изъ посланія преподобнаго Нила Синайскаго къ пресвитеру Хариклію тотъ же выводъ, который нѣкогда извлекался изъ этого посланія г. Звозерскимъ. Жестокосердый пресвитеръ Харикліій обличается преподобнымъ за то, что отвергъ покаяніе нѣкоего Фаустина, „предъ всѣми исповѣдавшего свои грѣхи со многымъ смиреніемъ“, на томъ основаніи, что покаяніе словомъ недостаточно для согрѣшившихъ дѣломъ. По этому поводу г. С. Смирновъ отвергаетъ разныя предположенія, высказанныя мною, именно что пресвитеръ Харикліій, можетъ быть, былъ нечуждъ новаціанскаго ригоризма (въ самомъ посланіи есть намекъ на это), что Харикліій могъ быть покайнымъ пресвитеромъ (должность эта не была еще тогда повсемѣстно упразднена), что Нилъ потому въ особенности долженъ былъ отнестись съ порицаніемъ къ суровому пресвитеру, что, будучи ученикомъ Златоуста, держался взглядовъ своего учителя, который исповѣдь словомъ считалъ достаточнымъ покаяніемъ. По поводу послѣдняго предположенія г. Смирновъ нашелъ даже, что „вообще нельзя назвать удачнымъ приѣмамъ судить о воззрѣніяхъ Нила по твореніямъ Златоуста“, такъ какъ въ посланіи къ Хариклію Нилъ скорѣе сближается съ Харикліємъ, чѣмъ съ Златоустомъ, восхваляя такіа дѣла покаянія, какъ

постъ, бдѣніе, возлежаніе на голой землѣ и проч., и исповѣдь словомъ допуская лишь для тѣхъ, у кого „по маловнимательности или по какому либо обстоятельству, или по безсилію, или по нерадѣнію, окажется великій недостатокъ сказанныхъ выше пособій“. Но вѣдь такъ могъ выразиться и самъ Златоустъ. Вѣдь и Златоустъ приводилъ въ примѣръ покаянія не только разбойника и блуднаго сына, но и ниневитянъ, которые покались не только словомъ, а и дѣломъ. Но главное, полагасть г. Смирновъ, не въ этомъ, а въ томъ, что всѣ эти соображенія не могутъ ослабить свидѣтельства самаго факта: пресвитеръ Хариклій, по какимъ бы мотивамъ онъ ни дѣйствовалъ, „не примирилъ съ церковью Фаустина, исповѣдавшаго грѣхи свои предъ нимъ даже всенародно. Песомнѣнно онъ употребилъ здѣсь *вяжущую власть* (какую же иначе?). Преподобный Нилъ Синайскій, порицая неумѣренную строгость Хариклія, совѣтуетъ ему охотно и сострадательно принимать падшихъ, т. е. примѣнять рѣшающую власть (какую же иначе?)“ (стр. 287). Такъ какъ словъ: „примирить, примирить, примиреніе“ не встрѣчается въ посланіи, то указываемый г. Смирновымъ „фактъ“ утрачиваетъ немалую долю своей „фактической“ неопровержимости. А на вопросы автора: „какую же власть иначе примѣнялъ Хариклій, какъ не власть вяжущую и рѣшающую (разумѣется—въ таинствѣ покаянія?), слѣдуетъ задать самому автору вопросъ: чтó, по его мнѣнію, долженъ былъ сдѣлать Хариклій, если бы онъ не суровымъ, а милостивымъ окомъ воззрѣлъ на Фаустина? Вѣдь дѣло происходило на глазахъ *есть*, т. е. въ собраніи христіанъ, въ храмѣ, за богослуженіемъ (иной обстановки мы и представить себѣ не можемъ), и именно въ то время, когда готовились приступить къ св. причащенію. Значить, Хариклій долженъ былъ прочесть надъ нимъ разрѣшительную молитву тутъ же, при богослуженіи? Но такое предположеніе, по своей смѣлости, превзошло бы всякія другія предположенія, въ особенности то, по которому Хариклій, въ качествѣ покаяннаго пресвитера, не допустилъ до евхаристіи Фаустина, желавшаго приступить къ ней, подобно тому какъ тотъ же Хариклій, если бы онъ не былъ суровъ, допустилъ бы до нея, при чемъ мысль о власти вяжущей и разрѣшающей должна была оставаться въ сторонѣ. Самъ авторъ не отрицаетъ много разъ высказывавшагося и доказывавшагося мною положенія, что въ періодъ вселенскихъ соборовъ исповѣдь грѣховъ не предшествовала евхаристіи, какъ необходимое условіе ея пріятія.

Невѣрнымъ также нужно признать то освѣщеніе, которое г. Смир-

новъ даетъ другому факту изъ болѣе поздняго времени. Изъ исторіи извѣстно, что настоятель Саккудіонскаго монастыря діаконь Платонъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Θεодоромъ Студитомъ и студійскою братіей, отказали въ общеніи самому патріарху за допущеніе имъ незаконнаго брака императора Константина VI. Жизнеописатель Θεодора Студита рассказываетъ въ дополненіе къ этому, что жившіе въ странахъ области Херсонской и Воспорской епископы, пресвитеры и благочестивѣйшіе изъ монаховъ, услышавъ объ этомъ, перестали принимать дары, приносимые церквамъ Божиимъ, отъ тѣхъ, которые совершали одинаковыя дѣла (съ Константиномъ), отлучали ихъ отъ священныхъ и прочистыхъ Тайнъ Христовыхъ (Смирновъ, стр. 212 и 318). По этому поводу нашъ авторъ ставитъ любопытный вопросъ, имѣя въ виду монаховъ: „откуда ихъ власть надъ мірянами? откуда ихъ право отлучать отъ св. Чаши неисправимыхъ браконарушителей?“—и отвѣчаетъ: „намъ кажется самое естественное видѣть въ этихъ монахахъ духовныхъ отцовъ, дѣйствовавшихъ въ данномъ случаѣ старческою властью на своихъ дѣтей духовныхъ изъ мірянъ“. Въ какомъ качествѣ дѣйствовали тутъ епископы и пресвитеры, остается безъ разъясненія. Между тѣмъ, всего проще было бы въ добавочномъ сообщеніи жизнеописателя Θεодора Студита видѣть то же прерваніе общенія или отказъ въ общеніи, съ которымъ діаконь Платонъ съ племянникомъ и студійскіе монахи выступили противъ патріарха. Ужели Платонъ и студійскіе монахи, отказывая патріарху въ общеніи, дѣйствовали какъ „старцы“, осуществлявшіе надъ нимъ вѣжущую и разрѣшающую власть?

Въ матеріалѣ, трудолюбиво собранномъ авторомъ, есть нѣкоторые цѣнныя свѣдѣнія, значенію которыхъ онъ, впрочемъ, сильно преувеличилъ. Сюда нужно отнести, во-первыхъ, найденное имъ мѣсто въ твореніяхъ Ефрема Сирина, которое могло послужить основаніемъ для появившагося позднѣе въ нѣкоторыхъ епитимійныхъ сборникахъ правила съ именемъ Ефрема Сирина о соблюденіи тайны исповѣди (стр. 120—121). Воспрещеніе отдавать исповѣданные грѣхи на позоръ другому не есть абсолютное предложеніе сохранять тайну исповѣди всегда и при всякихъ обстоятельствахъ. Если Вальсамонъ въ толков. 52 пр. апост. высказываетъ свое предположеніе, что патріархи и епископы не дозволяютъ священникамъ — не монахамъ принимать исповѣдь болѣе всего изъ опасенія разглашенія, то отсюда, конечно, слѣдуетъ, что церковнаго предписанія о тайнѣ исповѣди не существовало, а что касается монашеской практики, то можно согласиться

съ г. Смирновымъ, который говоритъ (стр. 118 въ прим.): „значить, монахи представлялись Вальсамону болѣе надежными хранителями тайны исповѣди, чѣмъ мірскіе священники,—но отъ того ли это происходило, что монашеская исповѣдь была фактически въ большей степени тайная, чѣмъ частная сакраментальная“? Едва ли можно оспаривать, что монашеская исповѣдь „фактически“ была болѣе тайною, чѣмъ какая либо другая, но для этого фактическаго преимущества достаточно было одного факта проживанія монаха въ монастырѣ, вдали отъ городовъ и внѣ житейскаго общенія съ людьми изъ всевозможныхъ классовъ общества. Таково и было огромное большинство монаховъ въ IV и въ V вв., такъ что не было даже и надобности въ специальномъ предписаніи относительно безусловнаго соблюденія тайны исповѣди. Ефремъ Сиринъ имѣетъ въ виду исповѣдь монаха предъ монахомъ и воспрещаетъ оглашать исповѣданное на позоръ другимъ; но этому могло бы даже и не противорѣчить, если бы тотъ же Ефремъ Сиринъ допустилъ объявленіе исповѣданныхъ грѣховъ не на позоръ, а на пользу другимъ (ср. къ вопросу о тайн. испов. 2 изд. стр. 80, рассказъ объ исповѣди мірянина предъ старцемъ на Олимпѣ). Что касается приведеннаго выше выраженія автора: „монашеская исповѣдь была фактически въ большей степени тайная, чѣмъ *частная сакраментальная*“, то тутъ мы встрѣчаемся съ одною изъ неясностей въ книгѣ автора. На стр. 84 говорится, что *частная* исповѣдь въ монастыряхъ Пахомія носила не сакраментальный характеръ. Ведя рѣчь объ исповѣди по правиламъ Василія Великаго на стр. 106 и сл., авторъ различаетъ публичную и *частную*, поясняя, что послѣднюю онъ потому не называетъ тайною, а частною, что у Василія Великаго нѣтъ предписанія хранить тайну исповѣди, и неизвѣстно, стоялъ ли онъ за это. Ту и другую г. Смирновъ считаетъ *дисциплинарною*, а не сакраментальною, при чемъ даже слова Василія Великаго: „грѣхи необходимо исповѣдывать предъ тѣми, кому ввѣрено домостроительство тайнъ Божіихъ“, истолковываетъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь разумѣются не лица іерархическаго сана, не представители іерархій, а болѣе опытные изъ братіи. А въ вышеприведенномъ мѣстѣ говорится о *частной сакраментальной* исповѣди, менѣе тайной, чѣмъ монашеская. Довольно трудно разобраться въ этой терминологіи.

Во-вторыхъ, авторъ нашелъ въ одномъ изъ посланій Θεодора Студита къ другому Θεодору, тоже монаху, свидѣтельство о томъ, что *патріархъ*, въ виду стѣснительныхъ для церкви (со стороны иконоборческой ереси) обстоятельствъ, предоставилъ всѣмъ желающимъ вра-

чевать приключившіяся болѣзни, какъ можетъ каждый, другими словами предоставилъ, безъ особаго порученія, всѣмъ православнымъ священникамъ и всѣмъ монахамъ совершать таинство покаянія. По соображеніямъ г. Смирнова, патріархъ этотъ — Никифоръ, а временемъ появленія его распоряженія были 815—820 гт. (стр. 318—320). У Питры въ *Iuris ecclesiae graecorum historia et monumenta* подъ именемъ Никифора есть такое правило (88): „епископъ поручаетъ *подчиненнымъ ему пресвитерамъ* принимать исповѣдь приходящихъ, разрѣшать и связывать грѣхи, но отнюдь не тѣмъ, которые не найдутся въ подчиненіи ему“. Допустимъ, что этимъ правиломъ не обезсильвается констатируемый г. Смирновымъ фактъ, такъ какъ съ именемъ Никифора существуетъ масса правилъ, иногда довольно противорѣчивыхъ, изъ которыхъ самому Никифору, вѣроятно, принадлежала только малая часть. Но, все же, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого факта. Впослѣдствіи, когда церковное правительство и канонисты XII вѣка вступили въ борьбу съ монахами-духовниками, не имѣвшими духовнаго сана, естественно было бы монахамъ, вытѣсняемымъ изъ той области, въ которой они долгое время дѣйствовали какъ хозяева, сослаться на постановленіе патріарха Никифора, а между тѣмъ ни о какой подобной ссылкѣ мы не знаемъ.

У автора собранъ очень любопытный матеріалъ относительно послушанія, въ которомъ ученикъ долженъ былъ находиться къ своему руководителю—„старцу“. Послушаніе требовалось во всемъ безусловное и постоянное до смерти. Старецъ могъ заставить своего ученика поливать водой сухое дерево, неся воду за двѣ мили, стараться сдвинуть громадный камень, идти къ логовищу гіены, быть готовымъ бросить въ рѣку или въ печь единственнаго сына, исполнять все, хотя бы и *contra rationem*, по выраженію Руфина. По словамъ Іоанна Кассіана, въ Египтѣ младшіе, безъ вѣдома старшихъ, не осмѣливались удовлетворять даже *naturali necessitati*. По мнѣнію Василія Великаго, истинное и совершенное послушаніе подчиненныхъ должно состоять въ томъ, чтобы не только, по совѣту настоятеля, воздерживаться отъ несообразнаго, но безъ воли его не дѣлать и похвальнаго; даже если ученикъ на небо пойдетъ по своей волѣ, нужно схватить его за ноги и тянуть внизъ. Даже болѣе того: фактически старцы могли имѣть большіе недостатки—гордость, самомнѣніе, тщеславіе и многіе другіе, могли мучить учениковъ оскорбленіями, даже побоями, и тѣмъ не менѣе ученикъ долженъ былъ все терпѣть, ибо онъ находился въ „рабствѣ“ у своего старца, какъ бы ни былъ плохъ этотъ послѣдній.

Такъ какъ душа послушника была въ рукахъ старца, то ученикъ считался даже безответственнымъ за свое нравственное состояніе, невмѣняемымъ (стр. 49—75).

Все это невольно наводитъ на вопросъ: почему подавленіе личности въ монастыряхъ, очевидно восточнаго происхожденія, укрѣпилось въ западномъ монашествѣ, а напротивъ въ позднѣйшемъ восточномъ монашествѣ исчезло?

Въ одномъ изъ двухъ приложений къ сочиненію г. Смирнова напечатано своеобразное свидѣтельство о тайнѣ исповѣди отъ X вѣка на славянскомъ языкѣ, подъ именемъ какого-то Кирилла, — не Кирилла ли Философа, одного изъ просвѣтителей славянъ? Если бы это было такъ, то отсюда получалось бы новое указаніе на то, что не на востокѣ, а на западѣ нужно искать происхожденія безусловной тайны исповѣди.

Н. Суворовъ.

Славянскіе отзывы о русской литературѣ.

- 1) *Iv. S. Turgenjev.* Zagreb. 1893 (въ „Izabrane pripoviesti, svezak prvi. Plemičko gnjezdo. Rudjin—preveo I. Miškatović“).
- 2) *I. Miškatović.* Ivan S. Turgenjev. Zagreb. 1882. „Uvod“ къ переводу „Клара Милить“.

Знаменитая по своей славянско-патріотической дѣятельности Хорватская Матица, приступая въ 1893 къ изданію хорватскихъ переводовъ славянскихъ писателей, начала свое издательство съ выпуска переводовъ нашего русскаго писателя, И. С. Тургенева. Помѣстивши въ первомъ выпускѣ своего изданія романы „Дворянское гнѣздо“ (Plemičko gnjezdo) и „Рудинъ“ (Rudjin) въ переводѣ Мишкатовича, исправленномъ знатокомъ русскаго языка и другомъ русскаго народа безвременно угасшимъ проф. М. Шрепелемъ, Хорватская Матица предпослала тексту-переводу вступительную статью о русскомъ писателѣ, при чемъ замѣтила, что она не могла начать свою „Славянскую бібліотеку“ „болѣе великимъ художникомъ, чѣмъ И. С. Тургеневъ“ (Matica Horvatska nije mogla s većim umjetnikom zapoceti, nego sto Ivan Turgenjev).

Разсматриваемая нами вступительная статья о Тургеневѣ начинается съ указанія того выдающагося успѣха, какой получила русская литература новѣйшаго времени какъ въ старомъ, такъ и но-

вомъ свѣтъ; обиліе переводовъ съ русскаго на всѣ иностранныя языки произведеній русскихъ писателей отъ Гоголя до гр. Л. Толстого ¹⁾, сочувственные отзывы критики европейской и американской о плодахъ русскаго литературнаго творчества находятъ свою разгадку въ томъ, что „русская художественная литература даетъ европейскому читателю нѣчто совсѣмъ новое, замѣчательное, нѣчто величественное, тамъ что въ струѣ европейскаго реализма русскіе писатели занимаютъ не только самостоятельное, но во многихъ отношеніяхъ положительно первое мѣсто“ ²⁾. Со времени Тургенева, по мнѣнію хорватскаго критика, начинается истинное знакомство Западной Европы съ русскою литературой, такъ какъ до того времени, имѣя лишь кое-какіе переводы изъ Гоголя, Лермонтова, Пушкина, Европа не признавала еще за русскою литературой особеннаго значенія; со времени же знакомства Запада съ творчествомъ Тургенева и его сотоварищей Достоевскаго, Гончарова, гр. Л. Толстого и др., русская литература не только получаетъ полное признаніе, но начинаетъ и вліять на европейскую беллетристику.

Остановившись на вопросѣ о художественномъ реализмѣ, блестяще развившемся на русской почвѣ, и выяснивши значеніе художественной прозы въ литературномъ творествѣ XIX вѣка, авторъ разсматриваемой статьи отмѣчаетъ въ качествѣ характерныхъ чертъ русскаго художественно-реалистическаго творчества проникающій его гуманный духъ, необычайную искренность и умѣнье схватить и изобразить сущность житейскихъ отношеній. Нельзя не отмѣтить, что эти черты въ творествѣ русскихъ писателей, вполне правильно схваченныя, указываются обыкновенно и другими безпристрастными славянскими и не-славянскими критиками русскоіи литературы. Однимъ изъ особенно выдающихся достоинствъ творчества Тургенева и другихъ корнеевъ новѣйшей русскоіи литературы хорватскій критикъ считаетъ соединеніе Пушкинскихъ объективизма и эстетики съ Гоголевскимъ общественнымъ сатирико-реалистическимъ направленіемъ.

Не забываются и всесторонность изображенія жизни русскими романистами, и мастерство въ описаніяхъ природы, и обиліе чудныхъ женскихъ типовъ, и наличность юмора, то ѣдкаго, то добродушнаго, чисто русскаго. Очель удичной представляется намъ характеристика

---

¹⁾ Статья писалась, когда произведенія Чехова и Горькаго съ его школою не пользовались еще тѣмъ успѣхомъ на западѣ, какъ теперь.

²⁾ Стр. V.

авторомъ русской литературы 50-хъ годовъ въ связи съ политико-культурными условіями русской жизни того времени, когда обще-европейская реакція давала себя особенно сильно чувствовать въ Россіи, гдѣ у идеалистовъ сороковыхъ годовъ постепенно развиваются скептицизмъ и пессимизмъ. Этотъ скептицизмъ не покидаетъ корнесевъ русской литературы и въ 60-е годы, когда съ эпохой великихъ реформъ значительно измѣнились къ лучшему условія русской жизни. „Измѣнилось, говоритъ авторъ, время, измѣнились люди, но беллетристы сороковыхъ годовъ остались, какими были“¹⁾). Въ демократическо-гуманномъ духѣ новой русской литературы, не удовлетворившейся полумѣрами конца XIX вѣка, хорватскій критикъ видитъ особый ея смыслъ, и въ подтвержденіе своей мысли о русскомъ романѣ, какъ „бисерѣ мировой литературы“, приводитъ мнѣнія о немъ знаменитыхъ критиковъ Vogüé и Sarsey, изъ которыхъ первый высказываетъ пожеланіе, чтобы русская литература пришла на помощь французской, а второй заявляетъ: „никогда еще такъ не оправдывалось столь часто повторявшееся въ XVIII вѣкѣ изреченіе „Съ востока свѣтъ“ (ex Oriente lux!)“.

Переходя отъ содержательныхъ и свидѣтельствующихъ о серьезной начитанности общихъ замѣчаній о русской новѣйшей литературѣ къ Тургеневскому творчеству, авторъ разсматриваемой статьи говоритъ: „Читая Тургенева, видишь, что его поэзія есть изображеніе жизни, мало того—сама жизнь“²⁾). Признавая вполне справедливо поразительный художественный реализмъ Тургеневского изображенія жизни въ качествѣ одной изъ существеннѣйшихъ чертъ его творчества, хорватскій критикъ останавливается на томъ именно періодѣ Тургеневского творчества, къ которому относятся помѣщенные въ первомъ выпускѣ изданія Хорватской Матицы романы „Рудинъ“ и „Дворянское гнѣздо“. Эти романы вмѣстѣ съ романами того же періода „Наканунъ“ и „Отцы и дѣти“ являются, по его мнѣнію, „четырьмя перлами въ лавровомъ вѣнцѣ великаго художника, четырьмя бисерами русской литературы, которые можно поставить рядомъ съ Пушкинскимъ „Евгеніемъ Онѣгинымъ“ и Гоголевскими „Мертвыми Душами“. Разсматривая героевъ указанныхъ романовъ, авторъ видитъ у нихъ скептическое и романтическое начала, при чемъ отмѣчаетъ, что гармоніи этихъ началъ поэтъ не находитъ ни въ одномъ изъ героевъ. Крат-

¹⁾ Стр. VIII.

²⁾ Стр. X.

кимъ, но мѣткимъ разборомъ типовъ Рудина, Покорскаго, Лаврецкаго, Лизы, Лемма и Агафьи заканчивается рассматриваемая статья, заслуживающая вниманія исследователей какъ вопроса о русско-славянскихъ отношеніяхъ вообще, такъ Тургеневскаго вопроса въ частности.

Имя І. Мишкатовича является именемъ одного изъ видныхъ переводчиковъ Тургеневскихъ произведеній на хорватскій языкъ; начавши въ 1859 году переводомъ „Фауста“, онъ перевелъ романы „Дворянское Гнѣздо“ (1863 г.), „Рудинъ“ (1863), „Дымъ“ (1870) и цѣлый рядъ повѣстей, при чемъ нѣкоторые изъ переводовъ Мишкатовича были изданы дважды, напр. „Дворянское гнѣздо“ и „Рудинъ“ съ исправленіями М. Шрепеля (1893), „Первая любовь“ (1863 и 1894), „Муму“ (1867 и 1901) и др. Если переводы Мишкатовича далеки отъ совершенства, какъ это показали между прочимъ въ своей цѣнной монографіи проф. Маретичъ ¹⁾, то во всякомъ случаѣ нельзя отрицать заслуги переводчика въ дѣлѣ возбужденія у хорватской читающей публики интереса къ русскому писателю. Та же любовь къ русской литературѣ и та же недостаточная освѣдомленность какъ въ русскомъ языкѣ, такъ и въ явленіяхъ русской литературы, которыя даютъ себя чувствовать въ Тургеневскихъ переводахъ Мишкатовича, имѣютъ мѣсто и въ его статьѣ объ И. С. Тургеневѣ, предпосланной переводу повѣсти „Клара Милчъ“. Въ этой статьѣ послѣ краткой біографической справки о Тургеневѣ авторъ, желая выяснить роль Тургенева въ общемъ ходѣ русской литературы, даетъ очеркъ русской литературы отъ Кантемира до рассматриваемаго имъ писателя. Не соглашаясь съ распространеннымъ въ 80-хъ годахъ на Западѣ взглядомъ на русскую литературу, какъ на чужеземное на русской почвѣ растеніе, Мишкатовичъ говоритъ, что „нѣтъ на свѣтѣ другой литературы, въ которой бы писатели были такъ народны и такъ стояли бы съ своимъ народомъ за одно, какъ въ литературѣ русской“. Признавая лишь формы творчества русскихъ писателей заимствованными съ Запада и находя лишь у одного Кантемира „французскія воззрѣнія“, Мишкатовичъ признаетъ, что „все остальные русскіе писатели, будь то классики, романтики, реалисты создавали настоящіе русскіе типы, живыхъ русскихъ героев“. Конечно, если бы критикъ былъ

¹⁾ См. нашу записку въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1906, III, 221—30.

основательнѣе знакомъ съ русской литературой XVIII и первой половины XIX в., то онъ удержался бы отъ подобнаго сужденія, нѣтъ въ виду хотя бы героевъ Сумарокова, Озерова, Хераскова и др.; съ другой стороны и у Кантемира могъ бы онъ найти черты русской дѣйствительности. „Русскій писатель“, говоритъ Мишкатовичъ, характеризуя русскую литературу послѣ нелюбимаго имъ почему-то Кантемира, „стоитъ неизмѣнно на русской почвѣ, ни на шагъ не отступаетъ отъ русскаго народа; его не занимаютъ міровыя проблемы, надъ которыми ломаютъ головы иные европейскіе поэты, онъ не стремится помогать, лѣчить раны, возжигать свѣтъ всему міру; онъ — русскій; онъ съ русскимъ живетъ, съ нимъ поетъ и плачетъ, съ нимъ радуется и страдаетъ, его раны раскрываетъ и лѣчитъ, его оплакиваетъ, утѣшаетъ надеждой, исправляетъ и направляетъ на истинный путь. Предметъ его поэзій всегда взятъ изъ русской жизни, его герой — всегда русскій. Русскіе писатели, особенно прежнихъ временъ, были чуть ни воѣ бояре и дворяне, люди важные и имущіе, но имъ никогда не была противна мрачная, дымная хата прииженнаго мужика; бѣдный, угнетенный милѣе русскому поэту, чѣмъ сонмы боярскихъ и дворянскихъ угнетателей“. Мы нарочно приводимъ эту обширную цитату, чтобы показать, какое горячее сочувствіе къ русской литературѣ говоритъ устами хорватскаго критика и какъ мало соответствуетъ дѣйствительности нарисованная имъ картина по отношенію къ той эпохѣ, о которой онъ говоритъ, и въ той категорической формѣ, какую онъ пользуется. Если его слова примѣнимы къ большинству (но и то не всѣмъ) писателямъ общественнаго художественно-реалистическаго направленія, начиная отъ Пушкино-Гоголевской эпохи, то его характеристика русскаго писателя и сюжетовъ его творчества совсѣмъ не вѣрна въ примѣненіи къ Ломоносову, Державину, Жуковскому и т. д., которыхъ онъ рассматриваетъ подъ указаннымъ угломъ зрѣнія сейчасъ же послѣ Кантемира. Врядъ ли согласится кто-либо знакомый съ Ломоносовскимъ языкомъ и его реформой языка съ мнѣніемъ Мишкатовича, что „на долю Ломоносова должна быть отнесена та похвала русскому языку, которая нашла себѣ выраженіе въ словахъ Мериме, что по поэтической нѣжности своихъ струнъ русскій языкъ — несовершеннѣйшій въ Европѣ“. Сказавши нѣсколько словъ о музѣ Державина, авторъ выясняетъ болѣе или менѣе удачно причины русскаго пессимизма начала XIX вѣка, ставя творчество Пушкина и Лермонтова въ связь какъ съ русскими историко-культурными условіями, такъ и съ иноземными влияніями. Специально же посвященныя Пуш-

кину три страницы полны поражающих читателя неточностей, въ родѣ, напр., смѣшенія родовъ Пушкиныхъ и Мусинъ-Пушкиныхъ, указанія въ числѣ предковъ Пушкина по мужской линіи какой-то арапки, чрезмѣрное умаленіе роли семьи и чрезмѣрное превознесеніе заслугъ школы въ дѣлѣ Пушкинскаго развитія и т. д. Крайне странно русскому читателю встрѣтить у автора серьезной статьи и такія строки о Пушкинѣ, свидѣтельствующія о крайне слабомъ знакомствѣ съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, а именно: „За гѣсьнь о слагѣ и свободѣ Пушкинъ должень былъ нѣкоторое время пробыть въ далекой Бессарабин. Желая видѣть вступленіе новаго царя на престолъ, онъ помчался въ Петербургъ. На пути онъ встрѣтилъ прежде всего бабу, онъ смутился; потомъ попа, перекрестился; но когда заяцъ перебѣжалъ дорогу его лошади, кучеръ обернулся къ нему и сталъ просить: „вернись, господиный, домой!“ Пушкинъ вернулся, и этотъ случай спасъ его отъ ссылки въ Сибирь“. Знающій отношенія императора Николая I къ Пушкину оцѣнить по достоинству и такую фразу: „сильная рука Николая опустилась, какъ олово, на его плечи, обрушилась, какъ снѣгъ, на его свободолюбивую душу“. Что касается оцѣнки творчества Пушкина, то она производится достаточно полно и правильно. Въ весьма сочувственномъ тонѣ ведется авторомъ характеристика Гоголя, какъ писателя, одареннаго необычайнымъ талантомъ, суроваго обличителя отрицательныхъ чертъ подтачивавшаго русскій организмъ чиновничества и крѣпостничества, отмѣчаются и первые художественно-литературные опыты писателя, его увлеченіе малорусской природою, этнографіей и исторіей, его реализмъ и юморъ. Особенно высоко, по справедливости, ставятся „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“, о которыхъ Мишкатовичъ говоритъ: „Человѣкъ не можетъ достаточно надвинуться той силѣ реализма, которую развиваетъ здѣсь Гоголь. Чѣмъ теперь такъ гордится французъ Зола, какъ своимъ изобрѣтеніемъ, то гораздо раньше выполнилъ Гоголь, при томъ гораздо поэтичнѣе, прекраснѣе, послѣдовательнѣе“. Великое достоинство Гоголя хорватскій критикъ видитъ въ томъ, что „при всемъ своемъ реализмѣ поразительномъ и несравненномъ онъ остается идеалистомъ въ наилучшемъ смыслѣ слова“. Слабой и въ очеркѣ о Гоголѣ является у Мишкатовича историко-біографическая сторона; такъ напр., неправильно изображаются послѣднія минуты Гоголя, который, будто бы, „умираетъ на колѣняхъ передъ святыми иконами, уморивши себя голодомъ“. Въ особенно горячемъ и глубокомъ патріотизмѣ русскихъ писателей отъ Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова до Гоголя

и въ разладѣ ихъ идеала съ суровой дѣйствительностью русской жизни усматривается авторомъ причина ихъ пессимизма, завершавшагося для нихъ роковымъ образомъ.

Послѣ далекой отъ полноты и послѣдовательности и не свободной отъ серьезныхъ недочетовъ характеристики предшественниковъ Тургенева, Мишкатовичъ переходитъ къ разсмотрѣнію Тургеневскаго творчества. Отмѣтивши отношеніе Тургенева къ Пушкину, ученикомъ и послѣдователемъ котораго онъ себя называлъ, критикъ находитъ однако у Тургенева большее сродство съ Гоголемъ и по направленію творчества, и по глубинѣ проникновенія въ сущность вещей, и по пластичности въ изображеніи людей и природы. „Только нѣтъ у Тургенева, говоритъ онъ, того палющаго огня, той горькой сатиры, какъ у Гоголя. Въмѣсто того разливается все повнающая и потому все прощающая благодать“. Отличительными чертами Тургеневскаго творчества Мишкатовичъ считаетъ, помимо вышеуказанной, политико-общественную тенденцію, выразившуюся въ борьбѣ съ крѣпостничествомъ, необычайное пониманіе русской народной души, глубину и красоту женскихъ образовъ. Остановившись подробнѣе на типѣ Герасима изъ „Муму“, особенно удачно очерченномъ, по мнѣнію критика, Тургеневымъ, Мишкатовичъ переходитъ отъ произведеній эпохи крѣпостнической къ произведеніямъ эпохи великихъ реформъ императора Александра II. Типичнымъ героемъ этой эпохи считаетъ онъ Тургеневскаго Рудина, въ которомъ онъ старается усмотрѣть и олицетвореніе всего русскаго народа въ ту эпоху. „Кто, говоритъ онъ, въ одномъ этомъ человѣкѣ не увидитъ цѣлаго народа, который все дремалъ и спалъ, пока ему нельзя было свободно говорить, а когда у него развязались уста, онъ не можетъ до сыта наговориться громкихъ фразъ, но отъ фразъ не умѣетъ перейти къ серьезному и полезному дѣлу“. Отъ разсмотрѣнія рудинства, какъ типичной русской черты разсматриваемой эпохи, авторъ переходитъ къ выясненію новаго теченія, развившагося „въ средѣ поповичей“, нашедшаго себѣ выраженіе въ „Что дѣлать?“ Чернышевскаго и приведшаго къ необыкновенному увлеченію естествознаніемъ, а въ концѣ концовъ въ нигилизму.

Этихъ нигилистовъ, „людей болѣе отчаянныхъ, чѣмъ храбрыхъ, скорѣе дерзкихъ, чѣмъ энергичныхъ“, старается, какъ отмѣчаетъ Мишкатовичъ, понять и изобразить Тургеневъ въ „Отцы и дѣти“ и „Новь“. Изображеніе Тургеневымъ разлада и взаимнаго непониманія какъ поколѣніемъ поколѣнія, такъ и между борцами за простой народъ и самимъ простымъ народомъ отмѣчается критикомъ съ особымъ

вниманіемъ и полнотою. Подходя къ концу разсмотрѣнія Тургеневскаго творчества, Мишкатовичъ даетъ живую и интересную сравнительную характеристику литературныхъ героевъ античныхъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, хорватскихъ и русскихъ, и останавливается на вопросѣ о Тургеневскомъ мистицизмѣ послѣднихъ лѣтъ, сказавшемся въ „Пѣснь торжествующей любви“ и „Клара Миличъ“. Отдавая полную справедливость высокой поэтичности и возвышенности Тургеневскихъ произведеній, авторъ усиленно рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ читать Тургенева и дышащими славянскимъ самосознаніемъ словами заканчиваетъ свой не свободный отъ ошибокъ, но въ общемъ интересный и содержательный очеркъ. Онъ говоритъ: „И мы въ Хорватіи можемъ гордиться и чувствовать бодрость при сознаніи, что славянская кровь течетъ въ жилахъ Ивана Тургенева, В. Верещагина и молодого чеха Ондричка, перваго скрипача нашей эпохи. Каждый изъ нихъ стоитъ въ настоящее время на самой вершинѣ своего искусства. Сказку о низшей, неспособной расѣ нельзя уже болѣе рассказывать даже дѣтямъ“.

И. Заболотскій.

Ivo Bruns. Vorträge und Aufsätze. München 1905 (XX 480 стр.).

Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ сборникъ статей покойнаго кильскаго профессора Иво Брунса, собранныхъ и редактированныхъ его другомъ, извѣстнымъ профессоромъ въ Марбургѣ Т. Биртомъ. Имя кильскаго профессора получило широкую извѣстность благодаря двумъ трудамъ: „Das literarische Porträt d. Griechen“ (1896) и „Die Persönlichkeit in der Geschichtsschreibung der Alten“ (1898). Даже наиболѣе строгіе судьи этихъ трудовъ должны были признать за ними оригинальность приемовъ изслѣдованія и полную самостоятельность автора (см. рецензіи *Θ. Ф. Зѣлинскаго* въ *Филол. Обзор.* томы XII и XV). Тѣ же самыя свойства сохраняютъ и его мелкія статьи, большинство которыхъ стало теперь впервые доступнымъ для русскихъ ученыхъ, такъ какъ многія изъ нихъ появлялись въ специально университетскихъ изданіяхъ: *Index lectionum*, *Festausgabe*, *Festschrift*, рѣдко проникающихъ даже въ наиболѣе богатая русскія бібліотеки.

Несмотря на все разнообразіе и оригинальность работъ, вошедшихъ въ разсматриваемый сборникъ, его главнѣйшій интересъ заключается не въ этомъ. Самый выборъ темъ и ихъ разработка подъ перомъ Брунса являются чрезвычайно характерными для современнаго

направленія классической филологіи, и поэтому настоящій сборникъ представляетъ наилучшую возможность для ознакомленія съ этимъ движеніемъ въ области науки, обреченной, по мнѣнію большинства, на роковой застой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ весьма важныхъ вопросовъ общаго характера.

Приемы научной работы Брунса становятся понятными только послѣ ознакомленія съ особенностями этой очень своеобразной личности, и это, вѣроятно, и имѣлъ въ виду редакторъ сборника Т. Биртъ, предпославшій статьямъ своего друга и единомышленника обстоятельную его біографію (стр. III—XX). На ней необходимо остановиться, такъ какъ иначе многія особенности разсматриваемой книги останутся для насъ непонятными или же недостаточно оцѣненными.

Иво Брунсъ (род. 20-го мая 1853, ум. 16-го мая 1901) уже среди своихъ ближайшихъ родственниковъ нашелъ цѣлый рядъ лицъ, которые чуть ли не съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни поддерживали и развивали въ немъ интересъ и къ наукѣ и къ музыкѣ. Впослѣдствіи профессиональный ученый обладалъ такой совершенной музыкальной техникой, что смѣло могъ занять такое же видное мѣсто и среди профессиональныхъ музыкантовъ и во всякомъ случаѣ эта двойственность интересовъ, дѣлившаяся между наукой и искусствомъ, спасла Брунса на всю жизнь отъ узости и односторонности. Повидимому, первоначально страсть къ музыкѣ брала верхъ надъ интересомъ къ наукѣ; послѣдній сильно сказался только въ Боннѣ, гдѣ начиная съ 1874 г. Брунсъ слушалъ лекціи Бюхелера и Узенера, но и здѣсь музыка не была забыта: наоборотъ, въ первый же годъ своего студенчества Брунсъ основываетъ въ Боннѣ „кружокъ Брамса“. Постоянное стремленіе къ ясности и простотѣ опредѣлило выборъ именно этого композитора точно такъ же, какъ врожденное отвращеніе къ пошлосту и театральничанью явилось причиной несочувствія Брунса къ Р. Вагнеру. И эта любовь ко всему простому и ясному отразилась и на научныхъ работахъ Брунса. Въ этомъ отношеніи невольно напрашивается сравненіе его трудовъ съ сочиненіями другого крупнаго эллиниста нашего времени: Вилламовица; насколько у перваго все просто, ясно и опредѣленно, настолько же туманны, фантастичны и загадочны работы Вилламовица во всемъ, начиная даже съ заглавія книгъ.

Увлеченіе пылкой молодежи сказалось и въ томъ, что члены „кружка Брамса“, постоянно переходившіе отъ ученыхъ фоліантовъ къ музыкальнымъ попетрамъ и обратно, старались установить непосредственную связь между обоими своими вдохновителями.

„Мы находили“, рассказывает Т. Биртъ (р. VI), „во многихъ пѣсняхъ Брамса духъ Бюхелера: ту же самую точность выраженія, ту же самую безупречность образцоваго построения“.

Хотя увлеченіе греческимъ міромъ заставило Брунса работать главнымъ образомъ подъ руководствомъ Узенера, но не слѣдуетъ думать, что Римъ и его литература остались чуждыми для Брунса: это опровергаютъ хотя бы его работы о Ливіи, занимающія такое видное мѣсто въ научной литературѣ. Какъ крупный представитель именно современнаго направленія въ области классической филологіи, Брунсъ менѣе всего могъ примириться и допустить такое чисто искусственное дѣленіе единаго цѣлаго, не оправдываемое никакими научными соображеніями ¹⁾.

Кромѣ музыки, Брунсъ увлекался и новѣйшей изящной литературой. Здѣсь его симпатіи принадлежали романтикамъ. Повались, Тибъ, Жанъ Поль—вотъ его любимцы въ студенческую пору. Цѣлые дни посвящалъ онъ заучиванію наизусть стихотвореній Мюссе и подбору къ нимъ музыкальнаго аккомпанимента.

Но активный характеръ Брунса не довольствовался однимъ изученіемъ и разборомъ чужихъ произведеній. Увлеченіе музыкой влекло его на концертную эстраду, и онъ выступалъ въ Берлинѣ публично въ квартетахъ своего дяди. Точно также и страсть къ поэзіи разрѣшилась сочиненіемъ нѣсколькихъ новеллъ. Правда, онѣ остались не напечатанными вмѣстѣ съ его большимъ романомъ изъ венеціанской жизни „Timotheus“. Но всю свою жизнь онъ возвращался къ нему, внося въ него отъ поры до времени свои заветныя думы, мечты и находя въ немъ пищу для своего творчества. Родившіеся подъ влияніемъ ученыхъ занятій образы требовали для себя воплощенія и находили его на страницахъ интимнаго романа „для себя“.

Въ 1884 г. Брунсъ былъ приглашенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Киль. Здѣсь въ 1890 онъ получилъ ординатуру и здѣсь же умеръ, отклоняя по разнымъ соображеніямъ предложенія занять кафедру въ Дерптѣ, Гиссенѣ и Вѣнѣ.

Въ своихъ лекціяхъ онъ одинаковое вниманіе удѣлялъ почти всѣмъ сторонамъ классической филологіи, читалъ даже спеціальныя курсы по латинской грамматикѣ, что требовало продолжительныхъ личныхъ занятій, совершенно не отразившихся въ его статьяхъ и задерживав-

¹⁾ См. на этотъ счетъ очень интересную рѣчь *Fr. Leo: Die Originalität d. römischen Literatur. Göttingen 1904.*

шихъ, вмѣстѣ съ рано обнаружившейся болѣзью, появленіе его работъ. Въ тиши своего кабинета онъ основательно изучалъ, кромѣ своей спеціальности, литературу и культуру Ренессанса (онъ читалъ даже спеціальныя курсы по филологіи XV вѣка), а также и новѣйшую литературу.

Не прерывалось и занятіе музыкой: Брунсъ скоро по прѣздѣ въ Киль сдѣлался главой и руководителемъ мѣстныхъ музыкальныхъ кружковъ и это положеніе удержалъ за собой до самаго конца жизни.

Издатель статей Брунса, Биртъ придаетъ особенное значеніе этимъ музыкальнымъ занятіямъ своего друга и даже выставляетъ требованіе, чтобы всякій филологъ въ то же самое время былъ и музыкантомъ. Это любопытно сравнить съ заявленіями ученыхъ „добраго стараго времени“, когда даже такіе крупныя спеціалисты по античной метрикѣ, какъ Л. А. Мюллеръ, упорно доказывали всю бесполезность знакомства съ музыкой даже для тѣхъ филологовъ, которые всецѣло посвящали себя изученію метрики¹⁾. Повидимому, истина лежитъ по срединѣ между этими одинаково крайними воззрѣніями: въ филологіи есть не мало областей, изученіе которыхъ вовсе не требуетъ знакомства съ музыкой и ея законами, но въ то же самое время едва ли можно ожидать много пользы отъ изученія метрики при полномъ невѣжествѣ въ области музыкальныхъ явленій.

Несмотря на болѣзнь и такую разностороннюю дѣятельность, послѣ Брунса осталось сравнительно очень много трудовъ. Кромѣ двухъ большихъ его монографій, которыя долѣе всего будутъ сохранять извѣстность его имени, имъ написано еще около 60 статей. Значительное большинство ихъ посвящено греческимъ философамъ: Платону, Аристотелю и Александру изъ Афродизиады, текстъ котораго онъ издалъ по порученію Берлинской академіи (*Alexandri Aphrodisiensis praeter Commentaria scripta minora* въ двухъ выпускахъ 1887 и 1892 гг.). Сюда же относятся изъ разбираемаго сборника статьи: 1) *Attische Liebestheorien* (стр. 118—153), которую смѣло можно рекомендовать какъ образецъ яснаго и въ то же время общедоступнаго изложенія сложнѣйшихъ вопросовъ по исторіи философіи; 2) характеристика Марка Аврелія (291—320).

Три статьи посвящены имъ Лукіану (228—281); ихъ естественнымъ продолженіемъ является библиографическая замѣтка на извѣстную

¹⁾ См. его *Friedrich Ritschl. Eine wissenschaftliche Biographie*. Berlin. 1878, pp. 100—102.

книгу Т. Барта: *Zwei politischen Satire des alten Rom. Marburg. 1888*, перепечатанная въ сборникъ подъ заглавіемъ: *Zur antiken Satire* (217—228) и, какъ всегда у Брунса, переходящая отъ частнаго къ болѣе широкимъ принципиальнымъ вопросамъ. Въ послѣдніе годы онъ все чаще и чаще обращался къ изученію греческой трагедіи: сюда относятся двѣ его статьи, вошедшія въ составъ настоящаго сборника: о греческой трагедіи какъ источникѣ для исторіи религіи (стр. 48—70) и „женская эмансипація въ Аеннахъ“ (стр. 154—193), написанная на основаніи главнымъ образомъ Эврипида¹⁾. Эврипиду же посвящена и третья статья настоящаго сборника: „Елена въ греческой сагѣ и поэзіи“ (стр. 71—98). Этотъ докладъ, сдѣланный Брунсомъ еще въ 1894 г., въ печати появился теперь впервые, и тѣмъ не менѣе, на мой взглядъ, это лучшая статья всего сборника какъ по новизнѣ взглядовъ, такъ и по удивительной стройности и ясности построения. Единственный ея недостатокъ составляетъ нѣсколько неожиданный конецъ: авторъ остановился на порогѣ одного изъ самыхъ интересныхъ явленій въ исторіи этого сюжета: онъ ни однимъ словомъ не касается известнаго письма Елены къ Парису (16 геронды Овидія), составляющаго послѣдній этапъ въ развитіи этого мотива.

Правда, для этого потребовалось бы выйти за предѣлы времени, установленныя для устныхъ сообщеній, но зато тогда получилась бы вполне законченная исторія одного изъ самыхъ характерныхъ мотивовъ міровой литературы. Быть можетъ, авторъ самъ сознавалъ этотъ недостатокъ: иначе трудно чѣмъ объяснить причину его воздержанія отъ публикаціи этого во многихъ отношеніяхъ выдающагося сочиненія.

Не напечаталъ онъ при жизни и другую статью настоящаго сборника: *Maske und Dichtung* (pp. 96—117). Она посвящена выясненію очень важнаго и въ то же время очень труднаго вопроса о вліяніи матеріальныхъ условій античнаго театра на особенности композиціи пьесъ того времени. Здѣсь для меня вполне понятна причина, заставившая Брунса по прочтеніи этого доклада въ тѣсномъ кружкѣ друзей спрятать его въ свой портфель и не отдавать ее въ наборъ. Постоянно занимаясь трагедіей, Брунсъ долженъ былъ для себя рѣшить этотъ вопросъ по мѣрѣ своихъ силъ. И надо отдать ему справедливость, что, при такой мѣркѣ для оцѣнки статьи, она очень интересна. По

¹⁾ Въ свое время эта статья вызвала нѣсколько очень интересныхъ замѣчаній методологическаго характера со стороны Вилламовица. *Hermes* XXXV (1900), pp. 548 sq.

какъ добросовѣстный ученый и умный человекъ, Брунсъ воздержался отъ конкуренціи съ тѣмъ классическимъ педагогомъ, qui plus docet, quam ipse scit, и не сталъ поучать тому, чего самъ не знаетъ.

Въ этомъ отношеніи онъ не захотѣлъ раздѣлять славу тѣхъ отъ важныхъ филологовъ даже нашего времени, которые безъ всякаго стѣсненія рѣшаютъ вопросы театральнѣйшей техники, сядя у себя въ кабинетѣ, и свободно вносятъ въ свои изданія древнихъ драматурговъ цѣлый рядъ очень подчасъ замысловатыхъ ремарокъ, указывая по своему усмотрѣнію въ текстѣ паузы, заставляя дѣйствующихъ лицъ уходить, дѣлать самыя разнообразныя жесты и даже сочиняя цѣлыя мимическія сцены. И это серьезно пинуютъ люди, заглядывающіе въ театръ не чаще раза въ годъ! Пора бы, кажется, догадаться, что это та самая работа, съ которой начинается всякій современный режиссеръ, и что для ея осуществленія необходимы познанія и опытъ, приобретаемые не въ кабинетѣ, а только путемъ знакомства съ теоріей и, главное, практикой сценическаго искусства. Если для метрики необходимо знакомство съ музыкой, то еще больше необходимо для специалиста по Bühnenaltertümer изученіе соответствующей отрасли современнаго искусства, и прежде чѣмъ оперировать надъ безответными греческими трагиками, необходимо самому поставить на сценѣ хотя бы самый пустой водевиль, подлежащій тѣмъ же самымъ основнымъ законамъ сценической техники, что и величайшія трагедіи Софокла. Только тогда получаютъ хоть какое-нибудь значеніе эти ремарки, столь щедро разсыпавшыя въ разныхъ Schulausgaben и составляющія самое потѣшное чтеніе для человека, знакомаго со сценой, конечно, только если онъ не перейдетъ къ болѣе серьезнымъ и печальнымъ мыслямъ о томъ, какаѣ еще рутинѣ господствуетъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ филологіи.

Не въ мѣру усердный другъ Брунса этого не понялъ и включилъ въ сборникъ статью, которой, можетъ быть, подобало бы оставаться извѣстной только тѣсному кружку друзей.

Писалъ Брунсъ о Лукреціи, Гезіодѣ, но эти статьи, опредѣляя кругъ его интересовъ, для науки не особенно важны. Зато очень любопытны его характеристики прежнихъ ученыхъ филологовъ, которыя онъ дѣлалъ охотно и не разъ. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе его явное несочувствіе Лахману (р. XVIII); отъ него отталкивала Брунса: jeden freundlicheren Schmuck des Daseins verdammende Nüchternheit, der eisige Hauch der Verachtung gegen alle intellectuell nicht Ebenbürtigen. Зато съ какимъ восторгомъ и любовью отзывался онъ о Велькерѣ (см. стр. 54)! Это сопоставленіе очень

ясно определяло личное мировоззрение и душевный склад самого Брунса.

Статьи, посвященные новейшим явлениям в области греческой историографии, являются как бы отчетом о подготовительных работах Брунса к составлению обихих его монографий. За этими явлениями он слѣдилъ очень внимательно и среди самого разнообразнаго множества появляющихся въ этой области гипотезъ и теорій сумѣлъ найти свой путь для изслѣдованія. Такую несомнѣнную печать оригинальности носить между прочимъ его статья: *die atticistischen Bestrebungen in der griechischen Literatur* (стр. 104—216)¹⁾. Входящая въ нее блестящая характеристика Діонисія Галикарнасскаго (стр. 204—211) и автора *περί Ἰφους* (212 сл.) принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ сборника. Зато статья: *zur Homerfrage und griechischen Urgeschichte* (стр. 32—47), составляющая часть пространной рецензій II тома „Древней исторіи“ Эдуарда Мейера и I тома Ю. Белоха, едва ли заслуживала перепечатки: положительныя ея части извѣстны специалистамъ и помимо Брунса, а высказываемыя имъ оригинальныя взгляды страдаютъ недостаточной убѣдительностью.

Очень немногія изъ этихъ статей появились первоначально на страницахъ специальныхъ филологическихъ изданій: здѣсь Брунсъ рѣже всего помѣщалъ свои статьи, гораздо чаще выступая въ общихъ журналахъ, въ родѣ *Preussische Jahrbücher*, гдѣ онъ давалъ отзывы о большинствѣ заинтересовавшихся его книгъ, и это наложило особый отпечатокъ на его работы: къ нимъ можетъ быть приложено то же самое сужденіе, какое онъ самъ высказалъ о трудахъ одного изъ самыхъ любимыхъ имъ авторовъ, Монтэня: какъ этотъ „умнѣйшій и образованнѣйшій французъ XVI вѣка“—характеристика, данная ему Брунсомъ (стр. 14)—не вводитъ своего читателя въ самую чашу научнаго изслѣдованія, а только какъ бы снимаетъ пѣнки съ изучаемыхъ имъ книгъ“ (стр. 362), такъ же поступаетъ и самъ Брунсъ, смакуя и углубляя въ своихъ рецензійхъ всѣ наиболѣе интересныя и важныя выводы современнаго научнаго движенія. Отсюда громадное преобладаніе въ его критической дѣятельности положительныхъ отзывовъ надъ отрицательными; такъ во всемъ сборникѣ единственный отрицательный отзывъ вызванъ только работами Бершайса, который, кстати сказать, еще въ Боннѣ не вызывалъ особеннаго сочувствія къ

¹⁾ Основную мысль этой рѣчи высказалъ въ томъ же 1896 г. и E. Schwartz въ своихъ *Fünf Vorträge über den Griech. Roman*. Berlin p. 120.

себѣ и своему методу въ студентѣ Брунсѣ. Но и здѣсь нѣтъ малѣйшаго намека на рѣзкость и заносчивое глумленіе, составляющія, къ прискорбію, весьма обычное явленіе въ нѣмецкой ученой критикѣ, отъ приѣмовъ которой Брунса удерживала его врожденная мягкость и вязкость воспитанія.

Кромѣ критика, Брунсѣ всего охотнѣе выступалъ, повидимому, въ качествѣ оратора на разныхъ ученыхъ собраніяхъ. И читателямъ его посмертнаго сборника, вмѣстившаго въ себѣ всѣ лучшіе его доклады, вполне понятенъ выдающійся успѣхъ, сопровождавшій, по отзыву его біографа, каждый его докладъ: на его рефератахъ можно прямо-таки учиться составленію публичныхъ рѣчей на строго научныя темы. Остаться на высотѣ научнаго изложенія и въ то же самое время быть всадѣ одинаково яснымъ и понятнымъ—искусство очень большое, и его тайну Брунсѣ разгадалъ вполне.

Такая форма возникновенія его статей отразилась на ихъ построеніи и составѣ. Быть можетъ, если бы онѣ не предназначались для устнаго произнесенія, авторъ, не связанный такъ сильно условіями времени, развилъ бы въ нихъ такія стороны, которыя, теперь отсутствуя, заставляютъ по себѣ жалѣть. Выше былъ отмѣченъ очень досадный пропускъ героиды Овидія въ исторіи Елены. Не менѣе существенный недостатокъ его рѣчи „объ антическихъ теоріяхъ любви“—полное умолчаніе о лирикахъ¹⁾: здѣсь представлялся самый удобный случай сопоставить практику жизни съ отвлеченной теоріей, и выгода, получаемая отъ такого сопоставленія для обѣихъ сторонъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такого дополненія мы тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать отъ Брунса, что онъ менѣе всего принадлежалъ въ числу кабинетныхъ эстетовъ и теоретиковъ: будни античной жизни со всею полнотой ихъ обыденщины интересовали его не менѣе отвлеченныхъ умозрѣній. Это доказывается нѣсколько неожиданнымъ появленіемъ въ спискѣ его трудовъ рецензій на изданіе Вилькена: „Griechische Ostraka“.

Знакомство съ докладами Брунса заставляетъ признать въ немъ образцоваго университетскаго преподавателя и гораздо убѣдительнѣе отзывы его біографа объясняютъ ту любовь и уваженіе студентовъ, которыми онъ неизмѣнно пользовался. Если между его докладами и

¹⁾ Также мало понятно, почему, подробно разобравъ „Похвалу Клементѣ“ Горція (стр. 88 сл.), Брунсѣ ни однимъ словомъ не обмолвился о „Похвалѣ Клементѣ“. Исчерпательный видъ связи между обоими трактатами не подлежитъ сомнѣнію.

обычными университетскими лекціями и была разница, отличающая всякій праздникъ отъ будней, то и въ такомъ случаѣ студенты получали отъ него очень много. Брунсъ умѣлъ не только съ удивительной ясностью нарисовать полную картину того предмета, о которомъ говорилъ, но и заставлялъ заинтересоваться предметомъ. Судя по его докладамъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ лекторовъ, слушатели которыхъ, вернувшись домой, не смакуютъ поразившій ихъ трескъ фразъ, а берутся за книгу, чтобы отчасти продѣлать черновую работу, давшую оратору возможность нарисовать передъ ними такую чарующую картину.

За послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса лицъ, извѣрившихся въ пользѣ и цѣлесообразности университетскихъ чтеній по гуманитарнымъ наукамъ. Лекціи такого профессора, какимъ рисуютъ Брунса его доклады, являются вѣрнѣйшимъ средствомъ привязать человѣка при первой же встрѣчѣ съ наукой къ рабочему столу и всякій, на чью долю вышло счастье имѣть такую профессора, никогда не согласится поступиться лекціями для расширенія такъ называемыхъ „практическихъ занятій“ даже самой совершенной организаціи. Въ нашей ученой литературѣ все еще слишкомъ мало книгъ, которыя могли бы дать новичку не только знаніе, но и любовь къ знанію: рассматриваемый сборникъ Брунса принадлежитъ къ числу такихъ рѣдкихъ исключеній, и это одна изъ причинъ, заставляющихъ меня такъ подробно о немъ говорить.

Сборникъ открывается блестящей рѣчью „о культѣ историческихъ личностей“ (1—31). Здѣсь читателю съ первыхъ же страницъ бросается въ глаза рѣдкая начитанность Брунса въ новѣйшей литературѣ: нѣмецкіе писатели 18 вѣка—его близкіе друзья, и не всякій ученый специалистъ по новѣйшей литературѣ такъ хорошо съ ними знакомъ.

Правда, къ великой чести нѣмецкихъ специалистовъ по классической филологіи, знакомство хотя бы съ Гете можно встрѣтить у громаднаго большинства изъ нихъ. Но гораздо рѣже можно убѣдиться въ глубинѣ ихъ знаній въ области итальянской и особенно французской литературы. Между прочимъ этимъ объясняется, почему нѣмецкіе ученые весьма часто считаютъ своимъ нераздѣльнымъ достоинствомъ много такого, что гораздо раньше было открыто во Франціи, какъ на это недавно указалъ Ѳ. Д. Батюшковъ (въ сборникѣ статей въ честь И. В. Помяловскаго), отмѣтившій несомнѣнныя заслуги французскихъ филологовъ въ такъ называемомъ гомеровскомъ вопросѣ. Все это происходитъ почти исключительно отъ упорнаго пренебреже-

нія нѣмцевъ къ трудамъ своихъ иностранныхъ собратьевъ и отъ очень слабого ихъ знакомства съ иностранными литературами. Съ Брунса подобный упрекъ снимають его статьи о Михаилѣ Маруллѣ (380—412), объ отношеніи Монтэни къ древнимъ авторамъ (357—379) и о сатирахъ Эразма (413—436).

Статьи эти полны доказательствъ несомнѣннаго умѣнья автора проникаться духомъ описываемаго времени, и не вѣрнѣе, будто онъ вышли изъ подъ пера человѣка, центръ занятій котораго лежалъ на изученіи гораздо болѣе ранняго времени. Писателей новаго времени онъ изучаетъ съ такой же самой обстоятельностью, къ какой его приучили строгія требованія классической филологіи, и имъ онъ отдаетъ ту же самую любовь, безъ которой едва ли мыслимо изученіе античнаго міра. Такимъ образомъ сливается воедино изученію классической филологіи съ изслѣдованіемъ новѣйшей культуры и нѣтъ даже малѣйшаго намека на ту нетерпимость, съ которой еще такъ недавно специалисты по классической филологіи отталкивали (да отчасти и теперь еще продолжаютъ отталкивать) отъ себя все то, что выходитъ за предѣлы древняго міра.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Маекъ Шнейдевинъ въ замѣткѣ: *Etwas über Geist und Art der alten Philologie, wie sie heute ist und wie sie vor zwei Menschenaltern war* (= *N. Jahrbücher. f. d. Klass. Altertum* 1898, pp. 537—544) указалъ на различіе, существующее между прежними и теперешними специалистами-классиками: для стараго ученаго классическая древность прежде всего предметъ поклоненія и пристрастной любви, для новаго—она объектъ критическаго разсмотрѣнія, при которомъ чуть ли не первое мѣсто отводится сопоставленію съ современностью, почти не существовавшей для филологовъ прежняго времени. При этомъ невольно вспоминались указанія Алекс. Н. Веселовскаго, учившаго въ своемъ „Введеніи въ историческую поэтику“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1894, № 5, стр. 21—42), какъ неразрывно связано для изслѣдователя прошлое съ настоящимъ: если многое въ настоящемъ не понятно вѣтъ исторической связи съ прошлымъ, то въ свою очередь и изученіе настоящаго, доступнаго нашему непосредственному наблюденію и говорящаго не только уму, но и сердцу, одухотворяетъ и раскрываетъ истинный смыслъ весьма многихъ явленій навѣки окаменѣлой старины. И Брунсъ свое изслѣдованіе хотя бы „культы историческихъ личностей“ ведетъ, постепенно удаляясь отъ настоящаго къ прошлому: это объясняетъ онъ тѣмъ, что *ein Produkt der Vergangenheit sind wir ja nun einmal*

(стр. 2). Въ другомъ мѣстѣ той же самой рѣчи онъ восклицаетъ: „какъ многое изъ того, что насъ теперь волнуетъ, становится понятнѣе, если мы разсмотримъ его происхожденіе, развитіе и завершеніе въ томъ вполнѣ заключавшемся періодѣ“, разумѣя здѣсь античный міръ (стр. 17). Въ сборникѣ Брунса есть чрезвычайно убѣдительное, косвенное доказательство всей необходимости изученія новѣйшей литературы для спеціалиста по классической филологіи. Въ этой области, какъ извѣстно, пытливымъ умамъ изслѣдователей доставляетъ очень много затрудненій вопросъ о степени достовѣрности автобіографическихъ указаній лирическихъ поэтовъ: исторіи любви Тибулла, Проперція, женѣ Марціала и т. п. посвящены цѣлыя литературы потому, что въ этихъ указаніяхъ поэтовъ встрѣчаются непреодолимыя противорѣчія и это даетъ поводъ ученымъ состязаться въ остроуміи и кропотливости на почвѣ устраненія этихъ „противорѣчій“. Изъ области новѣйшей литературы съ этимъ могутъ быть сопоставлены по своей судьбѣ подъ перомъ ученыхъ изслѣдователей чуть ли не одни сонеты Шекспира, объединеннаго съ античными поэтами одинаковой пеленой неизвѣстности, застилающей ихъ личную жизнь. Брунсъ имѣлъ случай, изучая стихотворенія, посвященныя Марулломъ какой-то Пезрѣ, убѣдиться въ виду такого всесторонняго знакомства съ его біографіей, какое мы напрасно стали бы желать для какого-либо поэта древности, что это не опредѣленное лицо, а ein Sammelbegriff (стр. 394). Это приводитъ его къ замѣчанію, что лирическая поэзія никогда не ограничивается точнымъ воспроизведеніемъ пережитого, такъ какъ: „die Wahrheit ist das Pfund, mit dem die Dichtung wuchert; несомнѣнно была Цинтія, любимая Проперціемъ, но было бы ошибочно пытаться возстановить исторію Цинтіи по стихотвореніямъ Проперція“ (стр. 398). Это писалъ Брунсъ еще въ 1893 г., а въ 1901 г. появляется его статья: Der Liebeszauber bei den Augusteischen Dichtern (стр. 321—356). Для выбраннаго въ видѣ заглавія вопроса статья эта даетъ немного прежде всего потому, что этой темѣ еще въ 1863 г. была посвящена очень обстоятельная кенигсбергская диссертация О. Гиршфельда: для собранія параллельныхъ мѣстъ и цитатъ у Брунса, повидимому, всегда было мало терпѣнія¹⁾, но зато стоитъ только сравнить принципиальную часть обѣихъ

¹⁾ Недаромъ О. Ф. Эльмискій совершенно основательно упрекалъ его за то, что при изученіи Тацита онъ удовольствовался почему-то только первыми шестью книгами *Анналь* (Филол. Обоз. XV, 1898, стр. 25).

работъ, и все преимущество новаго метода станетъ очевиднымъ; только благодаря ему Брунсъ понялъ, что не стоитъ тратить время на устраненіе „противорѣчій“, такъ жестоко мучившихъ его предшественниковъ. Знакомство съ новѣйшей поэзіей привело его къ убѣжденію, что въ сборникахъ лирическихъ поэтовъ почти каждое стихотвореніе имѣетъ вполне самостоятельное значеніе и требуетъ для своего уясненія новыхъ условій, только близкихъ, но вовсе не тождественныхъ съ стихотвореніями той же группы (стр. 340), которая „auf ein dichterisches Medium übertragen, das dem Dichter zwar verwandt, aber nicht identisch ist“ (стр. 342). Надо надѣяться, что послѣ этихъ вполне убѣдительныхъ указаній, надъ біографіями разныхъ Цинтій и Делій будутъ трудиться только специалисты-классики¹⁾; признающіе завидной судьбу тѣхъ грѣшниковъ Дантовскаго ада, которые обречены на хожденіе впередъ съ головою, вѣчно повернутой назадъ.

Если изученіе Марулла привело Брунса къ пониманію римскихъ лириковъ, то занятія Лукіаномъ заставили его перейти къ Эразму. Едва ли нужно доказывать всю необходимость для правильнаго пониманія весьма многихъ вопросовъ классической филологіи знакомства съ гуманистами: вѣдь имъ принадлежатъ первые опыты изученія античныхъ писателей, наложившіе такой сильный отпечатокъ на всю послѣдующую ученую литературу, что во многихъ случаяхъ мы и по сей день вынуждены глядѣть ихъ глазами на многія явленія античной литературы, изъ подъ ихъ пера вышли editiones principes и нерѣдко ихъ же усмотрѣніемъ обусловлены составъ и содержаніе рукописныхъ кодексовъ²⁾.

Еще менѣе надо убѣждать русскаго читателя въ необходимости привлеченія живого матеріала современности для правильнаго рѣшенія вопросовъ классической филологіи. Почти въ томъ же самомъ году, когда въ Боннѣ появилось знаменитое изслѣдованіе Узенера: *Der altgriechische Versbau. Ein Versuch vergleichender Metrik* (1867), въ Москвѣ

¹⁾ Не больше сочувствія заслуживаютъ и попытки строить біографіи древнихъ авторовъ на основаніи случайно дошедшихъ до насъ ихъ фрагментовъ, про которые нельзя рѣшить, не сохраняютъ ли они мысли и сужденія не самого автора, а только его персонажей. Съ этимъ вовсе не считается между прочимъ F. Maug в своей біографіи Луціліа, предисланный новому изданію его фрагментовъ. Leipzig, 1904.

²⁾ См. замѣчанія F. Maug'a о роли Франциска Дуза среди издателей и изслѣдователей Луціліа: *C. Lucillii carminum reliquiae* I. Lips. 1904, стр. CXV.

Ө. Е. Коршъ выступилъ съ диссертацией *De versu Saturnio* (1868), и его выводы сдѣлались особенно убѣдительными потому, что матеріалъ не былъ ограниченъ выборками только изъ древнихъ поэтовъ, а охватывалъ даже русскія народныя пѣсни. Въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ московскій ученый перенесъ этотъ приемъ въ область изслѣдованія синтаксиса (см. его: Способы относительнаго подчиненія. 1877) и исторіи литературы (см. Римская элегія и романтизмъ. 1899) и передалъ его своимъ ученикамъ въ лицѣ М. М. Покровскаго, съ одинаковымъ успѣхомъ примѣняющаго его къ явленіямъ какъ языка (см. его: Семасіологическія изслѣдованія въ области древнихъ языковъ, 1895, гдѣ опредѣленіе *древнихъ* могло бы быть съ полнымъ правомъ опущено въ виду одинаково обстоятельной разработки данныхъ русскаго, нѣмецкаго и другихъ языковъ), такъ и литературы (см. его Очерки по исторіи сравнительной литературы, 1905). Послѣ этихъ и родственныхъ имъ работъ не вѣрится, чтобы безъ примѣненія этого метода могли быть удачно рѣшены какіе-либо общіе, принципиальные вопросы въ области классической филологіи. Такъ, на примѣръ, въ послѣднее время очень оживленно идетъ изученіе прозаическихъ ритмовъ и появляется цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ изученію такъ называемыхъ клаузулъ. Но, судя по теперешнему состоянію вопроса, надо думать, что это весьма интересное явленіе не получитъ своего освѣщенія до тѣхъ поръ, пока не будетъ привлечено изученіе явлений живой, современной ораторской рѣчи; только тогда будутъ намъ понятны „законы“ древнихъ ораторовъ и причины, заставляющія ихъ усложнять свое дѣло такими тяжелыми и строгими нормами. Иначе всѣ попытки въ этомъ направленіи останутся мертвой статистикой, цифровые выводы которой безсильны открыть ихъ дѣйствительный смыслъ. Еще болѣе страдало изученіе античной поэзіи отъ того, что за изученіе ея памятниковъ брались люди, имѣющіе достаточно познаній въ области грамматики и метрики, но очень смутное представленіе о сущности поэтическаго творчества, съ которой можно ознакомиться только на живыхъ образцахъ, непосредственно говорящихъ нашему чувству.

Вмѣстѣ съ большинствомъ современныхъ ученыхъ Брунсъ менѣе всего склоненъ признавать значеніе за греческой литературой только классическаго періода: онъ неоднократно выдвигаетъ достоинства писателей эллинистическаго періода (см. стр. 210, 211 и т. д.) и подчеркиваетъ всю силу вліянія греческаго языка, искусства и науки и той эпохи, когда Аѳины изъ политическаго центра превратились въ

университетъ (см. стр. 197), при чемъ въ послѣдней формулѣ Брунсъ нашелъ очень удачное опредѣленіе того, чѣмъ были Аѳины хотя бы для Рима временъ Ціцерона и Августа.

Въ то время какъ за послѣднее десятилѣтіе минувшаго вѣка чуть ли не каждый мѣсяцъ приносилъ новыя пополненія въ инвентарь греческой словесности, Брунсъ стоялъ какъ бы въ сторонѣ отъ этихъ соблазнительныхъ новинокъ: ни Бакхилидъ, ни Герондъ, ни отрывки Менаандра не побудили его внести свой вкладъ въ ту громадную литературу, которую вызвали къ жизни эти новинки, настолько привлекая вниманіе ученыхъ, что являлось опасеніе, какъ бы изъ-за этихъ открытій не пострадало изученіе ранѣе извѣстныхъ памятниковъ. Книга Брунса является прекраснымъ опроверженіемъ подобныхъ опасеній. Ученый, идущій вслѣдъ за вѣкомъ и старательно усваивающій себѣ все приносимыя имъ усовершенствованія метода и новизну взглядовъ, всегда найдетъ въ давнымъ давно знакомыхъ писателяхъ и новую пищу для своей пылкости, и почву для новыхъ теорій и взглядовъ. Свою рѣчь о греческихъ трагедіяхъ онъ закончилъ обращеніемъ къ слушателямъ, въ которомъ высказалъ увѣренность, что ему удалось убѣдить свою аудиторію въ томъ, какъ много еще неисчерпаннаго матеріала для работы заключаетъ въ себѣ область классической филологіи: „какъ не можетъ быть никогда закончено изученіе природы, составляющее удѣлъ родственныхъ филологіи естественныхъ наукъ, такъ неисчерпаемо и изученіе исторіи того исчезнутаго міра, изслѣдованіе котораго составляетъ одну изъ величайшихъ задачъ человѣчества. И это останется неизмѣннымъ даже и въ томъ случаѣ, если пески Египта перестанутъ на вѣки обогащать насъ своими сокровищами: наши задачи не уменьшаются съ теченіемъ времени, онѣ только усложняются и углубляются, и кто беретъ за ихъ разработку, тотъ всегда находитъ въ нихъ одинаковую новизну, одинаковую трудность, но въ то же время и одинаковое удовлетвореніе“ (стр. 70).

Чтеніе сборника Брунса лучше всего убѣждаетъ въ справедливости этихъ словъ.

В. Варшавскіе.

Книжные новости.

Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. Съ приложениемъ одного рисунка. Изданіе Владимирской ученой архивной комиссіи, подъ редакціей и съ предисловіемъ пожизненнаго члена Г. А. Рязскаго. Губ. гор. Владимиръ, 1906. Стр. 5 + 128.

„Настомщее изданіе“, читаемъ въ предисловіи, „имѣеть цѣлью воспроизвести одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ памятниковъ русской топографіи XVIII вѣка—атласъ Владимирской губерніи“, составленный въ 1784 г., но всея вѣроятности, послѣ опубликованія сенатскаго указа (П. С. З. № 14671), рекомендовавшаго „къ особливому Сената удовольствію“ начальникамъ губерній „прилагать стараніи къ собиранію и составленію свѣдѣній“ о ввѣренной губерніи. Атласъ этотъ находится въ Московскомъ Румицевскомъ музеѣ и представляетъ собою тетрадь, писанную скорописью конца XVIII вѣка. На первомъ мѣстѣ помѣщены раскрашенные губерніскіи и уѣздные гербы, въ текстѣ 15 статистическихъ таблицъ и 14 раскрашенныхъ картъ. Послѣднія въ изданіе, редактированное г. Рязскимъ, не вошли изъ-за техническихъ трудностей, а текстъ воспроизведенъ съ точностью. Онъ представляетъ собою сводку всевозможныхъ свѣдѣній о Владимирской губерніи: историческихъ, географическихъ, статистическихъ, бытовыхъ и проч., расположенныхъ въ 29 главахъ, по числу городовъ и уѣздовъ, вѣсть съ общимъ описаніемъ губерніи, при чемъ къ описанію cadaго уѣзда приложена статистическая таблица. Въ дополненіе къ „Топографическому описанію“ находимъ еще „Краткое присовокупленіе нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ историческихъ происшествій, построенія церквей и народныхъ басней“ о городѣ Владимирѣ, „во Владимирской округѣ“, Переяславль-Загѣскомъ, Суздаль и т. д. Настоящее изданіе, несомнѣнно, должно представлять научный интересъ и какъ памятникъ русской топографіи Екатерининскаго времени, и какъ историко-географическій матеріалъ для исторіи Владимирской губерніи.

Н. Карлевъ. Ролониса. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ (1881—1905). С.-Пб. 1905. Стр. IX + 268. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Интересъ проф. П. И. Карлева къ польскимъ дѣламъ связанъ съ началомъ „Русской Мысли“, въ первыхъ номерахъ которой славянствъ былъ посвященъ даже особый отдѣлъ, впоследствии уничтоженный. Этотъ отдѣлъ особенно интересовалъ редактора московскаго журнала, покойнаго С. А. Юрьева, и по его мысли долженъ былъ на первыхъ порахъ только сказать русскимъ читателямъ нѣчто совершенно новое по славянскому вопросу, а затѣмъ—выработать особую формулу славянофильства, которое простиралось бы не только на южныхъ (православныхъ), но и на западныхъ славянъ, не подходящихъ къ программамъ типичнаго русскаго славянофильства. Для характеристики основнаго взгляда Юрьева на этотъ вопросъ лучше всего можетъ служить слѣдующая общая мысль его: „душа человека дороже цѣлаго міра, ибо она есть храмъ Духа Святаго“, откуда исходила болѣе частная мысль: этой истиной освящена еще и „другая душа, слагающаяся изъ взаимодействія нравственныхъ лично-

стей, развивающаяся подъ историческими и естественными вліяніями, — народная душа, народная личность съ ея индивидуальными творческими силами“, т. е. *народность* („Польскій вопросъ“. М. 1881). Приведенныя слова важны еще въ томъ смыслѣ, что, съ одной стороны, объясняютъ дальнѣйшіе упреки по адресу „Русской Мысли“, на самомъ дѣлѣ незаслуженные, въ „полонофильствѣ“, съ другой стороны, указываютъ на ту точку зрѣнія, съ которой журналъ могъ трактовать національные обще-славянскіе вопросы. По предложенію С. А. Юрьова, Н. Карѣевъ написалъ для „Русской Мысли“ рядъ статей, которыя и теперь не утратили своего значенія. Живя въ Варшавѣ, авторъ многое могъ знать гораздо лучше, чѣмъ другіе, писавшіе по польскому вопросу въ русскихъ городахъ, на основаніи однихъ книгъ и газетныхъ статей, — и первая же его статья „Нѣчто о русско-польскомъ вопросѣ въ нашей журналистикѣ“ (1881 г., кн. III) показала основательное знакомство автора въ той области славянскои взаимности, которая и впоследствии страдала прежде всего отъ „обуюдной неосвѣдомленности“. Затѣмъ послѣдовало нѣсколько „Польскихъ писемъ“, прекращенныхъ только осенью 1884 года, вмѣстѣ съ переселеніемъ Н. Карѣева въ Петербургъ. Теперь письма перепечатаны безъ всякихъ измѣненій, хотя черезъ 25 лѣтъ, по признанію самого автора, „по нѣкоторымъ частнымъ пунктамъ теперь онъ можетъ думать нѣсколько иначе, чѣмъ думалъ тогда; но общее отношеніе къ польскому вопросу осталось прежнимъ“ (стр. V). Большая статья „Новѣйшая польская исторіографія и переворотъ въ ней“, напечатанная въ 1886 году въ „Вѣстникѣ Европы“, также не утратила ни научнаго, ни общественнаго значенія, хотя за эти двадцать лѣтъ на польскомъ языкѣ появилось нѣсколько солидныхъ изслѣдованій на ту же тему. Послѣднія статьи Н. Карѣева, вошедшія въ „Polonica“, написаны сравнительно недавно, и всѣ, кто интересуется русско-польской взаимностью, по всей вѣроятности, читали ихъ въ „Правдѣ“. Это — „Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ“; „Польская національность въ русской государственности“ и „Новая польская партія“. Къ нимъ сочувственно отнеслись варшавскіе и краковскіе журналы, почему, надо думать, всѣ работы Н. Карѣева, касающіяся Польши или переведенныя на польскій языкъ (списокъ ихъ приложенъ въ концѣ книги), сыграютъ самую свѣтлую роль въ сближеніи русскихъ съ поляками, на первыхъ порахъ хотя бы въ области чисто культурной. Сближеніе это составляетъ вопросъ только времени и ожидается всѣми, кому близка и дорога семья *всѣхъ* славянскихъ народовъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ.

— *Беншешичъ, В. Н.* Древне-славянская кормчая. XIV титуловъ безъ толкованій. Томъ первый. Выпускъ 1. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб.: 1906. V+228 стр. Цѣна 1 руб. 40 коп.

— *Щенкинъ, В. Н.* Болонская псалтырь. Съ приложеніемъ семи фототипій и восьми цинкографій. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1906. 3+VIII+267+8 вен. (Изслѣдованія по русскому языку. Томъ II, выпускъ 4-й).

— *Никольскій, Николай*. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПОВРЕМЕННОГО СПИСКА РУССКИХЪ ИСАТЕЛЕЙ И ИХЪ СОТНЕНІЙ (X—XI вв.). Корректурное изданіе. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1906. VII+596 стр.

— *Тандеръ, К.* Повѣдки скандинавовъ въ Бѣломъ морѣ. С.-Пб. 1906. VI+450 стр.

— *Воскресенскій, Г.* Посланіе святаго апостола Павла къ Коринтянамъ 1-е по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго апостольскаго текста съ развитіями изъ пятидесяти семи рукописей Апостола XII—XVI вѣковъ. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Свито-Троицкал Сергіена Лавра. 1906. 20 стр. (Древне-славянскій Апостолъ. Выпускъ 2-й).

— *Суворовъ, Н.* Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ воиновскихъ соворовъ. Второе, исправленное, изданіе. М. 1906. XI+400 стр. Цѣна 3 руб.

— *Král, Josef, Dr.* Ёвскá а Ё́мскá внутрн́ка а метр́ка. II. Ёвска а Ё́мскá метр́ка. Svazek prvni. V Praze 1906. XV+464 стр.

— Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ. Томъ IX. 1906. 285 стр.—Томъ X. 1906. XX+213+V стр. Цѣна каждаго тома по 2 руб.

— *Бочкаревъ, В.* Историко-каноническіе очерки. Южновъ 1906. 150+7 стр. Цѣна 1 руб.

— *Dedekind, Richard.* Непрерывность и ирраціональные числа. Перевелъ С. Шатуновскій; съ присоединеніемъ его статьи: Доказательство существованія трансцендентныхъ чиселъ. Mathesis. Одесса 1906. 39 стр. Цѣна 40 коп.

— *Перри, Дж., проф.* Вращающийся волчокъ. Публичная лекція, содержащая популярное изложеніе теоріи волчка. Съ 63 рисунками. Переводъ съ англійскаго. Mathesis. Одесса 1906. II+96 стр. Цѣна 60 коп.

— *Базилевичъ, М. Е.* Меланома въ ряду злокачественныхъ новообразованій жмкзистаго типа. Житомиръ 1902. 26 стр.

— *Базилевичъ, М. Е.* Гомологи эврионального вещества и дериваты плоскаго эпителия на отдаленныхъ стадіяхъ біологическаго цикла. Житомиръ 1902. 32 стр.

— *Базилевичъ, М. Е.* Пластическая роль вълаго кровяного шарика и реактивныя начала въ развитія злокачественныхъ новообразованій эпителиальнаго типа. Житомиръ 1900. 50 стр. Цѣна 70 коп.

— Етнографічний збірник. Вида: етнографічна комісія Наукового Товариства імені Шевченка. Т. XXI. Галицько-руські народні мелодіи зібрані на фонограф Йосифом Роздольським, списав і зредагував Станіслав Модкевич. Часть I. У Львові 1906. Накладомъ Товариства. XIX+187 стр.

— Памятки українсько-руської мови и літератури вида: археографічна

комисія Научнаго Товариства имени Шевченка. Томъ IV. У Львові 1906. XLVII+524 стр.

— *Миллеръ, В. Ѡ.* Отголоски смутнаго времени въ вышивкахъ. С.-Пб. 1906. 104 стр.

— *Александръ, В. М.* Замѣтки объ изученіи Китая въ Англии, Франціи и Германіи. С.-Пб. 1906. 104 стр.

— Сборникъ научно-популярныхъ статей Пуанкаре, Гельмгольца, Кронекера и др. по основаніямъ арифметики. (Философія числа). Подъ редакціей Н. Н. Парфентьева. Изданіе студенческаго математическаго кружка при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Казань 1906. 200 стр. Цѣна 1 руб. 10 коп.

— *Malinin, Alexander.* NAT DÖRRFELD ENNEAKRONOS-EPISODE bei Pausanias tatsächlich gelöst oder auf welchem Wege kann diese gelöst werden? Einige Bemerkungen zu Judeichs „Topographie von Athen“. Wien 1906. 35 стр.

— *Якубовскій, Н.* Обьективный взглядъ на основы познанія. С.-Пб. 1906. 59 стр.

— МАТЕРІАЛЫ къ познанію фауны и флоры Россійской имперіи. Отдѣлъ зоологическій. Выпускъ VII. М. 1906. 324 стр. Цѣна 2 руб.

— Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины гор. Москвы и Московской епархіи, издаваемые подъ редакціей предсѣдателя комиссіи А. И. Успенскаго. Томъ второй. М. 1906. II+268 стр. Цѣна 40 руб. (Московскія кремлевскія дворцовыя церкви и служившія при нихъ лица въ XVII вѣкѣ. Церковно-историко-археологическое изслѣдованіе протоіерей Н. Д. Извъкова).

— *Чечулинъ, Н. Д.* Отрывки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіи Екатерины II. С.-Пб. 1906. 380 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

МАДРАСЫ ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

Въ западномъ Туркестанѣ и бывшей Трансоксаніи (ар. Маварауннахрѣ) мусульманское образованіе привилось и распространилось долго спустя послѣ завоеванія этихъ областей арабами. Извѣстно, что Котайба, хорасанскій намѣстникъ, въ 705—715 г.г. по Р. Хр. сначала взявъ Пайкендъ ¹⁾, Бухару, Самаркандъ, Шахрисябъ и Хиву, а затѣмъ войска его перешли Сыръ-Дарью и заняли Фергану и область Шашскую (нынѣ Ташкентскій уѣздъ). Однако быстрое наступательное движеніе арабскихъ войскъ въ древней Трансоксаніи, Ферганѣ и частью въ теперешней Сыръ-Дарьинской области ²⁾ не сопровождалось столь же быстрымъ насажденіемъ арабско-мусульманской культуры въ этихъ областяхъ, особенно среди полудикихъ тюркскихъ народностей, исповѣдывавшихъ тогда язычество въ разныхъ видахъ. Не только религія (исламъ), но также языкъ, нравы и обычаи завоевателей семитовъ отдѣляли ихъ отъ завоеванныхъ аріицевъ и тюркоговъ. Исоднократныя возстанія и отложенія побѣжденныхъ до полной независимости показываютъ, что нужно было смѣниться нѣсколькимъ поколѣніямъ, прежде чѣмъ новая (арабская) вѣра и основанная на этой вѣрѣ мусульманская образованность были восприняты покоренными народностями Средней Азіи. Мы не располагаемъ точными историческими свѣдѣніями, которыя освѣтили бы темный *двоевѣрный* періодъ, въ продолженіе котораго основные принципы ислама и смѣна мусульманской образованности постепенно вѣдрялись въ народной средне-

¹⁾ Теперь отъ этого города остались только незначительные признаки въ видѣ земляныхъ бугровъ.

²⁾ Древняя Шашская область.

азиатской почвѣ, пока наконецъ укрѣпились въ ней и по мѣстамъ дали хорошую растительность съ пышными цвѣтами и обильными плодами.... Этотъ интересный съ точки зрѣнія культурной эволюціи періодъ остался неразъясненнымъ для исторіи арабско-мусульманской образованности въ теперешней Средней Азій, и намъ приходится ограничиться краткимъ упоминаніемъ о томъ, что въ Бухарѣ, въ началѣ IX вѣка, были мусульманскіе ученые, а въ XII и XIII вв. по Р. Хр. и въ границахъ Туркестанскаго края мусульманское образованіе было значительно распространено, но монголы во время своихъ стремительныхъ походовъ, сопровождавшихся грабежами и разрушеніемъ цѣлыхъ городовъ, задержали естественное развитіе школьнаго мусульманскаго дѣла въ Средней Азій¹⁾. Только черезъ два столѣтія (въ концѣ XIV и началѣ XV вв.) исламъ снова окрѣпъ въ Средней Азій и—такова его внутренняя сила!—исродилъ духовно самихъ завоевателей.... Одинъ изъ правителей государства, основаннаго монголами, извѣстный всему міру Тимуръ, оказалъ исламу и мусульманскому просвѣщенію въ своихъ средноазиатскихъ владѣніяхъ такую нравственную и матеріальную поддержку, о какой мы въ настоящее время можемъ судить по величественнымъ памятникамъ школьныхъ и другихъ зданій его времени и его преемниковъ. О Тимурѣ рассказываютъ, что онъ зналъ историческія преданія востока и запада, уважалъ ученыхъ шейховъ и охотно бесѣдовалъ съ богословами. Въ его „Уложении“ (Тюзюки-Тимуръ) говорится, что онъ поддерживалъ исламъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ и оказывалъ почтеніе потомкамъ пророка, ученымъ, богословамъ, философамъ и историкамъ. Первое правило, какого онъ держался въ жизни и управленіи, было направлено къ распространенію и утвержденію закона Мухаммедова въ предѣлахъ своей обширной имперіи. Ученымъ законовѣдамъ онъ назначалъ жалованье и слѣдилъ за правильнымъ распредѣленіемъ вакуфовъ.... За все это Тимуръ получилъ отъ современныхъ ему ученыхъ мусульманъ титулъ „возстановителя вѣры, почитателя потомковъ пророка и богослововъ“²⁾. Не должно казаться поэтому удивительнымъ, что Сарай-Мулькъ-Ханымъ, одна изъ женъ Тимура, еще при жизни своего повелителя, построила въ Самаркандѣ мадрасу, отъ ко-

¹⁾ См. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, В. Тизенгаузена, С.-Пб. 1884 г. и Туркестанъ въ эпоху монгольскаго наместія В. Бартольда, С.-Пб. 1900 г.

²⁾ См. Уложение Тимура. Изданіе Н. Остроумова. Казань, 1894 г.

торой построенная близъ нея впоследствии мечеть получила названіе „Биби-Ханымъ“. Это и была первая мадраса въ Самаркандѣ въ вѣкъ Тимура; но свѣдѣній о научной дѣятельности этой мадрасы въ нашемъ распоряженіи нѣтъ.

Мадраса Улугъ-Бека носитъ названіе своего знаменитаго основателя, извѣстнаго въ науцѣ внука великаго Тимура ¹⁾. По надписи на фронтонѣ ²⁾ окончаніе постройки этого зданія относится къ 823 г. Гиджры (1420 г. по Р. Хр.). Мадраса находится въ центрѣ Самарканда и первоначально имѣла два этажа, надъ которыми красовались четыре купола и четыре минарета по угламъ. Комнаты для учащихся были устроены подъ арками, по двѣ подъ каждой аркой; каждая комната состояла изъ двухъ отдѣленій, и въ каждомъ отдѣленіи помѣщались по два студента. Все зданіе было настолько величественно и красиво, что поэтъ сравнивалъ громаду его съ твердо стоящей горой, подпирающей небеса и приводящей своею тяжестью въ содроганіе хребетъ земли. Высокіе карнизы зданія поднимались, по выраженію поэта, на соединеніе съ небеснымъ сводомъ, а лазурные изразцы, украшавшіе стѣны мадрасы, напоминали синеву неба, раздѣланнаго серебряными звѣздами ³⁾. Въ послѣдовавшее затѣмъ правленіе узбековъ, считаемое временемъ упадка просвѣщенія ⁴⁾, верхній этажъ зданія былъ разобранъ, такъ какъ онъ по своей высотѣ оказывался командующимъ надъ ерѣвостью,—и мадраса осталась потомъ одноэтажною.

Первымъ мударрисомъ въ эту мадрасу былъ назначенъ Улугъ-Бекъ Казы-Зада Руми. Одновременно съ нимъ читалъ въ мадрасѣ лекціи ученый Мауляна Хавофи, который во время постройки мадрасы самъ вмѣстѣ съ чернорабочими трудился надъ возведеніемъ ея стѣнъ. Кромѣ этихъ двухъ ученыхъ, самъ Улугъ-Бекъ принималъ участіе въ преподаваніи. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какой курсъ

¹⁾ Мирза, Улугъ-Бекъ былъ старшимъ сыномъ Шахруха, сына и преемника Тимура. Улугъ-Бекъ родился въ 1394 г. по Р. Хр. и началъ править Самаркандомъ черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Тимура.

²⁾ Самарія. Описаніе древностей и мусульманскихъ святынь Самарканда. Состав. Абу-Тахиръ-Ходжа, перев. В. Л. Ваткинъ (Справочная книжка Самарк. обл. за 1898 г.), стр. 169 и 234.

³⁾ Съ величіемъ фасада этого зданія не особенно гармонировала одно время подѣшенная къ нему голова старшаго сына Улугъ-Бека—Мирзы Абдуль-Латифа, который въ 853 г. (1449) убилъ сначала младшаго своего брата, а потомъ и отца, строителя мадрасы.

⁴⁾ Примѣч. 56 къ переводу Самарія, стр. 236 и сл.

излагалъ онъ въ своихъ чтеніяхъ; можно думать, что Улугъ-Бекъ, какъ составитель „астрономическихъ таблицъ“¹⁾, ознакомилъ своихъ слушателей съ астрономіей. Не сохранилось также свѣдѣній, какія науки вообще преподавались на разныхъ отдѣленіяхъ (младшемъ, среднемъ и высшемъ), по какимъ руководствамъ и какія перемены въ жизни этой мадрасы происходили въ продолженіе ея существованія. Только извѣстно, что въ 1113 г. Гиджры (1701 по Р. Хр.) въ помѣщеніяхъ мадрасы нисколько не осталось, кромѣ обитателей развалинъ—филина и совы, и четыре купола ея стояли, старчески качая пустыми головами... Послѣ, въ 1234 г. (1818—1819 по Р. Хр.), при амиръ Бухары Сеидъ-Хайдаръ было дано вновь движеніе наукъ и ходъ ученыхъ, а въ настоящее время въ этой мадрасѣ два мударриса обучаютъ не болѣе 60 муллъ²⁾ и получаютъ изъ вакуфовъ по 40 руб. въ годъ; мулламъ же причитается не болѣе 10 руб. въ годъ каждому.

Двѣ мадрасы: *Ширъ-доръ* и *Тилля-кори*, находящіяся на одной площади съ предыдущею, построены Ялангтушемъ Багадуромъ, правителемъ Самаркандской области: Ширъ-доръ построена въ 1028 г. Гиджры (1618—1619 г. по Р. Хр.), а Тилля-кори въ 1056 (1646 г.). Абу-Тахиръ Ходжа рассказываетъ, что Ялангтушъ сдѣлалъ при жизни много завоевательныхъ походовъ, которые доставили ему большія богатства и множество плѣнниковъ. Утомившись подъ старость лѣтъ отъ пережитыхъ трудовъ и волненій, онъ рѣзко измѣнилъ направленіе бурной своей жизни: окруживъ себя представителями религіи и бесѣдуя съ ними о спасеніи души, Ялангтушъ избралъ однимъ изъ средствъ угожденія Богу дѣла благотворенія и построенія зданій для мечетей и мадрасы. Въ послѣднемъ случаѣ имъ несомнѣнно руководило и чувство тщеславія: построенныя имъ двѣ большія мадрасы не уступаютъ по размѣрамъ и красотѣ мадрасѣ Улугъ-Бека.

О мадрасѣ Ширъ-доръ Абу Тахиръ-Ходжа говоритъ, что по своей громадности она не вмѣщается въ сосудъ воображенія и мысли. Высота ея свода вознесена подобно аркъ небесъ и, какъ бы въ знакъ этого, на ея фронтонѣ изображено солнце въ соединеніи съ созвѣз-

¹⁾ Обсерваторія была устроена Улугъ-Бекѣмъ за городомъ на берегу арыка, послѣ совѣщанія съ Казы-Зада Руми и другими учеными современниками. Онъ проводитъ большую часть времени въ саду, разбитомъ имъ же вокругъ любимаго имъ учрежденія.

²⁾ Помѣщенія для чтенія лекцій въ настоящее время настолько пришли въ упадокъ, что мударрисы занимаются со своими слушателями въ комнатахъ (худжра) студентовъ.

дѣиѣмъ льва ¹⁾). Съ двухъ сторонъ входной арки ся возвышаются два купола и подлѣ каждого изъ нихъ высокой минареть, украшенный цвѣтными изразцами, что вызываетъ удивленіе и восторгъ, какъ у людей благородныхъ, такъ и у простыхъ смертныхъ ²⁾). При этой мадрасѣ состоитъ 1 мударрисъ и до 100 учащихся муллъ, размѣщенныхъ въ 60-ти кельяхъ. Дарсъ-ханы (аудиторіи) 2. Содержаніе мадраса получаетъ изъ вакуфовъ (торговныя лавки въ Самаркандѣ и Бухарѣ); мударрисъ получаетъ около 200 руб. въ годъ, а учащіеся муллы около 5 руб.

Мадраса Тилля-кори имѣетъ также большіе размѣры и красивую изразцовую отдѣлку, въ которую входитъ и золото, давшее ей названіе. Въ 1284 г. (1820—1821 г.), во время землетрясенія, красивый фасадъ этой мадрасы обвалился, но, по распоряженію бухарскаго амира Сейдъ-Хайдара, былъ восстановленъ въ первоначальномъ видѣ. При этой мадрасѣ полагается 2 мударриса, но одинъ уѣхалъ, находя невозможнымъ существовать на скудное содержаніе, получаемое изъ вакуфовъ. Учащіеся муллъ въ мадрасѣ 80—85; келіи для нихъ 54. Дарсъ-ханы 2, но одна разваливается. Вакуфныя доходы незначительныя, такъ что на долю мударриса достается не болѣе 120 руб. въ годъ.

Извѣстный во всей средней Азій мистикъ (суфи) Насреддинъ Убайдулла Ахраръ, или просто Ходжа-Ахраръ (род. въ 806 г., ум. въ 895 г. Гиджры, 1404—1490 гг. по Р. Хр.) относился съ высокимъ уваженіемъ къ ученымъ людямъ, построилъ въ Самаркандѣ и Ташкентѣ мадрасы для ищущихъ знанія и обезпечилъ содержаніе ихъ вакуфами изъ громаднхъ земельныхъ имуществъ, которыми располагалъ онъ при своей жизни ³⁾). По соображеніямъ В. Л. Вяткина,

¹⁾ Въ настоящее время съ трудомъ можно только догадываться о бывшей красотѣ фронтона этой мадрасы, такъ какъ изразцовая отдѣлка очень сильно выветрилась и потрескалась, а восстанавливать и поддерживать это красиво и величественное зданіе никому и не на что: вакуфы ничтожны, а частныхъ благотворителей нѣтъ.

²⁾ См. цитиров. книгу „Самарія“ въ перев. В. Л. Вяткина и рисунокъ.

³⁾ По преданію, онъ въ молодости былъ очень бѣденъ, 24 лѣтъ отправился въ Гератъ и, проживъ тамъ 5 лѣтъ, снова вернулся въ Ташкентъ и занимался земледѣліемъ при одной парѣ воловъ. Но скоро онъ сдѣлался обладателемъ всѣхъ земель на югъ отъ Самарканды до горъ Шахрисабза; его стадамъ, полямъ и садамъ счету не было; изъ урожая онъ выплачивалъ въ ханскую казну 6 милл. пудовъ зерна. Если эта цифра и преувеличена, то фактъ несмѣтныхъ богатствъ Ходжи-Ахрара не подлежитъ сомнѣнію. И при этомъ достойно замѣчаніе, что онъ считалъ всѣ свои

мадраса Ходжи-Ахрара въ Самаркандѣ была основана при Султанѣ Ахмедь-Мирзѣ, когда въ рукахъ основателя ея сосредоточились уже огромныя имуществва. Въ правленіе Аштарханидовъ самаркандская мадраса Ходжи-Ахрара разрушилась и восстановлена была въ правленіе амира Маасумъ-Газы; въ настоящее время въ ней живутъ учащіеся муллы, слушающіе лекціи по мусульманскимъ наукамъ. Среди туземцевъ эта мадраса извѣстна также подъ именемъ „Мадраса и-сафидъ“, т. е. Бѣлая мадраса ¹⁾).

Мадраса Шейбани-хана начата была постройкой въ концѣ жизни этого хана, который былъ намѣренъ выстроить ее столь обширную, какъ „площадь надежды“ и столь высокою, „какъ зенитъ неба“, но погибъ въ сраженіи съ иранскимъ шахомъ Измаиломъ въ ноябрѣ 1510 г. по Р. Хр. Тѣло его было привезено безъ головы въ Самаркандъ и похоронено при начатой мадрасѣ. Сынъ его, Тимуръ-Мухаммедь-Султанъ, вступивъ на тронъ отца, продолжалъ начатую постройку, но также не довелъ ее до конца, такъ какъ въ мартѣ 1514 г. „попугай чистой его души отлетѣлъ изъ земной кѣтки въ высшій міръ“. Тогда приступила къ постройкѣ мадрасы вдова умершаго, — Михръ-Султанъ-Ханымъ. Возымѣвъ въ сердцѣ своемъ мысль „оставить на лицѣ времени доброе имя, которое не могли бы смыть земныя наводненія“, она пригласила искусныхъ архитекторовъ, чудесныхъ строителей и опытныхъ мастеровъ и приказала имъ выстроить рядомъ съ строящеюся мадрасой и другую, столь же великолѣпную. Въ скоромъ времени оба зданія были окончены и соединены огромнымъ фронтономъ, отливавшимъ золотомъ и лазурью, а стѣны зданія были украшены изразцами. Поэтъ, въ восторгѣ отъ красоты этихъ зданій, высказалъ: „Это двѣ мадрасы, — громадныя, какъ египетскія пирамиды, похожія одна на другую, какъ близнецы, и радующія сердца, какъ двѣ щеки возлюбленной, ... послужили къ увеличенію блеска Самаркандскаго царства“.

Содержаніе этой парной мадрасы было обезпечено большимъ числомъ пахотныхъ участковъ, садовъ, лавокъ, торговыхъ банъ и пр.;

богатства принадлежащими народу, а самъ продолжалъ вести жизнь дервиша, суфи. Конечно, всѣ свои богатства онъ получилъ отъ народа же, отъ своихъ послѣдователей — муридовъ.

¹⁾ Тамъ же и въ „Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Томъ V (1896 г.), ст. Святые, чтимые туземцами“ и пр. Въ этой статьѣ приведено много интересныхъ свѣдѣній изъ жизни извѣстнаго во всей Средней Азій мусульманскаго святого Ходжи-Ахрара.

на доходы съ этихъ имуществъ содержались четыре мударриса, студенты, имамъ и разнаго рода служители. Не смотря на это, въ послѣдовавшее затѣмъ время мадраса Шейбани-хана стала приходить въ упадокъ до полного разрушенія, такъ что при самаркандскомъ правителѣ Маасумъ-Газы (1784 и сл. по Р. Хр.) была заново перестроена; тогда же она снова стала пользоваться доходами съ вакуфовъ и тогда въ ней возобновились учебныя занятія, о чемъ благочестивый правитель Самарканда очень усердно заботился ¹⁾.

Мадраса Падыръ-Мухаммеда Диванъ-беги выстроена въ 1631 г. по Р. Хр. и отличалась просторомъ и украшеніями, но въ настоящее время нѣкоторыя части ея зданія разрушились.

Небольшая мадраса Семда Ахмедъ-Ходжи построена въ 1637 году въ правленіе Имамъ-жули-хана, считавшагося передовымъ человѣкомъ своего времени, и мадраса Казы-Абдуль-Гафура.

Мадраса-и-Али въ цитадели, противъ извѣстнаго „*жукъ-таша*“ ²⁾, служившаго при Аптарханидахъ коронаціоннымъ трономъ, построена бухарскимъ амиромъ Сеидъ-Хайдаромъ въ 1813 г. по Р. Хр.

Кромѣ Самарканда, мадрасы есть и въ другихъ городахъ (особенно въ Ходжентѣ) и нѣкоторыхъ селеніяхъ области; общее число ихъ въ Самаркандской области простирается до 40; въ нихъ обучаются до тысячи молодыхъ и пожилыхъ людей ³⁾.

Въ Ташкентѣ самую древнюю мадрасой считается мадраса Ходжи-Ахрара (близъ базара), того самаго мистика, о которомъ упомянуто выше (ум. въ 1490 г. по Р. Хр.). Она существуетъ болѣе 416 лѣтъ, но размѣрамъ небольшая и не выдѣется своей архитектурой. Въ ней, при двухъ мударрисахъ, обучаются 44 молодыхъ людей, живущіе въ 21 кельѣ. При мадрасѣ есть большая мечеть для зимняго времени и особыя крытыя террасы на дворѣ для молитвы и для занятій въ теплое время года; комната для постоянныхъ занятій съ мударрисомъ просторная, но темная и сырая. Мадраса обезпечена вакуфами, дающими 2.000 руб. въ годъ доходовъ, но два недобросовѣстныхъ мутаваллія всѣ доходы присваивали себѣ, зданіе не ремонтировали и содержанія мулламъ и мударрисамъ не выдавали. Въ текущемъ году,

¹⁾ Самарія стр. 171 и 242.

²⁾ Такъ называется сѣрый иррачный камень, на который садятся новопозбравные бухарскіе амиры.

³⁾ Совершенно точныхъ свѣдѣній о числѣ высшихъ школъ, учащихся и учащихся въ нихъ мы не имѣемъ и думаемъ, что и администрація области такими свѣдѣніями не располагаетъ.

по распоряженію областного правленія, претензіи муллъ и мударрисовъ, предъявленныя къ мутавалліямъ, были рассмотрѣны съѣздомъ казіевъ и окончились удаленіемъ обоихъ мутавалліевъ ¹⁾. Къ учебнымъ занятіямъ учащіе и учащіеся относятся довольно серьезно.

Мадраса Баракъ-хана, основанная ташкентскимъ правителемъ Баракъ-ханомъ (ум. 357 лѣтъ назадъ), существуетъ приблизительно 360 лѣтъ.

Мадраса Кукальдашъ основана почти одновременно съ предыдущею мадрасой, такъ какъ Баракъ-ханъ и Куль-Баба были молочными братьями въ дѣтствѣ, а затѣмъ Баракъ-ханъ былъ ташкентскимъ ханомъ, а Куль-баба его визиремъ, получившимъ прозвище „Кукальдаша“ за молочное родство ²⁾ съ ханомъ. Въ мадрасѣ этой четыре мударриса, три ренотитора и около ста учащихся, занимающихъ 42 худжры. Вакуфные доходы очень незначительны, но зданіе поддерживается въ порядкѣ, благодаря добросовѣстности и заботливости мутаваллія. Зданіе этой мадрасы, очевидно, не было закончено постройкой и отдѣлкой, но производитъ хорошее впечатлѣніе.

Другія ташкентскія мадрасы основаны не задолго до занятія Туркестана русскими; по словамъ современныхъ старожиловъ-туземцевъ, мадраса Бекляръ-беги, близъ базара, основана всего семьдесятъ лѣтъ назадъ ташкентскимъ правителемъ Бекляръ-беги, выдѣляется своими размѣрами и архитектурой, какъ можно судить по прилагаемому рисунку. Учебныя занятія въ мадрасѣ ведутся двумя мударрисами и нѣсколькими ренотиторами (по одному на группу въ 16 учащихся). Изъ вакуфныхъ доходовъ (1.698 руб.) мутавалліи получаетъ 186 руб. 80 коп., старшій мударрисъ 195 руб., младшій—150 руб., брадобрѣй 30 руб., дворникъ, наблюдающій за чистотой двора, 40 руб., на содержаніе учащихся отдѣляется 654 руб. ³⁾, а на хозяйственные расходы по мадрасѣ—437 руб. 88 коп.

Одновременно съ этой мадрасой была основана казы-калянотъ города Ташкента Иса-ходжой мадраса, носящая имя своего основа-

¹⁾ См. Туркест. Тузони. газета № 26 отъ 29-го іюня 1906 г.

²⁾ Такъ называется въ шаріатѣ родство между дѣтьми разныхъ родителей, всосрѣщенныхъ одною женщиной.

³⁾ Учащіеся на получаемыя стипендіи покупаютъ себѣ по худжрамъ провизію и сами готовятъ себѣ пищу. Въ дополненіе къ вакуфнымъ стипендіямъ они получаютъ поддержку отъ родныхъ и частныхъ благотворителей, которые присылаютъ въ мадрасу свои пожертвованія и приглашаютъ учащихся къ себѣ на домъ въ большіе праздники, въ дни поминковъ и по случаю разныхъ семейныхъ торжествъ.

теля. При ней, вслѣдствіе малаго числа учащихся, состоитъ всего одинъ мударрисъ.

Немного позже двухъ предыдущихъ, именно 65 лѣтъ назадъ, сынъ упомянутаго Бекляръ-беги, Ишагъ-кули-дадха основалъ мадрасу близъ Шейхантаурскаго кладбища, которая извѣстна подъ именемъ своего основателя. Зданіе мадрасы въ проектѣ строителя предполагалось красивымъ, но не докончено отдѣлкой и содержится по незаботливости мутавалліа грязно, не смотря на близость къ русской части города. Учебная часть въ мадрасѣ не упорядочена и число мударрисовъ колебалось. Особенно это замѣчалось въ послѣднее время. Старшій мударрисъ этой мадрасы, теперь умершій, относился къ дѣлу учебному небрежно и противился допущенію въ мадрасу другихъ болѣе энергичныхъ мударрисовъ. Вслѣдствіе этого недавно въ этой мадрасѣ изъ четырехъ мударрисовъ три мударриса только числились, а учебнымъ дѣломъ не занимались по старости и болѣзненности... И этимъ нисколько не смущался упомянутый мударрисъ.

Почти одновременно съ этой мадрасой, лѣтъ 67 назадъ, визиремъ кокандскаго хана Махмудомъ-Дастурханчи была основана небольшая мадраса, носящая имя основателя. Постройки этой мадрасы жалкія, и учебное дѣло въ ней, при 2-хъ мударрисахъ, не славится успѣхами.

Наиболѣе устроенною мадрасой, считается мадраса умершаго въ 1892 году и пользовавшагося извѣстностью не только въ Ташкентѣ, но и въ окрестностяхъ, ишана Абуль-Касымъ-хана, въ Бишагачской части. Основанная при жизни его отца, мадраса поддерживается получаемыми съ вакуфовъ покойнаго ишана доходами и приношеніями его муридовъ. Въ ней содержится 150—200 учащихся, среди которыхъ встрѣчаются и иногородніе киргизы и завязкіе татары. Преподаватели, репетиторы и мутавалліи при этой мадрасѣ—большою частью родственники покойнаго ишана ¹⁾. Особенность этой мадрасы соста-

¹⁾ Въ 1885 году, въ разговорѣ со мною, въ его домѣ, Абуль-Касымъ-Ханъ съ печалію высказался, что въ настоящее время среди мусульманъ не только нѣтъ такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какими были: имаъ Газзали, Маулави Руми и др. авторы распространенныхъ сочиненій по богословію, законовѣдѣнію и пр., но и такихъ людей мало, которые бы читали ихъ великія произведенія. Свой взглядъ на просвѣщеніе онъ выразилъ въ краткомъ замѣчаніи: „подобно тому, какъ люди умираютъ безъ пищи, и сердце человека безъ знаній мертво... Отъ усвоенія знаній какого бы то ни было народа получается только польза, такъ какъ каждый народъ, усвоивъ знанія другого народа, придаетъ новую силу своему собственному знанію“, а по поводу сельско-хозяйственной выставки въ Ташкентѣ, устроенной 22-го іюля того

вляеть такъ называемый „*му-мубаракъ*“ (благословенный волосъ пророка), для храненія котораго устроено особое помѣщеніе внутри двора мадрасы посрединѣ задней стѣны, съ нишей и дверью для входа молящихся (см. рисунокъ). Эта святыня усиливаетъ авторитетъ ишана и его мадрасы въ глазахъ его муридовъ (приверженцевъ, послѣдователей).

Всего въ Ташкентѣ въ настоящее время считается 23 мадрасы съ 815 учащихся. Кромѣ того, существуютъ и дѣйствуютъ мадрасы не только въ другихъ городахъ Сыръ-Дарьинской области (Чимкентѣ, Аулиаата, Туркестанѣ), но и въ нѣкоторыхъ большихъ селеніяхъ Зянги-ата, Пскентѣ, Чиназѣ и др. Изъ селеній въ этомъ отношеніи наиболѣе извѣстно первое, такъ какъ оно и мадраса въ немъ соединены съ именемъ мусульманскаго святаго Зянги-Ата, память котораго привлекаетъ туда многихъ поклонниковъ особенно лѣтомъ, когда поспѣваютъ дыни.

Въ сельскихъ мадрасахъ еще менѣе порядка, чѣмъ въ городскихъ, потому что авторитетъ своекорыстнаго мударриса не встрѣчаетъ противовѣса среди мѣстнаго населенія. Въ одной сельской мадрасѣ мударрисъ, занимаясь болѣе торговыми дѣлами чѣмъ наукой, доходилъ до того, что обращалъ худжры въ кладовыя, въ которыя складывалъ дрова и картофель, закупленные въ дешовое время,—для продажи. Муллы вынуждены были жаловаться на бездѣлье и столь грубое нарушеніе мударрисомъ его обязанностей. Но вслѣдствіе неорганизованности надзора за мадрасами, инспекція лишена возможности установить строгій порядокъ въ этихъ школахъ, о чемъ сказано ниже.

Среди городовъ Ферганской области центромъ мусульманскаго просвѣщенія считается городъ Кокандъ, послѣдняя столица кокандскихъ хановъ. Въ этомъ городѣ, по свѣдѣніямъ уѣзднаго управленія, считается 36 мадрасъ, въ которыхъ 89 мударрисовъ обучаютъ 2.262 учащихся. Самыми видными изъ нихъ считаются:

1) Мадраса „Мяръ“, основанная около 136 лѣтъ назадъ Нарбутаномъ¹⁾.

2) Джамі, нынѣ главная мадраса, основана Умаръ-ханомъ въ 1233 г. Гиджры=1817—1818 г. по Р. Хр. Въ ней сто келій для муллъ.

года, онъ спокойно замѣтилъ: „покойный родитель мой денегъ не оставилъ мнѣ; но я, занимаясь земледѣліемъ, приобрѣлъ деньги, на которыхъ устроилъ мадрасу и даю пропитаніе живущимъ въ ней учащимся“ (Туземная газета, 1885 г. № 22).

¹⁾ Начало его правленія одни относятъ къ 1770, другіе къ 1778 г. по Р. Хр.

3) Мингъ-Аимъ, основанная матерью Мадали-хана, менѣе 100 лѣтъ назадъ ¹⁾. Другія мадрасы основаны 50 и менѣе лѣтъ назадъ. Таковы:

4) Хакимъ-Аимъ, основанная около 50 лѣтъ назадъ.

5) Султанъ Мурадъ-бекъ, основанная менѣе 50 лѣтъ назадъ ²⁾. Минареты ея украшены эмалированными кирпичиками синяго, желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Фасадъ ея занимаетъ въ длину 20 саж., а дворъ = 15 × 12 саж. ✕

и 6) Тумъ-каторъ существуетъ болѣе 60 лѣтъ.

Число мударрисовъ и учащихся муллъ въ каждой мадрасѣ не одинаково; въ мадрасѣ Джами семь мударрисовъ и 200 учащихся, кромѣ входящихъ. Зданіе мадрасы еле держится вслѣдствіе близости подпочвенной воды. Въ мадрасѣ „Мингъ-Аимъ“ 81 худжра, въ которыхъ живутъ болѣе 200 учащихся; хозяйственною частью вѣдаютъ 5 мутаваліевъ. Эта мадраса, не отличаясь внѣшнимъ видомъ и чистотою, отличается отъ другихъ большими размѣрами своего двора (800 кв. саж.), посреди котораго возвышается минареть (9 саж.). По сторонамъ минарета протекаетъ вода по канавкамъ (арыки) для орошенія посаженныхъ во дворѣ деревьевъ и цвѣтовъ.

Мадраса Хакимъ-Аимъ представляетъ огромное двухэтажное сооруженіе, внутри котораго устроено 83 худжры для 200 учащихся, которымъ даютъ уроки 3 мударриса. Дворъ мадрасы занимаетъ около 300 кв. саж. и на немъ разбитъ небольшой цвѣтникъ.

Вообще число учащихся въ мадрасахъ гор. Коканда очень велико сравнительно съ числомъ имѣющихся въ наличности келій, которыя потому переполнены.

Средствами содержанія кокандскія мадрасы обезпечены недостаточно, потому что не всѣ вакуфныя имущества утверждены за мадрасами, а это даетъ поводъ мударрисамъ и мутаваліямъ жаловаться на несправедливость русской администраціи. По свѣдѣніямъ кокандскаго уѣзднаго управленія, въ минувшемъ году всѣ 36 мадрасъ имѣли съ вакуфовъ 49.274 руб. дохода; доходы главной мадрасы едва превышали одну тысячу рублей. Только мадраса Султанъ-Мурадъ-Бека (основ. около 45 лѣтъ назадъ) располагаетъ достаточнымъ числомъ вакуфовъ (лавки), изъ которыхъ мударрисъ получаетъ до 600 руб. въ годъ. Въ зданіи этой мадрасы живутъ 162 интерна, кромѣ при-

¹⁾ Правильнѣе Ферганой съ 1822 г. по Р. Хр.

²⁾ Келій для учащихся 100; въ нихъ зимой бываетъ 200 муллъ; мударрисовъ 4 мутаваліевъ 3.

ходящихъ. Въ числѣ об'единившихъ есть такія мадрасы, въ которыхъ мударрисы и учащіяся оставили свои мѣста, а мутаваллин живутъ безъ опредѣленныхъ средствъ.

Всѣ перечисленные мадрасы, при значительныхъ размѣрахъ, не отличаются красивой архитектурой, кромѣ мадрасы Султанъ-Мурадъ-Бека и мадрасы Хакимъ-Аимъ. Жалкую противоположность имъ составляетъ мадраса Мингъ-Аимъ, почти развалившаяся: ея башни покривились, а нѣкоторыя худжры поддерживаются уже подпорами.

Дворы при всѣхъ мадрасахъ квадратныя, неодинаковой величины (въ среднемъ около 120 кв. саж.), выложены камнемъ. Большею частью при мадрасахъ на внутренней площади разведены цвѣточныя клумбы изъ любимыхъ сартами красныхъ цвѣтовъ; разбиты эти клумбы безъ плана и вкуса и поддерживаются только для цвѣтовъ; въ нѣкоторыхъ цвѣтникахъ въ грунтъ посажены олеандры и одиночныя деревья. Прудовъ для купанья на дворахъ нѣтъ; только небольшія канавки проводятъ съ улицы воду во дворъ; за то на каждомъ дворѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, находится небольшая постройка съ дверью для религіозныхъ омовеній, установленныхъ шаріатомъ. Это—*тахаратъ-хана* ¹⁾.

Учебный курсъ мадрасы.

Въ учебный курсъ мадрасы входятъ: языкованіе (арабскій и персидскій яз.), логика, богословіе, законовѣдніе (шаріатъ), толкованіе Корана и ученіе о преданіяхъ Мухаммеда. Изученіе указанныхъ языковъ преслѣдуетъ не образовательную (педагогическую) цѣль, а практическую, вспомогательную—для чтенія учебныхъ руководствъ и пособій по основнымъ предметамъ курса, изложенныхъ на этихъ языкахъ. На прохожденіе всего курса полагается не менѣе двадцати лѣтъ, а изучаемые предметы распределены по тремъ отдѣленіямъ курса: низшее, среднее и высшее. Въ каждомъ отдѣленіи проходятся опредѣленные учебники и учебныя пособія, на усвоеніе которыхъ, въ зависимости отъ способностей и усердія учащагося, требуется неодинаковая продолжительность времени,—такъ какъ три отдѣленія

¹⁾ Постройка для омовеній составляетъ необходимую принадлежность каждой мадрасы, но только при нѣкоторыхъ мадрасахъ эта постройка вынесена со двора подъ своды задней стѣны, или въ уголъ, образуемый ладією и боковой стѣнами, такъ что для посторонняго посѣтителя она бываетъ незамѣтна.

мадрасы не соответствуютъ дѣленію на классы, а указываютъ на *курсовую* систему обученія по предметамъ.

Въ первомъ отдѣленіи, въ продолженіе 9—10 лѣтъ, проходятся: краткій мусульманскій катехизисъ, краткая и болѣе подробная арабская грамматика (на перс. и араб. яз.), краткій курсъ законовѣдѣнія и логика ¹⁾. Логика (мантыкъ) изучается въ два пріема: по краткому учебнику Шамсіа и болѣе подробному—Суллами. Названіе перваго учебника (Шамсіа) указываетъ на солнечный свѣтъ, дающій возможность разсматривать и распознавать неясные предметы, а второе руководство (Суллами) названо „лѣстницей“ въ знакъ того, что изученіе логическихъ пріемовъ мышленія *помогаетъ* учащомуся постепенно, какъ по ступенямъ лѣстницы, восходить къ верхамъ зданія, т. е. къ богословію и законовѣдѣнію.

На прохожденіе курса средняго (аусать) отдѣленія отводится восемь лѣтъ. Курсъ этотъ начинается изученіемъ богословія (Алкаидъ) по учебнику Имама Омара Нисяфійскаго ²⁾. Этотъ трудный для пониманія и усвоенія арабскій учебникъ проходитъ въ связи съ трактатами Хаяли, Муллы Ахмада и Муллы Абдуль-Хакима, въ такомъ порядкѣ: сначала въ теченіе недѣли или нѣсколькихъ дней подробно разбирается учебникъ Омара Нисяфійскаго, а потомъ прочитанное растолковывается по указаннымъ трактатамъ. Въ этомъ же отдѣленіи, на вторыхъ урокахъ, продолжается по книгѣ Шархъ-вигкаа курсъ законовѣдѣнія, представляющій толкованіе на сокращенный курсъ, пройденный въ первомъ (низшемъ) отдѣленіи ³⁾. На прохожденіе курса богословія и законовѣдѣнія отводится четыре года.

Въ продолженіе пятого и шестого года въ этомъ же отдѣленіи проходитъ снова болѣе обширный курсъ логики по руководству „Таханбъ“ и таковой же курсъ арабской грамматики по руководству „Тальхисъ“, представляющій собою курсъ краснорѣчія. Лучшіе по дарованіямъ муллы этого отдѣленія читаютъ сочиненія: Ходжа-Джа-

¹⁾ Въ 1-й годъ: Аввалюль-ильмъ, Виданъ, Мугзи, Игъиль. 2-й и 3-й годы—Занджани, Авашиль, Харакатъ, Кайдали и начинается чтеніе Мухтасаруль-вигкаа. 4-й и 5-й годы—Кифіа и продолжаютъ Мухтасаруль-вигкаа. 6-й и 7-й годы:—Шархъ-Мулла, Мулла Абдуль-Гафуръ и Мулла Асаметдинъ. 8-й—9-й годы:—Шамсіа (логика) и объясненіе къ этому учебнику по Суллами-Китабъ.

²⁾ Нисяфъ находится въ бухарскихъ владѣніяхъ, теперешній гор. Кирши.

³⁾ Сокращенный курсъ законовѣдѣнія и толкованіе на него составлены Убайдуллою III, прозваннымъ Садрюш-шаріатомъ. (Предисл. А. Казембека къ Мухтасаруль-вигкаа).

маля, Ахундъ-Шейха, Мирзы-Захида, Ахундъ-Каляна и Казы-Мубарака.

Въ 7-й и 8-й годы проходится метафизика (*Хыкматуль-аинъ*) вмѣстѣ съ дополненіями по сочиненіямъ Ахундъ-Каляна и Мирзы-Джана.

Въ третьемъ, высшемъ (*алля*) отдѣленіи проходится высшій курсъ богословія по учебнику Муллы-Джалала и полный курсъ законовѣдѣнія по книгѣ „Хидая“, которая называется священной (*шарифъ*)¹⁾. Въ дополненіе къ учебнику Муллы-Джалала читаются также: Ханакахи и Татимма. На ознакомленіе желающихъ съ этими руководствами полагается минимумъ два года.

Въ довершеніе образованія, способный и усердный студентъ проходитъ науку о раздѣлѣ оставшагося отъ умершаго имущества (*Ильми-фараизъ*), трактатъ о преданіяхъ Мухаммеда (*Ходжи-шарифъ*), основы законовѣдѣнія (*Усулюль-фигхъ*) и толкованія разныхъ богослововъ на Коранъ, изъ которыхъ наиболѣе распространены два: на арабскомъ языкѣ „*Казы-Байзави*“ и на персидскомъ языкѣ „*Рузуль-баянъ*“.

Нужно замѣтить при этомъ, что описанный курсъ ученія въ туркестанскихъ мадрасахъ не проходится всѣми учащимися одинаково подробно и обстоятельно. Это зависитъ, во-первыхъ, отъ природныхъ дарованій, а во-вторыхъ отъ практическихъ цѣлей учащагося²⁾. Полный курсъ проходятъ только такіе студенты, которые стремятся занять должность мударриса, казія или ученаго муфтія³⁾ при казіи. Такіе избранныки, по окончаніи курса въ той или другой мадрасѣ, отправляются еще для усовершенствованія въ мусульманскихъ наукахъ въ Кокандъ или Бухару, къ пользующемуся ученою извѣстностью мударрису и подъ его руководствомъ проходятъ ту или другую науку. Что же касается учащихся съ средними дарованіями, то таковыя ограничиваютъ свое образованіе изученіемъ только нѣкоторыхъ и притомъ наиболѣе легкихъ руководствъ, въ которыхъ излагаются основы вѣроученія и законовѣдѣнія.

Изъ общеобразовательныхъ предметовъ учащіеся въ мадрасахъ знакомятся приватно съ ариметикою и планиметрией, какъ необходи-

¹⁾ Составитель Хидая, Бурхануддинъ, былъ родомъ изъ нашего Маргелана.

²⁾ Согласно этому, курсъ мадрасы распадается на два отдѣла: *Ибадатъ*, т. е. обязанности человека въ отношеніи богопочитанія и *Масала*, то-есть законоположенія, касающіяся житейскихъ отношеній человека.

³⁾ Казій — духовный судья, а муфтіій юрисконсультъ при немъ, составляющій рѣшенія (фатва).

мыми знаніями при дѣленіи наслѣдства, вакуфныхъ доходовъ и пр. Математики, физики, химіи, исторіи и географіи въ нашемъ смыслѣ въ мадрасахъ нѣтъ: подъ именемъ этихъ наукъ извѣстны у мусульманъ оставшіеся отъ древнихъ временъ трактаты, утратившіе научное значеніе; интереса къ сочиненіямъ древнихъ арабскихъ историковъ и географовъ учащіеся въ мадрасахъ не обнаруживаютъ; даже пользующіеся извѣстностью Мударрисы рѣдко знаютъ что-нибудь изъ этихъ произведеній, потому что основной характеръ образованія въ мадрасахъ—исключительно религіозный и то, что не относится къ Корану и шаріату, считается второстепеннымъ и необязательнымъ. Практическою медициною занимаются по расчету; въ числѣ такихъ врачей-практиковъ встрѣчаются лица, штудирующія „Канонъ Авицены“. Особые сборники сомнительнаго въ научномъ отношеніи содержанія, каковы: Магрифать-нама, Матлагуль-улюмъ, Маглуматуль-афакъ, Кимья - и - саадатъ и др. читаются любителями знанія въ свободное время. Вообще курсъ мадрасы настолько труденъ, что многіе, приступивъ къ логикѣ, отказываются отъ дальнѣйшаго образованія, а другіе не могутъ понимать учебника по богословію. Да и среди мударрисовъ очень рѣдко встрѣчаются талантливые и многосвѣдущіе, т. е. начитанныя лица.

Учебный годъ въ мадрасѣ начинается съ сентября, по окончаніи жаркаго періода, и продолжается до мая—іюня, за исключеніемъ мѣсяца Рамазана, въ продолженіе котораго мусульмане постятся ¹⁾, и дней двухъ большихъ праздниковъ, а въ каждой недѣлѣ неучебными днями считаются: среда, четвергъ и пятница. Въ эти свободные дни учащіеся или занимаются самостоятельно чтеніемъ относящихся къ курсу книгъ или читаютъ ихъ подъ руководствомъ репетиторовъ, а все остающееся затѣмъ время употребляется на переписку учебниковъ для себя и на продажу. Въ лѣтнія каникулы бѣдные учащіеся зарабатываютъ себѣ деньги тѣмъ или другимъ трудомъ, не исключая пощенщины.

Учебный день начинается со времени первой молитвы (бамдадъ, фаджръ), совершаемой предъ восходомъ солнца. По совершеніи этой молитвы, преподаватель, безотлучно находящійся въ учебные дни въ мадрасѣ, выпивъ чаю, сидитъ въ дарсъ-ханѣ (аудиторія), въ ожиданіи слушателей. Муллы составляютъ группы до 10 и болѣе человекъ,

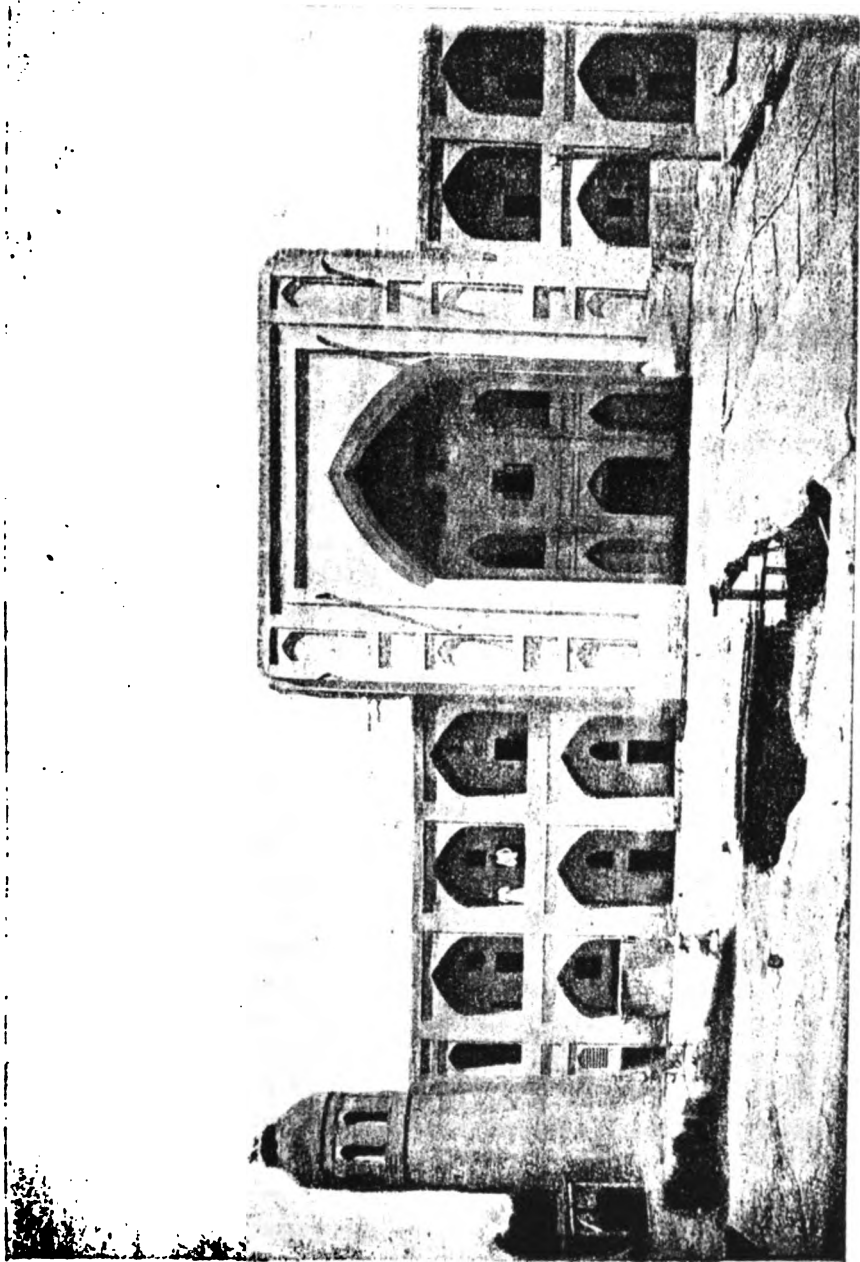
¹⁾ Постъ этотъ, въ зависимости отъ мѣсяца Рамазана, — переходный и каждый годъ начинается на одиннадцать дней ранѣе предыдущаго года.

изучающихъ одну и ту же книгу, входятъ по очереди въ дарсъ-хану и послѣ почтительнаго привѣтствія преподавателю усаживаются около него полукругомъ. Противъ преподавателя садится кары, какъ наиболѣе успѣвающій и лучше другихъ читающій по книгѣ. Провозгласивши краткую молитву и проведя концами пальцевъ по лицу, преподаватель предлагаетъ читать изучаемую книгу. Кары читаетъ предложеніе и останавливается, а преподаватель начинаетъ объясненіе прочитаннаго предложенія въ смысловомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. Отъ учености мударриса зависитъ придать своему объясненію большій интересъ, не взирая на который слушатели сохраняютъ молчаніе и только могутъ сдѣлать соответствующую замѣтку на поляхъ книги; но не возбраняется мулламъ старшаго отдѣленія обращаться къ преподавателю съ соответствующимъ вопросомъ и даже съ возраженіемъ. Занятіе съ первой группой продолжается часа два, затѣмъ входитъ вторая группа, а потомъ третья и четвертая. Въ полдень дѣлается перерывъ для отдыха и полуденной молитвы (пишинъ, зухръ). Мударрисъ выпиваетъ чаю, потомъ совершаетъ омовеніе и идетъ въ мечеть (при мадрасѣ); послѣ молитвы онъ снова занимаетъ свое мѣсто въ аудиторіи и къ нему по-очереди приходятъ другія группы учащихся до наступленія третьей молитвы (*намазъ димаръ, асръ*) около 4—6 ч. по полудни, смотря по времени года. Послѣ этой молитвы учащіеся готовятъ себѣ обѣдъ, который въ учебные дни состоитъ изъ того же чая и лепешки, а въ неучебные—изъ палау¹⁾. Отступленія отъ этого обычая рѣдки. Затѣмъ муллы занимаются самостоятельно до 11—12 час. ночи, а преподаватель или занимается приготовленіемъ къ урокамъ завтрашняго дня, или проводитъ время въ учебныхъ разговорахъ съ старшими муллами и случайными посѣтителями.

Опредѣленнаго расписанія уроковъ по предметамъ и по частямъ дня въ мадрасѣ нѣтъ; очередь зависитъ отъ самихъ учащихся, по соглашенію съ преподавателемъ: часто въ первые часы до полудня мударрисъ занимается съ учащимися младшаго отдѣленія, такъ какъ муллы средняго и старшаго отдѣленій въ это время готовятъ къ своимъ урокамъ и занимаются съ неуспѣвающими муллами младшаго отдѣленія. Надзора за учащимися въ мадрасѣ нѣтъ, и мударрисъ

¹⁾ Такъ называется любимое блюдо туземцевъ, состоящее изъ риса, развареннаго на бараньемъ салѣ вмѣстѣ съ кусочками мяса, въ закрытомъ котлѣ, съ приправками изъ моркови, перца, сухого винограда, айвы и пр.

Мадраса Бекляр-бегі.

обращаютъ вниманіе только на мало прилежныхъ и рано лежащихъ спать; такимъ мулламъ на другой день онъ дѣлаетъ мягкое замѣчаніе: „вечеромъ вы, должно быть, уходили изъ мадрасы, потому что у васъ не было видно огня“....

Нельзя, конечно, совершенно обѣлять поведеніе нѣкоторыхъ муллъ, живущихъ въ мадрасахъ; они тоже отдаютъ дань молодости; нѣкоторые курятъ нашу, развлекаются музыкой, ведутъ между собой не относящіяся къ учебному дѣлу бесѣды, а иногда дозволяютъ себѣ порочныя увлеченія мальчиками, учениками мактаба, состоящаго при мадрасѣ. Но такіе случаи являются исключеніемъ и тщательно замалчиваются, а оглашеніе ихъ вызываетъ большое негодованіе въ мѣстныхъ жителяхъ ¹⁾.... Самую постройкою мадрасы, какъ это видно изъ приложенныхъ изображеній, внутренняя жизнь учащихся скрыта отъ взора постороннихъ, и улица съ ея впечатлѣніями не должна развлекать стремящихся къ богопознанію будущихъ ученыхъ.

Что касается средствъ содержанія учащихся и учащихся въ мадрасѣ, то объ этомъ нельзя судить по однимъ вакуфамъ. Мударрисы въ многочиныхъ мадрасахъ получаютъ отъ своихъ учениковъ не мало приношеній, что въ общемъ увеличиваетъ ежегодное содержаніе мударриса до тысячи рублей и болѣе. Такъ при началѣ курса группа приступающихъ къ ученію юношей (5, 10, 15 лицъ) складываются по 50 коп. и по 1 руб. и на половину собранныхъ денегъ покупаютъ угощеніе (достарханъ) для своего преподавателя, а остальную сумму вручаютъ ему деньгами. Затѣмъ они, при переходѣ къ каждому новому учебнику, повторяютъ ту же складчину, сумма которой увеличивается по мѣрѣ восхожденія учащихся „по лѣстницѣ знаній“. Одинъ знакомый ташкентецъ, окончившій курсъ въ мадрасѣ, рассказывалъ намъ, что онъ участвовалъ въ складчинѣ на угощеніе и поднесеніе своему мударрису въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) при началѣ курса (Аввалиль-ильмъ), 2) при переходѣ къ кн. Биданъ, 3) при началѣ Муғзи, 4) при началѣ Занджани, 5) при изученіи Хараката, 6) при Авамиль, 7) при изученіи Кяфій, нѣсколько разъ, при началѣ каждаго отдѣла этого учебника, 8) передъ изученіемъ Шархъ-Муллы сдѣланъ былъ подарокъ поцѣвнѣ, 9—10) при изученіи Шамсіи и Хашіи, въ теченіе двухъ лѣтъ, также не одинъ разъ подносила

¹⁾ Такой случай произошелъ въ іюнь 1906 г. въ Ташкентѣ, по поводу замѣтки, помѣщенной въ № 10 татарской газеты «Тараккы». Кавін и мударрисы составили рѣшеніе, приближающее редактора къ разряду невѣрныхъ.

мударрису достарханъ и подарки вещами и деньгами. Предъ началомъ курса Агканда (среднее отдѣленіе) муллы этой группы собрали для мударриса по 5—10 рублей съ человѣка, всего 150 руб. и изъ нихъ 50 руб. вручили ему, на 30 руб. купили для него же разнаго платья, а на остальные деньги устроили большое угощеніе, на которое были приглашены мударрисы и муллы изъ другихъ школъ. Оставшіеся фрукты и сласти мударрисъ, по обычаю, отослалъ къ себѣ домой, какъ это дѣлають и прочіе. Продолженіе курса въ среднемъ и высшемъ отдѣленіяхъ также сопровождается угощеньемъ и подношеніями. И вотъ, наконецъ, способный мулла кончаетъ курсъ и тогда устраиваетъ послѣдній и наиболѣе дорогой пиръ (Хатъмъ-той), на который приглашаются также видные жители квартала, казіи, учащіе и учащіяся изъ другихъ школъ. Если оканчиваютъ курсъ дѣти состоятельныхъ родителей, то мударрисъ получаетъ тогда отъ нихъ не одну сотню рублей ¹⁾... При такомъ патріархальномъ обычаѣ извѣстный своими знаніями и усордіемъ мударрисъ вполне обезпечиваетъ себѣ безбѣдное существованіе, которое поддерживается также и богатыми обывателями его мѣстожителства, такъ какъ мударриса приглашаютъ на разныя семейныя торжества, особенно на пиры по случаю обрѣзанія сына. На этихъ пирахъ мударрисъ всегда получаетъ хорошій халатъ, стоимостью въ 10 и болѣе рублей. Но за то мударрисъ въ бѣдной вакуфами мадрасѣ и въ бѣдномъ кварталѣ получаетъ, особенно при своекорыстномъ мутавалліѣ (экономѣ), очень мало. Недавно въ одной ташкентской мадрасѣ мударрисъ два года не получалъ ни копѣйки и очень обносился, а потому муллы въ складчину купили для него на базарѣ все одѣяніе, не исключая сапогъ съ галошами.

Учащіеся въ мадрасахъ муллы получаютъ соотвѣтствующую часть изъ вакуфныхъ доходовъ въ возрастающей арифметической прогрессіи: 2, 4, 8, при чемъ иногда младшіе муллы получаютъ въ годъ по 4—8 рублей, средніе по 8—16, а старшіе по 16—32. Въ добавокъ къ своей скудной стипендіи муллы, имѣющіе состоятельныхъ родителей, получаютъ средства изъ дома, а бѣдняки не стыдятся въ лѣтнія каникулы отправляться даже на поденныя работы. При этомъ они все-таки стараются не уронить званія муллы и уходятъ или въ другое селеніе, или же въ русскую часть города, гдѣ они переодѣваются

¹⁾ Въ прошломъ (1905) году у мударриса Б.-Х. окончилъ курсъ четыре муллы, и онъ получилъ отъ нихъ 100 руб. деньгами, 50 руб. вещами и 50 руб. стоило угощеніе.

въ рабочій (ветхій) халатъ, а по окончаніи работы возвращаются въ городъ въ обыкновенномъ приличномъ халатѣ и чалмѣ. Ихъ также поддерживаютъ мѣстные богатые жители, приглашая къ себѣ на семейныя празднества, на которыхъ они пользуются хорошо приготовленною пищею, но подарковъ халатами не получаютъ.

Не смотря на отсутствіе строго регламентированнаго режима, инспекторскаго надзора, и канцелярщины, въ мадрасахъ поддерживается дисциплина. Если нѣкоторые склонны приписывать учащимся въ мадрасахъ фарисейскую скромность, то мы въ свою очередь скорѣе назовемъ это патриархальностью въ смыслѣ древне-русскаго Домостроя и прибавимъ, что современная туркестанская мадраса до сихъ поръ остается пока нетронутою такъ называемою „свободой“, и учащіеся въ мадрасахъ не могутъ безъ изумленія смотрѣть на полную распущенность русскою учащеюся молодежи, особенно послѣднихъ двухъ лѣтъ; слово „студентъ“ въ головѣ учащагося муллы вызываетъ представленіе мятежной непорядочности. Поэтому приходится серьезно задумываться надъ неразумнымъ стремленіемъ современныхъ «борцовъ за свободу» — разбудить и поднять этотъ спокойный, многолюдный и фанатичный міръ... Издаваемая въ Ташкентѣ газета „Русскій Туркестанъ“ еще во время прошлогоднихъ октябрьско-ноябрьскихъ безпорядковъ въ Россіи и нашемъ краѣ высказывала упрекъ туземцамъ за ихъ пассивное отношеніе къ „освободительному движенію“, а появившаяся въ текущемъ (1906) году въ Ташкентѣ татарская газета „Таракки“ прямо поставила себѣ задачей „разбудить спавшихъ до сего времени туземцевъ Туркестанскаго края“, не смотря на то, что интересы туземцевъ направлены всецѣло къ мирному труду и мирной торговлѣ... Въ школьной жизни туземцевъ также не было замѣтно до сихъ поръ движеній въ сторону политико-соціальной свободы... Но въ концѣ прошлаго года сначала петербургская татарская газета „Гельтъ“ укоризненно высказалась по адресу туземцевъ, а въ настоящее время на заданную „Гельтомъ“ тему продолжаетъ поучать и возбуждать высшій классъ туземцевъ (должностныхъ лицъ, учащихся и учащихся) газета „Таракки“, поддерживаемая „Русскимъ Туркестаномъ“. Въ № 152 этой газеты, въ ст. „Къ вопросу о туземной политикѣ“, между прочимъ прямо сказано, что туземное общество не имѣетъ безусловно никакихъ причинъ восторгаться режимомъ русскою бюрократіи ¹⁾ и

¹⁾ А въ № 11-мъ Таракки сказано, что мусульмане и евреи, сравнительно съ русскими, видѣли и испытали вдвое больше всякихъ несправедливостей и притѣсненій.

не можетъ безразлично относиться къ освободительному движенію и воздержаться отъ сочувствія этому движенію... Но на это нужно связать, что до заботъ „Русскаго Туркестана“ о туземцахъ они жили вполне спокойно и къ русской революціи относились отрицательно; но послѣ просвѣщенія со стороны названныхъ газетъ возможно, что и консервативные туземцы Туркестанскаго края, пребывавшіе столь долго въ покоѣ, наконецъ, пробудятся и пожалуй нарушатъ и нашъ покой... Будущее покажетъ...

Лица, не знакомыя непосредственно съ характеромъ и ходомъ учебнаго дѣла въ мадрасахъ, обыкновенно относятся къ этому дѣлу свысока, ограничиваются неосновательнымъ и одностороннимъ осужденіемъ этой школы и готовы отрицать необходимость дальнѣйшаго ея существованія... Но однимъ словеснымъ приговоромъ даже авторитетнаго въ административномъ отношеніи лица нельзя уничтожить того, что вызвано духовными потребностями народа, что развивалось и поддерживалось цѣлыми столѣтіями.—Мадрасы въ Туркестанскомъ краѣ, не смотря на пассивное отношеніе къ нимъ со стороны русской администраціи, продолжаютъ свое существованіе. Наше призваніе—улучшить внутренній строй этой школы, ввести въ нее элементы современнаго знанія, а для этого нужно сначала безпристрастно оцѣнить ея старый, унаслѣдованный отъ древности, учебный курсъ, который далеко не такъ безсодержателенъ, какъ объ этомъ многіе привыкли думать. На самомъ дѣлѣ курсъ мадрасы очень серьезный, соображенный съ дѣйствительными потребностями народной жизни и очень трудный. Не даромъ многіе стремящіеся къ образованію мусульмане учатся въ мадрасахъ десятки лѣтъ. Въ исторіи мусульманства извѣстны выдающіеся по талантамъ ученые, которые всю жизнь посвящали научнымъ занятіямъ и оставили послѣ себя замѣчательные по эрудиціи и по объему ученые трактаты. И въ числѣ такихъ ученыхъ было не мало уроженцевъ Средней Азіи, писавшихъ на арабскомъ языкѣ, который составляетъ главную трудность курса высшей мусульманской школы, такъ какъ на арабскомъ языкѣ изложены главнѣйшія учебныя руководства и ученые трактаты по разнымъ отдѣламъ знанія. Кто, хотя не много, самъ не знакомъ съ своеобразнымъ арабскимъ языкомъ и со способомъ изложенія на немъ мусульманскихъ школьныхъ знаній (арабская филологія, мусульманское вѣроученіе и законовѣдѣніе), тотъ не можетъ быть судьей въ этомъ вопросѣ. Поэтому приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ.

1) Языкъ сокращеннаго учебника по мусульманскому законо-

вѣдѣнію (Мухтасаруль-вигкаля), составляющаго начальную ступень къ изученію этого важнѣйшаго научнаго предмета въ мадрасѣ, отличается такою сжатостію, что, по словамъ издателя этого руководства А. Казембека, „едва ли будетъ въ состояніи понять языкъ этого учебника кто-нибудь изъ лицъ, не отлично знающихъ мусульманское законовѣдѣніе“. Написанный съ соблюденіемъ основного правила для составителей учебныхъ руководствъ: „говори мало, разумѣй много“, Махтасаруль-вигкаля, по краткости рѣчи и полнотѣ мысли, превосходить всѣ другія учебныя руководства по законовѣдѣнію, и почтенный Казембекъ находитъ слогъ автора этого учебника пріятнымъ и глубокомысленнымъ ¹⁾. Для образца сжатости и трудности пониманія языка названнаго учебника А. Казембекъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ главы о бракѣ, откуда видна вся головоломная трудность языка книги: „И бракъ съ женщиною и ея срокъ запрещаютъ бракъ съ (другою) женщиною: когда одна изъ нихъ была бы мужчиною, ей не позволена была бы другая, и сообщеніе съ нею по праву владѣнія; и также сообщеніе съ нею по праву владѣнія, сообщеніе съ другою посредствомъ брака и владѣнія, (но) не брака; если онъ сочетался съ нею бракомъ, то не можеть сообщаться ни съ одною, покуда другая не будетъ запрещена“. Такой текстъ можеть быть понятенъ изучающему названный учебникъ только при условіи подробнаго объясненія учителемъ не только каждаго слова, но и особенно при восстановленіи подразумеваемыхъ словъ, опущенныхъ въ текстѣ ²⁾.

¹⁾ Авторомъ этого руководства былъ Убайдулла III, сынъ Мас'уда, прозванный за свои глубокія познанія въ законовѣдѣніи Садрюшъ-шаріатомъ, т. е. грудью (центромъ) законовѣдѣнія. Его прадѣдъ, знаменитый ученый Бухари, ум. въ 1232 г. по Р. Хр.; значитъ самъ авторъ жилъ въ XIV вѣкѣ по Р. Хр. и написалъ свое замѣчательное руководство столь сжатымъ языкомъ, чтобы облегчить учащимся въ мадрасахъ заучиваніе его текста на память, и первый выучилъ весь текстъ учебника сынъ автора; потому стали слѣдовать его примѣру и другіе и постепенно учебникъ Садрюшъ-шаріата распространился во всѣхъ школахъ Туркестана, въ которыхъ изучается и въ наши дни (См. предисл. А. Казембека къ этому руководству гл. III).

²⁾ Смыслъ этого отрывка такой: если кто-нибудь вступить въ бракъ съ женщиною или разведется съ женою, то въ томъ и другомъ случаяхъ мужу возбраняется бракъ съ другою женщиною, если между этой и прежними женщинами существовали шаріатскія пренятствія къ браку, при предположеніи, что одна изъ нихъ мужчина. И если мужчина купитъ себѣ рабыню и будетъ имѣть съ нею сообщеніе по праву владѣнія, то и тогда онъ не имѣетъ права имѣть сообщеніе съ родственницею этой рабыни ни по условію брака, ни по условію владѣнія; мужъ можеть вступить въ сообщеніе съ родственницею первой своей рабыни не иначе, какъ по расторгненіи брака съ первой

2) Не менѣе труденъ для пониманія текстъ краткаго руководства по богословію, составленнаго мудрымъ имамомъ Омаромъ Нисяфійскимъ, почитаемымъ звѣздой религіи и правовѣрія. Учебникъ его, извѣстный подъ именемъ „Агканда“, заключаетъ въ себѣ сущность главнѣйшихъ положеній богословія въ краткомъ объемѣ и служитъ для ислама корнемъ и основаніемъ, представляя самую сущность положительныхъ данныхъ. Для вѣрующихъ это—жемчужина, перлъ (знанія): положенія науки представлены здѣсь въ высшей степени обработанными въ своихъ краткихъ предѣлахъ и прекрасно расположены по существу. Составитель постарался объяснить въ немъ трудныя положенія богословія, раскрыть скрытый смыслъ и развернуть предъ умомъ изучающаго истину, завернутую покровомъ непонятныхъ терминовъ... Но хотя авторъ старался избѣгать длиннотъ въ изложеніи и наскучиванія и идти среднимъ путемъ, между растянутостью и пропусками, тѣмъ не менѣе его разсужденія о сущности метафизическаго мышленія и объ источникахъ человѣческаго познанія (виѣшнія чувства, умъ и свидѣтельство другихъ лицъ) головокружительны и скучны, даже невыносимо скучны, такъ что является вполне основательное сомнѣніе въ пониманіи этого учебника всѣми изучающими его молодыми людьми, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующему, сравнительно легкому для пониманія мѣсту: „Творецъ міра — Богъ Всевышній, т. е. существо, необходимое по своему бытію, существованіе котораго самобытно и рѣшительно ни въ чемъ не нуждается. Если бы Богъ былъ случаенъ по своему бытію, то самъ относился бы къ міру и не годился бы въ творцы и производители міра, потому что міромъ называется все то, что случайно по бытію, а это близко къ тому, когда говорятъ, что самое начало всѣхъ возможныхъ существъ необходимо предполагаетъ возможность ихъ происхожденія и, слѣдовательно, противорѣчить представленію о первопричинѣ (не зависимой ни отъ чего)... Если бы цѣпь возможныхъ причинъ расположить въ порядкѣ и послѣдовательности, то мы поняли бы невозможность представленія вещи причинной для самой себя, и цѣпь причинъ наконецъ прервалась бы... Творецъ міра можетъ быть только единственнымъ и необходимымъ по бытію, такъ какъ извѣстнѣйшее между богословами доказательство „противоборства“, указанное въ Коранѣ, выражается такъ: „если бы на небѣ и на землѣ было нѣсколько боговъ, то они (небо и земля) погибли бы“...

и по прошествіи установленнаго шаріатомъ срока послѣ развода, или послѣ того какъ отпустятъ первую на волю.

Если бы, наприѣръ, было два бога, то между ними непремѣнно возможенъ былъ бы споръ: одинъ изъ нихъ захотѣлъ бы движенія Зейда ¹⁾, а другой — его покоя, такъ какъ каждое изъ этихъ двухъ положеній возможно, равно какъ возможно и направленіе воли къ каждому изъ этихъ положеній; а такъ какъ между такими двумя желаніями нѣтъ по существу противоположенія, которое является въ самыхъ предметахъ желанія, то возможно допустить совмѣстимость указанныхъ двухъ противоположныхъ состояній (сидѣнія Зейда и его движенія), а это нелѣпно. Въ такомъ случаѣ необходимо допустить безсиліе одного изъ двухъ желаній, а это будетъ уже признакомъ случайности... Такимъ образомъ многочисленность боговъ ведетъ къ возможности противоборства между ними, ведущаго къ нелѣпости, и слѣдовательно самое такое предположеніе нелѣпно. И въ этомъ заключается подробное изложеніе той мысли, когда говорятъ, что если одинъ изъ боговъ не можетъ противодействовать другому, то онъ слабъ, а если будетъ имѣть силу противоборствовать, то будетъ слабъ другой богъ. Наложениемъ устраняется и допущеніе возможнаго соглашенія двухъ боговъ между собою безъ спора: ни сопротивленія, ни спора не можетъ быть въ данномъ случаѣ, потому что это повело бы къ нелѣпости, такъ какъ нельзя соединяться двумъ волямъ противоположнымъ, чтобы, то есть, одинъ человекъ могъ желать движенія и покоя одновременно. И знай (учащійся), что изреченіе Божіе въ Коранѣ: *„если бы надъ міромъ было мною боговъ, а не одинъ, то земля и небо разрушились бы“* ²⁾ хотя и есть доказательство не полное, но достаточное для уясненія сокровеннаго предмета, такъ какъ обыкновенно при многочисленности начальствующихъ лицъ бывають между ними взаимные споры изъ-за преобладанія, и одинъ изъ спорящихъ непремѣнно беретъ верхъ надъ другимъ. Если предположить существованіе двухъ творцовъ міра, то необходимо допустить возможность спора въ ихъ дѣлахъ, и тогда ни одинъ изъ нихъ не былъ бы творцомъ; не было бы тогда и сотвореннаго“...

3) Сжатость изложенія извѣстнаго руководства по законовѣднію (Хидай) наглядно усматривается изъ сравненія размѣровъ подлиннаго текста и русскаго перевода: послѣдній ³⁾ не менѣе чѣмъ вдвое болѣе

¹⁾ Мужское арабское имя, предпочтительно встрѣчающееся въ мусульманскихъ (арабскихъ) учебникахъ, въ примѣрахъ на логическія построенія.

²⁾ Коранъ, гл. 21, ст. 22.

³⁾ Хидай, Комментаріи мусульманскаго права. Перев. съ англійскаго подъ ред. Н. Н. Гродекова. Т. I—IV. Ташкентъ, 1893 г.

подлинника по количеству словъ. Что же касается своеобразнаго содержания этой книги, то это будетъ достаточно понятно изъ слѣдующихъ строкъ,—касающихся такъ называемаго молочнаго родства:

Словомъ „риза“ въ юридическомъ смыслѣ обозначается сосавшій грудь другой женщины въ теченіе опредѣленнаго шаріатомъ времени и вступающій въ молочное родство съ самою кормилицей, ея дѣтьми, вскормленными тѣмъ же молокомъ и другими родственниками ея. Поэтому запрещается бракъ между лицами, связанными этимъ родствомъ. Имамъ Шафій говорить, что это запрещеніе не можетъ считаться установленнымъ, если не будетъ доказано, что ребенокъ сосалъ грудь, по крайней мѣрѣ, пять разъ въ отдѣльности, такъ что если, напримѣръ, ребенокъ сосалъ грудь непрерывно въ теченіе нѣкотораго промежутка времени—одного часа или цѣлаго дня, то это обстоятельство не можетъ еще служить причиною запрещенія вступать въ бракъ, потому что пророкъ сказалъ: „кто сосетъ, или кто дастъ сосать однажды или дважды, тотъ не вступаетъ въ запрещеніе брака“¹⁾...

Хотя запрещеніе вступать въ бракъ основано на опасеніи общности крови, въ связи съ ростомъ тѣла ребенка, но однако эту связь невозможно установить съ точностью, и потому запретность брака по молочному родству обуславливается не степенью его, но лишь наличностью самаго акта кормленія грудью, служащаго поводомъ къ усиленію роста тѣла.

По мнѣнію Абу-Ханифы, кормленіе грудью должно продолжаться 30 мѣсяцевъ, но оба ученика его и имамъ Шафій ограничиваютъ этотъ періодъ двумя годами; Зуфаръ же утверждаетъ, что кормленіе грудью должно быть продолжено до трехъ лѣтъ, такъ какъ только въ теченіе этого періода ребенокъ можетъ измѣниться совершенно.

Если же ребенокъ продолжаетъ сосать молоко изъ груди кормилицы по окончаніи установленнаго срока, то это не можетъ считаться поводомъ къ запретности брака (то есть, если тогда та же кормилица начнетъ кормить еще новаго ребенка, напримѣръ, дѣвочку, то эта

¹⁾ С. Кондурюшкинъ (Міръ Божій 1906 г. іюнь) разсказываетъ, какъ арабъ-убійца избѣжалъ кровной мести, пососавъ высохшую грудь арабки, матери убитаго араба. „Проклятый! застонала она: ты убилъ и ты же пришелъ къ намъ!.. Но убійца вдругъ принялъ къ ся высохшей груди, поймалъ бородатыя ротомъ грязный сосокъ и началъ сосать его, какъ ребенокъ... Этимъ прикосновеніемъ къ груди старухи убійца ея сына лишилъ ее чувства мести... Онъ пересталъ быть врагомъ, убійцей... Онъ сталъ ей роднымъ, какъ и убитый имъ родной сынъ ея“. (На рубежѣ пустыни, стр. 17).

дѣвочка не будетъ запрещена для перваго ребенка). Если же ребенокъ (мальчикѣ) покинетъ грудь кормилицы ранѣе установленнаго полнаго срока, а въ груди кормилицы останется еще молоко, которое будетъ сосать другой ребенокъ (дѣвочка) до истеченія этого срока, то между ними устанавливается запретность брака по молочному родству. Но, по мнѣнiю Абу-Ханифы, подобная запретность является лишь въ томъ случаѣ, когда первый ребенокъ еще не привыкъ къ другому роду пищи, такъ что онъ не можетъ жить безъ молока матери; если же онъ въ это время совершенно привыкнетъ къ другой пищѣ, помимо молока матери, то это обстоятельство должно считаться равносильнымъ отнятiю отъ груди, и запретность брака въ такомъ случаѣ отпадаетъ.

Запретность брака по молочному родству обуславливается молокомъ мужчины, т. е. молокомъ, котораго онъ является причиною, напримѣръ: если женщина кормила грудью ребенка женскаго пола, то относительно этого ребенка существуетъ запретность брака, какъ для мужа этой женщины, такъ и для его отца и сына, потому что мужъ, служившiй причиною наполненiя груди этой женщины молокомъ, является молочнымъ отцомъ кормимаго ею ребенка. Когда мальчикъ и дѣвочка сосутъ грудь одной и той же женщины, то бракъ между ними запрощается, потому что они имѣютъ одну общую кормящую мать и, слѣдовательно, относительно другъ друга — братъ и сестра.

Если молоко, извлеченное изъ груди кормилицы, будетъ смѣшано съ водою, то можетъ служить поводомъ къ запрету брака, когда въ этой смѣси количество молока превышаетъ количество воды, а имамъ Шафiй распространяетъ запретность брака и на тотъ случай, когда въ смѣси молока будетъ меньше воды. Если же молоко будетъ смѣшано съ другою пищею, то такую смѣсью, по мнѣнiю Абу-Ханифы, не обуславливается запретность брака, а по мнѣнiю его учениковъ — обуславливается преобладающимъ количествомъ молока. Еще по одному мнѣнiю, молоко примѣшанное къ пищѣ, подвергающейся дѣйствию огня, не служитъ препятствiемъ къ браку двухъ лицъ, принимающихъ такую пищу.

Если молоко одной женщины будетъ смѣшано съ молокомъ другой женщины, то и въ такомъ случаѣ преобладающее количество молока влiяетъ на запретность брака между лицами, питающимися такимъ смѣшаннымъ молокомъ. Даже молоко дѣвственницы обуславливаетъ запретность брака между кормящею и вскормленнымъ ею ребенкомъ. Равно служитъ поводомъ къ запрету брака молоко,

извлеченное изъ груди умершей женщины, съ каковымъ мнѣніемъ не согласенъ имамъ Шафій.

Не ведутъ къ запретности брака: а) молоко женщины, введенное въ тѣло ребенка посредствомъ клистира, б) молоко груди мужчины, в) молоко козы или другого животнаго.

Наконецъ, если мужчина вступаетъ въ бракъ съ малолѣтнею и со взрослою одновременно, и послѣдняя будетъ кормить грудью первую, то обѣ эти женщины будутъ запретными для ихъ мужа, такъ какъ онѣ являются молочными матерью и дочерью, съ которыми нельзя вступать въ бракъ одному мужчигѣ...

Подобно этому, только еще съ большими подробностями, разсматриваются въ Хидаяхъ всѣ другіе вопросы, составляющіе содержаніе всеобъемлющаго шаріата, и учащіеся въ мадрасѣ должны усвоить всѣ схоластическія тонкости „законовѣднія“, чтобы получить право на званіе ученаго кандидата на должность казія и другія должности.

Изъ другихъ отдѣловъ знанія, изучаемыхъ въ мадрасѣ, какъ о высшемъ предѣлѣ мусульманской образованности, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о „раздѣлѣ наслѣдства“, важность котораго (раздѣла) лучше всего выражена въ изреченіи самого Мухаммеда: *„Изучайте раздѣлъ наслѣдства: въ этомъ заключается половина знанія всего права“*. Этотъ отдѣлъ мусульманскаго права изложенъ въ особомъ трактатѣ подъ заглавіемъ *„Ильмуль-фарайзъ“*, и только немногіе основательно осиливаютъ его въ концѣ своего образованія, какъ бы въ завершеніе курса мадрасы. Баронъ Торнау ¹⁾ считаетъ особенности мусульманскаго законодательства о наслѣдствѣ не случайными отличіями его отъ законодательства европейскихъ народовъ, а существенно вытекающими изъ духа ислама, которымъ проникнуто все мусульманское право (гражданское, уголовное, каноническое), какъ право по вѣрованію, а въ данномъ случаѣ—на ученіи о наслѣдствѣ очень замѣтно отражаются правила шаріата о торговлѣ. Въ отличіе отъ европейскаго законодательства мусульманское ученіе о наслѣдствѣ имѣетъ въ виду только одно наслѣдованіе правъ умершаго по его имуществу, оставшемуся свободнымъ и потому въ дѣйствительности переходящему въ собственность наслѣдниковъ, но не долговъ его и другихъ обязательствъ. Права и порядокъ наслѣдованія находятся въ зависимости отъ основъ семейнаго быта мусульманъ, въ которомъ интересы личности ставятся выше интересовъ рода, но въ то же время внутренняя

¹⁾ О правѣ наслѣдства по закону. С.-Пб. 1866.

домашняя жизнь обособлена и сокрыта для постороннихъ и всякое вмѣшательство въ нее устранено. При томъ узаконенное Кораномъ многоженство должно было внести въ законы о наслѣдствѣ особыя постановленія. Не давъ женщинѣ политической и общественной самостоятельности ¹⁾, Мухаммедъ, какъ бы въ замѣнъ этого, оградилъ ея имущественные интересы. По смерти мужа вдовы его получаютъ изъ его наслѣдства опредѣленную часть и пользуются въ этомъ случаѣ преимуществомъ предъ всѣми родственниками; дочери умершаго также участвуютъ въ наслѣдствѣ послѣ отца и право ихъ на наслѣдство, въ случаѣ смерти ихъ самихъ, распространяется не только на ихъ дѣтей (внуковъ), но и на ихъ мужей (зятьевъ); мать умершаго или бабка всегда также получаетъ опредѣленную часть наслѣдства. Между супругами не существуетъ общности имущества, почему ни жена, ни вдова не отвѣтствуютъ за долги мужа ²⁾ и кредиторы предъявляютъ свои права къ имуществу умершаго, а не къ личности наслѣдника.

Изложеніе самыхъ правилъ раздѣла отличается тѣмъ же характеромъ, какъ и въ другихъ отдѣлахъ шаріата, но мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ по этому вопросу оригинальны, наиримѣръ: безвѣстное отсутствіе наслѣдника одними законовѣдами опредѣляется срокомъ въ 10 лѣтъ, другими срокомъ въ 60, 80, 90 и наконецъ въ 120 лѣтъ, считая со дня рожденія отсутствующаго, такъ что, въ случаѣ сокрытія даннаго субъекта на 30 году отъ рожденія, нужно ожидать для раздѣла его наслѣдства еще 90 лѣтъ. Но болѣе принятое мнѣніе сокращаетъ этотъ срокъ до 80 лѣтъ, считая въ томъ числѣ и годы отъ рожденія до сокрытія.

Беременность женщины во время смерти собственника даетъ ей право наслѣдства и на имѣющаго родиться ребенка, долю котораго учитываютъ долею мальчика; если же родившееся дитя окажется дочерью, то половина отчисленной доли дѣлится между прочими наслѣдниками; если ребенокъ родится мертвымъ, то матери его прибавляется третья часть изъ доли, предназначавшейся ожидаемому мальчику. При этомъ курьезно мнѣніе знаменитаго Абу-Ханифы, допускающаго двухгодичную продолжительность беременности, имамъ Шафій считаетъ четырехгодичный періодъ, а Аль-Зухри—даже семи-

¹⁾ Поэтому къ мусульманамъ не примѣнимо социалистическое ученіе о равноправности женщинъ съ мужчинами.

²⁾ Вообще долговныя обязательства уплачиваются изъ оставшагося наслѣдства, изъ котораго въ раздѣлѣ поступаетъ совершенно свободное имущество.

лѣтній. Но съ другой стороны всѣ законовѣды, въ интересахъ ребенка, считаютъ законнымъ его рожденіе и черезъ шесть мѣсяцевъ по смерти отца.

Такъ какъ самъ Мухаммедъ не указалъ въ Коранѣ всѣхъ случаевъ правонаслѣдованія, то въ ученіе о раздѣлѣ наслѣдства вошли разныя дополненія и чисто казуистическія соображенія, съ которыми изучающій мусульманское право молодой студентъ долженъ быть ознакомленъ настолько, чтобы умѣть понять, растолковать и примѣнить къ дѣлу извѣстный случай наслѣдія, изложенный въ наукѣ о раздѣлѣ наслѣдственнаго имущества. Въ этомъ случаѣ имѣетъ большое значеніе многоженство съ его родственными связями и право разныхъ лицъ на совмѣстное одновременное наслѣдованіе. Достаточно сказать, что сунниты насчитываютъ 12 степеней наслѣдниковъ по назначенію, 4 степени наслѣдниковъ по праву и, кромѣ того, боковыхъ наслѣдниковъ черезъ женщинъ. Затѣмъ трудность составляетъ самое опредѣленіе степеней родства и условій, при которыхъ лицо устраняется отъ наслѣдства или когда уменьшаются его права въ наслѣдствѣ. Сюда же относятся: духовныя завѣщанія, опека и опекуны, способы отчужденія собственности, условія перехода наслѣдства отъ одного лица къ другому и т. п.

На основаніи изложеннаго, должно признать прежде всего тотъ очевидный фактъ, что туземно-мусульманская школа въ Средней Азій, въ отношеніи своей программы и внутренней организаціи, такъ же оригинальна и самобытна съ исторической точки зрѣнія, какъ и древняя русоко-христіанская школа. Зародившаяся, какъ и русская школа, подъ вліяніемъ религіознаго стимула, средноазіатская туземная школа развивалась и укрѣплялась постепенно при наличности мѣстныхъ бытовыхъ условій, которыя не утратили своего значенія и въ наши дни, а потому она (школа) удерживаетъ свой, такъ сказать, родовой (общемусульманскій) типъ. Въ ней повсемѣстно удерживается одинаковая учебная программа при одинаковыхъ образовательныхъ источникахъ (учебныя книги), чему способствуютъ также постоянныя живыя сношенія ученыхъ мусульманъ Средней Азій со всѣмъ мусульманскимъ міромъ: многіе туркестанскіе преподаватели (мударрисы) получаютъ или пополняютъ свое образованіе въ мадрасахъ Бухары; всѣ руководствуются въ своей преподавательской дѣятельности учебными и научными изданіями Стамбула, Булака (въ Каирѣ), Бомбея и Казани¹⁾;

¹⁾ Въ Ташкентѣ въ типографіи Ильина въ послѣдніе годы безостановочно печатаются литографскимъ способомъ употребительныя учебники на мѣстныхъ языкахъ.

по временамъ наши мусульмане видятъ заѣзжихъ бухарцевъ, турокъ и арабовъ и сами предпринимаютъ путешествія, кромѣ Бухары, въ Стамбулъ и Мекку чрезъ Каиръ. Отсюда однообразный характеръ среднеазиатской мусульманской школы—схоластическо - религіозный, какъ наслѣдіе среднихъ вѣковъ, а замкнутость мусульманскаго быта обусловливаетъ замкнутость¹⁾ и неподвижность внутреннего строя мадрасы, точно опредѣленнаго стародавнимъ обычаемъ. Поэтому мы въ настоящее время наблюдаемъ въ туркестанскихъ мадрасахъ тѣ же обычаи и нравы, какіе завѣщаны имъ древностью. Русское административное вліяніе, и по времени недавнее (съ 1867 г.), почти совсѣмъ не коснулось туземной школы, за исключеніемъ поверхностнаго, чисто виѣшняго подчиненія этой школы русской власти, смѣнившей власть бывшихъ мусульманскихъ правителей и казиевъ; во всемъ остальномъ мадрасы продолжаютъ свою самобытную жизнь, какъ было до завоеванія Туркестана русскими.

Теперь настало время измѣненія прежняго положенія дѣлъ, настала потребность въ фактическомъ, а не въ номинальномъ только надзорѣ за мадрасами и мактабами. Если съ 17 октября 1905 года туркестанскіе мусульмане признаны равноправными съ русскимъ народомъ гражданами Россіи, то ясно, что и туземныя школы въ Туркестанскомъ краѣ имѣютъ право на одинаковое съ русскими школами вниманіе къ нимъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія, но вниманіе это должно выразиться не въ одномъ виѣшнемъ надзорѣ и таковой же канцелярской отчетности, какъ практикуется доселѣ, а въ педагогическомъ руководствѣ самымъ учебно-воспитательнымъ дѣломъ туземныхъ школъ.

Само собою при этомъ разумѣется, что будущіе инспекторы мусульманскихъ школъ въ Россіи, институтъ которыхъ проектировала прошлогодняя (1905 г.) комиссія, собиравшаяся подъ предсѣдательствомъ А. С. Будиловича, должны быть сами ознакомлены съ учебнымъ курсомъ подчиненныхъ имъ школъ²⁾ и имѣть въ виду прежнія упущенія и неправильные взгляды на свои начальническія обязанности, что тормозило приведеніе въ исполненіе закона 1870 года. До сихъ поръ русскіе правительственные инспекторы народныхъ училищъ не создали себѣ авторитета въ средѣ мусульманъ, а во внутренней Россіи,

¹⁾ Замкнутость мусульманской школы отразилась на самой постройкѣ мадрасы, жидкая часть которой обращена внутрь двора, образуемаго стѣнами аданія, какъ это видно на рисункахъ.

²⁾ А это возможно только при знаніи арабскаго и мѣстныхъ языковъ.

среди татаръ, вызывали явное сопротивленіе даже и внѣшнему, только формальному, подчиненію себѣ этихъ школъ. И мы увѣрены, что никакія принужденія въ данномъ случаѣ не только не допустимы, какъ не согласны съ новымъ закономъ о свободахъ, но и бесполезны, потому что противорѣчатъ условіямъ органическаго развитія всего живого на землѣ: школа представляетъ собою также живой, духовный организмъ и потому всякая внѣшняя форма, предлагаемая начальствомъ, по не вытекающая изъ внутренняго содержанія школы, не привьется къ школьному дѣлу, не сольется съ его содержаніемъ, а будетъ оставаться обманчивою личиною, неизбѣжно задержать естественный ростъ туземной школы и привести ее къ упадку. Современное естествознаніе учитъ, что никакое совершенствованіе, никакое прогрессивное развитіе невозможно при искусственно принятыхъ внѣшнихъ формахъ, при условіи подавленія самобытности и уклоненія организма отъ основнаго типа; во всемъ органическомъ мірѣ прогрессивное развитіе и ростъ обусловливаются сохраненіемъ самобытности и дѣлостности природы организма; въ организмѣ, лишенномъ возможности продолжать самобытное существованіе вслѣдствіе внѣшнихъ требованій, неизбѣжно появленіе регрессивныхъ измѣненій. И тѣмъ выше природа организма, тѣмъ болѣе внѣшнія формы должны согласоваться съ его сущностью; въ противномъ случаѣ живой организмъ не будетъ способенъ къ дальнѣйшему совершенствованію. Примѣръ неустойчивости русскихъ школьныхъ формъ и малой успѣшности народнаго образованія Россіи по существу служить нагляднымъ тому доказательствомъ; чуждыя, заимствованныя съ Запада формы не привились къ русской школѣ и довели эту послѣднюю до разложенія; такія же внѣшнія требованія, не вытекающія изъ сущности мусульманскаго образованія и воспитанія, будутъ еще менѣе продуктивны, потому что онѣ вдвойнѣ чужды туземному быту, складывавшемуся въ теченіе столѣтій подъ вліяніемъ иной религіи, своеобразнаго быта и особыхъ климатическихъ условій. Не достигнуть цѣли одно требованіе введенія преподаванія русскаго языка въ мусульманской школѣ¹⁾, а тѣмъ болѣе ни къ чему не приведутъ настоянія на русско-школь-

¹⁾ Не нужно забывать при этомъ глубокаго по смыслу замѣчанія Гёте, что на низшихъ ступеняхъ образованности національная ненависть особенно сильна и горяча, но существуетъ ступень, гдѣ она вполне исчезаетъ и гдѣ чувствуешь счастье или горе сосѣдняго народа такъ же, какъ и своего собственнаго. (См. ст. „Къ вопросу о національности вообще и о національномъ языкѣ въ школѣ, въ частности“. Русская Школа, № 5—6, май—іюнь 1906 г.).

ныхъ внѣшнихъ порядкахъ отъ учащихъ и учащихся въ туземныхъ школахъ. Насколько мило видѣть малышей и взрослыхъ туземцевъ въ ихъ естественныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ между собою и къ старшимъ, съ ихъ сидѣніемъ на полу въ полукругѣ около учителя, и ихъ обычныя формы привѣтствія и почтительности, настолько неестественны ихъ непривычныя подражанія нашимъ школьнымъ порядкамъ, особенно если въ мѣру ретивый молодой педагогъ будетъ настаивать на соблюденіи этихъ чисто внѣшнихъ формъ сидѣнія, вставанія и т. п. Наша привязанность къ форменной школьной одеждѣ породила въ русскихъ учащихся отвращеніе къ этой одеждѣ, и гимназисты съ реалистами появляются теперь на улицахъ въ уродливой смѣси: фуражкѣ съ ярлыками, красной или синей рубахѣ, черныхъ или пестрыхъ штанахъ и съ тростью въ рукахъ; между тѣмъ какъ туземные школьники и взрослые ученики мадрасы не производятъ такого отталкивающаго впечатлѣнія даже на случайнаго посѣтителя ихъ школы; ихъ простой (не одноцвѣтный) халатъ, лѣтомъ замѣняющій учащимся и рубашку, съ чалмой или одной тюбтойкой на головѣ, и мягкіе сапоги (ичоги), а лѣтомъ одни галоши на босой ногѣ идутъ къ учащимся, потому что отвѣчаютъ мѣстному климату и мѣстнымъ обычаямъ. Въ такомъ нарядѣ не стѣсняются быть не только взрослые учащіеся, но и ихъ учителя¹⁾. Свообразная манера учащихся и учащихся сидѣть въ классной комнатѣ, а лѣтомъ на открытой террасѣ съ поджатыми подъ себя ногами, чтеніе на-распѣвъ, почтительное отношеніе учащихся къ своимъ учителямъ и вообще къ старшимъ согласованы съ традиціями, освященными временемъ,—и ломать эти обычаи нѣтъ никакой существенной надобности. Нашъ сложный школьный надзоръ за учащимися не достигъ цѣли, а у мусульманъ и безъ него хорошо²⁾.

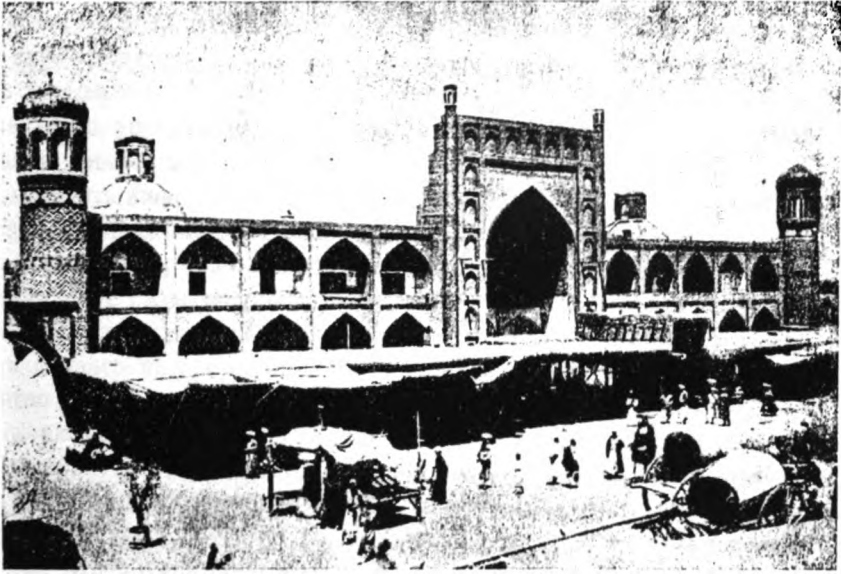
Тѣмъ болѣе курсъ мусульманской школы не можетъ подлежать насильственной ломкѣ, а лишь — упорядоченію системы обученія и обновленію самыхъ знаній въ такихъ наукахъ, которыя не касаются религіозныхъ вѣрованій, каковы: математика, исторія, географія и философія; въ туземныхъ школахъ все консервативно: даже обученіе арабскому языку производится по учебникамъ, освященнымъ време-

¹⁾ Учащіе и учащіеся носятъ на лѣвой рукѣ серебряное или мѣдное кольцо; но это дѣлается не ради франтовства, а по религіозному чувству, такъ какъ кольцо привозится изъ Медины и предохраняетъ носящаго отъ головной боли.

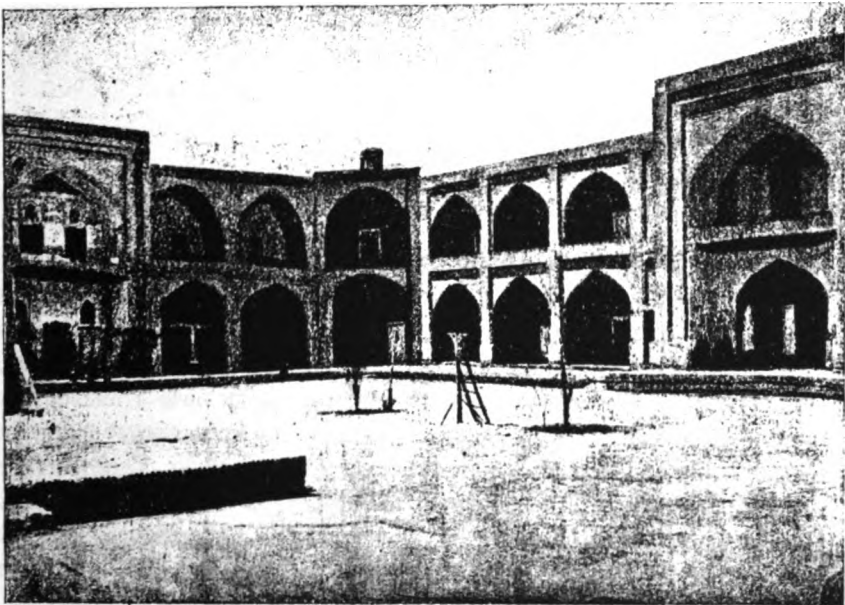
²⁾ См. ст. Н. И. Ильминскаго: „Ex oriente lux“, напечат. въ Правосл. Собес. за 1901 годъ, въ амвартской книгѣ.

немъ и авторитетомъ ихъ составителей. Словомъ, будущимъ инспекторамъ, завѣдывающимъ мусульманскими школами, не должно забывать общаго закона органическаго развитія; нужно всегда имѣть въ виду вѣковой укладъ туземной жизни, вліявшій на формированіе и развитіе мадрасы; если же мы будемъ навязывать туземной школѣ формы, не отвѣчающія потребностямъ народной жизни и вѣковымъ традиціямъ туземцевъ, то или не добьемся никакихъ успѣховъ, какъ было доселѣ, или поставимъ внутреннюю жизнь мадрасы въ такія условія, при которыхъ дальнѣйшее развитіе ея будетъ невозможно. И тогда, по принципу самосохраненія, туземная школа, въ лучшемъ случаѣ, будетъ показывать правительственному инспектору одну ненужную личину, а подъ своей скорлупой будетъ жить своимъ духомъ и ростомъ, враждебнымъ стремленіямъ нашего министерства. Съ другой стороны теперь настало такое время, когда сами мусульмане начинаютъ сознавать необходимость обновленія и пополненія своихъ учебныхъ программъ: въ низшихъ школахъ (мактабахъ) замѣчаются уже попытки обученія по звуковому методу и составленія новыхъ учебниковъ. Въ мадрасахъ такія стремленія извѣстны пока среди татаръ въ Крыму и Казани; въ Казани въ одной мадрасѣ, подъ вліяніемъ примѣра русскихъ школъ, произошла даже вспышка среди учащихся изъ-за желанія расширить программу учебнаго курса, на подобіе школъ Турціи и Египта. Въ Сиріи (въ Бейрутѣ, Дамаскѣ и Іерусалимѣ) извѣстны арабскія школы съ европейскимъ курсомъ наукъ; въ Константинополѣ существуютъ новыя спеціальныя школы; въ Каирѣ, рядомъ съ Аль-Аххарской мадрасой, дѣйствуютъ учительскій институтъ, школа правъ и управленія, школа искусствъ и ремеслъ, школа египтологіи и др. ¹⁾ Не говоря объ Алжирѣ, въ Индо-китаѣ также пробудилось у туземцевъ стремленіе къ современному европейскому образованію: посѣтившій въ іюнѣ сего года Ташкентъ, профессоръ китайскаго языка во французской школѣ въ Ганой (Hanoi) Paul Pelliotъ лично сообщилъ намъ, что индо-китайскіе туземцы, послѣ китайско-японской войны, начали изучать европейскія науки, и французское правительство установило требованіе отъ туземныхъ кандидатовъ на административныя должности нѣкоторыхъ знаній въ современныхъ наукахъ, каковому требованію охотно подчиняются кандидаты на эти должности; преподаваніе такихъ знаній допускается даже въ туземныхъ школахъ. По послѣднимъ

¹⁾ Древности восточныя. Томъ второй, вып. 3 (Москва 1903). Ст. А. К. Крымскаго и В. В. Миллера „Всеимусульманскій университетъ“:

Мадраса Абуль-Касимъ-хана. Фасадъ.

Мадраса Абуль-Касимъ-хана. Дворъ.

извѣстіямъ и афганскій эмиръ озабоченъ реформой туземныхъ школъ... Все это — примѣры и для насъ, въ нашей средне-азиатской колоніи, какъ называютъ Туркестанъ французскіе туристы. Правда, мы не столь давно управляемъ своею мусульманскою колоніей, но начинать введеніе прогрессивныхъ началъ въ мадрасу и намъ слѣдуетъ, чтобы не выпустить инициативу изъ своихъ рукъ. Особенно это нужно имѣть въ виду при представленіи о просвѣтительной и политической агитаціи, какую поставили себѣ задачей нѣкоторыя татарскія газеты, появившіяся въ разныхъ городахъ Россіи въ текущемъ году. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи нужно отмѣтить печальный фактъ почти полного игнорированія съ нашей стороны татарской прессы, замѣтно распространяющей свои листки среди сартовъ и киргизъ и не сдерживаемой въ своихъ противоправительственныхъ порывахъ, вслѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ законовъ о печати; злоупотребляя такъ называемою „свободою слова“, новая татарская газета въ Ташкентѣ „Таракки“ печатаетъ нагло-лживыя и возбуждающія статьи, которыя охотно читаются туземцами дома, на базарѣ и за предѣлами Ташкента. Въ русскихъ газетахъ почти не встрѣчается замѣтокъ о современной татарской періодической печати, очевидно, потому, что не придаютъ ей должнаго значенія; но это — большая ошибка со стороны русской печати.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Условія управленія вакуфами Ходжи Ахрара и распредѣленіе доходовъ съ этихъ вакуфовъ (изъ вакфъ-намы).

1. Господинъ вакуфодатель, — да будетъ надъ нимъ миръ, — при жизни своей назначилъ себя самого надъ всѣми этими вакуфными имуществами полноправнымъ мутавалліемъ, т. е. онъ, Хазретъ, имѣлъ полное право назначать, кого хотѣлъ, мутавалліемъ вмѣсто себя, а также увольнять его, когда хотѣлъ, и имѣлъ полное право, по своему усмотрѣнію, увеличивать или уменьшать количество ¹⁾ вакуфныхъ имуществъ, а также, по своему же усмотрѣнію, — измѣнить условія пользованія сими вакуфами и условія распредѣленія доходовъ съ этихъ имуществъ и никто не имѣлъ права препятствовать ему во всемъ этомъ.

¹⁾ Ракаѣръ.

2. Послѣ смерти самого Хазрета, мутавалліемъ надъ этими вакуфными имуществами долженъ быть одинъ изъ его потомковъ ¹⁾; а затѣмъ права мутавалліа должны послѣдовательно переходить къ потомкамъ изъ его потомства впредь до полного прекращенія потомства Хазрета. Но если—упаси Боже—прямое потомство Хазрета прекратится, то тогда права мутавалліа должны перейти къ ближайшимъ родственникамъ Хазрета въ такой же послѣдовательности; а если прекратится—упаси Боже—и ихъ потомство, то тогда казніи соответствующихъ вилайетовъ (Самаркандскій, Ташкентскій и Кабульскій) должны назначить „аминовъ“ надъ этими вакуфными имуществами Хазрета, находящимися въ ихъ вилайетахъ; при чемъ эти послѣдніе ²⁾ должны вполне соответствовать своему назначенію.

3. Всѣ эти мутавалліи, за исключеніемъ самого Хазрета, не имѣютъ права измѣнять ³⁾ какъ самыя вакуфныя имущества, а также порядокъ пользованія ими и условія распредѣленія доходовъ съ этихъ имуществъ; напротивъ, они должны въ точности выполнить завѣщаніе Хазрета и должны поддерживать всѣ эти вакуфныя имущества въ должномъ порядкѣ и въ благоустроенномъ видѣ.

4. При избраніи въ мутавалліи лица изъ потомковъ Хазрета, должно отдавать предпочтеніе достойнѣйшему изъ нихъ, т. е. лицу, свидѣющему въ дѣлахъ шаріата, передъ другими; но если такового кандидата въ потомствѣ Хазрета не окажется, то тогда должно отдать предпочтеніе старшему по возрасту, при чемъ мужское поколѣніе имѣетъ преимущество передъ женскимъ.

5. Изъ общей суммы доходовъ съ вакуфныхъ имуществъ Хазрета,—да будетъ надъ нимъ миръ,—надлежитъ сперва выдѣлать хараджъ ⁴⁾ и другіе расходы, а также стипендіи лицамъ, причастнымъ къ сему вакуфу; изъ оставшейся суммы $\frac{1}{10}$ часть долженъ получить мутавалліи за свои труды по надзору надъ вакуфными имуществами, а оставшуюся за сими сумму мутавалліи—потомокъ долженъ употребить на ремонтъ и на прочія нужды по содержанію въ надлежащемъ порядкѣ вакуфныхъ имуществъ Хазрета,—какъ это дѣлалось при жизни самого Хазрета.

6. Если опытъ покажетъ, что есть выгода отъ занятій земледѣліемъ

¹⁾ Сперва сыновья, а потомъ другіе.

²⁾ Т. е. амины (понятые).

³⁾ Очевидно, въ смыслѣ уменьшенія количества вакуфныхъ имуществъ.

⁴⁾ Поземельный налогъ съ урожая.

и садоводствомъ на вакуфныхъ участкахъ, то мутаваллію не возбраняется заняться этимъ дѣломъ и приобрести для осуществленія этого полезнаго предпріятія необходимый инвентарь, употребивъ на это и на прочіе расходы, сопряженные съ веденіемъ сего предпріятія, чистый остатокъ отъ вакуфныхъ доходовъ. — При этомъ все, что получится отъ вышеозначенныхъ предпріятій, должно поступить въ раздѣлъ между стипендіатами, какъ и прочіе вакуфные доходы.

7. Если изъ потомковъ Хазрета, — упаси Боже, — не останется рѣшительно никого, то тогда все вакуфныя имущества Хазрета, — да будетъ надъ нимъ миръ, — находящіяся въ Мавараун-Шахрѣ, въ Шашгѣ, Насафѣ и Кошгѣ, а также и доходы съ нихъ, должны поступить въ пользу и вѣдѣніе мазара высокочтимѣйшаго Хазрета „Кутбуль-актаба“, высокаго дѣда Хазрета, находящагося въ мѣстности Ходжа-кафши, при чемъ часть вакуфныхъ доходовъ подлежатъ раздачѣ иному мусульманамъ, согласно завѣщанію.

8. Все, что получается съ вакуфныхъ имуществъ Хазрета, находящихся въ Кабулѣ, подлежитъ выдачѣ лицамъ, причастнымъ къ мадрасѣ Хазрета въ Кабулѣ, т. е. стипендіатамъ при этой мадрасѣ.

9. Изъ общей суммы доходовъ съ вакуфныхъ имуществъ Хазрета, находящихся въ Кабулѣ, надлежитъ выдѣлить сперва долю мутаваллія, затѣмъ — необходимыя средства на ремонтъ вакуфныхъ имуществъ, на освѣщеніе и на поддержаніе чистоты и опрятности, какъ внутри мечети, мадрасы, общажатій учащихъ, въ колодезномъ помѣщеніи, въ помѣщеніи для совершенія омовеній, въ банѣ, на дворѣ, а также снаружи сихъ строеній; оставшюся за сими сумму надлежитъ раздѣлить такъ:

10. Двумъ мударрисамъ (изъ коихъ одинъ при мадрасѣ, а другой при мечети), преподающимъ шаріатъ (въ теченіе большей части недѣли) учащимся — по 20 частей каждому, всего 40 частей.

11. Двадцати учащимся, денно и ночно (постоянно) проживающимъ при мадрасѣ и обучающимся по 10 человекъ передъ каждымъ изъ вышеупомянутыхъ мударрисовъ, по 3 части каждому изъ нихъ, всего 60 частей.

12. Иمامу, совершающему пятикратный намазъ въ мечети при мадрасѣ, — пять (5) частей.

13. Муэззину (азанчи), пять разъ въ сутки призывающему правоверныхъ на молитву — 3 части.

14. Учителю, обучающему дѣтей правовѣрныхъ въ мактабѣ при мадрасѣ—3 части.

15. Четыремъ хафизамъ (чтецамъ корана), изъ которыхъ каждый читаетъ каждый день по сипарѣ ¹⁾ корана, — по 3 части каждому, всего 12 частей.

16. Четыремъ служителямъ, обязанность которыхъ заключается въ доставаніи воды изъ колодца при мадрасѣ, какъ для обитателей мадрасы, такъ и для бани при ней; въ подметаніи и въ поддержаніи въ чистотѣ внутреннихъ помѣщеній мечети, мадрасы, мактаба, общежитій и прочихъ помѣщеній, а также двора при мадрасѣ и прилегающихъ снаружи къ мадрасѣ участковъ; зимою—въ сметаніи снѣга съ крыши всѣхъ строеній, а также со двора, и въ нагрѣваніи и въ доставленіи по назначенію воды (для омовеній и для надобностей бани)—по 3 части каждому изъ нихъ, всего 12 частей.

При этомъ мутаваллію предоставляется право не выдавать этимъ четыремъ служителямъ слѣдующихъ имъ 12 частей до тѣхъ поръ, пока они, служители, не выполнятъ, какъ слѣдуетъ, всѣ свои обязанности; въ особенности въ отношеніи удаленія разныхъ нечистотъ.

17. Водоносу, доставляющему каждый день въ мадрасу для вышеозначенныхъ 20 учащихся чистую питьевую воду—3 части.

18. Полноправнымъ владѣльцемъ сихъ вакуфныхъ имуществъ является самъ Хазретъ и никто другой.

19. Никто изъ довѣренныхъ и другихъ приближенныхъ Хазрета не имѣетъ права на полученіе какой-либо доли изъ сего вакуфа, кромѣ доли мутаваллія, если онъ состоитъ мутавалліемъ надъ симъ вакуфомъ.—Несмотря на это, если кто-либо изъ вышепоименованныхъ лицъ получитъ изъ сего вакуфа какую-либо долю, то доля эта для того лица будетъ незаконна (не доволена).

20. Если путемъ опыта выяснится выгодность сдачи нѣкоторыхъ вакуфныхъ имуществъ въ аренду частнымъ лицамъ, то таковыя надлежитъ сдать въ аренду, но на срокъ не болѣе 3-хъ лѣтъ.

21. Если кто-либо изъ потомковъ Хазрета или потомковъ его потомства, не имѣя своего собственнаго дома, пожелаетъ приступить къ постройкѣ такового и будетъ нуждаться для надобности этой постройки въ камигъ, то ему дозволяется брать таковыя изъ-подъ ветхихъ вакуфныхъ строеній, а также изъ нѣдръ вакуфныхъ земель, если таковыя имѣются тамъ.

¹⁾ Сипара $\frac{1}{30}$ часть корана.

22. Всѣ вышеозначенныя вакуфныя имущества ни въ коемъ случаѣ не подлежатъ раздѣлу: какъ между прямыми потомками самого Хазрета, такъ и между другими лицами, причастными къ симъ вакуфнымъ имуществамъ.

23. Потомки Хазрета могутъ добиваться только правъ мутаваллія, если мутавалліемъ надъ означенными имуществами состоитъ лицо постороннее, т. е. не изъ потомства Хазрета.

24. Всѣ вышеозначенныя вакуфныя имущества должны обязательно находиться въ вѣдѣніи и распоряженіи законнаго (шаріатнаго) мутавалліа на вѣчныя времена.

25. Если кто-либо изъ прямыхъ потомковъ Хазрета будетъ чересчуръ нуждаться, то мутавалліи сего вакуфа долженъ помочь тому потому, по мѣрѣ своего разумія, совѣтомъ и указаніемъ, какъ выйти изъ критическаго положенія.

26. Если среди прямыхъ потомковъ Хазрета возникнетъ,—сохрани Богъ,—раздоръ относительно сихъ вакуфныхъ имуществъ, то они, потомки, должны для улаженія этого раздора обратиться къ казію того времени; а ежели они для улаженія возникшаго въ средѣ ихъ раздора не обратятся къ казію того времени, то вредныя послѣдствія сего раздора должны приписать себѣ, ибо изъ раздоровъ ничего хорошаго выйти не можетъ.

27. Если кто-либо изъ обитателей сей мадрасы или другихъ, причастныхъ къ мадрасѣ, лицъ совершитъ какой-либо противошаріатный проступокъ ¹⁾ и этотъ проступокъ будетъ извѣстенъ и прочимъ обитателямъ мадрасы, то мутавалліи сего вакуфа до 3-хъ разъ долженъ сдѣлать наставленіе тому лицу, дабы не повадно ему было впредь, а если лицо это и послѣ троекратнаго вразумленія мутавалліа не перестанетъ совершать тотъ же противошаріатный проступокъ, то тогда надлежитъ замѣнить его другимъ лицомъ.

28. При принятіи кого-либо въ число обитателей мадрасы для постоянного проживанія въ ней, мутавалліи обязанъ объявлять тому лицу вышеизложенныя правила.

29. Разъ въ годъ мутавалліи обязанъ объявлять вышеизложенныя правила также всѣмъ обитателямъ мадрасы и всѣмъ лицамъ, причастнымъ къ сему вакуфу, дабы они знали и руководствовались въ своихъ дѣяніяхъ этою инструкціей.

¹⁾ Можно предполагать и недорастію въ числѣ другихъ проступковъ.

30. Черезъ каждыя 10 лѣтъ надлежитъ созывать въ мадрасу всѣхъ „улемовъ“ ¹⁾ вилайета, а также „валія“ ²⁾ вилайета, для ревизіи прихода и расхода доходовъ съ вакуфныхъ имуществъ Хазрета, — да будетъ надъ нимъ миръ, — находящихся въ Кабуль, и состоянія самихъ вакуфныхъ имуществъ, а также и для повѣрки познаній учащихся и дѣлній прочихъ причастныхъ къ сему вакуфу лицъ; при чемъ результаты ревизіи должны быть записаны на бумагѣ, подписаны подлежащими лицами (членами комиссіи) и скрѣплены печатью казія и валія вилайета.

31. Мутаваллій сего вакуфа обязанъ представить въ сей совѣтъ всѣ нужные документы, а также обязанъ дать всѣ необходимыя свѣдѣнія о состояніи вакуфныхъ имуществъ, о поведеніи и дѣятельности учащихся и другихъ причастныхъ къ сему вакуфу лицъ, а также и самого себя.

32. Расходъ на вознагражденіе писца, на приобрѣтеніе бумагъ, на пропитаніе вышеупомянутыхъ улемовъ и на прочія нужды, сопряженныя съ означенной ревизіей, мутаваллій обязанъ произвести изъ вакуфныхъ средствъ, находящихся въ его распоряженіи.

33. Точно также надлежитъ поступать и по отношенію другихъ вакуфныхъ имуществъ Хазрета, находящихся въ Самаркандѣ, Шашѣ и Кешѣ; при чемъ улемы соответствующихъ вилайетовъ должны собираться, во главѣ съ казіемъ соответствующаго вилайета, въ заранее опредѣленномъ пунктѣ, на одномъ изъ вакуфныхъ участковъ самого Хазрета.

34. Ревизіи вышеупомянутыхъ улемовъ должны быть обоснованы на указаніяхъ шаріата, и результаты ихъ ревизіи должны быть изложены на бумагѣ, подписаны соответствующими лицами и скрѣплены печатями казіевъ вилайетовъ: Кабульскаго, Самаркандскаго, Шашскаго и Кешскаго.

35. Въ отношеніи расходовъ, сопряженныхъ съ производствомъ сихъ ревизій (черезъ каждыя 10 лѣтъ), надлежитъ поступать точно такъ, какъ изложено выше.

Составлено сіе 12-го числа мѣсяца Мухаррамуль-Харама въ 953-мъ году Гиджры ³⁾.

Съ персидскаго текста перев. Г. Калишъ.

¹⁾ Ученыхъ людей.

²⁾ Губернатора.

³⁾ Соотв. 15-го марта 1546 г. по Р. Хр.

Инструкція старшимъ мударрисамъ туземныхъ мадрасъ Туркестанскаго края ¹⁾.

1. Мадраса, въ которомъ состоитъ нѣсколько мударрисовъ, находится въ завѣдываніи старшаго изъ нихъ.

2. Въ тѣхъ мадрасахъ, гдѣ состоитъ одинъ мударрисъ, онъ пользуется правами старшаго мударриса.

3. Младшіе мударрисы, мутавалліи и муллы обязаны исполнять всѣ законныя требованія старшаго мударриса своего мадраса.

4. Старшій мударрисъ обязанъ исполнить всѣ законныя требованія инспектора и другихъ начальствующихъ лицъ.

5. О всякаго рода происшествіяхъ въ мадрасѣ старшій мударрисъ обязанъ немедленно доносить инспектору.

6. Въ случаѣ скоростыжной смерти кого-либо изъ лицъ, проживающихъ въ мадрасѣ, пожара и другихъ тому подобныхъ несчастій и приключеній, старшій мударрисъ обязанъ доносить о случившемся, кромѣ инспектора, еще и уѣздному начальнику или участковому приставу.

7. Въ началѣ декабря cadaго года старшій мударрисъ обязанъ представить инспектору именной списокъ мударрисовъ, мутавалліевъ и муллъ съ отмѣткою о томъ, кто изъ муллъ ²⁾ въ какомъ разрядѣ ³⁾ находится и сколько лѣтъ состоитъ въ этомъ разрядѣ.

8. Старшему мударрису, въ случаѣ надобности, предоставляется право требовать отъ мутавалліи свѣдѣнія о вакуфныхъ имуществвахъ своего мадраса и о количествѣ доходовъ, поступающихъ съ этихъ имуществъ.

9. Въ началѣ февраля cadaго года старшій мударрисъ доносить инспектору о количествѣ дохода, полученнаго съ вакуфныхъ имуществъ мадраса въ предшествовавшемъ году, о томъ, какая часть этого дохода поступила въ раздѣлъ между мударрисами, мутавалліями, муллами и другими лицами мадраса, а также и о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ количествѣ вакуфныхъ имуществъ.

10. Старшій мударрисъ долженъ наблюдать за опрятнымъ содержаніемъ мадраса.

¹⁾ Инструкція печатается съ соблюденіемъ орфографіи подлинника (Туркест. Туз. газ. 1894 г. № 15).

²⁾ Такъ называются учащіеся въ высшей школѣ студенты.

³⁾ Т. е. въ какомъ отдѣленіи—низшемъ, среднемъ и высшемъ.

11. Онъ наблюдаетъ также за тѣмъ, чтобы мутаваллій своевременно производилъ необходимый ремонтъ зданія мадраса.

12. Старшему мударрису предоставляется право требовать отъ мутаваллія отчета въ расходахъ, производимыхъ имъ на ремонтъ какъ зданія самого мадраса, такъ равно и разнаго рода вакуфныхъ зданій, каковы: каравансарай, лавки, бани и т. п., для представленія этихъ свѣдѣній инспектору.

13. Старшій мударрисъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы младшіе мударрисы добросовѣстно исполняли возложенныя на нихъ обязанности преподавателей.

14. Въ случаяхъ возникновенія какихъ-либо недоразумѣній между младшими мударрисами, мутавалліями и муллами старшій мударрисъ принимаетъ мѣры къ прекращенію этихъ недоразумѣній путемъ примиренія. Если же эти его старанія не увѣнчаются успѣхомъ, доносить о томъ инспектору, прося его указаній.

15. Старшій мударрисъ, въ случаѣ невозможности въ учебное время года исполнять возложенныя на него служебныя обязанности, по болѣзни или другимъ причинамъ, немедленно доносить о томъ инспектору.

16. Старшій мударрисъ завѣдываетъ принятіемъ въ мадраса вновь поступающихъ муллъ, принимая таковыхъ въ возрастѣ не старше 30 лѣтъ, при чемъ освѣдомляется о личности поступающихъ и о мѣстѣ ихъ постоянного жительства.

17. Старшій мударрисъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы муллы аккуратно посѣщали уроки и вели себя благоприлично.

18. Старшій мударрисъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы въ каждомъ разрядѣ ученикъ оставался не болѣе 7 лѣтъ.

19. Старшій мударрисъ представляетъ инспектору для исключенія изъ мадраса тѣхъ муллъ, которые въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ (или болѣе того) не являются въ мадраса, или хотя и проживаютъ тамъ, но не являются на уроки своего мударриса.

20. Старшій мударрисъ наблюдаетъ за правильностью раздѣла вакуфныхъ доходовъ между мударрисами, муллами и другими лицами своего мадраса.

21. Старшій мударрисъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы стипендіи выдавались тѣмъ только мулламъ, которые дѣйствительно обучаются у мударрисовъ своего мадраса.

22. Старшій мударрисъ, вмѣстѣ съ другими мударрисами своего мадраса, въ концѣ каждаго учебнаго года производитъ испытанія мул-

ламъ, подлежащимъ переводу ихъ изъ разряда *адна* въ разрядъ *аусатъ* ¹⁾ и изъ разряда *аусатъ* въ разрядъ *ала* ²⁾.

23. Во избѣжаніе расходовъ на почтовые марки, мударрисамъ предоставлено право пересылать пакеты къ инспектору черезъ подлежащія уѣздныя управленія.

24. Мударрисы, виновные въ неисполненіи обязанностей, указанныхъ настоящей инструкціей, подвергаются выговорамъ инспектора.

25. Мударрисы, получившіе отъ инспектора три выговора, подлежатъ установленнымъ порядкомъ отчисленію отъ занимаемыхъ ими должностей.

По поводу этой „Инструкціи“ одинъ изъ сотрудниковъ Туркестанской туземной газеты писалъ:

„Сарты сами видятъ, что уже 27 лѣтъ прошло съ того времени, какъ Ташкентъ былъ завованъ русскими и что за это время со стороны русскаго правительства не было ничего вреднаго для сартовъ ни въ отношеніи религіи, ни въ отношеніи жизни.

Русскія начальствующія лица заботятся о туземныхъ жителяхъ Туркестанскаго края, какъ о добрыхъ подданныхъ Его Императорскаго Величества, и стараются выводить ихъ изъ мрака невѣжества; но все-таки среди сартовъ мало встрѣчается людей, которые понимали бы и цѣнили заботы о насъ русскаго правительства. Иногда какой-нибудь сартъ, не понимая добрыхъ намѣреній русскаго начальства, старается объяснить эти распоряженія въ дурную сторону. Бывало такъ: русское начальство откроетъ школы для туземцевъ, а сарты не посылаютъ въ школу дѣтей, потому что имъ мулла сказалъ, что въ школѣ могутъ окрестить сына и что грѣшно учиться по-русски, хотя шаріатъ нисколько не воспрещаетъ учиться по-русски. Еще: русское начальство издаетъ для туземцевъ туземную газету, но ее немногіе получаютъ; даже въ мадрасахъ, гдѣ учатся тысячи сартовъ, туземную газету не получаютъ. Сарты—народъ непросвѣщенный и не хотятъ понять, что газета печатается для нихъ. Въ иной мадрасѣ учатся сто муллъ; каждый могъ бы заплатить за газету только три копейки. Или: что стоитъ мутавадлію въ годъ 3 руб., чтобы вынискать газету и давать читать ее мулламъ, которые учатся въ мадрасѣ. Вслѣдствіе этого среди сартовъ часто распространяются глупые и нелѣпные рассказы, Такъ, напрямѣръ: старшимъ мударрисамъ дали осо-

¹⁾ Т. е. изъ нижняго отдѣленія въ среднее отдѣленіе.

²⁾ Т. е. изъ средняго отдѣленія въ высшее отдѣленіе.

бую инструкцію, которую утвердилъ господинъ генералъ-губернаторъ. Эта инструкція напечатана и въ Туземной газетѣ, въ № 15. Несмотря на это приходитъ одинъ бойкій и грамотный сартъ и спрашиваетъ: „правду ли на базарѣ говорятъ, что въ новой инструкціи запрещено мулламъ учиться въ мадрасѣ болѣе семи лѣтъ?“. Я сказалъ: „вы сами газету читали?“. Онъ отвѣчалъ „нѣтъ“. Я далъ ему газету, и онъ прочиталъ самъ, что муллы въ мадрасахъ могутъ учиться семь лѣтъ въ каждомъ отдѣленіи—въ низшемъ, среднемъ и высшемъ, а всего въ мадрасѣ могутъ учиться двадцать одинъ годъ. Сартъ успокоился и сказалъ: „а мнѣ говорили, что теперь въ мадрасѣ нельзя учиться болѣе семи лѣтъ, и я опечалился было“... Другіе говорили, что теперь мутавалліямъ жить плохо стало, потому что ихъ подчинили старшимъ мударрисамъ. А я сказалъ, что это нѣверно, потому что теперь за порядки въ мадрасѣ и за успѣхи муллы будетъ отвѣчать старшій мударрисъ, а онъ будетъ заставлятъ мутаваллія хорошенько исполнять свои обязанности.

Имѣя свободное время, я нашелъ возможнымъ напечатать для туземцевъ, читающихъ Туземную газету, что въ инструкціи старшимъ мударрисамъ ничего вреднаго для религіи и науки нѣтъ, а напротивъ все сдѣлано для пользы учащихся. Поэтому мы туземцы должны благодарить русское правительство за улучшенія и за приведеніе въ порядокъ нашихъ училищъ. Вѣдь какіе безпорядки были въ нашихъ мадрасахъ до изданія инструкціи старшимъ мударрисамъ!

Въ первой статьѣ этой инструкціи мы читаемъ: „Мадраса, въ которомъ состоитъ нѣсколько мударрисовъ, находится въ завѣдываніи старшаго изъ нихъ“. Развѣ это плохо, когда въ мадрасѣ будетъ глава, который за порядкомъ будетъ смотрѣть? Проще въ мадрасѣ былъ такъ называемый старшій мударрисъ, но онъ только назывался такъ, а не былъ отвѣтственнымъ человѣкомъ за свою мадрасу; теперь старшій мударрисъ будетъ отвѣчать за безпорядки, если они произойдутъ въ школѣ.

Въ статьѣ третьей читаемъ: „Младшіе мударрисы, мутавалліи и муллы обязаны исполнять всѣ законныя требованія старшаго мударриса“, т. е. младшіе мударрисы, мутавалліи и муллы должны будутъ слушаться старшаго мударриса, когда онъ будетъ требовать, чтобы каждый дѣлалъ свое дѣло, и будетъ жаловаться инспектору, если они не будутъ слушаться старшаго мударриса.

Въ статьѣ четвертой читаемъ: „Старшій мударрисъ обязанъ исполнять всѣ законныя требованія инспектора и другихъ началь-

отвующихъ лицъ“, т. е. отъ старшаго мударриса инспекторъ будетъ требовать, чтобы онъ лучше старался исполнять правила инструкціи. Въ статьѣ пятой читаемъ: „О всякаго рода происшествіяхъ въ мадрасѣ старшій мударрисъ обязанъ немедленно доносить инспектору“. Прежде часто случалось, что въ мадрасѣ происходили различные безпорядки и ссоры между муллами, мутавалліями и мударрисами изъ-за разнаго рода приношеній, доходовъ съ вакуфовъ и проч. Иногда старшій мударрисъ обижалъ младшихъ, или же младшіе не слушались старшихъ, потому что обязанности каждаго мударриса не были строго опредѣлены; или же ученые муллы послѣ продолжительнаго бездѣйствія устраивали по вечерамъ у себя въ кельяхъ (худжра) поочередно *базмэ*, т. е. пляску бачи подъ музыку (дударъ, ситаръ, тамбуръ, гиджакъ и проч.) и послѣ наслажденія зрѣніемъ танца мальчика-бачи (бачи выбирались изъ красивыхъ учениковъ), начинался иногда настоящій развратъ, но подходящій къ званію муллы; иногда слѣдствіемъ такого времяпровожденія бывали случаи скоропостижной смерти несчастныхъ мальчиковъ... Такіе случаи предусматриваетъ 6-я статья инструкціи.

Въ 6-й статьѣ инструкціи сказано, что въ случаѣ скоропостижной смерти кого-либо изъ лицъ проживающихъ въ мадрасѣ, пожара и другихъ тому подобныхъ несчастій, старшій мударрисъ обязанъ доносить о случившемся, кромѣ инспектора, еще и уѣздному начальнику или участковому приставу. Смыслъ этой статьи каждому понятенъ. Теперь старшіе мударрисы будутъ смотрѣть за порядкомъ въ мадрасѣ и будутъ устранять ссоры и несогласія между учащимися.

Въ 7-й статьѣ сказано, что въ началѣ декабря каждаго года старшій мударрисъ обязанъ представить инспектору именной списокъ мударрисовъ, мутавалліевъ и муллъ, въ какомъ разрядѣ кто изъ муллъ находится и сколько лѣтъ состоитъ въ этомъ разрядѣ. До настоящаго времени рѣдко кому изъ начальствующихъ лицъ было извѣстно число обучающихся муллъ, способности ихъ къ наукамъ и поведеніе ихъ въ мадрасѣ, а въ числѣ муллъ встрѣчались такіе, которые не только ничему не учились, а только приходили въ мадрасу ночевать и позабыли читать и писать, но все-таки, наравнѣ съ достойными муллами, получали долю различныхъ доходовъ съ вакуфовъ мадрасы. Теперь, когда старшій мударрисъ будетъ представлять именной списокъ муллъ, мутавалліевъ и мударрисовъ, инспекторъ можетъ удалять изъ мадрасы людей неспособныхъ, или же замѣченныхъ въ чемъ-нибудь предосудительномъ.

По 8-й ст. старшему мударрису предоставляется право требовать от мутаваллія свѣдѣнія о вакуфныхъ имуществахъ своего мадраса и о количествѣ доходовъ, поступающихъ съ этихъ имуществъ. Польза 8-й статьи такъ очевидна, что писать о ней кажется совершенно излишнимъ.

Ст. 9-я. Въ началѣ февраля каждаго года старшій мударрисъ доноситъ инспектору о количествѣ полученнаго въ истекшемъ году дохода съ вакуфныхъ имуществъ и о томъ, какая часть этого дохода поступила въ раздѣлъ между мударрисами, мутавалліями, муллами и другими лицами мадрасы, а также и о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ количествѣ вакуфныхъ имуществъ. Старшій мударрисъ будетъ требовать свѣдѣнія отъ мутаваллія и въ то же время имѣеть надъ собой начальника въ лицѣ инспектора и доносить ему о количествѣ доходовъ съ разнаго рода вакуфныхъ и другихъ имуществъ, принадлежащихъ мадрасѣ, а также о раздѣлѣ доходовъ между мударрисами, мутавалліями и муллами. Теперь мутавалліи будутъ осматривать и правильно расходовать вакуфныя деньги, и муллы будутъ получать слѣдующую имъ часть доходовъ. Такимъ образомъ, всѣ будутъ довольны и должны молиться за здравіе и благополучіе мѣстнаго начальства, давшего инструкцію.

По статьѣ 10-й, старшій мударрисъ долженъ наблюдать за опрятнымъ содержаніемъ мадрасы. Наши мадрасы, въ которыхъ живутъ сартскіе муллы, представляли собою рядъ грязныхъ, небѣленныхъ и неопратно содержимыхъ келеекъ, ходовъ и выходовъ, не провѣтриваемыхъ и не подметаемыхъ, съ паутиной или плесенью по стѣнамъ и потолкамъ. Отхожія мѣста роются глубоко, по десяти и по пятнадцать сажень, и эти ямы никогда не чистятся, хотя правила гигиены требуютъ, чтобы какъ можно чаще чистить отхожія мѣста, потому что зловоніе, выходя изъ ямъ, носится по воздуху и служитъ причиной заболѣваній не только живущихъ въ мадрасахъ, но и сосѣдей. Особенно это бываетъ опасно во время холеры. Читатели газеты должны помнить, что въ 1892 году, во время бывшей въ Туркестанскомъ краѣ холеры, въ мусульманскихъ городахъ народъ умиралъ тысячами, а въ русскихъ частяхъ при этихъ же городахъ умирало въ десять, въ двадцать разъ меньше. Несмотря на это, сарты до сихъ поръ не могутъ понять пользы чистаго и опрятнаго содержанія, какъ себя, такъ и своихъ жилищъ; мулламъ же, какъ людямъ ученымъ, прежде всѣхъ другихъ необходимо сознавать и другимъ внушать пользу чистоты.

Въ статьѣ 11-й сказано, чтобы мутавалліи своевременно производили необходимый ремонтъ въ зданіяхъ мадрасы. И это очень хорошее правило. Построенныя на пожертвованія бековъ и хановъ, нѣкоторыя мадраса отъ времени и отъ недосмотра разрушаются. Въ Кокандѣ какія большія и красивыя зданія мадрасы, но и эти погнулись и растрескались. Хотя и прежде лежало на обязанности мутавалліи завѣдываніе ремонтъ вышеупомянутыхъ мадраса, но мутавалліи рѣдко обращали на это вниманіе; если же и случалось, что мутаваллій исправлялъ какое-нибудь вакуфное помѣщеніе, напримѣръ караванъ-сарай или лавку, то никто не зналъ, сколько стоитъ этотъ ремонтъ, добросовѣстно ли онъ былъ исполненъ и т. д. Теперь же старшій мударрисъ будетъ требовать, чтобы мутаваллій исправлялъ попортившіяся постройки, и отчетъ о томъ, сколько употреблено на ремонтъ, мутаваллій долженъ будетъ представить старшему мударрису.

Въ статьѣ 12-й говорится именно, что старшему мударрису предоставляется право требовать отъ мутавалліи отчетъ въ расходахъ, производимыхъ имъ на ремонтъ, какъ зданія самага мадраса, такъ равно и разнаго рода вакуфныхъ зданій, каковы: караванъ-сарай, лавки, бани и т. п., для представленія этихъ свѣдѣній инспектору.

Статья 13-я требуетъ наблюденія старшаго мударриса за младшими мударрисами, чтобы они добросовѣстно исполняли возложенныя на нихъ обязанности преподавателей.

Прежде у насъ весьма часто замѣчалось нерадѣніе мударрисовъ относительно преподаванія въ мадрасѣ, что и побудило наше теперешнее русское начальство требовать отъ старшаго мударриса наблюденія за младшими преподавателями, чтобы время у учащихся не проходило въ бесполезномъ ожиданіи на урокъ мударрисовъ и чтобы мударрисы исполняли свои обязанности добросовѣстно.

Статья 14-я. Въ случаяхъ возникновенія какихъ-либо недоразумѣній между младшими мударрисами, мутавалліями и муллами, старшій мударрисъ принимаетъ мѣры къ прекращенію этихъ недоразумѣній путемъ примиренія. Если же его старанія не увѣнчаются успѣхомъ, то онъ доноситъ о томъ инспектору, прося его указаній.

Очевидно, что отъ этого правила никому вреда нѣтъ и не должно быть; напротивъ, правило это очень полезно для школъ нашихъ.

Статья 15-я. Въ случаѣ невозможности для старшаго мударриса

въ учебное время года исполнять возложенныя на него служебныя обязанности, по болѣзни или по другимъ причинамъ, онъ немедленно доносить о томъ инспектору.

Изъ вышеизложенныхъ статей инструкціи видно, что старшій мударрисъ долженъ, насколько возможно, неотлучно находиться при мадрасѣ; если же онъ захвораетъ, или ему понадобится куда-нибудь отлучиться изъ города, то онъ доносить объ этомъ инспектору, а инспекторъ назначаетъ на это время исправляющаго должность старшаго мударриса, потому что не можетъ же мадраса оставаться безъ отвѣтственного лица на произволъ обитающихъ въ ней муллъ. Начальники въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ обыкновенно живутъ при школахъ.

Статья 16-я. Старшій мударрисъ завѣдываетъ принятіемъ въ мадрасу вновь поступающихъ муллъ, принимая таковыхъ въ возрастѣ не старше 30 лѣтъ, при чемъ освѣдомляется о личности поступающихъ и о мѣстѣ ихъ постоянного жительства. А прежде въ мадрасы принимались муллы безъ разбора; никто не освѣдомлялся, откуда они пришли и кто они. Достаточно было мутаваллію зачислить кого-нибудь въ мадрасу, какъ вновь пришедшій ученикъ получалъ келью, если были свободныя, или же его помѣщали съ бѣгъ-нибудъ изъ муллъ въ общую келью. При такомъ порядкѣ могли оказаться въ числѣ муллъ мадрасы и бѣглые солдаты изъ татаръ, или же различные бродяги и преступники, а такія лица ни въ какомъ случаѣ въ мадрасахъ терпимы быть не могутъ. Въ мадрасы принимались также старцы, отъ ученія которыхъ нельзя ожидать пользы. Поэтому-то установленъ возрастъ для принятія муллъ въ мадрасу, именно не свыше 30 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ какой будетъ ученикъ, если ему будетъ 40 и 50 лѣтъ? Это всѣмъ очевидно.

Статья 17-я. Старшій мударрисъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы муллы аккуратно посѣщали уроки преподавателей и воли себя благоприлично. Это очень хорошее правило. Безъ этого правила много муллы только почевать приходили въ мадрасу, а уроками не занимались. Теперь этого не будетъ. Также требуется, чтобы муллы не позволяли себѣ дурныхъ поступковъ. Дурные поступки и простымъ извошникамъ и поденщикамъ непозволительны, а тѣмъ болѣе мулламъ, которые должны служить примѣромъ для неучоныхъ мусульманъ.

Статья 18-я. Старшій мударрисъ наблюдаетъ, чтобы въ каждомъ разрядѣ ученикъ оставался не болѣе 7 лѣтъ. Это для того, чтобы

мадрасы не служили притономъ лѣнтяевъ, готовыхъ всю свою жизнь прожить въ мадрасѣ. Въ мадрасѣ даютъ мullaмъ пить и ѣсть, а успѣховъ не спрашиваютъ; оттого среди мусульманъ теперь и нѣтъ ученыхъ. Если же мulla будутъ старательно учиться, то и 7 лѣтъ въ каждомъ разрядѣ, а всего 21 годъ, вполне достаточно для изученія мусульманскихъ наукъ.

Статья 19-я. Старшій мударрисъ представляетъ инспектору для исключенія изъ мадрасы тѣхъ мulla, которые въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ (или болѣе того) не являются въ мадрасу, или хотя и проживаютъ тамъ, но не являются на уроки своего мударриса. Бывало прежде, что базарные торговцы носили названіе мulla и занимали келью въ мадрасѣ, а между тѣмъ уроковъ мударриса не посѣщали, а только приходили ночевать въ свою келью и получали долю съ доходовъ мадрасы. И вотъ, для устраненія такого зла, старшему мударрису предоставлено право выключать изъ мадрасы тѣхъ мulla, которые въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ не являются на уроки мударриса.

Статья 20-я. Старшій мударрисъ наблюдаетъ за правильностью раздѣла вакуфныхъ доходовъ между младшими мударрисами, мullaми и другими лицами своей мадрасы.

Прежде некому было смотрѣть за правильностью раздѣла доходовъ мадрасы между мullaми, мутаваллями и мударрисами; теперь же, когда старшій мударрисъ будетъ наблюдать и представлять отчетъ о дѣлѣжѣ доходовъ, то неправильныхъ выдачъ быть не можетъ. И за это мulla должны быть благодарны русскому начальству.

Статья 21-я. Старшій мударрисъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы стипендіи выдавались тѣмъ только мullaмъ, которые дѣйствительно обучаются у мударрисовъ своей мадрасы, потому что прежде бывало часто, что мulla жилъ въ одной мадрасѣ, а учиться ходилъ въ другую мадрасу. Отъ этого въ ученіѣ не было порядка и успѣховъ у мulla не было.

Въ 22-й статьѣ говорится, что старшій мударрисъ вмѣстѣ съ другими мударрисами своей мадрасы, въ концѣ каждаго учебнаго года, производитъ испытанія мullaмъ, подлежащимъ переводу изъ разряда низшаго въ средній разрядъ и изъ средняго разряда въ разрядъ высшій.

Отсюда видно, что старшій мударрисъ переводитъ мulla по достоинству изъ одного разряда въ другой, чтобы они успѣшно продолжали свое образованіе, если прошли предыдущій курсъ хорошо. Прежде въ нашихъ мадрасахъ испытанія мullaмъ не производились, и мulla

переходили въ каждый разрядъ безъ испытанія. Отъ этого муллы старое забывали, а новому мало научались.

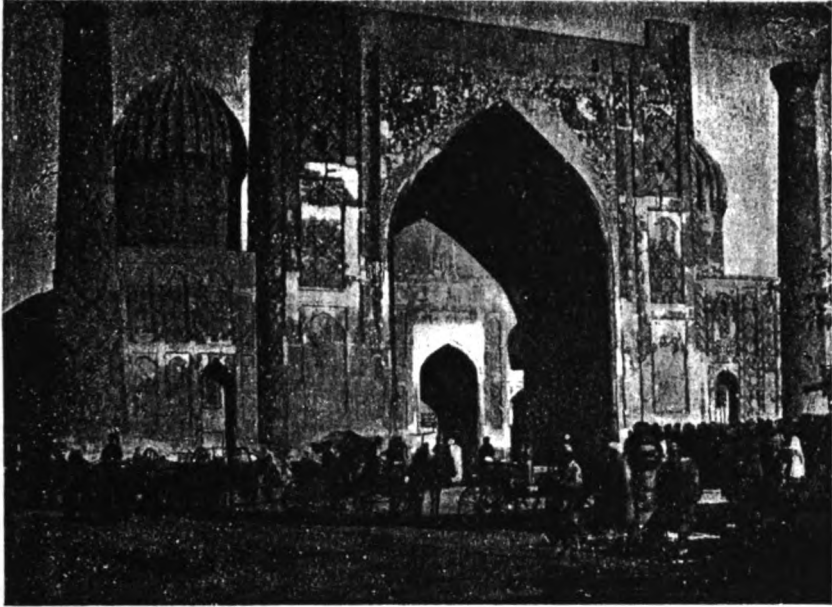
Вышеизложенныя обязанности, вмѣняемыя старшему мударрису, должны быть исполняемы въ точности, безъ всякихъ уклоненій, потому что въ статьѣ 24-й сказано, что „мударрисы, виновныя въ неисполненіи обязанностей, указанныхъ въ настоящей «Инструкціи», подвергаются выговорамъ инспектора и что послѣ трехъ выговоровъ старшій мударрисъ устраняется отъ должности“.

Въ инструкціи это выражено такъ: „мударрисы, получившіе отъ инспектора три выговора, подлежатъ установленнымъ порядкомъ отчисленію отъ занимаемыхъ ими должностей“.

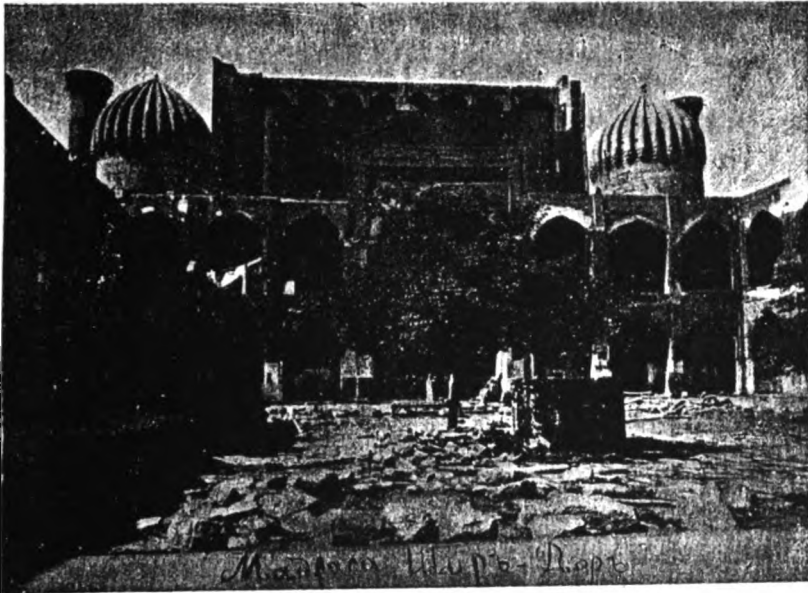
Такимъ образомъ, всѣ статьи напечатанной инструкціи направлены къ пользѣ учебнаго дѣла въ нашихъ мадрасахъ и къ выгодамъ самихъ преподавателей и учащихся. Поэтому мы удивляемся, что нѣкоторымъ мударрисамъ и мулламъ напечатанныя въ газетѣ наши слова не понравились и что они намѣревались даже жаловаться на насъ... Это показываетъ, что среди нашихъ мударрисовъ и муллъ есть люди, не хорошо понимающіе матеріальное положеніе нашихъ школъ и учебное дѣло въ этихъ школахъ. Вся инструкція имѣетъ въ виду только пользу учащихся и учащихся, и мы, когда писали по поводу этой инструкціи, также желали добра мударрисамъ и мулламъ, а посредствомъ ихъ и народу. Другой цѣли у насъ не было¹⁾.

Авторомъ приведенныхъ поясненій былъ младшій сынъ послѣдняго кокандскаго (ферганскаго) хана Худояра, Ибнъ-Яминъ-Бекъ, переселившійся, по завоеваніи русскими войсками Ферганы, въ Ташкентъ и находившійся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ редакторомъ Туркестанской туземной газеты, авторомъ печатаемой статьи о мадрасахъ. Изъ поясненій Ибнъ-Яминъ-Бека видно, какъ отнеслись представители мусульманской школы въ Туркестанскомъ краѣ къ инструкціи, данной русскимъ начальствомъ края въ руководство при завѣдываніи высшими туземными школами. Ниже приводятся факты, показывающіе, что и послѣ инструкціи въ мадрасахъ продолжались беспорядки и кляузы. Какъ ни малочисленны эти факты, но и по нимъ можно судить, что въ туркестанскихъ мадрасахъ дѣло не обстоитъ благополучно, и что для упорядоченія его необходимъ надзоръ за ними со стороны русскихъ властей (инспекторовъ), которыя должны быть серьезно подготовлены къ этому дѣлу.

¹⁾ Напечатано въ Туркест. тузем. газетѣ за 1894 годъ въ №№ 19, 28, 29 и 30.

Мадраса Ширъ-Доръ. Фасадъ.

Мадраса Ширъ-Доръ. Дворъ.

Нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о неупорядоченности внутренней жизни въ мадрасахъ Туркестанскаго края.

1. Имамъ¹⁾ одной мадрасы²⁾ по являлся въ мочеть для совершенія установленныхъ молитвъ (намазъ), такъ какъ постоянно по своимъ личнымъ дѣламъ бывалъ въ отлучкѣ, и потому намазы совершали за него другія лица. Кромѣ этого, названный имамъ былъ малоученъ и никого не слушался. Вслѣдствіе этого муллы (учащіеся) просили разрѣшенія учебнаго начальства избрать на должность имама другое лицо.

2. Старшій учитель (мударрисъ) мадрасы въ селеніи Бурмишъ (Маргеланскаго уѣзда, Ферганской области) доносилъ учебному начальству, что экономъ (мутаваллій) этой мадрасы получилъ за 22 лавки и сарай 565 рублей арендной платы и 250 рублей изъ нихъ израсходовалъ на ремонтъ тѣхъ же лавокъ и сарая, а остальные 315 руб. истратилъ на свои личные нужды и не возвратилъ ихъ. При этомъ мударрисъ объяснилъ, что 250 рублей не могли быть израсходованы на ремонтъ и что вообще съ ноября 1897 года означенный мутаваллій не даетъ мударрису отчета въ деньгахъ, получаемыхъ имъ съ вакуфнаго имущества. Вслѣдствіе предъявленныхъ къ мутаваллію требованій, онъ отказался отъ должности эконома и на его мѣсто муллы (учащіеся) выбрали другое лицо.

3. Мударрисъ другой мадрасы (Ферганской области) жаловался въ 1896 г. военному губернатору, что младшій братъ учредительницы вакуфа, послѣ смерти своей сестры, израсходовалъ изъ вакуфныхъ денегъ 600 рублей и удержалъ у себя весь арендный сборъ за вакуфныя земли. Кромѣ того, онъ удержалъ у себя всѣ долговыя обязательства, принадлежащія мадрасѣ, на сумму 100 тиллей (300—400 руб.), и сверхъ того стремится уволить эконома отъ должности, чтобы самому занять эту должность.

4. Въ томъ же году старшій мударрисъ одной мадрасы въ гор.

¹⁾ Такъ называется предстоитель на молитвѣ, руководящій молящимися. Во внутренней Россіи у татаръ такое лицо называется муллою, или указнымъ муллою. Собственное турецкое слово „мулла“ означаетъ грамотнаго, книжнаго человѣка; и въ Туркестанскомъ краѣ „муллами“ называются въ обыкновенномъ разговорѣ книжные люди и часто обучающіеся въ мадрасахъ, см. „шакирдъ“ и „тулаба“.

²⁾ Туркестанскіе туземцы произносятъ именно такъ, а не „медресе“, какъ обыкновенно печатаютъ въ русскихъ книгахъ.

Кокандъ доносилъ, что мутаваллій (экономъ) не желаетъ давать ему, мударрису, отчета въ вакуфныхъ дѣлахъ и тѣмъ ставить мударрису въ совершенную неизвѣстность относительно доходовъ и расходовъ по вакуфному имуществу, принадлежащему названной мадрасѣ.

5. Въ томъ же году старшій мударрисъ мадрасы Худайяръ-Хана просилъ о возвратѣ мутавалліемъ 370 рублей вакуфныхъ денегъ, истраченныхъ послѣднимъ на свои надобности.

6. Въ томъ же году довѣренные жителей одного селенія Кокандскаго уѣзда жаловались на неправильныя дѣйствія мутаваллія мадрасы своего селенія.

7. Въ томъ же году старшій мударрисъ кокандской мадрасы жаловался на неправильныя дѣйствія мутаваллія той же мадрасы по расходованію вакуфныхъ денегъ.

8. Изъ прошенія мутаваллія при ходжентской мадрасѣ видно, что послѣ смерти мударриса названной мадрасы, ходжентскій сартъ Мулла Любъ-Ходжа Мухаммедовъ заявилъ о томъ, что ему казіемъ ¹⁾ разрѣшено занять должность мударриса; но съ учениками мадрасы онъ никогда не занимался и въ мадрасѣ не жилъ, вслѣдствіе чего и было заявлено о необходимости избрать новаго мударриса.

9. Муллы кокандской мадрасы, въ числѣ 24 человекъ, въ прошеніи отъ 11-го марта 1897 года обращались къ главному инспектору училищъ съ жалобой на старшаго мударриса и мутаваллія той же мадрасы по поводу того, что эти послѣдніе не выдаютъ имъ вакуфныхъ денегъ и притѣсняють ихъ.

Запрошенный по этому дѣлу кокандскій уѣздный начальникъ сообщилъ инспектору 2-го района, что подавшіе прошеніе муллы окончили курсъ въ мадрасѣ отъ 3 до 15 лѣтъ тому назадъ и состоятъ имамами и мутавалліями въ разныхъ мѣстахъ уѣзда. До конца 1894 г., по установившемуся обычаю, эти муллы возвращались въ упомянутую мадрасу на 1 мѣсяцъ, какъ бы для продолженія образованія, но, получивъ изъ доходовъ вакуфа свою стипендію, опять возвращались въ мѣста своего жительства, оставляя за собой или уступая за извѣстное вознагражденіе свои помѣщенія (худжры) дѣйствительно учащимся мулламъ. Порядокъ этотъ былъ прекращенъ изданною для

¹⁾ Казіемъ (на Кавказѣ и на Востокѣ—кади) называется духовный судья, вѣдающій и разбирающій всѣ религіозныя, семейныя и имущественныя дѣла мусульманъ по шаріату. Уголовныя преступленія мусульманъ подлежатъ русскому суду на общемъ основаніи, а равно и гражданскіе искъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ народностямъ (напримѣръ, сартъ и киргизъ).

старшихъ мударрисовъ инструкцію, а муллы, не живущіе постоянно въ мадрасахъ, уволены распоряженіемъ 3-го инспектора народныхъ училищъ. Впослѣдствіи была воспрещена и перепродажа помѣщеній въ мадрасахъ.

10. Мударрисы, мутавалліи и муллы ташкентской мадрасы „Ишанъ-Кули-Датха“ просили 18-го декабря 1897 г. главнаго инспектора училищъ сдѣлать распоряженіе о принятіи въ эту мадрасу бывшаго муллу Убайдуллу-Магзума. Изъ объясненія старшаго мударриса той же мадрасы выяснилось, что означенное прошеніе подано безъ его, мударриса, согласія и что Убайдулла-Магзумъ былъ удаленъ изъ мадрасы въ числѣ лицъ, бесполезно проживающихъ въ мадрасѣ, согласно распоряженія бывшаго 3-го инспектора народныхъ училищъ. Просьба лицъ, подписавшихся въ прошеніи, не была удовлетворена, о чемъ было сообщено старшему мударрису и вмѣстѣ съ тѣмъ предписано ему объявить просителямъ, что они не должны вступать въ переписку по дѣламъ, касающимся мадрасы, потому что таковая переписка лежитъ, согласно инструкціи, на обязанности старшаго мударриса, къ которому они должны обращаться съ своими просьбами. (Принятіемъ въ мадрасу вновь поступающихъ муллъ, согласно § 16 той же инструкціи старшимъ мударрисамъ, завѣдываютъ эти послѣдніе).

11. Мутавалліи одной мадрасы жаловался на мударриса той же мадрасы, который будто бы самовольно отдастъ въ аренду вакуфное имущество и пользуется имъ, тогда какъ этимъ имуществомъ долженъ вѣдать онъ, мутавалліи; кромѣ того мутавалліи доносилъ, что тотъ же мударрисъ занятъ своими личными дѣлами, посторонними для учебнаго дѣла, и не является въ мадрасу, вслѣдствіе чего мутавалліи просить удалить мударриса отъ должности за „самоуправство“.

По разслѣдованіи этого дѣла оказалось, что избранный, но еще неутвержденный въ должности мутаваллія Мирза-Касымовъ имѣетъ коранъ, который, по завѣщанію, долженъ читаться только тѣми лицами, которыя проживаютъ въ мадрасахъ. Но въ 1898 году Касымовъ далъ обѣщаніе жить въ мадрасѣ (ради полученія $\frac{1}{4}$ дохода) и, не выполнивъ этого обѣщанія, уѣхалъ къ народному судѣ съ цѣлію поступить къ нему муфтіемъ¹⁾; вмѣсто него былъ допущенъ другой казіи, которому жалованье также не выдано. Касымовъ никому не передалъ Корана и худжру свою (келью) заперъ на замокъ самовольно. Мадрасу онъ не посѣщаетъ.

¹⁾ Юриконсулътъ при казіи.

Въ виду усмотрѣнныхъ неправильныхъ дѣйствій Касимова было возбуждено ходатайство объ избраніи на его мѣсто болѣе достойнаго мутаваллія.

12. Старшій мударрисъ кокандской мадрасы „Чальпажъ“ 13-го апрѣля жаловался на невыдачу мутавалліемъ означенной мадрасы мулламъ 40 р. 60 к. вакуфнаго содержанія за 1897 годъ.

13. Старшій мударрисъ кокандской мадрасы „Тункатаръ“ 26-го марта жаловался на неправильныя дѣйствія мутаваллія этой мадрасы по отношенію къ вакуфнымъ интересамъ мадрасы.

14. Старшій мударрисъ кокандской мадрасы „Чальпакъ“ 13-го апрѣля жаловался на самовольную выдачу мутавалліемъ той же мадрасы вакуфнаго содержанія имаму Насретдину-Махсуму-Ахуну, который три года тому назадъ перешелъ на такую же должность въ мадрасу „Рустая“, въ Наманганскомъ уѣздѣ, откуда пріѣзжаетъ, по заявленію самого мутаваллія, каждый разъ во время раздѣла доходовъ въ мадрасу „Чальпажъ“ и получаетъ причитающееся имаму, по этой должности, вознагражденіе.

15. Старшій мударрисъ старо-маргеланской мадрасы доносилъ, что зданіе этой мадрасы требуетъ неотложнаго ремонта, но мутавалліи не исполняютъ сдѣланныхъ по этому поводу старшимъ мударрисомъ распоряженій и не производятъ ремонта.

16. Мутавалліи старо-маргеланской мадрасы, будучи сыномъ мударриса той же мадрасы, крайне безцеремонно относился къ интересамъ вакуфа и не пользовался уваженіемъ своихъ прихожанъ.

Изъ поступавшихъ въ послѣдніе годы къ инспекторамъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края изъ мусульманскихъ школъ жалобъ обнаруживается, что нѣкоторые мутавалліи (экономы) и преподаватели неисправно исполняютъ свои обязанности, а заботятся только о своихъ выгодахъ. Такъ напримѣръ:

17. Въ 1897 году мутавалліи одной мадрасы жаловался, что преподаватель этой мадрасы самовольно отдалъ вакуфъ въ аренду и плату арендную бралъ себѣ. Кромѣ того, занимаясь другими дѣлами, онъ не являлся въ мадрасу на уроки. Поэтому мутавалліи просилъ объ устраненіи отъ преподавательской должности означеннаго преподавателя.

По разслѣдованіи этой жалобы, оказалось, однако, что этотъ мутавалліи, будучи чтоцомъ корана (карий), обѣщанъ жить въ мадрасѣ, но обѣщанія своего не исполнилъ и, ухавъ къ нѣкому казію на должность секретаря (муфтій), келью свою заперъ. Поэтому когда

явился въ мадрасу другой чтець корана, то не нашелъ мѣста въ мадрасѣ. Въ виду этого, инспекторъ сдѣлалъ представленіе о выборѣ другого мутаваллія къ означенной мадрасѣ.

18. Мутаваллій одной мадрасы не выдалъ за 1897 годъ учащимся въ этой мадрасѣ мулламъ 40 руб. 60 коп. вакуфныхъ денегъ. Объ этомъ подалъ жалобу старшій мударрисъ, а главный инспекторъ направилъ жалобу въ областное правленіе.

19. Старшій мударрисъ одной мадрасы подалъ жалобу о томъ, что мутаваллій этой мадрасы произвольно расходуетъ вакуфныя деньги. Главный инспекторъ отослалъ это прошеніе въ областное правленіе.

20. Старшій мударрисъ одной мадрасы жаловался, что мутаваллій этой мадрасы произвольно выдаетъ содержаніе имаму этой мадрасы изъ вакуфныхъ денегъ, между тѣмъ онъ уже 3 года перешелъ на должность имама въ мадрасу другого города и тамъ отправляетъ свои обязанности, а въ прежнюю мадрасу прѣзжаетъ во время раздѣла вакуфныхъ денегъ, получаетъ ихъ и снова уѣзжаетъ. Поэтому старшій учитель просилъ о назначеніи на должность имама другого лица. Главный инспекторъ отправилъ это прошеніе въ областное правленіе.

21. Одинъ старшій мударрисъ рапортомъ донесъ инспектору народныхъ училищъ, что необходимо безотлагательно произвести ремонтъ зданія мадрасы, но мутаваллій этой мадрасы не обращаетъ вниманія на просьбу его, старшаго учителя, и ремонта не производитъ. Это заявленіе направлено въ областное правленіе.

22. Мутаваллій одной мадрасы, по враждѣ къ старшему учителю, отстранилъ послѣдняго отъ должности чтеца корана и не выдаетъ ему содержанія изъ вакуфа. Между тѣмъ этотъ учитель уже 8 лѣтъ исполнялъ обязанности чтеца корана.

По этой жалобѣ написано въ областное правленіе о возстановленіи старшаго учителя въ его правахъ на чтеніе корана и о внушеніи мутаваллію, что онъ обязанъ, согласно § 3 инструкціи, выполнять требованія старшаго учителя.

23. Инспекторъ народныхъ училищъ сообщалъ, что мутаваллій одной мадрасы, сынъ старшаго учителя, произвольно расходуетъ вакуфныя деньги и что муллы мадрасы, будучи недовольны этимъ мутавалліемъ, просятъ инспектора устранить отъ должности этого мутаваллія, а на его мѣсто выбрать другого.—Эта просьба не сопровождается на усмотрѣніе областного правленія.

24. Одинъ мусульманинъ взялъ въ долгъ у мутаваллія часть ва-

буфныхъ денегъ и, пользуясь ими въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не возвратилъ этихъ денегъ. Жалоба объ этомъ направлена къ военному губернатору области.

25. Инспекторъ народныхъ училищъ сообщилъ, что въ одной мадрасѣ были произведены неправильно выборы второго учителя, о чемъ ему заявили муллы этой мадрасы. Мулламъ инспекторъ отвѣтилъ, что по всѣмъ дѣламъ, касающимся мадрасы, не муллы должны писать жалобы, а старшій учитель и что по изложенному вопросу муллы должны подать заявленіе старшему учителю.

Изъ этихъ фактовъ очевидно, что нѣкоторые мутавалліи, имамы и муллы не исполняютъ въ точности указаній „Инструкціи“, и потому въ этихъ мадрасахъ нѣтъ должнаго порядка въ дѣлахъ и должнаго успѣха въ наукахъ не можетъ быть.

26. Учитель одной мадрасы жаловался, что владѣлецъ вакуфа завѣщатель все свое имѣніе въ пользу мадрасы, но послѣ смерти завѣщателя младшій его братъ издержалъ изъ вакуфныхъ денегъ 600 р. и арендные деньги за земли держалъ въ своихъ рукахъ. Кромѣ того, на имя этой мадрасы было написано долговыхъ расписокъ на сумму до 300 руб., а означенный родственникъ завѣщателя, желая быть мутавалліемъ этой мадрасы, устранилъ отъ должности прежняго мутаваллія.

Объ этомъ дѣлѣ было сообщено военному губернатору.

27. Старшій учитель одной мадрасы жаловался на то, что мутавалліи этой мадрасы держать всѣ вакуфы въ своихъ рукахъ и о расходахъ не даютъ свѣдѣній этому учителю, такъ что онъ (старшій учитель) ничего не знаетъ ни о количествѣ доходовъ, ни о количествѣ расходовъ по вакуфамъ.

Объ этомъ дѣлѣ также сообщено военному губернатору.

28. Старшій учитель одной мадрасы и муллы подали жалобу о томъ, что мутавалліи этой мадрасы израсходовалъ на свои нужды 370 руб. и не выдаетъ мударрису и мулламъ причитающихся денегъ.

29. О неправильныхъ дѣйствіяхъ мутаваллія одной мадрасы жаловались уполномоченные жители этой мѣстности, а также старшій учитель другой мадрасы подавалъ три жалобы на мутаваллія по поводу расходовъ его (изъ вакуфныхъ суммъ), не согласованныхъ съ вакуфной грамотой.

Объ этомъ сообщено военному губернатору.

30. Живущіе въ одной мадрасѣ 24 муллы жаловались главному инспектору на то, что мутавалліи этой мадрасы и старшій учитель не

выдаютъ имъ вакуфныхъ денегъ и дѣлаютъ имъ разные притѣсенія. Но уѣздный начальникъ объяснилъ, что нѣкоторые муллы этой мадрасы уже около 3-хъ, а нѣкоторые 15 лѣтъ не живутъ въ мадрасѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ занимаютъ должности имамовъ и мутаваллиевъ, а по временамъ возвращаются въ прежнюю мадрасу, занимаются тамъ ученіемъ въ теченіе мѣсяца, получаютъ вакуфныя деньги и снова удаляются въ другія мѣста, гдѣ исправляютъ обязанности имамовъ и мутаваллиевъ, а свои кельи въ мадрасѣ отдаютъ въ наймы другимъ мулламъ. Такъ какъ подобныя поступки противорѣчатъ инструкціи, то означенная жалоба муллъ оставлена безъ послѣдствій.

31. Учителя, мутаваллиі и муллы одной мадрасы подавали главному инспектору училищъ просьбу о назначеніи на должность учителя одного бывшаго учителя, но старшій учитель этой мадрасы заявилъ, что эта просьба была подана безъ его вѣдома и согласія. Поэтому подавшимъ прошеніе было разъяснено, что о всѣхъ дѣлахъ, касающихся мадрасы, долженъ писать старшій учитель.

32. Мутаваллиі одной мадрасы жаловался, что, по смерти одного мударриса въ этой мадрасѣ, одинъ сартъ, на основаніи рѣшенія казія, вступилъ въ должность учителя, но въ мадрасѣ не живетъ и уроковъ мулламъ не даетъ.

По этому поводу сообщено военному губернатору о необходимости избрать другого мударриса.

33. Старшій учитель одной мадрасы подалъ жалобу о томъ, что имамъ мадрасы не исполняетъ своихъ обязанностей, а занимается личными дѣлами, уходитъ изъ мадрасы, никого не слушается, въ мечети во время богослуженія не бываетъ, а вмѣсто него другой исполняетъ обязанности имама. Поэтому старшій учитель просилъ о выборѣ другого имама.

34. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1898 года отъ лица 8 муллъ ходжентской мадрасы на имя главнаго инспектора училищъ поступило прошеніе, въ которомъ они ходатайствовали объ утвержденіи въ должности мударриса жителя города Ходжента Дамуаллы Мирза-Шаяира Мирза-Насырова, вновь избраннаго на эту должность на мѣсто 88-лѣтняго мударриса названной мадрасы, лишеннаго обѣихъ ногъ и уже 16 лѣтъ не посѣщающаго мадрасы. Имя его Кары Иса-Мухаммедъ Надырмухаммедовъ.

Запрошенный по этому вопросу ходжентскій уѣздный начальникъ, уведомилъ главнаго инспектора училищъ, что мударрисъ этотъ дѣй-

ствительно старъ и болѣзненъ и что исполнять свои обязанности не можетъ. При этомъ были сообщены свѣдѣнія объ избранномъ на должность мударриса Мирзѣ-Шакирѣ Мирза-Насыровѣ, который главнымъ инспекторомъ училищъ и былъ утвержденъ въ этой должности.

Послѣ того отъ всѣхъ муллъ той же мадрасы поступило на имя главнаго инспектора училищъ прошеніе, въ которомъ заявлено, что просьбу объ утвержденіи Мирзы-Шакира въ должности мударриса возбудилъ отъ имени лицъ, не проживающихъ въ мадрасѣ, временно исполняющій должность мутавалліа Усманъ-Миръ-Рахматовъ, который, будто бы, ложно донесъ при этомъ, что мударрисомъ въ мадрасѣ состоитъ 88-лѣтній больной старикъ Кары-Иса-Мухаммедъ-Надыр-мухаммедовъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ уже 14 лѣтъ не служитъ въ мадрасѣ, а должность мударриса занимаетъ въ теченіе всего этого времени сынъ названнаго старика, — Кары-Мухаммедъ-Муса, и что запрошенный уѣзднымъ начальникомъ по этому вопросу исполняющій должность старшаго аксакала Зандбай Баба-баевъ, не убѣдившись на мѣстѣ, въ мадрасѣ, въ томъ, кто именно состоитъ тамъ мударрисомъ, сообщилъ невірныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ произошло, что Кары-Иса-Мухаммедъ-Надырмухаммедовъ, давно уже не занимающій должности мударриса, отчисленъ отъ этой должности, а сынъ его Муса-Мухаммедъ остался въ занимаемой имъ должности, и въ то же время распоряженіемъ главнаго инспектора назначенъ на эту же должность Мирза-Шакиръ Мирза-Насыровъ.

Главный инспекторъ училищъ просилъ ходжентскаго уѣзднаго начальника сдѣлать распоряженіе о разслѣдованіи этого дѣла на мѣстѣ, въ мадрасѣ, съ опросомъ всѣхъ муллъ и служащихъ лицъ, и о послѣдующемъ сообщить, дабы возможно было, въ случаѣ подтвержденія донесенія всѣхъ муллъ, уволить неправильно избраннаго мударриса и оставить прежняго, о чемъ просить и муллы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главный инспекторъ училищъ просилъ уѣзднаго начальника, въ случаѣ правдивости изложеннаго въ означенномъ прошеніи муллъ, принять мѣры къ тому, чтобы на будущее время со стороны лицъ, служащихъ въ мадрасѣ, не повторялись ложныя донесенія.

По произведенному разслѣдованію, правдивость донесенія всѣхъ муллъ мадрасы подтвердилась, т. е. что Зандбай Баба-баевъ доставилъ ложное свѣдѣніе уѣздному начальнику.

35. Мутавалліи старо-маргеланской мадрасы просилъ сдѣлать рас-

пораженіе о взысканіи съ жителя города Старога-Маргелана купца Гязъ-Ходжа-Ходжіева взятыхъ имъ 9 лѣтъ тому назадъ подъ проценты изъ мадрасы 50 тиллой вакуфныхъ денегъ (т. с. 150 — 200 руб.).

36. Инспектору народныхъ училищъ Ферганской области препровождено на зависящее распоряженіе полученное главнымъ инспекторомъ по почтѣ прощаніе муллъ и мутавалля кокандской мадрасы „Хакъ-Кулы“, отъ 29-го декабря 1897 года, по вопросу о неправильныхъ выборахъ второго мударриса въ названную мадрасу. По этому поводу предложено инспектору взыскать съ просителей 2-ю (дополнительную) марку въ 80 коп. для оплаты установленнымъ гербовымъ сборомъ ихъ прошенія, какъ носящаго частный характеръ, въ виду того, что сносятся съ учебнымъ начальствомъ по дѣламъ мадрасы, согласно инструкціи, предоставлено право только старшимъ мударрисамъ, къ которымъ и должны обращаться съ своими просьбами всѣ служащіе и обучающіеся въ мадрасахъ лица ¹⁾).

Въ этомъ же родѣ непорядки въ мадрасахъ продолжались и послѣ, почему чрезъ Туземную газету было объявлено учащимъ и учащимся въ мадрасахъ, что: 1) учащіеся (муллы) въ нѣкоторыхъ мадрасахъ нерѣдко входятъ съ ходатайствами о своихъ нуждахъ, касающихся преимущественно избранія и утвержденія мударрисовъ, къ учебному начальству, минуя своихъ мударрисовъ, и затѣмъ, не дожидаясь распоряженія по возбужденнымъ ими вопросамъ, подають просьбы о томъ же высшему учебному начальству, или даже одновременно въ нѣсколько учреждений.

Для упорядоченія дѣла разъяснено, что такой образъ дѣйствій муллъ признается неосновательнымъ и неумѣстнымъ и что съ просьбами о своихъ нуждахъ учащіеся въ мадрасахъ должны обращаться къ своимъ старшимъ мударрисамъ.

2) Въ избраніи мударрисовъ въ мадрасахъ иногда принимаютъ участіе казіи и, какъ лица, пользующіяся большею частью вліяніемъ среди туземнаго населенія, тѣмъ или инымъ путемъ оказываютъ давленіе на выборы. Отъ этого выборы не всегда бывають правильными и порождаютъ крайне нежелательныя жалобы и кляузы.

По поводу такого вмѣшательства казіи съ правомъ рѣшающаго голоса въ избраніе мударриса кокандской мадрасы „Бузурукъ-Ходжа“ главнымъ инспекторомъ училищъ было сдѣлано указаніе, что казіи

¹⁾ Туркестанская туземная газета за 1898 годъ.

никакого отношенія къ мадрасамъ не имѣютъ и не должны принимать никакого участія въ выборахъ должностныхъ лицъ въ мадрасахъ. Было также обращено вниманіе на то, что вліятельные туземцы, не имѣющіе отношенія къ мадрасамъ, принимаютъ иногда прямое или косвенное участіе въ выборахъ ради своихъ личныхъ интересовъ или интересовъ своихъ родственниковъ или друзей.

Въ газетѣ было разъяснено, что выборы должны быть свободны отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а тѣмъ болѣе отъ всякихъ домогательствъ и давленій со стороны. При такихъ условіяхъ должности мударрисовъ будутъ замѣщаться, по избранію, лицами достойными, пріобрѣтшими симпатію среди выборщиковъ своими нравственными качествами и ученостью.

Жалобамъ и кляузамъ при такихъ условіяхъ не будетъ мѣста¹⁾.

И. Остроумовъ.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ ВЪ ОКТЯБРЬСКОЙ КНИЖКѢ.

Стр. 115, 3-я строка сверху. Въмѣсто 60.000 читай 600.000.

Стр. 122, прим. 3. Очеркъ арабской литературы помѣщенъ также во „Всеобщей исторіи литературы“ В. О. Корша, вып. XIII (С.-Иб. 1882).

Стр. 134, прим. 2. Подъ „адабомъ“, какъ предметъ преподаванія, слѣдуетъ понимать не „хорошій тонъ“, а познанія, необходимыя для образованнаго, въ свѣтскомъ смыслѣ, человѣка, главнымъ образомъ знаніе арабской литературы. Ср. Мусульманская наука въ Меккѣ, перев. В. Бартольда, стр. 38.

¹⁾ Туркестанская туземная газета за 1906 годъ.

ОБЩЕГЕРМАНСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗДЪ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ МЮНХЕНЬ ¹⁾.

IV.

Частныя собранія учителей.

На ряду съ занятіями въ общихъ собраніяхъ съезда происходила также весьма оживленная работа въ частныхъ собраніяхъ учителей. Рабочій день участниковъ съезда начинался въ 7 часовъ утра и, съ перерывомъ для обѣда, продолжался обыкновенно до поздней ночи. Многія педагогическія общества заготовили ко времени съезда новые рефераты, которые и докладывались въ назначавшихся для этого засѣданійхъ. Ко времени съезда приурочены были также сеансы разныхъ комитетовъ по управленію учрежденіями и предпріятіями учительскихъ союзовъ, имѣвшіе цѣлю распространеніе въ учительской средѣ свѣдѣній о дѣйствіяхъ этихъ учреждений и результатахъ ихъ операций. Наконецъ нѣкоторые члены съезда находили нужнымъ подѣлиться съ товарищами своими педагогическими опытами и дидактическими открытіями. Отметимъ наиболѣе существенные результаты этихъ частныхъ собраній учителей.

Выдающійся интересъ представляли засѣданія общества философской педагогики. На второмъ изъ этихъ засѣданій д-ръ Шмидтъ, учитель изъ Вюрцбурга, сдѣлалъ сообщеніе о произведенномъ имъ сравнительномъ экспериментальномъ изслѣдованіи домашнихъ и классныхъ сочиненій учениковъ народныхъ училищъ. Референтъ демонстри-

---

¹⁾ *Окончаніе.* См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 г.

роваль массу таблицъ, въ которыхъ систематизированъ былъ добытый экспериментаторомъ богатый статистическій матеріалъ, относящійся до ошибокъ, допускаемыхъ учениками въ домашнихъ и классныхъ работахъ. Ислѣдованію д-ра Шмидта подвергнуты были 300 работъ, исполненныхъ учениками и ученицами вюрцбургскихъ народныхъ училищъ, отъ 4 до 7 класса, въ классахъ и столько же работъ, исполненныхъ дома. Референтъ съ неумолимою строгостію отиѣчалъ всякаго рода дефекты работъ—въ содержаніи и развитіи мысли, сочетаніи частей, изложеніи, выраженіи, правописаніи и т. д. Выводъ объ относительномъ достоинствѣ работъ производился путемъ математическаго подсчета. Каждое изъ исполняемыхъ сочиненій было исполняемо два раза: разъ въ школѣ и въ другой разъ дома, или на оборотъ. Матеріалъ для сочиненій въ однихъ случаяхъ былъ разработанъ въ классѣ и примыкалъ къ классному чтенію, въ другихъ же не подвергался предварительной обработкѣ въ классѣ и составлялъ продуктъ самостоятельнаго творчества дѣтей. Изученіе указаннаго матеріала привело референта къ слѣдующимъ заключеніямъ. Сочиненія на темы литературно-реального характера носятъ слѣды подавленности творчества. Они не раскрываютъ передъ нами дѣтской души, держатъ учениковъ какъ бы на привязи, отличаются однообразіемъ и несвободностію изложенія. Совсѣмъ иную картину представляютъ самостоятельныя сочиненія дѣтей. Личность авторовъ въ нихъ отражается совершенно явственно. Они даютъ полный просторъ творческой изобрѣтательности, а потому въ высокой степени содѣйствуютъ развитію рѣчи и дара связнаго изложенія. Домашнія сочиненія оказались вообще лучше соотвѣтственныхъ сочиненій, исполненныхъ въ классѣ. Референтъ объясняетъ это возможностью болѣе внимательнаго отношенія къ дѣлу дома и отсутствіемъ стѣсненія во времени. По приведеннымъ основаніямъ референтъ рекомендуетъ взаимѣнъ письменныхъ изложеній прочитаннаго въ классѣ давать ученикамъ сочиненія на свободныя темы для писанія на дому. Попутно д-ръ Шмидтъ далъ очень цѣпныя указанія по вопросамъ о вліяніи исправленія сочиненій учителемъ, о различіи способа изложенія мальчиковъ и дѣвочекъ и т. д.

Въ комитетѣ для разсмотрѣнія дѣтскихъ книгъ возбужденъ былъ интересный вопросъ, какъ должно смотрѣть на тенденціозныя стихотворенія? Послѣ оживленныхъ преній, занявшихъ 4 часа времени, комитетъ пришелъ къ такимъ заключеніямъ: 1) тенденція въ смыслѣ иди, непосредственно истекающей изъ существа содержанія произве-

денія, составляетъ необходимый моментъ поэтическаго творчества; тенденція же въ смыслъ предвзятой цѣли, лежащей внѣ области искусства, вноситъ въ поэтическое творчество чуждое ему начало; 2) стихотворенія, которыя, при совершенномъ соответствіи требованіямъ художественности, возбуждаютъ въ читателѣ религиозное, нравственное или патріотическое настроеніе, заслуживаютъ рекомендаціи для юношества; 3) собственно фонденціозныя произведенія должны быть устраняемы отъ пользованія дѣтей, потому что они парализуютъ всегда безкорыстное наслажденіе произведеніемъ искусства и вводятъ фальшь въ область свободнаго чувства.

Въ обществѣ любителей естествознанія членъ мюнхенскаго училищнаго совѣта Кершенштейнеръ сообщилъ о постановкѣ преподаванія естествознанія въ мюнхенскихъ народныхъ училищахъ. Характернымъ представляется то, что здѣсь на первый планъ выступаютъ занятія въ мастерскихъ и лабораторіяхъ (между прочимъ и въ школьныхъ кухняхъ). Главной заботой при обученіи естествовѣдѣнію, по мнѣнію докладчика, должно быть то, чтобы дать дѣтямъ случаи наблюдать, сравнивать наблюденія и дѣлать изъ нихъ выводы. Цѣль эта можетъ быть достигнута двумя путями: сокращеніемъ теоретическаго преподаванія и развитіемъ практическихъ упражненій. Наблюденіе и сравненіе наблюденій требуютъ много времени. Тамъ, гдѣ учениковъ гонять отъ одного предмета до другого, нѣтъ времени для наблюденій. И такъ какъ не представляется возможности увеличить число часовъ на естествовѣдѣніе безъ ущерба для другихъ предметовъ преподаванія, то остается одно: сгустить программу. Далѣе, затѣмъ, является необходимость осмысленной организаціи практической стороны преподаванія. Школьные сады, терраріи, акваріи, экскурсіи, занятія въ лабораторіяхъ и мастерскихъ даютъ хорошій матеріалъ для цѣлесообразныхъ наблюденій. Референтъ придаетъ особенное значеніе занятіямъ въ мастерскихъ, видя въ нихъ основу раціональнаго изученія естествознанія. Ничто въ такой степени не благопріятствуетъ самостоятельности и осмысленности наблюденій, какъ личная работа ученика. Въ лучшихъ англійскихъ школахъ занятія физикой и химіей немислимы безъ лабораторій и мастерскихъ. Англичане, какъ и американцы, отдають рѣшительное преимущество умѣнью передъ знаніемъ и искусной работѣ предъ остроумнымъ разсужденіемъ.

Въ конференціи учителей для обсужденія вопросовъ, относящихся къ преподаванію математики, учитель Гайнъ обращалъ вниманіе на разнообразіе практики въ преподаваніи десятичныхъ дробей. Въ на-

родныхъ школахъ десятичныя дроби изучаютъ прежде простыхъ дробей; въ среднихъ же учебныхъ заведеніяхъ поступаютъ на оборотъ. Референтъ желалъ выяснитъ, что правильнѣе. По его мнѣнію, порядокъ, принятый въ народныхъ школахъ, не имѣетъ основанія. Прохожденіе десятичныхъ дробей прежде простыхъ вводитъ въ ходъ обученія ариметикѣ непослѣдовательность и обуславливаетъ искусственность, механичность и поверхностность въ изученіи столь важнаго отдѣла математики. Десятичныя дроби въ сущности отличаются отъ простыхъ лишь способомъ ихъ начертанія; и это обстоятельство, какъ само собою разумѣется, не можетъ имѣть вліянія на методы ихъ счисленія. Техника дѣйствій надъ десятичными дробями представляетъ не болѣе, какъ упрощенную систему записи дѣйствій, для пониманія же дѣйствій надъ десятичными дробями необходимо имѣть основательное знакомство съ теоріей дѣйствій надъ простыми дробями.

Въ собраніи послѣдователей новой метода обученія рисованію учитель Ламанъ защищалъ слѣдующія мнѣнія: 1) Современная методика обученія рисованію имѣетъ цѣлью не только улучшеніе преподаванія этого искусства, но улучшеніе вообще школьнаго преподаванія, потому что она вводитъ рисованіе, какъ элементъ занятій, во всѣ отдѣльные предметы школьной программы. Дѣлается это по психологическимъ и дидактическимъ основаніямъ. Прибѣгая къ помощи рисованія, учитель расширяетъ область своего воздѣйствія на ученика. Это способствуетъ большой живости и плодотворности всей классной работы. Съ помощью рисованія многое уясняется, требуетъ меньшей затраты времени, становится интереснѣе. 2) Для достиженія лучшихъ успѣховъ по рисованію слѣдуетъ меньше пользоваться классной доской и больше бумагой. Рисунокъ, сдѣланный на доскѣ, никогда не отличается точностью, чистотой и изяществомъ. А это можетъ портить вкусъ и художественную требовательность учащихся. 3) Лучшій способъ класснаго рисованія—эскизы, набрасывающіе контуры предмета, опредѣляющіе его пространственныя отношенія и дающіе понятіе о его раскрѣскѣ.

Членъ училищнаго совѣта Шереръ находилъ, что одно преподаваніе рисованія не обезпечиваетъ успѣшности эстетическаго образованія, и потому представляется желательнымъ назначать въ училищахъ особыя часы для упражненія дѣтей въ технохудожественномъ мастерствѣ. Пынѣ, говоритъ референтъ, уже никто не сомнѣвается въ высокомъ образовательномъ значеніи искусства. Современная педагогика признаетъ, что искусство есть орудіе для нравственнаго воспитанія личности. На обязанности школы лежитъ воспользоваться всеми

условіями дѣтской жизни, благопріятствующими развитію вкуса къ произведеніямъ искусства. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи практика школы не стоитъ на высотѣ долга. Дѣтскія игры, въ основѣ которыхъ лежитъ творчество и которыя поэтому могли бы служить фундаментомъ эстетическаго образованія, обращаютъ на себя очень мало вниманія. Міръ, создаваемый дѣтскими играми, безжалостно разрушается вторженіемъ школьной рутинны. Между тѣмъ, цѣлесообразно пользуясь проявляемою въ играхъ склонностью дѣтей къ творчеству, можно бы развить цѣлую систему эстетическаго образованія. Въ извѣстной степени этой склонности дѣтей соответствуютъ занятія письмомъ и рисованіемъ, въ особенности послѣднее занятіе. Однакожь на этомъ не слѣдовало бы останавливаться, а идти дальше, и именно учить дѣтей не только изображенію предметовъ на плоскости, но и пластическому ихъ воспроизведенію. Технохудожественное мастерство, упражняя въ равной степени глазъ и руку и затрогивая дѣтскую природу съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, служило бы прекраснымъ орудіемъ эстетическаго образованія. Докладъ Шерера вызвалъ общее сочувствіе учителей.

Учитель Грейбель демонстрировалъ придуманный имъ аппаратъ для производства рельефныхъ картъ. Послѣ долгодѣтнихъ опытовъ и усиленныхъ трудовъ на картографическомъ поприщѣ, Грейбелю удалось выработать очень простой и общедоступный способъ при помощи котораго всякій учитель въ короткое время можетъ получить правильный пластическій рельефъ любой мѣстности. Работа на столько легка, что въ ней вполне могутъ участвовать и дѣти, что, конечно, въ высокой степени усиливаетъ ея воспитательное значеніе. Сдѣланная собственными руками карта скажетъ ученику несравненно больше, чѣмъ разсматриваніе самой изящной готовой модели. Для полученія рельефной карты по способу Грейбеля нужно имѣть только изогипсометрическую карту данной мѣстности. Весь матеріалъ, нужный для изготовленія рельефной карты по данному чертежу, имѣется въ выпущенномъ Грейбелемъ въ продажу ящикѣ, при которомъ есть и наставленіе для производства работы. Изогипсометрическая карта совершенно легко превращается въ рельефную, при чемъ она нимало не страдаетъ отъ наложенія на нее рельефныхъ словъ, по снятіи которыхъ она возвращаетъ свой первоначальный видъ. Матеріалъ, разъ употребленный для одной карты, можетъ быть потомъ годенъ для другой. Изобрѣтатель выразилъ готовность отвѣчать на всякіе запросы по поводу его аппарата (адресъ: Bayern, Rimpfing bei Würzburg,

Lehner Greubel), равно изготовлять по заказу карты любой мѣстности, по сообщеніи изогипсометрическихъ картъ въ масштабѣ 1 : 10000 и 1 : 5000.

Не менѣе любопытный предметъ представляетъ стѣнностоялый гармоніумъ, демонстрированный учителемъ Леберомъ на данномъ имъ урокъ пѣнія. Этотъ гармоніумъ имѣетъ слѣдующія достоинства. Во-первыхъ, онъ прекрасно звучитъ. Во-вторыхъ, онъ вполне портативенъ. Онъ приспособленъ къ помѣщенію и на учительскомъ столѣ, когда онъ нуженъ для аккомпанимента классу, и для помѣщенія на классной доскѣ, когда онъ является учебнымъ пособіемъ для изученія гаммъ и интервалловъ. Наконецъ, онъ обладаетъ клавиатурой увеличеннаго размѣра, на которой отмѣчены нотныя и цифровыя обозначенія тоновъ. Это даетъ возможность ученикамъ, сидящимъ на самомъ большомъ разстояніи, видѣть клавиатуру съ ея обозначеніями во время объясненій учителя объ отношеніи звуковъ къ ихъ обозначеніямъ. Гармоніумъ Лебера, по объясненію изобрѣтателя, имѣетъ цѣлью поставить пѣніе въ народныхъ училищахъ такъ, чтобы оканчивающіе курсъ могли самостоятельно и правильно пѣть съ листа. Цѣль эта можетъ быть достигнута, если ученики научатся строго различать интерваллы и получать отчетливое представленіе о строеніи гаммъ и употребительнѣйшихъ аккордовъ. Наглядность должна лечь въ основу преподаванія. Единственнымъ нагляднымъ и точнымъ показателемъ тоновъ является нотная система. Цифровая система, какъ соответствующая точному фиксированію интервалловъ, также не лишена своего значенія. Тонъ, нота и цифра должны быть нераздѣльны. По мнѣнію референта, устроенный имъ аппаратъ обезпечиваетъ возможность, при обученіи пѣнію, идти объясненнымъ путемъ. Референтъ интересовался знаніемъ мнѣніе учителей о томъ, соответствуетъ ли устроенный имъ аппаратъ предположеннымъ задачамъ. Учителя горячо привѣтствовали изобрѣтателя и выразили пожеланіе широкаго распространенія его аппарата по школамъ. Агентство по продажѣ инструмента приобрѣла фирма Louis Ritz et Co, въ Гамбургѣ.

V.

Мюнхенская народная школа по даннымъ педагогической выставки.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ ряду побудительныхъ причинъ, которыми обуславливалось въ высшей степени сочувственное отношеніе

города Мюнхена къ мысли объ устройствѣ здѣсь общегерманскаго учительскаго съѣзда, было желаніе блеснуть предъ ожидаемыми гостями постановкой дѣла народнаго образованія, представить на судъ специалистовъ свои разнообразныя опыты и начинанія по части просвѣтительнаго водѣйствія на массу населенія, въ ожиданіи компетентной дѣловой оцѣнки понесенныхъ городомъ многолѣтнихъ трудовъ и неисчислимыхъ жертвъ. Благодаря этому естественному и законному желанію, ко времени открытія съѣзда городомъ былъ устроенъ рядъ выставокъ, совокупность которыхъ давала возможность объять положеніе дѣла народнаго образованія въ г. Мюнхенѣ со всѣхъ сторонъ, изучить его во всѣхъ подробностяхъ, взвѣсить достигнутыя результаты и опредѣлить ихъ значеніе въ общемъ ходѣ развитія дѣла. Въ помѣщеніи училища на Flurstrasse представлено было все, что относится до общаго образованія дѣтей до-школьнаго и школьнаго возраста. Въ школахъ на Liebherrstrasse, Prancckstrasse и Elisabethplatz были экспонаты, относящіяся до профессиональнаго образованія. Кроме того, въ первомъ изъ перечисленныхъ училищъ собраны были книги, документы и другіе памятники, относящіяся до исторіи развитія дѣла народнаго образованія въ мѣстномъ населеніи. Члены съѣзда получили прекрасныя, роскошно изданныя иллюстрированныя каталоги выставокъ. Сверхъ того, во всѣхъ выставочныхъ помѣщеніяхъ были организованы постоянныя дежурства учителей и учительницъ, которые съ величайшею предупредительностью сообщали обозрѣвателямъ всевозможныя справки и свѣдѣнія. Кое-гдѣ къ этой работѣ были привлечены также старшіе ученики и ученицы народныхъ училищъ, исполнявшіе свои обязанности съ чарующею любезностью.

Общее впечатлѣніе получалось въ высшей степени благопріятное для руководителей и дѣятелей народнаго образованія въ г. Мюнхенѣ и достигнутыхъ ими результатовъ. Едва ли какая-нибудь идея, возникшая въ педагогической области въ послѣднее время, осталась здѣсь безъ самой добросовѣстной провѣрки и разработки. Многое, о чемъ въ другихъ мѣстахъ только начали думать, здѣсь уже осуществлено и принесло свои плоды. Тысячи учителей, посѣтившихъ выставки, испытывали высокое нравственное удовольствіе, видя воочию то, что составляетъ предметъ ихъ мечтаній. И несомнѣнно эти тысячи дѣятелей народнаго образованія, по возвращеніи къ мѣстамъ своей дѣятельности, подъ вліяніемъ всего видѣннаго и слышаннаго въ Мюнхенѣ, съ усугубленною ревностью принялись за продолженіе своего столь многообѣщающаго дѣла.

Приступая къ описанію состоянія Мюнхенской начальной школы, какъ оно рисуется по даннымъ выставки, слѣдуетъ начать съ того, что Мюнхень принадлежитъ къ числу весьма немногихъ мѣстностей, гдѣ практически осуществлена идея единой, общей для всѣхъ классовъ населенія, народной школы. Приготовительныхъ классовъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ здѣсь не существуетъ, и дѣти всѣхъ званій и состояній первоначальное образованіе получаютъ въ народныхъ училищахъ. Понятно, въ какой степени это обстоятельство усиливаетъ интересъ мѣстнаго населенія къ народной школѣ, и какъ оно благоприятствуетъ развитію и благоустройству училищнаго дѣла.

Обученіе обязательно для дѣтей обоего пола отъ 6-лѣтняго возраста въ теченіе 8 лѣтъ. Обученіе бесплатно. Дѣти несостоятельныхъ родителей (до 13% общаго числа учащихся) имѣютъ отъ города и всѣ необходимыя для занятій учебныя пособія. При многихъ школахъ, на счетъ пожертвованій частныхъ лицъ, устроены столовыя для бѣдныхъ дѣтей, гдѣ они получаютъ бесплатно горячій обѣдъ.

Число учащихся школьнаго возраста осенью 1905 г. составляло круглымъ числомъ 60.000. Они были размѣщены въ 1.200 классахъ. Maximum учащихся въ одномъ классѣ опредѣленъ въ 60. Эти 1.200 классовъ сосредоточены въ 52 школьныхъ домахъ, такъ что въ среднемъ 1 школьное зданіе обслуживаетъ 24 класса. Практикуемая здѣсь группировка учащихся, представляющая чрезвычайно важныя выгоды въ матеріальномъ отношеніи и удобствѣ надзора, съ педагогической точки зрѣнія вызываетъ самыя серьезныя возраженія. Чѣмъ больше учащихся собрано въ одномъ мѣстѣ, тѣмъ меньше школа напоминаетъ семью и тѣмъ болѣе представляетъ сходства съ казармою. Здѣсь не можетъ быть того вниманія къ индивидуальности учениковъ, какъ въ школѣ, менѣе переполненной. И съ другой стороны, чѣмъ больше учениковъ, тѣмъ больше нарушеній порядка и тѣмъ меньше надежды поддержать порядокъ одними нравственными мѣрами. Наконецъ, массовыя скопленія учащихся представляютъ очень серьезную опасность въ случаѣ занесенія эпидеміи. Всѣ эти естественныя послѣдствія переполненности школъ не выкупаются удобствами, которыя приобрѣтаются концентрированіемъ учащихся въ не многихъ пунктахъ. И нужно думать, что въ будущемъ мюнхенское городское управленіе перейдетъ къ павильонной системѣ помѣщенія училищъ, какъ, напримѣръ, принято въ Дортмундѣ (гдѣ продолжатъ слѣдующій общегерманскій учительскій съѣздъ).

Изъ числа 1.200 классовъ въ текущемъ году назначено было:

186	классовъ для учащихся	1-й годъ.
178	„ „ „	2 „ „
170	„ „ „	3 „ „
185	„ „ „	4 „ „
150	„ „ „	5 „ „
140	„ „ „	6 „ „
122	„ „ „	7 „ „
69	„ „ „	8 „ „

Значительное уменьшеніе числа учащихся послѣ 4 и 5 годовъ обученія объясняется тѣмъ, что изъ 4 и 5 классовъ многія дѣти уходятъ въ среднія учебныя заведенія. Высчитано, что такимъ образомъ оставляютъ училища изъ состава 4 класса отъ 12 до 14%, и изъ 5 класса отъ 8 до 10%, мальчиковъ. Для дѣвочекъ эти проценты гораздо ниже, и именно: 3% въ первомъ случаѣ и 1% во второмъ. Данныя эти чрезвычайно важны въ томъ отношеніи, что представляютъ опроверженіе ходячаго возраженія противъ единой всеобщей начальной школы, мнѣнія, будто эта школа насильно тянетъ учащихся въ гимназін. Незначительное сравнительно число въ 8-хъ классахъ объясняется тѣмъ, что обученіе въ этихъ классахъ сдѣлано было обязательнымъ лишь въ самое послѣднее время.

Изъ 52 школъ 45 католическихъ, 5 протестантскихъ и 2 для учащихся разныхъ исповѣданій. Мальчики и дѣвочки учатся отдѣльно.

Учашій персоналъ состоитъ изъ 691 учителя и 856 учительницъ. Принято въ мужскія школы назначать учителей, въ женскія — учительницъ.

Первоначальное содержаніе учителя составляетъ 2.400 марокъ и въ теченіе 30 лѣтъ повышается на 1.920 марокъ, такъ что 57-лѣтній учитель имѣетъ 4.320 марокъ въ годъ. Первый окладъ учительницы, напротивъ, 1.800 марокъ и повышается на 1.200, почему учительница въ возрастѣ 57 лѣтъ получаетъ только 3.000 марокъ. Учительская пенсія равняется за первые 7 лѣтъ службы $\frac{7}{10}$ содержанія, прослужившій 17 лѣтъ имѣетъ $\frac{9}{10}$, прослужившій 32 года $\frac{9}{10}$ и прослужившій 37 лѣтъ — полный окладъ получаемого на службѣ содержанія. Вдовы получаютъ 32% пенсіоннаго оклада мужей, сироты $\frac{1}{4}$, а сиротыныя $\frac{2}{5}$ вдовьей пенсіи. Если принять во вниманіе дешевизну

мѣстной жизни, нельзя не признать, что матеріальное положеніе мюнхенскихъ учителей не оставляетъ желать ничего лучшаго.

На содержаніе мюнхенскихъ училищъ въ 1905 г. израсходовано изъ городскихъ средствъ около 5.000.000 марокъ; въ томъ числѣ 52.510 м. на администрацію училищъ; 868.270 м. на строительныя надобности, 3.307.140 м. на содержаніе личнаго состава; 456.910 м. на учебныя и хозяйственныя потребности. На 1 учащагося падало въ годъ расходу около 80 марокъ. Принимая во вниманіе, что мюнхенская восьмиклассная народная школа ближе всего подходитъ къ типу нашего городского училища по положенію 1872 г., и что у насъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 1 учащійся въ городскомъ училищѣ обходится въ 39 р. 65 к., находимъ, что стоимость начальнаго обученія въ мюнхенскихъ училищахъ мало разнится отъ нашей (такъ какъ 80 марокъ, по курсу 47 за 100, равняются 37 р. 60 к.).

Всѣ мюнхенскія начальныя училища помѣщаются въ собственныхъ домахъ. Каждый два года городъ устраиваетъ по три школьныхъ дома. Въ германскихъ педагогическихъ сферахъ принято думать, что Мюнхенъ обладаетъ лучшими въ Германіи школьными домами. На устройство домовъ денегъ не жалѣютъ. Обыкновенно постройка и оборудованіе училищнаго дома обходится до 700.000 марокъ, не считая стоимости мѣста. Стараются о томъ, чтобъ помѣщеніе училища не только соответствовало требованіямъ педагогики и школьной гигиены, но чтобы также удовлетворяло запросамъ эстетическимъ. Фасады домовъ отличаются изяществомъ. Въ большомъ обычаѣ всякія скульптурныя украшенія, фрески, цвѣтныя стекла въ корридорахъ и т. п. Любятъ, по нѣмецкому обычаю, также украшать стѣны нравоучительными изреченіями, напримѣръ: *Wer auf sich selber ruht, steht gut* (только тотъ твердо держится на ногахъ, кто не нуждается въ сторонней помощи), *Ohne Fleiss kein Preis* (ничего цѣннаго не сдѣлаешь безъ труда), *Ohne Mühe kein Gewinn* (безъ труда не бываетъ барыша).

При осмотрѣ классовъ нами замѣчено слѣдующее. Классы достаточно просторны для 60 учениковъ. Освѣщеніе одностороннее лѣвое, вполне достаточное, получаемое изъ трехъ оконъ двойной ширины, при очень узкихъ простѣнкахъ. Отопленіе центральное, паровое. Стѣны класса окрашены въ свѣтлосѣро-голубоватый цвѣтъ, при чемъ нижняя часть, до высоты человѣческаго роста — масляною краской. Потолки окаймлены очою изящными карнизами.

Полъ класса повышается около стѣны, въ той части, гдѣ устроено

мѣсто для учителя. Сзади учителя, около стѣны помѣщены три классныхъ доски, устроенныя такъ, что ихъ можно поднимать и опускать. Тутъ же помѣщенъ счетный аппаратъ, съ 5 отдѣленіями, допускающими возможность, одновременно съ общими вычисленіями въ одной части аппарата, производить частныя пояснительныя вычисленія. Видны еще русскіе счеты и ящикъ съ кубиками. Каведра учителя устроена такъ, что съ той стороны, гдѣ садится учитель, это есть конторка, со стороны же класса это—шкафъ, въ которомъ хранятся учебныя принадлежности. Наконецъ, около учительскаго стола помѣщены умывальникъ, тазикъ съ губкой, плевальница и корзинка для сору.

Каждый классъ снабженъ особымъ аппаратомъ, который даетъ возможность вывѣшивать передъ учениками, на любой высотѣ, картины, назначаемыя для показыванія ученикамъ.

Задняя стѣнка, во всю ширину класса, отдѣлена ширмами, представляющими видъ шкафа. Это пространство назначено для помѣщенія верхняго платья учениковъ. Повидимому, классъ выигрываетъ бы, если бъ мѣста для платья были отведены въ обширныхъ корридорахъ училищнаго помѣщенія. Въ ремесленныхъ классахъ во всю длину стѣны танутся шкапы, для складыванія образцовъ и орудій производства, учебныхъ пособій и ученическихъ работъ.

Нельзя оставить безъ вниманія одну мелочь, не лишнюю очень большого значенія для поддержанія чистоты воздуха въ классахъ. Подоконники, по краямъ, имѣютъ углубленія въ видѣ желобковъ, по которымъ накопляющаяся на стеклахъ сырость стекаетъ въ особые придрѣланные къ подоконникамъ жестяные ящики, легко опорожняемые.

Ученическіе столы разныхъ типовъ. Большая часть изъ нихъ одиночныя, но есть и парныя. Устройство столовъ вообще нельзя похвалить. Встрѣчаются очень значительныя погрѣшности противъ размѣровъ дистанціи и дифференціи. Встрѣчаются столы съ сидѣньями и спинками изъ отдѣльныхъ, раздѣленныхъ промежутками дощечекъ, которыя не даютъ возможности ни покойно сидѣть, ни твердо опереться крестцомъ на спинку. Встрѣчаются спинки, устроенныя по системѣ Кунце, осужденной наукой.

Занятія рисованіемъ происходятъ въ особыхъ классахъ, назначенныхъ именно для этой цѣли. (Это, впрочемъ, не во всѣхъ училищахъ). Но въ устройствѣ рисовальныхъ классовъ, нами видѣнныхъ, мы не нашли самаго существеннаго удобства,—гигіеническаго и педагогиче-

скаго вмѣстѣ,—освѣщенія изъ одного источника и сверху. Мы видѣли даже рисовальный классъ, освѣщенный съ двухъ смежныхъ сторонъ, что уже совершенно не допустимо. Рисовальные классы снабжены особою мебелью, приуроченною къ условіямъ работы, въ нихъ происходящей.

Для уроковъ естествознанія назначаются также особые классы. Здѣсь столъ учителя отличается очень большими размѣрами: онъ тянется почти во всю ширину класса. Въ окнахъ помѣщаются двойныя занавѣси—полотняныя и красныя шерстяныя, что, при опусканіи ихъ, даетъ возможность устроить темноту. Имѣются вообще всѣ приспособленія для демонстрацій съ волшебнымъ фонаремъ. Ученические столы расположены такъ, что каждый послѣдующій выше предыдущаго, что обезпечиваетъ возможность всѣмъ ученикамъ хорошо видѣть демонстраціи учителя.

Въ связи съ классами для уроковъ естествознанія помѣщаются естественноисторическіе музеи, особенность которыхъ составляетъ множество живыхъ экземпляровъ. Мюнхенскія школы обладаютъ 47 терраріями, 70 аквариумами, 32 акватерраріумами, 31 птичниками, 44 шелководнями, 5 прудами на училищныхъ дворахъ.

Къ этому надо прибавить, что имѣется цѣлая система учебно-вспомогательныхъ средствъ для пракческаго ознакомленія учащихся съ растительнымъ царствомъ. Въ каждой классной комнатѣ среднее окно назначено для посадокъ, имѣющихъ цѣлю обезпечить возможность наблюденія за важнѣйшими явленіями растительной жизни. На балконахъ выращиваются растенія, служація для украшенія комнатъ. На школьныхъ дворахъ устроены питомники важнѣйшихъ полевыхъ, горныхъ, лѣсныхъ, болотныхъ, лѣкарственныхъ и ядовитыхъ растеній, заведены ягодное и плодовое шпалерное хозяйство. Кромѣ того имѣются опытные станціи для наблюденія простѣйшихъ биологическихъ явленій (въ родѣ, напримѣръ, поворачиванія растенія въ сторону солнечнаго свѣта); приспособленія для уясненія законовъ орошенія почвы; модели разрѣзовъ земной коры и строенія горъ и т. д. и т. д. Въ минувшемъ учебномъ году училища обладали въ общей сложности 9.500 кв. метр. школьныхъ садовъ. Нечего и говорить о томъ, что дѣти привлекаются, по мѣрѣ возможности, какъ къ уходу за растеніями, такъ и къ содержанію въ порядкѣ садовъ съ ихъ учрежденіями.

Особые помѣщенія отведены для занятій гимнастикой. Гимнастическія залы обширны и снабжены всякими гимнастическими аппара-

тами, даже такими, которые врачами признаются совершенно недопустимыми для дѣтей, напр., козлы.

Интересно, что въ мюнхенскихъ школахъ введено сухое обученіе плаванію, т. е. систематизированныя упражненія дѣтей въ производствѣ тѣлодвиженій, примѣняемыхъ въ плаваніи.

Нельзя также не отмѣтить полезнаго обычая вывѣшивать въ гимнастическихъ залахъ правила о подачѣ помощи въ несчастныхъ случаяхъ при гимнастикѣ, равно какъ при внезапныхъ заболѣваніяхъ вообще.

Гимнастическіе залы назначены для упражненій учащихся лишь въ дождливые или очень холодные дни. Въ благопріятное же по погодѣ время упражненія производятся на обширныхъ училищныхъ дворахъ. Кромѣ того, городъ имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ 194.000 кв. метровъ площадокъ, назначенныхъ для дѣтскихъ игръ. Въ 1905 г. зарегистрировано 248.500 посѣщеній этихъ площадокъ. Въ зимнее время на площадкахъ устраиваются катки для катанья на конькахъ.

Во вновь возводимыхъ училищныхъ домахъ обязательно устраиваются ванны и души для учащихся. Въ минувшемъ учебномъ году эти учрежденія существовали уже при 33 школахъ, и число взятыхъ ваннъ за годъ составляло 980.000.

Въ домахъ профессиональныхъ училищъ устраиваются особые залы для публичныхъ лекцій и засѣданій обществъ. Это, обыкновенно, весьма просторныя комнаты въ 2 свѣта, съ хорами, обставленныя удобною мебелью.

Во всѣхъ этажахъ школьныхъ домовъ имѣются карцеры,—длинные, узкія комнаты, объ одномъ окнѣ. Къ чести мѣстныхъ педагоговъ надо прибавить, что эти комнаты остаются безъ соотвѣтственнаго пользованія и кое-гдѣ обращены даже въ кладовыя.

По расположенію комнатъ мюнхенскіе школьные дома относятся къ обычному до сихъ поръ типу помѣщеній учебныхъ заведеній. Это—многоэтажныя зданія, съ безконечными корридорами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ размѣщены отдѣльныя комнаты. Типъ этотъ осужденъ наукой, такъ какъ онъ оставляетъ многія части зданія неосвѣщенными и, слѣдовательно, дурно дезинфицируемыми. Гигиенисты требуютъ, чтобы соединительные корридоры примыкали къ наружнымъ стѣнамъ дома и были свѣтлы. Тогда они могутъ служить запасными резервуарами свѣжаго воздуха.

Едва ли гдѣ-нибудь при возведеніи школьныхъ построекъ приложено было столько попечительности и обнаружено столько вниманія

къ учебнымъ потребностямъ заведеній, какъ здѣсь; и остается пожалѣть объ одномъ, что при всемъ этомъ допущено не малое количество отступленій отъ требованій санитарной педагогики. Какъ видно, здѣсь не оцѣнивается правильно участіе представителей врачебной науки въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что при существующей здѣсь благожелательности къ школѣ, не знающей, повидимому, предѣла щедрости въ пожертвованіяхъ на ея пользу, не имѣется систематическаго медицинскаго надзора за школами, нѣтъ школьныхъ врачей, нѣтъ санитарныхъ наблюденій и записей?

Обращаясь къ постановкѣ учебной части, слѣдуетъ, прежде всего, отмѣтить, что характерную ея особенность составляетъ утилитарное направленіе, не такое, однакожъ, которое преслѣдуетъ узкія практическія цѣли, но которое стремится поставить организацію обученія и воспитанія въ ближайшее соотвѣтствіе съ запросами дѣйствительной жизни. По объясненію члена мѣстнаго училищнаго совѣта, д-ра Кершенштейнера, всѣ частныя цѣли обученія въ народной школѣ сводятся къ одной основной—образованію гражданина. Прошедшій курсъ народной школы долженъ отчетливо представлять всѣ фазы культурнаго развитія нѣмецкой націи, чтобы войти въ курсъ политическихъ, церковныхъ и социальныхъ интересовъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ быть достаточно вооруженъ полезными въ практической жизни знаніями, чтобы внести свою долю осмысленнаго труда въ хозяйственную жизнь страны. Самое дѣйствительное средство для развитія въ дѣтяхъ элементарныхъ гражданскихъ добродѣтелей есть трудъ и самостоятельная работа. Здѣсь и лежитъ центръ воспитательной задачи. Нужно, чтобы ученіе пробуждало и укрѣпляло продуктивныя силы учащихся, упражняло ихъ въ трудѣ настойчивомъ, основательномъ, добросовѣстномъ.

Понятна, съ этой точки зрѣнія, важность всякаго рода прикладныхъ занятій въ школахъ. На эту сторону обращено здѣсь не менѣе вниманія, чѣмъ на постановку теоретическихъ предметовъ. Такъ, дано широкое мѣсто преподаванію рисованія, какъ искусства, лежащему въ основѣ всякихъ техническихъ умѣній. При этомъ рисованіе ведется по методу, исключаящей все условное, схематическое. Дѣти прямо начинаютъ рисовать съ природы и красками предметы изъ житейской обстановки. Дѣвочекъ держатъ главнымъ образомъ на плоскомъ орнаментѣ, имѣющемъ столь обширное приложеніе въ женскихъ рукодѣльяхъ. Раскрашиванье предметовъ домашняго обихода

(напр. яичъ, тарелокъ, коробокъ, ковриковъ, носовыхъ платковъ, глиняныхъ банокъ и т. п.) и составленіе узоровъ составляетъ очень существенную часть курса. Усиѣхи дѣтей въ рисованіи поразительны. Такъ, напр., училище для калѣкъ выставило образцы плоскаго орнамента, исполненные съ такимъ искусствомъ, что нужно было шутать рукой, чтобы убѣдиться, что это—не рельефъ. Мальчики, оканчивающіе курсъ, исполняютъ столь сложные темы, какъ, напримѣръ, Мюнхенъ при лунномъ свѣтѣ. Не менѣе серьезно поставлено обученіе пѣнію. Сверхъ обязательныхъ для всѣхъ учащихся уроковъ рисованія и пѣнія, желающіе могутъ брать спеціальныя уроки въ особыхъ для сего назначенныхъ классахъ. Такъ, для желающихъ основательно обучаться пѣнію въ 1905/6 учебномъ году было 25 классовъ съ 1.394 учащимися. Классы, кромѣ широкой практики, представляемой ученикамъ, даютъ имъ и основныя понятія по теоріи музыки. Въ восьмыхъ классахъ народныхъ школъ введенъ ручной трудъ для мальчиковъ и кулинарное искусство для дѣвочекъ. Чтобы имѣть понятіе о томъ, что такое представляютъ вообще здѣшніе 8-е классы, достаточно указать на слѣдующее. Въ числѣ работъ учениковъ одного изъ этихъ классовъ были выставлены: по геометріи—вычисленіе объема шара; по родноивѣдѣнію—баварская конституція; по рисованію—готическая колокольня; по конторскому дѣлу—образцы векселей; по физикѣ—„наши моторы“. Ученицы одного изъ женскихъ 8-хъ классовъ проходили въ минувшемъ учебномъ году: о консервированіи пищевыхъ продуктовъ (въ связи съ практическими работами на кухнѣ); о дезинфекціи одежды и жилища (съ соответственными опытами); о гніеніи и броженіи; о стоимости питательныхъ консервовъ въ связи съ ихъ питательностію и т. п. Имѣется въ виду устраивать при училищахъ физическія и химическія лабораторіи. Школьные сады, аквариі, терраріи и т. п. учрежденія также въ широкой степени содѣйствуютъ развитію въ дѣтяхъ вкуса къ труду и способности ориентироваться въ предѣлахъ поставленныхъ практическихъ задачъ. Наконецъ, серьезная постановка школьныхъ экскурсій дастъ учащимся новые способы приобрѣтать практическія знанія и примѣнять приобрѣтенныя къ дѣлу.

Вообще же принципъ „школа для жизни“ красною нитью проникаетъ всю систему образовательныхъ организацій и пріемовъ мюнхенской народной школы. Мюнхенская школа ни на минуту не забываетъ, что она должна выпускать борцовъ за существованіе, и пользуется всякимъ случаемъ увеличить тотъ арсеналъ, съ помощію ко-

того воспитанникъ или воспитанница будутъ себѣ пробивать дорогу въ жизни. Отреченіе отъ схоластики, отъ всего того, что нужно только въ школѣ, и что, при выходѣ изъ нея, сбрасывается, какъ ненужный балластъ, здѣсь полное и неумолимое. Съ другой стороны, счеты съ практической жизнью самые серьезные и строгіе. Мюнхенскіе педагоги глубоко убѣждены въ томъ, что развивать ребенка можно и должно не на искусственно созданномъ матеріалѣ, а матеріалѣ, данномъ жизнью. Такъ, напр., при обученіи родному языку все направлено къ тому, чтобы выходящій изъ школы ученикъ съ пользою могъ читать всякую книгу, которая по его положенію непременно ему понадобится, и въ состояніи былъ толково исполнять всякія письменныя работы, которыя неизбѣжно приходится практиковать въ жизни, напр. письма, прошенія, объявленія, удостовѣренія, расписки и т. п. Изъ курса рисованія почти изгнано рисованіе съ геометрическихъ моделей и гипсовъ; рисуютъ только съ предметовъ, встрѣчающихся въ жизни. При обученіи рукодѣлю стремятся къ тому, чтобы ученица была въ состояніи съ ногъ до головы обшить себя и семью, и чтобы она не нуждалась въ посторонней помощи ни на кухнѣ, ни при декорированіи своей квартиры. Соответственно такому направленію школы, наглядность преподаванія становится закономъ и проводится со всею послѣдовательностію. На урокахъ педагогики, напр., не ограничиваются изложеніемъ правилъ ухода за младенцами, не удовлетворяются и показываніемъ картинокъ, а показываютъ ученицамъ въ натурѣ дѣтскую кроватку, дѣтское бѣлье и т. д., приносятъ даже манекенъ ребенка и заставляютъ ученицъ пеленать его и т. п. Въ школьной кухнѣ ученица получаетъ въ свое распоряженіе особую плиту, особый ассортиментъ посуды, весь кулинарный матеріалъ, сама чиститъ, варитъ, жаритъ, солитъ, маринуетъ и т. д. и т. д.

Утилитарное направленіе обученія, конечно, наиболѣе рѣшительно выступаетъ въ профессиональныхъ училищахъ и курсахъ. Приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы профессиональное дѣло изучалось въ той его обстановкѣ, въ которой оно существуетъ въ жизни. Здѣсь не имитируютъ производства, а ведутъ истинное производство, заботясь лишь объ одномъ, чтобы производить не базарный товаръ, а товаръ, соответствующій современнымъ требованіямъ техники. Обученіе происходитъ въ настоящихъ мастерскихъ, настоящими орудіями и у настоящихъ знатоковъ дѣла. Не стоятъ за средствами для того, чтобы поставить мастерскія въ уровень съ лучшими заведеніями въ своемъ родѣ. Училище, напр., затрачиваетъ до 30.000 марокъ на устройство

электрическаго освѣщенія, до 28.000 марокъ на установку электрической тяги и т. п. Въ одномъ изъ училищъ для школы печатниковъ заведена типографія, стоящая 23.000 марокъ, и литографія стоимостью въ 12.000 марокъ. Даже на оборудованіе какого-нибудь ничтожнаго съ нашей точки зрѣнія класса для печниковъ и трубочистовъ ассигнуется до 3.000 марокъ. Не ограничиваясь задачами чисто техническими, школа стремится быть полезною будущимъ мастерамъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, имѣя въ виду, что на пути къ самосовершенствованію рабочіе встрѣчаютъ величайшее препятствіе въ пьянствѣ, школа усердѣйшимъ образомъ пропагандируетъ антиалкогольныя изданія. На стѣнахъ ремесленныхъ мастерскихъ можно видѣть массу тщательно составленныхъ и проверенныхъ таблицъ, содержащихъ всякаго рода техническія, статистическія, юридическія и иныя свѣдѣнія, которыя имѣютъ важность въ жизни. Разсматривая эти таблицы, мы убѣждались въ томъ, что они часто стояли учителямъ весьма не малыхъ трудовъ и во всякомъ случаѣ требовали очень большого увлеченія дѣломъ.

Въѣномъ мюнхенской училищной системы являются учебныя заведенія съ спеціальнымъ назначеніемъ обогащать мѣстное населеніе прикладными знаніями. Начинанія мюнхенскаго городского управленія въ этомъ направленіи представляютъ весьма сложную и поучительную картину.

Профессиональное образованіе мужского пола представляетъ два главные отдѣла—обученіе подростковъ и обученіе взрослыхъ.

Обученіе подростковъ происходитъ въ такъ называемыхъ дополнительныхъ школахъ. Дополнительные школы имѣютъ цѣлію подготовленіе учащихся къ промышленной дѣятельности. Совмѣстно съ техническими и коммерческо-хозяйственными знаніями, дополнительные школы сообщаютъ учащимся и свѣдѣнія, необходимыя для нихъ, какъ будущихъ гражданъ. Посѣщеніе дополнительныхъ школъ обязательно для мальчиковъ, прошедшихъ народную школу, по выходѣ изъ нея, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ лѣтъ. Обученіе въ дополнительныхъ школахъ организуется такимъ образомъ, чтобъ оно не могло мѣшать одновременнымъ практическимъ занятіямъ подростковъ въ мастерскихъ. Каждая дополнительная школа имѣетъ соотвѣтственную учебную мастерскую.

Дополнительныя школы г. Мюнхена образуютъ правильную сѣть. Весь городъ раздѣляется на четыре округа, и каждый изъ этихъ округовъ имѣетъ отъ города особое зданіе для помѣщенія дополнитель-

ныхъ школъ, съ 18 классами, соответственнымъ числомъ мастерскихъ, залами для публичныхъ чтеній и для выставокъ, коллекціей образцовъ и библиотекой.

Обязательный курсъ дополнительной школы обнимаетъ по крайней мѣрѣ 8 еженедѣльныхъ часовъ. Предметы занятій: нѣмецкая литература и упражненія въ сочиненіи; бухгалтерія и книговодство; товаровѣдѣніе, орудіевѣдѣніе и машиновѣдѣніе; юридическія и другія свѣдѣнія, нужныя для жизни; рисованіе; техническія упражненія. Обученіе происходитъ днемъ, и во всякомъ случаѣ оканчивается не позже 7 часовъ вечера. Въ воскресные дни занятій не бываетъ.

Для тѣхъ молодыхъ людей, которые не записались ни въ одну изъ дополнительныхъ школъ профессиональнаго типа, учреждены особыя дополнительные школы съ общеобразовательнымъ характеромъ. Однакожь и здѣсь по возможности проводится утилитарный принципъ. Такъ, напр., обращается особенное вниманіе на музыку, каллиграфію и т. п.

Мюнхенъ имѣетъ 40 видовъ дополнительныхъ школъ профессиональнаго характера. Не только всѣ мастерства и ремесла, но и каждая профессія имѣетъ соответственныя школы. Самымъ распространеннымъ типомъ является школа для купеческихъ приказчиковъ. Въ минувшемъ учебномъ году было 28 классовъ для образованія приказчиковъ. Для рестораторовъ было 10 классовъ, для механиковъ 9, для столяровъ 8, для поварей 8, для портныхъ 7. Даже для учителей было 3 класса, съ 7 обязательными часами еженедѣльно и съ обязательнымъ 3-лѣтнимъ курсомъ. Всего же было 205 дополнительныхъ школъ профессиональнаго характера.

Въ видахъ развитія въ публикѣ вкуса и поднятія технохудожественной требовательности, при дополнительныхъ школахъ устраиваются періодическія выставки произведеній учащихся въ этихъ школахъ, сопровождаемыя соответственными чтеніями и демонстраціями.

При дополнительныхъ школахъ могутъ быть отрываемы органически съ ними связанныя особыя школы для техническаго образованія подмастерьевъ и спеціальныя курсы для мастеровъ. Лица, записавшіяся въ число учащихся спеціальныхъ школъ, обязаны посѣщать ихъ не менѣе одного семестра. Для мастеровъ minimum обязательнаго посѣщенія можетъ быть сокращенъ.

Но собственно для взрослога населенія существуетъ цѣлая система особыхъ спеціальныхъ учреждений. Учрежденія эти предта-

влияютъ двѣ главныя группы: а) воскресныя и вечернія школы и б) ежедневныя школы.

Воскресныя и вечернія школы для подмастерьевъ и мастеровъ, открываемыя съ цѣлью ихъ профессиональнаго усовершенствованія, организовуются соответственно практическимъ запросамъ своихъ слушателей, при чемъ однакожь школы ставятъ своей обязательною задачей дать имъ необходимое, торгово-хозяйственное образование и гражданское развитіе.

Въ курсъ техническихъ предметовъ входятъ рисованіе, черченіе, начертательная геометрія, живопись, моделированіе, чеканное дѣло, технологія, товаровѣдѣніе, химія, физика, геометрія, практическія занятія въ мастерскихъ и лабораторіяхъ. Торгово-хозяйственные курсы обнимаютъ счетоводство вообще, книговодство, ученіе о векселяхъ, торговое право, коммерческое исчисленіе, сочиненіе дѣловыхъ бумагъ, государственное право. Ученіе происходитъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ до и послѣ обѣда, по будничнымъ днямъ вечеромъ. Наименьшее число учебныхъ часовъ въ недѣлю опредѣлено пять.

Ежедневныя спеціальныя школы распадаются на три группы: а) школы съ опредѣленнымъ учебнымъ планомъ вовсе безъ практическихъ занятій или съ ограниченнымъ веденіемъ такихъ занятій, назначаемыя главнымъ образомъ для теоретическаго усовершенствованія подмастерьевъ и мастеровъ; б) школы съ опредѣленнымъ учебнымъ планомъ, но рассчитанныя главнымъ образомъ на практическія занятія, какъ имѣющія въ виду техническое усовершенствованіе учащихся; в) школы безъ опредѣленнаго учебнаго плана и назначенныя главнымъ образомъ для подмастерьевъ, остающихся безъ мѣста.

Во всѣ эти школы въ ограниченномъ числѣ могутъ быть принимаемы и подростки.

Въ школахъ первыхъ двухъ категорій еженедѣльно дается отъ 30 до 48 уроковъ, въ школахъ послѣдней категоріи отъ 30 до 36. Школы первыхъ категорій имѣютъ опредѣленный учебный годъ, продолжающійся 9½ мѣсяцевъ, съ 1-го октября по 15-го іюля.

Въ минувшемъ учебномъ году Мюнхень имѣлъ 105 воскресныхъ и вечернихъ и 28 ежедневныхъ техническихъ школъ для образованія взрослого населенія.

Число учившихся въ томъ же году было—въ дополнительныхъ школахъ до 6.000, въ школахъ для взрослыхъ до 2.000.

На содержаніе и устройство всѣхъ профессиональныхъ школъ для мужского населенія г. Мюнхена было ассигновано на 1906 г. 824.100

марокъ, при чемъ расходы дѣлились пополамъ между городомъ и округомъ Верхней Баваріи. Учителя-руководители получаютъ содержаніе отъ 3.280 до 7.020 марокъ, а преподаватели ремеслъ отъ 2.100 до 3.480 марокъ.

Для профессиональнаго образованія женщинъ выработана своя система мѣропріятій. Всѣ дѣвочки, прошедшія курсъ начальной школы и не записавшіяся въ дополнительные школы, въ теченіе 3 лѣтъ, въ возрастѣ отъ 13 до 16 лѣтъ, обязаны посѣщать воскресныя школы (или замѣняющія ихъ будничныя), съ тремя по крайней мѣрѣ часами еженедѣльныхъ занятій. Въ минувшемъ учебномъ году для этого контингента дѣвицъ существовало 211 классовъ съ 6.955 учащимися. Дополнительныхъ женскихъ школъ было двѣ: одна домоводственная съ 1.025 учащимися, дававшими кадръ 38 классовъ, другая—купецкая, съ 544 учащимися, при 16 классахъ. Въ каждомъ изъ этихъ классовъ давалось еженедѣльно отъ 6 до 10 обязательныхъ уроковъ, при трехлѣтнемъ курсѣ обученія. Въ домоводственныхъ школахъ, сверхъ предметовъ курса 8 класса общей начальной школы, преподается педагогика, отечествовѣдѣніе и бухгалтерія. Въ купеческихъ классахъ общій курсъ составляютъ: религія, родной языкъ, торговое счетоводство, бухгалтерія, упражненія въ составленіи сочиненій, вексельное право и стенографія. Необязательные предметы: французскій и англійскій языки, рисованіе, рукодѣлье. Содержаніе женскихъ воскресныхъ и дополнительныхъ школъ на 1906 г. исчислено въ 103.475 марокъ.

На ряду съ исчисленными учрежденіями существуютъ два спеціальныя женскихъ училища—торговая и рукодѣльная школы. Каждая изъ этихъ школъ въ минувшемъ учебномъ году считала до 600 учащихся. Торговая школа имѣетъ цѣлю основательное спеціальное образованіе дѣвицъ, избирающихъ торговую карьеру. Курсъ школы трехлѣтній, при 25 еженедѣльныхъ урокахъ. Рукодѣльная школа ставитъ цѣлю обученіе дѣвицъ всѣмъ видамъ женской работы. Съ рукодѣльной школой связана учительская семинарія для приготовленія преподавательницъ рукодѣлья, съ двухлѣтнимъ курсомъ. Содержаніе первой школы обходится городу въ 47.000 марокъ, второй въ 63.900 марокъ.

Въ тѣсной связи съ профессиональными учебными заведеніями состоятъ дѣтскіе сады, которые поставлены здѣсь такимъ образомъ, что ихъ можно разсматривать, какъ приготовительныя школы прикладныхъ знаній. Дѣтскіе сады открыты при тѣхъ народныхъ училищахъ,

въ которыхъ имѣются мастерскія. Помѣщеніе дѣтскаго сада обыкновенно состоитъ изъ трехъ комнатъ: залы для игръ, залы для занятій и гардеробной. Кромѣ того при каждомъ школьномъ помѣщеніи имѣется на дворѣ площадка для игръ съ крытой галлереей. Дѣтскіе сады назначены для дѣтей дошкольнаго возраста. Занятія происходятъ здѣсь ежедневно съ 8 до 12 и съ 2 до 4 часовъ. Работы дѣтей, обучающихся въ мюнхенскихъ дѣтскихъ садахъ, которыя мы видѣли на выставкѣ, далеко оставляютъ за собою то, что мы привыкли находить въ подобнаго рода заведеніяхъ. На ряду съ обычными работами, каковы вырѣзываніе, наклеиваніе, складываніе и т. п., мы видѣли предъ собою поразительно серьезныя и изящныя произведенія. Къ числу ихъ нельзя не отнести, напримѣръ, рельефный планъ мѣстности, выгнанный изъ глины и раскрашенный. Дѣтская работа въ данномъ случаѣ дополнена готовыми моделями зданій и фигурами людей, что даетъ всей работѣ весьма интересный видъ. Не менѣе интересна весьма сложная работа, представляющая деревенскій домъ со всѣми принадлежностями. Поражала своимъ изяществомъ модель спальной комнаты, сдѣланная изъ лучины, пробокъ и шелковой матеріи. Несомнѣнно, что подобнаго рода работы кладутъ надежный фундаментъ профессиональному и эстетическому развитію будущихъ ремесленниковъ. Въ 1904 г. число дѣтей, посѣщавшихъ дѣтскіе сады, составляло 14.054. Суммы на содержаніе дѣтскихъ садовъ поступаютъ отъ частныхъ обществъ, но городъ даетъ помѣщеніе и обстановку.

При дѣйствіи закона о всеобщемъ обязательномъ обученіи, извѣстный процентъ дѣтей школьнаго возраста всегда приходится освобождать отъ посѣщеній общей школы вслѣдствіе физическихъ недостатковъ, препятствующихъ имъ учиться вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Къ числу мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей надо сказать, что въ своемъ попеченіи объ удовлетвореніи потребностей начальнаго обученія они не забыли и этихъ несчастныхъ дѣтей, которыя, будучи лишены возможнаго для нихъ образованія, вынуждены обыкновенно влечить крайне тягостную жизнь. Для этихъ дѣтей устроены особыя училища, въ которыхъ они получаютъ общее начальное образованіе по нѣскольکو суженой программѣ, но вмѣстѣ съ этимъ усиленно занимаются пріобрѣтеніемъ доступныхъ для нихъ прикладныхъ знаній. Къ системѣ этого рода учрежденій принадлежатъ: 1) училище для калѣкъ. Сюда принимаются мальчики и дѣвочки, въ возрастѣ отъ 11 до 14 лѣтъ, на 3—4 года. Дѣти, владѣющія обѣими руками, учатся здѣсь мастерствамъ переплетному, футлярному, портняжному и са-

пожному; владѣющія только одной рукой — письмоводству и стенографированію; 2) училище глухонѣмыхъ, гдѣ дѣти специально изучаютъ моделированіе. Въ этомъ училищѣ въ минувшемъ учебномъ году было 10 классовъ съ 10 учителями и 107 учащимися; 3) училище слѣпыхъ, съ специальнымъ преподаваніемъ корзиночного и шеточного производствъ и женскихъ рукодѣлій. Въ 1903—1904 учебномъ году здѣсь училось 100 человекъ, при 13 учителяхъ и учительницахъ.

Къ категоріи особыхъ училищъ относятся еще учебныя заведенія для умственно отсталыхъ дѣтей. Практика школы выяснила, что дѣти, обладающія очень слабыми умственными способностями, не должны обучаться въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ они обыкновенно крайне затрудняютъ общій ходъ преподаванія и при всемъ этомъ не извлекаютъ сколько-нибудь замѣтной пользы для себя. Поэтому стали учреждать для умственно-отсталыхъ дѣтей особые классы. Въ Мюнхенѣ учрежденіе такихъ классовъ относилось къ 1903—1904 учебному году. Въ послѣднее время ихъ было 9, со 193 учащимися. Для отдѣльнаго класса число учащихся колеблется между 16 и 25. Нѣкоторые изъ учащихся, благодаря индивидуализаціи обученія, значительно подвигаются впередъ въ отношеніи умственнаго развитія и вновь переходятъ въ нормальные классы. Другіе же преуспѣваютъ въ прикладныхъ занятіяхъ и скорѣе наталкиваются на свое естественное призваніе.

Обзоръ экспонатовъ, относящихся къ особымъ училищамъ, заставляетъ преклониться предъ мудрою попечительностію дѣятелей народнаго образованія, на обязанности которыхъ лежитъ воспитаніе ненормальныхъ дѣтей. Примѣнены всѣ средства, чтобы облегчить для этихъ дѣтей трудъ ученія и обезпечить усидчивость ихъ занятій. Сколько, напримѣръ, приложено усилій для развитія у слѣпыхъ дѣтей чувства осязанія, тонкость котораго должна у нихъ въ возможной степени покрывать недостатокъ зрѣнія! Какъ осмысленно и остроумно поставлена система слѣпыхъ работъ изъ воска и глины! Какое множество заготовлено разнообразнѣйшихъ узоровъ, вышитыхъ шнуркомъ на сукнѣ, для развитія у слѣпыхъ представленій о фигурахъ. Нечего говорить уже о томъ, что училище слѣпыхъ обладаетъ богатой библіотекой изъ книгъ, изготовленныхъ по точечной системѣ. У нихъ, напримѣръ, имѣется весь Шиллеръ, весь Гете, всѣ лучшіе нувеллисты. Не менѣе богата музыкальная библіотека, гдѣ мы находимъ Бетховена, Моцарта, Мендельсона и другихъ корифеевъ нѣмецкой

музыки. Для глухонемыхъ изготовлена масса анатомическихъ таблицъ, до нельзя выясняющихъ артикуляцію. Дается картина органовъ произношенія каждаго звука en face и въ разрѣзѣ. Изобрѣтена цѣлая система аппаратовъ, примѣненныхъ къ обученію руководящимъ дѣвочекъ, владеющихъ только одной рукою. Учитель школы умственно-отсталыхъ дѣтей вооруженъ цѣлою бібліотекою медико-педагогическаго содержанія, въ составѣ которой имѣются такія солидныя изданія, какъ Heller, Grundriss der Heilpädagogik (Leipzig, 1904, Engelmann), Stimpoll, Paedagogische Pathologie (3 Aufl., Leipzig, 1899, Ungleich), Hans Böschoner, Leopold Miklas und Hans Schiner, Handbuch der Schwachsinnigenfürsorge (Wien, 1905, Karl Graeser). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ участіе педагоговъ къ несчастнымъ дѣтямъ выражается весьма трогательно. Замѣтно искреннее желаніе скрасить жизнь дѣтей, усладить горечь ихъ существованія. Такъ напримѣръ, для слѣпыхъ выдуманы особыя шашки, въ которыхъ бѣлыя и черныя партіи различаются рельефомъ поверхности, особыя карты, также различаемыя по осязанію, особыя лото и т. д., словомъ придуманъ цѣлый рядъ особыхъ приспособленій для обычныхъ игръ, чтобы сдѣлать возможнымъ пользованіе ими для слѣпыхъ. Вообще, имѣется наличность весьма многихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что между воспитателями и воспитуемыми существуетъ нравственная связь, подобная родственной. Эта связь не прерывается выходомъ учениковъ изъ заведенія. Бывшіе ученики остаются какъ бы родными заведенію, въ которомъ они получили образованіе. Гдѣ есть интернаты, туда приходятъ бывшіе воспитанники какъ домой. Для нихъ иногда устраиваютъ особыя праздники, чтобы отвлекать ихъ отъ дурныхъ развлеченій. Есть пріюты, которые помогаютъ кончившимъ курсъ даже деньгами, пока они не приобретутъ твердаго положенія въ жизни.

Надо упомянуть еще объ одномъ учрежденіи, истокающемъ тоже изъ вниманія къ дѣтямъ, въ томъ или другомъ отношеніи обиженнымъ судьбой. Не рѣдко физическіе недостатки, состояніе здоровья, бѣдность, домашняя обстановка, занятія родителей и т. п. обстоятельства являются для дѣтей, посѣщающихъ школу, столь существеннымъ препятствіемъ къ успѣшности обученія, что въ теченіе обязательнаго 8-лѣтняго періода обученія они не могутъ одолѣть полнаго курса школы и вынуждены оставлять заведеніе, не достигши завершительной его ступени и слѣдовательно съ знаніями, не сведенными къ единству, не приноровленными къ условіямъ жизни. Для этихъ неудачниковъ устраиваются въ послѣднее время особыя классы, въ ко-

торыхъ они доучиваются по соображеннымъ программамъ, приспособеннымъ къ ихъ потребностямъ и условіямъ мѣстной трудовой жизни.

Такова мюнхенская училищная система. Нельзя не отдать справедливости ея послѣдовательности и законченности. Едва ли также можетъ быть сомнѣніе въ ея цѣлесообразности. Народная школа въ равной мѣрѣ должна удовлетворять идеальнымъ требованіямъ педагогической науки и реальнымъ запросамъ массы населенія. Мюнхенская училищная система счастливо примирила эти два начала и дала населенію то, что можно признать истиннымъ народнымъ университетомъ, понимая подъ нимъ не урѣзанный университетъ интеллигенціи, а самостоятельный образовательный институтъ, имѣющій почву въ условіяхъ народной жизни и сообразенный съ ея своеобразными требованіями.

VI.

Выставка наглядныхъ пособій.

Существеннымъ дополненіемъ къ тому, что предложено было вниманію участниковъ мюнхенскаго съѣзда въ упомянутыхъ выше четырехъ училищахъ, служила существующая въ Мюнхенѣ окружная ¹⁾ постоянная выставка учебныхъ пособій.

Постоянная выставка учебныхъ пособій въ Мюнхенѣ открыта была правительствомъ въ 1875 году. По мысли учредителей, выставка должна содержать коллекціи всякаго рода наглядныхъ учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей, назначаемыхъ для надобностей начальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій. Прежде всего она обслуживаетъ общественныя учебныя заведенія мѣстнаго округа, но по мѣрѣ возможности оказываетъ содѣйствіе и частнымъ училищамъ, а также учебнымъ заведеніямъ другихъ правительственныхъ округовъ. Цѣль выставки—ознакомленіе заинтересованныхъ лицъ и учреждений съ успѣхами соотвѣтственной производительности и посредничество между производителями и учебными учрежденіями. Управление выставки однакожъ продажей выставленныхъ предметовъ не занимается, ограничиваясь безвозмезднымъ сообщеніемъ всякихъ справокъ и свѣдѣній. За помѣщеніе выставляемыхъ предметовъ никакой платы не взимается. Единственное вознагражденіе, которое получаетъ выставка съ экспонентовъ, заключается въ приобретаемомъ ею правѣ

¹⁾ Правительственный округъ въ Баваріи соотвѣтствуетъ нашей губерніи.

удерживать экспонаты въ своемъ владѣннн въ теченіе трехъ лѣтъ. Выставка не пользуется также никакими комиссіонными процентами съ суммъ, уплачиваемыхъ за предметы, проданные при ея посредствѣ. Допущеніе экспонируемыхъ предметовъ на выставку производится только послѣ признанія этихъ предметовъ особою испытательною комиссіею изъ спеціалистовъ заслуживающими вниманія въ педагогическомъ отношеніи.

По случаю учительскаго съезда выставка пополнила свои коллекціи, которыя поэтому представляли полную картину современнаго состоянія инвентаря наглядныхъ учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей въ нѣмецкой школѣ. Обзорніе экспонатовъ постоянной выставки было чрезвычайно облегчено выпущеннымъ также по случаю съезда новымъ изданіемъ прекраснаго систематическаго каталога выставки и въ высшей степени дѣлсообразнымъ размѣщеніемъ экспонатовъ, допускавшимъ возможность все хорошо высмотрѣть и однородные предметы сравнить. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, для непосредственныхъ дѣятелей народнаго образованія постоянная выставка представляла самый живой практическій интересъ, такъ какъ учителя и учительницы могли здѣсь съ совершенною очевидностью уяснить, въ какихъ отношеніяхъ училища, при которыхъ они состоятъ, могутъ быть признаны достаточно снабженными полезнымъ школьнымъ инвентаремъ, и чего имъ недостасть, а также, въ случаѣ надобности, сдѣлать и соотвѣтственные заказы. И если что-нибудь составляло диссонансъ въ общей совокупности пріятныхъ впечатлѣній, производимыхъ выставкою, то это невзрачное помѣщеніе ея въ гостинномъ дворѣ низшаго сорта, по линіи мучныхъ лабазовъ, москательныхъ лавокъ и тому подобныхъ не совсѣмъ опрятныхъ учреждений.

Выставка представляетъ четыре главныхъ отдѣла: школьнаго оборудованія, школьной гигиены, учебныхъ пособій и школьныхъ украшеній. Отдѣлъ учебныхъ пособій обнимаетъ секціи религіи, исторіи, нагляднаго обученія, чтенія и письма, ариометки и геометріи, рисованія, географіи, естествовѣдѣнія, физики и химіи, промышленности, ручного труда и домоводства, пѣнія, гимнастики и игръ. Выпущенный по случаю съезда каталогъ выставки содержитъ 564 названія, въ томъ числѣ 471 названіе по отдѣлу учебныхъ пособій.

Общую характеристическую черту экспонированныхъ предметовъ составляетъ необыкновенное изящество ихъ исполненія. Какъ видно, германскіе производители учебныхъ пособій вполне усвоили воззрѣніе новѣйшей педагогіи, что эстетическія впечатлѣнія составляютъ неза-

мѣнимое орудіе нравственнаго воспитанія, и что правильно поставленная школа должна окружать дѣтей изящными предметами. Особенною красотою отличаются назначаемыя для школъ картины. Большая часть изъ нихъ таковы, что могутъ служить украшеніемъ всякой квартиры. Къ производству картинъ примѣняются самые усовершенствованные способы, употребляется самая лучшая бумага, самыя сочныя краски. Но, конечно, особенную цѣнность картинъ составляетъ ихъ безупречный въ художественномъ смыслѣ рисунокъ. Рисунокъ всегда почти таковъ, что не только даетъ понятіе о предметѣ, но и о впечатлѣніи, производимомъ предметомъ. Самыя простѣйшія темы, въ родѣ, напримѣръ, изображенія домашнихъ животныхъ, разрабатываются съ соотвѣтственнымъ настроеніемъ.

Нельзя также не отмѣтить другой выгодной особенности наглядныхъ учебныхъ пособій, которыя мы видѣли на выставкѣ. Демонстративность ихъ доведена, можно сказать, до крайнихъ предѣловъ возможности. Размѣры, напримѣръ, географическихъ картъ поражаютъ своей колоссальностью. Благодаря употребленію наилучшихъ матеріаловъ при изготовленіи картъ, отчетливость рисунка не оставляетъ желать ничего лучшаго. Карты и картины обыкновенно таковы, что могутъ съ пользою быть употребляемы въ самыхъ большихъ классахъ и не теряютъ демонстративности даже при разсматриваніи съ самыхъ значительныхъ для классной комнаты разстояній.

Наконецъ, должно сказать, что съ увеличеніемъ эстетическихъ и дидактическихъ достоинствъ, нисколько не уменьшилась доступность учебныхъ пособій. Многія изъ нихъ столько же поражаютъ своимъ качествомъ, сколько умѣренностью цѣны.

Изъ числа весьма многихъ экспонатовъ, остановившихъ наше вниманіе на выставкѣ, перечислимъ лишь тѣ, которые у насъ или вовсе неизвѣстны, или извѣстны весьма мало, а между тѣмъ по своимъ педагогическимъ достоинствамъ, при умѣренности цѣны, заслуживали бы распространенія въ нашихъ школахъ.

Въ секціи нагляднаго обученія выдѣляются высокимъ художественнымъ достоинствомъ и богатствомъ содержанія изданія:

Hirt, Anschauungsbilder: Die vier Jahreszeiten (Hirt & Sohn, Leipzig). Гиртъ, Четыре времени года. 4 раскрашенныхъ картины, размѣра 108×138 сантиметровъ. Цѣна каждой картины на толстомъ картонѣ, обклеенномъ тесьмой, 6 марокъ.

Hölzels Wandbilder für den Anschauungs- und Sprachunterricht (Hölzel, Wien). Гѣльцель, картины для нагляднаго обученія. 11 цвѣт-

ныхъ картинъ, 140×93 сантиметра: весна, лѣто, осень, зима, крестьянскій дворъ, гора, лѣсъ, большой городъ, жилище, гавань, постройка дома. Цѣна каждой картины 4 марки.

Оба изданія принадлежатъ къ числу самыхъ изящныхъ на выставкѣ и отличаются поразительною дешевизною. Всего умѣстивъ они, конечно, въ нѣмецкихъ школахъ и затѣмъ въ тѣхъ училищахъ, гдѣ преподается нѣмецкій языкъ; но художественныя достоинства картинъ дѣлаютъ ихъ желательными въ каждой начальной школѣ.

По отдѣлу исторіи заслуживаютъ рекомендаціи:

Langl, Bilder zur Geschichte (Hölzel, Wien). Лангль, Картины по исторіи. Изображенія замѣчательнѣйшихъ сооруженийъ изъ всѣхъ эпохъ. 71 листъ раскрашенныхъ картинъ, $75,5 \times 57$ сантиметровъ. Цѣна 2 марки за листъ. То же изданіе въ уменьшенномъ размѣрѣ стоитъ 7 марокъ въ изящномъ переплетѣ.

Lehmann, Kulturgeschichtliche Bilder (Wachsmuth, Leipzig). Леманъ, Культурно-историческія картины. На выставкѣ имѣется 10 картинъ: къ исторіи Египта: египетскія постройки, почитаніе умершихъ; къ исторіи Іудеи: іерусалимскій храмъ во время Христа, жертвоприношеніе; къ исторіи Греціи: акрополь, греческій храмъ, Олимпія; къ исторіи Рима: форумъ, внутренность римскаго дома, римскій воинъ. Цѣна каждой картины 2,80 марки. Картины раскрашены, размѣръ 88×66 сантиметровъ.

Прекрасно исполненныя специалистами картины Лангля и Лемана могутъ отлично оживлять преподаваніе исторіи въ тѣхъ его отдѣлахъ, которые при отсутствіи наглядныхъ пособій обыкновенно лишены всякаго образовательнаго значенія.

Нельзя еще не сказать двухъ словъ о великолѣпномъ, образцово изящномъ и безиримѣрно дешевомъ изданіи, хотя и предназначенномъ не для класснаго, а для одиночнаго пользованія. Это—*Kunst und Geschichte. Erster Theil. Abbildungen zur alten Geschichte* (5 Aufl., Pr. 1,50 Mrk). Искусство и исторія. Первая часть. Картины изъ древней исторіи (5 изд., ц. 1,50 мрк.)¹⁾. Изданіе это предпринято при содѣйствіи баденскаго министерства народнаго просвѣщенія и баденскаго высшаго школьнаго совѣта подъ редакціей проф. Люккенбаха. 2-я часть, относящаяся къ исторіи Германіи, уже не такъ интересна, но также заслуживаетъ вниманія. Цѣна 2-й части та же, что и первой.

По географіи можно указать на цѣлый рядъ полезныхъ пособій.

1) Нынѣ вышло уже 6-ое изданіе, ст. 1,90 мрк. въ наукѣ.

Bamberg, Oestliche und Westliche Halbkugel. Бамбергъ, Восточное и Западное полушарія. Размѣръ 200×180 сантиметровъ. Цѣна 30 марокъ (Chun, Berlin). Незамѣнимое пособие въ особенности для школы, не обладающихъ средствами для того, чтобы имѣть нѣсколько картъ. Колоссальные размѣры карты, при весьма рѣзкой и отчетливой печати, даютъ возможность изучать по этой одной картѣ и общую географію, и географію отдѣльныхъ государствъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Изученіе всего географическаго матеріала по одной картѣ, кромѣ матеріальной выгоды, представляетъ весьма важное педагогическое удобство, такъ какъ содѣйствуетъ болѣе точному представленію учащимися взаимныхъ пространственныхъ отношеній различныхъ странъ. При изученіи частей земного шара по отдѣльнымъ картамъ, у учащихся легко образуются ложныя представленія о сравнительной величинѣ отдѣльныхъ частей свѣта и государствъ. Само собою разумѣется, что нѣмецкая номенклатура карты нисколько не помѣшаетъ успѣшности, такъ какъ при этомъ условіи карта для русскаго ученика будетъ полунѣмой, противъ которой трудно что либо возразить.

Gaebler, Europa. Геблеръ, карта Европы (Lang, Leipzig); 200×196 . Цѣна 22 марокъ. По демонстративности одно изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ изданій, отличающихся, сверхъ того, дешевизной.

Для училищъ, обладающихъ хорошими средствами, можно указать на *Dinges, Relief von Europa* (Dinges, Amberg). Дингесъ, Рельефная карта Европы, 100×100 сантиметровъ. Цѣна 55 марокъ. Производительность въ этомъ направленіи не богата, и карта Дингеса есть единственная, имѣющаяся на выставкѣ, рельефная карта Европы.

Напротивъ, инвентаръ географическихъ картинъ весьма обширенъ и обладаетъ драгоценными въ педагогическомъ отношеніи изданіями. На первомъ планѣ надо поставить:

Lehmann, Geographische Charakterbilder. Леманъ, Характерныя географическія картины. Раскрашенныя; размѣръ 88×66 сантиметровъ! (Wachsmuth, Wien). Изданіе не окончено; вышло 56 листовъ. Цѣна большей части картинъ 1,60 марки. Перечисляемъ картины, которыя вполне пригодны для нашей школы: Гельголандъ и дюны; Рейтъ у Бингена; кельнскій соборъ; тюрингенскій лѣсъ; Саксонская Швейцарія, Исполинскія горы (двойная картина); рейнскій водопадъ; Бернскія Альпы (двойная картина); дорога Фурка; большой Алечскій ледникъ; полярная мѣстность; форумъ въ Римѣ; Неаполь и Везувій; Константинополь; южно-американскій лѣсъ; акрополь въ Афинахъ; Иерусалимъ

въ эпоху Христа; Нью-Йоркъ; египетскія пирамиды; доломиты; Адельсбергскій гротъ; гамбургская гавань; Дрезденъ; Боденское озеро; голландскій ландшафтъ; Санъ-Готардская дорога; китайскій городъ; Бедаресъ; пустыня; Кааръ; видъ изъ Восточной Африки; Берлинъ; Вѣна; Венеція; Гельсингфорсъ; Японія.

Въ дополненіе къ картинамъ Лемана, можно взять нѣкоторыя картины изъ изданія:

Hölzel (Wien), *Geographische Charakterbilder*, herausgegeben von Chavanne, Naardt etc. Гельцель, Географическія характерныя картины. 40 картинокъ, размѣръ 79×59 сантиметровъ, по 4 марки за листъ. Въ этой коллекціи имѣются, между прочимъ, картины: Сьерра Певада; плато Анагуакъ; Нагасаки; Столовая гора и Капштадтъ; Колорадо; кратеръ Гавайи; Гималайскія горы; Килиманджаро; тундра.

То и другое изданія отличаются высокимъ изяществомъ, а первое, при томъ, поразительною дешевизною. Тамъ, гдѣ озабочены тѣмъ, чтобы уроки географіи не обращались въ мучительную борьбу съ номенклатурной путаницей, оживленіе преподаванія широкимъ примѣненіемъ принципа наглядности является безусловно необходимымъ. Картины Гельцеля и Лемана въ высокой степени содѣйствуютъ такой постановкѣ дѣла.

Еще выше по художественнымъ достоинствамъ стоятъ:

Martin, *Wandtafeln für den Unterricht in Anthropologie, Ethnographie und Geographie* (Füssli, Zürich). Мартинъ, Стѣнные таблицы по антропологіи, этнографіи и географіи. Вышли 8 фотохромотипій, изображающихъ расовые типы человѣческаго рода. Вся коллекція стоитъ 28 марокъ.

Выдающимися достоинствами отличаются еще изданія:

Wünsche D-r, *Deutsche Kolonial-Wandbilder* (Leutert & Schneidewind, Dresden). Д-ръ Вюнше, стѣнные картины нѣмецкихъ колоній. 7 раскрашенныхъ картинокъ, размѣра 80×110 сантиметровъ; по 6 марокъ за листъ. Несмотря на свою специальную цѣль, картины д-ра Вюнше представляютъ общеобразовательное значеніе, такъ какъ даютъ прекрасныя характеристики природы странъ, привлекающихъ особенное вниманіе европейцевъ, равно какъ ясныя представленія о цивилизующей дѣятельности европейскіхъ государствъ въ другихъ частяхъ свѣта.

По естественнѣйшю имѣется богатѣйшій репертуаръ вполне цѣлесообразныхъ учебныхъ пособій, дающихъ возможность довести наглядность преподаванія до *non plus ultra*. Ограничиваемся указаніемъ

наиболѣе доступныхъ по цѣнѣ и удобствамъ полученія изъ-за границы.

Очень хороши анатомическія таблицы Дюмса, *Düms* (Samariterbund, Leipzig), *Neue anatomische Anschauungstafeln*, herausgegeben von Deutschen Samariterbund. За всю коллекцію изъ 6 таблицъ 12 марокъ. Содержаніе таблицъ: костный скелетъ; мускулы; кровообращеніе и сосуды; сердце и легкія; органы пищеваренія; органы чувствъ. Первые три таблицы размѣра 57×170 снтм.; послѣднія три 57×87 .

Для школъ съ лучшими средствами должно рекомендовать роскошное изданіе:

Frenkel, Anatomische Wandtafeln für den naturgeschichtlichen Unterricht an höheren Lehranstalten (Fischer, Jena). Френкель, стѣнные таблицы по анатоміи. 8 таблицъ 112×123 снтм., по 5 марокъ.

По зоологіи выдающееся изданіе по превосходному исполненію и крайней дешевизнѣ представляетъ:

Engleder (Schreiber, Esslingen), *Wandtafeln für den naturkundlichen Unterricht*. Энгледеръ, стѣнные таблицы по естествовѣдѣнію. Слѣдуетъ требовать новѣйшее изданіе, переработанное и дополненное биологическими подробностями докторомъ Мацдорфомъ. 60 цвѣтныхъ картинъ, размѣра 80×105 снтм. Цѣна каждой отдѣльной картины 1,20 марки. Для образца можно выписать сначала одну серію (напр. лисица, коза, слонъ, морская собака, страусъ, майскій жукъ) за 6 марокъ.

Вполнѣ заслуживаютъ также вниманія:

Meinhold (Meinhold, Dresden), *Wandbilder für den Unterricht in der Zoologie*. Мейнгольдъ, стѣнные таблицы по зоологіи, 100 картинъ, въ 20 выпускахъ, изъ 5 картинъ каждый. Размѣръ 65×91 снтм. Цѣна отдѣльной картины 1,20 марки, цѣна выпуска 5 марокъ. Въ 1 выпускѣ: лошадь, олень, тигръ, орелъ, аистъ.

Hartinger (Gerold, Wion), *105 Wandtafeln für den naturgeschichtlichen Unterricht*; Гартингеръ, 105 стѣнныхъ таблицъ по естествознанію. Вышелъ только отдѣлъ зоологіи, содержащій 65 таблицъ, 84×64 снтм., по 1,60 марки.

Цельзя также оставить безъ вниманія роскошныя изданія, не представляющія однако цѣльности.

Eschner und Marschall (Scheffer, Leipzig), *Der Zoologische Garten*. Эшнеръ и Маршалъ, Зоологическій садъ. 50 увеличенныхъ фотографій, 63×80 снтм. По 5,60 марки каждый листъ (напр. бѣлый медвѣдь, гіена, тапиръ, фламинго).

Исключительнымъ по художественному совершенству представляется изданіе:

... *Schmeil*. (Nägele, Leipzig), *Wandtafeln für den Zoologischen Unterricht*. Шмейль, стѣнные таблицы по зоологiи. 7 раскрашенныхъ картинъ, размѣра 115×150 смт., по 3,80 марки: дромадеръ; кабанъ; бѣлка; страусъ; кораллы; бѣлый медвѣдь; рыбы.

... *Всѣ означенныя картины не только даютъ отчетливыя представленія о вышнемъ видѣ животныхъ, но рисуютъ обстановку, въ которой они живутъ и до нѣкоторой степени уясняютъ ихъ значеніе въ природѣ и въ жизни.*

По ботаникѣ истиннымъ сокровищемъ въ педагогическомъ отношеніи являются изящныя, весьма демонстративныя и характерныя стѣнные картины Шмейля: *Schmeil* (Nägele, Leipzig), *Wandtafeln für den botanischen Unterricht*. Размѣръ 111×130 смт. Цѣна 4,80 марки за листъ.

По минералогiи незамѣнимымъ, хотя и мало доступнымъ, является коллекція кристаллическихъ моделей *Krystallmodelle* (Stürz, Bonn). Всѣхъ моделей 80, представляющихъ важнѣйшія формы минераловъ. Модели достаточно велики для разсматриванія цѣлымъ классомъ. Кромѣ непосредственнаго примѣненія на урокахъ минералогiи, модели полезны и какъ пособіе для изученія геометрическихъ формъ и фигуръ вообще.

Изъ многочисленныхъ коллекцій минераловъ обращаетъ на себя вниманіе, составленная Бёмомъ и Видеманомъ, въ Мюнхенѣ: *Böhm und Wiedemann, Mineraliensammlung*. Коллекція содержитъ 60 образцовъ, достаточной величины, въ красивомъ ящикѣ. Цѣна 26 марокъ.

Нельзя обойти молчаніемъ стѣнныхъ картинъ Келлеръ-Андрее, изображающихъ животныхъ первобытнаго міра: *Keller-Andraea* (Fischer & Co, Cassel) *Thiere der Vorwelt*. 6 картинъ стоятъ 30 марокъ. Реконструкція, художественно исполненная подъ руководствомъ специалистовъ, производитъ самое глубокое впечатлѣніе. Съ извѣстной точки зрѣнія можно находить такія картины излишними при элементарномъ преподаваніи естествовѣдѣнія. Однакожъ если имѣть въ виду, что элементарное преподаваніе имѣетъ дѣло съ дѣтьми, воображеніе которыхъ жаждетъ поражающихъ образовъ и чувство — сильныхъ движеній, и что воспроизведеніе картинъ первобытной природы знаменуетъ величайшее торжество научнаго генія, нельзя не согласиться, что разсматриваемыя картины, какъ глубоко затрогивающія интересы

дѣтей съ разнообразныхъ сторонъ, составляютъ драгоценное воспитательное орудіе въ рукахъ учителя.

По отдѣлу рукодѣлья обращаютъ на себя вниманіе стѣнные таблицы для вязанья, Розинга: *Rosig* (Dr. Schneider, Leipzig), *Das Stricken*. 64 таблицы стоятъ 15 марокъ.

Чрезвычайно оригинальное и въ высшей степени полезное изданіе представляютъ таблицы Шмидта по гимнастикѣ и подвижнымъ играмъ:

Schmidt (Voigtländer, Leipzig): 1, *Übersicht der für die verschiedenen Altersstufen zweckmässigsten Leibesübungen*; 2, *Einwirkungen und Erfolgsfolge der Leibesübungen bei der Schuljugend*. На двухъ листахъ авторъ въ формѣ таблицъ представилъ сводъ данныхъ о дѣйствіи каждаго отдѣльнаго вида тѣлесныхъ упражненій на легкія, сердце, кровообращеніе, обменъ веществъ, нервы, мускулы, равно какъ соображенія о влияніи упражненій на физическое, моральное и эстетическое развитіе. Въ этихъ таблицахъ, само собою разумѣется, нѣтъ ничего новаго, но все извѣстное концентрировано столь удачно, что даетъ возможность моментально сдѣлать нужную справку и, благодаря этому, избѣжать иной разъ ошибочнаго распоряженія при чередованіи упражненій.

Наконецъ нельзя не сказать нѣсколько словъ о картинахъ, назначенныхъ собственно для украшенія школьныхъ помѣщеній. Производство предметовъ, назначаемыхъ для приданія комнатамъ, гдѣ происходитъ обученіе дѣтей, и гдѣ они собираются для отдыха и игръ, изящнаго вида, достигло въ Германіи широкаго развитія. Изъ ряда предметовъ этого рода на мюнхенской выставкѣ выдѣлялись слѣдующіе:

Seemanns farbige Kopien (E. A. Seemann, Leipzig). Зеemannъ, Цвѣтныя копии. Это—коллекція картинъ, составляющихъ воспроизведенія классическихъ произведеній великихъ мастеровъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Тиціанъ, бесѣда о подати; размѣръ 25×33 смт.; цѣна 2 марки; Дюреръ, апостоль Павелъ и евангелистъ Маркъ, 60×25 смт., 5 марокъ; Дюреръ, апостоль Петръ и евангелистъ Іоаннъ, 60×25, 5 марокъ; Корреджіо, Святая ночь, 29,5×40,5 смт., 2 марки; Рафаэль, Сикстинская Мадонна, 60×46 смт., 5 марокъ.

Вполнѣ роскошное изданіе представляютъ картины *Photochrom-Gemälde-Reproductionen der Photoglob-Co., Zürich*. Фотохромотипическое воспроизведеніе картинъ общества Фотоглобъ, въ Цюрихѣ. 6 картинъ по 14,40 мрк.: Чезари, положеніе во гробъ; Корреджіо,

Святая ночь; Рафаэль, Сикстинская Мадонна; Да-Винчи, Тайная вечеря; Фанъ-деръ-Ворфъ, изгнание Агари.

Изъ болѣе доступныхъ по цѣнѣ слѣдуетъ указать изданія: *Deutsche Künstlerstein-Zeichnungen*, цвѣтныя литографіи карлсруэскаго художественнаго союза, и *Voigtländers, farbige Künstlerstein-Zeichnungen* (Voigtländer, Leipzig). Оба изданія даютъ весьма большое число картинъ, разныхъ размѣровъ и разныхъ цѣнъ, начиная отъ 2,50 марокъ. Последнее изданіе въ особенности можно рекомендовать.

Вл. Фармаковский.

1906 г.

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ АНГЛИИ ¹⁾.

Въ 1872 г. Кембриджскій университетъ получилъ меморіалы отъ многихъ общественныхъ управленій и воспитательныхъ организацій. Въ числѣ ихъ были муниципальныя управленія городовъ Бирмингама, Лидса и Ноттингама, учебно-воспитательные комитеты нѣсколькихъ промышленныхъ обществъ и механическихъ (или ремесленныхъ) инсти-

¹⁾ При составленіи этой статьи я пользовался пособиями, любезно предоставленными мнѣ регистраторомъ Лондонскаго Общества University Extension Робертсомъ Дэвисомъ Робертсомъ. Пособія эти суть отчеты и статьи, составленныя частью Робертсомъ, частью другими лицами, кромѣ того официальныя справочныя книжочки, издаваемыя для желающихъ поступить на курсы. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) University of Cambridge. Twenty-five years of University Extension by R. D. Roberts 1898. 2) University Extension Congress. London 1894. Заключаетъ въ себѣ отчетъ о засѣданіяхъ конгресса делегатовъ всѣхъ обществъ University Extension не только Англій, но и другихъ странъ. На этихъ засѣданіяхъ были обсуждаемы заключенія комиссій, избранныхъ для разсмотрѣнія главнѣйшихъ вопросовъ, касавшихся University Extension, какъ напримѣръ объ устройствѣ курсовъ, о центральныхъ и мѣстныхъ организаціяхъ, объ отношеніяхъ University Extension къ государству, къ университету и пр. 3) University of London. Board to promote the Extension of University Teaching (local lectures. Session 1904—5). Содержитъ краткій отчетъ о дѣятельности Лондонскаго общества за 1904 — 5, съ приложеніемъ статистическихъ данныхъ и перечня курсовъ и лицъ, получившихъ свидѣтельства. 4) University of London. Board to promote the Extension of University Teaching (local lectures). 1906. Method, Regulations and Courses. Содержитъ въ себѣ общія правила, касающіяся какъ учебнаго дѣла (устройства курсовъ, метода ученія, экзаменовъ и свидѣтельствъ), такъ и внѣшней организаціи общества, платы за курсы и т. п. 5) The University Extension movement by Prof. Jebb. Рѣчь, читанная на интернаціональномъ конгрессѣ высшаго образованія, бывшемъ въ Парижѣ отъ 30 іюля до 4 августа 1900 года. Англійскій текстъ этой рѣчи напечатанъ въ University Extension Journal, November 1900. 6) The Inwardness of the University Extension Movement by R. D. Roberts (напечатана въ The University Review, October 1905).

тутовъ, наконецъ общество сѣверной Англiи для образованiя женщинъ. Меморiалы эти указывали на отсутствiе въ провинціи средствъ для высшаго образованiя.

„Мы знаемъ, говорилось въ этихъ меморiалахъ, что во многихъ большихъ городахъ и сельскихъ округахъ есть много лицъ, желающихъ получить высшее образованіе. Лица эти прошли уже школьное ученіе. Но они не имѣютъ ни средствъ, ни досуга посвятить три или четыре года университету. Большинство ихъ молодые люди средняго класса, занятые днемъ въ качествѣ низшаго служебнаго персонала, какъ то клерковъ (или писцовъ), прикащиковъ и т. п.; другіе же заняты ремеслами. По какимъ образомъ можно было бы удовлетворить потребностямъ въ высшемъ образованіи тѣхъ лицъ, которыя могутъ заняться наукою только по вечерамъ? — Въ этихъ затрудненiяхъ мы обращаемся къ старымъ университетамъ Англiи. Вѣдь они суть національные центры высшаго образованiя. Отчего бы университетамъ не придти къ намъ, коль скоро тѣ, за которыхъ мы хлопочемъ, не могутъ пойти къ нимъ? Отчего университетамъ не послать къ намъ въ качествѣ учителей людей, обладающихъ высшими познанiями во всѣхъ отрасляхъ науки? Эти люди могли бы оказать новую и большую услугу народу, если бы они въ качествѣ миссіонеровъ со стороны университета захотѣли въ нашихъ городахъ руководить вечерними классами для тѣхъ, которые не имѣютъ досуга въ теченіе дня“. — Въ то же время меморiалы указывали и на то, что университетскіе учителя могли бы оказать еще и другую услугу. Вездѣ въ большихъ городахъ есть большое число лицъ, особенно женскаго пола, которыя болѣе или менѣе пользуются досугомъ въ теченіе дня, лица съ хорошимъ образованіемъ, которыя желали бы расширить свои познанiя и усовершенствовать свои умственныя способности. Такія лица радостно привѣтствовали бы правильные курсы по литературѣ, исторiи и естественнымъ наукамъ, преподаваемые университетскими лекторами. Съ городами, желающими подобнаго обученiя, можно было бы войти въ соглашеніе, такъ чтобы каждый университетскій лекторъ имѣлъ свой кругъ чтенiй. Время лектора было бы также достаточно занято вечерними лекціями, какъ теперь занято время читающихъ дневныя лекціи, — и вознагражденіе ихъ могло бы быть одинаковое.

Таково было въ сущности содержаніе меморiаловъ ¹⁾. Для разсмотрѣнiя вышеозначеннаго предложенiя Кембриджскій университетъ

---

¹⁾ Содержаніе меморiаловъ заимствовано изъ рѣчи Джебба (Jebb), см. № 5.

назначилъ особенную комиссію, которая представила свой докладъ въ 1873 году. Въ этомъ докладѣ она рекомендовала университету сдѣлать опытъ въ небольшихъ размѣрахъ, устроивъ вечерніе курсы въ двухъ или трехъ городахъ. Это рѣшеніе комиссіи было принято, и зимою въ 1873 году Кембриджскимъ университетомъ устроены были чтенія въ трехъ городахъ Лейчестерѣ, Дерби и Ноттингамѣ.

Опытъ, сдѣланный Кембриджскимъ университетомъ, имѣлъ громадный успѣхъ. Множество городовъ пожелало также устроить у себя подобныя чтенія, такъ что одинъ Кембриджскій университетъ не въ состояніи былъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Уже три года спустя, а именно въ 1876 г., образовалось въ Лондонѣ общество для распространенія университетскихъ чтеній въ столицѣ Англіи. Въ 1876 году устроилъ подобныя чтенія Оксфордскій университетъ, и хотя онъ затѣмъ прекратилъ на нѣкоторое время это дѣло, однако съ 1885 года онъ опять занялся имъ и съ тѣхъ поръ ведетъ его съ большою энергіей. По примѣру Кембриджа и Оксфорда и другіе англійскіе университеты приняли участіе въ устройствѣ чтеній. Университетъ Викторія организовалъ чтенія въ Ланкаширѣ и Юршпирѣ. Четыре шотландскихъ университета соединились для того, чтобы устроить университетскія чтенія въ Шотландіи. Въ Ирландіи образовалось также общество для распространенія университетскихъ чтеній. Вскорѣ примкнули къ движению въ пользу университетскихъ чтеній и англійскія колоніи, особенно Канада. Наконецъ это движеніе распространилось въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ нѣкоторыхъ государствахъ на континентѣ Европы, а именно въ Норвегіи, Швеціи и Даніи.

Введеніе новаго способа просвѣщенія народа при помощи курсовъ, устраиваемыхъ университетами, всецѣло принадлежитъ Англіи. Мыслию, будто идея распространенія университета или дѣятельности его посредствомъ устройства курсовъ для народной массы, возникла впервые въ Даніи, ничѣмъ не подтверждается. Сами англичане указываютъ съ нѣкоторою гордостью на то, что идея о подобномъ способѣ просвѣщенія народа возникла у нихъ еще въ 17 вѣкѣ. Такъ въ 1650 году Вильямъ Делль, учитель Кембриджской коллегіи, предлагалъ учредить университеты и коллегіи въ каждомъ значительномъ городѣ Англіи и устроить въ нихъ курсы такъ, чтобы юношество могло одну часть дня провести въ ученіи, а другую въ занятіяхъ своей профессіи, или же одинъ день въ ученіи, а другой въ занятіяхъ, совершенно вѣрно заключая, что такимъ образомъ могли бы пройти высшее ученіе

двадцать человекъ, въ то время какъ теперь проходитъ его только одинъ. Нѣчто подобное имѣлъ въ виду также Тома Гресгамъ (Gresham), основатель гресгамской коллегіи въ Лондонѣ, желавшій, чтобы его коллегіей пользовались молодые люди, занятые въ конторахъ Лопдонскаго Сити. Впрочемъ, если даже не придавать большого значенія этимъ историческимъ справкамъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что идея о необходимости привлечь университетъ къ образованію низшаго и среднего класса народа могла сама собою возникнуть въ Англии при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилось дѣло школьнаго образованія въ этой странѣ. Въ Англии, какъ извѣстно, школьное образованіе низшаго и среднего класса было въ большомъ запущеніи. Государство нисколько не заботилось о немъ и предоставляло его частной инициативѣ. Каковы были эти школы, достаточно извѣстно изъ описаній англійскихъ романистовъ, наиримѣръ Диккенса. Затѣмъ вообще было мало школъ, особенно для низшихъ слоевъ общества. Высшее же образованіе, сосредоточенное въ немногихъ университетахъ и коллегіяхъ, доступно было только привилегированному классу знатныхъ и богатыхъ. Коренной переворотъ въ школьномъ дѣлѣ произошелъ только со второй половины прошлаго столѣтія, когда общество и правительство обратили серьезное вниманіе на недостатки школьнаго образованія, на несоотвѣтствіе его съ интересами народа и требованіями времени. Въ промежуткѣ между 1850 и 1873 г. сдѣланы были значительныя реформы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, расширившія программу студій и открывшія доступъ въ эти университеты такимъ классамъ общества, которые раньше были исключены изъ нихъ. Терминъ University Extension (расширеніе или распространеніе университета) впервые вошелъ въ употребленіе въ это время, но, конечно, имѣлъ тогда другое, болѣе узкое значеніе, чѣмъ нынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращено было серьезное вниманіе на образованіе народа. Въ 1870 г. былъ изданъ законъ о первоначальномъ образованіи, а въ 1876 г. образованіе это сдѣлано было обязательнымъ. Въ то же время обращено было вниманіе и на то, чтобы средній классъ получилъ образованіе выше того, какое дается низшею школою. Для этого однако недоставало подходящихъ школъ. Коллегіи стараго устройства стояли слишкомъ дорого, кромѣ того курсы ихъ были слишкомъ продолжительны и не отвѣчали современнымъ требованіямъ общества. Поэтому оставалось только обратиться за помощью къ университетамъ, такъ какъ только отъ университетовъ можно было ожидать, что они взглянуть шире на

образование народа и устроить курсы болѣе подходящія къ его требованіямъ; кромѣ того только университеты могли дать лекторовъ и преподавателей, которые способны были бы выполнить новую задачу. Такимъ образомъ распространеніе университета за предѣлы старыхъ рамокъ произошло какъ бы само собою, вслѣдствіе потребности въ высшемъ образованіи съ одной стороны и недостатка соотвѣствующихъ учебныхъ заведеній съ другой стороны. Такъ какъ лицамъ, жаждавшимъ высшаго образованія, но въ то же время занятымъ уже службою или какою нибудь практическою профессіей, невозможно было пойти въ университетъ, то пришлось университету придти къ нимъ въ лицѣ странствующихъ профессоровъ и лекторовъ. Притомъ, такъ какъ лица эти болѣею частью были заняты днемъ, то пришлось для нихъ устроить вечерніе курсы. Такимъ образомъ недостатокъ соотвѣствующихъ школъ для высшаго образованія низшаго и средняго класса въ народѣ повелъ къ организаціи совершенно новаго образовательнаго учрежденія. Значеніе этого новаго учрежденія многообразно.

Во-первыхъ, оно усилило стремленіе къ высшему образованію и повело къ основанію новыхъ университетовъ и новыхъ коллегій. Такъ подъ вліяніемъ этого стремленія были основаны университеты Викторія, Валлисскій и Бирмингемскій и преобразованъ университетъ Лондонскій. Точно также нѣсколько коллегій, какъ то: коллегія въ Ридингѣ, Эксетерѣ и Кольчестерѣ были основаны подъ вліяніемъ общества „распространенія университета“. Затѣмъ, новое учрежденіе было одинаково полезно какъ для университетовъ, такъ и для народа. Университеты получили новую, болѣе обширную арену для своей дѣятельности, которая заставила ихъ подумать объ устройствѣ новыхъ курсовъ, наиболѣе отвѣчавшихъ образовательнымъ цѣлямъ. Въствѣ съ тѣмъ они значительно поднялись въ мнѣніи народа и стали тѣмъ, чѣмъ они должны быть,—центрами народнаго просвѣщенія. Народная же масса выиграла отъ новыхъ курсовъ, такъ какъ они расширили ея умственный и нравственный горизонтъ и научали ее цѣнить высшіе духовные интересы, которые обыкновенно пренебрегаются людьми, занятыми въ практическихъ профессіяхъ. Наконецъ, самое существенное значеніе, какое имѣетъ „распространеніе университета“ или, яснѣе сказать, распространеніе высшаго образованія при помощи университетовъ, заключается въ томъ, что оно старается сдѣлать общимъ достояніемъ то, что раньше принадлежало только привилегированному классу. Цѣль безъ сомнѣнія высокая, и чѣмъ больше она будетъ достигнута, чѣмъ больше высшее образованіе будетъ распро-

странено во всѣхъ слояхъ общества, тѣмъ больше будетъ сглаживаться та рознь, которая существуетъ между образованными и необразованными классами, и то взаимное непониманіе, недоувѣріе и отчужденіе, которое является результатомъ неравности въ образованіи. Настоящая, здоровая демократія можетъ быть только при условіи равенства образованія, при чемъ мы разумѣемъ равенство только въ главныхъ основахъ.

Организація курсовъ и преподаванія¹⁾.

Чтобы достигнуть своей цѣли, университеты не ограничиваются только популярными чтеніями или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ мало прибѣгаютъ къ нимъ, а стараются устроить болѣе или менѣе продолжительные курсы по разнымъ предметамъ знанія. Въ устройствѣ этихъ курсовъ и заключается главная дѣятельность университета и въ то же время самая трудная часть этой дѣятельности. Что же касается до способа или метода преподаванія, то въ сущности онъ не отличается отъ метода обычнаго въ англійскихъ коллегіяхъ. Разница въ этомъ отношеніи состоитъ въ лучшемъ выполненіи обычнаго метода: въ болѣе основательномъ и живомъ изложеніи предмета, въ болѣемъ упражненіи учащихъ въ изучаемомъ предметѣ, въ болѣемъ вниманіи къ ихъ индивидуальностямъ и т. п. Выражается этотъ способъ преподаванія въ четырехъ актахъ: 1) чтеніяхъ или лекціяхъ, 2) классныхъ занятіяхъ, 3) еженедѣльныхъ письменныхъ работахъ и 4) экзаменахъ. Скажемъ сначала о курсахъ и чтеніяхъ, затѣмъ о классныхъ занятіяхъ, письменныхъ работахъ и экзаменахъ.

Курсы и чтенія.

Цѣль, преслѣдуемая обществомъ распространенія университета (или, какъ у насъ принято называть, народнымъ университетомъ) двойная. Одна цѣль состоитъ въ томъ, чтобы возбудить интересъ къ наукамъ и содѣйствовать распространенію общихъ свѣдѣній. Другая же цѣль заключается въ томъ, чтобы дать возможность заниматься систематически и продолжительно разными отдѣлами исторіи, литературы, искусства, экономическихъ и естественныхъ наукъ тѣмъ лицамъ, которыя настолько подготовлены, что могутъ серьезно изучать

¹⁾ См. University of London. Board to promote the extension of university teaching. 1906. Method, regulations and courses.

эти предметы. Согласно съ двойною цѣлю и курсы бываютъ двойнаго рода: краткіе и продолжительные (систематическіе). Краткіе курсы служатъ первой цѣли, систематическіе и продолжительные — второй цѣли.

Краткіе курсы состоятъ или изъ небольшого числа лекцій, представляющихъ послѣдовательное изложеніе одного предмета однимъ лекторомъ или изъ серіи таковыхъ лекцій, читаемыхъ разными лекторами о разныхъ предметахъ, имѣющихъ однако связь между собою въ образовательномъ отношеніи. Послѣдняго рода курсы называются пионерными (pioneer lectures).

Для краткихъ и пионерныхъ курсовъ избираются такіе предметы, которые могутъ заинтересовать народную аудиторію. Отъ лектора требуется, чтобы изложеніе предмета было основательное и въ то же время интересное, такъ чтобы лекціи имѣли дѣйствительно образовательное значеніе и могли быть поняты даже тѣми слушателями, которые не имѣютъ никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о предметѣ. Чтенія должны быть, насколько возможно, демонстрированы при помощи опытовъ, картинъ, волшебнаго фонаря.

Подобные курсы являются цѣннымъ средствомъ поощренія къ систематическимъ курсамъ, а курсы по исторіи, литературѣ и искусству могутъ служить дополненіемъ къ курсамъ политехническихъ и другихъ подобныхъ институтовъ, въ которыхъ эти предметы не преподаются. Другими словами: краткіе курсы могутъ оказать пользу еще въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, они могутъ побудить прослушавшихъ эти курсы поступить на курсы систематическіе, во 2-хъ, они дадутъ учащимся въ техническихъ институтахъ возможность восполнить свое образованіе по гуманитарнымъ предметамъ.

Число лекцій, назначенныхъ для краткихъ и пионерныхъ курсовъ, обыкновенно бываетъ отъ 3 до 5 или 6.

По этимъ курсамъ нѣтъ экзаменовъ и не выдается никакихъ свидѣтельствъ.

Систематическіе или продолжительные курсы представляютъ болѣе сложное устройство. Кромѣ чтеній лектора установлены еще классныя занятія для слушателей, еженедѣльные письменныя работы и въ концѣ курса экзамены.

Предварительно замѣтимъ, что продолжительность курсовъ, какъ вообще въ англійскихъ школахъ, опредѣляется не семестрами, а терминами.

Терминовъ въ учебномъ году три: the Michaelmas Term, осенній

терминъ, продолжающійся 10 недѣль, съ октября до декабря, the Lent Term, зимній терминъ, продолжающійся тоже 10 недѣль, съ января до марта и Summer Term, дополнительный лѣтній терминъ въ 5 или 10 недѣль, апрѣль и май или съ апрѣля до іюня. Три послѣдовательныхъ термина съ октября до мая или іюня составляютъ учебный годъ или сессію (Session).

Поэтому и курсы бываютъ терминальные, которые читаются въ теченіе всего термина, и сессіональные, которые читаются въ теченіе цѣлой сессіи. Кромѣ этихъ курсовъ есть еще курсы, продолжающіеся три года и больше (полныхъ четыре сессіи), устроенные для тѣхъ, которые пожелають получить образованіе, дающее доступъ въ университетъ. На расширеніе курсовъ, какъ сказано будетъ ниже, обращено особенное вниманіе.

Терминальные курсы состоятъ обыкновенно изъ 10 лекцій, по одной въ недѣлю, и читаются въ теченіе всего термина въ тѣ же дни и то же время, при чемъ каждая лекція продолжается одинъ часъ. Сессіональные курсы состоятъ, по меньшей мѣрѣ, изъ 24 или 25 лекцій, читаемыхъ въ теченіе трехъ терминовъ сессіи.

Программы (Syllabus). Для того, чтобы слушатели могли безъ затрудненія слѣдить за чтеніемъ и усвоить себѣ самое существенное, лекторъ обязанъ приготовить для нихъ заранѣе напечатанную программу. Въ программѣ, кромѣ краткаго содержанія читаемаго курса, должны быть указаны главнѣйшія руководства. Программами снабжаются слушатели всѣхъ курсовъ, не только систематическихъ, но и краткихъ и пионерныхъ.

Классы (Classes). Для слушателей, которые хотять заняться предметомъ болѣе основательно, устроены классы или классныя занятія, до или послѣ каждой лекціи, продолжающіяся приблизительно $\frac{3}{4}$ часа. Цѣль классныхъ занятій состоитъ въ томъ, чтобы дать слушателямъ возможность войти въ личныя сношенія съ лекторомъ и путемъ бесѣды или обсужденія съ нимъ лучше ознакомиться съ основными положеніями науки и разъяснить себѣ особенныя трудности въ изучаемомъ предметѣ. Ученіе въ классахъ менѣе формально, чѣмъ на лекціяхъ. Слушатели могутъ предлагать лектору вопросы, касающіеся предмета предыдущихъ лекцій. Съ другой стороны и лекторъ, при помощи вопросовъ, имѣетъ возможность узнать поближе свою аудиторію и соотвѣтственно этому видоизмѣнить свой способъ изложенія. Въ всякомъ случаѣ предписывается, чтобы классныя занятія не обратились во вторую лекцію, а имѣли характеръ бесѣды. Главными дѣй-

ствующими лицами должны быть слушатели, лекторъ долженъ играть роль только руководителя. На классныхъ занятіяхъ подвергаются также разбору письменныя работы слушателей.

Еженедѣльные письменныя работы. На каждой лекціи предлагаются лекторомъ вопросы, касающіеся прочитаннаго; отвѣты на нихъ пишутся слушателями дома. Эти письменныя работы подаются для исправленія лектору, который возвращаетъ ихъ обыкновенно къ слѣдующему классу и дѣлаетъ при этомъ свои замѣчанія. Эти письменныя работы составляютъ важную часть преподаванія, такъ какъ они приучаютъ слушателей къ точному и связному изложенію мысли. Само собою разумѣется, что эти письменныя работы съ каждымъ слѣдующимъ курсомъ становятся все труднѣе. Сначала они представляютъ болѣе или менѣе краткіе отвѣты на вопросы, заданные лекторомъ, на высшихъ же курсахъ они замѣняются уже сочиненіями или очерками болѣе обширнаго характера.

Во всякомъ случаѣ отъ письменныхъ работъ требуется, чтобы они не представляли только воспроизведеніе лекціи и программы или конспекта.

Замѣтимъ, что письменныя работы обязаны представлять только тѣ слушатели, которые имѣютъ въ виду держать экзаменъ и получить свидѣтельство. Тѣ же, которые не имѣютъ въ виду этого, не обязаны представлять письменныхъ работъ. Классныя же занятія, о которыхъ сказано выше, могутъ посѣщать всѣ слушатели.

Экзамены. По окончаніи всякаго курса,—терминальнаго, сессіональнаго и еще высшаго типа,—слушатели могутъ держать экзаменъ и получить свидѣтельство. Экзаменъ держится не у лектора, а у особеннаго лица, назначеннаго университетомъ. Установлены четыре вида свидѣтельствъ и соотвѣтственно этому и четыре рода экзаменовъ: 1) экзаменъ на полученіе терминальнаго свидѣтельства, 2) экзаменъ на полученіе сессіональнаго свидѣтельства, 3) экзаменъ на полученіе вице-канцлерскаго свидѣтельства, и 4) экзаменъ на полученіе канцлерскаго свидѣтельства. Кромѣ того свидѣтельства бываютъ или обыкновенныя или почетныя.

Приводимъ главнѣйшія изъ экзаменаціонныхъ правилъ, какъ они изложены въ особой книжечкѣ, изданной Лондонскимъ университетомъ.

Кандидатъ можетъ быть допущенъ къ экзамену, если онъ 1) посѣщалъ правильно лекціи и классы, 2) если его еженедѣльныя письменныя работы признаны были лекторомъ удовлетворительными, 3) если онъ достигъ пятнадцатилѣтняго возраста.

Посѣщеніе лекцій и классовъ. Отъ слушателей требуется, чтобы они посѣщали всѣ лекціи и классы. Но въ случаѣ болѣзни и другихъ причинъ, дѣлающихъ отсутствіе неизбѣжнымъ, слушатели могутъ быть допущены къ экзамену на полученіе свидѣтельства подъ тѣмъ только условіемъ, если число пропущенныхъ лекцій и классовъ не составляетъ болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ лекцій и классовъ.

Письменные работы. Отъ слушателей требуется, чтобы они въ связи съ каждымъ курсомъ лекцій аккуратно подавали письменныя работы, состоящія или а) изъ отвѣтовъ на вопросы по каждой лекціи, или б) изъ очерковъ болѣе обширныхъ, или же изъ комбинаціи тѣхъ и другихъ. Если работа типа б) одобрена лекторомъ, то она считается равною двумъ работамъ типа а, при оцѣнкѣ общаго числа работъ, требуемыхъ отъ слушателя. Для допущенія къ экзамену считается достаточнымъ представить въ продолженіе сессіональнаго курса не менѣе 18 работъ типа а или же соответствующее имъ число работъ типа б.

Свидѣтельства.

Слѣдующія свидѣтельства выдаются на условіяхъ, указанныхъ ниже.

I. Терминальное свидѣтельство. Это свидѣтельство выдается по окончаніи каждаго курса, состоящаго не менѣе, чѣмъ изъ десяти лекцій и классовъ, тѣмъ слушателямъ, которые, согласно съ правилами: 1) аккуратно посѣщали лекціи и классы, 2) получили одобреніе лектора за еженедѣльные письменныя работы, заданныя имъ, 3) достигли пятнадцатилѣтняго возраста, 4) выдержали экзаменъ по окончаніи курса.

Терминальное свидѣтельство съ похвалою (the terminal certificate of merit) выдается тѣмъ слушателямъ, которыхъ считаютъ достойными такой чести и лекторъ и экзаменаторъ—лекторъ на основаніи еженедѣльныхъ письменныхъ работъ, экзаменаторъ на основаніи экзамена.—Если же работа и лекторомъ и экзаменаторомъ признана заслуживающей особенной похвалы, то слушатель получаетъ право на свидѣтельство съ особеннымъ отличіемъ (for special distinction).

II. Сессіональное свидѣтельство. Это свидѣтельство выдается за выполненіе всей сессіональной работы по одному предмету, которая состоитъ изъ слѣдующаго: 1) изъ двухъ послѣдовательныхъ курсовъ по одному и тому же предмету въ продолженіе зимнихъ ¹⁾ мѣсяцевъ,

¹⁾ Т. е. осеннихъ и зимнихъ.

при чемъ каждый курсъ долженъ состоять не менѣе, чѣмъ изъ 10 лекцій и классовъ, и изъ лѣтнихъ занятій, состоящихъ по крайней мѣрѣ изъ 5 лекцій и классовъ еженедѣльныхъ или двухнедѣльныхъ, или же изъ практическихъ демонстрацій въ связи съ спеціальнымъ чтеніемъ (reading) и изученіемъ (study) подъ руководствомъ лектора; 2) изъ двухъ послѣдовательныхъ курсовъ по одному и тому же предмету, изъ которыхъ каждый долженъ состоять не менѣе, чѣмъ изъ 12-ти лекцій и классовъ.

Слушатель получаетъ сессіональное свидѣтельство, если онъ получилъ свидѣтельство за каждый изъ двухъ послѣдовательныхъ зимнихъ курсовъ ¹⁾ или если онъ выдержалъ экзаменъ по окончаніи двухъ терминовъ, выполнилъ лѣтнюю работу, составляющую продолженіе зимнихъ занятій, какъ это указано выше, или же выдержалъ экзаменъ по окончаніи курса, состоящаго не менѣе какъ изъ 24 лекцій и классовъ. Почетное сессіональное свидѣтельство (sessional certificate in honours) дается слушателю, который, кромѣ того, удовлетворить слѣдующимъ двумъ условіямъ 1) если онъ получитъ свидѣтельство съ особеннымъ отличіемъ (Special distinction) за одинъ изъ терминальныхъ экзаменовъ или же свидѣтельство съ похвалой (of merit) за одинъ экзаменъ въ томъ случаѣ, если онъ держалъ только одинъ экзаменъ, и 2) если онъ подастъ лектору работу на какую-нибудь тему, требующую болшихъ знаній, при чемъ требуется, чтобы а) тема была выбрана лекторомъ или же одобрена имъ, и б) чтобы лекторъ и экзаменаторъ, назначенный университетомъ, признали работу заслуживающею похвалы. Въ связи съ этимъ даются лекторамъ и экзаменаторамъ слѣдующія инструкціи. Вниманіе лекторовъ и экзаменаторовъ должно быть обращено главнымъ образомъ на слѣдующіе пункты: 1) только тѣ работы должны быть одобрены, которыя отличаются полнотою, тщательностью и точностью (правильностью), а въ сомнительныхъ случаяхъ слѣдуетъ руководиться главной задачей, преслѣдуемой университетомъ. 2) Въ такихъ предметахъ, которые или сами по себѣ или въ спеціальному трактатѣ требуютъ независимаго изслѣдованія, требуется, чтобы подобная самостоятельность была видна въ работахъ. 3) По отношенію же къ другимъ предметамъ, или же если тема разработана иначе, должно быть ясно видно, что кандидатъ вполне овладѣлъ фактами и можетъ ихъ комбинировать самостоятельно. 4) Если лекторъ и экзаменаторъ находятъ, что работа не за-

¹⁾ Т. е. осенняго и зимняго.

служиваетъ почетнаго свидѣтельства in honours, но все-таки имѣетъ нѣкоторыя достоинства, то кандидату объявляютъ, что, хотя работа его и не удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, требуемымъ для полученія свидѣтельства in honours, однако она рекомендуется лекторомъ и экзаменаторомъ. Списокъ такихъ похвальныхъ отзывовъ печатается послѣ списка почетныхъ свидѣтельствъ (Honours list); но слушатели, работы которыхъ заслужили только похвальный отзывъ, получаютъ обыкновенное сессіональное свидѣтельство. 5) Въ случаѣ, если лекторъ и экзаменаторъ найдутъ работу настолько замѣчательной и выдающейся, что она заслуживаетъ особеннаго вниманія, они докладываютъ объ этомъ особо, и представившій эту работу принимается во вниманіе при рѣшеніи вопроса о томъ, какой слушатель долженъ быть рекомендованъ для полученія медали Gildchrist, учрежденной попечительствомъ общества Gildchrist, за особенно выдающуюся работу, представленную для полученія сессіональнаго почетнаго свидѣтельства (s. c. in honours).

III. Вицеканцлерское свидѣтельство за продолжительныя и непрерывныя занятія. Это свидѣтельство выдается слушателю, получившему 4 сессіональныхъ свидѣтельства, изъ которыхъ 3 должны быть получены въ разные годы за предметы, включенные въ одну изъ группъ А и В, и одно за предметъ, включенный въ другую изъ группъ А и В.—Впрочемъ допускается также какая-нибудь другая подходящая комбинація, одобренная университетомъ.

Къ группѣ А относятся естественныя, физическія и математическія науки; къ группѣ В—исторія, географія, политическія, нравственныя и экономическія науки, литература и искусство.—Впрочемъ географія, политическія, нравственныя и экономическія науки, а также архитектура, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда это желательно по плану занятій, быть замѣнены предметами изъ группы А.

Слушателю разрѣшается, если онъ этого пожелаетъ, пройти въ три года весь курсъ, требуемый для этого свидѣтельства, съ условіемъ однако, чтобы онъ три свидѣтельства по главной группѣ получилъ послѣдовательно въ три года.

Слушатель, удостоенный вицеканцлерскаго свидѣтельства, получаетъ, безъ всякой платы, въ теченіе двухъ сессій, слѣдующихъ непосредственно за полученіемъ свидѣтельства: 1) право на сессіональный билетъ, открывающій ему доступъ на всѣ курсы сессій, читающіеся въ данной мѣстности, 2) право на полученіе въ теченіе двухъ

сессій экземпляра журнала *University Extension* (который печатается по терминамъ въ продолженіе сессіи).

IV. Канцлерское свидѣтельство по гуманитарнымъ наукамъ (исторіи, литературѣ, искусству). Для этого свидѣтельства отъ слушателя требуется, чтобы 1) онъ представилъ доказательство въ томъ, что достаточно приготовленъ къ успѣшному прохожденію курса на полученіе этого свидѣтельства; 2) чтобы онъ прошелъ курсъ въ теченіе 4 сессій и получилъ вице-канцлерское свидѣтельство за этотъ курсъ; 3) сверхъ того, прошелъ въ теченіе одной сессіи одобренный курсъ наукъ подъ руководствомъ университетскаго лектора (*university extension lecturer*) или другого лица, назначеннаго совѣтомъ, и выдержалъ экзаменъ, состоящій изъ трехъ письменныхъ работъ, а именно двухъ по главному предмету и одной по дополнительному. Напримѣръ, по исторіи: всеобщая исторія, какъ главный предметъ (2 письмен. раб.), и исторія экономической науки, особенно по отношенію къ Англій, какъ дополнительный предметъ (1 письм. раб.).

Каждый слушатель, удовлетворяющій вышеприведеннымъ требованіямъ, получаетъ свидѣтельство за университетскою печатью, которое выдается ему канцлеромъ или представителемъ его въ актовъный день (*Presentation day*). Удостоенный такого свидѣтельства получаетъ право, присвоенное членамъ университета, посѣщать бесплатно опредѣленные лекціи университетскія и, кромѣ того, получаетъ сессіональный билетъ, открывающій ему доступъ на всѣ центральные курсы *University Extension* въ теченіе трехъ сессій послѣ того, какъ онъ получилъ свидѣтельство. Почетное свидѣтельство выдается слушателю, который, сверхъ вышеозначеннаго, 1) получить почетное сессіональное свидѣтельство по крайней мѣрѣ за двѣ сессіи изъ четырехъ, 2) передъ началомъ окончательнаго экзамена представить работу на тему, требующую высшихъ знаній, при чемъ тема должна быть одобрена лекторомъ, а работа должна быть экзаменаторами признана какъ имѣющая особенныя достоинства, 3) сдать окончательный экзаменъ съ успѣхомъ, требуемымъ для почетнаго свидѣтельства.

Такъ какъ канцлерскому свидѣтельству придается особенное значеніе, то въ дополнительныхъ правилахъ поясняется, какаго рода подготовка требуется для поступленія на курсъ по гуманитарнымъ наукамъ; особенно подробно указывается на то, въ какомъ объемѣ и какъ должны читаться эти науки, а также требуется, чтобы слушателемъ былъ пройденъ курсъ логики и представлено свидѣтельство о выдержаніи экзамена по этому курсу. Вообще программа этого курса

довольно обширна и наиболѣе приближается къ требованіямъ университетскаго курса. Что касается до подготовки, то требуется представить свидѣтельство о выдержаніи выпускнаго экзамена въ школѣ ¹⁾ или экзамена на матрикуляцію; по отношенію же къ взрослымъ принимаются и другія доказательства достаточной подготовки. Замѣтимъ, что въ принципѣ никакой особой подготовки для слушанья курсовъ University Extension не требуется. Исключеніе сдѣлано только для курсовъ на полученіе канцлерскаго свидѣтельства. Болѣе интереса представляютъ правила о томъ, въ какомъ объемѣ и какъ должны читаться научные курсы.

Исторія, литература и искусство въ періодъ древній, средневѣковой и новій проходятся такимъ образомъ, чтобы дать слушателю широкую картину жизни народовъ и силъ, образовавшихъ націю и общества (при чтеніи курсовъ можно отвести главное мѣсто или исторіи или литературѣ, смотря по тому, что болѣе желательно въ данномъ случаѣ). Исторія должна разсматриваться со всѣхъ сторонъ не только съ точки зрѣнія политической, но также и экономической, промышленной и соціальной, такъ какъ цѣль преподаванія состоитъ въ томъ, чтобы дать широкое понятіе объ общихъ истинахъ, а также показать великую цѣпь событій и рѣшающіе моменты, опредѣлявшіе ходъ исторіи.

Занятія сессіи при помощи лекцій, классовъ, частныхъ чтеній и письменныхъ работъ должны быть такъ организованы, чтобы дать возможность слушателю одновременно изучать исторію, литературу и искусство разсматриваемаго періода.—Кромѣ обыкновенныхъ занятій, лекторъ можетъ устроить для слушателей частныя или частныя чтенія, посѣщать съ ними музеи и коллекціи художественныхъ произведеній и организовать экскурсіи.

Рекомендуется далѣе по возможности посѣщать дополнительные чтенія или учительскіе классы для болѣе подробнаго изученія какого-нибудь періода исторіи или какихъ-нибудь главныхъ произведеній литературы и искусства съ цѣлью разъяснить и дополнить общій курсъ чтеній.

По логикѣ, которую слушатели, желающіе получить канцлерское свидѣтельство, должны пройти, требуется, чтобы курсъ по этой наукѣ разъяснилъ, съ одной стороны, приложеніе индуктивной логики къ развитію научныхъ идей, а съ другой стороны, объяснилъ принципы

1) Разумѣется средняя школа.

мышленія, при чемъ конкретные примѣры должны быть взяты изъ другихъ наукъ, для того, чтобы пріучить слушателя пользоваться этими принципами для доказательства какъ очевидности какого либо положенія, такъ и ошибокъ, которыя въ обыкновенной жизни весьма часто дѣлаются большою частью людей.

Замѣтимъ, что вопросъ о преподаваніи языковъ, входящихъ въ составъ гуманитарныхъ наукъ и особенно необходимыхъ для изучающихъ исторію и литературу, обходится довольно своеобразно—по крайней мѣрѣ въ правилахъ, касающихся экзамена на канцлерское свидѣтельство.

Въ этихъ правилахъ говорится слѣдующее: на экзаменахъ этихъ курсовъ можетъ быть дана слушателямъ возможность показать свое знаніе какого-нибудь другого языка, кромѣ англійскаго, при помощи перевода à livre ouvert или комментирования изъ иностранныхъ книгъ, относящихся къ предмету курса. Хотя такое знаніе не обязательно, однако успѣхъ въ этомъ отношеніи будетъ принятъ во вниманіе при выдачѣ свидѣтельства съ похвалою (of merit) и свидѣтельства съ особеннымъ отличіемъ (of special distinction). Впрочемъ, на практикѣ вопросъ о языкахъ рѣшается болѣе положительнымъ образомъ, а именно для нихъ устраиваютъ особенные курсы и классы для желающихъ. Такъ Лондонскимъ обществомъ распространенія университета устроенъ курсъ по французскому и даже греческому языкамъ, который въ 1904—5 г. посѣщало 4 слушателя.

Кромѣ вышеозначенныхъ курсовъ устроены еще курсы для школьныхъ учителей. Эти курсы являются научною потребностью въ Англій, такъ какъ правительство Англій мало заботится о народныхъ школахъ и о приготовленіи учителей для этихъ школъ. Курсы эти посѣщаются не только лицами, готовящимися къ учительской должности, но и находящимися уже на службѣ учителями, такъ какъ они въ новыхъ курсахъ находятъ случай значительно расширить и углубить свои знанія. Учительскіе классы (tutorial classes) устраиваются обыкновенно какъ дополненіе къ обыкновеннымъ курсамъ чтеній и классовъ *распространеннаго университета*, но съ одобренія совѣта они могутъ быть устроены и самостоятельно. Если учительскій классъ служить дополненіемъ къ обыкновенному курсу чтеній, то въ этомъ классѣ можно заниматься или изученіемъ предметовъ курса, съ которымъ учительскій классъ соединенъ, или изучать какой-нибудь предметъ, имѣющій прямое отношеніе къ учительскому классу.—Если слушатель желаетъ, чтобы его занятія въ учительскомъ классѣ были

приняты во вниманіе, то онъ долженъ регулярно представлять письменныя работы учителю этого класса. Но для допущенія къ экзамену въ связи съ общимъ курсомъ нѣтъ необходимости слушателю представлять письменныя работы обоимъ, и лектору, читающему курсы, и учителю, преподающему въ учительскомъ классѣ. На экзаменѣ по курсу чтеній, къ которому присоединенъ учительскій классъ, предлагается одинъ или нѣсколько вопросовъ по специальному предмету учительскаго класса (т. е. по педагогикѣ), но отдѣльнаго или спеціальнаго экзамена по учительскому классу не полагается. Исключенію дѣлается только въ особенныхъ случаяхъ, съ одобренія совѣта, и то только тогда, если всѣ условія, установленныя для обыкновенныхъ курсовъ чтеній и классовъ, будутъ выполнены слушателемъ.

Мы особенно остановились на экзаменахъ и свидѣтельствахъ, потому что они играютъ значительную роль въ дѣятельности распространенаго университета. Въ началѣ эта масса разныхъ экзаменовъ и свидѣтельствъ вызвала рѣзкую критику противъ новыхъ курсовъ. Указывали на то, что подобныя экзамены могутъ вести къ дрессировкѣ учащихся и къ поверхностному образованію, что въ два или три года нельзя приобрѣсти тѣхъ знаній и того развитія, которое составляетъ плодъ болѣе долгаго изученія, что въ короткое время накопленное знаніе не прочно и не можетъ быть сравнено съ правильнымъ развитіемъ, приобрѣтаемымъ продолжительнымъ изученіемъ наукъ. Особенно возставали противъ экзамена на полученіе доступа въ университетъ, а слѣдовательно и доступа къ университетскимъ степенямъ ¹⁾. Противники новыхъ курсовъ называли ихъ въ насмѣшку экзаменаціонною машиною, придуманною для доставленія занятій нуждающимся доцентамъ и магистрамъ университетовъ ²⁾. Безъ сомнѣнія,

¹⁾ См. University Extension Congress, p. 42—44, рѣчь маркиза Салисбюри, канцлера Оксфордскаго университета.

²⁾ См. The Inwardness of the U. Ext. movement, Roberts, p. 6.—Замѣтимъ, что еще раньше университеты занимались экзаменами въ школахъ (особенно въ такъ называемыхъ публичныхъ, соответствующихъ нашимъ гимназіямъ). Въ 1857 году Оксфордскій университетъ получилъ право производить экзамены въ школахъ и выдавать аттестаты ученикамъ (особенно оканчивающимъ). Въ 1858 г. то же право получилъ Кембриджскій университетъ. Эти экзамены назывались local examinations. Въ 1873 г. оба университета соединились и образовали соединенную комиссію экзаменовъ (Joint board of school examinations). Этими экзаменами приписывается благотворное вліяніе на школы. „Они содѣйствовали установленію учебнаго плана въ школахъ, вліяли на методъ преподаванія и вообще содѣйствовали подъему ученія,

нѣкоторая доля правды заключалась въ этой критикѣ, но только нѣкоторая, а именно въ томъ отношеніи, что многіе, по всей вѣроятности, учились ради полученія этихъ свидѣтельствъ, дававшихъ нѣкоторыя права. Но несправедливъ былъ упрекъ въ томъ, что эти курсы вели только къ дрессировкѣ учащихся, и что они имѣли притязаніе замѣнить настоящіе курсы университетскіе. Учредители новыхъ курсовъ могли легко оправдать себя отъ этихъ упрековъ, указывая на тѣ мотивы, которые побудили ихъ устроить эти курсы, затѣмъ на организацію курсовъ и наконецъ на тѣ результаты, которыхъ они достигли. Мотивы, которыми руководились учредители новыхъ курсовъ, заключались въ томъ, чтобы при помощи этихъ курсовъ поднять умственный и нравственный уровень народной массы, при чемъ имѣлось въ виду по преимуществу молодое поколѣніе обоаго пола, которое, кончивъ низшую школу, должно было, по обстоятельствамъ, поступить на службу или заняться какою-нибудь практической профессіей и не имѣло возможности продолжать свое образованіе. А чтобы дать этой массѣ такое образованіе, которое значительно подняло бы уровень ея знаній и развитія, учредители, между которыми играютъ главную роль представители университета, устроили не просто популярныя чтенія, а организовали правильные курсы, при чемъ старались ихъ все болѣе и болѣе расширить, чтобы все болѣе и болѣе поднять ихъ образовательное значеніе. Руководясь этою цѣлью, учредители главнымъ образомъ сосредоточили свою заботу на устройствѣ курсовъ болѣе продолжительныхъ и систематическихъ, чтобы дать учащимся возможность серьезно изучить избранный предметъ. Съ этою цѣлью были устроены курсы сессіональные, курсы на полученіе вице-канцлерскаго свидѣтельства, наконецъ курсы по наукамъ гуманитарнымъ, требовавшіе наиболѣе продолжительныхъ занятій въ теченіе 3 и 4 лѣтъ и дававшіе наиболѣе правъ. Съ цѣлью же поощренія болѣе продолжительныхъ и систематическихъ занятій была испрошена Кембриджскимъ университетомъ привилегія аффилиаціи (privilege of affiliation) для центральныхъ курсовъ University Extension ¹⁾. Привилегія эта заключается въ томъ, что прошедшій въ

заставляя школы приспосабливаться къ требованіямъ университетскихъ преподавателей. Handbuch der Erziehungs- und Unterrichtslehre für höhere Schulen, von Baumeister. I. B. 2 Abth., p. 749.

¹⁾ См. The Inwardness of the U. E. movement, Робертса, p. 12, и Twenty-five years of U. Ex., его же, p. 6. „Кембриджскій университетъ получилъ въ 1882 г. право аффилировать мѣстныхъ коллегій (т. е. присоединить къ себѣ въ качествѣ филиаль-

теченіе трехъ лѣтъ курсы въ аффилированномъ центрѣ и сдавшій по нимъ экзаменъ, по выдержаніи дополнительнаго экзамена по древнимъ языкамъ и математикѣ, принимается въ университетъ безъ предварительнаго экзамена и получаетъ еще одинъ льготный годъ, то есть допускается къ экзамену на университетскія степени по прошествіи двухъ лѣтъ вмѣсто трехъ ¹⁾).—Затѣмъ способъ преподаванія устроенъ такъ, что учащійся, воспользовавшійся всѣми выгодами, предлагаемыми этимъ способомъ, не можетъ не усвоить себѣ ясныхъ и точныхъ свѣдѣній объ изучаемомъ предметѣ, потому что онъ не ограничивается однимъ только пассивнымъ слушаніемъ лекцій, а имѣетъ возможность при помощи классныхъ занятій вполне разъяснить себѣ изучаемый предметъ и дополнить свои знанія чтеніемъ лучшихъ пособій по указанію лектора; посредствомъ же еженедѣльныхъ письменныхъ работъ онъ приучается къ точному и связному изложенію мыслей. На эти работы обращается особенное вниманіе. Для полученія высшихъ свидѣтельствъ отъ нихъ требуется даже нѣкоторая самостоятельность и оригинальность. Если къ этому прибавить, что экзаменъ производится не лекторомъ, а постороннимъ лицомъ по назначенію университета, то о какой либо дрессировкѣ слушателей не можетъ быть и рѣчи.—Наконецъ, результаты, добытые курсами, говорятъ въ ихъ пользу. Что они отвѣчаютъ дѣйствительнымъ потребностямъ извѣстнаго класса общества, видно изъ того, что курсы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распространяются не только въ Англии, но и далеко за предѣлами ея. Затѣмъ курсы эти посѣщаются охотно, притомъ не только курсы краткіе и піонерные, но и курсы болѣе продолжительные и систематическіе. Изъ числа слушателей до 20% оказываются настолько подготовленными и способными, что могутъ отдаться болѣе основательному и подробному изученію наукъ. Курсы полезны тѣмъ, что даютъ возможность открыть въ народной массѣ людей съ особенными дарованіями къ наукѣ и дать имъ доступъ въ университетъ. Безъ этихъ курсовъ таланты, скрывающіеся въ народной массѣ, остались бы неизвѣстными и пропали бы безъ пользы для общества. Наконецъ курсы оказались по-

---

ныхъ учрежденій)". Въ 1885 г. онъ получилъ право распространить привилегію аффилиаціи на центры мѣстныхъ чтеній, т. е. курсы U. E. (to local lectures centres).

²⁾ Конечно, число слушателей, которые могли выполнить все требуемое для полученія самыхъ высшихъ свидѣтельствъ, было невелико, но все-таки эта система дала хорошіе результаты въ томъ отношеніи, что подняла образовательное значеніе курсовъ и подвинула впередъ изученіе болѣе продолжительное и систематическое.

лезными и для государства, такъ какъ они даютъ лучшую подготовку лицамъ, готовящимся къ педагогической дѣятельности въ высшихъ школахъ, а также лицамъ, желающимъ поступить на службу гражданскую. Свидѣтельства, выдаваемые курсами, признаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ самимъ правительствомъ равносильными свидѣтельствамъ, выдаваемымъ правительственными учрежденіями. Вообще значеніе курсовъ, устроенныхъ университетами, признано теперь настолько важнымъ, что во всѣхъ новыхъ университетскихъ статутахъ предлагается организовать и поддерживать ихъ.

Для того, чтобы показать развитіе курсовъ University Extension, приводимъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ отчетовъ и статей Р. Д. Робертса, регистратора University Extension при Лондонскомъ университетѣ. Къ сожалѣнію, эти данные касаются только главнѣйшихъ университетовъ. Въ отчетѣ Робертса „Twenty-five years of University Extension“, 1898, дается таблица статистическихъ данныхъ съ промежутками въ 10 лѣтъ, показывающая прогрессъ движенія въ мѣстныхъ центрахъ. По этой таблицѣ выходитъ, что въ 1876—7 году Кембридж дѣйствовалъ одинъ, число курсовъ было 83, число слушателей 7.511; въ 1886—7 г. дѣйствовали уже три университета, Кембридж, Лондонъ и Оксфордъ, курсовъ было 228, слушателей 25.486; въ 1896—7 г. дѣйствовали уже 4 университета, Кембридж, Лондонъ, Оксфордъ и Викторія, курсовъ было 488, слушателей 46.741. Безъ сомнѣнія, въ настоящее время число курсовъ и число слушателей возрасло еще болѣе. Какъ велики результаты, достигнутые курсами, о томъ нѣкоторое понятіе даютъ отчеты отдѣльныхъ университетовъ, напримѣръ, Кембриджскаго и Лондонскаго. Итоги дѣятельности, поскольку они выражены въ статистической таблицѣ, представляются въ слѣдующемъ видѣ. За 25 лѣтъ, съ 1873 до 1898 года, число прочтенныхъ курсовъ было 2.385; число лицъ, слушавшихъ лекціи, 221.190; число лицъ, представившихъ еженедѣльные письменныя работы, 38.685; число свидѣтельствъ, выданныхъ на основаніи результата окончательныхъ экзаменовъ и письменныхъ работъ, 30.000.

Прогрессъ курсовъ во всѣхъ отношеніяхъ виденъ также изъ сравнительной таблицы за два учебные года 1903—4 и 1904—5, помѣщенной въ отчетѣ Лондонскаго университета за 1905 г. ¹⁾

¹⁾ University of London. Board to promote the extension of University teaching. Local Lectures. Session 1904—5.

	Въ 1903—4 г.	1904—5 г.
Число прочтенныхъ курсовъ	179	182
Число лицъ, посѣщавшихъ лекціи	14,441	15,596
Число лицъ, посѣщавшихъ классы . . .	6,389	6,538
Число лицъ, представившихъ еженедѣль- ныя письменныя работы	2,307	3,227
Число лицъ, получившихъ свидѣтельство .	1,640	2,561
Число лицъ, получившихъ сессіональныя свидѣтельства	408	737

Въ заключеніе отдѣла объ учебной организаціи курсовъ скажемъ еще вѣратцѣ объ испытаніи лицъ, желающихъ быть лекторами на этихъ курсахъ.

При огромной массѣ курсовъ, учрежденныхъ въ большихъ и малыхъ городахъ Англіи, нельзя и думать, чтобы лекторами на этихъ курсахъ были только профессора и доценты университетовъ. Профессора и доценты могутъ принять на себя только небольшую долю чтеній. Большая же часть лекторовъ суть лица, окончившія университетскій курсъ и имѣющія какую-нибудь университетскую степень—бакалавра, магистра, доктора. Неудивительно, что по отношенію къ этимъ лицамъ устроено нѣкотораго рода испытаніе, которое должно показать, отвѣчаетъ ли кандидатъ тѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ лектора и въ то же время руководителя практическихъ занятій. Какъ извѣстно, не всегда совпадаютъ въ одномъ лицѣ качества хорошаго лектора и хорошаго руководителя практическихъ занятій. Иной можетъ быть хорошимъ лекторомъ и плохимъ руководителемъ на классныхъ занятіяхъ, и наоборотъ. Въ Оксфордѣ это испытаніе производится слѣдующимъ образомъ. Кандидатъ долженъ представить программу чтенія делегаціи, которая передаетъ ее на разсмотрѣніе опытному лектору изъ членовъ университета. Въ случаѣ одобренія программы, кандидату предлагается прочесть определенное число пробныхъ лекцій въ одной изъ коллегій Оксфордскихъ (об. въ Training College) въ присутствіи представителя делегаціи, который подробно разбираетъ лекцію со стороны плана и выполненія. Нормальный испытательный курсъ состоитъ изъ шести лекцій. Почти половина кандидатовъ, давшихъ пробныя лекціи въ Оксфордѣ, были внесены въ списокъ лекторовъ.

Въ Кембриджѣ испытаніе нѣсколько разнится отъ испытанія, принятаго въ Оксфордѣ. Въ Кембриджѣ кандидатъ даетъ обыкновенно

только три пробныя лекціи, но за то подробно испытывается при разборѣ и обсужденіи лекцій. Само собою разумѣется, что отъ этихъ испытаній освобождаются лица, которые уже заявили себя хорошими лекторами и хорошими руководителями практическихъ занятій ¹⁾.

Для специально-учительскихъ классовъ приглашаются учителя, заявившіе себя трудами по педагогикѣ и практической дѣятельностью.

Вышняя организація University Extension.

Въ этомъ отдѣлѣ мы постараемся изложить вкратцѣ данныя о вышней организаціи общества, устроившаго новые университетскіе курсы, о средствахъ, на которыхъ устраиваются эти курсы, о платѣ лекторамъ и о другихъ расходахъ.

Новые университетскіе курсы устроены и устраиваются на частныя средства. Какъ уже сказано выше въ историческомъ очеркѣ, нѣсколько обществъ обратилось къ Кембриджскому университету съ просьбою устроить курсы высшаго образованія для лицъ всѣхъ классовъ и обоюго пола, занятыхъ обыкновенными профессіями въ жизни. Кембриджскій университетъ, при помощи средствъ, данныхъ обществами и частными лицами, устроилъ эти курсы въ нѣсколькихъ городахъ. Для управленія дѣлами курсовъ выбранъ былъ комитетъ изъ представителей университета и обществъ, давшихъ средства. Кромѣ центрального комитета, имѣвшаго свое мѣстопребываніе въ Кембриджѣ, образовались еще мѣстные комитеты въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ были устроены курсы. Эта организація, такъ сказать сложившаяся сама собою въ Кембриджѣ, послужила образцомъ для другихъ университетовъ и городовъ, пожелавшихъ устроить подобные курсы. Въ частности организація общества въ разныхъ городахъ нѣсколько различается, но въ сущности она представляетъ одинаковыя черты. Въ центрахъ, которыми обыкновенно являются университеты или наиболѣе значительные города, образуются центральные комитеты, въ городахъ же и мѣстечкахъ, относящихся къ этимъ центрамъ, мѣстные комитеты. Руководящими принципами при выборѣ членовъ комитетовъ являются слѣдующіе: 1) комитеты должны состоять изъ представителей всѣхъ классовъ общества, особенно тѣхъ, которые наиболѣе заинтересованы въ устройствѣ курсовъ; 2) въ комитетахъ должно быть отведено подобающее мѣсто представителямъ университетовъ или лекторамъ, особенно въ центральныхъ комитетахъ. Конечно, числен-

¹⁾ University Extension Congress. London 1894. Report of the proceedings etc. London (King et Son), стр. 24 — 5.

ное отношеніе представителей университета къ общему числу членовъ комитета не вездѣ одинаково. Такъ въ Кембриджѣ управляетъ дѣлами University Extension синдикатъ изъ 18-ти членовъ, изъ коихъ два члена выбираются изъ бывшихъ лекторовъ и два изъ дѣйствующихъ лекторовъ. Въ Оксфордѣ управленіе дѣлами University Extension предоставлено делегаціи изъ 21 члена, изъ коихъ 6 были или суть лекторы. Наибольшее число представителей имѣетъ университетъ Викторія, а именно 11 лекторовъ въ комитетѣ, состоящемъ изъ 14 членовъ ¹⁾.

Средства, на которыя устраиваются курсы, образуются изъ взносовъ по подпискѣ лицъ и обществъ, сочувствующихъ учрежденію курсовъ, изъ взносовъ членовъ общества University Extension, изъ взносовъ общества учащихся и учившихся на курсахъ, изъ платы за ученіе и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ (напр. легатовъ по завѣщанію и т. п.).

Возбуждался также вопросъ о помощи правительства этимъ курсамъ, какъ это видно изъ отчета о конгрессѣ всѣхъ обществъ University Extension, бывшемъ въ 1894 году. Одни желали этой помощи и указывали на то, что правительство, давшее субсидію на развитіе техническаго образованія, могло бы дать ее также и на развитіе высшаго образованія въ народѣ. Другіе были противъ всякой субсидіи со стороны правительства, говоря, что подобная субсидія стѣсняла бы дѣятельность общества; такъ какъ правительство, давъ субсидію, пожелало бы устроить контроль надъ дѣйствіями общества ²⁾. Повидимому, вопросъ о субсидіи правительственной и до сихъ поръ остается въ томъ же положеніи. Курсы существуютъ главнымъ образомъ на частныя средства. Муниципальныя или городскія управленія помогаютъ курсамъ отчасти деньгами, отчасти тѣмъ, что предоставляютъ для курсовъ городскія зданія или отырываютъ имъ доступъ въ городскіе музеи, библиотеки и читальни.

Для того, чтобы дать понятіе о вышней организаціи общества University Extension и о средствахъ и расходахъ его, представимъ планъ организаціи, какъ онъ изложенъ въ книжечкѣ, изданной Лондонскимъ университетомъ въ 1906 году для свѣдѣнія лицъ, интересующихся курсами ³⁾. Этотъ планъ представляетъ отчасти то, что дѣ-

¹⁾ University Extension Congress, p. 24.

²⁾ University Extension Congress, p. 74. Одинъ изъ ораторовъ предостерегалъ проситъ пособія у правительства, потому что оно „nihil quod tetigit ornavit“.

³⁾ University of London. Board to promote the extension of university teaching. 1906, p. 11 — 16.

ляется на практикѣ, отчасти предположенія, какъ слѣдовало бы примѣрно устроить ту или другую часть организаціи.

Способъ организаціи центра и мѣстныхъ организацій.

Слѣдующій способъ, какъ показала практика, признается самымъ лучшимъ. Приглашается циркулярно небольшое число лицъ, заинтересованныхъ въ образовательномъ дѣлѣ своей мѣстности, для переговоровъ съ регистраторомъ или какимъ-нибудь другимъ представителемъ университета, который могъ бы объяснить имъ цѣль учрежденія, устройство лекцій и стоимость ихъ. Приглашенные лица должны, насколько возможно, быть представителями разнородныхъ интересовъ въ данной мѣстности, для того чтобы обезпечено было содѣйствіе всѣхъ частей общества. Затѣмъ долженъ быть образованъ мѣстный комитетъ съ секретаремъ и другими членами комитета. Особенно важень удачный выборъ членовъ комитета, такъ какъ успѣхъ учрежденія въ значительной степени зависитъ отъ мѣстной организаціи. Выборъ предметовъ чтеній и лекторовъ возлагается на мѣстный комитетъ.

Затѣмъ приступаютъ къ образованію постоянного общества University Extension.

Принципъ, по которому устранивается это общество, а именно образуется составъ ежегодныхъ подписчиковъ, тотъ же самый, которымъ поддерживаются съ успѣхомъ въ различныхъ городахъ литературныя и ученые общества. Совѣтуется лучше всего основать такое общество въ каждомъ центрѣ. Этимъ устраняются многія затрудненія, связанныя съ мѣстной организаціей (особенно въ мелкихъ городахъ). Образованіе общества въ центрахъ представляетъ слѣдующія преимущества: 1) оно освобождаетъ мѣстныхъ организаторовъ отъ неуверенности, будетъ ли доходъ съ курсовъ покрывать расходы; 2) сумма вѣрнаго дохода съ годовыхъ подписчиковъ даетъ возможность опредѣлить заранее, что можетъ быть устроено въ данную сессію безъ финансовыхъ затрудненій. Если доходъ не великъ, положимъ 30—40 фунт. ст., то невозможно будетъ устроить болѣе одного курса; если же онъ значительно больше, то можно устроить сессіональный курсъ.

Примѣрный уставъ общества распространенія университета (University Extension Society).

1. Общество называется такъ-то.
2. Цѣль общества слѣдующая:
  - а) устраивать по крайней мѣрѣ 1 курсъ чтеній U. Ext. ежегодно;

b) устраивать другія чтенія и экскурсіи отъ времени до времени, насколько это будетъ желательно;

с) поощрять вообще распространіе высшаго образованія.

3. Члены общества имѣютъ право голоса въ дѣлахъ общества, въ особенности при выборѣ членовъ правленія и при выборѣ предметовъ курса чтеній.

4. Члены вносятъ ежегодно 1 ф. 1 ш. (1-го января) и пользуются слѣдующими правами:

a) получаютъ 1 билетъ курсовой, который можно передать другому;

b) получаютъ, кромѣ того, билеты для членовъ своей семьи по 7 ш. 6 п. каждый вмѣсто 15 ш.;

с) имѣютъ свободный доступъ на другія чтенія и принимаютъ участіе въ экскурсіяхъ, устраиваемыхъ обществомъ, не платя за это;

5. Съ не-членовъ берется за весь курсъ изъ 10 лекцій 15 шил., за 1 лекцію—2 шил.; воспитательницы, учителя, ученики и служащіе платятъ 5 шил. за весь курсъ.

6. Дѣлами общества управляетъ комитетъ, состоящій изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, одного или нѣсколькихъ секретарей, казначея и шести лицъ. Всѣ выбираются членами общества на ежегодномъ собраніи.

(Вышеозначенныя правила приводятся только примѣрно. Въ нѣкоторыхъ центрахъ размѣръ членскаго взноса и платы за лекціи можетъ быть другой. Тамъ въ нѣкоторыхъ центрахъ члены вносятъ всего 2 шил. 6 п.).

Студенческія ассоціаціи (Students Associations).

Кромѣ общества, состоящаго изъ постоянныхъ годовыхъ подписчиковъ или членовъ, рекомендуется еще образованіе студенческихъ ассоціацій (то есть ассоціацій учащихся или учившихся на курсахъ).

„Опытъ показалъ, какое большое значеніе имѣетъ образованіе студенческихъ ассоціацій въ каждомъ центрѣ“. Передадимъ вкратцѣ цѣль и организацію этихъ ассоціацій, какъ это предлагается вышеупомянутой книжечкой, изданной Лондонскимъ университетомъ.

Цѣль студенческихъ ассоціацій состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать интересъ къ чтеніямъ University Extension и содѣйствовать дальнѣйшему занятію науками въ связи съ этими чтеніями. Эта цѣль можетъ быть достигнута совмѣстной работой мѣстнаго комитета и комитета студенческой ассоціаціи, которая должна себя считать отчасти отвѣтственной за успѣхъ дѣла въ своемъ центрѣ. Она должна

оказывать помощь, обеспечивая продажу билетовъ, и вообще знакомить публику, какъ можно болѣе, съ дѣломъ распространенія университета и съ характеромъ его дѣятельности. Комитетъ студенческой ассоціаціи, посоветовавшись съ лекторомъ, можетъ устроить опредѣленный научный курсъ, тѣсно связанный съ тѣмъ курсомъ, который читается въ центрѣ, или въ формѣ обсужденія вопросовъ, поднятыхъ на каждой лекціи, или же въ видѣ особыхъ лекцій, на которыхъ можно было бы разобрать болѣе подробно какой-нибудь вопросъ, относящійся къ предмету чтеній или же пройти какой-нибудь курсъ, составляющій продолженіе предмета чтеній. Студенческая ассоціація главнымъ образомъ должна разсчитывать на собственныхъ своихъ членовъ. Каждый членъ ассоціаціи долженъ чувствовать себя обязаннымъ содѣйствовать какимъ-нибудь опредѣленнымъ способомъ развитію дѣла. Одни, которые способны къ тому, должны приготовить статьи для чтенія на собраніяхъ; другіе могутъ помочь составленію научныхъ коллекцій, или же приготовить чертежи и рисунки, необходимые для занятія архитектурой и археологіей. Всѣ же могутъ помочь аккуратнымъ посѣщеніемъ собраній и участіемъ въ экскурсіяхъ ассоціаціи.—Что касается до состава студенческой ассоціаціи, то членами ея могутъ быть всѣ лица, посѣщающія или посѣщавшія курсы University Extension, а также лица, рекомендованныя комитетомъ. Ассоціація имѣетъ свой комитетъ или правленіе и свои общія собранія. Какъ особенность, можно отмѣтить, что изъ двухъ секретарей правленія одинъ долженъ быть мужчина, другой—женщина. Ежегодный членскій взносъ различенъ, смотря по ассоціаціямъ. Въ лондонской книжечкѣ взносъ этотъ опредѣляется въ 1 ш. 6 п., въ 2 ш. и въ 2 ш. 6 п. или сколько будетъ назначено.

Плата, взимаемая со слушателей.

Плата за слушаніе курсовъ всецѣло опредѣляется мѣстнымъ комитетомъ и можетъ быть очень различна, смотря по обстоятельствамъ. Обыкновенная плата за вечерніе курсы составляетъ 5 ш. Плата за послѣобѣденные курсы, т. е. послѣ 12 часовъ, мѣняется отъ 10 до 21 ш.

Лондонское общество постановило выдавать подписчикамъ спеціальныя сессіональныя книжечки, дающія право посѣщать всѣ центральныя курсы въ теченіе сессіи и, кромѣ того, одинъ мѣстный курсъ въ каждый терминъ, т. е. курсъ, устроенный мѣстнымъ комитетомъ въ мѣстномъ центрѣ. Сессіональныя книжечки не могутъ передаваться

другому лицу, но, если лицо, имѣющее такую книжечку, не желаетъ посѣщать мѣстный курсъ, то оно можетъ получить билетъ на чтеніе мѣстнаго курса и этимъ билетомъ можетъ воспользоваться другое лицо. Книжечка стоитъ 2 гиней.

Кромѣ того предоставляется мѣстнымъ комитетамъ взимать съ каждаго кандидата за допущеніе къ экзамену 1 шиллингъ. Наконецъ, говоря о средствахъ общества University Extension, мы не можемъ не упомянуть о стипендіяхъ и преміяхъ, назначенныхъ нѣкоторыми учрежденіями для слушателей курсовъ. Такъ правленіе лондонской школы экономическихъ и политическихъ наукъ даетъ каждую сессію шесть стипендій, каждая въ 12 ф. ст., тѣмъ слушателямъ курсовъ, которыхъ лекторъ и экзаменаторъ по экономическимъ и политическимъ наукамъ представляютъ какъ наиболее способныхъ къ специальному изученію этихъ наукъ. Кобденскій клубъ даетъ каждую сессію двѣ преміи, каждая въ 2 ф. 2 ш., тѣмъ слушателямъ, которые прошли сессіональный курсъ тоже по какой-нибудь экономической наукѣ и лучше всѣхъ выдержали экзаменъ.

Расходы общества University Extension. Плата лекторамъ и другіе расходы ¹⁾.

Плата лекторамъ бываетъ различная, 1) смотря по курсамъ и 2) смотря по тому, стоитъ ли лекторъ въ главномъ списокѣ или въ дополнительномъ. При опредѣленіи платы включается всегда плата за 100 экземпляровъ программы для каждаго курса и кромѣ того другіе расходы, обозначенные ниже.

За *сессіональные курсы*, состоящіе изъ двухъ терминальных курсовъ, каждый въ 12 лекцій и классовъ, или изъ двухъ терминальных курсовъ, каждый въ 10 лекцій, и третьяго курса въ 5 лекцій (въ насхальномъ терминѣ), полагается слѣдующая плата: 1) за курсъ, читаемый лекторомъ, стоящимъ въ главномъ списокѣ, 77 ф. 10 ш., 2) за курсъ, читаемый лекторомъ, стоящимъ въ дополнительномъ списокѣ, 62 ф. 10 ш.—Такова плата въ томъ случаѣ, если держится одинъ только экзаменъ въ сессію; если же будетъ два терминальных экзамена, то плата для перваго лектора=80 ф. ст., для втораго—65 ф.

За *терминальные курсы* въ 10 лекцій и классовъ платится: 1) за курсъ, читаемый лекторомъ, стоящимъ въ главномъ списокѣ, 32 ф.

¹⁾ University of London. 1906, p. 29—31.

10 ш., 2) за курсъ, читаемый лекторомъ, стоящимъ въ дополнительномъ спискѣ, 25 ф.

Въ видахъ поощренія продолжительныхъ и систематическихъ занятій, центръ, устраивающій два послѣдовательныхъ терминальныхъ курса, обязывается платить за два термина 63 ф. ст. 15 шил. вмѣсто 65 ф. (въ томъ случаѣ, если лекторъ находится въ главномъ спискѣ), или 48 ф. 15 ш. вмѣсто 50 (если лекторъ находится въ дополнительномъ спискѣ).

Вышеозначенныя платы включаютъ въ себя:

- а) вознагражденіе лектору за еженедѣльные лекціи и классныя занятія,
- б) вознагражденіе за исправленіе письменныхъ работъ слушателей,
- в) расходы по экзамену и стоимость свидѣтельствъ,
- г) стоимость копій съ программы лектора въ количествѣ 100 экземпляровъ,
- е) наемъ экрана (slides), если чтеніе демонстрируется волшебнымъ фонаремъ.

За краткіе курсы, состоящіе изъ 3 или болѣе лекцій одного и того же лектора, платится: а) за три лекціи 12 ф., б) за каждую добавочную 4 ф.—Плата же за серію пионерныхъ лекцій, читаемыхъ разными лекторами, мѣняется въ зависимости отъ условій лекторовъ. Минимальная плата полагается: за 3 лекціи 15 ф., за каждую добавочную—5 ф.

Кромѣ того, общество оплачиваетъ поѣздки лекторовъ, не живущихъ въ томъ городѣ, куда они приглашены для чтенія курсовъ. Расходы оплачиваются по тарифу II или I класса.

Чтобы дать понятіе о томъ, сколько расходуется англійскимъ обществомъ на курсы, приводимъ нѣсколько данныхъ изъ брошюры Р. Д. Робертса. На курсы, устроенные Кембриджскимъ университетомъ, въ теченіе 25 лѣтъ, съ 1873 до 1898 г. издержано мѣстными комитетами 96.151 ф. (т. е. 961.510 р.). Эта цифра не представляетъ еще всей суммы расходовъ мѣстныхъ комитетовъ на курсы. Въ эту сумму не включены расходы на наемъ помѣщеній для курсовъ, на печатаніе разныхъ бумагъ, и на объявленія. Эти расходы составляютъ обыкновенно около $\frac{1}{4}$ всей суммы расходовъ. Если прибавить эту четверть, то вся сумма расходовъ на курсы, устроенные Кембриджскимъ университетомъ, составитъ около 120.000 ф. (или 1.200.000 р.). На курсы и чтенія, устроенныя Лондонскимъ университетомъ, издержано мѣстными комитетами въ теченіе 30 лѣтъ 103.000 ф., не считая

расходовъ на наемъ помѣщеній, на типографію и на объявленія. Съ прибавкою этихъ расходовъ получится сумма въ 128.000 ф. или 1.280.000 р. Таковы расходы обществъ, состоящихъ только при двухъ университетахъ; если же взять расходы всѣхъ обществъ, существующихъ при другихъ университетахъ Англій, Шотландіи и Ирландіи, то получатся миллионныя суммы, которыя жертвуются на распространеніе высшаго образованія въ народѣ. При этомъ нельзя не указать, что общества не скунятся на вознагражденіе тѣхъ лицъ, которыя являются главными дѣятелями на курсахъ, а именно на вознагражденіе лекторовъ. Это вознагражденіе можетъ показаться у насъ особенно завиднымъ, такъ какъ у насъ лекторы, устраивающіе такъ называемыя народныя чтенія, не только не получаютъ никакого вознагражденія, но сами еще припичиваютъ за наемъ зала.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ послѣднее десятилѣтіе въ Англій былъ возбужденъ вопросъ объ организаціи болѣе сильной связи между училищами, которыя, будучи основаны въ разное время и устроенныя различно, дѣйствовали врозь, такъ какъ лишены были единого общаго руководства. Въ разрѣшеніи этого вопроса принимаетъ дѣятельное участіе University Extension или такъ называемый народный университетъ, который является посредствующимъ звеномъ между низшею и вышею школою. Онъ своими курсами вноситъ нѣкоторое единство и связь въ образованіе народа, восполняя недостатки его, происходящіе частью отъ отсутствія соотвѣствующихъ школъ, частью же отъ плохой организаціи ихъ. Въ этой роли распространителя высшаго образованія University Extension или народный университетъ, безъ сомнѣнія, окажетъ большую услугу англійскому народу и можетъ послужить образцомъ для другихъ народовъ, у которыхъ школьное дѣло находится въ тѣхъ же условіяхъ. При этомъ мы не можемъ не указать на то, что своимъ образовательнымъ значеніемъ University Extension въ Англій обязанъ главнымъ образомъ серьезному устройству курсовъ, которые чужды всякихъ одностороннихъ тенденцій и имѣютъ въ виду только цѣль высшаго образованія, которая можетъ быть достигнута только серьезнымъ отношеніемъ къ наукѣ.

А. Вейсманъ.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ *).

Издание постоянной комиссии народных чтений (С.-Пб., Екатерининскій каналъ, 14): Чужов довро въ прокъ не идетъ. По драмѣ А. А. Потѣкина. Разсказъ А. Н. Канеева. С.-Пб. 1906. Стр. 44. Цѣна 10 коп.

Уже самое заглавіе книжки указываетъ на ея цѣль. И цѣль эта вполне достигнута въ разсказѣ. Въ немъ изображена хорошая, добрая и зажиточная крестьянская семья. Степанъ Ѳедоровъ, содержатель постоялаго двора въ деревнѣ, его жена Маремьяна и два сына Михайло, со своей женой Маланьей и малолѣтними дѣтьми, и Алексѣй живутъ, какъ слѣдуетъ домовитымъ крестьянамъ, всѣ вмѣстѣ, и всѣ члены семьи вполне подчиняются главѣ ея, Степану Ѳедорову, который заправляетъ всѣмъ хозяйствомъ и распоряжается работами по своему усмотрѣнію. Такъ продолжалось бы и впредь до того времени, когда, вслѣдствіе увеличенія семьи и тѣсноты совмѣстнаго житья, пришлось бы семейству раздѣлиться на самостоятельныя семьи съ особымъ для каждой хозяйствомъ. Но, къ несчастію, семейный миръ нарушился совершенно случайно. Заѣхалъ къ Степану Ѳедорову старинный его знакомый Кузьма Ѳедотычъ, возвращавшійся съ ярмарки, гдѣ продалъ товаровъ на весьма значительную сумму денегъ, которыя и везъ съ собой, о чемъ онъ и сообщилъ потихоньку Степану. Налившись вмѣстѣ съ хозяевами чаю, Кузьма Ѳедотычъ вскорѣ уѣхалъ, а вслѣдъ затѣмъ старшій сынъ Ѳедорова Михайло вѣжалъ въ ком-

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

нату, гдѣ никого не было, такъ какъ вся семья, провожавшая гостя, еще не успѣла вернуться со двора, и видѣ себя отъ радости началъ раскладывать на столѣ найденныя имъ въ бумажникѣ сотенныя ассигнаціи, которыхъ оказалось очень много. Не успѣлъ онъ ихъ сосчитать, какъ вошелъ отецъ и отнялъ у сына деньги, говоря, что ихъ, вѣроятно, обронилъ Кузьма Федотычъ. Деньги соблазнили старика, и онъ рѣшилъ о находкѣ ихъ не объявлять. Сынъ, пользуясь этимъ и считая деньги своими, сталъ время отъ времени требовать ихъ по частямъ отъ отца, сглашая въ случаѣ отказа рассказать о находкѣ. Получаемыя безъ труда деньги не представляли для Михайлы никакой цѣны, и онъ, зная, что отецъ не смѣетъ отказать ему и впредь, пересталъ работать и началъ кутить, подружился съ пропойцей-лакеемъ, забылъ о женѣ и маленькихъ дѣтяхъ и совершенно вышелъ изъ подъ родительской власти. Жена его Маланья также перестала работать, распивала чай, грубила свекрови и свекру, о чемъ прежде и подумать не смѣла... Однимъ словомъ чужое добро внесло въ семью полный разладъ. Наконецъ, когда стало извѣстно, что найденныя деньги, дѣйствительно, потеряны Кузьмой Федотычемъ и что старикъ Федоровъ, подъ вліяніемъ своей старухи жены и младшаго сына, рѣшился отвезти ихъ собственнику, то безпутный пріятель-лакей соблазнилъ Михайлу отнять ихъ у отца и вмѣстѣ съ нимъ ночью вошелъ, захвативъ топоръ, въ комнату, гдѣ спалъ старикъ. Но предъ наступленіемъ роковой минуты злодѣянія сыновняя любовь и проснувшаяся совѣсть заговорили въ Михайлѣ, который и помѣшалъ извергу привести его намѣреніе въ исполненіе. Въ то же время проснулся отецъ, прибѣжалъ съ фонаремъ младшій братъ, а за нимъ и мать: Михайло бросился отцу въ ноги, чистосердечно раскаялся въ злодѣйскомъ умыслѣ и обѣщался болѣе не выходить изъ родительской воли. Старикъ, сознавая и свою вину, простилъ сына и вмѣстѣ съ нимъ отвезъ деньги Кузьмѣ Федотычу.

Вотъ несложное, но тѣмъ не менѣе глубоко поучительное содержаніе разсказа. Только собственнымъ честнымъ трудомъ нажитое добро можетъ идти въ прокъ, такъ какъ такое добро не будетъ расточаться на прихоти, а трудовая жизнь пріучаетъ человѣка къ порядочности, довольству тѣмъ, что Богъ послалъ, и къ честному взгляду на право собственности, нарушеніе котораго есть грѣхъ и преступленіе. Распространеніе подобныхъ книжекъ въ народъ, несомнѣнно, полезно и желательно.

И. Потѣхинъ.

*К. Гумкоескіі. Ученіе о теплотѣ въ связи съ вопросовъ о строеніи вещества. (Повторительный курсъ). Съ 18 таблицами рисунковъ. Смиферополь 1906 г. 185+VIII стран. Цѣна 1 р. 50 коп.

Трудно понять, какую цѣль имѣлъ въ виду авторъ при составленіи этой книги, и для какиѣхъ читателей онъ ее предназначалъ.

Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Настоящее изданіе предназначено служить дополненіемъ и дальнѣйшимъ расширеніемъ уже приобрѣтенныхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ курса средней школы“. Но съ такимъ назначеніемъ книги плохо вяжется ея содержаніе.

Книга состоитъ изъ трехъ, приблизительно равныхъ частей. Первая часть (стр. 1—68) имѣетъ, какъ это и самъ авторъ указываетъ въ предисловіи, характеръ чисто повторительный. Она содержитъ элементарное ученіе о теплотѣ въ томъ же объемѣ, въ какомъ оно излагается во всѣхъ учебникахъ физики. Но изложеніе сжатое и нѣтъ рисунковъ, такъ что понять описанія многочисленныхъ приборовъ, методовъ наблюденій и т. д. невозможно. Понять автора можетъ только тотъ, кто уже вполне освоился съ предметомъ; учиться же по этой первой части совершенно немислимо. Для кого же она тогда назначена? Очевидно, всякій предпочтетъ „повторять“ по тому учебнику, по которому онъ учился.

То же самое слѣдуетъ сказать и о третьей части (стр. 131—185), содержащей „Описаніе устройства приборовъ и ихъ дѣйствія“. Къ этой части приложены таблицы тѣхъ самыхъ рисунковъ, которые опять-таки встрѣчаются во всѣхъ элементарныхъ учебникахъ физики. Для кого эта часть нужна, какую она можетъ принести пользу, понять трудно.

Остается вторая часть (стр. 69—130), содержащая „Основныя начала механической теоріи теплоты“ (стр. 69—92) и статью „О строеніи вещества“ (стр. 93—130). Эта часть была бы не бесполезной, если бы въ ней не встрѣчались тѣ курьезы и крупныя научныя промахи, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что общій планъ книги врядъ ли задуманъ цѣлесообразно. Но не въ этомъ главный ея недостатокъ. Онъ заключается въ многочисленныхъ научныхъ ошибкахъ и промахахъ, которыми изобилуетъ книга. Приведемъ, прежде всего, обзоръ наиболѣе серьезныхъ ошибокъ.

Стр. 1. Въ первыхъ строкахъ книги мы узнаемъ, что тепло и холодъ суть проявленія одной и той же силы, которую называютъ теплотой. Въ дѣйствительности теплота не сила, а форма энергіи.

Стр. 10. Первый законъ Гей-Люссака формулированъ такъ: „Газы и пары при нагреваніи на одинаковое число градусовъ и при одномъ и томъ же давленіи расширяются въ точности на одну и ту же величину“. Это не вѣрно, ибо вовсе не требуется, чтобы всѣ газы и пары находились при одномъ и томъ же давленіи.

Стр. 37. Авторъ говоритъ, что Линде положилъ въ основу своей машины принципъ Кальета, т. е. охлажденіе газа при расширеніи съ производствомъ вѣшней работы! Это совершенно не вѣрно. Въ машинѣ Линде расширяющійся газъ никакой вѣшней работы не производитъ, и охлажденіе происходитъ вслѣдствіе той внутренней работы, которую изслѣдовали Джуль и Томсонъ. Неужели авторъ думаетъ, что формула названныхъ ученыхъ, которую онъ приводитъ на стр. 173, относится къ обратимому адиабатическому расширенію ($Tv^{\kappa-1} = \text{Const.}$).

Нѣчто странное представляютъ страницы 38—40. Онѣ содержатъ какое-то новое обоснованіе механики, при чемъ исходною точкою является „количество дѣйствія силы“, равное произведенію силы на время и на пройденный путь.

Непостижимымъ способомъ изъ этой величины выводятся понятія о мощности, о работѣ, объ импульсѣ силы и, наконецъ, о движеніи. Въ первыхъ четырехъ статьяхъ (стр. 38 и 39) можно угадать мысль автора, но въ статьѣ о движеніи (стр. 40) вообще ничего понять нельзя.

Стр. 41. Авторъ причисляетъ силу вѣтра и упругость водяного пара къ формамъ *потенціальной* энергіи!

Стр. 91. По мнѣнію автора второе начало заключается въ *двухъ* постулатахъ Клаузіуса и Томсона!

На той же страницѣ авторъ утверждаетъ, что второе начало составляетъ нѣкоторое ограниченіе перваго начала!

Наконецъ мы читаемъ на стр. 91 и 92 буквально слѣдующее:

„Эту тепловую энергію, какъ неспособную къ дальнѣйшимъ превращеніямъ, принято называть энтропией“, и далѣе: „Наступитъ время, когда энергія превратится въ энтропію—съ этого момента настанетъ вѣчный покой“.

Если бы книга не содержала ни одного промаха, кромѣ этого, и то пришлось бы пожалѣть о читателяхъ! Мы, на моемъ вѣку, пришлось читать не мало курьезовъ по трудному вопросу объ энтропіи. Но до превращенія энергіи въ энтропію, кажется, еще не доходилъ никто!

Стр. 96. Авторъ говоритъ о четвертомъ состояніи матеріи въ явле-

ніяхъ Крукса. Это анахронизмъ, такъ какъ теперь несомнѣнно, что катодный лучъ состоитъ не изъ частицъ газа, а изъ потока электроновъ.

Стр. 102—103. „Современные ученые.... допускають, что вслѣдствіе вращательнаго движенія небесныхъ тѣлъ получается избытокъ давленія эфира извнѣ надъ давленіемъ его въ противоположномъ направленіи, удерживающій эти вращающіяся тѣла на опредѣленныхъ разстояніяхъ. Также точно можно объяснить и силу сдѣвленія между частицами твердаго и жидкаго состоянія (частицы состоянія!).

Чтобы объяснить переходъ тѣлъ въ газообразное состояніе, допускають измѣняемость напряженности вращательнаго движенія“ и т. д. Комментаріи, кажется, излишни.

Стр. 106. Авторъ, во-первыхъ, увѣряетъ, что существуютъ лучи трехъ родовъ: свѣтовые, тепловые и химическіе. Во-вторыхъ, онъ утверждаетъ, что въ солнечныхъ лучахъ максимумъ теплового дѣйствія находится въ инфракрасной части спектра; въ дѣйствительности максимумъ находится въ желтой части.

Стр. 110. Авторъ объясняетъ разложеніе углекислоты въ вѣточкахъ растений *раскачиваніемъ*, при чемъ атомы углерода раскачиваются сильнѣе, чѣмъ атомы кислорода. Впрочемъ, можетъ быть это только шутка.

Изъ многочисленныхъ болѣе мелкихъ промаховъ укажемъ немногіе.

Стр. 15. Авторъ указываетъ, до какой температуры нагреется 1 кгр. воды, находящейся при 0°, если въ эту воду погрузить 1 кгр. различныхъ веществъ, находящихся при 100°. Затѣмъ описываетъ: „Изъ этихъ опытовъ мы несомнѣнно *приодили къ заключенію*, что отъ каждаго изъ нагрѣтыхъ тѣлъ, при смѣшеніи съ холодной водой, эта послѣдняя получаетъ теплоту въ такомъ именно количествѣ, какое ей уступаетъ данное нагрѣтое тѣло“. Недурно!

На стр. 20 говорится о „горячей водѣ въ калориметрѣ“. Вѣроятно, авторъ никогда не работалъ съ калориметромъ.

На стр. 24 авторъ называетъ насыщенный паръ *влажнымъ*.

На стр. 41 приведены, какъ примѣры *силъ*: магнитъ, паръ, вѣтеръ и—колодезный журавль!

На стр. 66 говорится объ источникахъ тепла и холода, какъ о двухъ различныхъ системахъ.

На стр. 114 сила выражена въ видѣ 2 M V (количество движенія).

Англійскій ученый Эндрюсъ (Andrews, род. 1813 г. въ Бельфастѣ) фигурируетъ (стр. 35) какъ „знаменитый шведскій физикъ Андревсъ“.

Депре (Depretz) много разъ названъ Депретцъ.

На стр. 54 читаемъ: „Математическая теорія теплопроводности была дана знаменитымъ Фурье (Les traités de Fourier et de Poisson)“. Чтобы узнать свойства молекулъ, авторъ много разъ обращается къ устройству вселенной (стр. 94, 101 и др.).

Языкъ оставляетъ желать многого: „объемъ увеличивается въ двучленъ“ (стр. 4); „земная кора составляетъ незначительную часть земного радиуса“ (стр. 68); „перемѣщаніе поршня.... составляетъ механическую работу“ (стр. 84); „.... помноженному числу 2“ (стр. 101) и т. д.

Множество опечатокъ оговорены, но не всѣ.

На стр. 10 помѣщена табличка, смыслъ которой совершенно непонятенъ; на стр. 18 напечатано 0,049 и 0,129 вмѣсто—0,049° и 0,129°. На стр. 120 упомянуты семидесятыя годы *нынѣшнюю* столѣтія.

О. Хвольсонъ.

О. П. Герасимовъ. Изъ записной книжки. С.-Пб. 1906, стр. 67. Цѣна 20 коп.

О. П. Герасимовъ былъ въ 1901 г. за границей для изученія постановки воспитательнаго дѣла въ интернатахъ, и въ книжкѣ, заглавіе которой мы выписали, сообщаетъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

Идеаль О. П. Герасимова такой интернатъ, гдѣ бы молодое поколѣніе воспитывалось, т. е. было бы поставлено въ такія условія, чтобы личность каждаго могла свободно развиваться на почвѣ взаимнаго довѣрія между воспитывающими и воспитанниками. Этого онъ не нашелъ ни въ Австріи, ни во Франціи, а только въ Англии. Хуже всего оказались французскіе коллежи и лицеи: они переполнены воспитанниками отъ 5½ до 21 года, и для всѣхъ одинаковъ пріемъ воспитанія и строй жизни: отсутствіе свободы и довѣрія, а главное отсутствіе какаго бы то ни было идеала; въ послѣднемъ отношеніи лучше клерикальные интернаты, въ которыхъ существуетъ больше связи между педагогическимъ персоналомъ и воспитанниками, и гдѣ въ томъ же физическое развитіе поставлено рационально; но и въ нихъ то же стремленіе къ нивелировкѣ. Въ Австріи О. П. Герасимовъ посѣтилъ Пражскую академію гр. Штрака, Вѣнскій Терезіанумъ и Конвиктъ св. Вячеслава. Въ первыхъ двухъ строго проведенная воспитательная система, но она безжизненна, между воспитывающими и воспитанниками отсутствуютъ связь и довѣріе, и царятъ дрессировка и *скура* съ той и съ другой стороны. У англичанъ воспитательное дѣло является отраженіемъ окружающей жизни, и никакой прину-

манной педагогической системы въ немъ не проводится. На первомъ планѣ стоитъ воспитаніе, а потомъ уже обученіе; поэтому преобладающая форма учебныхъ заведеній—интернатъ, въ которомъ дѣти находятъ ту же домашнюю обстановку, но болѣе благоприятную для ученія среду, умственное возбужденіе со стороны учениковъ и старшихъ товарищей, благодаря совместной съ ними жизни, и воспитательное вліяніе многолѣтняго прошлаго, которое выступаетъ изъ каждаго угла такихъ учреждений какъ Eton, Harrow, Christ's Hospital.

Книжка О. П. Герасимова полна мѣткихъ замѣчаній, написана прекраснымъ языкомъ и читается съ большимъ интересомъ; краткость изложенія заставляетъ пожалѣть о томъ, что авторъ, отвлеченный другими занятіями, долженъ былъ отказаться отъ намѣренія обработать собранный имъ матеріалъ и издать его въ видѣ отдѣльной книги.

Ф. Д.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ 1906 года:

— Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1904 годъ. С.-Пб. 1906. IX+283+243 стр. (Управление главнаго врачебнаго инспектора М. В. Д.).

— *Чернышевъ, В. И.* Русское дѣтское чтеніе. Народныя дѣтскія пѣсни и сказки, выбранныя и обработанныя для дѣтей младшаго возраста. Рисунки Е. Клейнъ. С.-Пб. 1906. 46 стр. Цѣна 60 коп.

— *Карпсъ, Н.* Помѣсть-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Очеркъ развитія соціального строя и политическихъ учреждений въ Западной Европѣ. С.-Пб. 1906. V+376+LXVI+3 кар. Цѣна 2 руб.

— *Абрамовъ, Ис. С.* Деревенскія очерки. (Изъ „Сына Отечества“, „Нашихъ Дней“, „Народной Жизни“ и „Журнала для всѣхъ“). Книгоиздательство „Свободная жизнь“. С.-Пб. 1907. 36 стр. Цѣна 7 коп.

— Краткій обзоръ начальнаго народнаго образованія въ Херсонской губерніи за 1904 годъ. Изданіе Херсонской Губернской земской управы. Херсонъ 1906. II+147 стр.

— *Пушкинъ.* Сочиненія. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка по редакціи и съ примѣчаніями В. И. Сантова. Томъ первый (1815—1826). С.-Пб. 1906. IV+397 стр.

— *Форесть, Августъ.* Половой вопросъ. Естественно-историческій, психологическій, гигиеническій и социологическій взглядъ, предназначенный для образованныхъ читателей. Съ 4 и 5 исправленнаго и дополненнаго нѣмецкаго

наданія переводъ С. Э. Фуксъ съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Единственное авторизованное русское изданіе. С.-Пб. 1906. Изданіе А. С. Сувормина. Выпускъ I. XXII+320 стр. Выпускъ II. Стр. 321—678.

— Списокъ гимназій и прогимназій мужскихъ и женскихъ и реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ распредѣленіемъ ихъ по учебнымъ округамъ, губерніямъ и областямъ. Составленъ по 1-е января 1906 года. Изданіе департамента народнаго просвѣщенія. С.-Пб. 1906. 69 стр.

— Учебныя заведенія вѣдомства учреждений Императрицы Маріи. Краткій очеркъ. С.-Пб. 1906. VIII+477 стр.

— *Чернышевъ, В.* Законы и правила русскаго произношенія. Звукн. Формы. Ударенія. Опытъ руководства для учителей, чтецовъ и артистовъ. Варшава 1906. 47 стр. Цѣна 30 коп.

— *Сморонскій, И. К.* Биномъ Ньютона. Задачи и способы ихъ рѣшенія. Практическое руководство для учащихся средней школы и для поступающихъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. 215 задачъ; изъ нихъ болѣе 70-ти съ подробными рѣшеніями. Кіевъ 1906. II+70 стр. Цѣна 50 коп.

— Указатель наглядныхъ учебныхъ носовій. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1906. 101 стр. Цѣна 35 коп. (Подвижной музей при постоянной комиссіи по техническому образованію Императорскаго Русскаго технического общества).

— *Клачичъ, Евгений.* О жизни на морскихъ глубинахъ. С.-Пб. 1907. IV+44 стр. Цѣна 20 коп. (Изданіе подвижного музея учебныхъ пособій).

— *Тотино, П. П.* Спутникъ желѣзнодорожнаго кондуктора. Съ 139 вопросами. С.-Пб. Желѣзнодорожное книгоиздательство „Прогрессъ“. 82 стр. Цѣна 25 коп.

— *Рисовъ, О. А.* Сжатый и жидкій воздухъ. Добываніе, свойства и примененіе. Центральныя воздушныя устройства. Воздушные приборы. Воздушная почта. Тормазъ Вестингауза. Кессонныя работы. Сжатый воздухъ въ желѣзнодорожномъ производствѣ, горномъ, военно-морскомъ дѣлѣ. Жидкій воздухъ. Составъ воздуха по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Съ 43 рисунками въ текстѣ. Книгоиздательство „Прогрессъ“. С.-Пб. 1907. 108 стр. Цѣна 80 коп.

— Отчетъ о состояніи Вятской губернской публичной бібліотеки имени Императора Николая I-го за 1906 годъ. Вятка 1906. 34 стр.

— Что сделано для глухонемыхъ въ Россіи? С.-Пб. 1906. 22 стр.

— Толковая выжимка, или комментарий на всѣ книги св. Писанія Ветхаго и Новаго Заветъа. Съ иллюстраціями. Изданіе преемниковъ † А. П. Лопухина. Томъ третій. Книги: Паралипоменонъ, Ездры, Неемїи, Товїта, Іудїи и Есѣиры. С.-Пб. 1906. 441 стр. Безплатное приложеніе къ журналу „Странникъ“.

— *Иловайскій, Д. И.* Исторія Россіи. Томъ первый Періоды Кіевскій и Владимірскій. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. М. 1906. XX+775 стр. Цѣна 4 руб.

— *Языковъ, Д. Д.* Обзоръ жизни и трудовъ русскыхъ писателей и писательницъ. Десятый выпускъ. М. 1907. 101 стр. Цѣна 70 коп.

— Самарскій Городской Публичный Музей и Залъ Императора Александра II. Отчетъ за 1902 и 1903 гг. съ приложениями. Самара 1905. 89 стр.

— Природа и население Россіи въ 4-хъ частяхъ. Составлено М. Н. Т. подъ редакціей В. В. Витнера. Часть третья. Народы Европейской Россіи. Выпускъ II. Низовая Волга и Заволжье, Земля Войска Донского, Малороссія, Новороссія. Западный и Сѣверо-Западный край. Съ рисунками. С.-Пб. 1906. Изданіе „Вѣстника Знанія“. 53 стр.

— Буссе и Гейблдингъ. Мировоззрѣнія великихъ философовъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. В. Витнера. С.-Пб. 1906. Изданіе „Вѣстника Знанія“. 112 стр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НОВАЯ ПРОГРАММА КУРСА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ¹⁾.

Общее обзорѣніе „переходной“ эпохи (стр. 184) построено на раньше приведенныхъ фактахъ, и потому, что сказано о послѣднихъ, то должно быть примѣнено и къ первому. Въ общемъ нужно сказать, что все изложеніе литературы „переходной“ эпохи, за исключеніемъ вышеуказанныхъ недочетовъ, выгодно отличается отъ подобныхъ учебниковъ уже тѣмъ, что чуть ли не въ первый разъ мы видимъ попытку дать характеристику литературы цѣлыхъ двухъ вѣковъ, того періода, который обыкновенно какъ-то вычеркивается изъ исторіи литературы. Мы видимъ попытку связать литературу стараго, предшествующаго періода съ послѣдующимъ. Общая постановка, такимъ образомъ, заслуживаетъ одобренія и сочувствія. Въ достоинство, конечно, должно быть вѣнено автору еще и то, что учебникъ отъ шаблонныхъ другихъ подобныхъ отстываетъ въ научной постановкѣ: авторъ вводитъ въ учебникъ нѣкоторыя новыя научныя данныя; объ этомъ будетъ еще рѣчь ниже. Правда, не все изъ новѣйшихъ данныхъ, какъ видѣли, можетъ быть принято; многое оказалось само себѣ противорѣчающимъ, не мало оказалось недостаточно продуманнымъ. Во всякомъ случаѣ, видно желаніе внести нѣкоторый порядокъ въ представленіе о литературѣ „переходной“ эпохи, указать на тѣ

¹⁾ Окончаніе. См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1906 годъ.

или другія видоизмѣненія въ ходѣ литературы. Другой вопросъ—на сколько это удалось автору. Мы видѣли уже, насколько вредить дѣлу это внушенное совершенно ложнымъ представленіемъ стремленіе ввести все въ опредѣленные рамки, въ точную схему. Автору, конечно, хорошо извѣстно, что никогда и нигдѣ исторія литературы не укладывается въ схемы, противъ которыхъ не могло бы быть сдѣлано возраженій. Еще болѣе эта схема будетъ произвольной и искусственной въ области древней литературы. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о возможности такой схемы, я вижу ея недостатокъ въ томъ, что она, повидному, противъ воли самого автора, помѣшала ему провести болѣе наглядно и рельефно историческую преемственность различныхъ эпохъ. Мнѣ кажется, что послѣднее могло бы и должно бы быть сдѣлано. Авторъ какъ будто только подходитъ къ историческому изложенію, но какъ-то отрывочно, выдвигая напередъ схему и отодвигая на второй планъ историко-литературную послѣдовательность. Я не выставляю, подобно автору, какой-либо опредѣленный планъ учебника единственно-возможнымъ: хорошій учебникъ всегда хорошъ, но думаю, что исторія древней литературы сама по себѣ для ученика не будетъ никогда представлять интереса, и въ виду этого полагалъ бы, что чѣмъ болѣе она проходитъ въ исторической перспективѣ, тѣмъ болѣе этимъ—и только этимъ—она можетъ привлекать ученика. Съ этой стороны, изложеніе литературы „переходной“ эпохи могло бы быть представлено обстоятельнѣе. Я и здѣсь скажу, что, по моему мнѣнію, лучше сократить изложеніе съ выписками памятника и распространить общія положенія историко-литературнаго характера. Разумѣется, дѣло зависить отъ большаго умѣнья. Въ данномъ случаѣ изложеніе литературы двухъ вѣковъ все-таки вышло хаотичнымъ, все смѣшано какъ-то въ кучу, и для ученика и учителя все-таки останется неясной связь этого періода съ послѣдующимъ временемъ. Кажется, выпусти весь „переходный“ періодъ, и литература XV — XVI вв. не станетъ отъ этого меньше понятной. Между тѣмъ, если бы оставить всѣ такіе термины, какъ „вырожденіе“, „приспособленіе“, какъ термины антиисторическіе, можно бы, кажется, и при нашихъ научныхъ данныхъ прослѣдить исторію литературы болѣе хронологически и болѣе точно поставить ее въ связь съ историческимъ ходомъ развитія русской жизни на сѣверо-востокѣ. Авторъ могъ бы и долженъ бы подробнѣе остановиться на выясненіи татарскаго нашествія, яснѣе бы указать, что это нашествіе на первыхъ порахъ какъ бы содѣйствовало литературѣ, вызвавъ къ жизни нѣсколько произведеній, но что тотчасъ же за этимъ

стало оказывать задерживающее влияние. У автора XIV вѣкъ какъ бы совсѣмъ пропадаетъ, давая лишь два—три памятника, связанныхъ съ татарскимъ нашествіемъ, а между тѣмъ, пожалуй, можно бы сказать два—три слова и объ общественныхъ настроеніяхъ и о народныхъ движеніяхъ, чтобы многое объяснить затѣмъ въ послѣдующій періодъ. Историко-культурная сторона какъ-то мало интересуется автора; оттого въ его учебника ученикъ вынесетъ довольно смутное представление о тѣхъ этапахъ, чрезъ которые проходила жизнь XIII—XIV в., въ началѣ, до половины XIII, спокойная, а затѣмъ очень тревожная, и о тѣхъ способахъ, какими выражалась та и другая въ памятникахъ литературы. Правда, выясненіе этой смутной эпохи представляеть затрудненія и для ученой работы; тѣмъ болѣе это затруднительно для учебника: но тѣмъ болѣе любопытно было бы сдѣлать попытку; вѣдь и настоящій видъ учебника г. Сиповскаго представляеть собой попытку создать учебникъ на новыхъ основаніяхъ.

За „переходной“ эпохой слѣдуетъ, конечно, періодъ „московскій“ (XV—XVII вв.). Въ напечатанной раньше программѣ этотъ періодъ представленъ суммарно, кратко и, какъ было уже сказано, нѣсколько спутанно: такъ XV вѣкъ перемѣшивается съ XVI в. Но мы не встрѣчали въ программѣ дѣленія литературы на „церковную“, „полупереховную“ и „свѣтскую“ и думали, что наконецъ-то авторъ (или авторы?) убѣдился въ невозможности такой схемы. Но вотъ выходитъ учебникъ того же автора, и, къ удивленію своему, мы встрѣчаемъ ту же излюбленную имъ схему: опять то же дѣленіе на три отдѣла. Такъ схоластика заѣла нашего автора, что теперь будетъ неудивительно, если и новую литературу онъ будетъ дѣлить на эти же три группы. Но что же отъ этой схоластики произошло? Выигрываетъ ли „ясность“ и „точность“ курса? Самъ авторъ видитъ достоинство схемы въ томъ, что, благодаря ей, всякому произведенію можно будетъ указать надлежащее мѣсто. Такъ оно и есть въ дѣйствительности?—спросимъ мы. Ничуть не бывало, и самъ авторъ сейчасъ же нарушаетъ стройность схемы. Подъ рубрикой „письменность московской Руси“ (стр. 137—149) онъ разсматриваетъ переписку Грознаго съ Курбскимъ, Стоглавъ, Домострой, Четьи-Минени, а затѣмъ уже переходитъ къ своей схемѣ, при чемъ къ „церковной“ письменности относитъ, кромѣ обычныхъ житій, такіа произведенія, какъ „Просвѣтитель“, сочиненія Максима Грека, къ „полупереховной“—три сказанія—о Маревѣ и Маріи, объ Юліаніи Лазаревской и о пресвитерѣ Тимофѣѣ, а къ „свѣтской“—повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ и дру-

гія. Если придавать какое-нибудь значение схемѣ, то каждый въ правѣ задать вопросъ, почему авторъ выдѣлилъ изъ нея и переписку Грознаго, и Стоглавъ, и слѣдующія? Можетъ быть, у автора есть какія-нибудь на этотъ счетъ свои соображенія, но, къ сожалѣнію, мы этого не знаемъ, и изъ его книжки ничего на этотъ счетъ не узнаемъ. Съ своей же стороны, можемъ сказать, что съ научной точки зрѣнія такое дѣленіе литературы XV—XVI вв. на три отдѣла съ присоединеніемъ памятниковъ, не подходящихъ ни подъ одинъ отдѣлъ, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, а съ педагогической... ну, пусть скажутъ по этому поводу свое слово гг. „педагогическіе специалисты“, къ мнѣнію которыхъ авторъ взываетъ. Не руководился ли авторъ и здѣсь желаніемъ разсматривать литературу XV—XVI вв. съ эстетической точки зрѣнія, выискивая лишь признаки поэзіи? Разумѣется, авторъ не достигъ ни того ни другого, какъ ни старался сблизить Юліанію Лазаревскую съ Лизой Калитиной.

Благодаря желанію подвести литературу такой интересной эпохи, какъ XV—XVI вв., подъ искусственную схему, схему чисто по формальнымъ основаніямъ—все изложеніе ея является также хаотичнымъ. Какая-нибудь вѣрная мысль бросается мимоходомъ, по нѣскольку разъ, на многихъ страницахъ, вслѣдствіе чего не получается цѣльности. Вслѣдствіе же этого, вся литература даннаго періода, охватывающаго два вѣка, представлена скомканно, въ сумбурномъ видѣ. Хотя, несомнѣнно, не всегда можно строго различить XV вѣкъ отъ XVI, но въ извѣстномъ отношеніи оба вѣка другъ отъ друга отличались, и вмѣсто того, чтобы говорить безъ связи, какъ бы по вдохновенію, общія фразы, гораздо было бы лучше представить въ строго исторической послѣдовательности, какъ развивалось извѣстное настроеніе, какъ оно видоизмѣнялось, и въ какихъ памятникахъ и какъ оно выражалось. Настоящее же изложеніе производитъ впечатлѣніе, какъ будто бы оно приводилось въ исполненіе безъ всякаго плана, какими-то скачками. Это—не изложеніе учебника, а скорѣе какія-то записки, составленныя ученикомъ изъ отрывочныхъ фразъ своего бойкаго учителя.

Литература XV—XVI вв., какъ и многое другое, недостаточно разработана, а потому составить хорошій учебникъ, который, будучи „компилятивнымъ“, удовлетворялъ бы и научнымъ даннымъ и чисто педагогическимъ, чрезвычайно трудно. Эта трудность, конечно, увеличивается еще тѣмъ, что нигдѣ, быть можетъ, „ученые“ не расходятся въ своихъ взглядахъ другъ съ другомъ въ такой степени, какъ

именно въ области русской литературы, древней и новой. Поэтому никто не рѣшится претендовать на то, чтобы его мнѣніе было принято, какъ истина святая. Но если авторъ говорить, что ему принадлежитъ „только распредѣленіе матеріала, идея, его объединяющая, а все остальное взято изъ трудовъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ“ (стр. IV), то мы въ правѣ, по крайней мѣрѣ, желать, чтобы то и другое было обработано съ большимъ вниманіемъ и съ большею послѣдовательностью. Конечно, не надо забывать, что рѣчь идетъ объ учебникѣ, и потому строгія требованія не могутъ къ нему предъявляться. Но съ другой стороны, по учебнику будутъ учиться тысячи учениковъ, а сотни учителей будутъ мучиться при мысли, что у учениковъ въ головахъ остается какой-то сумбуръ.

Обращаясь теперь къ общей характеристикѣ періода московскаго, мы видимъ, что въ основу положена правильная мысль объ историческомъ возвышеніи московскаго царя, но тутъ же говорится о желаніи „вернуть старину“ и о недовольствѣ дѣйствительностью и стариной и т. п. Все это очень сложныя явленія, созрѣвавшія постепенно и въ разныя эпохи, т. е. въ XV и XVI вв., выражавшіяся не однообразно. Между тѣмъ, весь XV вѣкъ куда-то исчезъ, и письменность московской Руси начинается прямо съ XVI вѣка. Если мы вспомнимъ, что у автора почти-что исчезъ XIV вѣкъ, то выйдетъ, что у ученика не будетъ никакого представленія о цѣлыхъ двухъ вѣкахъ. Въ этомъ отношеніи учебникъ г. Сиповскаго не отличается отъ обычныхъ учебниковъ, составленныхъ еще по старой программѣ. Но авторъ какъ будто замѣтилъ пропускъ XV вѣка и послѣ памятникѣвъ XVI в. вернулся къ XV и, слѣдуя программѣ, три страницы отвелъ XV вѣку, сказавъ кое-что объ Іосифѣ Волоцкомъ, Нилѣ Сорскомъ и Зосимѣ, а затѣмъ идетъ уже смѣсь въ видѣ извѣстныхъ трехъ дѣлений. Мнѣ совершенно непонятна такая постановка дѣла; непонятно, чѣмъ она была вызвана. И вообще, если бы мы задались цѣлью прослѣдить, какъ авторъ понимаетъ развитіе идей XV—XVI вв., то оказались бы въ затрудненіи. Три вступительныхъ страницы (134—137) сами заключаютъ исторію двухъ вѣковъ и требуютъ расчлененія. Еще въ большемъ затрудненіи мы оказались бы, если бы захотѣли прослѣдить, какъ какое-нибудь общее положеніе иллюстрируется авторомъ на отдѣльныхъ примѣрахъ; мы должны пожалѣть ученика, который долженъ будетъ самъ приводить въ систему все то, что у автора въ его учебникѣ является въ полной бессистемности, разбросаннымъ по-прежнему на каждой страницѣ. Въ сущности говоря, все существенное

у автора сказано, но самое изложеніе производитъ такое впечатлѣніе, что каждая фраза какъ будто писалась на отдѣльномъ билетикѣ, а какой-то путникъ взялъ да и перемѣшалъ послѣдніе. вмѣсто того, чтобы, напримѣръ, раньше всего рассказать объ явленіяхъ XV вѣка— о появленіи мистическо-аскетическаго ученія и объ ересьяхъ, далѣе показать, какъ подъ вліяніемъ ихъ развивался, по выраженію автора, „критицизмъ“, а затѣмъ, какъ этотъ критицизмъ примѣнялся въ XVI вѣкѣ, и какое значеніе при этомъ имѣли ереси, вмѣсто этого— авторъ, сказавъ сначала о XVI вѣкѣ, вдругъ говоритъ о „прогрессистахъ“ и „консерваторахъ“ XV в., устраняетъ ихъ на почвѣ еретичества, а затѣмъ вскользь говоритъ объ аскетическо-соверщательномъ направленіи и далѣе опять—объ еретичествѣ. Получается, дѣйствительно, „пестрота“, о которой говоритъ авторъ, но которой не должно быть въ учебникѣ. Это неприятно особенно потому, что по своему содержанію данный отдѣлъ далеко оставляетъ за собой всѣ существующіе учебники и, не будь недостатковъ въ изложеніи, долженъ бы быть признанъ образцовымъ, несмотря на нѣкоторые фактическіе недочеты.

И не буду останавливаться на всѣхъ недочетахъ, укажу только для примѣра слѣдующіе:

На стр. 136 авторъ говоритъ, что въ періодъ „величія московскаго царства замѣчается желаніе исправить русскую жизнь... въ строго консервативномъ смыслѣ“; ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о XVI вѣкѣ. Но далѣе авторъ продолжаетъ: „и въ то же время въ русскомъ обществѣ, особенно въ XVI вѣкѣ замѣчается недовольство не только дѣйствительностью, но и «старинною», является потребность обновить жизнь церковную болѣе сознательнымъ отношеніемъ къ религіи“,— послѣднее указываетъ на XV вѣкъ; но въ такомъ случаѣ не надо говорить о „старинѣ“: она была тутъ не при чемъ.

На той же страницѣ авторъ говоритъ, что „при всемъ своемъ самонравіи, русскіе люди не могли не замѣтить, что „старина пошпалась“ и на Руси: церковныя книги полны ошибокъ влѣдствію невѣжества переписчиковъ, духовенство не образовано, благочестіе у многихъ получило чисто-внѣшній характеръ“ и т. д. Поэтому явилось желаніе исправить „старину“. Все это, пожалуй, такъ; но для исторіи культурнаго развитія все это было не такъ важно; „старина“ была нужна для того, чтобы бороться не съ забвеніемъ чего-то, а съ восприниманіемъ новаго. Вся указанная характеристика походитъ на Стоглавѣ, но для послѣдняго это не характерно: сколько ни было

соборовъ, всё они говорили объ одномъ и томъ же, и по указаннымъ жалобамъ Стоглава нельзя судить о XVI вѣкѣ. Авторъ тутъ же правильно говоритъ, что явилось желаніе „очиститься отъ тѣхъ вредныхъ новшествъ, которыя погубили Византію и которыя завелись и у насъ“. По благодаря изложенію, у ученика, несомнѣнно, получится впечатлѣніе, что подъ „новшествами“ и слѣдуетъ понимать всё вышеуказанныя недостатки, свидѣтельствовавшіе, что „старина пошпаталась“; онъ долженъ будетъ такъ думать и потому, что дальше ничего не говорится, какія же „новшества“ тутъ разумѣлись. Несомнѣнно, авторъ понимаетъ, что такой выводъ не будетъ соответствовать дѣйствительности.

Довольно неопредѣленной выходитъ характеристика Грознаго на стр. 137. По этой характеристикѣ Грозный — сторонникъ всего новаго, а между тѣмъ онъ же предлагаетъ собору исправить старину. Какъ выйти ученику изъ такого противорѣчія?

На стр. 146 читаемъ: „какъ реакція формализму благочестія, явилась жажда „внутренняго устройства души“, „умное дѣланіе“, т. е. исканіе той сущности христіанства, которая оставалась непонятной у насъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Дѣятельность Нила Сорскаго, Василиана Патрикѣева, рационалистическихъ сектъ съ ихъ многочисленными развѣтвленіями—ясно показывали, что религія у многихъ глубоко затронула сознаніе“. Доля истины тутъ есть, но я, съ своей стороны, объяснилъ бы „исканіе сущности христіанства“ не только „реакціей формализму благочестія“. Это было уже слѣдствіемъ, а не причиной. У автора это „исканіе“ какъ-то отрывается отъ русской почвы, отъ исторической обстановки. Формализмъ благочестія былъ и остался и послѣ. Кромѣ того, у автора на одну ступень поставлены и дѣятельность Нила Сорскаго и рационалистическія секты, между тѣмъ какъ то и другое должно быть отличаемо, несмотря на многія точки соприкосновенія и на нѣкоторые общіе пункты исхода. И аскетическо-созерцательное направленіе и рационалистическія секты суть происхожденія нерусскаго, но чтобы то и другое могло получить на чужой сторонѣ довольно сильное развитіе, необходима была для этого благопріятная почва. Вотъ эта-то благопріятная почва и осталась у автора безъ упоминанія, и все дѣло свелось къ реакціи формализму благочестія. Да на чемъ же покоилась послѣдняя? Неужели русскіе люди такъ-таки однимъ умомъ дошли до этого? Здѣсь я не стану на этомъ останавливаться и отсылаю къ моимъ „Исслѣдованіямъ въ области древне-русской литературы“.

На стр. 149 заключительныя слова, что „последнія усилія старой Москвы (поддержать старину) недолго торжествовали побѣду. Если иконопись и зодчество могли ощутить гнетъ запрета, то никакіе запреты не могли справиться съ вольнымъ творчествомъ народа—съ его сказкой и пѣсней, съ его повѣстью и легендой“—эти слова могутъ быть истолкованы превратно, именно въ томъ смыслѣ, что, дѣйствительно, гнетъ былъ силенъ и что его разрушило вольное творчество народа. Если онъ былъ, то его разрушили новыя условія жизни, которыя и сами дѣйствовали на творчество народа.

На стр. 146 авторъ, характеризуя пробужденіе сознанія въ массѣ простого народа, говоритъ, что оно сказалось „довольно безтолково и даже курьезно“, и приводитъ въ доказательство слова Іосифа Волоцкаго, что „нынѣ и въ домѣхъ и на путѣхъ... всѣ о вѣрѣ пытаются“... и т. д. Напрасно авторъ видитъ здѣсь безтолковщину и курьезность. Спустя два вѣка мы имѣемъ такое же доказательство подобной „безтолковщины и курьезности“, и эти указанія для исторіи русской культуры очень и очень драгоценны. Разумѣется, весь народъ не могъ такъ „пытать о вѣрѣ“, какъ пытали, напримѣръ, Іосифъ Волоцкій или Пилъ Сорскій, но самое-то пытаніе должно быть отмѣчено съ большимъ вниманіемъ, нежели съ той характеристикой, которая дана авторомъ. Мы не знаемъ въ точности, о чемъ пытали „въ домѣхъ и на путѣхъ“..., но нѣтъ сомнѣнія, что—о тѣхъ же вопросахъ, которые приведены авторомъ въ видѣ выдержки изъ изслѣдованія г. Кадлубовскаго о житіяхъ (стр. 150). Въ такомъ случаѣ (да и вообще) его замѣчаніе на стр. 150—151, что „указанныя два теченія наблюдаются лишь у передовыхъ представителей церкви за это время; масса низшаго духовенства, а тѣмъ болѣе, масса русскаго общества, далеко была отъ этой борьбы, отъ этихъ идеаловъ“,—само по себѣ это замѣчаніе всегда можетъ имѣть мѣсто вплоть до послѣдняго времени, и потому оно нисколько не характерно для XV—XVI вв., а во-вторыхъ, не будетъ ли такое утвержденіе стоять въ полномъ противорѣчій съ той характеристикой „верховъ“ и „низовъ“, которая дана авторомъ въ вступленіи къ письменности московскаго періода, а именно: „послѣ того разрыва интеллигенціи и народа, который мы наблюдали послѣ крещенія въ кievской Руси, началось постепенное сліяніе разрозненныхъ частей общества—и вотъ, въ московскій періодъ—«верхи» и «низы» сліялись въ одно цѣлое, довольно однородное по развитію и интересамъ“? Получается впечатлѣніе, что авторъ или неясно представляетъ себѣ это „слияніе“, или не хочетъ точнѣе объяснить его.

На стр. 152 читается странное для учебника замѣчаніе: „Противъ ересей Башкиля и Косого въ XVI в. написано было богословское сочиненіе инока Зиновія—„Показаніе истины“ и—только!

Одно изъ интереснѣйшихъ явленій XV—XVI вв., такъ называемая теорія третьяго Рима въ изложеніи автора совершенно пропала, благодаря тому, что, какъ выше указано, оба вѣка сложены въ одну кучу. А между тѣмъ, изложеніе ея, ея эволюція, представляетъ и для ученика большой интересъ въ виду ея значенія для исторіи умственныхъ настроеній всего общества, шедшаго вслѣдъ за политической жизнью. Эту исторію авторъ включилъ въ отдѣлъ „свѣтскихъ повѣстей“, раздѣлил ея на кусочки (стр. 54, 135 и 158—9), не указавъ внутренней связи между отдѣльными видами легендъ, группирующихся около этой теоріи, и потому вся сущность ея осталась неуловимой, а связь ея съ послѣдующей литературой осталась безъ всякаго упоминанія. Вмеѣстѣ съ этимъ ученику останется непонятнымъ, почему въ разгаръ вѣры въ перенесеніе прерогативъ съ Византіи на Москву Іоаннъ Грозный вдругъ ссылается на свое происхожденіе отъ „нѣмца“; объясненіе, что „такъ какъ Константинъ, перенесшій царство въ Византію, былъ исконный римскій императоръ, то и для московскаго царя надо было придумать подходящую аналогію“ (стр. 159)—это объясненіе не можетъ считаться правильнымъ.

Не останавливаясь на возраженіяхъ высказаннымъ мыслямъ, я рѣшаюсь предложить вниманію читателей, какъ я бы полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ изложить исторію идеи третьяго Рима. Приблизительно я изложилъ бы такъ.

Однимъ изъ крупныхъ культурныхъ явленій, характеризующихъ XV вѣкъ, было появленіе теоріи третьяго Рима. Эта теорія, выразившаяся и въ литературныхъ памятникахъ и отразившаяся въ историческихъ документахъ, глубоко вошла въ сознаніе русскаго чело- вѣка и пережила не одно поколѣніе. Черезъ XVI вѣкъ она перешла и въ XVII и въ концѣ его получила особое распространеніе, попавши въ среду раскольниковъ. Въ XVII вѣкѣ она получила дальнѣйшее свое развитіе, осложнилась многими подробностями и вызвала обширную литературу.

Созданіе теоріи третьяго Рима произошло изъ взаимодѣйствія двухъ силъ: старой литературной традиціи о Римѣ и новыхъ историческихъ условій. Литературная традиція о Римѣ идетъ съ древнихъ поръ. Она связывалась съ старой идеей о золотомъ вѣкѣ, съ которой съ теченіемъ времени соединялась идея о концѣ міра. Придя съ востока,

эта идея сначала приурочилась къ Риму, къ *первому* Риму. Одинъ изъ римскихъ царей долженъ устроить на землѣ вѣчный миръ. Всѣ царства будутъ побѣждены, явится одно всемірное царство, римское, и настанетъ золотой вѣкъ, послѣ котораго послѣдуетъ конецъ міра. Но Римъ палъ, и его значеніе перешло къ новому, *второму* Риму, Константинополю, и значеніе римскаго царства перешло къ царству византійскому. Императоръ византійскій явился олицетвореніемъ всемірнаго царства. Распространяется произведеніе эсхатологическаго характера, извѣстное подъ именемъ „Откровеніе Меодія Патарскаго“, въ которомъ рѣшительно заявляется, что греческое царство есть единственное христіанское царство, что всѣ прежнія царства рушились, а греческое, какъ христіанское царство никогда не погибнетъ, а когда придетъ конецъ міра, тогда послѣдній царь греческій самъ передастъ свой вѣнецъ и царство Богу. Но въ половинѣ XV вѣка Византія пала. Въ 1453 году Царьградъ былъ взятъ турками, и значеніе византійскаго царя, какъ единственно православнаго, естественно должно было перейти на кого-нибудь другого. Но на кого же оно могло перейти, какъ не на царя единовѣрнаго, уже достаточно могущественнаго? А такимъ царемъ съ половины XV вѣка и могъ быть только великій князь московскій. Во внутреннемъ развитіи русскаго государства совершался переломъ. Татарское господство явно клонилось къ упадку. Московское княжество уже подчинило себѣ массу удѣльныхъ князей и уничтожало новгородскую свободу. Великій князь московскій у себя дома являлся уже самодержавнымъ правителемъ. Бывшіе удѣльные князья, обратившіеся въ бояръ, перестали быть обязательными совѣтниками князя: онъ спрашивалъ ихъ совѣта только тогда, когда хотѣлъ. Взятіе Константинополя турками и паденіе Византіи и послѣдовавшій затѣмъ бракъ Ивана III съ Софьей Палеологъ, послѣдней представительницей византійскаго царствующаго дома, всѣ эти событія увеличивали только авторитетъ великаго князя. Ему недоставало только титула „царя“, но въ умахъ современниковъ, какъ русскихъ, такъ и всего православнаго міра, онъ былъ уже царемъ, наслѣдникомъ византійскаго царства. Москва становилась такимъ образомъ *третьимъ* Римомъ.

Эта идея, идея перенесенія прерогативъ Византіи на Москву, отразилась во множествѣ свидѣтельствъ, какъ историческаго, такъ и легендарнаго характера, свидѣтельствъ, которыя возникаютъ тотчасъ послѣ Флорентійской уніи и паденія Константинополя.

Вскорѣ послѣ Флорентійской уніи (1439) была составлена суздаль-

скимъ іереемъ Симеономъ повѣсть о ней. Великій князь московскій особенно отъбняется въ повѣсти къ невыгодной сторонѣ греческаго царя. Въ заключеніи повѣсти авторъ проводитъ параллель между княземъ московскимъ и царемъ греческимъ и говоритъ, что въ то время, какъ греческій царь Иванъ отступилъ отъ свѣтлаго благочестія и омрачился тьмою латинской ереси, его же, князя Василія, отечество, русская земля, просвѣтится свѣтомъ благочестія. Къ половинѣ XV вѣка относится „Слово противъ латинягъ“, которое приписывается изслѣдователями Пахомію Логофету. Въ словѣ точно уже опредѣляется политическая роль московскаго князя среди другихъ удѣльныхъ князей. Князь Василій Васильевичъ постоянно называется царемъ, богоугоднымъ царемъ. Авторъ влагаетъ въ уста греческаго царя Іоанна такія слова: „Большее православіе и высшее христіанство въ Бѣлой Руси, а царствующему тамъ брату моему Василію Васильевичу восточные цари прислуживаютъ и великіе князья съ землями служатъ. Но ради благочестія и смиренія не называется онъ царемъ, но великимъ княземъ“.

Но московскій князь въ представленіи русскихъ людей не только царь, но и наследникъ византійскаго царства, а Москва есть преемница Византіи. Въ той же половинѣ XV вѣка нѣкто Филофей, старецъ одного инокскаго монастыря, написалъ нѣсколько посланій, въ которыхъ высказываетъ окончательное сложившееся въ умахъ русскихъ людей воззрѣніе на новое положеніе вещей. „Всѣ христіанскія царства, пишетъ Филофей,—погибли и сошлись въ единое царство нашего государя, т. е. въ Россійское царство. Два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быть“. А самому князю онъ пишетъ: „Да вѣдаетъ твоя держава, что всѣ царства православной христіанской вѣры собрались въ твое единое царство; единъ ты во всей поднебесной царь христіанамъ“. Въ самомъ концѣ XV вѣка митрополитъ Зосима въ новой пасхалии на 8-ую тысячу лѣтъ называетъ московскаго князя новымъ царемъ Константиномъ новому граду Константина—Москвѣ. Сознаніе важнаго значенія русскаго государства при новомъ порядкѣ вещей наполняло гордостью сердце русскаго чело- вѣка. Въ „Повѣсти о взятіи Царьграда отъ безбожнаго турскаго царя Амурата“ читаемъ: „Всѣ благочестивыя царства, греческое и сербское, басанское, артабазское и инныя многія божимъ попусценіемъ поплѣнены безбожными турками и въ запустѣніе приведены. Наша же Россійская земля растетъ и младѣетъ и возвышается. Ей же, Христе Милостивый, даждь расти и младѣти и расширяться до окончанія вѣка“.

Утвержденіе въ умахъ русскихъ людей мысли о преемствѣ Московской значенія Византіи, утвержденіе только лишь путемъ умозаключеній, оказалось недостаточнымъ. Народное творчество потребовало реального воспроизведенія самаго факта передачи, и вотъ создается рядъ легендъ, повѣствующихъ о томъ, какъ величайшія святыни, бывшія раньше въ Римѣ или Царьградѣ, теперь сами собой, „божьими судьбами“ переходятъ въ Москву. На первомъ мѣстѣ стоятъ легенды о перенесеніи императорскихъ регалій въ Москву, легенды о Мономаховомъ вѣнцѣ. Цикль сказаній о перенесеніи царскихъ регалій изъ одного царства въ другое отерывается такъ называемымъ Сказаніемъ о Вавилонскомъ царствѣ. Когда это сказаніе перешло къ намъ на Русь, то первоначально оно ходило безъ приуроченія къ русской исторіи, но въ нѣкоторыхъ спискахъ Сказанія уже читается дополнительная замѣтка, связанная съ воспоминаніями о событіяхъ русской исторіи. Замѣтка эта слѣдующая: „Въ то же время, услышавъ князь Владиміръ Кіевскій, послалъ своихъ воиновъ въ Царьградъ. Царь же Василій, увидѣвъ сильныхъ воиновъ Владиміровыхъ подъ городомъ, испугался и послалъ къ великому князю Владиміру посла своего, а съ нимъ послалъ дары великіе: сердоликовую крabiцу со вѣсмъ, что въ ней было: виссонъ царскій и порфиру и шапку Мономахову и скипетръ царскій. Князь же Владиміръ обрадовался, принялъ такіе драгоценныя дары отъ царя Василія и отступилъ отъ Царьграда. И отъ того часу назвался великій князь Владиміръ Кіевскій Мономахъ. И до сего дня во всей Россіи вѣчались цари московскіе виссономъ и порфирой царской и шапкой Мономаховой“.

Это прибавленіе указываетъ на то, что Сказаніе стало эксплуатироваться съ цѣлью созданія преемственности царской власти: русскіе цари получили знаки царской власти изъ Византіи.

Замѣтка о драгоценностяхъ, перенесенныхъ изъ Византіи на Русь, встрѣчается и въ другихъ разсказахъ на ту же тему. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ можно поставить „Посланіе о Мономаховомъ вѣнцѣ“ Спиридона Саввы, современника князя Василія Іппановича. Посланіе состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой передаются историческія свѣдѣнія: именно—перечисляются цари и царства до Августа. Сдѣлавшись царемъ, Августъ раздѣлилъ земли между своими братьями и одного изъ нихъ, по имени Прусса, послалъ на берега рѣки Вислы и Нѣмана. По имени этого Прусса зовется прусская земля. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о призваніи русскихъ князей. По совѣту Гостомысла новгородцы отправились въ варяжскую землю и нашли тамъ

и́когого князя по имени Рюрикъ, происходившаго изъ рода римскаго кесаря Августа. По приглашенію русскихъ пословъ, Рюрикъ съ братьями прибылъ въ новгородскую землю. Отъ великаго князя Рюрика четвертое колѣно—великій князь Владиміръ, просвѣтившій землю русскую святымъ крещеніемъ, а отъ него четвертое колѣно—великій князь Владиміръ Всеволодовичъ. За этой частью слѣдуетъ разсказъ объ отношеніяхъ Владиміра Всеволодовича къ греческому царю Константину. Владиміръ держитъ совѣтъ съ князьями и боярами, не пойти ли ему по примѣру своихъ предковъ на Царьградъ. Бояре отвѣчаютъ согласіемъ. Тогда Владиміръ собралъ большое войско и отправилъ во Оракію. Войско съ побѣдой возвратилось назадъ. Царь же Константинъ Мономахъ отправляетъ къ кіевскому князю пословъ и съ ними часть креста, на которомъ былъ распятъ Христосъ, вѣнецъ царскій, крабиду сердолововую, „изъ нея же Августъ кесарь веселишеся“, ожерелье, которое онъ носилъ на своей шеѣ и другіе дары. И отъ того времени великій князь Владиміръ Всеволодовичъ нареченъ Мономахъ и царь великой Россіи, и отъ того часа тѣмъ вѣнкомъ, который прислалъ греческій царь Константинъ, вѣнчаются всѣ великіе князья Владимірскіе, когда ставятся на великое княжество Русское“.

Тѣ же сказанія о генеалогіи русскихъ князей и о дарахъ Константина повторяются и во многихъ другихъ извѣстіяхъ. Общій смыслъ всѣхъ этихъ сказаній одинъ, именно — преемственность русскими царями византійскаго наслѣдства. Митрополитъ Макарій (XVI вѣкъ) такъ и разъясняетъ въ „Степенной книгѣ“ это сказаніе, въ которое вѣрять и которое, по его словамъ, указываетъ, что слава греческаго царя перешла на Россійскаго царя.

Перенесеніе славы посредствомъ перенесенія регалій должно было особенно представляться реальнымъ фактомъ въ XV вѣкѣ, когда дѣйствительно Россійское царство въ глазахъ православныхъ заступало мѣсто царства Византійскаго, и Россійскій царь заступалъ мѣсто царя Византійскаго. Однако, первымъ царемъ былъ Грозный, коронованный лишь въ 1547 году, а между тѣмъ было извѣстно, что послѣ Владиміра русскіе князья не были боговѣнчанными царями и не было на лицо самихъ регалій. Тогда явилось такое объясненіе. Въ нѣкоторыхъ спискахъ о „Мономаховомъ вѣнцѣ“ добавляется извѣстіе, что Владиміръ Мономахъ, умирая, вручилъ царскую утварь младшему сыну своему Георгію, велѣвъ хранить ее и передавать ее изъ рода въ родъ, пока Богъ не поставитъ царя, истиннаго самодержца въ государствѣ Россійскомъ; пока не явится такой царь, потомки

Мономаха не имѣли права надѣвать этихъ царскихъ уборовъ и вѣнчаться на царство.

Итакъ, теорія о третьемъ Римѣ, проповѣдуемая книжными людьми послѣ паденія Византіи, находила себѣ подкрѣпленіе и въ полународной литературѣ. Представленіе о преемствѣ власти посредствомъ передачи царскихъ регалій проникло въ народъ, перешло въ XVI вѣкъ и приурочилось къ Іоанну Грозному. Въ Самарской губерніи записана сказка о Бормѣ Ярыжкѣ, передававшая тотъ же сюжетъ. Царь Иванъ Васильевичъ кликнулъ кличъ: „Кто мнѣ достанетъ изъ Вавилонскаго царства скипетръ, корону, державу и грамоту при нихъ“? Отозвался на это Борма, который послѣ долгихъ приключеній, сходныхъ съ перечисленными въ Сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ, досталъ, что требовалъ Иванъ Васильевичъ. Варіанты этой сказки записаны и въ другихъ мѣстахъ. Въ связи со сказкой стоятъ народные пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, которыя упоминаютъ о томъ же заимствованіи изъ Византіи. Въ пѣснѣ о покореніи Казани передается, что на пиру, когда всѣ расхвастались, Грозный царь Иванъ Васильевичъ говоритъ:

Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя одѣлъ,
Царскій костюмъ себѣ въ руки взялъ.

Понятіе о преемственности власти изъ XV вѣка, такимъ образомъ, перешло и въ XVI вѣкъ. Но тамъ оно стало раздвигаться. Политическое значеніе стало отдѣляться отъ религіознаго. Если по горячимъ слѣдамъ, тотчасъ послѣ паденія Византіи, русскаго человека могла интересовать сказка о передачѣ власти царю русскому византійскимъ царемъ, то съ теченіемъ времени, когда представленіе о царѣ московскомъ, какъ объ единственно могущественномъ царѣ всѣмъ христіанамъ, укрѣпилось, тогда перестала лѣстять сама мысль о фактѣ передачи. Самъ Грозный придавалъ особенное значеніе не передачѣ царскихъ регалій, а своему мнимому происхожденію отъ Пруса. Въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній времени Грознаго не разъ повторяется указаніе на римское происхожденіе московскихъ царей. „Мы отъ Августа кесаря родствомъ ведемся“, писалъ Грозный шведскому королю. Но если въ политическомъ отношеніи наслѣдство Византіи перестало имѣть значеніе, то въ отношеніи религіозномъ теорія третьяго Рима имѣла длинную исторію и отразилась въ явленіи, характерномъ для

XVII вѣка, въ расколѣ, и стоитъ въ связи съ отношеніемъ русскихъ людей къ грекамъ во второй половинѣ XVII вѣка. Раскольники прежде всего воспользовались теоріей третьяго Рима для своего ученія о близкомъ концѣ міра. Сущность ученія раскольниковъ о предстоящемъ концѣ міра заключалась въ представленіи о восьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія міра, какъ такой, въ которую должна послѣдовать кончина міра, и въ представленіи о Москвѣ, какъ о послѣднемъ Римѣ. Представленіе о восьмой тысячѣ лѣтъ, иначе — о „восьмомъ вѣкѣ“, сложилось послѣ 1492 года, когда прошолъ семитысячный годъ отъ сотворенія міра, къ каковому году ранѣе приурочивалось время второго пришествія Христова. Въ XVII вѣкѣ эта мысль была повторена въ двухъ книгахъ, пользовавшихся тогда большою извѣстностью: въ „Кирилловой книгѣ“ и въ „Книгѣ о вѣрѣ“. Такимъ образомъ, въ половинѣ XVII вѣка былъ уже рѣшенъ вопросъ, когда ожидать появленія антихриста, который долженъ явиться незадолго до второго пришествія Христова. Оставался другой вопросъ: гдѣ послѣдуетъ явленіе антихриста? Тутъ и воспользовались ученіемъ о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ. Четвертому Риму не быть, — слѣдовательно, пока Москва православна, до тѣхъ поръ и будетъ стоять міръ. Москва, какъ единственно православная, и должна строго держаться за старину. Всякая перемѣна можетъ быть только измѣной православію, и это будетъ окончательное паденіе, за которымъ послѣдуетъ пришествіе антихриста. Но въ Москвѣ при Никонѣ началось исправленіе книгъ, въ чемъ, между прочимъ, усмотрѣли вліяніе латинства. Если же Москва есть хранительница православія до скончанія вѣка, то, слѣдовательно, исправленіе книгъ не есть въ дѣйствительности исправленіе, а ученики Никона хотятъ, чтобы никто не остался въ прежней православной вѣрѣ; это же есть послѣднее знаменіе пришествія антихриста.

Такимъ образомъ, одно изъ явленій XVII вѣка стоитъ въ непосредственной связи съ литературными явленіями XV вѣка.

Вмѣстѣ съ представленіемъ преинства Москвой значенія Византіи понятіе о вселенской церкви стало заключаться въ географическіе предѣлы церкви русской. Въ XV вѣкѣ складывалось и крѣпло у русскихъ людей убѣжденіе, что другіе христіанскіе народы, отпавшіе отъ православія, теряютъ свою самостоятельность. Послѣ Флорентійской уніи греки упали въ глазахъ русскихъ. Русскіе люди стали высказываться, что „греки къ своей погибели отъ истины свернулись и печать антихристову на челѣ и десницѣхъ пріяли“. А когда Ком-

стантиннополь былъ взятъ турками, то русскіе люди усмотрѣли въ этомъ Божіе наказаніе за отступленіе отъ православія. Русская же земля, наоборотъ, свергла нго татарское, ибо твердо сохраняла свое православіе. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что Москва есть единственное православное государство, а греческое православіе подернуто латинствомъ.

Составившееся такого рода убѣжденіе имѣло важное значеніе для всего послѣдующаго времени. Во-первыхъ, истинно православной стала считаться только старина русская. Во-вторыхъ, съ этимъ связывается дальнѣйшая борьба греческаго и латинскаго вліянія, имѣвшая у насъ мѣсто во второй половинѣ XVII вѣка. Помимо того, что недовѣріе къ грекамъ было одной изъ причинъ, почему на раскольниковъ не дѣйствовали ссылки на греческія книги — помимо этого, и въ происшедшей борьбѣ между лучшими людьми русскаго общества изъ-за направленія, это убѣжденіе стало играть большую роль. Когда противники латинскаго ученія обвиняли его защитниковъ въ ереси, тѣ, въ свою очередь указывали, что греки не заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ сами погубили свое православіе. Обширная литература XVII вѣка и въ этомъ отношеніи имѣетъ свои корни въ событіяхъ XV вѣка.

Послѣдній отдѣлъ учебника—умственный и нравственный переломъ Московской Руси—занимаетъ 70 страницъ изъ 238, что естественно, такъ какъ дѣло подходит къ новому времени. Какъ водится, немало страницъ занято обзоромъ юго-западной литературы. Повидимому, такая постановка считается необходимой, когда во всѣхъ книгахъ по исторіи русской литературы встрѣчаемъ одинаковое построеніе. Это объясняется, конечно, педагогическими требованіями: надо познаться сначала съ тѣмъ, что оказывало вліяніе, а потомъ уже съ тѣмъ, на что это вліяніе обращалось. Но не лучше ли будетъ, если бы сократить до необходимыхъ размѣровъ изложеніе особенностей юго-западной литературы? Не появляется ли у ученика изумленіе, когда, послѣ изложенія литературы XVI в., московской, вдругъ, какъ бы отдѣльнымъ эпизодомъ, встрѣчается онъ съ новой литературой, о которой раньше ничего не слышалъ и о которой позже онъ ничего не услышитъ? Въ самомъ дѣлѣ, получается какая-то несообразность. Литература до XIII вѣка называется „Кіевскою“, т. е. слѣдовательно „юго-западною“; затѣмъ говорится, что на ея мѣсто вступила „сѣверо-восточная“, а за ней „московская“, а „юго-западная“ совершенно прекращается съ татарскаго нашествія, и о ней уже ни слова не

говорится. Какъ вдругъ на концѣ XVII вѣка о ней вспоминають, она оказывается настолько передовой, что оказываетъ сильное вліяніе на литературу „московскую“, а потомъ—опять куда-то исчезаетъ. Если на изложеніе „юго-западной“ литературы не смотрѣть такъ же, какъ, напримѣръ, на литературу французскую въ тотъ періодъ, когда заходятъ рѣчь о ея вліяніи на русскую XVIII вѣка, то было бы цѣлесообразнѣе такъ и расположить учебникъ, раздѣливъ его на двѣ части, и проходить начиная съ XIII вѣка параллельно двѣ литературы — сѣверо-восточную и юго-западную. Но такъ какъ это едва ли возможно, то юго-западная литература всегда останется вставнымъ эпизодомъ и, какъ таковой, онъ не будетъ усвоенъ учениками. Поэтому, если будетъ рѣчь идти объ экономіи времени, то я и не видѣлъ бы ущерба, если бы на изложеніи юго-западной литературы не останавливались особенно подробно. Въ этомъ отношеніи образцомъ можетъ служить „Исторія русской литературы“ Пыпина, гдѣ „юго-западная“ литература отсутствуетъ, а въ то же время много удѣлено вниманія культурной борьбѣ въ Московской Руси. Авторъ учебника вообще удѣляетъ мало вниманія культурной исторіи; его привлекають „поэтическія“ произведенія, „свѣтская письменность“, вообще эволюція литературы самой по себѣ, а это, пожалуй, будетъ нѣсколько односторонне. Такъ, напримѣръ, авторъ всего лишь двѣ страницы посвятилъ очень важному явленію—борьбѣ латинскаго вліянія съ греческимъ. У ученика не останется ни малѣйшаго представленія о томъ значеніи, какое имѣла эта борьба, и о той связи, которая была между ней и, напримѣръ, раскольниковъ литературой. Авторъ и тутъ говоритъ о „пестротѣ“ нахлынувшей литературы, но эта пестрота такъ и останется пестротой. Между тѣмъ, если бы авторъ, выпустивъ кое-что, поподробнѣе остановился бы на изображеніи общественныхъ теченій и настроеній различныхъ слоевъ общества, то, съ одной стороны, была бы яснѣе связь XVII вѣка съ XVI, а съ другой—понятнѣе была бы и Петровская реформа. Самъ же авторъ говоритъ, что перемѣщеніе культурныхъ ролей очень характерно (стр. 171), но какъ эти роли разыгрывались—осталось не выясненнымъ. Авторъ говоритъ и о расколѣ, но благодаря отсутствію вниманія къ культурной жизни общества, расколъ представленъ такимъ явленіемъ, которое возникло только изъ привязанности къ буквѣ да изъ крутыхъ мѣръ Никона, что будетъ довольно односторонне.

„Не приводя ряда частичныхъ поправокъ въ указанномъ вопросѣ, я предложу вниманію читателей свою пробу изложенія этой культурной

борьбы, при чемъ укажу, что очень хорошимъ пособіемъ для пониманія значенія ея служить статья Ключевскаго о западномъ вліяніи въ Россіи XVII вѣка, на каковую статью указываетъ и г. Сиповскій.

Первая половина XVII вѣка, съ одной стороны, продолжаетъ еще жить идеями XVI вѣка, съ другой стороны—все болѣе и болѣе начинаетъ выходить на новую дорогу и думать объ учрежденіи систематическаго образованія. Пока все это выражается спорадически. Первая половина XVI вѣка является подготовительнымъ періодомъ для второй его половины.

Недостатокъ образованія и необходимость завести греческія школы стали ощущаться въ Москвѣ уже въ началѣ XVII вѣка. Ближайшій толчекъ къ этому сознанію давало постоянное стремленіе московскаго духовенства къ исправленію богослужебныхъ книгъ, которыя подъ руками невѣжественныхъ переписчиковъ все болѣе и болѣе продолжали портиться. Исправленія начались еще до Никона, и при Московской патриаршей типографіи состояли особые справщики, на обязанности которыхъ лежала, между прочимъ, забота объ исправленіи книгъ. Но исправленіе совершалось безъ свѣрки съ греческими оригиналами и потому не могло претендовать на безупречность. Сознаніе невозможности обойтись домашними средствами начинаетъ все болѣе и болѣе проникать въ умы русскаго духовенства. Къ этому стали присоединяться и совѣты со стороны. Въ 1640 г. кievскій митрополитъ Петръ Могила писалъ царю Михаилу Федоровичу о необходимости завести въ Москвѣ школы „словенской и греческой грамоты“ и обѣщалъ прислать необходимыхъ для этого учителей. Но царь не воспользовался этимъ предложеніемъ. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого греческій митрополитъ Теофанъ, посланный въ Москву, просилъ царя основать въ Москвѣ греческую типографію и вызвать греческаго учителя, который бы преподавалъ богословіе и философію. По словамъ митрополита, отъ этого была бы обоюдная польза: для грековъ печатались бы книги безъ поврежденій, а теперь греки вынуждены печатать въ Венеціи, гдѣ книги подвергаются измѣненіямъ со стороны латинянъ и лютеранъ; въ Москвѣ же книги печатались бы по старымъ спискамъ, какихъ много на Аѳонской горѣ; а у русскыхъ стали бы подготавливаться знающіе люди, которые стали бы переводить греческія книги на русскій языкъ. Но и эта просьба осталась безъ успѣха. Тотъ же Теофанъ еще разъ возобновилъ просьбу и прислалъ нѣкоего Венедикта съ просьбой принять его, какъ ученаго человѣка. Но въ Москвѣ не появился намекъ Венедикта на то, что „иные препят-

ствують заведенію училищъ, считая себя великими мудрецами и учеными“, и потому дали ему уклончивый отвѣтъ. Однако, необходимость имѣть для церковнаго дѣла ученыхъ людей уже сознавалась въ Москвѣ, и въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ послалъ къ преемнику Петра Могилы, Сильвестру Коссову, просьбу прислать въ Москву двухъ старцевъ учителей, хорошо знающихъ греческій и латинскій языки. Въ Москвѣ задумали тогда сдѣлать изданіе библіи и хотѣли сдѣлать свѣрку съ греческими рукописями, чего не могли исполнять московскіе справщики. Кіевскій митрополитъ прислалъ Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинцеваго, изъ которыхъ послѣдній сталъ особенно извѣстенъ своими трудами. Въ то же время царскій постельничій Федоръ Михайловичъ Ртищевъ устроилъ въ двухъ верстахъ отъ Москвы монастырь и вызвалъ туда изъ Кіевскихъ монастырей ученыхъ иноковъ, свѣдущихъ въ славянской и греческой грамотѣ. Призванные старцы тотчасъ же стали учить жельющихъ. Такимъ образомъ, было положено начало кіевской науки въ Москвѣ, при чемъ эта наука была греческаго характера. Это нововведеніе, однако, многихъ испугало; въ немъ стали видѣть нѣчто опасное для вѣры и тотчасъ же пошли на новую школу доносы. На одномъ допросѣ было дано такое показаніе: „Учится у кіевлянъ грамотѣ греческой Федоръ Ртищевъ, а в той грамотѣ и еретичество есть: кто по латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится“. Два ученика при содѣйствіи Ртищева отправились въ Кіевъ, и по поводу ихъ поѣздки говорили: „Поѣхали они доучиваться у старцевъ кіевлянъ по латыни, а какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты; надобно ихъ до Кіева не допускать и воротять назадъ“. Но другіе отнеслись къ новой школѣ съ большимъ сочувствіемъ.

Въ томъ же 1649 году прибылъ въ Москву іерусалимскій патриархъ Паисій. Онъ замѣтилъ не мало отличій въ церковномъ чинѣ отъ обычая восточной церкви и нѣсколько неправильныхъ нововведеній и свои мысли высказалъ царю. Тогда рѣшено было послать своего надежнаго человека на востокъ для изученія церковнаго чина, и былъ избранъ старецъ Арсеній Сухановъ, который въ томъ же 1649 году и выѣхалъ вмѣстѣ съ патриархомъ Паисіемъ. Эта посылка имѣла еще и то значеніе, что она вызывалась также желаніемъ русскихъ людей удостовѣриться, дѣйствительно ли у грековъ сохранилась во всей чистотѣ православная вѣра. Со времени паденія Византіи на грековъ стали смотрѣть подозрительно; говорили, что Богъ наказалъ

ихъ за отступленіе отъ православной вѣры, и полагали, что подъ турецкимъ игомъ чистота вѣры окончательно испортилась. Когда восточные іерархи указывали на церковныя неисправности, имъ не до вѣряли. Надо было удостовѣриться, что греческая церковь до сихъ поръ хранитъ чистоту вѣры, ничего не прибавляя и не убавляя. Посылка Арсенія Суханова въ этомъ отношеніи не имѣла, однако, успѣха. Греки однимъ своимъ поступкомъ—именно сожженіемъ на Аѳонѣ церковныхъ книгъ московской печати—сильно раздражили Арсенія. Къ этому присоединились еще наговоры со стороны славянскихъ монаховъ на грековъ, которые де ненавидятъ славянъ. Раздраженный такими наговорами, Арсеній вступилъ въ бесѣду съ греческимъ духовенствомъ и результаты своихъ преній изложилъ въ особой книгѣ. Здѣсь Арсеній сталъ на точку зрѣнія „третьяго Рима“ и вывелъ заключеніе, что русское православіе стоитъ выше всего и что русскіе могутъ не обращать вниманія на наставленія грековъ. Его книга впоследствии для раскольниковъ служила авторитетомъ и въ части русскаго общества поддерживала недовольство греками и греческимъ ученіемъ.

Еще ранѣе, чѣмъ Арсеній Сухановъ былъ посланъ на востокъ, московскіе люди стали приходить въ соприкосновеніе съ выходцами изъ западной Руси. Благодаря этому знакомству, вносился „латинскій“ элементъ, котораго такъ боялись въ древней Руси. То, что казалось въ Москвѣ „латинствомъ“, было вполнѣ естественнымъ явленіемъ въ западно-русскихъ школахъ, и латинство западно-русскихъ книжниковъ было результатомъ историческихъ условій западно-русской церкви. Въ Москвѣ не были поняты эти историческія условія, создавшія чисто мѣстныя отличія, и московскіе люди обвиняли въ неправославіи всѣхъ тѣхъ, у кого находили какія-либо отличія отъ московскихъ обрядовъ. Западно-русскихъ людей, приходившихъ въ Москву, перекрещивали, какъ язычниковъ или еретиковъ, пока восточные патріархи не указали на неправильность такого обычая. Но постепенно такое отношеніе московскихъ людей къ западно-русскимъ стало смягчаться, хотя московскіе люди все еще подозрительно смотрѣли на „латинскую“ ученость, вносимую западно-русскими. Эта латинская ученость стала проникать въ Москву еще задолго до учрежденія киевскихъ школъ и была, такъ сказать, подготовительнымъ пунктомъ къ появленію въ Москвѣ киевскихъ ученыхъ. На первыхъ порахъ дѣло шло не о школахъ, а о нѣкоторыхъ новыхъ книгахъ, занесенныхъ изъ западной Руси, въ которыхъ усмотрѣли латинство въ видѣ уніатства,

а частью—и прямого латинства. Въ данномъ случаѣ имѣютъ значеніе споры московскихъ книжниковъ по поводу новыхъ двухъ книгъ— „Учительнаго Евангелія Кирилла Транквиліона“ и „Катихизиса Зизанія“. Патриархъ Филаретъ уже проявилъ нѣкоторый либерализмъ по отношенію къ книгамъ, допуская употребленіе тѣхъ церковныхъ книгъ, которыя печатались въ литовскихъ типографіяхъ и привозились въ Москву. Въ 1627 г. была привезена изъ Литвы въ большомъ количествѣ экземпляровъ книга Кирилла Транквиліона „Учительное евангеліе“. Содержаніе ея, состоящее, какъ и всякое учительное евангеліе, изъ облісновеній евангельскаго текста, исторіи литературы не касается, но для представленія о взглядахъ общества имѣютъ значеніе лишь послѣдствія, вызванныя этой книгой. Изъ нихъ мы видимъ, какъ робко прививается „латинство“ и какъ XVII вѣкъ сначала еще не хотѣлъ отставать отъ XVI въ дѣлѣ охраненія православія, т. е. старинны. Игумену Аванасію было поручено сдѣлать выписки изъ книги Транквиліона. Аванасій донесъ патриарху, что ни одинъ вѣрный христіанинъ не долженъ этой книги ни читать ни въ домѣ держать, такъ какъ она уже осуждена въ Кіевѣ соборомъ архимонаховъ за содержащаяся въ ней ереси. По вторичномъ разсмотрѣніи книги, царь и патриархъ издали грамоту, въ которой объявляли, что Учительное евангеліе Кирилла Транквиліона за многія въ немъ ереси должно собрать и сжечь. вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено, чтобы впредь никто книгъ „литовской печати“ не покупалъ, а въ 1628 г. приказано было отобрать литовскія печатныя и рукописныя книги у монастырей и у частныхъ лицъ.

Вскорѣ случилось еще болѣе важное дѣло. Еще въ 1626 г. прибылъ въ Москву изъ западной Руси нѣкто Лаврентій Зизаній и привезъ съ собой книгу, какой въ Москвѣ еще не бывало,—рукописный катихизисъ. По поводу его было устроено три собесѣдованія. Изъ нихъ для опредѣленія тогдашняго умственнаго настроенія важны мнѣнія о греческомъ просвѣщеніи и о грѣсахъ. Эти мнѣнія имѣютъ значеніе въ виду наступившаго въ скоромъ времени спора о превосходствѣ греческаго или латинскаго образованія. Когда Лаврентію указывали на погрѣшности съ точки зрѣнія московскихъ книжниковъ, то онъ обыкновенно ссылался на греческія книги и указывалъ, что у русскихъ такихъ книгъ нѣтъ. По поводу одной такой ссылки собесѣдники замѣтили Лаврентію: „Всѣхъ греческихъ старыхъ переводовъ правила у насъ есть, а новыхъ переводовъ греческаго языка и всякихъ книгъ не приемлемъ, потому что греки нынѣ живутъ въ тѣсно-

тахъ великихъ между невѣрными и по своимъ волямъ печатати имѣ книгъ своихъ не умѣтъ, и для того вводятъ нныя вѣры въ переводы греческаго языка, что хотять. И намъ такихъ новыхъ переводовъ греческаго языка не надобно; хотя что и есть въ нихъ отъ новаго обычая напечатано, и мы тотъ новый переводъ не приедемъ". Во второй половинѣ XVII вѣка снова послышались тѣ же рѣчи противъ грековъ, но была уже разница въ томъ, кто говорилъ эти рѣчи. Теперь ихъ высказываютъ защитники старины, какъ она сложилась въ Московскомъ государствѣ, высказываютъ люди, наиболѣе по тогдашнему образованные. Во второй же половинѣ XVII вѣка тѣ же рѣчи идутъ изъ двухъ лагерей. Защита старины выпала на долю раскольниковъ, которые не принимали ссылки на греческія книги по тѣмъ же самымъ основаніямъ; но къ нимъ пришла помощь со стороны тѣхъ лицъ, отъ которыхъ они менѣе всего могли ея ожидать. Партія передовыхъ русскихъ, стоявшая за латинское образованіе, выставила противъ грековъ, между прочимъ, тѣ же обвиненія. Это уже одно указываетъ, какъ перепутались взаимныя отношенія русскаго общества во второй половинѣ XVII вѣка.

Тѣ же собесѣдованія съ Лаврентіемъ указываютъ, какъ крѣпко держались еще въ первой половинѣ XVII вѣка правилъ, указанныхъ Стоглавомъ. Въ отвѣтъ на укорицу Лаврентія, что онъ послѣ исправленія многаго не нашелъ въ своей книгѣ, его собесѣдователи отвѣчали: „Мы пропустили, что было написано у тебя о кругахъ небесныхъ и о планетахъ, и о зодіакѣ, и о затменіи солнца, о громѣ и молніи, о Перунѣ, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ, потому что тѣ статьи (взяты) изъ книги Астрологіи, а книга Астрологія взята отъ волхвовъ еллинскихъ и отъ идолослужителей и съ правовѣріемъ нашимъ не сходна“.

Бдительность патріарха Филарета имѣла свои основанія. Все сильнѣе и сильнѣе врывалось къ намъ западное вліяніе и касалось даже той сферы, которая являлась преобладающей,—сферы религіозной. Время Лжедмитрія познакомило русскихъ людей съ польскою культурой, которая имъ imponировала и нѣкоторыхъ изъ нихъ увлекала. Въ силу историческихъ условій, увлеченіе это трудно было разграничить между религіей, съ одной стороны, и внѣшней жизнью—съ другой. Поэтому увлеченіе польскою культурой отзывалось всегда и на православіи увлекающихся ею. Характерный примѣръ представляетъ дѣло князя Ивана Хворостинина. Еще въ дни перваго самозванца Иванъ Хворостининъ, принадлежа къ числу его приближенныхъ и находясь въ по-

стояннѣхъ сношеніяхъ съ поляками и ксендзами, поколебался въ православной вѣрѣ, хулилъ ее, не соблюдалъ постовъ, за что и сосланъ былъ при царѣ Шуйскомъ въ монастырь. Вернувшись изъ ссылки при Михаилѣ Федоровичѣ, онъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, за что былъ сосланъ вторично въ монастырь для исправленія. Этотъ фактъ ясно свидѣтельствуетъ, что передовые тогдашніе люди не имѣли въ рукахъ никакихъ средствъ противъ крайняго увлеченія новизной, какъ заточеніе.

Однако, всеѣмъ становилось ясно, что при такихъ средствахъ оставаться долѣе невозможно. Приходилось говорить и думать о школьномъ обученіи. Но гдѣ же было взять учителей на первое время, если таковыхъ въ самой Москвѣ не оказывалось? Одними греческими учителями невозможно было удовольствоваться. Тогда по необходимости обратились къ западно-русскимъ и южно-русскимъ ученымъ, и тогда-то и прибыли Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій. Епифаній и Арсеній были еще до-могилянскаго, греческаго направленія въ своемъ образованіи. Они вышли изъ Кіевской Богоявленской братской школы, въ которой преобладалъ греческій элементъ, принесенный сюда съ востока греками. Поэтому и образованность, принесенная Епифаніемъ и его товарищами, понималась, какъ ученіе греческое, въ противоположность латинскому. Эти первые Кіевскіе ученые занялись въ Москвѣ, главнымъ образомъ, книжнымъ исправленіемъ и переводами съ греческаго и латинскаго на русскій. Устроить правильно организованную школу они не имѣли возможности, но ихъ значеніе, особенно Епифанія Славинецкаго, было немалое. Московскіе люди стали учиться у нихъ разнымъ наукамъ, и иные достигали нѣкоторой учености, какъ напримѣръ, извѣстный впоследствии инокъ Евфимій и іеродіаконъ Дамаскинъ, которые съ обширными свѣдѣніями по старинной и современной имъ русской письменности соединяли и хорошее знаніе языковъ и умѣнье пользоваться средствами западной науки. Память объ Епифаніи Славинецкомъ долго сохранялась у его учениковъ, и въ борьбѣ греческой школы съ латинской Епифаній занимаетъ первое мѣсто, хотя и не по активной своей дѣятельности, а въ качествѣ перваго насадителя греческой науки.

Одновременно съ Епифаніемъ появился въ Москвѣ ученый, который впервые представилъ опыты свѣтской науки и свѣтской литературы. Это былъ Симеонъ Полоцкій. Помимо его личной дѣятельности, значеніе Симеона Полоцкаго въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы опредѣляется тѣмъ, что въ лицѣ его московскіе люди впервые

увидѣли типъ западнаго ученаго. Этотъ типъ только еще появлялся въ Москвѣ и тотчасъ же сталъ привлекать къ себѣ часть общества. А такъ какъ греческое образованіе также стало какъ разъ въ это время прививаться въ Москвѣ и привлекало къ себѣ другую часть общества, то, естественно, борьба между обѣими частями общества должна была раньше или позже обнаружиться. Въ началѣ дѣятельности того и другого лица борьба не принимала рѣзкаго характера. Симеонъ Полоцкій и Епифаній Славинецкій находились между собой въ дружбѣ, но они готовили каждый своихъ учениковъ, которые въ борьбѣ пошли дальше своихъ учителей.

Наибольшую заботу о русскомъ просвѣщеніи Симеонъ Полоцкій выказалъ въ намѣреніи устроить въ Москвѣ высшее училище, такъ называемую „Славяно-греко-латинскую Академію“. Сохранился проектъ царскаго „Привилія“ на учрежденіе такой академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ. По проекту Полоцкаго академія является высшимъ стражемъ православія съ самыми широкими полномочіями. Академія представляла изъ себя независимую и самостоятельную корпорацию. Корпорация эта имѣетъ свой собственный судъ, управляется коллегиально и независимо отъ постороннихъ вліяній. Блуститель и учителя академіи имѣютъ высшій контроль по дѣламъ вѣры и народнаго образованія и право суда надъ тѣми, кто вздумалъ бы угрожать чистотѣ православія. Строгому суду со стороны академіи подвергаются тѣ изъ русскихъ и иностранцевъ, которые будутъ уличены въ „хулительство вѣры или церковныхъ преданій“, напримѣръ—въ отрицаніи призыванія святыхъ, поклоненія иконамъ и мощамъ. Всѣ они подвергаются сожженію. Даже лица римско-католическаго исповѣданія подвергаются ссылкѣ, если они, живя въ Россіи, перейдутъ въ протестанство.

Послѣднее постановленіе и объясняетъ намъ всѣ строгости по отношенію къ дѣламъ вѣры. Строгости направлены собственно противъ лютеранской и кальвинской вѣры. Вотъ еще одно явленіе, съ которымъ приходится считаться въ концѣ XVII вѣка. Присутствіе этого элемента ясно сознавалось теперь. Еще въ XVI вѣкѣ удерживали православныхъ отъ увлеченія протестантствомъ; теперь же съ учащающимся наплывомъ иностранцевъ опасность увеличивалась. „Училище свободныхъ наукъ“ утверждалось для поддержки православія. Составитель проекта своими правилами говоритъ намъ, что люди, враждебные православію, лютеранской и кальвинской вѣры, безпрестанно являются въ Москву; они дѣйствуютъ противъ православія, не раз-

бирая средствъ, и въ борьбу съ ними, въ защиту православія должна вступить академія.

Но была и другая цѣль учрежденія академіи. По проекту академія должна быть высшимъ училищемъ съ общеобразовательнымъ курсомъ, который приготовлялъ бы молодыхъ людей вообще на всѣ пути общественной дѣятельности. Этому соответствовали и тотъ кругъ наукъ, который предполагалось ввести въ академію. Предположено было преподавать „мудрость всѣхъ свободныхъ ученій“, т. е. науки гражданскія и духовныя, „начиная отъ грамматики, пѣттики и риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной (физики) и нравной (морали)“, даже до богословія. Къ этому присоединялись „ученія правосудія духовнаго и мірскаго“, т. е. изученіе церковнаго и гражданскаго права и „различныхъ діалектовъ, наипаче же словенскаго, еллино-греческаго, польскаго и латинскаго“.

Этимъ проектомъ выдвигалась мысль о государственномъ значеніи образованія. Симеонъ, которому и принадлежитъ, вѣроятно, эта мысль, не довелъ до конца своего намѣренія: въ 1680 году онъ скончался. Проектъ учрежденія академіи послѣ его смерти прошелъ черезъ нѣсколько мытарствъ. Исторія проекта находится въ связи съ обостренной борьбой двухъ партій.

Исторія литературы въ достаточной степени выяснила значеніе Симеона Полоцкаго для русскаго просвѣщенія. Благодаря его дѣятельности въ Москвѣ ясно обозначились двѣ школы: одна—„греческаго ученія“ въ Чудовомъ монастырѣ, другая—„латинскаго ученія“ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Обѣ стороны сходились въ одномъ — въ осужденіи раскола, но въ остальномъ онѣ должны были разойтись. Сторонники латинскаго ученія были сильны настоящимъ и выдвигали на видъ значеніе западной науки; сторонники греческаго ученія опирались на сложившуюся вѣками историческую традицію. Борьба шла съ переменнымъ счастьемъ: десять лѣтъ спустя послѣ смерти Симеона соборъ, созванный патріархомъ Іоакимомъ, осудилъ его сочиненія за наклонность къ латинскому ученію и за схоластическую ихъ форму; но спустя еще десять лѣтъ это схоластическое направленіе дѣлается господствующимъ, и кievскіе ученые крѣпко водворяются въ Великороссіи. Въ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго кievскіе ученые играютъ немаловажную роль. Родоначальникомъ ихъ и является Симеонъ Полоцкій. Въ его лицѣ московскіе люди впервые воочию увидѣли сущность кievской учености. Кievскій ученый являлся не только духовнымъ писателемъ, но и свѣтскимъ. Рядомъ

съ проповѣдью становился занимательный рассказъ, шутка, драматическая сцена. Въ точномъ смыслѣ слова Полоцкій является въ Москвѣ первымъ ученымъ литературнымъ дѣятелемъ. Съ этой стороны его дѣятельность стоитъ въ связи съ наплывомъ латинско-польской литературы. Вторая половина XVII вѣка характеризуется у насъ появленіемъ многочисленныхъ переводовъ повѣстей, романовъ и т. п. Общество уже подготовлялось къ принятію новыхъ типовъ литературныхъ дѣятелей. Свѣтская книжность теперь становится болѣе прочно, и хотя еще частью удорживается старый характеръ морали, однако рядомъ съ этимъ обнаруживается вкусъ и къ иному чтенію. Литературная дѣятельность Симеона Полоцкаго и является, такимъ образомъ, поворотнымъ пунктомъ въ развитіи литературнаго вкуса русскаго общества.

По смерти Симеона борьба двухъ партій отразилась, прежде всего, на проектѣ академіи и на дальнѣйшей судьбѣ двухъ школъ. Проектъ академіи поступилъ на разсмотрѣніе патріарха. Сторонники послѣдняго тотчасъ же внесли нѣкоторые измѣненія въ своемъ духѣ; право южнорусскихъ выходцевъ преподавать въ академіи ограничивалось: отъ нихъ требовалось доказательство ихъ православія и благонадёжности, тогда какъ греки получали въ академію свободный доступъ въ качествѣ учителей и блюстителей, если представляли рекомендацію патріарха. Но дѣло этимъ не ограничилось. Изъ среды защитниковъ греческаго ученія вышла апологія своего направленія, записка, носящая заглавіе. „Доводъ вкратцѣ, яко ученія и языка еллино-греческаго наипаче нужнопотребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ пользуют словенскому народу“. Авторъ утверждаетъ, что греческій языкъ имѣетъ преимущество предъ латинскимъ. Въ особенности же необходимо и полезно изученіе греческаго языка для насъ, русскихъ, такъ какъ черезъ изученіе греческаго языка можетъ очиститься языкъ славянскій, ибо славянскій языкъ ближе къ греческому, нежели къ латинскому. Господство латинскаго языка въ школахъ не можетъ принести пользы, а скорѣе принесетъ вредъ. Бѣлоруссы оставили изученіе греческаго языка, и что же отъ этого произошло? Очень немногіе не впали въ унію, да и въ тѣхъ познаются остатки іезуитскіе:

Но недостаточно было только разсуждать о превосходствѣ греческаго или латинскаго языка, но надобно было и дѣйствовать. И вотъ защитники того и другого ученія наперерывъ стараются объ открытіи школы своего направленія. Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона, въ 1682 г. рѣшилъ представить на утвержденіе царя академическую

привилегию, которая въ это время уже испытала цензуру его противниковъ. Измѣнить поправки Сильвестръ уже не могъ и только лишь вставилъ одно замѣчаніе, которое уравнивало грековъ съ южно-русскими выходцами, а именно, онъ включилъ правило, чтобы и пріѣзжіе въ Москву греки подвергались освидѣтельствуванію въ чистотѣ православія. Академическая привилегія не была утверждена, и вмѣсто утвержденія академіи послѣдоваль указъ „построить въ Спасскомъ монастырѣ двѣ келіи для ученія“. Въ этой школѣ Сильвестръ сталъ учителемъ „словенскаго языка“. Непосредственная задача школы состояла въ обученіи грамотѣ, но Сильвестръ ввелъ изученіе латинскаго языка и риторики; ученики упражнялись въ составленіи орацій, за что при посѣщеніи патріарха получали подарки. Защитники греческаго ученія, чтобы противодѣйствовать успѣхамъ противниковъ, должны были дѣйствовать въ томъ же направленіи, и вотъ патріархъ Іоакимъ заботится объ открытіи школы греческаго языка и письма. Въ 1681 году возвратился съ востока въ Москву іеромонахъ Тимофей, который, проживъ на востокѣ 14 лѣтъ, хорошо изучилъ греческій языкъ. Имъ и воспользовался патріархъ и съ согласія царя открылъ школу при патріаршей типографіи; Тимофей былъ назначенъ ректоромъ новой школы, а учителями—два грека. Когда число учениковъ увеличилось, для школы построили отдѣльное каменное зданіе. Ученики ея также получали подарки отъ патріарха въ случаѣ посѣщенія имъ своей школы, причѣмъ обучавшіеся греческому діалекту пользовались особою его милостью.

Школа раздѣлялась на два класса: старшій классъ составляли ученики „греческаго языка и писанія“, младшій классъ — ученики „славянскаго языка“. Ученики старшаго класса проходили греческую грамматику и письмо, ученики младшаго—только русскую грамоту.

Обѣ школы—и Сильвестра Медвѣдева и іеромонаха Тимофея—были школами элементарными: онѣ учили только небольшому знанію: одна—греческаго языка, другая—латинскаго. Но всѣмъ было ясно, что при настоящемъ положеніи дѣла такими школами удовлетвориться нельзя. Въ томъ же 1682 г. чудовскій инокъ Каріонъ Истоминъ представилъ правительницѣ Софѣ въ стихахъ просьбу о водвореніи наукъ. И правительница и власть держащіе люди хорошо понимали необходимость введенія „свободной науки“, но главное препятствіе состояло въ томъ, что негдѣ было взять учителей. Поэтому просьба Каріона Истоминна не могла быть исполнена при всемъ желаніи. Тогда сторонники того и другаго ученія сдѣлали еще по одной попыткѣ привести

въ исполненіе свои желанія, и на сей разъ побѣда оказалась на сторонѣ поборниковъ греческаго ученія. Было рѣшено опять обратиться за присканіемъ учителей къ восточнымъ патріархамъ. Сторонники же латинскаго ученія также еще разъ рѣшили попытаться стать во главѣ русскаго просвѣщенія. Въ 1685 году Сильвестръ Медвѣдевъ, черезъ посредство Шакловитаго, поднесъ царевнѣ Софьѣ академическую привилегію для утвержденія. Но онъ нѣсколько опоздалъ. Въ томъ же 1685 году въ мартѣ прибыли въ Москву два грека, Іоанникій и Софроній Лихуды, сыгравшіе большую роль въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Съ прибытіемъ въ Москву Лихудовъ начинается второй періодъ борьбы греческаго и латинскаго ученія. Оба періода имѣютъ свои отличія. Въ первомъ періодѣ нѣтъ той страстности, которая характеризуетъ второй періодъ. Въ первомъ періодѣ борьба не выходитъ изъ сферы двухъ монастырей—Чудова и Законоуспенскаго; сторонники того и другого ученія заботятся объ устройствѣ школъ, но не выносятъ своей борьбы за монастырскія стѣны, на улицу. Во второмъ же періодѣ въ борьбѣ принимаетъ участіе весь грамотный московскій людъ; незначительный по существу вопросъ о пресуществленіи святыхъ даровъ раздѣлилъ всю Москву на двѣ партіи, и споры между ними заняли все вниманіе. Въ первый періодъ борьба идетъ болѣе или менѣе академически, во второй періодъ эта борьба осложняется политическимъ элементомъ. Идетъ борьба между правительницей Софьей и царемъ Петромъ, и въ эту борьбу втягиваются главнѣйшіе руководители партій, разошедшіеся по вопросу объ образованіи. Латинская партія примыкаетъ къ Софьѣ, а греческая—къ Петру. Противники по перу не могутъ удержаться на высотѣ и съ своими стремленіями соединяютъ политическій элементъ и обвиняютъ другъ друга въ политическихъ замыслахъ преступнаго свойства. Греческая партія примкнула къ Петру, видя въ немъ врага Софьи и надѣясь видѣть въ немъ, поэтому, врага латинскаго, католическаго ученія. Эта партія побѣдила, потому что побѣдилъ Петръ.

Главными дѣятелями второго періода являются: со стороны латинской партіи—ученикъ Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ, окончившій свою жизнь на плахѣ; со стороны греческой партіи—патріархъ Іоакимъ, братья Лихуды и ученикъ Епифанія Славинецкаго, чудовскій инокъ Евфимій. Греческая партія была сильна по числу лицъ; со стороны ея противниковъ всю борьбу выносилъ на себя одинъ Сильвестръ Медвѣдевъ.

По смерти Осодора Алексѣевича наступила въ Москвѣ тревожная эпоха. Начались смуты, сопровождавшіяся убійствами. Въ низшихъ слояхъ народа шло волненіе изъ-за раскола, а въ среднихъ и высшихъ классахъ стали оказывать дѣйствіе такъ называемый польскій энциклопедизмъ. Тогда-то Сильвестръ возложилъ всѣ надежды на правительницу Софью. Съ раскольниками, дѣйствительно, скоро справились, и они затихли, но тревожное время не прекратилось. Проявилась такъ называемая „хлѣбопоклонная ересь“, явленіе, принявшее мало-по-малу громадныя размѣры и проникшее во всѣ слои общества; это былъ споръ о времени пресуществленія св. даровъ. Споръ совпалъ со временемъ появленія въ Москвѣ братьевъ Лихудовъ. Споръ этотъ имѣетъ большое значеніе. Отдѣльныя лица, принимавшія въ немъ участіе, ступаютъ впередъ массою. Это не былъ споръ отдѣльныхъ лицъ между собой по поводу одного чисто-богословскаго вопроса, но это былъ споръ идейный, гдѣ было поставлено на карту все то, что пережила Россія въ XV—XVII вѣкахъ. Этотъ споръ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ, и видимая побѣда одной партіи, греческой, была предсмертною вспышкой древней Руси: древняя Русь сдѣлала послѣднее усиліе, всыхнула яркимъ огнемъ и затѣмъ потухла, чтобы больше не востановиться. Это былъ споръ идейный. Лучшая часть общества пришла къ убѣжденію въ необходимости завести въ Москвѣ правильную школу. Но возникъ вопросъ объ учителяхъ, и рѣшеніе его должно было быть важнымъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ. Первоначально учителями были греки, но теперь сама развившаяся жизнь показала несостоятельность односторонняго греческаго воспитанія. Греки не сумѣли понять требованій, которыя предъявлялись русской жизнью; въ ту смутную эпоху они не явились просвѣтительной силой, которая вносила бы порядокъ въ наступившій переломъ русской жизни. Они сами уже нуждались въ обновленіи, а такъ какъ западно-европейская образованность еще въ XV вѣкѣ перегнала византійскую, то даже лучшіе византійскіе ученые сами отправлялись на западъ для образованія. Русскіе разочаровались въ грекахъ, какъ въ посредникахъ между ними и западной культурой. Но въ такомъ случаѣ посредниками могли быть южно-русссы, и дѣйствительно, кіевляне становятся въ Москвѣ центромъ ученой и образовательной дѣятельности. Греки на первое время сами устранились отъ конкуренціи съ кіевлянами; но образовалась русская партія, рѣшившаяся снова передать учительство единоувѣрнымъ и исполнѣ православнымъ грекамъ, которые должны были уничтожить вліяніе и значеніе латин-

ствующихъ киевлянъ: Были вызваны братья Лихуды. Разумѣется, ученые киевляне не могли помириться съ этимъ фактомъ. Онъ грозилъ имъ уничтожить все то, что они насаждали и за что они ратовали. Они еще сильнѣе принялись за пропаганду латинскаго языка, безъ котораго, по ихъ мнѣнію, невозможно образование: сами греки ищутъ образованія на западѣ, и лучше его брать прямо, чѣмъ черезъ вторыя руки; у грековъ нѣтъ никакой специальной школы. Въ доказательство справедливости своихъ притязаній ученые малороссы и ихъ сторонники выдвинули рядъ вопросовъ, которые, по ихъ мнѣнію, могутъ быть рѣшены только лишь при помощи науки, а таковой у грековъ нѣтъ. Совершенно случайно среди другихъ выдвинулся вопросъ о времени пресуществленія, и его эксплуатировали обѣ партіи для того, чтобы дать другъ другу рѣшительную битву. Когда этотъ вопросъ выдѣлился, тогда ясно обозначились обѣ воюющія партіи съ своими вожаками. Печальная участь Сильвестра положила конецъ открытымъ волненіямъ изъ-за хлѣбопоклонной ереси. Латинская партія была окончательно сломлена, но отдѣльныя вспышки спора еще показывались. Люди, получившіе образованіе въ Кіевѣ, и сторонники Медвѣдева, не могли такъ легко отказаться отъ своихъ убѣжденій. Но въ концѣ концовъ дѣло завершилось торжествомъ православнаго ученія.

Споръ по догматическому вопросу о пресуществленіи былъ собственно борьбой двухъ партій—старомосковской и, такъ сказать, прогрессивной. Сильвестръ и его единомышленники были подготовителями церковной реформы Петра. Старомосковская партія, повидимому, одержала побѣду, но она была уже ослаблена. Сильвестръ являлся однимъ изъ такихъ лицъ, которыя стараются критически отнестись къ своей средѣ, но, не находя возможности обновиться собственными средствами, онъ ищетъ этого обновленія на западѣ. Слѣдовательно, такое же стремленіе Петра не является новымъ. Петръ не поддерживалъ старомосковскую партію, хотя сочувствіе выражалъ также партіи не латинствующей, а протестантской. Но и здѣсь его помощниками являлись новые люди, тѣ же южно-русскіе выходцы, которые, несмотря на протестантскій отгѣновъ реформъ, оставались все-таки русскими, православными. Такія лица, какъ Стефанъ Яворскій, Феофанъ Прокоповичъ, Дмитрій Ростовскій, являются прямыми наследниками и послѣдователями Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева.

Не мало страницъ удѣлено въ учебникѣ переводнымъ романамъ и оригинальнымъ повѣстямъ. Противъ этого спорить не приходится.

Можетъ, быть, точиѣе нужно бы различать мѣсто происхожденія переработанныхъ повѣстей и сборниковъ въ родѣ Великаго Зеркала. Новая русская повѣсть—спеціальность г. Сиповскаго, и въ этой области спорить съ нимъ трудно. Но я былъ бы противъ такихъ субъективныхъ характеристикъ, какъ, на примѣръ, та, которую даетъ авторъ повѣсти „О Горѣ-Злосчастіи“,—именно: „Начинается повѣсть издадека—ея запѣвъ о сотвореніи міра, о томъ, какъ грѣхъ завладѣлъ землей—звучитъ мрачно-величественно. Это увертюра къ тяжелой человѣческой драмѣ“. Надо, чтобы или ученикъ самъ это почувствовалъ, или чтобы учитель ему сумѣлъ внушить такое чувство; вычитанная же изъ книги и выученная характеристика возбудитъ лишь улыбку, особенно если гдѣ-либо въ глухой провинціи ученикъ вадумасть при этомъ принять и фizioномію „мрачно-величественную“.—
Вся страница 210 является лишнею и только портитъ впечатлѣніе отъ предшествующей, гдѣ выясняется значеніе повѣсти именно для XVII вѣка.

Я остановился подробно на программѣ или—точиѣе—на учебникѣ по исторіи древней русской литературы не безъ основанія. Какъ извѣстно, древняя русская литература многими преподавателями рекомендуется къ исключенію и—не безъ нѣкоторой доли основательности. Такъ, какъ она представляется обыкновенно въ учебникахъ, она съ успѣхомъ можетъ быть выкинута. Но я уже высказалъ, что она должна, по моему мнѣнію, проходиться, и все дѣло только въ томъ, какъ, по какому методу, въ какихъ размѣрахъ и т. д. Я противъ того, чтобы заставлять всѣхъ преподавателей обучать своихъ учениковъ исторіи русской литературы одинаковымъ способомъ. Нигдѣ не можетъ быть предоставлено столько простору, какъ въ преподаваніи русской словесности. Конечно, этотъ просторъ не можетъ идти до безконечности, но все-таки было бы лучше, если бы у насъ существовало нѣсколько хорошихъ учебниковъ, построенныхъ на различныхъ основаніяхъ. Идеальнаго учебника по русской словесности я не могу себѣ и представить, и преподавателю долженъ быть предоставленъ просторъ въ выборѣ его: пусть каждый слѣдуетъ тому, какой ближе къ его симпатіямъ. Но составить учебникъ, настоящій учебникъ, не легко. Особенно трудно составить учебникъ по исторіи древне-русской литературы, гдѣ необходимо быть въ нѣкоторыхъ областяхъ и специалистомъ. Я полагаю, что центръ тяжести изученія русской литературы долженъ лежать на XIX вѣкѣ, и потому съ своей стороны находилъ бы желательнымъ, чтобы учебникъ по древ-

ней русской литературѣ быть кратокъ, но точенъ; всѣ лишнія фразы, всѣ пересказы содержанія должны быть удалены и замѣнены примѣрами въ хрестоматіи: будетъ время у учителя—онъ съ учениками прочтаетъ; не будетъ—онъ такъ или иначе обойдется. Но необходимо, чтобы рядомъ съ такимъ учебникомъ авторъ издалъ нѣчто въ родѣ исторической хрестоматіи, хотя бы компилятивной, чтобы и преподаватель могъ точнѣе уяснить себѣ то, что въ учебникѣ можетъ быть изложено въ краткихъ словахъ. Вотъ почему я не могъ пройти мимо учебника г. Сиповскаго, хотя онъ и заявилъ, что ему нужны замѣчанія лишь „педагоговъ-спеціалистовъ“. Отъ слишкомъ низко цѣнить свою книжку, которая заключаетъ въ себѣ всѣ данныя, чтобы путемъ переработокъ изъ нея могъ образоваться учебникъ съ большими достоинствами, но безъ большихъ недостатковъ. Имя автора, уже пріобрѣтшаго достаточную извѣстность въ наукѣ, было порукой, что сдѣланныя замѣчанія, если они будутъ признаны имъ цѣлесообразными, не останутся безъ вниманія. Съ другой стороны, весьма ясно, что быть спеціалистомъ во всѣхъ областяхъ невозможно; поэтому въ областяхъ, не изученныхъ спеціально, требуется особенная осторожность; вообще—не надо торопиться.

Кромѣ того, была причина еще и внѣшняя: обязанность высказаться по вопросу, нѣсколько знакомому. Я разсматривалъ учебникъ г. Сиповскаго, именно, какъ иллюстрацію къ составленной имъ (совмѣстно съ другими) программѣ, и такъ какъ послѣдняя, повидимому, еще не утверждена и такъ какъ, повидимому, ученый комитетъ еще ждетъ отзывовъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, то и это вызвало остановиться на книгѣ, во всякомъ случаѣ, при всѣхъ ея недостаткахъ, заслуживающей вниманія.

Резюмируя все сказанное о программѣ и о связанномъ съ ней учебникѣ г. Сиповскаго, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Учебникъ по исторіи допетровской литературы г. Сиповскаго выгодно отличается отъ всѣхъ существующихъ тѣмъ, что онъ построенъ на новыхъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Онъ не повторяетъ старыхъ словъ Галахова, Порфирьева и др., но даетъ намъ новую картину развитія русской литературы. Такимъ образомъ, мы видимъ первый опытъ соприкосновенія школы съ наукой, отъ которой первая усиленно до сихъ поръ сторонилась.

2) Учебникъ выгодно отличается отъ другихъ тѣмъ, что въ него внесена идейность. Авторъ хочетъ дать эволюцію литературы и такъ или иначе старается связать отдѣльныя эпохи между собой. Допетров-

ская литература является не соединеніемъ случайныхъ произведеній, но временами обьединенной извѣстнымъ направленіемъ.

3) Въ изложеніи и въ отношеніи къ литературнымъ явленіямъ ярко выдѣляется симпатія къ нимъ со стороны автора. На каждой страницѣ обнаруживается, что авторъ убѣжденно цѣнитъ допетровскую литературу; учебникъ сливается съ самымъ авторомъ, что, несомнѣнно, будетъ подкупать учейка. Въ данномъ случаѣ учебникъ не разошелся ни съ программой, ни съ объяснительной запиской.

4) Однако, пользованіе новѣйшими научными данными не всегда удачно. Видна необычайная поспѣшность, а отсюда—противорѣчія и мѣстами безсвязность. Многое осталось непродуманнымъ, еще болѣе непровѣреннымъ. Многіе изъ „ученыхъ“ узнаютъ себя на страницахъ учебника, но въ обстановкѣ, для себя неожиданной.

5) Искусственное дѣленіе на отдѣлы, проводимое черезъ весь учебникъ, не оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, отзывается схоластикой и является причиной недоумѣній. Отсюда—затемненіе исторической перспективы.

6) Похвальное, но напрасное стремленіе искать признаковъ поэзіи также портитъ дѣло, такъ какъ отодвигаетъ на второй планъ хронологическій методъ. Насильственное навязываніе воображаемыхъ, а иногда даже и истинныхъ поэтическихъ красотъ совершенно бесполезно и, наоборотъ, заставляетъ скептически относиться къ восторгамъ автора.

7) Хронологическое изображеніе литературы далеко не проведено съ должной ясностью и послѣдовательностью: нѣкоторые вѣка исчезли, другіе смѣшаны.

8) Недостаточно обращено вниманіе на культурное состояніе общества и на различные общественные вопросы той или другой эпохи. Въмѣсто этого, объемъ напрасно увеличился отъ пересказа многихъ лишнихъ для учебника произведеній.

9) Языкъ носитъ явные слѣды поспѣшности и полной необработанности. Фразы какъ будто бы бросались вскользь, мимоходомъ; мѣстами мы имѣемъ дѣло какъ будто съ хорошей по содержанию, но невозможной по изложенію журнальной статьёй, но никакъ не съ учебникомъ, гдѣ языкъ долженъ быть ясенъ и точенъ.

В. Метршичъ.

ОБОЗРѢНІЕ ПРОЕКТОВЪ РЕФОРМЫ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ВЪ РОССІИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ШЕСТИЛѢТІЕ (1899—1905 ГГ. ¹⁾).

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса о реформѣ русской средней школы, необходимо, прежде всего, опредѣлять рамки вопроса, а затѣмъ и характеръ матеріала, подлежащаго изученію и наивозможно полному освѣщенію, дабы не впасть въ одну изъ крайностей: либо неполнаго и неяснаго изображенія дѣла, либо чрезачуръ подробнаго и детальнаго.

Исходнымъ пунктомъ разсмотрѣнія вопроса является реформа гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, осуществленная гр. Д. А. Толстымъ въ 1871 и 1872 гг. Первые видоизмѣненія въ системѣ и направленіи классической школы были произведены въ 1890 г. гр. И. Д. Деляновымъ. Эта частичная попытка измѣненія школьнаго режима, введеннаго гр. Толстымъ, является первымъ моментомъ въ той задачѣ, которая ставится настоящимъ обзоромъ. Дальнѣйшія перемѣны въ строѣ средней школы тѣсно связаны съ дѣятельностью генераль-адъютанта П. С. Ванновскаго, которому цѣлымъ рядомъ циркуляровъ, вытекавшихъ изъ Высочайшихъ повелѣній, приходилось проводить новыя начала въ жизнь школы, устраняя исключительное господство классической системы. Въ виду того, что преобразование средней школы, начавшись при генераль-адъютантѣ Ванновскомъ, не

---

¹⁾ Въ предлагаемомъ очеркѣ разсматриваются только тѣ проекты преобразования средней школы въ Россіи, которые разрабатывались въ министерствѣ народнаго просвѣщенія его официальными представителями.

Ни выводовъ, ни оцѣнки того, что было до сихъ поръ сдѣлано, въ этомъ очеркѣ искать не слѣдуетъ. Его задача, по возможности, точно и полно указать тѣ начала, которыми руководились авторы различныхъ проектовъ реформы, а равно и причины, иногда принципиальнаго, а иногда случайнаго свойства, мѣшавшія проведенію этихъ проектовъ въ жизнь школы.

было закончено при немъ, послѣдующимъ министрамъ — т. с. Г. Э. Зенгеру и генералъ-лейтенанту В. Г. Глазову—пришлось такимъ же циркулярнымъ путемъ продолжать преобразование учебных плановъ и таблицы часовъ классической гимназій и реального училища. Фактически преобразование школы на этомъ и остановилось. Но было бы большою ошибкой думать, что при обзорѣни вопроса о реформѣ средней школы можно ограничиться констатированіемъ только осуществленнаго, проведеннаго въ жизнь. Не меньшую цѣну, чѣмъ осуществленное, имѣетъ задуманное, проектированное, разработанное. Пройти мимо него значило бы вычеркнуть чрезвычайно цѣнную работу министерства т. с. П. П. Боголѣнова, оставившаго обширный и разносторонній матеріалъ въ видѣ трудовъ петербургской комиссіи, состоявшей изъ выдающихся представителей педагогическаго и учебно-административнаго міра. Въ значительной мѣрѣ на основаніи длинныхъ работъ этой комиссіи были выработаны проекты уставовъ гимназій и реальныхъ училищъ подъ предсѣдательствомъ т. с. К. П. Яновскаго. Въ министерство генералъ-адъютанта Ванновскаго останавливается на себѣ особенное вниманіе сводъ общихъ положеній реформы средней школы (положеніе о мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ)—результатъ работы весенней—1901 г. и зимней—1902 г.—комиссіи, а равно отзывы на эти положенія нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Въ министерство т. с. Зенгера интересный матеріалъ по реформѣ средней школы помещенъ въ журналахъ ученаго комитета, работавшаго въ тѣсныхъ рамкахъ Высочайше предуказанныхъ принциповъ реформы. Работы ученаго комитета завершились выработкой новаго проекта устава гимназій и прогимназій и подготовительныхъ школъ. Наконецъ, въ министерство генералъ-лейтенанта Глазова работы комиссіи д. с. с. Тихомирова закончились также проектомъ устава гимназій и подготовительныхъ къ нимъ школъ.

Общіе взгляды и принципы, выразившіеся на разныхъ совѣщаніяхъ, не могли, конечно, войти цѣликомъ въ одобренные министерствомъ проекты уставовъ средней школы и другихъ учреждений, такъ или иначе связанныхъ съ ней, но такъ какъ въ богатомъ матеріалѣ, оставленномъ комиссіей т. с. Боголѣнова, имѣется масса мыслей, сужденій и цѣлыхъ проектовъ перестройки русской средней школы на новыхъ началахъ, то пройти мимо нихъ въ этомъ обзорѣни немислимо. Нельзя не отмѣтить ярко выраженнаго направленія создать новые типы школъ, напримѣръ индивидуализирующую, съ концентраціей обученія на гуманитарныхъ и естественно-научныхъ предме-

такъ; необходимо подчеркнуть стремленіе усилить общественный элементъ въ дѣлѣ созданія и организаціи различныхъ типовъ средней школы, а равно и возвысить значеніе педагогическихъ совѣтовъ и т. п. Въ такой работѣ, какъ настоящая, если обязательно уловить требованія современности въ педагогическомъ дѣлѣ, поскольку они выразились въ сужденіяхъ компетентныхъ лицъ, то необходимо также установить и ту историческую преемственность, въ которой развивалась средняя школа въ Россіи съ момента ея возникновенія.

Краткая исторія средней школы въ Россіи до министерства гр. Д. А. Толстого.

Средняя школа въ Россіи возникаетъ въ XVIII в. по частной инициативѣ иностранцевъ. Первыми созданіями этого рода были московская гимназія пастора Глюка, „разноязычная нѣмецкая“, латинско-итальянская и эллино-греческая школы. Московское правительство оказывало имъ поддержку, но несмотря на это онѣ были недолговѣчны, такъ какъ по языку преподаванія были почти недоступны русскимъ людямъ. Петру Великому принадлежитъ идея созданія прочной школы для подготовленія молодыхъ людей къ научному образованію при задуманной имъ академіи наукъ. Осуществлена его мысль была только въ 1747 г. основаніемъ академической гимназіи. По образцу ея были основаны еще двѣ гимназіи: одна—въ Москвѣ въ 1755 г., другая—въ Казани въ 1758 г., при томъ первая изъ нихъ при университетѣ. Курсъ въ гимназіяхъ былъ трехлѣтній; учебный матеріалъ обширный, какъ видно, напримѣръ, изъ программы московской гимназіи, напечатанной при ея второмъ директорѣ Мелиссино: въ ней показаны слѣдующіе предметы преподаванія: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій, а для желающихъ еще еврейскій и халдейскій языки; православный катехизисъ, философія, словесность древняя и русская, чистая математика, геодезія, воинская архитектура, воинскія экзерциціи, гражданская ариметика, исторія, географія и начатки политики; въ отдѣленіи для разночинцевъ преподавались еще науки, необходимыя для образованія художниковъ. Особенно вниманіе въ этой гимназіи было обращено на языки, такъ какъ большая часть научныхъ предметовъ читалась по-французски или по-нѣмецки. Обиліе учебнаго матеріала и трудность пониманія курсовъ, читавшихся на иностранныхъ языкахъ, помѣшала какъ московской, такъ и казанской школѣ, одинаково съ нею поставленной, завоевать общественныя симпатіи и стать господствующимъ типомъ средней школы; петербург-

своей же академической гимназіи больше всего мѣшала неаккуратность чтенія курсовъ академичками.

Въ 1786 году былъ утвержденъ „Общій уставъ народныхъ училищъ малыхъ и главныхъ“, и въ томъ же году появилась цѣлая свѣтъ главныхъ, т. е. четырехклассныхъ среднихъ школъ (въ 26 губерніяхъ). Несмотря на кратковременность курса, въ двухъ низшихъ классахъ этихъ школъ повторялся курсъ малыхъ училищъ съ присоединеніемъ преподаванія латинскаго и одного новаго языка. Затѣмъ въ курсѣ старшихъ классовъ главнаго училища замѣчается та же многопредметность, которая отличала первыя гимназіи; въ нихъ преподавались—Законъ Божій, русскій языкъ, геометрія съ основаніями геодезіи (землемѣрія), механика, физика, естественная исторія, всеобщая и отечественная географія и исторія, математическая географія, гражданская архитектура и рисованіе; кромѣ того обязательно читалась и комментировалась „книга о должностяхъ и правахъ чловѣка и гражданина“ Фельбигера.

Уставомъ 1804 г. положено было открыть въ каждомъ губернскомъ городѣ, по крайней мѣрѣ, по одной гимназіи, преобразовавъ въ нихъ уже существовавшія главныя народныя училища. Цѣлью новой гимназіи поставлено: 1) готовить къ поступленію въ высшую школу; 2) давать законченное образованіе тѣмъ, кто не желаетъ продолжать его дальше. Курсъ гимназіи былъ раздѣленъ на 4 класса, при 30 недѣльныхъ часахъ въ каждомъ, и обнималъ слѣдующіе предметы: языки латинскій, нѣмецкій, французскій, исторію и географію, общую статистику и частную—Россіи, философію и изящныя науки, начала политической экономіи, математику чистую и прикладную, опытную физику и естественную исторію, основанія коммерческихъ наукъ и технологіи, рисованіе ¹⁾).

Уставъ разрѣшаетъ и увеличивать число предметовъ по мѣрѣ надобности и возможности. Уставъ очень широко смотритъ на обязанности учителей; они не только наставники въ наукахъ, но и воспитатели; „главный предметъ юношескаго наставленія—пріучить дѣтей къ трудолюбію, возбудить въ нихъ охоту и привязанность къ наукамъ, показать имъ путь къ наукамъ, дать почувствовать цѣну оныхъ и употребленіе и чрезъ то сдѣлать ихъ способными ко всякому званію; особливо же дать уму и сердцу ихъ надлежащее направленіе, поло-

¹⁾ Интересно отмѣтить, что въ учебный планъ не былъ включенъ русскій языкъ, введенный только въ 1811 году, по мысли С. С. Уварова.

жить въ нихъ твердыя основанія честности и благопріятія, исправить и преодолѣть въ нихъ худыя склонности“. Здѣсь же указываются и способы къ усовершенствованію учителей путемъ привлеченія ихъ къ разнообразной научной дѣятельности. Небезынтересно отмѣтить и заботу устава о развитіи частныхъ пансіоновъ, учредителямъ которыхъ предоставлялась значительная свобода въ выборѣ предметовъ обученія.

Преобразование главныхъ народныхъ училищъ по уставу 1804 года въ гимназіи происходило постепенно, въ теченіе 9 лѣтъ, и сдѣланный тогда опытъ прежде всего обнаружилъ полную несостоятельность учебнаго курса, представлявшаго непомѣрную многопредметность и смѣшеніе общихъ предметовъ со специальными, чисто научныхъ съ прикладными. Прохожденіе курса въ четыре года съ учениками, прошедшими лишь трехгодичный элементарный курсъ приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, было совершенно невозможно. Въ виду этого уже съ 1811 г., по инициативѣ гр. С. С. Уварова, начинается преобразование четырехклассныхъ гимназій въ шестиклассныя, каковое и заканчивается къ 1819 г. Въ гимназическомъ курсѣ сдѣланы значительныя сокращенія исключеніемъ изъ него технологія, коммерческихъ наукъ, всеобщей грамматики, эстетики, психологіи, нравоученія, политической экономіи, естественнаго и народнаго права, а въ замѣнъ того введенъ греческій языкъ; распространенъ курсъ Закона Божія, исторіи и географіи и усилено изученіе языковъ, особенно древнихъ; они были положены въ основу гимназическаго ученія и признаны „однимъ изъ главныхъ способовъ образованія“.

Недостатокъ въ учителяхъ древнихъ языковъ помѣшалъ, однако, утвердиться въ этой школѣ классическому направленію. Кромѣ того, несмотря на сокращеніе программъ, курсъ гимназій страдалъ отъ обилія разнохарактернаго учебнаго матеріала. Наконецъ, въ дворянскомъ обществѣ существовало предубѣжденіе противъ новыхъ гимназій, какъ школъ предназначенныхъ будто бы для простолюдиновъ въ виду того, что онѣ считались прямымъ продолженіемъ народныхъ училищъ.

Въ 1828 г. изданъ новый „Уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ“. Новый законъ внесъ слѣдующія измѣненія въ строй средней школы.

Продолжительность гимназическаго курса увеличена до семи лѣтъ; измѣнены учебные планы: — исключены естественныя науки и прикладная математика, частично сокращенъ курсъ чистой математики, усилено изученіе латинскаго и нѣмецкаго языковъ (съ 1 кл.) и по-

ложено постепенно вводить преподаваніе греческаго языка (съ 4 класса).

Усилено значеніе учителя въ школѣ путемъ созданія педагогическихъ совѣтовъ при гимназіяхъ съ кругомъ дѣйствій, нѣсколько превышавшимъ компетенцію нынѣшнихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній (въ смыслѣ права высказывать соображенія по учебной части относительно всѣхъ училищъ губерніи и др.).

Привлечено къ участию мѣстное общество въ дѣлѣ устройства при гимназіяхъ пансіоновъ; новому институту почетныхъ попечителей гимназій вмѣнено въ обязанность изыскивать средства для открытія и содержанія этихъ воспитательныхъ учрежденій. Послѣдствіемъ этой мѣры было увеличеніе числа воспитанниковъ изъ дворянъ, раньше чуждавшихся гимназій. Наконецъ, повышены оклады служащимъ въ средней школѣ (сравнительно со штатомъ 1804 г.) для привлеченія въ нее лучшихъ силъ, а равно сдѣланъ серьезный шагъ для подготовки учителей гимназій—учрежденъ главный педагогическій институтъ.

Средняя школа 1828 г. получила въ послѣдствіи наименованіе „уваровской“ гимназій по имени гр. С. С. Уварова, дѣятельно работавшаго въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній по проведенію устава. На нее нерѣдко указывали еще въ недавнее время какъ на наиболѣе желательный типъ школы, къ которому слѣдовало бы вернуться; при чемъ противники строгой классической системы ссылались на эту школу, какъ на типъ, въ которомъ было дано преобладаніе гуманитарнымъ предметамъ, а не классическимъ языкамъ, но на самомъ дѣлѣ, уже въ этой школѣ было обращено исключительное вниманіе на древніе языки: на латинскій—было отведено 39 часовъ, а на греческій—30; при чемъ послѣдній языкъ къ началу 1851—2 учебнаго года преподавался уже въ 45 изъ всѣхъ 74 гимназій.

Въ 1849—52 гг. былъ нанесенъ рѣшительный ударъ преобладающему значенію древнихъ языковъ въ средней школѣ, къ значительной мѣрѣ, по соображеніямъ объ опасности ихъ въ политическомъ отношеніи. Въ виду двойкаго назначенія гимназій—приготовлять въ университеты и готовить къ вступленію въ государственную службу, въ 1849 г. съ 4-го класса была устроена бифуркація школы: только для абитуриентовъ высшихъ учебныхъ заведеній сохранены были классическіе языки, для выходящихъ же на службу устроены дополнительные курсы по русскому языку, математикѣ и законовѣднію. Въ 1852 г., со введеніемъ въ гимназіяхъ новыхъ учебныхъ плановъ, устра-

нявшихъ преподаваніе греческаго языка, всѣ среднія школы были раздѣлены на три разряда: 1) гимназій съ естественной исторіей и законовѣдѣніемъ, 2) съ однимъ законовѣдѣніемъ, 3) 9 гимназій съ греческимъ языкомъ (въ университетскихъ городахъ, южныхъ городахъ съ значительною частью греческаго населенія и главныхъ городахъ Прибалтійскаго края).

Кромѣ того, въ виду важнаго значенія, признаннаго за преподаваніемъ Закона Божія, былъ измѣненъ самый характеръ курса древнихъ языковъ. Въ программы латинскаго языка старшихъ четырехъ и греческаго — старшихъ трехъ классовъ гимназій были введены отрывки изъ твореній св. отцовъ и церковныхъ писателей—Августина, Тертуліана, Евсевія, Григорія Богослова и другихъ.

Указанныя измѣненія устава 1828 г. не носили характера коренной перестройки системы; это были частныя поправки въ угоду направленію, которое въ то время получило доминирующее значеніе; но какъ только перемѣнилось направленіе, начались попытки внести большую стройность въ организацію средней школы. Съ 1856 г. уже начались работы по пересмотру дѣйствовавшаго устава, приведшія, наконецъ, къ изданію въ 1864 г. новаго закона о гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

По этому закону гимназій, сохранивъ 7 классовъ, получили назначеніе доставлять воспитывающемуся юношеству общее образованіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища. По различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію, и, по различію цѣлей гимназическаго обученія, гимназій раздѣлялись на классическія и реальныя. Кромѣ гимназій, тамъ, гдѣ представлялась надобность и возможность, а также въ мѣстахъ, не имѣвшихъ гимназій, могли быть учреждаемы прогимназій, въ составѣ 4-хъ нижнихъ классовъ гимназій, раздѣлявшіяся на классическія и реальныя. Наряду съ двумя основными типами гимназій долженъ быть временно существовать третій—гимназій съ латинскимъ языкомъ. Вслѣдствіе этого явилось три отдѣльныхъ учебныхъ плана гимназій, различіе которыхъ, въ существенномъ, сводилось къ слѣдующему: Законъ Божій, русскій языкъ и словесность, исторія, географія и чистописаніе во всѣхъ гимназіяхъ преподавались въ одинаковомъ объемѣ¹⁾. Мате-

¹⁾ Въ реальной гимназій на русскій языкъ полагался 1 лишній урокъ—25 вмѣсто 24—сравнительно съ гимназіями другихъ типовъ.

матика, физика, космографія, естественная исторія, рисованіе и черченіе въ реальныхъ гимназіяхъ имѣли значительно большее число уроковъ—77 вмѣсто 47 классической и полуклассической школы. Изъ новыхъ языковъ только одинъ былъ обязателенъ въ гимназіи съ двумя древними языками, при 19 урокахъ; въ гимназіи съ латинскимъ языкомъ были обязательны оба, при 38 урокахъ; въ реальной гимназіи на французскій и нѣмецкій языки было отведено 46 уроковъ. На оба древнихъ языка было положено 58 уроковъ, на одинъ латинскій—39 уроковъ. Во всѣхъ гимназіяхъ должно было сообщаться ученикамъ вышшаго класса, передъ выпускомъ, директоромъ, инспекторомъ или однимъ изъ учителей, въ краткомъ изложеніи, понятіе о нашемъ государственномъ устройствѣ, объ основныхъ законахъ имперіи, о значеніи разныхъ присутственныхъ мѣстъ и о главныхъ законахъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Существенно различались правами окончившіе курсъ классическихъ гимназій отъ прошедшихъ реальную школу: первые свободно принимались въ университетъ, тогда какъ вторые имѣли доступъ только въ высшія спеціальныя училища и то съ оговоркой (ихъ свидѣтельства объ окончаніи курса принимались въ соображеніе при поступленіи въ спеціальныя училища на основаніи ихъ уставовъ). Для привлеченія къ преподавательской дѣятельности достойныхъ и способныхъ лицъ возвышены были какъ оклады жалованья, такъ и классы должностей педагогическаго персонала. Ради той же цѣли—поднятія усѣбности преподаванія—была установлена количественная норма учениковъ въ классѣ (не болѣе 40). Устранены были стѣсненія къ поступленію въ гимназіи лицъ податнаго состоянія; приемъ учениковъ былъ обусловленъ исключительно пріемными испытаніями.

Несмотря на то, что общее количество уроковъ въ гимназіяхъ по уставу 1864 г. положено было, повидимому, небольшое—184 урока, на дѣлѣ, въ виду того, что на каждый урокъ полагалось часъ съ четвертью, выходило 230 часовъ на полный курсъ, что естественно приводило къ чрезмѣрному обремененію учащихся классной работой. Когда же въ 1865 г. была сокращена продолжительность каждаго урока на четверть часа, оказалось потеряннымъ во всѣхъ классахъ 46 часовъ учебнаго времени или полтора учебныхъ года. Въ виду того, что эта мѣра не повлекла за собой сокращенія программъ, стало обнаруживаться поспѣшное прохожденіе всѣхъ предметовъ, соединенное съ задаваніемъ слишкомъ большихъ уроковъ; послѣднее обстоятельство стало вызывать справедливыя жалобы родителей.

Реформа 1871—1872 гг.

Съ назначеніемъ въ 1866 г. министромъ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого приступлено было къ собиранію матеріаловъ для пересмотра устава 1864 г. Результатомъ продолжительныхъ подготовительныхъ работъ явились проекты уставовъ гимназій и прогимназій и реальныхъ училищъ, изъ которыхъ первый былъ утвержденъ 14-го іюня 1871 г., а второй 15-го мая 1872 года.

Въ представленіи государственному совѣту 27-го февраля 1871 г. графъ Толстой приводилъ слѣдующіе аргументы въ оправданіе принятой имъ реформы:

Уставъ 1828 г. вывелъ наше народное просвѣщеніе на правильный путь развитія, которымъ шло и продолжаетъ идти просвѣщеніе наиболѣе преуспѣвшихъ въ наукѣ народовъ. Нарушали правильность развитія учебной системы реформы 1849—1851 гг.: она „если не единственная, то одна изъ важныхъ причинъ такъ сильно охватившаго наше учащееся юношество матеріализма, нигилизма и самаго пагубнаго самоубійства, ибо вопросъ между древними языками, какъ основой всего дальнѣйшаго научнаго образованія, и всякимъ другимъ способомъ обученія есть вопросъ не только между серьезнымъ и поверхностнымъ ученіемъ, но и вопросъ между нравственнымъ и матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а слѣдовательно и всего общества“. Отъ полной несостоятельности въ дѣлѣ науки, литературы и всего умственнаго развитія Россію спасли—начала мѣры новаго царствованія, ослабившія дѣйствіе реформъ 1849—1852 гг., а затѣмъ уставъ 1864 г. Уставъ этотъ гр. Толстой признаетъ однимъ „изъ полезнѣйшихъ законоположеній“. Наибольшая заслуга устава 1864 г. заключается въ признаніи, что „только тѣ учебныя заведенія могутъ готовить учащееся юношество къ университетскому образованію, въ коихъ нераздѣльно преподаются оба древніе языка“. Недостатками же устава признаны: недостаточное количество учебнаго времени, пониженіе требованій отъ поступающихъ въ первый классъ, неопредѣленность учебнаго матеріала по отдѣльнымъ предметамъ, недостатокъ концентраціи учебнаго плана на главныхъ предметахъ: древнихъ языкахъ и математикѣ. „Настоящее мое представленіе въ государственный совѣтъ“,—такъ опредѣляетъ графъ сущность своей реформы,—„вызвано именно неотложною необходимостью освободить уставъ 1864 г. отъ этихъ болѣе или менѣе случайныхъ его неудобствъ и недостатковъ“.

Во второмъ представленіи,—о преобразованіи реальныхъ гимназій, уставъ 1864 г. подвергнутъ очень суровой критикѣ со стороны своего значенія въ исторіи реального образованія. Хотя, говорить гр. Толстой, въ уставѣ и выражено вполне то вѣрное начало, что никакой реальный курсъ не можетъ служить надлежащимъ подготовленіемъ къ университету, но затѣмъ въ немъ были допущены такіи уклоненія отъ этого правильнаго воззрѣнія, которыя сближаютъ реальные гимназіи съ гибельными мѣрами 1849—1852 гг.: въ цѣломъ уставѣ принято наложеніе, дающее поводъ предполагать, будто бы реальные гимназіи суть заведенія одного рода и порядка съ гимназіями университетскими или классическими; вслѣдствіе чего возникли ходатайства объ открытіи реалистамъ доступа въ университетъ; уставъ неправильно соединяетъ съ реальными гимназіями понятіе „общее образованіе“, и приближаетъ ихъ къ курсу классическихъ гимназій, тогда какъ общимъ образованіемъ въ обширномъ смыслѣ можетъ быть названо образованіе элементарное, а въ тѣсномъ—только классическое; неправиленъ взглядъ, что реальные гимназіи должны готовить къ поступленію въ высшія спеціальныя училища; по всѣмъ этимъ причинамъ „реальные гимназіи“, утверждалъ министръ,—„являются учебными заведеніями, не имѣющими никакой положительной цѣли и не дающими никакого опредѣленнаго положенія молодымъ людямъ, которые оканчиваютъ въ нихъ курсъ ученія. Для высшаго университетскаго научнаго образованія они нисколько не подготовлены; спеціальныхъ свѣдѣній для дальнѣйшаго практическаго изученія какой-либо отрасли промышленности и занятій оною они не имѣютъ; высшія же спеціальныя училища доступны для питомцевъ реальныхъ гимназій ничуть не болѣе, чѣмъ и для воспитанниковъ классическихъ гимназій“. Поэтому задачей реформы поставлено „припоровленіе курса реальныхъ училищъ къ спеціальнымъ потребностямъ различныхъ родовъ промышленности и торговли“. Они должны готовить „къ поступленію прямо на практическое поприще промышленныхъ занятій средняго разбора. Что же касается до перехода воспитанниковъ реальныхъ училищъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, то желательно сдѣлать его возможнымъ не столько въ интересахъ этихъ заведеній, сколько ради того, чтобы способнѣйшимъ воспитанникамъ реальныхъ училищъ, желающимъ идти далѣе, не былъ прегражденъ путь“.

Существенныя черты обохъ уставовъ—гимназій и реальныхъ училищъ,—утвержденныхъ послѣ долгой и горячей борьбы противъ нихъ

въ общественныхъ и правительственныхъ сферахъ,—сводятся къ слѣдующему.

Классическая гимназія осталась основнымъ типомъ общеобразовательнаго и всесловнаго средняго учебнаго заведенія. Она доставляетъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ приготовительнымъ заведеніемъ для поступления въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища.

Въ гимназіи и прогимназіи обучаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія. Учебный курсъ гимназіи составляется изъ тѣхъ же предметовъ, что и по уставу 1864 г., но распредѣляются эти предметы по новому плану съ цѣлью болѣе сосредоточить умственныя силы учащихся на главнѣйшихъ предметахъ гимназическаго курса и придать послѣднему большую серьезность, постепенность и послѣдовательность. Основными предметами признаются древніе языки и математика; имъ и удѣлено наибольшее количество времени: на латинскій языкъ—49 часовъ, на греческій—36, на математику (съ физикой, математической географіей и краткимъ естествовѣдѣніемъ)—37. „Лишь тогда и у насъ“, посяялъ министръ въ представленіи государственному совѣту, „прочно утвердится общепринятая система приготовленія къ высшему научному образованію, когда будетъ предоставлена учащемуся юношеству возможность безъ чрезмѣрныхъ усилій достигать надлежащей умственной зрѣлости на изученіи предмета, равномерно развивающаго и упражняющаго всѣ стороны человѣческаго духа; объ обремененіи же учащагося юношества назначеніемъ большаго числа уроковъ на существеннѣйшій предметъ гимназическаго ученія уже и потому не можетъ быть рѣчи, что при этомъ имѣется въ виду не расширеніе самыхъ предѣловъ преподаванія, а лишь сообщеніе ему большей основательности, вслѣдствіе чего большее число уроковъ по древнимъ языкамъ только облегчитъ для учениковъ изученіе оныхъ“. Усиленіе преподаванія греческаго языка сравнительно съ иностранными въ гимназіяхъ мотивировано важностью этого языка въ исторіи русскаго просвѣщенія. Оставлено то же число уроковъ на русскій языкъ и на новые языки съ условіемъ обязательности одного изъ нихъ. Уменьшено число уроковъ по Закону Божію, исторіи, естествовѣдѣнію, чистописанію, черченію и рисованію. Космографія сведена къ математической географіи. Вновь введенъ одинъ урокъ логики. Общее число часовыхъ уроковъ въ недѣлю опредѣлено въ 206 для учащихся одному новому языку и въ 225 для учащихся обоимъ языкамъ. Курсъ прогимназіи приравненъ къ первымъ четыремъ классамъ гимназіи.

Сокращая общее число уроковъ и концентрируя курсъ на нѣкоторыхъ важнѣйшихъ предметахъ, гр. Толстой счелъ необходимымъ удлинить продолжительность гимназическаго курса посредствомъ открытія подготовительныхъ классовъ и раздѣленія курса VII класса на 2 года. Открытіе подготовительныхъ классовъ объяснено необходимостью возвысить уровень требованій для приѣма въ первый классъ гимназій и уравнивать подготовку учениковъ къ изученію предметовъ собственно гимназическаго курса.

Увеличеніе же курса еще однимъ—восьмымъ—годомъ имѣло цѣлю: 1) облегчить прохожденіе гимназическаго курса и сдѣлать его возможнымъ для учениковъ даже посредственныхъ способностей, 2) возвысить его уровень и основательность и 3) такимъ образомъ доставить университетамъ болѣе зрѣлыхъ слушателей.

Уставъ 1871 г. особенно выдвигаетъ впередъ значеніе воспитательнаго воздѣйствія гимназій на учащихся. Воспитаніе и обученіе въ гимназіяхъ поставлены въ ближайшую связь между собою посредствомъ привлеченія директоровъ и инспекторовъ къ преподавательской дѣятельности, а учителей къ воспитательной въ должностяхъ классныхъ наставниковъ.

Съ цѣлью возвысить матеріальное положеніе учителей уставъ предоставляетъ болѣе заслуженнымъ и опытнымъ изъ нихъ право на высшіе оклады, которые раздѣляются въ гимназіяхъ на четыре (750, 900, 1.250, 1.500 рублей за 12 уроковъ), а въ прогимназіяхъ на три разряда (750, 900, 1.250 р.). Въ пользу учителей обращается сборъ за экзамены съ постороннихъ лицъ, а учителя отечественнаго и древнихъ языковъ получаютъ вознагражденіе за исправленіе ученическихъ письменныхъ работъ.

Дѣти учителей освобождаются отъ платы за ученіе.

Значеніе педагогическаго комитета во многомъ умалено, хотя составъ его расширенъ допущеніемъ всѣхъ преподавателей, надзирателей и воспитателей. Положеніе директора опредѣлено, какъ положеніе „начальника“ гимназій. Хозяйственныя функціи переданы особому хозяйственному комитету.

Уставъ реальныхъ училищъ опредѣляетъ ихъ цѣль въ доставленіи учащемуся юношеству всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій общаго образованія, приспособленнаго къ практическимъ потребностямъ и къ приобрѣтенію техническихъ познаній. Сообразно съ мѣстными потребностями реальные училища учреждаются или въ составѣ полныхъ

6 классовъ или съ курсомъ 5, 4, 3, 2 старшихъ классовъ. Учебный курсъ реальныхъ училищъ устраивается такъ, что преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ идетъ параллельно и одновременно съ преподаваніемъ предметовъ специальныхъ.

Въ кругъ предметовъ общаго образованія введены: Законъ Божій, русскій языкъ, математика, исторія, географія, новые языки. Далѣе слѣдуетъ группа предметовъ, посредствующихъ между общеобразовательными и специальными: математика, физика, естественная исторія, чистописание, черченіе и рисованіе. Наконецъ, по составу специальныхъ курсовъ, училища дѣлятся на нѣсколько группъ.

По мѣстнымъ потребностямъ V и VI классы учреждаются или въ составѣ двухъ отдѣленій—основнаго и коммерческаго, или одного изъ нихъ; при основномъ отдѣленіи можетъ быть учреждаемъ высшій дополнительный классъ, съ тремя отдѣленіями: 1) общимъ, предназначеннымъ въ подготовленію учащихся въ высшія спеціальныя училища, 2) механико-техническимъ и 3) химико-техническимъ. Управление реальными училищами, воспитательная часть, положеніе и права преподавательскаго персонала опредѣлены въ главныхъ чертахъ согласно съ уставомъ гимназій 1871 г. При каждомъ реальномъ училищѣ состоитъ еще попечительство для заботъ о матеріальныхъ интересахъ училища и учащихся.

Послѣ проведенія уставовъ гр. Толстой энергично занялся практическимъ осуществленіемъ ихъ. Рядомъ циркуляровъ онъ подчеркивалъ преобладающее значеніе древнихъ языковъ въ курсѣ гимназій и настаивалъ на необходимости удовлетворительной постановки ихъ преподаванія для достиженія намѣченной для гимназій цѣли.

Затѣмъ, изданіемъ учебныхъ плановъ для гимназій въ 1872 г., для реальныхъ училищъ—въ 1873 г. регламентировалась преподавательская дѣятельность установленіемъ точныхъ программныхъ предѣловъ, въ которыхъ она должна была протекать. По каждому предмету учебный планъ сопровождался объяснительной запиской, уяснявшей, „въ какомъ духѣ должно быть ведено преподаваніе каждаго предмета и какъ должно быть согласовано между собою преподаваніе различныхъ предметовъ“. Руководствуясь учебными планами и объяснительными записками, преподаватели должны были составлять подробныя программы. Для нѣкоторыхъ предметовъ были составлены подробныя примѣрныя программы, необязательныя, впрочемъ, для преподавателей. По древнимъ языкамъ изученіе грамматики выдвинуто на первый планъ и проведено черезъ всѣ классы.

Въ 1875 г. двухлѣтній курсъ VII класса былъ раздѣленъ на два самостоятельные класса.

То же исключительное вниманіе къ главнымъ предметамъ было проведено въ правилахъ объ испытаніяхъ пріемныхъ, переводныхъ и выпускныхъ, изданныхъ въ 1872 г. для гимназій и въ 1874 г.— для реальныхъ училищъ. И въ этихъ правилахъ замѣтно стремленіе регламентировать до мелочей всѣ пріемы и процедуру экзаменовъ. Это направленіе все предусмотрѣть и все предугадать выразилось и въ рядѣ новыхъ инструкцій и правилъ, какъ-то: правилъ о взысканіяхъ съ учениковъ, правилъ для учениковъ, правилъ по завѣдыванію пансіонами, инструкціи класснымъ наставникамъ, инструкціи хозяйственнымъ комитетамъ и др. Такой способъ выполненія реформы вызвалъ осужденіе не только со стороны ея безусловныхъ противниковъ, но также тѣхъ лицъ, которыя соглашались съ ея принципами.

Частныя преобразованія гр. И. Д. Делянова 1888—1890 гг.

Увѣренность гр. Толстого въ неизбежности того строя средней школы, который ему удалось провести, не оправдалась. Въ ближайшее министерство сталъ секретаря А. А. Сабурова уже было обращено вниманіе на необходимость смягчить строгость гимназическаго режима, на первыхъ порахъ путемъ измѣненія правилъ объ испытаніяхъ по главнымъ предметамъ.

Въ министерство гр. И. Д. Делянова сдѣланъ былъ крупный шагъ въ смыслѣ измѣненія господствовавшей системы средняго образованія. Имѣлось въ виду не то, къ чему пришлось придти. Безусловный сторонникъ классицизма, гр. Деляновъ сначала обратилъ вниманіе лишь на неуспѣшность преподаванія древнихъ языковъ, что, между прочимъ, имъ было опредѣленно высказано въ представленіи государственному совѣту въ 1889 г.: „въ преподаваніи древнихъ языковъ“, писалъ онъ, „говоря вообще, возобладало до нѣкоторой степени одностороннее грамматическое направленіе, такъ что прохожденіе подробнаго курса грамматики и упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на древніе отдѣльныхъ фразъ и искусственно составленныхъ отрывковъ отбѣснили на второй планъ чтеніе и объясненіе писателей, и самые тексты писателей нерѣдко служили главнѣйше какъ бы матеріаломъ для устныхъ и письменныхъ упражненій въ этимологическихъ формахъ и синтаксическихъ оборотахъ“. Кромѣ того циркулярами министерства констатировалось и плохое знаніе грамматики, и недостаточный запасъ словъ по древнимъ языкамъ у учениковъ гимназій. Съ цѣлью

„не только устранить замѣченные неправильности, но и вообще улучшить и сдѣлать болѣе плодотворнымъ гимназическое ученіе по древнимъ языкамъ“ была образована комиссія кн. М. С. Волконскаго, пришедшая къ заключенію о необходимости измѣнить программныя требованія по классическимъ языкамъ: 1) оканчивать изученіе грамматикъ латинскаго и греческаго языковъ въ 6-мъ классѣ, 2) курсъ двухъ старшихъ классовъ посвятить исключительно чтенію авторовъ, 3) на испытаніяхъ зрѣлости письменные переводы съ русскаго языка на древніе замѣнить переводами съ древнихъ языковъ на русскій.

Проведеніемъ въ жизнь намѣченныхъ комиссіей измѣненій въ планъ преподаванія древнихъ языковъ думалъ ограничиться гр. Деляновъ, но дѣло на этомъ не остановилось. Вслѣдствіе настояній духовнаго вѣдомства увеличить число уроковъ по Закону Божію въ трехъ старшихъ классахъ, пришлось приступить къ общему пересмотру таблицы уроковъ и программъ по уставу 1871 г.

Пересмотръ учебныхъ плановъ былъ порученъ особой комиссіей, получившей, между прочимъ, указаніе „сохраняя нынѣ дѣйствующую систему классическаго образованія, сократить и упростить программы безъ ущерба, однако, для основательности образованія“. Результатъ работы этой комиссіи, подвергшійся существеннымъ передѣлкамъ въ государственномъ совѣтѣ, собственно, и есть тотъ новый учебный планъ, который удостоился Высочайшаго одобренія 19-го іюня 1890 г. Вотъ краткій перечень тѣхъ измѣненій, которыя онъ внесъ. По Закону Божію число уроковъ было увеличено съ 13 на 16. По русскому языку прибавленъ только одинъ урокъ — 25-ый, ясно указана цѣль преподаванія грамматики, теории словесности и исторіи литературы — способствовать „изученію литературнаго отечественнаго языка“; курсъ исторіи литературы сведенъ къ чтенію и разбору произведеній словесности въ исторической послѣдовательности. Упрощенный курсъ логики перенесенъ въ 8-ой классъ.

По математикѣ опредѣлено 29 уроковъ: на физику прибавленъ одинъ часъ — 7-ой. Исключенъ вовсе курсъ естествовѣдѣнія по совершенной невозможности преподавать его при 2-хъ часахъ. По исторіи число уроковъ увеличено съ 12 до 13; эпизодическій курсъ всеобщей и русской исторіи замѣненъ элементарнымъ курсомъ одной русской исторіи; на систематическій курсъ исторіи отведено 11 часовъ вмѣсто прежнихъ 8. По географіи число уроковъ сокращено съ 10 до 8. По французскому и нѣмецкому языкамъ оставлено прежнее число уроковъ — по 19; цѣлью преподаванія новыхъ языковъ назначено сообщать умѣніе

понимать нетрудныя сочиненія безъ помощи общаго словаря. По чистописанію число уроковъ увеличено на два (съ 5 до 7). По древнимъ языкамъ сдѣлано настолько значительное сокращеніе, что гр. Деяновъ, соглашаясь на него, заявилъ, что онъ „подвергаетъ этимъ самымъ классическую систему второму риску“.

По латинскому языку вмѣсто 49 часовъ оставлено 42; по греческому вмѣсто 36—33.

Въ то же министерство значительнымъ измѣненіямъ подвергся и другой типъ средней школы — реальное училище. Въ 1886 г. было предложено сдѣлать изъ него подготовительное училище для поступления въ среднія техническія школы; но этотъ проектъ въ государственномъ совѣтѣ былъ отвергнутъ.

Въ слѣдующемъ году, при разсмотрѣніи положенія о промышленныхъ училищахъ, соединенные департаменты государственнаго совѣта постановили выдѣлать изъ общаго плана промышленнаго образованія вопросъ о реальныхъ училищахъ. Это постановленіе имѣло то принципиальное значеніе, что утверждало за ними преобладающій характеръ общеобразовательныхъ школъ, наряду съ гимназіями. 9-го іюня 1888 г. Высочайше были утверждены измѣненія въ уставѣ 1872 г.

Реальная училища остались въ составѣ шести классовъ. Приготовительные классы разрѣшено содержать на спеціальныя и мѣстныя средства. Пятый и шестой классы сохранились въ составѣ двухъ отдѣленій, основнаго и коммерческаго.

Техническія отдѣленія при дополнительномъ классѣ упразднены, но дополнительный классъ сохраненъ для подготовки ко вступленію въ высшія спеціальныя училища. Новымъ распредѣленіемъ учебныхъ предметовъ въ четырехъ младшихъ классахъ усилено преподаваніе математики и новыхъ языковъ, введена естественная исторія; въ старшихъ классахъ усилено преподаваніе Закона Божія, исторіи и географіи и исключены химія и механика; сокращено преподаваніе графическихъ искусствъ.

26-го іюля 1895 г. было составлено новое распредѣленіе и новыя программы учебныхъ предметовъ; и на этотъ разъ улучшеніе коснулось, главнымъ образомъ, общеобразовательныхъ предметовъ: Закона Божія, русскаго и новыхъ иностранныхъ языковъ, географіи, исторіи, математики ¹⁾.

¹⁾ Общее число часовъ 208: на Законъ Божій— 14; на русскій языкъ—28; на немецкій — 32; на французскій — 18; на географію — 12; на исторію—14; на мате-

Кромѣ проведенія указанныхъ измѣненій въ уставахъ 1871 и 1872 г., гр. Делянову пришлось коснуться постановки воспитанія въ средней школѣ въ виду обнаруженія факта сильнаго упадка дисциплины среди ея воспитанниковъ. Въ качествѣ средства къ укрѣпленію хорошихъ нравовъ въ школѣ министерство рекомендовало устройство пансіоновъ и общежитій при учебныхъ заведеніяхъ, а также обратило вниманіе на необходимость установленія правильныхъ, близкихъ и добрыхъ отношеній между семьей и школой.

Въ связи съ вопросомъ о нравственномъ воспитаніи учащагося юношества былъ выдвинутъ вопросъ о социальномъ составѣ учениковъ средней школы. 18-го іюня 1887 г. министръ предложилъ учебному начальству допускать въ гимназій и прогимназій „только такихъ дѣтей, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ правильномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ предоставленіи имъ необходимаго для учебныхъ занятій удобства“. „Такимъ образомъ“, говорилось въ циркулярѣ, „гимназій и прогимназій освободятся отъ поступления въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, дѣтей коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ необыкновенными способностями, вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежать“.

Результатомъ этого циркуляра и другихъ подобныхъ мѣропріятій (напримѣръ установленія процента пріема евреевъ) было сокращеніе параллельныхъ классовъ въ гимназійхъ и прогимназійхъ и уменьшеніе общаго числа учащихся: съ 1882 г. по 1895 г. послѣднее—съ 65,751 ч. дошло до 62,863.

Съ тою же отчасти цѣлью уменьшенія наплыва дѣтей низшихъ классовъ общества въ среднія учебныя заведенія были приняты мѣры къ закрытію приготовительныхъ классовъ: существованіе ихъ было поставлено въ зависимость отъ этнографическихъ условій и мѣстныхъ средствъ.

С. Стенановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

матку — 31; на физикку — 10; на естественную исторію — 9; на рисованіе — 21; на черченіе — 10; на чистописаніе — 4.

В. В. СТАСОВЪ.

(Некрологъ).

Покойный Владиміръ Васильевичъ Стасовъ былъ, по общему убъ-
жденію всѣхъ, лично его знавшихъ, замѣчательно цѣльною натурою,
а по взгляду многихъ авторитетныхъ людей, былъ *большимъ* рус-
скимъ человѣкомъ. Такъ выходило само собою, что даже общія су-
жденія и отзывы о покойномъ вращались, болѣе или менѣе, въ пре-
дѣлахъ этой общей оцѣнки и имѣли видъ или неподдѣльнаго восхи-
щенія при мысли о достоинствахъ его натуры, или изрѣдка сожалѣ-
ній объ его увлеченіяхъ. Повидимому, съ давнихъ поръ (узнавши
лично В. В. Стасова только въ 70 годахъ прошлаго вѣка, я уже
тогда засталъ это общее отношеніе къ нему) всѣ какъ-то условились
признавать замѣчательную разносторонность и богатую одаренность
этого человѣка, не ограничивая сферу его дѣятельности какою-либо
одною спеціальностью. Врядъ ли кому другому изъ его современни-
ковъ приводилось быть столь разнообразнымъ въ своихъ научныхъ,
литературныхъ, художественныхъ и общественныхъ интересахъ и—
главное—врядъ ли кому другому, при подобной нестрогѣ духовныхъ
интересовъ, удавалось встрѣтить полное оправданіе или даже призна-
ніе правъ на существованіе въ спеціальной литературѣ. Для всѣхъ
насъ, современниковъ В. В. Стасова, было особенно труднымъ опре-
дѣлить, въ какой именно профессіи В. В. Стасовъ являлся наиболѣе
признаннымъ дѣятелемъ: трудно потому, что компетентность каждаго
изъ насъ простиралась исключительно на работы или по археологін
или по художественной критикѣ, а онъ писалъ, между тѣмъ, и по
исторіи литературы, и по исторіи искусства, и по вопросамъ новаго
искусства, особенно русскаго, и по музыкѣ, и прочее. Съ этой точки

зрѣнія, весьма возможно, что наши взгляды на значеніе личности и дѣятельности В. В. Стасова не чужды увлеченія. Но не лишено интереса то убѣжденіе иныхъ, что центромъ тяжести въ литературной дѣятельности покойнаго были его археологическія работы (которыя по существу мы и будемъ имѣть въ виду въ этомъ послѣднемъ некрологѣ замѣчательнаго писателя), тогда какъ другіе полагаютъ все значеніе В. В. Стасова въ его критическихъ статьяхъ по новѣйшему искусству, или даже по музыкѣ.

В. В. Стасовъ и въ жизни и въ своихъ „писаніяхъ“ (какъ любилъ онъ выражаться), какъ бы ни были они разносторонни, былъ всегда самимъ собою, однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ В. В. Стасовымъ, и ничуть не измѣнялъ „ни юты, ни черточки“ въ своихъ общихъ взглядахъ, отношеніяхъ къ дѣлу и предмету, принимался ли онъ за орнаменты, или за тему, касающуюся музыки. Во всѣхъ сочиненіяхъ В. В. Стасова бросается въ глаза удивительная цѣльность самого автора.

Дѣло въ томъ, что В. В. Стасовъ во всю свою шестидесятилѣтнюю литературную и ученую дѣятельность вносилъ всегда столь ярко окрашенную національную идею, что можетъ быть названъ у насъ наиболѣе виднымъ искателемъ русскаго народнаго идеала въ литературной и художественной критикѣ. Въ данномъ случаѣ, однако, нужно строго отличать это неуклонное слѣдованіе В. В. Стасова за русскимъ идеаломъ отъ всего того, что въ нашей литературѣ принято называть въ одномъ случаѣ „націонализмомъ“, а въ другомъ— „народничествомъ“. В. В. Стасовъ, по существу, никогда не былъ ни русскимъ націоналистомъ, ни народникомъ, выражаясь его собственными словами, ни въ одну минуту своей жизни. Этими словами, какимы бы общимъ характеромъ они ни отличались, въ послѣднее время принято у насъ пользоваться для характеристики крайне узкихъ тенденцій, сбившихся съ толку, вслѣдствіе своей односторонности, и порвавшихъ во многихъ мѣстахъ, благодаря своей тонкости. В. В. Стасовъ, и какъ писатель и какъ человѣкъ, былъ, дѣйствительно, широкою русскою натурою въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Прославлять все то русское, что казалось ему хорошимъ и достойнымъ, а главное, черезъ посредство печатнаго слова, настойчиво, неустанно и горячо, искренно требовать отъ всѣхъ другихъ, отъ всякаго читателя оцѣнить то или другое хорошее русское явленіе, обратить къ нему всѣ свои симпатіи—такова была по преимуществу литературная задача В. В. Стасова, его общественная роль. Не будучи націоналистомъ,

стремительно ополчаясь на многія стороны русской жизни, В. В. Стасовъ являлся въ нашей литературѣ живымъ поборникомъ общественной свободы; западникъ по своему образованію, вкусамъ, привычкамъ, по своей страсти къ путешествіямъ по Европѣ, къ заграничнымъ выставкамъ, онъ былъ въ то же время представителемъ русской народной идеи въ литературѣ, искусствѣ, музыкѣ и даже наукѣ, по крайней мѣрѣ, со стороны ея содержанія. Правда, постепенно расширяя кругъ предметовъ, его интересовавшихъ, вообще сферу своихъ духовныхъ симпатій, онъ рано ввелъ старину и древность, какъ предметъ своего главнаго любительства, если не своей специальности, въ свою рано начавшуюся литературную дѣятельность. Даже къ археологическому искусству В. В. Стасовъ подошелъ именно съ этой стороны русскихъ народныхъ основъ и формъ, и до конца жизни его интересовали исключительно вопросы, такъ или иначе входившіе въ кругъ народнаго искусства. Литературные идеалы В. В. Стасова коренились, несомнѣнно, на почвѣ европейскаго романтизма, широко привившагося въ нашемъ просвѣщеніи въ періодъ 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Извѣстно, какъ разнообразны были литературныя и бытовыя стороны русской жизни, воспитанныя этою западною прививкою. Не входя въ подробности, скажемъ, что сообразно условіямъ грубой, мало культивированной почвы, этотъ романтическій пересадокъ выразился у насъ также въ грубомъ явленіи нѣкотораго политическаго обскурантизма, сыгравшаго крупную роль послѣ эпохи декабристовъ. Въ данномъ случаѣ главные вопросы изслѣдованія относятся къ исторіи русской литературы, которая одна со своими матеріалами въ состояніи разобрать происхожденіе и ростъ какого-либо Дала. Литература въ данномъ случаѣ, какъ область болѣе легкая и подвижная, шла впереди; какъ наиболѣе духовная форма выраженія идеи, она была глубже и яснѣе и, какъ болѣе доступная и многосторонняя сфера, была болѣе разработана. Однако же, и въ художественной сферѣ,—въ искусствѣ и нарождавшейся русской археологій, къ которой рано, уже въ первыхъ своихъ статьяхъ, обратился В. В. Стасовъ, національные вопросы стали своего рода девизомъ еще въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. „Раньше того эти вопросы могли бы казаться никому ненитересными. О національности, типѣ, физиономіи, одеждѣ, всей вообще жизненной обстановкѣ славянъ и русскихъ, у насъ еще не возникало заботы, всякій хлопоталъ только о классицизмѣ и европействѣ, о приближеніи къ нимъ. По капризу и примѣру Петра I, Россія въ продолженіе всего XVIII вѣка въ дѣлѣ искусства всего

болѣе заботилась о томъ, какъ бы казаться поменьше русскою и побольше иностранною“. Такъ говорилъ В. В. Стасовъ уже въ 1902 году, какъ бы припоминая процессъ выхода своего поколѣнія (поколѣнія сороковыхъ годовъ) на духовную дѣятельность, отмѣченную русскимъ характеромъ. В. В. Стасовъ засталъ еще въ живыхъ перваго прокладывателя путей къ познанію русской древности и русской народной дѣйствительности А. Н. Оленина, президента Академіи художествъ и директора Публичной бібліотеки, бывшаго въ то время, по словамъ того же В. В. Стасова, какъ бы верховнымъ опекуномъ, совѣтчикомъ и вождемъ русскаго искусства. Самъ В. В. Стасовъ еще въ дѣтствѣ до 12 лѣтъ заинтересованъ былъ особенно живо искусствомъ, воображалъ, что будетъ архитекторомъ, поступить въ Академію художествъ, еще 10 лѣтъ дѣлалъ онъ архитектурные чертежи и сочинялъ и вычерчивалъ по всѣмъ правиламъ циркулемъ и по масштабу проекты домовъ, колоколенъ и церквей.

Отецъ В. В. Стасова, извѣстный архитекторъ и знатокъ архитектуры, возилъ сына на всѣ свои постройки и руководилъ его, когда мальчикъ изъ подаренныхъ ему крохотныхъ кирпичей изъ обожженной глины складывалъ по планамъ и чертежамъ большіе правильные дома со всѣми деталями. Понятно, почему, даже пробывши шесть лѣтъ въ Училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ только музыка играла важную роль, а объ искусствѣ не было и помину, молодой В. В. Стасовъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, вновь увлекся, и на всю жизнь, искусствомъ. Когда въ 1840 году въ Казанскомъ соборѣ, въ видѣ запрестольнаго образа, поставили знаменитую въ то время картину Брюллова: „Взятіе Божіей Матери на небо“, молодой В. В. Стасовъ по утрамъ ходилъ въ соборъ проводить тамъ часы въ созерцаніи этой картины. Затѣмъ служа въ Публичной бібліотекѣ, которая, по словамъ В. В. Стасова, въ теченіе 50-хъ годовъ „сдѣлалась однимъ изъ самыхъ популярныхъ, самыхъ общезвѣстныхъ и общелюбимыхъ мѣстъ русской публики, желающей и нуждающейся заниматься дѣломъ“, В. В. Стасовъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ, въ 1861 году, скорбѣлъ и возмущался тѣмъ, „какъ у насъ у всѣхъ слишкомъ мало чувства историческаго“. Поэтому естественно, что свою любовь къ искусству, свои вкусы покойный перенесъ на историческую почву русской древности и народной старины. Въ этомъ отношеніи В. В. Стасовъ былъ сходенъ и родствененъ съ другимъ замѣчательнымъ русскимъ археологомъ, Дмитріемъ Александровичемъ Ровинскимъ, своимъ сверстникомъ, также правовѣдомъ, также истиннымъ и горячимъ любителемъ русской

старинны и искусства вообще. Кому случалось видѣть вмѣстѣ, въ горячей бесѣдѣ (одно время — каждое воскресенье), этихъ двухъ русскихъ людей, тотъ никогда не забудетъ необыкновенной ихъ жизненности и живости ихъ разнообразныхъ интересовъ; и въ то же время не мало приходилось дивиться ихъ неустанному, часто крайне мелочному, кропотливому трудолюбію въ ихъ, замѣчательныхъ и по своимъ размѣрамъ, научныхъ, археологическихъ коллекціяхъ и предпріятіяхъ. Если такимъ людямъ придается иногда имя „собирателей“ и „любителей“, то этимъ только украшается самое имя, вводящее ихъ въ сонмъ тѣхъ знаменитыхъ диллетантовъ Европы, которые были основателями наукъ и знанія. Кромѣ Ровинскаго, тѣсная дружба съ известнымъ архитекторомъ И. И. Горностаевымъ, съ которымъ В. В. Стасовъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ археологическаго характера, сильно повліяла на самый родъ занятій покойнаго, на его вкусы и пристрастія.

Даже самый капитальный трудъ В. В. Стасова — его знаменитый атласъ „Славянскаго и восточнаго орнамента по рукописямъ древняго и новаго времени“, изданный въ 156 таблицахъ большого формата съ 20 и болѣе рисунками на каждой таблицѣ, былъ вызванъ, по словамъ самого изслѣдователя, сначала лишь „желаніемъ доказать, что въ русско-славянскихъ рукописяхъ, украшенныхъ заставками, миниатюрами, фигурными инициалами, вообще орнаментикою, не все заимствовано изъ болгарскихъ, сербскихъ и греческихъ оригиналовъ, а, напротивъ того, многое происхожденія собственно-русскаго, многое самобытно и оригинально въ своемъ народномъ источникѣ“. Положимъ, что въ словахъ людскихъ, прежде всего, не слѣдуетъ вѣрить указаніямъ мотива ихъ поступковъ (эти мотивы имъ самимъ всего менѣе известны, по крайней мѣрѣ, мотивы истинные и дѣйствительные), но въ данномъ случаѣ В. В. Стасовъ указалъ даже поводъ къ началу его работы. Это была выставка русско-славянскихъ рукописей въ Публичной библіотекѣ, устроенная въ 1856 году. Очевидно, и устроители выставки, и собравшіеся около нея ученые всѣ въ унисонъ твердили о заимствованіяхъ, о вліяніяхъ; и, дѣйствительно, въ началѣ 60-хъ годовъ минувшаго вѣка, когда только что начали разбираться въ этомъ богатомъ археологическомъ матеріалѣ, были слѣданы лишь эти первые наблюденія. Въ результатъ такихъ наблюденій бросается въ глаза и удерживается въ памяти прежде всего сходство (различіе же — вопросъ тонкій, доступный только глубокому продолжительному знанію, опыту сравненія и сличенія), а потому при всякомъ обитіи мыслей повто-

рлся этотъ вопросъ о „вліяніяхъ“, это завѣтное общее мѣсто для начинающихъ археологовъ. И вотъ въ результатъ словесныхъ преній, на которыя былъ покойный Владиміръ Васильевичъ столь, какъ извѣстно, падохъ, онъ рѣшился предпринять колоссальный по своей мелочности, непреборимымъ трудностямъ, трудъ, стоившій ему неустанной работы 27 лѣтъ. Правда, Владиміръ Васильевичъ ничего не доказалъ въ концѣ концовъ,—даже, скажемъ прямо, ничего не пытался доказать и, какъ извѣстно, все это громадное предпріятіе, этотъ громадный альбомъ, созданный съ невѣроятнымъ самопожертвованіемъ, остался безъ текста. Этотъ трудъ есть воплощеніе всей личности В. В. Стасова, всего его характера и его идеаловъ. Вся задача его здѣсь была непрестанно въ томъ, чтобы взять вопросъ какъ можно шире, чтобы какъ можно болѣе раздвинуть рамки, охвативъ въ своемъ изслѣдованіи всѣ горизонты обширнаго, разбросавшагося, разрозненнаго, разсѣяннаго и раздѣленнаго славянскаго племени. В. В. Стасовъ предпринималъ съ 1862 по 1881 годъ рядъ путешествій для обзорнія и работы въ различныхъ библіотекахъ. Онъ работалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Оксфордѣ, Берлинѣ, Бѣлградѣ, Прагѣ, въ Венеціи, Римѣ, Болоньѣ, Флоренціи и Мадридѣ. Большинство изданныхъ имъ рисунковъ, орнаментовъ и инициаловъ скопированы съ оригинала имъ самимъ и изданы съ такою точностью, которую только допускала хромоляитографія (цвѣтныя, механическія воспроизведенія фотографіею въ то время еще не были извѣстны), и въ данномъ дѣлѣ мелкая аккуратность покойнаго, его скрупулезная точность сослужили ему большую службу, давъ ему возможность выполнить работу, которая была бы по силамъ только цѣлой коллегіи ученыхъ. Въ этомъ альбомѣ представлены снимки съ рукописей болгарскихъ, сербскихъ, герцеговинскихъ, черногорскихъ, румынскихъ, молдавлахійскихъ и самыхъ разнообразныхъ русскихъ, а затѣмъ для сравненія орнаменты и рукописи византийскихъ, сирійскихъ, арабскихъ, коптскихъ, эіопскихъ, армянскихъ и грузинскихъ. Весьма основательная и существенная критика была предъявлена къ этому изданію со стороны именно русскаго орнамента и его видовъ или подраздѣленій академиками А. И. Соболевскимъ и И. В. Ягичемъ. Оказывалось, что для наиболѣе интересныхъ памятниковъ письма, именно *русскихъ*, не такъ-то легко было распредѣлять ихъ по отдѣламъ: южно-русскому (Кіевъ, Галичь, Волинь, Черниговъ), сѣверно-русскому (Новгородъ, Псковъ), восточно-русскому (Ростовъ, Суздаль, Рязань и пр.), западно-русскому и средне-русскому (Москва, Нижній и пр.).

Ограждая ученую славу покойнаго, слѣдуетъ здѣсь упомянуть, что и въ данномъ вопросѣ его промахи и ошибки относились къ чуждой ему сферѣ и были вызваны крайними трудностями дѣла, въ которомъ едва начинаютъ разбираться сами специалисты.

Лично мнѣ остается совершенно неизвѣстнымъ, найдется ли среди бумагъ покойнаго какой-либо текстъ или хотя бы матеріалъ для составленія текста къ альбому орнаментовъ. Я могу засвидѣтельствовать только то, что покойный постоянно говорилъ объ этомъ текстѣ, выражалъ желаніе бросить всѣ остальные, отвлекавшія его отъ этой главной его задачи, литературныя, обыкновенно срочныя, работы, чтобы предаться, какъ онъ выражался, одному этому дѣлу. Повидимому, задача эта такъ и осталась только желаніемъ его, да и мы сами, упрасивая его написать этотъ текстъ, не вѣрили въ его осуществленіе и, главное, можно въ этомъ открыто признаться, такъ какъ это ничуть не умаляетъ уваженія къ памяти покойнаго, никогда не вѣрили, чтобы В. В. Стасовъ могъ исполнить эту задачу на уровнѣ современныхъ научныхъ требованій. Возможно, что и самъ В. В. Стасовъ, со своей обычной тонкостью, понималъ послѣднее. Въ самомъ дѣлѣ, трудность этого обширнаго дѣла заключается въ томъ, что эта задача можетъ быть разрѣшена лишь на послѣднемъ планѣ ряда научныхъ задачъ, нынѣ предпринимаемыхъ съ такими усиліями русскою и западно-европейскою археологіею. Въ самомъ дѣлѣ, кратко говоря, прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи исторически сравнивать между собою орнаментацию рукописей, надо, чтобы была сколько-нибудь научно построена археологія бытовыхъ, религіозныхъ и государственныхъ древностей Европы въ средне-вѣковомъ періодѣ. Дѣло едва начатое. Достаточно указать, наиримѣръ, что для настоящей постановки вопроса о такъ называемомъ звѣриномъ или зооморфическомъ орнаментѣ въ рукописяхъ, необходимо достигнуть сперва научной постановки исторіи звѣринаго стиля въ средне-вѣковыхъ древностяхъ вообще,—задачи необыкновенно сложной и прямо громадной по своему объему, такъ какъ дѣло касается не только варварскихъ древностей Средней Азіи и Сибири, Европейской Россіи, Венгрии и Балканскаго полуострова и, такъ называемаго, скандинавскаго стиля, но также обширной полосы романскаго стиля, идущей изъ Греціи черезъ славянскія страны въ Тироль, Швейцарію, Италію и Испанію и восходящей затѣмъ на сѣверъ до Суздальскаго края.

Инициатива изученія русскаго народнаго творчества въ ткацкомъ и вышивномъ мастерствѣ составляетъ историческую заслугу В. В.

Стасова, которому принадлежит какъ одно изъ первыхъ собраній издѣлій этого мастерства, сдѣланное при томъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ, такъ и изданіе въ свѣтъ сборника рисунковъ по этому виду издѣлій. Въ 1872 году въ изданіи Общества поощренія художниковъ подъ заглавіемъ „Русскій народный орнаментъ“ появился первый выпускъ: „Шитье, ткани и кружева“ съ объяснительнымъ текстомъ В. В. Стасова на русскомъ и французскомъ языкахъ съ атласомъ 75 таблицъ. Изданіе это обратило на себя вниманіе всѣхъ специалистовъ, знатоковъ и цѣнителей, но не разбудило холоднаго равнодушія русской интеллигентной публики и осталось до послѣдняго времени нераспроданнымъ. Русское исконное, ни къ чему не любопытное невѣжество являлось основнымъ препятствіемъ и во всѣхъ предпріятіяхъ подобнаго рода, задерживая и обезсиливая всякую попытку внести въ русское интеллигентное общество духовные, національные интересы. Послѣ блестящаго начала, положеннаго В. В. Стасовымъ по общему предмету ознакомленія русской публики съ различными видами народнаго художественнаго мастерства, мы знаемъ четыре-пять небольшихъ или начатыхъ изданій и сборниковъ орнаментовъ, каталоги и указатели по громаднымъ собраніямъ, и лишь въ самое послѣднее время налаживаются и появляются крупныя предпріятія, которыхъ литературная судьба еще въ будущемъ. Но по самому мастерству тканей и вышивокъ, кромѣ изданія узоровъ стариннаго шитья на головныхъ уборахъ Тамбовской губерніи Шатскаго уѣзда да еще средне-азиатскаго орнамента въ Нагорной Бухарѣ, и изданія образцовъ малорусскаго народнаго шитья—нельзя было бы указать ничего капитальнаго. Самое изданіе В. В. Стасова остановилось на первомъ выпускѣ, а послѣдующіе выпуски, долженствовавшіе быть посвященными рѣзбѣ на деревѣ и кости и стариннымъ народнымъ производствамъ: металлическому, гончарному, эмальерному, стеклянному и проч., не состоялись. Такимъ образомъ, до того времени, когда будетъ опубликовано давно обѣщанное изслѣдованіе коллекціи пок. Шабельской, монографія В. В. Стасова остается пока послѣднимъ словомъ, и ея тезисы являются современною стадіею, на которой все еще находится наше научное пониманіе русскаго народнаго мастерства. „Изученіе памятниковъ русскаго народнаго творчества, —говоритъ В. В. Стасовъ въ своемъ введеніи, —приводитъ къ заключенію, что въ вышивкахъ и тканяхъ по холсту уцѣлѣли самыя многочисленныя, самыя оригинальныя, самыя характерныя и самыя значительныя остатки національнаго русскаго художества. На полотенцахъ, простыняхъ, наволокахъ, рубахахъ, передни-

кахъ, женскихъ головныхъ уборахъ и т. д., т. е. вообще на предметахъ самаго постоянного и общераспространеннаго употребленія, на предметахъ, можно сказать, почти не покидавшихъ древне-русскаго человѣка съ утра и до вечера, съ вечера и до утра, дома въ избѣ и на работахъ въ полѣ, въ будни и въ праздники, присутствовавшихъ при обрядахъ начала и конца жизни каждаго, при свадьбахъ и торжествахъ, — однимъ словомъ, всегда и вездѣ — на этихъ предметахъ ярко обозначились и художественные вкусы и религіозныя представленія, и весь наивный складъ фантазіи комбинирующихъ соображеній, остроумныхъ расчетовъ, прилаживанія и ловкаго сплоченія разнообразныхъ составныхъ частей“. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторое преувеличеніе значенія и роли этого народнаго творчества, укажемъ только на опредѣленіе художественной сущности этихъ издѣлій. По словамъ В. В. Стасова въ этихъ предметахъ ярко обозначились и художественные вкусы русскаго народа, и его религіозныя представленія, и наивный складъ его фантазіи, выразившійся въ замѣчательно ловкой композиціи самыхъ разнообразныхъ составныхъ частей. Казалось бы, съ самаго начала слѣдовало, съ точки зрѣнія историка, спросить: производимые русскимъ мастерствомъ рисунки принадлежать ли русскому народу? По этимъ вопросамъ В. В. Стасовъ занимается уже на второмъ мѣстѣ, а на первомъ его исключительно занимаетъ то, что своеобразныя формы „и красота русскаго орнамента обратили, наконецъ, на него то всеобщее вниманіе, въ которомъ ему такъ долго отказывали“ и что въ самой Европѣ „начинають уже цѣнить и любить изящныя и оригинальныя особенности русскаго національнаго орнамента. Любопытная и тонкая игра линий, художественная композиція, гармонія красокъ и равновѣсіе рисунковъ и тоновъ, отличающіе орнаментами сѣверной, восточной и средней Россіи и нѣкоторыхъ мѣстностей Западнаго Края (Смоленской, Витебской и Гродненской губерній), могутъ служить, по его словамъ, драгоценнымъ руководствомъ и совѣтомъ современному русскому художнику, когда онъ пожелаетъ творить въ области и въ характерѣ національнаго искусства. Главнымъ предметомъ восхищенія для В. В. Стасова была композиція узоровъ: какъ первые сочинители узора ставили всегда напередъ главную среднюю фигуру, или главный рядъ фигуръ и затѣмъ заполняли всѣ промежутки формами, имѣвшими второстепенное значеніе, но соответствовавшими сюжету и мастерски размѣщенными на данномъ пространствѣ. Такимъ образомъ интересъ содержанія и эстетическія достоинства вышивокъ являются главными

мотивами, увлекающими автора къ дѣлу разсмотрѣнія этого матеріала въ систематическомъ изслѣдованіи. Главный видъ предметовъ русскаго народнаго быта, покрываемыхъ этими узорами, составляютъ полотенца; за ними слѣдуютъ: простыни, пологи, ширинки, передники, головные уборы и разные предметы. Всѣ эти узоры сводятся къ одной опредѣленной системѣ, чрезвычайно стильной и характерной. В. В. Стасовъ подводитъ всю эту систему къ нѣсколькимъ способамъ, входя въ сложныя подробности. Но, главнымъ образомъ, останавливается на вопросѣ, какъ онъ говоритъ, „величайшей важности“—о происхожденіи этихъ узоровъ, доказывая, что главные и характерныя фигуры русскихъ вышивокъ сходны съ орнаментами и заглавными буквами нашихъ рукописей XIII и XIV столѣтій. Таковы: двуглавая птицы, пары птицъ по сторонамъ, деревья и растенія, фантастическія змѣи подъ деревьями, филины, грифы, львы, человѣческія фигуры, держащія птицъ и животныхъ,—всѣ эти формы, по мнѣнію В. В. Стасова, находятъ себѣ прототипы въ нашихъ памятникахъ древнѣйшей эпохи и въ орнаментахъ рукописей. Послѣ такого хронологическаго приуроченія слѣдуетъ этнографическое ихъ опредѣленіе. Наши узоры, по словамъ В. В. Стасова, имѣютъ родство съ узорами финскими (мордовскими, черемисскими, чувашскими, вотяцкими): геометрическія фигуры, линіи, крестики, зигзаги, ромбы, спирали, рѣшетки и подобныя же фигуры со звѣздами; далѣе наблюдается родство русскихъ вышивокъ съ персидскими узорами въ формѣ: геометрическихъ фигуръ, деревьевъ, животныхъ, звѣздъ, цвѣтовъ. Близжайшими прототипами деревьевъ, изображенныхъ на нашихъ полотенцахъ, В. В. Стасовъ считаетъ сассанидскіе памятники, равно какъ большинство животныхъ: львовъ, грифовъ и птицъ онъ находитъ на персидскихъ и арабскихъ матеріяхъ и потому, по его убѣжденію, заимствование произошло прямо изъ Персіи, задолго до сближенія древней Руси съ Византіею. Такимъ образомъ должны быть объясняемы многія орнаментальныя сцены съ человѣческими фигурами, а равно изображенія алтарей, огня, священныя деревьевъ. Въ этихъ фигурахъ, говоритъ В. В. Стасовъ, у насъ передъ глазами находятся идолы, люди стоятъ по сторонамъ этихъ идоловъ, держа вѣтви, цвѣты, птицы, жертвенные сосуды, ведра и проч. И вотъ, въ подтвержденіе такого взгляда, В. В. Стасовъ приводитъ рядъ памятниковъ для сравненія и доказательства, что въ нашихъ вышитыхъ узорахъ наблюдаются самыя разнообразныя вліянія чужеземнаго искусства: арабскаго, персидскаго, буддійскаго, но въ результатъ этихъ сравненій вдругъ получается совершенно противорѣчивый выводъ (стр. 19):

„Незамѣтно также, чтобы къ многочисленнымъ заимствованиямъ и копіямъ великоруссы прибавили какіе-нибудь свои собственные, самостоятельные, вновь созданные элементы и изображенія. Напротивъ, мы вездѣ замѣчаемъ только работу сокращенія и упрощенія. Сверхъ того работа грубаго искаженія и постепеннаго затерянія первоначальныхъ мотивовъ заходила порою такъ далеко, что иногда трудно ихъ отгадать“. Тѣмъ не менѣе, В. В. Стасовъ не сомнѣвается, что при будущемъ, болѣе полномъ изученіи древнѣйшей русской исторіи и мифологіи, узоры сѣверной полосы представятъ въ огромномъ количествѣ примѣровъ изображенія древняго славянскаго богослуженія (въ особенности поклоненіе деревьямъ) и праздниковъ русальныхъ.

.. Чтобы представить полную и всестороннюю критику всѣхъ этихъ взглядовъ, потребовался бы прежде всего разборъ всѣхъ фактовъ и всего того сравнительнаго матеріала, который привлеченъ сюда В. В. Стасовымъ, а, въ концѣ концовъ, можно было бы дать новую, болѣе научную, постановку всего вопроса на исторической почвѣ. Но такъ какъ ничего подобнаго при настоящихъ условіяхъ некролога сдѣлать нельзя (а мы рассчитываемъ сдѣлать это въ ближайшемъ будущемъ въ своемъ мѣстѣ), то приходится ограничиться чисто логическими соображеніями по данному вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, теорія, предлагаемая покойнымъ, отличается крайнею неопредѣленностью, точнѣе — недосказанностью. Все время рѣчь идетъ о составныхъ элементахъ русскихъ узоровъ, но, если бы даже было безусловно доказано ихъ арабское, сасанидское, финское происхожденіе, то не обязательно ли спросить, какииъ образомъ всѣ эти элементы появились на русскихъ полотенцахъ? Еще, можетъ быть, можно придти къ заключенію, что русскія деревенскія бабы и дѣвочки въ своихъ вышивкахъ могли пользоваться финскими же вышивками; но, спрашивается, откуда онѣ могли бы почерпнуть образцы арабскіе и персидскіе? Отвѣта нѣтъ и не будетъ по той простой причинѣ, что не можетъ быть. Очевидно, постановка дѣла грѣшитъ въ самомъ основаніи, и прежде, чѣмъ говорить объ элементахъ, вліяніи, заимствованіи, надо было рѣшить вопросъ, наши полотенца представляютъ ли копію какихъ-либо чужеземныхъ полотенецъ, и искать такіа полотенеца или вышивки или ткани въ искусствѣ сосѣднихъ, или исторически близкихъ національностей. Со временемъ мы будемъ имѣть случай доказать, что дѣйствительно дѣло оказывается очень простымъ, т. е. что русскія полотенца копируютъ, начиная съ древнѣйшей эпохи Кіевской Руси, образцы византийскіе и арабскіе, а русскія ширинки и передники являются копіями въ болѣе простомъ матеріалѣ съ до-

рогихъ тканей и шитья греко-восточнаго. Когда это будетъ помѣ-
зано, вопросъ разрѣшится, конечно, самъ собою; но и въ настоя-
щее время легко было бы придти къ опредѣленному выводу, что въ
народномъ искусствѣ не можетъ быть заимствованія элементовъ или
отдѣльныхъ рисунковъ и орнаментовъ, а есть только копировка, или
воспроизведеніе лучшихъ вносимыхъ образцовъ въ цѣломъ ихъ видѣ,
въ формѣ бытового, обиходнаго предмета. Тогда и самый вопросъ о
религіозномъ значеніи изображеній на русскихъ полотенцахъ отодви-
гается въ сторону и можетъ быть поставленъ только послѣ того,
какъ будетъ разобрано ихъ декоративное значеніе. Самое сравненіе
стилей не можетъ играть роли въ дѣлѣ происхожденія предметовъ:
въ русскихъ полотенцахъ могутъ быть всякія подробности, возникшія
въ произведеніяхъ стиля сасанидскаго, но черезъ это еще не можетъ
быть установлено научной исторической связи сасанидскаго стиля съ
русскимъ народнымъ искусствомъ. Очевидно, всѣ эти рисунки должны
быть еще изучены въ средѣ греко-восточнаго искусства VII—XII вѣ-
ковъ, которое является промежуточнымъ періодомъ между сасанид-
скимъ и русскимъ и которое должно быть изучено предварительно
во всѣхъ своихъ деталяхъ, прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи
говорить о русскихъ формахъ. Такъ, напримѣръ, два льва по сторо-
намъ растенія составляютъ сасанидскую художественную тему, но
она перешла въ византійскій стиль и въ немъ была измѣнена. Надо
опредѣлять, какое измѣненіе въ этомъ стилѣ она получила для того,
чтобы быть въ состояніи сказать, каковаго рода перемѣны, искаженія
произошли съ нею на нашихъ полотенцахъ. В. В. Стасовъ остано-
вился, стало быть, на первой стадіи: онъ бралъ схему сасанидскаго
или арабскаго рисунка, находилъ ее въ русскомъ полотенцѣ и, видя
упрощеніе или искаженіе древнихъ формъ, самъ приходилъ къ вы-
воду, что здѣсь русской художественной работы нѣтъ. Не говоря
уже о противорѣчій съ самимъ собою, онъ, такимъ образомъ, забы-
валъ главную художественную дѣятельность этого производства въ
композиціи, предполагаемую имъ ранѣе.

И все-таки небольшой текстъ В. В. Стасова всегда останется вла-
домъ въ исторію народнаго искусства и русскую археологію, а въ свое
время онъ настолько будилъ интересъ къ археологіи, къ собранію,
что, не будучи вполне научнымъ, разработаннымъ трудомъ, прино-
силъ высшую пользу жизненностью постановки и взглядовъ, которая
въ исторіи предмета дороже иныхъ полновѣсныхъ трактатовъ.

Даже простой перечень археологическихъ сочиненій и статей В. В.

Стасова, хотя бы только самыхъ крупныхъ, представляетъ замѣчательное разнообразіе. Начавши свою научно-археологическую дѣятельность съ мелкихъ замѣтокъ, правда, стоившихъ ему не мало работы, поѣздокъ и поисковъ по бібліотекамъ, о голосникахъ въ новгородскихъ и псковскихъ церквахъ, крестахъ и различныхъ предметахъ русской древности и старины, В. В. Стасовъ рано покинулъ эту область смѣси въ археологическихъ изданіяхъ и уже съ начала 60-хъ годовъ сталъ останавливаться исключительно на предметахъ значительныхъ и вопросахъ, дѣйствительно крупныхъ, такъ что всякая его монографія представляетъ отнынѣ замѣтное явленіе въ археологической литературѣ. Такова, на примѣръ, его *монографія о Владимірскомъ кладѣ*, появившаяся въ видѣ маленькой замѣтки, но утвердившая разомъ „необыкновенно важное значеніе древнихъ предметовъ велико-княжескаго облаченія, найденныхъ во Владимірѣ въ концѣ 1865 года“. Мы уже имѣли случай указать, какъ вѣрно было угадано въ этомъ замѣчательномъ трактатѣ историческое значеніе „русскихъ кладовъ“ до-монгольскаго періода, между тѣмъ, какъ русская археологія вообще и курганная въ частности еще долгое время держалась отрицательнаго взгляда на это значеніе. Еще болѣе замѣчательно было изслѣдованіе *катакомбы съ фресками*, найденной въ 1872 году близъ Керчи и съ того времени слывущей, въ устахъ археологовъ, подъ именемъ „Стасовской“ катакомбы. И здѣсь былъ интересъ новаго рода. Достаточно указать хотя бы на то болѣе или менѣе равнодушное отношеніе къ фресковымъ росписямъ керченскихъ катакомбъ, которое отчасти было причиною гибели нѣкоторыхъ изъ нихъ, временной утраты другихъ и отсутствія какой-либо научной публикаціи этихъ росписей вообще. Положимъ, само содержаніе фресокъ, открытыхъ въ 1872 году, говорило, такъ сказать, само за себя и заинтересовало всѣ кружки и центры; но и въ данномъ случаѣ энтузіазмъ, проявленный В. В. Стасовымъ къ новому замѣчательному памятнику древности, а главное, къ изображеніямъ скиескихъ временъ, много способствовалъ дѣлу научнаго изданія этихъ фресокъ. В. В. Стасовъ самъ поѣхалъ въ іюль 1873 года въ Керчь для того, чтобы сравнить изготовленные рисунки на мѣстѣ, возстановить или исправить малѣйшія отступленія послѣ тщательной провѣрки, просмотрѣть и свѣрить всѣ рисунки, уменьшенные съ большихъ рисунковъ художника Гросса. Мы не будемъ анализировать въ подробности содержаніе стасовскаго трактата, сдѣланнаго съ большою тщательностью, въ особенности въ вопросахъ о различныхъ деталяхъ изображенія быта, костюмовъ, орна-

ментаций, и уважемъ только на горячее желаніе В. В. Стасова, въ этой статьѣ заявленное, сохранить эти фрески для потомства. Какъ хорошо было бы, мечталъ В. В. Стасовъ, не оставлять на произволь судьбы этотъ капитальный историческій документъ, эту краснорѣчивую страницу лѣтописей въ Керченской пустынѣ. В. В. Стасовъ опасался и праздныхъ прохожихъ и жадныхъ искателей кладовъ, которые будутъ портить или даже уничтожать драгоценныя фрески. Опасенія его болѣе, нежели оправдались, хотя совсѣмъ въ иномъ видѣ. Чтобы охранить катакомбу отъ порчи руками праздныхъ посѣтителей, входъ въ катакомбу присыпали землей; но ее посѣтили затѣмъ не люди, а воды и, заливши, испортили драгоценныя фрески. Нельзя не упомянуть добрымъ словомъ родительское попеченіе В. В. Стасова объ этомъ памятникѣ, не прекратившееся до конца. Онъ до послѣднихъ дней своихъ продолжалъ выражать желаніе, чтобы важнѣйшія фрески этой катакомбы были выпилены изъ горы, закрѣплены гипсомъ и перевезены въ Петербургъ для постановки въ особой копіи съ этой катакомбы въ одномъ изъ нашихъ государственныхъ музеевъ. Желаніе это, такъ и оставшееся мечтою, врядъ ли могло быть исполнено, такъ какъ самая почва холмовъ, въ которыхъ высѣчены катакомбы, не камень, и слишкомъ хрупка для того, чтобы быть выпиливаемой пластами, а самый слой наброшенной на нее у росписанной фресками штукатурки, очень тонокъ, плохо укрѣпленъ и долженъ рассыпаться при первомъ прикосновеніи.

Было бы трудно прослѣдить ходъ мыслей покойнаго писателя, приведпій его, столь усердно и неустанно говорившаго о самобытности и своеобразности русскаго народа, къ его пресловутому опыту выведенія русскихъ былинъ съ востока. Это такая своеобразная наутина, для разбора нитей которой, прежде всего, понадобилось бы время и особое мѣсто. Достаточно сказать, что главную роль въ этомъ крупномъ недоразумѣніи покойнаго писателя играло его пристрастіе къ востоку и завѣтное желаніе сказать новое слово въ исторической наукѣ. Достаточно посмотреть, однако, это сочиненіе, напечатанное въ 1868 году въ *Вѣстникѣ Европы* и представленное (на мѣренно), какъ вызовъ на бой, въ Академію наукъ на соисканіе Уваровской преміи, чтобы понять, какого большого труда стоила эта работа ея автору, въ особенности, если сообразить, что къ значительной части этой литературы авторъ прикоснулся въ первый разъ и что многое въ его источникахъ оставалось ему неяснымъ. Всѣмъ извѣстно, какія рѣзкія возраженія вызвалъ этотъ трактатъ въ средѣ компетент-

ныхъ знатоковъ и профессиональныхъ специалистовъ и какая страстная, патристически настроенная, полемика примѣшалась въ этомъ случаѣ къ ученому вопросу, тѣмъ болѣе, что побѣда надъ авторомъ противникамъ, по существу, была очень легкою. Сообразно со своими литературными привычками, долго не уступалъ В. В. Стасовъ такимъ знатокамъ дѣла, какъ покойный академикъ Буслаевъ, О. Миллеръ, оставляя за собою послѣднее слово, ловя своихъ противниковъ на мелкихъ неточностяхъ и пытаясь весь историческій вопросъ перевести на обще-литературную почву, на которой онъ могъ бы, что называется, заговорить противниковъ. Съ той поры прошло почти сорокъ лѣтъ, и хотя никто (врядъ ли и была въ томъ надобность) не подвергъ труда В. В. Стасова всестороннему научному разбору, однако же время, всеильное даже въ рѣшеніи вопросовъ научныхъ, само сдѣлало для истины все главное, что здѣсь требовалось. Всѣ восемь отрицательныхъ выводовъ В. В. Стасова оказались исторически неточными, или прямо ненаучными: русскія былины по прежнему сохраняютъ за собою право называться былинами, по старому заключаютъ въ себѣ коренной основѣ своей много русскаго, продолжаютъ давать характеристику начальныхъ временъ русской земли и пр. и пр. Напротивъ того, положительные выводы Стасова, указывающіе въ былинахъ, въ особенности со стороны бытовыхъ деталей, близкое знакомство русскаго племени съ бытомъ или, по крайней мѣрѣ, съ поэтическими сказаніями восточныхъ народовъ, сосѣдившихъ съ Русью, вполне отвѣчаютъ нашимъ современнымъ научнымъ взглядамъ и стоятъ на томъ самомъ пути, по которому направляются научныя изслѣдованія. Даже послѣ рѣзкихъ отзывовъ профессора Буслаева, говорившаго о неподходящей точкѣ зрѣнія на факты, о ненаучномъ способѣ обращенія В. В. Стасова съ фактами, о насильственномъ приравненіи былинъ къ восточнымъ сказаніямъ, о всякаго рода ухищренныхъ натяжкахъ, о произвольныхъ сравненіяхъ, послѣ такого научнаго осужденія, произнесеннаго гласно, несравненно сильнѣе было общее молчаливое отрицаніе за трактатомъ В. В. Стасова какого-либо научнаго значенія. Несомнѣнно, что и въ данномъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ сужденій о научномъ значеніи отдѣльныхъ трудовъ, такое молчаливое отрицаніе вызывалось своего рода поднятымъ шумомъ, а также и скороспѣлыми выводами, на основаніи сходства нѣкоторыхъ былинъ съ восточными сравненіями, которыми, напримѣръ, сразу рѣшалось дѣло тѣмъ, что богатырь Добрыня есть русское превращеніе индійскаго бога Кришны, что наши „калины переходячія“ скопиро-

ваны со странствующихъ браминновъ, что ихъ сумы дорожныя должны бы быть не сумками, но горшками брахмановъ, что даже ихъ гуни путевые суть одежды буддійскихъ монаховъ. Еще болѣе того всѣмъ чувствовалось и сознавалось, даже помимо всякаго научнаго разбора, что, если въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ сказывается многое, что на самомъ дѣлѣ составляетъ reminiscenціи изъ восточныхъ сказовъ, все же, какъ поэтическій образъ, Илья является чисто русскимъ народнымъ типомъ и, пожалуй, идеаломъ.

Если въ былинахъ объ Ильѣ разсыпано много свидѣтельствъ о грубыхъ насиліяхъ и жестокихъ правахъ старины, мы все же въ правѣ видѣть и въ Ильѣ и въ Добрынѣ высокія нравственныя черты, а въ самихъ народныхъ воззрѣніяхъ извѣстнаго рода идеализмъ. Неудача взятой В. В. Стасовымъ громкой темы, обозначившаяся совершенно ясно по прошествіи извѣстнаго времени, дѣйствовала на него угнетающимъ образомъ и задерживала его научныя работы въ томъ же кругѣ указанныхъ идей о заимствованіи первообразовъ изъ восточнаго источника, хотя впоследствии В. В. Стасовъ приступалъ уже къ подобнымъ темамъ съ большою осторожностью и сосредоточивался главнымъ образомъ на бытовыхъ вліяніяхъ востока. Эта послѣдняя тема оставалась для него животрепещущей въ теченіе всей его жизни, и онъ готовъ былъ слушать и воспринимать всякаго рода указанія въ этомъ кругѣ идей и фактовъ: Можно искренно сожалѣть, что его замѣчательное усердіе, обнаруженное въ подбораніи самыхъ мелочныхъ деталей, не нашло себѣ надлежащаго примѣненія въ крупной научной работѣ. Взаимнѣя того, В. В. Стасовъ постоянно возвращался къ этой темѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Такова, напримѣръ, его любопытная монографія о „серебряномъ восточномъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа“ (напечатана въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* за 1904 годъ), съ изображеніями Распятія, Воскресенія и Вознесенія и сирійскими надписями. Дополняя, а также исправляя изслѣдованіе блюда, сдѣланное Л. И. Смирновымъ, В. В. Стасовъ совершенно вѣрно указалъ на нѣсколько любопытныхъ бытовыхъ деталей восточнаго характера, не замѣченныхъ или не понятыхъ изслѣдователемъ. Но съ другой стороны, онъ самъ впалъ въ явные ошибки, отнеся эрмитажное блюдо къ XIII—XIV столѣтіямъ по Р. Хр., заподозривъ даже для этого древность сирійскаго Евангелія 586 года и послѣдовавъ грубой опибкѣ Кроу и Кавальказелле. Въ данномъ случаѣ сказывалась недостаточность восточной эрудиціи покойнаго, а также и нѣкоторое чисто любительское отношеніе къ археологіи христіанскаго искусства.

Исканіе восточнаго вліянія въ русскомъ бытѣ, костюмахъ, вооруженіи и обычаяхъ стало, такимъ образомъ, для В. В. Стасова своего рода манією, которая, однако, дала рядъ прекрасныхъ трактатовъ, замѣтокъ и статей въ самой разнообразной формѣ, монографій, сборниковъ, рецензій и т. д. Благодаря ему, нынѣ можно считать окончаннымъ всякое фантазированіе на тему о руссахъ, описываемыхъ Ибнъ Фодланомъ. В. В. Стасовъ и покойный графъ А. С. Уваровъ окончательно доказали, что эти руссы никакъ не русскіе и не славяне и не варяги, а какой-то тюркскій народъ, жившій на Волгѣ въ со- сѣдствѣ болгаръ. Не мало драгоцѣнныхъ соображеній и указаній, важныхъ для познанія славяно-русской древности, разсыпано и въ одномъ изъ недавнихъ сочиненій В. В. Стасова: *Миниатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джипатийскихъ и персидскихъ*. Здѣсь, съ замѣчательнымъ остроуміемъ въ двухъ профессиональных палачахъ, избивающихъ мучениковъ, В. В. Стасовъ угадалъ болгаръ, представленныхъ въ зимнемъ и лѣтнемъ нарядѣ: весьма характерно, что козухъ, надѣтый однимъ по голому тѣлу, имѣетъ какъ разъ рядъ петлицъ на груди, украшавшихъ нѣкогда костюмы словаковъ, поляковъ, венгровъ и русскихъ. Столь же любопытны указанія на детали изображеній въ Манассиной лѣтописи.

Но несравненно болѣе значительную роль игралъ В. В. Стасовъ, какъ художественный критикъ, въ качествѣ котораго онъ былъ почти исключительно извѣстенъ широкой русской публикѣ, состоя въ своемъ родѣ присяжнымъ оцѣнщикомъ художественныхъ произведеній русскаго искусства въ теченіе 60 лѣтъ безъ малаго. Первые критическія письма В. В. Стасова о послѣднихъ произведеніяхъ Карла Брюллова были напечатаны въ 1847 году, а послѣднія незадолго до кончины. Критическими статьями, замѣтками, обзорными за 25 лѣтъ русскаго искусства, за все XIX-е столѣтіе—искусства обще-европейскаго, а главное отчетами о выставкахъ и біографіями художниковъ, выполнено не менѣе двухъ томовъ полнаго собранія его сочиненій. Ни пересказать, хотя бы вкратцѣ, содержаніе всѣхъ этихъ статей, ни перечислить имена прославлявшихся имъ мастеровъ, ни резюмировать разнообразность всегда жаркой полемики—не представляется возможнымъ въ импектологѣ. Разборъ всего этого матеріала будетъ, конечно, когда-нибудь сдѣланъ болѣе опытной рукой и, главное, по всестороннимъ матеріаламъ: для освѣщенія многихъ статей покойнаго необходимо пересмотрѣть его обширную корреспонденцію, заботливо имъ сохраненную и переданную въ здѣшнюю публичную бібліотеку. Еще менѣе

возможно было бы въ настоящее время изъ всего этого материала извлечь сразу историческій процессъ хода мыслей и сложениа взглядовъ покойнаго на искусство. Достаточно здѣсь въ похвалу ему сказать, что взгляды эти были неизмѣнно послѣдовательны, а чувства его и отношенія искренни и неподлушны. Если онъ, еще молодымъ человѣкомъ, восхищался Брюлловымъ, то и впоследствии, когда онъ того же Карла Брюллова порицалъ за дурное изображеніе послѣднихъ дней Помпея, онъ всегда восхвалялъ его, какъ первокласснаго портретиста и талантливаго художника. Какъ съ самаго начала В. В. Стасовъ принялъ горячее участіе въ переломѣ искусства, совершившемся на протяженіи сороковыхъ—шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, какъ поклонникъ реализма и національности (всего характернаго), такъ и до послѣднихъ дней своихъ онъ, какъ критикъ, всегда оставался въ тѣснѣйшей связи съ группою передвижниковъ и всегда являлся открытымъ врагомъ академической школьной рутинны и принятыхъ формулъ. Ограничился только напоминаніемъ того, какъ много сдѣлалъ В. В. Стасовъ для нашего общественнаго пониманія, выдвигая на первый планъ работы передвижниковъ, разъясняя, истолковывая большой публикѣ ихъ содержаніе, увлекая живымъ словомъ своихъ отчетовъ къ спорамъ и художественнымъ бесѣдамъ, рождая жизнь тамъ, гдѣ до него, надо прямо говорить, ее вовсе не было. Статьи и замѣтки В. В. Стасова написаны такимъ живымъ слогомъ, что даже теперь, когда уже нѣтъ этихъ всемірныхъ выставокъ, когда убраны эти, интересовавшія всѣхъ, русскія картины, или покоятся въ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ, эти статьи читаются, въ своемъ родѣ, какъ художественныя картинки съ натуры, какъ талантливые фельетоны давно минувшаго времени. Вотъ, на примѣръ, ему хочется дать своимъ читателямъ живое понятіе о томъ, какъ небрежно, я бы сказалъ, шаршаво, устроенъ русскій отдѣлъ на всемірной выставкѣ, и онъ помѣщаетъ цѣлый разсказъ о наивныхъ хлопотахъ Ивана Ивановича съ Петромъ Петровичемъ. „У другихъ націй, говорятъ Стасовъ,—сборы на выставку—праздникъ, у насъ скорѣе они похожи на похороны. Заграницей—голосъ свободныхъ, прѣвзящихъ себя художниковъ, здѣсь—тоскливые пересуды слугъ, ждущихъ барскаго суда“. Понятно, какъ В. В. Стасову, талантливѣйшему борцу за русское самобытное искусство, было горько всегда и всюду при видѣ нашего неумѣнья, излишнихъ претензій, нашего самодурства и нашей неумытости. За то никого не радовали болѣе наши успѣхи, будь то новая картина Рѣпина, или даже небольшая статуетка и акварельный набросокъ. Исторія рус-

скаго искусства останется всегда связанной съ именемъ В. В. Стасова. Нечего говорить затѣмъ, какое бодрящее, живое настроеніе производили всѣ статьи В. В. Стасова въ самой средѣ художниковъ, какъ бы обездоленной съ того времени, когда онъ пересталъ писать свои замѣтки и критическія обзорѣнія. Обзорѣвая движеніе архитектуры, правда, по преимуществу на западѣ, онъ, въ цѣломъ рядѣ краснорѣчивыхъ писемъ съ выставокъ, восхищался новой архитектурой изъ желѣза и стекла. Мы теперь знаемъ, конечно, какъ быстро выродилась эта такъ называемая „архитектура“ сейчасъ же послѣ хрустальнаго дворца, не давъ ничего серьезнаго, въ смыслѣ формъ, и явившись по существу дѣла на службу базару, рынку, вокзалу, крытой галлерей, а не чело-вѣческому жилищу, которое продолжало оставаться такимъ же неудобнымъ, столь же некрасивымъ и особенно рутиннымъ. Съ такимъ же живымъ энтузіазмомъ отзывался нашъ русскій критикъ на обновленіе художественной промышленности въ западномъ искусствѣ, на расширеніе ролей восточнаго искусства въ современной европейской производительности. Правда, и здѣсь пользованіе восточными образцами пошло исключительно на пользу декоративной стороны. Въ самомъ дѣлѣ, много-ли по существу пришло съ собою для европейскаго искусства это монструозное поглощеніе европейскими выставками и жилищами несмѣтнаго количества фарфоровыхъ и бронзовыхъ пазъ, начиная отъ самыхъ большихъ размѣровъ ихъ и кончая самыми миниатюрными, всякихъ лакированныхъ подносовъ, ширмъ, опахалъ и матерій?

Не менѣе любопытно будетъ для историка то открыто враждебное отношеніе, въ которое всталъ покойный критикъ по отношенію къ такъ называемому „декадентству“, дѣйствительно болѣзненному явленію, ознаменовавшему собою послѣднюю четверть проплага вѣка въ искусствѣ западной Европы. Правду говоря, въ оцѣнкѣ этого явленія В. В. Стасову недоставало полнаго историческаго безпристрастія и даже, попросту говоря, настоящихъ историческихъ сиравокъ; послѣднія, проведенныя въ достаточно широкомъ размѣрѣ, могли бы легко объяснить, почему художественное направленіе, называемое декадентствомъ, только прошумѣвъ, какъ выражается самъ В. В. Стасовъ, довольно изрядно во Франціи, быстро склонилось къ своему закату, но выкинуло рядъ многочисленныхъ отпрысковъ и вѣтвей въ Германіи (Беклингъ, Штугъ и др.). Во Франціи это направленіе искусства существовало издавна и выражалось наиболѣе часто, не только въ импрессионизмѣ, но и въ наивной орнаментикѣ, пользовавшейся средне-

вѣковыми, преимущественно романскими, образцами. Тамъ эти формы были дѣломъ привычнымъ, которое не могло образовать прочной моды и породить сектантовъ упрямыхъ и неподатливыхъ, какъ въ Германіи. Правда, декаденты очень быстро перешли отъ этой игры въ наивномъ средневѣковомъ стилѣ къ такой разнузданной художественной формѣ, которая стремилась уже болѣе поражать скромныхъ буржуа неестественными позами, нелѣпнымъ колоритомъ, фантастическими тонами тѣла, чудовищными комбинаціями формъ натуральныхъ и естественныхъ. Всего болѣе оскорбительнымъ являлось для В. В. Стасова, поклонника содержанія въ искусствѣ, общественнаго значенія его, его національной роли, то, что отнынѣ было объявлено существованіе искусства для искусства, служащаго для любованія зрителя красками и формами, помимо идеи, природы, реальности и естественности. Глупость и ничтожество мотивовъ, которыми стали пробавляться художники-декаденты, общее сумасбродство впечатлѣнія, ихъ отвращеніе отъ реальности и преданность личнымъ фантазіямъ, вмѣсто декоративности, нагроможденіе красокъ, цвѣтовъ и орнаментовъ, фантастическая ряженость фигуръ и самихъ сюжетовъ, все это вызвало въ критическихъ статьяхъ В. В. Стасова рѣзкій отпоръ, въ краткихъ, но сильныхъ словахъ. Для характеристики покойнаго критика, его картиннаго слога (хотя порою рѣзкаго, слишкомъ реальнаго, сообразно съ его вкусомъ, нѣсколько крикливаго и беспорядочнаго)—приведемъ изъ его послѣдняго сочиненія его заключеніе о нашихъ собственныхъ декадентахъ: „Что касается русскихъ декадентовъ, то они представляютъ собою еще болѣе удивительный фактъ, чѣмъ декаденты прочихъ европейскихъ странъ, въ томъ числѣ даже и наши финляндскіе декаденты. Они ретиво преданы своему безумному и нелѣпому дѣлу, готовы караться ради него на стѣну и претерпѣвать за него какія угодно невзгоды со стороны здраваго смысла, даже пріять мученичeskій вѣнецъ, но все это только совершенно платонически, съ чужого голоса, только изъ подражанія. Сами же они не совершили ровно ничего декадентскаго, не взяли ни единой своей собственной ноты. Все у нихъ чужое, все—плачевное подражаніе. Иностранные декаденты все-таки что-нибудь да дѣлаютъ, русскіе—ровно ничего и только все разговариваютъ, шпшутъ, спорятъ, но сами они—ни съ мѣста. Гдѣ результаты ихъ дѣятельности? Нѣтъ русскихъ декадентскихъ картинъ, да и только! Если бы Врубель не написалъ своего изумительнаго пана „Утро“, отъ котораго весь Петербургъ въ одинъ голосъ тапъ и ахнулъ въ 1898 году, если бы онъ не написалъ своего безобразнаго

триптиха „Судъ Париса“ въ 1899 году, да еще своихъ уродливыхъ „Демона“ и „Пана“, если бы г. Малявинъ не написалъ въ 1900 г. своихъ ужасныхъ красныхъ бабъ, а въ 1901 году свой, не менѣе ужасный, и даже вовсе невѣроятный портретъ Рѣпина, то нечего даже было бы и показывать изъ „картинъ“ русскихъ декадентовъ—ихъ нѣтъ. Каракули, раскряки и смѣхотворные боскеты г. Сомова въ счетъ не могутъ же идти. Это лишь невинныя дѣтскія шалости. Все декадентство нашихъ декадентовъ состоитъ только изъ декадентскихъ разговоровъ въ родѣ европейскихъ декадентовъ“. Мы ясно видимъ, до чего все это пристрастно и нетерпимо, и не только въ этомъ случаѣ намѣренно прикрито и умолчано несомнѣнное значеніе такъ называемаго „новаго искусства“ въ орнаментѣ; пусть орнаментъ не составляетъ собою искусства, а есть только его подготовка, почва для него, его составной элементъ. Въ данномъ вопросѣ В. В. Стасовъ не могъ быть историкомъ и являлся попрежнему критикомъ.

Въ концѣ концовъ, мы въ своемъ перечнѣ должны хотя упомянуть большую разнообразную дѣятельность покойнаго писателя по развитію русской музыки, которая въ цѣломъ рядѣ статей, біографій и полемическихъ отвѣтовъ звучала громче другихъ и въ жизни В. В. Стасова и въ литературѣ. Но въ данномъ случаѣ было бы необходимо имѣть передъ собою не только компетентное обзорнѣе этой его дѣятельности, но и разъясненіе ея внутренней исторіи.

Вообще говоря, писать некрологъ В. В. Стасова можно только въ видѣ выраженія чувства благодарности къ покойному за то, что онъ отдѣлалъ для нашей литературы и науки. Очевидно, недостаточно некрологовъ, хотя бы по разнымъ вѣтвямъ этой дѣятельности. Нужно было бы подумать о составленіи біографіи В. В. Стасова, съ тѣмъ, чтобы ея отдѣлы были поручены особымъ специалистамъ. Было бы желательно также имѣть отзывы и воспоминанія отъ разнообразныхъ лицъ, близко знавшихъ В. В. Стасова, пользовавшихся его руководствомъ или его указаніями и помощью. Въ адресѣ, поданномъ В. В. Стасову 15-го іюля 1886 г., по случаю празднованія сорокалѣтія его литературной дѣятельности, художники, обращаясь къ нему, ему говорили: „черезъ всѣмъ намъ любезный и хорошо знакомый кабинетъ вашъ въ публичной бібліотекѣ проходитъ уже столько лѣтъ непрерывная вереница самыхъ разнообразныхъ людей и дѣлъ по части наукъ, искусства, промышленности, разныхъ техническихъ знаній. Въ немъ постоянно находятъ они ободреніе и развитіе своихъ идей и часто получаютъ новыя, но исчислять теперь все это нѣтъ никакой возмож-

ности—это достанется на долю вашего будущего біографа". И я самъ бывалъ въ этомъ угловомъ кабинетѣ В. В. Стасова и пользовался его совѣтами и помощью и никогда не забуду, какую скрупулезную рачительность проявлялъ покойный въ дѣлѣ изданія византійскихъ эмалей. У В. В. Стасова дѣло никогда не расходилось со словомъ и, если разъ онъ брался за что-либо,—онъ дѣйствительно прилагалъ къ этому дѣлу свою душу. Онъ увлекался, онъ не чуждъ былъ заблужденій, но онъ всегда былъ искрененъ и горячо преданъ своей идее. Въ немъ не было никогда моментовъ затаеннаго коварства, онъ чуждъ былъ всякихъ подкоповъ и инсинуацій и всякаго мелочного себялюбія. Онъ готовъ былъ десять разъ прѣхать въ чужбину по дѣлу, его интересовавшему, хотя бы это дѣло вовсе не касалось его лично. На него напали со всѣхъ сторонъ, его чуть не ежедневно (въ иные зимніе мѣсяцы) ругали и поносили печатно, травили намѣренно, вызывая на крайности, и онъ дѣйствовалъ въ литературѣ подъ гнетомъ смѣшныхъ прозвищъ, карикатурныхъ подражаній, пересмѣшекъ и самодовольнаго балагурства на его счетъ. Но это былъ человѣкъ съ необыкновенной жизненной энергіей, державшій внутри себя нѣкое скрытое пламя и, если унывавшій по временамъ на нѣсколько дней; подъ впечатлѣніемъ недавняго газетнаго скандала, имъ вызваннаго, то постоянно, въ теченіе 60 лѣтъ, находившій въ себѣ самомъ поддержку на новое раторство.

Понятно, онъ не былъ чуждъ извѣстнаго малодушія, въ частности литературнаго, этой новѣйшей маніи, которая ставитъ литературный успѣхъ конкретною задачею своей жизни, принимаетъ его за кѣчто серьезное, достойное вниманія и заботы и, главное, оцѣниваетъ его по фразамъ рецензій, похваламъ пріятелей и брани противниковъ. На Владимірѣ Васильевичѣ Стасовѣ, казалось бы, всего лучше можно видѣть всю малозначительность литературныхъ отзывовъ и критики. Именно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ онъ наиболѣе претергивалъ отъ своихъ противниковъ, отчасти именно тамъ онъ обрѣлъ наиболѣе значительный успѣхъ и его проповѣдь получила историческое значеніе: Пусть послужитъ это столько же доброй памяти человѣка истинно свободолюбиваго, безусловно искренняго во всѣхъ своихъ вкусахъ и увлеченіяхъ, сколько завитомъ всякому выступающему съ новымъ починомъ въ области духа.

Н. Кондаковъ.

ЭТЮДЫ ПО ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОВОЙ ЖИВОПИСИ ¹⁾.

IV. Примѣненіе типовъ.

А. Западный рисунокъ.

Тѣсная связь между тремя вазовыми рисунками, къ разсмотрѣнію которыхъ мы приступаемъ, была уже давно признана: Лёшке, еще въ бытность свою профессоромъ Дерптскаго университета, при изданіи своей *Archaische Niobidenvase* въ *Antike Denkmäler*, I, табл. 22 ²⁾, привлекаетъ и рисунки двухъ другихъ сосудовъ.

Во всѣ три рисунка аттического происхожденія, но имѣютъ свои характерныя черты: одинъ стоитъ особнякомъ въ архаической вазовой живописи, другіе два принадлежатъ къ такъ называемому тирринскому типу.

Начнемъ описаніе съ перваго рисунка, помѣщающагося на лицевой сторонѣ чернофигурной амфоры въ Парижѣ ³⁾. Аполлонъ и за нимъ, Артемида въ шлемахъ и съ мечами въ архаической схемѣ бѣга быстро устремляются вправо. Оба божества держатъ въ рукахъ натянутые луки; у Аполлона правая рука съ тетивой и опереннымъ концомъ стрѣлы приходится позади праваго глаза. Въ изображеніи Артемиды рисовальщикъ, очевидно, не хотѣлъ прикрыть часть лица рукою, а потому далъ богинѣ лукъ въ правую руку, а тетиву въ лѣвую. Что мы въ данномъ случаѣ не имѣемъ дѣло съ недоразу-

¹⁾ Продолженіе. См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1906, июль, отд. класс. филол.

²⁾ Текстъ см. въ *Jahrb. d. k. d. arch. Inst.* 1887, 275 сл.

³⁾ *Monumenti ed Annali dell' Inst.* 1856, табл. X, I — II. Overbeck, *Kunstmythologie*, атласъ, табл. XXXIII, 2.

мнѣиетъ, видно изъ того, что тыльная сторона правой руки нарисована правильно и показаны пальцы лѣвой, для чего рисовальщикъ принужденъ былъ отнести ее слишкомъ далеко назадъ. Итакъ *Аполлонъ обращенъ къ намъ грудью, Артемида — спиною*; соответственно этому нужно считать, что у Аполлона выставлена впередъ лѣвая нога, у Артемиды правая ¹⁾.

Стрѣлы божествъ предназначены отдѣленному отъ нихъ женскою фигурою, убѣгающему, озираясь назадъ, мужчинѣ, какъ видно уже изъ того, что одна стрѣла пробила ему голову насквозь. Обнаженное тѣло бородатаго мужчины сплошь покрыто волосами. Женщина, о которой мы только что упомянули, стоитъ вправо; она подняла правую руку по направленію къ божествамъ, какъ бы прося ихъ пощадить преслѣдуемаго ими мужчину. У всѣхъ четырехъ фигуръ приписаны имена—Артемида, Аполлонъ, Гея и Титій. Мы, слѣдовательно, не можемъ сомнѣваться, что художникъ хотѣлъ изобразить *расправу дѣтей Латоны съ Титіемъ* за оскорбленіе ихъ божественной матери, расправу въ присутствіи тщетно вступающей за своего сына Геи.

На рисунокѣ представлены еще двѣ фигуры, обращенныя къ центру: при мужчинѣ на правой сторонѣ, и безъ того ясно характеризованнаго, находится надпись *Нермесъ*; соответствующая ему женщина на лѣво ничѣмъ не характеризуется и лишена надписи. Ее всѣ называютъ Латоной, но, становясь на строго методологическую точку зрѣнія, по моему мнѣнію, безъ достаточнаго основанія: если наряду съ характерными фигурами, къ которымъ приписаны имена, имѣется фигура безъ имени, то логически слѣдуетъ заключить, что художникъ видитъ въ ней, если не допускать забывчивости, *не определенное лицо, а просто панданъ или „Füllfigur“*.

Обратимся теперь ко второй вазѣ. Въ началѣ своей статьи Лѣшке упоминаетъ о томъ, что онъ видѣлъ эту амфору въ 1877 г. въ Museo Municipale въ Корнето и что въ его воспоминаніи она носитъ болѣе архаическій характеръ, обусловленный коричневатымъ цвѣтомъ фигуръ и болѣе блѣднымъ фономъ, нежели на таблицѣ въ *Antike Denkmäler*. Приведу теперь описаніе Лѣшке (стр. 277): „На плечевой части передней стороны у вазы изъ Корнето мы впервые на архаическомъ памятникѣ встрѣчаемъ изображеніе гибели Нюбидовъ, дѣтское и неуклюжее по рисунку и группировкѣ, но съ тѣмъ поэтическимъ чувствомъ и поразительною ясностью, которая въ архаическихъ про-

¹⁾ Насколько мнѣ извѣстно, это не было еще отмѣчено.

изведеніяхъ такъ часто заставляютъ забывать о формальныхъ недостаткахъ. Неудержимый напоръ Аполлона и Артемиды, которые въ шлемахъ и съ открытыми за спиною волчанами, полными стрѣль, готовы пустить смертоносныя стрѣлы, представленъ такъ же наглядно, какъ и отчаянное (*widerstandslos*) бѣгство Ніобидовъ. Тѣмъ страшнѣе намъ кажется опасность, что бѣгущіе не робкіе дѣти, но что дочь—взрослая дѣвушка, сынъ—бородатый мужчина. Оба оглядываются назадъ, причемъ живописецъ изобразилъ глазъ сына особенно большимъ не такъ, какъ у Аполлона, и обозначилъ зрачекъ, по всей вѣроятности, чтобы выразить тупой ужасъ. Пространство не позволило изобразить болѣе двухъ дѣтей. Однако глубже всѣхъ задумана Ніоба, которая, хотѣлось бы сказать, хранитъ въ себѣ ядро трагическаго величія. Твердо и гордо она выступаетъ передъ мстительными божествами и своей соперницей Латоной, распахивая правою рукою плащъ въ защиту дѣтей. Что она сама останется невредимой и стрѣлы предназначены для дѣтей, живописецъ даетъ понять тѣмъ, что Аполлонъ пускаетъ стрѣлу позади нея. Композиція строгости почти орнаментальной, ибо по смыслу и внѣшности обѣ матери и обѣ пары дѣтей соотвѣтствуютъ другъ другу какъ по занимаемому мѣсту, такъ и по движенію. Безсмысленные ряды буквъ, играющіе на нашемъ экземплярѣ роль именныхъ надписей, помогаютъ заполнить свободное пространство“.

Далѣе Лѣшке пишетъ: „Ваза съ Титіемъ не старше вазы съ Ніобидами—напротивъ; но мастеръ, повидимому, тѣснѣе примкнулъ къ древнему образцу, ибо между тѣмъ какъ на вазѣ въ Корнето бѣгущія божества представлены „aufrecht“, рисовальщикъ парижской вазы для выраженія быстрого движенія держится ранне-архaicеской схемы „Knielauf’a“. Также и то, что Аполлонъ и Артемида натягиваютъ тетиву не *ἐπὶ τὸν ἄστρον*, а *ἐπὶ τὸν ὤμῳν* (ср. *Dümmler, Röm. Myth.* II, табл. II и стр. 187. *Gerhard, A. V. B.* 119, I и др.), представляетъ уклоненіе отъ болѣе поздняго обще-греческаго типа. Эти различія и нѣкоторыя другія въ костюмѣ божествъ отступаютъ, однако, на второй планъ передъ сравнительно тѣсною связью въ отношеніи техники, стиля и композиціи обѣихъ вазъ, вслѣдствіе чего, по моему мнѣнію, не мыслимо, что обѣ онѣ не обязаны своимъ происхожденіемъ одному и тому же мѣсту“. Лѣшке приурочиваетъ ихъ къ срединѣ VI в. до Р. Хр.

Соглашаясь съ послѣдними замѣчаніями и отдавая должное живому описанію, потерявшему нѣсколько въ нашемъ переводѣ, не могу

только согласиться съ тѣмъ, что Лёше говоритъ о Ниобѣ: женщина, отводящая въ сторону головное покрывало, настолько известная въ архаическомъ искусствѣ фигура, что она лишена всякой индивидуальности. Мысль, что фигура этимъ жестомъ защищаетъ своихъ дѣтей, является, какъ мнѣ кажется, навѣянной известной статуей Ниобы, которая, дѣйствительно, прикрываетъ свою младшую дочь отъ невзримыхъ стрѣлъ.

Упомяну здѣсь еще объ одной неумѣлости рисовальщика, не оти́ченной издателемъ рисунка: *малая нога Артемиды пересыкаетъ правую Аполлона, между тѣмъ какъ руки ея заходятъ за туловище бога*. Скажемъ еще, что лѣвая рука Ниобиды скрывается за спиною брата; его правая рука, проходя подъ лѣвою сестры, повидимому, охватываетъ ее за талию.

Композиціи только что описанныхъ двухъ рисунковъ состоятъ изъ шести фигуръ, съ тою только разницею, что на парижской амфорѣ мы видимъ *одну убывающую* фигуру, на амфорѣ въ Корнето *двѣ*, причемъ вторая фигура—женская; зато на этой вазѣ нѣтъ Ермія, который на парижской является панданомъ безыменной женщины, называемой Латою, какъ и соответствующая фигура на вазѣ съ Ниобидами.

Обращаюсь теперь къ интересующему насъ рисунку на фрагментѣ, найденномъ на Акрополѣ ¹⁾. Центръ обломка занимаетъ женская фигура въ богато вышитомъ или тканомъ платьѣ, которая, озираясь назадъ, бѣжитъ вправо. Ея правая рука поднята, лѣвая опущена; за лѣвую выше локтя держится скрывающійся за нею ногой, бородастый мужчина, который также оглядывается; его правой руки не видно; на лѣво сохранились остатки мужской фигуры въ шлемѣ и хитонѣ съ колчаномъ на лѣвомъ боку; онъ натягиваетъ лукъ, вершина котораго виднѣтся надъ головою женщины, а нижній конецъ непосредственно за ея поясомъ. Кромѣ того нарисованъ еще натянутый лукъ со стрѣлою, пересѣкающею лицо мужчины. Этимъ лукомъ править бѣлая рука, слѣдовательно рука женщины. На верхней части корпуса виденъ колчанъ со стрѣлами, подобный тому, какъ у мужчины. Издатель фрагмента Моллонъ усмотрѣлъ лишь три фигуры и назвалъ ихъ Аполлономъ, Марписсою и Идасомъ. Робертъ ²⁾ и Гейдеманъ ³⁾,

¹⁾ *Ερμης ἀρκαολ.* 1883, табл. III. *Overbeck, Kunstmythologie, атласъ, табл. XIX, 8.*

²⁾ *Deutsche Literaturzeitung*, 1883, 1099.

³⁾ *Athen. Mitth.* 1883, 286.

признавшіе и четвертую фигуру, назвали убѣгающаго мужчину Титіемъ, увлекающимъ за собой Латону. На это въ свое время Лѣшке возразилъ ¹⁾: „Видную, богато одѣтую женщину, за которой старается спрятаться дерзновенный титанъ, врядъ ли можно назвать Латоной—какъ бы могъ Титій подумать и въ этомъ положеніи удерживать еще богиню—но, по аналогіи съ вазою *Mon. ed. Annali*, 1856, табл. 10, I и II ее можно признать за Гею. Тема, слѣдовательно, та же, что на парижской вазѣ; та же и композиція; не достаетъ лишь, въ виду иного формата, Латоны и Ермія по концамъ, и среднія фигуры тѣснѣ сдвинуты. Приемъ держанія лука и положеніе Аполлона на фрагментѣ напоминаютъ вазу съ Ніобидами; фигура Гея съ ея богатой вышивкой Ніобиду; съ другой стороны Артемида, цѣля сверху внизъ, повидимому, держала лукъ приблизительно такъ, какъ на вазѣ съ Титіемъ, и движеніе Титія на той и другой вазѣ похожи. Я не думаю, что одинъ изъ этихъ вазовыхъ рисунковъ находится подъ непосредственнымъ влияніемъ другого; все же три написаны съ помощью того же запаса типовъ, въ предѣлахъ той же ремесленной традиціи, а именно, какъ доказываетъ мѣсто нахождения фрагмента, въ Атикѣ“. По моему мнѣнію сравненіе, которое проводитъ Лѣшке между рисункомъ фрагмента и рисунками двухъ амфоръ, *не соответствуетъ действительному положенію дѣлъ*: врядъ ли можно утверждать, что рисунокъ фрагмента отличается только тѣмъ, что нѣтъ боковыхъ фигуръ и среднія лишь болѣе сдвинуты. *На самомъ дѣлѣ между Геей парижской вазы и женской фигурой фрагмента нѣтъ ничего общаго*. Гораздо скорѣе можно утверждать, что композиція фрагмента соответствуетъ композиціи вазы въ Корнето, къ которой она и по рисунку стоитъ ближе; *опущена кромѣ лѣвой крайней фигуры только прямо стоящая женщина, отдѣляющая преследуемую пару отъ преследователей*. Возникаетъ, слѣдовательно, еще новый вопросъ: *не имѣлъ ли рисовальщикъ въ виду истребленіе Ніобидовъ?*

Краснофигурная вазовая живопись, въ которой мы имѣемъ цѣлый рядъ примѣровъ съ гибелью Титія, говоритъ не въ пользу перваго толкованія, т. е. толкованія женской фигуры въ смыслѣ Латоны. На этихъ краснофигурныхъ вазахъ изящнаго стиля мы рядомъ съ пораженнымъ Титіемъ видимъ женщину, которая вмѣстѣ съ нимъ убѣгаетъ отъ стрѣлъ дѣтей Латоны. Эту фигуру прежніе толкователи называли Латоной; Фуртвенглеръ справедливо замѣчаетъ, что во всѣхъ

¹⁾ *Jahrbuch d. k. d. arch. Inst.* 1887, 279.

подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ предъ собою Гею ¹⁾. Дѣйствительно, зачѣмъ бы Латою убѣгать отъ собственныхъ дѣтей? Въ пользу пониманія женской фигуры не какъ матери Летоидовъ, а самого Титія ясно свидѣлствуетъ краснофигурный рисунокъ, на которомъ оказывается пораженнымъ не только Титій, но и женщина, въ грудь которой вошли три стрѣлы ²⁾. Фуртвенглеръ далѣе замѣчаетъ, что на всѣхъ этихъ рисункахъ представленъ не *проступокъ Титія*, а *кара*, постигающая исполна. „Самый проступокъ Титія, пишетъ Фуртвенглеръ (стр. 277), до сихъ поръ представляеть лишь одна ваза; ея рисунокъ совершенно отличенъ отъ того типа, который мы здѣсь прослѣдили и въ которому принадлежать наша чаша: это амфора въ стилѣ Евимида въ Луврѣ. Проступокъ Титія совершенно правильно представленъ въ схемѣ эротическаго похищенія (des Liebesraubes und der Liebeswerbung): Титій, обхвативъ Латону, уноситъ ее съ собою; приближается Аполлонъ съ цѣлю помѣшать ему“ ³⁾.

Итакъ, въ женской фигурѣ на акропольскомъ черепкѣ мы *не можемъ признать Латоны*. Миѣ кажется все-таки, что этимъ не рѣшается вопросъ въ пользу того, будто художникъ хотѣлъ въ своемъ рисункѣ изобразить преслѣдованіе Титія и его матери дѣтьми Латоны. *Остается, по моему мнѣнію, открытою возможность, что мы имѣемъ предъ собою сцену съ истребленіемъ Ниобидовъ.*

Противъ послѣдняго толкованія, конечно, можетъ быть указано то, что *луки божества нагодятся позади женской фигуры*, такъ что стрѣлы могутъ попасть лишь въ мужскую фигуру и то онѣ пускаются въ упоръ. Достаточно ли это для того, чтобы въ женской фигурѣ признать Гею? Вѣдь въ одномъ случаѣ и она поражается стрѣлою. Можетъ быть, все объясняется *неловкостью рисовальщика*, который, имѣя въ виду Ниобидовъ, слишкомъ близко придвинулъ ихъ къ божествамъ. Фуртвенглеръ приводитъ еще одинъ мотивъ въ пользу толкованія, высказаннаго Лѣшке.

„Древне-аттическій вазовый черепокъ на Акрополѣ въ Афинахъ, пишетъ Фуртвенглеръ (стр. 276), представляеть Титія въ бѣгствѣ съ матерью Геею; оба обращаютъ свой взоръ назадъ на Аполлона; Титій судорожно держится лѣвою рукою за руку своей матери. Это указываетъ намъ на подноготную мысль введенія Геи въ эту сцену. Для

¹⁾ Furtwängler und Reichhold, Griech. Vasenmalerei, 276.

²⁾ Overbeck, Kunstmythologie, атласъ, табл. XXIII, 6.

³⁾ Gerhard, Auserl. Vasenbilder, табл. 22. Overbeck, Kunstmythologie, табл. XXIII, 4.

античнаго зрителя она понятна изъ недошедшей до насъ древней поэзіи; мы должны отгадать ее: Титій ищетъ помощи и силы у матери земли; хватаясь и держась за нее, онъ старается возобновить свои жизненные силы. Этотъ мотивъ намъ знакомъ по отношенію къ другимъ сынамъ земли, по отношенію къ Алкіонею, онъ перенесенъ затѣмъ на Антея. Навѣрное, эта черта—народнаго сказанія, что у сыновъ земли отъ прикосновенія къ матери возобновляются силы“.

Совершенно соглашаюсь съ Фуртвенглеромъ, что такая черта, навѣрное, существовала въ народныхъ сказаніяхъ, но нахожу, что на данномъ рисункѣ это не показано ясно—вѣдь и у Ніобиды, какъ мы видѣли выше, *сплетаются* руки.

Я совсѣмъ не стою за толкованіе сцены какъ избіеніе Ніобидовъ, я хочу только указать, что такой взглядъ, пожалуй, возможенъ; во всякомъ случаѣ я не рѣшился бы утверждать, что рисовальщикъ хотѣлъ изобразить именно то, а не другое.

В. Неоптолемъ съ Астіанактомъ или Ахиллъ съ Троиломъ?

Чернофигурная идрія, находящаяся теперь въ старой пинакотека въ Мюнхенѣ, впервые была издана въ 1831 г. въ *Monumenti dell' Instituto*, II, табл. XXXIV.

Въ уменьшенномъ видѣ рисунокъ затѣмъ повторялся, но до сихъ поръ не былъ снова нарисованъ, такъ что за полную точность воспроизведенія нельзя поручиться; для нашей цѣли это и не особенно важно.

Первое изданіе рисунковъ этой идріи сопровождается статьею Шлуттига подъ заглавіемъ *La fin des Priamides*. Къ его статьѣ непосредственно присоединена статья Амброша, написанная годъ спустя уже по смерти Шлуттига ¹⁾.

Приведемъ въ выдержкахъ описаніе рисунковъ порваго издателя вазы. Шлуттигъ пишетъ (стр. 361): „Различныя сцены, представленныя въ нашемъ рисункѣ, происходятъ во дворѣ дворца Пріама. Правда, можно указать на нѣкоторыя небольшія неточности въ изображеніи мѣста, напримѣръ, слишкомъ близкое положеніе Скейскихъ воротъ нѣмного отъ насъ къ дворцу Пріама. Но художникъ никоимъ образомъ не хотѣлъ опустить этихъ важнѣйшихъ воротъ, которыя въ теченіе всей войны служили центральнымъ пунктомъ троянцевъ; будучи, однако, ограниченъ пространствомъ, обусловливаемымъ вазой, онъ поставленъ

¹⁾ *Annali dell' Inst.* 1833: Guillaume Schluttig, *La fin des Piramides* 361 сл. Guilio Ambrosch, 369 сл. (вторая статья напечатана по-итальянски).

былъ въ необходимость пожертвовать точностью въ пользу общей картины. Этотъ недостатокъ пространства замѣчается неоднократно, какъ на античныхъ памятникахъ, такъ и въ описаніяхъ Филострата того, что нѣкогда находилась въ галлерей въ Неаполѣ.

Первая фигура, которая бросается намъ въ глаза, это герой, вооруженный съ ногъ до головы. Его лицо прикрыто опущеннымъ забраломъ; его пара копій прислонена къ треножнику передъ нимъ; на лѣвой рукѣ у него огромный щитъ; въ поднятой правой рукѣ онъ держитъ за ногу нагого ребенка, висящаго головою внизъ съ распростертыми руками, старающагося соединить ихъ, какъ бы для мольбы о пощадѣ: это Неоптолемъ, который готовъ разможить малаго Астіанакта о ступени возвышенія, служащаго поставкою треножника. Согласно обычной традиціи онъ былъ оторванъ отъ груди матери и свергнутъ съ высоты стѣны или башни....

Позади его на короточкахъ сидитъ старецъ съ бѣлыми волосами, ниспадающими въ длинныхъ косахъ на плечи. Верхняя часть его тѣла одѣта въ короткій плащъ (или скорѣе подобранный), оставляющій руки и ноги обнаженными. Правая рука опущена къ землѣ; лѣвая рука согнута, такъ что лѣвой кисти не видно. Онъ, очевидно, представленъ въ положеніи зловѣщемъ и неизбѣжномъ. Мы признаемъ въ немъ не педагога юнаго царевича, а самого злосчастнаго Пріама, который, согласно свидѣтельству авторовъ и извѣстныхъ памятниковъ, былъ убитъ передъ алтаремъ Зевса Еркея. Наша ваза, стало быть, не слѣдуетъ этой традиціи, ибо Павсаній подчеркиваетъ (*parle explicitement*) алтарь съ идоломъ деревяннаго Зевса (*ξύανον*) о трехъ глазахъ, изъ которыхъ одинъ былъ на лбу.

Въ центрѣ (стр. 364) картины обращаетъ на себя вниманіе Аонна своими крупными размѣрами и спокойствіемъ, особенно отличающимся отъ остальныхъ фигуръ картины, полныхъ жизни и движенія. Голова ея украшена шлемомъ; згида покрываетъ грудь; правою рукою Аонна держитъ въ наклонномъ положеніи копье, опертое о землю; лѣвая рука совершенно закрыта круглымъ щитомъ. Богиня одѣта въ довольно узкій хитонъ, ниспадающій до самыхъ щиколотокъ, такъ что видны только ея обнаженные ступни какъ и руки, ибо платье не имѣетъ рукавовъ. Она обращена въ другую сторону вазы, лицомъ къ дереву, порода котораго неопредѣлима. Опираясь на авторитетъ Вергилія, будемъ считать его за лавръ; далѣе влѣво слѣдуетъ квадрига, отъ которой, однако, видны только четыре лошади, выбѣгающія, какъ кажется, изъ Скейскихъ воротъ (*Skeas*). На противоположной сто-

ронѣ [рисунка] вазы замѣтны позади лошадей отчасти прикрытые два воина, направляющіеся большими шагами къ богинѣ“.

„Толкованію, продолжаетъ авторъ, представляются здѣсь большія затрудненія. Не безъ нѣкотораго колебанія рѣшаемся изложить идею, которая пришла намъ прежде всего. Мы сначала признали Аенну за троянскій палладій, а двухъ героевъ за Диоида и Антинора, готовыхъ увести его на квадригѣ“.

Изложивъ затѣмъ затрудненія, которыя представляются такому толкованію, авторъ приходитъ къ заключенію (стр. 365), что здѣсь изображена сама богиня Аонна и „что греки въ перемѣшку съ троянцами вторгаются въ городъ и предаются рѣзнѣ и ужасамъ войны; квадрига слѣдуетъ за ними какъ знамя триумфа, быть можетъ (и мы довольно склонны къ этому мнѣнію) она имѣетъ отношеніе къ троянскимъ женщинамъ, которыя плѣнными были увезены на колесницахъ... Верхняя часть картины, помѣщающаяся на плечѣ сосуда, оживлена не менѣе той, съ которой мы только что познакомились. Это — стѣны Трои, снабженныя зубцами (крѣпѣнныя). Мы прежде всего замѣчаемъ трехъ женщинъ; та, которая рвется съ расprostертыми руками впередъ къ ребенку, убиваемому страшнымъ образомъ, обнаруживаетъ слишкомъ много волненія и слишкомъ много увлеченія, чтобы не признать въ ней матери ребенка, самое Андромуху; женщина рядомъ съ ней, которая жестаи рукъ свидѣтельствуетъ также о глубокомъ горѣ, и по костюму, главнымъ же образомъ по лентѣ вокругъ головы, въ достаточной мѣрѣ обнаруживаетъ, что она одинаковаго положенія съ первой, можетъ быть родственница, можетъ быть Мидиснеаста или Екуба. Наконецъ, женщина, помѣщенная художникомъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, вѣроятно, чтобы указать на почтеніе, съ которымъ она относится къ нимъ, имѣетъ видъ провозной. Вдоль стѣны мы видимъ четырехъ воиновъ, представленныхъ болѣе или менѣе поднявшимися на амбразуру. Непосредственно передъ женщинами привлекаетъ наше вниманіе грекъ: онъ, согласно тогдашнему обычаю, ищетъ изъ рога, чтобы возстановить свои силы послѣ горячаго боя, между тѣмъ какъ прочіе заняты еще плѣненіемъ враговъ, ибо наканунѣ всѣ были объаты весельемъ и предались вину и надменной самоувѣренности; никто не подозрѣвалъ того, что готовилось подъ мракомъ ночи. На другой сторонѣ фригійскій стрѣлокъ, особенно оживляющій картину суматохи на стѣнахъ города“.

Въ одномъ отношеніи Амброузъ вноситъ поправку: онъ справедливо указываетъ на то, что сцены на корпусѣ вазы представлены

происходящими не въ стѣнахъ Трои, а внѣ ихъ; но въ воинѣ и мальчикѣ онъ также признаетъ Нептолема и Астіанакта, представляя себѣ дѣло такъ, что убійство происходитъ по близости города въ святилищѣ Аполлона Оимврейскаго. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что изображенное событіе относится ко времени до паденія Иліона.

На это въ свое время Велькеръ въ статьѣ *La mort de Troilus* возразилъ ¹⁾: „Однако смерть Астіанакта фактъ настолько крупный и важный, что никакъ нельзя оправдать отнесеніе его ко времени до взятія города. Это разногласіе съ обычной традиціей слишкомъ погрѣшаетъ противъ древняго сказанія объ Иліонѣ. Въ Малой Иліадѣ, послѣ взятія города, Нептолемъ, по собственному побужденію, сбрасываетъ Астіанакта съ высоты башни; въ *Piupersis* Аретина, которая много старше, Астіанакта убиваетъ Одиссей передъ дѣлежомъ добычи и, весьма вѣроятно, по распоряженію начальниковъ, обстоятельство, къ которому относится стихъ Еврипида, точно такъ же, какъ и другой, который, судя по всему, принадлежитъ *Piupersis* Эсхила. Иліада сама дѣлаетъ намекъ на этого рода смерть ребенка, сбрасываемаго съ высоты башни, ибо Андромаха содрагается при мысли о такомъ событіи.

Въ прощаніи Ектора и Андромахи, этомъ поэтическомъ апоэеозѣ, участвуетъ и ребенокъ, возвышаясь такимъ образомъ до степени трагическаго лица, смерть котораго естественно становится верхомъ всѣхъ ужасовъ. Эпизодъ съ Астіанактомъ символизируетъ смертью его кончину рода Пріамидовъ, преступленіе, за которымъ могло послѣдовать лишь жертвоприношеніе Поликсены.

Мы, слѣдовательно, должны искать другого толкованія вазоваго рисунка и, быть можетъ, не найдется ни одного, которое подошло бы съ меньшими затрудненіями, какъ смерть Троила, убитаго Ахилломъ. Правда, что этотъ сюжетъ иначе представленъ на киликѣ того же стіля, найденнаго, по свидѣтельству Амброша, въ той же гробницѣ ²⁾. Но есть еще третье изображеніе на амфорѣ также изъ Вульчи, которое еще болѣе разнится отъ рисунка килика, а также и другіе варианты у поэтовъ. Проклъ указываетъ, согласно Кипріямъ, что Ахиллъ убилъ Троила по разрушеніи Лернесса, Педаса и многихъ другихъ сосѣднихъ городовъ. Софокль, безъ сомнѣнія, какъ обычно-

¹⁾ *Annali dell' Inst.* 1833, 423 сл.

²⁾ Имѣется въ виду холѣ съ надписью *Εὐφρόνης ἐπιτάφειον*, о которомъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

венно, черпая из этой эпической поэмы, в своей трагедии, озаглавленной *Троилус*, представил данный эпизод в слѣдующемъ видѣ: Троилъ, сильный мальчикъ, былъ пронзенъ копьемъ Ахилла въ Олимпейскій въ то время, когда онъ занимался гимнастическими упражненіями на лошади. Лишь позднѣе мы находимъ разсказъ, по которому Троилъ сопротивляется Ахиллу и среди сраженія былъ разбитъ разнесшими его лошадыми.

На нашей вазѣ Троилъ изображенъ въ болѣе нѣжномъ возрастѣ, и преступленіе Пелида по отношенію къ Аполлону Олимпейскому представлено самымъ драматическимъ образомъ, такъ что Ахиллъ, повидимому, здѣсь даетъ примѣръ своему сыну Нептолему, который много позже сбрасываетъ юнаго Астіанакта съ высоты. Извѣстно, наконецъ, до какой степени древнее искусство и поэзія, въ особенности относительно многихъ еванскихъ и троянскихъ героевъ, старались установить сходство между сыномъ и отцомъ, какъ въ отношеніи характера вообще, такъ и въ отношеніи къ большому числу ихъ дѣйствій. Но чтѣ безконечно болѣе жестоко и неистово звѣрства, заключающагося въ низверженіи ребенка, сына царя, какъ не эта сцена на амфорѣ принца Канино, гдѣ Ахиллъ съ ироническимъ вызовомъ показываетъ Ектору голову Троила, насаженную на конецъ копья, между тѣмъ какъ тѣло юноши лежитъ въ его ногахъ около жертвенника? Екторъ съ другими воинами готовится къ мести¹⁾. Ту же идею мы признаемъ на обратной сторонѣ килика, гдѣ вооружаются четыре воина²⁾, и на нашей вазѣ въ появленіи вооруженныхъ, выступающихъ изъ города. Паллада идетъ имъ на встрѣчу—богиня, которая и на амфорѣ вмѣстѣ съ Ерміемъ стоитъ на сторонѣ Пелидовъ. Святотатство по отношенію къ Аполлону Олимпейскому доведено до крайности въ томъ, что Ахиллъ убиваетъ ребенка о священный треножникъ. Нѣтъ надобности думать о томъ, что Троилъ, какъ и Екторъ, позднѣйшими мнеографами называется сыномъ Аполлона. На двухъ другихъ рисункахъ, гдѣ у дѣйствующихъ лицъ приписаны имена, святилище Аполлона обозначено лишь посредствомъ алтаря; на нашей вазѣ вмѣсто этого помѣщенъ треножникъ, чтобы облегчить признаніе мѣста дѣйствія. Остается лишь подѣ сомнѣніемъ, забылся ли только Ахиллъ въ своемъ воинственномъ пылу, не владея болѣе собою при совершеніи злодѣянія, или въ поэзіи, которая лежитъ въ основѣ нашего

¹⁾ *Gerhard, Auserl. Vasenbilder, табл. ССХХІІІ.*

²⁾ Опять разумѣется юношами килики.

рисунка, онъ нарочно хотѣлъ помѣриться съ покровителемъ рода Ила. Во всякомъ случаѣ слѣдствіемъ его вины является то обстоятельство, что въ томъ же святилищѣ, которое онъ поругалъ, суждено было ему самому найти смерть, причиненную ему Александромъ и самимъ Аполлономъ.

Какъ панданъ къ этому сказанію, можно разсматривать традицію, по которой Ахиллъ, при опустошеніи Тенедоса, убилъ Тена, любимца или сына Аполлона, по другимъ сына Клеона (который въ свою очередь палъ отъ руки Ахилла). Самъ Ахиллъ за свое преступленіе погибаетъ отъ стрѣлы Аполлона⁴.

Первый составитель каталога вазъ, хранящихся въ Мюнхенѣ, въ числу которыхъ принадлежитъ и описываемая идрія, Отто Янъ, заканчиваетъ свое объясненіе словами: „richtig erklärt von Welcker ann. V, p. 251 сл.“.

Объясненный Фуртвенглеромъ новый каталогъ мюнхенскихъ вазъ пока еще не вышелъ; но въ находящемся въ нашихъ рукахъ Führer durch die Vasensammlung König Ludwig I авторъ, указывая на вазы въ первой залѣ (стр. 17), пишетъ: „Hervorzuheben links am Ende J[ahn]. 65: Szenen aus der Zerstörung Troja's; Neoptolemos schleudert den kleinen Astyanax hinab“.

Подводя итогъ нашему описанію, мы видимъ, что сперва въ нашемъ рисункѣ усматривали умерщвленіе Астіанакта Неоптолемомъ, потомъ Троиля Ахилломъ. Затѣмъ Янъ въ своемъ подробномъ каталогѣ принялъ второе толкованіе, а Фуртвенглеръ въ своемъ краткомъ путеводителѣ возвращается къ первому.

Является теперь вопросъ, *какому изъ этихъ двухъ толкованій дать предпочтеніе?* или, какъ я ставлю вопросъ, *какую сцену хотѣлъ изобразить художникъ?*

Первые два толкователя стараются поддержать свои объясненія литературными данными—ихъ матеріалъ изъ области графическаго искусства еще бѣденъ. Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились: мы имѣемъ въ вазовой живописи значительное число изображеній, которыя представляютъ намъ ту или другую сцену; въ одномъ случаѣ на чернофигурной амфорѣ въ Берлинѣ (№ 1685) представлены даже обѣ сцены¹⁾. На одной сторонѣ мы видимъ сидящаго на жертвенникѣ старца (Приама), обращеннаго влѣво, передъ нимъ воинъ, который въ правой рукѣ держитъ ребенка за ногу (Неоптолемъ съ Астіанактомъ),

¹⁾ Gerhard, Etruskische und Kampanische Vasenbilder, табл. XX—XXI:

за жертвеникомъ лежитъ трупъ. Позади сидящей фигуры двѣ женщины съ распростертыми руками, одна изъ нихъ обнимаетъ шею старца (Екуба). На той же сторонѣ, влѣво отъ описанной сцены, мы видимъ воина, схватившаго лѣвой рукой покрывало на головѣ женщины и угрожающаго ей мечомъ въ правой—Менелай и Елена.

На другой сторонѣ нарисованъ мальчижь-подростокъ, сидящій на лошади, которая во весь опоръ несется вправо, какъ и другая рядомъ съ нею. Мальчижь оглядывается на воина, который буквально летитъ за нимъ, не касаясь ногами земли.

Такое характерное изображеніе быстроногаго Ахилла, конечно, обязано своимъ происхожденіемъ не мастеру нашей вазы. Такого же Ахилла мы имѣемъ и на вазѣ Франсуа, расписанной художникомъ Клатіемъ.

Позади Ахилла женщина, которая, по аналогіи съ соответствующей сценой на этой вазѣ, можетъ быть названа Фетидой; передъ лошадью вправо же убѣгаетъ женская фигура (Поликсена), бросившая свою идрію, изъ которой хлынула вода, подлизываемая собакою (собака не бѣжитъ, какъ полагаетъ Фуртвенглеръ, а остановилась).

Въ чернофигурной вазовой живописи для изображенія убійства Астіанакта Ахилломъ установленъ только что описанный типъ: воинъ, обращенный вправо, болѣе или менѣе замахивается, держа въ правой рукѣ обнаженнаго мальчика. Передъ нимъ сидящій или лежащій мертвымъ старецъ ¹⁾. Сцена дополняется еще убитымъ и женщинами. Въ краснофигурной вазовой живописи главная группа принимаетъ обратное положеніе—Неоптолемъ виденъ со спины ²⁾.

Изъ другого эпизода надо отмѣтить два момента: Ахиллъ, подстерегающій Троила, пріѣхавшаго къ колодцу поить лошадей въ сопровожденіи своей сестры, Поликсены, пришедшей по воду. Этотъ типъ оказывается очень живучимъ: такъ въ музеѣ искусствъ при Юрьевскомъ университетѣ имѣется пока неизданный апулійскій ко-

¹⁾ Кромѣ упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи вазы см. еще *Gerhard, Auserl. Vasenbilder*, табл. ССХІV и *Furtwängler, Die Sammlung Sabouroff*, I, табл. ХLIX, 3. Въ одномъ случаѣ, по свидѣтельству Фуртвенглера (въ текстѣ къ упомянутой табллицѣ), въ правой рукѣ Неоптолема одна только голова Троила, см. *Gerhard, Auserl. Vasenbilder*, табл. ССХІІІ, 2.

²⁾ Имѣя въ виду написать „экскурсъ“ объ изображеніяхъ „гибели Илиона“ въ вазовой живописи, не перечисляю здѣсь краснофигурныхъ рисунковъ, а укажу только на одно, до сихъ поръ какъ неизвѣстное въ положеніи Неоптолема—на черепкѣ, названный *Hartwig'омъ* въ *Archaeol.-epigr. Mitth. aus Oesterreich-Ungarn*, 1893, 120.

локоловидный кратиръ съ этою сценою (безъ Поликсены). Второй типъ, описанный нами выше, въ наиболѣе распространенномъ видѣ мы имѣемъ на вазѣ Франсуа; здѣсь передъ Поликсеною бѣжитъ еще Антиноръ, бѣжитъ онъ со страшною вѣстью къ Пріаму, сидящему у городской стѣны; изъ воротъ выходятъ два воина Екторъ и Политъ. Позади Ахилла, кромѣ его матери, мы видимъ еще покровителей героя Аенну и Ермія; затѣмъ совсѣмъ нагѣво водохранилище (*κρήνη*) и около него дѣвушку Родію, также пришедшую за водой, безыменнаго троянца и покровителя троянцевъ Аполлона.

Изъ предшествующаго краткаго описанія мы видимъ, что воинъ, готовый разможить мальчика о ступени жертвенника, представленъ въ схемѣ Неоптолома съ Астіанактомъ; но *городская стѣна*, передъ которой это происходитъ, и воины съ квадригою, спѣшащіе изъ города, представляютъ собою *мотивъ, взятый изъ изображенія преслѣдованія Троиля Ахилломъ*. Итакъ мы имѣемъ предъ собою *типъ Неоптолома съ Астіанактомъ въ обстановкѣ Ахилла съ Троиломъ*.

Является вопросъ, какой изъ двухъ эпизодовъ хотѣлъ изобразить художникъ? Хотя на самомъ дѣлѣ нельзя сомнѣваться въ томъ, что на рисунокѣ представлена внѣшняя сторона стѣны, а не внутренняя, но пусть все-таки будетъ такъ.

Рисовальщикъ, допустимъ, заимствовалъ откуда-нибудь для фона своей картины наружній видъ стѣны, но имѣлъ въ виду, какъ полагаеъ Шлуттигъ, дворъ дворца Пріама. Спрашивается тогда, *почему рисовальщикъ не изобразилъ въ такомъ случаѣ Пріама сидящимъ или лежащимъ на жертвенникѣ?* Вѣдь эта фигура представляетъ собою, такъ сказать, обязательный элементъ въ типѣ кончины Астіанакта¹⁾.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что такого рода опущеніе важной фигуры изъ установившагося типа сдѣлано было *совершенно сознательно* и, стало быть, *художникъ въ своей картинѣ представилъ Ахилла, умерщвляющаго Троиля у жертвенника Аполлона* (на что указываетъ треножникъ), *находящагося внѣ города. Только для Ахилла и Троиля онъ воспользовался типомъ Неоптолома съ Астіанактомъ*.

На первый взглядъ можетъ показаться, что рассмотрѣнный рисунокъ стоитъ совершенно изолировано. На самомъ дѣлѣ это, какъ я думаю, не совсѣмъ такъ. Нашъ рисунокъ связанъ, если не съ формальной, то съ внутренней стороны еще съ третьимъ типомъ, кото-

¹⁾ Пріама безъ Астіанакта см. у *Furtwängler, Sammlung Sabouroff, табл. XLVIII 3.*

раго мы пока нарочно не касались—на киликѣ, извѣстномъ первымъ объяснителямъ подъ именемъ мастера Euphorion'a (потомъ стало извѣстно, что на чашѣ было написано Εὐφρόνιος ἐποίησεν, въ силу чего долгое время роспись нашего сосуда слыла за твореніе рукъ самого живописца Евфронія; теперь выяснилось, что сосудъ представляетъ лишь произведеніе мастерской Евфронія, а расписанъ былъ, по всей вѣроятности, Онисимомъ) ¹⁾.

На этой чашѣ дважды изображенъ эпизодъ Ахилла съ Троиломъ и имена приписаны; на одной изъ внѣшнихъ сторонъ мы видимъ, какъ воинъ съ опущеннымъ забраломъ, держа въ лѣвой рукѣ щитъ и копье, правой рукой за волосы тащитъ мальчика къ окровавленному жертвеннику вправо отъ зрителя. Позади жертвенника стоитъ треножникъ, а на самомъ жертвенникѣ лавровая вѣтвь. Налѣво мы видимъ двухъ убѣгающихъ лошадей; за лошадьми и около жертвенника нарисовано по пальмѣ; на внутренней сторонѣ чаши тотъ же сюжетъ въ виду меньшаго пространства повторенъ, такъ сказать, въ эксцерптѣ: опущены треножникъ, пальмы и лошади (лавровая вѣтвь на жертвенникѣ не забыта). Группа Ахилла и Троила представляетъ собою тоже вариантъ. Ахиллъ въ шлемѣ съ поднятыми нащечниками успѣлъ уже снять щитъ и стоитъ слѣва, удачно служа заполненіемъ пустого пространства и панданомъ виднѣющейся части жертвенника; онъ захватывается мечомъ на свою жертву, которая тщетно старается освободиться отъ лѣвой руки героя, уцѣпившейся ей въ волосы.

На этихъ рисункахъ, ясное на первомъ, мы имѣемъ третій моментъ въ изображеніи нашего эпизода: Ахиллъ нагналъ юнаго царевича въ священной рошѣ Аполлона и готовится осквернить алтарь божества невинно пролитую кровью.

На другой чернофигурной идріи, къ сожалѣнію изданной чрезвычайно плохо, мы направо видимъ городскую стѣну, между зубцами которой замѣтны головы защитниковъ ²⁾. На фонѣ стѣны нарисована квадрига; изъ-за стѣны (изъ невидимыхъ городскихъ воротъ) показываются два воина; приблизительно въ центрѣ рисунка представленъ жертвенникъ, на которомъ стоитъ съ умоляющимъ жестомъ маленький мальчикъ, а передъ нимъ огромный сравнительно воинъ, схватившій его за руку и держащій въ правой рукѣ обнаженный мечъ; затѣмъ слѣ-

¹⁾ Эта чаша перенесена Hartwig'омъ въ его Meisterschalen, табл. LIII. Ср. нашъ этюдъ I (*Журналъ Миниметерства Народнаго Просвѣщенія* 1906, май, 246).

²⁾ Overbeck, Heroengallerie, табл. XV, 11.

дуют лошади квадриги. Когда-то ребенка считали статуей Аполлона, но это странное недоразумѣніе давно уже было разъяснено Вельеромъ. Относительно сцены не можетъ быть спора. Овербекъ, конечно, правъ, когда говоритъ, что квадрига на лѣвой сторонѣ явилась лишь какъ панданъ къ квадригѣ направо; но сознавалъ ли самъ рисовальщикъ, что она, согласно литературному преданію и другимъ типамъ вазовой живописи, не могла принадлежать ни Ахиллу, ни Троилю, это для меня еще вопросъ.

Имя *Aχιλλεος* читается совершенно ясно. Менѣе ясно начало имени мальчика, все же въ буквахъ между Ахилломъ и нимъ можно прочесть Трои; подъ рукою затѣмъ слѣдуетъ *λος*. Странно, что Овербекъ дополняетъ *Troilos*, а сохранившееся *λος* считаетъ концомъ слова *καλος* („zwischen Achilleus und Troilos stehen noch die Reste eines καλος“), тогда какъ, конечно, эти двѣ части должны быть соединены вмѣстѣ и тогда мы получаемъ полное имя *Troilos*.

Несмотря на всѣ недостатки описаннаго рисунка, по моему ясно, что и его нужно признать за изображеніе третьей стадіи въ эпизодѣ Ахилла и Троила. Этотъ рисунокъ кромѣ того связанъ съ рисункомъ мюнхенской идрии еще тѣмъ, что въ томъ и другомъ случаѣ представлены городская стѣна съ воинами, квадрига и выходящіе на помощь войны ¹⁾).

На основаніи всего предыдущаго формулирую свое заключеніе такъ: *рисовальщикъ идрии въ Мюнхенѣ задался целью изобразить кончину Троила, причемъ замѣтвовалъ обстановку изъ второго типа, а для главныхъ лицъ воспользовался типомъ Неоптолема съ Астіанактомъ, совершенно послѣдовательно и сознательно отпустилъ фигуру сидящаго или лежащаго на жертвенникѣ Пріама и прибавилъ треножникъ, который изображенъ и на внѣшней сторонѣ описанной выше чаши изъ мастерской Евфронія.*

С. Неоптолемъ въ необычной обстановкѣ.

Въ 1893 г. Гаузеръ издалъ тирринскую амфору изъ собранія Bouguignon въ Неаполѣ, на главномъ рисункѣ которой мы здѣсь оставимся ²⁾). Этотъ рисунокъ до известной степени связанъ съ вазовыми

¹⁾ Въ *Jahrbuch d. k. d. arch. Inst.* 1890, 247 Holwerda издалъ рисунокъ съ „дорическо-аттической амфоры“, который онъ толкуетъ такъ (№ 53): „Achilleus, der am Altar Troilos ermordet“. Представленъ только жертвенникъ и воинъ, который держитъ на лѣвомъ плечѣ мальчика головою внизъ и прокалываетъ ему горло мечомъ.

²⁾ *Jahrbuch d. k. d. arch. Inst.* 1893, 93 сл., табл. I.

рисунками, рассмотрѣнными нами въ первыхъ двухъ отдѣлахъ даннаго этюда. Въ центрѣ представленъ бородатый воинъ, восходящій на колесницу, совершенно съ схемъ Амфиарая на известномъ коринскомъ кратирѣ въ Берлинѣ ¹⁾. Главное различіе заключается въ томъ, что въ правой рукѣ этого воина не обнаженный мечъ, а копье. На колесницѣ стоитъ возница, отличающійся отъ возницы Амфиарая, Ватона, тѣмъ, что у него нѣтъ щита за спиною и χέντρον'a въ рукѣ. Четверка лошадей, запряженная въ колесницу, несется быстро вправо; позади воина лежатъ бокомъ на возвышеніи громадная женская фигура; ея лѣвая согнутая нога стоитъ на землѣ; правая, вытянутая тоже, касалась земли; голова, обращенная лицомъ вверхъ, свѣшивается внизъ; позади головы видна лѣвая рука, локтемъ и кистью опирающаяся о землю; изъ горла фонтаномъ бьетъ кровь ²⁾. Какъ положеніе этой фигуры, такъ и возвышеніе подъ нею, украшенное гравировкою, очень похоже на труть Приама, лежащій на жертвенникѣ; за этой фигурой на второмъ планѣ и влѣво отъ нея сохранились остатки четырехъ женскихъ фигуръ, тоже въ болѣе или менѣе богатой одеждѣ, которыя еще болѣе сближаютъ эту часть рисунка со сценою убитаго Приама, оплакиваемого троянками. Однако въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ жертвенникомъ, а съ курганомъ, какъ полагаетъ издатель на основаніи громадной, вздымающейся вверхъ змѣи, обратившейся съ своей разинутой пастью къ воину ³⁾.

¹⁾ № 1655. см. *Monumenti dell' Inst.* X, табл. IV—V. Wiener Vorlegebl. 1899, табл. X.

²⁾ Hausser, ук. и. 99, по поводу этой фигуры пишетъ: „Die verzwickte Lage der Polyxena rührt indessen hauptsächlich davon her, dass der Maler ein Vorbild benutzte und dasselbe doch in einem Punkte umbilden musste. Er nahm sich den toten, über den Altar des Zeus hingeworfenen Priamos zum Muster, wie ihn attische Vasen darstellen: Overbeck, Heroengallerie Taf. 25, № 22 und der Dreifuss in Berlin Furtwängler № 3988. Hätte er darnach die Polyxena gestellt, mit dem Gesicht nach abwärts, so wäre die Haltung ungefähr richtig geworden; aber er wollte die Wunde in dem Hals andeuten, und zeigen, wie schön im Bogen das Blut herausspritzt; darum hat er der Figur schonungslos den Hals herumgedreht“. Мы кажемся, что издатель въ данномъ случаѣ слишкомъ строгъ по отношенію къ древнему мастеру: поворотъ головы нельзя, конечно, вполнѣ оправдать съ анатомической точки зрѣнія, но рисовальникъ, во всякомъ случаѣ, стремился въ своемъ изложеніи примирить положеніе корпуса съ поворотомъ шеи.

³⁾ По поводу этого возвышенія Hausser (стр. 98) пишетъ: „Die kleinen Stückchen seines Conturs, welche unten frei bleiben, lassen gerade noch erkennen, dass er Bienenkorbgestalt hatte; es ist also derselbe Gegenstand, welcher auf der ebenfalls in unsere Gruppe gehörigen Troilosvase (Overbeck, Heroengallerie Taf XV, 12; Baumei-

Вряд ли можно сомневаться, что женщина пала жертвою воина, вскакивающего на колесницу, чтобы удалиться. „Женщина, пишет Гаузеръ, убитая воиномъ около могилы—слѣдовательно Поликсены, принесенная въ жертву Неоптолему у кургана Ахилла“.

Указавъ на то, что рисовальщикъ для Поликсены воспользовался типомъ убитаго Пріама, Гаузеръ далѣе разсуждаетъ такъ (стр. 99): „Трудно догадаться, какимъ образомъ черта, что Неоптолемъ тотчасъ по умерщвленіи Поликсены всходитъ на колесницу и уноситъ, можетъ имѣть какое-либо основаніе въ поэтическомъ сказаніи. Въ данномъ случаѣ традиція изобразительнаго искусства показываетъ намъ, что повело художника придать сценѣ такой поворотъ: его Неоптолемъ ставить лѣвую ногу на колесницу, озирается назадъ, держать въ правой рукѣ на высотѣ груди оружіе, лѣвою вытягиваетъ впередъ щитъ потому, что художникъ копировалъ для этой фигуры, какъ и для рядомъ стоящаго возницы, Амфіарая и Ватона“.

Кромѣ описанныхъ фигуръ на нашемъ рисункѣ сохранились остатки еще двухъ фигуръ; одна изъ нихъ женская, представлена по сю сторону лошадей, другая—мужская по ту сторону; обѣ быстро бѣгутъ влѣво; передъ правою рукою женской фигуры (кисти руки не осталось) на фонѣ щита Амфіарая сохранилась половина лука; слѣдовательно, мы имѣемъ передъ собою Артемиду, а въ мужчинѣ имѣемъ право признать Аполлона. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся опять съ фигурами, знакомыми намъ изъ трехъ вазовыхъ рисунковъ въ отдѣлѣ А нашего этюда.

Присутствіе Летоидовъ, пишетъ Гаузеръ (стр. 98), при смерти Поликсены, пожалуй, можно было бы оправдать тѣмъ, что по гомеровскому представленію именно эти боги шлютъ внезапную смерть: въ

---

ster III, S. 1973) als *βροτός*, bezeichnet wird. Trotzdem handelt es sich auf der Bourguignon'schen Amphora nicht um einen altar: dies zeigt die grosse Schlange, welche hinter jenem Gegenstand hervorkommt, sie lässt keinen Zweifel darüber, dass hier vielmehr an einen *βροχιδίης τάφος* (Plutarch Themistokles 32) zu denken ist. Der bienenkorbförmige *τόφος*; mit der Grabesschlange ist nachgerade aus einer grossen Anzahl von Vasenbildern bekannt. Die nächste Analogie bietet eine weissgrundige athenische Lekythos, die im Jahrbuch 1891 Taf. 4 abgebildet ist“. Замѣчу однако, что на цитированныхъ Гаузеромъ вазовыхъ рисункахъ эти насими гораздо больше и, насколько мнѣ извѣстно, всегда покрыты бѣлой краской, а не узорами. Конечно, по смыслу въ данномъ случаѣ надо ожидать курганъ, но назвать предметъ, нарисованный на амфорѣ, курганомъ, мнѣ кажется сомнительнымъ; трудно рѣшить и то, насколько сознательно относился самъ мастеръ къ изображенному имъ возвышенію.

особенности при смерти женщины она приписывалась стрѣлѣ Артемиды (Preller-Robert, Griechische Mythologie, I, S. 300).

Все же это объясненіе представляло бы натяжку, ибо если Поликсена пала отъ оружія Неоптолема, то нельзя считать отвѣтственнымъ за то лукъ Артемиды.

Я скорѣе подумалъ бы, что нашъ мастеръ изобразилъ дѣтей Латоны здѣсь какъ сторенниковъ троянцевъ, которые съ ужасомъ бѣгутъ къ новой жертвѣ одного изъ Пелидовъ. Но это объясненіе, будучи, по моему, проще, врядъ ли убѣдительно; помочь Поликсенѣ они больше не могутъ, слѣдовательно, имъ остается наказать убійцу, а не спѣшить къ трупу, какъ простымъ смертнымъ.

Итакъ изображеніе здѣсь Аполлона и Артемиды должно быть оправдано чѣмъ-либо инымъ. Гаузеръ усматриваетъ причину въ вѣотійскомъ вліяніи: „Въ Вѣотіи, пишетъ онъ (стр. 102), играетъ особенную роль культъ ея [Латоны] совмѣстно съ дѣтьми, ибо тамъ на небольшомъ пространствѣ намъ извѣстно нѣсколько храмовъ, посвященныхъ этой тріадѣ (Preller-Robert, I, 233). Въ вѣотійскихъ предѣлахъ локализованы и оба мѣста о Ніобѣ и Титіи“.

Для насъ не служатъ предметомъ темы основанія, заставившія мастера отвести въ своемъ рисункѣ мѣсто и для упомянутыхъ боговъ; для насъ рисунокъ главнымъ образомъ интересенъ тѣмъ, что служитъ характернымъ примѣромъ, какъ *рисовальщики пользовались иногда извѣстными типами для совершенно иныхъ событій, чѣмъ тѣ, для которыхъ эти типы были созданы.*

Вл. Мальбергъ.

ПЕРВЫЙ РИМСКИЙ ДИКТАТОР¹⁾.

4. Возникновеніе диктатуры.

По устраненіи диктатуръ Т. Ларція, А. Постумія, Манія Валерія и старика Цинцинната, первымъ историческимъ диктаторомъ римской республики оказывается диктаторъ 437 года, Мамеръ Эмилиј, при магистрѣ А. Квинкціи Цинциннатѣ¹²¹⁾. При этомъ весьма значительно, что въ предыдущемъ 438 году оба они, какъ диктаторъ, такъ и его магистръ, состояли консулярными трибунами¹²²⁾. А избраніе въ 438 году консулярныхъ трибуновъ являлось всего только вторымъ случаемъ примѣненія этой новой магистратуры, введенной впервые въ 444 году¹²³⁾.

Консулярный трибунатъ, какъ замѣна консулата, представляетъ собою несомнѣнный результатъ борьбы обонхъ сословій изъ-за высшей магистратуры¹²⁴⁾. Напротивъ, диктатура никогда не составляла предмета сословной борьбы. Консулярный трибунатъ обладалъ компетенціей, равносильной компетенціи консуловъ во всѣхъ ея частяхъ. Напротивъ, диктаторскія полномочія были уже консульскихъ, такъ какъ диктаторы назначались лишь для веденія одного каждаго-либо, точно опредѣленнаго, дѣла. Консулярные трибуны всецѣло замѣняли консуловъ. Напротивъ, когда назначался диктаторъ, то консулы продолжали оставаться при власти, но съ тѣмъ, что въ дѣлѣ, которое было поручено диктатору, они могли принимать участіе только по

¹⁾ Продолженіе. См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 годъ, ноябрь, отд. класс. филол.

¹²¹⁾ Liv. 4, 17, 8 сл.

¹²²⁾ Liv. 4, 16, 7—8.

¹²³⁾ Liv. 4, 7, 1.

¹²⁴⁾ Liv. 4, 6, 8.

указаніямъ диктатора и подъ его начальствомъ. Въ противоположность къ нормальной коллегіальности высшей магистратуры, консулата и консулярнаго трибуната, диктатура основывалась на принципѣ единоличной верховной власти. А это примѣнялось первоначально только въ области военнаго дѣла: диктатура возникла, слѣдовательно, какъ форма объединенія верховнаго военнаго начальства. Поэтому условія возникновенія диктатуры необходимо искать на почвѣ военной организаціи.

Организація военныхъ силъ римской республики опредѣлялась конституціей Сервія Туллія, которая, конечно, поскольку дѣло касалось количества вооруженныхъ гражданъ, должна была находиться въ надлежащемъ соотвѣтствіи съ общимъ количествомъ населенія на территоріи римской республики ¹²⁶). Основной агег Romanus, состоящій изъ 17 сельскихъ трибъ при 4 городскихъ ¹²⁶), обнималъ собою пространство, не превышающее 20 квадратныхъ миль съ населеніемъ всего до 60.000 душъ. Предѣлы этой территоріи, установившіеся въ этомъ видѣ одновременно съ водвореніемъ въ Римѣ республиканскаго строя ¹²⁷), оставались безъ перемѣнъ въ теченіе всего перваго столѣтія республики, за исключеніемъ развѣ незначительныхъ измѣненій въ пограничной чертѣ на Альгидѣ, по сосѣдству съ эквами ¹²⁸), и, быть можетъ, около Эрета на сабинской границѣ ¹²⁹). Соотвѣственно такому объему территоріи нужно полагать, что въ теченіе перваго столѣтія республики полевая армія римлянъ, набираемая изъ iuniores до 45-лѣтняго возраста, могла состоять не болѣе, какъ изъ 6.000 голлитовъ при 1.000 легко вооруженныхъ и 600 всадникахъ ¹³⁰). Согласно дѣленію на тысячи (milites отъ mille) въ этой арміи состояло

¹²⁶) См. „Римскія три трибы“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, июль, 336 сл.

¹²⁶) Liv. 2, 21, 7: Romae tribus una et viginti factae.

¹²⁷) См. „Основная территорія римской республики“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, июль.

¹²⁸) Въ 457 году (Liv. 3, 80, 8) Корбионъ и Ортона были здѣсь, повидямому, не завоеваны вновь, а только отвоеваны обратно.

¹²⁹) Однако, это сомнительно (см. гл. 1).

¹³⁰) Только уже во время послѣдней войны съ Веями, потребовавшей экстремнаго напряженія силъ, составъ этой арміи увеличился былъ дополнительными центуриями пѣхоты (5 классовъ) и конницы (XII centuriae equitum), послѣ чего она могла развернуться въ два легіона по 3.000 голлитовъ, 1.200 легковооруженныхъ и 300 всадниковъ въ каждомъ. Дѣйствительно, съ этого времени появляются по два консулярныхъ трибуна во главѣ двухъ самостоятельныхъ армій (Liv. 6, 5, 24; 32; 6, 6 и др.).

всего 6 военных трибуновъ. Рядомъ съ этимъ полагалась еще запасная армія *seniogram*, организованная номинально въ томъ же видѣ, но безъ всадниковъ, такъ какъ всадники набирались исключительно только изъ *iuniores*.

Этой системой двухъ армій, дѣйствующей (*iuniorum*) и запасной (*seniogram*), обуславливалась и двойственность главныхъ военачальниковъ (*praetores*). Однако въ виду различія обѣихъ армій также и положеніе этихъ военачальниковъ должно было быть неодинаковымъ, по крайней мѣрѣ, въ военномъ дѣлѣ: когда дѣйствующая армія отправлялась на войну съ однимъ изъ преторовъ во главѣ, то другой, запасной, преторъ оставался въ городѣ, становясь здѣсь во главѣ арміи *seniogram*, когда опасность угрожала самому городу во время отсутствія дѣйствующей арміи и ея претора, но такъ, что, при случаѣ, и другой, собственно городской, преторъ (*praetor urbanus*) могъ получать военныя порученія внѣ города; въ этомъ случаѣ въ городѣ его замѣнялъ городской префектъ (*praefectus urbi*). Отсюда само собою выходило, что собственно военнначальническая власть принадлежала главнымъ образомъ только одному изъ преторовъ, въ то время какъ функціи другого ограничивались по преимуществу только городскими дѣлами, но такъ что въ случаѣ необходимости и онъ становился военачальникомъ. Иными словами: одинъ преторъ былъ главный, другой—второстепенный.

Дѣйствительно, имѣется много такихъ данныхъ, которые указываютъ на единоличное начало въ дѣйствіяхъ высшей магистратуры въ древнѣйшія времена. Освященіе храма Юпитера производитъ одинъ Гораций, и подобнымъ образомъ освященіе храма Меркурія—одинъ М. Laetorius, Цереры—одинъ Кассій, Кастора—одинъ Постумій, Аполлона—одинъ Гн. Юлій ¹²¹⁾; также и впоследствии, когда дѣло поручалось дуумвирамъ, освященіе производилъ только одинъ изъ нихъ. Въ такомъ же положеніи находились и дуумвиры *perduellionis*; также и въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ только одинъ изъ нихъ ¹²²⁾. Союзъ съ латинами заключаетъ одинъ Кассій, и только имя его одного вносится въ текстъ договора. Отсутствующихъ консуловъ замѣняетъ лишь одинъ *praefectus urbi*. Диктаторъ избирается только однимъ изъ обоихъ консуловъ. Децемвиры 451 года, пользовавшіеся консульскою (т. е. коллегіальною) властью (*consulari potestate*), чередуются въ

¹²¹⁾ Liv. 1, 29, 7.

¹²²⁾ Liv. 1, 26, 7: alter ex iis.

этой власти по одному каждый день. Подобная очередь установилась и для самих консуловъ въ тотъ періодъ времени, когда примѣнялся принципъ совмѣстности дѣйствій обоихъ консуловъ, какъ равноправныхъ товарищей. Этотъ принципъ совмѣстности дѣйствій обоихъ консуловъ, столь непрактичный въ военномъ дѣлѣ, принятъ былъ, вѣроятно, только съ 366 года, ради полного уравниенія плебейскаго консула съ его товарищемъ, и продержался только до 339 года. Послѣ этого дѣло предоставлялось обоюдному соглашенію консуловъ и могло устраниваться различно въ разныхъ случаяхъ, причемъ какъ разъ въ военныхъ дѣлахъ съ теченіемъ времени вошло въ обычай регулярное распредѣленіе консульскихъ „провинцій“. Въ анналистической традиціи принципъ распредѣленія провинцій между обоими консулами проводится и по отношенію къ первому столѣтію республики. Однако это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ основной летописи не заключалось такихъ данныхъ, которыя указывали бы на существованіе въ то время принципа совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ консуловъ, такъ что въ однихъ случаяхъ (напр. въ 449 г.) могли происходить параллельныя дѣйствія ихъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ, а въ другихъ случаяхъ могъ выступать только одинъ консулъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ кажущійся пробѣлъ по большей части восполняется вымышленными войнами, для того, чтобы занять дѣломъ на равныхъ правахъ и другого консула (напр. сабинскія войны 458 и 457 годовъ). Тѣмъ не менѣе и въ наличной редакціи повѣствованія о первомъ столѣтіи республики сохранились нѣкоторые слѣды первоначальнаго различія въ положеніи обоихъ консуловъ ¹³³⁾, по которому одинъ изъ нихъ функционировалъ въ городѣ, когда другой отправлялся на войну ¹³⁴⁾.

При такомъ взглядѣ на консуловъ, какъ неравныхъ въ то время товарищей, получается новое освѣщеніе также для вопроса о возникновеніи судебной претуры. Въ 366 году, послѣ пятилѣтней борьбы (не считая пятилѣтней же *solitudo magistratum*), проведенъ былъ, по Ливію, законъ, гарантировавшій плебейамъ одно консульское мѣсто. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ компенсаціи за свою уступку, патриціи добились учрежденія отдѣльной судебной претуры ¹³⁵⁾. Ливій предста-

¹³³⁾ См. особенно Liv. 3, 22—23 (дѣятельность консула Корнелия въ отлучіе отъ его товарища Фабія).

¹³⁴⁾ Ср. также распредѣленіе функций между децемвирами въ 449 году (Liv. 3, 41, 9—10).

¹³⁵⁾ Liv. 3, 42, 11: *concessumque ab nobilitate plebi de consule plebeio, a plebe nobilitati de praetore uno, qui ius in urbe diceret.*

вляеть себѣ эту претуру, какъ совершенно новую магистратуру, только что созданную, наравнѣ съ курульнымъ эдилствомъ ¹²⁶⁾. При этомъ онъ заявляеть, что плебеи согласились на предоставленіе этой новой магистратуры патриціямъ (*de praetore ex patribus creando*). Однако, по крайней мѣрѣ, послѣднее утвержденіе не совсѣмъ точно. Впрочемъ вѣрна только фактическая сторона этого утвержденія, такъ какъ патриціи дѣйствительно занимали претуру подрядъ въ теченіе нѣсколькихъ 30-ти лѣтъ послѣ принятія закона Лицинія о высшей магистратурѣ. Первый преторъ изъ плебеевъ избранъ былъ въ 337 году ¹²⁷⁾. По этому поводу Ливій говоритъ только о противодѣйствіи предсѣдательствовавшаго на выборахъ консула, но не о противозаконности самого собранія; даже сенатъ не возражалъ противъ представленія претуры плебею Кв. Публилію Филону. Изъ этого слѣдуетъ, что избраніе патриціанскихъ преторовъ въ предшествующіе 30 лѣтъ основывались не на законѣ, а только на фактическомъ вліяніи патриціевъ. Патриціанскій характеръ судебной претуры не былъ предопредѣленъ закономъ Лицинія; иначе потребовалось бы въ 337 году изданіе новаго закона въ отиѣну прежняго законоположенія, чего, однако, не было. Въ виду этого позволительно не принимать на вѣру и прочихъ утвержденій Ливія о нововведеніяхъ, вызванныхъ принятіемъ закона Лицинія о предоставленіи плебеямъ одного консульскаго мѣста, поскольку дѣло касается точности употребленныхъ имъ выраженій.

Въ старыя времена высшіе два магистрата назывались *praetores*. Изъ этого явствуетъ, что формулировка предложенія Лицинія у Ливія: *ut consulum utique alter ex plebe crearetur* ¹²⁸⁾ не точна, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ слову *consulum*, вмѣсто *praetorum* *consulum*. Требованіе закона Лицинія о томъ, что одинъ изъ консуловъ долженъ быть непременно изъ плебеевъ, сохраняло силу дѣйствующаго закона еще въ вѣкъ Цицерона ¹²⁹⁾. Поэтому возможно, что у Ливія дана не полная и точная выдержка изъ подлиннаго текста закона Лицинія (этому противорѣчитъ уже слово *consulum*); а, напротивъ, вкратцѣ лишь та формулировка смысла этого закона,

¹²⁶⁾ Liv. 7, 1, 1: *annus hic erit insignis novis duobus magistratibus, praetura et curuli aedilitate.*

¹²⁷⁾ Liv. 8, 15, 9.

¹²⁸⁾ Liv. 6, 35, 5.

¹²⁹⁾ Cic. de domo 14, 37: *angustior sibi esse petitionem consulatus (о патриціяхъ).*

которая сложилась на практикѣ позднѣйшихъ временъ. Подлинная формулировка закона Лицинія могла быть нѣсколько иная. Если изъ двухъ прежнихъ *praetores* одинъ считался главнымъ (*maior*), а другой—второстепеннымъ (*minor*)¹⁴⁰, и если послѣдній вѣдалъ по преимуществу только городскія дѣла, причемъ оба одинаково избирались изъ патрициевъ, то патриціанскій консуль и патриціанскій *praetor urbanus* въ 366 году представляли собою прямое и непосредственное продолженіе прежней организациі высшей магистратуры. Учрежденіе отдѣльной судебной преторы сводилось лишь въ тому, что городское судопроизводство было теперь предоставлено всецѣло меньшему претору, въ то время какъ старшій преторъ былъ устраненъ отъ этого дѣла. А это послѣднее было вызвано именно тѣмъ, что старшій преторъ получилъ въ 366 году плебейскаго товарища, которому-то патриціи и не соглашались поручить производство суда въ городѣ. Нововведеніе состояло прежде всего въ удвоеніи должности старшаго претора, т. е. въ превращеніи этой прежде единоличной должности въ коллегіальную (консулярную), въ то время какъ должность младшаго претора осталась въ прежнемъ видѣ. Преобразование коснулось должности младшаго претора лишь постольку, поскольку судопроизводство предоставлено было ему одному. Первоначальному положенію единаго судебного претора соответствуетъ и его официальное наименованіе: *praetor qui ius in urbe dicit* или короче: *praetor urbanus*, удержавшееся, въ качествѣ пережитка старины, и тогда, когда добавилась должность претора peregrиновъ, при которой наименованіе перваго претора оказывалось собственно безсмысленнымъ, такъ какъ и преторъ peregrиновъ производилъ судъ въ городѣ (*ius in urbe dicere*), будучи въ этомъ отношеніи совершенно такимъ же *praetor urbanus*, какъ и первый.

Оба старшіе претора, патриціанскій и плебейскій, по изъятіи изъ ихъ вѣдѣній городского судопроизводства, являлись равноправными товарищами во всемъ остальномъ объемѣ компетенціи высшей магистратуры, въ томъ числѣ и въ области военнаго дѣла. Мало того: нужно полагать, что тогда именно, ради принципа равноцѣнности обоимъ товарищамъ, установилось то правило о совмѣстности ихъ дѣй-

¹⁴⁰) Единичный характеръ высшей восначальной власти въ времена, предшествовавшія законодательству Лицинія, рѣзко выраженъ въ текстѣ старинной надписи у Ливія (7, 8, 5): *lex vetusta est, prisca litteris verbisque scripta, ut, qui praetor maximus sit, clavum pangat*. Выраженіе „*praetor maximus*“ истолковано было въ 863 году въ смыслѣ *dictator*. См. ниже выноску 220.

ствій, которое продержалось до 339 года и, потерявъ послѣ этого обязательную силу въ области военнаго дѣла, сохранилось, какъ общес явленіе, въ области domi. Вънѣшнимъ выраженіемъ принципа совмѣстности дѣйствій обоихъ равноцѣнныхъ товарищей служило наименованіе ихъ терминомъ praetores consules „совмѣстно дѣйствующіе преторы“ ¹⁴¹⁾, въ противоположность къ единоличнымъ дѣйствіямъ меньшаго ихъ коллеги, судебного претора ¹⁴²⁾. Слѣдствіемъ удвоенія высшей претурмы явилось также удвоеніе количества легионовъ съ 2-хъ до 4-хъ; однако это произошло, вѣроятно, только уже послѣ отиѣмъ принципа совмѣстности дѣйствій обоихъ консуловъ, то-есть послѣ 339 года.

Такимъ образомъ, пока еще не было двухъ равноцѣнныхъ praetores consules, рядомъ съ третьимъ, судебномъ преторомъ, а были только вообще два praetores, изъ которыхъ одинъ считался старшимъ, а другой младшимъ, роли этихъ двухъ первоначальныхъ преторовъ были напередъ опредѣлены (напр. въ зависимости отъ того, кто получилъ больше голосовъ). Напередъ было уже рѣшено, кому изъ нихъ стать во главѣ дѣйствующей арміи въ военное время. Нѣчто совсѣмъ другое получалось, когда взамѣнъ двухъ преторовъ, именуемыхъ въ аниалистической традиціи консулами примѣнительно къ позднѣйшей терминологіи, стали избирать военныхъ трибуновъ. Согласно вышеназложеннымъ соображеніямъ, армія (legio) въ первомъ столѣтіи республики состояла всего только изъ 6.000 тяжело вооруженныхъ голлятовъ. Во главѣ каждой тысячи (milites) стоялъ tribunus militum ¹⁴³⁾, такъ что было всего 6 военныхъ трибуновъ. Обязан-

¹⁴¹⁾ Само по себѣ слово consul, конечно, древнѣе того времени и восходитъ, вѣроятно, еще къ царской эпохѣ (Филол. Обзор. IV, 2, 148), когда этииъ терминомъ могли обозначаться обязательные совѣтники цари въ судебныхъ дѣлахъ, подобные „посадникамъ“, безъ содѣйствія которыхъ исковской князь не могъ ничего рѣшать. Этотъ оттѣнокъ обязательнаго соучастія заключается и въ терминѣ „consulari potestate“ для обозначенія полномочій децемвировъ и консулярныхъ трибуновъ. По отношенію, по крайней мѣрѣ, къ первымъ слово consularis не можетъ обозначать „консульскій“, такъ какъ власть ихъ была выше власти консуловъ.

¹⁴²⁾ Сочетаніе praetores consules нигдѣ не засвидѣтельствовано прямо, но косвенно вытекаетъ съ полною очевидностью изъ греческаго термина στρατηγὸς βλατος, употребляемаго еще Полибиемъ (рядомъ съ сокращеннымъ βλατος — consules). Греческіе термины для обозначенія римскихъ должностей сложились во второй половинѣ IV столѣтія на югѣ Италіи, вслѣдствіе чего и сохранились въ нихъ нѣкоторые слѣды старинны (ср. ὑπάρχων — tribunus militum).

¹⁴³⁾ Tribuni militum не утратили своего значенія начальниковъ тысячи даже

ности преторовъ („консуловъ“) поручались впоследствии (съ 405 года) всѣмъ шести трибунамъ ¹⁴⁴⁾, на первыхъ же порахъ только тремъ, потомъ четыремъ. При этомъ одинъ изъ нихъ занималъ положеніе предполагаемаго нами для этого времени меньшаго претора (praetor urbanus) ¹⁴⁵⁾. Остальные же 2—3 трибуна замѣняли, слѣдовательно, старшаго претора, въ качествѣ единоличнаго начальника дѣйствующаго легіона. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣла явилось соперничество между этими трибунами, вызывавшее конфликты изъ-за распредѣленія военачальческихъ функций ¹⁴⁶⁾. Консулярный трибунатъ, представляя собою случайный результатъ политической борьбы сословій, не удовлетворялъ условіямъ военнаго дѣла. Въмѣсто единоличнаго военачальника-претора получилась многоголовая коллегія трибуновъ. Такое отсутствіе объединенной военной власти должно было вызывать потребность въ новыхъ мѣрахъ, направленныхъ къ установленію единоличной верховной власти въ войскѣ. И вотъ выходъ изъ положенія, созданнаго консулярнымъ трибунатомъ, найденъ былъ въ диктатурѣ.

И дѣйствительно, первый историческій примѣръ диктатуры не только принадлежитъ къ періоду консулярнаго трибуната, но вмѣстѣ съ тѣмъ совпадаетъ съ тяжелыми обстоятельствами въ области внешней политики. Къ тому же избраніе этого перваго диктатора сопровождалось своеобразными обстоятельствами. Въ 438 году везентскій царь Лартъ Толумній отнялъ у римлянъ городъ Фиденъ на лѣвномъ берегу Тибра, входившій въ составъ зааніенскихъ трибъ ¹⁴⁷⁾. А когда туда

еще въ IV-мъ столѣтіи до Р. Хр., какъ видно изъ передачи ихъ титула греческимъ *χιλίαρχος*.

¹⁴⁴⁾ О максимальномъ количествѣ 6 консулярныхъ трибуновъ см. *Hermes*, 1903, 116 сл. (*Mommsen*, *Das neugefundene Bruchstück der Capitolonischen Fasten*).

¹⁴⁵⁾ Ср. Liv. 4, 31, 1: *tribuni militum consulari potestate quattuor creati sunt; ex his Coeus praefuit urbi; ib. 45; 59 и др.*

¹⁴⁶⁾ Liv. 4, 31, 2: *tres documento fuere, quam plurimum imperium bello inutile esset; 4, 45, 7: certamen subito inter tribunos exortum, se quique Belli ducem potiorum ferre.*

¹⁴⁷⁾ Liv. 4, 17, 1.—Исконная принадлежность Фиденъ къ Лацию видна изъ списка латинскихъ XXX populi, участвовавшихъ въ албанскомъ праздникѣ („Вопросы древняго Лациа“, 361 сл.). А для данной эпохи принадлежность этого города къ территоріи римской республики явствуетъ изъ прозвища консула 437 года L. Sergius Fidencan, показывающаго его происхожденіе изъ Фиденъ (хотя Livий 4, 17, 7 толкуетъ это прозвище въ смыслѣ побѣднаго титула). Съ этого только времени начинается борьба изъ-за Фиденъ. Все, что говорится о Фиденѣхъ въ первыхъ двухъ

были отправлены послы римлянъ для переговоровъ съ царемъ Толумніемъ, то послѣдній приказалъ казнить ихъ. Несмотря на такія вопіющія обиды, находившіеся тогда во власти консульские трибуны L. Quinctius Cincinnatus, Mamercus Aemilius и L. Julius ничего не предприняли противъ Толумнія и Фиденя. Въмѣсто этого они приступили къ производству консульскихъ выборовъ и только тогда, когда двое изъ этихъ же трибуновъ, Мамеркъ Эмилиій и Цинциннатъ, получили черезъ посредство консула званія диктатора и магистра конницы, они уже въ этихъ новыхъ званіяхъ отправляются походомъ противъ Толумнія.

Вѣковая почти борьба Рима съ Веями распадается на три періода. Первый періодъ (въ предѣлахъ второй книги Ливія) окончился заключеніемъ 40-лѣтняго перемирія около 472 года, считая эти 40 лѣтъ за 34, согласно старому лѣтосчисленію по 10-мѣсячнымъ этрусскимъ годамъ. Въ этотъ періодъ (разбору относящихся сюда свѣдѣній будетъ нами посвящена отдѣльная статья) перевѣсъ оказался на сторонѣ вееянъ: римляне должны были уступить имъ полосу своей земли за Тибромъ отъ веентскихъ границъ до морского берега, состоявшую изъ семи паговъ и соляныхъ промысловъ на правой сторонѣ устья Тибра. Во второмъ періодѣ, длившемся съ 488 по 425 годъ, вееянне вознамѣрились распространить свою власть и на лѣвый берегъ Тибра въ зааніенской части римской территоріи. Однако силы обоехъ соперниковъ оказывались тогда уже равными. Вееяннамъ сперва удалось укрѣпить свою власть въ римскихъ Фиденахъ, но, въ концѣ концовъ они были вынуждены возвратитъ этотъ городъ обратно римлянамъ. Этотъ періодъ окончился 20-лѣтнимъ (т. е. въ дѣйствительности 17-лѣтнимъ) перемиріемъ на условіяхъ *statu quo ante*. Въ 407 году открылся третій періодъ, окончившійся паденіемъ и разрушеніемъ Вей въ 406 году. На этотъ разъ римляне дѣйствовали уже агрессивно съ самаго начала, предъявивъ вееяннамъ требованіе о возвращеніи чего-то такого, что принадлежало раньше римлянамъ (*res heredi coerptae*). Сущность этого требованія не разъяснена въ анналахъ Ливія; однако въ виду того, что это требованіе было отвергнуто вееяннами съ негодованіемъ и что римляне съ своей сто-

---

книгахъ Ливія, лишено всякаго историческаго значенія по своему фактическому содержанію. Наоборотъ, связь Ромула съ веентской войной и въ частности съ борьбой изъ-за Фиденя доказываетъ, что образъ этого царя сложился только уже въ республиканскія времена, послѣ возникновенія борьбы съ Веями.

роны приступили къ самымъ серьезнымъ приготовлениямъ (введеніе солдатскаго жалованья и реорганизація прежде единого легіона въ два легіона съ введеніемъ новаго тактическаго дѣленія на манипулы и съ принятіемъ новыхъ образцовъ вооруженія), можно полагать, что предъявленное тогда римлянами требованіе касалось возврата земли, отошедшей къ веентянамъ на правомъ берегу Тибра въ первый періодъ ихъ борьбы съ Веями.

По величинѣ города и принадлежавшей къ нему территоріи, а, слѣдовательно, и по количеству населенія Вей нисколько не уступали тогдашнему Риму ¹⁴⁶⁾; богатствомъ же веентяне значительно превосходили римлянъ. Въ серединѣ V столѣтія до Р. Хр. веентяне являлись для римлянъ самыми грозными соперниками также и въ виду превосходства этрусской культуры вообще въ сравненіи съ другими враждебными сосѣдями Рима, изъ которыхъ римлянамъ тогда приходилось серьезно считаться только еще съ эквами на Альгидѣ и отчасти также съ анціатами; но противъ послѣднихъ римлянамъ удалось обезопасить себя заключеніемъ specialнаго договора съ Ардеей. Успѣху римлянъ въ третій періодъ ихъ борьбы съ Веями много содѣйствовалъ обнаружившійся въ то время между этрусками переходъ отъ монархическаго образа правленія къ республиканскому (въ частности о Веяхъ см. Liv. 4, 58, 2; 5, 1, 2). Напротивъ, во второмъ періодѣ въ Веяхъ прочно еще держалась крѣпкая царская власть, а это также создавало для веентянъ не малое преимущество передъ римскою республикой съ ея внутренними раздорами сословій, вызвавшими ослабленіе верховной власти въ формѣ консулярнаго трибуната. Опасность, созданная занятіемъ Фиденъ со стороны веентянъ, и вынудила римлянъ противопоставить царю Толумніа подобнаго единоличнаго полководца въ лицѣ диктатора Мамерка Эмилія.

Дѣло, завязавшееся въ 438 году, по хронологическому распредѣленію матеріала у Ливія, разразилось большой битвой между римлянами и веентянами на стрѣлкѣ между Тибромъ и Аніеномъ. По изложенію Ливія (4, 19), съ которымъ согласенъ и Діонисій (12, 5), въ этой битвѣ погибъ царь Толумній отъ руки римскаго военнаго трибуна А. Корнелія Косса; снятые Коссомъ съ Толумніа доспѣхи вы-

¹⁴⁶⁾ Окружность городской стѣны въ Веяхъ равнялась 9 км., въ Римѣ 9, 8 км. (Nissen, Landeskunde, II, 357). Территорія Вей простиралась отъ Тибра до saltus Ciminia; къ ней принадлежала и Канена въ качествѣ „колонія“ Вей, и область орошаемыхъ римлянами послѣ паденія Вей колоній Sutrium и Nepes.

ставлены были въ храмъ Юпитера Феретрія. При этомъ Ливій (4, 20, 5) ссылается на то, что и всѣ анналисты передъ нимъ приписывали этотъ подвигъ Коссу именно въ званіи военнаго трибуна. Между тѣмъ по случаю реставраціи храма Юпитера Феретрія Августъ открылъ тамъ подлинный полотняный панцырь Толумнія съ надписью самого Косса, въ которой значилось, что доспѣхи взяты были имъ въ званіи консула. А консуломъ Коссъ сдѣлался только 10 лѣтъ спустя, въ 428 году (Liv. 4, 30, 4), изъ чего слѣдуетъ, что смерть Толумнія отъ руки Косса не можетъ принадлежать во времени перваго же столкновенія римлянъ съ вентянами въ 437 году. Правильность свидѣтельства надписи на панцырѣ самъ Ливій подтверждаетъ разъясненіемъ понятія о spolia opima (4, 20, 6): ea rite opima spolia habentur, quae dux duci detraxit, nec ducem novimus, nisi cuius auspicio bellum geritur. Тѣмъ не менѣе, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ авторитета анналистовъ ¹⁴⁹⁾, единогласно признававшихъ Косса воен-

¹⁴⁹⁾ Открытая Августомъ надпись консула Косса на панцырѣ Толумнія, повидимому, поставила Ливію въ большое затрудненіе. Его разсужденіе по этому поводу, вѣстельное имъ, какъ бы въ видѣ дополнительнаго примѣчанія въ готовый уже текстъ, отражаетъ въ себѣ формулу: съ одной стороны нельзя не признаться, а съ другой — нельзя не сознаться. Съ одной стороны, ему очень трудно примириться съ мыслью о недостоверности такого извѣстія, которое сообщалось въ одинаковомъ видѣ всѣмъ анналистами. Но, съ другой стороны, Ливію не хотѣлось обидѣть Августа. Помимо того, что само по себѣ открытіе надписи Косса являлось заслугой именно Августа, эта надпись имѣла для него же и немаловажное практическое значеніе, какъ указалъ теперь Дессау (*Hermes*, 1906, 142 сл.). Въ 27 году, 4-го іюля, проконсулъ Македоніи М. Lucinius Staccus праздновалъ въ Рнѣ свой триумфъ надъ бастарнами, но доспѣхи бастарнскаго вождя Дельдона не были имъ выставлены въ храмѣ Юпитера Феретріяскаго (Dio, 51, 24). Дессау объясняетъ это вполне убѣдительно противодѣйствіемъ Августа на основаніи теоріи, выработавшейся, по мнѣнію Дессау, еще во время господства нобилитета (*Fest.* p. 189 и *Plut. Marcell.* 8 ссылаются даже на *lex regia*), по которой spolia opima могли быть выставлены только верховнымъ полководцемъ, одержавшимъ побѣду подъ собственными своими auspiciis (Liv. 4, 20, 6); въ данное время это являлось прерогативой власти Августа, какъ единственнаго верховнаго полководца римскаго народа. Однако этой теоріи противорѣчили доспѣхи Толумнія, выставленные, согласно анналистической традиціи, военнымъ трибуномъ Коссомъ. И вотъ открытіе надписи, удостовѣрившей консульское достоинство Косса, пришлось Августу настолько встать, что Дессау (стр. 149 сл.) готовъ даже заподозрить его въ подлогѣ. При этомъ Дессау обращаетъ вниманіе на слово *consul*, такъ какъ въ старину консулы назывались *praetores*. Правда, изъ словъ Ливія (§ 7) видно, что онъ только слышалъ объ этой надписи (*audissem*), но не потрудился самъ ознакомиться съ нею. Поэтому и званіе Косса онъ могъ обозначить общепринятымъ тогда словомъ, въ то время какъ въ самой надписи могло стоять слово *praetor*. Консульское званіе Косса на основаніи той же надписи принималъ и Варронъ (у

нымъ трубуномъ, Ливій (4, 20, 9) возражаетъ противъ приуроченія подвига Косса въ году его консульства, указывая на то, что этотъ годъ является слишкомъ мало подходящимъ для такого событія, такъ какъ тогда, въ теченіе трехъ лѣтъ, свирѣпствовали повальные болѣзни и голодъ; скорѣе онъ былъ бы согласенъ приурочить это событіе въ 426 году, когда Коссъ состоялъ въ должности консулярнаго трибуна, будучи тогда же назначенъ и магистромъ всадниковъ при диктаторѣ Мамеркѣ Эмилиіи. Согласно съ этимъ разсужденіемъ Ливія, послѣдующіе писатели называютъ Косса частью консулярнымъ трибуномъ (Serv. Aep. 6, 842), частью магистромъ (Val. Max. 3, 2, 4. Flor. 1, 11, 3). Консульское достоинство Косса во время его подвига признаетъ одинъ лишь Веррій Флаккъ, современникъ Ливія (Fest. p. 186 M.).

Къ этому присоединяется еще то, что Діодоръ (12, 80), игнорируя подвигъ Косса, сообщаетъ нѣвѣстіе объ убійствѣ римскихъ пословъ въ Фиденѣхъ не подъ 438 годомъ, какъ Ливій, а подъ 426 годомъ, когда Коссъ былъ консулярнымъ трибуномъ и магистромъ. Моммзэнъ, разсматривая этотъ вопросъ въ связи съ вопросомъ о достовѣрности Діодора ¹⁶⁰), полагаетъ, что Діодоръ въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, воспроизводитъ версію древнихъ анналистовъ, по которой не только убійство пословъ, но и подвигъ Косса приурочивался къ 426 году, и что датировка Ливія, подъ 437 годомъ, является позднѣйшимъ искаженіемъ, вызваннымъ будто бы тѣмъ, что одинъ изъ консуловъ 437 года, L. Sergius, носилъ прозвище Fidenas. Дѣйствительно, подобнымъ образомъ толкуетъ это прозвище и Ливій (4, 17, 8). Однако такое толкованіе имени Fidenas, въ качествѣ побѣднаго титула, имѣло бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы тогда римляне подъ предводительствомъ Сергія завоевали Фидену, чего, на самомъ дѣлѣ, не было. Притомъ Ливій не связываетъ своего толкованія съ главной побѣдой того года, одержанной диктаторомъ, а съ какой-то стычкой консула Сергія съ вентскимъ царемъ, происшедшей cis Anienem, а, слѣдовательно, совсѣмъ въ сторонѣ отъ Фиденъ. Толкованіе Ливія, искусственность котораго сразу бросается въ глаза ¹⁶¹), не на-

Феста l. c.), который, однако, допускалъ, что *arolia optima* могла быть взяты даже простыми солдатами, но при этомъ, вѣроятно, добавлялъ, что въ храмѣ Юпитера Феретрійскаго могли быть выставлены только доспѣхи, снятые самимъ вождемъ, согласно отставившему Августомъ возвращенію.

¹⁶⁰) Моммзен, *Röm. Forsch.* II, 236 сл.

¹⁶¹) Какъ во многихъ другихъ случаяхъ, прозвище Fidenas означаетъ происхожденіе Сергіевъ изъ Фиденъ, принадлежавшихъ дотогѣ римлянамъ.

ходится такимъ образомъ ни въ какой связи, ни съ подвигомъ Косса, ни даже съ убійствомъ пословъ въ Фиденахъ.

Мнѣніе Моммзена идетъ въ разрѣзъ съ прямымъ заявленіемъ самаго Ливія о томъ, что всѣ анналисты (*omnes ante me auctores* 4, 20, 5) признавали Косса простымъ военнымъ трибуномъ; а такъ какъ въ 426 году онъ былъ уже консульскимъ трибуномъ, то изъ этого слѣдуетъ, что у анналистовъ, на которыхъ ссылается Ливій, подвигъ Косса не могъ значиться подъ 426 годомъ, тѣмъ болѣе что самъ же Ливій допускаетъ такое приуроченіе лишь въ видѣ *libera coniectura* (4, 20, 10), а вовсе не какъ наличный фактъ въ анналистикѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя считать мнѣнія Моммзена лишеннымъ всякаго основанія, но лишь постольку, поскольку дѣло касается предполагаемаго источника Діодора, именно анналиста Кассія Гемини, а не древней анналистики вообще. Кассій жилъ въ серединѣ II столѣтія и писалъ, вѣроятно, раньше Пизона. Его анналы состояли всего только изъ четырехъ книгъ, а во второй книгѣ было у него изложено все то, что у Ливія заключается въ цѣлой первой декадѣ, т. е. весь царскій періодъ и первые два столѣтія республики цѣликомъ. Изъ этого явствуетъ, что вторая книга Кассія Гемини, представляя собою весьма сжатое обзорѣніе событій, въ особенности если принять во вниманіе, что нѣкоторые эпизоды изъ этого времени все-таки оказывались разработанными у него довольно обстоятельно, что могло осуществиться только въ ущербъ общей обстоятельности содержанія второй книги. При такихъ условіяхъ также вейентскія войны 438—425 годовъ должны были быть изображены въ видѣ самаго сжатаго обзорѣнія, въ которомъ начало и конецъ событій пространственно соприкасались весьма близко. Діодоръ же въ свою очередь еще болѣе сократилъ это сжатое обзорѣніе, представивъ только поводъ войны (убійство пословъ) и ея окончаніе (побѣда диктатора Мамерка Эмилиа и его магистра А. Корнелия Косса) и опустивъ всѣ остальные подробности, въ томъ числѣ и подвигъ Косса. Редакція, данная Діодоромъ, имѣя значеніе только для характеристики работы самого Діодора ¹⁶²⁾ и его источника, не можетъ служить основаніемъ для вывода Моммзена о томъ, что въ анналистикѣ существовало разногласіе въ опредѣленіи хронологіи относительно убійства пословъ въ Фиденахъ и подвига Косса. Изъ свидѣтельствъ Ливія видно, что такого разногласія и вовсе не было.

Поэтому совершенно неосновательнымъ является и общее заклю-

¹⁶²⁾ Подобнымъ образомъ у Діодора (14, 98) подведена подъ одинъ 394 годъ и война съ ливами въ 394—2 годахъ.

ченіе Моммзена, сдѣланное имъ на основаніи этого мнимаго разногласія, что для 438—425 годовъ не могло существовать подлинныхъ записей понтификальной хроники и что память объ убійствѣ пословъ и о подвигѣ Косса сохранилась только благодаря панцирю въ храмѣ Юпитера Феретрійскаго и благодаря памятникамъ, воздвигнутымъ въ честь убитыхъ пословъ. Однако, по крайней мѣрѣ, панцирю Толуміи анналисты удѣляли слишкомъ мало вниманія, о чемъ свидѣтельствуетъ сообщеніе Ливія, что надпись на этомъ панцирѣ была открыта впервые только Августомъ, да и то лишь случайно, когда, по причинѣ капитальной перестройки храма Юпитера Феретрійскаго, пришлось на время снять съ мѣста находившіеся тамъ предметы. Болѣе доступнымъ средствомъ для сохраненія памяти о старыхъ событіяхъ являлись статуи, поставленныя на форумѣ; однако на старинныхъ статуяхъ врядъ ли находились какія-либо другія надписи, кромѣ имейтъ, какъ это было еще на древнѣйшемъ саркофагѣ Сципіоновъ (стихотворная надпись добавлена впоследствии).

Выше (въ гл. 3) было указано, что, начиная съ 464 года, у Ливія появляются такія свѣдѣнія, которые съ полною очевидностью доказываютъ существованіе современныхъ лѣтописныхъ записей. Но эти записи еще въ послѣдующемъ столѣтіи состояли изъ краткихъ и сухихъ замѣтокъ, подчасъ даже мало вразумительныхъ, которыя потомъ анналистами разрабатывались въ болѣе полныя и подробныя картинныя событія съ разными передѣлками и дополненіями. Какъ многое другое (напримѣръ, объ диктатурѣ Цинцинната), такъ и произвольное опредѣленіе датъ подвига Косса, противорѣчащее свидѣтельству надписи, найденной Августомъ, является только показателемъ того, какъ римскіе анналисты обращались съ матеріаломъ подлинной лѣтописи. Въ частности по отношенію къ 429—427 годамъ, изъ которыхъ средній былъ годомъ консульства Косса, Ливій (4, 20, 9) свидѣтельствуетъ о чрезвычайной скудности относящагося къ этимъ годамъ матеріала, такъ что у нѣкоторыхъ анналистовъ дѣло исчерпывалось одними только именами магистратовъ. Это заявленіе Ливія подтверждается и собственнымъ его изложеніемъ событій за эти годы (4, 30, 4 сл.). Тѣмъ не менѣе подъ годомъ консульства Косса у Ливія дана краткая замѣтка о всенятнахъ и фиденатахъ, довольно подозрительная по освѣщенію сообщаемого въ ней факта (см. ниже), о которомъ въ подлинной лѣтописи упоминалось, повидимому, только глухо, въ двухъ трехъ словахъ. Такое глухое замѣчаніе могло быть здѣсь первоначально по подвигѣ Косса.

Перенесеніе подвига Косса въ начальнымъ годамъ воевской войны вполне понятно, какъ замѣна сухого гѣтописнаго замѣчанія болѣе содержательнымъ устнымъ преданіемъ о царѣ Толумніи, примыкавшимъ къ поставленнымъ на форумѣ статуямъ убитыхъ имъ пословъ. Народная фантазія сказывается особенно ярко въ рассказѣ Ливія (4, 17, 3) объ обстановкѣ убійства за игрой въ кости. Характеру народнаго преданія соответствуетъ также и то, что, вопреки историческимъ фактамъ, наказаніе Толумніи (его смерть) совершается вслѣдъ за преступленіемъ, въ ближайшей послѣ этого битвѣ. Также и детали рассказа указываютъ на позднѣйшее происхожденіе его въ данной формѣ. Коссъ является однимъ изъ всадниковъ (4, 19, 1: erat tum inter equites) и стоитъ во главѣ ихъ (§ 6: *Cossus cum equitatu*). Онъ и сражается верхомъ и соскакиваетъ съ лошади только уже для того, чтобы покончить съ сбитымъ съ своей лошади Толумніемъ и снять съ него доспѣхи (§ 4). Между тѣмъ всадники превратились въ кавалерію только уже гдѣ 100 спустя, въ концѣ IV столѣтія, будучи раньше лишь конными гоплитами, сражавшимися въ гдѣшемъ строю и пользовавшимися лошадыю только для передвиженія съ мѣста на мѣсто, а также при преслѣдованіи разбитаго непріятеля, но вовсе не въ самой битвѣ. Также и заявленіе (§ 6), что Коссъ послѣ побѣды возвратился въ Римъ со всей конницею изъ-за Тибра (*Tiberim cum equitatu transvectus*), везя съ собою богатую добычу, взятую *ex agro Veientano*, противорѣчатъ даннымъ самого Ливія о мѣстѣ битвы между Тибромъ и Аниеномъ при стеченіи обѣихъ этихъ рѣкъ (4, 17, 12: *ad confluentes in utriusque ripis amnis*). Это доказываетъ, что тутъ обработаны въ одно цѣлое двѣ разныя версіи различнаго происхожденія.

Смерть царя Толумніи въ самомъ же началѣ войны мало правдоподобна и сама по себѣ, такъ какъ результатъ этого перваго похода оказался для римлянъ въ сущности отрицательнымъ: имъ удалось только воспрепятствовать воевтянамъ переправиться у Антемъ черезъ Аниенъ и подойти къ самому Риму; но занятія воевтянами Фидены остались въ ихъ рукахъ, а война съ ними продолжалась и въ послѣдующіе годы. Черезъ годъ, въ 435 году, римляне снова прибѣгли къ назначенію диктатора противъ воевтянъ (4, 21, 9); тогда это званіе получилъ А. Сервилій, назначившій себѣ въ помощники магистра Постума Эбуція.

Диктаторъ Сервилій осадилъ Фидены и, какъ утверждаетъ Ливій, взялъ этотъ городъ приступомъ. Хотя занятіе Фиденъ въ 435 году не заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ Фидены послѣ этого все-таки

оказываются опять во власти веентянъ, тѣмъ не менѣ съ этого года обнаруживаются признаки ослабленія веентянъ, такъ какъ они признали нужнымъ обратиться съ просьбой о помощи къ общему собранію этрусскаго союза ad Veltumnae fapum. Съ своей стороны римляне опять назначили диктатора противъ веентянъ и въ 434 году: диктаторомъ былъ избранъ вторично Мамеркь Эмилиій, а магистромъ А. Постумій (Liv. 4, 23, 4 сл.). Но въ этомъ году дѣло не дошло до столетновенія, такъ какъ этрусскій союзъ отказалъ веентянамъ въ своей помощи (с. 24).

... Послѣ этого наступаетъ нѣкоторая передышка въ борьбѣ съ веентянами. Римляне воспользовались этимъ для похода противъ эквовъ на Альгидѣ, отправивъ туда въ 341 года диктатора А. Постумія (4, 26, 1); съ эквами было заключено перемиріе на 8 лѣтъ (с. 30).

Черезъ два года, въ 428 году, когда былъ консуломъ А. Корнелій Коссъ, снова возобновились дѣйствія противъ веентянъ и фиденатовъ. Участіе послѣднихъ въ нападеніи веентянъ на *ager Romanus* изображается у Ливія (4, 30, 5) лишь какъ измѣна нѣкоторой части юности изъ завоеваннаго еще въ 435 году города. По этому дѣлу была будто бы назначена слѣдственная коммиссія изъ трехъ человекъ, а виновные переведены были на жительство (*relegatio*) въ Остію. Однако такое наказаніе мало соотвѣтствовало бы винѣ. А коммиссія, состоящая изъ трехъ членовъ, похожа скорѣе на *triumviri agris dandis adsignandis*, тѣмъ болѣе что Ливій тутъ же прибавляетъ: *colonorum additus numerus agerque iis bello interemptorum adsignatus*. Правда, въ этой прибавкѣ подразумѣвается у Ливія, несомнѣнно, не Остія, а Фиденъ. Но такъ какъ по поводу занятія Фиденъ въ 435 году ничего не сказано, что римляне отправили туда своихъ колонистовъ, то выраженіе „*additus numerus colonorum*“ является неожиданнымъ. Если эта замѣтка основывается на матеріалѣ подлинной лѣтописи, то тамъ она могла относиться къ Остіи, съ которой она фактически связана непосредственно и у Ливія. Въ такомъ случаѣ дѣло представлялось бы въ слѣдующемъ видѣ. Въ 428 году римляне, подъ предводительствомъ Косса, добились нѣкотораго успѣха по отношенію къ веентянамъ (тогда погибъ отъ руки Косса и ихъ царь Толумній), но города Фиденъ они не взяли и въ этомъ году, а потому перевели часть тамошнихъ жителей, бывшихъ римскими гражданами до занятія ихъ города веентянами въ 438 году, въ колонію Остію, предоставивъ имъ тамъ земли, при участіи трехчленной коммисси, и усиливъ этимъ путемъ число колонистовъ Остіи.

Самый городъ Фиденъ взятъ былъ римлянами обратно только въ 426 году Мамеркомъ Эмилиемъ, избраннымъ въ диктаторы въ третій разъ, который назначилъ своимъ магистромъ А. Корнелія Косса, бывшаго однимъ изъ консульскихъ трибуновъ этого года. Этотъ успѣхъ римскаго оружія, обусловленный, повидимому, въ значительной мѣрѣ смертью Толумніа, по инициативѣ котораго возникла вся эта борьба изъ-за обладанія Фиденами, заставилъ веевтянъ заключить съ римлянами перемиріе на 20 лѣтъ (Liv. 4, 35, 2).

Итакъ обстоятельства того времени, когда веевтяне, предводительствуемые царемъ Толумніемъ, заняли Фиденъ съ прилегающей частью зааніенскаго агеа Romanus, угрожая оттуда самому Риму (черезъ Антемы), являются вполне подходящими для возникновенія диктатуры, какъ мѣры въ пользу усиленія военнаго имперія римскаго полководца на принципѣ единоличной власти, нарушенномъ учрежденіемъ консульскаго трибуната. Въ теченіе 438—425 годовъ римляне четыре раза назначали диктаторовъ для войны съ веевтянами, въ томъ числѣ три раза Мамерка Эмилиа. А съ тѣхъ поръ диктатура составляетъ уже заурядное явленіе. Еще въ 431 году былъ отправленъ диктаторъ противъ эквовъ на Альгидѣ, и это повторилось въ 418 году; въ 408 году назначенъ диктаторъ для войны съ вольсками, въ 396 году противъ веевтянъ, въ 390 году противъ галловъ и т. д.

Избраніе диктатора осуществлялось консульскою властью; но въ 426 году, съ одобренія коллегіи авгуровъ (Liv. 4, 31, 4), также и консульские трибуны были призваны назначать диктатора, наравнѣ съ консулами. И вотъ знаменательно, что именно съ 426 года диктаторы встрѣчаются исключительно только въ такіе годы, когда при власти состояли консульские трибуны, пока вообще существовалъ этотъ трибунатъ. Первые же диктаторы 437, 435, 434 и 431 годовъ назначены были еще консулами. Однако первый и третій случаи обнаруживаютъ при этомъ любопытныя особенности.

Обстановка назначенія диктатора 437 года представлена Ливіемъ вполне отчетливо. Когда въ 438 году веевтскій царь Толумній занялъ Фиденъ и умертвилъ тамъ отправленныхъ къ нему римскихъ пословъ, то высшая магистратура въ Римѣ въ это время занята была тремя консульскими трибунами. И, не смотря на тяжкое оскорбленіе римскаго народа, эти три трибуна нисколько не беспокоятъ веевтскаго царя открытіемъ противъ него военныхъ дѣйствій. Въмѣсто этого они устраиваютъ въ Римѣ консульскіе выборы. Однако эти вновь назна-

ченныя консулы не отправляются противъ Толумнія сами, а представляютъ веденіе войны двумъ, только что сложившимъ свои полномочія, консулярнымъ трибунамъ, но такъ что одинъ изъ нихъ для этой цѣли облечается званіемъ и полномочіями диктатора, а другой—званіемъ его магистра. Вполнѣ очевидно, что въ этомъ случаѣ консульскіе выборы имѣли только формальное значеніе съ цѣлью возвести двухъ изъ наличнаго состава коллегіи консулярныхъ трибуновъ въ другія званія. А такъ какъ немислимо, чтобы римляне при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ выжидали спокойно, пока кончится служебный срокъ консулярныхъ трибуновъ даннаго года и пока не наступитъ время выборовъ для слѣдующаго магистратскаго года, то и нужно полагать, что консульскіе выборы произведены были, съ означенной цѣлью, сейчасъ же, какъ только обнаружилась необходимость въ этомъ ¹⁶³⁾. Консулярные трибуны, какъ таковыя, не приступаютъ къ войнѣ съ Толумніемъ, а назначаютъ выборы консуловъ. Изъ этого слѣдуетъ, что по какой-либо причинѣ они признавали себя не пригодными для веденія такой опасной войны. Но тѣмъ не менѣе веденіе войны принимаютъ на себя не новые консулы, а поручаютъ ее тѣмъ же трибунамъ, которые только что сложили свои полномочія. Стало быть, причина ихъ непригодности заключалась не въ ихъ личныхъ качествахъ, а въ ихъ званіи консулярнаго трибуна. Консульскіе выборы произведены только съ тѣмъ, чтобы оформить полномочія этихъ консулярныхъ трибуновъ въ другомъ видѣ и на другихъ основаніяхъ. А эти новыя полномочія выразились въ формѣ единоличной военачальнической власти, порученной Мамерку Эмилию въ званіи диктатора, въ отличіе отъ неопредѣленности этой власти въ многочисленной коллегіи консулярныхъ трибуновъ. И такъ диктатура возникла въ противовѣсъ къ консулярному трибунату, какъ явленіе, вызванное неудобствительными условіями этого трибуната въ отношеніи единства верховной военной власти. Консулярный трибунатъ созданъ на почвѣ внутренней партійной борьбы сословій. Но уже первый случай опасныхъ осложненій на почвѣ внѣшней политики открылъ непригодность консулярнаго трибуната въ этой области.

При такихъ обстоятельствахъ все же возникаетъ вопросъ, почему консулярные трибуны не были прямо облечены новыми званіями и почему оказалось необходимымъ избраніе консуловъ ради процедуры

¹⁶³⁾ Принятое Ливіемъ распрежденіе событій на два года, 438 и 437, объясняется уже только результатомъ позднѣйшей обработки хронологической схемъ магистратскихъ годовъ.

назначенія диктатора. Прежде всего нужно принять во внимание личный элементъ, заключающійся въ томъ, что одинъ изъ трехъ наличныхъ трибуновъ, въ концѣ концовъ, оказался совсѣмъ устраненнымъ отъ дѣла и отъ магистратскаго званія; а такое устраненіе отдѣльнаго магистрата ¹⁵⁴⁾ было невозможно безъ абдикаціи всей коллегии. Съ другой стороны, если только вѣрна наша теорія о первоначальномъ строѣ консульской власти, именно въ консулатѣ и заключались условія, дававшія возможность вручить одному изъ наличныхъ консульскихъ трибуновъ единоличную военную власть. Если, согласно нашей теоріи, только одинъ изъ обоихъ преторовъ („консуловъ“) оказывался въ то время на положеніи верховнаго начальника дѣйствующаго легіона, то онъ и являлся компетентнымъ для передачи этой единоличной военной власти диктатору, какъ своему замѣстителю въ этой области своихъ полномочій. Поэтому-то диктатора всегда избиралъ только одинъ изъ обоихъ консуловъ, что, въ видѣ пережитка старины, сохранилось и по установленіи принципа совмѣстности дѣйствій обоихъ консуловъ. Въ свою очередь предоставленіе избранія диктатора консулу доказываетъ, что диктатура возникла, не какъ самостоятельная магистратура, а какъ форма замѣщенія высшаго магистрата, въ видѣ *imperium mandatum*. Вотъ почему сенатъ распоряжается только насчетъ избранія диктатора, но самое избраніе лица, по крайней мѣрѣ формально, происходитъ не въ сенатѣ, а также и не въ комиціяхъ. Но чтобы диктатура не оставалась на положеніи простаго *imperium mandatum*, для этого и было введено утвержденіе полномочій диктатора путемъ комиціальной *lex curiata*, вносимой самимъ диктаторомъ ¹⁵⁵⁾, посредствомъ которой диктатура получала характеръ самостоятельной магистратуры: замѣститель магистрата посредствомъ *lex curiata* пріобрѣтаетъ самъ положеніе магистрата. Само собою понятно, что разъ диктатура создавалась по типу случайнаго и временнаго замѣщенія магистрата для какой-либо опредѣленной цѣли, то не было необходимости въ изданіи учредительнаго закона ¹⁵⁶⁾.

¹⁵⁴⁾ Быть можетъ, этотъ личный элементъ (споры съ коллегией, см. выш. 146) даже и послужилъ непосредственнымъ поводомъ къ введенію диктатуры, какъ формы единовластія.

¹⁵⁵⁾ Liv. 9, 38, 15.

¹⁵⁶⁾ Смысла Ливія на какой-то законъ (2, 18, 5: *consulares legere, ita lex iubebat de dictatore creando*) основывается только на теоретической фикціи, къ тому же невѣрной даже и въ данной частности: до 385 года диктаторы вовсе не были изъ числа бывшихъ консуловъ, да и потому это не составляло обязательнаго условія.

Обстановка, при которой состоялось избраніе диктатора въ 438—7 году, повторилась, повидимому, и при избраніи диктатора 434 года. Этимъ только и можно объяснить путаницу въ опредѣленіи магистратовъ этого года ¹⁵⁷⁾. По Лицинію Макру, въ этотъ годъ состояли у власти консулы Julius и Verginius. Напротивъ, Валерій Анціать и Туберонъ называли консулами этого года М. Манлія и Кв. Сульпиція. При этомъ Лициній и Туберонъ одинаково ссылались на libri lintei. Наконецъ, по Діодору въ этомъ году были не консулы, а консулярные трибуны, въ количествѣ трехъ лицъ: М. Manlius, Q. Sulpicius, Ser. Cornelius Cossus ¹⁵⁸⁾. Поэтому можно полагать, что для этого года спорва были избраны консулярные трибуны. Но когда всеняне начали волновать Этрурію, такъ что признано было желательнымъ прибѣгнуть къ диктатурѣ, то, по примѣру 338—7 годовъ, консулярные трибуны и должны были приступить къ выборамъ консуловъ ради назначенія диктатора ¹⁵⁹⁾. Только уже въ 426 году, когда опять предстояло продѣлать то же самое, съ одобренія авгуровъ, дѣло назначенія диктатора было предоставлено непосредственно самимъ трибунамъ, ради упрощенія процедуры.

Образцомъ для римской диктатуры послужило аналогичное устройство верховной военной власти у тогдашнихъ латинскихъ союзниковъ, принадлежавшихъ къ арицинской федераціи ¹⁶⁰⁾. Постороннее влияніе видно особенно изъ наименованія помощника диктатора магистромъ всадниковъ. По конституціи Сервія Туллія, совсѣмъ не было отдѣльнаго предводителя всадниковъ ¹⁶¹⁾. Притомъ тогдашніе всадники, представляя собою конныхъ гоплитовъ ¹⁶²⁾, являлись только дополненіемъ пѣшихъ гоплитовъ. Подобно тому, какъ эти послѣдніе дѣлились на 6 тысячъ съ 6 tribuni militum, такъ и всадники раздѣлялись

¹⁵⁷⁾ Liv. 4, 23, 1—3.

¹⁵⁸⁾ Diod. 12, 53. Ср. Liv. 4, 23, 2 : neuter (Tubero et Macer) tribunos militum eo anno fuisse traditum a scriptoribus antiquis dissimulat. Діодоръ бралъ свои свѣдѣнія у кого-либо изъ старшихъ арициновъ, вѣроятно, у Кассія Гемини.

¹⁵⁹⁾ Въ libri lintei въ храмѣ Монеты заключались, слѣдовательно, имена тѣхъ и другихъ, но такъ что вмѣсто трехъ консулярныхъ трибуновъ даны были только два (съ пропускомъ Сер. Корнелія Косса), что и подало поводъ считать ихъ консулами.

¹⁶⁰⁾ „Вопросы древняго Лация“, гл. 6.

¹⁶¹⁾ Tribuni selegum представляютъ собою остатокъ организаціи, предшествовавшей введенію конституціи Сервія. Притомъ собственное значеніе этихъ трибуновъ даже и не извѣстно.

¹⁶²⁾ См. „Регильская повѣсть“, гл. 3.

на 6 сотенъ съ 6 центуріонами ¹⁶³). Даже позднѣйшему строю легіона чужда должность отдѣльнаго начальника конницы ¹⁶⁴). Соответственно этому и въ разсказахъ о диктаторахъ магистры лишь изрѣдка являются въ роли предводителей конницы ¹⁶⁵); обыкновенно они только вообще помощники диктатора ¹⁶⁶). Неопредѣленность функций магистра всадниковъ мало соответствуетъ узко опредѣленному характеру его наименованія, а послѣднее въ свою очередь не имѣетъ надлежащей опоры въ общемъ строѣ римскаго легіона. Все это понятно въ томъ случаѣ, если идея диктатуры была заимствована извнѣ, отъ латинскихъ союзниковъ. Войско арцинской федераціи, состоявшей изъ 5 городовъ, было сборное, а это обстоятельство и нуждалось въ особомъ способѣ устройства верховнаго предводительства. Терминъ *magister* (*magister populi*, *magister equitum*) могъ обозначать общихъ начальниковъ своднаго войска, какъ высшихъ (*magister* происходитъ отъ *magis*, *maius*), въ противоположности подначальнымъ ему начальникамъ отрядовъ каждаго отдѣльнаго города ¹⁶⁷).

Лициній Макръ выводилъ римскую диктатуру еще изъ Албалонги ¹⁶⁸), а въ свою очередь происхожденіе албанской диктатуры онъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ Амулія и Нумитора въ Албалонгѣ не осталось законныхъ наслѣдниковъ царской власти. Въ видствіе этого тамъ начали выбирать годичныхъ царей, получившихъ названіе *dictator* ¹⁶⁹). Албанскій диктаторъ всецѣло обязанъ своимъ су-

¹⁶³) См. „Римскія три трибы“, гл. 2.—Дѣленіе на сотни съ центуріонами, послѣ преобразования легіона, сохранялось только въ коллегіальной организаціи. Даже еще императорскіе *seviri equitum* вышли отъ организаціи всадническихъ *sex suffragia*.

¹⁶⁴) Послѣ раздѣленія единого прежде легіона на два легіона съ приуроченіемъ къ каждому изъ нихъ половиннаго состава всадниковъ въ количествѣ 300 человекъ, послѣдніе дѣлятся на 10 турмъ по 30 всадниковъ при 3 декуріонахъ въ каждой.

¹⁶⁵) Напр., Liv. 4, 18, 5: *ante mediam aciem cum equitatu magister equitum processit*.

¹⁶⁶) Такъ, напр., диктаторъ 431 года оставляетъ своего магистра въ городѣ въ роли интенданта (Liv. 4, 27, 1: *ad subita belli ministeria, ne qua res, qui eguissent in castris, moraretur*).

¹⁶⁷) Слово *dictator* (замѣнявшее старый officialный титулъ *magister populi*) означаетъ вообще „повелитель“, происходя отъ *dictare*—*dicere* въ значеніи греч. *δεικνυμι* „указывать“ (ср. *index*, *indicare*) съ тѣмъ же отглагольнымъ значеніемъ, который заключается въ словѣ „указъ“—повелѣніе.

¹⁶⁸) Dion. 5, 74.

¹⁶⁹) Отсюда объясняется и колебаніе терминологіи у Ливія, у котораго Метрій Фуфенцій называется то диктаторомъ (1, 23, 4), то царемъ (1, 24, 2), какъ и Клувенцій (1, 22, 7).

ществованіемъ сказанію о завоеваніи Албалонги. Преемственной традиціи объ албанскихъ царяхъ и диктаторахъ не могло сохраниться, такъ какъ тѣ латинскіе XXX populi, которымъ нѣкогда принадлежало албанское святилище, лишились своей политической самостоятельности еще раньше этрусского владычества въ Лацин, если только не допустить, что должность диктатора, равно какъ и самое слово dictator, удерживались ad sacra въ церемоніалѣ албанскаго праздника ¹⁷⁰⁾, что, однако, нигдѣ не засвидѣтельствовано.

И. Истукшиль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁷⁰⁾ Въ такомъ случаѣ получила бы надлежащій смыслъ и та красная обувь, которую носилъ диктаторъ Цезарь, въ подражаніе будто бы албанскимъ царямъ, какъ своимъ предкамъ (Dio. 43, 43).

Отзывы о книгахъ:

П. А. Потѣхинъ. Изданія постоянной комиссiи народныхъ чтенiй: <i>А. Н. Канаевъ.</i> Чужое добро въ прокъ не идетъ	120
О. Д. Хвольсонъ. <i>Л. Гутковский.</i> Ученiе о теплотѣ въ связи съ вопросомъ о строенiи вещества	122
О. Д. О. П. Герасимовъ. Изъ записной книжки	125
— Книжныя новости	126

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

В. М. Истринъ. Новая программа курса русской словесности въ средне-учебныхъ заведенiяхъ (<i>окончанiе</i>)	1
О. Д. Степановъ. Обсужденiе проектовъ реформы средней школы въ Россiи, преимущественно въ послѣднее шестилѣтiе (1899—1905 гг.)	34
Н. П. Кондаковъ. В. В. Стасовъ (<i>некрологъ</i>)	51

Отдѣлъ классической филологiи.

В. Е. Мальбергъ. Этюды по древне-греческой вазовой живописи (<i>продолженiе</i>)	1
И. В. Нетушилъ. Первый римскiй диктаторъ (<i>продолженiе</i>)	20

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 4-го января).

—

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и науки, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу—16 р. Книжки выходятъ въ началѣ cadaго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 — 1905 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листомъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ VII.

1907.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТОСКАЯ ТИПОГРАФІЯ,

1907.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именные высочайшія указы, данныя Правительствующему Сенату.	25
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшія приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	26
IV. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. пр.	40
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	85
VI. Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	88
VII. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	92
VIII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	94
Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ учеными комитетами и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читальнъ и библиотекъ	95
I. Н. Шмелевъ. Сборъ-вотчинникъ (окончаніе)	205
Варонъ А. Э. Нольде. Забитая попытка кодификаціи литовско-польскаго права при графѣ Сперанскомъ (окончаніе)	234
II. А. Заболотскій. О русской струѣ въ славянскихъ литературахъ въ XIX вѣкѣ	266
Н. М. Бубновъ. Абакъ и Воецїй (продолженіе)	296
Н. Г. Дебольскій. О непосредственномъ знаніи	317
В. О. Лазурскій. Англійская журналистика XVII вѣка. II	341

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. С. Суворовъ. В. Бочкаревъ. Историко-каноническіе очерки. Южновъ. 1906	360
К. Г. Вобльш. G. Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Theil I—II. Leipzig 1900—1906	365
II. А. Заболотскій. D-r Ios. Karásek. Slavische Literaturgeschichte. Leipzig 1906	384
Н. О. Лернеръ. Сочиненія Пушкина. Череписка. Томъ I. С.-Пб. 1906	390
А. Н. Томсонъ. Л. Мораловецъ. Основные звуки человѣческой рѣчи и универсальный алфавитъ. М. 1906.	195
Н. П. Кондаковъ. Мумьосъ, Амт. Византійское искусство на выставкѣ въ Гротта-Феррата. Римъ. 1906	408
— Книжныя новости	415

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ VII.

1907.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ,

данные правительствующему сенату.

2. (1-го января 1907 года). „Заслуженному ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайному совѣтнику *Сергѣевичу*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть членомъ государственнаго совѣта“.

3. (1-го января 1907 года). „Заслуженному ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Герье*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть членомъ государственнаго совѣта“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

№ 1. (6-го октября 1906 года). *Объ учрежденіи при Переславль-Залѣской женской гимназій стипендіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 6-й день октября 1906 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при женской гимназій въ гор. Переславль-Залѣскомъ стипендіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Имени.

(Собр. узак. и расп. прел., 22-го декабря 1906 г., № 293, ст. 2060).

2. (12-го октября 1906 года). *О подчиненіи инородческія начальныя училища отдѣлію училищныя советовъ.*

Советъ министровъ, согласно представленію министра народнаго просвѣщенія, полагалъ: 1) подчинить инородческія начальныя училища Таврической и Уфимской губерній вѣдѣнію мѣстныхъ училищныя советовъ и 2) предоставить министру народнаго просвѣщенія право распространенія означенной мѣры и на инородческія училища другихъ губерній, въ случаѣ возбужденія губернскими земствами соотвѣтственныхъ ходатайствъ.

Государь Императоръ, въ 12-й день октября 1906 г., положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

О семъ министр народнаго просвѣщенія, 1-го ноября 1906 г., донесъ правительствующему сенату, для опубликованія.

(Собр. узак. и расп. прав., 16-го декабря 1906 г., № 288, ст. 1983).

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(1-го декабря 1906 года, № 88). По Харьковскому учебному округу. Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе советники: инспекторъ народныхъ училищъ Пензенской губерній *Суриновъ*—съ 16-го августа 1906 г.; учителя гимназій: Харьковской 1-й, *Великановъ*—съ 7-го марта 1906 г., *Клюшниковъ*—съ 12-го апрѣля 1906 г. и Курской, *Шандыбинъ*—съ 21-го сентября 1906 г.; изъ надворныхъ въ коллежские советники: инспекторъ народныхъ училищъ Курской губерній *Сосновскій*—съ 28-го марта 1905 г.; сверхштатный ассистентъ Харьковского ветеринарнаго института *Коневъ*—съ 19-го іюня 1906 г.; учителя гимназій: Харьковской 2-й, *Вшотечка*—съ 14-го декабря 1903 г., Корочанской Александровской, *Сахаровъ*—съ 25-го іюня 1906 г., Острогомской, *Визманъ*—съ 23-го августа 1903 г. и учитель общеобразовательныхъ предметовъ Задонской школы ремесленныхъ учениковъ, Воронежской губерній, *Пріймухъ*—съ 1-го іюля 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные советники: помощники инспектора студентовъ Императорскаго Харьковского университета: *Соколовъ*—съ 1-го октября 1898 г., и *Долженко*—съ 17-го августа 1906 г.; учителя гимназій: Вѣгородской Герцога Единбургскаго, *Гунтъ*—съ 18-го іюля 1904 г., Пензенской 1-й, *Троицкій*—съ 28-го іюня 1905 г. и *Цилли*—съ 23-го октября

1905 г., Бобровской мужской прогимназіи, *Моревъ*—съ 10-го августа 1905 г., Курской 2-й женской гимназіи, *Новиковъ*—съ 21-го января 1904 г.; преподаватель Таганрогскаго средняго восьмикласснаго технического училища *Лазутинскій*—съ 9-го ноября 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназіи: Харьковской 1-й, *Аленичъ*—съ 28-го августа 1906 г., Курской, *Мальцевъ*—съ 10-го ноября 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: Рыльскаго, Курской губерніи, *Шнаковъ*—съ 8-го декабря 1905 г. и Наровчатскаго, Пензенской губерніи, *Мироновъ*—съ 4-го сентября 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: помощникъ инспектора студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института *Остановъ*—съ 22-го сентября 1905 г.; учитель общеобразовательныхъ предметовъ Борисовской школы ремесленныхъ учениковъ, Курской губерніи, *Знаменскій*—съ 15-го ноября 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназіи: Бѣлгородской Герцога Единбургскаго, *Сумма*—съ 22-го февраля 1906 г. и Пензенской 1-й, *Кутузовъ*—съ 28-го января 1904 г.; учителя городскихъ училищъ Воронежской губерніи: Бриученскаго, *Физенковъ*—съ 20-го іюля 1902 г., Новохоперскаго, *Панкинъ*—съ 12-го іюля 1904 г. и *Тесленко*—съ 8-го февраля 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: помощникъ классныхъ наставниковъ Урюпинскаго реальнаго училища *Мироновъ*—съ 1-го апрѣля 1905 г.; инспекторъ студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института *Полухтовъ*—съ 21-го марта 1906 г.; учителя Воронежскаго городского училища: *Цикавскій*—съ 1-го февраля 1904 г., *Дмитріевъ* (сверхштатный)—съ 1-го іюня 1904 г. и учитель приготовительнаго класса Воронежской 2-й гимназіи *Пискуновъ*—съ 17-го января 1904 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: помощникъ бухгалтера Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Кравчуновскій*—съ 4-го сентября 1905 г.; письмоводитель и бухгалтеръ Таганрогскаго средняго восьмикласснаго технического училища *Мякинъ* (онъ же Мяка)—съ 10-го декабря 1905 г.; письмоводитель Бѣлгородской Герцога Единбургскаго гимназіи *Лобачевскій*—съ 4-го іюня 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Харьковской губерніи *Штемманъ*—съ 10-го сентября 1904 г.; письмоводитель и бухгалтеръ при пансіонѣ Харьковской 2-й гимназіи *Пономаревъ*—съ 8-го августа 1906 г.; учителя приходскихъ училищъ Донской области: Парамоновскаго, *Кузнецовъ*, Чебачинскаго, *Смосаревъ*, оба—съ 1-го января 1906 г. и Бувановскаго, *Солдатовъ*—съ 1-го сентября 1906 г.;

письмоводитель Рымской Шелеховской прогимназіи *Смаростинъ*—со 2-го декабря 1905 г.; въ коллежскіе регистраторы: письмоводители и бухгалтеръ Харьковскаго ветеринарнаго института *Орловъ*—съ 13-го іюля 1906 г.; учителя приходскихъ училищъ Донской области: *Страховскаго*, *Кудинова*—съ 1-го октября 1905 г., *Верхне-Кольцовскаго*, *Низовкинъ*—съ 9-го ноября 1905 г., *Завалинскаго*, *Покровскій*, *Теникинскаго*, *Давидовъ*, оба—съ 1-го сентября 1906 г., *Аржемовскаго*, *Ларинъ*—съ 1-го августа 1906 г., *Ярыженскаго*, *Лещенкова*—съ 1-го января 1904 г., *Безпаоловскаго*, *Овчинниковъ*—съ 18-го сентября 1906 г., *Луковскаго*, *Пшеничный*—съ 1-го сентября 1906 г., *Кузнецовскаго*, *Смиркинъ*—съ 1-го октября 1905 г. и *Соболевско-Кундрючскаго*, *Босова*—съ 28-го сентября 1905 г. и *Курскаго* 9-го, *Пляченко*—со 2-го марта 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго ассессора: учителя гимназій: *Курской*, *Саева*—съ 21-го сентября 1902 г., *Воронежской 2-й*, *Щемелиновъ*—съ 28-го іюня 1901 г., *Острогожской*, *Кемарскій*—съ 1-го января 1902 г. и *Милославскій*—съ 13-го сентября 1900 г., *Таганрогской*, *Орловскій*—съ 1-го іюля 1901 г., *Курской 2-й женской Федоровскій*—съ 6-го сентября 1902 г., реальныхъ училищъ: *Курскаго*, *Максимъ*—съ 1-го сентября 1901 г., *Ново-черкаскаго*, *Клиторинъ*—съ 20-го іюня 1902 г. и *Шмиговъ*—съ 9-го іюля 1902 г., *Усть-Медвѣдцкаго*, *Поповъ*—съ 1-го августа 1902 г., воспитатель пансіона Курской гимназіи, коллежскій секретарь *Колтуновъ*—съ 9-го сентября 1902 г., преподаватели Ростовскаго-на-Дону соединеннаго средняго механико-химико-техническаго и ремесленнаго училища: *Заднѣпровскій*—съ 10-го августа 1902 г. и *Черевковъ*—съ 10-го іюня 1902 г. и наставникъ Пензенской учительской семинаріи *Молчановъ*—съ 10-го ноября 1901 г.; коллежскаго секретаря: учитель Воронежской учительской семинаріи *Шаноголовъ*—съ 7-го ноября 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Острогожской гимназіи *Золотаревъ*—съ 7-го марта 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Курской губерніи: *Дмитріевскаго*, *Понаринъ*—съ 1-го іюля 1902 г. и *Фатежскаго*, *Плохигъ*, Воронежскаго, *Ситникъ*, Тамбовской губерніи: *Тамбовскаго*, *Спасибубовъ*, всѣ трое—съ 1-го августа 1902 г. и *Щадкаго*, *Узбяковъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; Пензенской губерніи: *Пензенскаго 2-го*, *Неезоровъ*, *Краснослободскаго Пителинъ*, оба—съ 1-го августа 1902 г. и *Панинъ*—съ 1-го іюля 1902 г. и *Нахичеванскаго-на-Дону*, *Донской области*, *Онищенко*—съ 10-го октября 1903 г.; коллежскаго регистратора: учитель чистописанія, черченія и рисованія

Усть-Медвѣдидкаго городского училища, Донской области, *Паразинъ*—съ 15-го августа 1902 г.; домашній учитель Харьковской дирекціи народныхъ училищъ *Язевъ*—съ 20-го марта 1886 г.

(9-го декабря 1906 года, № 90). *Отрѣдъляется* на службу, изъ отставныхъ, инженеръ-технологъ, коллежскій совѣтникъ *Гербуртъ-Гейбосичъ*—адъюнктъ-профессоромъ Харьковского технологическаго института Императора Александра III, по механической технологіи.

Назначаются: ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, докторъ русскаго языка и словесности, статскій совѣтникъ *Сперанскій*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, по кафедрѣ русскаго языка и русскаго литературѣ; экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Введенскій* и исправляющій должность экстраординарнаго профессора того же университета, магистръ химіи, статскій совѣтникъ *Орловъ*—въ названный университетъ: первый—ординарнымъ профессоромъ, по кафедрѣ оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею, а второй—исправляющимъ должность ординарнаго профессора, по кафедрѣ общей химіи; чиновникъ особыхъ порученій при Херсонско-Бессарабскомъ управленіи земледѣлія и государственныхъ имуществъ и приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, магистръ политической экономіи, коллежскій совѣтникъ *Орженіицкій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица, по политической экономіи и наукѣ о финансахъ; учитель-инспекторъ Киржачской школы ремесленныхъ учениковъ имени братьевъ Г. и Н. Арсентьевыхъ, инженеръ-механикъ *Лажовичъ*—директоромъ Рыбинскаго высшаго механико-техническаго училища и ремесленной при немъ школы имени М. Е. Комарова; тайный совѣтникъ графъ *Гейденъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Псковской учительской семинаріи, на три года.

Утверждаются, согласно избранію: заслуженный ординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ *Остатенко*—директоромъ того же института, съ 24-го октября; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Щереметевъ* и статскій совѣтникъ *Лукашевичъ* почетными попечителями: первый—вновь Ливенскаго реальнаго училища, а второй—Золотоношской земской прогимназіи, оба—на три года.

Переводится на службу, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, спарціальный наблюдатель школъ церковно-приходскихъ

и грамоты Тобольской епархіи, коллежскій совѣтникъ *Малышевскій*—директоромъ народныхъ училищъ Тобольской губерніи.

Перемѣщаются: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ философіи, статскій совѣтникъ *Четановъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, по кафедрѣ философіи; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, по кафедрѣ хирургической патологіи, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Щеголевъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ хирургической госпитальной клиники, съ 28-го октября.

Увольняются, согласно прошеніямъ: директоръ Рыбинскаго низшаго механико-техническаго училища и ремесленной при немъ школы имени М. Е. Комарова, инженеръ-механикъ, коллежскій ассессоръ *Туремновъ*—отъ занимаемой имъ должности, по случаю назначенія его учителемъ-инспекторомъ Киржачской школы ремесленныхъ учениковъ имени братьевъ Г. и Н. Арсентьевыхъ; директоръ Нижне-Тагильскаго горнозаводскаго училища, состоящій по главному горному управленію, горный инженеръ, коллежскій совѣтникъ *Егоровъ*—отъ должности директора названнаго училища, съ 15-го октября.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, адъюнктъ-профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ-архитекторъ, статскій совѣтникъ *Замесскій*, съ 1-го ноября, съ мундиромъ означенной должности присвоеннымъ.

Предоставляется уволенному отъ службы, за выслугою срока, директору Рыльской прогимназіи, статскому совѣтнику *Домбровскому*—носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

По Одесскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: учителя: Одесскихъ мужскихъ гимназій: Рипельевской, *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1906 г. и 4-й: *Дмитріевъ*—со 2-го сентября 1905 г. и *Пашалери*—съ 24-го декабря 1905 г., Херсонской, *Феллеръ*—съ 15-го августа 1905 г., женскихъ гимназій: Анапьевской Маріинской, *Имлези*—съ 23-го іюля 1905 г., Мариупольской Маріинской, *Постернаковъ*—съ 1-го августа 1905 г., Одесской Березиной, *Соколовъ*—съ 16-го сентября 1905 г., Севастопольскаго реальнаго училища, *Куклинъ*—съ 20-го октября 1905 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Бердянскаго района Таврической губерніи *Мухинъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; прозекторъ при кафедрѣ хирургіи Императорскаго Новороссійскаго университета *Деиницъ*—съ

15-го мая 1906 г.; учителя мужскихъ гимназій: Евпаторійской, *Трофимовъ*—съ 1-го сентября 1904 г., Измаильской, *Толіукъ*—съ 22-го августа 1905 г., Кишиневской 1-й, *Маланецкій*—съ 3-го января 1906 г., Мариупольской: *Бойко*—съ 15-го августа 1905 г. и *Биллего*—съ 4-го сентября 1905 г., женскихъ: Елисаветградской, *Зубковъ*—съ 12-го декабря 1905 г., Николаевской, *Бритманъ*—съ 10-го декабря 1905 г., реальныхъ училищъ: Одесскаго, *Гилбергеръ*—съ 24-го декабря 1905 г. и Комратскаго, *Драчановъ*—съ 25-го октября 1904 г.; учитель Θεодосійскаго учительскаго института *Лазутко*—съ 28-го августа 1904 г.; наставникъ Новомосковской учительской семинаріи *Рынокій*—съ 10-го августа 1905 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: ассистентъ при діагностической клиникѣ Императорскаго Новороссійскаго университета *Усковъ*—съ 28-го апрѣля 1902 г.; учителя мужскихъ гимназій: Мариупольской, *Рудевичъ*—съ 10-го января 1905 г., Севастопольской, *Мамона*—съ 15-го декабря 1904 г., Мариупольской Маріинской женской гимназіи, *Лащилингъ*—съ 15-го августа 1904 г., Кишиневскаго реального училища, *Пантелеевъ*—съ 15-го января 1905 г.; руководитель работъ Бахмутскаго ремесленнаго училища *Красковскій*—съ 8-го декабря 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Аккерманскаго пятикласснаго, *Овстемко*—съ 1-го іюля 1905 г., Ялтинскаго четырехкласснаго, *Каллего*—съ 28-го августа 1905 г.; завѣдующій Николаевскимъ двухкласснымъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ *Васютинскій*—съ 1-го октября 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Павлоградской гимназіи *Крайниковъ*—съ 1-го іюля 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: лаборанты Императорскаго Новороссійскаго университета: *Зеленецкій*—съ 11-го декабря 1902 г., *Канеръ*—съ 1-го ноября 1905 г., *Науменко*—съ 1-го іюля 1906 г. и *Ельчаниновъ*—съ 29-го іюля 1906 г. и помощникъ прозектора при томъ же университетѣ баронъ фонъ-*Тизенаузенъ*—съ 26-го ноября 1905 г.; учитель Одесской 5-й гимназіи *Артемовъ*—съ 30-го сентября 1900 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Березовскаго трехкласснаго, *Жуланъ* и Ольвіопольскаго четырехкласснаго, *Красильскій*, оба—съ 1-го августа 1905 г.; учителя городскихъ училищъ: Александровскаго шестикласснаго, *Галенчикъ*—съ 16-го августа 1905 г., Екатеринославскаго шестикласснаго: *Збарашенко*—со 2-го января 1905 г., *Платоновъ*—съ 9-го октября 1905 г., Елисаветградскаго шестикласснаго: баронъ фонъ-д-р-ь *Бринкенъ*—съ 23-го сентября 1905 г. и *Осетроу*—съ 1-го августа 1905 г., Одесскаго шестикласснаго „Ефруси“, *Стрель-*

ченко — съ 1-го августа 1906 г., Оргѣвскаго шестикласснаго; *Гордѣнко* — съ 17-го сентября 1905 г., Ренискаго трехкласснаго (сверхштатный) *Евродіевъ* — съ 12-го октября 1905 г., Старокрымскаго трехкласснаго, *Фонтанинъ* — съ 1-го іюля 1904 г., Тираспольскаго четырехкласснаго, *Чубаръ* — съ 15-го августа 1905 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Кишиневской 2-й, *Кисель* — съ 19-го августа 1906 г. и Евнаторійской, *Высочинъ* — съ 1-го октября 1906 г., реальныхъ училищъ: Одесскаго св. Павла, *Чепельскій* — съ 18-го декабря 1905 г., Николаевскаго Александровскаго, *Яковскій* — съ 12-го октября 1905 г. и Кишиневскаго, *Бонтаинъ* — съ 1-го іюня 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные советники: лаборанты Императорскаго Новороссійскаго университета: *Новицкій* — съ 8-го октября 1905 г. и *Точидловскій* — съ 18-го декабря 1905 г.; учителя женскихъ гимназій: Бендерской, *Малиновскій* — съ 14-го іюня 1905 г., Елисаветградской: *Бортовскій* — съ 8-го января 1904 г. и *Пенескулъ* — съ 26-го февраля 1904 г., Тираспольской, *Ярмоизъ* — съ 21-го декабря 1904 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя *Злочанскій* — съ 25-го іюля 1906 г.; учителя городскихъ училищъ: Аккерманскаго пятикласснаго, *Мочульскій* — съ 1-го іюля 1903 г., Верхнеднѣпровскаго четырехкласснаго, *Костунъ* — съ 1-го августа 1903 г., Николаевскаго шестикласснаго: *Хрулевъ* — съ 1-го іюля 1903 г. и (сверхштатный) *Додоръ* — съ 5-го декабря 1904 г., Павлоградскаго четырехкласснаго: *Сертневъ* — съ 18-го сентября 1900 г. и (сверхштатный) *Седларъ* — съ 1-го іюля 1903 г., Старо-Крымскаго трехкласснаго, *Молчановъ* — съ 1-го іюля 1903 г.; учитель Переславской учительской семинаріи *Волосачъ* — съ 1-го сентября 1903 г.; экономъ пансіона Ришельевской гимназій *Стриковъ* — съ 16-го октября 1905 г.; завѣдующій Орловскимъ русскимъ центральнымъ училищемъ *Кирилюкъ* — съ 1-го іюля 1903 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Екатеринославской гимназій, *Шербатюкъ* — съ 15-го іюня 1904 г. и реальныхъ училищъ: Екатеринославскаго Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, *Буа* — съ 15-го августа 1904 г. и Николаевскаго-Александровскаго, *Зубовъ* — съ 1-го августа 1904 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: столоначальникъ канцеляріи попечителя *Новиковъ* — съ 1-го января 1906 г.; учитель Бендерскаго городского четырехкласснаго училища *Соколовскій* — съ 9-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: завѣдывающій Севастопольскимъ двухкласснымъ приходскимъ училищемъ *Ивановъ* — съ 8-го октя-

бря 1903 г.; домашній учитель Херсонской дирекціи народных училищ *Якимовъ*—съ 14-го октября 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: канцелярскій служитель канцеляріи попечителя *Дыновскій*—съ 1-го іюня 1906 г.; учитель-завѣдующій Болградскимъ 1-мъ однокласснымъ городскимъ приходскимъ училищемъ *Димитровъ* — съ 22-го января 1903 г.,

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго советника*: бывшій прозекторъ при кафедрѣ гистологіи Императорскаго Новороссійскаго университета, нынѣ ассистентъ терапевтической клиники того же университета, докторъ медицины *Гагриловъ*—съ 9-го февраля 1904 г.; бывшій наблюдатель магнитно-метеорологической обсерваторіи Императорскаго Новороссійскаго университета, нынѣ сверхштатный учитель Одесской 3-й гимназіи, *Даниловъ*—съ 21-го декабря 1900 г.; *коллежскаго ассессора*: учителя гимназій: мужскихъ: Аккерманской, *Филитовъ*—съ 17-го сентября 1901 г., Бердянской, *Савичъ*—съ 11-го сентября 1901 г., Болградской, *Головачевъ*—съ 15-го августа 1901 г., Мариупольской, *Гвацинцовъ*—съ 28-го іюня 1901 г., Одесской Риппельевской: *Белъ*—съ 6-го іюля 1902 г. и *Кальтерборнъ*—съ 21-го декабря 1901 г., Одесской 2-й, *Симинелъ*—съ 12-го сентября 1901 г., Одесской 3-й: *Хитунъ*—съ 9-го ноября 1901 г. и *Прокофьевъ* (онъ же Кулешовъ)—съ 29-го декабря 1901 г., Одесской Ровнякова, *Говасъ* (*Ховасъ*)—съ 1-го іюля 1900 г. и Ялтиновой, *Беневскій*—со 2-го ноября 1901 г., женскихъ: Александрійской, *Петровъ*—съ 18-го октября 1901 г., Александровской: *Крюковъ*—съ 14-го декабря 1901 г.; *Алфеевъ*—съ 8-го іюня 1902 г., Бендерской, *Иващенко* — съ 20-го сентября 1901 г., Бердянской, *Ларионовичъ-Вильовскій* — съ 1-го сентября 1901 г., Николаевской 1-й, *Оттерманъ* — съ 1-го августа 1901 г., Одесской Соколовой, *Тумановъ*—съ 6-го іюля 1901 г., Тираспольской, *Шаблювскій*—съ 29-го марта 1901 г., Феодосійской, *Черенковъ*—съ 1-го августа 1901 г., реальныхъ училищъ: Екатеринославскаго, *Красильниковъ* — съ 15-го августа 1902 г., Елисаветградскаго (сверхштатный) *Чижевскій*—съ 17-го ноября 1901 г., Одесскаго, *Василенко* — съ 15-го октября 1900 г., Одесскаго св. Павла, *Мартенъ*—съ 21-го сентября 1901 г., Херсонскаго, *Роменскій*—съ 15-го августа 1902 г.; учитель Симферопольской татарской учительской школы *Майканаръ*—съ 19-го января 1902 г.; *титულлярнаго советника*: врачи: городскихъ училищъ: Екатеринославскаго шестикласснаго имени А. С. Пушкина, *Шершверъ* — съ 5-го декабря 1901 г., Николаевскаго двухкласснаго начальнаго *Ваймуртъ-Вольфензонъ* — съ

26-го сентября 1901 г., Ольвiопольскаго трехкласснаго, *Горбачевъ* съ 12-го ноября 1901 г., всѣ трое—по степени гбiаря; *коллежскаго секретаря*: лаборанты Императорскаго Новороссійскаго университета: *Щербакъ*—съ 4-го іюля 1903 г., *Мосешвили*—съ 30-го ноября 1905 г., оба—по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета и архитекторъ того же университета *Бауэръ*—съ 11-го января 1906 г., по званію гражданскаго инженера; учителя городскихъ училищъ: Александровскаго шестикласснаго, *Дудникъ* и Болградскаго шестикласснаго, *Данилевскій*, оба — съ 22-го августа 1901 г., Вознесенскаго трехкласснаго *Проскуровскій*—съ 1-го іюля 1901 г., Екаторинославскаго шестикласснаго имени А. С. Пушкина *Хаджи-Кокеевъ*—съ 1-го іюля 1901 г., Одесскаго шестикласснаго Ефруси (сверхштатные): *Сokolовскій* и *Розовъ*, оба—съ 1-го іюля 1902 г., Ольвiопольскаго четырехкласснаго *Емельянченко*—съ 1-го мая 1901 г., Тираспольскаго четырехкласснаго, *Рапота* и Хотинскаго четырехкласснаго, *Топчиевъ*, оба—съ 1-го іюля 1901 г., Екаторинославскаго четырехкласснаго, *Есеевскій*—съ 15-го сентября 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Кишиневской 2-й, *Харченко*—съ 6-го апрѣля 1906 г. и Луганской, *Петровъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; *коллежскаго рещтратора*: помощники учителя городскихъ училищъ: Вилевскаго, *Луцашко* — съ 20-го августа 1901 г., Нивопольскаго трехкласснаго, *Качайловъ*—съ 14-го іюня 1902 г., Одесскаго шестикласснаго, *Стадниченко* и Тираспольскаго четырехкласснаго (сверхштатный) *Зима*, оба—съ 1-го іюля 1901 г., Θεодосійскаго шестикласснаго, *Зибиревъ*—съ 17-го апрѣля 1901 г.; домашній учитель Херсонской дирекціи народныхъ училищъ *Сапожниковъ*—съ 9-го января 1904 г.

(16-го декабря 1906 года, № 91). *Опредѣляется* на службу инженеръ-технологъ *Бухтеевъ*—директоромъ Турьинскаго горнаго училища.

Назначается преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Клиновскаго средняго семикласснаго техническаго училища, коллежскій совѣтникъ *Соболевъ*—директоромъ Виленскаго средняго химико-техническаго училища, съ 15-го сентября.

Увольняется, директоръ Турьинскаго горнаго училища, состоящій по главному горному управленію, горный инженеръ, коллежскій совѣтникъ *Драго*—отъ должности директора названнаго училища.

По Казанскому учебному округу. *Производится* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Самарской губерніи *Мазуринъ*—съ 1-го

юля 1906 г.; учитель Вольскаго реального училища *Стадлинъ* — съ 19-го іюля 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: астрономъ-наблюдатель Императорскаго Казанскаго университета *Грачевъ* — съ 3-го іюня 1906 г.; учителя: гимназій: Вятской, *Эмбертъ* — съ 25-го августа 1905 г., Саратовской женской министерства, *Экертъ* — съ 22-го августа 1906 г., Казанскаго реального училища *Брюхановъ* — съ 3-го января 1906 г. и *Забусовъ* — съ 15-го сентября 1906 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные советники*: по Императорскому Казанскому университету: прозекторъ при кафедрѣ оперативной хирургіи, съ топографической анатоміей, докторъ медицины *Вишневскій* — съ 22-го марта 1905 г. и ассистентъ клиники дѣтскихъ болѣзней *Меньшиковъ* — съ 5-го апрѣля 1906 г.; учителя: Астраханской гимназій, *Расторгуевъ* — съ 1-го августа 1905 г., Вятскаго реального училища, *Соколовъ* — съ 1-го августа 1905 г., Саратовскаго соединеннаго средняго механико и химико-техническаго училища: *Яхимовичъ* — съ 1-го іюля 1905 г., *Штубовъ* — съ 1-го сентября 1905 г. и *Алличиковъ* (сверхштатный) — съ 1-го января 1905 г.; надзиратель того же училища *Боголюбовъ* — съ 22-го сентября 1905 г.; учителя Казанской татарской учительской школы: *Петлеговъ* — съ 15-го декабря 1905 г. и *Тазировъ* — съ 27-го апрѣля 1906 г.; учитель-инспекторъ Чебоксарскаго городского четырехкласснаго училища *Корниловъ* — съ 1-го августа 1906 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя *Петровъ* — съ 1-го сентября 1906 г.; врачъ Астраханскаго армянскаго Агабабовскаго уѣднаго училища *Фармановъ* — съ 29-го октября 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Императорскому Казанскому университету: исправляющій должность ассистента акушерско-гинекологической клиники *Занченко* — съ 21-го марта 1904 г., сверхштатный помощникъ прозектора при кафедрѣ оперативной хирургіи *Калачевъ* — съ 13-го іюля 1904 г. и сверхштатный лаборантъ магнитно-метеорологической обсерваторіи *Шубинъ* — съ 30-го мая 1906 г.; почетный смотритель Николаевскаго городского трехкласснаго училища *Трегубовъ* — съ 14-го августа 1894 г.; бывший учитель Саратовской женской гимназій министерства, нынѣ въ отставкѣ, *Соколовъ* — съ 24-го августа 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ Казанскаго реального училища: *Казакоевъ* и *Александровъ*, оба — съ 1-го января 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: по Императорскому Казанскому университету: сверхштатные лаборанты: при физическомъ кабинетѣ, *Аристовъ* — со 2-го іюня 1906 г., при зоологическомъ кабинетѣ, *Мейснеръ* — съ 31-го мая

1906 г. и хранитель зоологическаго кабинета *Мережковский*—съ 25-го января 1904 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Ливатовъ*—съ 19-го іюля 1906 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Саратовской 1-й, *Широковъ*—съ 11-го сентября 1904 г., Казанской 3-й, *Никитинъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; письмоводитель Казанской 3-й гимназій *Пактовскій*—съ 1-го іюня 1906 г.; учитель Астраханскаго армянскаго Агабабовскаго уѣднаго училища *Остроумовъ*—съ 12-го февраля 1896 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: бывший учитель графическихъ искусствъ Малоархангельскаго трехкласснаго городского училища, нынѣ учитель Царицынской гимназій *Шутовъ*—съ 20-го декабря 1896 г.; учитель Астраханскихъ 2-го и 3-го городскихъ четырехклассныхъ училищъ *Драгомировъ*—съ 23-го октября 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель 5-го Казанскаго городского приходскаго училища *Гудковъ*—съ 25-го августа 1897 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго советника*, инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи, *коллежскій ассессоръ Гусевъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; *коллежскаго ассессора*: учителя: гимназій: Императорской Казанской 1-й, *Сокольскій*—съ 20-го іюня 1902 г. и *Розановъ* (сверхштатный)—съ 1-го августа 1902 г., Казанской 3-й, *Тимофеевъ*—съ 1-го августа 1902 г., Саратовской 2-й, *Давидъ*—съ 1-го мая 1901 г.; Саратовской 1-й, *Мозеръ* (сверхштатный)—съ 15-го августа 1902 г., Вятскаго реальнаго училища: *Смирновъ*—съ 20-го іюня 1902 г. и *Осткеничъ-Рудницкій*—съ 15-го августа 1902 г., Саратовскаго соединеннаго средняго механико-и химико-техническаго училища, *Лазовскій*—съ 1-го іюля 1902 г.; *титულлярнаго советника*: по Императорскому Казанскому университету: лаборантъ факультетской хирургической клиники *Енохинъ*—съ 14-го января 1899 г., ординаторъ клиники нервныхъ болѣзней *Старцевъ*—со 2-го марта 1902 г., сверхштатный ординаторъ при кафедрѣ врачебной діагностики *Побидимскій*—съ 8-го марта 1902 г. и ординаторъ акушерско-гинекологической клиники *Кушинскій*—съ 8-го марта 1902 г.,—всѣ четверо по степени глѣваря; *коллежскаго секретаря*: по Императорскому Казанскому университету: сверхштатный лаборантъ зоотомическаго кабинета *Державинъ*—съ 31-го мая 1903 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; помощникъ классныхъ наставниковъ Казанскаго реальнаго училища *Павловскій*—съ 23-го сентября 1902 г.; учителя городскихъ трехклассныхъ училищъ: Цивильскаго, *Храмцовъ*—съ 1-го августа 1902 г., Нико-

лаевского, *Петелинъ*—съ 6-го сентября 1901 г., Симбирскаго, *Стуриндоновъ*—съ 1-го августа 1902 г., Ардатовскаго, *Оловяновъ*—съ 17-го іюля 1901 г., Царевскаго, *Кузнецовъ*—съ 10-го октября 1901 г.; *губернскаго секретаря*, учитель Астраханскаго армянскаго Агабабовскаго уѣднаго училища *Буніатъинъ*—съ 1-го ноября 1898 г.; *коллежскаго регистратора*, домашній учитель Казанской дирекціи народныхъ училищъ *Бодровъ*—съ 1-го августа 1906 г.

(22-го декабря 1906 года, № 92). *Опредѣляются* на службу, изъ отставныхъ: губернской секретарь *Савицкій*—вторымъ почетнымъ попечителемъ Екатерининской гимназіи, на три года; инженеръ-механикъ, коллежскій совѣтникъ *Соломко*—адъюнкты-профессоромъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, по прикладной механикѣ и теоріи построенія машинъ.

Назначаются: директоръ С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища, статскій совѣтникъ *Юрьевъ*—директоромъ Вологодскаго Александровскаго реальнаго училища, со 2-го октября; директоръ Череповецкой учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Моралесичъ*—директоромъ народныхъ училищъ Подольской губерніи; кандидатъ Императорскаго университета *Булочкинъ* и потомственный почетный гражданинъ *Плещеевъ*—почетными попечителями: Булочкинъ—вновь Московской десятой гимназіи, а Плещеевъ—Семипалатинской учительской семинаріи, оба на три года, изъ нихъ Булочкинъ съ 12-го ноября; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета магистръ богословія, коллежскій совѣтникъ *Тихомировъ*—экстраординарнымъ профессоромъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, по философіи.

Утверждаются: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, докторъ славяно-русской филологіи; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шахматовъ*—предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, согласно избранію, съ 8-го ноября; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, по кафедрѣ нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія, магистръ сравнительнаго языковѣдѣнія *Кудряевскій*—въ исправляемой имъ должности.

Перемѣщаются: статскіе совѣтники, директора гимназій: Евпаторійской, *Зельницкій*, Павлоградской, *Самко* и Керченской Александровской, *Гудковъ*—директорами гимназій: первый—Керченской Александровской, второй—Евпаторійской и послѣдній—Павлоградской.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Пинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Каменскій*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, начальникъ архива министерства и членъ Императорской археографической комиссіи VI класса, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Барсуковъ*, съ 23-го ноября.

По С.-Петербургскому учебному округу. Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: адъюнкты-профессоры технологическаго института Императора Николая I: *Быковъ* и *Шушко*, оба—съ 13-го іюля 1906 г.; штатный преподаватель Новгородской гимназій *Тюлемезъ* — съ 15-го іюля 1906 г.; сверхштатный преподаватель главнаго нѣмецкаго училища св. Петра *Шлоссъ* — съ 23-го мая 1906 г.; инспекторы народныхъ училищъ Новгородской губерніи: *Гуляевъ*—съ 1-го марта 1906 г. и *Моревъ*—съ 15-го марта 1906 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: штатные преподаватели С.-Петербургскихъ гимназій: 3-й, *Лытовъ* — съ 1-го августа 1906 г., 7-й, *Цытовичъ*, 11-й, *Ратиковъ*, оба — съ 1-го іюля 1906 г.; преподаватели С.-Петербургскаго 3-го реальнаго училища: *Григорьевъ*—съ 1-го іюля 1906 г. и *Роснисузъ* — съ 1-го августа 1906 г.; штатный преподаватель Охтенскаго механико-техническаго училища *Крыловъ*—съ 28-го октября 1905 г.; наставникъ Гатчинской учительской семинаріи *Сиротинъ* — съ 3-го апрѣля 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: сверхштатный лаборантъ физической лабораторіи технологическаго института Императора Николая I *Нелюбовъ*—съ 1-го сентября 1906 г.; преподаватель женской гимназій княгини Оболенской *Гроссманъ* — съ 24-го февраля 1904 г.; наставникъ Череповецкой учительской семинаріи *Петровъ*—съ 1-го августа 1905 г.; учитель Торопецкаго городского училища, Псковской губерніи, *Лецинскій* — съ 1-го іюля 1906 г.; лаборантъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института *Златогоровъ* — съ 28-го октября 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: учитель Архангельскаго городского четырехкласснаго училища *Прохоровъ*—съ 1-го іюля 1906 г.; бывший почетный смотритель Вологодскаго городского училища *Штумпфъ*—съ 13-го февраля 1905 г.; журналистъ и архивариусъ канцеляріи попечителя *Гордакъ* — съ 5-го октября 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Меленескій*—съ 1-го августа 1905 г.; штатный помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербур-

ской гимназіи К. Мая *Жемлюевъ*—съ 1-го октября 1903 г.; учитель Архангельскаго городского четырехкласснаго училища *Прядильниковъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: почетный смотритель Торопецкаго городского училища *Любовскій*—съ 8-го іюня 1903 г.; учитель приготовительнаго класса Петергофскоѣ гимназіи Императора Александра II *Петровскій*—съ 1-го октября 1903 г.; смотритель женскаго училища принцессы Торезіи Ольденбургской *Назаровъ*—съ 13-го августа 1906 г.; сверхштатный учитель Архангельскаго городского четырехкласснаго училища *Раевскій*—съ 1-го іюля 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, письмоводитель С.-Петербургской 7-й гимназіи *Мещеряковъ*—съ 3-го сентября 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя: двухклассной бесплатной имени Комисарова-Коостромскаго школы въ С.-Петербургѣ, *Васильевъ*—съ 9-го апрѣля 1906 г.; приходскихъ училищъ: Порховскаго, Псковской губерніи, *Сухоруковъ*—съ 30-го іюня 1906 г. и Псковскаго, *Александровъ*—съ 27-го августа 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскимъ ассессоромъ*: преподаватели С.-Петербургскихъ гимназій: 2-й Императора Александра I: *Тодынский*—съ 10-го августа 1901 г., *Гинцбургъ* (сверхштатный)—съ 1-го іюля 1902 г., *Казаринъ*—съ 16-го августа 1902 г., 3-й, титулярный совѣтникъ *Николаевъ*—съ 1-го августа 1902 г., 8-й, *Поповъ*—съ 1-го іюля 1902 г., 12-й, губернский секретарь *Вертильди*—съ 16-го августа 1902 г.; воспитатели при пансіонахъ гимназій: Императорскаго человеколюбиваго общества, *Мамай*—съ 1-го августа 1901 г. и С.-Петербургской 2-й Императора Александра I, *Стригоминъ*—съ 21-го іюля 1902 г.; преподаватель главнаго нѣмецкаго училища св. Петра *Барнелъ*—съ 30-го мая 1902 г.; сверхштатные преподаватели С.-Петербургскаго реальнаго училища К. Мая: *Кубасовъ*—съ 9-го сентября 1902 г. и *Ярославлевъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; учитель рисованія и чистописанія С.-Петербургской 1-й гимназіи *Палатко*—съ 1-го августа 1901 г.; *титулярнаго совѣтника*: учитель искусствъ Петровской ремесленной школы по игрушечному дѣлу въ гор. Тотыгѣ, Вологодской губерніи, *Лашинъ*—съ 15-го августа 1900 г.; руководитель работъ и преподаватель технологии и рисованія Петровзаводскаго ремесленнаго училища *Григорьевъ*—съ 1-го мая 1902 г.; *коллежскаго секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ: С.-Петербургской 3-й гимназіи, *Сидякъ*—съ 10-го сентября 1902 г., С.-Петербургскаго 3-го реальнаго училища, *Днесъ*—съ 20-го августа.

1902 г.; учитель Вытегорскаго четырехкласснаго городского училища, губернской секретарь *Успенскій* — съ 1-го іюля 1902 г.

(30-го декабря 1906 года, № 93). *Назначаются*: заслуженный преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Варшавской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Мизальскій* и наставникъ-руководитель гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, коллежскій совѣтникъ *Черноусовъ* — директорами гимназіи: первый — Лодзинской, а второй — Новгородсѣверской, изъ нихъ Черноусовъ съ 20-го декабря; инспекторъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, статскій совѣтникъ *Былловъ* — директоромъ народныхъ училищъ Минской губерніи; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ церковнаго права *Гидуляновъ* — исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея, по церковному законодѣднію.

Утверждаются, согласно избранію: преподаватель С.-Петербургской Коломенской женской гимназіи, магистръ русской исторіи, надворный совѣтникъ *Васенко* и сотрудники Императорской археографической комиссіи: коллежскій совѣтникъ *Майковъ*, надворный совѣтникъ *Прятяковъ* и коллежскій ассессоръ *Шефферъ* — членами названной комиссіи: Васенко — V класса, а остальные трое — VI класса, всѣ — съ 12-го декабря.

Увольняется отъ службы, за выслугою срока, директоръ Новгородсѣверской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Марковъ*, съ 20-го декабря, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ!

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Лодзинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Игольцовъ*, съ 29-го октября.

IV. ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(1-го января 1907 г., № 1). *Производятся*, за отличіе изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ тайные совѣтники: директоръ департамента народнаго просвѣщенія *Михаилъ Андреевъ* и управляющій отдѣломъ промышленныхъ училищъ *Семенъ Гурьевъ*; изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники: ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Евфимій Карскій*; директоръ Рижскаго по-

литехническаго института Вольдемаръ фонъ-Акирмиъ; членъ и правитель дѣлъ Императорской археографической комиссiи Василай Дружининъ; помощникъ директора Императорской публичной библиотеки Николай Лизачевъ; окружные инспекторы учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго: Иванъ Хабаровъ и Виленскаго: Николай Коссаковский и Всеволодъ Флеровъ; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: Владимiръ Палладинъ, Петръ Лауровъ и Владимiръ Шимкевичъ, Московскаго: Петръ Дьяконовъ, Константинъ Павлиновъ, Иванъ Онеговъ и Левъ Лопатинъ, Казанскаго: заслуженный, Петръ Кроновъ, Александръ Архангельскій и князь Петръ Архутинскій-Долгоруковъ, Харьковскаго, Михаилъ Хиланскій, св. Владимiра: Сергiй Томашевскій и Александръ Муратовъ, Варшавскаго, заслуженный, исправляющій должность, Александръ Блюкъ и Юрьевскаго, Федоръ Евсеичъ; профессора институтовъ: сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александрiи, Антонъ Самоцкiй и Рижскаго политехническаго: заслуженные: Максимилианъ Глазенинъ, Густавъ Кирштейнъ и бывший, нынѣ въ отставкѣ, Эдмундъ Цфуль (на основанiи ст. 792 уст. служб. Прав. т. III св. зак., изд. 1896 г.), Юганъ Кохъ и Павелъ Вальденъ; инспекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Сергiй Середонинъ; директоръ и ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института Карлъ Гольциманъ; директора: гимназiй: Олонецкой, Эдмундъ Юрши, имени Григорiя Шеллапутина, въ Москвѣ, Дмитрiй Корольковъ, Вѣлгородской, Николай Ивашицкiй, Острогожской, Пинкодимъ Грековъ, Пензенской второй, Валентинъ Липинъ, Сумской Александровской, Иванъ Цепляковъ, Аскерманской, Кириллъ Дришювъ, Полтавской, Евгений Зеленецкiй, Бобруйской, Николай Адо, Брестской, Иванъ Бельмовскiй, Кѣлецкой, Сергiй Михалевицъ, Самаркандской, Василай Крымскiй и Красноярской, Андрей Лопаръ, реальныхъ училищъ: Новгородскаго, Матвѣй Дидовъ, Бѣлевскаго, имени Жуковскаго, Есперъ Жадовскiй, Повоторжскаго, Николай Ушаковъ, при римско-католической церкви св. Людовика, въ Москвѣ, Евгений Фонде-де-Монтжессенъ, Усть-Медвѣдицкаго, Рафаилъ Самецкiй, Шацкаго, Михаилъ Чубинскiй и Проскуровскаго, Климентiй Берученко-Мусiенко, Симбирскаго дворянскаго пансіона-пріюти, Имени Императора Николая II, Иванъ Ивцковъ, Сиратовскаго средняго механико- и химико-техническаго училища, Николай Пановъ и С.-Петербургскаго высшаго химико-техническаго училища Алексѣй Юревъ; начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, Владимiръ Костылевъ; директоръ народныхъ училищъ Иркутской губернии,

Михаилъ *Заостровскій*; почетные попечители: Вологодской гимназій, Александръ *Лозефовичъ* и Комиссаровскаго технического училища, въ Москвѣ, Сергій *Губонинъ*; почетный членъ попечительнаго совѣта того же училища Федоръ *Илевако* и дѣлопроизводитель, VI класса, отдѣла промышленныхъ училищъ Александръ *Ковалевскій*; изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: попечитель Рижскаго учебнаго округа Дмитрій *Левшинъ*, со старшинствомъ съ 7-го августа 1906 г.; и управляющій дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ Владиміръ *Мутьевъ*; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, журналистъ и архивариусъ канцеляріи правленія Императорской академіи наукъ Николлай *Приходко*; въ *коллежскіе регистраторы*: канцелярскіе служители: наблюдатель Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерваторіи, Александръ *Шанинъ*; и писмоводитель Троицкосавскаго Алексѣевского реальнаго училища, Гавріилъ *Полуяновъ* и учитель Благовѣщенскаго, Иннокентьевскаго начальнаго училища Алексѣй *Русиновъ*.

Награждаются орденами: *Бѣлаго Орла*—членъ совѣта министра, тайный совѣтникъ Николлай *Некрасовъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени—членъ совѣта министра и директоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, тайный совѣтникъ Василій *Латышевъ*.

Св. Анны 1-й степени—попечитель Харьковскаго учебнаго округа; дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергій *Раевскій*.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: товарищъ министра Осипъ *Герасимовъ*; членъ совѣта министра, въ должности гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества, Петръ *Семеновъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, заслуженный, Орестъ *Хвольсонъ*, Казанскаго, Михаилъ *Капустинъ*, Новороссійскаго, заслуженный, Владиміръ *Соколовскій* и Варшавскаго, бывший, Дмитрій *Цытмаевъ*; инспекторъ студентовъ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Михаилъ *Смирновъ*; директоры: Московской почтовой гимназій, Петръ *Никольскій*, Ливенскаго реальнаго училища, Александръ *Соловьевъ* и Воронежской учительской семинаріи, Сергій *Карпинскій* и инспекторъ классовъ Московскаго Усаачевско-Черныявскаго женскаго училища Викторъ *Соколовъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: попечители учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества;

графъ Андрей *Бобринскій*, Оренбургскаго, Николай *Бобровниковъ* и Варшаваго, Владимиръ *Гиллеъ*; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Аристархъ *Гилопольскій*; окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Московскаго, Владимиръ *Смолятиновъ*, Харьковскаго, Дмитрій *Артамоновскій* и Одесскаго: Николай *Каминскій* и бывшій Николай *Коржвинскій*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, заслуженный, Дмитрій *Амунтъ*; Казанскаго, Николай *Мирлаевскій*, Харьковскаго, заслуженный, Николай *Сущовъ*, Новороссійскаго, Александръ *Федоровъ* и св. Владимира: Оттонъ *Эйхвальманъ* и Леонидъ *Вьлюрицъ-Котляревскій*; профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Леонидъ *Волковскій*, и директора: гимназій: Московской седьмой, Григорій *Херсонскій*, Елецкой, Конрадъ *Гревс*, Воронежской второй, Григорій *Недѣтовскій*, Одесской Рихельевской, бывшій, Василій *Громицъ*, Гродненской, Александръ *Пителевскій* и Асхабадской, Сергій *Бьлюсовъ*, Рославльской шестиклассной прогимназіи, Отто *Нилендеръ*, реальныхъ училищъ: Тамбовскаго, Владимиръ *Елоровскій*, Петропавловскаго, Петръ *Бережковъ* и частнаго К. К. Мазинга, въ Москвѣ, Карлъ *Мазинъ*, Виленскаго христіанскаго учительскаго института, Всеволодъ *Боголюбовскій*, Благовѣщенской учительской семинаріи, Николай *Виницковскій*, народныхъ училищъ Ковенской губерніи, Александръ *Лебединцевъ* и Таганрогскаго средняго техническаго училища Николай *Оловяникъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: профессоръ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны Николай *Петровъ*; ординарный профессоръ Императорскаго Варшаваго университета Сергій *Вьховъ* и директора: Θεодосійской гимназіи, Александръ *Вьруманъ*, Харьковскаго реального училища, Веніаминъ *Студенцовъ*, институтовъ: Московскаго учительскаго, Михаилъ *Дамковъ*, Нижегородскаго дворянскаго Императора Александра II, Николай *Костырко-Стоцкий* и народныхъ училищъ: губерній: Новгородской, Арсеній *Чихачевъ* и Костромской, Иванъ *Виноградовъ*; статскіе совѣтники: ректоры и ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Александръ *Мануиловъ* и Новороссійскаго, Иванъ *Заичевскій*; вице-директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, Николай *Вестманъ*; председатель постоянной комисіи народныхъ чтеній, Еяграфъ *Ковалевскій*; дѣлопроизводитель, V-класса, департамента народнаго про-

свѣщенія Сергѣй *Пятицкий*; старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Артемій *Орбинскій*; окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа Николай *Счастливецъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: Петръ *Замытченскій* и Давидъ *Гриммъ*, Московскаго: Робертъ *Випперъ*, Веніаминъ *Хвостовъ* и Николай *Корсаковъ*, Казанскаго, Василій *Богородицкій*, Новороссійскаго, Леонъ *Федоровичъ*, Юрьевскаго: Василій *Курчичскій*, Юлій фонъ-*Кеннель* и исправляющій должность, Александръ *Садовскій* и Варшавскаго: Александръ *Колосовъ* и исправляющій должность, Владиміръ *Есиповъ* и историко-филологическихъ институтовъ: Императорскаго С.-Петербургскаго, Сергѣй *Буличъ* и князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, Иванъ *Турчичъ*; профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, Николай *Пильчиковъ*; директора: Юрьевскаго ветеринарнаго института, Людвигъ *Курцинь*, гимназій: С.-Петербургской пятой, Николай *Кузовъ*, Великоустюгской, Федоръ *Гейтманъ*, Нижегородской, Константинъ *Гордеевъ*, Владимірской; Степанъ *Бѣлевичъ*, Казанской третьей, Михаилъ *Ивановъ*, Курской, Викторъ *Блукетъ*, Корочанской Александровской, Александръ *Никольскій*, Одесской третьей, Анатолій *Стефановъ*, Слуцкой, Павелъ *Якушевичъ*, Ченстоховской, Кирилль *Май*, Радомской, Федоръ *Волковскій* и Маріампольской, Антонъ *Волковскій*, Вознесенской прогимназій, Владиміръ *Георгіевъ*, реальныхъ училищъ: Кинешемскаго, Константинъ *Немыцкій*, Нижне-Черскаго, Петръ *Рудневъ*, Каменскаго, Василій *Маклецовъ*, Рогачевскаго, Федоръ *Шимановскій* и Калишскаго, Иванъ *Иваненко*, мужскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла, въ Москвѣ, Германъ *Пахъ*, Курскаго дворянскаго Александро-Николаевскаго пансіона-пріюта, Песторъ *Горичевъ* и пародныхъ училищъ: губерній: Таврической, Сергѣй *Мартиновъ*, Валонской, Игнатій *Овечкичъ* и Енисейской, Павелъ *Итцковъ*; дѣлопроизводитель, VI класса; департамента общихъ дѣлъ министерства Федоръ *Моисеенко*; старшій зоологъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Валентинъ *Біанки*; правитель канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Капитанъ *Добрицкій*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Владиміръ *Сербскій*, Харьковскаго, Павелъ *Барабановъ* и Юрьевскаго, исправляющій должность, Адамъ *Защинскій*; адъюнкты-профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Павелъ *Селезневъ*; инспекторъ Пензенской первой гимназій Никифоръ *Коваленко*; помощникъ директора Пе-

тровско-Александровскаго пансіона-пріюта дворянства Московской губерні Ивѣтъ *Александровъ*; исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: С.-Петербургскихъ: восьмой, Александръ *Клиескій* и двѣнадцатой, Александръ *Палловскій*, Тамбовской, Владиміръ *Евгеновъ*; Таганрогской, Евгений *Лонтиковъ* и Луганской, Петръ *Марекъ* и реальныхъ училищъ: Боровичскаго, Иванъ *Троицкій*, частнаго Воскресенскаго, въ Москвѣ, Василій *Воиновъ*, Орловскаго Александровскаго, Гавриилъ *Голубевъ*, Николаевскаго, Порфирій *Кирилловъ*, Вѣлостокскаго, Викторъ *Кудрявцевъ* и Тюменскаго Александровскаго, Алексѣй *Силекскій*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Вологодской, Николай *Обицеровъ*, Нижегородской, Алексѣй *Сиколовъ*, Калужской, Николай *Федоровъ*, Симбирской: Николай *Охотинъ* и Константинъ *Нечаевъ*, Оренбургской, Николай *Воскресенскій*, Пермской, Александръ *Лесоновъ*, Курской, Иванъ *Ефимьевъ*, Пензенской, Николай *Дикиревъ*, Херсонской, Фѣдоръ *Шеневскій*, Полтавской, Александръ *Евсеевскій*, Черниговской, Иванъ *Паниженко* и Могилевской, Владиміръ *Тиминскій* и Семипалатинской области, Александръ *Злобинъ*; директоръ ремесленно-воспитательнаго заведенія, имени Н. П. Трубецникова, въ гор. Иркутскѣ, Антонинъ *Шанинъ*; исполняющій обязанности инспектора Иркутскаго промышленнаго училища Семенъ *Власенко*; преподаватель С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Людвигъ *Лесинъ*, заслуженные преподаватели гимназій: Саратовской первой, Василій *Косолатовъ*, Керченской, Владиміръ *Штененко*, Кишиневской первой, Николай *Шилои* и Ставропольской, Петръ *Астимовъ*; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: первой; Фѣдоръ *Видеманъ* и пятой, Александръ *Стиривскій*, Троицкой, Осипъ *Пушиновъ*, Уфимской, Вячеславъ *Ширлесъ*; Харьковской второй, Германъ *Синяковъ*, Николаевской, Петръ *Григоровичъ*, Кіево-Печерской: Владиміръ *Ласкоронскій* и Гуліанъ *Гутковскій*, Прагской, Фаддей *Здѣлковскій*, Сѣдлецкой, Емельянъ *Киричинскій*, Тобольской, Николай *Куритовъ* и женскихъ: частной Шаффо, въ С.-Петербургѣ, Михаилъ *Обрицковъ*, Екатеринбургской, Павелъ *Фарнхругъ*, и Херольской, Дмитрій *Котликовъ*, реальныхъ училищъ: Сарapulьскаго Алексѣевскаго, заслуженный, Николай *Орловъ*, С.-Петербургскаго перваго, Гавриилъ *Клязевъ*, Казанскаго, Николай *Владиміровъ*, Харьковскаго, Николай *Штандель*, Полтавскаго, Петръ *Гордіевскій*, Кременчугскаго, Митрофанъ *Палловскій*, Кіевскаго: Константинъ *Якубовичъ* и Иванъ *Пушкаревъ*, Виленскаго, Іосифъ *Пономаревъ*, Минскаго, Павелъ *Занъ* и Рижскихъ: Императора Петра I, Александръ *Мусиновичъ* и городского, Констан-

тинъ *Ниландеръ*; заслуженные преподаватели: Нижегородскаго, дворянскаго института Императора Александра II, *Илья Барановъ*; Иркутскаго промышленнаго училища, *Михаилъ Сулжиковскій*; коллежские совѣтники: начальникъ Кѣлевской учебной дирекціи *Николай Токаревъ*; библиотекарь I отдѣленія библиотеки Императорской академіи наукъ *Эдуардъ Волтеръ*; ученый хранитель рукописей I отдѣленія библиотеки Императорской академіи наукъ *Всеволодъ Срезневскій*; инспекторы народныхъ училищъ Волынской губерніи *Александръ Бесвергскій*; завѣдывающіе отдѣленіями Николаевской главной физической обсерваторіи: станцій II разряда, *Антонъ Каминскій* и наблюденій и поправки инструментовъ, *Іосифъ Шухевичъ*; завѣдывающій хозяйственною частью Императорской публичной библиотеки *Иванъ Трескинъ*; лекторъ Императорскаго Казанскаго университета *Густавъ-Адольфъ Беръ*; сверхштатный учитель гимназій и реальнаго училища доктора *Видемана*, въ С.-Петербургѣ, *Василій Фидоровскій*; воспитатель при пансіонѣ С.-Петербургской третьей гимназій *Николай Соколовъ* и причисленный къ министерству *Владиславъ Кононовичъ*; надворные совѣтники: письмоводитель при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ *Павелъ Симоны*; инспекторъ Грушеповской прогимназій *Михаилъ Литвиновскій*; секретарь совѣта Императорскаго Казанскаго университета *Михаилъ Соловьевъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа *Владиміръ Конопасевичъ* и учитель С.-Петербургскаго Владимирскаго городского училища *Николай Степановъ*; директоръ Кіевского реальнаго училища св. Екатерины, неимѣющій чина *Эмилій Крейцманъ*.

Св. Анны 2-й степени: действительные статские совѣтники: членъ попечительнаго комитета Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны *Константинъ Поповъ*; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Иванъ Филевичъ* и директоръ народныхъ училищъ Ярославской губерніи *Антонъ Украинцевъ*; статские совѣтники: директоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института *Сергій Салажикъ*; окружной инспекторъ Кіевского учебнаго округа *Михаилъ Газаревичъ*; директоръ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ *Викторъ Фаускъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: *Николай Мидниковъ* и *Николай Марръ*, Московскаго: *Владиміръ Вернандскій* и *Михаилъ Покровскій*, Казанскаго: *Сергій Шестаковъ* и *Николай Геркенъ*, Новороссійскаго, *Брониславъ Верно*, Варшавскаго, *Василій Кудренинскій* и Юрьевскаго: исправляющій должность, *Николай*

Кузнецовъ и Виссаріонъ Алексеевъ; профессоръ Рижскаго политехническаго института Оттонъ Гюфманъ; ординарный профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института Алексѣй Духачевъ; адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Михаилъ Моринъ; директора гимназій: С.-Петербургской Дарвиновой, Аркадіи Мушинъ, Петергофской, Императора Александра II, Николай Шубинъ, Бахмутской, Петръ Бракенсеймеръ и Кишиневской второй, Евгеній Ветинъ, С.-Петербургскаго перваго реального училища, Николай Волковъ, Тамбовскаго Екатерининскаго учительскаго института Валеріанъ Алякритскій и учительскихъ семинарій: Преславской, Юсифъ Адыревъ и Полоцкой, Клавдій Тихомировъ; причисленный къ министерству Николай Знойко; старшіе зоологи зоологическаго музея Императорской академіи наукъ: Алексѣй Вяткичъ-Бирумъ и Георгій Яковсонъ; первый ученый хранитель ботаническаго музея Императорской академіи наукъ Дмитрій Литвиновъ; экстраординарные профессора: Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, Василій Якубовичъ и Харьковскаго, сверхштатный, Николай Гиброносскій, С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института: Николай Рачинскій и Николай Виноградовъ и Юрьевскаго ветеринарнаго института, сверхштатный, Иванъ Вальдманъ; адъюнктъ-профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Михаилъ Демевъ; инспектора гимназій: Орловской Алексѣевской, исправляющій должность, Дмитрій Мишинъ, Саратовской первой, Павелъ Черняевъ, Кишиневской первой, Корнелій Шекляевичъ, Читинской, Григорій Цыгановъ, Варшавской первой, исправляющій должность, Василій Модинъ и Холмской, исправляющій должность, Иванъ Петровъ; исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: С.-Петербургской одиннадцатой, Яковъ Рудневъ, Харьковской четвертой, Михаилъ Постоевъ, Ростовской-на-Дону, Николай Галагуровъ, Бобруйской, Сергѣй Пряжиковъ и Красноярской, Василій Теремецъ и реальныхъ училищъ: Новгородскаго, Викторъ Абисовъ, Муромскаго, Владиміръ Гончаровъ, Кишиневскаго, Иродіонъ Конашевичъ, Черниговскаго, Дмитрій Михайловскій и Ташкентскаго, Николай Чечелевъ; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Вологодской, Никифоръ Азутинъ, Тверской, Дмитрій Исиковъ, Рязанской, Михаилъ Дроздовъ, Казанской: Михаилъ Алатырцевъ и Алексѣй Жеребцовъ, Самарской, Константинъ Временниковъ, Оренбургской, Николай Введенскій, Пермской, Михаилъ Введенскій, Воронежской, Сергѣй Любимовъ, Харьковской, Александръ Вородавскій, Бессарабской, Александръ Абакумовъ и Лю-

блинской, Евстафій *Черняковскій* и областей: войска Донского, Алексѣй *Родионовъ*, Акмолинской, Павелъ *Степановъ* и Сыръ-Дарьинской, Александръ *Николеевъ*; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета Михайлъ *Гарднеръ*; преподаватель и архитекторъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III Михайлъ *Ловцовъ*; лекторъ Императорскаго Московскаго университета Евгений *Граунъ*; бывшіе помощники инспекторовъ студентовъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Николай *Смирновъ* и св. Владимира, Иванъ *Григоровичъ*; заслуженные преподаватели гимназій: С.-Петербургской второй, Николай *Кузнецовъ*, Елецкой, Иванъ *Яхонтовъ*, Вятской, Григорій *Сергеевъ*, Гродненской, Иванъ *Остроумовъ*, Плоцкой, Сергій *Георгиевскій* и Владивостокской при восточномъ институтѣ, Теодоръ *Зарыцкій*; учителя: гимназій: С.-Петербургской второй: Александръ *Антоновъ* и Сергій *Варницкій*, Кронштадтской, Александръ *Окиевскій*, Нарвской, Копсталипъ *Писницынъ*, Псковской, Вильфридъ *Луиъ*, Императорской Царскосельской Николаевской, Маріанъ *Зоржельскій*, Московскихъ: первой, Петръ *Сетинсонъ*, третьей, Михайлъ *Майми-стовъ*, четвертой, Николай *Флаге* и седьмой, въ память Императора Александра III, Петръ *Страховъ*, Елецкой, Алексѣй *Спичкинъ*, Шуи-ской, Семенъ *Шевнинъ*, Тульской, Николай *Пріоровъ*, Серпуховской Александровской, Петръ *Смирновъ*, Орловской первой, Эмануэль *Маршевскій*, Нижегородской, Агафангелъ *Надежинъ*, Калужской, Иванъ *Сосницкій*, Владимирской, Андрей *Захаровъ*, Бѣльской, Николай *Соболевъ*, Императорской Казанской, Николай *Горталовъ*, Самарской, Николай *Ильинъ*, Пермской, Яковъ *Ивинъ*, Оренбургской, Иванъ *Кузьменко-Кузницкій*, Троицкой, Владиміръ *Лисеровъ*, Сумской Александровской, Николай *Линевскій*, Пензенской второй, Василій *Лебедевъ*, Новочеркасской, Борисъ *Гвоздиковъ*, Одесскихъ: второй, Юсифъ *Турцевичъ*, и четвертой, Дмитрій *Таманки*, Бердянской, Алексѣй *Тыщенко*, Павлоградской, Тимофей *Машковичъ*, Симферопольской, Густинъ *Грицивскій*, Кіевской четвертой, Василій *Славинскій*, Лубенской, Иванъ *Розумъ*, Виленской первой, Адрианъ *Кривоноскій*, Гродненской, Евстафій *Орловскій*, Варшавской шестой, Константинъ *Тимашевъ*, Пултуской, Антонъ *Михаловскій*, Ченстоховской, Иванъ *Вершинскій*, Перновской, Ома *Сивичскій*, Митавской, Леонидъ *Окновъ*, Ташкентской, Дмитрій *Назаровъ*, Вѣрненской, Михайлъ *Стратилатовъ*, и женскихъ: Таганрогской Марининской, Павелъ *Филоскій*, Севастопольской, Иванъ *Шевелинъ* и Томской Марининской, Дмитрій *Основичъ*, Карачевской четырехклассной прогимназій, Александръ *Сахаровъ*, реальныхъ учи-

дѣль: Великолукскаго, Дмитрій *Степановскій*, Московскаго, Николай *Леоновъ*, Саратовскаго перваго Александро-Маріинскаго, Митрофанъ *Мышкинъ*, Новочеркасскаго, Василій *Буханцевъ*, Изюмскаго, Андрей *Высоцкій*, Кіевскаго: Василій *Кожанко* и Самуилъ *Торскій*, Кіевскаго св. Екатерины, Іоаннъ *Левенбергъ*, Кременчугскаго, Семень *Голтовскій*, Новозыбковскаго, Германъ *Экже*, Вѣлостокскаго, Конрадъ *Шарфа*, Рижскаго городского, Карлъ *Вальтеръ*, Ревельскаго, Рудольфъ *Кнопферъ*, Томскаго Алексѣевскаго, Василій *Ильинскій* и Тюменскаго Александровскаго, Осдоръ *Газаевъ* и училищъ: главнаго нѣмецкаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра, въ С.-Петербургѣ, Артуръ *Козъ* и Комисаровскаго техническаго, въ Москвѣ, Дмитрій *Голомяленскій*; воспитатель пансіона при Рязанской первой гимназіи Петръ *Любимовъ*; наставникъ Казанской учительской семинаріи Александръ *Рождественскій*; инспекторъ Бахмутскаго ремесленнаго училища Петръ *Жировъ* и учитель-инспекторъ Виленскаго перваго городского училища Леонтій *Ботровъ*; коллежскіе совѣтники: директоръ Мѣтинской гимназіи Артуръ *Готлибъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Сергій *Жебелевъ*, Московскаго, Фридрихъ-Карлъ *Рейнъ* и Юрьевскаго, исправляющій должность, Сергій *Болушевскій*; инспектора народныхъ училищъ: Херсонской губерніи, Антіохъ *Луцкевичъ* и Семипалатинской области, Игнатій *Скорковский*; ученый секретарь Николаевской главной физической обсерваторіи Евгеній *Гейнцъ*; старшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ Василій *Кузнецовъ*; наставникъ Молодечненской учительской семинаріи Антонъ *Богдановичъ* и врачъ Екатеринбургскаго городского училища Владиміръ *Падучевъ*; надворные совѣтники: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Григорій *Коссевицковъ*; инспекторъ народныхъ училищъ Акмолинской области Леонидъ *Кривоноговъ*; почетный попечитель Глазовской прогимназіи Сергій *Максимовичъ*; дѣлопроизводитель, VII класса, департамента общихъ дѣлъ Михаилъ *Образцовъ*; членъ-соревнователь попечительскаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, Валентинъ *Вишняковъ*; бібліотекаръ и архивариусъ Николаевской главной физической обсерваторіи Петръ *Ваннари*; учителя-инспектора городскихъ училищъ: Усть-Сысольскаго, Иванъ *Чиркинъ* и Ташконтскаго, Андрей *Стайновскій*; штатный смотритель Староконстантиновскаго городского училища Аристархъ *Андріевскій* и почетный смотритель городского училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ Прохоръ

Матвеевъ; коллежскіе ассессоры: правитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Александръ *Аврамовскій*; почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго технического училища, въ Москвѣ, Анатолій *Соломко* и учитель притготовительнаго класса Курской гимназій Иванъ *Матвеевъ*; почетный попечитель Казанской второй гимназій, губернской секретарь Леонтія *Кожинъ*.

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Иванъ *Грессъ*; директоръ Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища Александръ *Пудовкинъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Московской: Арсеній *Модестовъ* и Сергій *Петрунинъ*, Тверской, Александръ *Ждановъ* и Сувалкской, Иванъ *Гошкевичъ*; провекторы Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, Петръ *Заболотновъ* и св. Владиміра, Николай *Турбановъ*; учителя гимназій: Ярославской, Владиміръ *Вьюсовъ*, Казанской второй, Николай *Пермяковъ*, Ягтнискій, Александръ *Орловъ*, Уманской, Анатолій *Шежунъ*, Минской, Іосифъ *Павловичъ*, Слуцкой, Петръ *Сутрисъ*, Варшавской второй, Алексій *Моисеевъ*, Люблинской, Александръ *Лефевръ*, Бѣльскій, Владиміръ *Дмитріевъ*, Ломжинской, Павелъ *Рейсвальдъ*, Рижской городской, Германъ *Лобфелеръ*, Либавской Николаевской, Симонъ *Кельсонъ* и Ставропольской, Петръ *Добровольскій*, Лебедянскій прогимназій, Николай *Андріевскій*, Ростовской-на-Дону Екатерининской женской гимназій, Семень *Грушевой*, реальныхъ училищъ: Выборгскаго, Иванъ *Васильевъ*, Уральскаго, Василій *Бочаровъ*, Киевскаго св. Екаторины, Георгій *Антоновъ*, Могилевскаго, Осипъ *Плейеръ*, Двинскаго, Александръ *Буйновъ*, Харьковскаго, Платонъ *Шатохинъ*, Воронежскаго, Александръ *Масловъ* и Новочерваскаго, Феодръ *Шеферъ* и училищъ: при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла, въ Москвѣ, Отто *Эссемунтъ*, Нижегородскаго средняго механико-техническаго при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, Дмитрій *Хмельницкій* и Московскаго промышленнаго, въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, Василій *Шаблинскій*; наставникъ Полоцкой учительской семинаріи Михаилъ *Баднъ* и врачъ Сергіево-Посадской гимназій Петръ *Икубъ*; коллежскіе совѣтники: директоръ Семипалатинской гимназій Леонидъ *Дирдовскій*; старшій этнографъ музея по антропологии и этнографіи, Имени Императора Петра Великаго, Левъ *Штернбергъ*; второй ученый хранитель ботаническаго музея при Императорской академіи наукъ Вольдемаръ *Траммельъ*; экстраординарные профессора:

Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго: Дмитрій *Куратовъ* и Константинъ *Гермогеньскій*, Новороссійскаго, исправляющій должность, Владиміръ *Ласкаревъ* и св. Владиміра; Владиміръ *Перетигъ*, Францъ-Викторъ-Гуго *Стефанисъ*, Михаи́ль *Лавинскій* и исправляющіе должность: Павель *Ардашевъ*, и Петръ *Воронцовъ* и С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института Александръ *Гинзбергъ*; профессоръ восточнаго института Петръ *Шмидтъ*; инспекторы: частныхъ прогимназій и реального училища Штемберга, въ С.-Петербургѣ, Георгій *Штембергъ* и народныхъ училищъ: губерній: Олонцовской, Семень *Лосевъ*, Смоленской, Иванъ *Смирновъ* и Витебской, Николай *Воловаденскій*; преподаватель С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Николай *Михельсонъ*; исполняющій обязанности инспектора Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища Александръ *Шейманъ*; провекторъ Императорскаго Московскаго университета Сергій *Орловъ*; ассистенты Императорскаго Московскаго университета: Сергій *Сухановъ* и, сверхштатный, Евгений *Малютинъ*; лекторъ Императорскаго Харьковскаго университета Юлій *Ферберъ*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ: второй, Гермогенъ *Ивановъ*, десятой, Иванъ *Вейертъ* и двѣнадцатой, Алексѣй *Стасенковъ*, Московской десятой, Иванъ *Крыловъ*, Вяземской Императора Александра III, Смоленскаго земства, Иванъ *Ловцовъ*, Владимірскаго, Сергій *Шестаковъ*, Рязанскаго второй, Владиміръ *Булатовъ*, Вятскаго, Александръ *Зубовъ*, Казанскихъ: Императорской первой, Иванъ *Пономаревъ* и второй, Петръ *Максимовъ*, Лебединской, Николай *Степановъ*, Евпаторійскаго, Константинъ *Тробиновъ*, Варшавскаго второй, Вильгельмъ *Дею*, Сѣдлецкаго, Валеріанъ *Соловьевъ*, Домжинскаго, Сергій *Доминскій*, Рижскаго городскаго, Владиміръ *Осмоловскій*, Ставропольскаго, Василій *Кудрявцевъ*, Симплатинскаго, Николай *Давыдовъ* и женскихъ: Гельсингфорскаго Маріинскаго, Валентинъ *Терентьевъ*, Казанскаго Ксеніинскаго, Алексѣй *Фроловъ* и Θεодосійскаго, Андрей *Грищенко*, прогимназій: Замостскаго, Михаи́ль *Краузе* и Бѣлопольскаго женскаго, Алексѣй *Колликовскій* и реальныхъ училищъ: частнаго К. К. Мазинга, въ Москвѣ, Доасафъ *Чистяковъ*, Нижегородскаго Владимірскаго, Юсифъ *Линдеманъ*, Саратовскаго перваго Александро-Маріинскаго, Владиміръ *Гончаровъ*, Сумскаго, Петръ *Бессоновъ*, Воронежскаго, Николай *Сысаревъ*, Ростовскаго-на-Дону „Петровскаго“, Александръ *Личинскій*, Пермскаго, Карлъ *Дзинтеръ* (онъ же Бернштейнъ), Екатеринбургскаго перваго, Михаи́ль *Шкамарда*, Кіевскаго, Петръ *Ней*, Цинскаго, Александръ *Надеинъ*, Минскаго, Александръ *Стаскій*, Рижскаго Императора Петра I, Леонидъ *Не-*

взоровъ, Митавскаго, Владиміръ Берсенёвъ, Тюменскаго Александровскаго, Иванъ Виноходовъ и Хабаровскаго, Евстафій Скибинскій; воспитатель при пансіонѣ Московской четвертой гимназіи Василій Мотанскій; преподаватель Московскаго промышленнаго училища, въ память 25-лѣтія царствования Императора Александра II, Александръ Кашицевъ; старшій надзиратель Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, Сергій Наумовъ; руководитель работъ при техническихъ мастерскихъ Казанскаго промышленнаго училища Георгій Володинъ; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Витебскаго второго, Даміанъ Каленчукъ, Омскаго, Иванъ Соловьевъ и Зайсанскаго, исправляющій должность, Григорій Псаревъ; врачъ Бахмутской женской гимназіи Иванъ Момжовъ и младшій учитель Рижскаго городского женскаго шестикласснаго училища Владиміръ Свенсонъ; надворные совѣтники: экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, исправляющій должность, Іосифъ Бродовичъ и св. Владиміра, Александръ Шимановскій; адъюнкты-профессоры института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Иванъ Таргани; директоръ Мариупольскаго низшаго механико-техническаго училища Иванъ Воскобойниковъ; инспекторы: Житомирской второй гимназіи, Даниль Савченко-Боженко, Касимовскаго средняго семикласснаго техническаго училища, исполняющій обязанности, Николай Гусевъ и народныхъ училищъ: губерній: Костромской, Иванъ Карцевъ, Таврической, Дмитрій Мухинъ и Черниговской: Михаилъ Мельниковъ и Михаилъ Карпенко; прозекторы: Императорскаго Московскаго университета, Гурій Волынецъ и С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, Василій Таранухинъ; ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Александръ Лютковичъ; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, Карль Грейнеръ; секретарь правленія Императорскаго Харьковскаго университета Даниль Ткаченко; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ: первой: Александръ Уразовъ и Владиміръ Меліоринскій, третьей, Сергій Лавровъ, шестой: сверхплатный, Николай Азровъ и Павелъ Соболевъ, Введенской, Петръ Невжуровъ и двѣнадцатой, Михаилъ Русиндовъ, Олопецкой, Дмитрій Сидоровъ, Петергофской Императора Александра II, Павелъ Успенскій, Костромской, Владиміръ Андрониковъ, имени Григорія Шеладутина, въ Москвѣ, Александръ Соловьевъ, Харьковской первой, Ростиславъ Пономаревъ, Одесской Ришельевской, Николай Лазаревскій, Кіевскихъ: первой, Владиміръ Субочъ и второй: Сергій Черный и Андрей Кучинъ.

скій, Златопольской, Николай *Обыденный*, Полтавской, Станиславъ *Матковский*, Черниговской: Михаилъ *Тутолминъ* и Трофимъ *Ромицкий*, Житомирской второй, Сергій *Газимевичъ*, Витебской, Иванъ *Неруизъ*, Варшавской первой, Петръ *Жигаревъ*, Томской, Николай *Смирновъ* и Нахичеванской на-Дону женской, Василій *Антоновъ*, гимназій: Бобровской, Георгій *Спობѣ* и Пичковской, Павелъ *Святославскій*, реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: перваго, Петръ *Стадницкій* и третьяго, Николай *Григорьевъ*, Гатчинскаго, имени Императора Александра III, Дмитрій *Бароновъ*, частнаго Воскресенскаго, въ Москвѣ, Валентинъ *Сливицкій*, Костромскаго, Сергій *Поповъ*, Симферопольскаго, Петръ *Крестининъ*, Винницкаго, Илья *Аристовъ* и Вячеславъ *Лореневъ* и Сосновицкаго, Федоръ *Шахъ* и главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра, въ С.-Петербургѣ, Александръ *Родинъ*; преподаватель С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища Леонидъ *Лейхманъ*; воспитатель Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта, въ Москвѣ, Александръ *Шклярескій*; наставники учительскихъ семинарій: Псковской, Иванъ *Мальневъ*, Преславской, Григорій *Олижневичъ* и Вольмарской, Павелъ *Феринъ-Соколовскій*; учитель Бирской инородческой учительской школы Пилъ *Мельникій*; исполняющій обязанности надзирателя горнозаводскаго отдѣленія Пермскаго реальнаго училища Николай *Сулугъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Благовѣщенскаго, Александръ *Мисловъ*, Новоладожскаго, Константинъ *Коносовъ*, Череповецкаго, Александръ *Коровкинъ*, Пошехонскаго, Иванъ *Смирновъ*, Нижегородскаго, имени св. князя Владимира, Дмитрій *Кононовъ*, Павловскаго, Вячеславъ *Кириловъ*, Московскаго Рогожскаго, Василій *Бойковъ*, Бѣлевскаго, Василій *Волоцкой*, Муромскаго, Николай *Самойловъ*, Воткинскаго, Петръ *Гнѣзевъ*, Камышловскаго, Георгій *Сухоруковъ*, Оханскаго, Алексѣй *Семеновъ*, Златоустовскаго, Николай *Быковъ*, Екатеринбургскаго, Иковъ *Торинъ*, Кишиневскихъ: перваго, Викторъ *Михайличенко* и втораго, Мартынъ *Здройковский*, Орѣвскаго, Василій *Архангельскій*, Остерскаго, Александръ *Роговъ*, Золотоношскаго, Николай *Бобровниковъ*, Быховскаго, Игнатій *Котляръ*, Газенпотскаго, Иванъ *Вальмеръ*, Тюменскаго, Сергій *Витязидовъ* и Пишпекскаго, Станиславъ *Волкешскій*; штатные смотрители городскихъ училищъ: Свирскаго, Петръ *Рыжковъ* и Чигиринскаго, Митрофанъ *Щенко*, смотритель Ставропольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища Никифоръ *Даріоновъ*; врачи: Благовѣщенской гимназій, Алексѣй *Павловъ*, Симбирскаго дворянскаго

пенсіона-пріюта, Александръ *Грязновъ* и Харьковского городского училища, Николай *Прейсъ*, помощники класныхъ наставниковъ: гимназій: Коломенской, Иванъ *Шумовъ*, Московской второй, Николай *Старовскій*, Курской, Пгнатій *Бурлей*, Воронежской первой, Василий *Абхимовъ*, Мариупольской, Иванъ *Крапцовъ*, Новгородсѣверской, Михаилъ *Котляровъ* и Гомельской, Михаилъ *Петрожицкій* и реальныхъ училищъ: Смоленскаго Александровскаго, Захарій *Даленковъ*, частнаго К. К. Мазинга, въ Москвѣ, Владиміръ *Магоновъ*, Вятскаго, Николай *Ръмитовъ*, Саранульскаго Алексѣевскаго, Петръ *Постыловъ*, Херсонскаго, Антоній *Изотовъ*, Полтавскаго, Артемій *Рымаревъ*, Кіевскаго, Апатолій *Риза*, Варшавскаго, Николай *Кубарко* и Митавскаго, Артуръ *Куренсонъ*; помощникъ воспитателей коллегіи Павла Галагана, въ гор. Кіевѣ, Исполнть *Земинскій*; бухгалтеръ Виленской первой гимназій Евгений *Пржевальскій* и учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Вознесенскаго Михаилъ *Петровъ*, Гатчинскаго, Николай *Преображенскій*, Петергофскаго, Александръ *Копытовскій*, Орловскаго, сверхштатный, Митрофанъ *Өвейскій*, Алатырскаго, Николай *Зефировъ*, Пермскаго перваго, Петръ *Грузинцевъ*, Богодуховскаго, Василий *Клюковъ*, Ростовскаго-на-Дону, Иванъ *Хохловъ*, Двинскаго второго, Андрей *Ромачъ*, Ровельскаго, Алексій *Акомичковъ*, Тукумскаго, Фридрихъ *Янсонъ*, Валъскаго, Августъ *Рйкманъ*, Чимкентскаго, Константинъ *Кривцовъ* и Казалинскаго, Всеволодъ *Подпорный*; коллежскіе ассессоры: почетный попечитель Саратовскаго средняго механико-и химико-техническаго училища Никаноръ *Алличиковъ*; дѣлопроизводитель, VII класса, департамента народнаго просвѣщенія: Петръ *Карповъ* и Константинъ *Смирновъ*; преподаватель восточнаго института Николай *Кожановскій*; члены-соревнователи попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ: Николай *Мизайловъ*, Николай *Листъ* и Георгій *Литартъ*; старшій помощникъ библиотекаря Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ Сергій *Соколовъ*, дѣлопроизводитель, VIII класса, департамента общихъ дѣлъ Николай *Варадиновъ*; секретарь совѣта правленія Демидовскаго юридическаго лица въ гор. Ярославлѣ Валентинъ *Карповъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа Петръ *Петровъ*; учителя: Пермской женской гимназій, Алексій *Земинъ* и реальныхъ училищъ: частнаго Гельда, въ С.-Петербургѣ, Александръ *Новиковъ*, Поневѣжскаго, Карлъ *Гермоніусъ* и Сосновскаго, Сергій *Волковъ*; наставники учительскихъ семинарій: Петрозаводской, Владиміръ *Елецкій* и Иркутской, Михаилъ *Лигнеръ*; учителя-инспекторы

городскихъ училищъ: Павловскаго, Оедотъ *Голубевъ* и Зеньковскаго, Митрофанъ *Эпиченко*; штатный смотритель Житомирскаго городского училища Харлампій *Садиленко*; сверхштатный лаборантъ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, Василій *Нелюбовъ*; казначей Императорскаго С.-Петербургскаго университета Михаилъ *Шикитинъ*; бухгалтеръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института Александръ *Жадко-Вазилевичъ*; вычислитель отдѣленія станцій II разряда при Николаевской главной физической обсерваторіи Евгенийъ *Коринъ-Коссаковский*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Харьковской четвертой, Ефимъ *Гридинъ*, Херсонской, Павелъ *Малицкий*, Кіевской четвертой, Юліанъ *Пороховскій* и Сѣдлецкой, Константинъ *Левченко* и реальныхъ училищъ: Сумскаго, Александръ *Тумской* и Петропавловскаго, Георгій *Быковъ* и учителя: городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Владимірскаго, Петръ *Силинъ*, Винницкаго, Василій *Вотчининъ* и при Московскомъ учительскомъ институтѣ, Иванъ *Коротинъ*, пріюта Цесаревны Маріи, учрежденнаго обществомъ попеченія о дѣтяхъ лицъ, ссылаемыхъ по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, Илья *Смирновъ* и Сергій *Рыжиковъ*, приготовительныхъ классовъ: гимназій: Рыбинской, Василій *Филатовъ* и Павлоградской, Иванъ *Лозановскій* и реальныхъ училищъ: Изюмскаго, Лука *Макухинъ*, Полтавскаго, Гаврилъ *Применко*, Ромненскаго, Михаилъ *Шохъ*, Кременчугскаго, Дмитрій *Бончъ-Бруевичъ* и Либавскаго, Владиміръ *Василевскій* и Лѣсно-Карамышскаго русскаго центрального училища Карлъ *Шмидтъ*; титулярные совѣтники: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета Борисъ *Ляпуновъ*; дѣлопроизводитель, VII класса, департамента министерства народнаго просвѣщенія Михаилъ *Клечетовъ*; штатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Василій *Молчановъ*; ассистентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Маркъ *Солоненко*; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Оѣдоръ *Тарановскій*; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, Степанъ *Оссовецкій*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа Михаилъ *Горбуновъ*; бухгалтеръ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Власть *Рыбко*; архитекторъ Оренбургскаго учебнаго округа Владиміръ *Чаплицъ*; учителя: С.-Петербургской шестой гимназій, Адольфъ *Метцлеръ* и Замостской женской прогимназій, Леонтій *Коссовскій*; врачъ Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища Киприанъ *Петровъ*; секретарь

правления Императорскаго Юрьевскаго университета Гербертъ *Шульцъ*; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: С.-Петербургской Ларинской, Иванъ *Олифиренко* и Кіевской четвертой, Петръ *Захарченко* и письмоводитель Варшавскаго реального училища Александръ *Шелюкъ*; коллежскіе секретари: экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Эрвинъ - Александръ *Гриммъ*, Харьковскаго, исправляющій должность, Владиміръ *Арнолди* и Варшавскаго, Григорій *Демченко*; лаборанты: Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Ѳедоръ *Индриксонъ* и Новороссійскаго, Игнатій *Тощиловскій* и С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, Владиміръ *Эйхвальдъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Николай *Савицкій*; учителя гимназій: Кіевской первой, Яковъ *Шульцинъ* и Калишской женской, Павелъ *Архангельскій*; письмоводитель и бухгалтеръ Иркутскаго промышленнаго училища Константинъ *Черняковъ*; помощникъ классныхъ наставниковъ Омской гимназій Василій *Сырцовъ* и помощникъ электора клиникъ Императорскаго Томскаго университета Иванъ *Хамбниковъ*; губернскіе секретари: инспекторъ народныхъ училищъ Волынской губерніи Никита *Волошинъ*; бухгалтеръ канцеляріи попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа Николай *Фиксенъ*; учитель Черниговской гимназій Иванъ *Крулевъ* и учитель-завѣдывающій первымъ Воронежскимъ приходскимъ городскимъ училищемъ Михаилъ *Ватинъ*; дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, коллежскій регистраторъ Степанъ *Дворничій*; неимѣющіе чина: техникъ (архитекторъ) Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны Оскаръ *Паульсонъ*; исправляющіе должности экстраординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, Владиміръ *Соколовъ*, Харьковскаго, Степанъ *Кульбакинъ*, Николай *Гьлюсовъ*, Антонъ *Шибборскій*, Николай *Максимейко* и Александръ *Равскій* и Новороссійскаго, Синодій *Папа-Димитріу*; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Николай *Колотинскій*; лекторъ Императорскаго Харьковскаго университета Павелъ *Риттеръ* и инспекторъ Никольскъ-Уссурійскаго городского училища Григорій *Родинъ*.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: оружнй инспекторъ Московскаго учебнаго округа Сергій *Никитинскій*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго: Эдуардъ *Мейеръ*, Александръ *Самойловъ*, Викторинъ *Груздевъ* и Александръ *Атабатовъ*, Харьковскаго: Алексій *Албицкій* и Порфирій

Пятницкій, Новороссійскаго: Севастьянъ *Танитаръ* и Павелъ *Петренко-Критченко*, св. Владимира, Алексѣй *Сверцевъ* и Юрьевскаго, Александръ *Миклишевскій*; профессоръ и помощникъ директора Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III Владиміръ *Кнаббе*; профессора Рижскаго политехническаго института; Пярсъ *Болъ*, Рихардъ *Геннигъ* и Мартинъ *Шталъ-Шредеръ*; директоръ народныхъ училищъ Херсонской губерніи Сергѣй *Боголюбовскій*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, Василій *Неболюбовъ*, Харьковскаго: Николай *Мельниковъ-Разведенковъ* и исправляющій должность, Евгений *Роговскій* и св. Владимира, Федоръ *Ломинскій*; адъюнктъ-профессоръ Рижскаго политехническаго института Павелъ фонъ-*Денбергъ*; инспекторы: Асхабадской гимназіи, Василій *Дейнеко* и училища при евангелическо-лютеранской св. Петра и Павла церкви, въ Москвѣ, Робертъ *Галле*; исполняющій обязанности инспектора: гимназій: С.-Петербургской седьмой, Владиміръ *Меторскій*, Одесской второй, Дмитрій *Терновскій* и Севастопольской, Сергѣй *Назаревъ* и реальныхъ училищъ: Выборгскаго, Николай *Филимоновъ* и Екатеринославскаго перваго, Дмитрій *Финаковъ*; инспекторы: училищъ: при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, въ С.-Петербургѣ, Готфридъ *Копте* и Саратовскаго средняго механико и химико-техническаго, Александръ *Воробьевъ* и народныхъ училищъ: губерній: Орловской, Германъ *Высокосовъ*, Харьковской, Павелъ *Квицинскій* и Виленской, Иванъ *Кутушикинъ* и острова Сахалина, Удскаго и Хабаровскаго уѣздовъ, Приморской области, Иванъ *Якимовъ*; приватъ-доцентъ и сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Николай *Побѣдинскій*; инспекторъ-руководитель Ленчицкой учительской семинаріи Николай *Дурденевскій*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Григорій *Зетреговъ*; бывший помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго университета св. Владимира Филимонъ *Дроздовскій*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ: первой, Александръ *Сутуринъ*, пятой, Василій *Кирияновъ*, восьмой, Сергѣй *Рупкесовъ*, одиннадцатой, Владиміръ *Веретенниковъ* и двѣнадцатой, Николай *Петровъ*, Псковской, Дмитрій *Осовъ*, Московскихъ: пятой, Иванъ *Литвинъ* и десятой, Василій *Флеровъ*, Ярославской, Алексѣй *Романовскій*, Смоленской, Морисъ *Дюттеръ*, Сергіево-Посадской, Тимофей *Кудрявцевъ*, Казанской третьей, Василій *Андронниковъ*, Вятской, Павелъ *Бересневъ*, Симбирской, Александръ *Артитскій*, Харьковской третьей, Арсеній *Кадлубовскій*, Сумской Александровской, Петръ

Иванченко, Острогжской, *Дмитрій Коняевъ*, Воронежской второй, *Сергій Григорьевъ*, Тамбовской, *Александръ Лашенковъ*, Ростовской на-Дону, *Иванъ Панчишка*, Оренбургской: *Иванъ Макаренко* и *Михаилъ Кормилычевъ*, Аккерманской, *Владиміръ Тузенко*, Бахмутской, *Христіанъ фонъ-Шведеръ*, Симферопольской, *Людвигъ Стовикъ*, Киевскихъ: третьей, *Василій Ляскоранскій*, и четвертой: *Павель Долгушинъ* и *Сергій Волковичъ*, Черкасской, *Павель Тимошектъ*, Каменецъ-Подольской, *Петръ Цыманковъ-Куриленковъ*, Немировской, *Кириллъ Царевскій*, Житомирской второй, *Георгій Кочеровъ*, Черниговской, *Михаилъ Гринчакъ*, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, *Болеславъ Рымша*, Новгородъ-Сѣверской, *Михаилъ Доброворскій*, Стародубской, *Владиміръ Морозовъ*, Глуховской, *Василій Мальченко*, Виленской второй, *Иванъ Колесниковъ*, Могилевской, *Евгеній Жотиковъ*, Варшавскихъ: пятой, *Вячеславъ Гладкетицъ* и четвертой, *Берекъ Пелтынь*, Радомской, *Феликсъ Пржиболовскій*, Ревельской Александровской, *Альфредъ Юкумъ*, Юрьевской, Императора Александра I Благословеннаго: *Григорій Сулаковъ* и *Павель Неизоровъ*, Либавской Николаевской, *Николай Лютцау*, Рижскихъ: Александровской, *Викентій Корвинъ-Коссаковский* и Императора Николая I, *Петръ Васильевъ*, Митавской, *Степанъ Мечниковскій*, Тобольской, *Генрихъ Шмиллеръ*, Иркутской, *Василій Петровъ*, Ташкентской, *Александръ Летицъ*, Владивостокской при восточномъ институтѣ, *Константинъ Котельниковъ*, Читинской, *Николай Вестинъ*, С.-Петербургской Введенской, *Александръ Эссель* и женскихъ частныхъ въ Москвѣ: Ржевской, *Александръ Кизеветтеръ* и *Бессъ*, *Матвѣй Розановъ*, Царицынской, *Марининской*, *Порфирій Рождественскій*, Симферопольской, *Александръ Архитовъ*, Сѣдлецкой, *Николай Еленевъ* и Рижской Ломоносовской, *Адольфъ Блюменбагъ*, Нижегородской прогимназіи, *Дмитрій Гармонинъ*, реальныхъ училищъ: *Выборгскаго*, *Игнатій Радашевичъ*, Царскосельскаго Императора Николая II, *Викторъ Рейнштейнъ*, Череповецкаго, *Августъ Мюллеръ*, частнаго К. К. Мазинга въ Москвѣ, *Андрей Юртеле*, Тульскаго, *Петръ Бонно*, Тверскаго, *Александръ Владиславлевъ*, Калужскаго: *Дмитрій Заксъ*, *Митрофанъ Четыркинъ* и *Василій Макашовъ*, Зарайскаго, *Иванъ Павловъ*, Казанскаго, *Василій Ажаевъ*, Оренбургскаго, *Люціанъ Курашкевичъ*, Екатеринбургскаго, *Александръ де-Граньянъ*, Уральскаго, *Константинъ Михайловъ*, Курскаго, *Николай Радкевичъ*, Херсонскаго, *Иванъ Сухиновъ*, Могилевскаго, *Левъ Вельсъ*, Рижскаго городского: *Робертъ Еше*, *Альбертъ Фонтъ* и *Альфредъ Шлеманъ*,

Томскаго Алексѣевского, Алексѣй *Васильевъ* и Ташкентскаго, Николай *Казинъ* и главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра, въ С.-Петербургѣ, Иванъ *Зейботъ*; надзиратель гимназій при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ Георгій *Захарченко*; классный надзиратель Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища Алексѣй *Петровъ* и учителя: училищъ: Усачевско-Чернявскаго женскаго, въ Москвѣ, Францъ *Сожъ*, Московскаго промышленнаго, въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II, Антонъ *Голдованскій*, Комисаровскаго техническаго, въ Москвѣ, Михаилъ *Келлатъ* и Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго, Фридрихъ *Шмидбергъ* и Новинской учительской семинаріи, Адрианъ *Масловъ*; коллежскіе совѣтники: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра, Владиміръ *Линдеманъ* и Варшавскаго, Михаилъ *Кузнецовъ*; профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Василій *Семеновъ*; директора: Либавской Николаевской гимназій, Николай *Патоловъ*, частныхъ: реальнаго училища, содержимаго Воскресенскимъ, въ Москвѣ, Александръ *Воронецъ* и гимназій и реальнаго училища д-ра Видемана, въ С.-Петербургѣ, Викторъ *Шмидтъ*; правитель канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа Иванъ *Порошинъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Василій *Львовъ* и св. Владиміра, Теофілъ *Яновскій*; адъюнкты-профессоръ С.-Петербуркскаго технологическаго института Императора Николая I Левъ *Шшико*; бібліотекаръ Императорскаго Харьковскаго университета Константинъ *Рубинскій*; директоръ Калязинскаго низшаго техническаго училища, имени Полежаева, Владиміръ *Ледневъ*; инспекторъ Варшавской прогимназій Александръ *Францевъ*; исполняющіе обязанности инспектора реальныхъ училищъ: Харьковскаго, Михаилъ *Дробязко* и Полтавскаго, Георгій *Затворницкій*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Вологодской, Алексѣй *Калабановъ* и Варшавской, Илья *Кузенковъ* и Донской области, Александръ *Перухинъ*; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета Василій *Кедровскій*; младшій помощникъ бібліотекаря Императорской публичной бібліотеки Рейнгардъ фонъ-*Кизерицкій*; учителя: гимназій: Гельсингфорсской Александровской, Владиміръ *Ивановъ*, Харьковской первой, Михаилъ *Масловъ*, Евпаторійской, Павелъ *Политовъ* и Красноярской, Полиевкъ *Федоровъ*, реальныхъ училищъ: Урюпинскаго, Товіэль *Нейманъ*, Одесскаго св. Павла, Константинъ *Гончаровъ* и Черниговскаго, Константинъ *Кузнецовъ* и училища при еван-

гелическо-лютеранской церкви св. Анны, въ С.-Петербургѣ, Эдуардъ *Грюнвальдъ*; учитель и воспитатель при пансіонѣ Ставропольской гимназіи Леонидъ *Соколовъ*; воспитатель пансіона Московской первой гимназіи Николай *Стоговъ*; врачи: гимназій: Аманьевской, Петръ *Волоховъ* и Зарайской женской, Петръ *Горданскій* и Павлодарской женской прогимназіи, Эдуардъ *Дыжша* и учитель Виленскаго христіанскаго учительскаго института Николай *Сучко*; надворные совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Александръ *Красновъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, сверхштатный, Алексѣй *Мартыновъ* и св. Владиміра, Григорій *Малковъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Московской, Константинъ *Ивановъ*, Воронежской, Александръ *Захаровъ*, Черниговской, Исполнѣтъ *Ясиновскій* и Иркутской, Степанъ *Григорьевъ*; члены-соревнователи попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ: Романъ *Гивартовскій* и Эразмъ *Плѣтжа*; сотрудникъ Императорской археографической комиссіи Александръ *Пръснжковъ*; инспекторъ метеорологическихъ станцій при Николаевской главной физической обсерваторіи Николай *Коростелевъ*; физикъ отдѣленія по изданію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня при Николаевской главной физической обсерваторіи Измаиль *Семеновъ*; старшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ Сергѣй *Савиновъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Александръ *Стуковъ*; секретарь правленія Императорскаго университета св. Владиміра Эразмъ *Сотцинскій*; учителя: гимназій: Виленской первой, Алексѣй *Мазиковъ* и Варшавской четвертой, Александръ *Теодоровичъ*, Гатчинскаго реальнаго училища, Имени Императора Александра III, Николай *Забекъ* и училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, въ С.-Петербургѣ, Владиміръ *Бейеръ*; наставники учительскихъ семинарій: Благовѣщенской, Михаилъ *Барабанъ* и Омской, Владиміръ *Кужиновъ*; руководитель ученическихъ работъ въ механическихъ мастерскихъ Иркутскаго промышленнаго училища, Александръ *Малнскій*; учителя - инспекторы городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Казанскаго, Иванъ *Черныскій*, Выборгскаго, Дмитрій *Добротинъ*, Мологскаго, Павелъ *Боговаленскій*, Сѣвскаго, Яковъ *Поповъ*, Нижегородскаго перваго, Владиміръ *Граціановъ*, Галичскаго, Петръ *Вицуповскій*, Астраханскаго втораго, Николай *Скориковъ*, Саранульскаго, Яковъ *Бѣловъ*, Царево-Саячурскаго, Сергѣй *Колобовъ*, Задонскаго, Иннокентій *Набока*, Землянскаго испра-

вляющій должность, Николай *Новосильцевъ*, Оренбургскаго перваго, Порфирій *Вяткинъ*, Севастопольскаго, Александръ *Ниженазовъ*, Оеодосійскаго, Илья *Корецкій*, Алешковскаго, Меодій *Даниловъ*, Слонимскаго, Петръ *Батуринъ*, Лядскаго, Евстафій *Ганецкій*, Могилевскаго, Александръ *Луковниковъ*, Рижскаго третьяго, Василій *Яхонтовъ*, Ревельскаго, Евгений *Соболевъ*, Томскаго, Александръ *Мисюревъ* и Туркестанскаго, Иванъ *Скорбачевъ*; лаборантъ лабораторіи Императорской академіи наукъ Дмитрій *Нелюбовъ*; адъюнктъ отдѣленія по изданію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня при Николаевской главной физической обсерваторіи Владиславъ *Небржидъ-Небржидовскій*; воспитатель Омскаго пансіона для киргизскихъ и русскихъ дѣтей Петръ *Поляковъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Одесской второй, Сергій *Ивантеевъ*, Кіевской второй, Александръ *Номинскій*, Уманской, Іоанникій *Макаренко*, Ревельской Императора Николая I, Генрихъ *Яненцъ* и Омской, Василій *Бобовъ* и Ливенскаго реальнаго училища, Илья *Фурсовъ*; надзиратель Оренбургской киргизской учительской школы Егоръ *Ивановъ* и учитель Александрійскаго городского училища, Степанъ *Сычевъ*; коллежскіе ассессоры: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Борисъ *Варнеке*; дѣлопроизводитель, VI класса, отдѣла промышленныхъ училищъ Сергій *Удовиченко*; бібліотекаръ Императорскаго Томскаго университета Николай *Миницкій*; инспекторъ народныхъ училищъ Тобольской губерніи Ельпидифоръ *Соколовъ*; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, Михайлъ *Никифоровъ*; дѣлопроизводитель при юрисконсултѣ министерства Александръ *Бяляевъ*; журналистъ, VIII класса, департамента общихъ дѣлъ министерства Григорій *Геринъ*; сотрудникъ Императорской археографической комиссіи Владиміръ *Сысоевъ*; помощникъ хранителя отдѣленія изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ Сергій *Щуровъ*; учителя: гимназій: Кіевской первой, Лаврентій *Батусевъ*, Варшавской первой, Петръ *Добровъ* и Пермской женской, Анастасій *Сьдовъ* и Ловичскаго реальнаго училища, Василій *Троицкій*; журналистъ и архиваріусъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Иванъ *Пекрасовъ*; письмоводитель Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ Владиміръ *Лонатинъ* и учителя: приготовительныхъ классовъ гимназій: Пензенской второй, Федоръ *Полумордовинъ*, Борисоглѣбской Александровской, Семень *Калинъ* и женскихъ: Старорусской, Иванъ *Сударушкинъ* и Харьковской Вознесенской, Михайлъ *Онофренко*;

титулярные совѣтники: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комиссаровскаго технического училища, въ Москвѣ, Венедиктъ *Гисартовскій*; секретарь правленія Императорскаго Московскаго университета Матвѣй *Кезельманъ*; преподаватель Императорскаго археологическаго института, въ С.-Петербургѣ, Алексѣй *Марковъ* и письмоводитель Московскаго реальнаго училища Викторъ *Салозъ*; сотрудникъ Императорской археографической комиссіи, коллежскій секретарь Михаилъ *Ермоловъ*; неизмѣннѣ чина: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Александръ *Киселевъ*; почетный попечитель Московскаго промышленнаго училища Иванъ *Барановъ*; учителя: Люблинской гимназій, Дмитрій *Антинъ*, Варшавскаго реальнаго училища, Карлъ *Жака* и Иркутскаго промышленнаго училища, Павелъ *Вильмонъ* и учитель-инспекторъ Тверской школы ремесленныхъ учениковъ Андрей *Коняевъ*.

Св. Станислави 3-й степени: статскіе совѣтники: преподаватель Рижскаго политехническаго института Альфредъ *Медеръ* и учителя: гимназій: Оренбургской, Александръ *Киселевъ* и Челябинской женской, Михаилъ *Алехтеевъ* и реальныхъ училищъ: Орловскаго, Вятской губерніи, Илья *Андреевъ* и Калишскаго, Карлъ *Сидлеръ*; коллежскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Псковской губерніи Александръ *Кондратьевъ*; завѣдывающій механическою и сборною мастерскою Императорскаго Московскаго технического училища Николай *Шварцманъ*; преподаватели Императорскаго Московскаго технического училища: Александръ *Ламакинъ*, Иванъ *Григорьевъ* и Эрнстъ *Грейфе*; смотритель зданій и экзекуторъ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Иванъ *Андреевъ*; лаборантъ Императорскаго Повороссійскаго университета Адольфъ *Шоль*, секретарь правленія Императорскаго С.-Петербургскаго университета Василій *Трофименко*; учителя: гимназій: Пензенской первой, Іосифъ *Новохацкий*, Николаевской, Артуръ *Бителли*, Варшавской третьей, Алексѣй *Михайловъ* и Прагской, Степанъ *Глинскій* и Оренбургской киргизской учительской школы, Николай *Масленниковъ*; надзиратель Костромскаго низшаго химико-техническаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, Николай *Толмачевъ*; врачъ Карачевской женской гимназій Павелъ *Маркъ* и учитель Кунгурскаго городского училища Феодоръ *Предтеченскій*; надворные совѣтники: инспектора: Камратскаго реальнаго училища, исполняющій обязанности, Петръ *Драгановъ* и народныхъ училищъ: губерній: Курской, Александръ *Сосновскій* и Тобольской, Евфимій *Григорьевъ*; младшій этнографъ музея по антропологій и этнографіи, Имени

Императора Петра Великаго, Императорской академіи наукъ Бруно-Фридрихъ *Адлеръ*; сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Дмитрій *Шлетневъ*; прозекторъ Императорскаго Новороссійскаго университета Николай *Стадницкій*; преподаватели институтовъ: восточнаго, Николай *Дмитріевъ*, технологическихъ: С.-Петербургскаго Императора Николая I: Владиміръ *Вареневъ* и Михаилъ *Гололобовъ* и Харьковскаго Императора Александра III: Григорій *Бураковъ* и Константинъ *Серебряковъ* и Рижскаго политехническаго, Карлъ *Кантро*; доценты ветеринарныхъ институтовъ: Казанскаго, Константинъ *Клетцовъ* и Харьковскаго, Михаилъ *Ивановъ*; штатный помощникъ прозектора Императорскаго Московскаго университета Евграфъ *Грейлихъ*; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета Николай *Федченко*; лаборанты Императорскаго Московскаго техническаго училища: Борисъ *Солонина*, Константинъ *Сидоренко* и Федоръ *Карповъ*; секретарь по студенческимъ дѣламъ Императорскаго Новороссійскаго университета Александръ *Алексевъ*; учителя: гимназій: Московскоѣ, имени Григорія Шелапутина, Петръ *Никольскій*, Коломенскоѣ, Михаилъ *Павловъ*, Рыбинскоѣ, Константинъ *Лебедевъ*, Саратовскихъ; первой: Петръ *Миндалевъ* и второй, Константинъ *Лебедевъ*, Царицынскоѣ Александровскоѣ, Валерій *Бердниковъ*, Одесскихъ: четвертой: Николай *Анохинъ* и пятой, Владиміръ *Өменко*, Болградскоѣ, Дмитрій *Васильевъ*, Керченскоѣ, Меводій *Палечекъ*, Кишиневскоѣ второй, Іосифъ *Глембоцкій*, Луганскоѣ, Владиміръ *Симоновскій*, Мариупольскоѣ, Афанасій *Слѣтцовъ*, Житомирскоѣ второй, Эмилій *Шварцъ*, Новгородсверскоѣ, Михаилъ *Барabanовъ*, Варшавскоѣ третьей, Анатолій *Татариновъ*, Митавскоѣ, Сергій *Андріевскій*, Ревельскоѣ, Императора Николая I, Петръ *Рибновичъ*, Томскоѣ, Михаилъ *Слободскоѣ*, Ташкентскоѣ, Сергій *Собоновъ* и женскихъ: Лохвицкой-Скалонъ, въ С.-Петербургѣ, Александръ *Грушинъ*, Севастопольскоѣ, Александръ *Гобманъ*, Мелитопольскоѣ, Сергій *Строевъ*, Полтавскоѣ, Павелъ *Дмитревскій* и Митавскоѣ, Федоръ *Чернышевъ*, реальныхъ училищъ: Бѣлевскаго, имени поэта В. А. Жуковскаго, Алексій *Пастуховъ*, Казанскаго, Гавріилъ *Мельниковъ*, Вятскаго Александровскаго, Викторъ *Берштекеръ*, Саратовскаго перваго Александро-Маріинскаго: Александръ *Дьяконовъ* и Арминъ *Бингемъ* и Либавскаго, Георгій *Рождественскій* и частныхъ гимназій и реального училища К. Мая, въ С.-Петербургѣ, Александръ *Солнцевъ*, наставникъ Карачевскоѣ учительскоѣ семинаріи Алексій *Егоровъ*; учитель Костромскаго средняго механико-техническаго училища, имени Ө. В. Чижова, Аполлинарій *Брохановъ*; учитель и

надзиратель Ярославскаго низшаго механико-техническаго училища, имени Н. П. Пастухова, Алексѣй *Булочкинъ*, управляющій Варшавской школой садоводства Николай *Королюкъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Чухломскаго, Алексѣй *Лобедевъ*, Дубовскаго, Тимофей *Першевъ*, Дмитріевскаго, Александръ *Поповъ*, Краснослободскаго, Павелъ *Петровъ* и Валковскаго, Василій *Малыцовъ*; врачъ Омской гимназійи Абрамъ *Островскій*; сверхштатный лаборантъ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Даниль *Гарднеръ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Орловской Алексѣевской, Василій *Азбукинъ*, Самарской, Александръ *Шредеръ*, Таганрогской, Павелъ *Вуковъ*, Одесской второй, Михаилъ *Блѣинскій*, Болградской, Василій *Доду*, Бѣлоцерковской, Антонъ *Бахкалинскій*, Виленской второй, Юліанъ *Тараскевичъ*, Сѣдлецкой, Павелъ *Дроздовъ* и Вѣрненской, Левъ *Шнейдеръ* и Бѣлостокскаго реальнаго училища, Константинъ *Дыринда* и учителя: городскихъ училищъ: Устюженскаго, Павелъ *Кедринскій*, Московскихъ: третьяго, Василій *Кочетовъ* и Солодовниковскаго, Яковъ *Павловъ*, Чернскаго, Левъ *Ганьшинъ*, Крапивенскаго, Александръ *Ильинскій*, Смоленскаго перваго: Николай *Городецкій* и Григорій *Назаровъ*, Рязскаго, Иванъ *Горностаевъ*, Меленковскаго, Василій *Заминевъ*, Уржумскаго, Никифоръ *Морозовъ*, Бузулукскаго, Николай *Казимировъ*, Уфимскаго перваго, Александръ *Земнуговъ*, Орговскаго, Павелъ *Голыинскій*, Очаковскаго, Иванъ *Гайчуръ* и Никольскъ-Уссурійскаго, Иванъ *Кожевъ* и приготовительныхъ классовъ: Симферопольской гимназійи, исправляющій должность, Иванъ *Петраковъ* и Аткарскаго реальнаго училища, Михаилъ *Аеровъ*; коллежскіе ассессоры: инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Курской, Николай *Волоткинъ* и Милской, Григорій *Русеикий*; дѣлопроизводитель, VII класса, департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Мулюкинъ*; члены-соревнователи попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, Юлія *Андерсонъ* и Сергій *Поповъ*; бывший помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета Владиміръ *Федоровъ*; сверхштатные ассистенты: Императорскаго Московскаго университета, Федоръ *Крашенинниковъ* и Казанскаго ветеринарнаго института, Федоръ *Карауловъ*; лаборанты: Императорскаго Московскаго университета, Сергій *Кратвинъ* и Императорскаго Московскаго техническаго училища, Карлъ *Киричъ*; учителя: гимназій: С.-Петербургской первой: Анатолій *Бѣлгородскій* и Владиміръ *Кроуиусъ*, Псковской, Григорій *Бекаревичъ*, Московской четвертой, Александръ *Андреевъ*, Рязанской второй, Дмитрій

Щеоловъ, Нижегородской, Николай *Алексѣевъ*, Астраханской, Ѳеодоръ *Палице*, Старобѣльской Александровской, Митрофанъ *Скляръ*, Воронежской первой, Борисъ *Поливода*, Одесской второй, Порфирій *Подлинскій*, Острожской, сверхштатный, Михаилъ *Крыжановскій*, В. И. Петра, въ Кіевѣ, Антонъ *Проневскій*, Витебской, Николай *Басаргинъ*, Лодзинской: Александръ *Александрюкъ* и Александръ *Гольдмидтъ*, Кѣлецкой: Владиміръ *Друинъ* и Иванъ *Купрѣвичъ*, Плоцкой, Алоизій *Дулемба*, Перновской, Эдуардъ *Бишневичъ* и женскихъ: Череповецкой Маріинской, Борисъ *Кострицъ*, Смоленской Маріинской, Ѳеодоръ *Николаевъ*, Московскихъ: Петропавловской, Владиміръ *Герольдштейнъ* и частной Л. Ѳ. Ржевской, Арсеній *Дмитровскій*, Лодзинской, Генрихъ *Педалъ* и Плоцкой, Іосифъ *Вертоградскій*, Вознесенской прогимназіи, Сергій *Городецкій*, реальныхъ училищъ: Кронштадтскаго, Николай *Петровъ*, частнаго Вознесенскаго, въ Москвѣ, сверхштатный, Дмитрій *Россинскій*, Моршанскаго, Каллестинъ *Соломаза*, Одесскаго, Николай *Бѣльчанскій*, Екатеринославскаго второго, Сергій *Пискаревъ*, Кишиневскаго, Николай *Пантелеевъ*, Мелитопольскаго, Александръ *Мольнеръ*, Ровенскаго, Иванъ *Мустровъ*, Калишскаго, Людовикъ *Рейманъ*, Рижскаго Императора Петра I, Владиміръ *Юбровъ* и Барнаульскаго Императора Николая II, Леонидъ *Шумиловскій* и училищъ: при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, въ С.-Петербургѣ, Павелъ *Митрофановъ* и Комисаровскаго, техническаго, въ Москвѣ, Константинъ *Емишерловъ*; руководитель работъ въ химическихъ мастерскихъ Казанскаго промышленнаго училища, Александръ *Першакъ*; учитель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, Василій *Кукаркинъ*; наставники учительскихъ семинарій: Плоцкой, Сергій *Маттевъ* и Павловской, Іосифъ *Куликовъ*; учителя-инспекторы: городскихъ училищъ: Брянскаго, перваго, Стефанъ *Головачевъ*, Осташковскаго, Иванъ *Субботинъ*, Крапивненскаго Песторъ *Знаменскій*, Царовококшайскаго, Николай *Холмоговъ*, Енотаевскаго, Сергій *Рубцовъ* и Тальсенскаго, Николай *Каминскій* и Петровской ремесленной школы, Николай *Сергѣинскій*, почетный смотритель Клиновскаго городского училища, Михаилъ *Самойловъ*; помощникъ журналиста департамента народнаго просвѣщенія Василій *Авдеевскій*; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа Александръ *Поповъ*; сверхштатные лаборанты С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I: Василій *Шапошниковъ* и Николай *Сперанскій*; младшій надзиратель Комисаровскаго технического училища, въ Москвѣ, Яковъ

Соловьевъ; мастеръ, руководящій практическими работами учениковъ Комисаровскаго технического училища, въ Москвѣ, *Антонъ Радкинъ*; руководитель работъ Бахмутскаго ремесленнаго училища *Константинъ Орловъ*; завѣдывающій Александровскъ-Грушевской низшей ремесленной школой, *Андрей Шейкинъ*; помощники классныхъ паставниковъ: гимназій: Саратовской первой, *Константинъ Евдокимовъ* и Варшавской пятой, *Василій Вансенбургъ*, Полазгенской прогимназій, *Евгеній Замъ* и реальныхъ училищъ: Костромскаго, *Михаилъ Елоровъ*, Усть-Медвѣдичскаго, *Михаилъ Поповъ*, Севастопольскаго, *Михаилъ Васильевъ* и Симферопольскаго, *Евгеній Свищевъ*, надзиратель Нижне-Тагильскаго горнозаводскаго училища, *Александръ Коробовъ* и учителя: городскихъ училищъ: Кемскаго, *Петръ Астафьевъ*, Мценскаго, *Алексѣй Заболовъ*, Муромскаго, *Иванъ Наумовъ*, Переолавскаго, *Георгій Горстникъ*, Скопинскаго, *Иванъ Михайловъ*, Калужскаго второго, *Александръ Марторинъ*, Костромскаго, *Петръ Дроздовъ*, Славянскаго, *Иванъ Кудрявцевъ*, Волчанскаго, *Иванъ Ковалевъ*, Валковскаго: *Василій Чамовъ* и *Николай Кудрявцевъ*, Пензенскаго перваго, *Василій Дружининъ*, Нахичеванскаго на Дону, *Владиміръ Поляковъ*, Астраханскаго перваго, *Вячеславъ Лигачевъ*, Саратовскаго перваго, *Авениръ Казимировъ*, Балашовскаго, *Николай Матвеевъ*, Екатеринбургскаго перваго, *Петръ Шапинъ*, Верхотурскаго, *Иванъ Пастуховъ*, Троицкаго, *Михаилъ Чеканниковъ*, Одесскаго имени В. Н. Лигина, *Викторъ Ивановъ*, Борисовскаго, *Степанъ Трусъ* и Ревельскаго Императрицы *Екатерины II*, *Фрицъ Калшинъ* и Ардатовской женской прогимназій, *Семень Киселевъ*; титулярные совѣтники: причисленный къ министерству *Файвель-Мееръ Геизъ*; исправляющій должность ассистента института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Дмитрій Сачукъ*; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго технического училища, въ Москвѣ, *Константинъ Постолскій*; сверхштатные ассистенты Императорскаго Московскаго университета: *Николай Ивановъ*, *Борисъ Житковъ* и *Сергѣй Поповъ*; лаборанты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, сверхштатный, *Вячеславъ Дейнега* и Новороссійскаго, *Евгеній Ельчаниновъ*; помощники библиотечкарей Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, сверхштатный, *Илья Мурзинъ* и Варшавскаго, *Ромуальдъ Суловскій*; столоначальники канцелярій: Николаевской главной физической обсерваторіи, *Михаилъ Городенскій* и попечителя Кіевскаго учебнаго округа, *Тарасій Чубинскій*; архитекторъ Виленскаго учебнаго округа, *Степанъ Волонсевичъ*; учителя: гимназій: Екатеринбургской, *Георгій Клеръ* и Саранульской

женской, Александръ *Покровский* и реальныхъ училищъ: Орловскаго, исправляющій должность, Елиидифоръ *Тихоничій* и Варшавскаго, Владиміръ *Михайловъ*; наставникъ Повннской учительской семинаріи Владиміръ *Качевскій*; почетный смотритель Енисейскаго городского училища Александръ *Баладинъ*; сверхштатный лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета Михаилъ *Цеттъ*; учитель школы ремесленныхъ учениковъ Нижегородскихъ цеховыхъ Федоръ *Преображенскій*; секретарь библиотеки Императорскаго Московскаго университета Сергій *Палевскій*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Немировской, Петръ *Добржанскій*, Полтавской, Антонъ *Дзерибо*, Томской, Федоръ *Куминовъ* и Благовѣщенской, Іуліанъ *Михайличенко* и реальныхъ училищъ: Кишиневскаго, Ксенофонтъ *Бонтанъ* и Камратскаго, Мина *Мутафъ*; письмоводители: гимназій: Кишиневской первой, Николай *Дога* и Симбирской, Сергій *Стечкинъ* и Бѣлоотокскаго реального училища, Михаилъ *Корсунскій*; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Святотроицкаго, Павелъ *Галанинъ*, Сольвычегодскаго, Кондратій *Стабриковъ*, Астраханскаго второго, Аванасій *Рябовъ*, Сызранскаго, Матвѣй *Ортиниковъ*, Царевсанчурскаго, Михаилъ *Чертовъ*, Краснокутскаго Герасима Дашкевича, Сергій *Расторгуевъ*, Александровскаго, Василій *Галенчикъ*, Евнаторійскаго, Иванъ *Радлевскій*, Минскаго перваго, Исаакъ *Щука*, Везенбергскаго, Юрій *Мазинъ* и Тарскаго, Василій *Мельниковъ*; смотритель-учитель Крестовскаго училища Иванъ *Верзинъ* и учителя: Николаевскаго училища, Илья *Шныревъ* и приготовительныхъ классовъ гимназій: С.-Петербургской восьмой, Константинъ *Предтеченскій*, Ахтырской, Николай *Приходковъ* и Гродненской, Антонъ *Олежниковъ*; коллежскіе секретари: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, Казиміръ *Тышка*; лаборантъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Алексій *Истоминъ*; сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Алексій *Некрасовъ*; учителя гимназій: Иркутской, Петръ *Ждановъ* и женскихъ: Калужской, Федоръ *Шагмаиновъ* и Минской, Николай *Ивничій*; учитель-инспекторъ Балаганскаго городского училища Владиміръ *Колокольцовъ*; штатный смотритель Кіевскаго городского училища, имени Н. Х. Бунге, Григорій *Холодный*; экономъ пансіона при Одесской Ришельевской гимназійи Павелъ *Стриковъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Московской десятой, Алексій *Назаровъ*, Костромской, Алексій *Миромобовъ*, Ярославской, Николай *Тихомировъ*, Стародубской, Стефанъ *Рупкій*, Новочеркасской,

Александръ *Бондаревъ* и Виленской первой, Кузьма *Захожий-Харунъ* и реальныхъ училищъ: Кинешемскаго, Иванъ *Павловъ*, Нижегородскаго Владимірскаго, Порфирій *Виноградовъ*, Орловскаго Александровскаго, Павелъ *Архангельскій*, Вольскаго, Георгій *Невзоровъ*, Кіевскаго, Митрофанъ *Троицкій*, Юрьевскаго, Дмитрій *Голопаленскій* и Якутскаго, Александръ *Охлопковъ*; учителя: Байрамчской учительской семинаріи, Леонасій *Бойко*, городскихъ училищъ: Жыздринскаго Михайловскаго, Францъ *Шнейдеръ*, Спасскаго, Николай *Губинъ*, Ахтырскаго, Тихонъ *Кравченко*, Самарскаго второго: Георгій *Выровъ* и Василій *Тепловъ*, Вольскаго, Анатолій *Сысалоъ*, Юрьевскаго, Яковъ *Простовъ*, Венденскаго, Давидъ *Соосте* и Владивостокскаго, сверхштатный, Степанъ *Большаковъ* и училищъ: начальнаго при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ, Аркадій *Евровъ* и Чарджуйскаго желѣзнодорожнаго, Родіонъ *Лизаревъ*; смотритель клиникъ Императорскаго Томскаго университета Владиславъ *Дановскій*; смотрители-учителя училищъ: Каахкинскаго желѣзнодорожнаго, Александръ *Бархашъ* и Николаевскаго, Александръ *Джарамеди*; учителя: приготовительныхъ классовъ гимназій: Одесской третьей, Михаилъ *Расшиолинъ*, Черниговской, Лавръ *Величковскій* и Пултуской, Николай *Никифоровъ* и училищъ: образцоваго при Вейверской учительской семинаріи, Густавъ *Кеслеръ*, Кіевскаго перваго городского, Михаилъ *Богородицкій* и Тверскаго городского, Савва *Ожожокъ-Ожданокъ* и завѣдывающій Шполянскимъ приходскимъ училищемъ Платонъ *Дмоховскій*; губернскіе секретари: учителя гимназій: Θεодосійской, Петръ *Фастъ*, Златопольской, Петръ *Лаврентьевъ* и Бѣлоцерковской женской, Петръ *Коржежковъ*; экономъ и экзекуторъ факультетской клиники Императорскаго Московскаго университета Александръ *Дмитрисъ*; почетные смотрители городскихъ училищъ: Перекопскаго, Лукіанъ *Спендіаровъ* и Звенигородскаго, Акимъ *Сироткинъ*; помощники столоначальника канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Московскаго, Григорій *Барановъ* и Казанскаго, Иванъ *Михайловъ*; помощники классныхъ наставниковъ училищъ: Проскуровскаго реальнаго, Ананія *Антиповичъ* и Красноуфимскаго промышленнаго, Иванъ *Заводчиковъ*; надзиратель Казанской татарской учительской школы Іоакимъ *Александровъ*; канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія Иванъ *Матеевъ*; учитель приготовительнаго класса Замостской прогимназіи Алексѣй *Коломацкій*; завѣдывающій Лебедянскимъ приходскимъ училищемъ Андрей *Иваницкій*; учителя училищъ: Острожскаго городского, Павелъ *Столяренъ* и Кизиль-Арватакаго желѣзно-

дорожнаго, Михайлъ *Рыбкинъ*; учителя-завѣдывающіе приходскими училищами: Нерехтскимъ, Николай *Груздевъ*, Дмитріевскимъ, Василій *Брызналовъ* и Омскимъ Николаевскимъ, Михайлъ *Кислицынъ*; завѣдывающіе приходскими училищами: Усть-Бѣлокалитвинскимъ, Иванъ *Милошидовъ* и Дмитріевскимъ, Матвѣй *Гастевъ*; учителя: приходскихъ училищъ: Старорусскаго: Петръ *Чижовъ* и Александръ *Сивинскій*, Касимовскаго второго, Алексѣй *Круляцкій*, Раненбургскаго, Ѳеодоръ *Сазоновъ*, Рославскаго, Иванъ *Лосевъ*, Сумскаго, Григорій *Василевскій*, Качалинскаго, Николай *Желтухинъ*, Мелеховскаго, Дмитрій *Дитровъ*, Алексѣевскаго, Григорій *Дутовъ*, Таганрогскаго перваго, Евгенийъ *Дьяконовъ*, Урюпинскаго второго, Василій *Данилевскій*, Добринскаго, Иванъ *Сучилинъ*, Казанскаго четвертаго, Дмитрій *Ивановъ*, Астраханскаго второго, Викторинъ *Осиновъ*, Промзинскаго, Александръ *Никифоровъ*, Уфимскаго третьяго, Трофимъ *Трансэниковъ*, Лебодинскаго, Евгенийъ *Кострицко-Терешкевичъ*, Бѣлостокскаго Гоголевскаго, Константинъ *Машота* и Климовичскаго, Михайлъ *Азаровъ* и начальныхъ училищъ при Ясманскомъ сиротскомъ домѣ, въ гор. Митавѣ, Владиміръ *Дункеръ* и Рижскаго Шварценгофскаго городского соединеннаго, Яковъ *Витте* и учительскій помощникъ Судогодскаго городского училища Петръ *Сергѣевскій*; коллежскіе регистраторы: учителя гимназій: Царичинской Александровской, Михайлъ *Шутовъ* и Одесской пятой, Иванъ *Карцевъ*; помощники: бібліотекаря Императорскаго Варшавскаго университета, исправляющій должность, Георгій *Василевскій*, дѣлопроизводителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа, Николай *Геританскій*, секретаря управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края, Алексѣй *Глотовъ*, классныхъ наставниковъ Златопольской гимназій, Григорій *Грушевскій* и воспитатель при пансіонѣ Ставропольской гимназій, Алексѣй *Никитинъ*; письмоводители: Томской гимназій, Веніаминъ *Жарковъ* и Ташкентскаго ремесленнаго училища, Паволь *Кокоткинъ*; канцелярскій чиновникъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа Александръ *Воронко*; учитель-завѣдывающій Сорокскимъ городскимъ приходскимъ училищемъ Николай *Серватовскій*; завѣдывающій бѣлоцерковскимъ приходскимъ училищемъ Василій *Гончаренко* и учителя: приходскихъ училищъ: Покровскаго, Михайлъ *Ковилевъ*, Волчанскаго перваго, Николай *Коноваловъ*, Атаманскаго, Андрей *Проценко*, Цымлянскаго, Иванъ *Шевандринъ*, Нижне-Кундрюческаго, Иванъ *Васильевъ*, Мечетинскаго, Александръ *Бородинъ*, Веселовскаго, Аврамъ *Самсоновъ* и Новочеркасскаго третьяго, Козьма *Балашовъ* и начальныхъ училищъ: Ревельскаго пятаго городского мужского, Сергѣй

Морозовъ и Казанскаго двадцать перваго, Григорій *Алексеевъ*; неизвѣстнѣе чина: почетный попечитель Кишиневской первой гимназіи *Адамъ Балинскій*; управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ Пій *Веліонскій*; исправляющій должность провектора Варшавскаго ветеринарнаго института Сергій *Сенюковичъ*; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комиссаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, Иванъ *Потемкинъ*; лаборанты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, сверхштатный, Николай *Чистяковъ* и Новороссійскаго, Иванъ *Щербакъ* и помощникъ провектора Императорскаго Московскаго университета, Владиміръ *Дьячкнй*; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Несторъ *Петровскій*; младшій наблюдатель гимназическихъ классовъ Императорскаго лицея, въ память Цесаревича Николая, Михаилъ *Плюницкій*; учителя: гимназій: С.-Петербургскихъ: первой, Александръ *Билибинъ* и Гергардтъ *Шенбергъ*, шестой, Алексій *Каль* и восьмой, Веніаминъ *Поповъ*, Новгородской, Артуръ *Эбергардъ*, Калужской Николаевской, Николай *Семеновскій*, Московскихъ: первой, Алексій *Полляковъ*, второй, Николай *Васильевъ*, шестой: Алексій *Бачинскій* и сверхштатный, Романъ *Матицкій*, седьмой, Алексій *Готвальдъ* и имени П. и А. Медвѣдниковыхъ, Михаилъ *Богатыновъ*, Орловской первой, Апатолій *Петровъ*, Рязанской, Василій *Болачевъ*, Рязанской первой, Дмитрій *Солодовниковъ*, Сергіево-Посадской, Петръ *Колоколовъ*, Пензенской первой: Борисъ *Цилли* и Владиміръ *Троицкій*, Харьковской четвертой, Александръ *Шабля*, Курской, Павелъ *Голтуновъ*, Корочанской Александровской, Стефанъ *Высотскій*, Императорской Казанской первой: Василій *Сокольскій* и Александръ *Розановъ*, Уфимской, Николай *Кочуровъ*, Болградской, Георгій *Ивановъ*, Екатеринославской, Николай *Гинковъ*, Кишиневской второй, Владиміръ *Окушко*, Мариупольской, Василій *Гацинцовъ*, Одесскихъ: Рншельевской, Гуго *Кельтерборнъ* и третьей, Александръ *Лура*, Киевскихъ: первой, Митрофанъ *Тростянскій* и второй, Феодоръ *Стеценко*, В. И. Петра, въ гор. Кіевѣ, Василій *Корноузовъ* и Кіево-Печерской; Владиміръ *Тихомировъ*, Каменецъ-Подольской: Георгій *Горшковъ* и Антонъ *Макушинъ*, Полтавской, Василій *Зпиченко*, Глуховской, Михаилъ *Миртовскій*, Радомской, сверхштатный, Александръ *Григорьевъ*, Рижскихъ: городской, Алексій *Протопоповъ* и Александровской, Георгій *Гербаценко*, Ставропольской, Владиміръ *Остроумовъ*, Омской, Василій *Ивченко*, Иркутской, Константинъ *Ермоленко*, Маргеланской: Арчилъ *Джшаридзе* и Фридрихъ *Летцъ* и женскихъ: Новгородской, Николай *Петровъ*, Иваново-Вознесенской, Иванъ *Смирновъ*, Скопин-

ской, Борисъ *Поникаровскій*, частной Щепотьевой, въ Москвѣ, Владиміръ *Зерновъ*, Гиттерманъ, въ Орлѣ, Андрей *Китайцевъ*, Екатеринбургской, Аркадій *Соловьевъ*, Уфимской второй, Евфимій *Гурвичъ*, Лебединской, Порфирій *Веретенниковъ*, Александрійской, Петръ *Петровъ*, Александровской, Константинъ *Алфеевъ*, Бахмутской, Александръ *Карраджа*, Николаевской Марининской, Андрей *Отперманъ*, частной О. Г. Шольцъ, въ Одессѣ, Михаилъ *Тумановъ*, Винницкой, Сергій *Соколовъ*, Варшавской второй, Николай *Преображенскій*, частной Е. Калихевичъ, въ Варшавѣ, Михаилъ *Лучко*, Кѣлецкой, Владиміръ *Кандаки*, Юрьевской А. С. Пушкина, Евгений фонъ-*Миллеръ*, Рижской Ломоносовской, Георгій *Новоселовъ*, Курганской Александровской, Сергій *Юборкинъ*, Иркутской второй И. С. Хамшова, Александръ *Ивановъ*, Ташкентской, Георгій *Кислицынъ* и Владивостокской: Николай *Лавинскій* и Павелъ *Николинъ*, Егорьевской прогимназія, Василій *Изопковъ*, реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго второго, Андрей *Мулинъ*, Вологодскаго Александровскаго: Улисъ *Брела* и Капитонъ *Воскресенскій*, Смоленскаго Александровскаго, Сергій *Шведовъ*, Тульскаго, Василій *Добротинскій*, частнаго Милова, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Михаилъ *Милосъ*, Челябинскаго, Θεодосій *Яновскій*, Екатеринбургскаго, Леонидъ *Жуковъ*, Урюпинскаго, бывший, Лаврентій *Чухаевъ*, Кіевскаго, св. Екатерины, Евгений *Борманъ*, Черниговскаго, Василій *Трещинъ*, Елисаветградскаго, Θεодосій *Козачинскій*, Калишскаго, Евгений *Матюевъ* и Барнаульскаго Императора Николая II, Петръ *Мадешевскій*, главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра, въ С.-Петербургѣ, Иванъ *Карлбломъ* и училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, въ С.-Петербургѣ: Владиміръ *Фешотъ* и сверхштатный, Θεодоръ *Фреберъ*; воспитатели: гимназія; Пермской, Александръ *Чебыкинъ* и Одесской Ршмельевской, Петръ-Александръ *Вертаховскій*; ремесленно-воспитательнаго заведенія, имени II. П. Трапезниковой, въ Иркутскѣ, Николай *Медулинъ*; надзиратель Ростовскаго-на-Дону средняго техническаго училища Александръ *Перцевъ*; учителя средне-техническихъ училищъ: Касимовскаго семикласснаго, Робертъ *Линевальдъ*, Ростовскаго-на-Дону, Михаилъ *Дмитріевъ* и Таганрогскаго, Алексій *Лаутинскій*; руководитель работъ Николаевскаго средняго механико-техническаго училища Петръ *Коровниковъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Глазовскаго, Михаилъ *Пронинъ*, Орловскаго, Василій *Ортыкинъ*, Шостенскаго, Николай *Лебедь*; Полоцкаго, Петръ *Дейнисъ*, Семипалатинскаго, Иванъ *Мирошниченко* и Каркаралинскаго, исправляющій должность, Александръ *Сте-*

пановъ; дѣлопроизводитель канцеляріи инспекціи училищъ гор. Варшавы Михаилъ *Вережковичъ*; врачъ Переяславской женской гимназій Яковъ *Шефтель*; завѣдывающій Воронежско-Александровской инашею ремесленной школой, Василій *Скорогладовъ*; учителя: Петровской ремесленной школы, Федоръ *Лашинъ*, Вирской ипородческой учительской школы, Михаилъ *Крыловъ* и Красноярской учительской семинаріи, Павелъ *Ивановъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Сергіево-Посадской, Григорій *Рафѣъ*, Тверской, Петръ *Пачинскій*, Тульской, Василій *Архангельскій*, Бердянской, Вильгельмъ *Шварцъ*, Шавельской, Петръ *Шутилло*, Либавской Николаевской, Яковъ *Беккеръ* и Благовѣщенской, Илья *Зубакинъ* и С.-Петербургскаго третьяго реальнаго училища, Анатолій *Дневъ*; учителя городскихъ училищъ: Павловскаго, Геннадій *Громовъ*, Брянскаго второго, Дмитрій *Петровъ*, Цивильскаго, Александръ *Храмцовъ*, Камышинскаго, Яковъ *Мыльнико*, Рижскаго, Василій *Кудрлонецъ*, Валескаго, сверхштатный, Сергій *Данько*, Влодавскаго, Яковъ *Супрончикъ* и Никольско-Уссурийскаго, Густавъ *Мялкъ*; учитель-завѣдывающій Еланскимъ городскимъ приходскимъ училищемъ, Стефанъ *Брежовъ*; учителя приходскихъ училищъ: Корчевскаго, Александръ *Евдокимовъ*, Павловскаго перваго, Митрофанъ *Нарцезъ*, Золотовскаго, Стефанъ *Костинъ*, Жуковскаго, Иванъ *Поповъ* и Иркутскаго второго Павла Пономарева, Гавріилъ *Жарковъ* и учительскій помощникъ Иркутскаго городского училища Дмитрій *Маньковъ*.

Удостоивается награжденія подаркомъ съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Имени Ею Императорскаго Величества—учитель Могилевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Николай *Аристарховъ*.

Зачитается въ дѣйствительную государственную службу время вольнонаемныхъ занятій: коллежскимъ совѣтникамъ: бухгалтеру департамента общихъ дѣлъ министерства, Евгенію *Яковскому*—въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, съ 25-го ноября 1877 по 12-е августа 1880 г. и съ 1-го января по 14-е апрѣля 1883 г. и учителямъ реальнаго училища Гуревича, въ С.-Петербургѣ: Владиміру *Криксину*—въ С.-Петербургской второй гимназій, съ 15-го января 1892 по 1-е сентября 1894 г., и барону Павлу *Медему*—въ томъ же реальномъ училищѣ, съ 1-го августа 1893 по 1-е февраля 1896 г.; младшему помощнику бібліотекаря Императорской публичной бібліотеки, титулярному совѣтнику Владиміру *Банку*—въ той же бібліотекѣ, съ 1-го октября 1898 по 1-е января 1901 г.; журналисту

отдѣла промышленныхъ училищъ министерства, коллежскому секретарю Михаилу *Сумцову*—въ томъ же отдѣлѣ, съ 1-го сентября 1893 по 1-е сентября 1896 г.; смотрителю женскаго училища принцессы Терези Ольденбургской, губернскому секретарю Петру *Назарову*—въ томъ же училищѣ, съ 26-го іюля 1903 по 6-е марта 1906 г.; немѣющимъ чина: исполняющему обязанности управляющаго типографію Императорской академіи наукъ Владимиру *Нордгейму*—въ той же типографіи, съ 6-го апрѣля 1899 по 6-е апрѣля 1902 г.; врачу женскаго училища принцессы Терези Ольденбургской Николаю *Яковлеву*—въ томъ же училищѣ, съ 1-го января 1904 по 6-е марта 1906 г.; учителямъ гимназій: С.-Петербургской седьмой, Франсуа *Хлѣбороду*—въ той же гимназій, съ 27-го сентября 1903 по 13-е сентября 1905 г. и Гомельской, Герману *Блезе*—въ той же гимназій, съ 28-го августа 1902 по 1-е іюня 1905 г.; временно исполняющему обязанности счетнаго чиновника управленіи пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, канцелярскому служителю Ивану *Святенко*—въ департаментахъ: народнаго просвѣщенія, съ 1-го января 1903 по 1-е августа 1904 г. и общихъ дѣлъ, съ 1-го августа 1904 по 1-е января 1905 г.; помощнику классныхъ наставниковъ С.-Петербургской одиннадцатой гимназій Ильѣ *Дробину*—въ той же гимназій, съ 15-го января 1903 по 1-е января 1904 г.; исполняющему обязанности писемоводителя Ставропольской дирекціи народныхъ училищъ Ивану *Іуриченко*—въ первомъ Баталпашинскомъ городскомъ судѣ, съ 1-го декабря 1892 по 1-е декабря 1895 г.; канцелярскимъ служащимъ департаментовъ: общихъ дѣлъ, Модесту *Селезневу*—въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, съ 22-го апрѣля 1902 по 1-е августа 1904 г. и въ департаментѣ общихъ дѣлъ, съ 1-го августа 1904 по 1-е января 1905 г., и департамента народнаго просвѣщенія, Николаю *Одинцову*—въ томъ же департаментѣ, съ 15-го ноября 1902 по 11-е января 1905 г.; учителю приготовительнаго класса Черкаскаго городского училища Стефану *Власенко*—въ должности учителя Балаклейскаго народнаго училища, съ 1-го марта 1896 по 1-е марта 1899 г.; завѣдывающимъ Житомирскими городскими приходскими училищами: первымъ, Федору *Матушину*—въ должности учителя Хоровецкаго народнаго училища, Заславскаго уѣзда, съ 12-го сентября 1893 по 12-е сентября 1896 г., и пятымъ, Александру *Абелитъ*—въ должности помощника учителя Житомирскаго перваго Владимірскаго приходскаго училища, съ 1-го февраля 1896 по 1-е февраля 1899 г. и учителямъ городскихъ училищъ: Пружанскаго, Александру *Черешко*—въ должности народнаго

учителя, съ 16-го января 1902 по 16-е января 1905 г.; Дубровскаго, Зиновію *Чакинѣ*—въ должности народнаго учителя, съ 1-го сентября 1897 по 1-е сентября 1900 г., и Сѣненскаго, Константину *Прокосичу*—въ должности народнаго учителя, съ 1-го октября 1896 по 1-е октября 1899 г.

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы на 6-е декабря 1906 г. медалями, съ надписью „за усердіе“: для ношенія на шеѣ, золотыми, на лентахъ: *Андреевской* — пожизненный почетный членъ попечительнаго совѣта школы ремесленныхъ учениковъ Нижегородскихъ вѣчно-и временно-пеховыхъ, второй гильдіи купецъ Алексѣй *Наумовъ*, *Александровской*: почетные блюстители училищъ: Мартыновскаго сельскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Корчевскаго уѣзда, первой гильдіи купецъ Илья *Тумцовъ*, Новочеркаскаго перваго приходскаго, Донской области, первой гильдіи купецъ Никита *Черновъ* и Николаевскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Тарусскаго уѣзда, купецъ Иванъ *Сергеевъ* и поставщикъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, баварскій подданный, второй гильдіи купецъ Теодоръ-Іоаннъ *Урлаубъ*, *Владимірской*,—занимающійся письмоводствомъ, по вольному найму, въ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа, личный почетный гражданинъ Петръ *Фанариоти*, *Аншинской*: попечитель начальнаго училища при фабрикѣ товарищества Садковской мануфактуры Ивана Демина, потомственный почетный гражданинъ Федоръ *Деминъ* и члены попечительнаго совѣта Рыбинской Маринской женской гимназіи: потомственный почетный гражданинъ Иванъ *Дурдинъ* и Рыбинскій первой гильдіи купецъ Кузьма *Эмтековъ* и *Станиславской*: содержатель вольной аптеки въ городѣ Вильгѣ, провизоръ, сынъ надворнаго совѣтника Александръ-Осипъ *Высоцкій*, вольнонаемный писецъ канцеляріи Николаевской главной физической обсерваторіи, сынъ титулярнаго совѣтника Владиміръ *Михеевъ*, личные почетные граждане: завѣдующій отчетною частью въ Одесскихъ городскихъ женскихъ гимназіяхъ Іосифъ *Уриновичъ*, механикъ обсерваторіи Николаевской главной физической, Карлъ *Рорданъ* и Константиновской магнитно-метеорологической — Тимофѣй *Доморощевъ* и учитель приготовительнаго класса начальнаго училища при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ

институтъ Эммануилъ *Пассъ*, учителя училищъ: Бѣловолжскаго земскаго, Чебоксарскаго уѣзда, личный почетный гражданинъ Вячеславъ *Тавринъ* и изъ духовнаго званія: Анастасьевскаго перваго начальнаго, Екатеринославскаго уѣзда, Агафангель *Красницкій* и Идскаго начальнаго народнаго, Чухломскаго уѣзда, Иванъ *Жуковский*, учитель-завѣдывающій Земетчинскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Моршанскаго уѣзда, изъ мѣщанъ Иванъ *Окорочковъ*, Тульскій первой гильдіи купецъ Гилель *Зафренъ* и второй гильдіи кушцы: товарищъ предсѣдателя попечительнаго совѣта школы ремесленныхъ учениковъ Нижегородскихъ вѣчно-и временно-цеховыхъ Петръ *Улановъ* и почетный блюститель Барнаульскаго Александровскаго двухкласснаго женскаго приходскаго и Чернопятовскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училищъ Гавриилъ *Грязновъ* и *серебряными, на лентахъ: Александровской* — попечитель Евпаторійскаго греческаго начальнаго училища, мѣщанинъ Панаіотъ *Давидовъ, Владимірской*: членъ попечительнаго совѣта Бердянской женской гимназіи и попечитель Бердянскаго Лизковскаго городского училища, личный почетный гражданинъ Макарь *Баточенко*, почетный блюститель Емецкаго двухкласснаго сельскаго училища, Холмогорскаго уѣзда, временный купецъ Михаилъ *Вальневъ*, учитель-завѣдующій Людиновскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Жыздринскаго уѣзда, изъ крестьянъ Александръ *Царьковъ* и служитель при Императорской академіи наукъ, отставной фельдфебель Иванъ *Бплеевъ, Аннинской*: почетный блюститель Евпаторійскаго перваго городского приходскаго училища, второй гильдіи купецъ Феодоръ *Демерджи* и попечитель Никольскаго начальнаго народнаго училища, Волоколамскаго уѣзда, купецъ Андрей *Андреевъ* и *Станиславской*: почетный членъ попечительнаго совѣта при Бахмутскомъ ремесленномъ училищѣ, второй гильдіи купецъ Вивентій *Штерцеръ*, почетный блюститель Верхне-Митякинскаго приходскаго училища, Донецкаго округа, купецъ Игнатъ *Славыиенскій*, почетный попечитель Маріупольскаго низшаго механико-техническаго училища, сынъ купца Иванъ *Гофъ*, бывший попечитель Гороховскаго сельскаго начальнаго училища, Мосальскаго уѣзда, купецъ Яковъ *Копилевъ*, наборщикъ типографіи Императорской академіи наукъ, германскій подданный Леонардъ *Дювелъ*, служитель при библиотекѣ той же академіи, отставной фейерверкеръ Василій *Бойко*, попечитель Сакскаго народнаго училища, Евпаторійскаго уѣзда, изъ мѣщанъ, Михаилъ *Васильевъ*, классные надзиратели мѣщанскаго мужскаго училища Московскаго купческаго

общества: изъ мѣщанъ Владимиръ *Немѣшаевъ* и, изъ крестьянъ, Иванъ *Болотниковъ*, учитель-завѣдывающій Фроловскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Калужскаго уѣзда, изъ крестьянъ, Иванъ *Бобровъ* и учителя училищъ: Довгалеваго 1-го начальнаго, Екатеринославскаго уѣзда, изъ крестьянъ, Иванъ *Штыменко*, начальныхъ народныхъ: Бельманскаго, Александровскаго уѣзда, изъ казаковъ, Дмитрій *Мелько* и Пушкаревскаго, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, изъ крестьянъ, Никита *Сырца* и земскихъ: Спасскаго, Тотемскаго уѣзда, сынъ отставнаго рядового Василій *Евфимьевъ* и Вельскаго уѣзда: Угронскаго, изъ крестьянъ, Александръ *Гаранинъ* и Шелотскаго, изъ крестьянъ, Егоръ *Шабловъ* и для ношенія на груди: золотыя, на лентахъ: Аннинской: начальница Нахичеванской-на-Дону Екатерининской женской гимназіи Марія *Сафонова*, преподавательница Гомельской женской гимназіи Викторія *Піотухъ-Кублицкая*, учительницы женскихъ гимназій: Николаевской второй — Марія *Кронбергъ* и: Нахичеванской-на-Дону Екатерининской — Марія *Чижевская*, начальница Владивостокской городской женской прогимназіи Имени Цесаревича Алексѣя Анна *Теляковская*, содержательница профессиональной школы въ С.-Петербургѣ Елисавета *Семперовичъ*, почетная блюстительница Холмщенскаго двухкласснаго образцоваго министерства народнаго просвѣщенія училища, Жиздринскаго уѣзда, Нина *Жемчужникова*, попечительницы училищъ: Матинскаго, Славковскаго и Спасскаго начальныхъ, Кашинскаго уѣзда, Елена *Шульманъ* и Троицко-Гнилозубовскаго женскаго начальнаго народнаго, Донской области, Александра *Гнилозубова*, завѣдывающая Рижскимъ Маринскимъ четырехкласснымъ женскимъ городскимъ училищемъ Вѣра *Орановская*, учительницы училищъ: Александровскаго городского женскаго имени Н. В. Гоголя Варвара *Герасимова* и Ростовскаго приходскаго двухкласснаго женскаго — Александра *Климатинская*, бывшая попечительница Слободской женской гимназіи Юлія *Герасимова*, почетный смотритель Лихвинскаго городского трехкласснаго училища, сынъ купца Иванъ *Хлюпинъ*, почетные блюстители приходскихъ училищъ, Донской области: Александровско-Филипповскаго — второй гильдіи купецъ: Ефимъ *Воронинъ*, Трофимовскаго, урядникъ Иванъ *Линьковъ* и Комаровскаго, мѣщанинъ Алексѣй *Нечаевъ*, вахтеръ при Императорской академіи наукъ, запасный унтеръ-офицеръ Иванъ *Захарченко*, служитель при канцеляріи правленія той же академіи, отставной матросъ 1 статьи Павелъ *Гагарскій*, швейцаръ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, отставной унтеръ-офицеръ Даниилъ *Журинъ* и попечитель Чи-

жевскаго 1-го начальнаго училища, Воронежскаго уѣзда, крестьянннхъ Иванъ *Колесниковъ* и *Станиславской*: учительницы женскихъ гимназій: Двинской, Надежда *Костромитина*, Рославльской, Вѣра *Паскутская* и Марія *Матѣеви* и Николаевской второй, Педагога *Верещиновская* и Надежда *Павловская*, классная надзирательница Вѣрненской женской гимназій Людмила *Кочнева*, попечительница Новочоркаскаго второго 4-класснаго женскаго училища, Донской области, жена коллежскаго секретаря Александра *Бокова*, членъ-дѣлопроизводитель попечительнаго совѣта Павловской женской гимназій, потомственный почетный гражданинъ Аристархъ *Проценко*, врачъ и учительница гигиены Измаильской женской гимназій Цецилія *Прухникова*, завѣдывающая Троицкимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ двухкласснымъ женскимъ училищемъ Людмила *Милютина*, учительницы Николаевскихъ школъ грамотности: № 11—Елизавета *Семенова*, № 12—Акилина *Никитасъ* и № 13—Марія *Никитасъ*, учительницы училищъ: Семеновскаго сельскаго начальнаго, Порѣчскаго уѣзда, Анастасія *Иванова* и Александровскаго городскаго женскаго имени Н. В. Гоголя, Анастасія *Теплостанская*, почетная блюстительница Павловскаго двухкласснаго училища, вдова купца Вѣра *Первова*, изъ мѣщанъ, причисленный къ первой гильдіи Христіанъ *Кернелъ*, вахтеръ при Императорской академіи наукъ, отставной рядовой Александръ *Гуллевъ*, швейцаръ при той же академіи, изъ крестьянъ Николай *Емельяновъ*, курьеръ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа, отставной рядовой Иванъ *Бузеровъ*, прислѣбшійся при геологическомъ кабинетѣ Императорскаго Харьковскаго университета, запасный унтеръ-офицеръ Яковъ *Кошелевъ*, вахтеръ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, запасный фельдфебель Иванъ *Тевлевъ*, служители: Императорской академіи наукъ: запасный ефрейторъ Петръ *Ковалевъ*, отставные рядовые: Александръ *Дроздовъ* и Николай *Щепеткинъ* и изъ крестьянъ: Василій *Макаровъ* и Донатъ *Стафеецкій* и Императорскаго Харьковскаго университета: отставной унтеръ-офицеръ Демьянъ *Збитневъ* и отставной ефрейторъ Антонъ *Курциновскій*, почетный блюститель Кучурганскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Одесскаго уѣзда, изъ поселянъ Францъ *Мицель*, членъ попечительнаго совѣта Измаильской женской гимназій, житель гор. Измаила Александръ *Копчевъ*, пожизненный почетный членъ попечительнаго совѣта школы ремесленныхъ учениковъ Нижегородскихъ вѣчно-и временно-цеховыхъ, цеховой Григорій *Самсоновъ* и попечитель Котельскаго начальнаго училища, Галичскаго уѣзда, изъ

крестьянъ, *Василій Камневъ* и *серебряными: на лентахъ: Аннинской:* учительница руководяія Двинской женской гимназіи *Евгенія Бурасинская*, личные почетные граждане: служащій, по найму, при Императорскомъ лицѣ въ память Цесаревича Николая, механикъ *Василій Емельновъ*, почетный блюститель Узенбашскаго татарскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Ялтинскаго уѣзда, *Фридрихъ Шенеръ* и попечитель Коргубскаго земскаго училища, Повѣнецкаго уѣзда, *Трофимъ Филипповъ*, почетный смотритель Борисоглѣбскаго городского четырехкласснаго училища, купецъ *Александръ Клеменовъ*, членъ попечительнаго совѣта Рыбинской Маринской женской гимназіи, второй гильдіи купецъ *Николай Расторгуевъ*, почетные блюстители училищъ: Ревельскаго III правительственнаго мужскаго начальнаго, второй гильдіи купецъ *Александръ Бульминъ*, и приходскихъ, Донской области: Нижне-Митякинскаго, купецъ *Петръ Гладковъ*, Митякинскаго, казакъ *Федоръ Башмаковъ* и Поповскаго, казакъ *Николай Уваровъ*, второй гильдіи купецъ *Василій Налмайтко*, служители: Николаевской главной физической и Константиновской обсерваторій, запасный унтеръ-офицеръ *Григорій Ивановъ*, Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ: запасные унтеръ-офицеры: *Григорій Пахомовъ* и *Мартынъ Зубановъ*, запасный фейерверкеръ *Михаилъ Шинкаркинъ* и запасный писарь старшаго разряда *Гавріилъ Шмоновъ*, Императорскаго Харьковскаго университета: отставной унтеръ-офицеръ *Романъ Кузнецовъ*, запасный унтеръ-офицеръ *Иванъ Старченко 1-й*, отставной бомбардиръ *Иванъ Конрадъ Деканъ* и отставные рядовые: *Исидоръ Стефановъ* и *Тимофей Савченко*, при Императорскомъ лицѣ въ память Цесаревича Николая: запасный рядовой *Макарій Сергѣевъ*, мѣщанинъ *Иванъ Данилинъ* и изъ крестьянъ: *Дмитрій Куликовъ*, *Николай Жаровъ*, *Семень Шлеповъ*, *Петръ Матеньевъ*, *Семень Лукьяновъ*, *Петръ Гусевъ* и *Павель Ивановъ* и Рижской городской гимназіи, отставной горнистъ *Генрихъ Теревъ*, членъ Измаильскаго коммунальнаго совѣта, житель гор. Измаила *Иванъ Томовъ* и житель гор. Измаила *Николай Борисовъ* и *Станиславской:* почетный смотритель Джаркентскаго трехкласснаго городского училища, купецъ *Иванъ Дьяковъ*, дядька при воспитанникахъ Петровско-Александровскаго дворянскаго пансіона-пріюта, ратникъ ополченія *Николай Саулминъ*, швейцары: Ярославскаго техническаго училища имени потомственнаго дворянина *Н. П. Пастухова*, изъ крестьянъ, *Николай Кочуровъ*, гимназіи: С.-Петербургской седьмой, изъ крестьянъ, *Иванъ Башаевъ*, Елисаветградской женской, изъ крестьянъ, *Степанъ Чеботаревъ*, Симферополь-

свой женской, изъ крестьянъ, Мартинъ *Савченко*, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, запасный рядовой Василій *Телятниковъ* и Самаркандской мужской, запасный рядовой Порфирій *Кирилenco* и Одесскаго реального училища, изъ крестьянъ, Максимъ *Халименко*, служители: департамента народнаго просвѣщенія: крестьяне: Петръ *Савченко* и Григорій *Гомоновъ*, при Императорской академіи наукъ: запасный бомбардиръ Еремѣй *Зюзинъ* и ратникъ 1-го разряда Викентій *Гришкевичъ*, Николаевской главной физической и Константиновской обсерваторій: мѣщанинъ Александръ *Прохоровъ* и крестьяне: Алексѣй *Федоровъ* и Алексѣй *Розовъ*, Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ: запасные ефрейторы: Василій *Макаровъ* и Иванъ *Жирсинъ*, запасный бомбардиръ Еремѣй *Семеновъ*, запасный рядовой Артемій *Плазовъ* и крестьянинъ Василій *Брыксинъ*, Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: запасный нестроевой Павелъ *Мышковъ* и крестьянинъ Василій *Кудрявцевъ*, Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны: запасный стрѣлокъ Василій *Пимляковъ*, ратникъ ополченія 1-го разряда Василій *Воробьевъ* и крестьяне: Матвѣй *Складновъ* и Леонъ *Ивановъ*, при Императорскомъ лицее въ память Цесаревича Николая: крестьяне: Иванъ *Астафьевъ*, Федоръ *Никаноровъ* и Алексѣй *Иптузовъ*, гимназій: С.-Петербургской седьмой: музыкантъ утеръ-офицерскаго званія Павелъ *Степановъ* и изъ крестьянъ Анисимъ *Григорьевъ*, Владимірской земской женской: мѣщанинъ Николай *Балмашевъ* и крестьянинъ Иванъ *Ефремовъ* и Симферопольской женской, крестьянинъ Иванъ *Крестьяниновъ*, реальныхъ училищъ: Двинскаго, запасный барабанщикъ Иванъ *Головневъ*, Курскаго, мѣщанинъ Степанъ *Хорожоркинъ* и Одесскаго: крестьяне: Петръ *Синица*, Иванъ *Сливнякъ* и Викентій *Хрищановичъ* и Жиздринскаго городского приходскаго училища, мѣщанинъ Федоръ *Дементьевъ*, староста церкви при Туркестанской учительской семинаріи, крестьянинъ Павелъ *Таратунинъ*, садовникъ Александровскаго Княгининскаго городского 3-класснаго училища, крестьянинъ Иванъ *Марачевъ*, почетные блюстители училищъ: Сурученскаго сельскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Кишиневскаго уѣзда, мѣщанинъ Иванъ *Хачиковъ*, Пановскаго 2-класснаго министерства народнаго просвѣщенія, крестьянинъ Павелъ *Голубевъ*, Висловскаго приходскаго, Донской области, мѣщанинъ Иванъ *Маслиновъ* и Пржевальскаго мужскаго приходскаго, крестьянинъ Петръ *Бадякинъ*, почетный попечитель Деревченскаго народнаго училища, Донской области, мѣщанинъ

Емельянъ *Прислинъ*, попечитель училищъ: народныхъ: Ярыгачскаго, Евпаторійскаго уѣзда, мѣщанинъ *Дмитрій Васильевъ*, Царьцино-Кутскаго 1-го, Мелитопольскаго уѣзда, крестьянинъ *Поталь Цицирко* и славянскихъ начальныхъ, Павлоградскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Кабанъ* и начальныхъ народныхъ: Больше-Екатеринославскаго, Александровскаго уѣзда, крестьянинъ *Георгій Грабскій*, Волоколамскаго уѣзда: Рюховскаго, крестьянинъ *Кириллъ Роскозовъ*, и Кульнинскаго, крестьянинъ *Сергій Жуковъ*, и Дмитровскаго уѣзда: Миткинскаго, крестьянинъ *Михаилъ Яковлевъ* и Дутшевскаго, крестьянинъ *Дмитрій Изотовъ*, попечительницы женскихъ училищъ, Донской области: Маринскаго, изъ мѣщанъ *Марія Котова* и Великокняжескаго четырехкласснаго, крестьянка *Анна Булакина*, няньки при Владимирской земской женской гимназін: жена унтеръ-офицера *Марія Ялева* и жена мѣщанина *Евгенія Балмашева* и бывший почетный блюститель Панинскаго приходскаго училища, крестьянинъ *Тимофей Аверинъ*.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, на 6-е декабря 1906 г., нижепоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, орденами: *св. Станислава второй степени*: почетнаго смотрителя Петровской въ городѣ Тотьмѣ ремесленной школы по игрушечному дѣлу, второй гильдіи купца *Николая Токарева* и *третьей степени*: дѣлопроизводителя попечительнаго совѣта Одесской женской гимназін *О. Г. Шольцъ*, отставнаго коллежскаго ассессора *Алексѣя Злачевскаго*, попечителя Славгородскаго начальнаго народнаго училища, Павлоградскаго уѣзда, отставнаго титулярнаго совѣтника *Андрея Бирюкова*, потомственныхъ дворянъ: предсѣдателя строительнаго комитета по устройству зданія для классовъ Холмищенскаго двухкласснаго училища, Жиздринскаго уѣзда, а также зданія для учительскихъ квартиръ этого училища и надворныхъ строеній *Николая Жемчужникова* и члена строительнаго комитета по устройству зданія для общеобразовательныхъ классовъ Дубровскаго двухкласснаго училища, Жиздринскаго уѣзда, а также и зданія учительскихъ квартиръ, при томъ училищѣ и надворныхъ строеній *Федора Челышева*, почетнаго попечителя С.-Петербургскаго низшаго химико-техническаго училища, инженеръ-технолога *Бориса Ефрона*, муляжиста Императорскаго Московскаго университета, сына титулярнаго совѣтника *Сергѣя Фивейскаго*, почетнаго блюстителя Пинежскаго двухкласснаго приход-

скаго училища, купца Михаила *Володина* и Череповецкаго второй гильдіи купца Дмитрія *Горбаненко* и св. *Анны третьей степени*: старшаго воспитателя и завѣдующаго мужскою школою имени Садовникова и Герасимова въ городѣ С.-Петербургѣ, потомственнаго дворянина Петра *Георгиевскаго* и жителя города Измаила Василія *Куклина*.

Нижепоименованныя лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію Всемилостивѣйше пожалованы, на 6-е декабря 1906 г., *серебряными медалями съ надписью „за усердіе“*, для ношенія на груди, на *Александровской лентѣ*: по С.-Петербургскому учебному округу: учителя училищъ: Вологодскаго 6-го мужскаго приходскаго Василій *Сусловъ*, Устьсысольскаго городскаго мужскаго приходскаго Кирилль *Гуляевъ*, двухклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Вологодскаго уѣзда: Новленскаго—Михаиль *Черепановъ* и Высоковскаго—Павель *Шибаловъ*, начальныхъ: Толвицкаго, Псковскаго уѣзда, Василій *Мяковъ*, Шиковскаго, Островскаго уѣзда, Андрей *Никитинъ* и Сорочинскаго, Порховскаго уѣзда, Гаврилль *Алексеевъ*, Охтенскаго пригороднаго общества въ память Императора Александра III Михаилъ *Ивановъ*, Ставропольскаго двухкласснаго, Гдовскаго уѣзда, Николай *Петровъ*, Стромленскаго земскаго, Имбургскаго уѣзда, Тимофей *Орловскій* и Салменижскаго однокласнаго министерства народнаго просвѣщенія Михаилъ *Ивановъ* и учительницы училищъ: Вологодскаго Колесниковскаго приходскаго Надежда *Мезенцева*, начальныхъ народныхъ: Вологодскаго уѣзда: Шухтовскаго—Надежда *Петрова*, Марьинскаго—Александра *Попова* и Харитоновскаго—Александра *Бачалдина*, Вологодскаго 2-го женскаго приходскаго—Александра *Добросъ*, начальныхъ: Харланковскаго, Псковскаго уѣзда, Елисавета *Колыкова*, Островскаго уѣзда: Анненско-Кукловиченскаго—Серафима *Голубинская*, Барановскаго—Елисавета *Тимофеева*, Масловскаго—Лидія *Култашева*, Пашеовскаго—Еваторина *Виноградова*, Барановскаго, Новоржевскаго уѣзда, Елена *Полкова* и Михайловскаго, Великолуцкаго уѣзда, Марія *Пулачева*, Кронштадтскаго женскаго двухкласснаго приходскаго министерства народнаго просвѣщенія Θεодосія *Афанисева*, 13-го Коломенскаго мужскаго въ С.-Петербургѣ—Лидія *Воробьева*, женскихъ: 8-го Выборгскаго—Екатерина *Сергепольцева*, 4-го Нарвскаго—Любовь *Интатова*, 8-го Васильевскаго—Марія *Прошина*, 17-го Нарвскаго

мужского — Неоніла *Чехова*, Адмиралтейскаго смѣшаннаго — Ольга *Карасова*, мужскихъ: 1-го Выборгскаго, съ 3-мя классами — Александра *Троицкая*, 17-го С.-Петербургскаго — Марія *Лукина*, Нарвскаго, съ 8-ю классами — Надежда *Ялозо*, 5-го Нарвскаго женскаго — Анна *Львова*, мужскихъ 18-го С.-Петербургскаго — Александра *Докучаева*, 3-го Васильевскаго — Вѣра *Эманъ*, 9-го Нарвскаго — Александра *Трусманъ*, 2-го Васильевскаго смѣшаннаго, съ 3-мя классами — Елена *Дубровина*, 2-го Выборгскаго женскаго — Марія *Лебедева*, 1-го Казанскаго женскаго; съ 3-мя классами — Елизавета *Брюхова*, 1-го Спасскаго мужскаго, съ 3-мя классами — Екатерина *Доброхотова*, 2-го Московскаго женскаго — Софія *Доливо-Добровольская*, 12-го Рождественскаго женскаго — Прасковья *Егорова*, 2-го Московскаго мужскаго — Евдокія *Зернина*, 8-го Нарвскаго женскаго — Александра *Зубовская*, 14-го Московскаго женскаго — Анна *Калминникова*, 16-го Московскаго мужскаго — Александра *Комисарова*, 3-го Спасскаго женскаго — Зоя *Лебедева*, 6-го Выборгскаго — Марія *Мейснеръ*, 8-го Казанскаго мужскаго — Антонина *Михайлова*, 11-го Литейнаго мужскаго — Марія *Окунева*, 10-го Васильевскаго женскаго — Екатерина *Оломренъ*, С.-Петербургскаго, съ 9-ю классами, — Анна *Петрова*, 4-го Нарвскаго мужскаго — Антонина *Румянцева*, 2-го С.-Петербургскаго мужскаго — Наталія *Селиванова*, 12-го С.-Петербургскаго женскаго — Зинаида *Соколова*, 1-го Нарвскаго мужскаго, съ 3-мя классами — Елизавета *Сперанцева*, 10-го Нарвскаго мужскаго — Наталія *Хохрякова*, 7-го Александро-Невскаго мужскаго — Софія *Хрипачъ*, 13-го Литейнаго женскаго — Надежда *Цибенко*, 10-го Спасскаго мужскаго — Евгенія *Чебышева-Дмитріева*, 7-го Нарвскаго женскаго — Варвара *Шелестина*, 9-го С.-Петербургскаго мужскаго — Александра *Щепотьева*, Гатчинскаго двухкласснаго женскаго приходскаго — Ольга *Михайлова*, Петрозаводскаго женскаго двухкласснаго приходскаго — Елизавета *Солтышкова*, и земскихъ: Шокшинскаго — Зинаида *Иванова*, Вороновскаго — Екатерина *Павинская*, и Кургенецкаго — Зинаида *Куликовская*; по Московскому учебному округу: учителя училищъ: Калужскаго двухкласснаго желѣзнодорожнаго — Евгений *Соброновъ*, Карачевскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Калужскаго уѣзда, Сергѣй *Колоболотскій*, Мещовскаго городскаго приходскаго — Сергѣй *Кариженскій*, Дрожжинскаго однокласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Юхновскаго уѣзда, Петръ *Поповъ*, Инковскаго сельскаго начальнаго, Порѣчскаго уѣзда, Фодоръ *Макаренко* и сельскихъ начальныхъ народныхъ: Порѣчскаго уѣзда: Кавширскаго —

Описимъ *Гридинъ* и *Силуяновскаго*—*Василій Олехновичъ* и учительницы училищъ, начальныхъ: *Ивановскаго Первитинскаго*—*Анна Субботина*, *Моршинскаго* — *Екатерина Образцова*, *Больше-Троицкаго* — *Марія Додадова*, *Затверецкаго*—*Ольга Лебедева*, *Бордынскаго*—*Серафима Скобникова*, *Затверецкаго*—*Марія Иудина*, *Никулинскаго*—*Параскева Ницетова*, *Ямскаго* — *Елизавета Морковина* и *Анна Колерова*, *Горютинскаго* — *Елизавета Маслова*, *Власьевскаго* — *Александра Соколова*, *Олбовскаго*—*Елена Петерсонъ* и *Жиздринскаго женскаго*—*Ольга Зайцева*, сельскихъ начальныхъ: *Жиздринскаго уѣзда*: *Выползовскаго*—*Наталія Титова*, *Мурачевскаго*—*Елизавета Нестерова*, *Судимирскаго*—*Юлія Лаерова*, *Младенскаго*—*Любовь Смирнова*, *Устовскаго*—*Евдокія Хохловская* и *Полянскаго* — *Марія Чулкова* и сельскихъ начальныхъ народныхъ: *Каспьянскаго*, *Порѣчскаго уѣзда*, *Александра Младова*, *Кавширскаго* — *Елена Гридина* и *Порѣчскаго уѣзда*: *Иньковскаго*—*Клавдія Макаренкова*, *Силуяновскаго* — *Надежда Олехновичъ* и *Зарубенскаго*—*Марія Городецкая*; по *Одесскому учебному округу*: учителя училищъ: *Донузлавскаго народнаго*, *Евпаторійскаго уѣзда*, *Филиппъ Арабаджи*, *одноклассныхъ*, *министерства народнаго просвѣщенія*, *Павлоградскаго уѣзда*: *Ульяновскаго желѣзнодорожнаго* — *Иванъ Буяло* и *Васильевскаго сельскаго* — *Александръ Моздоловскій*, начальныхъ народныхъ: *Славяносербскаго уѣзда*: *Давидово-Никольскаго* — *Федоръ Коротчаевъ* и *Петропавловскаго* — *Петръ Шереметьевъ*, *Екатеринославскаго уѣзда*: *Новониколаевскаго*—*Яковъ Поплавскій* и *Августиновскаго* — *Петръ Назаревскій* и *Вербскаго*, *Павлоградскаго уѣзда*, *Михаилъ Стрѣлинъ*, начальныхъ народныхъ: *Верхнеднѣпровскаго уѣзда*: *Мотриновскаго* — *Петръ Килимникъ*, *Марьинскаго* — *Сергій Усенко*, *Малософьевскаго*—*Иванъ Даниленко*, *Семеновскаго* — *Иванъ Тихоновъ*, *Ордо-Васильевскаго*—*Аркадій Вержбицкій*, *Андреевскаго*—*Сергій Сидоренко*, *Попельнастовскаго*—*Иванъ Калининъ*, *Петроводолинскаго* — *Василій Мазуренко* и *Дурлештскаго земскаго*, *Кишиневскаго уѣзда*, *Петръ Тимурковъ*, учительницы училищъ: *Кишиневскаго женскаго двухкласснаго городского приходскаго* — *Марія Корвинъ-Дзмитулъская*, *Александровскаго городского 1-го смѣшаннаго начальнаго*—*Глафира Васильева*, сельскихъ *одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія*: *Кишиневскаго уѣзда*: *Карпинскаго*—*Евгенія Димитріу*, *Меренскаго* — *Анна Мидражинъ* и *Чучуленскаго*—*Александра Теодорова* и начальныхъ народныхъ: *Славяносербскаго уѣзда*: *Фащевскаго*—*Александра Несталева*, *Успенскаго* — *Анастасія Чурсина* и *Павлоградскаго уѣзда*: *Троицкаго 1-го* — *Анастасія Лукьянова*, *Ново-Иванов-*

скаго—Марія *Запорожская*, Павловскаго—Марія *Лукьянова*, Васильковскаго женскаго—Елена *Моздольская* и Хандалгевскаго—Евгенія *Борошко*, учительницы Николаевскихъ школъ грамотности: Ларисса *Филиппова*, Александра *Забьлло*, Анастасія *Николаева*, Татьяна *Ковалева*, Марія *Бударецкая*, Ольга *Семенова*, Эмилія *Головкина*, Хіонія *Ефимова*, Марія *Степанова*, Олимпиада *Леонова*, Елизавета *Яковлева*, Марія *Бабичева*, Анна *Ульянова* и Лидія *Банковская*, учителя училищъ: Ново-Александровскаго народнаго, Мелитопольскаго уѣзда, Никифоръ *Лизинъ* и сельскихъ одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія: Кишиневскаго уѣзда: Васіенскаго—Владиміръ *Бабченко* и Садовскаго—Іустинъ *Бульскій*, учитель-завѣдывающій 1-мъ городскимъ училищемъ въ предмѣстьи гор. Кишинева „Боужаны“ Филиппъ *Володинъ*, учителя училищъ: Скоренскаго сельскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Кишиневскаго уѣзда, Александръ *Гауриланъ*, Фаціевскаго начальнаго народнаго, Славяносербскаго уѣзда, Георгій *Коваленко*, Ландаускаго 2-го нѣмецкаго церковно-приходскаго, Одесскаго уѣзда, Христіанъ *Кунцъ*, Волчинецкаго 2-го сельскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Кишиневскаго уѣзда, Трифонъ *Подберезнюкъ*, учитель-завѣдывающій Забричанскимъ сельскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Бѣлзскаго уѣзда, Кондратъ *Хомутовъ* и учительницы училищъ: Одесскаго городского дѣвичьяго—Марія *Бѣльская*, Михайловскаго народнаго, Евпаторійскаго уѣзда—Анна *Лесикова*; Кишиневскаго 2-го женскаго городского приходскаго—Александра *Рейцъ*, и Ананьевскаго однокласснаго женскаго городского приходскаго —Евгенія *Россалъ*; по Виленскому учебному округу: бывшій учитель Домпольскаго народнаго училища, Люцинскаго уѣзда, Кирилль *Антісевичъ*; по Рижскому учебному округу: содержатель частнаго училища III разряда въ гор. Ригѣ —Петръ *Ларионовъ*, учитель-завѣдывающій Геллаемскимъ, Эзельскаго уѣзда, двухкласснымъ сельскимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ—Петръ *Массо* и учителя училищъ: Лимадскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Эзельскаго уѣзда — Александръ *Сааръ*, Лютерова сельскаго, Рижскаго уѣзда—Иванъ *Бахъ* и Либавлофскаго волостнаго, Гробинскаго уѣзда—Яковъ *Мауринъ* и по Туркестанскому генераль-губернаторству: учителя - завѣдывающіе: русско-туземными школами: Перовской — Николай *Щитковъ*, Меркенской—Петръ *Кузнецовъ* и Толкановской — Макарымъ *Галтабаевъ*, приходскими училищами: Высокинскимъ — Андрей *Шпеневъ*, Покровскимъ—Леонтій *Дубровинъ* и Карабалтинскимъ

министерства народнаго просвѣщенія — Павелъ *Ерофеевъ*, учительницы-завѣдывающія приходскими училищами: Ванновскимъ — Софія *Семенова* и Чимкентскимъ женскимъ — Александра *Глотова* и учительница Туркестанскаго женскаго приходскаго училища—Ольга *Соболева*.

V. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

№ 21 (15-го ноября 1906 года, № 23696). *О воспрещеніи сходокъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Считая одною изъ существеннѣйшихъ причинъ нарушенія порядка школьной жизни образованіе въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ученическихъ организацій съ избранными старостами, делегатами и т. п., министерство народнаго просвѣщенія въ циркулярѣ отъ 25-го ноября 1905 года, за № 25505, выражало увѣренность, что педагогическіе совѣты не допустятъ внесенія въ жизнь школы такихъ явленій, какъ означенныя организаціи съ притязаніями образованія власти учениковъ надъ учениками или съ цѣлями предьявленія тѣхъ или другихъ требованій въ администраціи школы. Такъ какъ и послѣ этого во многихъ учебныхъ заведеніяхъ наблюдалось продолженіе дѣятельности ученическихъ сходокъ и другихъ организацій, то циркуляромъ отъ 9-го января текущаго года, за № 301, министерство предложило педагогическимъ совѣтамъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для устраненія вышеуказанныхъ ненормальныхъ явленій.

Тѣмъ не менѣе, изъ ряда донесеній учебно-окружныхъ начальствъ о положеніи дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ видно, что и въ настоящее время сходки учащихся все еще имѣютъ мѣсто и если не прямо разрѣшаются учебнымъ начальствомъ, то, повидимому, терпятъ послѣдствія.

Принимая во вниманіе, что сходки учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ни подъ какимъ предлогомъ не должны быть допускаемы, прошу ваше превосходительство подтвердить объ этомъ педагогическимъ совѣтамъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа, съ предупрежденіемъ, что дальнѣйшее попустительство будетъ сочтено за караемое закономъ бездѣйствіе власти.

3. (9-го декабря 1906 года, № 25331). *О размѣрѣ вознагражденія преподавателей чистописанія въ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.*

По Высочайше утвержденнымъ, 30-го іюля 1871 г., штатамъ мужскихъ гимназій учителю чистописанія положенъ окладъ содержанія въ 250 р. въ годъ, при 5 недѣльныхъ урокахъ, и въ реальныхъ училищахъ—240 р. при 4 урокахъ, при чемъ въ штатахъ не имѣется, однако, оговорки о томъ, что означенный окладъ содержанія долженъ уменьшаться соотвѣтственно уменьшенію числа уроковъ чистописанія, какъ это сдѣлано относительно окладовъ преподавателей языковъ и научныхъ предметовъ. При установленіи таблицъ уроковъ въ 1871 и 1888 гг. не предполагалось возможности уменьшенія уроковъ чистописанія противъ нормъ, установленныхъ штатами, а потому содержаніе, положенное учителямъ чистописанія, разсматривалось, какъ постоянный окладъ, присвоенный должности, а не какъ поурочное вознагражденіе. Между тѣмъ, съ измѣненіемъ, въ силу Высочайшихъ повелѣній 11-го и 18-го іюня 1901 г., плана преподаванія въ младшихъ классахъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, въ цѣляхъ осуществленія этого плана, оказалось необходимымъ уменьшить число уроковъ чистописанія въ пользу другихъ вновь вводимыхъ предметовъ преподаванія. А такъ какъ съ увеличеніемъ количества уроковъ по вновь введеннымъ предметамъ и новымъ языкамъ не было ассигновано соотвѣтствующаго дополнительнаго кредита, то администрація гимназій и реальныхъ училищъ оказалась вынужденною обезпечить выдачу преподавателямъ этихъ предметовъ поурочной платы на счетъ уменьшенія содержанія учителямъ чистописанія. Такимъ образомъ, въ настоящее время, при уменьшеніи числа уроковъ чистописанія до двухъ въ недѣлю, учителя этого предмета получаютъ въ гимназіяхъ 100 р. и въ реальныхъ училищахъ 120 р. въ годъ. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, что при измѣненіяхъ таблицы уроковъ штаты учебныхъ заведеній оставались безъ пересмотра, и, съ другой, входя въ затруднительное положеніе преподавателей чистописанія, министерство народнаго просвѣщенія, по сношеніи съ министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролемъ, внесло въ совѣтъ министровъ представленіе по вопросу объ обезпеченіи имъ присвоенныхъ закономъ полныхъ окладовъ содержанія, съ отнесеніемъ недостающаго вознагражденія на остатки отъ содержанія личнаго состава отдѣльныхъ

учебныхъ заведеній, по принадлежности, а въ случаѣ недостатка этихъ послѣднихъ на спеціальныя средства учебныхъ заведеній.

Советъ министровъ, рассмотрѣвъ означенное представленіе, особымъ журналомъ, удостоившимся въ 1-й день сего декабря Высочайшаго утвержденія, положилъ:

I. Разъяснить, что преподавателямъ чистописанія въ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, если они состоятъ въ штатѣ названныхъ учебныхъ заведеній и не получаютъ вознагражденія за исполненіе другой какой-либо штатной должности въ томъ же учебномъ заведеніи, должно быть выдаваемо установленное штатами вознагражденіе въ полномъ размѣрѣ, а именно 250 р. въ мужскихъ гимназіяхъ и 240 р. въ реальныхъ училищахъ, хотя бы число уроковъ этого предмета было меньше нормальнаго.

II. Вызываемый указанной выше мѣрою расходъ отнести на остатки отъ содержанія личнаго состава отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, по принадлежности, а въ случаѣ недостаточности этого источника — на спеціальныя средства учебныхъ заведеній.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи увѣдомляю ваше превосходительство, для надлежащихъ распоряженій.

4. (20-го декабря 1906 года, № 26157). *По вопросу о томъ, въ какомъ объемѣ должно быть производимо испытаніе по естественнѣдвѣнію ученикамъ VI класса реальныхъ училищъ.*

Почетелемъ одного изъ учебныхъ округовъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, въ какомъ объемѣ должно быть производимо испытаніе по естественнѣдвѣнію ученикамъ VI-го класса реальныхъ училищъ.

При рассмотрѣніи сего вопроса въ ученѣмъ комитетѣ было принято во вниманіе, что экзаменъ по естественнѣдвѣнію не входилъ (по правиламъ 1895 г.) въ составъ выпускныхъ испытаній по той причинѣ, что этотъ предметъ въ VI-мъ классѣ не преподавался. Нынѣ же этотъ предметъ введенъ въ курсъ VI-го класса. Однако ученики этого класса сдавали уже испытаніе по естественнѣдвѣнію при переходѣ изъ V-го класса въ VI-й и должны сдавать новое испытаніе при окончаніи курса дополнительнаго класса. Въ виду изложеннаго ученый комитетъ полагалъ достаточнымъ подвергать учениковъ VI-го класса реальныхъ училищъ выпускному экзамену по естественнѣдвѣнію только въ объемѣ курса этого класса, а общую отмѣтку въ свидѣтельствѣ выставлять по соображенію съ оцѣнкой ихъ познаній въ V-мъ классѣ

и оти́вкой, выставленной на выпускномъ испытаніи (какъ это дѣлалось доселѣ въ отношеніи сравнительной географіи).

О такомъ мнѣніи ученаго комитета, утвержденномъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, департаментъ народнаго просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить ваше превосходительство, для надлежащихъ распоряженій.

5. (20-го декабря 1906 года, № 26158). *Объ отнять въ реальныхъ училищахъ выпускное испытаніе по географіи.*

Попечителемъ одного изъ учебныхъ округовъ возбужденъ вопросъ о томъ, надлежитъ ли производить на будущее время при выпускныхъ испытаніяхъ въ реальныхъ училищахъ экзаменъ по географіи, преподаваніе которой въ VI-мъ классѣ этихъ училищъ оти́внено циркуляромъ отъ 30-го іюня сего года, за № 12414.

Вслѣдствіе сего департаментъ народнаго просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить ваше превосходительство, для надлежащихъ распоряженій, что, согласно утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія мнѣнію ученаго комитета, выпускное испытаніе по географіи въ VI-мъ классѣ реальныхъ училищъ оти́вняется съ тѣмъ, чтобы въ свидѣтельствахъ за шесть классовъ выставлялась общая оти́вка за пять классовъ по этому предмету. Означенная мѣра подлежитъ введенію въ дѣйствіе съ 1907—1908 учебнаго года, такъ какъ въ текущемъ году географія въ VI-мъ классѣ еще преподается.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бучинскій, Н.* Практическая русская грамматика. Краткая этимологія и начальныя свѣдѣнія изъ синтаксиса. Изданіе 4-е, испр.

и доп., М. Д. Наумова. М. 1906. Стр. IV+196. Цѣна 50 коп., въ перепл. 65 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „Гартигъ, В. О. Арифметика. Изданіе 3-е, испр. С.-Пб. 1906. Стр. 230. Цѣна 80 коп.“

— „Гукеръ. Начатки ботаники. Переводъ С. М. Переяславцевой. Изданіе М. Н. Прокоповича. М. 1906. Стр. 135. Цѣна 60 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „Klasse, Octave. Le petit Français. Wilno. 1907. 1) Cours élémentaire. 5-me édition. Pages 250. Prix 1 rouble.—Словари къ нему. Стр. 138. Цѣна 30 коп.—2) Cours moyen. 2-me édition. Pages 224. Prix 1 rouble.—Словари къ нему. Стр. 116. Цѣна 30 коп.“

— „Конюфъ, Е. Руководство для начальнаго обученія французскому языку по естественному методу. 8-е изданіе, маг. „Сотрудникъ школы“. М. 1906. Стр. XVI+118. Цѣна 70 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ въ этихъ классахъ введено преподаваніе французскаго языка).

— „Крюковский, В. Я., и Н. Н. Товстолтъ. Учебникъ законовѣдѣнія. Изданіе 2-е, испр. и доп. Курсъ VII и VIII классовъ гимназій. Вильна. 1906. Стр. 63+55+156. Цѣна 1 р. 25 коп., въ перепл. 1 р. 35 коп.“

— „Леманъ, Рудольфъ. Учебникъ философской пропедевтики. Переводъ Бор. В. Яковенко. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1906. Стр. 222. Цѣна 1 р.“

— „Любатовичъ, В. С. Краткій учебникъ тригонометріи для техникумовъ. М. 1906. Стр. 73. Цѣна 50 коп.“ (для низшихъ и среднихъ техническихъ училищъ).

— „Матченко, И. П. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ II. Австралія, Африка, Азія и Америка. Изданіе 4-е, испр. Кіевъ. 1906. Стр. 79. Цѣна 40 коп.“

— „Матченко, И. П. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Изданіе 4-е, испр. Кіевъ. 1906. Стр. 120. Цѣна 50 коп.“

— „Рибъеръ, А. Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій. Перевелъ Н. де-Жоржъ. Изданіе 4-е, испр. С.-Пб. 1906. Стр. IV+203. Цѣна 85 коп.“

— „Томашевичъ, В. А. Учебникъ законовѣдѣнія. Курсъ VIII-го класса гимназій. Изданіе Фену и К°. С.-Пб. 1907. Стр. 202. Цѣна 1 р.“

— „Чихановъ, Б. Учебникъ арифметики. Изданіе 6-е. Минскъ. 1907. Стр. 138. Цѣна 60 коп.“

— „Яковсонъ, Л. К. Элементарный курсъ нѣмецкаго языка. II

часть. 2-е изданіе. С.-Пб. 1906. Стр. 129. Цѣна 65 коп., въ перепл. 80 коп.“ (для младшихъ классовъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Вернъ, Жюль*. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Обработалъ *В. А. Блюмъ*. (Избр. произведенія нѣмец. и франц. писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе *С. А. Манштейна*. С.-Пб. 1906. Стр. IV + 191 (текста) + 179 + V (приложеній). Цѣна съ приложеніями 80 коп. въ перепл.“

— „*де-Виньи, Альфредъ*. Сень-Марсъ или Заговоръ въ царствованіе Людовика XIII. Обработалъ *И. О. Фурреръ*. (Избр. произведенія нѣмец. и франц. писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе *С. А. Манштейна*. С.-Пб. 1906. Стр. IV + 163 (текста) + 126 + VI (приложеній). Цѣна съ приложеніями 80 коп. въ перепл.“

— „*Воиновъ, А.* Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. 5-е изданіе. Павловскъ н/Д. 1905. Стр. 140. Цѣна 75 коп.“

— „*Ематевскій, К. В.* Сборникъ легендъ и стихотвореній въ всеобщей исторіи. Историческая хрестоматія для учащихся. С.-Пб. 1906. Стр. VII + 456. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (въ качествѣ обязательнаго пособія).

— „*Кленце, Бернардь*. Leçons de conversation française. I часть для учащихся младшаго и средняго возраста. М. 1905. Стр. IX + 262. Цѣна 85 коп.—II часть для учащихся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. М. 1906. Стр. XII + 170 + 122. Цѣна 1 р. 40 коп.“

— „*Люцельмицабъ, В. И.* La France. Хрестоматія литературная, историческая и географическая. Изданіе *К. Г. Зихмана*. Рига. 1906. Стр. XII + 484. Цѣна 1 р. 50 коп. въ перепл.“

— „*Нифонтовъ, В.* О видахъ русскаго глагола. Юрьевъ. 1906. Стр. 40. Цѣна 25 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія для тѣхъ заведеній, въ коихъ большинство учащихся инородцы).

— „*Пешичъ, Н. П.* Народности Россіи по губерніямъ и областямъ. Изданіе *А. Ильина*. С.-Пб. Цѣна 50 коп. за ненаклеенный экземпляръ.“ (въ качествѣ класснаго пособія, для вывѣшиванія на стѣнѣ).

— „*Покровскій, Н.* Русская хрестоматія. М. 1907. Часть I. Для приготовительнаго класса. Изданіе 18-е. Стр. 269. Цѣна 50 коп., въ перепл. 65 коп.—Часть II. Для двухъ первыхъ классовъ. Изданіе 16-е.

Стр. 426. Цѣна 75 коп., въ перепл. 90 коп.—Часть III. Для третьяго и четвертаго классовъ. Изданіе 14-е. Стр. 453. Цѣна 1 р., въ перепл. 1 р. 15 коп.“

— „*Прялки*“, С. Н. Очеркъ поэзіи А. В. Кольцова. Воронежъ. 1906. Стр. 88. Цѣна 55 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособия).

— „*Chabaline, C., et O. Maslof. Phrases usuelles et dialogues destinés à faciliter l'étude de la conversation.* Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1907. Стр. 140. Цѣна 75 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособия, преимущественно для женскихъ учебныхъ заведеній).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Словникъ*“, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка. Изданіе 2-е. М. 1906. Стр. 506+III. Цѣна 1 р. 60 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи всѣ замѣченные недостатки были устранены).

б) въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*La Mauricie*“, M. Premières leçons de littérature française suivies de lectures choisies. St. Pbg. 1907. Pages 294. Prix. 90 cop.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Богословскій*“, М. М. Конституціонное движеніе 1730 г. (Библиотека „Свободная Россія“, № 18. Подъ общей ред. С. П. Мельчунова и П. М. Шестакова). Изданіе Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. М. 1906. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“

— „*Воскресенскій*“, А. Опытъ философской пропедевтики. Часть I. Наука и философія. Орелъ. 1906. Стр. 121. Цѣна 75 коп.“

— „*Доснаръ-Запольскій*“, М. В. Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Современная бібліотека). М. 1905. Стр. 72. Цѣна 20 коп.“

— „*Доснаръ-Запольскій*“, М. В. Реформа общеобразовательной

школа при Императрицѣ Еваторинѣ II. Изданіе т-ва И. Д. Сытина (Современная бібліотека). М. 1906. Стр. 47. Цѣна 15 коп.

— „Физикъ-любитель. Иллюстрированный журналъ по опытнымъ и прикладнымъ физическимъ наукамъ. Томъ II. 1905/6 академическій годъ. Редакторы-издатели: К. Чернышевъ и В. Рюминъ. Николаевъ. Столбцовъ 640. Цѣна 3 р.“

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Олсеницкій, М. Краткій курсъ педагогика. Выпускъ 1-й. Теорія воспитанія. 3-е изданіе. Киевъ. 1905. Стр. 147. Цѣна 60 коп.“—признать для учебнаго употребленія непригодной.

— Книгу: „Солодовниковъ, А. Д. Законовѣдѣніе. Часть I. Выпускъ 2-й. Изданіе 5-е испр. и доп. Складъ и книгоиздательство Ф. В. Бусыгина. М. 1906.“—исключить изъ числа допущенныхъ къ учебному употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Боголюбовъ, П. Сборникъ устныхъ и письменныхъ арифметическихъ задачъ. Изд. 7-е, испр. и доп. М. 1906. Стр. 200. Цѣна 40 коп.“

— „Бубликовъ, М. Русская школа. Практическій курсъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ). Изд. 2-е, доп. С.-Пб. 1907. Стр. IV+84. Цѣна 30 коп.“ (для тѣхъ училищъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски).

— „Мальшевъ, И. Руководство къ изученію всеобщей исторіи.

Средніе и новыя вѣка. Изд. „Петербургскаго учебнаго магазина“. С.-Пб. 1906. Стр. 227+V. (для учт. семинарій).

— „Р., М. Букварь для киргизскихъ аульныхъ школъ. Оренбургъ. 1905. Стр. 56.“

— „Симяковъ, Ис.: Удареніе въ русскомъ языкѣ. Вильна. 1906. Стр. XI+134. Цѣна 65 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособия; также для среднихъ уч. зав.).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Ельницкій, К. Преподаваніе педагогики. С.-Пб. 1906. Стр. 28. Цѣна 20 коп.“

— „Ельницкій, К. Школьное обученіе. (Дидактика). Изд. М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1907. Стр. 174. Цѣна 75 коп.“

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Анненская, А. Н. Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 5-е. С.-Пб. 1906. Стр. 176. Цѣна 50 коп.“

— „Анненская, А. Н. Мои двѣ племянницы. Сборникъ рассказовъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1906. Стр. 158. Цѣна 50 коп.“

— „Архателъскій, С. М. Какъ въ судѣ правое дѣло отстоять. Бесѣды сельскагохода съ крестьянами о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. 2-е изд. К. И. Тихомирова. М. 1906. Стр. 140. Цѣна 20 коп.“

— „Бостромъ, Александра. Два міра. Книга для малюнькихъ дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 254. Цѣна 1 р.“

— „Жуковскій, В. А. Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ. Изд. А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. 62. Цѣна 10 коп.“

— „Жуковскій, В. А. Спящая царевна. Сказка. Изд. А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. 30. Цѣна 10 коп.“

— „Красноперовъ, С. К. 1) Пчеловодство. Наглядное пособіе для школъ и народа. Изд. М. М. Макшеевой. Вятка. 1901. Картина. — 2) Руководство къ ней. Вятка. 1901. Стр. 23. Цѣна 2 коп.“

— „Купринъ, А. Бѣлый пудоль. Рассказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 63. Цѣна 20 коп.“

— „Музеусъ. Собраніе нѣмецкихъ народныхъ сказокъ. Часть I. Въ обработкѣ Ф. Гобмана. Переводъ Л. Б. Хаакиной. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 238. Цѣна 60 коп.“

— „Павловъ, А. Изъ природы. Бесѣды, рассказы и описанія. Изд. А. В. Павлова. М. 1906. Часть I. 4-е изд., перераб. и испр. Стр. VIII+219. — Часть II. 3-е изд., перераб. и испр. Стр. 207. Цѣна каждой части 1 р.“

— „Позняковъ, Н. И. Крыша. Рассказъ. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1906. Стр. 27. Цѣна 20 коп.“

— „Позняковъ, Н. И. Подвалъ. Повѣсть. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1906. Стр. 47. Цѣна 30 коп.“

— „Потъкинъ, А. А. Крестьянскія дѣти. 4-е изд. М. 1906. Стр. 258. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Лишній. Повѣсть. Изд. ред. журн. „Родникъ“. С.-Пб. 1904. Стр. 115.“

— „Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. На землѣ. Сборникъ рассказовъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 202. Цѣна 75 коп.“

— „Умъ животныхъ. 60 рассказовъ для маленькихъ дѣтей. Съ англійскаго. 4-е изд., В. С. Спиридонова. М. 1906. Стр. 87. Цѣна 50 коп.“

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Гуриновичъ, П. Школьный другъ. Хрестоматія и грамматика въ связи съ уроками правописанія. Изд. бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1906. Стр. XIV+333. Цѣна 75 коп.“ (также для пригот. классовъ средн. уч. зав., съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, нижеслѣдующія книги:

1) „Кржишталовичъ. Усовершенствованная кустарная обжигательная печь. Общедоступное изданіе Новгородскаго губернскаго земства,

№ 21. Новгородъ. 1906 г.“, признана заслуживающей вниманія при пополненіи библиотекъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

2) „*Л. К. Лейхманъ*. Окраска мѣховъ. Изд. К. А. Казначеева. М. 1905 г. Цѣна 80 коп.“—признана заслуживающей вниманія педагогическихъ совѣтовъ тѣхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается скорняжное производство.

3) „*А. П. Постниковъ*. Элементарный курсъ электротехники. Изд. 2-е. М. 1906 г. Цѣна 1 руб. 65 коп.“—признана заслуживающей вниманія педагогическихъ совѣтовъ какъ низшихъ техническихъ, такъ и ремесленныхъ училищъ и школъ ремесленныхъ учениковъ¹⁾ въ качествѣ пособия при изученіи элементарной электротехники.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ¹⁾.

— „*Архангельскій, С. М.* Какъ въ судѣ правое дѣло отстоять. Бесѣды сельскаго ходока съ крестьянами о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. 2-е изд. К. И. Тихомирова. М. 1906. Стр. 140. Цѣна 20 коп.“

— „*Берлинъ, Я.* Исторія книги. Культурно-историческій очеркъ. Изд. О. Поповой. С.-Пб. 1906. Стр. 100. Цѣна 15 коп.“

— „*Вахтеровъ, В. П.* Небесныя свѣтила. С.-Пб. 1905. Стр. 159. Цѣна 30 коп.“

— „*Витковский, В.* Падающія звѣзды. Астрономическая лекція. С.-Пб. 1900. Цѣна 20 коп.“

¹⁾ Въ силу Высочайшаго повелѣнія 2-го декабря 1905 г. бесплатныя народныя читальни и библиотекы, въ отношеніи своего книжнаго состава, подчинены общимъ правиламъ о публичныхъ библиотекахъ. Желая, однако, содѣйствовать заведывающимъ народными библиотеками, учрежденными при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также и заведывающимъ означенными читальнями въ выборѣ подходящихъ книгъ, министерство поручило ученому комитету продолжать дѣятельность по разсмотрѣнію произведеній печати и публиковать списки тѣхъ книгъ, которыя по своему содержанію могутъ быть доступны и полезны, а потому наиболѣе желательны въ народной библиотекѣ.

Съ такою же цѣлью ученымъ комитетомъ издавъ въ минувшемъ декабрѣ списокъ вышедшихъ въ прежнее время, начиная съ 1891 г., книгъ въ различныхъ изданіяхъ, признанныхъ наиболѣе подходящими по своей цѣнѣ и качествамъ.

— „*Демубскій, Н. П.* Что и какъ наблюдать на небѣ. С.-Пб. 1904. Стр. 196. Цѣна 1 руб.“

— „*Добрынинъ Л., и Ѳ. Бьлуинъ.* Прикаспійскія степи. (Астраханская губ. и Уральская область). (Геогр. комиссія при учебн. отдѣлѣ общ. распр. техн. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 172+1 карта. Цѣна 45 коп.“

— „*Довнаръ-Запольскій, М.* Политическій строй древней Руси. Вѣче и князь. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Совр. библиот.). М. 1906. Стр. 63. Цѣна 20 коп.“

— „*Довнаръ-Запольскій, М. В.* Церкви и духовенство въ до-монгольской Руси. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Соврем. библиот.). М. 1906. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“

— „*Ермиловъ, В.* Идеалы воспитанія. К. Д. Ушинскій. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Соврем. библиот.). М. 1906. Стр. 28. Цѣна 7 коп.“

— „*Иошитанне-Сантомія, баронъ.* Государственный строй Японіи. Переводъ съ англ. А. П. Цеттиновичъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Соврем. библиот.). М. 1906. Стр. 181. Цѣна 40 коп.“

— „*Кичуновъ, Н. И.* Плодоводство. Общедоступное руководство въ разведенію плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библиот.). С.-Пб. Стр. 187. Цѣна 50 коп.“ (для читаленъ района западной половины черноземной полосы Россіи).

— „*Клейнъ, Г.* Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ, звѣзды, туманности. М. 1900. Цѣна 1 р.“

— „*Клейнъ, Г.* Популярная астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Свѣдѣнія о звѣздномъ небѣ, землѣ и календарѣ. С.-Пб. 1903. Цѣна 1 руб. 20 коп.“

— „*Клейнъ, Г.* Прошлое, настоящее и будущее вселенной. С.-Пб. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Краинскій, Сергій.* Огородная культура картофеля. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библиот.). С.-Пб. Стр. 95. Цѣна 50 коп.“

— „*Круковский, М.* Міръ чудесъ. Географическая хрестоматія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 363. Цѣна 1 руб.“

— „*Крюковъ, Н. А.* Мысли объ участіи народа въ государственномъ домостроительствѣ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Соврем. библиот.). М. 1906. Стр. 28. Цѣна 8 коп.“

— „*Лезинъ, А.* Финляндія. (Геогр. комиссія при учебн. отдѣлѣ общ. распр. технич. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 150+1 карта. Цѣна 45 коп.“

- „*Мейеръ, В.* Міровданіе. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. С.-Пб. 1902. Цѣна 1 руб. 50 коп.“
- „*Морибаль, С. В.* Чѣмъ, когда и какимъ образомъ нужно кормить пчелъ въ разныхъ случаяхъ. Изд. А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. 281. Цѣна 65 коп.“
- „*Новикъ, И. Д.* Государственный строй Англіи. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Соврем. библиот.). М. 1906. Стр. 40. Цѣна 15 коп.“
- „*Ожешкова, Э.* Повѣсти и рассказы. Перевелъ *Вуколь Лавровъ*. Изд. ред. журн. «Юная Россія». (Библиот. для семьи и школы). М. 1906. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“
- „*Озеровъ, Ив.* Земское обложение и въ чемъ должна состоять его реформа. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 55. Цѣна 10 коп.“
- „*Парвиль, Г.* Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Перев. подъ ред. и съ предисл. *С. П. фонъ-Глазенапа*. Изд. П. П. Соѣкина. С.-Пб. 1894. Стр. 102. Цѣна 50 коп.“
- „*Петровъ, Н. В.* Способы уборки и сохраненія сѣна въ дождливую погоду. Изд. А. Ф. Девріана. С.-Пб. 1906. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“
- „*Познинскій, Н. В.* Удобреніе плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Изд. П. П. Соѣкина. (Сельско-хоз. библиот.). С.-Пб. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“
- „*Позняковъ, Н. И.* Крыша. Рассказъ. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1906. Стр. 27. Цѣна 20 коп.“
- „*Поселянинъ, Е.* Русская церковь и русскіе подвижники XVIII вѣка. Изд. И. Л. Тузова. С.-Пб. 1905. Стр. 355+12. Цѣна 1 руб. 50 коп.“
- „*Предтеченскій, Е.* Астрономъ-любитель. С.-Пб. 1902. Цѣна 50 коп.“
- „Самоотверженные. Сборникъ рассказовъ. Изд. маг. «Книжное дѣло». М. 1903. Стр. 224. Цѣна 50 коп.“
- „*Соловьевъ, К. Н.* Родное село. (Бытъ, нравы, обычаи и повѣрья). С.-Пб. 1906. Стр. 318.“
- „*Строевъ, И.* Дешевыя краски. Приготовленіе дешевыхъ клеювыхъ, масляныхъ, казеиновыхъ, специальныхъ, предохраняющихъ дерево отъ воспламененія и водоупорныхъ красокъ. Изд. П. П. Соѣкина. (Сельско-хоз. библиот.). С.-Пб. Стр. 44. Цѣна 30 коп.“
- „*Тихоновъ, А. С.* Укрѣпленіе овраговъ при помощи простѣй-

шихъ сооруженій. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1906. Стр. VII+56. Цѣна 50 коп."

— „Успенскій, Гл. I. Последнее средство. II. Свои средства. Книгоиздательство «Жизнь». № 3. М. 1906. Стр. 32. Цѣна 6 коп."

— „Успенскій, Гл. Прогулка. Книгоиздательство «Жизнь». № 2. М. 1906. Стр. 24. Цѣна 5 коп."

— „Успенскій, Гл. Умерла за «направленіе». Книгоиздательство «Жизнь». № 8. М. 1906. Стр. 48. Цѣна 9 коп."

— „Успенскій, Гл. Чуткое сердце. Книгоиздательство «Жизнь». № 4. М. 1906. Стр. 23. Цѣна 5 коп."

— „Фридолингъ, С. П. О выборѣ молочной коровы при покушкѣ. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1906. Стр. 33. Цѣна 30 коп."

— „Чербаевъ, Г. Карликовая культура грушъ на боярышникѣ. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библиот.). С.-Пб. Стр. 32. Цѣна 25 коп."

— „Чижовъ, Е. Звѣздные вечера. Первое знакомство со звѣздами и созвѣздіями. М. 1903. Стр. 113+2 табл. Цѣна 25 коп."

— „Шульцинъ, Г. Н. Розы, годныя для содержанія въ комнатахъ и ихъ культура. Подъ ред. И. И. Мамонтова. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1906. Стр. 70. Цѣна 50 коп."

СОБОРЪ — ВОТЧИННИКЪ ¹⁾.

II. Хозяйственная эксплуатация богородицкихъ вотчинъ.

Соборная пашия. — Натуральные сборы съ крестьянъ Успенскаго собора. — Денежные платежи. — Натуральные повинности. — Экстренные сборы. — Органы управления богородицкими вотчинами. — Итогъ матеріальныхъ выгодъ, получавшихся священно-служителями Успенскаго собора съ богородицкихъ вотчинъ.

Посмотримъ теперь, какъ священно-служители Успенскаго собора хозяйничали въ богородицкихъ вотчинахъ, что они тамъ дѣлали и къ чему стремились.

Въ ноябрѣ 1633 г., какъ мы уже знаемъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ Успенскому собору села Овчюхи и Чоково ²⁾, а осенью слѣдующаго года коллегія священно-служителей этого собора послала въ упомянутыя села 2 лицъ изъ своей среды — священника Ивана Савина да дьякона Сергѣя Иванова. Ихъ миссія состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы опредѣлить количество земли въ новопожалованныхъ вотчинахъ, познакомиться съ экономическимъ положеніемъ крестьянъ и сообразно съ этимъ послѣднимъ наложить на нихъ повинности и платежи въ пользу священно-служителей Успенскаго собора. Мы узнаемъ объ этомъ изъ письма протопома Тимофея „съ братьею“, отправленнаго въ Овчюхи къ Ивану Савину и Сергѣю Иванову. Въ этомъ же письмѣ заключаются нѣкоторыя любопытныя

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ.

²⁾ При этомъ былъ отданъ и весь государевъ хлѣбъ, находившійся въ упомянутыхъ селахъ (101²⁸/₂₈ чтв. ржи и 111²⁸/₂₈ чтв. овса). Москов. Сп. библ. Докум., перед. изъ м. Успенскаго собора, № 51.

подробности о хозяйственныхъ распорядахъ, существовавшихъ въ Овчюхахъ и Чоковѣ.

Иванъ Савинъ и Сергій Ивановъ должны были въ этихъ селахъ „нарядить выти“, т. е. установить известное количество вытей. Изъ документа, относящагося къ 1637 г., намъ известно, что въ Овчюхахъ было 3 выти, а въ Чоковѣ съ деревней Васильевской—4 ¹⁾.

Въ литературѣ достаточно выяснено существо выти. „Выть представляла, говоритъ П. П. Милюковъ, чисто-хозяйственное дѣленіе, — жеребій, надѣлъ, выдѣленный хозяиномъ и обложенный хозяйскимъ оброкомъ; правда, что будучи таковой по своему происхожденію, она могла однако употребляться и для цѣлей собственно-правительственного обложенія. Далѣе, выть уже въ первой половинѣ XVI вѣка оказалась довольно устойчивой единицей, представлявшей въ большинствѣ случаевъ ту же величину, какъ и въ XVII вѣкѣ: 12—14—16 четвертей доброй, средней и худой земли“ ²⁾. По выть, употреблявшаяся въ Овчюхахъ и Чоковѣ, мало похожа на сейчасъ охарактеризованную. „...Да и про то не писали, читаемъ мы въ письмѣ протопопа Тимофея „съ братьею“ къ Ивану Савину и Сергію Иванову, сколько вы нарядили вытей и по сколько на выть мужиковъ и каковы имъ жеребьи давали—большая статья и середняя и малая“ ³⁾.

Такимъ образомъ, чоковско-овчюховская выть была не земельнымъ участкомъ опредѣленныхъ размѣровъ, а группой „мужиковъ“, т. е., вѣроятно, домохозяевъ, а можетъ быть, крестьянъ, достигшихъ рабочаго возраста. Надо думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣми самыми вытями, какія известны и въ настоящее время въ крестьянскихъ общинахъ; известно, что въ этихъ общинахъ крестьяне, при разверсткѣ земли, разбиваются на группы, носящія различныя названія въ зависимости отъ ихъ количественнаго состава: онѣ называются сотнями, осьмаками, *вытлями* ⁴⁾. Едва ли можно допустить, что упомянутыя выти были установлены, „наряжены“ въ Овчюхахъ и Чоковѣ священно-служителями Успенскаго собора; вѣроятнѣе всего, онѣ были въ употребленіи еще до того времени, какъ села Овчюхи

¹⁾ Ibid., № 56.

²⁾ „Спорные вопросы финанс. ист. Москов. госуд.“, стр. 107 — 108; см. также стр. 32.

³⁾ Москов. Синод. библ. Докум., перед. изъ м. Успенскаго собора, № 55.

⁴⁾ См. наслѣд. Н. А. Благовѣщенскаго „Четвертое право“, стр. 46—47, а также В. Н. Семскаго „Крестьяне въ царств. импер. Екатерины II“, т. I, изд. 2-е, стр. 108.

и Чокково едвѣлились достояніемъ Успенскаго собора. Священно-служителямъ этого собора лишь воспользовались практиковавшимся уже дѣленіемъ на выты въ цѣляхъ обложенія крестьянъ разными платежами и повинностями; они, слѣдовательно, придали выты значеніе *окладной единицы*, значеніе, котораго она раньше, быть можетъ, и не имѣла. Священно-служители Успенскаго собора считали для себя болѣе удобнымъ имѣть дѣло съ 3—4 вытами, чѣмъ съ нѣсколькими десятками отдѣльныхъ домохозяевъ. Они опредѣляли долю платежей и повинностей, нававшую на каждую выть, а распредѣленіе этой доли между отдѣльными членами выты предоставляли самимъ этимъ членамъ, ихъ взаимному соглашенію. Тотъ же самый порядокъ соблюдался, по всей вѣроятности, и при распредѣленіи земли. Коллегія священно-служителей Успенскаго собора установила 3 категоріи „жеребьевъ“ или надѣловъ: надѣлы большіе, средніе и малые („большая статья и середняя и малая“). Каждый крестьянинъ бралъ себѣ такой надѣлъ, который соответствовалъ его матеріальнымъ средствамъ. Реализація надѣловъ, наръзка ихъ въ натурѣ была всецѣло предоставлена „миру“. Надо думать, что сначала земля разворстывалась между вытами, а затѣмъ внутри каждой выты происходило распредѣленіе земли между отдѣльными домохозяевами, входившими въ составъ выты.

Платежи и повинности крестьянъ Успенскаго собора въ пользу его священно-служителей были довольно разнообразны.

Въ нѣкоторыхъ богородицкихъ вотчинахъ священно-служители Успенскаго собора отдѣляли для себя земельные участки различной величины. Крестьяне должны были обрабатывать и обрѣмывать эти участки, убирать съ нихъ хлѣбъ, молотить его и отвозить на своихъ подводахъ въ Москву, на дворы священно-служителей. Подобные участки мы видимъ прежде всего въ московско-владимірскихъ вотчинахъ Успенскаго собора, т. е. въ Овчихахъ, Чоковѣ и деревнѣ Русавкинѣ.

Первоначально овчиховскіе крестьяне обязаны были пахать на протопопа „съ братіей“ 12 десятинъ въ одномъ полѣ, потомъ 15 десятинъ и наконецъ—25 десятинъ. Это увеличеніе соборной пашни находится, вѣроятно, въ связи съ увеличеніемъ населенія села Овчиховъ¹⁾. Въ деревнѣ Русавкинѣ, въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, крестьяне пахали 3 осьминника въ одномъ полѣ въ пользу священ-

¹⁾ Моск. Синод. библ. Докум., перед. изъ м. Успенскаго собора, № 55, 6 и 70. Опис. докум. и дѣлъ св. Синод., III, прил. XXXI, ст. CXVII.

ника и столько же въ пользу протодьякона ¹⁾). Что касается села Чокова, то мы не знаемъ въ точности, сколько тамъ было соборной пашни; на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно думать, что ея было 16 десятинъ слишкомъ въ одномъ погѣ ²⁾. Впослѣдствіи (можетъ быть, въ 1646—1647 гг.) соборная пашня въ селѣ Чоковѣ была уничтожена.

До насъ дошло извѣстіе о томъ, что въ 1654 г. овесъ на соборномъ участкѣ въ селѣ Овчихахъ былъ посѣянъ 15-го апрѣля, а рожь въ 1666 г.—7-го августа. Уборка овса въ томъ же году была закончена 1-го сентября, а въ 1638 г. значительно раньше — къ Успеневу дню. Молотьба хлѣба проходила обыкновенно въ сентябрѣ и октябрѣ; впрочемъ, часть ржи, нужная для обрѣснопія озимого поля, обмалачивалась раньше—въ первыхъ числахъ августа, а, можетъ быть, и въ концѣ іюля.

Повидимому, молотьба начиналась каждый разъ или почти каждый разъ не раньше, какъ послѣ полученія приказа отъ протопопа „съ братьею“. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что крестьяне села Чокова въ 1637 г. перемолотили соборный овесъ „по первому... соборному приказу и по грамоткѣ“. Въ 1638 г. староста и цѣловальникъ села Овчиховъ писали, между прочимъ, протопопу Успенскаго собора „съ братьею“: „посѣвные, государь, и ужинные ржаные списки завтрѣй Спасова дни къ вамъ, государи, послали къ Москвѣ; и противъ, государь, нашихъ ужинныхъ ржаныхъ списковъ къ намъ вашего государева указу не бывало, и мы, государи, безъ вашего государева указу молотить хлѣба не смеемъ, а Елизарій (прикащикъ патріаршаго села Порѣцкаго), государи, намъ приказать молотить не смѣетъ“.

Въ селѣ Овчихахъ соборная пашня унавоживалась ³⁾. Въ 1637 г.,

¹⁾ Опис. докум. и дѣлъ св. Синод., III, прил. XXXI, ст. СХХ.

²⁾ Въ 1637 г. въ с. Чоковѣ на обрѣснопіе соборной пашни было оставлено 65 чтв. овса; полагая, что на 1 десятину высѣвалось 4 чтв. овса, получимъ 16 $\frac{1}{2}$ дес. въ одномъ погѣ. Москов. Синод. библ. Докум., перед. изъ Успенскаго собора, № 56. См. изслѣдов. Н. А. Рожкова „Сельское хозяйство Московской Руси XVI вѣка“, стр. 54. А. М. Ю. Ки. Сибир. Приказа № 93, лл. 158 об. — 159 и 327 об. — 328: на 1 дес. государственной пашни въ Сибири, въ 1637—1638 гг., высѣвалось 2 чтв. ржи и 4 чтв. овса. Въ 1666 г., въ Овчихахъ на 25 дес. была высѣяно 25 $\frac{1}{2}$ чтв. ржи, слѣдовательно, на 1 дес. было высѣяно 2.1 чтв.; а овса высѣвалось обыкновенно вдвое больше, чѣмъ ржи, т. е. по 4, 2 или 4 чтв. на десятину. Москов. Синод. библ. Док., перед. изъ Успенскаго собора, № 69.

³⁾ Московск. синод. библ. Док., перед. изъ московскаго Успенскаго собора, №№ 56, 58, 68 и 69.

съ соборной пашни въ селѣ Овчюхахъ было собрано 224¹/₄ четв. овса и около 100 четв. ржи, а въ селѣ Чоковѣ—178¹/₄ четв. овса и 55 четв. ржи. Изъ всего этого количества хлѣба въ Овчюхахъ было оставлено на сѣмена, т. е. на обѣмненіе ярового поля, 60 четв. овса; а въ Чоковѣ—65 четв. Кроме того, въ Чоковѣ было отдѣлено въ пользу попа Артемья 3 четв. ржи и столько же овса. Такимъ образомъ, овчюховскіе крестьяне должны были отвезти въ Москву священно-служителямъ Успенскаго собора 164¹/₄ четв. овса и около 100 четв. ржи, а чоковскіе—109¹/₂ четв. овса и 51³/₄ четв. ржи ¹⁾). Значитъ, священно-служители Успенскаго собора должны были получить въ 1637 г. изъ Овчюховъ и Чокова 151³/₄ четв. или около 708¹/₄ пуд. ржи и 273³/₄ четв. или приблизительно 1.277¹/₂ пуд. овса.

На основаніи приведенныхъ выше цифръ можно опредѣлить урожай ржи и овса въ Овчюхахъ и Чоковѣ въ 1637 г.: рожь уродилась въ этомъ году въ Овчюхахъ самъ—3,3, а овесъ—самъ—3,7; въ Чоковѣ рожь уродилась самъ—1,7, а овесъ—самъ—2,7. Въ 1638 г. овесъ уродился въ Овчюхахъ самъ—3,01, а въ 1666 г. урожай ржи въ томъ же селѣ былъ самъ—4,9 и урожай овса—самъ—4 ²⁾).

Мы уже говорили, что на крестьянахъ лежала обязанность обрабатывать соборную пашню; обработка эта производилась ими „по жеребьямъ“, т. е. находилась въ соотвѣтствіи съ надѣломъ каждаго крестьянина: чѣмъ больше былъ надѣлъ, тѣмъ больше труда требовалось отъ его владѣльца. Крестьянамъ села Овчюховъ было предоставлено право брать себѣ солому отъ соборнаго хлѣба и „всякой

¹⁾ Ibid., № 58.

²⁾ Ibid., №№ 58 и 69. Для сравненія приведемъ свидѣнія объ урожаяхъ въ другихъ областяхъ Московскаго государства. На Вязьѣ, въ XVII ст., рожь родилась среднимъ числомъ самъ—2,2, а овесъ—самъ—1,5; максимумъ для ржи—самъ—5,6, минимумъ—самъ—0,8, для овса максимумъ—самъ—2, минимумъ—самъ—0,8. См. исследование *И. Н. Миклашевскаго* „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства“, I, стр. 230—231. Объ урожаяхъ хлѣбовъ на государств. пашнѣ въ Сибири мы имѣемъ такіа свидѣнія за 1637 г.:

Урожай въ „самъ“.

	Ржи.	Овса.	
Тобольскаго уѣзда	1) Въ Нижней—Ницмиской слободѣ	6,15	5,02
	2) „ Верхней—Ницмиской „	7,78	5,07
	3) „ Чубаровѣ	5,81	3,57
	4) „ Туринскомъ острогѣ	3,1	3,75

³⁾ Арх. Мин. Юст. Кн. Сибирск. Приказа № 93, лл. 117 об.—118, 163 об., 168 об., и 183 об.

гуменной кормъ", т. е. ухвостье или мякину ¹⁾. Собранный и обмолоченный хлѣбъ крестьяне должны были отвезти въ Москву на своихъ подводахъ; такъ, въ 1637 г. овчюховскимъ крестьянамъ понадобилось для подобной цѣли 58 подводъ, а чоковскимъ—34 подводы „съ полуподводою“ ²⁾. Между тѣмъ по своему тяглу овчюховскіе крестьяне обязаны были выставить съ 3 вытей только 48 подводъ, т. е. съ каждой выти по 16 подводъ; лишнія 10 подводъ они просили протопопа „съ братіей“ переложить на чоковскихъ крестьянъ, у которыхъ тягло было на 4 вытяхъ и которые поэтому должны были бы (по расчету—16 подводъ съ одной выти) выставить 64 подводы. Мы не знаемъ, была ли удовлетворена просьба овчюховскихъ крестьянъ ³⁾.

Въ селѣ Васильевскомъ (Дмитровскаго уѣзда), которое, какъ извѣстно, всегда отдавалось въ пользованіе протопопамъ Успенскаго собора, было, по писцовой книгѣ 1627—1628 г.г., 25 четв. въ одномъ полѣ протопоповой пашни ⁴⁾.

Нѣкоторые священно-служители Успенскаго собора въ тѣхъ богородицкихъ поселеніяхъ, которыя находились у нихъ въ единственномъ пользованіи, селили своихъ холоповъ, такъ называемыхъ „дѣловыхъ людей“, съ тою цѣлью, чтобы они обрабатывали на нихъ пашню. Въ селѣ Константиновскомъ (Дмитровскаго уѣзда), находившемся въ пользованіи одного изъ ключарей Успенскаго собора, мы видимъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія, 1 крестьянскій дворъ, 1 бобыльскій и еще одинъ дворъ (принадлежавшій, несомнѣнно, ключарю), въ которомъ жилъ „ключаревъ человекъ Еремка Перерьевъ“, падавший на своего господина $6\frac{1}{2}$ четв. въ одномъ полѣ ⁵⁾.

Въ Горѣтовѣ ст. Московскаго уѣзда было, какъ мы знаемъ, 6 пустошей, принадлежавшихъ Успенскому собору. Въ 1677 г.—одну изъ этихъ пустошей (Аристово) мы видимъ превратившеюся въ деревню;

¹⁾ Московск. синод. библ. Док., перед. изъ московскаго Успенскаго собора, № 69.

²⁾ Ibid., № 56. На одну подводку, запряженную въ 1 лошади, кладъ 4 четв., рожь или 5 четв. овса.

³⁾ Въ Овчюхахъ были, повидимому, соборные коношляники; коношляное сѣно брали себѣ священно-служители Успенскаго собора, а стебли отдавали крестьянамъ. Ibid., № 69: „....а солому нашу и вслой гуменной кормъ, и мякину владя по себѣ они, христіане“. См. также № 68.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Юст. Списокъ съ писцовой книги Дмитровскаго уѣзда, № 627, л. 370: „пашни паханыя протопоповы, что пашутъ на него крестьяне, худыя земля 25 четв.“. См. также опис. док. и дѣлъ Св. Синод., III, прил. XXXI, ст. CXVII.

⁵⁾ Арх. Мин. Юст. Списокъ съ писцовой книги Дмитровскаго уѣзда, № 627, л. 370 об.

въ ней былъ, между прочимъ, ключаревъ дворъ, въ которомъ жило 4 семьи „дѣловыхъ людей“. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти „дѣловые люди“ обрабатывали въ пользу ключаря пашню ¹⁾.

Иногда богородицкіе священно-служители потому селили своихъ холоповъ въ той или другой деревнѣ, что она пустѣла, лишалась своего населенія. Такъ, напримѣръ, среди дмитровскихъ вотчинъ Успенскаго собора мы видимъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII в. дер. Глухово, „а въ ней дворъ попа Максима, а живутъ въ немъ *отлосые люди* Лукашка Ивановъ, Оетка Петровъ“; они пахали на попа Максима 4 четв. въ одномъ полѣ. Упомянутые „дѣловые люди“ составляли *все* населеніе дер. Глухова ²⁾.

Если крестьяне не обрабатывали въ пользу священно-служителей пашни, то они обыкновенно давали „отсыпной“ *хлѣбъ*, т. е. изъ своего хлѣба отдѣляли известное количество ржи и овса, а также ячменя, если его сѣяли ³⁾: напримѣръ, священникъ Хрисанъ Маркеловъ получалъ съ дер. Глухова 9 четв. ржи, 6 четв. овса и столько же ячменя, крестьяне дер. Тарбѣва давали дьякону Петру 25 четв. ржи, столько же овса и 10 четв. ячменя. Но крестьяне бѣжецкихъ вотчинъ Успенскаго собора и не обрабатывали въ пользу священно-служителей пашни, и не платили имъ „отсыпного“ хлѣба; излишекъ ржи шелъ у нихъ, повидимому, на винокуреніе, и они давали священно-служителямъ известное количество ведеръ *вина* ⁴⁾; вмѣсто овса они давали, кажется, овсяную крупу.

Крестьяне села Чокова и дер. Васильевки, кромѣ ржи, овса и ячменя, давали священно-служителямъ Успенскаго собора нѣсколько четвертей гороха, коноплянаго сѣмени и крупы (повидимому, гречневой). Овчюховскіе крестьяне точно также давали нѣкоторое количество гороха и коноплянаго сѣмени; кромѣ того, съ нихъ взималось известное количество хмеля (сначала 1½ пуда, а потомъ 3) ⁵⁾.

¹⁾ Ibid., перописная книга по г. Москвѣ, 1677 г., № 9819, л. 101.

²⁾ Ibid., Списокъ съ писцовой книги Дмитровскаго уѣзда, 1627—1628 гг., № 627, л. 380.

³⁾ Ячмень среди „отсыпного“ хлѣба мы встрѣчаемъ въ селѣ Чоковѣ, дер. Васильевкѣ и въ 6 слѣдующихъ населеніяхъ Дмитровскаго уѣзда: селѣ Царевкопстантиновскомъ и деревняхъ—Глуховѣ, Чепригѣ, Фофановѣ, Тарбѣвѣ и Нрыгитѣ. Опис. док. и дѣлъ Св. Синода III, прил. XXXI, ст.ст. СХVІІІ—СХХ.

⁴⁾ Ibid., ст. СХХ—СХХІ.

⁵⁾ Ibid., ст. СХVІІ—СХVІІІ. Моск. синод. библиот. Док. и дел. изъ московскаго Успенскаго собора, № 69.

Такииъ образомъ, крестьяне богородицкихъ вотчинъ должны были отдавать священно-служителямъ Успенскаго собора часть всего того, что они сѣяли.

Крестьяне нѣкоторыхъ поселеній обязаны были косить на священно-служителей опредѣленное количество *сѣна*: такъ, напримѣръ, овчуховскіе крестьяне должны были косить на протопопа „съ братьею“ 300 копенъ сѣна ¹⁾.

Со *всѣхъ* богородицкихъ вотчинъ собиралось въ пользу священно-служителей извѣстное количество такъ называемыхъ „*столовыхъ запасовъ*“, т. е. свинины, поросятъ, барановъ, куръ, яицъ и коровьяго масла: напримѣръ, священникъ Петръ Ѳедоровъ съ своей доли деревни Андреянцева получалъ слѣдующіе „столовые запасы“: 4 барана, 1 п. коровьяго масла, 1 п. свинины, 8 куръ и 200 яицъ; другой священникъ Иванъ Ивановъ съ своей части той же деревни собиралъ: 3 барана, 4 курицы, 3 поросенка и 35 яицъ ²⁾. Но этимъ не ограничивались платежи богородицкихъ крестьянъ. Крестьяне всѣхъ дмитровскихъ вотчинъ, за исключеніемъ дер. Глухова, обязаны были ежегодно доставлять нѣсколько десятковъ сажень *дровъ* (71 саж.); слѣдовательно, они должны были срубить деревья, распилить ихъ и привезти въ Москву. На овчуховскихъ крестьянахъ, когда они привозили въ Москву на своихъ подводахъ хлѣбъ и „столовые запасы“, лежала обязанность „на тѣхъ подводахъ привезти къ протопопу съ братьею изъ подмосковныя вотчины *дровъ* по 2 повозки“ ³⁾.

Надо думать, что крестьяне села Дымцова и принадлежавшихъ къ нему деревень занимались тканьемъ холста ⁴⁾; вотъ почему свя-

¹⁾ Московск. синод. библ. Докум., перед. изъ московскаго Успенскаго собора, № 70. Опис. докум. и дѣлъ Св. Синода, III, ст. 291: дьяконъ Успенскаго собора Аяфиногенъ Ивановъ, въ пользованіи котораго находился деревня Чеприна и Фофаново и часть села Овчуховъ, получалъ съ нихъ, между прочимъ, 12 большихъ стоговъ сѣна.

²⁾ Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, III, прил. XXXI, ст. CXIX.

³⁾ Москов. синод. библ. Докум., перед. изъ московскаго Успенскаго собора, № 70. Подъ подмосковной вотчиной здѣсь надо разумѣть, но всей вѣроятности, пустоши, находившіяся въ Ратуевѣ ст.; тамъ былъ, между прочимъ, „новостный“ хлѣб. Арх. Мин. Юст. Списокъ съ писцовой и межевой книги Московскаго уѣзда, 1627—1629 г.г., № 689, 1-я пол., л. л. 43 об.—45.

⁴⁾ И въ настоящее время, какъ извѣстно, среди крестьянъ Бѣлжскаго уѣзда Тверской губерніи довольно распространено пряденіе льна и тканье холста. Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества, подъ ред. П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, I, стр. 158.

щенио-служители Успенскаго собора брали съ нихъ и холстомъ (469 аршинъ) ¹⁾.

Наконецъ, съ крестьянъ владимірскихъ и бѣжецкихъ вотчинъ Успенскаго собора взимались еще *деньги* въ такихъ размѣрахъ:

	Денежн. плат.	Колѣч. д. м. п.	Кол. д. пл. на 1 д.
С. Овчюхи	16 р. " "	256	12,5 д.
" Чокowo и д. Васильевка	93 " 15 а. 1 д.	390	47,9 "
" Дымцово съ деревнями .	58 " " "	299	38,8 "
Итого . . .	167 р. 15 а 1 д.	945	35,4 д.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что овчюховскіе крестьяне платили меньше всѣхъ денегъ; это происходило, конечно, оттого, что они пахали на протопопа „съ братьею“ 25 дес. земли въ одномъ полгѣ, чего не дѣлали ни чоковскіе, ни дымцовскіе крестьяне. Мы уже знаемъ, что первоначально въ Чокowѣ существовала соборная пашня, но потомъ (вѣроятно, послѣ 1646 г.) она была уничтожена. Въ связи съ этимъ, надо думать, произошло увеличеніе денежныхъ платежей, взимавшихся съ чоковскихъ крестьянъ. Крестьяне села Чокowa и дер. Васильевки платили денегъ больше, чѣмъ крестьяне села Дымцова и принадлежавшихъ къ нему деревень. Если мы сравнимъ остальные по-денежные платежи тѣхъ и другихъ, то замѣтимъ, что и эти платежи у первыхъ крестьянъ были болѣе значительны, чѣмъ у послѣднихъ. Это видно изъ слѣдующей таблички (см. табл. на стр. 214):

Кромѣ того, крестьяне с. Дымцова и принадлежавшихъ къ нему деревень должны были ежегодно давать по 469 аршинъ холста и 58 ведеръ вина; впрочемъ, въ началѣ XVIII столѣтія, они перестали заниматься винокурениемъ и, слѣдовательно, уже не давали вина. То обстоятельство, что крестьяне Чокowa и Васильевки платили больше, чѣмъ дымцовскіе крестьяне, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что первые были богаче послѣднихъ ²⁾.

¹⁾ Опис. док. и дѣл. Св. Синода, III, прил. XXXI, ст. СХХ—СХХI. Дьяконъ Успенскаго собора Андрюгошеъ Ивановъ собиралъ со свои „подѣли“ (деревень Чеприной и Фофанова и части села Овчюховъ), между прочимъ, 1 п. льняного масла и 12 корбей льняного сѣмени (корб. = 100 горстимъ). Ibid., ст. 291.

²⁾ Священникъ Успенскаго собора Иванъ Ивановъ получалъ со свои доли д. Андрюшинова (28 д. м. п.), между прочимъ, 7 руб.; значить, на 1 думу приходилось 50 д. Такое сравнительно высокое обложение объясняется, надо думать, тѣмъ, что священникъ Иванъ Ивановъ не бралъ съ крестьянъ хлѣба. Опис. док. и дѣл. св. Сн., III, прил. XXXI, ст. СХІХ.

ПОСЕЛЕНІЯ.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Крупа.	Горохъ.	Бобовыя все сѣмя.	Свинина.	Поро- сятъ.	Куръ.	Ягнцъ.	Коров. масло.
Цоково и Васильевское.	63 $\frac{1}{2}$ чтв.	63 $\frac{1}{2}$ чтв.	29 $\frac{1}{4}$ чтв.	8 $\frac{1}{2}$ п/ш чтв. 8 $\frac{1}{16}$ чтв.	8 $\frac{1}{16}$ чтв.	5 $\frac{1}{4}$ чтв.	47 $\frac{1}{4}$ п.	89 $\frac{1}{2}$	141 $\frac{1}{2}$	3.175	10 п.
Динцово съ деревнями.	—	—	—	7 $\frac{3}{8}$ чтв.	—	—	58 п.	102	102	2.900	—

Трудно сказать, насколько были тяжелы или легки для крестьянъ Успенскаго собора платежи, взимавшіеся съ нихъ богородицкимъ духовенствомъ. Мы знаемъ, что эти платежи были результатомъ свободнаго соглашенія, „вольнаго договора“ между богородицкими крестьянами и духовенствомъ¹⁾; мы знаемъ также, что при обложеніи крестьянъ различными платежами священно-служители Успенскаго собора принимали въ расчетъ ихъ экономическое положеніе, ихъ „жизнь“.

Въ 1634 г. овчюховскіе крестьяне отправили въ Москву къ протопопу Успенскаго собора „съ братьею“ своего однопосельчанина Ивашка Собинку для переговоровъ о томъ, чтобы въ Овчюхахъ не было соборной зашапки, такъ какъ крестьяне „лошадьми оцали“, а чтобъ съ нихъ взимался опредѣленный денежный оброкъ. Ивашко Собинка, пріѣхавъ въ Москву, билъ челомъ протопопу „съ братьею“ „да и *примоворъ* мѣрской объявилъ, что хотятъ дать по 30 по 5 рублей на годъ съ 3 вытей по книгамъ государевымъ съ живущею; и мы (т. е. протопопъ „съ братіей“) у нихъ такъ не взяли, а хотимъ мы взять у нихъ по 50 рублей, окромѣ посопнаго хлѣба, какъ прежде сего было, да и то даемъ на вашъ совѣтъ и на дозоръ (т. е. полагаемъ на совѣтъ и усмотрѣніе священника и дьякоца Успенскаго собора, посланныхъ въ только-что пріобрѣтенныя владимірскія вотчины), какъ вы тамъ уложите, *но изъ разсмотря житію*... А зговаривайте вы съ ними, дадутъ ли они намъ по 50 рублей да по 60 или по 70 чтв. хлѣба“²⁾.

Въ случаѣ, если возникало неудовольствіе между богородицкими крестьянами и духовенствомъ, недовольная сторона могла обратиться съ жалобой къ правительственной власти.

Остановимся нѣсколько на любопытномъ дѣлѣ, возникшемъ въ 1664 г. по жалобѣ овчюховскихъ крестьянъ на то, будто протопопъ Успенскаго собора „съ братьею“ обременяли ихъ разными поборами. Овчюховцы снарядили въ Москву ходокъ, которые должны были подать челобитіе на государево имя въ Приказъ Большаго двора и затѣмъ одѣлать денежными и иными подарками разныхъ полезныхъ лицъ. Началось дѣло. Послѣ допроса протопопа Успенскаго собора Михаила „съ братіей“, была отправлена въ сыщика Артемью Ив. Огибалову грамота съ предписаніемъ послать въ Овчюхи дозорщика

¹⁾ М. Синод. библ. док., перед. изъ м. Усп. соб., № 69.

²⁾ Ibid. № 55.

для производства слѣдствія; о результатахъ этого слѣдствія Отбавловъ долженъ былъ донести въ Приказъ Большаго двorca.

Слѣдствіе не только не подтвердило справедливости жалобы овчюховскихъ крестьянъ, но и обнаружило ихъ виновность. Выяснилось, что овчюховцы не слушались протопопа „съ братіей“ и ничего имъ не платили, мало этого, они отдавали землю внаймы стороннимъ людямъ безъ вѣдома священно-служителей Успенскаго собора и деньги брали себѣ. При молотбѣ соборнаго хлѣба они позволяли себѣ красть его. Вотъ почему протопопъ „съ братією“ рѣшили въ 1663 г. уничтожить въ Овчюхахъ десятинную пашню и взаимѣть этого брать съ крестьянъ „отсыпной“ хлѣбъ. Хотя овчюховцы согласились на это „по своему вольному договору, а не въ налогъ“, однако они не платили „отсыпного“ хлѣба.

Въ концѣ концовъ они сознались, что ихъ подбилъ подать жалобу и написалъ имъ черновое челобіе нѣкто Петръ Леонтьевичъ Молвяниновъ, за что они отвезли ему 7½ четвертей не своей, а „протопопской“ ржи и овса. Вообще челобіе овчюховцевъ обошлось имъ почти въ 200 руб. (около 3.400 р. на наши деньги ¹⁾).

Дѣло закончилось не совсѣмъ такъ, какъ, можетъ быть, ожидали овчюховскіе крестьяне и какъ говорилъ имъ, вѣроятно, Петръ Леонтьевичъ Молвяниновъ. Изъ ихъ среды были выдѣлены наиболѣе виновные, зачинщики, которые и понесли наказаніе: одни изъ нихъ были наказаны кнутомъ, а другіе—батогами. Кромѣ того, съ овчюховцевъ была взыскала въ пользу протопопа Успенскаго собора „съ братією“ довольно значительная по тому времени денежная сумма. „Да на насъ-же, сиротахъ твоихъ, писали овчюховцы въ своемъ повинномъ челобіи, доправлено за наше ослушанье денегъ 91 руб. (около 1.547 руб. на наши деньги), что которые деньги давали мы на Москвѣ въ приказахъ отъ спомоганья челобіи и подьячимъ отъ письма, и отданы тѣ деньги протопопу Михайлу съ братією“ ²⁾).

Послѣ этого овчюховцы опять стали обрабатывать соборную пашню и давать протопопу „съ братією“ деньги и „столовые запасы“.

Кромѣ сейчасъ разсмотрѣннаго „дѣла“ овчюховскихъ крестьянъ, мы не встрѣтили ни одного указанія на то, чтобы крестьяне Успен-

¹⁾ См. изслѣдов. В. О. Ключевскаго „Рус. рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему“, стр. 61: „рубль второй полов. XVII в. равняется 17 нынѣшнимъ“.

²⁾ М. Синод. библ. док., перод. изв. и. Усп. соб., № 69.

скаго собора жаловались на *тяжесть* поборовъ, которые вѣзмались съ нихъ богородицкимъ духовенствомъ. Это обстоятельство, а также „вольный договоръ“, путемъ котораго устанавливались размѣры платежей, позволяютъ думать, что обложеніе богородицкихъ крестьянъ со стороны священно-служителей Успенскаго собора если не вполне, то въ значительной степени соответствовало ихъ экономическому положенію, не было обременительнымъ.

Само собой разумѣется, что сумма платежей, собиравшихся съ той или другой вотчины Успенскаго собора, не оставалась неизмѣнной. Помимо теоретическаго соображенія о томъ, что съ увеличеніемъ числа дворовъ въ какомъ-нибудь поселеніи должна была соответственно увеличиваться и сумма платежей, вѣзавшихся съ этого поселенія, и наоборотъ, мы располагаемъ прямымъ указаніемъ на измѣнчивость суммы платежей и размѣра повинностей. Выше мы указывали на то, что количество соборной пашни въ с. Овчихахъ, постепенно увеличиваясь, съ 12 дес. дошло до 25 въ одномъ полѣ. Кромѣ того, намъ извѣстно, что до 1665 г. овчиховскіе крестьяне должны были ежегодно давать протопопу Успенскаго собора „съ братьюю“ слѣдующее: 20 тушъ „свинныхъ мясъ“, 30 барановъ, 40 ососовъ (т. е. поросать-осунувъ), 40 „куреньковъ“ (т. е. цыплятъ), 1.100 яицъ, 5 пуд. коровья масла, 1½ чтв. гороха (въ „московскую четъ“), столько же коноплянаго сѣмени, ½ пуда хмеля и 16 р. денегъ. Съ 1665 г. она должны были давать: 40 пуд. свинины, 30 барановъ, 40 ососовъ, 40 куръ, 1.100 яицъ, 5½ пуд. коровья масла, 10 чтв. гороха, 3 чтв. коноплянаго сѣмени (въ московскую торговую мѣру), 3 п. хмеля и 16 руб. денегъ.

Хлѣбъ и „столовые запасы“ и всѣ вообще натуральные сборы богородицкіе крестьяне должны были привозить на своихъ подводахъ въ Москву, на дворы священно-служителей Успенскаго собора. Это намъ положительно извѣстно относительно овчиховскихъ и чоковскихъ крестьянъ. Ничто не мѣшаетъ думать, что та же обязанность лежала и на остальныхъ крестьянахъ Успенскаго собора. Овчиховцы должны были привозить въ Москву хлѣбъ и „столовые запасы“ въ 2 срока: къ Рождеству и въ другое воскресенье послѣ Богоявленьева дня ¹⁾.

Сверхъ того, крестьяне Успенскаго собора обязаны были, по приказанію богородицкихъ священно-служителей, возводить вновь и чинить жилища и хозяйственныя постройки.

¹⁾ Ibid., №№ 69 и 70.

Въ 1634 г. чоковскій староста и цѣловальникъ доносили богу родичскому протопопу „съ братіей“: „да по вашему указу мы, сироты ваши, житицы подрубили и овины подрубили-жь и укрыли и гумно выровняли и беряги (т. е. берега, края?) вычищали и присломъ гумно огородили.... Да всѣли вы, государи, намъ, сиротамъ, бревенъ вырубить на избу и на пристѣнъ, и мы по вашему указу бревенъ выростили на избу и на пристѣнъ“ ¹⁾. Въ слѣдующемъ, 1635 г., тѣ же лица писали: „избу, государи, поставили, нутрь сдѣлали и печь обили и конюшни переставили и покрыли, а дворъ почали городить и гвѣсь вывезли“ ²⁾.

Во всѣхъ почти поселеніяхъ единственнаго пользованія мы видимъ жилые дворы священно-служителей и въ нѣкоторыхъ — скотные. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что эти дворы были сдѣланы руками крестьянъ. О назначеніи скотныхъ дворовъ говорить нечего. Что касается жилыхъ дворовъ, то они строились „на прѣздъ“ священно-служителей, т. е. въ нихъ останавливались священно-служители, когда прѣзжали въ свою „подѣль“. Но едва-ли часто предпринимались такія поѣздки — и, слѣдовательно, въ священно-служительскихъ дворахъ хозяева большою частью не жили. Иногда въ нихъ жили и стерегли ихъ дворники (вѣроятно, наемные) ³⁾; но обыкновенно мы видимъ въ нихъ холоповъ; при чемъ нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ не ограничивались охраной двора, а еще обрабатывали въ пользу своего господина землю ⁴⁾. Иногда обязанность стеречь священно-служительскіе дворы возлагалась на крестьянъ. Такъ, въ одномъ па-

¹⁾ Ibid., № 59.

²⁾ Ibid., № 63. Въ доносѣнн изъ Овяховъ, отъ 1654 г., мы читаемъ между прочимъ: „а ваши государи, *соборной дѣлѣ* строити не почати: не забрѣли ирѣмѣ мѣста“. Ibid., № 67.

³⁾ Въ с. Васильевскомъ дворѣ протопоповъ, а въ немъ живутъ дворникъ Гринка Микитинъ. А. М. Ю. Списокъ съ Дмитров. испов. кн., 1627 — 28 гг., № 627, л. 369 об. Въ д. Тарбѣнѣ дворъ дьякошскій, живутъ въ немъ дворникъ Крешка Федоровъ. Ibid., л. 371 об.

⁴⁾ Въ с. Васильевскомъ дворѣ протопоповъ, а въ немъ живетъ *крупносной челомакъ* Иванка Деметьевъ, у него сынъ Давыдко 3 лѣтъ. А. М. Ю., черев. кн. пог. Дмитрову, 1677 г., № 15064, л. 140. Въ сельѣ Михайловскомъ дворѣ ово протопоповъ на прѣздъ пусть, дворъ скотной, а во дворѣ живутъ *дворовые его люди*: Сергій Тиношевъ, у него сынъ Данило 11 л., да Семель Федотовъ 20 л., Ibid., переписан кн. Московскаго у., 1704 г., № 9817, л. 249. О томъ, что священно-служителя Успенскаго собора иногда сажали на панню своихъ холоповъ, мы говорили выше.

мятникъ первой четверти XVIII в. мы читаемъ: „въ вотчинѣ Успенскаго Большаго собору, что на Москвѣ, пона Ивана Максимова, въ новопоселенныхъ деревняхъ на пустоши Литвиновой, для прѣзду дворъ вотчинниковъ, святой, въ немъ живутъ сторожа изъ крестьянъ перемѣняючись“¹⁾.

Необходимо упомянуть еще объ одной повинности, лежавшей на крестьянахъ Успенскаго собора. Повинность эта появилась, повидимому, въ самомъ началѣ XVIII вѣка, или, быть можетъ, въ концѣ XVII. Эта повинность заключалась въ томъ, что крестьяне Успенскаго собора жили, по всей вѣроятности, временно въ Москвѣ у богородицкихъ священно-служителей въ качествѣ работниковъ. Указаніе на это мы находимъ въ Дмитровской переписной книгѣ 1705 г.; изъ 10 поселеній, принадлежавшихъ въ это время Успенскому собору въ Дмитровскомъ уѣздѣ, упомянутую повинность несли крестьяне только двухъ поселеній — с. Высокаго и д. Перескокова: изъ перваго было взято 4 человека, а изъ второй — 2²⁾.

Кромѣ постоянныхъ, регулярныхъ сборовъ, о которыхъ мы говорили выше, были сборы случайные, экстраординарные, вызванныя какими-нибудь особенными обстоятельствами. Хотя сборы эти производились очень рѣдко и шли не въ пользу богородицкихъ священно-служителей, однако мы считаемъ нужнымъ, для полноты картины, сказать нѣсколько словъ и о нихъ.

Священнику Успенскаго собора Ивану Савину и дьякону Могѣю, посланнымъ въ 1637 г. во владимірскія вотчины, поручено было, между прочимъ, повидаться и перетоворить съ писцомъ, который дол-

¹⁾ Ibid., ландратская кн. по г. Дмитрову, 1715 г., № 17528, л. 951. Иногда въ священно-служительскихъ дворахъ мы видимъ кого-нибудь изъ деревенскихъ обывателей — конечно, бѣдняковъ; они пользовались даровымъ помѣщеніемъ и обязаны были за то оберегать хозяйскій дворъ: такъ, напр., въ д. Гарбовѣ „дворъ дьяконской, въ немъ живетъ мое-же деревни бобыльской сынъ Іакова Алфоровъ“ съ 3 дѣтьми. Ibid., перепис. кн. по г. Дмитрову, 1677 г., № 15064, л. 141 об.

²⁾ „А по сказкѣ того села (Высокаго) старосты Полуекта Кондратьева, тотъ-де Паросей (крестьянинъ 10 л.) на Москвѣ у пона Ивана на московскомъ дворѣ“. „А по сказкѣ, тотъ-де Иванъ (крестьянинъ с. Высокаго, 40 л.) на Москвѣ у пона Ивана на московскомъ дворѣ“. „А по сказкѣ, тотъ-де Никифоръ (крестьянинъ с. Высокаго) на московскомъ дворѣ“ (у протодьякона). „А по сказкѣ старосты (с. Высокаго) Ивана Софронова, тотъ-де Василий (крестьянинъ) на Москвѣ на протодьяконовъ дворѣ на работѣ“. „А по сказкѣ, тотъ-де Петръ и Гаврила (дѣти крестьянина д. Перескокова) на Москвѣ у пона Василья на дворѣ“. А. М. Ю. Переписная кн. по г. Дмитрову, 1705 г., № 15066.

женъ былъ отмежевать часть владѣній Успенскаго собора во Владимірскомъ уѣздѣ отъ какого-то сосѣдняго владѣнія (кажется, Ильи Зубова). Иванъ Савинъ и Мокшѣй писали богородицкому протопопу „съ братьею“, что они застали писца во Владиміръ и „государеву грамоту ему отдали на его съвѣжѣмъ дворѣ, и онъ съ дьякомъ тоѣ государеву грамоту и посылную вашу грамотку при насъ вычелъ да, прочеть, сказалъ намъ впрямь, что де ѣхати намъ, писцамъ, нынѣ въ вашу вотчину нельзя, потому что, по государевѣ же царевѣ и Великаго князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи грамотѣ, ѣдемъ мы сего числа въ Муромской уѣздѣ въ вотчину для межеванья государева стольника князь Никиты Ивановича Одоевского, и о томъ намъ ко государю къ Москвѣ въ Помѣстной приказъ дали отписку, какова подѣ сою нашею отпискою къ вамъ въ соборъ послана, а подлинная ихъ отписка у насъ и по се время; да и подводы имъ изъ тоѣ вотчины приведены при насъ же; а отдавъ мы имъ государеву грамоту, и послѣ того *сослали имъ на оба дворы по барану въ почете для переди* (т. е. ради будущаго), и они на вашей къ себѣ добротѣ челомъ быють; а въ Муромскомъ де уѣздѣ имъ сеѣ осени не размежевати же, сказываютъ, потому что у князя Никиты Ивановича Одоевского съ троюцкими (властями или крестьянами?) въ тамошней вотчинѣ споръ большой“¹⁾.

Протопопъ Тимошей „съ братьею“ остались очень недовольны отказомъ писца, увидѣвъ въ этомъ обманъ со стороны послѣдняго, и написали къ священнику Ивану Савину и дьякону Мокшѣю, чтобы они еще разъ увидѣлись съ писцомъ и постарались уговорить его поскорѣе пріѣхать въ вотчину Успенскаго собора и произвести нужное размежеваніе. Кромѣ того, они нашли нужнымъ подготовить почву для выгоднаго разрѣшенія своего земельного спора съ Ильей Зубовымъ и съ этой цѣлью задобрить и привлечь на свою сторону тѣхъ лицъ, которыя будутъ принимать дѣятельное и важное участіе въ размежеваніи спорныхъ земель. „А что у васъ нынѣ крестьяне“²⁾, писали они Ивану Савину и Мокшѣю, пива сварили, и вамъ бы собрать старожильцовъ священниковъ и крестьянъ, и окольныхъ людей, и кои старья межн знаютъ, и коиъ земля отводить, и *сдѣлать бы на нихъ столъ, собрать со крестьянъ барановъ и гусей и курлятъ и масла и муки и*

¹⁾ Москв. Синод. библ. Докум., перед. изъ м. Усп. с., № 56. Упомянутые въ текствѣ бараны, вѣроятно, ваты были съ крестьянъ.

²⁾ Надо думать, что здѣсь идетъ рѣчь о крестьянахъ *сосѣднихъ* Владимірскихъ вотчинъ Успенскаго собора.

что вамъ про нѣтъ къ столу надобе то собравъ, да имъ бы побилъ челоуъ" ¹⁾).

Итакъ, угощеніе „старожильцовъ“ было отнесено на счетъ крестьянъ.

Мы рассмотрѣли всѣ обязанности богородицкихъ крестьянъ по отношенію къ священно-служителямъ Успенскаго собора. Обязанности эти можно раздѣлить на три категоріи: 1) *личныя* повинности (обработка соборной пашни, косьба и уборка сѣна въ пользу священно-служителей, доставка въ Москву натуральныхъ сборовъ, возведеніе и починка жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, работа на московскихъ дворахъ священно-служителей), 2) *натуральные* сборы (хлѣбомъ, „столовыми запасами“, виномъ, холстомъ и проч.) и 3) *денежныя* платежи.

Теперь остановимся на нѣкоторое время на тѣхъ *органахъ*, при посредствѣ которыхъ священно-служители Успенскаго собора управляли богородицкими вотчинами. Этихъ органовъ было, конечно, немного, а именно: прикащикъ, старосты, цѣловальники и десятскіе.

Прикащикъ *назначался* протопопомъ „съ братьею“, а старосты, цѣловальники и десятскіе *выбирались* крестьянами.

Повидимому, у священно-служителей Успенскаго собора былъ одинъ только прикащикъ, да и то непродолжительное время; онъ управлялъ владимірскими вотчинами, т. е. селами Овчюхами и Чоковымъ съ д. Васильевкой. О существованіи прикащиковъ въ другихъ богородицкихъ вотчинахъ мы ничего не знаемъ; вѣроятно, ихъ тамъ не было. Нѣкоторыя данныя позволяютъ думать, что должность прикащика владимірскихъ вотчинъ просуществовала лишь до 1638 г. ²⁾. Кажется, крестьяне упомянутыхъ вотчинъ (въ особенности овчюховцы)

¹⁾ Москов. Синод. библ. Докум., перед. изъ м. Усп. соб., №57.

²⁾ Осенью 1638 г. староста и цѣловальникъ с. Овчюховъ писали протопопу Успенскаго собора „съ братьею“: „а что, государи, по вашему указу прикащиковъ ржаной хлѣбъ Ивана Шанина мы зжали и склади опричь вашего хлѣба одиѣтъ селомъ Овчюхами, а чоковскію, государь, намъ жать и класть прикащикова хлѣба не пособили: учинити, государи, намъ про тотъ хлѣбъ свой государевъ указъ, чтобъ чоковскіе крестьяни *тотъ хлѣбъ къ вамъ къ Москвѣ отвезли*, или какъ вы, государи, пожелаете, чтобъ намъ чоковскіе пособили *вамъ государевъ хлѣбъ еезти*“. Иб., № 58. Не подлежитъ сомнѣнію, что прикащикъ жилъ либо въ Овчюхахъ, либо въ Чоковѣ (вѣроятно въ всего, въ Овчюхахъ). Значитъ, осенью 1638 г. Иванъ Шанинъ уже не былъ прикащикомъ: иначе зачѣмъ было бы отвозить его хлѣбъ въ Москву, къ священно-служителямъ? Намъ положительно извѣстно, что въ 1641 г. уже не было прикащика. Иб., № 68.

почему-то были недовольны прикащикомъ¹⁾. Это обстоятельство, быть можетъ, и заставило богородицкихъ священно-служителей отъбить должность прикащика.

Документы очень мало говорятъ о дѣятельности и роли прикащика; изъ нихъ мы узнаемъ только, что однажды онъ наблюдалъ за молотьбой соборнаго хлѣба въ Овчюхахъ; едва ли въ одномъ этомъ заключались всѣ его обязанности. Любопытно, что до насъ дошло *нѣсколько* донесеній старостъ и дѣловальниковъ протопопу Успенскаго собора „съ братьею“ и *ни одного* донесенія прикащика. Слѣдуетъ предположить одно изъ двухъ: либо документы, заключавшіе въ себѣ свѣдѣнія о дѣятельности прикащика, не сохранились, либо крестьяне, желая доказать его бесполезность, заслонили его своими выборными властями, не давали ему простора, старались свести его дѣятельность къ нулю.

Овчюховскіе и Чокковскіе крестьяне обязаны были пахать на прикащика 3 дес. въ одномъ полѣ (или 9 десат. въ 3 поляхъ); этотъ участокъ земли они должны были засѣять своими сѣмянми, затѣмъ снять съ него, убрать и обмолотить хлѣбъ. Въ 1637 г. „на прикащика вспахали 3 дес., а на тѣхъ на 3 дес. пошло сѣмянъ 8 чтв.: со обѣихъ селъ (т. е. съ Овчюховъ и Чоккова) *поровну*,—по 4 чтв.“²⁾

Послѣ 1638 г. о прикащикѣ владимірскихъ вотчинъ ничего не слышно; съ этого времени священно-служители Успенскаго собора стали управлять всѣми богородицкими вотчинами (кромѣ с. Овчюховъ) исключительно при посредствѣ выборныхъ крестьянскихъ властей.

Почти въ каждомъ поселеніи былъ староста; въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ ихъ было двое и даже, быть можетъ, больше. Если въ поль-

¹⁾ Въ 1637 г. прикащикъ Иванъ Шанинъ жаловался протопопу, „съ братьею“, что крестьяне не пахали на него пашни и не дали ему сѣмянъ. По этому поводу священникъ Иванъ Сапигъ и дьяконъ Мокшій Васильевъ, посланные во владимірскія вотчины, допрашивали Овчюховскаго старосту—„и староста овчюховской Осодъ сказалъ, что де яровые пашни на него, прикащика, не пахали потому, *надѣялся на соборный указъ, чтобъ ему, прикащику, отказали*, и въ томъ челобитчиковъ пашни въ соборѣ смирля и тойъ вину намъ отдали, что де будутъ лѣты и впредь, а мыне де уже пахати яровыя пашни нѣколя; потому де, государи, я не пахали“. *Ib.*, № 57.— Въ 1654 г. мы слова видимъ прикащика (повидному, только что назначеннаго въ этомъ году), но лишь въ одномъ селѣ Овчюхахъ: на Чокво его власть не простиралась. *Ib.*, № 66. Припомнимъ, что въ это время Чокво было уже въ *общемъ—раздѣльномъ* пользованіи, а Овчюхи—въ *общемъ—нераздѣльномъ*. Долго ли просуществовала должность овчюховскаго прикащика, мы не знаемъ.

²⁾ *Ibid.*, № 57.

зованіи какого-нибудь священно-служителя находилось два сосѣднихъ поселенія, то для нихъ обоихъ выбирался одинъ только староста; если же поселеніе было раздѣлено между двумя священно-служителями, то мы видимъ въ немъ 2-хъ старостъ. Въ 1705 г. деревни Фофанова и Чеприна находились въ пользованіи одного изъ дьяконовъ Успенскаго собора, а деревни Глухово и Перескорово — въ пользованіи одного изъ священниковъ; въ каждой изъ этихъ двухъ паръ поселеній было по одному старостѣ. Село Высокое, какъ и д. Андреянцево, было подѣлено между 2 священно-служителями; въ каждомъ изъ этихъ поселеній мы видимъ 2 старостъ¹⁾. Священникъ Успенскаго собора Алексѣй Ивановъ, въ пользованіи котораго была, между прочимъ, часть с. Высокаго, писалъ въ своей челобитной, поданной 23-го іюня 1728 г., что онъ, прїѣхавъ въ с. Высокое, „того села Высокаго своей подѣлѣи призывалъ старосту Илью Вавилова неоднократно“. Такимъ образомъ, во главѣ каждой „подѣлѣ“, т. е. каждой группы дворовъ, на которыя разбивались поселенія общаго пользованія, стоялъ выборный староста. По описи 1705 г., дер. Андреянцево была подѣлена между двумя священниками: на долю одного приходилось 7 крестьянскихъ дворовъ (въ нихъ было 23 ч. м. п.), а на долю другого—6 дворовъ (съ 18 ч. м. п.); значить, одинъ староста вѣдалъ 7 дворовъ, а другой—6 дворовъ.

Старосты имѣли двойственный характеръ: съ одной стороны, они были представителями крестьянскихъ міровъ и въ качествѣ таковыхъ должны были радѣть о крестьянскихъ интересахъ, а съ другой—они являлись какъ бы управителями священно-служителей Успенскаго собора и, значить, обязаны были соблюдать интересы этихъ послѣднихъ. Но кажется, что первый признакъ перевѣшивался вторымъ, т. е. старосты больше были управителями, прикащиками богородицкихъ священно-служителей, чѣмъ представителями крестьянскихъ міровъ.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о выборныхъ властяхъ Овчуховъ и Чокова; при чемъ большая часть этихъ свѣдѣній относится къ тому времени, когда упомянутыя поселенія находились въ общемъ—нераздѣльномъ пользованіи священно-служителей Успенскаго собора. Для характеристики крестьянскихъ выборныхъ властей мы и воспользуемся преимущественно названными свѣдѣніями, будучи увѣ-

¹⁾ А. М. Ю. Переп. кн. по г. Дмитрову, 1705 г., № 15066.

²⁾ Ibid. Дѣла Синод. Экономич. Правленія, вѣзка 245, дѣло за № 69. См. также Книги Коллегіи Экономіи ревнискія (3-й ревизіи), вѣзки 37, №№ 8 и 9; 38, № 41.

рены, что выборныя власти другихъ поселеній ничѣмъ существеннымъ или почти ничѣмъ не отличались отъ чюковскихъ и овчюховскихъ. ...

Само собой разумѣется, что въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ находилась священно-служительская запашка, обязанности старостъ были болѣе сложны, болѣе хлопотливы, чѣмъ въ поселеніяхъ безъ такой запашки. Но и въ послѣднихъ поселеніяхъ обязанности старостъ были довольно разнообразны. Они должны были собирать съ крестьянъ денежные и натуральные взносы въ пользу богородицкихъ священно-служителей, а до 1654 г. и въ первыя двѣ трети XVIII в.—также и въ пользу государства, они должны были позаботиться о томъ, чтобы все собранное во время было отправлено въ Москву къ священно-служителямъ. Въ случаѣ какой-нибудь неисправности или упущенія, отвѣчали прежде всего старосты. Въ 1637 г. прикащикъ Иванъ Шанинъ жаловался богородицкому протопопу „съ братьею“, что крестьяне пашни на него не пахали и не дали ему сѣмянъ; и протопопъ „съ братьею“ приказали „допрошать объ этомъ старосты“¹⁾. На старостахъ же лежала обязанность наряжать крестьянъ на различныя работы и созывать, собирать ихъ для той или другой цѣли. Въ 1728 г. священникъ Успенскаго собора Алексѣй Ивановъ отправился въ с. Высокое (Дмитровскаго у.) „для своихъ сѣнныхъ покосовъ“. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ призвалъ къ себѣ старосту своей „подѣли“ и велѣлъ ему „наряжать крестьянъ на сѣнокосъ свой“; староста отвѣтилъ, что „крестьяне на сѣнокосъ идти не хотятъ“. Тогда Алексѣй Ивановъ „оного старосту выслалъ для порядку вторично и велѣлъ оныхъ крестьянъ выслать съ *принужденіемъ*“—и лишь послѣ этого крестьяне пошли на сѣнокосъ²⁾.

Старосты сносились съ священно-служителями Успенскаго собора: они писали имъ донесенія обо всемъ, что происходило важнаго въ вотчинахъ, спрашивали разрѣшенія на то или другое дѣйствіе, получали отъ нихъ приказанія, „указы“ и, если было нужно, передавали эти приказанія крестьянамъ; если въ вотчинѣ была священно-служительская запашка, то староста долженъ былъ ежегодно посылать по сѣнные, ужинные и умотные „списки“, т. е. отчеты о томъ, сколько было высѣяно, сжато и обмолочено ржи и овса.

Старостамъ принадлежала *полицейская* власть: никто не имѣлъ права поселиться въ какой-нибудь богородицкой вотчинѣ, хотя бы на

¹⁾ Москов. Синод. библ. Докум., перед. изъ м. Усп. соб., № 57.

²⁾ М. А. М. Ю. Дѣла Синод. Экономич. Правленія, вѣдка 245, дѣло за № 69.

время, безъ того, чтобы не явиться предварительно къ старостѣ для засвидѣтельствованія своей личности. Въ письмѣ протопопа Успенскаго собора „съ братьемъ“ въ священнику того же собора Ивану Савину и дьякону Сергѣю Иванову, отправленнымъ въ 1634 г. во владимірскія вотчины, находится, между прочимъ, такое мѣсто: „да учините заказъ крѣпкой въ обѣихъ селѣхъ (т. е. въ Овчюхахъ и Чокоевѣ) о прихожанѣхъ людехъ, кои мимоходомъ приходятъ либо къ племени кто или покормиться и тѣхъ бы безъ явна-время жить не являя старостѣ, не пускали для того, что многіе люди бѣглеы и холопы и крестьяне бродятъ, и отъ нихъ бываетъ искусь и продажа и тяжбы“¹⁾.

Кромѣ старостъ въ нѣкоторыхъ вотчинахъ Успенскаго собора, напримѣръ, въ Чокоевѣ и Овчюхахъ, были цѣловальники. Нельзя сказать навѣрное, что они изъ себя представляли, въ чемъ заключались ихъ обязанности; повидимому, они были помощниками старостъ. Всѣ известныя намъ донесенія изъ Чокоева и Овчюховъ богородицкому протопопу „съ братьемъ“ написаны отъ имени не только старостъ, но и цѣловальниковъ.

Изъ одного документа, относящагося къ 1666 г., мы узнаемъ о существованіи въ с. Овчюхахъ *десятскихъ*; ихъ было не менѣе четырехъ. Они должны были, между прочимъ, наблюдать за работами крестьянъ на соборной пашиѣ и сообщать, кому слѣдуетъ, о результатахъ этихъ работъ²⁾.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII стол., въ с. Овчюхахъ, кромѣ старосты, былъ еще *сотскій*³⁾.

Священно-служители Успенскаго собора не совсѣмъ, кажется, довѣряли выборнымъ крестьянскимъ властямъ.

Главнымъ образомъ этимъ недостаткомъ довѣрія объясняется, по нашему мнѣнію, назначеніе прикащика.

Тотъ же самый недостатокъ довѣрія понуждалъ богородицкихъ священно-служителей возлагать надзоръ за соборной пашией и за работами на ней крестьянъ на вотчинныхъ священниковъ; очевидно, духовенство Успенскаго собора было убѣждено, что скорѣе можно положиться на священниковъ, чѣмъ на должностныхъ лицъ, выбран-

¹⁾ Москов. Синод. библ. Докум., перед. изъ м. Уси. соб., № 55.

²⁾ Въ 1666 г. въ Овчюхахъ было „ужато соборные ржи два деваноста (т. е. 180 копенъ), по сказкѣ десятскихъ Дениска Фамна да Анашки Аксенова съ товарищи..., овса 240 сотницъ и 2 сотницы, по ихъ-же десятскихъ сказкѣ Анашки Аксенова съ товарищи“. Ibid., № 69.

³⁾ М. А. М. Ю. Книги Коллегіи Экономіи ревнскихъ (3-й ревизіи), в. 29, № 12.

ныхъ крестьянами, такъ какъ первые въ меньшей степени зависѣли отъ крестьянъ, нежели вторые. У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о томъ, отъ кого зависѣло назначеніе священно-служителей и причетниковъ въ ту или другую богородицкую вотчину: выбирался ли они прихожанами, или назначались священно-служителями Успенскаго собора, или, быть можетъ, будучи выбраны прихожанами, только утверждались богородицкими священно-служителями. Какъ бы то ни было, но, кажется, дѣло не обходилось безъ вліянія священно-служителей Успенскаго собора. Намекъ на это мы находимъ въ одномъ извѣстнѣ, относящемся къ началу второй половины XVIII стол.

Въ ревизской сказкѣ с. Дымцова, 1762 г., мы читаемъ, между прочимъ, вотъ что: „оной Семень (крестьянинъ с. Дымцова), по увольненію отъ оной вотчины и по снятіи съ него платежа подушныхъ, въ 752 году, произведенъ въ то-же село во священника.... оной Осипъ (родной братъ упомянутого Семена, 20 л.), въ нынѣшнемъ 762-мъ году, уволенъ для производства въ церковный чинъ (вѣроятно, въ то-же с. Дымцово) снятіемъ оною вотчиною съ него платежа подушныхъ денегъ, о чемъ дано ему и уволительное писмо“¹⁾. Выписка крестьянъ изъ общества едва-ли могла происходить безъ согласія богородицкихъ священно-служителей, такъ какъ выписка эта затрогивала ихъ матеріальные интересы. Но вѣдь не всѣ священники и причетники богородицкихъ сель выходили изъ среды богородицкихъ крестьянъ; между ними были, вѣроятно, люди и со стороны. Мы склонны думать, что и назначеніе этихъ стороннихъ людей происходило не безъ вліянія священно-служителей Успенскаго собора.

На священниковъ нѣкоторыхъ богородицкихъ сель, именно тѣхъ, гдѣ была священно-служительская пашня, возлагалась, какъ мы сказали, обязанность наблюдать за крестьянскими работами на этой пашнѣ.

До насъ дошли два донесенія—одно изъ Овчуховъ, а другое изъ Чокова—донесенія, заключающія въ себѣ отчеты о различныхъ крестьянскихъ работахъ въ пользу священно-служителей Успенскаго собора и о состояніи хлѣбовъ на соборной пашнѣ; оба эти донесенія написаны отъ имени не только старостъ и цѣловальниковъ, но также и священниковъ²⁾.

¹⁾ Ibid. в. 28, № 28, л. 4.

²⁾ „Государю протопопу Тимофею Ульяновичу и всему собору богородицкіе вотчины (п) ваше села Чекова Никольской повъ Артемій Бога молятъ да староста Сидоръ и цѣловальникъ Истома челомъ бьютъ“.

Въ 1666 г. овчюховскій священникъ писалъ, между прочимъ, протопопу „съ братьею“: „а за женецами и за плугами и за сетивамъ (т. е. за сѣтевомъ) ¹⁾ и за боронами ходилъ язь, богомолецъ вашъ, по вашему, государь, приказу, чтобы вашему хлѣбу и въ пахотѣ поруки никакой не было“ ²⁾.

Итакъ овчюховскій священникъ, по приказанію протопопа Успенскаго собора „съ братьею“, наблюдалъ за всѣми работами, производившимися крестьянами на соборной пашнѣ.

Въ той же роли наблюдателей за крестьянскими работами мы видимъ и чоковскихъ священниковъ. Кромѣ того, имъ давались и другія порученія. Такъ, напримѣръ, чоковскому попу Михаилу было поручено, въ 1641 г., съѣздить въ с. Овчюхи съ тою цѣлью, чтобы разыскать съ двухъ крестьянъ нѣкоторую денежную сумму, а двухъ другихъ крестьянъ допросить о смерти ихъ односельчанина Шестака. О. Михаилъ отправился въ Овчюхи не одинъ, а захватилъ съ собой старосту и цѣловальника с. Чокова. О своей поѣздкѣ и ея результатахъ онъ представилъ коллегіи священно-служителей Успенскаго собора отчетъ, въ концѣ котораго счелъ нужнымъ сообщить о состояніи соборныхъ хлѣбовъ: „да въ селѣ-же Чековѣ, по вашему благословенію, хлѣбъ ржаной и яровой, далъ Богъ, добръ; ржаной было хлѣбъ попортило морозомъ—и Богъ смилвался: по старому сталь“ ³⁾.

Выше мы упоминали о томъ, что чоковскій священникъ получалъ отъ протопопа „съ братьею“ по 3 чтв. ржи и по столько-же овса ежегодно. Мы думаемъ, что это была плата, вознагражденіе за тѣ услуги, какія оказывалъ чоковскій священникъ въ качествѣ наблюдателя за крестьянами ⁴⁾. Такую же плату получалъ, вѣроятно, и овчюховскій священникъ.

„Лѣта 7162 году. Изъ богородицкой изъ домовой вотчины володимерскаго уѣзду изъ с. Овчюховъ государю священно-протопопу Ивану Григорьевичу съ братьею *полю* Сергеецѣ Бога молитъ о здравіи и о спасеніи, староста и цѣловальникъ и всѣ крестьяне челомъ бие(ю)тъ“. Москов. Синод. библ. Докум., перед. изъ м. Усп. соб., №№ 53 и 67.

¹⁾ „Сѣтево-лукино, лукошко съ стѣнными хлѣбомъ, которое сѣвецъ носить черезъ плечо“. Толков. словарь жив. великорус. яз. В. И. Дали. В. 19, стр. 346.

²⁾ Москов. Синод. библ. Док., пер. изъ м. Усп. соб., № 69.

³⁾ Любопытна, по наивному подобострастію, надпись, сдѣланная пономъ Михаиломъ на своемъ донесеніи: „донести са грамоткѣ *одъ* честнѣзъ *ручекъ* государю протодіакону Григорію Евимьевичу въ соборѣ на Москвѣ въ Бо(л)шемѣ“. Ibid., № 64.

⁴⁾ Священно-служители Успенскаго собора давали въ церковь с. Чокова облаченіе, богослужебныя книги, ладонъ, масло и проч. „А прислали вы, государь, къ

Иногда, въ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ, священно-служители Успенскаго собора сами предпринимали поѣздки въ богородицкія вотчины. Если поселеніе находилось въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи, то въ него командировались, въ случаѣ нужды, обыкновенно двое священно-служителей (священникъ и дьяконъ), по выбору коллегіи соборянъ. Что касается поселеній общаго-раздѣльнаго или единоличнаго пользованія, то каждый священно-служитель, если настояла надобность, долженъ былъ либо самъ туда ѣздить, либо посылать кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ. Такъ, священникъ Успенскаго собора Алексѣй Ивановъ ѣздилъ, гдѣто въ 1728 г., въ с. Высокое „для своихъ стѣнныхъ покосовъ“¹⁾. Протодьяконъ Анфиногенъ Ивановъ, около того же времени, посылалъ въ свою „подѣль“ своего сына Михаила для сбора податей²⁾.

Мы обладаемъ свѣдѣніями о двухъ командировкахъ священно-служителей Успенскаго собора въ богородицкія вотчины: одна изъ нихъ относится къ 1634 г., а другая—къ 1637. Обѣ эти командировки, въ которыхъ принимали участіе священникъ и дьяконъ, имѣли цѣлью владимірскія вотчины и были вызваны особенными случаями. Командировка 1634 г. была вызвана необходимостью познакомиться на мѣстѣ съ только-что пожалованными селами Овчюхами и Чоковыми: отправленные въ эти села священникъ и дьяконъ должны были

чудотворцу Николѣ потрахилъ я поручи я поясъ и кадило и ремень и пряжа (т. е. пряжу—пряжку); то, государи, все дошло. Сжилуйси, государь протопопъ Тимосей Ульяновичъ и весь соборъ—пожалуйте, государи, пришлите къ чудотворцу Николѣ часовникъ да псалтырь да служебникъ печатные: тѣхъ книгъ у Николы нѣтъ; да пришлите, государи, вина церковнова и ладану, миро и масла“. Ibid., № 63. Иногда книги и облаченіе давались не на всегда, а только „на поддержаніе“: „715 г. марта въ 17 д. Большаго Успенскаго собора протопопъ Феодоръ Паниратіевичъ да ключари Семеонъ Лукичъ, Іоаннъ Евдокимовичъ по согласію своему выдали изъ ризницы въ с. Чоково книгу апостола въ выходу 163 г. въ дещь, да пось шелковой, ризника мѣдна; а выдали на поддержаніе до ихъ исправы церковной; а спросать—я ихъ поставитъ въ соборную ризницу тотчасъ“. Ibid., № 71.

¹⁾ Крестьяне приняла о. Алексѣя не особенно любезно; сначала они не хотѣли было идти на стѣнокъ; потомъ, хотя и пошли, но не сдѣлали всего, что было нужно. Мало того, они, какъ жаловался о. Алексѣй, „приходя ко мнѣ хъ кварталѣ... похвалялись меня и чоловіка моего Аеоноса бить смертно, и выбили меня изъ выше показаннаго села Высокова съ нечестіемъ и подводъ не дали, и я, видя такую ихъ къ себѣ противность, въ томъ селѣ Высоковѣ нанялъ подводы протоіаконовской подѣли изъ своего кошту, опасаясь отъ оныхъ своихъ крестьянъ къ себѣ смертнаго убійства“. М. А. М. Ю. Дѣла Синод. Эконом. Правленія, вѣстка 245, № 69.

²⁾ Опис. докум. и дѣлъ св. Синода, III, ст. 294.

измѣрять землю, познакомиться съ экономическимъ положеніемъ крестьянъ и сообразно съ этимъ установить размѣры ихъ платежей и повинностей, собрать подробныя свѣдѣнія о бѣглыхъ и проч.

Главной причиной командировки 1637 г. было то обстоятельство, что во владимірскія вотчины долженъ былъ пріѣхать писецъ, для размежеванія земель Успенскаго собора и сосѣдняго помѣщика Ильи Зубова; само собой разумѣется, что при этомъ важномъ актѣ необходимо было присутствіе кого-нибудь изъ богородицкихъ священно-служителей. Но кромѣ того, посланные лица должны были исполнить цѣлый рядъ порученій: они присутствовали при молотбѣ соборнаго хлѣба, допрашивали овчуховскаго старосту о прикащичьей пашнѣ, осматривали дорогу, испорченную крестьянами Успенскаго собора, и проч.

Командированные лица не могли дѣйствовать самостоятельно: они письменно сносились съ коллегией соборянъ, давали ей отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ и получали отъ нея предписанія, „приказы“.

Дошедшая до насъ отписка двухъ священно-служителей Успенскаго собора протопопу „съ братьею“, священно-служителей, командированныхъ во владимірскія вотчины, оканчивается вопросомъ: „и противу, государь, сеѣ отписки намъ что укажетъ?“¹⁾

Не подлежитъ сомнѣнію, что священно-служители Успенскаго собора смотрѣли на богородицкія вотчины, какъ на доходную статью и старались извлечь изъ нихъ какъ можно больше матеріальныхъ выгодъ.

Живыя лица, крестьяне, населявшіе эти вотчины, едва ли интересовали богородицкое духовенство сами по себѣ: интересъ къ нимъ поддерживался лишь потому, что безъ нихъ вотчины приносили бы самый незначительный доходъ. Если священно-служители Успенскаго собора не обременяли богородицкихъ крестьянъ поборами и повинностями, то они поступали такъ не подъ вліяніемъ гуманнаго чувства, а скорѣе по практическимъ соображеніямъ: чрезмѣрныя тягости заставили бы крестьянъ разбѣжаться, или обратиться съ жалобой къ высшей власти; и то, и другое было невыгодно.

Было бы интересно опредѣлить ту сумму матеріальныхъ выгодъ въ видѣ натуральныхъ и денежныхъ сборовъ, которую получалъ съ богородицкихъ вотчинъ каждый священно-служитель Успенскаго собора. Къ счастью, до насъ дошелъ документъ, который позволяетъ

¹⁾ Москов. Синод. библ. Докум., перед. изъ м. Усп. соб., № 55—57.

это сдѣлать. Документъ этотъ составленъ въ концѣ 1725 г., но заключающіяся въ немъ свѣдѣнія о количествѣ доходовъ съ богородиценьхъ вотчинъ относятся къ болѣе раннему времени.

На основаніи сейчасъ упомянутаго документа можно составить такую таблицу доходовъ богородиценьхъ священно-служителей ¹⁾ (см. табл. на стр. 232—233).

Кромѣ перечисленныхъ въ этой таблицѣ доходовъ съ богородиценьхъ вотчинъ, священно-служители Успенскаго собора получали и другіе. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ получали известное количество сѣна, часть котораго они продавали. Протопопъ Тимофеевъ „съ братьею“ писали священнику Ивану Савину и дьякону Мокію Васильеву, между прочимъ, вотъ что: „а кое сѣно (въ Чокоевъ и Овчюхахъ) на лишней земли и на остаточной и на пустошахъ, кромѣ вытей крестьянскихъ, и вы-бъ то сѣно *продавали* при себѣ, будетъ тутъ есть кому купить, или велѣли-бъ при себѣ возить въ Володимеръ, будетъ тамъ поцѣнно (т. е. стоять хорошія цѣны), да *продавали*“ ²⁾.

Намъ известно, что въ Чокоевъ и, кажется, въ нѣкоторыхъ другихъ поселеніяхъ, а также въ пустоши Гавшинѣ были *фруктовые сады*; плодами изъ этихъ садовъ пользовались богородиценькіе священно-служители ³⁾. Впрочемъ, такъ какъ пустошь Гавшино обыкновенно сдавалась въ аренду богородиценькими протодьяконами, то едва-ли приходилось имъ пользоваться фруктовымъ садомъ.

Навонецъ, нѣкоторые священно-служители сдавали въ аренду находившіяся въ нихъ пользованіи пустоши; одинъ изъ дьяконовъ Успенскаго собора получалъ съ оброчной пустоши „денегъ по 12 руб. съ полтиною въ годъ, *орьховъ* по 2 четверти“ ⁴⁾.

¹⁾ Опис. док. и дѣлъ св. Синода, III, № 300/200 и прилож. XXXI. Въ составленной нами таблицѣ попадаются одинадцать докл. Это произошло вотъ отчего: въ нашемъ документѣ обозначено, какое количество доходовъ приходилось на долю каждаго священно-служителя съ вотчинъ общаго-раздѣльнаго пользованія; только съ с. Овчюховъ, т. е. съ поселенія общаго-нераздѣльнаго пользованія, показана *общая* сумма доходовъ, при чемъ замѣчено: „и изъ того числа (доходовъ) протопопу противъ священника вдвое, дьяконъ противъ священника въ полнѣ“. Мы раздѣлили сумму овчюховскихъ доходовъ между 5 священно-служителями съ математической точностью; въ дѣйствительности, при дѣленіи доходовъ, едва-ли соблюдалась такая точность; едва-ли, напримѣръ, раздѣляли на равныя части курицу или поросенка.

²⁾ Москов. Синод. библ. докум., перекл. дѣлъ м. Усп. соб., № 57.

³⁾ Ibid., №№ 3 и 52. Ср. Опис. док. и дѣлъ св. Синода, III, ст. 392: „да въ лѣтнемъ времени *отъ землиахъ плодовъ разныа овощи биваютъ*“.

⁴⁾ Ibid., ст. 291—292.

Таковы были разнообразныя доходы съ богородицкихъ вотчинъ, получавшіеся священно-служителями Успенскаго собора. Было бы въ высшей степени интересно и важно перевести натуральныя сборы на деньги; но, къ сожалѣнію, мы не можемъ этого сдѣлать, за неимѣніемъ соответствующихъ данныхъ; значитъ, мы лишены возможности составить болѣе точное представленіе о *количествѣ* доходовъ съ богородицкихъ вотчинъ, т. е. привести ихъ къ простѣйшему виду, выразить въ извѣстной денежной суммѣ.

Повидимому, этихъ доходовъ было вполне достаточно для того, чтобы обезпечить въ матеріальномъ отношеніи священно-служителей Успенскаго собора.

Само собой разумѣется, что упомянутыя доходы не были постоянной величиной, т. е. не собирались ежегодно въ одномъ и томъ же количествѣ: размѣры ихъ колебались въ зависимости отъ разныхъ условій: отъ урожая, отъ движенія населенія и проч. Въ концѣ „вѣдомости“ о количествѣ крестьянскихъ дворовъ въ богородицкихъ вотчинахъ и доходовъ съ нихъ, „вѣдомости“, на основаніи которой составлена приведенная выше таблица, мы находимъ такое замѣчаніе: „и съ вышечисленныхъ вотчинъ оныхъ доходовъ за оскуденіемъ крестьянъ и за недородомъ хлѣбнымъ получаемъ *съ помы и меньше, а и нынѣ ничего не платятъ*“¹⁾).

Гр. Шмелевъ.

¹⁾ Ibid., прилож. XXXI, ст. СХХI.

	П. пак. вѣ. п. (четвертей).	Ржи (четвертей).	Овса (четвертей).	Ячменя (четвертей).	Крупъ (четвертей).	Гороха (четвертей).	Конюшняго семена (четвертей).	Хмеля (пуд).
Протопопъ	43 ¹ / ₂	—	—	—	—	3 ⁷ / ₂₂	1 ² / ₂₂	1 ² / ₂₂
Протодьяконъ	1 ² / ₂	18	18	—	—	—	—	—
1-й ключарь	—	32 ² / ₂	32 ² / ₂	18 ³ / ₂	3 ⁷ / ₂₂	3 ⁷ / ₂₂	—	—
2-й ключарь	—	20	20	6	4 ² / ₂	1 ² / ₂	1 ² / ₂	—
1-й священникъ	—	28	28	4	1	1	1	—
2-й священникъ	9 ² / ₂₂	—	—	—	—	1 ³ / ₂₂	3 ¹ / ₂₂	3 ¹ / ₂₂
3-й священникъ	9 ² / ₂₂	12	24	—	—	1 ³ / ₂₂	3 ¹ / ₂₂	3 ¹ / ₂₂
4-й священникъ	1 ² / ₂	9	6	6	—	—	—	—
5-й священникъ	9 ² / ₂₂	—	—	—	1 ³ / ₂	1 ³ / ₂₂	3 ¹ / ₂₂	3 ¹ / ₂₂
1-й дьяконъ ²⁾	4 ⁶ / ₂₂	13	13	13	—	2 ³ / ₂₂	3 ¹ / ₂₂	3 ¹ / ₂₂
2-й дьяконъ	—	25	25	11 ³ / ₂	2 ² / ₂₂	2 ² / ₂₂	2 ² / ₂₂	—
3-й дьяконъ	—	25	25	11 ³ / ₂	2 ² / ₂₂	2 ² / ₂₂	2 ² / ₂₂	—
4-й дьяконъ	—	—	—	1 ³ / ₂	1 ² / ₂₂	2 ² / ₂₂	2 ² / ₂₂	—
5-й дьяконъ	—	—	—	1 ³ / ₂	2 ² / ₂₂	2 ² / ₂₂	2 ² / ₂₂	—

²⁾ По другому источнику, этотъ дьяконъ ежегодно получалъ: „хлѣбнаго всякаго выхъ запасовъ: мяса свиныхъ 6 п. 20 ф., барановъ 15, куръ 20, масла коровья 3 п., III, ст. 291.

Барановъ.	Коровьяго масла (пуд. и фунт.).	Свинины (пуд.).	Поросятъ.	Куры.	Яицъ.	Вина (вед.).	Холста (аршинъ).	Дровъ (саж.).	Денегъ.
40 ⁰⁰ /п	4 п.	14 ⁶ /п	14 ⁶ /п	14 ⁶ /п	1.300	—	—	15	5 ⁰ /п руб.
9	2	10	11	13	1.020	—	10	9	1 руб.
5	2 ¹ / ₂	13 ³ / ₄	27 ² / ₂	46 ² / ₄	2.875	—	—	5	23 р. 30 ал. 5 д.
—	5 ² / ₂	31	54	64	1.000	21	209	—	37 руб.
4	3	3	8	24	1.000	—	—	—	14 р. 10 ал.
8 ⁰ /п	1	7 ⁰ /п	10 ⁰ /п	11 ⁰ /п	235	—	—	3	9 ⁰⁰ /п руб.
11 ⁰ /п	3	8 ⁰ /п	15 ⁰ /п	21 ⁰ /п	300	1	10	—	3 ⁰⁰ /п руб.
6	1 ² / ₂	—	—	14	620	—	—	—	—
5 ⁰ /п	3 30	18 ⁰ /п	29 ⁰ /п	29 ⁰ /п	1.800	11	—	—	13 ⁰⁰ /п руб.
15 ⁰ /п	2 ² / ₂	3 ⁰ /п	3 ⁰ /п	16 ⁰ /п	400	—	—	18	1 ⁰ /п руб.
10	2 15	5 ² / ₂	11	36	500	—	—	10	9 р. 19 ал.
10	2 15	5 ² / ₂	11	36	500	—	—	10	9 р. 19 ал.
—	3 15	13 ² / ₂	27	32	800	8	80	—	17 р. 19 ал.
—	3 15	21 ² / ₂	27	32	800	16	160	—	25 р. 19 ал.

доходу по 88 чтъ.; сѣнныхъ покосовъ большихъ 12 стоговъ; дровъ 25 саж.; стоило-
масла льнянаго 1 п., яицъ 600, льну 12 кербей*. Опис. док. и дѣлъ св. Синода,

ЗАБЫТАЯ ПОПЫТКА КОДИФИКАЦІИ ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКАГО ПРАВА ПРИ ГРАФѢ СПЕРАНСКОМЪ ¹⁾.

ХІІ.

Какъ уже указано выше, во время работъ надъ Западнымъ Сводомъ было обращено вниманіе и на кодификацію малороссійскаго права, и для этой цѣли рѣшено было отмѣтить тѣ статьи Западнаго Свода, которыя должны были получить силу только въ малороссійскихъ губерніяхъ, и издать ихъ въ видѣ особаго сборника, въ приложеніи къ Западному Своду. Однако, поглощенные работами по крупному мѣстному своду, кодификаторы, особенно въ дальнѣйшихъ стадіяхъ работы, мало занимались правомъ Малороссіи, тѣмъ болѣе, что въ ревизіонномъ комитетѣ свѣдущихъ въ немъ мѣстныхъ юристовъ по было. Если бы Западный Сводъ и получилъ силу закона въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ ревизіоннаго комитета, то все же пришлось бы произвести еще спеціальныя работы по приведенію въ порядокъ права Украйны. Таковой выводъ вытекаетъ изъ того, что въ окончательномъ проектѣ Западнаго Свода нѣтъ ни звука о правѣ Малороссіи, и большинство, можно даже сказать — почти всѣ труды II Отдѣленія, касающіеся этого отдѣла мѣстнаго права, къ 1840 г. не были еще закончены.

11 января 1840 года главноуправляющій II Отдѣленіемъ; Блудовъ, предвидя скорую отмѣну литовскаго права, представилъ Государю докладъ о состояніи работъ по упорядоченію права Черниговской и Полтавской губерній и свои предположенія о дальнѣй-

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ.

шемъ направленіи ихъ. Блудовъ указывалъ на то, что Западный Сводъ не пригоденъ для этихъ губерній, такъ какъ въ нихъ дѣйствуютъ нѣсколько иные источники чѣмъ тѣ, на которыхъ основанъ сводъ; именно, Западный Сводъ построенъ на Статутѣ *третьей* редакціи, 1588 г., и сеймовыхъ конституціяхъ, а въ Малороссіи имѣлъ силу Статутъ *второй* редакціи, 1566 г., сеймовыя же конституціи тамъ не дѣйствовали вовсе. Мѣстныя изъятія касались: 1) законовъ о состояніяхъ; 2) законовъ гражданскихъ; 3) законовъ судопроизводства гражданского и, наконецъ, 4) мѣръ гражданскихъ взысканій. Блудовъ предполагалъ оставить въ силѣ только изъятія первыхъ двухъ категорій, остальные же отмѣнить, представивъ объ отмѣнѣ ихъ соотвѣтствующія записки въ Государственный Совѣтъ. Сохраняемая особенность слѣдовало, по его мнѣнію, размѣстить въ различныхъ мѣстахъ общаго Свода Законовъ, по принадлежности. Государь согласился со всѣми предложеніями Блудова ¹⁾, и сообразно съ его резолюціей, во II Отдѣленіи въ 1840 году приступили къ разработкѣ законовъ Черниговской и Полтавской губерній.

Всѣ „усилія“ II Отдѣленія ограничились бы, вѣроятно, тѣмъ, что для намѣченныхъ уже раньше статей Западнаго Свода были бы подысканы подходящія мѣста въ общемъ Сводѣ, объ этомъ былъ бы написанъ пространный докладъ Государю и послѣдовало бы его утвержденіе—на этомъ и кончилось бы все дѣло. Но два незначительныхъ, чисто канцелярскихъ, событія придали дѣлу нѣсколько иное направленіе и были причиною болѣе тщательной и продолжительной разработки малороссійскаго права. Именно, 22-го іюня 1840 года исполняющій должность Государственнаго Секретаря, Бахтинъ, сообщилъ Блудову, что назначенное къ слушанію въ Государственномъ Совѣтѣ дѣло о распространеніи на Черниговскую и Полтавскую губерніи общихъ законовъ о судопроизводствѣ и мѣрахъ гражданскихъ взысканій задержано по приказанію предсѣдателя Совѣта, такъ какъ по Западному Комитету состоялся указъ объ отмѣнѣ въ западныхъ губерніяхъ прежнихъ законовъ. Такимъ образомъ, предстояло внести еще разъ, снова, эту записку въ Государственный Совѣтъ, а въ виду этого Блудовъ счелъ болѣе правильнымъ внести туда и всѣ остальные предположенія относительно малороссійскихъ законовъ.

Возникла значить, во-первыхъ, неожиданная необходимость составить особыя „записки“ для оправданія предполагаемаго пополненія

¹⁾ А. Г. С. дѣло II Отд. № 5 а, 1840 г., I часть.

общаго Свода Законовъ. О желательности законодательнаго подтвержденія малороссійскихъ изъятій Блудовъ доложили Государю 2 января 1841 г., мотивируя это тѣмъ, что при рѣшеніи вопроса объ отиѣнѣ порядка судопроизводства необходимо имѣть въ виду всѣ вообще предположенія касательно малороссійскихъ законовъ. Въ этомъ докладѣ описано и все сдѣланное за годъ во II Отдѣленіи. Именно: всѣ изъятія были собраны въ 163 параграфа, и въ моментъ представленія доклада они провѣрялись съизнова. Провѣрка заключалась въ новомъ просмотрѣ Литовскаго Статута, остальные же источники Блудовъ считалъ возможнымъ игнорировать, въ виду отсутствія практическаго значенія. Всѣ заслуживающія вниманія отличія Статута отъ общаго Свода, по мнѣнію Блудова, можно было распределить на 4 класса: нѣкоторыя постановленія Статута только выражаютъ въ другой формѣ то, что уже сказано въ общемъ Сводѣ, другія содержатъ маловажныя несходства, въ третьихъ—поясняются общіе законы и, наконецъ, въ четвертыхъ—выражены дѣйствительныя отступленія отъ общихъ порядковъ. Послѣдніе два класса изъятій Блудовъ предполагалъ сохранить на будущія времена, а первые—отбросить совершенно ¹⁾.

Однако, провѣрка проекта, составленнаго чиновниками II Отдѣленія, по мысли Блудова, была возложена на постороннее лицо, на чиновника министерства юстиціи Ляпунова, который уже раньше принималъ участіе въ провѣркѣ Западнаго Свода. Ему было поручено просмотрѣть Литовскій Статутъ „по лучшему переводу“, изготовленному въ 1830 г., и „сдѣлавъ противъ каждой статьи надлежащія вѣрныя (sic!) отиѣтки“, представить отчетъ о дѣйствующихъ остаткахъ Статута ²⁾. Порученіе провѣрки постороннему лицу явилось вторымъ обстоятельствомъ, благотворно повліявшимъ на разработку малороссійскаго права. Ляпуновъ, повидимому, тщательно провѣрилъ работу чиновниковъ II Отдѣленія и сильно раскритиковалъ ее. Изъ 163 параграфовъ онъ предложилъ 37—измѣнить, 16—исключить и кромѣ того считалъ желательнымъ вставить еще 16 новыхъ параграфовъ. Эта критика „посторонняго“ лица задѣла, очевидно, за живое ³⁾ чиновниковъ II Отдѣленія, работавшихъ надъ проектомъ, и заставила ихъ удвоить усилія по разработкѣ малороссійскаго права.

¹⁾ А. Г. С., дѣло 5 а, 1840 г., ч. I.

²⁾ Цитированное дѣло, всеподданнѣйшій докладъ Блудова отъ 2 января 1841 г.

³⁾ Это прямо видно изъ рапорта кн. Одоевскаго и Малевскаго, въ которомъ, не смотря на officialный тонъ, чувствуется нѣкоторое раздраженіе противъ Ляпунова, см. цитиров. дѣло.

Въ маѣ 1841 года старшіе чиновники II Отдѣленія, князь Одоевскій и Малевскій, представили длинное изслѣдованіе въ опроверженіе тѣхъ нареканій, которымъ подвергся ихъ проектъ. Они указывали на то, что Ляпуновъ гомословно утверждаетъ, что нѣкоторыя статьи Литовскаго Статута дѣйствуютъ въ Малороссіи, а другія отмѣнены. Малороссійскій правопорядокъ представлялся имъ гораздо болѣе сложнымъ, не исчерпывающимся одной буквой Статута. Право Статута слилось съ магдебургскимъ, и хотя послѣднее и отмѣнено, но, какъ они думали, „нельзя предполагать, чтобы совмѣстное ихъ дѣйствіе не осталось безъ вліянія на мѣстные понятія о смыслѣ и значеніи Литовскаго Статута. Сверхъ того, Литовскій Статутъ не могъ не испытывать общаго вліянія Россійскаго Законодательства, не только въ отношеніи измѣнившихся вовсе учрежденій мѣстныхъ властей, уголовного суда, полицейскаго и казеннаго устройства, но и самыхъ гражданскихъ законовъ. Въ западныхъ губерніяхъ Литовскій Статутъ уклонился отъ сего непримѣтнаго дѣйствія новыхъ началъ, преимущественно по малому распространенію въ томъ краѣ Россійскаго языка, но сіе препятствіе не существовало въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской“. Слѣдовательно, заключали кн. Одоевскій и Малевскій, нельзя безъ тщательнаго разслѣдованія установить, что изъ Статута отмѣнено и что осталось въ силѣ. Далѣе они указывали, что и русское законодательство не исчерпано Ляпуновымъ, и что совершенно не затронута имъ судебная практика. Съ практикой же необходимо считаться, иначе, по ихъ мнѣнію, можно: 1) „возобновить такія статьи Литовскаго Статута, кои тамъ уже можетъ быть совершенно забыты“, 2) „отмѣнить безъ очевидныхъ причинъ такія статьи, кои свято соблюдаются въ сихъ губерніяхъ, и по мѣстнымъ обстоятельствамъ необходимы“, 3) „наконецъ, безъ указаній мѣстной практики не возможно разрѣшить главнѣйшаго вопроса,—какія изъ статей Литовскаго Статута должны быть отмѣнены, какъ явно противорѣчащія общему характеру гражданскихъ законовъ въ Россіи“? По этимъ соображеніямъ авторы записки предлагали: снова просмотрѣть Полное Собраніе Законовъ и извлечь изъ него все относящееся къ Малороссіи, проектъ статей для губерній Черниговской и Полтавской сообразовать съ судебной практикой и потомъ послать конфиденціально для просмотра на мѣста. Ихъ предположенія были одобрены Блудовымъ—всѣ, кромѣ послышки на мѣста.

На записку кн. Одоевскаго и Малевскаго слѣдуетъ обратить вниманіе. Насколько мнѣ извѣстно, это единственная бумага II Отдѣ-

ленія, въ которой изложены совершенно вѣрныя и здравыя мысли о кодификаціи права, основывающагося на древнемъ памятникѣ права, видоизмѣненномъ и судами и обычаями. Обычай, практика и все прочее, незаписанное въ офиціальныи и утвержденныи сборникъ, при кодификаціи въ тридцатыхъ годахъ обыкновенно никакой цѣны не имѣли. Эти данныя просто игнорировались, важно было лишь то, что написано и „утверждено“. Кодификація литовскаго права, какъ выше уже показано, даетъ примѣръ такого отношенія къ „живому“ праву; еще больше примѣровъ можно найти въ тѣхъ безконечныхъ препирательствахъ II Отдѣленія съ мѣстными знатоками права, которыми полна исторія кодификаціи остзейскаго права. И споры эти притомъ касались именно самаго *принципа не исключенія* обычнаго права въ сводъ, и рѣчь шла о вопросахъ чисто гражданскаго права, не имѣющихъ никакого политическаго значенія. То, что писали кн. Одоевскій и Малевскій, въ сущности, азбучная истина, которую для непредвзятаго читателя нѣтъ надобности доказывать подробно: очевидно, что въ 1840 году не могли дѣйствовать въ чистомъ видѣ тѣ нормы, которыя были сочинены въ 1588 г. Но въ условной атмосферѣ кодификаціонныхъ правилъ составленія Свода, эта азбучная истина звучала какъ нѣчто новое. И пожалуй, не напиши Ляпуновъ рѣзкой критики на проектъ, составленный по всѣмъ правиламъ кодификаціи, не возникъ бы и вопросъ о „судебной практикѣ“ въ Малороссіи.

Мысли кн. Одоевскаго и Малевскаго были приняты въ соображеніе при дальнѣйшихъ работахъ. Чиновнику II Отдѣленія Виноградову было поручено составить справку „объ историческихъ свѣдѣніяхъ о законахъ, относящихся къ Малороссіи, извлеченныхъ изъ Полнаго Собранія Законовъ“,—о чемъ Виноградовъ и представилъ очень обширную записку. А кромѣ того, инициаторы предложенія ввести судебную практику въ число матеріаловъ при кодификаціи были откомандированы въ архивъ сената для изученія малороссійскихъ судебныхъ дѣлъ.

Въ сенатскомъ архивѣ ими было просмотрѣно около 200 дѣлъ (іюнь 1841 г.). Здѣсь они изслѣдовали главнымъ образомъ вопросъ о томъ, какіе законы, мѣстные или общіе, примѣняются къ рѣшенію нѣкоторыхъ сомнительныхъ пунктовъ, именно—къ дѣламъ по опекамъ, по вознагражденію за владѣніе, по укрѣпленію правъ, по договорамъ о послѣдствѣ, и другіе. При этомъ, между прочимъ, выяснилось, что къ долговымъ обязательствамъ и мѣстные суды и высшія инстанціи примѣняли Банкротскій уставъ (1800 г.), а не Литовскій Статутъ, какъ этого можно было ожидать. Обнаружилось, далѣе, что заставные

договоры въ Малороссіи обсуждались не по Лятовскому Статуту; было установлено, что заимодавецъ, давшій деньги подъ залогъ, не имѣеть права пользоваться залогомъ вмѣсто процентовъ и т. д. Благодаря этому, явилась возможность установить съ нѣкоторой точностью, какіе источники права дѣйствительно примѣнялись, взамѣнъ тѣхъ, которые *in abstracto* „должны“ были имѣть примѣненіе.

Однако, открывъ вѣрную дорогу, кодификаторы не прошли ее до конца. Несмотря на изслѣдованіе „практики“, въ сводѣ были помѣщены только выдержки изъ Статута, да и не въ очепь измѣненномъ, но сравненію съ оригиналомъ, видѣ. Практика и обычай были приняты въ соображеніе исключительно какъ факторы, отмѣнившіе дѣйствіе нѣкоторыхъ прежнихъ источниковъ. Созидательное ихъ значеніе не было учтено: нѣтъ ни одной статьи, въ которой было бы передано содержаніе какой либо новой нормы, сложившейся въ жизни, нормы, не взятой изъ писаннаго права. А между тѣмъ, какъ видно изъ сказаннаго объ исторіи малороссійскаго права, весь правопорядокъ сложился изъ множества разнообразныхъ обломковъ, принадлежавшихъ разнороднымъ правовымъ системамъ; нѣкоторое единство вносила въ него только судебная практика, несмотря на все ея несовершенство. Къ тому же, какъ сейчасъ будетъ показано, кодификаторы сами вскорѣ сбились въ оцѣнѣ значенія и взаимной силы разныхъ источниковъ малороссійскаго права.

На основаніи этихъ матеріаловъ и были составлены записки въ Государственный Совѣтъ. 18-го декабря 1841 года Блудовъ представилъ Государю новый, очень обширный, докладъ, въ которомъ еще разъ изложилъ вкратцѣ исторію малороссійскаго права, и пространно описалъ ходъ работъ во II Отдѣленіи; въ докладѣ перечислены всѣ заботы о тщательномъ выясненіи законовъ губерній Черниговской и Полтавской, провѣрка проекта по Статуту, Полному Собранію, по сенатскому архиву. Въ числѣ прочихъ матеріаловъ, которымъ пользовались при кодификаціи, упомянуть въ докладѣ и „хранящійся въ Архивѣ II Отдѣленія, составленный въ 1734 г. (въ Глуховѣ) рѣдкій, или можетъ быть единственный, рукописный экземпляръ неизданнаго собранія Законовъ, подъ названіемъ „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“.

Докладывая обо всемъ этомъ, Блудовъ испрашивалъ разрѣшенія внести записки въ Государственный Совѣтъ; съ Высочайшаго разрѣшенія онѣ и были представлены туда 31-го декабря 1841 года.

Для приведенія въ порядокъ права, дѣйствовавшаго въ Малороссіи,

II Отдѣленіе предполагало 1) распространить на Малороссію общій порядокъ судопроизводства и 2) пополнить общій „Сводъ гражданскихъ законовъ“ нѣкоторыми статьями, содержащими мѣстные извѣтїя; по этому предмету было составлено 17 записокъ. Въ качествѣ оправдательныхъ матеріаловъ общаго характера были представлены въ Государственный Совѣтъ: 1) подробное историческое обзорѣніе малороссійскихъ законовъ, 2) извлеченія изъ Литовскаго Статута, и 3) извлеченія изъ дѣлъ судебныхъ ¹⁾.

Въ общемъ историческомъ введеніи разбираются прежде всего источники малороссійскаго права; на первой же страницѣ его установлено, что „въ Малороссіи въ сіе время (т. е., въ концѣ XVII вѣка, въ эпоху присоединенія къ Россіи) былъ дѣйствующимъ закономъ Статутъ *не третьей, а второй редакціи* (1566 г.), и постановленія онаго сохранились въ семь краѣ почти въ первообычномъ своемъ видѣ; на нихъ не имѣли дѣйствія введенныя послѣ составленія сего втораго или *Вольнскаго Статута въ Литовское и Польское Законодательство* перемѣны“ ²⁾.

¹⁾ Эти матеріалы и меморіи засѣданій Государственнаго Совѣта нѣются въ дѣлѣ № 5а, 1840 г. (А. Г. С. дѣла II Отдѣленія), а также и въ дѣлахъ Департамента Законовъ, за 1842 годъ.

²⁾ Въ рѣшеніи Гражданск. Кассач. Департ. № 15, 1897 года (по дѣлу о наследствѣ послѣ графа Мануви) въ числѣ аргументовъ, которыми доказывается необходимость конституціи 1588 г. (о кадукахъ) для литовскихъ областей, на послѣднемъ, правда, мѣстѣ поставленъ слѣдующій. „Правительствующій Сенатъ обращаетъ вниманіе свое на то обстоятельство, что если бы названная конституція имѣла обязательную силу закона въ западныхъ губерніяхъ, то эта обязательность не могла бы остаться безслѣдною при составленіи законопроектовъ, обсуждавшихся въ 1842 году въ Государственномъ Совѣтѣ, по вопросу о введеніи мѣстныхъ законовъ Черниговской и Полтавской губерній въ Общій Сводъ Законовъ (II. С. З. 1842. № 15520 [подъ этимъ № приведено Мн. Гос. Сов. о наслѣдованіи единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ]). Между тѣмъ, оказывается, что относительно вопроса о выморочномъ имѣніи, закономъ, дѣйствовавшимъ въ этихъ губерніяхъ, признавался только артикулъ XVII раздѣла третьяго Литовскаго Статута, и постановленіе его, сходное съ общими законами..., не потребовало введенія въ Сводъ Законовъ какихъ либо особыхъ правилъ для названныхъ губерній“. Если сопоставить это разсужденіе со сказаннымъ въ текстѣ, то ошибочность его очевидна. Чтобы поддержать этотъ аргументъ, необходимо было бы доказать, что юридическое значеніе сеймовыхъ конституцій въ Малороссіи было такое же, какъ и въ Литвѣ. А на самомъ дѣлѣ этого положенія нельзя доказать. Конституціи сеймовъ при кодификаціи законовъ губерній Черниговской и Полтавской именно не принимались во вниманіе; именно по этой-то причинѣ, потому что памятники сеймоваго законодательства не признавались Мало-

На это утверждение слѣдуетъ обратить вниманіе. Установивъ правильно главный, дѣйствующій *de jure*, источникъ, второй Статутъ, авторы проекта въ дальнѣйшемъ уже болѣе къ нему не возвращались, а черпали матеріалъ для статей прямо изъ *третьяго* Статута, а иногда, и притомъ нерѣдко—просто изъ Западнаго Свода. Это правильное замѣчаніе прошло совершенно безъ всякаго вліянія на дальнѣйшія кодификаціонныя работы.

Затѣмъ, въ запискѣ вкратцѣ разбираются попытки XVIII вѣка кодифицировать мѣстное право и реформы, внесенныя въ послѣднее русскими законами первой половины минувшаго столѣтія. Заканчивается она очень общей характеристикой малороссійскаго права, въ которое проникли право магдебургское, „зерцало Саксоніи“, и русское законодательство. Отъ этого смѣшенія произошло разнообразіе судебной практики и „сей произволъ увеличился еще болѣе съ 1811 г., когда изданъ Русскій переводъ Литовскаго Статута..., который сдѣлалъ не по второму..., а по третьему... кодексу и заключаетъ въ себѣ ссылки на конституціи, и черезъ то поставяетъ судебныя мѣста въ новыя затрудненія“. Въ примѣчаніи этотъ обзоръ дополненъ слѣдующей замѣткой: „впрочемъ, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, и прежде изданія сего перевода, малороссійскія судебныя мѣста, а равно и частныя лица... иногда руководствовались постановленіями *третьяго* Статута“, какъ болѣе распространеннаго и доступнаго.

Такимъ образомъ, въ началѣ записки въ качествѣ главнаго источника указанъ второй Статутъ, и притомъ „въ первобытномъ видѣ“, а въ концѣ—перечисленъ цѣлый рядъ другихъ дѣйствующихъ законовъ, въ число которыхъ на первое мѣсто поставленъ Статутъ *третій*, къ тому же примѣняемый на практикѣ въ измѣненной формѣ. Какъ понимать соотношеніе этихъ источниковъ,—объ этомъ записка умалчиваетъ; это явное противорѣчіе въ ней совершенно не объяснено. Можно было бы ожидать, что оно разъяснено для конкретныхъ случаевъ, т. е., въ частныхъ запискахъ, содержащихъ объясненія по отдѣльнымъ вопросамъ; но и тамъ *обыкновенно* (за нѣкоторыми исклю-

---

россией, и предположено было малороссійскія статьи выдѣлить изъ Западнаго Свода. Сенатъ, дагѣ, подъ понятіе западныхъ губерній подводитъ и малороссійскія—и совершенно напрасно. Въ сущности и это положеніе не есть ничто очевидное, в будущее выставлено въ числѣ аргументовъ въ судебномъ рѣшеніи, нуждается въ свою очередь въ доказательствѣ.—Этотъ ошибочный и слабый аргументъ повторяется и проф. Леонтомычемъ (въ его статьѣ—Къ вопросу о выморочныхъ имуществахъ по Литовскому праву, Журн. Мин. Юстиціи. 1897. Сентябрь, стр. 124).

ченіями) цитируется просто „Статутъ“ безъ указанія какой редакціи, и въ этихъ случаяхъ имѣется въ виду именно третій.

Самая обширная записка изъ числа отдѣльныхъ представленій касается „отмѣны существующаго въ губ. Черниговской и Полтавской порядка судопроизводства“. Мѣстный порядокъ, основанный на Статутѣ, первоначально былъ чисто состязательный, такой же, какой дѣйствовалъ и въ западныхъ губерніяхъ. Но въ западномъ край основное, въ общемъ, скудное законодательство (IV и IX раздѣлы Литовскаго Статута) съ теченіемъ времени было дополнено и реформировано при польскомъ владычествѣ. Большія перемѣны внесли въ него конституціи сеймовъ 1726, 1764 и 1784 гг.; затѣмъ коснулись его и нѣкоторые русскіе законодательные акты. Однако, всѣ эти законы, и польскіе и русскіе, прошли мимо Малороссіи, на которую они формально не распространялись: Польша не могла предписывать законовъ прежней своей области, а русскіе законы умалчивали о Малороссіи. Не затронули малороссійскихъ губерній указы 1797 г. (11-го сент.) и 1798 г. (9-го января), Мнѣніе Государственнаго Совѣта 21-го декабря 1827 г. о порядкѣ и срокѣ записки въ судебные реестры акторовъ (хотя въ Малороссіи позывы и подавались, но акторовъ въ мѣстныхъ судахъ не было). Указомъ 16-го марта 1835 года повсемѣстно были отмѣнены „возны“, и въ западныхъ губерніяхъ вмѣсто нихъ ввели засѣдателей, а въ Малороссіи эта пустота осталась незаполненной. Изъ такого запутаннаго положенія мѣстные судебные дѣятели вышли довольно просто, ретенцировавъ, безъ всякихъ формальныхъ къ этому основаній, нѣкоторые русскіе порядки, какъ законы ближайшаго „христіанскаго народа“. Этимъ путемъ общіе законы имперіи получили примѣненіе ко всѣмъ дѣламъ казеннымъ, въ такомъ же порядкѣ получили силу и уставы вексельный и банкротскій. Но единства въ судебной практикѣ не было никакого. „Нѣкоторые дѣла начинаются подачею позывовъ“, говорится въ запискѣ II Отдѣленія, „другія исковыми прошеніями; часто даже по врученіи позыва отвѣтчику и по явкѣ его къ отвѣту, тяжущіяся стороны подаютъ.... прошенія и дѣло, начатое формальнымъ порядкомъ по Статуту Литовскому, впоследствии производится на основаніи законовъ общихъ“. Требованіе и присужденіе тяжбныхъ убытковъ производится также разнообразно; одни суды допускаютъ тяжущихся къ присягѣ въ томъ, что убытки точно понесены ими, и устанавливаютъ ихъ размѣръ безапелляціонно, другіе примѣняютъ указъ 19-го января 1827 года (изданный исключительно для возвращенныхъ отъ Польши губерній) и допускаютъ

апелляцію; наконецъ, третьи руководствуются общими законами. „Образъ удовлетворенія заимодавцовъ“ также различествовалъ въ разныхъ мѣстностяхъ: одни суды приговаривали по Статуту имѣніе должника къ отдачѣ „въ увязку“, а другіе назначали продажу имущества, по банкрутскому уставу, и т. д. Естественнымъ слѣдствіемъ такой путаницы являлись всякія злоупотребленія. Поэтому II Отдѣленіе совершенно основательно предложило отмѣнить всѣ мѣстныя изъятія въ области гражданскаго судопроизводства и распространить на губ. Черниговскую и Полтавскую общіе законы.

Таковыми же соображеніями мотивировалась и отмѣна прежняго *порядка судебной расправы у малороссійскихъ казаковъ*.

Остальныя записки касались слѣдующихъ вопросовъ: „1) О послѣдствіяхъ признанія брака не дѣйствительнымъ и разлученія супруговъ. 2) Объ опекахъ. 3) О смыслѣ выраженій: родовыя и наследственныя имѣнія. 4) О вознагражденіи за личныя обиды крестьянъ по Литовскому Статуту. 5) О совершеніи записей въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. 6) О дареніи на случай смерти. 7) О недозволеніи дѣтямъ требовать выдѣла частей изъ имущества родителей при жизни сихъ послѣднихъ. 8) О выдѣлѣ дѣтой и о правѣ дочерей, выданныхъ въ замужество при жизни отца безъ вѣнковой записи, требовать приданого послѣ его смерти. 9) Объясненіе къ статьѣ 40 проекта, особыхъ постановленій дѣйствующихъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. 10) О завѣщаніи имущества во временное владѣніе. 11) О правѣ единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ на наследство. 12) О денежномъ платежѣ за вѣнецъ. 13) О правахъ вдовы на наследіе въ имѣніи мужа въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской (съ приложеніемъ). 14) О условіи о неустойкѣ. 15) О закладныхъ на упадѣ. 16) Объ отказахъ имущества крѣпостнымъ людямъ. 17) О недѣйствительности завѣщаній крѣпостныхъ людей“.

Всѣ онѣ построены по одинаковому плану; включеніе въ Сводъ того или иного изъятія для Малороссіи мотивируется тѣмъ, что данная норма содержится въ Статутѣ и не отмѣнена никакимъ специальнымъ постановленіемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для подкрѣпленія аргументовъ, указывалось еще, что предлагаемое правило уже было принято при составленіи Западнаго Свода, или уже тогда же установлено Государственнымъ Совѣтомъ, согласно съ представленіями II Отдѣленія по Западному Своду (утвержденными 5-го іюля 1838 года). Эти записки въ нѣсколько сокращенномъ видѣ напечатаны въ Полномъ Со-

браніи Законовъ¹⁾. Государственный Совѣтъ, какъ въ Департаментѣ Законовъ, такъ и въ Общемъ Собраніи всецѣло согласился съ ними, такъ что нѣтъ основанія подробнѣе на нихъ останавливаться въ виду того, что опубликованные матеріалы содержать всѣ данныя. Слѣдуетъ обратить вниманіе только на нѣкоторые пункты.

Мѣстные постановленія объ *опекахъ* отличаются отъ общихъ. Прежде всего, возрастъ совершеннолѣтія Статутъ опредѣляетъ иначе, чѣмъ русское право; дагѣе, по Статуту, дѣвицы при выходѣ замужъ освобождаются отъ опеки; право на опекуное званіе принадлежать отцу и брату, причемъ отецъ свободенъ отъ отчетности; запрещеніе отчуждать вещи малолѣтняго въ литовскомъ правѣ влечетъ за собой болѣе рѣшительныя послѣдствія, чѣмъ въ общемперскомъ, — неправильно отчужденное имѣніе малолѣтній можетъ прямо виндигировать отъ пріобрѣтателя; наконецъ, размѣръ вознагражденія опекуновъ въ мѣстныхъ законахъ (10%) иначе опредѣленъ, чѣмъ въ общихъ (5%). II Отдѣленіе признавало безусловно необходимымъ только распространить на губ. Черниговскую и Полтавскую общій срокъ совершеннолѣтія, а въ остальномъ предоставляло Государственному Совѣту на выборъ: или оставить въ силѣ мѣстные законы, или же распространить на Малороссію общіе. Государственный Совѣтъ избралъ первое (въ Департаментѣ Законовъ), такъ какъ, по его мнѣнію, распространеніе общихъ законовъ внесло бы слишкомъ большую ломку въ существующій порядокъ. Съ этимъ согласилось и Общее Собраніе.

Детальному обсужденію подверглась *юридическая природа права вдовы на имущество, остающееся ей послѣ смерти мужа*. Въ 1806 году (18-го іюля) Сенатъ по дѣлу графини Потоцкой призналъ, что она пріобрѣтаетъ „*потомственное*“ владѣніе, а Статутъ говоритъ о пожизненномъ. Въ виду этого противорѣчія, сенатскій указъ въ мѣстной судебной практикѣ не пріобрѣлъ значенія и послужилъ только источникомъ недоразумѣній. Чтобы выяснитъ точный смыслъ постановленія Статута, II Отдѣленіе произвело сличеніе различныхъ текстовъ, именно: 1) Статута редакціи 1529 года на русско-западномъ языкѣ и въ латинскомъ переводѣ, 2) Статута 1566 года на русско-западномъ языкѣ, 3) Статута третьей редакціи, 1588 г. въ изданіи Мамоничей, 4) польскаго перевода 1614 года, 5) русскаго перевода 1811 года, 6) перевода 1830 года и 7) соотвѣствующихъ мѣстъ изъ рукописи „правъ, по которымъ судятся малороссійскій на-

¹⁾ Подъ № 15520 и слѣд.

родъ". На основаніи этихъ данныхъ было установлено, что Статутъ имѣеть въ виду *пожизненное* владѣніе вдовы. Въ такой редакціи это правило и было утверждено Государственнымъ Совѣтомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было оговорено, что оно не должно имѣть обратнаго дѣйствія на имѣнія, перешедшія къ другимъ лицамъ, согласно указу Сената 1806 года. Въ этомъ смыслѣ оно изложено и въ Сводѣ (см. прим. къ ст. 1157 X т. по изд. 1900 года).

Текстъ Статута второй редакціи, т. е., именно того, который, какъ сказано въ общей запискѣ объ исторіи малороссійскаго права, являлся главнымъ источникомъ права, дѣйствующимъ въ первобытной формѣ, кромѣ только что разобраннаго вопроса былъ принятъ въ расчетъ еще одинъ разъ — именно, при разсмотрѣніи вопроса о денежномъ платежѣ за вѣнецъ вдовы, вступающей во второй бракъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ руководствовались *только* третьимъ Статутомъ, который „въ лучшемъ переводѣ“ лежалъ въ основаніи всего проекта статей. Это игнорированіе второго Статута доказывается уже однимъ тѣмъ, что всѣ ссылки подъ статьями сдѣланы на Статутъ 1588 года, дѣленіе котораго на раздѣлы и артикулы совершенно не совпадаетъ съ дѣленіями второго Статута. Конечные выводы историческихъ изысканій не отразились на результатахъ кодификаціи. Съ такимъ же успѣхомъ, въ сущности, можно было бы и вовсе не вдаваться въ какія бы то ни было историческія разслѣдованія. Или же, — и это было бы гораздо болѣе полезно, — слѣдовало сдѣлать дѣйствительно тщательное разслѣдованіе о томъ, какой Статутъ примѣняется на самомъ дѣлѣ въ судахъ, какія рукописи распространены въ краѣ и каково ихъ происхожденіе, т. е. сдѣлать ту работу, которую такъ удачно выполнилъ проф. Кистяковскій въ своей книгѣ „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“. Если бы это изслѣдованіе выяснило, что третій Статутъ вытѣснилъ въ Малороссіи второй ¹⁾, тогда можно было бы съ полнымъ правомъ именно его взять за основу. А такое пользованіе третьимъ Статутомъ, какое было допущено при кодификаціи 1842 года, представляется совершенно случайнымъ. Очевидно, для составителей проекта всѣ Статуты были одинаково хороши, а наиболѣе хорошъ былъ тотъ, который „былъ наиболѣе доступенъ“, т. е. третій, хорошо переведенный на русскій языкъ и чисто переписанный.

¹⁾ О томъ, что нѣкоторыя свѣдѣнія относительно распространенія третьяго Статута имѣлись во II Отдѣленіи, свидѣтельствуетъ приведенное выше замѣчаніе, помѣщенное въ историческомъ введениіи.

Въ Государственномъ Совѣтѣ вызвало споры только одно представленіе изъ всѣхъ внесенныхъ II Отдѣленіемъ. Именно, въ числѣ прочихъ неясныхъ пунктовъ на разсмотрѣніе Совѣта была вторично представлена записка относительно юридической природы *дареній на случай смерти*. Въ ней повторялось то, что было уже сказано въ представленіи 1838 года, именно что этотъ типъ сдѣлокъ слѣдуетъ отнести къ числу актовъ завѣщательныхъ, а не дарственныхъ. При первомъ разсмотрѣніи Государственный Совѣтъ вполне согласился съ II Отдѣленіемъ, и вторично этотъ вопросъ представлялся на его уваженіе исключительно по формальнымъ соображеніямъ, только потому, что вообще всѣ записки о малороссійскихъ законахъ должны были пройти черезъ него. При слушаніи дѣла въ 1842 году, Департаментъ Законовъ всецѣло принялъ заключеніе II Отдѣленія. Но въ Общемъ Собраніи противъ проекта выступилъ одинъ членъ Государственного Совѣта ¹⁾. Противъ предлагаемаго восстановленія 2 артикула VIII раздѣла Статута онъ привелъ рядъ аргументовъ, какъ общаго, принципиальнаго, характера, такъ и специальныхъ, прямо къ данному вопросу относящихся. Именно, онъ указывалъ на то, что малороссійское право не исчерпывается Литовскимъ Статутомъ. Между буквой его и „практическимъ производствомъ существуетъ, уже въ теченіи столѣтія и болѣе, значительное различіе. Между тѣмъ, эти отступленія отъ текста писанныхъ законовъ обращены въ Малороссіи силою навыка, такъ сказать, въ практическій законъ“. „Главная черта этого мѣстнаго въ Малороссіи права состоитъ въ свободномъ распоряженіи недвижимыми имѣніями“. Восстановленіе прежняго закона при такихъ обстоятельствахъ было бы равносильно введенію новаго. И далѣе: если будетъ возобновленъ такой законъ, то получивъ вслѣдствіе этого обратную силу, онъ приведетъ къ потрясенію многихъ сдѣлокъ, которыя контрагенты по доброй совѣсти почитали законными и неопровержимыми.

На прежнее рѣшеніе Государственного Совѣта, 1838 года, нельзя, по мнѣнію этого члена Совѣта, ссылаться, такъ какъ оно было постановлено не относительно Малороссіи, а для западныхъ губерній, т. е., для другихъ областей. Между тѣмъ, Государственный Совѣтъ раньше (въ 1824 г., по дѣлу графовъ Разумовскихъ) призналъ вполне правильной, по кончинѣ вотчинника, дарственную запись, по которой

¹⁾ Въ меморіи онъ не названъ (дѣло № 5а, 1840 года), а изъ другихъ источниковъ но видно, кто бы это могъ быть.

родовое имѣніе отчуждалось отъ законныхъ наследниковъ, хотя при жизни вотчинника вводъ во владѣніе и другіе обряды не были исполнены. Поэтому авторъ возраженія, чтобы выйти изъ противорѣчія, которое создавалось проектомъ II Отдѣленія, предлагалъ на выборъ слѣдующее: или признать возстановляемый законъ „старымъ“ и тогда произвести на мѣстѣ разслѣдованіе, „въ чемъ именно различествуетъ теорія отъ практики, какія допущены въ Малороссійскихъ законахъ о собственности положительныя, или обычаями введенныя, измѣненія; до какой степени и въ какомъ объемѣ руководствовались оными присутственныя мѣста, и сколько имѣется въ производствѣ, или въ виду, дѣлъ сего рода, не получившихъ еще окончанія, или оконченныхъ, но не вступившихъ еще въ законную силу“. Или же слѣдовало законъ о дареніяхъ признать „новымъ“ и разсматривать его съ этой точки зрѣнія, т. е., войти въ оцѣнку его по существу и относиться къ нему иначе, чѣмъ къ кодификаціонной вставкѣ въ Сводъ Законовъ.

Въ заключеніе этотъ членъ Совѣта возражалъ вообще противъ того способа, при помощи котораго производилась кодификація мѣстнаго малороссійскаго права. Онъ указывалъ, что „обновленіе существовавшихъ въ Малороссіи отрывками, но давно измѣнившихся Польскихъ узаконеній, это искусственное сліянiе началъ между собой несогласныхъ, неблагоприятное мѣстнымъ обстоятельствамъ и частнымъ пользамъ, оставляетъ неудовлетвореннымъ чувство тѣхъ, кои, по привязанности ко всему родному, желаютъ сохраненія туземныхъ правъ и обрядовъ, и въ то же время не соотвѣтствуетъ ожиданію другихъ, ищущихъ въ законодательствѣ опоры государственной самобытности“.

Въ этихъ замѣчаніяхъ, особенно поскольку они касались принципиальной постановки кодификаціи мѣстнаго права, несомнѣнно имѣется большая доля истины. Но успѣха они не имѣли. Несогласный съ проектомъ членъ Совѣта остался въ единственномъ числѣ, большинство присоединилось къ предложенію II Отдѣленія. Именно указывали на то, что рѣшеніе Государственнаго Совѣта по дѣлу гр. Разумовскихъ представляетъ исключеніе, и что въ 1826 году по дѣлу маршала Жуковскаго Совѣтъ утвердилъ мнѣніе *мѣстнаго* судебного учрежденія, Золотоношскаго уѣзднаго судьи, признававшего, что даръ на случай смерти есть завѣщаніе. Отсюда большинство выводило, что и въ мѣстныхъ обычаяхъ природа даренія на случай смерти не всегда понималась въ томъ смыслѣ, какъ это утверждаетъ „одинъ членъ“. Далѣе, большинство признало, что разъясненіе Статута, со-

стоявшееся въ 1838 г., по поводу Западнаго Свода, должно въ той же мѣрѣ прилагаться къ Малороссіи, а не только къ западнымъ губерніямъ, ибо Совѣтъ призналъ, „что какъ въ томъ и другомъ краѣ дѣйствующій законъ... есть Литовскій Статутъ, и истолкованіе, данное для западныхъ губерній, должно въ той же мѣрѣ распространяться на Малороссію“.

Большое вниманіе было удѣлено и принципиальной сторонѣ вопроса. Совѣтъ ставитъ общій вопросъ о сравнительной силѣ обычая и закона, какъ источниковъ права.

„Въ духѣ ли нашихъ правительственныхъ и законодательныхъ установленій требовать исполненія закона“ (т. е., въ данномъ случаѣ Статута) „не по точнымъ его словамъ и разуму, а по превратнымъ понятіямъ исполнителей?“ Обычай нигдѣ не имѣетъ силу отмѣнить писанную норму. Признать за нимъ такую силу, „значило бы власть законодательную передать въ частныя руки“. Въ особенности, относительно губ. Черниговской и Полтавской, признаніе за обычаемъ такого значенія приводило бы къ тому, что „дѣла однородныя были бы разрѣшаемы разнообразно: въ *мѣстныхъ* судахъ—по обычаю, если бы онъ дѣйствительно тамъ существовалъ, въ *общихъ и верховныхъ* судилищахъ Имперіи—по смыслу письменнаго закона, совершенно сему обычаю противоположнаго“ ¹⁾). Къ тому же при неясности вопроса, существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ тотъ обычай, на который ссылается „одинъ членъ“, большинство Совѣта признало болѣе правильнымъ придерживаться писанной нормы.

Это соображеніе дѣйствительно убѣдительно, и можно считать, что въ данномъ *конкретномъ вопросѣ, о дареніяхъ на случай смерти*, мнѣніе большинства создавало наиболѣе удачный выходъ изъ положенія. Но при чтеніи общихъ разсужденій о превосходствѣ писанной нормы надъ обычаемъ, разсужденій, также могущихъ показаться на первый взглядъ убѣдительными, не слѣдуетъ забывать, что рѣчь шла о законѣ, написанномъ тому назадъ триста лѣтъ, и, притомъ, о такомъ законѣ, содержаніе котораго иной разъ приходилось устанавливать путемъ чуть ли не палеографическихъ изслѣдованій текста случайно найденныхъ рукописей.

Не всякое толкованіе исполнителей можно признать „превратнымъ“, только потому, что оно не соответствуетъ тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришли изслѣдователи, работавшіе при содѣйствіи богатыхъ по-

¹⁾ Отпечатанныя курсивомъ мѣста подчеркнуты въ оригиналѣ.

собій. И наконецъ,—и это самое важное—слѣдовало задуматься надъ тѣмъ, можно ли было распространить безъ всякихъ оговорокъ на малороссійскіе законы тѣ постановленія о юридической силѣ (или вѣрнѣе—безсиліи) обычая, которыя сложились въ русскомъ законодательствѣ, не справившись о томъ, какъ само малороссійское право (обязательность котораго вообще предполагалась) къ этому относится. Но какъ бы то ни было, Государственный Совѣтъ, подавляющимъ большинствомъ голосовъ, утвердилъ мнѣніе II Отдѣленія.

Всѣ записки были заслушаны Департаментомъ Законовъ 19-го января, Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта—23-го марта и утверждены Государемъ 15-го апрѣля 1842 года ¹⁾. Впослѣдствіи, въ 1843 г. 18-го мая, II Отдѣленіе представило въ Государственный Совѣтъ еще одну записку, въ которой доказывало необходимость прямой законодательной отмѣны нѣкоторыхъ правилъ Статута (разд. V, 8 § 1 и 9 § 1), относительно потери приданого дѣвицей, выходящей замужъ противъ воли родителей и опекуновъ ²⁾. Но Государственный Совѣтъ совершенно правильно разсудилъ (28-го мая и 7-го іюня 1843 г.), что нѣтъ никакого основанія издавать особый указъ для отмѣны этихъ постановленій Статута, такъ какъ уже тѣмъ самымъ, что они не включены въ Сводъ Законовъ, показывается, что они и не должны имѣть силы. Тѣмъ болѣе, дѣло касалось такихъ нормъ, которыя уже при составленіи Западнаго Свода были признаны несовмѣстными съ общими законами. Въ виду такого рѣшенія Государственнаго Совѣта, эта записка II Отдѣленія не получила дальнѣйшаго движенія.

Но „записки“ были представлены въ Государственный Совѣтъ не по всѣмъ статьямъ проекта II Отдѣленія, а только по такимъ, которыя представлялись изъятіями изъ общихъ законовъ. Между тѣмъ, нѣкоторыя статьи мѣстныхъ законовъ II Отдѣленіе не считало возможнымъ признавать за „изъятія“. При просмотрѣ Литовскаго Статута нашли въ немъ нѣкоторыя правила, вполне согласныя съ общимъ законодательствомъ, „въ немъ подразумеваемыя“, но прямо не выраженные. Ихъ не слѣдовало обходить молчаніемъ при кодификаціи, такъ какъ такое умолчаніе можно было бы понимать, какъ прямую отмѣну. А съ другой стороны, разсматривать ихъ въ Совѣтѣ не имѣло смысла, спорныхъ вопросовъ они не могли возбудить, да и не слѣдовало

¹⁾ Онѣ напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ №№ 15520—15531.

²⁾ Объ этомъ см. выше.

утверждать снова то, что уже имѣло силу закона. Поэтому оставились на среднемъ рѣшеніи: такія статьи были приведены въ проектъ II Отдѣленія и доведены до свѣдѣнія Совѣта, но въ отдѣльности въ немъ не обсуждались. „Смыслъ постановленій“, относящихся къ Малороссіи“, говорилось въ „Историческомъ обзорѣни хода Малороссійскаго законодательства“, „часто заключается уже въ статьяхъ Общаго Свода, еще чаще въ постановленіяхъ Малороссійскихъ встрѣчаются такія статьи, коихъ смыслъ можетъ быть извлеченъ изъ сближенія разныхъ статей общаго Свода, но который однако же въ ономъ прямо не выраженъ, такъ что помѣщеніе подобнаго постановленія лишь для губерній Черниговской и Полтавской могло бы дать поводъ къ заключенію, что смыслъ сихъ постановленій Сводомъ вообще не допускается“.

И въ самомъ дѣлѣ, если бы такое правило, которое въ равной мѣрѣ можетъ относиться къ малороссійскимъ и великороссійскимъ губерніямъ, въ общемъ сводѣ было предписано только для первыхъ, то являлся бы совершенно естественный выводъ а *contrario*, что во вторыхъ оно не дѣйствуетъ.

Но въ самомъ представленіи въ Государственный Совѣтъ изъ этого совершенно правильнаго тезиса не сдѣлано никакихъ выводовъ, и не указано никакого конкретнаго выхода изъ затрудненія. Объ этихъ статьяхъ, дѣйствующихъ повсемѣстно, въ представленіи только упомянуто (въ цитиров. выше мѣстѣ), но на утвержденіе Совѣта не было представлено никакихъ опредѣленныхъ предположеній. Объ этомъ Блудову пришлось озаботиться уже впоследствии, когда мѣстныя изытія вставлялись въ общій сводъ (второе изданіе, такъ назыв. „1842 г.“). Тогда сразу же возникло затрудненіе, какъ прописать цитаты подъ новыми статьями? Вопросъ этотъ оказался вовсе не простымъ; его нельзя было разрѣшить въ кодификаціонномъ порядкѣ, а понадобилось специальное Высочайшее повелѣніе.

По этому предмету Блудовъ представилъ Государю 22-го октября 1842 г. обширный докладъ „о ссылкахъ подъ статьями Литовскаго Статута, внесенныхъ въ Общій Сводъ Законовъ“. Въ этомъ докладѣ описаны различные способы, которыми предполагалось изложить цитаты, въ зависимости отъ характера различныхъ нормъ, выраженныхъ въ статьяхъ. Самыми простыми случаями были, конечно, тѣ, когда включалось „изытіе“, рассмотрѣнное въ Государственномъ Совѣтѣ и прямо предписанное только для губерній Черниговской и Полтавской. Здѣсь слѣдовало въ ссылкахъ указать только рубрики Литовскаго

Статута и Мигъніе Государственнаго Совѣта, которымъ подтверждалось дѣйствіе Статута. Нѣсколько сложнѣе обстояло дѣло съ тѣми правилами Статута, которыя уже однажды были разъяснены авторитетными властями, а въ Сводѣ включались въ другомъ значеніи; сюда относилась статья о природѣ права вдовы на наслѣдство послѣ мужа. Сенатъ въ 1806 году квалифицировалъ его какъ собственность, а Государственный Совѣтъ въ 1842 г.—какъ узурфруктъ (см. ст. 1157, прим., X т., изд. 1900 г.). Здѣсь предполагалось сдѣлать ссылки на эти русскіе акты ¹⁾. Такого же рода цитаты слѣдовало, по мигънію Блудова, подвести подъ статьи, „содержація въ себѣ не изъятія изъ общихъ, согласныхъ и съ постановленіями Статута Литовскаго, законовъ, а лишь сдѣланное по онымъ по Мигъніямъ Государственнаго Совѣта изъясненіе“.

Какъ примѣръ такой статьи, приводилась статья (теперь 991, X тома) о признаніи дарственныхъ записей на случай смерти—духовными завѣщаніями. Наконецъ, оставалось установить цитаты подъ новыми статьями, которыя выражали вовсе не изъятіе изъ общихъ законовъ, а только „поясненіе“ ихъ или дополненіе. Иначе сказать, здѣсь имѣлись въ виду именно тѣ новыя статьи, которыхъ въ дословномъ текстѣ въ Общемъ Сводѣ еще не было, но содержащіяся въ которыхъ правила являлись выводами изъ началъ общеперскаго гражданскаго права; эти выводы въ Статутѣ были высказаны прямо, а въ Сводѣ Законовъ только подразумевались. Между тѣмъ II Отдѣленіе считало полезнымъ ввести ихъ и въ Сводѣ Законовъ, для большей ясности, на будущія времена.

Одинъ такой случай, „о недовольствѣ дѣтямъ требовать выдачи частей изъ имущества родителей при жизни сихъ послѣднихъ“, былъ представленъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ запискѣ по этому предмету сказано слѣдующее: „II Отдѣленіе полагаетъ, что содержаніе предполагаемаго параграфа (38 проекта) не можетъ быть признано изъятіемъ изъ общихъ правилъ, по сему предмету въ Сводѣ находящихся, ибо постановляемое здѣсь узаконеніе совершенно согласно съ значеніемъ приведенныхъ статей (X тома, *перваго* изданія 1835 года) 130 и 594, хотя буквально въ оныхъ не выражено, и потому весьма удобно можетъ служить общимъ дополненіемъ къ симъ общимъ статьямъ“ ²⁾. Другіе случаи этого рода не были объяснены

¹⁾ Такъ постановилъ Государственный Совѣтъ. См. II. С. З. № 15521.

²⁾ А. Г. С. дѣло № 5а, 1840. Журналъ Департамента Законовъ, № 19.

въ отдѣльныхъ запискахъ. По поводу этихъ статей общаго значенія въ докладѣ Блудова сказано слѣдующее: „Нѣкоторыя изъ сихъ постановленій, какъ я имѣлъ счастье докладывать Вашему Величеству, признаны не изъятіями изъ общихъ законовъ Имперіи, а лишь поясненіемъ ихъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ коренное наше законодательство, довольствуясь главными указаніями, предоставляетъ примѣненіе оныхъ соображенію суда. Подъ заключающими сіи постановленія статьи было бы неблаговидно ссылаться на Литовскій Статутъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе оныхъ достаточно показываетъ не только сходство, но даже совершенное тожество ихъ съ нашими отечественными узаконеніями. По сему, въ такихъ случаяхъ, кажется, должно ограничиваться указаніемъ на Мнѣніе Государственнаго Совѣта 15-го апрѣля 1842 года, коимъ утверждена редація каждой изъ сихъ статей. Но какъ сіи узаконенія должны быть признаваемы не закономъ новымъ, а дополненіемъ, или, лучше сказать, выводомъ изъ законовъ существующихъ, то, по мнѣнію моему, необходимо упомянуть о семъ именно въ указѣ, который будетъ поднесенъ въ подписанію Вашему Императорскому Величеству, какъ о новомъ изданіи свода вообще, такъ и о помѣщеніи особыхъ постановленій, дѣйствующихъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, въ Общій Сводъ Законовъ Имперіи. Сіи будутъ не только разрѣшены, но предупреждены всякіе вопросы о обязательной силѣ этихъ узаконеній, ибо Основными Государственными Законами, въ ст. 61 свода, весьма положительно и ясно опредѣлено, что законъ распространяется и на прошедшее время, когда оный служитъ лишь подтвержденіемъ и изъясненіемъ смысла закона прежняго“.—Такимъ образомъ всѣ эти вставки въ новое изданіе (второе) свода Законовъ должны были, по совершенно послѣдовательному разсужденію Блудова, сверхъ всего прочаго, имѣть еще обратную силу. Не лишнее, однако, отмѣтить здѣсь же,—объ этомъ рѣчь будетъ еще и ниже,—одинъ только пунктъ доклада, но за то самый важный, который вызываетъ нѣкоторыя недоразумѣнія, именно тѣ его мѣста, гдѣ говорится о нѣкомъ Мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 15-го апрѣля 1842 г. Такого „Мнѣнія“, безъ specialнаго заглавія какъ оно предполагается въ докладѣ, я нигдѣ не нашолъ,—ни въ Полномъ Собраніи Законовъ, ни въ архивныхъ дѣлахъ. И напротивъ, существованіе отдѣльныхъ „Мнѣній“ по отдѣльнымъ вопросамъ, „Мнѣній“, утвержденныхъ каждое порознь, и имѣвшихъ свою судьбу, свидѣтельствуетъ о томъ, что общаго „Мнѣнія 15-го апрѣля 1842 года“ просто не было.

Предположения Блудова были утверждены Государемъ, и во второмъ изданіи Свода Законовъ, „1842 г.“, появились новыя статьи, снабженныя этими, можно сказать, продуманными цитатами ¹⁾.

Остановившись на необходимости мимоходомъ пополнить X томъ новыми статьями, согласными съ общимъ духомъ имперскаго гражданскаго права, II Отдѣленіе оказалось передъ трудной задачей. И рѣшеніе ея, которое было принято, едва ли можно признать вполне удачнымъ. Задача эта заключалась въ слѣдующемъ. При сличеніи Литовскаго Статута съ X томомъ обнаружено, что въ Статутѣ имѣются такія постановленія, которыя полезно было бы включить въ Сводъ Законовъ. Изъ этихъ постановленій нѣкоторыя, въ сущности, настолько просты и элементарны, что ихъ можно найти во всякомъ кодексѣ гражданскаго права, болѣе развитомъ, чѣмъ X томъ, а другія—являются только болѣе полнымъ выраженіемъ воспринятыхъ въ X томѣ началъ, или выводами изъ нихъ, которые въ X томѣ прямо не сдѣланы.

²⁾ Въ концѣ доклада Блудова приложены образцы различныхъ типовъ цитатъ, которыми онъ полагалъ снабдить вновь вводимыя статьи. Такихъ образцовъ нѣсколько: 1) „Статья, содержащая въ себѣ не изъятіе изъ законовъ общихъ, а лишь поясненіе оныхъ“,—приведена иллюстрирующая (по изд. 1900 г.) ст. 995, т. X, ч. 1. 2) „Статья, въ коей Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, 15-го апрѣля 1842 г. Высочайше утвержденнымъ, постановляются новыя для губ. Черниговской и Полтавской правила судопроизводства“,—приведена статья, теперь уже исключенная изъ X тома, о порядкѣ совершенія записокъ. 3) „Статья, въ коей по Мнѣнію Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденному 15-го апрѣля 1842 г., восстанавливается первоначальный смыслъ Литовскаго Статута, подвергшіяся разнообразнымъ толкованіямъ“,—указаны тѣ цитаты, которыя имѣются подъ примѣчаніемъ къ ст. 1157, X тома. 4) „Статьи, содержащая въ себѣ постановленія Литовскаго Статута, ни въ чемъ въ отношеніи къ сущности ихъ не измѣненныя“—это обычные ссылки, которыя имѣются подъ большинствомъ статей, касающихся губ. Черниговской и Полтавской, гдѣ указана нумерація Литовскаго Статута и ссылка на подтверждающее его Мнѣніе Государственнаго Совѣта. 5) „Статья, содержащая въ себѣ не изъятіе изъ общихъ согласныхъ и съ постановленіями Статута Литовскаго Законовъ, а лишь сдѣланное по“ (это слово вѣроятно пропущено въ имѣющейся въ дѣлѣ № 5а 1840 г. копіи съ доклада) „онымъ по Мнѣнію Государственнаго Совѣта изъясненіе“. Здѣсь указана ст. 991 (по изд. 1900), въ которой предписывается дареніе на случай смерти разсматривать какъ заглаженіе. Этотъ примѣръ былъ выбранъ не совсемъ удачно, если онъ долженъ былъ служить образцомъ для всѣхъ такихъ статей: постановленіе ст. 991 было разъяснено специальнымъ Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, утвержденнымъ Государемъ, Мнѣніемъ, которое вошло въ Полное Собраніе Законовъ и тамъ можетъ быть отыскано. Другія же статьи этого типа, какъ ниже будетъ показано, нельзя возводить къ Полному Собранію, въ которомъ о нихъ ничего не говорится. Слѣдовательно, ст. 991 образчикомъ ихъ служить не можетъ, и правильнѣе было бы указать другую.

Понятно, что II Отдѣленіе желало воспользоваться случаемъ, чтобы нѣсколько подновить и подправить дѣйствующую систему гражданскаго права, тѣмъ болѣе, что эти постановленія Статута *необходимо* было включить въ Сводъ Законовъ, если вообще желательно было сохранить мѣстное малороссійское право во всей его неприкосновенности. Если бы эти правила не были помѣщены въ X томѣ, то это означало бы, что они отмѣнены и для Малороссіи. И совершенно основательно такія правила, содержащія *общія* нормы, предположено было изложить именно въ видѣ таковыхъ, а не въ видѣ специальныхъ мѣстныхъ изъятій, чтобы исключить возможность всякихъ толкованій а contrario. Если бы это не было сдѣлано, то являлся бы источникъ новыхъ недоразумѣній. Можно указать на одинъ примѣръ такого недоразумѣнія, случайно проникшій въ Сводъ Законовъ и до сихъ поръ тамъ остающійся. Именно, въ ст. 2327 т. X (над. 1900 г.) для *зуберній Черниовской и Полтавской* специально постановлено, что „повѣренный обязанъ вознаградить убытки, происшедшіе отъ его нерадѣнія въ исполненіи данныхъ ему порученій, а въ случаяхъ злого при томъ умысла, подвергается суду по законамъ“. Отсюда вытекаетъ прямое слѣдствіе, что въ *другихъ*, кромѣ специально указанныхъ, губерніяхъ повѣренный *не* отвѣчаетъ за убытки и не подлежитъ суду за злой умыселъ. Такой выводъ былъ бы неопровержимъ, суду пришлось бы его принять, такъ какъ матеріальная сторона договора довѣренности въ X томѣ совершенно не разработана, статей, *expressis verbis* ослабляющихъ этотъ выводъ, въ *десятомъ* томѣ нѣтъ. Это абсурдное заключеніе парализуется только тѣмъ, что оно противорѣчитъ нормамъ уголовнаго права и началамъ общаго ученія о вознагражденіи за убытки, началамъ, которыя можно косвенно извлечь изъ X тома. А въ другихъ случаяхъ могло бы и не оказаться такихъ нормъ, устраняющихъ невѣрное толкованіе, и статья, содержащая *мѣстное* изъятіе, получала бы тотъ смыслъ, что данная норма мѣстнаго значенія свидѣтельствуетъ объ отсутствіи соотвѣствующаго общаго правила.

Въ этомъ смыслѣ всѣ разсужденія II Отдѣленія совершенно правильны. Надо было или вовсе не вносить общихъ постановленій Статута, или, внося ихъ, какъ-нибудь особенно оговорить. Но оговорить не такъ, какъ это сдѣлано. Ссылка на „Мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 15-го апрѣля 1842 г.“ пустой звукъ. Такого общаго „Мнѣнія“, какъ чего-то опредѣленнаго, какъ самостоятельнаго закона въ дѣйствительности нѣтъ, есть 17 „Мнѣній“, помѣченныхъ этимъ

числомъ, и каждое изъ нихъ касается конкретныхъ правилъ, вполне опредѣленнаго содержанія. Если, напримѣръ, теперь кто-нибудь заинтересовался бы узнать, какииъ образомъ пошла въ X томѣ ст. 428 (изд. 1900 г.), устанавливающая правила, по которымъ опредѣляются границы и права пользованія прибрежныхъ владѣльцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда берега порубежной рѣки получаютъ приращенія отъ наноснаго песка, или когда рѣка внезапно перемѣнитъ русло, то по цитатамъ онъ ничего не могъ бы установить. Подъ статьей сдѣлана ссылка на пустое мѣсто, на Миѣніе Государственнаго Совѣта отъ 15-го апрѣля 1842 г., котораго нѣтъ въ Полномъ Собраніи; въ тѣхъ же актахъ, которые напечатаны тамъ подъ этой датой, нѣтъ ни слова объ *alluvio* или *alveus derelictus*. Но, пожалуй, въ этомъ случаѣ исследователь могъ бы утѣшать себя тѣмъ, что правило ст. 428 вытекаетъ почти что изъ „естественнаго права“, что данный казусъ вообще трудно разрѣшить иначе, чѣмъ онъ разрѣшенъ.

Но какъ, напримѣръ, объяснить появленіе правила ст. 1548 (X тома), въ силу котораго солидарная отвѣтственность нѣсколькихъ содолжниковъ не презюмируется, а должна быть специально оговорена въ самомъ обязательствѣ, и каждый содолжникъ отвѣчаетъ только соразмѣрно своей доли? „Миѣніе Государственнаго Совѣта 15-го апрѣля 1842 г.“ объ этомъ тоже не содержитъ ничего, а статья эта по сравненію съ первымъ изданіемъ свода — новая. Или, наконецъ, еще болѣе сложный примѣръ. Если бы какой-либо пытливый судья, получивъ въ 1845 году новое изданіе свода Законовъ, полюбопытствовалъ узнать, на какомъ законодательномъ актѣ основана его новая обязанность принимать отъ заемщика сумму долга, если платѣж „по какому-либо (надо думать—„уважительному“) обстоятельству“ не можетъ быть произведенъ самому займодавцу, и выдавать квитанціи въ принятіи этихъ денегъ (ст. 2055 X т.), то онъ не нашелъ бы такого акта въ Полномъ Собраніи. А между тѣмъ никакъ нельзя признать, что право должника на депозицію денегъ въ судѣ есть только выводъ изъ сопоставленія нѣсколькихъ другихъ статей свода Законовъ, и что оно въ нихъ молчаливо подразумѣвается. Въ X томѣ рѣшительно ничего не сказано объ этомъ, напротивъ, это совершенно самостоятельная норма, создающая новыя правомочія для должника и новыя обязанности для судебныхъ учреждений, и притомъ норма, отредактированная въ очень общихъ выраженіяхъ. Чтобы выяснитъ эти „какія либо другія обстоятельства“ упомянутой статьи, было бы полезно знать первоисточникъ ея; а какъ же судѣ дога-

даться, что статья 2055 буквально повторяет § 1082 проекта Западнаго Свода и, какъ тамъ указано, основана на Литовскомъ Статутѣ (IV разд. 99) и сеймовомъ постановленіи 1775 года (*Volumina legum*, томъ 8, стр. 200)?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, о томъ, какое значеніе имѣютъ такія ссылки на „Мѣстніе 15-го апрѣля 1842 года“, ни въ одномъ опубликованномъ актѣ не говорится. Очевидно, первоначальная мысль Блудова—выразить это въ указѣ при опубликованіи малороссійскихъ изъятій,—была впоследствии оставлена. Относительно „общихъ“ статей, помѣщенныхъ въ X томѣ одновременно съ мѣстными правилами, не сказано ни слова въ указѣ, при которомъ опубликованы книги Свода Законовъ 1842 г. (4-го марта 1845 г., Полное Собраніе Законовъ, № 16584); не извѣстны ничего и изъ указа о введеніи въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской общаго порядка судопроизводства (4-го марта 1842 г., Полное Собр. Зак., № 16585). Можетъ быть впоследствии, т. е. уже послѣ всеподданнѣйшаго доклада Блудова, и было принято какое-нибудь специальное рѣшеніе — объ этомъ однако въ архивѣ нѣтъ данныхъ. Но даже если бы подобное рѣшеніе и дѣйствительно имѣло мѣсто, отъ этого дѣло не измѣняется.

При такомъ способѣ цитированія, который былъ принятъ, извращалась основная идея Свода Законовъ. По мысли Сперанскаго, для того и подводились подъ статьи ссылки, чтобы всѣ могли знать, откуда взято то или иное постановленіе. Статья Свода только повторяла, иногда въ измѣненной формѣ, то, что уже сказано въ Полномъ Собраніи; статья и ссылка подъ ней образовывали одно нераздѣльное цѣлое. Благодаря такой системѣ гарантировалось до нѣкоторой степени то, что въ Сводѣ включались только *законы*, т. е., такіе акты, которые были утверждены въ установленномъ порядкѣ, а не измышленія кодификаторовъ. Точность кодификаціи могла быть проверена всякимъ. И для новыхъ статей надо было сохранить прежній порядокъ, и было бы не трудно сдѣлать это. Для того, чтобы выйти изъ затрудненія, создаваемаго общими статьями, взятыми изъ литовско-польскихъ источниковъ, слѣдовало не дѣлать секрета изъ доклада главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, а опубликовать его, такъ же, какъ опубликованы и многія другія записки II Отдѣленія; — при этомъ, конечно, можно было бы измѣнить его редакцію.

Для мотивированія цитатъ подъ новыми статьями, Блудову пришлось потратить много разсужденій и составить длинный докладъ;

это лучшее доказательство того, что онъ не сразу и не всѣмъ понятенъ. Съ этимъ слѣдовало считаться.

Между тѣмъ, такихъ статей не такъ и мало въ десятомъ томѣ. Въ дѣйствующемъ теперь изданіи десятаго тома (1900 года) такими недоказательными ссылками на „Мнѣніе Государственного Совѣта 15-го апрѣля 1842 г.“ снабжены слѣдующія статьи:

1) Ст. 428, разобранная выше.

2) Ст. 521, по силѣ которой вотчинникъ не лишается права распоряжаться своимъ правомъ собственности, несмотря на то, что его вещь находится въ чужомъ владѣніи на основаніи особаго акта. Эта статья повторяется съ незначительными измѣненіями, чисто редакціоннаго свойства, § 429 проекта Западнаго Свода.

3) Пунктъ 4 приложения къ ст. 694 относительно того, что теченіе мсковой давности противъ лицъ, находящихся въ плѣну, или въ заграничныхъ походахъ, приостанавливается на время ихъ отсутствія. Аналогичнаго постановленія въ Западномъ Сводѣ нѣтъ; впрочемъ, въ числѣ источниковъ этой статьи указаны и другіе законодательные акты, кромѣ „Мнѣнія Государственного Совѣта 15-го апрѣля 1842 г.“.

4) Въ статьѣ 1017, перечисляющей категоріи лицъ, не могущихъ составлять дѣйствительныхъ завѣщаній, указано, что недѣйствительны завѣщанія „1) безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ, когда они составлены ими во время помѣшательства“; напечатанныхъ курсивомъ словъ нѣтъ въ изданіи 1835 года (ст. 610). Въ числѣ датъ красуется и мистическое „1842 г. апрѣля 15-го, Мнѣніе Государственного Совѣта“. О дѣйствительности завѣщаній, составленныхъ въ lucida intervalla, говоритъ § 722 проекта Западнаго Свода.

5) Соответствующая статьѣ 1054 изд. 1900 г. (относительно лицъ, не могущихъ быть свидѣтелями на завѣщаніяхъ) статья 637 изд. 1835 г. содержала всего 3 пункта, именно, иныѣшніе 1, 2 и 5. Пункты же 3 и 4, въ которыхъ упоминаются „душенприказчики и опекуны, назначенные по духовному завѣщанію“ и „тѣ, которые по закону не имѣютъ права сами завѣщать“, буквально совпадаютъ съ 1-мъ и 3-мъ пунктами § 731 проекта Западнаго Свода.

6) Ст. 1138, трактующая о порядкѣ перехода родовыхъ имѣній въ боковыя линіи, также появилась только послѣ „15 апрѣля 1842 г.“. Она заимствована почти дословно изъ § 758 Западнаго Свода. Правда, въ ней содержащееся, прямо не противорѣчитъ духу X тома;

однако, при отсутствіи этой статьи нельзя было бы вывести изъ остальныхъ, „что благопріобрѣтенное имущество переходитъ въ родъ отца владѣльца“. Напротивъ, скорѣе слѣдовало бы признать за обѣими линиями, отцовской и материнской, равное право на него. Въ этомъ именно ст. 1138, по сравненію съ *первымъ* изданіемъ Свода законовъ гражданскихъ, представляетъ собой крупное нововведеніе.

7) Статья 1260, напротивъ, не заимствована изъ проекта Западнаго Свода и представляется самостоятельнымъ твореніемъ составителей проекта кодификаціи малороссійскихъ законовъ. Впрочемъ, введенное ею частное постановленіе не содержитъ никакого принципиальнаго новшества.

8) Ст. 1548, разобранныя уже выше, (постановляющая, что солидарная отвѣтственность нѣсколькихъ содолжниковъ не предполагается), является только повтореніемъ § 857 проекта Западнаго Свода. Правило это вполне разумно, и статья 1548 является весьма полезнымъ дополненіемъ скуднаго собранія нормъ X тома, опредѣляющихъ общую часть обязательственнаго права. Однако, это постановленіе все-таки нельзя считать только выводомъ изъ какихъ-либо другихъ статей Свода Законовъ. Это правило новое, и слѣдовало бы его оправдывать не формальной ссылкой на несуществующій законодательный актъ, а „дѣйствительнымъ“ законодательнымъ постановленіемъ.

9) Ст. 2055, относительно судебной депозиціи суммы долга при невозможности для должника уплатить самому кредитору, разобрана уже выше.

10) Ст. 2235, основанная также на „Мн. Гос. Сов. 15 апр. 1842 г.“, содержитъ очень важное правило объ отвѣтственности господъ за убытки, причиненныя слугами, отвѣтственности, возлагаемой на первыхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда убытки произведены по ихъ приказанію. По этому предмету въ первомъ изданіи свода былъ сплошной пробѣлъ, не восполненный окончательно, конечно, и цитированной статьей; впослѣдствіи этого же вопроса, слова коснулось законодательство (см. ст. 687, основанную на законѣ 1851 года). Но это постановленіе ст. 2235 тоже никакъ нельзя признать „выводомъ“ изъ общихъ началъ свода, по той простой причинѣ, что никакихъ подлѣжныхъ началъ, изъ которыхъ можно было бы дѣлать выводы, въ сводѣ не содержалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правило, введенное цитированною статьей, выражено въ такой общей редакціи, что для толкованія ея было бы весьма полезно знать ея источникъ. Изъ цитаты же,

конечно, нельзя догадаться, что основана она на Литовскомъ Статутѣ (I, 24, IV, 48, 64, XI, 25, 37) и только повторяетъ § 1112 проекта Западнаго Свода.

Изъ приведеннаго краткаго обзора статей, выключенныхъ въ X томъ въ 1842 г., видно, какъ совершенно незамѣтно въ общее законодательство было введено довольно таки много новыхъ и важныхъ идей. Несомнѣнно правильнѣе было бы включить ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ помѣщена была въ сводѣ ст. 995, введенная специальнымъ Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (№ 15526).

И видно, далѣе, что прямымъ источникомъ, откуда онѣ почерпались, являлся проектъ Западнаго Свода. Такое заимствование изъ прежнихъ работъ было произведено систематически; оно особенно замѣтно въ специальныхъ постановленіяхъ для губерній Черниговской и Полтавской. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если сравнить эти постановленія съ проектомъ Западнаго Свода¹⁾. Статья 7, т. X, ч. 1 очень близко повторяетъ §§ 278 и 276; ст. 118 дословно соответствуетъ § 282 (измѣнены лишь заключительныя слова 4 пункта; въ Западномъ Сводѣ сказано просто: „переходить въ законнымъ наследникамъ“, а въ X томѣ эти наследники исчислены подробнѣе). То же самое можно сказать и про ст. 167; въ ней, по сравненію съ оригиналомъ—§ 298 Зап. Свода, имѣется только одна очень характерная вставка во второмъ пунктѣ: (отъ дѣтей можно отречься) „когда они по злобѣ, а не для *исударственной пользы*, свидѣтельствовали противъ родителей въ дѣлахъ уголовныхъ“ (вставлены слова, отпечатанныя курсивомъ). Нѣсколько больше самостоятельности замѣтно въ ст. 176, такъ какъ конецъ ея (отъ словъ: т. е. на отца и т. д.) отсутствуетъ въ § 311 Зап. Свода, откуда заимствовано начало. Въ ст. 232 соединены §§ 330, 335, 336 и 337 Зап. Свода²⁾; ст. 235 повторяетъ правило § 340; ст. 255 заимствована изъ § 377; въ ст. 258 повторены 2 и 4 пункты § 338, въ ст. 264—§§ 347, 348, 349 и 350 проекта Зап. Свода, въ ст. 285—§ 367. Обширная ст. 295 въ редакціонномъ отношеніи сравнительно болѣе независима отъ За-

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ наложеніи сравненій съ проектомъ Западнаго Свода X томъ съ изданіемъ 1900 года, въ которомъ, конечно, нѣтъ нѣкоторыхъ (немногихъ) статей изд. 1842 г., говорящихъ о крѣпостныхъ людяхъ. Но специальныхъ постановленій, касающихся ихъ, въ законахъ губ. Черниговской и Полтавской было очень немного.

²⁾ Въ X томѣ, впрочемъ, назначеніе опекуна въ завѣщаніи предоставлено отцу, а въ Западномъ Сводѣ—родителямъ вообще.

паднаго Свода, хотя и она во многомъ только дословно излагаетъ то, что сказано въ различныхъ параграфахъ его (шп. 1, 2, 3—§ 370, п. 4—378, п. 9 [конецъ]—§ 380). Ст. 400 изложена въ Западномъ Сводѣ иначе (§ 391), къ родовымъ имуществамъ тамъ причислено приданое и имущество, приобретенное другими способами, такъ сказать, „антиципированнаго“ наследственнаго преемства.

Ст. 428 въ сводѣ нѣтъ. Но конецъ ст. 430 взять цѣликомъ изъ § 402. Въ X томѣ имѣются за то гораздо болѣе подробныя постановленія относительно угодій, именно, ст. 466; въ ней упоминаются такія постановленія, которыхъ въ Западномъ Сводѣ нѣтъ, и даже болѣе того, нѣкоторыя изъ нихъ измѣнены (ср. напр. п. 4 съ § 412). Эта статья показываетъ, между прочимъ, какъ много особенностей древняго литовскаго права было уничтожено при составленіи Западнаго Свода; въ законахъ губерній Черниговской и Полтавской Статутъ оказался воспроизведеннымъ съ большей полнотой. Нѣтъ также въ Западномъ Сводѣ и ст. ст. 521 и 540; напротивъ, Западный Сводъ прямо распространяетъ на западный край общія правила о наградахъ за находку (§ 453).

Не говорится въ немъ и объ улиточныхъ записяхъ (прим. въ ст. 710). Этотъ институтъ приобрѣлъ широкое распространеніе преимущественно въ Малороссіи. Но статья 566 опять текстуально взята изъ § 444 (п. 1) и § 448 (п. 2), такъ же, какъ и пунктъ 7 прилож. къ ст. 694—изъ § 478. Въ ст. 970 соединены §§ 670 и 673, въ ст. 999—§§ 751, 695, 697, 696; въ ст. 1005—§§ 701—708, 710—712, 715, 719; въ ст. 1133—§§ 749, 750, 752, 754—756. Ст. 1055 въ сводѣ нѣтъ. Незначительныя, чисто редакціонныя, измѣненія потерпѣлъ конецъ § 761 (пункты 2 и 3), который теперь воспроизведенъ въ ст. 1139; это можно сказать и про §§ 765, 766—въ ст. 1143; въ ст. 1157 можно прочесть §§ 768, 769, 770, 772, 774—776 (новыми являются только пункты 4, 9, 10 этой статьи), а въ ст. 1256—§ 788.

Нѣтъ въ Западномъ Сводѣ ст. 1321. Ст. 1459 повторяетъ сказанное въ Западномъ Сводѣ въ § 842 (объ „очисткѣ въ долгахъ“, ср. § 917), ст. 1559—сказанное въ §§ 868, 869; любопытно, однако, что подъ статьей X тома указаны другія ссылки на Литовскій Статутъ (VII, арт. 18 и I, 27, X, 5), чѣмъ въ Западномъ Сводѣ (VII, 7, X, 5, XI, 67). Въ ст. 1584 говорится то же, что и во второй половинѣ § 873, а въ ст. 1586—что въ § 875. Наконецъ, почти дословно взяты изъ Западнаго Свода: 1) ст. 1677 и прим.—изъ §§ 882,

887—890, 886 и прим.; 2) ст. 2016—изъ § 1069; 3) ст. 2032—изъ § 1064; 4) ст. 2038—изъ § 1073; 5) ст. 2247—изъ § 1111 ¹⁾; 6) ст. 2327—изъ § 1126.

Если подвести итогъ этому сопоставленію, то оказывается, что изъ упомянутыхъ до 1900 г. статей X тома, которыя были впервые введены въ изданіе Свода Законовъ 1842 года, только 9 самостоятельныхъ статей и нѣкоторые „пункты“ другихъ статей не взяты изъ Западнаго Свода, въ томъ смыслѣ, что въ послѣднемъ не встрѣчаются аналогичныя постановленія. Остальныя же сорокъ четыре статьи (изъ дѣйствующихъ нынѣ) взяты или дословно изъ Западнаго Свода, или представляютъ *пересказъ* соответствующихъ постановленій его, или иную какую-нибудь редакціонную обработку ихъ. И притомъ, это статьи очень обширныя, въ которыхъ подъ однимъ номеромъ опредѣляется, наиримѣръ, весь порядокъ наследованія.

Если принять это въ расчетъ, то получится нѣсколько иное представленіе объ источникахъ, изъ котораго кодификаторы въ самомъ дѣлѣ черпали матеріалы, чѣмъ то, которое должно оставить чтеніе ихъ длинныхъ трактатовъ объ исторіи малороссійскаго права. О томъ, чтобы изученіе „судебной практики“ отразилось на статьяхъ проекта, объ этомъ въ дѣйствующемъ правѣ никакихъ слѣдовъ нѣтъ. Только въ немногихъ мѣстахъ были сдѣланы нѣкоторыя редакціонныя измѣненія текста Западнаго Свода, тамъ, гдѣ (какъ напр., въ прим. въ ст. 1157) — толкованія Сената, явно не согласныя съ мѣстной практикой, этого требовали.

А въ остальномъ руководствовались прежними работами. Всѣ вѣрныя мысли, высказанныя по поводу замѣчаній Ляпунова, остались мертвой буквой, сами авторы записки, очевидно, вскорѣ же перестали помнить о нихъ. Мнѣніе Ляпунова было раскрытиковано, и на этомъ все и окончилось.

Какъ бы то ни было, во второмъ изданіи Свода Законовъ жители малороссійскихъ губерній уже могли найти свои мѣстные законы, собранныя въ краткихъ и удобопонятныхъ статьяхъ. Сохраненіе за Малороссіей ея древняго права, повидимому, было встрѣчено мѣстными жителями съ удовольствіемъ. Раздавались, правда, отдѣльные голоса, доказывавшіе, что Статутъ пора уже отиѣнить, въ виду того, что дѣйствіе его не только бесполезно для Малороссіи, но даже и вредно,

¹⁾ Ст. 2247, впрочемъ, наложена въ нѣсколько болѣе сокращенной редакціи, чѣмъ § 1111; но, по существу, ничего новаго не содержитъ.

и указывавшіе, что такая отиѣна можетъ послѣдовать въ каждый моментъ, такъ какъ „мнѣніе правительства о Статутѣ невыгодно“¹⁾. Но эти голоса не нашли сочувствія. Объ удовольствіи жителей свидѣтельствуешь то обстоятельство, что въ 1843 году дворянство опредѣлило испросить разрѣшеніе на отправку депутатовъ для принесенія „Его Величеству благодарности за отеческое попеченіе о пользѣ и благѣ жителей малороссійскихъ губерній, внесеніемъ въ Сводъ Законовъ, издревле существующихъ въ ихъ краѣ, особыхъ законоположеній“²⁾.

Теперь эти остатки старинныхъ законоположеній разбросаны по разнымъ отдѣламъ X тома, въ связи между собой, иногда даже и въ внутренней связи съ окружающими ихъ общими статьями.

Въ этихъ разрозненныхъ статьяхъ все же можно уловить нѣкоторыя общія начала прежняго права, начала, проявляющіяся въ конкретныхъ пормахъ. Г. Боровиковскій³⁾ всѣ эти особенности мѣстнаго права, отличающія его отъ общаго, пытается свести къ тремъ категоріямъ. Въ малороссійскомъ правѣ онъ находитъ болѣе выраженное, чѣмъ въ X томѣ, превосходство правъ мужчинъ передъ правами женщинъ, болѣе большую подчиненность дѣтей родителямъ и, въ связи съ этимъ, большее значеніе родства и, наконецъ, болѣе большую свободу распоряженія имуществомъ вообще. Конечно, не всѣ мѣстныя особенности можно подвести подъ эти рубрики, и нельзя въ точности выдержать границы этихъ рубрикъ. Но въ общемъ онъ не невѣренъ и ими отрицательно, по сравненію съ общимъ правомъ имперіи, характеризуется система мѣстнаго. Если бы эти остатки существовали только въ видѣ совершенно разрозненныхъ обломковъ, то, конечно, въ нихъ нельзя было бы уловить никакихъ общихъ идей.

Но будучи разбросаны въ разныхъ частяхъ X тома, эти мѣстныя статьи, какъ справедливо указываетъ другой изслѣдователь малороссійскаго права, г. Квачевскій⁴⁾, оторваны отъ своего первоисточника и въ этомъ видѣ не являются точнымъ выраженіемъ Статута.

И дѣйствительно, тѣ данныя изъ судебной практики, которыя онъ

¹⁾ Таково мнѣніе пирятинскаго предводителя дворянства, генералъ-маіора Селецкого, приведенное у г. Теличенко, „Отчетъ кодификаціи малороссійскаго права“. (Оттискъ изъ *Кіевской Старины* 1888 г., стр. 87 и слѣд.).

²⁾ См. цит. статью г. Теличенко, стр. 90.

³⁾ См. его статью въ *Журн. Мин. Юстиціи* за 1867 г. „Объ особенностяхъ гражданскаго права Полтавской и Черниговской губерній“, т. 32 и 2, стр. 435 и слѣд.

⁴⁾ Квачевскій, „Законы Черниговской и Полтавской губ. и новый судъ“, статья въ *Журн. Гражд. и Угол. права* 1875 г., кн. 1 и 2.

приводить, свидетельствуют о некотором несоответствии современного понимания статей X тома с тем истинным значением, которое они имеют в контексте Статута. Но с этим необходимо мириться—институты малороссийского гражданского права, конечно, должны были измениться с того момента, как они попали в систему общеперских; общие статьи X тома, естественно, должны были отразиться и на них. И кроме того, разумеется, сложные и многословные артикулы Статута должны были быть видоизменены при кодификации: то, что они приобрели в точности и простоту, то они утратили в детальности.

Но кодификация малороссийских изъятий интересна и для исследователя общего гражданского права империи,—она проливает некоторый свет на истинные его источники. Теперь уже доказано, что многие статьи обязательственного права (да и не обязательственного только), те именно, которые содержат постановления *по существу*, статьи, без которых практика обойтись не может, заимствованы из сочинений иностранных юристов и иностранных кодексов¹⁾. Этих источников нет в Полном Собрании Законов, но есть, по крайней мере, хоть под статьями ссылки на этот памятник. В 1842 году, однако, введены не только не подтвержденные Полным Собранием статьи, но даже и какие-то нереальные цитаты на нечто не существующее—в X том попали статьи самого неожиданного происхождения²⁾.

¹⁾ По этому вопросу см. статью г. Винавера в *Журн. Мин. Юстиции*, 1895 г. (октябрь). См., далее, по поводу этой статьи замечания проф. Л. А. Кассо (*Журн. Мин. Юстиции*, 1904, март), который исправляет и восполняет некоторые положения г. Винавера. Любопытные выводы из сопоставления истинных источников X тома см. у проф. М. Я. Перламента, *Договорная неустойка и интерес*, II изд., стр. 234 и сл.; там же приведена и литература вопроса об источниках. См. также статью г. Бараца в *Журн. Гражданского и Уголовного права*, 1885 г., ноябрь, стр. 45—80.

²⁾ Для большей ясности ниже приведены истинные источники статей X тома, которые имеют общее значение, и показаны основанными на Ми. Гос. Сов. 15-го апреля 1842 г.

Ст. 521 взята из § 429 проекта Западного Свода, а этот последний показан основанным на Лит. Стат. VII, 4 § 2. § 722 проекта Запад. Свода, повторенный с редакционными изменениями в пункте 4 ст. 1017 (слова „когда они составлены ими во время помешательства“), взят из Стат. Лит. VIII, 1 § 5. Под § 731 Запад. Свода, из которого заимствованы пункты 1 и 3, помещенные в ст. 1054 (пункты 3 и 4), указаны ссылки на Лит. Стат. VIII, 5, § 758, совпадающей

Для полнаго изученія русскаго гражданскаго права г. Побѣдоносцевъ рекомендуетъ принятыя за чтеніе Полнаго Собранія Законовъ, начиная съ перваго тома. „Съ каждымъ томомъ“, говоритъ онъ, „читатель станетъ входить въ силу и живѣе почувствуетъ въ себѣ драгоценнѣйшій плодъ внимательнаго труда—здоровое и дѣльное знаніе, то самое знаніе, которое необходимо для русскаго юриста, и которыми русскіе юристы, къ сожалѣнію, такъ часто пренебрегаютъ, питаясь отъ источниковъ иноземныхъ“¹⁾. Иными словами, ученый авторъ, въ сущности, рекомендуетъ всякому юристу лично продѣлать кодификацію гражданскаго права, на основаніи сырого матеріала, и не довѣрять точности дѣйствующаго „Свода законовъ гражданскихъ“. Однако, какъ ни какъ, а дѣйствуетъ теперь именно этотъ сводъ; его примѣняютъ на практикѣ, на его статьи предписано ссылаться, а не на первоначальные источники. И если сопоставить все то, что извѣстно объ истинныхъ источникахъ X тома, то можно придти къ выводу, что этотъ совѣтъ г. Побѣдоносцева не приведетъ къ цѣли: въ Полномъ Собраніи Законовъ читатель не найдетъ многихъ матеріаловъ, которые въ обработанномъ видѣ составляютъ дѣйствующій законъ.

Теперь, когда уже много десятилѣтій прошло со времени кодификаціи нашего гражданскаго права, теперь нечего особенно жалѣть о нѣкоторой неточности кодификаторовъ, о ихъ склонности вносить въ сводъ такія обобщенія, которыхъ они не нашли въ прежнихъ памят-

---

со ст. 1188, основанъ на Лит. Стат. III, 17. § 857 Западнаго свода, повторенный въ ст. 1548, взятъ изъ Статута VII, 25. Ст. 2055, повторяющую § 1082 Западнаго свода, надо возводить къ Лит. Стат. IV, 99 и сеймовому постановленію 1775 года. (Volumina legum, томъ, 8, стр. 200). § 1112 Запад. свода, дѣйствующій нынѣ въ видѣ ст. 2035, заимствованъ изъ Лит. Стат. I, 24, IV, 48, 64, XI, 25, 37. Номера статей X тома приведены по изд. 1900 г.—Артикулы Статута являются дѣйствительно полезнымъ матеріаломъ для истолкованія этихъ статей; напр. предположенія, при которыхъ допускается депозиція денегъ въ судѣ, описаны въ Статутѣ подробно, и на основаніи ихъ можно точнѣе формулировать принципъ статьи. Но другой вопросъ—можно ли при истолкованіи статей восходить къ этимъ дѣйствительнымъ, но не указаннымъ именно въ качествѣ таковыхъ, источникамъ права. Видѣ Статутъ все же никогда не былъ дѣйствующимъ въ Россіи законодательнымъ памятникомъ и обязательность статей свода законовъ гражданскихъ обусловлена не заимствованіемъ изъ него.

¹⁾ Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, 1892 г., часть I, стр. 745. Этотъ совѣтъ указать г. Побѣдоносцевымъ специально для изученія отечественнаго права, но, конечно, онъ не ограничивается только этой областью права.

никакъ ни въ чистомъ видѣ, ни въ видѣ отдѣльныхъ выводовъ. Сводъ все-таеи составилъ эпоху и переломъ въ исторіи гражданскаго права; на немъ, и только на немъ, основано то живое и жизнеспособное право, которое даетъ и прочный фундаментъ для всякихъ дальнѣйшихъ законодательныхъ улучшеній, и увѣренность въ ихъ исполнимости.

Баронъ Александръ Нельде.

РХАТ

О РУССКОЙ СТРУЕ ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРАХЪ XIX ВѢКА.

(Очерки по исторіи русско-славянскихъ литературныхъ отношеній).

I. Опытъ обзора чешскихъ библиографическихъ и историко-литературныхъ трудовъ въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ и русская струя въ нихъ.

Когда заходитъ рѣчь о чешскихъ научныхъ трудахъ въ области библиографіи и исторіи литературы, то у изслѣдователя этого вопроса прежде всего возникаетъ мысль о тѣхъ ученыхъ труженникахъ, сочиненія которыхъ, появившись въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка въ Чехіи, проложили путь и подготовили почву для дальнѣйшихъ чешскихъ работъ въ области библиографіи и исторіи литературы. Къ разряду такихъ трудовъ, открывающихъ исторію чешской библиографіи и исторіи литературы, должны быть отнесены написанныя на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ сочиненія Бальбина В. Balbini, *Bohemia docta opus posthumum. Praha 1777—8, vřd. Ungar*; Дуриха „F. Durych, *Bibliotheca Slavica, 1795*“ и цѣлый рядъ трудовъ извѣстнаго „патріарха славистики“ аббата Добровскаго, какъ то „*Böhmische Literatur auf das Jahr 1779*“, „*Böhmische und mährische Literatur auf das Jahr 1780*“, „*Magazin von Böhmen 1781—3—6*“, „*Litterarischer Magazin von Böhmen und Mähren 1787*“, „*Slawin, 1806*“ и „*Slovanka, 1814—5*“.

Первый изъ вышеупомянутыхъ трудовъ, приближаясь по своему характеру къ нашимъ извѣстнымъ трудамъ библиографическаго и библиографо-біографическаго характера „С. Медвѣдева, книги и кто ихъ сложилъ“ XVII в., Новикова и митрополита Евгенія XVIII в., не можетъ быть однако же поставленъ съ ними въ связь иную, чѣмъ связь

параллельныхъ явленій двухъ не вступившихъ еще между собою въ непосредственныя отношенія литературъ. Развившись изъ сознанія необходимости подвести итоги накопившемуся за предшествующее время литературному достоянью, трудъ Бальбина, какъ и труды нашихъ первыхъ ученыхъ библиографовъ, можетъ найти объясненіе своему появленію независимо отъ какихъ-либо вліяній иноземныхъ образцовъ; въ самой чешской литературѣ разсматриваемаго періода трудъ Бальбина не является одинокимъ, если имѣть въ виду имѣвшія меньшее значеніе по своему вліянію на послѣдующую чешскую литературу, но все-же заслуживающія упоминанія сочиненія „Ligelbauer“, „Carroni, Bohemia litterata“ и др.

„Bohuslai Balbini Bohemia docta opus posthumum editum nobisque illustratum ab Raphaelae Ungar Canonico praemonstratensi in monte Sion“, какъ гласитъ полное названіе разсматриваемаго труда, состоитъ изъ трехъ томовъ, изъ которыхъ первый томъ посвященъ обзорнью или точнѣе перечню сочиненій выдающихся чеховъ съ краткими замѣчаніями критико-біографическаго свойства объ авторахъ; второй томъ—обзорнью рукописей, хранящихся по различнымъ библіотекамъ Чехіи, и третій томъ—перечню чешскихъ книгохранилищъ и обзорнью ихъ содержанія. Изъ 12 отдѣловъ (sectiones), на которые распадается I томъ работы Бальбина, болѣе подробно отличаются отдѣлы, касающіеся чешскихъ историковъ, какъ-то Козьмы Пражскаго (I, 2—4), аббата Петра, автора хроники „Aulae regiae“ (I, 8—10), знаменитаго Адама Велеславина (I, 13) и чешскихъ духовныхъ лицъ (III глава—*praelati eccles. Bohem.*; IV—*theologi, canonistae, sacri oratores*; XII—*eruditi societatis Jesu*). Подобно тому, какъ въ русскихъ „словаряхъ“ митрополита Евгенія разграничиваются „писатели духовнаго чина“ и свѣтскіе, такъ и у Бальбина, особо отъ духовныхъ лицъ перечисляются, а мѣстами и характеризуются представители свѣтскихъ наукъ (V—*juris consulti, medici, mathematici, philosophi*; VIII—*viri docti in universitate*; XI—*viri docti in var. universit.*), представители искусствъ (VI—*poetae, oratores...*); съ особымъ вниманіемъ останавливается авторъ въ отдѣлѣ о людяхъ, выдававшихся „*dignitate generis vel dignitatibus*“, на Карлѣ IV (II, 51), относительно котораго онъ затрудняется, причислить ли его къ величайшимъ монархамъ или величайшимъ ученымъ. Весьма интересными являются въ разсматриваемомъ томѣ отдѣлы IX, посвященный вопросу объ еретикахъ и ихъ сочиненіяхъ, и отдѣлы XII, въ которомъ перечисляются выдающіеся чешскія дѣвушки, ученые женщины и поэтессы Чехіи. Ограничиваясь въ

нѣкоторыхъ случаяхъ лишь голыми хронологическими датами; объ авторахъ и перечнемъ названій ихъ сочиненій, Бальбинъ въ другихъ случаяхъ отводитъ значительное мѣсто какъ біографическому элементу, такъ и сужденіямъ о дѣятельности разсматриваемыхъ лицъ, но признаетъ эти свои сужденія „частными“ (*de singulis iudicium fertur ex sensu meo privato*). Во второмъ томѣ, распадающемся на 7 „*sectiones*“, помимо общаго ознакомленія съ рядомъ чешскихъ книгохранилищъ, какъ-то *biblioth. Clementina, bibliotheka domus profess., bibl. Crumloviensis Ecclesiae* и т. д., Бальбинъ приводитъ сплошь и рядомъ „*index*“ или „*indiculus manuseriptorum codicum, librorum*“, что является очень цѣннымъ справочникомъ и для позднѣйшихъ временъ. III-й томъ, вышедшій въ 1780 г., распадается на 13 главъ, которыя по своему характеру таковы же, какъ и главы II тома, и знакомятъ изслѣдователя съ цѣлымъ рядомъ неупомянутыхъ въ предшествующемъ томѣ библиотекъ и ихъ сокровищами. Трудъ Бальбина, дающій не столько глубокую, сколько широкую картину участія чешскаго народа въ духовной жизни Европы, долженъ быть признанъ однако важнымъ факторомъ въ дѣлѣ пробужденія чешскаго національнаго самосознанія и цѣннымъ пособіемъ для послѣдующихъ чешскихъ бібліографовъ, а также и историковъ чешской литературы и культуры.

Содержательной статьёй о Бальбинѣ и его трудѣ должна быть признана работа г-на „*Šimek. Balbin a jeho Bohemia docta*“ (*Čas. Čes. Mus.* 1887; 259, 520); біографическія свѣдѣнія о Бальбинѣ сообщаются въ „*životopis B. Balbini*“ при „*B. Balbin. Rozprava na obranu jazyka slovanského, zvlášte pak českého*, Tonner, Praha, 1869“.

Труды извѣстнаго аббата Добровскаго: „*Böhmische Literatur auf das Jahr 1779*“, „*Böhmische und mährische Literatur auf das Jahr 1780*“, „*Magazin von Böhmen 1781—3—6*“ и „*Litterarischer Magazin von Böhmen und Mähren 1787*“ носятъ бібліографическій характеръ и во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ разсмотрѣнный трудъ Бальбина. Ученый аббатъ задается цѣлью выяснитъ въ бібліографическо-статистическомъ очеркѣ проявленія духовной жизни чешскаго народа не за цѣлые періоды его жизни, какъ Бальбинъ, а за болѣе краткіе промежутки времени. Авторъ старается выяснитъ тотъ научный матеріалъ, которымъ располагалъ ученый въ извѣстномъ году и ознакомитъ съ тѣми учрежденіями, которыя являлись къ услугамъ изслѣдователя. Такъ, въ 1-мъ изъ указанныхъ трудовъ Добровскаго мы находимъ какъ бы отчетъ Пражскаго университета по всѣмъ его факультетамъ, встрѣчаемся съ бібліографическими свѣдѣніями о чешскихъ бібліотекахъ,

рукописяхъ, вновь появившихся въ разсматриваемомъ году книгахъ на латинскомъ, нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ; наконецъ въ томъ же трудѣ имѣются сообщенія о скончавшихся ученыхъ, замѣтки о гимназіяхъ и другихъ школахъ Чехіи, о цензурѣ, о музеяхъ, о краевѣдѣніяхъ, искусствѣ.

Однимъ словомъ въ „*Böhmische Literatur auf 1779 Jahr*“ Добровскаго мы имѣемъ дѣло не съ „литературой“ въ нашемъ смыслѣ слова, а съ библиографическо-статистико-биографическимъ трудомъ, дающимъ не мало матеріала для характеристики культурной жизни Чехіи въ разсматриваемое время.

Остальные перечисленные труды Добровскаго по своему плану и характеру являются продолженіемъ перваго, но въ нихъ шире раздвигаются рамки (напр. помимо Пражскаго университета привлекается Берненскій) и помѣщаются ученые статьи, касающіяся чешскаго языка, орографіи, славянства и т. д. Въ данномъ случаѣ, наряду съ библиографическимъ матеріаломъ появляются понемногу и тѣ историко-культурнаго содержанія статьи, которыя въ настоящее время считаются необходимыми во вступительной части всякой исторіи литературы.

Къ тому же разряду библиографическихъ трудовъ по чешской литературѣ, подготовляющихъ почву для исторіи этой литературы, относится обзоръ чешскихъ или имѣющихъ отношеніе къ Чехіи рукописей, находящихся въ бібліотекахъ Швеціи и Россіи; этотъ обзоръ дѣлается Добровскимъ въ его „*Litterarische Nachrichten... Reise nach Schweden und Russland, 1795*“. Ознакомленіе съ русскими бібліотеками, о которыхъ упоминаетъ Добровскій въ указанномъ трудѣ и изъ которыхъ извлекаетъ матеріалы для труда своего его другъ Дурихъ („*Bibliotheka Slavica*“), расширеніе свѣдѣній въ сферѣ современной русской литературы, особенно въ сферѣ библиографическо-биографическихъ трудовъ Новикова, митрополита Евгенія и др., о которыхъ мы находимъ частыя упоминанія въ перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ, и наконецъ ознакомленіе съ упоминаемыми тоже въ письмахъ Добровскаго русскими каталогами и періодическими изданіями научнаго характера—все это имѣетъ важное значеніе въ смыслѣ вліянія на характеръ послѣдующихъ ученыхъ трудовъ Добровскаго, въ которыхъ русская струя идетъ уже съ достаточной ясностью, а также и въ смыслѣ вліянія на упомянутый трудъ Дуриха и на издаваемые Добровскимъ въ началѣ XIX вѣка журналы „*Slavin*“ и „*Slovanka*“. Въ послѣднихъ русский элементъ связывается не только въ наличности статей, касающихся Россіи,

какъ увидимъ дальше, но и самый характеръ этихъ изданій Добровскаго, отступающій отъ прежнихъ его „Magazin“, составленныхъ въ духѣ обычныхъ въ европейской литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка „Магазиновъ“ (вспомнимъ хотя бы Berlin. Magazin, 1783; известный „Магазинъ или любитель просвѣщенія“, приписываемый Орфелину, Венеція), измѣняется въ сторону Миллеровыхъ научно-периодическихъ изданій и т. д. Упомянутые труды Дуриха (Bibliotheka Slavica) и Добровскаго (Slawin, Slovanka) являются уже шагомъ впередъ по сравненію съ трудомъ Вальбина и раньше перечисленными изданіями Добровскаго въ смыслѣ расширенія и углубленія подготовительныхъ къ исторіи литературы матеріаловъ.

Въ своемъ трудѣ, состоящемъ изъ 8 главъ, Дурихъ, касаясь какъ славянства вообще, такъ чешскаго народа въ частности, ставитъ и пробуетъ, по мѣрѣ силъ и наличнаго матеріала, разрѣшить рядъ вопросовъ, безъ которыхъ не обходится впоследствии ни одинъ авторъ научной исторіи славянской литературы; таковы у Дуриха вопросы объ имени славянъ (I гл.), о древнѣйшихъ словахъ, встречаемыхъ у греческихъ и римскихъ писателей (II гл.), о религіи, законодательствахъ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ славянъ и т. д. Интересными являются и методъ изслѣдованія автора, и его основная точка зрѣнія на древнихъ славянъ; поставленные себѣ вопросы авторъ старается разрѣшать: 1) при помощи ratio, 2) при помощи historia и 3) originatio (при помощи этимологіи); при характеристикѣ древнихъ славянъ онъ находитъ у нихъ, какъ отличительныя черты: здравый умъ (vyspěly rozum), высокое развитіе интеллекта (термины: mysl, um, rozum, soud, soudnost) и религіозность (обиліе словъ, произведенныхъ отъ Bůh). Первенство передъ другими славянами отдаетъ Дурихъ русскимъ и чехамъ: Rusy jakožto představitelé Antů čili Slovanů východnih a jižnih, česí—zástupce Slovanů západnih.

Необходимо вообще признать, что съ точки зрѣнія научности и въ частности критицизма Дурихъ въ значительной степени уступаетъ Добровскому, и въ большинствѣ случаевъ его взгляды интересны, какъ взгляды большого славянскаго патриота и вмѣстѣ съ тѣмъ руссофила; обиліе привлекаемаго имъ матеріала увеличиваетъ цѣнность его трудовъ; нельзя не подчеркнуть и того, что въ некоторыхъ случаяхъ „чутье“ Дуриха оказывалось глубже и проникательнѣе, чѣмъ критицизмъ Добровскаго, напримѣръ въ вопросѣ о переводѣ священнаго писанія на чешскій языкъ и др. Къ сожалѣнію, какъ извѣстно, свѣтъ увидѣлъ лишь I томъ Bibliotheka Slavica, названный авторомъ лишь

„Uvod“—введеніе къ большому труду о славянахъ, имѣющему цѣлью показать все богатство печатныхъ и рукописныхъ литературныхъ памятниковъ славянства; вторая часть была уже отдана въ типографію, но въ свѣтъ не вышла.

Замѣчательно, что при первыхъ уже шагахъ чешской научной мысли исследователь становится на широкую славянскую почву.

Въ трудѣ аббата Добровскаго „Slawin. Beiträge zur Kenntniss der Slawischen Literatur, Sprachkunde und Alterthümer nach allen Mundarten“ мы находимъ цѣлый рядъ статей по исторіи славянской литературы вообще; такъ, за помѣщеннымъ въ началѣ труда толкованіемъ текста „Slawa w wyśnii Bogu“ слѣдуютъ разсужденія и изслѣдованія объ имени славянъ, ихъ писемъ, отдѣльныхъ племенахъ славянства, о замѣчательныхъ славянскихъ рукописяхъ (Реймское евангеліе; рукописи Синодальной бібліотеки и т. д.); встрѣчаемся и съ опытами словарныхъ работъ, съ собраніями памятниковъ народнаго творчества и т. д. Интересны между прочимъ для русскаго изслѣдователя помѣщенные въ „Slawin“ статьи: 1) о казакахъ-украинцахъ по „Engels Geschichte der Ukraine“, стр. 189; 2) замѣчанія о рукописяхъ Синодальной бібліотеки, при чемъ аббатъ Добровскій говоритъ: „man weiss in Russland alte Sachen zu schätzen, da man sie in gute Verwahrung bringt“ (281 стр.), 3) Russische Sprichwörter, приводятся до 100 русскихъ пословицъ изъ „Собраніе 4291 русскихъ пословицъ, Москва, 1787 г.“ (319, 389 и 460 стр.). Появился этотъ трудъ Добровскаго въ 1806 году, какъ бы осуществивши мысль о подобномъ трудѣ лужичанина Антона.

Въ 1814—15 гг. издается Добровскимъ „Slovanka zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer“, являющаяся продолженіемъ „Slawin“. Здѣсь мы встрѣчаемся со статьями и лингвистическаго характера, какъ „Ueber die slawische Sprache“ (1); „Die ältesten slawischen Benennungen der zwölf Monate“ (70); „Schlützersklassifikation der slaw. Hauptdialecte“ (166) и др.; имѣются и статьи историко-литературнаго характера, какъ „Bibelübersetzungen“ (185), историко-этнографическаго, напр. „Russniaken“ (104), „Briefe über Polen“, бібліографическаго, какъ „Bücheranzeiger“ и т. д. Чешской лингвистикѣ и вообще вопросамъ специально чешскимъ отводится мѣста не только не болѣе, но, пожалуй, и менѣе, чѣмъ другимъ славянскимъ; съ вопросами, имѣющими отношеніе къ русскимъ славянамъ, мы встрѣчаемся въ цѣломъ рядѣ статей, какъ „Neue Beiträge zu den Petersburger

Vocabularis comparativis" (12), Russniaken (104), Schlötzerklassifikation (166), Russ. Bücheranzeiger и др. Изъ подъ пера аббата Добровскаго появляется въ 1792 и 1818 году первый опытъ исторіи древней чешской литературы на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Geschichte der Böhmisohen Sprache und ältern Literatur, Prag. 1818". Этотъ трудъ, не отвѣчающій современному понятію объ исторіи литературы сосредоточивалъ почти исключительное вниманіе на вопросахъ языка, оставляя въ сторонѣ идейную, общественную и историко-культурную подкладку литературы. Послѣ замѣчаній о древности и образованіи славянскаго языка, авторъ рисуетъ отношеніе его къ другимъ языкамъ и даетъ краткій очеркъ славянскаго языка по его материн и формамъ. Послѣ классификаціи нарѣчій славянскаго языка (5 пунктовъ различія) аббатъ Добровскій переходитъ къ характеристикамъ специально чешскаго языка, говоритъ о письмѣ славянъ и съ большою подробностью останавливается на не разъ рассмотрѣнномъ имъ и раньше и послѣ, и въ трудахъ и въ перепискѣ, вопросѣ о судьбахъ славянской литургіи въ Чехіи и о переводѣ Св. Писанія на чешскій языкъ. Кладя въ основу рассмотрѣнія литературныхъ явленій развитіе языка, авторъ дѣлитъ литературу по періодамъ развитія языка, на 4 эпохи: I отъ 550—845 г., II отъ 845—1310 г., III отъ 1310—1410 г. и IV отъ 1410—1526 г. Разсматриваемый трудъ, несмотря на его заглавіе, не приходится считать „исторіей литературы", а лишь опытомъ исторіи языка, и, даже независимо отъ того, что трудъ этотъ писанъ не на чешскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ, честь перваго чешскаго историка литературы принадлежитъ Юнгманну, хотя, какъ увидимъ, и его „Historie literatury české" является трудомъ болѣе библиографическимъ, чѣмъ историко-литературнымъ.

Разсмотрѣніе трудовъ Бальбина, Дуриха и Добровскаго выясняетъ намъ тотъ путь накопленія матеріаловъ и постановки предварительныхъ вопросовъ, безъ которыхъ невозможно было бы ни появленіе такого общезвѣстнаго и цѣннаго труда, какъ „Starožitnosti" П. I. Шафарика, ни попытка составленія исторіи чешской литературы, сдѣланная въ 1825 г. упомянутымъ Юнгманномъ. До появленія труда I. Юнгманна, провазведшаго цѣлую эпоху въ исторіи чешской литературы, мы имѣемъ дѣло, какъ видно изъ сказаннаго, съ трудами обще-славянскаго характера, касающимися въ большинствѣ случаевъ Чехіи лишь между прочимъ; имѣемъ кромѣ того дѣло съ трудами, писанными на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Все это является типичнымъ для не вполне еще увѣреннаго и устойчиваго отношенія первыхъ чешскихъ „будите-

лей" къ своему родному языку, какъ это между прочимъ показываютъ и переписка Добровскаго, и его мнѣнія о чешскомъ языкѣ и т. д.

Какъ бы то ни было, но подъ сѣнью обще-славянскихъ интересовъ, подъ влiяниемъ трудовъ о славянскихъ языкахъ, письменности, культурѣ, писанныхъ притомъ не на родномъ языкѣ, дается рѣшительный толчокъ пробужденiю національнаго чешскаго самосознанiя; благодаря вышеуказаннымъ трудамъ первыхъ чешскихъ „будителей“, указывается и тотъ матеріалъ, то духовное богатство, которымъ обладаетъ чешскій народъ, какъ наслѣдиемъ прошлаго и какъ залогомъ лучшаго будущаго. Въ рѣчи объ этой подготовительной работѣ къ появленiю перваго солиднаго историко-литературнаго труда на чешскомъ языкѣ не должна остаться неупомянутой и писанная на языкѣ нѣмецкомъ работа Унгара: „R. Ungar. Revision der böhmischen Literatur auf das Jahr 1779 in Briefen“ и „Beschluss der Revision der böhmischen Literatur 1780“. Эти работы, примыкающія къ вышеупомянутымъ „Böhmische Literatur auf das Jahr 1779“, „Böhmische und mährische Literatur auf das Jahr 1780“ и т. д. аббата Добровскаго, объясняютъ ту почву, на которой возможно было появленiе плода собственныхъ усидчивыхъ работъ Иос. Юнгманна, именно, „Historie literatury české aneb saustavný přehled spisů českých s kratkou historií národu, osvícení a jazyka“.

Этотъ важный и колоссальный для своего времени трудъ выходитъ первымъ изданiемъ въ 1825 г. и съ дополненiями появляется въ 1849 г.

По своему характеру трудъ Юнгманна можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: меньшая часть или „Uwedeni. O Slowanech wůbce“ представляетъ собой историко-культурный очеркъ о славянахъ; большая часть содержитъ библиографическiй обзоръ чешской литературы по отдѣламъ съ предпосылкой замѣчанiй историко-культурнаго характера. Въ первой изъ упомянутыхъ частей авторъ останавливается прежде всего надъ вопросомъ о древнѣйшей исторiи славянъ (nejdawnější historie Slowanů); причисляя ихъ къ племени Iафета и отмѣтивши ихъ родство съ индусами, мидянами, персами, греками, римлянами, кельтами и персами, авторъ указываетъ границы славянскихъ поселенiй въ Европѣ (Адриатическое, Черное и Балтiйское моря), считаетъ ихъ первоначальнымъ (půwodní) наименованiемъ „srb“ (у кельтовъ и нѣмцевъ „Wendi“), отмѣчаетъ могучiй ростъ славянства въ VI вѣкѣ, приурочивая къ цвѣтущей эпохѣ и терминъ „Slowane“; далѣе говорится объ исторiи отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, при

чемъ указывается, что чехи имѣли съ VIII в. своего владаря (swęto władce), съ XI в. возникаетъ у нихъ королевство; упоминается мощь Моравинъ въ IX в. и ея раздробленіе въ X в.; указывается, что во второй половинѣ IX в. основывается государство русское (zalożeno władaŃstwі ruske), а въ X вѣкѣ—польское (wzniklo władaŃstwі polske). Упомянувши затѣмъ, что исторія „иллирскихъ“ и нѣмецкихъ славянъ входитъ въ составъ владѣющихъ ими государствъ, Юнгманнъ отмѣчаетъ, что въ XIX в. сербы получили свободу (wětši wolnosti nabylo).

Характеризуя въ главѣ „wlastnosti Slowanůw“ отличительныя славянскія черты, авторъ рисуетъ послѣднія симпатичными красками и отличаетъ между прочимъ и у языческихъ славянъ сознаніе единой высшей силы. Говоря о славянскомъ языкѣ, Юнгманнъ отмѣчаетъ сходство праязыка съ языками европейско-азиатскими и при дѣленіи славянскихъ языковъ признаетъ группы юго-восточную, къ которой относитъ языки русскій, иллирскій и болгарскій, и западную съ языками лешскимъ, чешскимъ, лужицкимъ и полабскимъ.

Главами „o českémъ nářečí zwlašte“ и „rozwiżeni literatury české“ заканчивается первая изъ упомянутыхъ нами частей труда Юнгманна.

Во второй, библиографической по преимуществу, части предлагается подробный перечень произведеній чешской литературы, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ (письменность вообще) и раздѣленной на 6 періодовъ: 1) 451—1310 г. (od přihodu Čechůw do zeme české až do vymřeni rodu Přemyslowa čili do krále Jana); 2) 1310—1409 г. (od wymřeni rodu Přemyslowa až do půtek o naboženstwi čili od krále Jana do Husa); 3) 1410—1526 г. (od půtek o naboženstwi až do rozšíreni knihtiskařstwі w Čechach čili od Husa až do Ferdinanda I); 4) 1526—1620 г. (od Ferdinanda I nebo od rozšíreni tiskařstwі až do Ferdinanda II nebo do úpadku nekatolíků w Čechách a Moravě); 5) 1620—1774 г. (od přemožení nekatolíků až do uwedení něm. jazyka we školy a kancelláře); 6) 1774—1846 г. ¹⁾ (od uwedení něm. jaz. we školy a kancelláře až do našichъ časůw). Въ каждомъ изъ отдѣловъ, кромѣ перваго, перечисляются обыкновенно произведенія словесности (jazyk, basně, romány a zábawne spisy и т. д.), римской и греческой литературы, историческія, географическія, философскія, юридическія, богословскія, медицинскія, математическія, естествоиспытательныя. Кромѣ того каждому отдѣлу предпосылается обзоръ поли-

¹⁾ Во 2-мъ изданіи.

тического состоянія Чехи въ извѣстный періодъ, состоянія просвѣщенія и развитія языка.

Трудъ Юнгманна является такимъ образомъ, какъ видно изъ сказаннаго, не исторіей литературы въ нашемъ смыслѣ слова, а библиографическимъ по преимуществу очень цѣннымъ трудомъ, являющимся какъ бы продолженіемъ и завершеніемъ указанныхъ трудовъ Бальбина, Дуриха, Добровскаго. Обиліе матеріала и тщательность его собиранія и классификаціи дѣлаютъ трудъ Юнгманна имѣющимъ значеніе и до настоящаго времени; въ свое же время „Historie literatury české“ сыграла особенно важную роль какъ въ смыслѣ толчка къ развитію чешскихъ литературы и исторіи, такъ въ особенности съ точки зрѣнія поднятія національнаго самосознанія.

Разсмотрѣнный трудъ Юнгманна является интереснымъ и съ русской точки зрѣнія. Въ этомъ трудѣ дается рядъ библиографическихъ указаній, проливающихъ свѣтъ на русско-чешскія литературныя отношенія, такъ напримѣръ, отмѣчаются описанія путешествій по Россіи, переводы съ русскаго языка и т. д.; во второмъ изданіи труда, появившемся уже тогда, когда чешская періодическая печать сдѣлала значительные успѣхи, привлекаются Юнгманномъ въ библиографическій отдѣлъ и указанія на журнальныя статьи, переводы и т. д., что особенно цѣнно при отсутствіи специальныхъ указателей къ отдѣльнымъ журналамъ.

Непосредственной связи Юнгманновской исторіи чешской литературы съ имѣвшеюся въ то время на русскомъ языкѣ и широко извѣстной на Западѣ исторіей русской литературы Н. Греча (С.-Пб. 1822) мы ни въ планѣ, ни въ выполненіи труда не находимъ, хотя, какъ извѣстно, Юнгманнъ, будучи большимъ руссофиломъ и ученикомъ Добровскаго по русскому языку, знакомился съ новинками русской литературы. Трудъ Юнгманна, носящій названіе „исторіи“ чешской литературы, на самомъ дѣлѣ не даетъ, какъ сказано, картины историческаго развитія чешской литературы, а даетъ лишь цѣнные библиографическіе матеріалы, могущіе служить пособіемъ для послѣдующихъ историковъ чешской литературы, да рядъ вступительныхъ предпосылаемыхъ каждому отдѣлу статей, имѣющихъ не столько научно-историческое значеніе, сколько воспитательно-національное. Въ то время какъ Н. Гречъ въ Россіи попробовалъ въ связномъ изложеніи представить ходъ русской литературы, рассматриваемой съ точки зрѣнія развитія родовъ поэтическаго творчества, Юнгманнъ, закончивши первое изданіе своей „Historie literatury české“, выпускаетъ свою „Slovesnost aneb náuka o

wymluwnosti prosaické, básnické i fečnické se sbírkau příkladů v newázané a wázané feči“, первое изданіе которой появляется въ 1831, а второе въ 1845 году. Этотъ трудъ какъ по характеру, такъ по распредѣленію матеріала и по изложенію историко-литературныхъ явленій въ связи съ теоріей словесности не можетъ не быть поставленъ, особенно во 2-мъ своемъ изданіи, въ связь съ подобнымъ трудомъ Греча, знакомство съ которымъ, а равно интересъ въ творчеству котораго и въ частности къ извѣстной полемикѣ съ Кёнигомъ и Мельгуновымъ Юнгманнъ обнаруживаетъ въ своей перепискѣ съ А. Маркомъ (С. С. М. 1884, 65, 67; 406 и др.). О непосредственномъ вліяніи Греча на Юнгманна однако же рѣчи пока быть не можетъ. Непосредственное пользованіе вышеупомянутымъ трудомъ Греча обнаруживаетъ зато Шафарикъ въ своей „Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten“ (1 изд. 1826; 2 изд. 1869), русский отдѣлъ которой составленъ по Гречу. Что касается исторіи чешской литературы въ упомянутомъ трудѣ Шафарика, то въ данномъ случаѣ сказывается вліяніе трудовъ Добровскаго по исторіи чешскихъ языка и литературы, хотя съ цѣлымъ рядомъ установившихся взглядовъ, особенно въ области древнѣйшей исторіи языка славянъ, Шафарикъ не соглашается; при дѣленіи чешской литературы на періоды Шафарикъ отступаетъ нѣсколько и отъ Добровскаго и отъ Юнгманна и устанавливаетъ I періодъ 550—1410 г. съ двумя подраздѣленіями: а) 550—1000, б) 1000—1410; II періодъ 1410—1620 съ подраздѣленіями: а) 1410—1526 и б) 1526—1620; III періодъ 1620—1825 съ подраздѣленіями: а) 1620—1780 и б) 1780—1825.

Упомянутый трудъ Шафарика, не стоя въ непосредственной связи съ трудомъ Юнгманна, написанный притомъ же на нѣмецкомъ языкѣ, имѣлъ однако важное значеніе, какъ первая попытка ученаго чеха написать исторію всѣхъ славянскихъ литературъ, и знаменательно, что какъ вообще въ вопросѣ о славянской взаимности чехи занимаютъ первенствующее мѣсто, такъ и во всеславянской исторіи литературы первый починъ принадлежитъ словаку по рожденію и чеху по убѣжденіямъ Шафарика; разумѣется, этотъ теперь устарѣвшій трудъ не могъ быть и въ свое время результатомъ самостоятельныхъ изслѣдованій въ области всѣхъ включенныхъ въ обзоръ литературъ, какъ это видно, напримѣръ, въ изложеніи русской литературы по Гречу и по ряду другихъ отмѣчаемыхъ въ примѣчаніяхъ пособій (не источниковъ); естественно, что и понятіе „исторіи литературы“ въ изложеніи Шафарика не соответствовало современному научному понятію о

томъ же предметѣ. Во всякомъ случаѣ, трудъ Юнгманна на чешскомъ языкѣ и трудъ Шафарика на языкѣ нѣмецкомъ являются колоссальными для своего времени трудами и по своему значенію, и по количеству положеннаго на нихъ труда.

Прямымъ продолженіемъ 1-го изданія труда Юнгманна является „Literaturnj létopis čili obraz slovesnosti Slovanůw nářečj českého w Čechach, na Morawě a w Uhřích od l. 1825—1837“; эта „литературная лѣтопись“ вышла изъ „подъ пера Михля, который указываетъ, что онъ „трудился“ на пользу книгопечатчиковъ, книготорговцевъ и т. д. и всѣхъ 80 милліоновъ славянъ, какъ-то чеховъ, поляковъ, иллировъ и русскихъ и всѣхъ любителей славянства; свой библиографическій по преимуществу трудъ Михль разнообразить вставкой статей историко-культурнаго характера и распредѣляетъ собранный матеріалъ на 6 отдѣловъ: 1) политическое состояніе (stav politický); 2) просвѣщеніе, типографіи, библиотеки, цензура... (oswicenj); 3) языкъ (jazyk); 4) литература (litetatura); 5) библиографія (knihopis a bibliografia); 6) биографіи чешскихъ писателей. Послѣдній отдѣлъ является шагомъ впередъ по сравненію съ трудомъ Юнгманна.

Въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ по мѣрѣ роста потребности въ руководствахъ по исторіи чешской литературы, какъ для школьных потребностей, такъ и для удовлетворенія запросовъ національно-развитого чешскаго общества, появляется рядъ трудовъ, имѣющихъ цѣлью удовлетворить этимъ запросамъ. Важнѣйшими изъ этихъ трудовъ являются: 1) Al. Šembera. Dějiny řeči a literatury česko-slovenské. Věk starší od roku 58 před Kristem do r. 1409; Praha 1858, и „Věk novější 1409 — 1860“, Praha 1860“; 2) K. Sabina. Dějepis literatury česko-slovanské. Praha 1860 — 64.

Трудъ Шемберы, предназначенный для школьнаго употребленія (praktična rukovět pro učitele a žáky) и выдержавшій нѣсколько изданій, является такимъ же библиографическимъ трудомъ, какъ и предшествующіе, при чемъ вліяніе Юнгманна сказывается и въ распредѣленіи матеріала, и въ дѣленіи литературы на періоды; освѣщеніе лишь вопросовъ, касающихся языка, и отсутствіе вниманія къ внутреннему содержанію литературы, отсутствіе Юнгманновской полноты и выборъ лишь важнѣйшихъ памятниковъ (съ педагогической точки зрѣнія) являются отличительными чертами работы Шемберы, не свободной отъ существенныхъ пропусковъ и ошибокъ, какъ это показалъ его рецензентъ въ „Český obzor literární“, 1868, 145—7; 163—4.

Въ трудѣ К. Сабинны мы встрѣчаемся уже съ слабой попыткой

прагматическаго изложенія исторіи чешской литературы, но лишь древнѣйшаго періода до 1620 г.

Въ разработкѣ исторіи чешской литературы въ эпоху отъ возрожденія національнаго самосознанія въ Чехіи до паденія абсолютизма намѣчается такимъ образомъ 3 пути: библиографическій, біографическій и прагматическій; о строго научномъ изложеніи историко-литературнаго матеріала не могло быть пока и рѣчи какъ по недостатку матеріаловъ, по недостатку монографій, на которые могъ бы опереться историкъ литературы, такъ въ особенности вслѣдствіе отсутствія еще полноправности и свободы чешскаго культурнаго развитія; съ наступленіемъ въ 60 годахъ новой эры чешской и вообще австрійской жизни, когда національное развитіе большинства славянскихъ народовъ Австріи освободилось отъ прежнихъ тисковъ, замѣчается наряду съ всеобщимъ духовнымъ оживленіемъ Чехіи ростъ и трудовъ по исторіи чешской литературы. Старыя традиціи оказываются однако живучими; цѣлыя еще десятилѣтія переиздаются старыя труды, дѣлаются къ нимъ дополненія, какъ напримѣръ „Haluš Ig.“ дѣлаеть въ 1869 г. добавленія къ труду Юнгманна „Dodavky a doplnky k Jungmannově Historii literatury české“, причеиъ эти дополненія по своей полнотѣ и тщательности вполне отвѣчаютъ труду Юнгманна и съ библиографической точки зрѣнія такъ же цѣнны, какъ и этотъ послѣдній.

Въ прежнемъ библиографическомъ по преимуществу направленіи, но съ внесеніемъ довольно цѣннаго біографическаго матеріала ведется трудъ I. Иречка, появившійся къ 1875 г. подъ названіемъ „Rukověť k dějinám literatury české do konce XVIII v. ve způsobu slovníka životopisného a knihoslovního, seps. I. Jireček. A—Z“. Кладя въ основу алфавитный порядокъ изложенія, авторъ даетъ цѣлый рядъ біографій дѣятелей чешской литературы, авторовъ древнихъ рукописей, бібліотечарей, издателей и т. д., но біографіи не освѣщаются съ историко-культурной и психологической точекъ зрѣнія, а носятъ характеръ формулярныхъ списковъ съ добавленіями библиографическаго характера. Наиболее интересными являются приближающіяся по характеру къ монографіямъ такія статьи въ трудѣ I. Иречка, какъ Hru dramatické (264; опытъ монографіи и библиографіи развитія драмы), Kalendáře (329—30; историко-библиографическая справка о чешскихъ календаряхъ XVI—XVIII в.), Noviny (II, 56—7; библиографическо-хронологическое обозрѣніе періодической печати съ 1543 года) и т. д. Въ этихъ-то отдѣльныхъ статьяхъ труда Иречка, восполняющихъ отчасти недостатки историко-литературныхъ моно-

графій, мы и видимъ главное значеніе и шагъ впередъ „*Rukovět k dějinám literatury české*“.

Интересно между прочимъ отмѣтить, что эпоха 60—70-хъ годовъ, о которой идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь, дала тоже въ очень еще молодой наукѣ исторіи русской литературы такіе уже научные, широко задуманные и выполненные труды, какъ „Исторія русской словесности“ Галахова (1-е изд. 1863, 1868, 1875 г.), „Новая русская литература“ Водовозова и т. д.; не говоримъ уже о томъ, что наука исторіи литературы получила въ достояніе отъ прежнихъ десятилѣтій рядъ цѣнныхъ монографій, такіе опыты „исторіи литературы“, какъ Шевырева и получила такую библиографію, какъ Межова (1863—1874 гг.). Наконецъ и первый опытъ научной, поставленной на историко-культурную почву „исторіи славянскихъ литературъ“, въ томъ числѣ и чешской, появляется изъ подъ пера русскихъ ученыхъ Пыпина и Спасовича; хотя ихъ „Исторія славянскихъ литературъ“ (С.-Пб. 1879 г.) имѣла много недочетовъ въ смыслѣ полноты, точности и т. д., но важенъ былъ самый методъ ихъ изложенія и изслѣдованія; въ ихъ трудѣ мы имѣемъ дѣло не съ библиографическо-биографическимъ изложеніемъ, а съ изложеніемъ историческаго развитія литературныхъ явленій въ связи съ общимъ ходомъ культуры. На чешскій языкъ этотъ трудъ переведенъ въ 1880 году г. А. Котнеомъ.

Первымъ проектомъ исторіи чешской литературы, построенной научно и должноствующей излагаться такъ, какъ того требуетъ современное ея пониманіе, т. е. въ связи съ исторіей культуры, мы считаемъ далеко не доведенный въ сожалѣнію до конца, но хорошо задуманный трудъ доктора Бачковскаго „*Zevrubné dějiny českého písemnictví doby nove, pars. d-g Fr. Bačkovský. Díl. I. Období předběznové, Praha 1886*“.

Прежде чѣмъ остановиться на этомъ заслуживающемъ вниманія трудѣ, отмѣтимъ, что до его появленія заслуживаетъ упоминанія отличающийся отъ обычныхъ библиографо-биографическихъ чешскихъ „исторій литературы“ трудъ г. К. Тифтрунка „*Historie literatury české, spis... K. Tieftrunk*“.

Въ этомъ трудѣ намѣчается уже изложеніе „историческаго развитія“ чешской литературы, но преслѣдованіе главнымъ образомъ педагогическихъ, а не научныхъ цѣлей и желаніе привнести въ свой трудъ элементъ теоріи поэзіи въ духѣ эстетической школы не позволяютъ признать этотъ трудъ первымъ опытомъ научнаго изложенія

исторіи чешской литературы чешскимъ ученымъ. Наибольше удачно изложено у г. Тифтрунка 3-й отдѣлъ его труда, гдѣ, обрисовавши эпоху возрожденія національнаго самосознанія въ Чехіи и отмѣтивши тѣ пути, по которымъ пошла національная работа, авторъ останавливается на разсмотрѣніи поэтическихъ произведеній этого времени, распределяемыхъ по группамъ: а) лирика, б) эпосъ, в) юмористическо-сатирическія произведенія, д) драма, е) беллетристика (принципъ дѣленія, какъ видимъ, не выдержанъ).

Говоря о вышеуказанномъ трудѣ Бачковскаго, необходимо имѣть въ виду, что онъ ограничился всего только 1 частью перваго тома, въ которой, помимо введенія, мы имѣемъ дѣло лишь съ историческимъ очеркомъ развитія чешскаго самосознанія и чешской культуры отъ Бѣлогорской битвы до начала XIX вѣка, а также съ очеркомъ историческаго развитія чешскаго языка. Самое же изложеніе исторіи чешской литературы осталось лишь въ проектѣ, съ которымъ мы и знакомимся во вступительной части. Упомянувъ объ отсутствіи по новой чешской литературѣ даже такихъ трудовъ, какъ далекій отъ совершенства трудъ К. Сабіны по исторіи древней и средней чешской литературы и упомянувши о наличности подобныхъ трудовъ по чешской литературѣ у поляковъ (о Пыпинѣ почему-то не упомянуто), авторъ намѣревается пополнить этотъ пробѣлъ. Перечисленіе имъ тѣхъ трудностей, съ которыми ему приходится при этомъ бороться (и которыхъ онъ, повидимому, такъ и не осилилъ), даетъ интересную картину изъ исторіи чешской жизни и условій научной работы. Наибольше важнымъ во вступленіи автора является опредѣленіе имъ „историческаго развитія“, указаніе тѣсной связи исторіи литературы съ исторіею человѣческаго духа, установленіе вліянія жизни на литературу и обратно. Интереснымъ является и приводимый докторомъ Бачковскимъ обзоръ различныхъ видовъ классификаціи историко-литературнаго матеріала и объясненіе принятой терминологіи. Свое изложеніе авторъ предполагаетъ разбить на 4 періода: 1) эпоха подготовительная (1774—1820), 2) эпоха „патріотизма“ (1820—48); 3) переходная эпоха (1848—60); 4) новѣйшая литература (1860 и дальше).

Разсмотрѣніе произведеній чешской литературы г. Бачковскій предполагалъ однако вести по видамъ поэтическаго творчества и въ этомъ отношеніи не опередилъ, слѣдовательно, съ научной точки зрѣнія г. Тифтрунка. Имѣющіяся въ печати историческая и лингвотическая части задуманнаго г. Бачковскимъ труда выполнены удачно, и приходится пожалѣть, что его „исторія литературы“ осталась in spe.

Честь перваго ученаго историка чешской литературы должна быть, очевидно, приписана молодому еще чешскому ученому профессору Пражскаго университета Я. Влчку, который, какъ увидимъ дальше, еще не закончилъ, правда, своего труда, но, во-первыхъ, выполнилъ уже львиную долю его, во-вторыхъ, имѣетъ всѣ данныя, чтобъ довести его до конца. То же почетное имя „ученыхъ историковъ чешской литературы“ должны дѣлать съ профессоромъ Влчкомъ и чешскіе профессора, сотрудники коллективной исторіи чешской литературы XIX в., о которой рѣчь дальше. Замѣтимъ, что о двухъ послѣднихъ трудахъ мы говоримъ здѣсь короче, чѣмъ они того заслуживаютъ, такъ какъ болѣе подробная рецензія ихъ изъ подъ нашего же пера вышла въ другомъ мѣстѣ (см. Извѣст. II отд. Академіи Наукъ, 1905, III).

Отсутствие научнаго изложенія исторіи чешской литературы, сознаваемое несомнѣнно чешскимъ интеллигентнымъ обществомъ, должно было особенно чувствоваться и чешскимъ студенчествомъ, и ученымъ міромъ; появленіе выходящаго съ конца XIX вѣка (1893) и незаконченнаго еще труда профессора Влчка „*Dějiny české literatury*, pars. I. a. V.šek“ и также еще незаконченнаго коллективнаго труда Пражскихъ профессоровъ „*Literatura česká XIX století*“ пополняетъ этотъ пробѣлъ въ научной чешской литературѣ.

Профессоръ Влчекъ, отличающійся широтой кругозора и глубокимъ знакомствомъ съ своимъ предметомъ, предполагалъ, какъ гласило „označení“ къ первому выпуску его труда, закончить свою исторію чешской литературы отъ древнѣйшихъ временъ (X в.) до послѣдняго времени въ очень краткій одностолбчатый, двустолбчатый срокъ; постепенное расширеніе рамокъ изслѣдованія, обстоятельное ознакомленіе съ источниками и пособиями по исторіи чешской литературы, указатель которыхъ приводится авторомъ въ концѣ каждаго отдѣла, наконецъ единоличность труда вызвали то, что онъ затянулся на цѣлое десятилѣтіе.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ и просмотрѣнныхъ нами частяхъ труда профессора Влчка дается очеркъ развитія исторіи чешской литературы отъ X вѣка до 1-ой половины XIX вѣка.

Въ первой главѣ, гдѣ дается очеркъ литературы X—XII вѣковъ, особенно интересны для специалиста по исторіи русской литературы отдѣлы, касающіеся вопроса о Кириллѣ и Меѳодіи, о славянскомъ богослуженіи и восточномъ обрядѣ въ Чехіи и Моравіи; проф. Влчекъ, вопреки изслѣдователямъ клерикально-католическаго направленія, при-

знаеть фактъ существованія греко-славянскаго обряда въ Чехіи, но отмѣчаетъ кратковременность его существованія у чехо-мораванъ, упорство латино-нѣмецкаго вліянія въ уничтоженіи его слѣдовъ, и въ отдѣльных случаяхъ сохраненія славянскаго богослуженія въ Чехіи (Сазавскій мон., Эмаусскій мон.) видитъ не сохраніе старой традиціи, а новыя вѣянія со стороны. Интересны въ этой главѣ и свѣдѣнія о славянскихъ памятникахъ древне-чешской литературы, каковы „Легенда о св. Вячеславѣ“, молитва „Господи помилуй насъ!“, „Пражскіе глаголическіе листки“ и „Сазавское или Реймское Евангеліе“. Съ первыхъ же главъ своего труда проф. Влчекъ даетъ понять, что онъ не будетъ ограничиваться лишь перечнями именъ, сочиненій, наложеніемъ біографій авторовъ и содержанія ихъ трудовъ, а будетъ представлять, по мѣрѣ силъ и наличнаго матеріала, постепенный ростъ чешскаго самосознанія и художественнаго творчества, поскольку они проявились въ памятникахъ литературы.

Обзоромъ чешскихъ хроникъ, трудовъ Карла IV, Флашка и Штитана заканчиваетъ изслѣдователь первый выпускъ своего труда, состоящій изъ двухъ главъ: 1 носитъ названіе „Půčatky české literatury pod panstvím latiny“, 2—„Rytířská romantika a reakce satiricko-didaktická“. Если въ первой главѣ для историка русской литературы интересны отмѣченныя нами мѣста, то во второй главѣ обращаютъ на себя вниманіе статья о чешской средневѣковой драмѣ и чешскомъ рыцарскомъ романѣ, не оставшихся безъ вліянія на нашу средневѣковую литературу. Отдѣльныя замѣчанія, преимущественно бібліографическія, о русско-чешскихъ литературныхъ связяхъ на почвѣ рыцарскаго романа (стр. 27), могутъ быть съ успѣхомъ дополнены имѣющимися у д-ра Караска и проф. Мурка указаніями (I. Karásek, Č. Revue. 1902, VIII, 729 стр. и Murko, Erste Schritte des russischen Romans).

Въ остальныхъ главахъ перваго тома „Dějiny české literatury“ мы знакомимся съ первымъ, если можно такъ сказать, чешскимъ Возрожденіемъ въ XV вѣкѣ, съ гусситскимъ движеніемъ, и затѣмъ съ литературными теченіями XVI и реакціоннаго XVII вѣка. При обзорѣ общественно-религіозной и литературной дѣятельности Гуса авторъ даетъ интересный хотя и краткій обзоръ трудовъ объ отношеніяхъ Гуса къ православной церкви, при чемъ склоняется на сторону мнѣній русскихъ изслѣдователей г. Васильева (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876, 90) и проф. Пальмова (Вопросъ о чашѣ въ гусситскомъ движеніи, 1881) и чешскихъ пр. Калоусека (Č. Č. M. 1882, 90) и

I. Goll (С. С. М. 1878, 590). Въ статьѣ объ Иеронимѣ Пражскомъ приводится указаніе объ его путешествіи по Руси (т. I, 114 стр.), но ни литературы вопроса, ни какихъ-либо замѣчаній относительно этого пребыванія знаменитаго чеха въ Россіи мы у проф. Влчка не находимъ; пробѣлы находимъ мы и вообще въ характеристикѣ отношеній русско-чешскихъ въ эпоху гуситскаго движенія; не находимъ упоминаній о таборитахъ со стороны ихъ вліянія на Гуса, отсутствуютъ указанія и по вопросу объ отношеніяхъ чешскихъ братьевъ къ православію; мы считаемъ нужнымъ это отмѣтить, такъ какъ 1) въ главѣ о Гусѣ авторъ касается подобныхъ вопросовъ, во 2) на русскомъ языкѣ имѣются труды по этимъ вопросамъ, не только устарѣвшіе, какъ напримѣръ Гильфердинга, но и вполне современные научныя изслѣдованія проф. Пальмова ¹⁾.

Вообще же, при чтеніи уже перваго тома проф. Влчка, русскій изслѣдователь, отдавая полную дань уваженія почтенному автору, какъ знатоку чешской литературы и знатоку отношеній ея къ западно-европейскимъ литературамъ, замѣчаетъ или недостаточное знакомство или недостаточное вниманіе автора къ вопросу о русско-чешскихъ литературныхъ и культурныхъ отношеніяхъ; не считая, разумѣется, возможнымъ для автора такого труда, какъ разсматриваемый, производство новыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій, мы однако считали бы нужнымъ привлекать, если ужъ не въ текстъ, то въ библиографическій отдѣлъ имѣющіеся какъ на чешскомъ и нѣмецкомъ, такъ особенно на русскомъ языкахъ матеріалы о русско-чешскихъ литературныхъ отношеніяхъ ²⁾.

Второй томъ исторіи чешской литературы проф. Влчка распадается на 2 части, изъ которыхъ первая посвящена XVIII вѣку, а вторая XIX вѣку.

Въ первой части II т., распадающейся въ свою очередь на 10 главъ, мы знакомимся съ противореформаціоннымъ теченіемъ, иезуитами-писателями, попытками защиты чешскаго языка и народности, иностран-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду, конечно, не послѣднее капитальное изслѣдованіе „Чешскіе братья“ И. С. Пальмова, такъ какъ проф. Влчекъ не могъ въ разсматриваемомъ трудѣ пользоваться этимъ пособіемъ въ силу хронологическаго соотношенія обихъ трудовъ, но отдѣльныя статьи русскаго специалиста по указанному вопросу.

²⁾ Въ виду того, что имѣющіеся нами въ виду русскія статьи по славянскому вопросу разсѣяны главнымъ образомъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и въ виду испытанной по собственному опыту трудности получать за-границей при существующихъ условіяхъ русскія книги, проф. Влчка не приходится особенно винить и въ указанномъ пробѣлѣ.

ными (преимущественно итальянскими) влияніями: въ области драмы; первой половины XVIII ст. (I гл.); характеризуются затѣмъ протестантская оппозиція, чешская эмиграція изъ-за религиозныхъ преслѣдованій, литературная дѣятельность чешскихъ эмигрантовъ и поэтическое направленіе (II гл.); вслѣдъ за обрисовкой янсенизма на чешской почвѣ (гл. III), выступаетъ передъ нами картина европейскаго просвѣтительнаго движенія и его отраженіе въ Чехіи въ эпоху іозефинизма; вмѣстѣ съ характеристикой освободительныхъ реформъ Іосифа II устанавливается и ихъ вліяніе на чешское Возрожденіе (гл. IV). Отъ V и до послѣдней главы разсматриваемой части II тома рисуется общественно-патріотическая, національно-чешская дѣятельность представителей какъ чешской литературы, такъ и чешской науки и педагогики въ XVIII вѣкѣ. Такъ, въ V-ой главѣ выясняется заслуга общества „Společnosti Nauk“, Добнера, Фойгта, Унгара, гр. Кинскаго, Сейбта, Пелцла, Прохазки и патріарха славянской филологіи абб. І. Добровскаго съ его друзьями Дурихомъ и Монсе. Значительный интересъ представляеть для насъ постепенный ростъ интереса къ Россіи и стремленіе знакомиться съ ея языкомъ, бытомъ и духовною жизнью, проявляющіеся у представителей чешскаго Возрожденія. Находя у проф. Влчка лишь намеки и бѣглыя замѣтки по этому вопросу, мы рѣшили подробнѣе остановиться на послѣднемъ, тѣмъ болѣе что, какъ увидимъ изъ обзора и другихъ трудовъ по чешской литературѣ, онъ до сихъ поръ оставался въ тѣни, и лишь нашъ русскій изслѣдователь В. А. Францевъ затронулъ его шире и глубже въ своей диссертациі. Интересными и цѣнными для насъ являются имѣющіяся у проф. Влчка въ послѣднихъ 5 главахъ разсматриваемой части его труда свѣдѣнія о чешской журналистикѣ конца XVIII вѣка; исходя изъ его указаній, дополняя ихъ матеріалами, имѣющимися въ ранѣе перечисленныхъ трудахъ по чешской библіографіи, мы, и при отсутствіи спеціальнаго чешскаго труда о чешской періодической печати (въ родѣ напр. нашего цѣннаго труда г. II. Лисовскаго) составляемъ себѣ представленіе объ объемѣ и содержаніи чешской журналистики какъ конца XVIII, такъ и первой половины XIX в. Ознакомленіе же съ этой журналистикой въ подлинникѣ убѣждаетъ насъ все болѣе и болѣе въ справедливости нашего мнѣнія, что проф. Влчекъ въ своемъ трудѣ далеко не исчерпалъ очень важнаго и гораздо болѣе замѣтнаго, чѣмъ указано у него, вопроса о русскомъ вліяніи, объ интересѣ къ Россіи у Добровскаго, Дуриха, Пухмайера и другихъ чешскихъ „будителей“.

Незаконченная вторая часть второго тома „Dějiny české literatury“ посвящена чешской литературѣ XIX вѣка и является какъ бы параллельной другому, упомянутому нами и тоже еще незаконченному коллективному труду (съ участіемъ пр. Влчка), „Literatura česká XIX století“.

Что касается вышедшихъ уже въ свѣтъ частей труда проф. Влчка, то, на нашъ взглядъ, значеніе ихъ очень велико какъ въ качествѣ пополненія отмѣченнаго нами раньше пробѣла въ чешской исторіи литературы, такъ и по добросовѣстности и тщательности труда, и наконецъ съ точки зрѣнія колоссальности подобнаго труда для силъ одного человѣка. Съ послѣдней точки зрѣнія мы сопоставили бы „Dějiny české literatury“ проф. Влчка съ замѣчательнымъ и лучшимъ въ настоящее время трудомъ по исторіи русской литературы акад. А. Н. Пыпина „Исторія русской литературы“. При большемъ объемѣ современной русской литературы по сравнению съ чешской, при большемъ количествѣ научныхъ изслѣдованій по первой, наконецъ при большей эрудици маститаго русскаго ученаго по сравнению съ сравнительно молодымъ еще чешскимъ ученымъ „Исторія литературы“ А. Н. Пыпина, разумѣется, колоссальнѣе „Исторіи литературы“ Я. Влчка, но какъ по внутренней, такъ и по внѣшней манерѣ изложенія, а равно и по единоличности выполнения работы оба труда имѣютъ между собою большое сходство.

Отмѣченный нами недостатокъ труда пр. Влчка, именно слишкомъ скудное упоминаніе о русско-чешскихъ литературныхъ связяхъ, находитъ себѣ главное объясненіе въ недостаточномъ количествѣ монографій и изслѣдованій по этому вопросу у чешскихъ ученыхъ; однако уже упомянутымъ очень тщательнымъ трудомъ д-ра Караска (С. Revue, 1902), а равно русскими трудами проф. Францева, проф. Пальмова изъ новыхъ и Первольфа изъ прежнихъ изслѣдователей, вѣроятно, проф. Влчекъ воспользуется при слѣдующихъ изданіяхъ своего почтеннаго труда.

„Literatura česká XIX století“ является коллективнымъ трудомъ чешскихъ профессоровъ, причемъ въ I-мъ изъ вышедшихъ томовъ принимали участіе пр. Влчекъ, Янубецъ, Махаль, Сметанка и Ганушъ; во II-мъ томѣ, кромѣ нихъ, еще Камперъ и Нидерле. При коллективномъ характерѣ труда, разумѣется, значительно выигрывается время, и тогда какъ единоличный трудъ проф. Влчка „Dějiny literatury české“ затянулся на цѣлое десятилѣтіе, разсматриваемое нами изслѣдованіе въ двухгодичный срокъ представляетъ уже собою весьма

подробный и разносторонний обзоръ чешской литературы XIX вѣка до Я. Ербна. Выигрывая во времени, коллективный трудъ теряетъ однако въ смыслѣ единства: повторенія, неравномѣрность частей въ изложеніи различныхъ авторовъ, разнообразіе въ самой манерѣ и языкѣ изложенія нарушаютъ стройность впечатлѣнія и по сравненію напримѣръ съ русскимъ подобнымъ коллективнымъ трудомъ, „Исторіей русской словесности“ Галахова, приходится отиѣтить слабую роль въ чешскомъ трудѣ того сглаживающаго неровности редакторскаго пера, которое такъ замѣтно въ Галаховскомъ трудѣ.

I-й томъ разсматриваемой работы посвященъ обзору литературныхъ явленій отъ эпохи іозефинизма до развитія чешскаго романтизма и распадается на 18 главъ, изъ которыхъ первыя принадлежатъ перу проф. Якубца. На протяженіи 4-хъ главъ онъ даетъ оцѣнку реформаціонной дѣятельности Іосифа II-го, выясняетъ значеніе его освободительныхъ реформъ для чешскаго самосознанія и образованности, подробно разсматриваетъ работу чешскихъ патріотовъ и ученыхъ въ дѣлѣ защиты правъ и въ разработкѣ родного языка, въ собираніи памятниковъ, въ изслѣдованіяхъ по вспомогательнымъ для исторіи областямъ (нумизматика, генеалогія, мѣстное право и т. д.) и наконецъ, подходя къ оцѣнкѣ дѣятельности аббата Добровскаго, выясняетъ степень подготовленности для него почвы благодаря его предшественникамъ; наиболѣе подробно останавливается онъ въ данномъ случаѣ на характеристикѣ Дуриха. Въ главѣ о Добровскомъ проф. Якубецъ даетъ обстоятельную оцѣнку его важнѣйшихъ изслѣдованій, характеризуетъ основныя черты его міровоззрѣнія и выясняетъ различіе во взглядахъ и въ приѣмахъ работъ у Добровскаго и младшаго поколѣнія чешскихъ патріотовъ.

Послѣ 5-й главы, посвященной оцѣнкѣ лингвистическихъ трудовъ Добровскаго, проф. Махалъ даетъ въ двухъ главахъ интересный очеркъ первыхъ опытовъ въ области чешской драмы и легкой прозы, очерчивая при этомъ литературную дѣятельность Тама, Шедиваго, Зимы, Штепанка, Крамерія, Юнгманна, Линды.

Неутомимый проф. Влчекъ съ обычнымъ знаніемъ дѣла и живостью изложенія рисуетъ картину новочешскаго стихотворства съ анакреонтическими увлеченіями первыхъ поэтовъ; болѣе подробно разсматривается въ этомъ, въ общемъ бѣгломъ, очеркѣ поэтическая дѣятельность Пухмайера и Гявковскаго.

Въ главахъ отъ IX—XII проф. Якубцемъ дается подробный очеркъ трудовъ въ защиту чешскаго языка, выясняются заслуги Прохазки

и Крамерія въ дѣлѣ распространенія чешскаго печатнаго слова и съ полнотою, ясностью и ссылками на источники очерчивается дѣятельность Я. Неѣдлаго и Юнгманна.

Продолжая характеристику чешской поэзіи, проф. Влчекъ даетъ сжатую, но яркую оцѣнку поэтической дѣятельности словаковъ-евангеликовъ въ XIII-ой главѣ, чтобы уступить въ слѣдующихъ главахъ (XIV—XVIII) проф. Ганушу характеристику чешскаго романтизма. Проф. Ганушъ ставитъ во главѣ новочешской романтики В. Ганку, подробной характеристикѣ котораго онъ посвящаетъ XIV-ую главу, отмѣчая свѣтлыя и темныя стороны его личности и дѣятельности и считая несомнѣннымъ фактомъ поддѣлку имъ извѣстныхъ краледворской и зеленогорской рукописей (вопросу о поддѣлкѣ посвящены специально XVII-я и XVIII-я главы); двумъ другимъ представителямъ чешскаго романтизма, именно Свободѣ и Линдѣ, авторъ отводитъ XV-ую и XVI-ую главы, отмѣчая нравственную неустойчивость и слабость поэтическаго дарованія у Свободы и характеризуя важное значеніе Линды для развитія чешской беллетристики. Наличие иллюстрацій и тщательно составленнаго указателя относится къ числу многочисленныхъ положительныхъ сторонъ разсмотрѣннаго мною труда; возвращаясь же къ вопросу о недостаткахъ, необходимо отмѣтить, что историческаго роста чешской литературы XIX-го вѣка въ связи съ культурно-историческими условіями мы не находимъ въ этомъ трудѣ, являющемся по существу рядомъ цѣнныхъ монографій, составленныхъ на основаніи знакомства лишь съ частью имѣющихся въ распоряженіи изслѣдователя матеріаловъ; такъ напримѣръ, слабо использованъ матеріалъ, представляемый чешскими альманахами, журналами и газетами изслѣдуемой эпохи; недостаточно отмѣчены черты русскаго вліянія и чешско-русскаго литературнаго общенія при очень тщательной обрисовкѣ нѣмецкаго вліянія и т. д. Что же касается не только наличности, но и значительной силы русскаго вліянія какъ въ творчествѣ, языкѣ, взглядахъ, симпатіяхъ цѣлага ряда изъ упоминаемыхъ въ I-мъ томѣ разсматриваемаго труда писателей, такъ въ особенности въ подборѣ статей, переводовъ, сообщеній и т. д. въ чешскихъ періодическихъ изданіяхъ разсматриваемой эпохи, то относительно этого вопроса я, какъ специально имъ занимающійся, могу особенно поставить упрекъ ученымъ изслѣдователямъ въ недостаточномъ его освѣщеніи. Сознывая, что участники коллективнаго труда не имѣли возможности производить новыя самостоятельныя изслѣдованія, и имѣя въ виду отсутствіе специальныхъ моно-

графій о русскомъ вліяніи въ чешскойъ литературѣ и журналистикѣ XIX-го вѣка, и все-таки долженъ отмѣтить, что и тѣ черты этого вліянія, которыя отмѣчены между прочимъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ о чешскихъ писателяхъ, не были привлечены и сгруппированы авторами разсматриваемаго труда.

Второй томъ „Literatura česká“ начинается статьею проф. Влчка о литературной дѣятельности М. Поляка, который разсматривается какъ проводникъ англійско-нѣмецкой описательной и отвлеченно-философской поэзіи въ чешскую литературу; устанавливая вліянія Циглера и Гека на Поляка, проф. Влчекъ подвергаетъ подробному разсмотрѣнію и оцѣнкѣ „Vznešenost přírody“ „Cesta do Italie“, заканчивая свой очеркъ выясненіемъ значенія литературной дѣятельности Поляка.

Въ главахъ II-ой и III-ей проф. Якубецъ останавливается на трехъ великихъ дѣятеляхъ чешскаго возрожденія Шафарикѣ, Палацкомѣ и Колларѣ; по отношенію въ первымъ въ живой и яркой картинѣ рисуются молодые годы „будителей“, выясняются вліянія на нихъ семьи, евангелическаго воспитанія, школьнаго обученія и чтенія; въ отдѣлѣ о Шафарикѣ мы встрѣчаемся съ характеристикою его первыхъ поэтическихъ опытовъ, причемъ авторъ приводитъ рядъ господствующихъ мнѣній по этому вопросу; съ большою подробностью останавливается исследователь на выясненіи значенія іенскаго періода въ жизни, міровоззрѣніи и дѣятельности Шафарика. При оцѣнкѣ поэтическихъ опытовъ Палацкаго проф. Якубецъ сравниваетъ ихъ съ опытами Шафарика и внимательно слѣдитъ вліянія на будущаго чешскаго историка окружающей среды, дружбы съ Шафарикомъ и знакомства съ Копитаромъ и Добровскимъ. Разборомъ „Počátky“ заканчивается глава о Шафарикѣ и Палацкомѣ; въ главѣ, посвященной глѣву славянской взаимности, передъ нами проходятъ дѣтство, юность и зрѣлые годы Я. Коллара, причемъ дается разносторонняя оцѣнка его поэтической, публицистической, проповѣднической и т. д. дѣятельности; подробнымъ анализомъ различныхъ редакцій „Slavy dcega“, выясненіемъ вліяній, подъ которыми слалось это произведеніе, и оцѣнкою его заканчиваетъ авторъ свою статью о Колларѣ.

Въ меньшихъ, но содержательныхъ слѣдующихъ главахъ проф. Влчекъ знакомитъ насъ съ литературною дѣятельностью Байза, Бернолака, Рандли и Голлаго, какъ представителей словацкихъ католическихъ поэтовъ; проф. Махаль характеризуетъ В. Клицперу, какъ драматурга, новеллиста и поэта, разсматриваетъ поэтическую дѣя-

тельность и повѣсти I. Марка, и наконецъ редакторъ Камперъ даетъ очеркъ развитія чешской драмы въ эпоху отъ 1821 — 48 гг., причемъ, рассматриваются судьбы чешской трагедіи, исторической драмы, заимствованной драмы и драмы бытовой.

Въ обширной VIII-ой главѣ проф. Якубецъ знакомитъ съ біографіей и литературной дѣятельностью Челаковскаго и съ представителями его школы; охарактеризовавши 2 главнѣйшихъ теченія чешской мысли во время выступленія Челаковскаго на литературное поприще (космополитизмъ и націонализмъ), авторъ слѣдитъ, какъ шло душевное развитіе поэта подѣ влияніемъ среды, обстоятельствъ жизни, чтенія и т. д. Выяснивши всесторонне влияніе на Челаковскаго со стороны Шафарика, Палацкаго и Коллара съ одной стороны и нѣмецкихъ поэтовъ съ другой, остановившись на вопросѣ о взаимномъ вліяніи Камарита и Челаковскаго, авторъ отмѣчаетъ способность Челаковскаго къ такому виду творчества, какъ „ohlasý“, и послѣ бѣглой характеристики подобнаго же творчества Хмеленскаго переходитъ къ вопросу о поэтическихъ опытахъ Челаковскаго подѣ влияніемъ Гердера и Гете, отмѣчаетъ его увлеченіе языками, характеризуетъ развитіе его политическихъ и національныхъ воззрѣній; послѣ обзора дѣятельности Челаковскаго, какъ переводчика, проф. Якубецъ переходитъ къ вопросу объ интересахъ Челаковскаго и его друзей (Камарита, Риттерсберга) къ народной поэзіи.

Изложеніе литературной дѣятельности Челаковскаго прерывается главами IX—XII, которыя посвящены обзору проф. Влчкомъ развитія интереса къ народности, поскольку послѣдній сказался въ „Historie l. č.“ Юнгманна и „Krok“ Пресла (IX-ая гл.), въ Шафариковой „Geschichte der slavischen Sprache und Literatur“, въ его занятіяхъ въ Н. Садѣ (X-ая гл.), въ его „Starožitnosti“, одѣнка которыхъ производится д-ромъ Л. Нидерле (XI-ая гл.):

Въ XII-ой главѣ проф. Ганушъ производитъ одѣнку литературной дѣятельности Лангра, какъ поэта, причемъ сообщаются и біографическія данныя въ связи съ характеристикой Лангровыхъ воззрѣній.

Прерванное указанными главами изложеніе поэтической дѣятельности Челаковскаго возобновляется въ обширной XIII-ой главѣ, въ которой проф. Якубецъ, охарактеризовавши отношенія къ народной поэзіи Ганки, Поляка, Реттига, Камарита, Каменичкаго и Шнайдра, даетъ разборъ и одѣнку извѣстныхъ „Ohlas písní ruských“ и „Ohlas písní českých“ Челаковскаго; отмѣчаетъ авторъ между прочимъ музыкальныя передѣлки пѣсень Челаковскаго, переводы и т. д. Обоз-

ромъ подражаній народной гѣснѣ у Каменецкаго, Хмелевскаго и Пидца заканчивается изложеніе вопроса о народной поэзіи и дѣлается переходъ къ оцѣнкѣ публицистическо-редакторской дѣятельности Челаковскаго и къ характеристикѣ его „Epiigrammy“, „Kviti“ и „Ruža stolista“.

Въ двухъ послѣднихъ главахъ проф. Махаль подробно разсматриваетъ біографіи и дѣятельность знаменитаго въ свое время патріота, драматурга, редактора, новеллиста Тыла, писателя историко-повѣствовательныхъ и описательныхъ произведеній Хохолоушка, извѣстнаго этнографа-собираателя, бібліотекаря, ученаго, издателя и поэта К. Я. Эрбена и наконецъ поэта Kvařt'a I. Калины.

Относительно достоинства и недостатковъ II-го тома разсматриваемого труда приходится сказать то же, что и относительно перваго: научность и вмѣстѣ съ тѣмъ живость изложенія, сравнительная быстрота выполненія задачи, наличие удачныхъ иллюстрацій и указателей—достоинства труда; отсутствіе тѣсной связи между отдѣльными очерками, наличие повтореній и пропусковъ, недостаточное вниманіе къ русскому влиянію, особенно замѣтному въ слабо затронутой авторами періодической литературѣ изучаемой ими эпохи и разнообразіе формы и стиля изложенія—недостатки II-го тома Lit. č. XIX st.

Наряду съ научно-популярными разсмотрѣнными выше трудами „Vlček, Dějiny literatury česke“ и „Literatura česka XIX století“, приближающимися къ нашимъ строго научному труду Пыпина „Исторія русской словесности“ и коллективному научно-популярному труду „Исторія русской словесности, подъ редакціей Галахова“, необходимо отмѣтить тоже научно-популярный, но съ перевѣсомъ въ сторону популярности, трудъ профессора Флайшханса „D. Flajšhans, Pisemnictví česke slovem i obrazem od nejdávnějších dob až po naše časy s vyobr. Praha, 1901“. Этотъ обширный, снабженный удачными иллюстраціями, снимками рукописей, автографами и т. д. трудъ чешскаго ученаго можетъ быть сопоставленъ и по своему характеру, и по научному значенію съ русскимъ „Исторія русской словесности“ Полевого, который, равно какъ и подобные нѣмецкіе труды, по собственнымъ словамъ автора, служили для него вышшими образцами.

Чешскіе труды по исторіи литературы, начавшись такимъ образомъ съ бібліографическихъ, перейдя къ бібліографо-біографическимъ, пройдя ступени эстетико-теоретическихъ, излагаемыхъ въ связи съ теоріей словесности, и научно-дидактическихъ, приблизились къ на-

учнымъ культурно-историческимъ трудамъ, стронимымъ на почвѣ отдѣльныхъ монографическихъ изслѣдованій. Если, какъ было отмѣчено, руководства по исторіи чешской литературы, несмотря на свои наименованія „Geschichte“, „Historie“, долгое время не представляли собою „историческаго“, а лишь „библіографическое“ обозрѣніе, а потому и могутъ быть относимы въ отдѣлъ трудовъ библіографическихъ, то имѣлись и имѣются въ чешской литературѣ и спеціальныя библіографическія періодическія изданія и труды. Правда, въ чешской научной литературѣ не существуетъ еще пока такихъ полныхъ библіографій по исторіи литературы, каковы русскіе извѣстные труды Межова, С. А. Велгерова и А. В. Мезьеръ или *Bibliografie polska Estreichera*, но попытка въ указанномъ направленіи уже дѣлается; мы имѣемъ въ виду еще незаконченный, но тщательно выполняемый и быстро подвигающійся впередъ трудъ бібліотекаря Чешскаго музея проф. Зибрта „D-г Č. Zibrť. Bibliografie české historie“. „Исторія“ понимается авторомъ широко, и если его трудъ будетъ доведенъ до конца въ томъ же духѣ, какъ ведется теперь, то онъ будетъ настольной книгой не только для историка въ узкомъ смыслѣ слова, но и для историка литературы, этнографа и т. д.

Изъ библіографическихъ періодическихъ изданій, приближающихся по характеру къ русскимъ: „Библіографъ“, „Книжный вѣстникъ“, „Литературный вѣстникъ“ и т. д., наиболѣе видное мѣсто занимаетъ выходившій подъ редакціей Урбанка съ 1869 — 1873 и съ 1880 — 1883 гг. „*Urbankův věstník bibliografický*“; этотъ журналъ, помимо спеціально библіографическаго отдѣла, касающагося трудовъ чешскихъ, словенскихъ (словацкихъ) и трудовъ не чешскихъ, но касающихся Чехіи, Моравіи и Силезіи, содержалъ еще отдѣлъ фельетоновъ, некрологовъ, справокъ о литературныхъ новинкахъ внѣ Чехіи, преимущественно въ славянскомъ мірѣ. Знакомство съ русскими библіографическими изданіями, изъ которыхъ черпаются порою библіографическія справки о русской журналистикѣ (V. B. 1883, 83; 1871, 49), библіографіи (*Věst. Bib.* 1880, 41 и др.), о новинкахъ русскихъ литературы и искусства (1871, 48; 1872, 20; 1873, 27; 1880, 108; 1881, 3; 184 и др.), о смерти русскихъ писателей и ученыхъ, (1872, 239, 276, 209; 1880, 51 и др.), заставляеть автора, при упоминаніи о рекомендаціи русскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія пріобрѣтати библіографію 1879 г. въ бібліотеки средней школы, сказать „*Patrnó, že v Rusku uznává i ministerstvo nutnost bibliografie!*“ Для русскаго изслѣдователя особенно цѣннымъ въ этомъ изданіи является „*přechled*

překladů do češtiny z literatury ruske, sestavila K. Stedingrova" (Věstník bibl. 1882, 59, 99, 131, 162) и „doplňky“, sest. Soukal (V. Bibl. 1882, 61, 99, 131, 197); A. Klikar (V. b. 1882, 198, 278), E. Valečka (V. b. 1882, 279), Doucha (V. b. 1882, 279). Правда, далеко не все чешские переводы с русского языка являются здесь отрывочными, и другие библиографические чешские обзоры, каталоги и особенно периодические издания дают не мало дополнений к указанным „přehled“ и „doplňky“. Не безынтересно отметить и такие свидетельства о степени осведомленности о России замѣтки, какъ напримѣръ, объ осужденіи автора Обломова, Гончарова, „na 6 let k nucené práci na Sibíři“ за распространение бунтовщическихъ прокламаций (V. bibl. 1872, 70) или о смерти въ 1872 г. автора „Dum, Otcovů a synove“ и т. д. М. И. Тургенева; причемъ, какъ видно, Н. И. Тургеневъ и Н. С. Тургоневъ представлялись автору справки однимъ лицомъ (V. bibl. 1872, 209).

Помимо этого болѣе солиднаго въ общемъ чешскаго библиографическаго журнала заслуживаютъ упоминанія дающія матеріалъ и по вопросу о русской струѣ въ чешской литературѣ издания „Český obzor literární (1867 г.)“, Literární Listy (и 1880 г.), Hlídka literární (съ 1884 г.), Obzor literární a umělecký (съ 1899 г.). Периодическихъ указателей къ журналамъ, въ родѣ нашихъ къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія*, Вѣстнику Европы, Историческому Вѣстнику и т. д., или къ газетамъ, въ родѣ нашихъ годовичныхъ указателей, напримѣръ, къ Правительственному Вѣстнику, Варшавскому Дневнику и др., въ чешской библиографической литературѣ мы не находимъ, за исключеніемъ 10-годовичныхъ указателей къ *Časop. Česk. Mus.*; это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что матеріалы, даваемые периодической печатью, не достаточно исчерпаны и въ существующихъ чешскихъ библиографіяхъ вообще, очень затрудняетъ занятія по чешской журналистикѣ.

Вспомогательными къ вышеперечисленнымъ библиографическимъ трудамъ и изданіямъ пособіями могутъ служить имѣющіеся на чешскомъ языкѣ каталоги книжныхъ фирмъ, научная цѣнность которыхъ, такова же, какъ и нашихъ каталоговъ Смирдина, Глазунова, Суворина и т. д., а также и два труда справочнаго характера, именно „Narodopisna Výstava Českoslovanska v Praze, 1895“ и „Bačkovský, Přehled písemnictví českého doby nejnovější. Praha, 1899“.

Что касается каталоговъ-справочниковъ, то, помимо наиболѣе цѣннаго изъ нихъ въ научномъ отношеніи каталога-словаря „Fr.

Doucha, *Knihopisný slovník česko-slovenský*, Pr. 1865“, заслуживаютъ упоминанія: 1) Hansgirt, *Katalog českých knih od r. 1774 — 1839*, Praha 1840; 2) *Knihopisný slovník, seznam knih, vydaných 1864 — 1876*, vyd. spolk. česk. knihkupců, Pr. 1876; 3) *Slovanský katalog bibliografický, 1877—1881*; 4) *Český katalog bibliografický*, vyd. spolek česko-slov. knihkupeckých účetních v Praze, 1889—1897; 5) F. Bačkovský, *Seznam knih nových, vydaných za 15 let (1889—1904)*, Praha 1904; *Abecední soupis všech knih všech nakladatelů českých vydaných za posledních tří let (1897—1900)*, sest. Indřich; 7) *Uplná česka bibliografie za rok 1901 — 1903*, sest. Indřich.

Что касается двухъ вышеупомянутыхъ справочниковъ „*Narodopisna Výstava*“ и „*Přehled písemnictví*“, то „*Narodopisna Výstava Česko-slovanska v Praze*“ 1895—коллективный, богатый по содержанию и отлично изданный трудъ, рисуя по поводу выставки всѣ стороны культурнаго роста Чехин, посвящаетъ особые отдѣлы чешской литературы (стр. 420 и сл.) и чешскому театру; въ этихъ отдѣлахъ мы находимъ цѣнные библиографическія указанія относительно чешской журналистики, поэтическихъ и прозаическихъ литературныхъ произведеній, драматическихъ пьесъ и т. д.; имѣется указаніе и на выставленныя во время выставки діаграммы, рисующія ростъ чешской періодической литературы, но снимковъ съ этихъ діаграммъ въ миниатюрѣ не находится въ разсматриваемомъ трудѣ, такъ что труда, соответствующаго нашему извѣстному труду г. Н. Лисовскаго „*Русская періодическая печать, 1703—1894*, С.-Петербургъ 1895“, намъ не удалось найти.

Докторъ Бачковскій, очень усердный, аккуратный и горячо преданный своему дѣлу библиографъ и антикварій, помимо составленія цѣнныхъ указателей антикварныхъ книгъ, является авторомъ библиографическаго труда: *Přehled písemnictví českého doby nejnovější—Praha, 1899*. Если перечисленные раньше библиографическіе труды охватываютъ болѣе широкій періодъ времени, чѣмъ разсматриваемый трудъ доктора Бачковскаго, то надо однако замѣтить, что для той эпохи, которая затронута въ „*Přehled písemnictví*“, послѣдній является особенно подробнымъ и цѣннымъ руководствомъ; въ немъ мы находимъ библиографическій указатель роста чешской поэзии, беллетристики, драмы, научныхъ историко-географическихъ, историко-литературныхъ, филологическихъ, философскихъ, естественно-историческихъ, физико-математическихъ, медицинскихъ, юридическихъ и богословскихъ трудовъ. Въ трудѣ имѣются краткія библиографическія свѣдѣнія объ авторахъ, и система

изложенія матеріала хронологическая по годамъ рожденія авторовъ; такъ, отдѣлъ „nová“ начинается съ Ганки 1791 — 1861; далѣе слѣдуютъ поэты, родившіеся въ 1802, 1803, 1804 и т. д. годахъ; при принятомъ авторомъ распредѣленіи матеріала, имя одного и того же писателя мы можемъ встрѣтить въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, если онъ былъ, напримѣръ, поэтомъ, беллетристомъ, драматургомъ и ученымъ.

Въ концѣ труда помѣщенъ алфавитный перечень авторовъ упоминаемыхъ въ библиографіи сочиненій. Необходимо отмѣтить, что рассматриваемое изданіе труда доктора Бачковскаго (1899 г.) является дополненіемъ изданныхъ раньше тѣмъ же библиографомъ подобныхъ библиографическихъ указателей въ 1887 и 1898 гг. и охватываетъ періодъ XIX в., при чемъ наиболѣе подробно представлена литература 1848 — 98. Той точности и педагогической полноты, которая необходима въ строго-научномъ библиографическомъ трудѣ, мы у г. Бачковскаго не находимъ: онъ перечисляетъ обыкновенно важнѣйшіе труды извѣстнаго автора и нерѣдко употребляетъ недопускаемое въ ученой библиографіи „a i“. (= и т. д.).

Болѣе ограниченный, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ трудахъ, періодъ времени охватываетъ интересный для насъ томъ изданія въ честь 50-лѣтняго юбилея правленія императора Франца Іосифа I; именно, въ отдѣлъ „Vědecký a umělecký rozvoj v národě českém“ мы находимъ подробный библиографическій обзоръ литературныхъ и научныхъ произведеній, увидѣвшихъ свѣтъ въ царствованіи Франца-Іосифа за періодъ 1848 — 98 г. Особенно цѣннымъ въ этомъ трудѣ является указаніе не только вышедшихъ отдѣльными изданіями, но и помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ трудовъ. Большой интересъ для занимающагося вопросомъ о русско-чешскихъ литературныхъ отношеніяхъ представляетъ глава „Literatura ruská“, въ которой мы встрѣчаемъ обстоятельный перечень имѣющихся на чешскомъ языкѣ (до 1898 г.) какъ общихъ трудовъ по исторіи русской литературы, такъ и специальныхъ монографій объ отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ. Обработка этого отдѣла принадлежитъ знатому какъ чешской, такъ и русской литературы, профессору доктору Махалу, автору цѣнныхъ изслѣдованій по вопросамъ о славянскомъ эпосѣ (o bohatyrském epose slovanském, Praha 1894), о Челаковскомъ (Snahy Čelakovského o obnivu české literatury) и другихъ и сотруднику упомянутой выше „Literatura česká XIX stol.“.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что какъ для интересующагося чешскою

библіографіей вообще, такъ и для занимающагося специально вопросомъ о русско-чешскомъ литературномъ общеніи цѣнный матеріалъ даютъ многочисленныя библіографическія указанія въ 2 рассмотрѣнныхъ нами новыхъ трудахъ по исторіи чешской литературы („Vlsek, Dějiny lit. české“ и „Literatura česká XIX st.“), а также въ чешскихъ энциклопедическихъ словаряхъ Ригера и Отто.

И. Заболотскій.

АБАКЪ И БОЗЦІЙ ¹⁾.

Гораздо болѣе новымъ, чѣмъ все сообщенное Бозціемъ въ первой книгѣ объ абакѣ, могло показаться схоластикамъ XI вѣка то, что онъ сообщаетъ о томъ же абакѣ въ концѣ второй книги. Собственно онъ говоритъ не прямо объ абакѣ, а о различныхъ дробяхъ, но ученіе о дробяхъ входитъ, разумѣется, въ счетное искусство и тѣсно связано съ абакомъ. Только недоразумѣніе ²⁾ заставляло Герберта знать на абакѣ только цѣлыя числа и совсѣмъ не пользоваться дробями. Такихъ оригинальныхъ, половинныхъ абацистовъ, разумѣется, нигдѣ кромѣ какъ въ ученыхъ кабинетахъ не существовало. На самомъ дѣлѣ у абацистовъ и въ X вѣкѣ, какъ въ XI и слѣдующихъ, была цѣлая система дробей, съ которой, какъ и съ ихъ знаками, мы современемъ познакомимся и увидимъ, что это попросту римская

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ.

²⁾ Оно основано на томъ, что въ своемъ сочиненіи объ абакѣ Гербертъ дробей не касается. Но ядѣ онъ писалъ наскоро справку для Константина, схоластика Fleury-sur-Loire, а совсѣмъ не исчерпывающее руководство (см. мое „Подлинное соч. Герб. объ абакѣ“, см. выше введ. прим. 2). Затѣмъ оно основано еще и на томъ, будто та часть геометріи, приписываемой Герберту, гдѣ есть вычисленія съ дробями (Gerb. Opp. Math. pp. 46—97, особ. pp. 80—97) на абакѣ (р. 85 l. 1 „ut abaciatae facillimum est“), Герберту не принадлежатъ. Но именно изъ трехъ частей обширной геометрической компиляціи, называвшейся геометріей Герберта, ему принадлежатъ та, гдѣ есть дѣйствія съ дробями на абакѣ, т. е. первая. Это ясно изъ моего изданія и будетъ еще яснѣе изъ моего сочиненія „Абакъ и арабы“, гдѣ устранены сомнѣнія, особенно пагубнаго удачнаго изъ нихъ, высказанное авторитетнымъ вообще въ исторіи математики Р. Таппеку. *Адальболдъ* въ своемъ письмѣ къ Герберту (см. прим. 56) оперируетъ все время съ дробями и не боится, что Гербертъ его не пойметъ.

система дробей. И знаки были римскіе или греческіе. Знаки эти были очень разнообразны и сложные. Сложности ихъ не могли не сознавать абацисты особенно съ XI вѣка, когда абакъ началъ было изъ школьнаго инструмента обращаться въ практическій ⁵³⁾. И вдругъ оказывается, что уже Воэцій созналъ эту сложность и выступилъ смѣлымъ реформаторомъ. Въ чемъ же реформа? А вотъ послушаемъ самого „Воэція“.

Замѣтимъ прежде всего, что къ своей знаменитой реформѣ дробей въ концѣ второй книги Воэцій приготавливаетъ читателя уже съ самаго начала второй книги. Изъ этого начала видно ясно, что свои реформированныя дроби Воэцій связываетъ съ системой мѣръ длины, извѣстной римлянамъ, и его дроби суть тоже мѣры длины, только болѣе мелкія, чѣмъ какія до него употреблялись. Рѣчь о мѣрахъ длины вполнѣ умѣстна во второй книгѣ, которая представляетъ собой рядъ задачъ на практическое измѣреніе не только геометрическихъ фигуръ, но и реальныхъ предметовъ, напримѣръ, горъ, а разъ дроби являются минимальными мѣрами длины, то понятно, почему авторъ не говоритъ о дробяхъ въ первой книгѣ, посвященной теоретической геометріи.

Въ теоретической геометріи разсматриваются извѣстныя величины (длина, площадь, объемъ), но эти величины разсматриваются, какъ отвлеченныя, а не выраженныя въ извѣстныхъ именованныхъ единицахъ, напримѣръ въ мѣрахъ длины. Отвлеченная же единица по римскимъ представленіямъ недѣлима на части ⁵⁴⁾. Поэтому, чтобы получить дроби на абакѣ, абацистъ приравнивалъ мысленно отвлеченную единицу одному фунту, т. е. ассу (as) или либрѣ (libra). Ну,

⁵³⁾ См. введеніе прим. 7.

⁵⁴⁾ Авторъ нашей геометріи подтверждаетъ это положеніе. Ссылаясь на арифметику Воэція, откуда (Arithm. Inst. I, 7, 14, II, 5, 28, 31; Musica Inst. I. III с. 5, гдѣ тройка называется первымъ нечетнымъ числомъ) онъ совершенно вѣрно заключилъ, что „unitas enim, ut in arithmetice est dictum, numerus non est, sed fons et origo numerorum“ (Fr. 397 l. 20—398 l. 1, Gerb. Opp. Math. p. 159 l. 8). А разъ единица не число, то и не подлежитъ дѣленію, какъ это ясно и образно изображаетъ неизвѣстный авторъ сочиненія о дробяхъ (*incertus de minutis*, Gerb. Opp. Math. pp. 228 l. 16—229 l. 1.), допускающій дѣленіе лишь именованной единицы. Отвлеченная же единица лежитъ у него, „какъ царица въ спальнѣ, защищенной adamantinymi стѣнами“ („velut reginam in suo adamantinis parietibus detexto quiescere permittamus cubili“), и не подлежитъ никакимъ измѣненіямъ, ни въ сторону уменьшенія, ни въ сторону увеличенія. Ср. *Bernheimi: librum abaci* (Olleris, Oeuvres de Gerb., p. 387). См. Gerb. Opp. Math. p. 228 n. 5.

а фунтъ, какъ употребительнѣйшая вѣсовая (потому и монетная) единица, имѣлъ у римлянъ весьма разработанную скалу дробей⁵⁵). Эти вѣсовыя—фунтовыя—дроби были въ употребленіи у абацистовъ одинаково во всѣхъ случаяхъ, шло ли дѣло о мѣрахъ длины и ихъ частяхъ, или о яблокахъ, или о частяхъ каменныхъ-нибудь другихъ предметовъ. Напримѣръ, если сказать „ассъ и драгма“ (драхма), т. е. „фунтъ и золотникъ“ ($\frac{1}{24}$ ф.), то это приложимо ко всевозможнымъ именованнымъ числамъ. Поэтому можно сказать „два фунта и драгма“ (золотникъ) и примѣнять эти фунтовыя дроби къ геометріи. Такъ это и дѣлали геометры до Боэція, и даже (о невѣжество!) добрыхъ пятьсотъ лѣтъ послѣ него, какъ это видно изъ геометріи Герберта и переписки того же Герберта съ Адальбольдомъ⁵⁶).

Такъ прошла безслѣдно великая реформа римскихъ дробей, предложенная нашимъ Боэціемъ и имѣвшая цѣлью создать для геометріи особенную скалу дробей, гдѣ единицей, дѣлящейся на части, былъ бы не фунтъ, а футъ, а также упростить довольно разнообразныя и сложные знаки для дробей, замѣнивъ ихъ буквами латинскаго алфавита⁵⁷).

Вторая книга геометріи Боэція, которая должна была повѣдать математическому міру эту, очевидно, самимъ авторомъ признававшуюся гениальной, но міромъ совсѣмъ, увы, неиспользованную реформу, начинается прямо съ указанія таблицы существующихъ мѣръ длины и площадей:

„Въ изложеніи предыдущей книги (superioris vero tractatu voluminis) всѣ теоремы геометрическаго искусства, хотя и кратко, но все же сказаны. Слѣдующіе же о подизмахъ и тонкости всѣхъ подизмальныхъ вопросовъ, съ выясненіемъ ихъ, даетъ (absolvat enodando) эта какъ бы справочная (quasi quaestionarius) книга“⁵⁸). Далѣе слѣдуетъ опредѣ-

⁵⁵) О чемъ см. *Hultsch*, *Metrolog. Scriptorum reliquiae*, Lipsiae 1864, t. II, pp. 61—100, гдѣ напечатанъ рядъ сочиненій о дробяхъ изъ римскихъ временъ. Ниже мы познакомимся съ римскими дробями въ двухъ таблицахъ: Исидора и таблицѣ абацистовъ X—XII вв.

⁵⁶) *Gerberti geom.* (Gerb. Opp. Math. pp. 80—97), *Adalholdis epistola ad Sylvestrum papam* (*ibid.* pp. 302—309).

⁵⁷) Объ этомъ всемъ см. ниже въ этой же главѣ.

⁵⁸) „Superioris vero tractatu voluminis omnia geometricae artis theorematum, quamvis succincte, tamen sunt dicta, sed podismorum notitiam hic liber quasi quaestionarius et omnium podismalium quaestionum scrupulositates incunctanter absolvat enodando“ (*Fr.* 401 ll. 4—8; *Fr.* напрасно читать: *Superiore*). О подизмѣ см. выше прим. 23.

леніе единицъ, употреблявшихся землемѣрами при измѣреніи полей, т. е. „стриги“ (striga) и „скамна“ (scamnum): „Древніе землемѣры привыкли дѣлать всякую квадратную мѣру (mensurae quadraturam) или на половину болѣе длинной, чѣмъ широкой, или на половину болѣе широкой, чѣмъ длинной (dimidio longiorem latioreve). То, что было длиннѣе въ длину, они изотомъ называютъ стригой, какъ это показываетъ нижеслѣдующая фигура“ (рисунокъ изображаетъ прямоугольникъ, длиннѣйшая пара сторонъ котораго въ полтора раза длиннѣе короткихъ, но, въ чемъ его отличие отъ скамна, нарисованнаго тутъ же, такъ и остается неяснымъ). Показавъ этимъ опредѣленіемъ, что онъ слышалъ звонъ да не знаетъ откуда онъ ⁶⁰), нашъ Возцій подбирается къ отдѣлу, озаглавленному „о мѣрахъ“:

„Тонкіе знатоки (cautissimi dispectores) древней мудрости (prisci sophismatis) установили двенадцать родовъ мѣръ для измѣренія посредствомъ ихъ при желаніи площадей, фигуръ (formarum) и полей. Вотъ ихъ названія: милліарій (milliarium), стадій (stadium), актъ (actus), десятифутникъ (decempeda) или пертика (pertica), пась (passus), шагъ (gradus), локоть (cubitus), футъ (pes), полуфутъ (sempipes), пядь (palmus), унція (uncia), палець (digitus)“ ⁶⁰). Давъ здѣсь опредѣленіе первыхъ десяти изъ нихъ, изъ которыхъ насъ интересуетъ лишь опредѣленіе фута (= 4 пядямъ), полуфута (2 пяди), пяди (четыре пальца), авторъ откладываетъ опредѣленіе двухъ остальныхъ въ еще болѣе мелкихъ единицахъ (дробяхъ ихъ) до болѣе удобнаго мѣста ⁶¹):

„О величинѣ же унціи и пальца (de unciali vero et digitali mensura) мы скажемъ лучше, когда въ нижеслѣдующемъ коснемся унциаль-

⁶⁰) „Veteres etenim agrimensores omnem mensurae quadraturam dimidio longiorem latioreve facere consueverunt, et, quod in longitudine longius fuerit, striga appellare voluerunt, ut subjecta docet formula“ (Fr. 401 ll. 8—12). Авторъ даетъ опредѣленіе *Hygini* grammatici de limitibus constituendis (ed. *Lachmanni* Grammatici Veteres I p. 206 l. 15), но безъ его дальнѣйшихъ объясненій, изъ которыхъ видно, что отличие стриги отъ скамна состоитъ въ ихъ положеніи по отношенію къ двумъ основнымъ лѣніямъ землемѣрной чертежной сѣти „decimanus maximus“ и „cardo maximus“.

⁶⁰) „Prisci igitur sophismatis cautissimi dispectores duodecim mensurarum genera constituerunt, quibus, cum vellent, formarum agrorumque emetirentur areas, quorum haec sunt nomina“ etc. (Fr. 401 ll. 15—20).

⁶¹) „De unciali vero et digitali mensura melius, cum de uncialibus et notis et nominibus in sequentibus disputaverimus, dicemus enodatusque, cum de punctogram minorumque subtilitatibus praemiserimus, eloquemur“ (Fr. 402 ll. 12—15).

ныхъ знаковъ и названій ихъ, и понятіе (enodatus) изобразимъ (eloquētur), когда предварительно познакомимъ съ такими ничтожными величинами, какъ пунктъ и минутъ (cum de punctorum minorumque subtilitatibus praemisimus)⁶².

Это свое обѣщаніе авторъ исполняетъ уже въ самомъ концѣ второй книги: ⁶³) „Итакъ о методахъ всѣхъ спекуляцій, которыя слѣдовало включить въ это искусство, мы поговорили кратко, ясно и достаточно. Остается еще сказать о величинѣ унціи и дигита (de unciali et digitali mensura), а также о дробяхъ, какъ напримѣръ пункты, минуты и остальные. Мы въдь это обѣщали.

Для этой цѣли мы намѣрены помѣстить здѣсь (edituri) удивительную таблицу, необходимую, какъ для этого искусства, такъ и для другихъ дисциплинъ математики. Съ ней мы познакомились по указаніямъ Архита⁶⁴.

Эту таблицу авторъ и преподноситъ своему читателю въ отдѣлѣ, имѣющемъ общее заглавіе: о дробяхъ.

Чему же о дробяхъ научился нашъ Боэцій у Архита и въ лицѣ его у пифагорейцевъ? А вотъ послушаемъ самого Боэція ⁶⁵).

„Древніе, особенно пифагорейцы, будучи тонкими изслѣдователями геометрическаго искусства, раздѣляя все при помощи известныхъ системъ мѣръ, дошли до того, что природа отказывалась предоставлять (дальнѣйшему) дѣленію и степеню. Тогда они то, что по природѣ было недѣлимо, раздѣлили по указаніямъ своего разума при помощи

⁶²) „Quia igitur de omnium huic arti inserendarum speculationum rationibus breviter enodateque sat disseruimus, reliquum est, ut de unciali et digitali mensura et de punctorum et minorum ceterisque minutis, sicut promisimus, dicamus, mirabilem et arti huic ceterisque matheseos disciplinis necessariam figuram, quam Archita praemonstrante didicimus, edituri“ (Fr. 425 ll. 18—24).

⁶³) „De minutis. Veteres igitur geometricae artis indagatores subtilissimi, maximeque Pythagorici, cum omnia certis mensurarum dividentes rationibus ad ea, quae natura renuerot dividi et secari, usque pervenirent, ingenio praesignante ea, quae naturaliter erant indivisibilia, positis notis nominibusque datis dispertiere. Cum vero agros per actus, per perticas, id est par radios, per passus, per gradus, per cubitos, per pedes, per semipedes et per palmos dispersissent, non habentes, palmum per quod dividerent, id quod palmo esset minus, digito autem maius, unciam vocare maluerunt. In secundo vero loco digitum subscripserunt, in tertio staterem, id est aunciā, in quarto quadrantem, in quinto dragmam, in sexto scripulum, in septimo obolum, in octavo semiobolum, quem Graeci ceratim nuncupant, in nono siliquam, in decimo punctum, in undecimo minutum, in duodecimo momentum nominando posuerunt“ (Fr. 425 l. 25—426 l. 10).

изобрѣтенныхъ ими знаковъ и именъ. Напримеръ, они раздѣлили поля на акты, пертики, т. е. радиі, на пассы (passus), шаги (gradus), докты, футы, полуфуты, пяди (palmos). Тутъ иль уже было не на что раздѣлить пядь. Но они тѣмъ не меньше предпочли называть унціей то, что было меньше пяди и больше пальца (digito). На второмъ мѣстѣ послѣ пяди (ниже унціи) они написали шиллеъ, на третьемъ они поставили названіе статуръ, т. е. полуунцію, на четвертомъ—квадрантъ, на пятомъ—драмму, на шестомъ—скрипулу, на седьмомъ—оболь, на восьмомъ—полуоболь, который греки называютъ цератомъ, на девятомъ—силлику, на десятомъ—пунктъ, на одиннадцатымъ—минутумъ, на двѣнадцатымъ—моментъ“.

Сравнительную величину всѣхъ этихъ дробей новоявленныхъ Воэціи даетъ нѣсколько ниже ⁶⁴⁾: „Въ раздѣленіи этихъ дробей не слѣдуетъ обходить молчаніемъ слѣдующаго. Унцію пивагорейцы дѣлили на 24 скрипула, дигитъ на 18 скрипуловъ, статуръ на 12, квадрантъ на шесть, драмму на три скрипула. Скрипулу же они предписали состоять изъ шести силликовъ. Оболь по ихъ желанію измѣряется тремя силликами. Церату постановлено ими имѣть полторы силлики. Они предложили, чтобы силлика обозначала двадцать четвертую часть солида или квадранта. Пункту или положено значить двадцать восьмую долю квадранта. Наконецъ, они утверждали, что въ пунктѣ два минута съ половиной, а въ минутѣ четыре момента“.

Колоссальная изобрѣтательность пивагорейцевъ, которымъ оказалось подъ силу изобрѣсти сразу не только абакъ—счетный инструментъ съ его (при предположеніи, что все это изобрѣтено сразу однимъ умомъ, или, по крайней мѣрѣ, въ одной школѣ) гениальными принципами всего девяти знаковъ и значенія ихъ по положенію, не только самые знаки для девяти цифръ, но еще цѣлыхъ ихъ три тина ⁶⁵⁾, еще, наконецъ, и цѣлую длинную цѣпь дробей до момента, т. е. $\frac{1}{20160}$ единицы, включительно, съ ихъ знаками и названіями, способна

⁶⁴⁾ „Illud etiam in divisione harum minutiarum non est praetereundum. Dividebant enim unsiam in XXIII scripulos, digitum autem in XVIII scripulos, staterem in XII, quadrantem in VI, dragma in III scripulos. Scripulum autem sex siliquis constare decreverunt. Obolum vero tribus siliquis mensurari voluerunt. Ceratium unam et semis siliquam habere constituerunt. Siliquam igitur vicesimam quartam partem solidi vel quadrantis designare proposuerunt. Puncto vero XXVIII-am quadrantis partem significari sanxerunt. In puncto autem duo minuta et dimidium et in minuto III momenta esse asseruerunt“ (Fr. 428 II. 3—14).

⁶⁵⁾ См. прим. 43, 44, 46.

насъ прямо ошеломить. Дѣйствительно, гениальные люди! Какъ, все легко и просто: „предписали“, „приказали“, „предложили“. Между тѣмъ скала-то куда похитрѣе метрической, которой гордится наше время. Такое впечатлѣніе этотъ пифагорейскій дождь изобрѣтеній производитъ на насъ именно потому, что мы сами живемъ въ вѣкъ великихъ изобрѣтеній. Мы знаемъ, какъ они происходятъ. Знаемъ, что каждое изъ нихъ звѣтъ незамѣтно, медленно, имѣетъ свою историческую перспективу. Но такого рода историческія перспективы и въ блестящее время древней науки не особенно-то были глубоки и ясны. А въ средніе вѣка схоластики рисовали себѣ прошедшее на манеръ китайской живописи, все на одной плоскости. Для нихъ проектирование всей математики на двѣ, на три излюбленныя плоскости, въ родѣ пифагорейской, евклидовой, архитовской, платоновской, боэціевской, было, можно сказать, умственной необходимостью. Они съ восторгомъ тянулись къ такому солнцу какъ Пифагоръ, чтобы погрѣтъ въ его лучахъ околѣнѣвшія во тьмѣ средневѣкового невѣжества крылышки своей робкой мысли. Для нихъ все было по плечу Пифагору и его шкодѣ! И такъ, съ этой точки зрѣнія Боэцій говорилъ имъ какъ разъ то, что имъ очень нравилось.

За то самая скала дробей, изобрѣтенныхъ пифагорейцами, оставляетъ насъ сравнительно равнодушными. Намъ еще необходимо сдѣлать извѣстное ученое усиліе для того, чтобы представить себѣ ея значеніе и отношеніе къ другой такой скалѣ, если только такая существовала. Наоборотъ абацисты XI вѣка, которымъ прекрасно была извѣстна традиціонная римская скала дробей ⁶⁶⁾ и которые ею пользовались ежедневно, познакомившись съ боэціевскою скалою, должны были, по меньшей мѣрѣ, присѣсть отъ изумленія. До того тутъ было все ново и, если бы только они были на какое-нибудь другое чувство по отношенію къ Боэцію способны кромѣ почтенія и благоговѣнія, даже прямо глупо. Собственно, новыми дробными величинами являлись для нихъ только: пунктъ ($\frac{1}{2416}$), минуть ($\frac{1}{5440}$) и моментъ ($\frac{1}{26160}$). Но что же можно было сказать противъ того, что Боэцій не довольствовался силинкою ($\frac{1}{1728}$) или калькомъ (хальбусомъ = $\frac{1}{2304}$), а, стремясь къ большей точности, шелъ до минута и момента? Это только подтверждало общезвѣстный въ то время фактъ, что древность была умнѣе современности. Нѣсколько страннымъ было только то, что Боэцій обходилъ калькъ, меньшую извѣстную абацистамъ дробь,

⁶⁶⁾ См. прим. 55.

и свои минимальныя дроби (минуть и моментъ) получалъ прямо отъ дѣленія сликвы. Но это были еще пустяки. Серьезнѣе обстояло дѣло съ самимъ названіемъ $\frac{1}{6048}$. Она у Боэція называлась минутомъ (*minutum*). Это названіе было извѣстно абацистамъ, но у нихъ оно обозначало низшіе разряды дѣлителя. Напримѣръ, будь дѣлитель 5040, то въ немъ минутомъ было бы четыре десятка. Дѣля на этотъ дѣлитель, абацистъ задавался меньшимъ числомъ, чѣмъ, если бы онъ дѣлилъ на 5000 просто, и дѣлалъ онъ это, какъ выражался еще блаженной памяти папа Гербертъ ⁶⁷⁾, для „составленія минутумовъ“ (*ad minuta componenda*), т. е. чтобы произведеніе не только 5000 на частное, но и произведеніе 40 на частное могло помѣститься въ дѣлимомъ. У Боэція этотъ терминъ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Не совсѣмъ удачно и названіе „пунеть“ для такой дроби, которая дѣлится дальше еще на меньшія дроби, когда всѣмъ успѣло набить оскомину въ школѣ зазубриваніе евклидоваго: „пунеть есть то, у чего нѣтъ части“ ⁶⁸⁾. Наконецъ, у римлянъ для образованія дробей въ виду общепризнанной недѣлимости (между прочимъ и въ ариметикѣ Боэція) ⁶⁹⁾ отвлеченной единицы служили подраздѣленія именованной единицы вѣса, т. е. самой употребительной изъ нихъ, фунта. Боэціевскій же моментъ, да и минутъ, чего добраго, и пунеть были привлечены совсѣмъ изъ другой области, а именно были подраздѣленіями времени ⁷⁰⁾. Но, помимо подраздѣленій времени, въ боэціевскую скалу попали и старыя знакомыя абацистовъ, извѣстныя имъ хорошо изъ землемѣрной геометріи того времени линейныя мѣры, подраздѣленія пространства въ длину. Изъ распространенныхъ въ то время рукописей римскихъ землемѣровъ, и въ частности изъ рукописей установленнаго мною типа (ТВbb и его развѣтвленій) ⁷¹⁾, гдѣ въ одномъ мѣстѣ стояли анонимныя и смѣшанныя извлеченія изъ Бальба (II вѣка) и Исидора (VII вѣка) о разныхъ мѣрахъ, абацисты прекрасно знали слѣдующее.

⁶⁷⁾ *Gerberti, Regulae de numerorum abaci rationibus* II с. 5 (*Gerb. Opp. Math.* p. 18 l. 10).

⁶⁸⁾ „*Ἐπιπέδιον ἐστὶν οὐ μέρος οὐδέν*“ (*Kucl. I def. 1, ed. Heiberg, t. I Lipsiae 1833, p. 2*): Это евклидовское опредѣленіе въ переводѣ Боэція попало въ подложную геометрію Боэція въ пяти книгахъ (№ 1, см. выше, введеніе, прим. 38) и вмѣстѣ съ ней путешествовало съ IX в. по школамъ.

⁶⁹⁾ См. прим. 54.

⁷⁰⁾ См. ниже прим. 108, 109.

⁷¹⁾ См. введ. прим. 8, 38, 39 о рукописяхъ римскихъ землемѣровъ.

Здѣсь они читали (изъ Бальба, II вѣка послѣ Р. Хр.)⁷²⁾: „Назва- ній мѣръ, которыми мы пользуемся, двѣнадцать: палець (*digitus*) унція, пядь (*palms*), секстантъ, футъ, локоть (*cubitus*), шагъ (*gradus*), пассъ (*passus*), десятифутникъ (*decempeda*), актъ (*actus*), стадій, миля. Самая меньшая изъ этихъ мѣръ палець. Если мы будемъ измѣ- рять что-нибудь менѣе пальца, то мы указываемъ (величину) уже частями (пальца), какъ половина, треть. Унція имѣетъ одинъ палець и одну треть пальца“. Далѣе слѣдуетъ указаніе величины всѣхъ этихъ мѣръ, изъ которыхъ отмѣтимъ, что унція была $\frac{1}{12}$ фута. Оче- видно, она и была названа унціей по аналогіи съ настоящей унціей, вѣсовой единицей, равной $\frac{1}{12}$ фунта. Въ другомъ мѣстѣ абадисты читали (изъ Исидора)⁷³⁾: „Предки (*maiores*) раздѣлили земной шаръ на части свѣта, части свѣта на провинціи, провинціи на окружи (*in re- gionibus*), окружи на мѣстности (*locis*), мѣстности на территоріи, территоріи на поля, поля на центурии, центурии на югеры, югеры на климаты, климаты на акты, акты на пертики, пертики на пассы (*passus*), пассы на шши (*gradus*), шши на локти (*cubitus*), локти на футы, футы на пяди (*palms*), пяди на унции и пальцы. Таково было ихъ прилежаніе. Палець есть меньшая изъ полевыхъ мѣръ. Затѣмъ идетъ унція; она имѣетъ три пальца“ и т. д.

Обратимъ прежде всего вниманіе на то, что текстъ Исидора (Origg. I. XV с. 15) заключаетъ въ себѣ очевидную ошибку, которую человѣку знакомому съ математическими рукописями того времени не трудно исправить и которая уже исправлена въ повторенномъ у Миня

⁷²⁾ Рукопись римскихъ землѣтровъ типа TBbb № 6 (Gerh. Opp. Math. p. 471) = TBbba № 6a₁ и a₂ (ibid. p. 473) *Balbus* ad Colsum, Expositio et ratio omnium for- marum (s. geometricarum): „Mensurarum appellationes, quibus utimur, sunt duode- cim: digitus, uncia, palms, sextans, pes, cubitus, gradus, passus, decempeda, actus, stadium, miliarium. Minima pars harum mensurarum est digitus. Si quid enim infra digitum metiamur, partibus respondemus, ut dimidiam aut tertiam. Uncia habet di- gitum unum et tertiam partem digiti“ etc. (*Lachmann*, Grom. Vett. I 94 l. 13—95. l. 10; Cf. *Hultsch*. Metrol. Scriptores II, p. 58 ll. 3—28).

⁷³⁾ Рукопись римскихъ землѣтровъ TBbb № 7a₁, a₂ (Gerh. Opp. Math. p. 471) = TBbba, № 7a₁ + a₂ (Gerh. Opp. Math. 473) = *Isidorus* Origg. I. XV с. 15: „Majores itaque orbem in partibus, partes in provinciis, provincias in regionibus, regiones in locis, loca in territoriis, territoria in agris, agros in censuriis, centuria in jugeribus, jugera in climatibus, climata in actus, actus in perticas, perticas in passus, passus in gradus, gradus in cubitos, cubitos in pedes, pedes in palms, palms in uncias et digitos diviserunt. Tanta enim fuit illorum sollertia. Digitus est pars minima agres- tium mensurarum. Inde uncia habens digitos tres“ (*Lachm.*, Grom. Vett. I 367 l. 10 sqq.; cf. *Hultsch*, II, p. 106 l. 24—107 l. 6).

(Migne, Patrol. lat. t. 82 col. 555 n. h) изданіи Аревалы, но безъ нижеслѣдующаго объясненія происхожденія этой ошибки. Исидоръ написалъ должно быть: „uncia habens digitum III-an“=uncia habens digitum, tertiam (partem digiti), т. е. „унція имѣетъ палецъ и третью часть пальца“, какъ у Бальба ⁷⁴⁾. Но ошибка эта уже была и въ концѣ X вѣка. Но крайней мѣрѣ, Гербертъ въ своей геометріи ⁷⁵⁾ уже стоитъ передъ затрудненіемъ, считать ли унцію въ $1\frac{1}{3}$ пальца, или въ три пальца. Пользуясь для своей геометріи тѣми же ⁷⁶⁾ рукописями римскихъ землемеровъ, которыя нами упомянуты выше, онъ, благодаря анонимности отрывковъ, не зналъ, что „унція = $1\frac{1}{3}$ пальца“ есть опредѣленіе II вѣка, а „унція = 3 пальца“ есть простая порча текста Исидора, т. е. принадлежитъ VII—X вѣкамъ. Онъ думаетъ, что послѣднее опредѣленіе древнѣе, и старается осмыслить себѣ противорѣчіе слѣдующимъ образомъ ⁷⁷⁾: „унція, согласно древнѣйшимъ (!), принимаетъ три пальца. Но, такъ какъ двенадцатая часть чего бы то ни было называется унціей, то позднѣйшіе дали унціи только одинъ палецъ и третью его часть, чтобы она могла быть двенадцатою частью фута, который ендѣ состоитъ изъ шестнадцати пальцевъ. Фунтъ ⁷⁸⁾ да третья его часть ⁷⁹⁾ будетъ 16“. Но фунтъ согласно всюду показывался равнымъ 16 пальцамъ, а унція заключаетъ въ себѣ во всѣ времена понятіе двѣнадцатой части. Поэтому никогда унція не могла равняться 3 пальцамъ, а заключала въ себѣ только лишь $1\frac{1}{3}$ пальца. То опредѣленіе, которое Гербертъ считаетъ древнѣйшимъ, есть въ сущности ошибка переписчика въ текстѣ Исидора. Печальная наука, гдѣ часто все зависѣло отъ внимательности и опытности переписчика! Еще печальнѣе тотъ Боэцій, который унцію, какъ двѣнадцатую часть фунта, который у римлянъ, въ виду признаваемой недѣлимости единицы, приравнивался дѣлимой на части единицѣ, унцію, ничѣмъ поэтому отъ нашей дроби $\frac{1}{12}$ не отличаю-

⁷⁴⁾ См. прим. 72 въ концѣ.

⁷⁵⁾ Gerberti geom. c. III, 3 (Gerb. Opp. Math. p. 58 ll. 17—21): „Uncia, juxta antiquiores, tres digitos recipit. Sed, quia cujuslibet rei duodecima pars uncia dicitur, posteriores unum tantum digitum et tertiam digiti partem unciae deputavere, ut pedis, qui sedecim digitis constat, pars duodecima possit existere. Nam as et triens XVI sunt“.

⁷⁶⁾ См. введеніе прим. 38.

⁷⁷⁾ См. прим. 75.

⁷⁸⁾ Фунтъ, т. е. аось, т. е. единица, допускавшая дѣленіе на части (см. выше стр. 297)=12 унціямъ.

⁷⁹⁾ $\frac{1}{3}$ фунта (triens)=4 унціямъ. $12 + 4 = 16$.

щуюся, смѣшивалъ съ двѣнадцатой частью фута и на основаніи этого смѣшенія привлечь въ скалу традиціонныхъ римскихъ дробей, помимо чуждыхъ ей подраздѣленій времени ⁸⁰⁾, еще и подраздѣленія пространства. У римлянъ фунтъ, или либра, или ассъ дѣлится на двѣнадцать унцій (единица вѣса), а унція на 24 скрипула (единица вѣса). Боэцій вообразилъ, что унція, дѣлящаяся на 24 скрипула, есть именно та унція, которая составляетъ $\frac{1}{12}$ фута, $\frac{1}{3}$ пяди. Это привело его къ блестящему (!) открытію, — соединенію скалы линейныхъ мѣръ съ скалой вѣса въ одно органическое цѣлое, при чемъ ему еще затѣмъ-то понадобилось нахально утверждать, будто такое общезвѣстное дѣленіе, какъ пядь, было одно время самымъ меньшимъ дѣленіемъ, и что понадобилось все остроуміе пиеагорейцевъ для того, чтобы продолжить дѣленіе дальше. Этимъ новымъ мнимымъ дѣленіемъ пяди, введеннымъ будто бы пиеагорейцами, оказывается унція, національное римское дѣленіе, усвоенное греками уже отъ римлянъ ⁸¹⁾, при чемъ вдругъ откуда-то неожиданно появляется „палець“, который не только меньше только что бывшей недѣлимой пяди, но еще и меньше той унціи, на которую пиеагорейцы съ большой натугой раздѣлили пядь. Ужъ не греческаго ли изобрѣтенія и самое латинское слово *digitus*—палець? Такимъ образомъ, скала дробей пристегнута къ пяди, или, вѣрнѣе, черезъ нее къ футу, а не къ ассу (фунту), и унціей оказывалась, повидимому, третья часть пяди, или двѣнадцатая фута. Эта унція была первой дробью, такъ какъ второю является, по словамъ Боэція, палець. Такой единицы, дѣлящейся на арифметическія дроби, какъ футъ, вмѣсто асса (фунта), никому еще до двухъ-книжной геометріи Боэція въ глаза не попадалось. Впрочемъ, Боэцій такъ нигдѣ въ отдѣлѣ о дробяхъ и не сообщаетъ, сколько унцій было въ пяди, какъ не сообщаетъ и числа пальцевъ въ унціи. Выше въ началѣ 2-й книги ⁸²⁾, говоря о мѣрахъ, окъ, слава Богу, хотя указалъ, что футъ имѣетъ четыре пяди, полуфутъ двѣ пяди, а пядь (*palms*) четыре пальца, такъ что за него можно, при помощи арифметики, принимая унцію равной $\frac{1}{12}$ фута, рассчитать, что унція была $\frac{1}{3}$ пяди. Точныя цифровыя данныя о сравнительной величинѣ дробей начинаются у Боэція только съ унціи. Всю чрезвычайно важ-

⁸⁰⁾ См. выше прим. 70.

⁸¹⁾ См. *Hultsch, Metrol. Scriptores, indices*, подъ словами *uncia* и *ovvria*.

⁸²⁾ „*Pes autem palms habebit III, semipes II; palms vero III digitorum pro-
tensione completur*“ (*Fr.* 402 ll. 10—11).

ную серію дробей, составленныхъ изъ унцій, какъ ассъ ($\frac{12}{12}$), доункъ ($\frac{11}{12}$), декстанъ ($\frac{10}{12}$), дохранъ ($\frac{9}{12}$), биссе ($\frac{8}{12}$), септункъ ($\frac{7}{12}$), семисъ ($\frac{6}{12}$), квинкункъ ($\frac{5}{12}$), тріенъ ($\frac{4}{12}$), квадранъ ($\frac{3}{12}$), секстанъ ($\frac{2}{12}$), сескунцію (1 и $\frac{1}{2}$ унціи), Воэцій опускаетъ, а названіе одной изъ нихъ, какъ увидимъ, именно квадранъ, употребляетъ въ несвойственномъ римской схемѣ дробей смыслъ.

Вотъ его цифровыя данныя.

Цѣлое приравнивается футу, линейной мѣрѣ, вмѣсто общепринятаго асса, либры, фунта, вѣсовой единицы. Футъ равняется четыремъ пятямъ (palmi), но тѣмъ не менѣе въ скалѣ дробей эта пядь, способная выражать $\frac{1}{4}$, т. е. равная общепринятой римской дроби — квадранту, какъ и всѣ дроби между футомъ и унціей ($\frac{11}{12}$, $\frac{10}{12}$, — $\frac{2}{12}$), отсутствуютъ.

Первая дробь есть унція, линейная мѣра. Ею себѣ Воэцій мыслить, очевидно, равной $\frac{1}{12}$ фута, хотя этого онъ и нигдѣ не говоритъ. Съ другой стороны, эта унція приравнивается 24 скрипуламъ, т. е. вѣсовымъ единицамъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ скалѣ римскихъ дробей, гдѣ 1 унція = 24 скрипуламъ.

Вторая дробь дигитъ (палець), линейная мѣра, равна $\frac{1}{4}$ пяди, на что Воэцій указываетъ, какъ мы видѣли, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія ⁸²⁾, или $\frac{3}{4}$ унціи (унція = $1\frac{1}{3}$ = $\frac{4}{3}$ дигита). Воэцій, конечно, не обозначаетъ, какую часть унціи составляетъ дигитъ, но величина дигита ясна изъ блестящаго приравненія дигита 18 скрипуламъ, т. е. опять-таки вѣсовымъ единицамъ. А унція вѣдь равна 24 скрипуламъ! Нечего говорить о томъ, что римлянамъ такой оригинальной дроби, какъ дигитъ, совсѣмъ не было извѣстно и она въ скалѣ дробей на абакѣ отсутствуетъ.

Третья дробь = статиръ, или, какъ любезно объясняетъ Воэцій, семунція, равна 12 скрипуламъ. Тутъ Воэцій покидаетъ сферу линейныхъ мѣръ и, слава Богу, входитъ въ единственно принятую у римлянъ область вѣсовыхъ единицъ. Правда, онъ тѣмъ же шагомъ вступаетъ и въ область монетнаго дѣла. Но монеты основаны на вѣсѣ, и въ общепринятой скалѣ римскихъ дробей уже фигурировали названія монетъ. Не говоря уже о томъ, что ассъ есть тоже мѣдная монета, римляне называли $\frac{1}{16}$ драгмой, т. е. драхмой, а $\frac{1}{16}$ оболемъ, а драхма и оболъ названія греческихъ монетъ! На этомъ, впрочемъ, римляне и абадисты останавливались. Они никогда семунціи не на-

⁸²⁾ См. прил. 82.

зываютъ статиромъ, но особенно возставать противъ этого, абацстамъ нечего было. Читали же вѣдь они въ своихъ рукописяхъ римскихъ землемѣровъ известнаго уже намъ типа (TBbba) ⁸⁴), въ анонимномъ извлеченіи изъ Исидора: „*статиръ есть половина унціи, въсящій три золотыхъ, почему онъ и называется статиръ, такъ какъ онъ стоитъ (stet! stater) три солида. Онъ же и селунція, такъ какъ имѣетъ семь (половину) унціи*“.

Между третьей и четвертой пропущена знакомая абацстамъ дугла ($\frac{1}{3}$ унціи = $\frac{1}{36}$ цѣлаго).

Четвертая дробь = квадрансъ (quadrans), квадрантъ. Она равна 6 скрипуламъ, т. е. составляетъ 4-ю часть унціи. Чудное названіе, которое одновременно и порядокъ дроби и величину ея указываетъ (отъ „quattuor“)! И о немъ абацсты могли читать тамъ же у землемѣровъ въ извлеченіяхъ изъ Исидора ⁸⁵): „*квадрантъ евреи называютъ также кодрантомъ; называется онъ квадрантомъ, потому что въсѣтъ четвертую часть унціи*“. Бѣда только въ томъ, что тутъ филологія съ этимологіей (Исидора) выручала плохо. Вѣдь квадрантомъ у римлянъ называлась и четвертая часть асса, т. е. $\frac{3}{12}$, три унціи. Какъ же рядомъ съ этимъ называть квадрантомъ и $\frac{1}{4}$ унціи, т. е. $\frac{1}{48}$ единицы? Практическіе римляне называли $\frac{1}{48}$ сицилемъ или сицилкомъ ⁸⁶).

Чтобы помочь дальгѣйшимъ возможнымъ затрудненіямъ абацстовъ, я долженъ признаться, что между четвертой и пятой дробью Боэція я съ удовольствіемъ увидѣлъ бы, а со мною, конечно, и абацсты, ихъ старую знакомую секстулу, которая равнялась $\frac{1}{6}$ унціи и потому заключала въ себѣ всего четыре скрипула, или $\frac{1}{72}$ единицы. Но, увы, она куда-то пропала. А жаль! Дальше-то она очень бы понадобилась, такъ какъ это вѣдь она называлась солдомъ, а совсѣмъ не квадрантъ, какъ это утверждаетъ Боэцій (см. выше прим. 64), производя

⁸⁴) Рукописи римскихъ землемѣровъ TBbba (Gerb. Opp. Math. p. 474) nosct № 2 имѣютъ статью „De ponderibus et mensuris liquidis“, напечатанную у *Jachm. (rom. Vett. I 373,20—376,13*. Она пересказъ Исидора. У Исидора (Orig. I. XVI c. 25, 16) читаемъ: „*Stater autem medieta uncia est, appendens aureos tres, unde et vocatur stater, quod tribus solidis stet. Haec et semuncia, quia semis habet de uncia. Haec et semissis, quia ponderis semis est, quasi semis assis*“ (*Hultsch, Metrol. SS. II, 113 l. 19—114 l. 1*).

⁸⁵) *Isidorus, Orig. I. XVI c. 25, 17*: „*Quadrantem Hebraei similiter codrantem vocant; et vocatur quadrans, quod unciae quartam partem appendat*“. *Hultsch, II p. 114 ll. 3—5*.

⁸⁶) См. ниже въ текстѣ таблицу дробей Исидора и абацстовъ.

этимъ страшную путаницу. Сошлюсь на тѣ же рукописи римскихъ землемѣровъ, на которыя могли бы сослаться и абацисты XI вѣка. Здѣсь въ тѣхъ же извлеченіяхъ (изъ Исидора) читаемъ⁸⁷⁾: „*solidus у латинякъ называется еще иначе секстулой, такъ какъ изъ шести такихъ составляется унція. Народъ, какъ мы сказали, называетъ солидъ просто золотымъ*“.

Пятая дробь = драгма, есть $\frac{1}{8}$ унціи, или $\frac{1}{96}$ единицы; равна тремъ скрипуламъ. Тутъ нѣтъ ничего новаго.

Опуская дальше извѣстныя абацистамъ дроби, какъ полсекстулы ($\frac{1}{144}$) и тремиссисъ ($\frac{1}{312}$ или $\frac{1}{192}$ или $\frac{5}{1152}$), о которомъ чудная филологія Исидора могла бы научить абацистовъ, что его названіе происходитъ отъ „*ter missus*“, такъ какъ онъ „*пущенный трижды составляетъ солидъ*“⁸⁸⁾, какъ раньше онъ опустилъ секстулу ($\frac{1}{72}$) и дуэлу ($\frac{1}{36}$), Возцій прямо переходитъ къ „своей“ шестой дроби.

Шестая дробь = скрипуль, т. е. $\frac{1}{24}$ унціи, или $\frac{1}{288}$ единицы, равна 6 силиквамъ.

Седьмая дробь = оболъ, равна 3 силиквамъ, $\frac{1}{48}$ унціи, $\frac{1}{576}$ единицы.

Восьмая дробь = семиболъ (т. е. полуболъ) или церать, равна $1\frac{1}{2}$ силиквы, $\frac{1}{96}$ унціи, $\frac{1}{1152}$ единицы.

Девятая дробь = силиква, $\frac{1}{6}$ скрипула, $\frac{1}{144}$ унціи, $\frac{1}{1728}$ единицы. Обо всѣхъ этихъ дробяхъ говорить нечего: они были извѣстны всѣмъ. Но вотъ только никому не было извѣстно, что, какъ говоритъ Боэцій, „*силиквы они предложили обозначать одну двадцать четвертую солиды или квадранта*“. Это ужъ что-то очень мудро! Вѣдь солидъ же совсѣмъ не равенъ квадранту, такъ какъ $\frac{1}{6}$ унціи (солидъ), т. е. $\frac{1}{72}$ единицы, не можетъ быть равна $\frac{1}{4}$ единицы (квадрантъ). Но, можетъ быть, Боэцію былъ извѣстенъ особый солидъ, равный квадранту? Пусть! Квадрантъ, по словамъ самого Боэція, равенъ 6 скрипуламъ или $\frac{1}{4}$ унціи. Отсюда ясно, что $\frac{1}{24}$ квадранта будетъ $\frac{1}{4} \times \frac{1}{24} = \frac{1}{96}$ унціи. Но одной девяносто-шестой унціи уже равенъ семиболъ или церать! Очевидно, Боэцій спуталъ солидъ съ квадрантомъ, принявъ

⁸⁷⁾ *Isidorus, Orig. l. XVI c. 25, 14: „Solidus apud Latinos alio nomine sextula dicitur, quod his sex uncia compleatur. Hunc, ut diximus, vulgus aureum solidum vocat, cujus tertiam partem ideo dixerunt tremissem eo, quod solidum faciat ter missus“ (Hultsch, Metroll. SS. II p. 113 ll. 12—16).*

⁸⁸⁾ См. прим. 87. А, какъ видно изъ текста прим. 84, *semis* происходитъ уже по той же филологіи не отъ „*sexies missus*“, а отъ „*semis* и *as*“. На самомъ дѣлѣ уже „*semis*“ происходитъ отъ „*semi*“ (ногъ) и „*as*“.

ихъ за разныя названія одной и той же монеты, и потому онъ раньше совсѣмъ пропустилъ (между четвертою и пятою дробями) этотъ солидъ, который у него послѣ является довольно неожиданнымъ гостемъ, оказавшимся для самого Боэція, по пословицѣ („нежданный гость“) „хуже татарина“. Да, плохимъ этотъ солидъ оказался татаринкомъ! Онъ позволилъ намъ поймать ошибку Боэція: силиква была на самомъ дѣлѣ $\frac{1}{24}$ не квадранта, а солида или секстулы, т. е. равнялась $\frac{1}{72} \times \frac{1}{24} = \frac{1}{1728}$ единицы.

Но Боэцій, какъ уперся въ свой „квадрантъ“, такъ и не можетъ своротить въ сторону, о чемъ свидѣлствуетъ его десятая дробь, пунктъ, въ которой этотъ положительно амфибійный человѣкъ во второй разъ мѣняетъ среду и изъ сферы вѣса переходитъ въ сферу времени.

Десятая дробь = пунктъ. Онъ равенъ $\frac{1}{20}$ квадранта, т. е. $\frac{1}{48} \times \frac{1}{20} = \frac{1}{1244}$. Такой римской дроби никто до сихъ поръ не зналъ! Мудреная она какъ-то: должна быть менѣ силиквы ($\frac{1}{1728}$), а вдругъ оказывается больше ея ($\frac{1}{1244} > \frac{1}{1728}$). Постараемся прийти Боэцію на помощь. Его пунктъ выполнить главное условіе своего существованія, быть менѣ силиквы, если онъ будетъ равенъ $\frac{1}{20}$ опять-таки солида, а не квадранта. Дѣйствительно, $\frac{1}{72}$ (солидъ) $\times \frac{1}{20} = \frac{1}{2016} < \frac{1}{1728}$. Отсюда уже не трудно вычислить и остальные двѣ боэціевскія дроби.

Одиннадцатая дробь = минутъ (minutum). Минутовъ въ пунктѣ $2\frac{1}{2}$. Значитъ, минутъ будетъ $\frac{2}{5}$ пункта. Отсюда его величина: по Боэцію $\frac{1}{1244} \times \frac{2}{5} = \frac{1}{3260}$, по Бубнову $\frac{1}{2016} \times \frac{2}{5} = \frac{1}{5040}$.

Двѣнадцатая дробь = моментъ. Ихъ четыре въ минутѣ. Отсюда величина момента: по Боэцію $\frac{1}{3260} \times \frac{1}{4} = \frac{1}{13440}$, по Бубнову $\frac{1}{5040} \times \frac{1}{4} = \frac{1}{20160}$.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ своемъ счастливомъ по идеѣ, но неудачномъ по исполненію, стремленіи расширить таблицу дробей въ сторону достиженія большей точности, Боэцій почему-то пропустилъ калькъ (халькусъ, χαλκοῦς), который былъ менѣ силиквы: онъ былъ равенъ $\frac{3}{4}$ силиквы. Чѣмъ онъ заслужилъ презрѣніе со стороны Боэція? Не тѣмъ-ли, что былъ названіемъ мелкой монеты, слѣдовательно оставался въ области единицъ вѣса, а Боэцію, какъ истой амфибін, и эта среда (послѣ линейныхъ мѣръ) надоѣла и онъ захотѣлъ блеснуть чешуей еще въ новой средѣ подраздѣленій времени?

Нуженъ былъ весь громадный авторитетъ Боэція, чтобы заставить абацистовъ XI вѣка, хорошо знакомыхъ съ римской таблицей дробей, представлявшей изъ себя дѣленія асса или фунта, проглотить

такую пилюлю, какъ боэцевская таблица, съ одной стороны такъ до глупости смѣло объединявшая линейныя мѣры съ вѣсовыми и съ измѣреніями времени въ одно органическое цѣлое, съ другой такъ безцеремонно опускавшая самыя нужныя или вѣсѣмъ извѣстныя дѣленія асса, прихватывавшая рядъ новыхъ названій изъ монетной области, отождествлявшая солидъ съ квадрантомъ и потому достигшая полной путаницы въ своемъ похвальномъ намѣреніи продолжать дѣленіе дальше. Намъ хоть бы Ньютонъ предлагалъ что-нибудь подобное, мы все же подумали бы: на всякаго мудреца довольно простоты. Но такое уже было значеніе авторитета въ то время! Пилюля была проглочена, но, къ счастью, безъ вреда. Никто въ средніе вѣка противъ такой таблицы не возражалъ, но никто ею и не пользовался. Такъ она и осталась, окруженная изумленіемъ и почтеніемъ, въ прочномъ футлярѣ боэцевскаго авторитета!

Самъ Боэцій былъ однако глубоко убѣжденъ въ ея геніальности и практичности. Онъ ожидалъ ея частаго примѣненія и хотѣлъ будущимъ поколѣніямъ облегчить пользованіе ею. Для этой цѣли онъ выступилъ съ упростительной (но, какъ увидимъ, непростительной) реформой.

„Изобрѣтѣя ⁹⁹⁾ эти дробѣ и дѣль имъ названія, они (все тѣ же пи-

⁹⁹⁾ „His ergo minutiis adinventis nominibusque editis multiformes eis notas indidere, quae, quia partim graecae, partim erant barbarae, nobis non videbantur latinae orationi adjungendae. Quapropter nos rem obscuram obscuris ignotisque notarum signis involvere nolentes loco earundem notarum latinorum elementorum notas ordine ponemus ita, ut A unciae respondeat, B digito, C stateri, D quadranti, E dragmae, F scripulo, G obolo, H semiobolo, I siliquae, K puncto, L minuto, M momento ascribatur. Describatur itaque his litteris, [quas diximus, loco hoc figura minutarum hoc modo“. Рисунокъ смотри въ текстѣ.

„Superius vero digestae formulae in descriptione diverse formati multifariisque utebantur characteribus, sed nos non alios, praeter quos supra in deformatione abaci depinximus, in hujuscemodi opus assumere curamus. Assignavimus enim primam hujus formae lineam unitatibus, secundam X, tertiam C, quartam I et deinceps ceteras lineas ceterorum numerorum limitibus limitavimus. In qua si apices primae apposeris lineae, unitates solae tibi occurrent, si lineae secundae, X, si tertiae, C, si quartae, mille, et deinceps. Sed quia momenti et minuti et ceterorum quantitas in ultimo hujus formae positorum non poterat, ut aliae, multiplicari, rursus a secunda notae earum linea angulariter inscribere proposuimus, ut, si aliquando aliquis vel C vel I diminutionem, vel X, vel C momentorum vel minorum vel punctorum et deinceps proferre juberetur, sine ullius obstaculi impeditione ediceret“ (Fr. 426 l. 28—428 l. 3).— „Descriptio“, „forma“ „deformatio“ означать просто рисунокъ. „Describatur itaque his litteris“ мы постою переводимъ „пусть будетъ зарисована“. Раз-

вагорейцы!) выразили ихъ многообразными знаками. Знаки эти были частью греческими, частью варварскими, а потому мы не могли возможнымъ включить ихъ въ (нашъ) латинскій текстъ (latinae orationi). Вслѣдствіе этого, не желая затемнить и безъ того темную вещь темными и неизвестными изображеніями знаковъ, мы замѣнили эти изображенія знаками латинскихъ буквъ (latinorum elementorum), въ ихъ порядкѣ, именно такъ, чтобы А отъчала унци, В принималась дигиты, С статиру, D квадранту, E драхмъ, F скрипулу, G оболу, H полуоболу, I силикѣ, K пункту, L минуту, M момеину. Этили-то вотъ буквами, которыя я указалъ, и пусть будетъ тутъ зарисована (describatur) таблица дробей слѣдующимъ образомъ. (См. рис. на стр. 313).

Вотъ на этомъ-то рисункѣ (in descriptione) выше изображеннаго вида (superius digestae formulae) ижеаворейцы и пользовались характерами ²⁰⁾ разныхъ формъ и большою разнообразіемъ (diverse formatis multifariisque). Мы же въ трудѣ подобный настоящему (in hujuscemodi opus) сознательно не беремъ никакихъ другихъ характеровъ кромѣ тѣхъ, которыя мы выше ²¹⁾ нарисовали въ изображеніи абака. Первый столбецъ ²²⁾ (lineam) этого рисунка мы записали единицами, второй

ница между „писать“ и „рисовать“ тутъ ступеневывается. Буквы рисовались, писались на „figura“, которая должна была заключать въ себѣ „minutiae“ (дроби), „figura minutiarum“ (таблицѣ дробей). Ср. „quos supra in deformatione abaci depinximus“.

²⁰⁾ Разумѣются не девять характеровъ, о которыхъ шла рѣчь выше прим. 30, а гораздо большее число характеровъ, т. е. знаковъ, для изображенія римскихъ дробей. Эти знаки тоже назывались „characteres“. См. Gerlandus [Bullet. Vonsomptagni t. X, p. 595], который о знакахъ для девяти первыхъ дѣльных чиселъ $\frac{1}{2}$ для всѣхъ дробей говоритъ: „Figure, quas alii characteres appellant, omnes sunt XXXIII diverse“. Онъ ихъ раздѣляетъ на „characteres perfecti“—знаки для дѣльных чиселъ и „imperfecti vero vno nomine dicuntur minusiae“, т. е. знаки для дробей. Герландъ ихъ приводитъ 26 по одной рукописи и 24 по другой [$9 + 24 = 33$]. Ихъ было не 9, а по представлению Бозція 12 (онъ ихъ замѣняетъ двѣнадцатью буквами: А, В,—I, М), на самомъ же дѣлѣ еще того больше. Родовъ дробей абакистамъ известно 15, а знаковъ для нихъ, включая и особый знакъ для дѣлаго, сообщено мною ниже 27, къ которымъ надо еще прибавить 10 самостоятельныхъ знаковъ въ таблицѣ Исидора. См. ниже въ текстѣ. Они были действительно и „diverse formati“ (разнаго вида для одной и той же дроби) и „multifarii“ (разнообразные).

²¹⁾ Т. е. въ только что въ текстѣ изображенномъ рисункѣ абака. Характеры эти: А, В, С,—I, М.

²²⁾ Первый сверху по тому положенію рисунка, въ которомъ мы его изображали, слѣдующаго изданію Фридейна. При правильномъ положеніи рисунка, столбецъ съ бук-

A	B	C	D	E	F	G	H	I	K	L	M
I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I
M	A	B	C	D	E	F	G	H	I	K	L
X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
L	M	A	B	C	D	E	F	G	H	I	K
C	C	C	C	C	C	C	C	C	C	C	C
K	L	M	A	B	C	D	E	F	G	H	I
I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I
I	K	L	M	A	B	C	D	E	F	G	H
X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
H	I	K	L	M	A	B	C	D	E	F	G
C	C	C	C	C	C	C	C	C	C	C	C
G	H	I	K	L	M	A	B	C	D	E	F
X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
F	G	H	I	K	L	M	A	B	C	D	E
C	C	C	C	C	C	C	C	C	C	C	C
E	F	G	H	I	K	L	M	A	B	C	D
M	M	M	M	M	M	M	M	M	M	M	M
D	E	F	G	H	I	K	L	M	A	B	C
X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
C	D	E	F	G	H	I	K	L	M	A	B
C	C	C	C	C	C	C	C	C	C	C	C
B	C	D	E	F	G	H	I	K	L	M	A
X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X

десятками, третій сотнями, четвертый тысячами и такимъ же образомъ дальше остальные столбцы опредѣлили разрядами (limitibus limitavimus) остальныхъ чиселъ²³⁾. Въ рисунокъ этотъ, если ты положиши анексы²⁴⁾ въ первую линію, то тебѣ встрѣтятся только одни

вани А, В, С, L, М, съ подписанными подъ ними единицами, займешь, какъ увидимъ ниже, свое мѣсто какъ первый справа столбецъ,—съ десятками (X), какъ второй справа, и т. д.

²³⁾ Limites нумерогоним это десятки, сотня, тысяча и т. д., т. е. десятичные разряды.

²⁴⁾ Т. е. знаки для первыхъ девяти чиселъ 1—9 и для дробей А—М или же томъ, на которыхъ они написаны. См. прим. 30.

единицы ⁹⁵⁾; если же во вторую линию, то десятки ⁹⁶⁾; если во третью, то сотни, если в четвертую, то тысячи и т. д. Но, так как количество дробей момента, минута и других, которые положены ⁹⁷⁾; на крайнемъ мѣстѣ этого рисунка ⁹⁸⁾, не могло уже увеличиваться, какъ это происходитъ съ другими, то я рѣшилъ вписать ихъ знаки еще разъ, начиная со второго столбца ⁹⁹⁾, наискось. Это для того, чтобы, если когда бы то ни было кому бы то ни было приказано было бы указать [какъ] уменьшеніе ¹⁰⁰⁾ сотни (до моментовъ и минутъ), [такъ и увеличеніе моментовъ, минутъ и пунктовъ до] десятка тысячъ, или сотни тысячъ моментовъ или минутъ или пунктовъ и т. д., могъ бы сказать безъ всякаго препятствія“.

Замѣтимъ прежде всего, что знаки для дробей, которые Боэцій замѣняетъ буквами, не могутъ быть никакими иными, кромѣ какъ только извѣстными римской древности дробными знаками. На это указываютъ и названія ихъ. Разумѣется, римской древности въ ка-

⁹⁵⁾ Т. е. единицы или дроби А, В, С.—I, М, т. е. такіа, гдѣ числители всегда единицы $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$, $\frac{1}{36}$, $\frac{1}{48}$, и т. д.

⁹⁶⁾ Т. е. десятки или дроби съ числителями 10, т. е. $\frac{10}{12}$, $\frac{10}{24}$, $\frac{10}{36}$, $\frac{10}{48}$.

⁹⁷⁾ Т. е. жетоны съ ихъ изображеніемъ.

⁹⁸⁾ Т. е. въ правомъ углу внизу, гдѣ поставлены А, А В и т. д. Сначала

$$\begin{array}{c} \text{XCC} \\ \text{CC} \end{array}$$

нужно себѣ мыслить заполненнымъ треугольникъ А М А, т. е. въ право отъ диагонали А—А. При такомъ положеніи дѣла въ самомъ послѣднемъ столбцѣ были

$$\begin{array}{c} \text{XCC} \\ \text{I} \\ \text{XCC} \end{array}$$

записана лишь дробь А (унція), но не было другихъ В—М, т. е. въ томъ числѣ и минута и момента, въ предпоследнемъ столбцѣ не было С, D—L, М, т. е. опять въ томъ числѣ момента и минута. Поэтому-то и „количество момента и минута не могло увеличиваться“ на этомъ рисункѣ съ одного, въ первомъ (верхнемъ) столбцѣ, до 100,000,000,000 моментовъ и минутъ въ послѣднемъ (нижнемъ). Какимъ образомъ пришла въ голову Боэцію блажная мысль расположить свои дроби всѣ въ треугольникъ въправо отъ діагонали, будетъ объяснено ниже.

⁹⁹⁾ Т. е. со второго сверху слѣва. Такъ образовался лѣвый треугольникъ буквъ съ гипотенузой М—М, т. е. треугольникъ МВМ.

¹⁰⁰⁾ Читати нужно несомнѣнно: „si aliquando aliquis vel C vel I diminutionem, vel X vel C multiplicationem momentorum vel minorum vel punctorum et deinceps proferre juberetur“. Т. е. въ колоніи сотенъ и тысячъ можно было прослѣдить постепенное уменьшеніе сотенъ и тысячъ до сотенъ и тысячъ моментовъ, т. е. до $\frac{100}{10100}$ и $\frac{1000}{101000}$. Съ другой стороны на рисункѣ можно было найти и увеличеніе одного момента (въ верхнемъ правомъ углу— $\frac{M}{I}$) до 100,000,000,000 моментовъ (въ

нижнемъ правомъ углу рядомъ съ А, помѣченнымъ XCC). Какимъ образомъ такая блажная таблица пришла въ голову Боэцію, увидимъ ниже

чествѣ дробей не былъ извѣстенъ ни дагитъ, ни пунетъ, ни минутъ, ни моментъ. Не существовало и знаковъ для нихъ. Боэціи въ данномъ случаѣ „творилъ“, и его знаки для этихъ дробей, В, К, L, М, не замѣняли ни „частью греческихъ“, ни „частью варварскихъ знаковъ“. Что это за „частью греческіе, частью варварскіе знаки“? Въ основаніи скалы римскихъ дробей были положены единицы вѣса: части фунта—унціи ($\frac{1}{12}$ фунта), части унціи—скрипулы ($\frac{1}{24}$ унціи) и части скрипуловъ—силіевы ($\frac{1}{6}$ скрипула) или кальки (*χαλκοβ*, $\frac{1}{8}$ скрипула). Знаки для всѣхъ этихъ дробей, какъ 1, $1\frac{1}{2}$, 2—11 унцій или 1, $1\frac{1}{4}$, 2, 3, 4, 6, 8, 12 скрипуловъ, или 1, $1\frac{1}{2}$, 3, 6 силіевъ, или 1, $1\frac{1}{2}$, 2, 4, S, кальковъ, были, какъ мы увидимъ, древняго происхожденія. У абацистовъ XI вѣка совершенно не было матеріала для сужденія о томъ, что въ ихъ числѣ имѣются греческіе и варварскіе знаки. Абацистамъ они всѣ en bloc могли сообразно ихъ вкусу и капризамъ казаться или греко-латинскими, или варварскими. Формы ихъ были причудливыми, казались чисто произвольными, условными. Сходства съ греческими или латинскими буквами они, во всякомъ случаѣ, не представляли. Абацистамъ естественнѣе было бы считать ихъ всѣхъ за условные, но, во всякомъ случаѣ, не за варварскіе знаки. Объяснить происхожденіе большинства ихъ изъ древне-латинскихъ знаковъ для единицъ вѣса, какъ это можемъ сдѣлать мы теперь и какъ это мы, дѣйствительно, сдѣлаемъ ниже, они вѣдь не умѣли. Впрочемъ, позвольте! Не считаются ли здѣсь и латинскіе знаки за варварскіе? Противоположеніе „частью греческіе, частью варварскіе“, безо всякой оговорки въ пользу латинскихъ, дѣлаетъ такое предположеніе очень вѣроятнымъ. Вѣдь знаки-то, по Боэцію, придали дробямъ пиагорейцы со своимъ учителемъ, а съ ихъ точки зрѣнія противоположеніе „греческіе“ и „варварскіе“—„латинскіе“—нигдѣть полное основаніе. Они могли взять и нѣкоторые латинскіе знаки, но для нихъ они оставались бы все-таки варварскими. Боэціи же, излагая ихъ ученіе и изобрѣтеніе, не стоитъ ли на ихъ точкѣ зрѣнія и не пользуется ли ихъ терминологіей? Но дѣло обстоитъ не такъ просто, какъ кажется. Вѣдь Боэціи говоритъ отъ своего имени и именно въ свое латинское сочиненіе не хочетъ ихъ включать потому, что они „частью греческіе, частью варварскіе“. Онъ вдругъ дѣлается латинскимъ патріотомъ! Даже греческое въ его текстъ не годится, не то что варварское! Если такъ, то какъ онъ могъ бы латинскіе знаки считать за варварскіе и исключать ихъ изъ своего текста? Чѣмъ бы это они пестрили его текстъ? Если же подъ варварскимъ

слѣдуетъ понимать не греческое и не латинское, то почему же пифагорейцы обошли римлянъ и берутъ знаки у какихъ-то варваровъ? Ужъ не вездѣсущіе ли и вездѣ помогающіе финикіяне эти варвары? Египтяне что ли? Наконецъ, и Вавилонъ не слѣдуетъ обижать. Вѣдь вѣдиль же Пифагоръ, по свидѣтельству древнихъ же уже авторовъ, хотя и жившихъ много позже его, и въ Египетъ и въ Вавилонъ ¹⁰¹⁾! Такъ далеко абацисты XI вѣка врядъ ли заходили въ своихъ размышленіяхъ надъ текстомъ великаго учителя и къ словамъ не придирались. Самое большее, что могло мелькнуть въ ихъ головѣ, это вопросъ: что же это вдругъ гениальная изобрѣтательность пифагорейцевъ здѣсь спасовала и пришлось обращаться къ заимствованіямъ? А мы сюда присоединимъ еще и свой вопросъ: какъ же это пифагорейцы для выдуманыхъ ими же самими, по Боэцію, дробей сразу нашли и соответствующіе знаки у варваровъ? Не существовали ли уже и самыя дроби у варваровъ ранѣе пифагорейцевъ? Этотъ для боэціевскихъ пифагорейцевъ обидный вопросъ, вѣроятно, въ XI вѣкѣ былъ бы приравненъ ереси. Его абацисты и не посмѣли бы поставить. Но, если что-нибудь въ сообщаемомъ Боэціемъ должно было ихъ озадачивать, такъ это боэціевская характеристика всѣмъ имъ прекрасно извѣстныхъ знаковъ для дробей. Боэцій называетъ ихъ „темными и неизвѣстными“. Какъ? Неужели то, что имъ было ясно и извѣстно, могло быть темно и неизвѣстно Боэцію или его современникамъ? Вѣдь Боэцій видимо и самъ избѣгаетъ этихъ знаковъ. Онъ, не побоявшійся привести девять странныхъ знаковъ для 1—9 ¹⁰²⁾, ни одного изъ этихъ дробныхъ знаковъ не приводитъ. Онъ щадитъ, во всякомъ случаѣ, своихъ читателей, а потому „не желаетъ затемнять вещи и безъ того темной темными и неизвѣстными изображеніями знаковъ“. Ужъ не разумѣетъ ли Боэцій какихъ-нибудь особыхъ знаковъ для дробей, отличныхъ отъ общезвѣстныхъ имъ, абацистамъ? Были ли таковыя? Да были и при томъ, какъ ученый вариантъ, должны были быть извѣстны и абацистамъ.

И. Вульфъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁰¹⁾ Cantor, Vorles. 1° p. 138—141.

¹⁰²⁾ См. выше прим. 30.

О НЕПОСРЕДСТВЕННОМЪ ЗНАНИИ.

Философія, какъ наука мышленія, лишь въ мысли находитъ и свой верховный авторитетъ. Поэтому самое сомнѣніе въ силѣ мысли или стремленіе найти внѣ мысли прочныя основы истины могутъ возникнуть въ философіи лишь по мыслительнымъ же мотивамъ. Такіе мотивы дѣйствительно обнаруживаются въ историческомъ развитіи философіи, приводя философскіе умы къ несогласнымъ съ идеею философіи, но возникающимъ необходимо въ нѣдрахъ самой философіи, ученіямъ скептицизма и интуиціонизма.

Сказать, что все признаваемое за истину должно быть основано на авторитетѣ мышленія, значить сказать, что мысль собственными силами устанавливаетъ тѣ первыя, безусловныя истины, коими обуславливаются всѣ прочія истины. Если нѣтъ такихъ первыхъ истинъ, то всякая истина условна, слѣдовательно сомнительна, такъ какъ достоверность ея зависитъ отъ достоверности безконечнаго, несущественнаго ряда другихъ положеній, каждое изъ которыхъ также условно и недостоверно. Такъ и учитъ скептицизмъ. Если есть первыя истины, но такія, которыя устанавливаются не мыслию, а внѣшнимъ для нея авторитетомъ, то достоверность прочихъ истинъ можетъ быть утверждена, но уже не силою мысли, а силою чего-то внѣ ея: быть можетъ, силою независимыхъ отъ мысли и обязательныхъ для нея прирожденныхъ душѣ понятій (натурвизмъ), быть можетъ, силою также независимыхъ отъ мысли, подчиняющихъ ее себѣ воспріятій (эмпиризмъ), быть можетъ, специально внутреннимъ воспріятіемъ (спиритуалистическій реализмъ), наконецъ, быть можетъ, присущею намъ способностью выходить изъ нашего духовнаго ограниченія въ сверхчувственную область (мистицизмъ). Всѣ эти направленія обнимаются общимъ наименованіемъ интуиціонизма, такъ какъ всѣ они, при всѣхъ ихъ

различіяхъ, сходятся въ томъ, что истина въ концѣ концовъ отыскается намъ непосредственно, дѣятельность же мысли можетъ лишь такъ или иначе обрабатывать данныя непосредственнаго удостовѣренія.

Какъ сказано, и скептицизмъ, и интуиціонизмъ возникаютъ въ философіи съ необходимостью. Идея философіи въ процессъ развитія послѣдней есть искомый ею идеалъ, въ которому она постепенно приближается; но каждая ступень этого приближенія еще не представляетъ собою полнаго достиженія идеала; и свидѣлствуютъ о таковой недостаточности *данной* философіи, о ея несоотвѣтствіи ея идеѣ, отрицательно — скептицизмъ и положительно — интуиціонизмъ. Первый доказываетъ, что предположенная данною философіею основная истина условна, слѣдовательно недостоверна. Второй, въ виду этой недостоверности, указываетъ на истину *вне* исчерпанаго круга мыслей, побуждая философскую мысль признать ограниченность этого круга и склониться передъ авторитетомъ того, что ею еще не промыслено, что фактически *вне* ея. Тѣмъ самымъ и скептицизмъ, и интуиціонизмъ обнаруживаютъ себя, какъ весьма цѣнные средства развитія философіи, безъ употребленія которыхъ ей грозитъ застой и опѣившіе. Скептицизмъ будитъ философію отъ догматическаго сна, а интуиціонизмъ указываетъ ей на дѣйствительность, забытую ею въ грезахъ этого сна; и такимъ образомъ оба они вызываютъ ее къ новой бодрствующей дѣятельности.

Эта цѣнность, однако, только относительная, поскольку и скептицизмъ, и интуиціонизмъ служатъ орудіями прогресса философіи. Положенные, какъ самостоятельные, оба они не соотвѣтствуютъ идеѣ философіи и потому должны быть отвергнуты. Критическое разсмотрѣніе скептицизма не входитъ въ задачу настоящей статьи, предметомъ которой служить разборъ притязаній гипотезы „непосредственнаго знанія“. Разборъ этотъ я считаю своевременнымъ на томъ основаніи, что сказанная гипотеза подъ разными наименованіями и въ различныхъ отбѣнкахъ мысли нынѣ постоянно подносится русскому читателю. Преобладающими отбѣнками современнаго русскаго интуиціонизма являются спиритуалистическій реализмъ и мистицизмъ, то въ отдѣльности, то въ смѣшеніи. Но имѣя теперь въ виду не разборъ того или иного современнаго русскаго ученія, а принципиальное обсужденіе интуиціонизма, я долженъ понимать этотъ терминъ въ широкомъ его значеніи, какъ обнимающій собою всевозможные отбѣнки доктрины „непосредственнаго знанія“.

Видимое преимущество этой доктрины передъ строго-последовательнымъ рационализмомъ состоитъ въ большомъ ея согласіи съ обычнымъ здравымъ смысломъ при разсмотрѣніи вопроса о мышленіи какъ съ точки зрѣнія гносеологической, такъ и съ точки зрѣнія формально-логической. Съ первой точки зрѣнія представляется повидимому несомнѣннымъ, что мысль не имѣетъ силы создавать свои предметы, но можетъ лишь образовать тѣ или инныя сочетанія изъ данныхъ ей элементовъ; слѣдовательно, эти элементы, поскольку они производятся мыслью и, какъ элементы, ею еще не преобразованы, имѣютъ характеръ непосредственнаго усмотрѣнія. Правда, могутъ сказать, что непосредственное усмотрѣніе не есть еще непосредственное удостовѣреніе. Удостовѣреніе, т. е. признаніе за истину, есть уже *сужденіе*, стало быть, дѣйствіе мыслительное. Но здѣсь является на помощь формальная логика, которая объявляетъ, что первыя, основоположныя для прочихъ, сужденія должны быть сужденіями самоочевидными, но обоснованными на прочихъ сужденіяхъ, слѣдовательно по содержанію своему непосредственными. Если какое либо производное сужденіе обосновано, то обосновать весь рядъ его посылокъ; если же такъ, то этотъ рядъ не можетъ быть безконечнымъ, такъ какъ въ безконечномъ ряду первое обоснованіе недостижимо, т. е. его нѣтъ. Поэтому рядъ посылокъ необходимо требуетъ первыхъ основаній, которыя, не будучи уже ничѣмъ обоснованы, признаются за истинныя не иначе, какъ путемъ непосредственнаго удостовѣренія. И такъ и съ гносеологической, и съ формально-логической точки зрѣнія неизбѣжнымъ, повидимому, является признаніе непосредственнаго источника истины, съ первой точки зрѣнія въ видѣ непосредственнаго усмотрѣнія, со второй—въ видѣ непосредственнаго удостовѣренія.

Я не стану теперь разбирать относительныя права различныхъ теорій непосредственнаго усмотрѣнія — нативизма, эмпиризма, спиритуалистическаго реализма и мистицизма. Замѣчу только, что отрицаніе интуиціонизма во всѣхъ этихъ его развѣтвленіяхъ не предполагаетъ еще признанія производящей или творческой силы мысли, понимаемой отвлеченно или формально. Такого рационалиста, который училъ бы, что мысль, первоначально безсодержательная, изъ себя самой творить содержаніе, не существуетъ. Обвинять въ такомъ рационализмѣ Гегеля значитъ совершенно не понимать смысла его ученія. По Гегелю формальная мысль есть лишь *односторонне, рефлексивно выдѣленная сторона полной, конкретной мысли*, которая есть одно

со своимъ содержаніемъ. Какимъ же образомъ эта формальная мысль можетъ творить содержаніе, если она уже заранее предполагаетъ его въ конкретномъ съ собою единствѣ, какъ въ своей истинной действительности? По Гегелю отвлеченная мысль находитъ свое содержаніе, какъ данное, но это данное содержаніе въ обработкѣ умозрительнаго метода оказывается пронизаннымъ категоріями мысли. Такимъ образомъ Гегель также начинаетъ съ „непосредственнаго“, но это непосредственное, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи, обнаруживается, какъ опосредованное мыслью, какъ результатъ ея же категорій, отъ которыхъ мысль, при первоначальномъ положеніи чего либо, какъ непосредственнаго, только отвлекаетъ. Непосредственное, по Гегелю, есть слѣдовательно также *отвлеченное*, признаваемое за первичное данное лишь потому, что мы полагаемъ его, не принимая во вниманіе тѣхъ мыслительныхъ отношеній, которыя его обуславливаютъ. Иначе этотъ взглядъ Гегеля можетъ быть наложенъ такъ: есть мысль, какъ единство со своимъ содержаніемъ, *подлинная, действительная мысль*. Односторонне отвлекая отъ нея формальный элементъ, мы получаемъ понятіе непосредственнаго; односторонне отвлекая элементъ непосредственности, мы получаемъ понятіе безсодержательной, формальной мысли. И то, и другое не есть действительность: послѣдняя состоитъ въ единствѣ обоихъ элементовъ, въ коемъ непосредственное и формальное взаимно проникаютъ одно другое. Такимъ образомъ действительнымъ источникомъ познанія по Гегелю не служить ни непосредственное усмотрѣніе, ни формальная, безсодержательная мысль; то и другое суть одностороннія отвлеченности. Этотъ источникъ есть полная, действительная мысль, конкретное единство содержанія и формы.

Ошибка Гегеля состояла въ томъ, что такую конкретность мысли онъ понималъ, какъ полное *отожествленіе* содержанія и формы, непосредственнаго и рефлексивнаго, вслѣдствіе чего мысль отождествилась для него съ бытіемъ, а система развиваемыхъ мыслью категорій — съ абсолютнымъ міропорядкомъ. Философское познаніе есть по Гегелю возведеніе въ сознаніе, сознательное констатированіе тождества мысли и бытія, которое (тождество) система этого познанія методически выслѣживаетъ во всѣхъ явленіяхъ действительности. Но ошибочность такого отождествленія мысли и бытія доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ системѣ Гегеля развитіе категорій совершается гладко лишь въ предѣлахъ „Логикѣ“, доходя слѣдовательно до полнаго, совершенно конкретнаго и чуждаго всякихъ противорѣчій пониманія

абсолютнаго, какъ „абсолютной идеи“. По достиженіи же этого момента развитія въ системѣ оказывается скачекъ. Дальнѣйшаго умозрительнаго мотива ея развитія уже не имѣется, такъ какъ этимъ мотивомъ служить противорѣчіе даннаго понятія, а въ понятіи „идеи“ всѣ противорѣчія разрѣшены. По остановиться на „идеѣ“ и признать себя на этой ступени самозаклученною система не можетъ, такъ какъ при этомъ изъ нея была бы исключена вся конкретная, живая дѣйствительность природы и духа.

Итакъ является неоправдываемая системою необходимость перейти отъ „Логикѣ“ къ „Философіи природы“, и этотъ переходъ совершается Гегелемъ произвольно, безъ всякаго умозрительнаго основанія.

Онъ говоритъ: „Это опредѣленіе (идеи, какъ природы) не есть *становленіе* и *переходъ*.... Чистая идея, въ которой опредѣленность или реальность понятія сама возвышена до понятія, есть, напротивъ, абсолютное *освобожденіе*, для коего уже нѣтъ никакого непосредственнаго опредѣленія, которое не было бы также *положеннымъ*¹⁾ и въ понятіи; потому въ этой свободѣ уже не имѣетъ мѣста никакой переходъ, но простое бытіе, по которому опредѣляется идея, остается въ ней совершенно прозрачнымъ и есть въ своемъ опредѣленіи остающееся при себѣ самомъ понятіе. Переходъ, слѣдовательно, долженъ быть здѣсь скорѣе мыслимъ такъ, что идея сама себя *свободно отчуждаетъ* (*frei entlässt*), абсолютно увѣренная и покоящаяся въ себѣ“ (*Logik*, 2 изд. 1841, т. II, стр. 342). Правда, нѣсколько выше (стр. 342) Гегель указываетъ на извѣстный мотивъ такого самоотчужденія идеи: „эта идея есть еще логическая, она заключена въ чистую мысль, есть наука только божественнаго *понятія*. Систематическое изложеніе само, конечно, есть реализація, но только въ предѣлахъ этой же сферы. Такъ какъ чистая идея познанія тѣмъ самымъ заключена въ субъективность, то она есть *стремленіе* освободиться отъ послѣдняго, и чистая истина въ конечномъ результатѣ становится также *началомъ другой сферы и науки*“. Но если мы допустимъ, что, исчерпавъ всѣ собственно-логическія опредѣленія, познаніе наше остается неудовлетвореннымъ и ищетъ выхода изъ сферы субъективности, то окажется, что идея не есть то полное единство субъекта и объекта, какимъ ее считаетъ самъ Гегель, что она сохраняетъ односторонность субъективности, или иначе, что наша мысль,

¹⁾ ²⁾ *Положенное* (*gesetzt*) отличается Гегелемъ, какъ мыслимое въ понятіи по рефлексивнымъ основаніямъ отъ непосредственно—даннаго.

даже въ высшемъ своемъ проявленіи, не совпадаетъ вполне съ бытіемъ, что въ послѣднемъ есть нѣчто свое, самостоятельное, нѣкоторый остатокъ, неразтворимый въ мысли. Этотъ остатокъ и есть та сила свободного творчества, которую, какъ указываетъ самъ Гегель, идея (правильнѣе сказать, Богъ) производитъ природу. Но такое признаніе есть принципиальное отрицаніе гегелианства ¹⁾.

Специально по отношенію къ вопросу о непосредственномъ знаніи это обнаруженіе принципиальной ошибки Гегеля весьма способ-

¹⁾ Въ первой части VIII тома своей „Исторіи новой философіи“, посвященномъ Гегелю, Куно Фишеръ тщетно пытается снять съ гегелианства этотъ упрекъ. Если бы эта защита исходила отъ менѣе почтеннаго лица, то я назвалъ бы ее или непониманіемъ, или умышленнымъ искаженіемъ ученія Гегеля. Но такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о Куно Фишерѣ, то я назову ее излишнимъ жаромъ въ защитѣ незащитаемаго, представляющимъ въ себѣ ту *mania Hegelliana*, отъ которой въ данномъ случаѣ несвободенъ заслуженный историкъ по отношенію къ своему герою. „Кто, говоритъ К. Фишеръ (стр. 573), не можетъ понять это различіе между идеею въ образѣ чистаго мышленія и идеею въ образѣ міра, это различіе между логическимъ процессомъ и процессомъ міра, между мыслями и вещами, тотъ долженъ поучиться у Шиллера Валленштейна“ (слѣдуетъ выписка извѣстнаго мѣста, въ которомъ указывается на то, что мысли легко уживаются вмѣстѣ, а вещи тяжело сталкиваются въ пространствѣ). Но вмѣсто того, чтобы сослаться на Шиллера, историкъ лучше самъ бы поучилъ насъ, чѣмъ ученіе онъ намъ излагалъ, реалиста ли школы Локка, для котораго вещи сами по себѣ, а мысли сами по себѣ, или панлогиста, который категорически заявилъ, что мысль и бытіе, слѣдовательно и бытіе вещей, тождественны. Дѣйствительно, мыслящій читатель едва-ли будетъ въ состояніи понять—не различіе между мыслями и вещами,—а *возможность такъ излагать и защищать Гегеля*.

Не довольствуясь этимъ способомъ защиты, Куно Фишеръ затѣмъ прибѣгаетъ ко второму. Нарядивъ Гегеля сначала въ мундиръ Локка, онъ затѣмъ переодѣваетъ перваго въ Шопенгауэра, объявляя, что „логическая идея въ своемъ завершеніи есть не что иное, какъ мировая воля, воля къ природѣ. Между волею къ существованію, къ жизни, къ этому опредѣленному роду жизни съ одной стороны и самымъ существованіемъ, жизнью, этимъ опредѣленнымъ родомъ жизни съ другой стороны по глубокомысленному и правильному ученію Шопенгауэра нѣтъ никакого перехода, никакого взаимодействія, но они суть *только одно и то же*. Совершенно также относятся по правильно понятому ученію Гегеля абсолютная идея къ сея воплощенію, воля къ міру, къ природѣ, къ матеріи съ одной стороны къ самому міру, къ природѣ, къ матеріи съ другой стороны: они суть совершенно одно и то же“.... (стр. 576). Куно Фишеръ упускаетъ, однако, изъ виду, что въ абсолютной идее, какъ единствѣ теоретической и практической идеи, всякое *стремленіе уже снято*, и что, стало бытъ, превращать „абсолютную идею“ Гегеля въ „волю“ Шопенгауэра никакъ не значить излагать „правильно-понятое“ ученіе Гегеля. При томъ, довольно странно и самый способъ этого правильнаго пониманія, при которомъ сначала насъ поучаютъ по Шиллеру, что идея и вещь совершенно различны, а потомъ по Шопенгауэру, что идея есть совершенно тождественная съ вещью воля.

ствуешь болѣе правильному рѣшенію сказаннаго вопроса. Главная заслуга Гегеля именно и состояла въ разрушеніи идола непосредственнаго знанія, въ твердомъ установленіи того положенія, что всякая непосредственность есть видимость, возникающая отъ отвлеченнаго игнорированія посредствующихъ отношеній, положенія, которое кореннымъ образомъ ниспровергаетъ интуиціонизмъ. Но Гегель существенно умалываетъ эту свою заслугу, утверждая, что подлинная дѣйствительная мысль, доступная человѣку, есть тождество, полное сліяніе формы и содержанія. Если признать такое положеніе, то окажется, что всякое опосредованіе есть только видимость, въ дѣйствительности же мысль въ своей окончательной конкретной дѣльности сама есть нѣчто непосредственное. Выходить, что опосредованіе есть лишь путь, черезъ который мы приходимъ къ непосредственному знанію, дающему намъ окончательное удовлетвореніе. Первоначальная непосредственность отвергается, какъ отвлеченность, лишь для того, чтобы въ конечномъ результатѣ превратиться въ окончательную, конкретную непосредственность. Такимъ образомъ, непосредственность бытія можетъ быть понимаема, по Гегелю, и какъ результатъ полной отвлеченности, пустоты мысли, т. е. какъ начало системы, и какъ результатъ дѣлостнаго наполненія мысли всевозможными опредѣленіями, т. е. какъ увѣичаніе системы. Напротивъ, если понимать единство содержанія и формы, непосредственности и рефлексивности, какъ *требованіе* мысли, постоянно ей присущее, но никогда ею не достижимое, то непосредственное знаніе окажется лишь элементомъ его, всегда связаннымъ и обусловленнымъ логическими отношеніями; т. е. во всякомъ знаніи мы должны будемъ признать нѣчто данное подъ условіемъ отношеній къ другимъ даннымъ, стало быть нигдѣ не найдемъ непосредственности, какъ таковой, ни въ началѣ, ни въ концѣ системы. Это и значить, что мысль никогда не отождествляется съ бытіемъ, но лишь во всякомъ своемъ актѣ постулируетъ или требуетъ его. Сущее, какъ таковое, не есть мысль, но постоянный постулатъ мысли,—вотъ ключъ къ разрѣшенію вопроса о непосредственномъ знаніи. Бытіе, какъ таковое, по мѣткому выраженію Гербарта, есть „простое положеніе“, т. е. совершенно безусловная, ничѣмъ кромѣ себя не обоснованная или, иначе, самообоснованная данность. Къ этому положенію постоянно стремится мысль, какъ къ основанію всякой дѣйствительности, потому что, если нѣтъ такого перваго основанія, то нѣтъ *никакою* основанія. Но осуществить *de facto* такое стремленіе мысль не въ состояніи, такъ какъ въ кругу ея

данныхъ нѣтъ такихъ, которыя не были бы обусловлены, т. е. опосредованы, отношеніями къ другимъ даннымъ. Поэтому понятіе бытія есть понятіе сверхъ-даннаго, предмета чистаго умоузнанія, умопостигаемаго нами, какъ первооснова всего, но недостижимаго въ своемъ конкретномъ содержаніи.

Интуитионизмъ, считающій чисто умозрительное понятіе „сущаго“ невозможнымъ или недостаточнымъ, тщетно пытается найти какія-нибудь непосредованныя данныя познанія. Эмпиризмъ ищетъ такихъ данныхъ въ ощущеніяхъ. Но ощущеніе, выведенное изъ всѣхъ обусловливающихъ его отношеній, есть чистая отвлеченность, въ дѣйствительности никогда не встрѣчающаяся: это нѣчто безъ мѣста и времени, безъ напряженности, даже безъ качественной особенности, такъ какъ всѣ эти опредѣленія воспринимаются нами лишь по сравненію его съ другими ощущеніями, по соотношенію съ ними, т. е. черезъ опосредованіе другими состояніями сознанія. Такого ощущенія нельзя даже назвать неопредѣленнымъ „нѣчто“, ибо и „нѣчто“ таково лишь въ отличіе отъ „другого“.

Не находя нигдѣ такого безотносительнаго, ничѣмъ не опосредованнаго ощущенія въ своемъ развитомъ сознаніи, эмпиристъ перемѣщаетъ его въ сознаніе неразвитое, первоначальное, утверждая, что всѣ отношенія между ощущеніями возникаютъ уже впоследствии, черезъ ихъ ассоціацію. Но въ пользу такого мнѣнія не приводится никакихъ убѣдительныхъ аргументовъ, да ихъ и не можетъ быть приведено, такъ какъ это первоначальное состояніе сознанія ускользаетъ отъ самонаблюденія. Это мнѣніе основывается не на построеніи теорій изъ фактовъ, а на стремленіи подогнать факты къ той заранѣ составленной теоріи, по которой всякое знаніе должно быть построено изъ голыхъ, чистыхъ ощущеній ¹⁾.

¹⁾ Какъ образчикъ такихъ разсужденій, приведу то, что говоритъ извѣстный психологъ *Е. Штумпфъ* по поводу того положенія, что „каждое ощущеніе необходимо относится къ другому; совсѣмъ нѣтъ чистыхъ ощущеній“. „По отношенію къ взрослому это безусловно вѣрно; но въ началѣ душевной жизни очевидно не можетъ съ каждымъ ощущеніемъ уже быть связано относительное сужденіе. По крайней мѣрѣ первое ощущеніе не можетъ быть сравнено ни съ какими другими, ни отлечено отъ какого либо другого. Какое либо одно (ощущеніе) должно быть первымъ. Если таковыхъ существуетъ одновременно два, то нельзя же допустить, что они сейчасъ же бываютъ различены; ребенокъ въ тѣлѣ матери еще неспособенъ къ анализу одновременныхъ органическихъ ощущеній „общаго чувства“, который представляетъ затрудненія даже для расчленяющаго искусства (*Zergliederungskunst*) изслѣдователя“ (*Toppsychologie I, 1883, стр. 10*). Авторъ сначала категорически настаиваетъ, что какое либо

Не находя себѣ опоры въ фактахъ, этотъ взглядъ и самъ по себѣ, во-первыхъ, ничего не объясняетъ, а во-вторыхъ, неправдоподобенъ. Если даже допустить, что сознательная жизнь начинается съ непосредственныхъ, безотносительныхъ чувственныхъ значковъ, то во всякомъ случаѣ это начало не есть моментъ созданія философскихъ убѣжденій. Послѣднія возникаютъ не по поводу этихъ значковъ, а по поводу образованныхъ изъ нихъ *чувственныхъ предметовъ*, которые во всей сложности ихъ отношеній уже никакъ не составляютъ предметовъ непосредственного усмотрѣнія. Опытъ эмпириста простирается на эти предметы, а не на первичные предполагаемые ихъ чувственные элементы, изъ которыхъ они будто-бы исключительно построены. Поэтому, если первоначальный опытъ и есть непосредственное усмотрѣніе, то никакъ нельзя сказать того же о томъ опытѣ, отъ котораго исходить теорія эмпиризма. Если бы было иначе, то для установленія этой теоріи достаточно было бы сослаться на непосредственное свидѣтельство сознанія. Но этой ссылки оказывается недостаточно. Эмпиристу приходится доказывать и опровергать, т. е. устанавливать свое ученіе не интуитивнымъ, а рефлексивнымъ путемъ, опровергая, такимъ образомъ, свою теорію собственною своею практикою. Далѣе, не странно ли предположить, что всѣ тѣ основныя отношенія, которыя образуютъ изъ ощущений *природу*, возникаютъ въ человѣческомъ существѣ въ первые мѣсяцы его существованія, когда это существо еще столь безсильно и по духу, и по тѣлу, и возникаютъ при томъ съ такими изумительными точностью и единообразіемъ? Не правдоподобнѣе ли видѣть въ этомъ первоначальномъ построеніи пространства, времени и вещества не силу случайной ассоціаціи дѣтскихъ ощущенийъ, но результатъ исконныхъ свойствъ человѣка съ присущими ему задатками разумности, т. е.

ощущеніе должно быть первымъ. Но потомъ, очевидно спохватившись, что къ такому рѣшительному утвержденію нѣтъ никакого основанія, допускаетъ, что такихъ первыхъ ощущенийъ можетъ быть одновременно и два (почему только два?). Но ихъ, говоритъ онъ, ребенокъ не можетъ различить. Что же это за два ощущенія, которыхъ нельзя различить? Очевидно, что два неразличимыхъ ощущенія составляютъ одно ощущеніе. Сколько же Штумпфъ признаетъ возможнымъ первыхъ ощущенийъ—одно или два? Страшный аргументъ, основная посылка котораго нложена въ такой неопредѣленной формѣ. Далѣе, почему ихъ нельзя различить? Потому, говоритъ авторъ, что эти первыя ощущенія относятся къ сферѣ общаго чувства, анализъ котораго труденъ даже для исследователя. Но кто же говоритъ про такой же анализъ, какъ анализъ исследователя? Кажется ясно, что *мощность* различенія одно, а *способность* различенія—другое. Видъ такъ можно доказать, что ребенокъ и животное ничего не различаютъ, такъ какъ они неспособны дѣлать психологическія изслѣдованія.

рефлексирующей, изслѣдующей и избирающей мысли, которая въ ребенкѣ дѣйствуетъ, какъ влѣдѣющій имъ истинный, а въ зрѣломъ человѣкѣ, какъ сознательная способность ¹⁾? Если стать на точку зрѣнія такого, гораздо болѣе правдоподобнаго предположенія, то все зданіе эмпиристическаго интуитионизма распадается прахомъ. Тѣ мыслительныя отношенія, при посредствѣ коихъ мы изъ чувственнаго матеріала строимъ природу, окажутся отношеніями самой природы, не возникающими изъ непосредственно-данныхъ чувственныхъ значевъ, но присутствующими имъ, какъ ихъ исконная форма, постепенно проясняющаяся намъ по мѣрѣ развитія сознательной жизни.

Многіе философскіе писатели, соглашались съ тѣмъ, что познаніе внѣшняго міра есть познаніе опосредованное, приписываютъ характеръ непосредственности внутреннему опыту, знакомящему насъ съ внутреннимъ міромъ или душою. Съ перваго взгляда это мнѣніе представляется весьма убѣдительнымъ. Самъ внѣшній міръ познается черезъ ощущенія, слѣдовательно, черезъ состоянія души; эти состоянія, стало быть, составляютъ ту основу, *посредствомъ* заключенія отъ которой мы строимъ внѣшній міръ; для самой же этой основы новой основы уже не имѣется, т. е. бытіе души оказывается нашимъ первымъ, непосредственнымъ убѣжденіемъ. Однако, позволительно задать вопросъ, гдѣ источникъ того познанія „души“, состояніями которой объясняютъ ощущенія, т. е. есть ли оно непосредственное или результатъ умозаключенія. Обсужденіе этого вопроса, казалось бы, склоняетъ насъ къ признанію того, что понятіе души столь же рефлексивно, опосредовано, какъ и понятіе внѣшняго міра. Въ ощущеніи, какъ таковомъ, не содержится указанія ни на вещество, ни на душу, и содержаніе ощущенія относится къ внѣшнему или внутреннему міру лишь при условіи предварительнаго образованія ихъ понятій. Когда я говорю: „мнѣ слышится выстрѣлъ“, то первоначальный, основной элементъ этого сужденія есть „слышится“; но что слышится „мнѣ“, и что слышится „выстрѣлъ“,—это уже рефлексивныя прибавки, возникающія отъ предварительнаго образованія *меня* и внѣшней, отдѣльной отъ меня среды, гдѣ *стрѣляютъ*. Почему первая прибавка считается непосред-

¹⁾ Заслуга Герберта Спенсера состоитъ въ томъ, что онъ призналъ эти задачи природными современному человѣку; но не имѣя однако такую природность, лишь какъ *умаслѣдованіе* задатковъ, развившихся въ длинномъ рядѣ предшествовавшихъ поколѣній, онъ только передвигаетъ рѣшеніе вопроса о ихъ происхожденіи въ даль время и, стало быть, принципиально оставляетъ его при прежнихъ затрудненіяхъ.

ственною, а вторая — опосредованною? Казалось бы, что термины „внѣшнее“ и „внутреннее“ совершенно соотносительны, такъ что одного нельзя мыслить безъ другого, и потому нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы „внутреннее“ я сталъ мыслить ранѣе „внѣшняго“, а нужно думать, что оба понятія могутъ возникнуть лишь одновременно, и что оба они опосредованы, такъ какъ одно необходимо обусловлено другимъ. Могутъ возразить, что дѣло не въ томъ, а въ самомъ содержаніи этихъ понятій: содержаніе „внутренняго“ непосредственно свидѣтельствуется сознаниемъ, а содержаніе „внѣшняго“ находится внѣ круга такого свидѣтельства. Поэтому, хотя бы „внутреннее“ и „внѣшнее“ возникали для насъ и одновременно, содержаніе перваго есть *положительное*, непосредственно намъ извѣстное, содержаніе же втораго, по крайней мѣрѣ первоначально, *отрицательное*, то, что намъ положительно *не извѣстно*; они одновременны и соотносительны, именно какъ *непосредственное* и *опосредованное*. Но если такъ, то защитники приводимаго теперь взгляда обязаны указать, что именно въ душѣ непосредственно познается, — *вся ли она* сразу, какъ *носитель* внутреннихъ состояній, или *сумма* этихъ состояній, или *каждое* изъ нихъ въ отдѣльности, или *нѣкоторыя* изъ нихъ, при томъ въ послѣднемъ случаѣ изъ состава ли *ощущеній*, или изъ состава *другихъ состояній*.

Какое бы изъ этихъ предположеній мы ни взяли, оно окажется при разборѣ весьма трудно защитимымъ. Взглядъ на душу, какъ на нѣкотораго носителя психическихъ состояній, обладающаго особою невещественною природою, есть результатъ продолжительнаго развитія познанія и мышленія; первоначально же, какъ показываетъ самая этимологія словъ „душа“ и „духъ“, на душу смотрятъ, какъ на родъ тонкаго вещества. Слѣдовательно, непосредственное познаніе души, какъ особаго невещественнаго существа, допущено быть не можетъ. Также мало допустимо предположеніе ея непосредственнаго познанія, какъ суммы внутреннихъ состояній. Всякое суммирование, хотя бы и неопредѣленное, есть уже актъ мысленной рефлексіи, а не непосредственнаго усмотрѣнія. Далѣе, каждое ощущеніе въ отдѣльности, если даже допустить (что не согласно съ объясненнымъ ранѣе), что оно можетъ быть въ такой отдѣльности воспринято, вовсе не представляется еще состояніемъ души. Если бы оно представлялось такъ, то тотъ субъективизмъ, который отрицаетъ реальность внѣшняго міра или по крайней мѣрѣ сомнѣвается въ ней, былъ бы естественнымъ, первоначальнымъ убѣжденіемъ человѣчества. Между тѣмъ, мы видимъ

на дѣлѣ совсѣмъ иное: простой, непредубѣжденный умъ спокойно относитъ цвѣта и звуки къ внѣшнему міру, и лишь небольшая кучка мыслителей, въ силу предварительнаго размышленія, признаетъ эти качества только субъективными нашими состояніями, т. е. перемѣщаетъ ихъ въ душу. И это понятно. Познаніе міра начинается не съ воспріятія *ощущеній*, а съ воспріятія *ощущаемаго въ ощущеніяхъ*. Понятіе ощущенія, какъ дѣятельности или психическаго процесса, есть понятіе позднѣйшее, выдѣленное рефлексією изъ того первичнаго конкретнаго состоянія, въ которомъ ощущаемое и ощущеніе даны еще вмѣстѣ и неразличимо. И покуда этого выдѣленія еще нѣтъ, нѣтъ и раздѣленія души и вещества, нѣтъ воспріятія ощущенія, какъ состоянія души.

Остается, далѣе, вопросъ, не почерпается ли непосредственное познаніе души *собственно* изъ внутренняго опыта, не представляетъ ли лишь *самовоспріятіе* области непосредственнаго усмотрѣнія. Существуя несомнѣнно такія воспринимаемая нами состоянія, которыя даже для неразвитаго сознанія окрашены свѣтомъ субъективности. Таковы наши *чувства* и *хотѣнія*. Простой, неискушенный наукою челоуѣкъ приписываетъ цвѣта и звуки самымъ внѣшнимъ вещамъ, но не сомнѣвается въ томъ, что *боль*, *радость*, *напряженіе* суть состоянія, принадлежація ему самому; и если допускаетъ такія же состоянія и въ томъ, что не есть онъ самъ, то лишь по аналогіи съ самимъ собою. Изъ этихъ состояній главнымъ образомъ почерпается понятіе о своей собственной психической жизни. Но является вопросъ, насколько это самопознаніе имѣетъ характеръ непосредственности. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что воспріятіе нашихъ чувствъ и хотѣній въ основныхъ элементарныхъ своихъ актахъ сопряжено для насъ всегда съ воспріятіемъ нашего тѣла. Если чувства и хотѣнія въ послѣдствіи и могутъ принимать характеръ духовный, такъ что, испытывая ихъ, мы не сознаемъ состояній своего тѣла, то для этого требуется, чтобы они возникали по поводу состояній *воспроизводимыхъ памятью* или *строимыхъ воображеніемъ изъ воспроизводимаго матеріала*; а такія чувства и хотѣнія уже несомнѣнно лишены характера непосредственности. Поэтому непосредственное усмотрѣніе можетъ принадлежать воспріятію чувствъ и хотѣній лишь на ихъ, тамъ сказать, *физической* ступени, т. е. не такимъ, на примѣръ, чувствамъ и хотѣніямъ, какъ любовь къ отечеству или рѣшимость самопожертвованія для него, но такимъ, какъ боль, страхъ передъ внѣшнею опасностью, стремленіе положить въ ротъ кусокъ пищи. Если эти чувства и хотѣнія не всегда

возникаютъ по поводу опредѣленныхъ вѣдшихъ воздѣйствій, то они всегда сознаются нами, какъ связанныя съ нашимъ тѣломъ: у насъ болитъ рука или голова, физическій страхъ или голодъ сопровождаются рядомъ совнаваемыхъ нами тѣлесныхъ состояній. Поэтому, имѣя явную субъективную окраску, физическія чувства и хотѣнія представляются состояніями сложными, изъ которыхъ самопознаніе души возникаетъ не непосредственно, но черезъ *анализъ* ихъ, черезъ раздѣленіе ихъ психическаго и тѣлеснаго элементовъ, т. е. черезъ рефлексію. И что эта рефлексія требуетъ много времени и труда, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что понятіе души, какъ чего-то совершенно безтѣлеснаго, понинѣ составляетъ принадлежность лишь небольшого числа образованныхъ людей, народная же масса и теперь хранитъ преданія первоначальнаго анимизма, представляющаго душу, какъ болѣе легкой, подвижный и проникаемый двойникъ тѣлеснаго чловѣка, какъ его *тѣнь* или *призракъ*.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что наше самосознаніе коренится въ хотѣніи или въ *воли*, т. е. что представление себя, какъ *я*, есть представленіе, возникающее изъ постоянно сопровождающаго всю нашу сознательную жизнь, воспріятія нашего *усилія* при всякой дѣятельности, будетъ ли то дѣятельность принятія пищи, или дѣятельность научнаго мышленія. Установленіе того положенія, что наше *я* есть наша *воля*, есть прочная заслуга Шопенгауэра, хотя онъ ошибался, выводя отсюда, что воля есть первосущее, сущее въ себѣ. Въ сознаніи себя, какъ воли, чловѣкъ сознаетъ свою ограниченность, т. е. зависимость или обусловленность, потому что неограниченному, цѣлостному, ничѣмъ необусловленному сущему нѣтъ надобности въ стремленіи, въ волѣ. Воля есть принадлежность только условнаго, феноменальнаго міра, а не принадлежность абсолютнаго или Бога; имѣетъ волю, т. е. стремленіе, только такое существо, которое лишено силы творчества, которое ограничено не имъ произведенною реальностью. Отсюда видно, что и мышленіе, будучи актомъ воли, направленной къ познанію сущаго, никогда не можетъ отождествиться съ сущимъ, но всегда лишь стремиться къ нему. Но оставляя въ сторонѣ эти онтологическія соображенія, мы можемъ лишь сказать, что по скольку содержаніе моего *я* составляетъ *воля*, самосознаніе не можетъ никакъ считаться непосредственнымъ усмотрѣніемъ. Воля, какъ усиліе, сопряжена съ сознаніемъ ограниченности, стало быть въ своей конкретной цѣлостности содержитъ въ себѣ и *я* и то, что его ограничиваетъ, т. е. *не-я*; и слѣдовательно выдѣленіе изъ сознанія воли сознанія *я* есть *реф-*

лексическое раздѣленіе я и не-я, данныхъ въ актѣ воли, т. е. есть познание опосредованное, не интуиція, а мысль. Самосознаніе оказывается рефлексивнымъ, опосредованнымъ сознаниемъ на всѣхъ своихъ ступеняхъ. Его первая ступень есть различіе себя отъ не себя, какъ даннаго тѣлеснопсихическаго недѣлимаго отъ предметовъ окружающаго его міра, его вторая ступень есть различіе не себя, какъ души съ ея опытными свойствами, отъ вещества; его третья ступень есть отличіе себя, какъ единства духовной жизни отъ всякаго прочаго содержанія мышленія; сначала какъ духовной субстанции, и напослѣдокъ, какъ самого по себѣ совершенно безсодержательнаго центра всякаго содержанія мышленія (какъ трансцендентальнаго субъекта) ¹⁾. Исторія человѣческой мысли показываетъ, что уже вторая ступень самосознанія является результатомъ продолжительной мыслительной работы, а третья возникаетъ еще позднѣе, особенно въ послѣднемъ своемъ видѣ. Слѣдовательно, говорить о непосредственности самосознанія можно лишь въ примѣненіи къ первой его ступени, когда человѣкъ собственную свою душу еще не отличаетъ, какъ слѣдуетъ, отъ тѣла. Но если даже считать эту степень самосознанія непосредственнымъ усмотрѣніемъ, то какая ея цѣнность для познанія внутренняго міра? А считать ее непосредственнымъ усмотрѣніемъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ и ои должна предшествовать, хотя бы грубая, рефлексія надъ данными опыта, извѣстныя ихъ обзорнія, сравненіе и классификація, — все акты не интуитивныя, а мыслительныя.

Спиритуалистическій интуиціонизмъ легко переходитъ въ интуиціонизмъ мистическій, такъ какъ, признавъ за основаніе познанія непосредственное внутреннее усмотрѣніе и не найдя его предмета въ области опытной, а съ другой стороны сознавая необходимое убѣжденіе въ истинѣ бытія, можно естественно придти къ предположенію, что эта истина открывається черезъ способность непосредственнаго общенія съ сверхъопытнымъ міромъ путемъ *экстаза, откровенія, умственной усмотрѣнія* или иного подобнаго органа вѣдѣнія. Мистицизмъ проявляется въ исторіи человѣческой мысли въ двухъ видахъ, изъ коихъ одинъ можетъ притязать на вѣроподобность, но не имѣетъ онтологическаго значенія, а другой, приписывающій себѣ такое значеніе, лишенъ вѣроподобности.

Многіе факты склоняють насъ къ предположенію, что при нѣко-

¹⁾ Ср. мою статью „Въ защиту реализма“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1905 г., декабрьская книжка, стр. 276—309).

торыхъ условіяхъ человѣческое воспріятіе можетъ выходить изъ своихъ нормальныхъ границъ, вступая въ общеніе съ областью явленій таинственныхъ и загадочныхъ. Сама наука признала нынѣ достоверность многого въ этомъ родѣ, считавшагося еще не такъ давно результатомъ обмана и суевѣрія. Но если признать даже всѣ эти факты подтвержденными, допустить возможность воспріятій вопреки обычнымъ условіямъ мѣста, времени и проницаемости вещества и достоверность всѣхъ явленій такъ называемаго спиритизма, то все же рѣшеніе вопроса о непосредственномъ мистическомъ усмотрѣніи тѣмъ самымъ не подвигнется ни на шагъ въ положительномъ смыслѣ. Всѣ тѣ соображенія, которыя препятствуютъ намъ признать возможнымъ непосредственное, безотносительное ощущеніе, примѣняются и къ этимъ особымъ сверхнормальнымъ ощущеніямъ; а основанное на нихъ убѣжденіе въ существованіи особой матеріальной среды, отличной отъ обычной матеріи, или особыхъ существъ, дающихъ намъ чувственные знаки, остается теорією, построенною рефлексивно, путемъ выводовъ. Эти явленія знакомятъ насъ собственно не со сверхъопытнымъ, а открываютъ лишь возможность особаго рода опыта, результаты котораго столь же феноменальны, какъ и результаты обычнаго опыта. Для того, чтобы мистикамъ обнаруживалъ намъ дѣйствительно сверхъопытное, скрывающееся за явленіями бытіе въ себѣ, необходимо, чтобы мистическое усмотрѣніе, какое названіе мы бы ему ни давали, вступало въ непосредственное общеніе именно съ этимъ бытіемъ. Доказать положительно существованіе такого мистическаго органа познанія никогда не удавалось, такъ какъ всегда возможно сомнѣніе, не возникло ли познаніе о предметѣ этого познанія инымъ путемъ, мистическое же настроеніе лишь овладѣло имъ въ своихъ интересахъ. Поэтому мистики ведутъ свои доказательства путемъ отрицательнымъ, стараясь установить свое основоположеніе на томъ основаніи, что ни опытъ, ни мышленіе не способны схватить абсолютное, и выводя отсюда, что оно можетъ быть схвачено лишь особою высшею способностью. Основная послылка этого вывода состоитъ въ томъ, что опытъ или мышленіе даютъ намъ лишь образъ или понятіе сущаго, но не самое сущее, т. е. что и опытное и рациональное познаніе остаются лишь познаніемъ, но не отождествляютъ нашу усмотрѣніе съ самымъ сущимъ¹⁾. Такъ, уже величайшій изъ древ-

¹⁾ Дабы выразить совершенную трансцендентность абсолютной первоосновы для нашей мысли, нѣкоторые мистики возносятъ ее даже надъ опредѣленіемъ бытія, обра-

нихъ мистиковъ Плотинъ исходитъ отъ этой послышки, именуя высшую, восходящую надъ всякою мыслию силу самоотождествленія съ абсолютнымъ *изступленіемъ* (экстазомъ). Различія въ ученіи послѣдующихъ мистиковъ объ этой силѣ заключаются въ ея названіяхъ, главнымъ же образомъ въ томъ, что одни изъ нихъ признають ее принадлежностью лишь нѣкоторыхъ людей или послѣдствіемъ особаго состоянія чело-вѣческаго духа, другіе же общечеловѣческою и нормально-дѣйствующею способностью. Совершенно понятно, что поиски за такою способностью особенно усиливаются въ такія времена, когда въ опытной и умозрительной философіи получаетъ преобладаніе духъ субъективизма, убѣжденіе въ томъ, что мы безвыходно заключены въ состоянія своего собственнаго сознанія, дѣйствительность же въ себѣ намъ не доступна. Такой толчокъ въ мистицизму въ новое время дали ученія Юма и Канта. Первыми ихъ послѣдствіями были интуицизмъ Рида и Фихте, но имѣвшій еще собственно мистическаго характера, такъ какъ первый не рѣшаетъ вопроса объ общеніи съ сверхчувственнымъ, но лишь констатируетъ фактъ необходимыхъ недоказуемыхъ убѣжденій, а второй (по крайней мѣрѣ въ своемъ „Наукословіи“) строить самое понятіе абсолютнаго рациональнымъ путемъ. Вопреки Юму Ридъ утверждалъ, что мы обладаемъ извѣстнымъ рядомъ непосредственныхъ и неопровержимыхъ убѣжденій, въ каковыхъ относилъ убѣжденіе въ бытіи внѣшняго міра, собственной личности, другихъ людей и т. под. Съ другой стороны, не оппонируя Канту, но полагая, что развиваетъ далѣе его взгляды, Фихте выставилъ ученіе объ *умственномъ воззрѣніи*, т. е. о непосредственномъ самовоззрѣніи ума, непосредственномъ его самообъектированіи въ актѣ сознанія; въ этомъ ученіи Фихте устанавливаетъ то, что рѣшительно отвергаетъ Кантъ: интуицію сверхчувственнаго. Отъ обоихъ этихъ мыслителей оказался уже легокъ переходъ къ мистикамъ. Нужно при этомъ замѣтить, что такому переходу отъ скептицизма и критицизма къ мистицизму способствовали сами Юмъ и Кантъ, такъ какъ первый, отрицая возможность опытнаго или рациональнаго доказательства бытія вещей в связи между ними, признавалъ допустимую *тѣру* въ нихъ, а второй въ постулатахъ практической дѣятельности чело-вѣка находилъ извѣстныя

щаютъ ее въ „сверхъ сущее“. Такъ поступаетъ, напримѣръ, Плотинъ; то же мы находимъ у Гартмана, который первоисточникъ познанія ищетъ также въ мистикѣ. Но, чтобы не усложнять изложенія этимъ различіемъ терминовъ, я буду употреблять названіе *бытіе* и *сущее* въ примѣненіи ихъ абсолютному.

непосредственныя удостовѣренія относительно сверхчувственного. Подъ возбужденіемъ Юма, Рида и Канта создавалась „философія вѣры“ Якоби, для котораго бытіе вещей и Бога усматривается нами путемъ непосредственнаго „откровенія“. Ученіе же Фихте объ „умственномъ усмотрѣніи“ послужило зерномъ, развитіе котораго, вмѣстѣ съ ревнивымъ оппонированіемъ Гегелю, провело Шеллинга по послѣдовательнымъ ступенямъ усиленія мистицизма, отразившагося и на русской философіи въ ея стремленіи возвыситься путемъ мистической интуиціи надъ „отвлеченными“ началами.

Мистицизмъ оказывается, такимъ образомъ, въ прямой зависимости отъ субъективизма, т. е. надобность въ первомъ возникаетъ въ той мѣрѣ, въ какой признается за несомнѣнное, что всякій предметъ опыта и мышленія есть лишь состояніе нашего сознанія, что за предѣлы сознаваемаго опытное и рациональное познаніе проникнуть не можетъ. Но въ какой мѣрѣ можно это послѣднее положеніе признать за несомнѣнное? Есть ли это несомнѣнность аксіомы, отрицаніе которой немыслимо? или эта несомнѣнность возникаетъ путемъ основательныхъ доводовъ, убѣждающихъ насъ въ невозможности познать внѣ-сознательное бытіе? Первое предположеніе отвергается повседневнымъ опытомъ, который доказываетъ, что бытіе внѣсознательнаго не только мыслимо, но огромное большинство человѣчества даже никогда не подозрѣвало о возможности сомнѣваться въ немъ. И такъ остается признать, что субъективизмъ долженъ считаться за истину не вслѣдствіе его самоочевидности, а вслѣдствіе разбора относительныхъ правъ его и ученія ему противоположнаго, т. е. что первоначально одинаково мыслимы обѣ гипотезы—одна, согласно которой внѣсознательное бытіе нашему опыту и мышленію недоступно, и другая, по которой мы можемъ познавать его этими способами. Сравнительная провѣрка этихъ гипотезъ должна рѣшить споръ между ними. Такую сравнительную провѣрку я сдѣлалъ въ другой статьѣ, къ которой и отсылаю теперь читателя, и въ которой я пытался доказать, что преимущество принадлежитъ отнюдь не гипотезѣ субъективизма¹⁾. Но къ чему бы ни привела эта провѣрка, собственно по отношенію къ мистицизму слѣдуетъ указать на возникающія для него затрудненія относительно *ея возможности, необходимости и значенія ея результатовъ*. Мистикъ утверждаетъ, что внѣсознательное бытіе, котораго тщетно ищутъ опытное и умозрительное познаніе, открывается непо-

¹⁾ Ср. уже цитированную ранѣ мою статью „Въ защиту реализма“.

средственному мистическому усмотрѣнію. Но спрашивается: это непосредственное мистическое усмотрѣніе есть ли нѣчто *нераздельное* отъ опыта и мысли, нѣкоторая неотдѣлимо слитая съ ними ихъ имманентная часть или сторона, или ее можно *выдѣлить* въ нашемъ познаніи? Въ первомъ случаѣ убѣжденіе въ томъ, что предметы воспріятія и мышленія имѣютъ свое собственное, внѣ нашего сознанія бытіе, сопровождаетъ неотдѣлимо каждое воспріятіе и каждую мысль. Слѣдовательно, при этомъ предположеніи, субъективизмъ *невозможенъ*, *невозможно* возникновеніе сомнѣнія во внѣсознательномъ бытіи вещей, *невозможенъ* споръ двухъ вышеуказанныхъ гипотезъ, т. е. и требованіе ихъ сравнительной провѣрки есть требованіе *невозможное*. Во второмъ случаѣ въ такой провѣркѣ нѣтъ *необходимости*, такъ какъ довольно выдѣлить мистическое усмотрѣніе отъ прочаго познанія, чтобы сразу убѣдиться, что первое, а не второе даетъ намъ убѣжденіе во внѣсознательномъ бытіи. Наконецъ, если такая провѣрка и возможна, и необходима, то каковъ же ея *результатъ* для мистицизма? Основоположеніе, которымъ мистицизмъ побиваетъ опытъ и умозрѣніе, состоитъ въ томъ, что они знакомятъ насъ только съ состояніями сознанія. А съ чѣмъ же знакомятъ насъ мистицизмъ? Развѣ то „бытіе“, которое мистикъ приписываетъ внѣшнему міру или Богу, не есть столь же предметъ нашего сознанія, какъ и то бытіе, которое мы воспринимаемъ или мыслимъ? Почему же мистическій органъ усмотрѣнія питается въ этомъ случаѣ чѣмъ-то болѣе достовѣрнымъ? Или сознаніе не можетъ выходить за свои предѣлы,—и значить сознаніе мистическое столь же ограничено, какъ и опытное, и умозрительное; или такой выходъ возможенъ,—и тогда не видно, почему мистическое сознаніе имѣетъ какое-то особое преимущество. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло не столько съ обоснованнымъ взглядомъ, сколько съ извѣстнымъ самопревознесеніемъ мистика. Считая себя обладающимъ высшею силою вѣдѣнія или по крайней мѣрѣ сознающимъ ее въ себѣ, мистикъ возноситъ себя надъ толпою въ нѣкоторую таинственную область; и толпа легковѣрно слѣдуетъ за нимъ, такъ какъ всѣмъ лестно занять такое же высшее духовное положеніе.

Остается теперь рассмотреть послѣднюю опору интуитицизма—предположеніе о необходимости для самого мышленія *невыводимыхъ* далѣе, слѣдовательно, непосредственно достовѣрныхъ посылокъ. Если наши сужденія должны быть обоснованы, то они должны основываться на такихъ первыхъ самоочевидныхъ посылакахъ, такъ какъ

иначе рядъ основаній тянется въ безконечность, слѣдовательно, основанія вовсе не оказываются. Поэтому, какъ бы мы ни цѣнили высоко рефлексивное знаніе, его, какъ такового, недостаточно, такъ какъ въ концѣ концовъ оно опирается на знаніе непосредственное, данныя котораго оно можетъ только разрабатывать. Намъ предлагается, такимъ образомъ, выборъ между скептицизмомъ, утверждающимъ, что достовѣрнаго знанія вовсе нѣтъ, и интуиціонизмомъ, требующимъ довѣрія къ первымъ непосредственно достовѣрнымъ послылкамъ знанія. Нужды нѣтъ, что эти послылки, будучи сужденіями, сами съ формальной своей стороны представляются рефлексивными, опосредованными, такъ какъ всякое сужденіе возникаетъ черезъ приведеніе въ соотношеніе двухъ членовъ—подлежащаго и сказуемаго. Связь между послѣдними въ первыхъ послылкахъ должна быть мыслима, какъ возникающая непосредственно, обязательно для мысли, но не ея обосновывающею силою, такъ что ихъ можно признавать за знаніе для мысли не опосредованное.

Для того, чтобы уяснить себѣ степень силы этого аргумента, необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, въ какомъ видѣ мыслимъ мы эти первые послылки, какъ *дѣйствительныя основы* нашего знанія: какъ *отвлеченные принципы*, выдѣленные нашею мыслию, или *съ цѣлостномъ, конкретномъ единствѣмъ съ некоторымъ его содержаніемъ*. Если въ первомъ видѣ, то онѣ, конечно, суть произведенія рефлексіи, а не непосредственнаго усмотрѣнія. Даже такая аксіома, какъ напримѣръ, „цѣлое болѣе своей части“, конечно, не дана сознанію изначала въ своей отвлеченности, такъ какъ для образованія отвлеченныхъ понятій „цѣлаго“ и „части“ требуется предварительная мысленная работа обобщенія. Слѣдовательно, когда намъ говорится, что это истина непосредственно очевидная, то она разумѣется, какъ принадлежность всякаго акта нашего познанія о величинахъ. Обращаясь въ отвлеченное положеніе, мы рефлексивно выдѣляемъ въ этомъ положеніи тотъ образъ дѣйствія нашего мышленія, который данъ конкретно во множествѣ актовъ этого мышленія, какъ *соединенная съ ихъ содержаніемъ форма*. Въ этомъ отвлеченномъ положеніи мы только вводимъ въ сознаніе то начало, которымъ *дѣйствительно*, нерѣдко безсознательно для насъ, пользуется наша мысль въ конкретномъ актѣ мышленія. Если намъ говорить, что на этой и подобныхъ аксіомахъ основаны всѣ математическіе выводы, то хотятъ собственно сказать, что въ *дѣйствительномъ, конкретномъ актѣ математическаго познанія для достиженія истины необходимо соблюдать*

извѣстныя нормы, которыя, выдѣленные нами въ формѣ отвлеченныхъ положеній, сознаются нами, какъ математическія аксіомы. Не потому математика истинна, что у насъ есть такія отвлеченно-высказанныя аксіомы, а напротивъ, эти аксіомы истинны потому, что онѣ вѣрно выражаютъ ходъ дѣйствительнаго математическаго мышленія.

Итакъ, непосредственной достовѣрности слѣдуетъ искать въ первыхъ посылакахъ не тогда, когда онѣ приведены въ форму общихъ, отвлеченныхъ положеній, а тогда, когда онѣ даны конкретно въ процессѣ мышленія вмѣстѣ съ его содержаніемъ. Но тогда ихъ, какъ чего-то отдѣльнаго, независимаго отъ содержанія, и нѣтъ, т. е. о непосредственности ихъ, какъ таковыхъ, также нельзя поднимать рѣчи. Въ конкретномъ актѣ мышленія мы имѣемъ передъ собою содержаніе, опосредованное другимъ содержаніемъ по нѣкоторому способу или въ нѣкоторой формѣ, соответствующей этому содержанію и слѣдовательно имъ опосредованному. Кругъ, вписанный въ другой кругъ, необходимо мыслится нами въ отношеніи меньшаго къ большому. Это отношеніе дано, не какъ отношеніе части къ цѣлому *вообще*, а какъ отношеніе одного даннаго круга къ другому данному кругу; если нѣтъ этихъ круговъ, то нѣтъ и этого отношенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это отношеніе не есть *ни одинъ* кругъ, и *ни другой* кругъ, а именно *отношеніе, форма*, съ которою они связаны, какъ содержаніе.

Такимъ образомъ, то положеніе, что всѣ наши сужденія имѣютъ первыя уже ни чѣмъ необоснованныя основанія, означаетъ собственно, что наше мышленіе совершается по неизмѣннымъ законамъ, дѣйствующимъ въ конкретномъ единствѣ съ его содержаніемъ, но могущимъ быть рефлексивно выдѣленными въ видѣ отвлеченныхъ аксіомъ. Не истина этихъ аксіомъ гарантируетъ истину мышленія, а наоборотъ — истина мышленія гарантируетъ истину правильно образованныхъ аксіомъ. Могутъ спросить: для чего же въ такомъ случаѣ служатъ аксіомы? На это я отвѣчаю: онѣ служатъ, во-первыхъ, для общаго *познанія* того, какъ дѣйствуетъ мысль. Во-вторыхъ, онѣ служатъ орудіями *доказательства*. Доказательство не есть *познаніе* истины, а только способъ *удостоверенія* въ ней, чрезъ приведеніе ея въ связь съ другими истинами, признаваемыми за достовѣрныя. Вполнѣ совершенное доказательство по самому существу своему не можетъ быть познаніемъ, такъ какъ въ его посылакахъ уже включено заключеніе, въ которомъ по правиламъ логики, не можетъ быть ничего, чего нѣтъ въ посылакахъ. Если мы *доказываемъ* заключеніе, то только

вводимъ его въ кругъ ранѣе извѣстныхъ истинъ въ видахъ дидактическихъ для себя и для другихъ. При этомъ, конечно, обладаніе формою доказательства способствуетъ и самому познанію, такъ какъ она указываетъ намъ, какія именно послылки должны быть установлены актомъ познанія для убѣжденія въ истинѣ заключенія.

Этотъ взглядъ на значеніе первыхъ посылокъ вполне разрѣшаетъ то недоразумѣніе, которое нерѣдко возникаетъ по ихъ поводу. Выраженные отвлеченно, онѣ суть безъ сомнѣнія результаты рефлексирующей мысли, а не непосредственнаго познанія, т. е. сами оказываются обоснованными. Этимъ обоснованіемъ ихъ служитъ та дѣйствительная конкретная мысль, отъ фактовъ которой онѣ отвлечены. Но такъ какъ эти факты *частныя*, а аксіомы суть положенія *общія*, то образованіе послѣднихъ есть процессъ не только *отвлеченія*, а и *обобщенія*; т. е. выходитъ, что аксіомы получаютъ черезъ обобщеніе фактовъ, слѣдовательно, путемъ *наведенія*. А такъ какъ наведеніе можетъ приводить лишь къ вѣроятнымъ, а не безусловно-достовернымъ выводамъ, то выходитъ, повидимому, что и первыя послылки лишены полной достоверности, т. е. должны считаться не аксіомами, а гипотезами. При такомъ условіи уничтожается достоверность всего человѣческаго знанія.

Этотъ выводъ былъ бы дѣйствительно губителенъ для убѣжденія въ достоверности знанія, если бы она опиралась на отвлеченно выраженные аксіомы. Но такъ какъ она опирается на дѣйствительныя формы, на дѣйствительныя *способы дѣйствія* мышленія, то для этой достоверности гипотетическій или аподиктический характеръ отвлеченно выраженныхъ первыхъ посылокъ не имѣетъ значенія. Коль скоро способы дѣйствія нашего познанія *постоянны*, то совершенно все равно, считаемъ ли мы выражающія ихъ отвлеченныя формулы только вѣроятными или безусловно достоверными. Дѣйствительная сила мысли заключается въ дѣйствительной мысли, а не въ отвлеченныхъ о ней сужденіяхъ. Если въ послѣднихъ есть что либо несогласное съ дѣйствительностью, то силою самой дѣйствительности это несогласіе будетъ рано или поздно исправлено.

Въ дѣйствительной мысли всегда даны вмѣстѣ содержаніе и форма, непосредственный и рефлексивный элементы. Но многообразіе и сложность предметовъ мышленія приводятъ къ необходимости замѣнять сложныя ихъ группы простыми значками, каковыми и являются отвлеченныя термины. Употребленіе отвлеченностей не только полезно, но и необходимо, такъ какъ иначе мышленіе потерялось бы въ предстоящей ему без-

мѣрной сложности. Но это восхождение мысли въ сферу отвлеченности вмѣстѣ съ тѣмъ угрожаетъ ей опасностью забыть собственную, природу, понять себя, какъ отдѣленную отъ содержанія. Отвлеченность, какъ практическій приемъ, нужный для облегченія мысли, понимается тогда, какъ ея истинная, дѣйствительная природа. А коль скоро мысль, какъ таковая, понимается, какъ отдѣльная отъ содержанія или отвлеченная, то и содержаніе отдѣляется отъ мысли, какъ лишнее ея формъ, какъ подлежащее ей *непосредственное данное*. Такимъ путемъ опытъ превращается также въ своего рода отвлеченность, такъ какъ отъ него отвлекаются участвующія въ немъ формы мысли. Это превращеніе и мысли, и опыта въ отвлеченности, это искаженіе ихъ дѣйствительной природы и отсрываетъ путь ко всякаго рода интуитицизму. Отвлеченная мысль есть мысленное воспроизведеніе опыта, т. е. ея истина коренится въ опытѣ. Но опытъ отвлеченно понимается, какъ непосредственное данное: отсюда *интуитицизмъ эмпирическій*, ищущій истины въ непосредственномъ свидѣтельствѣ опыта,—опыта вообще или специально внутренняго опыта. Но отвлеченные значки мысли, будучи воспроизведеніями опытныхъ данныхъ, отвлеченно воспроизводить и ту связь, въ которой находятся эти данныя; такимъ образомъ, для отвлеченной мысли дѣйствительная связь *событій* мысли превращается въ отвлеченную, формально-логическую связь мысленныхъ значковъ, и дѣйствительныя основанія событий мысли подмѣняются формально-логическою связью отвлеченныхъ положеній. Создается такая видимость, будто истина мысли обусловлена истиною этихъ отвлеченныхъ положеній, что приводитъ къ исканію между ними положеній первыхъ, непосредственно-достоверныхъ или аксиомъ, на которыхъ основана истина всѣхъ прочихъ положеній; такъ возникаетъ *интуитицизмъ формально-логическій*. Это исканіе отвлеченною мыслию первыхъ, независимыхъ отъ нея и непосредственно-данныхъ ей основаній находитъ свой кульминаціонный пунктъ въ *интуитицизмѣ мистическомъ*, который приписываетъ такую непосредственность самому познанію „сущаго“ и, не находя его источника ни въ опытѣ, ни въ формально-логическомъ обоснованіи мышленія, полагаетъ этотъ источникъ въ особой способности непосредственнаго усмотрѣнія сверхчувственнаго.

Правильное пониманіе истинной природы мышленія бросаетъ правильный свѣтъ и на вопросъ о происхожденіи этого понятія. Затруднительность въ рѣшеніи этого вопроса заключается не въ самомъ понятіи „бытія“, а въ томъ опредѣленіи „безусловности“, которое мы

необходимо должны ему приписывать. Бытіе, какъ *положеніе* или *данность*, сопутствуетъ нашему познанію повсюду. Все, что мы познаемъ, такъ или иначе имѣетъ бытіе; даже грезы воображенія несомнѣнно *суть*. Но всякое дѣйствительно-данное или положенное для насъ бытіе условно, т. е. имѣетъ основанія свои не въ себѣ, а въ чемъ-либо другомъ, и, стало быть, есть столь же бытіе, какъ и не бытіе. Это условное, зависимое бытіе можно обозначить терминомъ „существованіе“. Остановиться, однако, на „условно-сущемъ“ или „существующемъ“ наша мысль не можетъ. Имѣетъ съ условнымъ данъ весь рядъ его условій, и этотъ рядъ долженъ имѣть свое заключеніе въ первомъ или безусловномъ бытіи, ибо если нѣтъ перваго условія, то нѣтъ и второго, и третьяго, т. е. нѣтъ никакого условія.

Здѣсь мы имѣемъ уже не тотъ случай, какой намъ представлялся въ изслѣдованіи вопроса о первыхъ посылкахъ. Эти послылки суть отвлеченно-выдѣленные формы мышленія, въ дѣйствительности существующія въ единеніи съ его содержаніемъ. Но безусловное бытіе не есть такая отвлеченная форма. Чѣмъ мы далѣе движемся по пути отвлеченія, тѣмъ, напротивъ, мы болѣе удаляемся отъ бытія, т. е. тѣмъ болѣе противопологаемъ мыслимое данному, слѣдовательно, и сущему, которое есть данное или положенное для мысли. Такимъ образомъ, путь постиженія бытія есть непремѣнно путь конкретнаго мышленія, мышленія въ единствѣ формы и содержанія. Но съ другой стороны, это мышленіе, поскольку и оно вращается въ сферѣ условнаго, не имѣетъ, повидимому, матеріала для образованія понятія безусловно-даннаго.

Этотъ матеріалъ доставляетъ мысли, хотя въ отрицательной формѣ, движущая мыслительнымъ процессомъ *воля*. Познаніе есть воля, направленная къ истинѣ, т. е. къ обоснованію даннаго. Стремясь къ такому обоснованію, воля можетъ удовлетвориться лишь обоснованіемъ *полнымъ*, и требованіе такого полного обоснованія она предъявляетъ познаваемому намъ, какъ конечную цѣль познанія. Полное обоснованіе есть основаніе безусловное, т. е. такое, въ которомъ ни содержаніе не обусловлено формою, ни форма не обусловлена содержаніемъ; но это возможно лишь при условіи полного отождествленія формы и содержанія, такъ какъ покуда онѣ порознены, онѣ являются соотносительными, т. е. обусловленными. Такимъ образомъ, требованіе воли, обращенное къ познанію, есть требованіе полной самостоятельности, полной независимости, полной *самости познаваемой*, требованіе того, чтобы познаваемое было *совершенно въ*

себя, т. е. было *сущимъ*. *Бытіе есть необходимое требованіе нашей познающей воли*. Но это требованіе въ предѣлахъ *дѣйствительнаго* познанія неисполнимо, такъ какъ въ этомъ познаніи всегда сохраняется двойственность формы и содержанія, данныхъ мысли и ея способовъ дѣйствія, т. е. мысль никогда не отождествляется въ этомъ познаніи съ сущимъ. Поэтому бытіе остается необходимымъ и вмѣстѣ недостижимымъ постулатомъ мысли: мысль непременно мыслить „сущее въ себѣ“ за своими границами и вмѣстѣ неспособна дать этому сущему содержательный, конкретный обликъ. „Сущее въ себѣ“ не есть призракъ или вымыселъ. Мы необходимо мыслимъ его, какъ имѣющее недоступное для насъ, *умопостижаемое* содержаніе. „Есть одна мудрость, сказала Гераклитъ, которая хочетъ и не хочетъ быть предметомъ слова: это имя Зевеса“.

И. Г. Дебольскій.

АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XVII ВѢКА ¹⁾.

2.

Журналъ литературный зародился въ Англіи также въ XVII вѣкѣ, но значительно позже политической газеты. Мысль—предлагать публикѣ научно-литературныя извѣстія и новыя литературныя произведенія въ формѣ повременныхъ листковъ или сборниковъ—естественно могла возникнуть у англійскихъ издателей подъ вліяніемъ періодическихъ листковъ съ политическими новостями. Къ этому пришло на помощь иностранное вліяніе, какъ видно прежде всего на библиографическихъ журналахъ.

Англійскіе книгопродавцы начали помѣщать объявленія о вновь вышедшихъ изъ печати книгахъ еще въ „Меркуріяхъ“ половины XVII вѣка ²⁾. Но лишь послѣ того, какъ подалъ тому примѣръ французскій „Журналъ ученыхъ“ (съ 1665 года его издавалъ въ Парижѣ Denis de Sallo), появились англійскіе журналы, которые, не ограничиваясь сухимъ перечнемъ новыхъ книгъ, стали знакомить читателя съ ихъ содержаніемъ посредствомъ пересказа и выдержекъ.

¹⁾ *Продолженіе.* См. августовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 годъ.

²⁾ Объявленіе о героической поэмѣ *Iredonia Gratulatoria*, напечатанное въ газетѣ *Mercurius Politicus* за январь 1652 г., считалось даже самымъ первымъ въ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ; но Nichols указалъ (*Lit. Anecdots*, IV, 47), что объявленія въ газетахъ печатались раньше; такъ, въ *The Impartial Intelligencer*, № 7, за 1649 г., было помѣщено объявленіе о пропавъ двухъ лошадей. Въ 1669 г. выходилъ библиографическій листокъ съ подробными заглавіями новыхъ книгъ по разнымъ областямъ наукъ и литературы: *Mercurius Librarius: or, a catalogue of books printed and published at London.* Въ библіотекѣ Британскаго Музея сохранился № 6 (Burney Collection).

Первый журналъ въ такомъ родѣ „Еженедѣльные замѣтки для собесѣдника“ (1682—3 г.) указываетъ самъ, что свѣдѣнія свои онъ беретъ изъ *Journal des Sçavans* ¹⁾. Какъ въ этомъ, такъ и въ дальнѣйшихъ англійскихъ журналахъ этого типа, конца XVII и начала XVIII вѣковъ, нечего еще искать самостоятельной критики вновь выходящихъ научныхъ книгъ. Издатели довольствуются скромной задачей обозрѣвателей. Но нѣкоторые изъ журналовъ, какъ напримѣръ „Труды ученыхъ“ (съ 1691 г.) ²⁾, „Литературные мемуары“ (съ 1710 г.) ³⁾ и др., удивительно богаты содержаніемъ и даютъ картину всей учености того времени не только англійской, но и иностранной ⁴⁾. Это была эпоха, когда сильно вліяли идеи уже умершаго Декарта, когда жили и писали такіе люди, какъ Ньютонъ, Спиноза, Локкъ, Бейль.

Впрочемъ особенность этихъ научно-библиографическихъ журна-

¹⁾ *Weekly Memorials for the Ingenious: or, an account of books lately set forth in several languages, with some other curious novelties relating to arts and sciences.* Preface.

²⁾ *The Works of the Learned, or an historical account and impartial judgment of books newly printed, both foreign and domestick, to be published monthly.*

³⁾ *Memoirs of Literature, containing a large account of many valuable books, letters, and dissertations upon several subjects, miscellaneous observations etc.*

⁴⁾ Samuel Parkes собралъ у себя и описалъ журналы этого типа почти за 70 лѣтъ ихъ первоначальнаго существованія. См. его статью: *An Account of the Periodical Literary Journals which were published in Great Britain and Ireland, from the year 1681 to the commencement of the Monthly Review, in the year 1749.* (*The Quarterly Journal of Science, Literature, and the Arts.* Vol. XIII, 1822). Руководствуясь этимъ описаніемъ Паркса, чрезвычайно тщательно составленнымъ, мы можемъ перечислить восемнадцать періодическихъ изданій библиографически-научнаго содержанія, которыя выходили въ Англии до того времени, когда Стилемъ и Аддисономъ былъ выработанъ новый типъ литературнаго журнала, именно журналъ нравоучительно-сатирическій: 1) *Weekly Memorials for the Ingenious* (1682—3). 2) *The Universal Historical Bibliothéque* (1687). 3) *Censura Celebrium Authorum* (1690). 4) *The Athenian Mercury* (1691—97). 5) *The History of Learning* (1691). 6) *The Works of the Learned* (1691—1711). 7) *The Young Student's Library* (1692). 8) *The Complete Library* (1692—94). 9) *The Gentleman's Journal* (1692—94). 10) *Memoirs for the Ingenious* (1693). 11) *Memoirs for the Ingenious; or, the Universal Mercury* (1694). 12) *Miscellaneous Letters* (1694—96). 13) *The History of Learning, giving a succinct account and narrative of the choicest New Books* (1694). 14) *The History of the Works of the Learned* (1699—1711). 15) *Bibliothéque Choisée* (1703—14). 16) *Memoirs for the Curious* (1707—8). 17) *Censura Temporum* (1708—10). 18) *Memoirs of Literature* (1710—14). Указаніе конечнаго года изданія названныхъ журналовъ не всегда можетъ считаться точнымъ, такъ какъ приходится судить по тѣмъ экземплярамъ, которые сохранились въ бібліотекахъ. Кромѣ того, журналы иногда возобновлялись черезъ нѣсколько лѣтъ съ прежнимъ заглавіемъ подъ новой редакціей.

ловъ, какъ и самого времени, заключалась въ томъ, что наряду съ серьезной ученостью, въ нихъ встрѣчается странное легковѣріе. Въ „Еженедѣльныхъ замѣткахъ для способнаго“ помѣщенъ, на примѣръ, заимствованный изъ французскаго „Журнала ученыхъ“ рассказъ о волосатомъ огурцѣ (Hairy Cucumber), произрастающемъ въ Московіи, на западной сторонѣ Волги. Журналъ не находитъ ничего невѣроятнаго въ рассказѣ путешественника (Jean Struys) о томъ, что это животное-растеніе (Zoorphyte), называемое на туземномъ языкѣ *Boganetz* или *Boganep*, что значитъ ягненокъ (little Lamb, очевидно—„барашекъ“), имѣетъ ноги, голову и хвостъ, прикрѣпляется пупкомъ къ стеблю въ три фута вышиной и склоняется на немъ къ травѣ, растущей кругомъ, которой оно питается. Высказывается только сомнѣніе, чтобы у этого животное-растенія были кости, кровь и мясо ¹⁾. Нужно впрочемъ прибавить, что подобныя страницы встрѣчались рѣдко и мало вредили серьезному содержанію этихъ ежемѣсячныхъ обзоръ-вателей современной европейской науки. Научные журналы велись людьми болѣе или менѣе учеными, при помощи ученыхъ корреспондентовъ, но существовали они недолго (года два—три) и замѣнились новыми ²⁾. Вѣроятно, кругъ ихъ читателей былъ ограниченъ университетскими учеными, членами Королевскаго Общества и немногочисленными любителями серьезнаго образованія. Широкая публика привыкла уже къ газетному политическому листку, но научный журналъ для большинства былъ тяжелъ. Развитію вкуса и распространенію знаний въ болѣе широкихъ кругахъ могъ служить журналъ популярно-научный и литературный.

Въ развитіи англійскаго популярно-научнаго журнала сыграли важ-

¹⁾ Weekly Memorials for the Ingenious. Numb. 1, pp. 6—7 (From the Journal des Scavans, set forth July 24, 1681). Подобный рассказъ о баранцахъ (*Boganetz*) въ татарской землѣ, около Каспійскаго моря, находится у Герберштейна: *Regum Moscoviticarum Commentarii*, 1-е изд. 1549 г. Авторъ слышалъ объ этомъ во время своего путешествія по Россіи, однако все это „готовъ считать выдумкой“. См. рус. пер. И. Анонимова: „Записки о Московіи“ барона Герберштейна. С.-Пб. 1886, стр. 151.

²⁾ Немногія изданія выдерживали болѣе, какъ показываетъ выше приведенный списокъ. Интересно отмѣтить, что въ научныхъ англійскихъ журналахъ принимали дѣятельное участіе нѣсколько французовъ, оставившихъ родную главнѣйшимъ образомъ по религиознымъ причинамъ, послѣ отмены Нантскаго эдикта, и отдавшихъ свои силы литературной и журнальной работѣ въ протестантской Голландіи и Англии. Таковы *Jean Leclerc* (1657—1730), *Jean de LaCroze* (ум. въ Лондонѣ въ 1705 г.), *Michel de La Roche* и др.

ную роль періодическіе листки, которые издавалъ въ Лондонѣ Джонъ Дѳнтонъ (John Dunton) подѣ названіемъ „Аѳинской Газеты“, или „Аѳинскаго Меркурія“ (1691—97) ¹⁾. Самъ Дѳнтонъ рассказываетъ въ своей автобіографіи ²⁾, что цѣлью этого перваго изъ его многочисленныхъ книгоиздательскихъ проектовъ было—удовлетворять жажду знаній, свойственную роду человѣческому. „Аѳинское общество“, которое состояло на самомъ дѣлѣ вначалѣ всего изъ двухъ-трехъ человѣкъ редакціи ³⁾, бралось отвѣчать на всевозможнѣйшіе вопросы исторіи, философіи, богословія, физическихъ наукъ, искусствъ, обиходной морали, любви, брака и т. д. Очевидно, Дѳнтонъ и его сотрудники попали какъ разъ на то, что нужно было для массы читателей ихъ времени. Немедленно редакція была забросана письмами съ разнообразными вопросами и рассказами о разныхъ случаяхъ, наводящихъ на вопросы. Современные писатели и поэты присылали въ „Аѳинское общество“ свои поэмы и похвальные оды въ честь общества ⁴⁾. Аристократы—политики, любители просвѣщенія высказывали интересъ къ журналу и сочувствіе ⁵⁾. У него появились подражатели и конкуренты.

Въ чемъ же была особенность этого журнала сравнительно съ другими, ему современными? Вначалѣ „Аѳинская Газета“, въ особыхъ приложеніяхъ, давала обзорніе книжныхъ новостей, заимствуя рецензіи главнымъ образомъ изъ иностранныхъ библиографическихъ журналовъ, что сближало ее съ изданіями этого послѣдняго типа. Но

¹⁾ The Athenian Gazette: or Casuistical Mercury, Resolving all the most Nice and Curious Questions proposed by the Ingenious. Все изданіе раздѣлено на 20 томовъ по 30 номеровъ (60 стр.) въ каждомъ. На заглавныхъ листахъ томовъ удержано всюду названіе Athenian Gazette, но отдѣльно листки, начиная съ № 2, всюду носятъ названіе Athenian Mercury. Въ 1703—10 гг. было сдѣлано новое сокращенное изданіе въ 4 томахъ: The Athenian Oracle. Есть небольшія новыя изданія: 1) The Athenian Oracle abridget, 1820. 2) The Athenian Oracle. A Selection, edited by John Underhill, 1892.

²⁾ The Life and Errors of John Dunton, 1705. См. эту книгу въ изданіи J. Nichols'a, 1818 г., vol. I, pp. 187—9.

³⁾ №№ 1—2 составилъ самъ издатель и его ближайшій помощникъ Richard Saulk. Потомъ къ нимъ присоединились Dr. Norris и S. Wesley, отецъ знаменитаго проповѣдника.

⁴⁾ Среди нихъ были получившіе позже большую или меньшую извѣстность, какъ Motteux, De Foe, Tate, Swift.

⁵⁾ Славолубивый Дѳнтонъ самъ сообщалъ ихъ имена: Marquis of Halifax, Sir William Temple, Sir Thomas Pope Blount, Sir William Hedges.

вскорѣ научно-библиографическія приложенія были оставлены ¹⁾, и „Аѳинская Газета“ превратилась въ общедоступный періодическій листокъ, столь своеобразный, что ему нельзя указать предшественниковъ ни въ Англіи, ни на континентѣ.

Не было, кажется, вопросовъ, за рѣшеніе которыхъ не бралась бы редація или по собственному почину, или по запросамъ читателей. Отвѣты болѣею частью были кратки и не требовали специальной учености, но самое ихъ обиліе и разнообразіе представляло затрудненія. Есть ли свѣтъ нѣчто тѣлесное? Есть ли *Glandula pinealis* мѣстопребываніе души? Чѣмъ можно доказать существованіе кровообращенія? Отчего происходитъ громъ, молнія, землетрясенія и затменія? Откуда происходитъ табакъ; вреденъ ли онъ, или полезенъ для здоровья? ²⁾ и т. д. Иногда задавались вопросы, показывающіе большое любопытство у тогдашнихъ читателей священныхъ книгъ. Видимы ли для святыхъ на небесахъ осужденные въ мученіяхъ, и обратно? Гдѣ была душа Лазаря въ теченіе четырехъ дней, когда онъ лежалъ въ могилѣ? Что сдѣлалось съ ковчегомъ послѣ окончанія потопа? ³⁾ и т. д. Религіозно-настроенныхъ людей беспокоили разныя явленія свѣтской жизни. Можно ли читать романы? Не грѣшно ли наклеивать на лицо мушки? ⁴⁾ и т. д. Въ редакцію присылали письма, въ которыхъ просили не только разъясненій, но совѣтовъ и поученій. Женатый спрашиваетъ, можно ли молиться Богу убрать жену, съ которой онъ не живетъ нѣсколько лѣтъ, чтобы ему быть счастливымъ съ другой? Пьяница кается въ своей привязанности къ трактиру и проситъ совѣта, какъ ему бороться со своимъ порокомъ? Трактирщикъ спрашиваетъ, какии правилами онъ долженъ слѣдовать въ своемъ дѣлѣ, чтобы не быть неудобнымъ Богу? ⁵⁾ и т. д.

¹⁾ Такиа приложенія (*The Supplement etc.*) есть при первыхъ четырехъ томахъ (или, лучше сказать, тетрадахъ въ 30 листовъ каждая); но съ пятаго тома библиографическія приложенія прекращаются. Въмѣсто нихъ Дбитонъ издалъ особый библиографическій сборникъ: *The Young Student's Library, containing Extracts and Abridgments of the most valuable Books printed in England, and in the foreign journals...* By the Athenian Society. 1892. Наркесъ включилъ этотъ сборникъ въ свой перечень библиографическихъ журналовъ, такъ какъ они сходны по содержанию и формѣ.

²⁾ Въ указанномъ выше новомъ сокращенномъ изданіи *The Athenian Oracle* (by J. Underhill, 1892) указанные вопросы и отвѣты на нихъ находятся на стр. 47, 52, 74, 82, 96—98.

³⁾ Тамъ же, стр. 150, 151, 166.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 182, 214.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 29, 174, 199.

Между публикой и редакціей „Аѳинской Газеты“ установилось общеніе, неизвѣстное прежнимъ журналамъ. Судя по письмамъ въ редакцію и по тону отвѣтовъ на нихъ, большинство читателей этой газеты были малообразованные люди средняго класса. Къ концу XVII в. этотъ разрядъ читателей не удовлетворялся уже одними политическими листками и политически-религіозными брошюрами, которыми была такъ богата эпоха междоусобной войны. Имъ хотѣлось болѣе широкаго образованія. Но свѣтская литература, придворная поэзія и театръ эпохи реставраціи казались имъ дѣломъ пустымъ и соблазнительнымъ, а наука, которая преподавалась въ университетахъ Окфорда и Кембриджа, слишкомъ трудной и недоступной. „Аѳинское общество“ потому и пришлось имъ по вкусу, что оно умѣло говорить со своими читателями ихъ языкомъ, въ духѣ ихъ понятій.

Дѣнтонъ и его сотрудники основывали свои отвѣты „на св. Писаніи, опытѣ и разумѣ“. Но во многихъ отношеніяхъ они стояли несколько не выше своихъ читателей, проникнутыхъ предрасудками и суевѣріями XVII в. Они вѣрятъ, что король однимъ прикосновеніемъ можетъ исцѣлять нѣкоторыхъ болѣзней; совѣтуютъ быть осторожными въ отношеніи демона, чтобы своею бранью не рассердить его; не видятъ разумнаго основанія отрицать, что привидѣнія дѣйствительно являются ¹⁾. Въ то время были уже въ Англіи люди, которые не вѣрили въ колдовство и смѣялись, когда имъ говорили о вѣдьмахъ. Но редакція, хотя и совѣтуетъ относиться разборчиво къ такого рода рассказамъ и строго провѣрять ихъ, однако вполнѣ допускаетъ, ссылаясь на старую и новую судебную практику, что вѣдьмы существуютъ и съ помощью дьявола причиняютъ зло людямъ. Если редакція въ отношеніи этого вопроса въ чемъ-нибудь ушла впередъ отъ своихъ читателей, то развѣ только въ томъ, что она строго осуждаетъ обычай бросать подозрѣваемую въ колдовствѣ женщину въ воду, чтобы узнать, вѣдьма ли она (если не тонетъ), или не вѣдьма (если тонетъ) ²⁾. Вообще касательно женщинъ въ „Аѳинской Газетѣ“ нѣтъ такой суровости, какой отличались люди мильтоновскаго времени, проникнутые библейски-пуританскимъ духомъ. „Аѳинское общество“ охотно входило въ разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся любви, ухаживанья, брака; по ихъ мнѣнію, женщина можетъ первая дѣлать

¹⁾ Тамъ же, стр. 111, 127, 142.

²⁾ Тамъ же, стр. 108, 140, 120, 122—124.

признаніе въ любви, но нарушая правилъ скромности. Члены редакціи старались, чтобы читатели считали ихъ джентльменами, которые относятся къ женщинамъ съ почтеніемъ и нѣжностью, какъ того заслуживаетъ ихъ красота или по крайней мѣрѣ полъ ¹⁾. Но они вовсе не желали походить на тѣхъ джентльменовъ эпохи реставраціи Стюартовъ, которые, подражая веселымъ нравамъ двора Карла II, сочили въ честь своихъ дамъ сердца сонеты, занимались волокитствомъ и устраивали кутежи съ дебошами. На „афинцахъ“ видно библейское вліяніе, когда они утверждаютъ, что женщина ниже мужчины по своимъ способностямъ и не можетъ достигъ такого умственнаго развитія, какъ онъ ²⁾. Они очень сочувствуютъ тому нравственному тону, который установила у себя при дворѣ новая королевская чета—Вильгельмъ Оранскій съ Маріей. Имъ правилась идея Обществъ для улучшенія нравовъ англійскаго народа, которыя будутъ бороться съ беззаконными играми и развлеченіями ³⁾. Одинъ изъ сотрудниковъ помѣстилъ въ „Афинской Газетѣ“ цѣлый рассказъ о томъ, какъ онъ шесть ночей обращалъ на путь истинный заблудшихъ созданій съ улицъ Пель-Моль и Стрэндъ ⁴⁾.

Можно вполне согласиться съ Вальтеромъ Безантомъ, что этотъ журналъ, вмѣстѣ съ лучшимъ изъ его подражателей „Британскимъ Аподлономъ“, даетъ очень цѣнный матеріалъ для того, чтобы возстановить фizioномію средней англійской буржуазіи переходнаго времени отъ XVII къ XVIII столѣтію ⁵⁾. Въ развитіи англійскаго общезнавательнаго журнала „Афинская Газета“ имѣетъ не только то значеніе, что она нашла тонъ, которымъ нужно говорить съ широкимъ кругомъ читателей. Самая форма, объединяющая столь пестрое содержаніе,—идея „общества“, вступающаго въ переписку съ читателями

¹⁾ Тамъ же, стр. 5, 38, 20.

²⁾ Тамъ же, стр. 227—228. Редакція назвала себя „Афинскимъ обществомъ“, имѣя въ виду афинянъ по классической эпохи, а первыхъ временъ христіанства, когда Афины посѣтилъ ап. Павелъ. „Афиняне же всѣ и живущіе у нихъ иностранцы ни въ чемъ охотнѣе не проводили время, какъ въ томъ, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое“ (Дѣянія Апостоловъ, XVII, 21).

³⁾ Societies for the Reformation of Manners стали образовываться, какъ частныя релігіозно-нравственныя кружки, въ концѣ XVII вѣка, съ цѣлью противодѣйствія испорченнымъ нравамъ эпохи реставраціи Стюартовъ.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 230, 245.

⁵⁾ Walter Besant написалъ предисловіе (Prefatory Letter) къ указанному изданію The Athenian Oracle (1892), гдѣ высказалъ эту мысль. Въ своихъ романахъ „Dorothy Forster“ и „For Faith and Freedom“ онъ рисуетъ соответствующую эпоху.

и руководящаго ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, была плодотворна и нашла подражателей.

Является важный вопросъ, насколько письма, печатаемыя въ „Аѳинской Газетѣ“, были подлинными? Не сочинялись ли они въ редакціи, и не характеризуются ли ихъ языкомъ, мыслями и интересами больше кучка писателей, чѣмъ масса читателей? Конечно, во многихъ отдѣльных случаяхъ вопросъ этотъ трудно рѣшить. Но несомнѣнно, что подлинныя письма читателей къ редакторамъ журналовъ предшествовали перепискѣ, какъ литературной формѣ, которая вошла въ моду у журналистовъ XVIII в. Дѳнтонъ въ своей автобіографіи прямо говоритъ, что едва они начали издавать „Аѳинскую Газету“, какъ немедленно были забросаны письмами ¹⁾. Въ то время редакція газеты обыкновенно состояла изъ одного—двухъ человекъ ²⁾. Постоянныхъ корреспондентовъ или сотрудниковъ—литераторовъ въ нашемъ смыслѣ слова не было. Поэтому письма читателей, этихъ безплатныхъ, хотя и случайныхъ корреспондентовъ, были очень цѣнной поддержкой для изданія. Они давали газетѣ жизнь, и по письмамъ читателей можно судить объ успѣхѣ и вліяніи газеты. Однако изслѣдователь долженъ осторожно относиться къ этимъ письмамъ. Въ XVII в. уже существовало сочинительство писемъ, какъ литературная форма. Тотъ же Дѳнтонъ въ 1692 г., т. е. годомъ позже послѣ начала „Аѳинской Газеты“, издалъ книгу подъ заглавіемъ „Обокраденный почталъонъ“, въ которой было помѣщено пятьсотъ писемъ, будто бы выкраденныхъ изъ почтового мѣшка ³⁾. Это была, разумѣется, лишь литературная форма.

Насколько „Аѳинская Газета“, „Аѳинскій Меркурій“ тожь, умѣло

¹⁾ The Life and Errors of John Dunton, ed. by Nichols, vol. I, p. 189.

²⁾ Въ „Исторіи Аѳинскаго общества“, которую издатель приложилъ къ полному собранію листовъ своей газеты, рассказывалось, что въ составъ ихъ общества входять слѣдующія лица: богословъ, философъ, врачъ, поэтъ, математикъ, адвокатъ, цивилистъ, хирургъ; кромѣ того при нихъ состоятъ въ качествѣ слугъ и переводчиковъ: итальянецъ, испанецъ, французъ и голландецъ (The History of the Athenian Society, by Gildon. Part II, p. 13). На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ автобіографіи Дѳнтона и какъ указывалось выше, къ издателю въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ присоединились только три лица: Richard Sault, Dr. Norris, S. Wesley. Участіе остальныхъ лицъ, которыхъ перечислилъ Дѳнтонъ (Gildon, Motteux, De Foe, Richardson, Tate, Mrs. Elisabeth Singer, Swift), было случайно, и они дали для журнала немного.

³⁾ The Post-boy rob'd of his Mail: or, the Pacquet broke open. Consisting of Five Hundred Letters, to Persons of several Qualities and Conditions. With Observations upon each Letter. 1692.

удовлетворяли потребностямъ массы читателей, показываетъ то, что появились немедленно подражатели и конкуренты. Но только одинъ изъ нихъ проявилъ оригинальную изобрѣтательность и просуществовалъ дольше. Другіе не имѣли, очевидно, успѣха. „Лондонскій Меркурій“ (1691—2 г.) пробовалъ высмѣивать „Аѳинское общество“, но не могъ съ нимъ состязаться въ искусствѣ отвѣчать на вопросы и вскорѣ прекратился ¹⁾. „Дамскій Меркурій“ (1693 г.) отъ имени „Дамскаго общества“ просилъ изъ громаднаго количества вопросовъ, которыми занималось „Аѳинское общество“, отдать въ ихъ руки все, что касается женщины. Но „аѳиняне“ не захотѣли уступить имъ этого права, и „Дамскій Меркурій“ очень скоро пересталъ выходить ²⁾. „Почтовый Ангелъ“ (1701—2 г.), ежемѣсячный журналъ, начатый Дѳиттономъ и продолженный „Обществомъ священниковъ, джентльменовъ и т. д.“, сталъ выходить послѣ того, какъ „Аѳинская Газета“ прекратилась. Въ сложной и все увеличивавшейся его программѣ одинъ отдѣлъ былъ не только подражаніемъ вопросамъ и отвѣтамъ „Аѳинской Газеты“, но и буквальнымъ повтореніемъ многихъ изъ нихъ. Издатели дѣлали это на томъ основаніи, что полного экземпляра „Аѳинской Газеты“ уже нельзя было достать, и назвали этотъ отдѣлъ „Новымъ Аѳинскимъ Меркуріемъ“. Но „Общество священниковъ, джентльменовъ и т. д.“ было рѣшительно неспособно создать что-нибудь интересное для публики, и журналъ прекратился ³⁾. Замѣчательно однако, что типъ популярно-научнаго журнала, который создалъ Дѳиттонъ, несмотря на неудачи подражателей, не умиралъ. Когда Стиль и Аддисонъ основали новый типъ журнала общеобразовательнаго и нравоучительно-сатирическаго, т. е. почти черезъ два десятка лѣтъ послѣ начала „Аѳинской Газеты“, была сдѣлана еще одна попытка научно-популярнаго журнала въ примитивной формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Это былъ „Британскій

¹⁾ The London Mercury; съ № 9 онъ переименовался въ The Lacedaemonian Mercury. Въ библиотекѣ Британскаго Музея есть 16 номеровъ этого журнала.

²⁾ The Ladies Mercury. Въ библиотекѣ Британскаго Музея сохранились лишь №№ 1 и 3.

³⁾ The Post-Angel, въ 4 томахъ. Полное названіе отдѣла въ подражаніе „Аѳинскому Меркурію“: A New Athenian Mercury; Resolving the most nice and curious Questions proposed by the Ingenious of either Sex. Новой редакціи въ этомъ изданіи принадлежали: июль, августъ и сентябрь 1702 г. Ср. цитирован. выше The Life and Errors, I, 199—200. Parkes не имѣлъ въ своей коллекціи и не видалъ журнала Post-Angel. Въ библиотекѣ Британскаго Музея есть полный его экземпляръ.

„Аполлонъ“ (1708—12 гг.), издаваемый „Обществомъ джентльменовъ“. Очевидно, не перевелась еще публика, которой нравилось чтеніе журнала самаго пестраго содержанія, гдѣ помѣщались болѣе или менѣе краткіе отвѣты на такіе, напримѣръ, вопросы: Кто изобрѣлъ музыку? Какъ чистить картины? Живутъ ли люди на лунѣ? Что такое платоническая любовь? Можетъ ли дѣвушка невинно любить женатаго? Каковы достоинства картофеля? Какіе лучшіе авторы въ поэзій? и т. д. Удовлетворяя любознательности и любопытству своихъ читателей, „Британскій Аполлонъ“ ввелъ новшество, сравнительно съ „Аѳинскою Газетою“: онъ завелъ у себя особый отдѣлъ поэзій. Если онъ существовалъ не такъ долго, какъ „Аѳинская Газета“, то это объясняется тѣмъ, что его затмилъ новый типъ журнала, изобрѣтенный Стилемъ и Аддисономъ.¹⁾

Въ XVII вѣкѣ зародился въ Англіи также журналъ литературный. Замѣтно, что потребности и вкусы женщинъ при этомъ играли немаловажную роль. Конечно, нельзя предположить, чтобы англійскія женщины въ то время совсѣмъ не читали политическихъ газетъ. Онѣ не могли не интересоваться новостями о ходѣ междоусобной войны или войны съ французами, потому что тамъ сражались ихъ мужья, сыновья и братья. Но въ политическихъ листкахъ, какъ и въ научно-библиографическихъ ежемѣсячникахъ XVII вѣка, мы не видимъ, чтобы издатели заботились о читательницахъ, и чтобы женщины являлись сотрудницами. Не такъ дѣло обстояло въ журналахъ, сообщавшихъ популярно-научныя и практическія свѣдѣнія. Мы раньше отмѣтили, что „Аѳинское общество“ старалось вести себя по джентльменски въ отношеніи женщинъ и удѣляло въ своей газетѣ не мало мѣста вопросамъ, интереснымъ для этихъ послѣднихъ. Когда у нихъ явился подражатель и конкурентъ „Дамскій Меркурій“, который хотѣлъ забрать въ свою монополію эту область, „Аѳинское общество“ не допустило такого сокращенія круга своихъ занятій и задумало издать „Дамскій словарь“²⁾, въ которомъ обѣщало разбирать въ алфавитномъ порядкѣ

¹⁾ The British Apollo. Parkes въ цитированной выше статьѣ и Aitken (Richard Steele, I, 240) говорятъ о четырехъ томахъ „Британскаго Аполлона“ (1708—12 гг.). Въ библиотекѣ Британскаго Музея есть лишь два: The British Apollo: Containing two thousand Answers to curious Questions. 2) The British Apollo, or Curious Amusements for the Ingenious. Въ Бодлеевской библиотекѣ въ Оксфордѣ есть три тома, 1708—11 гг. Приведенные для примѣра вопросы въ числѣ множества другихъ находятъ во II т.

²⁾ Въ Ladies Mercury, № 3, отъ 10-го марта 1693 г., говорится, что вынуждъ

„самые тонкіе и интересныя вопросы“, касающіеся любви, брака, поведенія, костюма и причудъ женскаго пола.

Первымъ періодическимъ изданіемъ литературнаго характера въ Англіи можно считать „Журналъ для джентльмена“ ¹⁾, который съ 1692 г. сталъ издавать Петръ Моттэ, французъ по происхожденію, незадолго передъ тѣмъ переселившійся въ Англію. Взявъ за образецъ французскій журналъ *Mercure Gallant* , онъ началъ ежемѣсячно выпускать литературныя сборники. Въ небольшомъ количествѣ были въ нихъ и военныя извѣстія, но они скоро прѣвратились. Театральныя и книжныя новости сообщались очень кратко. Главное содержаніе журнала составляли статьи историческаго и философскаго содержанія; стихи оригинальныя, преимущественно на любовныя темы, и переводныя большею частію съ латинскаго; повѣсти и разсужденія нравоучительнаго характера; пѣсни съ музыкой, нарочито для журнала сочиненныя, съ приложеніемъ нотъ въ концѣ каждой тетрадки. Матеріалъ этотъ связывается нѣкоторой литературной рамкой. Джентльменъ, живущій въ деревнѣ, проситъ автора-издателя быть его журналистомъ, т. е. присылать ему письма изъ Лондона, сердца націи, обо всемъ интересномъ. Издатель „Журнала для джентльмена“, исполняя его просьбу, печатно разсказываетъ о новостяхъ, но еще больше даетъ для чтенія джентльмена новыхъ произведеній литературнаго характера, оригинальныхъ и переводныхъ.

Въ первомъ же письмѣ къ деревенскому джентльмену ²⁾ издатель говоритъ, что онъ будетъ писать въ такомъ тонѣ, чтобы не заставлять дѣвицъ краснѣть, и чтобы сдѣлать свой журналъ не менѣе журналомъ леди, чѣмъ журналомъ джентльмена. Повидимому, Моттэ сильно рассчитывалъ на поддержку читательницъ. Онъ печаталъ статьи, въ которыхъ доказывалось, что оба пола равны, и что женщины также могутъ заниматься свободными искусствами и науками ³⁾. Ему удалось составить одну мѣсячную тетрадку журнала почти исключительно изъ произведеній женщинъ, такъ что ее можно было назвать „Журналомъ

изданія *Ladies Dictionary* ожидается къ 21-му апрѣля. Я не могъ разыскать этого изданія. Повидимому, оно не состоялось.

¹⁾ *The Gentleman's Journal: or, the Monthly Miscellany. By Way of Letter to a Gentleman in the Country, Consisting of News, History, Philosophy, Poetry, Music, Translations, etc. 1692—94.*

²⁾ January, 1692.

³⁾ May, 1692. October, 1693.

леди“ ¹⁾). Но, посвящая тутъ же свое письмо прекрасному полу (To the Fair Sex), признаваясь, что женщины были главными вдохновительницами его изданія, что онѣ вліяли и на содержаніе, и на тонъ его, Мотте долженъ былъ прибавить, что сами онѣ пишутъ очень рѣдко ²⁾). Постоянныя читательницы литературныхъ журналовъ въ Англіи конца XVII вѣка уже были въ достаточномъ количествѣ, но писательница-журналистка только зарождалась ³⁾). Самъ Мотте, хотѣвшій увлечь женщину на этотъ путь, повидимому, успѣлъ мало. Это нужно между прочимъ приписать и тому, что его собственный литературный талантъ былъ не великъ. Его вступительныя письма къ деревенскому джентльмену написаны вяло и незначительны по содержанию ⁴⁾).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ прекращенія „Журнала для джентльмена“ сталъ выходить ежемѣсячникъ, который самъ называлъ себя ближайшимъ родственникомъ перваго. Это былъ „Меркурій Музъ“ (1707—8), издаваемый историкомъ и памфлетистомъ Джономъ Олджмессономъ ⁵⁾). Въ немъ сотрудничалъ кружокъ образованныхъ поэтовъ и литераторовъ ⁶⁾). Цѣль журнала была—доставлять изящное удовольствіе, сообразуясь со вкусами аристократіи. Ничто неприличное, пахнущее политическимъ или личнымъ скандаломъ, въ немъ не допускалось ⁷⁾). Онъ не хотѣлъ утомлять читателей скучными разсужде-

¹⁾ October, 1698.

²⁾ „the you write too seldom, and only for your private diversion, yet you can at least equal the best of our profess'd Authors with all their auxiliary Ancients (p. 325).

³⁾ Edmund Gosse называетъ первой профессиональной писательницей въ Англіи, жившей перомъ, плодотворною боюнательницей театральнымъ пьесъ и романовъ Aphra Behn (1640—89). См. Dict. of Nat. Biogr.

⁴⁾ Литературная извѣстность Мотте (Peter Anthony Motteux) была основана на его переводахъ на англійскій языкъ романовъ Рабля и Сервантеса. А. Поппъ считалъ его болтливымъ и причислялъ къ малоизвѣстнымъ авторамъ. См. Dict. of Nat. Biogr.

⁵⁾ The Muses Mercury: or the Monthly Miscollany. Consisting of Poems, Prologues, Songs, Sonnets, Translations, and other Curious Pieces, Never before Printed. January 1707—January 1708.

⁶⁾ Здѣсь печатали свои стихотворенія: Dryden, Dr. Garth, Tate, Dennis, R. Steele, Mrs. Behn (стихи покойной писательницы печатались по оставшимся рукописямъ), W. Colereper, Motteux, Cibber, самъ редакторъ John Oldmixon и много другіе, большинство которыхъ подписывались инициалами или сокращенно.

⁷⁾ We except against all Political or Personal Scandal, what is Injurious to good Sense or good Manners, Immoral or Profane. № 1, Introduction.

ніями и тривіальными повѣстями. Главнымъ его содержаніемъ была поэзія—поэмы, прологи, пѣсни, сонеты, переводы съ французскаго и латинскаго. Журналъ давалъ, хотя и не совсѣмъ аккуратно, отчеты о пьесахъ и операхъ, которыя ставились на сценахъ театровъ Друри-Лэнъ и Гей-Маркетъ, и о тѣхъ книгахъ, которыя имѣли отношеніе къ поэзіи и критикѣ (*polite learning*). Обо всемъ онъ говорилъ благоклонно, тономъ благовоспитаннаго человѣка, довольнаго пріятными развлеченіями ¹⁾. Въ литературныхъ мнѣніяхъ его сотрудники склонялись на сторону французскаго классицизма и вѣстѣ съ Буало готовы были въ общемъ отдать предпочтеніе античнымъ писателямъ передъ новыми ²⁾.

Дѣлая обзоръ послѣдовательныхъ теченій въ англійской журналистикѣ XVII в., мы неизбѣжно должны были захватывать и первое десятилѣтіе XVIII в., такъ какъ въ это время еще существовали или развивались съ небольшими измѣненіями все тѣ же типы періодическихъ изданій ³⁾. Эпоху въ исторіи англійской журналистики составили листки Стиля и Аддисона, въ которыхъ они, начиная съ 1709 года, стали вырабатывать особый видъ этюда (*Essay*), изо дня въ день дававшаго публикѣ самое разнообразное чтеніе въ интересной литературно-обработанной формѣ. Оглядываясь на англійскую журналистику до этого времени, мы видимъ, какъ мало-по-малу назрѣвали формы и готовились элементы, которыми воспользовались Стиль и Аддисонъ. Но мы не можемъ сказать, чтобы какой-нибудь изъ пересмотрѣнныхъ нами видовъ политическихъ газетъ и научно-литературныхъ журналовъ былъ близко похожимъ предшественникомъ „Болтуна“, „Зрителя“ и „Опекуна“. Эти журналы Стиля и Аддисона принято называть правоучительно-сатирическими. Такой терминъ имѣетъ свои преимущества, такъ какъ имъ дѣйствительно отмѣчается существенное въ этомъ новомъ теченіи англійской журналистики. Но, какъ большинство крат-

¹⁾ Между прочимъ съ похвалой говорится объ оперѣ Аддисона—*Rosamond* (р. 10). *Cart. Steele*, послѣ смерти *Farquhar*'а, признается вѣстѣ съ *Congreve*'омъ лучшимъ современнымъ авторомъ комедій (р. 218).

²⁾ Въ послѣднемъ номерѣ „*Mercuria Musae*“ (январь 1708 г.) помѣщенъ переводъ письма Буало къ *Perrault*, которымъ закончился ихъ литературный споръ. Переводу предпослано объяснительное вступленіе, сочувственное Буало (р. 13).

³⁾ Изъ литературныхъ періодическихъ изданій начала XVIII в., слѣдуютъ указанія газеты *Daily Courant*, *G. Aitken* (*R. Steele*, т. I, р. 240) упоминаетъ еще слѣдующіе журналы: 1) *Poetical Courant*, 1706; 2) *The Diverting Muse, or the Universal Medley*, 1707. Въ библиотекѣ Брит. Муз. однако эти изданія не сохранились.

кихъ терминовъ, онъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что имъ далеко не покрывается богатое и разнообразное содержаніе журналовъ Стиля и Аддисона. Въ „Болтунъ“, „Зритель“ и „Опекунъ“ была и политика, и наука, и литература, и больше всего юмор, сатиры и морали.

Обыкновенно указываютъ, что сатирически-нравоучительное направленіе въ англійской журналистикѣ было начато Дефо; что онъ въ своемъ „Обозрѣніи“ открылъ особый отдѣлъ, подъ заглавіемъ „Скандалный Клубъ“, въ которомъ можно видѣть предшественника „Болтуна“ Стиля и Аддисона ¹⁾. Если мы подробнѣе, чѣмъ то дѣлали другіе, пересмотримъ этотъ вопросъ, то увидимъ, что такое сопоставленіе имѣетъ мало цѣны. Въ первой части своего очерка мы указали, какую важную роль играло „Обозрѣніе“ Дефо въ развитіи англійской политической газеты. Но мы можемъ положительно утверждать, что „Скандалный Меркурій“ или „Скандалный Клубъ“ Дефо вовсе не играли выдающейся роли въ развитіи другихъ видовъ англійской журналистики.

Дефо издавалъ свою политическую газету „Обозрѣніе“ въ теченіе девяти лѣтъ (1704—13 гг.). Внимательно пересматривая всѣ восемь томовъ этого изданія, мы убѣждаемся, что сатирически-нравоучительный отдѣлъ возникъ въ немъ случайно, и самъ Дефо не имѣлъ относительно его никакого опредѣленнаго плана. Въ первомъ полугодіи изданія онъ отдавалъ этому отдѣлу приблизительно четвертую часть каждаго номера. „Скандалный Меркурій“ печаталъ у себя по постановленію „Скандалнаго Клуба“, который былъ основанъ „для цензуры лицъ, а не партій“ ²⁾. Однако Дефо здѣсь вовсе не задавался широкими сатирически-нравоучительными задачами. Онъ просто сво-

¹⁾ Watler Wilson въ біографіи Дефо, слѣдуя Chalmers'у, высказываетъ мнѣніе, что Дефо началъ то, что усовершенствовали Стиль и Аддисонъ (Memoirs of the Life and Times of Daniel De Foe. 1830. Vol. II, pp. 198—9, 204—5). G. Aitken, перепечатавъ предшественниковъ „Болтуна“, говоритъ: „Однако единственная газета, которая имѣла дѣйствительное вліяніе на организацію „Болтуна“, было „Обозрѣніе“ Дефо“ (The Life of R. Steele, vol. I, p. 240).

²⁾ Даже въ этотъ небольшой промежутокъ планъ и заглавіе мѣнялись. Сначала клубъ представлялся основаннымъ въ Парижѣ, и самый текстъ переводомъ съ французскаго. Въ Review, № 2 (Febr. 26, 1704) этому отдѣлу отданы послѣдніе полторы страницы (въ восьми), и онъ называется: *Mercurie Scandale: or, Advice from the Scandalous Club. Translated out of French.* Но съ слѣдующаго № 3 идея „парижскаго“ клуба остается, и отдѣлъ носитъ названіе: *Mercurie Scandale. Or Advice from the Scandalous Club: being, A Weekly History of Nonsense, Impertinence, Vice and Debauchery.*

для счетов со своими конкурентами, политическими листками: „Английская Почта“, „Лондонская Почта“, „Почтальонъ“, „Летучая Почта“, упрекая ихъ въ невѣжествѣ и указывая ихъ географическія и историческія ошибки. Черезъ полгода Дефо расширилъ этотъ отдѣлъ и выдѣлилъ особое мѣсячное приложение ¹⁾. Произошло это, какъ рассказываетъ редакторъ, по требованію самихъ читателей. Его стали забрасывать письмами съ вопросами, касающимися „богословія, нравственности, любви, государства, войны, торговли, языка, поэзіи, брака, пьянства, распутства, азартныхъ игръ, клятвъ и тому подобнаго“; присылали также стихи для напечатанія.

Вслѣдствіе накопленія матеріала такого рода, пришлось завести особый дополнительный журналъ съ совѣтами „Скандалнаго Клуба“ ²⁾. Отсюда мы видимъ, что читатели самой лучшей тогдашней политической газеты не довольствовались одной политикой. Для многихъ изъ нихъ нужно было или болѣе широкое образовательное чтеніе, или развлеченіе съ поученіемъ. Потребность въ томъ типѣ журналовъ, который создалъ Дѳитонъ, не умирала. Дефо понялъ это и сдѣлалъ соответствующее измѣненіе въ отдѣлѣ своей газеты, превративъ его въ правоучительное собесѣдованіе съ читателями, присылавшими письма. Могъ ли Дефо успѣшно развивать этотъ отдѣлъ? Конечно, у него было неизмѣримо больше литературнаго таланта, чѣмъ у Дѳитона. Качества этого таланта были въ особенности благоприятны для созданія правоучительнаго направленія въ журналистикѣ. Но Дефо велъ свою политическую газету единолично. Въ то время онъ всецѣло былъ занятъ вопросомъ о воссоединеніи Англии и Шотландіи; у него не было ни времени, ни силъ разомъ вести два журнала: политическій и правоучительно-сатирический. Ему приходилось раньше одному писать отъ имени „Скандалнаго Клуба“. Если черезъ нѣсколько времени онъ заявилъ, что теперь „Клубъ“ дѣйствительно состоитъ изъ „Общества“, а не изъ одного лица, то, вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду корреспондентовъ, присылавшихъ письма ³⁾. По крайней мѣрѣ, мы ни-

¹⁾ A Supplementary Journal to the Advice from the Scandal. Club. Съ сентября 1704 г. по январь 1705 г. каждое такое приложение ежемѣсячно имѣло около 28 страницъ.

²⁾ (ж. The Introduction, въ сент. прилож., 1704 г.

³⁾ Въ сентябрѣ 1704 г. Дефо писалъ о себѣ: being allegorically rather than significantly call'd a Society. Мѣсяцевъ черезъ восемь, въ маѣ 1705, онъ объявляетъ: The Scandal. Club, who are now as really a Society, as before they were not, will publish their Proceedings, in a Paper by it self, every Wednesday and Friday.

чего не знаемъ о томъ, чтобы кто-нибудь постоянно помогалъ Дефо въ журналистикѣ. При такихъ условіяхъ неизбежно вся затѣя Дефо должна была свестись на нѣчто блѣдное и незначительное. Такъ и случилось. Въ слѣдующемъ 1705 г. Дефо прекратилъ ежемѣсячныя приложения и сталъ давать два номера въ недѣлю общаго содержанія подъ заглавіемъ „Маленькое Обзорѣніе“, между тѣмъ какъ политическое „Обзорѣніе“ выходило три раза въ недѣлю. Но скоро и этотъ планъ былъ оставленъ ¹⁾. Съ третьяго тома изданія и до конца (1706—13 гг.) отъ этого отдѣла, который имѣлъ сначала сатирической или, лучше сказать, полемической характеръ, а потомъ характеръ правоучительнаго собесѣдованія съ читателями на разнообразныя темы, осталась простая „Смѣсь“ (Miscellanea), дававшая „немного развлеченія въ концѣ политическаго листка“.

Что же представляли совѣты „Скандалнаго Клуба“ въ самую лучшую, хотя и кратковременную пору этого отдѣла въ журналѣ Дефо? Облекъ ли ихъ издатель въ какую-нибудь новую форму? Выдвинулъ ли онъ какіе-нибудь новые вопросы? Нѣтъ. Дефо шелъ въ этомъ отношеніи за теченіемъ, а не создавалъ его. Мы указывали, что идея „Общества“, которое бралось отвѣчать на разные вопросы читателей, вошла въ моду въ тогдашней англійской журналистикѣ. „Клубъ“ Дефо ничѣмъ не былъ лучше, чѣмъ другія „Общества“, начавшія возникать болѣе, чѣмъ на десять лѣтъ раньше его. Въ художественномъ отношеніи „Клубъ“ Дефо былъ такъ же мертвъ, какъ и другія „Общества“, и въ немъ нельзя видѣть зачатка „Клуба Зрителя“, особенность котораго въ томъ и состоитъ, что всѣ члены его болѣе или менѣе подробно и художественно обрисованы Стилемъ и Аддисономъ. Въ выборѣ вопросовъ, которыми занимался Дефо въ своемъ „Скандалномъ Клубѣ“, не было ни плана, ни опредѣленной цѣли. Онъ говорилъ, что у него „никогда не было намѣренія впутывать свои листки въ спорные вопросы богословія“, и тѣмъ не менѣе помѣстилъ шесть вопросовъ денста относительно существованія души и ученія о святой Троицѣ, самъ отвѣчалъ на нихъ и приглашалъ читателей, у которыхъ есть талантъ и знанія, присылать свои мысли объ этомъ. Здѣсь же подымается и обсуждается острый тогдашній

¹⁾ The Little Review: or, an Inquisition of Scandal: Consisting in Answers of Questions and Doubts, Remarks, Observation and Reflection. Начиная съ 6-го іюня 1705 г., за этотъ годъ всего вышло 23 номера. Если бы у Дефо дѣйствительно были постоянные сотрудники, онъ не прекратилъ бы такъ скоро этого отдѣла.

вопросъ, позорна ли бѣдность для англиканскаго духовенства. Но больше всего любилъ Дефо разсуждать по вопросамъ практической морали. Напримѣръ, разсказывается такой случай. Женщина влюбилась и угрожаетъ самоубійствомъ, если любимый мужчина на ней не женится. Тотъ, чтобы спасти ее, обѣщаетъ жениться. Спрашивается, обязательно ли для него это вынужденное обѣщаніе? ¹⁾

Мы видѣли, что „Аринская Газета“ Дѳнтоня раньше, чѣмъ газета Дефо, стала заниматься обсужденіемъ всевозможныхъ вопросовъ научныхъ, религіозно-богословскихъ, политическихъ, касательно брака, взаимныхъ отношеній мужчины и женщины и т. д. Вопросы тамъ ставились кратко и просто. У Дефо вопросъ обыкновенно предлагается въ видѣ письма. Вѣроятно, отчасти эти письма были подлинными; иныя изъ нихъ сочинялись самимъ Дефо. Въ этомъ отличіе газеты Дефо отъ газеты Дѳнтоня. Но, какъ мы указывали выше, литературная форма переписки была въ употребленіи въ англійской журналистикѣ раньше Дефо.

Подводя итоги, мы можемъ такъ формулировать свою мысль. Часто повторяемое историками англійскаго журнализма мнѣніе о томъ, что сатирически-нравоучительныя изданія Стиля и Аддисона продолжали то, что началъ Дефо, не вѣрно. Если Стиль и Аддисонъ дѣйствительно многимъ были обязаны своимъ предшественникамъ, то такими предшественниками нужно назвать не только „Скандальный клубъ“ Дефо, но разные виды газетъ и журналовъ, наиболѣе интересныя особенности которыхъ были усвоены въ „Болтунъ“, „Зритель“ и „Опекунъ“.

Въ поискахъ за предшественниками журналовъ Стиля и Аддисона, я обратилъ вниманіе на одно періодическое изданіе, которое сохранилось въ журнальной коллекціи Бэрнея въ Британскомъ музеѣ, и о которомъ историки англійскаго журнализма не упоминаютъ вовсе. Это „Еженедѣльная Комедія“ (1699 г.) ²⁾. Пять уцѣлѣвшихъ разроз-

¹⁾ A Supplementary Journal to the Advice from the Scandal. Club. №№ 2 и 3, 1704.

²⁾ The Weekly Comedy, As it is Dayly Acted at most Coffee-Houses in London, by Snarl, a Disbanded Captain. Truck, a Merchant. Scribble, a News-Writer. All-craft, a Turncoat. Cant, a Precisian. Snap, a Sharper. Squabble, a Lawyer. Whim, a Projector. Log, a Marriner. Scan-all, a Poet. Plush, a Quack. Prim, a Beau. Въ Британскомъ Музеѣ (Burney Collection) есть слѣдующіе №№: 2, 3, 4, 6 и 8, отъ 10 мая по 28 іюня, 1699 г. Только у одного Nichols'a я нашелъ въ каталогѣ періодическихъ изданій XVII в. указаніе на Weekly Comedy, № 1, May 4—1699, безъ всякихъ другихъ свидѣній (Lit. Anect., IV, 79).

ненныхъ номеровъ даютъ нѣкоторое представление о планѣ этого изданія. Ежедневно въ большинствѣ лондонскихъ кофейнь разыгрывается комедія, дѣйствующими лицами которой являются: капитанъ въ отставкѣ, купецъ, газетчикъ, политикъ-перебѣжчикъ, религиозный формалистъ, жуликъ, законникъ, прожектёръ, морякъ, поэтъ, шарлатанъ, щеголь. При встрѣчѣ въ кофейнѣ они спрашиваютъ другъ друга о новостяхъ. Но авторъ газеты не передаетъ всѣхъ разговоровъ въ каждомъ листкѣ. Кто-нибудь изъ присутствующихъ рассказываетъ какую-нибудь исторію, которая и составляетъ содержание номера. Фантазеръ-прожектёръ (Whim, a Projector) передаетъ, напримеръ, что онъ во время прогулки зашелъ вмѣстѣ съ толпой народа въ залъ для музыкальныхъ представлений (Miles's Musick-House) и былъ свидѣтелемъ слѣдующаго зрѣлища. За грязнымъ столомъ посреди комнаты, окруженный толпой, человекъ съ безстыднымъ лицомъ палача ѣлъ живьемъ пѣтуха вмѣстѣ съ перьями и кишками. Послѣднія онъ вытаскивалъ изо рта и опять глоталъ, такъ что съ окружающими зрителями дѣлалась рвота. Отъ подробностей, съ которыми передавалъ это прожектёръ, начались позывы къ рвотѣ у его слушателей въ кофейнѣ ¹⁾. Въ слѣдующемъ листкѣ писакъ-газетчикъ (Scribble, a News-Writer) сообщилъ не менѣе невѣроятный рассказъ о томъ, какъ дьяволъ бомбардировалъ камнями окно мистера Г., семейство котораго извѣстно благочестіемъ и добродѣтелью, и заставлялъ въ кухнѣ плясать тарелки ²⁾.

Затрудняясь на основаніи немногихъ дошедшихъ до насъ номеровъ „Еженедѣльной Комедіи“ опредѣлить, каковы были цѣли этого журнала, и къ какому типу его слѣдуетъ причислить, мы сообщили о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, чтобы дать еще одинъ лишній примѣръ того, какъ распространилось въ англійской журналистикѣ конца XVII в. стремленіе драматизовать содержаніе журнала. Въ этомъ отношеніи Стиль и Аддисонъ вступили на путь, который былъ указанъ уже многими предшественниками.

Періодическія англійскія изданія XVII в. лучше всего представлены въ библиотекѣ Британскаго Музея въ Лондонѣ, особенно благодаря журнальнымъ коллекціямъ Томасона и Бёрнея. Бодлеевская бібліотека въ Оксфордѣ уступаетъ первой въ этомъ отношеніи, хотя имѣющіяся здѣсь журнальныя коллекціи Никольса и Гона очень значительны. До

¹⁾ Weekly Comedy, № 3.

²⁾ № 4.

сихъ поръ никто не составилъ полного хронологическаго списка періодическихъ изданій этого и послѣдующаго времени, въ которомъ бы систематически были описаны газеты и журналы, хранящіяся не только въ названныхъ бібліотекахъ, но и въ частныхъ коллекціяхъ. Единственнымъ указателемъ въ такомъ родѣ остается тотъ, который около ста лѣтъ тому назадъ напечаталъ Дж. Никольсъ въ своемъ очеркѣ: „Объ общественныхъ новостяхъ и еженедѣльныхъ листахъ“¹⁾. Однако списокъ Никольса не вполне вѣренъ, особенно въ началѣ, и подлежитъ дополненіямъ, что отчасти сдѣлалъ для XVIII вѣка В. Ли²⁾. Полезенъ для справокъ, хотя имѣетъ болѣе частное значеніе и уступаетъ списку Никольса въ полнотѣ, „Каталогъ коллекціи раннихъ газетъ и эссеистовъ, составленный покойнымъ Джономъ Томасомъ Гопомъ, эсквайромъ“³⁾. Въ обѣихъ названныхъ бібліотекахъ существуютъ въ общихъ каталогахъ особые томы для періодическихъ изданій (Periodicals), но газеты въ нихъ не включаются, или включаются только въ томъ случаѣ, если принадлежать къ какому-нибудь коллекціямъ, въ родѣ выше указанныхъ. „Каталогъ періодическихъ изданій, содержащихся въ Бодлеевской бібліотекѣ“, есть въ отдѣльномъ печатномъ изданіи⁴⁾. Библиотека Британскаго Музея готовитъ полный каталогъ находящихся въ ней періодическихъ изданій, куда войдутъ также всѣ газеты.

Владимиръ Лазурский.

¹⁾ *John Nichols, Of public News and weekly Papers; when they first began, their Progress, Increase, and Uses and Abuses to the People. (Literary Anecdotes of the eighteenth Century. Vol. IV, 1812. Vol. VIII, 1814. Vol. IX, 1815).*

²⁾ *W. Lee, Periodical Publications during the twenty Years 1712 to 1732 (Notes and Queries, 1866, vol. IX, pp. 72, 92).*

³⁾ *Catalogue of a Collection of early Newspapers and Essayists, formed by the late John Thomas Hope, Esq., and presented to the Bodleian Library. Oxford 1865.*

⁴⁾ *Catalogue of Periodicals contained in Bodleian Library. Part I, English Periodicals. Oxford 1878.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Бочкаревъ. Историко-каноническія очерки. 1906, Юхновъ, Смоленской губ. 150 стр., цѣна 1 руб.

Читателя, у котораго оказалась бы въ рукахъ книжка г. Бочкарева, можетъ удивить то, что сообщается авторомъ въ предисловіи къ своему труду. Авторъ, юристъ по образованію, во времена студенчества усердно занимался каноническимъ правомъ, не покинулъ этихъ занятій и впоследствии, по поступленіи на службу, хотя могъ посвящать имъ лишь весьма немного времени, свободнаго отъ исполненія служебныхъ обязанностей по должности податнаго инспектора въ разныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи. „Живя въ глухихъ заолустныхъ городкахъ, удаленныхъ отъ умственныхъ центровъ“, говоритъ г. Бочкаревъ, „я съ великимъ трудомъ и съ немалыми расходами могъ доставать необходимыя для моихъ занятій источники и пособія. При такихъ обстоятельствахъ, составъ научнаго аппарата, надъ коимъ я оперировалъ, и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи, не всегда зависѣлъ отъ моей воли: нерѣдко я долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что было подъ руками, или же тѣмъ, что было легче достижимо. Вотъ почему весьма возможно, что специалисты не удовлетворятся тѣми источниками и пособіями, коими я пользовался, найдя комплектъ ихъ и неполнымъ, и устарѣвшимъ“.

Мнѣ, пишущему эту замѣтку о трудѣ г. Бочкарева, не такъ удивительно приведенное сейчасъ извлеченіе изъ предисловія къ книгѣ, какимъ оно можетъ показаться всякому другому читателю. Мнѣ хорошо извѣстно, какимъ образомъ въ наше время, когда чрезвычайно трудно найти между студентами-юристами человѣка, который обнаружилъ бы склонность заниматься церковнымъ правомъ съ твердымъ

намѣреніемъ подготовиться, по окончаніи курса, къ профессурѣ церковнаго права,—какимъ образомъ могло случиться, что студентъ, усердно занимавшійся каноническимъ правомъ еще на студенческой скамьѣ, не получилъ возможности идти туда, куда влекла его склонность. Г. Бочкаревъ скромно умалчиваетъ о томъ, что онъ былъ въ свое время оставленъ въ Демидовскомъ лицѣѣ для приготовленія къ профессорскому аваню, но... обстоятельства жизни складываются иногда такъ, что попеченіе о своихъ близкихъ заставляетъ забыть о своей склонности и объ ученой перспективѣ. Тѣмъ не менѣе, даже и состоя на должности, мало соприкасающейся съ каноническимъ правомъ, и проживая притомъ же въ захолустныхъ городкахъ, г. Бочкаревъ, какъ оказывается, не забылъ о своей склонности и, вѣроятно, съ немалымъ ущербомъ для своего небогатаго бюджета, добывалъ литературныя пособія и первоисточники и издалъ въ свѣтъ свою книжку. Авторъ не избралъ части, которая для другихъ могла бы показаться самою благою—писать въ газетахъ по разнымъ злободневнымъ вопросамъ, хотя и онъ не чуждъ этихъ злободневныхъ вопросовъ. Цѣль изданія его историко-каноническихъ очерковъ—желаніе внести посильный вкладъ въ скудную литературу русскаго каноническаго права. „Вопросы, разработанные мною“, говоритъ авторъ, „могутъ ближайшимъ образомъ интересовать только специалистовъ,—однако переживаемый нами моментъ и не прекращающіеся толки о созывѣ помѣстного собора всероссійской церкви дадутъ мнѣ нѣкоторое право надѣяться, что книга моя будетъ не бесполезна и для всякаго православнаго русскаго читателя, давъ ему возможность ориентироваться въ нѣкоторыхъ животрепещущихъ вопросахъ русскаго церковнаго быта, крайней мѣрѣ „въ строго-объективномъ историческомъ ихъ освѣщеніи“. Авторъ, можно сказать, до пуризма выдерживаетъ свою каноническую точку зрѣнія. Другой на его мѣстѣ не устоялъ бы предъ искушеніемъ нарисовать нѣсколько бытовыхъ картинъ фельетоннымъ языкомъ и увеличить размѣры своей книги, дополняя своимъ воображеніемъ то, что содержится въ источникахъ, особенно на темы, относящіяся къ русскому церковному праву. Г. Бочкаревъ не поддается этому искушенію. Онъ только приводит въ ясность тѣ свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть изъ самыхъ источниковъ, такъ что многіе его очерки могутъ показаться слишкомъ краткими и сухими.

Всего въ книгѣ шесть очерковъ, предложенныхъ авторомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Замѣщеніе церковно-приходскихъ должностей въ древней Россіи, 2) Вдовое духовенство въ Россіи отъ начала въ

ней христіанства до настоящаго времени, 3) Безмѣстное, крестцовое и крестовое духовенство въ древней Россіи, 4) О томъ, какъ общество любителей духовнаго просвѣщенія надало правила св. Апостоловъ, св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ, съ толкованіями, 5) Литература Апостольскихъ постановленій, 6) Такъ называемая дидаскалія Апостоловъ въ сирійской редакціи. Послѣдніе два очерка предваряются вступленіями, или, какъ говоритъ авторъ, предисловіями. Недостатки очерковъ вѣрно указываются самимъ авторомъ. Главный недостатокъ, который особенно чувствуется въ двухъ послѣднихъ очеркахъ,—слабость литературнаго аппарата, сильно разросшагося въ послѣднее время въ связи съ „Ученіемъ 12-ти Апостоловъ“. Тѣмъ не менѣе о каждомъ очеркѣ можно сказать, что онъ не безъ пользы прочтется всякимъ, кто желалъ бы выяснить для себя тотъ или другой изъ затронутыхъ авторомъ вопросовъ. Серьезное и вдумчивое отношеніе автора къ мѣстамъ изъ источниковъ, которыя имъ приводятся, и умѣлое изложеніе ихъ могутъ дать толчокъ къ дальнѣйшей ихъ разработкѣ. Напримѣръ, въ первомъ очеркѣ постановленіе Владимірскаго собора 1274 г., сопоставленное съ позднѣйшими свидѣтельствами, даетъ серьезное основаніе усомниться въ правильности разсужденій тѣхъ нашихъ писателей, которые, находя въ актахъ XVI и XVII вѣка обильныя свидѣтельства объ избраніи прихожанами своего духовенства, заключаютъ изъ нихъ, что и раньше было то же самое, при чемъ припоминаютъ древне-русскія вервы, о которыхъ мы знаемъ очень мало, а о выборѣ ими духовенства даже и ровно ничего не знаемъ. На Владимірскомъ соборѣ было постановлено: „Епископи егда хотятъ поставити попа или дьякона, да истажутъ житие его, како будетъ имѣлъ житие прежде поставленія, да призовутъ знаемыя сосѣди, его же знаютъ издѣтска“. Далѣе за всякаго кандидата во священство долженъ былъ поручиться его духовникъ и сверхъ того семь иныхъ поповъ и прочіе добрые свидѣтели. Въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ должно было происходить и самое посвященіе. Въ началѣ XV вѣка о достоинствѣ ставленника свидѣтельствовали семь священниковъ, *съ томъ числѣмъ и духовникъ его, которые знали образъ жизни его до посвященія. Всѣ эти лица должны были являться къ архіерею вмѣстѣ со ставленникомъ, но, по обстоятельствамъ даннаго времени и за отдаленностію мѣста, дозволялось принести къ архіерею только самому ставленнику и его духовнику съ грамотой отъ остальныхъ шести священниковъ съ ихъ подписями и печатами.* Въ концѣ XV вѣка произошло то измѣненіе, что мѣсто

семи священниковъ изъ той же мѣстности, къ которой принадлежалъ и ставленникъ, заняли также семь священниковъ, но уже соборной церкви, т. е. при каведрѣ архіерея. Однако, въ то же время устанавливается и другой порядокъ, при которомъ свидѣтельство семи соборныхъ священниковъ должно было превратиться въ простую формальность, а вскорѣ и совсѣмъ исчезнуть, именно выборщики сами стали приводить къ архіерею своего ставленника, другими словами центр тяжести переносится въ приходъ. Этотъ порядокъ, засвидѣтельствованный относительно Новгородѣ, былъ узаконенъ стоглавымъ соборомъ и для всѣхъ епархій. Сопоставляя эти свидѣтельства, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что замѣщеніе церковно-приходскихъ должностей путемъ приходскихъ выборовъ въ XVI вѣкѣ не даетъ основанія заключать, что таковыя же выборы существовали и въ предшествующіе вѣка.

Очеркъ: „Вдовое духовенство въ Россіи отъ начала въ ней христіанства до настоящаго времени“ нужно признать однимъ изъ лучшихъ въ книгѣ г. Бочкарева. Начиная съ статьи такъ называемаго „устава блѣческаго митрополита Георгія“, въ силу которой овдовѣвшій священникъ, за вступленіе въ бракъ, подвергается лишенію сана, авторъ прослѣдилъ мѣропріятія московскихъ митрополитовъ, псковичей, московскихъ соборовъ 1503 г. и 1551 г., а также виленскаго собора 1509 г., наконецъ собора 1666—67 г., при чемъ необходимо долженъ былъ затронуть вопросъ о „патрахѣльных“ и „уларныхъ“ (орарныхъ) грамотахъ, вмѣстѣ съ вопросомъ о правахъ, предоставлявшихся вдовымъ священникамъ и дьяконамъ по этимъ грамотамъ. Авторомъ установлено, что грамоты ведутъ свое начало со времени стоглаваго собора, вопреки мнѣнію Никитскаго, будто онѣ стали выдаваться уже на основаніи соборнаго опредѣленія 1503 г.

Въ очеркѣ: „Безмѣстное, крестцовое и крестовое духовенство въ древней Россіи“ мѣтко указано на то обстоятельство, что уже въ самой ставленной грамотѣ какъ бы санкціонировался возможный въ будущемъ переходъ посвященнаго лица въ другіе приходы и даже въ другія епархія.

Въ очеркѣ „О томъ, какъ общество любителей духовнаго просвѣщенія издало правила св. Апостоловъ, св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ“, авторъ критикуетъ программу изданія, какъ безпринципную и исторически невѣрную, при чемъ упрекаетъ между прочимъ редакторовъ въ томъ, что они не воспользовались замѣчаніями проф. Павлова. Такъ какъ изданіе книги правилъ Обществомъ

любителейъ духовнаго просвѣщенія, безъ всякаго сомнѣнія, самою почетною редакціей не считается верхомъ совершенства, то высказанныя г. Бочкаревымъ сужденія нельзя назвать запоздалымъ анахронизмомъ, въ виду возможности пересмотра изданія. Правильною, какъ мнѣ кажется, нужно признать и ту мысль, что изданіе общества не столько должно быть разсчитано на практическую применимость, сколько должно удовлетворять научнымъ требованіямъ.

Слѣдующій очеркъ: „Литература Апостольскихъ постановленій“ составленъ, какъ и самъ авторъ говоритъ, преимущественно по Функу: „Die apostolischen Konstitutionen. Eine literar-historische Untersuchung“ и наименѣе удовлетворителенъ, такъ какъ далеко не обнимаетъ всей литературы, между прочимъ и другихъ работъ того же Функа. Однако, сравнивая очеркъ г. Бочкарева съ другими, существующими въ русской литературѣ изложеніями литературы Апостольскихъ постановленій, все-таки нужно отдать ему предпочтеніе предъ другими въ томъ отношеніи, что западная литература съ наложеніемъ мнѣній разныхъ ученыхъ о происхожденіи и достоинствахъ Апостольскихъ постановленій, до открытія „Ученія 12-ти Апостоловъ“, представлена обстоятельно.

Почти то же самое нужно сказать о послѣднемъ очеркѣ, который носить заглавіе: „Такъ называемая дидакалія апостоловъ въ сирійской редакціи“. И этотъ очеркъ тоже составленъ по Функу, въ порядкѣ слѣдующихъ параграфовъ: 1) содержаніе дидакаліи, 2) опредѣленіе состава первоначальной греческой дидакаліи (которая, какъ извѣстно, на греческомъ языкѣ не сохранилась), при чемъ мнѣніе Лагарда, возстановившаго греческій текстъ по сирійскому переводу, о первоначальномъ составѣ греческой дидакаліи отвергается авторомъ, 3) цитаты св. Епифанія и автора такъ называемаго *Opus imperfectum in Matthaenm*, 4) время происхожденія дидакаліи, 5) мѣсто происхожденія дидакаліи, 6) богословскія воззрѣнія автора дидакаліи, 7) источники дидакаліи, 8) отношеніе дидакаліи къ шести первымъ книгамъ Апостольскихъ постановленій.

Было бы жаль, если бы авторъ прекратилъ свои занятія каноническимъ правомъ; но лучше будетъ, если онъ употребитъ свои силы на разработку темъ изъ русскаго церковнаго права, такъ какъ русскіе источники и литературныя пособія все-таки должны быть болѣе доступны для него, чѣмъ иностранныя, а темъ для изслѣдованія въ русскомъ церковномъ правѣ можетъ оказаться цѣлый непочатый край.

Ш. Суворовъ.

G. Schmoller. GRUNDRISS DER ALLGEMEINEN VOLKSWIRTSCHAFTSLEHRE. I. Theil. Leipzig 1900. S. 482. II. Theil. Leipzig 1904. S. 719.

Grundriss проф. Шмоллера своего рода знаменательное явление въ новейшей экономической литературѣ,—не только потому, что авторъ его признанный глава новоисторической школы, стремившейся взять въ свои руки руководящую роль въ изслѣдованіи народнаго хозяйства, но также еще и потому, что это трудъ почти полувѣковой дѣятельности проф. Шмоллера на ученомъ и профессорскомъ поприщѣ.

Естественно, что сторонники и противники новоисторической школы ожидали отъ главы ея такого построения политической экономіи, которое стало бы въ согласіи съ методологическими воззрѣніями представителей этой школы.

Профессору Шмоллеру, какъ признанному главѣ ея, ближе всего было взяться за разрѣшеніе такой задачи. И дѣйствительно, берлинскій профессоръ на закатѣ своей ученой и литературной дѣятельности въ своемъ Grundriss'ѣ представилъ опытъ построения экономической теоріи на началахъ новоисторической школы. Съ этой именно точки зрѣнія его курсъ представляетъ большой интересъ; на немъ лучше всего можно видѣть, насколько новоисторическая школа подвинула впередъ разработку экономической науки, насколько она оправдала тѣ надежды, которыя возлагали на нее многіе изъ экономистовъ.

Авторъ Grundriss'a, согласно основнымъ принципамъ своей школы, на первыхъ же страницахъ своего изслѣдованія усиленно подчеркиваетъ тѣсное взаимно-отношеніе хозяйства со всѣми остальными сторонами человѣческой жизни (Familien-Rechts-Staats-und Wirtschaftsverfassung sich stets gegenseitig bedingen, nie getrennt verstanden werden können, S. 9). Согласно такой основной точкѣ зрѣнія, авторъ посвящаетъ обширное введеніе, около 75 стр., психологическимъ, этическимъ и юридическимъ основамъ народнаго хозяйства, имѣющимъ болѣе или менѣе отдаленное отношеніе къ политической экономіи (напримѣръ, по вопросу о языкѣ, письменахъ, чувствахъ, нравственныхъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ и т. п.).

Конецъ этого социологическаго введенія посвященъ историческому очерку развитія литературы и методовъ науки народнаго хозяйства. Въ вопросѣ о методѣ проф. Шмоллеръ ясно и опредѣленно высказывается за примѣненіе въ политической экономіи двухъ методовъ—индуктивнаго и дедуктивнаго. Характерно, что онъ вопреки основнымъ

началамъ методологін своего направленія съ особенной силой отгнѣняетъ значеніе дедуктивнаго метода, безъ котораго мы не дѣлаемъ почти ни одного шага нашей научной мысли. „Der Drang aller Wissenschaft möglichst deductiv mit der Zeit zu werden“, говоритъ авторъ (S. 109).

Дедукція въ политической экономіи можетъ пользоваться истинами, добытыми другими науками—напримѣръ, психологіей. Въ случаѣ, если дедуктивный выводъ не согласенъ съ дѣйствительностью, или если не имѣется на лицо твердо установленныхъ положеній для объясненія фактическаго матеріала, тогда мы обращаемся къ индукціи. Такова точка зрѣнія, принятая проф. Шмоллеромъ въ вопросѣ о методѣ политической экономіи. Какъ видимъ, онъ значительно отступаетъ здѣсь отъ воззрѣній своей школы.

Какъ бы въ оправданіе свое, авторъ говоритъ слѣдующее: „тѣ, кто въ новѣйшей нѣмецкой экономіи выступали въ защиту индуктивнаго метода, возставали не противъ дедукціи вообще, а противъ поверхностныхъ, недостаточныхъ предпосылокъ, которыя, по ихъ убѣжденію, могли быть замѣнены болѣе точными принципами на основаніи лучше поставленнаго наблюденія. Они утверждали, что послѣдніе преемники англійской дедуктивной школы, какъ Менгеръ и Дитцель, слишкомъ сѣзали область науки, дедуцируя изъ одного или двухъ психологическихъ положеній, или изъ принципа хозяйственности. Представители новосторической школы настаивали на томъ, что можно дедуктивно заключать изъ твердо установленныхъ положеній о причинной зависимости, а не изъ постулатовъ и конечныхъ цѣлей“ (S. 110).

Если бы новосторики возставали противъ такихъ злоупотребленій дедуктивнымъ методомъ, то они были бы совершенно правы. Но въ дѣйствительности это оказывается далеко не такъ: сводя политическую экономію къ исторіи народнаго хозяйства, новосторники исключительно говорили объ историческомъ, статистическомъ и сравнительномъ методѣ, методъ же дедуктивный, до известной степени скомпрометированный эпигонами классической школы, былъ отброшенъ ими, какъ пустая абстракція.

Всесторонняя разработка въ современной философіи методологическихъ и гносеологическихъ проблемъ не осталась безъ нѣкотораго влияния и на воззрѣнія политико-экономовъ.

Безъ сомнѣнія, подъ этимъ влияніемъ и произошелъ поворотъ воззрѣній главы новосториковъ въ вопросѣ о методѣ.

По другому кардинальному пункту о законах народного хозяйства проф. Шмоллеръ высказывается въ духѣ новоисторическаго направления. Существуютъ только эмпирическіе законы народного хозяйства, законовъ же въ тѣсномъ смыслѣ слова здѣсь не можетъ быть, ходъ экономическаго развитія въ опредѣленное время и у опредѣленнаго народа представляетъ всегда индивидуальную картину (*stets ein individuelles Bild*, S. 109). Здѣсь ясно просвѣчиваетъ релятивистическая точка зрѣнія автора, составляющая, какъ извѣстно, характерную особенность новоисторической школы. По мнѣнію Шмоллера, мы можемъ уяснить причины развитія отдѣльныхъ сторонъ народного хозяйства, сможемъ понять исторію отдѣльныхъ хозяйственныхъ институтовъ,—что же касается общаго развитія народного хозяйства, то здѣсь мы имѣемъ только слабыя попытки, гипотетическія предположенія и телеологическія концепціи.

Такое ограниченіе задачъ политической экономіи является своего рода *testimonium paupertatis* новоисторической школы.

Жалька та наука, которая ограничиваетъ свою задачу отдѣльными узкими областями экономической жизни и считаетъ себя безсильной охватить всю ее въ цѣломъ.

Наука народного хозяйства должна стремиться къ тому, чтобы дать исчерпывающее объясненіе явленій, входящихъ въ кругъ ея изслѣдованія. При этомъ она не должна отказываться и отъ построенія общей теоріи развитія народного хозяйства. Стоя на точкѣ зрѣнія проф. Шмоллера, можно сказать, что нѣтъ единой политической экономіи, а существуетъ для каждаго времени, для каждаго народа и, наконецъ, для каждаго экономическаго института своя особая политическая экономія. Кстати сказать, подобный взглядъ уже высказывался въ нѣмецкой литературѣ.

По нашему личному убѣжденію, наука ни въ коемъ случаѣ не должна отказываться отъ рѣшенія общихъ проблемъ экономической жизни. Допустимъ даже, что въ отношеніи общихъ вопросовъ народного хозяйства мы до сихъ поръ имѣемъ одни только гипотетическія предположенія, но это говоритъ только о несовершенствѣ нашего знанія въ данный моментъ. Изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что и въ будущемъ мы не будемъ обладать таковымъ.

Изученіе отдѣльныхъ сторонъ народного хозяйства представляетъ только подмостки для конструирования болѣе общей системы. Это признавала раньше и сама новоисторическая школа въ лицѣ того же Шмоллера, откладывая построеніе общей теоріи до того момента,

когда будетъ собранъ соотвѣтствующій фактическій матеріалъ. Въ собраніи и группировкѣ этого матеріала онъ видѣлъ ближайшую задачу политической экономіи. Представители новонсторической школы въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій успѣли накопить груды этого матеріала, и повидимому уже пора было бы взяться за разработку общихъ теоретическихъ вопросовъ, опираясь на такой богатый матеріалъ, однако въ дѣйствительности мы видимъ не то. Корифей новонсторического направленія въ своемъ основномъ трудѣ, представляющемъ изъ себя плодъ почти полувѣковой ученой дѣятельности, отказывается отъ рѣшенія общихъ вопросовъ и даже болѣе того—считаетъ это невозможнымъ.

Въ первой книгѣ общаго ученія о народномъ хозяйствѣ говорится о природѣ, людяхъ и техникѣ, какъ основныхъ элементахъ народнаго хозяйства.

Въ отдѣлѣ о природѣ Шмоллеръ подробно трактуетъ о зависимости народнаго хозяйства отъ естественныхъ условій, — климата, почвы, расовыхъ и національныхъ особенностей. При этомъ дѣлается довольно шаблонная характеристика отдѣльныхъ національностей.

Въ главѣ о населеніи сообщаются тѣ свѣдѣнія, которыя обычно входятъ въ курсы статистики. Правда, въ Германіи, въ университетахъ которой не существуетъ спеціальной кафедры статистики, всегда въ курсахъ политической экономіи помѣщаются болѣе или менѣе обширныя свѣдѣнія по состоянію и движенію населенія. Подробное разсмотрѣніе проблемъ статистики въ курсахъ политической экономіи приводитъ нерѣдко къ тому, что онѣ не всегда рассматриваются съ достаточной обстоятельностью. Это замѣчаніе справедливо и въ отношеніи рецензируемаго изслѣдованія. Шмоллеръ, указывая колебанія въ пропорціи браковъ, отмѣчаетъ здѣсь вліяніе такихъ временныхъ причинъ, какъ урожай, повышеніе цѣнъ, конъюнктуры. Дѣйствіе же причинъ болѣе постоянныхъ, какъ преобладающая форма землевладѣнія, системы отбыванія воинской повинности и проч., онъ упускаетъ изъ виду.

Проблема населенія, по справедливому замѣчанію автора, имѣетъ огромное значеніе, какъ экономическое, такъ и политическое. Пути къ ея разрѣшенію заключаются въ поднятіи культурнаго уровня низшихъ классовъ и развитія въ нихъ предусмотрительности — это съ одной стороны; съ другой — разумная экономическая политика, облегчающая внутреннее уплотненіе населенія и виѣшнее разселеніе. Задача здѣсь заключается въ томъ, чтобы привести въ полное со-

гласіе экономическій прогрессъ съ ростомъ населенія, но, замѣчаетъ авторъ, самый разумный народъ не можетъ вполне достигнуть этого (S. 187).

Въ четвертомъ отдѣлѣ о развитіи техники въ ея экономическомъ значеніи читатель находитъ подробное изслѣдованіе о тѣхъ способахъ и тѣхъ вышшихъ средствахъ, которыми человѣкъ достигалъ удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая нашими днями.

Признавая огромное значеніе техники для всѣхъ сторонъ человеческой жизни, Шмоллеръ далекъ отъ того, чтобы выводить изъ техники, существующей у даннаго народа, его умственные и нравственные особенности или его общіе социальныя институты (S. 227).

Во второй книгѣ авторъ говоритъ объ общественной организаціи народнаго хозяйства. Предъ взоромъ читателя проходятъ очерки семейнаго хозяйства, городского, областного и, наконецъ, государственнаго. Въ вопросѣ объ отношеніи государственнаго хозяйства къ частному берлинскій профессоръ такъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія: „ни публичное, ни частное хозяйство не должны поглощать другъ друга: наоборотъ, они должны быть въ равновѣсіи, взаимно дополняя другъ друга. Ростъ государственной власти и государственныхъ финансовъ не можетъ быть продолжительнымъ безъ соотвѣтствующаго прогресса индивидуальной свободы, безъ свободы союзовъ, обществъ и другихъ кооперацій. Если какая-нибудь потребность можетъ быть хорошо и дешево удовлетворяема простымъ, социальнымъ аппаратомъ, то ее не должно передавать большому сложному и дорого стоющему механизму. Если еще и теперь въ Германіи половина жителей приготовляетъ себѣ картофель, хлѣбъ, свинину, то къ чему эти продукты должны продѣлывать кругъ, проходя черезъ социалистическій—государственный аппаратъ? Въ жизни отдѣльныхъ лицъ и семей была бы отнята значительная доля ея содержанія, ея ответственности и свободы, если бы повседневныя нужды съ ихъ удовлетвореніемъ были перенесены на государственную машину. Разнообразіе и прогрессивно возрастающее различіе социальныхъ формъ, этотъ признакъ высшей культуры, погибли бы въ монотонности громаднаго государственнаго хозяйства (S. 322).

Социалистическій идеалъ государства пытается заключить все разнообразіе социальной, экономической и политической жизни въ строго опредѣленныя рамки и границы. Здѣсь уже не будетъ мѣста индивидуальной почину, личной предпримчивости, все будетъ совер-

паться по строго опредѣленному, заранее установленному плану. И если безусловно уровень жизни всего населенія повысится съ точки зрѣнія сытости, за то его духовный обликъ не будетъ совершенствоваться безъ борьбы и страданій. Весьма и весьма сомнительно, вопарится ли тогда на землѣ рай, какъ объ этомъ мечтаютъ многіе изъ социалистическихъ романистовъ.

„Точнымъ и полнымъ знаніемъ взаимоотношенія публичнаго и частнаго хозяйства мы, говоритъ проф. Шмоллеръ, въ сожалѣнію не обладаемъ. Нѣкоторое понятіе объ этомъ могутъ дать слѣдующія цифры: Давидъ Вельсъ указываетъ, что къ началу XIX столѣтія расходы великобританскаго правительства составляли $\frac{1}{2}$ національнаго дохода, а теперь они составляютъ $\frac{1}{12}$, а съ коммунальными расходами— $\frac{1}{6}$; расходы прусскаго правительства составляютъ теперь отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всѣхъ доходовъ. Эти цифры ясно подтверждаютъ громадное вліяніе, конечно, не вездѣ одинаковое, государственнаго хозяйства на народное. Разница въ приведенныхъ цифрахъ въ отношеніи Пруссіи и Великобританіи показываетъ, насколько отлично идетъ прогрессъ расширенія сферы государственной дѣятельности въ культурныхъ странахъ. Гдѣ государственная власть расходуетъ $\frac{1}{2}$ національнаго дохода, должны быть нныя экономическія и государственныя условія, чѣмъ тамъ, гдѣ она расходуетъ всего лишь $\frac{1}{12}$ (S. 328).

Въ четвертомъ отдѣлѣ, о социальномъ и экономическомъ раздѣленіи труда, мы находимъ обстоятельныя свѣдѣнія о раздѣленіи труда въ семьѣ, родѣ, государствѣ. Авторъ обращаетъ особенное вниманіе на образованіе классовъ жреческаго, военнаго и торговаго—этихъ основныхъ типовъ всякой аристократіи, и затѣмъ рабочаго класса въ его трехъ главныхъ институтахъ—рабствѣ, крѣпостничествѣ и свободномъ трудѣ.

Одѣвивая теоретическія воззрѣнія экономистовъ на раздѣленіе труда, берлинскій профессоръ справедливо говоритъ, что какъ старое манчестерское направленіе, требовавшее безусловной свободы раздѣленія труда, такъ и болѣе новое социалистическое направленіе, стоящее за деспотизмъ въ организаціи раздѣленія труда—оба продукты неисторическаго, атомистическаго и материалистическаго пониманія общества. Раздѣленіе труда представляетъ изъ себя ни абсолютно гармоничный, ни всецѣло анархическій, но общественный процессъ, который имѣетъ свою основу въ единствѣ языка, мыслей, потребностей и моральныхъ идей, находитъ свою опору въ единствѣ права, нравовъ и организаціи средствъ сообщенія (S. 363).

Противовѣсомъ тѣневымъ сторонамъ раздѣленія труда должно являться сокращеніе для трудящихся классовъ рабочихъ часовъ, повышение заработной платы и участіе въ общественной и политической жизни. Большая часть лучшихъ реформъ нашего времени—всеобщее обученіе, всеобщая воинская повинность, самоуправленіе, судъ присяжныхъ, право петицій, представляютъ изъ себя реакцію противъ прежняго раздѣленія труда, съ цѣлью привести его въ гармоническое соотвѣтствіе съ ними (S. 367).

Не мало интересныхъ замѣчаній есть и въ отдѣлѣ о собственности. Распределенію поземельной собственности проф. Шмоллеръ справедливо придаетъ громадное значеніе. Оно оказываетъ существенное вліяніе на социальный строй страны, на образованіе классовъ, на ихъ окраску и т. д. Тамъ, гдѣ болѣе значительная часть земли принадлежитъ крестьянамъ, обыкновенно иначе складывается средній промышленный классъ, чѣмъ въ странахъ крупнаго землевладѣнія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ послѣднее, низшіе классы болѣе глубоко придавлены. Тамъ, гдѣ еще 40—60% всѣхъ главъ семей являются землевладѣльцами, какъ напримѣръ, въ странахъ нѣмецкаго мелакаго землевладѣнія, социальный строй долженъ отличаться большей демократической окраской, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ только 5—20% ихъ владѣютъ землей (S. 377).

Вопроса о недвижимой собственности въ городахъ, несмотря на его глубокую важность въ наше время, авторъ коснулся мимоходомъ, ограничиваясь одними бѣглыми замѣчаніями. Между тѣмъ правильное разрѣшеніе этого серьезнаго вопроса имѣетъ громадное значеніе для оздоровленія большихъ городовъ, для поднятія уровня благосостояніи бѣднѣйшихъ слоевъ населенія и въ частности, многочисленнаго рабочаго класса. (Ср. оцѣнку этого вопроса проф. Ад. Вагнеромъ).

Послѣдніе отдѣлы первой части Grundriss'a посвящены образованію классовъ и развитію формъ промышленныхъ предпріятій. Авторъ рассматриваетъ эти социально-политическія явленія въ процессѣ историческаго развитія.

Третья книга, начинающая собой вторую часть Grundriss'a, посвящена общественному процессу обращенія благъ и распределенія. Слѣдуетъ упомянуть объ интересномъ очеркѣ развитія рынковъ и ярмарокъ. Жалобы на возрастаніе посреднической торговли, по мнѣнію проф. Шмоллера, въ общемъ неосновательны. Высоко организованное народное хозяйство нуждается въ нормальномъ приростѣ торговаго посредничества. Всякій лишний членъ въ цѣпи—зло; гдѣ достаточно

одинъ, тамъ лишніе два или три. Личная выгода этихъ посредниковъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе освѣдомлены о рынкахъ потребители съ одной стороны и производители, съ другой. При такомъ положеніи дѣла возможны ростовщическіе проценты и эксплуататорская монополія. Здѣсь противовѣсомъ можетъ служить болѣе широкое распространеніе коммерческаго образованія, гласность и кооперативная организація потребителей и производителей.

Возрѣнія проф. Шмоллера на конкуренцію заслуживаютъ вниманія. Конкуренція—это борьба за существованіе. Часто она можетъ вести къ несправедливостямъ, къ насилию и прочее, но вмѣстѣ съ тѣмъ она есть школа силы, энергіи, прогресса. Чильдъ, Нортъ, физиократы, А. Смитъ, Бастіа, Кове, Рошеръ, Милль указывали на благодѣтельные послѣдствія конкуренціи. Скоро явилось и противоположное мнѣніе. Уже Фихте называлъ свободную конкуренцію Raubsystem. Особенно рѣзкое осужденіе нашла конкуренція у социалистовъ Луи-Блана, Энгельса и другихъ. Обычный упрекъ конкуренціи, раздающійся не только изъ одного социалистическаго лагеря, это тотъ, что она вызываетъ анархію производства, кризисы, что ея конечнымъ результатомъ часто бываетъ монополія и эксплуатация. Всѣ эти мнѣнія въ известной степени истинны и ложны, говоритъ авторъ. Тамъ, гдѣ конкуренція переходитъ извѣстныя границы, она наноситъ громадный вредъ. Для предотвращенія губительныхъ послѣдствій ея необходимо широкое развитіе гласности и общественнаго контроля. Въ этомъ случаѣ важную роль можетъ сыграть наличность хорошо освѣдомленной коммерческой прессы. Въ новое время наблюдается ясная тенденція къ урегулированію конкуренціи: сюда относятся такія явленія, какъ протекціонная система, облегченіе кредита крестьянамъ и мелкимъ ремесленникамъ, нѣкоторыя мѣры обложенія, принудительное страхованіе рабочихъ, патентное право, концессионная система и пр.

Устранить совершенно конкуренцію невозможно, такъ какъ это равносильно было бы прекращенію борьбы за существованіе. Манчестерство, считавшее конкуренцію благомъ, и социализмъ, стремившійся къ полному уничтоженію конкуренціи—абстрактныя доктринерскія рѣшенія вопроса, совершенно непригодныя для жизни. По мнѣнію автора, необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшать вопросъ о свободѣ конкуренціи или регулированіи ея. Дѣло идетъ почти всегда о справедливомъ компромиссѣ между противоположными въ себѣ самими, равноправными принципами. Изъ ихъ взаимодействія, изъ ихъ переменнаго то повышенія, то пониженія рождается здоровое развитіе.

Въ давнишнемъ спорѣ биметаллистовъ и монометаллистовъ авторъ вѣстаетъ на сторону послѣднихъ. Шмоллеръ полагаетъ вѣстѣ съ Лексисомъ, что интернаціональный биметаллизмъ вызвалъ бы революцію экономическихъ отношеній. Побѣда золотой валюты въ богатыхъ культурныхъ странахъ—это конечный этапъ историческаго развитія, которое отъ множества платежныхъ средствъ и измѣрителей цѣнности переходитъ въ концѣ концовъ къ золотой валютѣ. Эта валюта не есть просто слѣдствіе мѣръ правительства, но также результатъ потребностей современнаго народнаго хозяйства. Введеніе подобной валюты во всѣхъ государствахъ и странахъ—это дѣтское, неисполнимое желаніе. Съ равнымъ правомъ можно желать одинаковаго для всѣхъ раздѣленія труда, одинаковой техники, одного языка и тождественной формы правленія. Въ этомъ отношеніи могутъ сыграть большую роль монетные конгрессы. Для урегулированія международныхъ расплатъ проф. Шмоллеръ рекомендуетъ учрежденіе особаго спеціального института въ родѣ расчетной палаты.

Прекрасно обрисовавъ гибельныя стороны денежнаго хозяйства, авторъ вполне справедливо замѣчаетъ, что нельзя сказать, чтобы отношенія людей и теперь исключительно ограничивались одними денежными расплатами (cash-nexus). Купецъ и его клиентъ связаны нравственными отношеніями довѣрія; врачъ или ученый не удовлетворяются однимъ только гонораромъ, чиновникъ и министръ—однимъ жалованьемъ, предприниматель—прибылью. Чувство профессиональной чести, уваженіе, общественное мнѣніе играютъ важную роль и теперь.

Причину нестроенія денежнаго хозяйства нельзя видѣть въ деньгахъ, какъ нѣкоторые склонны думать. Деньги—орудіе прогресса, мы должны только научиться правильно пользоваться имъ и тогда не будемъ имѣть нужды поносить ихъ, бояться, изгонять, какъ требуетъ этого дѣтскій страхъ.

Въ четвертомъ отдѣлѣ проф. Шмоллеръ даетъ психологическій анализъ тѣхъ чувствъ и сужденій, на почвѣ которыхъ складывается понятіе „цѣнности“ вообще. Вопросъ объ основаніяхъ цѣнности авторъ разрѣшаетъ такъ: слѣдуя Рау, онъ различаетъ три вида цѣнности—потребительную (Gebrauchswert), производительную (Erzeugungswert) и мѣновую или рыночную (Tausch- oder Marktwert). Изслѣдованіе первой входитъ въ задачу психологін и исторіи культуры; второй—въ область технологін и физиологін; и только третья составляетъ дѣйствительный предметъ науки о народномъ хозяйствѣ; и она опредѣляется спросомъ и предложеніемъ.

Такое рѣшеніе вопроса о цѣнности, составляющаго крестъ для умовъ экономистовъ, нельзя не признать остроумнымъ. Всѣ попытки найти единый источникъ цѣнности потерпѣли крушеніе. Проф. Шмоллеръ подходитъ къ вопросу съ другой стороны: путемъ расчлененія самаго понятія хозяйственной цѣнности на три отдѣльныхъ вида онъ остроумно разрубаешь гордиевъ узелъ, переходя къ рассмотрѣнію рыночной цѣнности, опредѣляемой спросомъ и предложениемъ. Такая постановка вопроса освобождаетъ политическую экономію отъ того схоластическаго балласта, который внесли въ него споры о цѣнности. Безконечные споры о томъ, что составляетъ основу цѣнности, по существу, оказались безплодными и только загромождали различными отвлеченными тонкостями теорію. Въ послѣднее время среди экономистовъ замѣтно стремленіе освободиться отъ этой экономической схоластики.

Выясняя условія интенсивности спроса и предложенія, авторъ основательно указываетъ на коренной недостатокъ квантитативной теоріи, упускавшей изъ виду психическое взаимодействіе двухъ группъ, опредѣляющихъ спросъ и предложеніе — продавцовъ и покупателей. На мѣсто простыхъ величинъ здѣсь нужно поставить сложныя общественныя и психическія отношенія. Авторъ отдѣльно анализируетъ спросъ — изъ какихъ элементовъ онъ складывается и какія силы опредѣляютъ его интенсивность; и затѣмъ точно также разсматриваетъ и предложеніе.

Этотъ отдѣлъ разработанъ имъ весьма обстоятельно и детально. Кстати сказать, важный законъ спроса и предложенія во многихъ иностранныхъ курсахъ и почти во всѣхъ русскихъ учебникахъ трактуется мимоходомъ. Изъ иностранныхъ курсовъ можно указать еще на Principles of Economics Маршалла, который подробно останавливается на изслѣдованіи этого закона; но его изложеніе значительно уступаетъ Grundriss'у и богатствомъ матеріала и интересностью постановки этой важной проблемы.

Къ наиболее интереснымъ отдѣламъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, отдѣлъ, посвященный рабочему вопросу (Arbeitsverhältniss, Arbeitsrecht, Arbeitsvertrag und Arbeitslohn), гдѣ мы находимъ всестороннее освѣщеніе этого сложнаго вопроса. Говоря о происхожденіи свободнаго рабочаго класса, проф. Шмоллеръ указываетъ на то, что побѣда свободнаго труда, начавшаяся съ 1500 г. и вполне закончившаяся около 1870 г., была истиннымъ благословеніемъ только для лучшей трети рабочихъ; другая треть, воспитанная въ духъ натурального

хозяйства и опеки, нуждалась во многих десятилѣтіяхъ для того, чтобы, ставши на ноги, разумно понять свои интересы въ новыхъ юридическихъ формахъ и приспособиться къ денежному хозяйству; наконецъ, слабѣйшая часть рабочихъ вынуждена была или отступить на жизненномъ пиру или совершенно погибнуть, такъ какъ она не могла приспособиться къ новымъ жизненнымъ формамъ. Она не въ состояніи была совершить тотъ технико-экономическій и моральный прогрессъ, безъ котораго не можетъ благоприятно дѣйствовать институтъ свободнаго труда (S. 264).

Справедливо указываетъ авторъ, что вопросы, относящіеся къ рабочему классу, будутъ только тогда ясны, когда этотъ классъ будетъ раздѣленъ на его составные элементы. Помимо различій заработка, возраста, семейнаго положенія, здѣсь должны быть приняты во вниманіе этическія и психологическія особенности. Проф. Шмоллеръ даетъ опытъ сравнительной характеристики главныхъ этническихъ и историческихъ типовъ современнаго рабочаго класса, какъ напримѣръ, рабочихъ въ колоніяхъ, въ мѣнѣе культурныхъ странахъ (въ Россіи, Японіи, Китаѣ) и наконецъ въ Западной Европѣ. Эта историческая точка зрѣнія проливаетъ значительный свѣтъ на эту социальную проблему. Рѣшеніе рабочаго вопроса не можетъ быть чисто абстрактнымъ и однообразнымъ; оно всегда должно согласоваться съ той исторической обстановкой, среди которой образовался данный рабочій классъ.

Нѣтъ болѣе важнаго экономическаго и социальнаго вопроса, какъ рабочій вопросъ. Отъ него зависитъ будущее общества и государства. Поэтому-то, разумная и справедливая организація всѣхъ относящихся сюда институтовъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ настоящаго и будущаго.

По поводу защищаемыхъ социалистами правъ рабочихъ на существованіе, на трудъ и на весь доходъ отъ него, Шмоллеръ замѣчаетъ, что они не представляютъ изъ себя простыхъ ясныхъ правовыхъ положеній, это скорѣе постулаты, содержащіе общія и довольно неопредѣленные представленія о будущемъ идеальномъ правопорядкѣ, о такой организаціи народнаго хозяйства, какъ это изображается въ социалистическихъ романахъ. Берлинскій профессоръ, разбирая въ отдѣльности эти постулаты, указываетъ, въ какомъ объемѣ они имѣютъ смыслъ и въ какомъ переходятъ границы разумнаго и возможнаго.

Болѣе старая теорія заработной платы, какъ онѣ опредѣлялись

до 1870 г., являются абстракціями изъ экономическаго "положенія Западной Европы съ одной стороны—въ періодъ отъ 1500 по 1750 г., а съ другой — въ періодъ отъ 1750 г. по 1870 г. Авторъ дѣлаетъ обзоръ этихъ теорій, начиная съ просвѣщеннаго рационализма и кончая социалистическими теоріями Родбертуса и Маркса. Каждая изъ этихъ теорій содержитъ въ себѣ крупную истину, добытую на основаніи частичныхъ наблюденій. Вообще же онѣ представляютъ изъ себя ошибочныя или ложныя обобщенія наблюдаемыхъ фактовъ. Впервые только съ 1860—1900 гг. явилась возможность составить правильное сужденіе о движеніи заработной платы на основаніи разнообразнаго историко-статистическаго матеріала въ связи съ правильной оцѣнкой рабочихъ союзовъ, фабричнаго законодательства и другихъ социальныхъ институтовъ. Изъ ученыхъ, потрудившихся на этомъ поприщѣ, можно назвать Торптона въ Англии, Brentano въ Германіи и Вальтера въ Сѣверныхъ Штатахъ.

Суммируя положенія современной науки по вопросу о причинахъ повышенія заработной платы, проф. Шмоллеръ ставитъ интересный вопросъ, почему заработная плата понизилась въ 1500—1650 гг. и еще больше въ 1750—1850 гг. и почему она поднялась въ 1850—1900 гг.?

Этихъ явленій нельзя объяснить внѣ связи съ большими измѣненіями народно-хозяйственной организаціи и общихъ экономическихъ институтовъ. Въ Западной Европѣ съ 1400—1600 гг. замѣчается быстрый приростъ населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшеніе экономическаго положенія крестьянъ. Средневѣковые, феодальные институты, старое городское хозяйство, цеховой строй не удовлетворяли болѣе. Стало развиваться новое денежное хозяйство; капиталъ, торговля начали приобретать все большее значеніе. Классъ рабочихъ съ денежной оплатой труда складывался медленно въ XVI вѣкѣ, быстрее въ XVIII—XIX вѣкахъ. Его экономическое положеніе было хуже, чѣмъ положеніе крестьянъ, цеховыхъ мастеровъ и подмастерьевъ, потому что, не имѣя организаціи, рабочіе не могли удовлетворительно приспособиться къ денежному хозяйству. Положеніе ихъ еще ухудшилось въ періодъ съ 1750 по 1850 г. Населеніе Англии, Франціи, Голландіи, Германіи возрастало въ большей пропорціи, чѣмъ когда бы то ни было. Распространялись новые приемы техники, новыя средства сношеній, новыя формы предпріятій. Денежное и кредитное хозяйство одержало окончательную побѣду. На почвѣ новой хозяйственной свободы быстро развилась конкуренція.

Рядомъ съ этимъ наблюдается значительный приростъ рабочаго класса. Болѣе значительная часть его составныхъ элементовъ выросла въ старое время натурального хозяйства съ его патриархальными отношеніями, въ эпоху соціальной принижности и покорности. Рабочіе, лишеныя всѣхъ прежнихъ опоръ, противостояли безпомощные и безсильные быстро разбогатѣвшимъ, кучески разсчитливымъ работодателямъ. Естественно, что подъ вліяніемъ такихъ неблагопріятныхъ условій понизился уровень ихъ жизни, а вмѣстѣ и заработная плата.

Послѣ того, какъ завершилась замѣна натурального хозяйства денежнымъ, когда государство выступило на борьбу съ губительными послѣдствіями новой организаціи производства, и когда наконецъ сами рабочіе организовались и прониклись классовымъ сознаніемъ, тогда мы наблюдаемъ повышеніе уровня ихъ жизни вмѣстѣ съ заработной платой (указанныя явленія и совершились въ періодъ съ 1850 по 1900 г.). Это повышеніе опредѣлялось, съ одной стороны, общими хозяйственными измѣненіями и конъюнктурами, которыя въ общемъ были благопріятны для рабочихъ, а съ другой—внутреннимъ подъемомъ низшихъ классовъ подъ вліяніемъ политическихъ и соціальныхъ институтовъ.

Духовный подъемъ рабочаго класса, возрастающія вниманіе и симпатія къ нему высшихъ классовъ, соціальныя реформы—вотъ причины улучшенія экономическаго положенія рабочихъ классовъ. Весь этотъ рядъ причинъ, относящихся къ сферѣ человѣческихъ дѣйствій, зависитъ отъ опредѣленій воли и разсудка, отъ идеаловъ и моральныхъ силъ (ist abhängig von Einsicht und Willensbestimmung, von Idealen und moralischen Kräften, S. 316).

Большое значеніе авторъ придаетъ тѣмъ соціальнымъ институтамъ, которые развились на почвѣ капиталистическаго хозяйства, какъ противовѣсъ его темнымъ сторонамъ. Этимъ институтамъ посвященъ слѣдующій отдѣлъ Grundriss'a. Берлинскій экономистъ придаетъ особое значеніе германскому опыту страхованія рабочихъ. „Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что нѣмецкая реформа знаменуетъ собой всемирноисторическій поворотъ въ смыслѣ исправленія такъ называемаго капиталистическаго хозяйства (die deutsche Reform, eine weltgeschichtliche Wendung im Sinne der Korrektur der sogenannten Kapitalistischen Volkswirtschaft sei). Мы лично склонны считать такую оцѣнку слишкомъ преувеличенной. Нѣмецкая реформа, значительно улучшая экономическое положеніе рабочаго класса, далеко не затрагиваетъ основъ самаго капиталистическаго строя, и потому видѣтъ въ ней поворотный

пунктъ на пути капиталистическаго развитія—это значить слишкомъ переоцѣнивать ее. Безусловно, это большой шагъ впередъ по пути улучшенія экономическаго положенія рабочихъ, но и только.

Въ настоящее время, говоритъ берлинскій профессоръ, известны три формы страхованія рабочихъ: 1) частно-правная — страхованіе въ частныхъ обществахъ и акціонерныхъ компаніяхъ; 2) смѣшанная, гдѣ существуютъ государственныя учрежденія для страхованія рабочихъ рядомъ съ свободными союзами и частными страховыми обществами; 3) принудительная система государственнаго страхованія. Последняя система принята въ Германіи и Австро-Венгріи и начинаетъ прививаться въ Скандинавіи, Швейцаріи и Австраліи. Первый типъ развится въ Англіи и во Франціи, теперь господствуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Второй—въ западной и южной Европѣ.

Два ряда причинъ опредѣляютъ существованіе въ данномъ государствѣ той или другой системы: во-первыхъ, общее экономическое и социальное развитіе; во-вторыхъ, господствующія социально-политическія воззрѣнія, поскольку они выразились въ литературѣ, въ публицистикѣ, а также и въ социальныхъ институтахъ. Лично авторъ, признавая тѣневныя стороны принудительнаго государственнаго страхованія, отдаетъ все-таки ему предпочтеніе.

Подводя итоги этому отдѣлу, профессоръ Шмоллеръ не безъ основанія говоритъ, что въ подобнаго рода учрежденіяхъ нужно видѣть начинающееся обобществленіе народнаго хозяйства съ точки зрѣнія гуманности, нравственности и права.

Вполнѣ можно согласиться съ авторомъ въ признаніи громаднаго значенія за профессиональными союзами въ дѣлѣ воспитанія рабочей массы. Пока членами ихъ состоятъ только избранные рабочаго класса; въ виду этого процессъ воспитанія всего рабочаго класса будетъ продолжаться еще многія поколѣнія. Наше послѣднее рабочее движеніе показало, насколько желательно съ этой точки зрѣнія развитіе такихъ союзовъ и среди нашего рабочаго класса, несравненно хуже дисциплинированнаго, чѣмъ нѣмецкіе рабочіе. Для нашихъ рабочихъ—это будетъ лучшая школа для насажденія и развитія въ нихъ чувствъ гражданственности и обществениости.

Четвертая книга Grundriss'a посвящена развитію народно-хозяйственной жизни въ ея цѣломъ.

Въ теоретической части главы о кризисахъ профессоръ Шмоллеръ такъ опредѣляетъ причину кризисовъ: спекулятивная частно-хозяйственная организація нашего народнаго хозяйства съ его образова-

нѣмъ цѣнъ, съ его механизмомъ рынка и средствъ сообщенія, съ его конкуренціей есть послѣдняя и внутреннѣйшая причина кризисовъ. Какъ видимъ, авторъ въ вопросѣ о причинахъ кризисовъ придерживается взгляда, впервые установленнаго Сисмонди, а затѣмъ уже развитаго социалистами. Правда, названіе такой организаціи хозяйства анархической и непланомѣрной Шмоллеръ находитъ слишкомъ преувеличеннымъ.

Защищаемое имъ объясненіе кризисовъ — односторонне. Есть и другія причины разстройствъ въ нормальномъ ходѣ экономической жизни, напримѣръ, неурожаи, войны, революціи и проч. Изъ исторіи извѣстно не мало кризисовъ, обусловленныхъ такого рода явленіями, назовемъ хотя бы хлопковый голодъ въ Англій.

Самъ Шмоллеръ при классификаціи кризисовъ отступаетъ отъ своего объясненія, указывая и другія причины ихъ (S. 489—490).

Во второмъ отдѣлѣ о классовой борьбѣ авторъ даетъ подробный очеркъ развитія классовъ, начиная съ древней Греціи. Вкратцѣ онъ коснулся здѣсь и аграрнаго развитія Россіи. Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія слишкомъ отрывочны и бѣдны, а мѣстами и устарѣлы. Поэтому, они не могутъ дать западно-европейскимъ читателямъ точнаго представленія о нашемъ аграрномъ строе. Профессоръ Шмоллеръ является противникомъ общиннаго землевладѣнія; по его мнѣнію, уничтоженіе общины могло бы содѣйствовать прогрессу нашего обѣднѣвшаго крестьянства. Таково мнѣніе западно-европейскаго теоретика; кстаті сказать, мнѣніе, преобладающее на Западѣ. Въ отечественной литературѣ еще недавно господствовало противоположное мнѣніе. Не такъ давно представители земли высказались противъ законодательнаго вмѣшательства въ рѣшеніе вопроса объ общинномъ землевладѣніи (имѣемъ въ виду комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности). Самые послѣдніе законодательные акты по аграрному вопросу въ Россіи заключаютъ въ себѣ ясную и опредѣленную тенденцію къ уничтоженію земельной общины.

Невѣрно утвержденіе автора, что въ Россіи еще не созданъ классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ (S. 528). Послѣднее рабочее движеніе съ достаточной убѣдительностью показало, что нашъ рабочий классъ далеко не является *quantité negligible*.

Профессоръ Шмоллеръ критически относится къ нашей экономической и финансовой политикѣ послѣдняго времени, въ результатѣ приведшей къ обнищанію крестьянства.

Насажденіе у насъ крупной промышленности шло безъ церенесе-

нія на русскую почву тѣхъ социальныхъ институтовъ, которые въ известной степени парализуютъ гибельныя стороны капиталистическаго хозяйства и которые такъ широко привились на Западѣ: именно — профессиональные союзы, третейскіе суды, примирительныя камеры, обязательное страхование рабочихъ и проч. Еще слишкомъ недавній опытъ воочию показалъ, какъ опасно перенимать одни стороны капиталистическаго хозяйства, игнорируя другія.

Въ заключительномъ отдѣлѣ мы находимъ очеркъ общаго экономическаго развитія человѣчества и отдѣльныхъ народовъ. Здѣсь авторъ обстоятельно выяснилъ тѣсное взаимодействие между прогрессомъ экономическимъ, социальнымъ и вообще духовнымъ. „Der wirtschaftliche Fortschritt an so viele Bedingungen und Umbildungen sozialer und staatlicher Natur, an so viele individuelle körperliche und psychologische Fortschritte, an so viele Änderungen der Sitten und Gewohnheiten gebunden ist“ (S. 655).

Отсюда видимъ, какъ далеко проф. Шмоллеръ отъ материалистическаго пониманія исторіи.

На стр. 667—668 берлинскій профессоръ излагаетъ свою схему развитія. Въ общемъ ходѣ мірового историческаго процесса онъ различаетъ двѣ эпохи: 1) образованіе военныхъ государствъ съ натуральнымъ хозяйствомъ, гдѣ надъ родовой примитивной хозяйственной жизнью возвышается уже теократическая, деспотическая надстройка; 2) вторая эпоха, начинающаяся съ классической древности и новой индогерманской исторіи, характеризуется болѣе крѣпкой связью членовъ и частей, съ болѣе сложной организаціей и раздѣленіемъ труда.

Последняя эпоха въ свою очередь распадается на 4 или 5 періодовъ: 1) періодъ аграрнаго индивидуальнаго хозяйства и родовой жизни—до X—XI столѣтія западно-европейской исторіи; 2) эпоха городского хозяйства отъ XII до XVI в.; 3) эпоха территориальныхъ государствъ отъ XIV до XVIII ст.; 4) эпоха великихъ національныхъ государствъ и національнаго хозяйства XVIII и XIX в. и наконецъ 5) эпоха міровыхъ государствъ.

Проф. Шмоллеръ заявляетъ, что установленная имъ въ 1884 г. періодизація девять лѣтъ спустя была повторена Бюхеромъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ.

Не будемъ входить въ разсмотрѣніе того, насколько самостоятельна теорія Бюхера. Можно сказать только, что зачатки ея даны не въ періодизаціи Шмоллера, а скорѣе въ періодизаціи Гильдебранда и еще больше Родбертуса.

О нашем личном отношеніи къ подобнаго рода опытамъ приходилось говорить въ печати; въ настоящемъ случаѣ замѣтимъ только, что схема Бюхера на нашъ взглядъ все-таки стоитъ выше въ научномъ отношеніи схемы Шмоллера. Она отличается большей простотой, ясностью и опредѣленностью. Къ тому же въ основу ея положенъ одинъ экономическій принципъ. Наоборотъ, характерными особенностями схемы Шмоллера являются сложность и отсутствіе одного руководящаго принципа въ периодизаціи. Рядомъ съ экономическими принципами у него стоятъ соціальныя и политическія. Въ виду этого нужно отдать предпочтеніе схемѣ Бюхера, получившей такое широкое распространеніе въ нашей наукѣ.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ этого капитальнѣйшаго изслѣдованія, мы прежде всего остановимъ вниманіе на тѣхъ сторонахъ, которыя на нашъ взглядъ являются его недостатками.

Самъ авторъ хорошо сознавалъ основной недостатокъ своего Grundriss'a. Въ предисловіи Шмоллеръ высказываетъ убѣжденіе, что его трудъ не удовлетворитъ ни теоретиковъ-экономистовъ, ни историковъ. Желая освободить ученіе о народномъ хозяйствѣ отъ ложныхъ абстракцій путемъ точнаго, историческаго, статистическаго и экономическаго изслѣдованія, онъ стремился скорѣе къ описанію, чѣмъ къ общему познанію закономерности хозяйственныхъ явленій (S. VI, Bd. II).

Преслѣдуя такую задачу, авторъ обращаетъ вниманіе не на основныя типическія явленія народнаго хозяйства, но наоборотъ, выдвигаетъ на первый планъ сложное, конкретное многообразіе живой дѣятельности. Стремясь къ исчерпывающему описанію экономической жизни, проф. Шмоллеръ естественно затрагиваетъ соприкасающіяся съ ней сферы, нерѣдко забывая о прямомъ предметѣ своего изслѣдованія. Трудно „объять необъятное“, поэтому автору приходится временами ограничиваться общими энциклопедическими разсужденіями. Читая его Grundriss, мѣстами забываешь, что предъ тобой изслѣдованіе по политической экономіи, а не по исторіи или социологіи. Особенно это нужно сказать о первомъ томѣ, второй томъ производитъ на читателя болѣе выгодное впечатлѣніе; здѣсь авторъ трактуетъ о вопросахъ политической экономіи и не уклоняется, за рѣдкими исключеніями, въ область другихъ родственныхъ дисциплинъ.

Вообще, Grundriss проф. Шмоллера представляетъ скорѣе не теорію народнаго хозяйства, а его исторію. Мы здѣсь находимъ подробныя историческія очерки развитія отдѣльныхъ хозяйственныхъ институтовъ,

всегда разсматриваемыхъ авторомъ въ процессъ ихъ историческаго развитія. На первомъ мѣствѣ у него всюду эволюціонно-историческій процессъ. Каждое явленіе разсматривается имъ больше съ динамической, чѣмъ съ статической точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, авторъ не выдѣляетъ изъ переходящаго, измѣняющагося разнообразія исторической дѣйствительности того, что составляетъ сущность экономическихъ явленій. У него нѣтъ общихъ категорій, поэтому читатель легко и затерявается въ массѣ мелочныхъ подробностей, деталей, которыми такъ богатъ Grundriss. Стоя на эволюціонно-исторической точкѣ зрѣнія, берлинскій профессоръ избѣгаетъ какихъ-либо догматическихъ выводовъ.

Отдѣльныя главы Grundriss'a представляютъ изъ себя скорѣе самостоятельныя очерки, чѣмъ живыя части единаго цѣлаго. Онѣ нисколько не потеряли бы въ своемъ значеніи, если бы появились въ печати отдѣльно другъ отъ друга. Въ рецензируемомъ изслѣдованіи онѣ объединены только точкой зрѣнія автора и своимъ общимъ характеромъ.

Само собой разумѣется, въ этихъ очеркахъ нельзя искать новаго разрѣшенія теоретическихъ проблемъ, развѣ мѣстами можно встрѣтить новое освѣщеніе социальна-экономическихъ вопросовъ на основаніи богатыхъ данныхъ историко-статистическаго наблюденія. Grundriss ясно показалъ всю несостоятельность новоисторической школы въ разработкѣ экономической теоріи. Эта школа не пошла дальше изслѣдованій въ исторіи народнаго хозяйства, и этимъ въ сущности ограничилось ея значеніе въ общемъ ходѣ развитія экономической доктрины. Если раньше болѣе довѣрчивые экономисты могли ожидать отъ новоисторическаго направленія откровеній въ области теоріи народнаго хозяйства, то послѣ появленія Grundriss'a проф. Шмоллера, этого талантливейшаго представителя новоисториковъ, навѣрное, никто уже не станеть возлагать такихъ несбыточныхъ надеждъ. Теперь не можетъ быть двухъ мнѣній о роли новоисторической школы въ разработкѣ экономическихъ проблемъ. Дитцель вѣрно замѣчаетъ, „dass der historisch-realistischen Schule bez. ihren Hauptvertretern nach einer kritischen Zerstörung der Begriffslehre der ältern Doctrin ein positiver Neubau derselben nicht gelungen ist, dass vielmehr die Wirthschaftslehre zu einer Lehre vom Volksleben ausgedehnt ist, dass der ungestüme Drang nach Erweiterung der Grenze zu einer Vermischung jeder Grenze geführt hat“.

(Der Ausgangspunkt der Socialwirthschaftslehre und ihr Grundbegriff въ Zeit. f. d. ges. Staatsw. 1883).

Этимъ мы нисколько не желаемъ поколебать того скромнаго значенія, которое по праву принадлежитъ этому направленію въ области историческихъ изысканій. Къ сожалѣнію, по вѣрному замѣчанію Бюхера, извлеченный въ такомъ количествѣ на свѣтъ Божій, хозяйственно-историческій матеріалъ остается до сихъ поръ въ значительной степени бесполезнымъ кладомъ, ожидающимъ еще научнаго изслѣдованія. Ново-историческая школа—дѣтя своего времени; теперь она должна уступить мѣсто другимъ направленіямъ, болѣе соответствующимъ требованіямъ современности. Экономическая мысль должна искать новыхъ путей и, намъ кажется, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены интересы теоріи, а не исторіи. Правда, для русской экономической науки, еще не пережившей эпохи историзма, фазисъ болѣе всесторонней разработки теоріи народнаго хозяйства былъ бы преждевремененъ, но для западно-европейской мысли и въ частности, для германской—пришло время снова взяться за разработку теоретическихъ вопросовъ.

Указанные нами недостатки Grundriss'a проф. Шмоллера, въ известной степени обусловленные основной точкой зрѣнія его школы, нисколько, конечно, не умаляютъ тѣхъ достоинствъ, которыми отличается рецензируемое изслѣдованіе.

Проф. Шмоллеръ, съ присущей ему талантливостью, далъ въ немъ рядъ интересныхъ, увлекательно написанныхъ историческихъ очерковъ по разнымъ отдѣламъ политической экономіи. Стилъ его отличается легкостью, изяществомъ и красотой формы; не мало страницъ написано съ большимъ подъемомъ.

При разсмотрѣніи тѣхъ или другихъ вопросовъ авторъ всегда обращаетъ вниманіе на социальную обстановку, вводя въ кругъ своего изслѣдованія обычаи, нравы, правовыя воззрѣнія и пр. Все это значительно облегчаетъ уразумѣніе социальнаго-экономическихъ проблемъ.

Другой отличительной особенностью Grundriss'a является широкая историческая перспектива. Авторъ всюду стремится дать всестороннее освѣщеніе трактующихся вопросовъ, обильно пользуясь данными другихъ вспомогательныхъ наукъ. Иногда онъ слишкомъ увлекается подобными экскурсами и подчасъ впадаетъ въ излишнія подробности; но тамъ, гдѣ авторъ бываетъ умѣренъ, такое всестороннее освѣщеніе значительно помогаетъ уясненію трудныхъ экономическихъ проблемъ.

Въ оцѣнкѣ хозяйственныхъ отношеній проф. Шмоллеръ, чуждаясь крайностей, всегда держится социальнаго точки зрѣнія. На первомъ

мѣствъ у него общее народное благо. Сочувствіе автора, на сторонѣ менѣе обеспеченныхъ матеріально классовъ; онъ ясно и опредѣленно высказывается за поднятіе культурнаго и экономическаго уровня низшихъ слоевъ общества. Берлинскій профессоръ является убѣжденнымъ сторонникомъ широкихъ социальнo-политическихъ реформъ. Бодрое настроеніе автора просвѣчиваетъ всюду въ его трудѣ; съ твердой вѣрой онъ смотритъ на будущее человечества, подобное же настроеніе вызываетъ книга и у читателя.

Пользованіе этимъ обширнымъ Grundriss'омъ не встрѣчаетъ затрудненій благодаря двумъ указателямъ—именному и предметному. Указатели значительно облегчаютъ справки въ этомъ довольно громоздкомъ изданіи.

Н. Г. Вобльш.

D-r Jos. Karásek. SLAVISCHE LITERATURGESCHICHTE. I. Aeltere Literatur bis zur Wiedergeburt. (Sammlung Göschen, № 277). Leipzig 1906.

Въ собраніи Гешена, содержащемъ цѣлый рядъ научно-популярныхъ книжекъ по разнымъ отраслямъ знанія, появился въ текущемъ году трудъ чешскаго писателя, молодого ученаго д-ра I. I. Караска „Исторія славянской литературы“. Примыкая къ раньше выпущеннымъ издательствомъ Гешена обзорамъ исторіи литературы нѣмецкой (M. Koch, № 31, Weibrecht, № 161, 134 и 135), англійской (H. Weiser, № 69), итальянской (K. Vossler, № 25), испанской (R. Voeg, № 167, 168), португальской (K. Reinhardtstoettner, № 213), греческой (A. Gercke, № 70) и римской (H. Joachim, № 52) и особенно къ „исторіи русской литературы“ (G. Polonskij, № 166), книжка д-ра Караска носитъ въ общихъ чертахъ тотъ же характеръ, которымъ отличаются и вышеупомянутыя руководства: это—сжатый обзоръ литературныхъ явленій въ связи съ біографическо-библіографическими указаніями о писателяхъ и съ обрисовкой важнѣйшихъ историко-культурныхъ отношеній эпохи; необходимость ограничивать свой трудъ извѣстными рамками формы и опредѣленныхъ размѣровъ книжки, необходимость считаться съ общимъ характеромъ и направленіемъ всего изданія являются тѣми неблагоприятными условіями, съ которыми приходилось имѣть дѣло автору новѣйшаго въ настоящее время обзора исторіи славянскихъ литературъ; тѣмъ выше поэтому заслуга г-на Караска, удачно справившагося съ своей задачей и давашаго въ разсматриваемой книжкѣ весьма полезный и обстоятельный справочникъ по славян-

скимъ литературамъ до XIX вѣка, кромѣ литературы русской, обработанной для изданія, какъ выше отмѣчено, г. Полонскимъ, справившимся однако съ своей задачей очень неудачно, въ особенности по отношенію къ древнему и среднему періодамъ русской литературы ¹⁾).

Что касается автора разсматриваемой книжки, то его научная и публицистическая дѣятельность могли являться ручательствомъ того, что онъ находится въ курсѣ дѣла по взятому имъ для разработки вопросу.

Ученикъ знаменитаго слависта академика И. В. Ягича, д-ръ Карасекъ, родившійся въ 1868 г., получилъ образованіе въ Ичинской гимназій и университетахъ Пражскомъ и Вѣнскомъ, гдѣ и работалъ подъ умѣлымъ руководствомъ выдающагося слависта. По окончаніи университетскихъ студій І. І. Карасекъ состоитъ съ 1896 г. по 1900 г. редакторомъ правительственныхъ газетъ въ Прагѣ, заводитъ въ нихъ литературный фельетонъ, занимается переводами съ нѣмецкаго языка на чешскій и является референтомъ „Národní Listy“ по славянскимъ и особенно по русской литературамъ. Оставивши въ 1900 г. редакторство, г. Карасекъ становится, какъ говорятъ нѣмцы, „Privatgelehrter“ и занимается исключительно научно-литературнымъ трудомъ, ведетъ между прочимъ славянскую рубрику въ редактированномъ въ 1900—1903 г. извѣстнымъ потомъ проф. М. Врхлицкимъ журналѣ „Česká Revue“. Въ этомъ журналѣ онъ помѣщаетъ между прочимъ интересную статью о русско-чешскихъ и русско-австрійскихъ отношеніяхъ, статья о Гавличкѣ въ Бриксенѣ, о сѣверо-итальянскомъ путешествіи Коллара и т. д. Въ „Naša Doba“ обращаетъ на себя вниманіе русскаго читателя статья д-ра Караска о развитіи русской журналистики; тамъ же помѣщаетъ онъ рядъ очерковъ о Македоніи, Старой Сербіи, Албаніи и переводъ мемуаровъ Суботича о славянскомъ съѣздѣ 1848 г. въ Прагѣ. Сотрудничаетъ онъ кромѣ того по „Slavica“ въ „Slovanský Přehled“, „Archiv für slav. Philologie“, „Oesterreich. Literaturblatt“, „Anthropologische Mitteilungen“, „Славянское Обозрѣніе, Славянскій вѣкъ, Летописи Мат. Серб.“ и др. Изданію въ „Komenu“ двухъ выпусковъ изъ Хельшицкаго, участіе въ Колларовскомъ сборникѣ статьей „Kollar ve Vidni a jeho autobiographie“, изданію „Sbornik Čechů Dolnorakouských“, научная поѣздка при поддержкѣ Вѣнской Академіи въ Далмацію съ цѣлью изученія Дубровницкой литературы, занятія

¹⁾ Наша замѣтка о ней въ Извѣстіяхъ II отд. Ак. Наукъ, 1906.

„Чешской бібліей“, апокрифической литературой, наконецъ выпускъ обзора чешской литературы новаго времени—таковы научныя занятія д-ра Караска, служившія для него подготовительной школой къ выпуску разсматриваемой новой его книжки. Въ качествѣ пособій для своего труда авторъ воспользовался почти всѣми извѣстными до сихъ поръ солидными руководствами по исторіи славянскихъ литературъ, какъ то Пыпина и Спасовича, Ягича, С. Поваковича, Медина, Шурмина, Грничя, А. Брюкнера, Хмѣлевскаго, Тарновскаго, Фельдмана, Воборника, Влчка, Флайшханса, „Literatura česka XIX st.“ и рядомъ другихъ; изъ цѣпныхъ, не упомянутыхъ составителемъ, пособій слѣдовало бы добавить руководство по исторіи болгарской литературы проф. Тодорова, трудъ по исторіи сербской литературы XVIII в. проф. Остича ¹⁾ и не утратившіе значенія еще и до сихъ поръ капитальный трудъ Шафарика и солидное изслѣдованіе проф. Крека „Einleitung in die slavische Literaturgeschichte“. Приводитъ д-ръ Карасекъ въ „Literaturverzeichniss“ и цѣлый рядъ использованныхъ имъ монографій по западно- и юго-славянскимъ литературамъ.

Разсматриваемый трудъ д-ра I. Караска раздѣленъ на 29 параграфовъ, въ которыхъ послѣ введенія, рисующаго постепенное выступленіе славянъ на поприще всемірной исторіи, разсматриваются древне-славянская литература въ связи съ жизнью и дѣятельностью славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія и ихъ преемниковъ, развитіе церковно-славянской литературы у болгаръ, древне-сербская литература, богомилство, древне-хорватская литература; затѣмъ дѣлается переходъ къ вопросу о сѣверо-западныхъ славянскихъ литературахъ въ ихъ отношеніи къ латинизму, при чемъ дается очеркъ древне-чешской литературы, изъ котораго выдѣляются спеціальныя вопросы о бібліи, о дѣятельности Н. Гуса и гусситствъ, В. Хельчицкомъ и чешскихъ братьяхъ; далѣе рисуется такъ называемый золотой періодъ чешской литературы въ XVI столѣтіи и оцѣнивается дѣятельность М. А. Коменскаго. Послѣ чешской литературы разсматривается польская литература отъ ея начатковъ, продолжая спеціальными главами о Реѣ изъ Нагловицъ, Я. Кохановскомъ, П. Скаргѣ, современникахъ и преемникахъ Кохановскаго. Послѣ этого обзора древнѣйшей и средневѣковой литературной исторіи южнаго и западнаго славянства, авторъ обращается къ обзорѣню далматинской средне-вѣковой литературы, посвящая при этомъ особую главу вопросу объ

¹⁾ О ней наша замѣтка въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1906, III, 214—221.

І. Гундуличъ. Рассмотрѣвши затѣмъ вопросъ о чешскомъ, польскомъ и хорватскомъ театрѣ въ средніе вѣка, авторъ дѣлаетъ переходъ къ рассмотрѣнію польской литературы въ эпоху ея упадка съ 1600 по 1750 г. и затѣмъ къ обзору польской литературы во вторую половину XVIII вѣка, заканчивая отдѣлъ польской литературы характеристикой представителемъ сарматизма и оцѣнкой дѣятельности Нѣмцевича. Нѣсколько слѣдующихъ отдѣловъ посвящены обзорѣ народной поэзіи у славянъ, интересъ къ которой сталъ, какъ извѣстно, пробуждаться въ европейской культурной средѣ по мѣрѣ приближенія къ XIX вѣку; имѣя въ виду этотъ переходъ къ рассмотрѣнію народной струи въ славянскихъ литературахъ послѣднихъ столѣтій, авторъ даетъ предварительно общую характеристику западно- и югославянской народной поэзіи, при дальнѣйшемъ же изложеніи останавливается особенно подробно на югославянскихъ народныхъ пѣсняхъ и слѣдитъ за вопросами какъ о собираніи, записываніи и изданіи народнопѣстическаго творчества, такъ и объ отраженіи его въ литературѣ искусственной. обстоятельныя двѣ послѣднихъ главы служатъ какъ бы введеніемъ къ предполагаемому г. Караскомъ продолженію своего труда, именно къ характеристикѣ славянскихъ литературъ въ XIX в.; указанныя главы содержатъ общую характеристику славянскихъ литературъ XIX вѣка и выясненіе причинъ и отличительныхъ чертъ славянскаго Возрожденія. При общей характеристикѣ славянскихъ литературъ д-ръ Карасекъ выходитъ изъ тѣхъ стѣснительныхъ рамокъ, въ которыя ставитъ его издательская фирма, отдѣлившая русскую литературу отъ литературъ славянства; неоднократно дѣлая при каждомъ удобномъ случаѣ и въ предшествующемъ изложеніи замѣтки, ссылки, параллели изъ русской литературы, авторъ начинаетъ разсматриваемую главу съ литературы русской, которой посвящаетъ нѣсколько страницъ, какъ самой мощной (*die gewaltigste*) изъ всѣхъ славянскихъ литературъ и какъ первой изъ нихъ получившей признаніе иностранцевъ; высоко ставя художественный реализмъ русской литературы, І. І. Карасекъ особенно подчеркиваетъ нравственное и общественное значеніе этой литературы при проникающемъ ее благородномъ альтруизмѣ и нравственномъ направленіи; характеризуя русскій романъ, авторъ признаетъ его великую роль на полѣ міровой литературы, и обнаруживаетъ своимъ изложеніемъ начитанность въ русской литературѣ; подчеркиваетъ онъ и опускаемому большинствомъ иностранныхъ изслѣдователей важную особенность русской литературы, именно ту роль, которую играютъ въ ней такъ называемые

„толстые журналы“; одѣлавши затѣмъ нѣсколько замѣчаній о развитіи русской періодической прессы и о научныхъ изслѣдованіяхъ новѣйшаго времени, авторъ дѣлаетъ переходъ къ общей характеристикѣ украинской (*Ruthenische Literatur*) литературы, которую онъ признаетъ „отличающеюся существенными чертами“ отъ литературы русской; указавши на народную украинскую поэзію и на искусственныя вирши и драмы, какъ на фундаментъ позднѣйшей украинской литературы, д-ръ Карасекъ слѣдитъ за развитіемъ послѣдней, начиная отъ Котляревскаго, Квитки, Кулиша и т. д. до Шевченка и молодыхъ украинскихъ талантливыхъ писателей съ И. Франкомъ во главѣ. Переходя отъ обзорѣнія русской и малорусской литературъ XIX вѣка къ литературѣ польской, авторъ отмѣчаетъ, какъ отличительную черту ея, строго національный характеръ, служеніе идеѣ отечества и націи, проникновеніе духомъ католицизма, грустный колоритъ и вѣру въ будущее съ поэтической идеализаціей прошлаго. Отмѣтивъ свѣтлыя и темныя стороны польской литературы, перечисливши важнѣйшихъ ея представителей и особенно высоко ставя Сенкевича, д-ръ Карасекъ указываетъ на слабость славянской струи въ польской художественной и научной литературѣ, тогда какъ эта струя очень сильна въ другой западно-славянской литературѣ, именно чешской, къ которой и дѣлается переходъ. За чешской литературой разсматриваются литературы словинская, сербо-хорватская, словацкая, болгарская и лужицко-сербская, при чемъ врядъ ли имѣетъ оправданіе вышеуказанная система въ дѣленіи литературъ, при которой западно-славянскія литературы словацкая и лужицко-сербская характеризуются не непосредственно послѣ польской и чешской, а въ перемежку съ литературами юго-славянскими; не достаточно обоснованнымъ представляется намъ выдѣленіе драматической литературы въ особую рубрику при обзорѣніи славянскихъ литературъ XIX вѣка. Весьма интересной и во многихъ отношеніяхъ поучительной является послѣдняя глава разсматриваемой книжки, посвященная вопросу о славянскомъ Возрожденіи, корни котораго указываются въ освободительныхъ идеяхъ XVIII вѣка, но отмѣчаются тѣ черты различія, которыя заставляютъ прежде всего особо выдѣлять литературу польскую и ставить Возрожденіе чешское и хорватское въ связь съ умственными и литературными движеніями въ Германіи, а сербское и болгарское признавать имѣющими совершенно особый характеръ. Объ отличительныхъ чертахъ словацкаго, сербо-лужицкаго и словинскаго Возрожденія при этомъ общемъ обзорѣ умолчано. Авторъ останавливается съ серьез-

нымъ вниманіемъ на выясненіи вліяній романтизма и байронизма, В. Скотта и нѣмецкихъ классиковъ на возрождающіяся славянскія литературы; по обзорѣнн вліяній Гердеровскихъ идей о славянствѣ и идей „Freiheitssänger“ на славянскихъ писателей, д-ръ Карасекъ заканчиваетъ свою книжку выясненіемъ развитія идеи славянской взаимности въ славянскихъ литературахъ Возрожденія.

Разсматриваемый трудъ д-ра I. Караска, отличающійся обиліемъ сообщаемыхъ свѣдѣній, ясностью изложенія и обнаруживая обширную начитанность автора, является весьма цѣннымъ справочнымъ пособиемъ для желающаго серьезно ознакомиться съ славянскими литературами; для нѣмецкаго читателя книжка д-ра Караска должна быть признана особенно полезной съ той точки зрѣнія, что она знакомитъ его съ богатствомъ славянскихъ литературъ. Заслуживаетъ вниманія затѣмъ и то обстоятельство, что рассматриваемая книжка, вошедшая въ собраніе „Götschen“, проникнута славянскимъ духомъ, но чужда всякаго повипизма. Не всегда ясная связь между отдѣльными главами труда, мѣстами догматичность тона и наличность неизбѣжныхъ мелкихъ недочетовъ и неточностей искупаются вышеуказанными достоинствами, которыя для русскаго читателя увеличиваются еще серьезнымъ вниманіемъ, удѣляемымъ д-ромъ Караскомъ при каждомъ удобномъ случаѣ русской литературѣ; изслѣдователь русско-славянскихъ отношеній найдетъ въ рассматриваемой книжкѣ рядъ интересныхъ указаній относительно переводовъ съ русскаго языка на славянскіе и обратно, параллелей между явленіями русской и славянскихъ литературъ; наконецъ нельзя не замѣтить и того обнаруживаемаго авторомъ уваженія къ завоованіямъ русскаго и славянскаго духа, котораго мы тщетно бы искали въ большинствѣ новѣйшихъ трудовъ на нѣмецкомъ языкѣ, касающихся такъ или иначе славянскаго вопроса.

Предметомъ второго выпуска своего труда д-ръ Карасекъ избираетъ вопросъ о славянскихъ литературахъ XIX вѣка, и приходится только пожалѣть, что въ это обзорѣніе не будетъ включена и русская литература, характеризовать которую д-ръ Карасекъ могъ бы гораздо серьезнѣе, основательнѣе, съ большимъ знаніемъ предмета и съ большею любовью къ нему, чѣмъ это сдѣлалъ г. Полонскій въ своемъ написанномъ для собранія Гешена очеркѣ исторіи русской литературы.

И. Заболотскій.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ I. С.-Пб. 1906.

Параллельно съ изданіемъ произведеній Пушкина Академія Наукъ выпускаетъ его переписку, редакція которой находится въ очень хорошихъ рукахъ:—она поручена серьезному изслѣдователю, знатоку новой русской исторіи и литературы В. И. Саитову, тщательныя работы котораго по иллюстрированію историко-біографическими примѣчаніями „Сочиненій К. Н. Батюшкова“, изданныхъ Л. Н. Майковымъ, и „Остафьевскаго архива князей Вяземскихъ“ пользуются заслуженной извѣстностью. Пыль г. Саитовъ выпустилъ первый томъ переписки Пушкина, обнимающій періодъ 1815—1826 гг. Несмотря на то, что редакторъ, который намѣренъ дать свои примѣчанія въ особомъ томѣ, не позаботился обставить начало своей работы такъ, чтобы „показать товаръ лицомъ“, его изданіе, тѣмъ не менѣе, сразу производитъ благопріятное впечатлѣніе,—такъ не похоже оно на то, что мы привыкли видѣть раньше въ пушкинскихъ изданіяхъ, столько въ немъ новаго и занимательнаго.

Нечего говорить о важности этого изданія. Что бы ни говорили вообще объ обнародованіи частныхъ писемъ замѣчательныхъ людей, благодаря не только благоговѣнію къ памяти Пушкина, но даже простому любопытству, вызванному именемъ великаго человѣка, начавшееся уже давно собираніе писемъ Пушкина привело къ тому, что русская литература обогатилась книгой, которой справедливо можетъ гордиться. Далеко не въ каждомъ своемъ литературномъ дѣтницѣ Пушкинъ отразился такъ разнообразно и всецѣло, какъ въ перепискѣ. Такъ же, какъ и лирика, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше ея, письма Пушкина не только служатъ изученію вѣшнихъ чертъ жизни Пушкина, но значительно уясняютъ внутреннія стороны его характера и освѣщаютъ его творчество. Велико не только біографическое и психологическое значеніе ихъ, но и историческое. Пушкинъ былъ центральной фигурой въ культурной русской исторіи 20-хъ и 30-хъ годовъ; въ жизни русскаго народа, въ исторіи развитія русской общественности литература была болѣе могучимъ факторомъ, чѣмъ въ жизни другихъ народовъ, и никогда ни одинъ поэтъ не былъ для своего народа тѣмъ, чѣмъ былъ для Россіи Пушкинъ—солнце русской культуры. Хорошо изучить его письма значитъ узнать не только Пушкина, но и его эпоху, колыбель тѣхъ идей, которыя теперь только проникаютъ собою русскую жизнь.

Особое вниманіе редакторъ удѣлялъ прежде всего тексту, той самой сторонѣ дѣла, которая всего больше страдала отъ небрежности прежнихъ издателей. „Преслѣдуя правильность пушкинскаго текста“ — говоритъ г. Саитовъ— „я провѣрилъ письма его, бывшія уже въ печати, по подлинникамъ или по фотографическимъ копіямъ съ нихъ, если только представлялась какая-либо возможность получить то или другое... Издаваемая переписка Пушкина расположена въ строго-хронологическомъ порядкѣ. Она отличается отъ предшествовавшихъ изданій, кромѣ введенія пушкинской орфографіи, своею сравнительною полнотою, которая выражается въ обнародованіи новыхъ писемъ Пушкина, въ дополненіи старыхъ, а также въ приведеніи полностью черновыхъ редакцій на ряду съ бѣловыми. Кромѣ того, въ настоящее изданіе включены письма корреспондентовъ Пушкина, печатаемые для наглядности болѣе мелкимъ шрифтомъ и также свѣренныя по возможности съ подлинниками“. Доказательствъ важности работы, произведенной г. Саитовымъ надъ точностью передачи текста пушкинскихъ писемъ, можно привести много. Мы не будемъ говорить о необходимости сохраненія въ научномъ изданіи пушкинской орфографіи и пунктуаци, дающихъ матеріалы для сужденія о произношеніи Пушкина, о логическихъ отгѣникахъ, которые онъ иногда желалъ придать тѣмъ или инымъ своимъ словамъ. Новое изданіе даетъ совершенно новое и притомъ вѣрное представленіе о томъ, что писалъ Пушкинъ, и только послѣ такого строгаго изслѣдованія текста, только при такомъ благоговѣйномъ отношеніи къ его неприкосновенности, наука сможетъ получить пригодныя данныя для изученія пушкинской грамматики, для составленія словаря пушкинскаго языка, для исторіи развитія языка Пушкина, исторіи побѣды великаго мастера слова надъ полученнымъ имъ отъ родного народа сырымъ матеріаломъ. Возьмемъ на удачу черновое письмо къ А. Н. Раевскому, 1821 г., помѣченное въ изданіи г. Саитова № 18-мъ. „Въ войскѣ покойнаго князя Пислянти“ читаемъ мы у г. Саитова, а въ послѣднихъ изданіяхъ гг. Морозова и Ефремова читаемъ: „въ войскахъ“; „ига незаконнаго“ пишетъ Пушкинъ, а г. Морозовъ мѣняетъ расположеніе словъ: „незаконнаго ига“. „Сія прокламація *остревожила* всю Молдавію“, говоритъ Пушкинъ, а гг. Ефремовъ и Морозовъ передаютъ: „*озволила*“; у Пушкина: „въ Одессахъ“, а въ прежнихъ изданіяхъ исправлено: „въ Одессу“; у Пушкина: „прекрасныя минуты *Надежды* и Свободы“, а гг. издатели передѣлываютъ: „прекрасная минута *надежды* и свободы“. Одно черновое письмо, вѣроятно, къ А. Н. Раевскому

(у г. Савтова № 77), напечатанное гг. Морозовымъ и Ефремовымъ въ не совсемъ вѣрномъ мѣстами переводѣ П. В. Анненкова, дано въ новомъ изданіи въ подлинникѣ. Въ другомъ черновомъ письмѣ, тоже, должно быть, къ А. Н. Раевскому, Пушкинъ пишетъ: „слышу я...“, а не „услышалъ“, какъ читаемъ въ прежнихъ изданіяхъ; „жалѣя, что принужденъ оправдываться передъ тобою, повторю“, а не „жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою. Повторяю“...

„Во-первыхъ“ пишетъ Пушкинъ (письмо № 112), что очень характерно для его произношенія; эта черта пропадаетъ въ прежнихъ изданіяхъ, гдѣ читается: „во-первыхъ“. „Полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую“ (№ 117, стрр. 161, 163), а не „имѣетъ“, какъ напечатали гг. Ефремовъ и Морозовъ. Такихъ примѣровъ, обличающихъ, какъ небрежно печатали Пушкина прежде, множество, и ихъ не приходится искать: они сами бросаются въ глаза; рѣшительно послѣ появленія переписки Пушкина въ савтовской редакціи всѣ прежнія изданія ея должны выйти „въ отставку за ранами“. Пѣкоторыя письма Пушкина представлены не только въ вѣрномъ, но и въ полномъ видѣ. Даны всѣ черновые наброски писемъ Пушкина, дошедшіе до насъ. Единственный пропускъ — коротенькая записочка Пушкина къ А. П. Полтарацкому, относящаяся къ январю 1822 года. Почему-то, едва-ли не преднамѣренно, выпущено прошеніе поэта на высочайшее имя объ освобожденіи изъ ссылки (май 1826 г.); выпускать его не слѣдовало, такъ какъ и официальные письма и прошенія Пушкина входятъ въ его переписку; вѣдь печатаетъ же г. Савтовъ и черновикъ всеподданнѣйшей просьбы поэта (о томъ же) къ Александру I, и переписку Пушкина съ шефомъ жандармовъ.

Въ новомъ изданіи есть нѣсколько новинокъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о впервые почтаемыхъ письмахъ Пушкина. Въ черновомъ письмѣ, вѣроятно, къ князю П. А. Вяземскому, 5-го іюля 1824 г., изъ Одессы, (№ 85), Пушкинъ высказываетъ рядъ любопытныхъ сужденій о французской литературѣ; не будемъ приводить этого письма, такъ какъ мысли его, притомъ въ почти тѣхъ же выраженіяхъ, развиты въ давно извѣстномъ черновикѣ письма къ Вяземскому отъ 4-го ноября 1823 г. Ново французское письмо къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской, отъ 24-го марта 1825 г., въ которомъ, впрочемъ, поэтъ ничего не говоритъ о самомъ интересномъ для насъ предметѣ—о себѣ самомъ. Впервые напечатана маленькая записочка поэта къ брату Льву Сергѣевичу; въ ней слышится leit-motivъ всей его переписки съ Львомъ Сергѣевичемъ: просьба никому не читать новыхъ, еще не на-

печатанныхъ произведеній Пушкина. (Повсюду читая ихъ и даже давая другимъ списывать, Левъ Сергѣевичъ, о которомъ говорили: „Левушка нашъ радъ, что онъ роиному брату братъ“, такъ сказать, губилъ на корню ихъ будущій сбытъ на книжномъ рынкѣ, что сердило поэта). Весьма интересно письмо Пушкина къ Вяземскому отъ 13-го сентября 1825 г.; доникѣ былъ известенъ только его конецъ, написанный 15-го сентября. Пушкину, просившему освободить его изъ ссылки для лѣченія болѣзми, было разрѣшено лѣчиться въ Псковѣ. „Очень естественно“ — писалъ поэтъ другу, — „что милость царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться, — а Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ по крайней мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи... Ановризмомъ своимъ дорожилъ я пять лѣтъ какъ послѣднимъ предлогомъ къ избавленію, ultima ratio libertatis, — и вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволеніемъ ѣхать лѣчиться въ ссылку! Душа моя, поневолѣ голова кругомъ пойдетъ. Они заботятся о жизни моей; благодарю, — но чортъ ли въ эдакой жизни. Гораздо ужъ лучше отъ не-лѣченія умереть въ Михайловскомъ. По крайней мѣрѣ могила моя будетъ живымъ упрекомъ“. Въ слѣдующемъ изъ впервые опубликованныхъ писемъ къ Вяземскому (№ 251) поэтъ проситъ друга принять участіе въ дѣвушкѣ, которую „одинъ изъ друзей“ князи „неосторожно обрюхатилъ“. „Полагаюсь на твоё человѣколюбіе и дружбу. Приюти ее въ Москвѣ и дай ей денегъ сколько ей понадобится, а потомъ отправь въ Болдино (въ мою вотчину, гдѣ водятся курицы, пѣтухи и медвѣди). При семъ съ отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о будущемъ мальчикѣ, если то будетъ мальчикъ. Отсылать его въ воспитательный домъ мнѣ не хочется, — а нельзя ли его покаместъ отдать въ какую-нибудь деревню... Милый мой, мнѣ совѣстно, ей-Богу, но тутъ уже не до совѣсти“... Вяземскій совѣтовалъ Пушкину поручить бѣдную дѣвушку ея отцу, которому написать „полулюбовное, полураскаятельное, полупомѣщичье письмо“. Пушкинъ отвѣчалъ ему: „воспользуюсь правами блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло“. Что случилось съ дѣвушкой и ея ребенкомъ, неизвѣстно. Намекъ на эту сторону помѣщичьей жизни Пушкина въ Михайловскомъ встрѣчается въ запискахъ Н. П. Пущина о немъ (Л. Майковъ, „Пушкинъ“, С.-Пб., 1899 г., стр. 81). Ново для насъ и письмо Пушкина отъ 3-го ноября 1826 г., изъ Торжка, къ княгинѣ В. О. Вяземской; поэтъ упоминаетъ въ немъ о дѣвушкѣ, которую онъ тогда любилъ, — С. О. Пушкиной: „S. P. est mon bon ange“, говоритъ онъ и дѣлаетъ къ

этимъ инициаламъ шутовое примѣчаніе: „Ce n'est pas Serge Pouchk bien entendu“.

Еще не бывшихъ въ печати писемъ разныхъ лицъ къ Пушкину г. Сайтовъ опубликовалъ цѣлый рядъ. Любопытно для характеристики литературныхъ интересовъ Пушкина въ 1820 г. одно письмо Вяземскаго къ нему (№ 12). Объ одномъ слабомъ и мимолетномъ романтическомъ увлеченіи Пушкина, болѣе походившемъ на праздную игру въ любовь, чѣмъ на серьезное чувство, рассказываютъ шесть писемъ къ нему отъ деревенской сосѣдки Анны Николаевны Вульфъ (№№ 241, 246, 250, 258, 269 и 272).

Изъ единственнаго дошедшаго до насъ письма Пушкина къ ней и изъ ея писемъ легко убѣдиться, что поэтъ вовсе не любилъ ея, а только заигрывалъ съ ней, самъ хорошенько не зная для чего; она, повидимому, тоже больше писала о любви, чѣмъ дѣйствительно любила. Въ ея письмахъ много фразъ и пустого кокетства. „Что за волшебство свело меня съ ума! Какъ вы умѣете притворяться. Я согласна съ кузинами, что вы очень опасный человѣкъ, но я постараюсь образумиться!“ пишетъ поэту Анна Николаевна. Въ слѣдующемъ письмѣ кокетство ея еще грубѣе: „Боже, повѣрила ли бы я когда-нибудь, что стану такъ писать мужчинѣ? Нѣтъ, зачеркну!“ Въ каждомъ письмѣ она говоритъ, что поэтъ ее компрометируетъ, и поддразниваетъ Пушкина рассказами о какихъ-то своихъ ухаживателяхъ. Очевидно, въ ссылкѣ поэтъ дѣйствительно изнывалъ, если съ тоски и скуки занимался пустой и неинтересной перепиской съ пустымъ и неинтереснымъ существомъ.

Нельзя не отмѣтить тщательную разработку г. Сайтовымъ хронологіи писемъ. Имъ установленъ цѣлый рядъ датъ, въ которыхъ путались прежніе редакторы. Благодаря внимательной работѣ переписка Пушкина съ А. А. Бестужевымъ и К. Ѳ. Рылѣвымъ приведена въ надлежащій видъ; прежде отдѣльныя части писемъ были перепутаны между собою, и въ нихъ было очень нелегко разобраться. Сообщено нѣсколько вѣрныхъ датъ къ извѣстнымъ раньше и невѣрно датированнымъ письмамъ. Есть кое-какія хронологическія неточности, но онѣ ничтожны, особенно въ сравненіи съ важностью всего сдѣланнаго г. Сайтовымъ въ этомъ отношеніи; хронологическихъ ошибокъ во всякомъ случаѣ у г. Сайтова нѣтъ.

Г. Сайтовъ обѣщаетъ снабдить свое изданіе историческими, литературными, бытовыми и библиографическими примѣчаніями въ особомъ томѣ. Было бы гораздо лучше, если бы редакторъ избѣгъ „руколом-

ной" системы и съ самаго начала печаталъ примѣчанія среди текста, особымъ шрифтомъ. Нельзя не пожелать, чтобы въ примѣчаніяхъ былъ данъ русскій переводъ французскихъ писемъ Пушкина.

И. Лернеръ.

Левъ Мороховскій, профессоръ Императорскаго Московскаго университета. Основныя звуки человѣческой рѣчи и универсальный алфавитъ. Съ 60 рис. въ текстѣ. Москва 1906. (Труды физиологическаго института Императорскаго Московскаго университета т. 5, в. 9).

На основаніи данныхъ физиологій, акустики и пр. звуковъ рѣчи авторъ опредѣляетъ въ этой работѣ „основныя звуки человѣческой рѣчи“ вообще и строитъ на нихъ свой „универсальный алфавитъ“, который, по его мнѣнію, можетъ служить для точнаго письма всѣхъ языковъ. Обстоятельства, побудившія его къ этой работѣ, изложены въ „Общихъ положеніяхъ“ въ началѣ книжки. Для точности я приведу ихъ въ выдержкахъ словами самого автора.

„По подлежатъ сомнѣнію“, говоритъ авторъ въ началѣ своей книги (стр. 1), „что съ момента введенія какой бы то ни было азбуки уже чувствовалась недостаточность ея для воспроизведенія не только болѣе или менѣе тонкихъ, но даже и грубыхъ отгѣнковъ звуковой человѣческой рѣчи“... (Стр. 4) „Легко выучиться англійскому, французскому и т. д. правописанію, но говорить надо учиться со словъ“, такъ какъ „ни одинъ алфавитъ не въ состояніи выразить въ дѣйствительныхъ физиологическихъ звукахъ нашу рѣчь“!

Да, вѣрному произношенію иностраннаго языка нужно учиться изъ устъ туземцевъ; и это всегда такъ будетъ. Зрительныя представленія буквъ никогда не дадутъ человѣку звуковыхъ и двигательныхъ представленій (органовъ рѣчи), свойственныхъ данному языку. Но азбуки вводились не въ одинъ „моментъ“, а составлялись и совершенствовались постепенно; поэтому и недостаточность ихъ устранялась по мѣрѣ практической надобности. Гдѣ была потребность въ точной передачѣ звуковъ, находили и средства для этого. Такъ, древнимъ индійцамъ нужна была точная передача въ письмѣ священныя текстовъ, и они выработали такую азбуку, съ такимъ тонкимъ хотя и не совсѣмъ безгрѣшнымъ пониманіемъ физиологій рѣчи, въ сравненіи съ которыми „универсальный алфавитъ“ проф. Мороховца и его пониманіе физиологій рѣчи очень несостоятельны, какъ мы увидимъ далѣе, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго

три тысячи лѣтъ. Но почти всѣ существующіе алфавиты вовсе не предназначены не только для передачи тонкихъ, но даже грубыхъ отгѣнковъ звуковъ; поэтому не чувствовали минимой „недостаточности“ и не устранили ся. Пренебрежительное отношеніе г. Мороховца къ алфавитамъ разныхъ народовъ объясняется тѣмъ, что онъ приписываетъ имъ такія ложныя цѣли, которыхъ они вовсе не преслѣдовали и которыя дѣлали бы ихъ даже мало пригодными для главнаго назначенія ихъ. А именно, проф. Мороховецъ смотритъ на народное письмо или правописаніе какъ на фонетическое письмо. Въ виду распространенности такого ошибочнаго взгляда скажу нѣсколько словъ въ разъясненіе.

Письмо служить для передачи мыслей, какъ и устный языкъ, а не для передачи какихъ-то звуковъ. Если у большинства народовъ и выработалось звуковое письмо, то не ради звуковъ, а лишь потому, что такъ оказалось удобнѣе и практичнѣе передавать мысли. Въ пиктографіи и въ идеографіи, напримѣръ китайцевъ, не передаютъ никакихъ звуковъ. Въ семитическомъ письмѣ передаются слоги; въ которыхъ лишь согласные различаются точнѣе, и т. д. И наши письменные знаки „2“, „3“ и пр. идеографическіе, не передающіе никакихъ звуковъ. И это не только никого не смущаетъ, но всякій предпочитаетъ даже писать „1899“, а не „тысяча восемьсотъ“ и пр. Развѣ это могло бы быть, если передача отгѣнковъ звуковой рѣчи входила бы въ задачи письма? Отсюда понятно, что когда пишутъ „садъ“, „быкъ“, „три“ и пр., то такъ же не имѣютъ въ виду „воспроизведенія“ какихъ либо „отгѣнковъ рѣчи“, а хотятъ лишь, чтобы читатель, говорящій на томъ же языкѣ, воспроизводилъ по нимъ слова „садъ“, „три“ съ ихъ значеніями. При этомъ пишущему совершенно безразлично, произнесетъ ли читатель „сат“ или „садъ“, „бие“ или „бикъ“, какъ и говорящему безразлично, великорусское ли произношеніе у слушателя или малорусское, лишь бы онъ понялъ его.

Поэтому въ практическомъ звуковомъ письмѣ, какъ напримѣръ во всѣхъ европейскихъ идеографіяхъ, звуки словъ должны обозначаться буквами лишь настолько, чтобы читатель по буквамъ могъ безошибочно возстановлять слова. Арабы, персы и пр. пишутъ одни согласныя (напр. перс. м и з л—мэнзіл), и письмо достигаетъ вполне своей цѣли, ибо читатель по нимъ безошибочно узнаетъ данное слово. Мы пишемъ „городовъ“, читаемъ безошибочно „гърадѳ“, и цѣль достигнута. Французъ пишетъ „sang“ и читатель безошибочно узнаетъ слово „sang“ съ значеніемъ „кровь“. Въ „cent“ читатель

узнаетъ другое слово „sç“, имѣющее значеніе „сто“. Въ „sens“, „sans“, „sent“, „s'en“ читатель узнаетъ еще другія слова съ другими значеніями. Но французы сдѣлали бы большую оплошность, если подѣ влияніемъ наивнаго односторонняго фонетическаго взгляда вмѣсто этихъ начертаній стали бы писать для всѣхъ этихъ словъ „sç“. Такое начертаніе могло бы обозначить любое изъ этихъ словъ, а потому не вызоветъ въ читателѣ никакого опредѣленнаго представленія. Мы поступили бы невѣжественно, если стали бы писать „гѳрът“, „гѳръда“, „гѳрадѳ“ и пр., ибо тогда одно опредѣленное представленіе, составляющее значеніе слова „городъ“, получило бы различное обозначеніе въ письмѣ, притомъ совершенно невѣрное для малограмотнаго сѣверянина и южанина. А теперь читатель нисколько не замѣчаетъ разности между произношеніемъ и буквами, такъ какъ мы читаемъ по цѣлымъ словамъ и морфологическимъ составнымъ частямъ словъ, а отдѣльныхъ буквъ чаще не видимъ даже при чтеніи. Это элементарная истина психологій чтенія. И пишемъ мы точно такъ же не отдѣльными буквами, а при грамотности пишемъ цѣлыя слова, обыкновенно не представляя себѣ сознательно отдѣльныхъ буквъ. Въ этомъ тоже всякій грамотный можетъ убѣдиться изъ опытовъ.

Кому же нужно или полезно обозначеніе „оттѣнковъ звуковъ“ въ письмѣ? Никому, кромѣ лингвистовъ, а съ ними практическое правописание, понятно, считаться не станетъ. Къ тому же, такое точное фонетическое письмо, которое удовлетворяло бы лингвиста, настолько сложно, что оно совершенно непригодно для практическаго письма. Что же касается изучающихъ практически иностранные языки, то никакое письмо имъ не поможетъ: иностранному произношенію можно научиться только по произношенію же. Да и съ такими иностранцами общенародное письмо никогда считаться не будетъ.

Въ послѣднее время стали распространяться въ болѣе широкихъ кругахъ кое-какія свѣдѣнія о звукахъ рѣчи, что очень отрадно. Вслѣдствіе этого стали замѣчать, что въ существующихъ орфографіяхъ буквы не всегда соотвѣтствуютъ звукамъ словъ, и безъ дальнѣйшихъ обиняковъ стали предлагать самыя разнообразныя реформы правописанія, направленные къ измѣненію правописанія въ сторону фонетическаго письма. И у насъ нашлись подражатели иностраннымъ реформистамъ правописанія. Они не задаютъ себѣ вопросовъ: Входитъ ли фонетическая точность въ задачи правописанія? Полезна ли она или вредна? Возможны ли такія передѣлки въ существующихъ правописаніяхъ? Почему правописаніе должно быть историческое? и т. д.

Для отвѣта на эти вопросы пришлось бы обратиться къ изученію психологіи чтенія, психологіи писанія и къ научному изученію исторіи правописаній. Изъ изученія этихъ областей реформисты узнали бы, что есть другія стороны правописанія, которыя важнѣе фонетическихъ, что въ иномъ случаѣ замѣна буквы другой, менѣе подходящей къ произношенію, была бы полезнѣе, чѣмъ обратная передѣлка, и проч., наконецъ, что установившіяся правописанія вообще не допускаютъ подобныхъ реформъ, поэтому и такіе проекты ихъ безцѣльны.

Къ числу такихъ лицъ, видящихъ въ правописаніи лишь знаки для звуковъ рѣчи, принадлежитъ и проф. Мороховецъ. И этотъ ложный взглядъ лежитъ въ основаніи его работы. Не находя желаемаго соответствія между звуками и буквами и не будучи знакомъ съ исторіей правописаній, онъ придумываетъ своеобразныя объясненія для этого явленія: (стр. 1) „Азбука содалась гораздо позднѣе языка (!) и притомъ изъ первичнаго образнаго письма, подъ гнетомъ котораго и находились составители фонетическаго алфавита. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточность основныхъ звуковъ (!) чувствуется въ каждомъ языкѣ, точно также каждый языкъ въ своихъ дифтонгахъ, сложныхъ звукахъ, особенныхъ фонетическихъ знакахъ (!) и т. д. прямо указываетъ, что не только малое знакомство съ отечественной (!) фонетикой, но и недостаточность аналитической функціи уха играли не послѣднюю роль“.

Кто изъ составителей тѣхъ азбукъ, которыхъ касается въ своей книгѣ г. Мороховецъ, имѣлъ понятіе объ образномъ письмѣ? Какую недостаточность основныхъ звуковъ мы чувствуемъ, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ? Да что это за „основныя звуки“? Въ какихъ это дифтонгахъ, напримѣръ, русскаго языка указывается на недостаточную функцію уха? Или авторъ имѣетъ въ виду письменныя изображенія дифтонговъ, такъ какъ звуки и буквы у него постоянно смѣшиваются? Какая это отечественная фонетика, напримѣръ, у Кирилла и Меѳодія? Вѣдь азбука составлялась первоначально для одного нарѣчія или говора, обыкновенно говора пишущаго. Посредствомъ ея пишущій и старается передать читателямъ слова своего говора, какъ онъ ихъ передавалъ бы имъ устно. Но составители азбукъ были конечно освѣдомлены о звукахъ языка своихъ читателей, и если они подъ вліяніемъ той азбуки, изъ которой заимствовали буквы, подчасъ и вводили лишнія буквы, то понимали, какъ ихъ произнесутъ читатели. Не то мы видимъ у проф. Мороховца:

„Въ своей „Исторіи медицины“ я принужденъ былъ, чтобы нѣ

сколько приблизиться къ изображенію русскими буквами латинскаго *h*, прибѣгнуть къ одновременному (!) употребленію *i* и *x*, напримѣръ, *Гиттократь*, *Гьюсонъ* (*Hewson*) и т. д. какъ французы, напримѣръ, изображаютъ славянскій слогъ *ie—ghe* (стр. 3). — Напрасно! Задумался ли авторъ надъ тѣмъ, какъ русскій читатель произнесетъ это буквосочетаніе? Вѣдь его произносить нельзя, и читатель, непривыкшій къ буквосочетанію *ie*, прочтетъ все что угодно, только не *h*. Тутъ не дѣло въ буквѣ, а въ томъ, что русскій, знающій только свой языкъ, не умѣетъ произносить звука *h*. Но для чего въ такомъ случаѣ стараться изобразить этотъ звукъ? А кто умѣетъ произносить звукъ *h*, тотъ произнесетъ его по буквѣ *h*. Но для чего автору понадобилось писать въ первомъ словѣ *h*, когда сами греки его теперь уже не произносятъ? Не потому ли, что нѣмцы пишутъ здѣсь *h*? Но если уже быть *plus catholique que le rare*, то нужно сохранять не только начало, но и конецъ слова *Иппократос*. Для *h* въ *Hewson* самая точная русская передача „Юсонъ“, такъ какъ англичане произносятъ здѣсь такое же *j* (Йотъ), какъ въ русскомъ ю. ъ же, указывающій на мягкость *ix*, совершенно недопустимъ. Кромѣ того авторъ упустилъ изъ виду, что и второй слогъ слова *Hewson* въ англійскомъ языкѣ звука *o* не содержитъ. — Французы могутъ писать *ghe* потому, что буквосочетаніе *gh* встрѣчается вообще, а главное — читатели умѣютъ произносить *ie*, напримѣръ, въ *guerre*, *guetter*. Слѣдовательно, и ссылка на французское *gh* неудачна.

Взглядъ автора на существующія историческія правописанія выясняется изъ слѣдующаго (стр. 12): „Съ теченіемъ времени... представленіе о предметѣ, выраженномъ (*sic*) звуками, стало связываться съ начертаніемъ его наименованія, т. е. письменное, буквенное изображеніе стало картиннымъ изображеніемъ предмета... Буквенное изображеніе предмета легко удерживалось въ памяти, въ рукописяхъ, въ печати въ его первоначальномъ видѣ, тогда какъ произношеніе мѣнялось и во времени, и по мѣсту. Дѣло дошло до того, что хорошо знакомому съ азбукой приходится учиться изъ устъ свѣдущихъ людей, какъ должно произносить то или другое слово... Было бы нѣкоторымъ образомъ святотатственной попыткой замѣнить, напримѣръ, слово „Богъ“ начертаніемъ „Boхъ“.... Мы всѣ говоримъ „бохъ“ (собств. *boh*—лат.), но при этомъ зрительный образъ „Богъ“ побуждаетъ въ нашемъ представленіи всякое другое начертаніе... Русская рѣчь, изображенная, напримѣръ, латинскимъ алфавитомъ, не прочтется правильно ни однимъ русскимъ, до того образно стало письмо

вообще".—И слава Богу, значить въ Россіи существуетъ грамотность. (Ср. Paul, Principien d. Sprachgeschichte³ 357.

Къ предыдущему нужно замѣтить слѣдующее. Дѣйствительно, представленія, притомъ не только представленія о предметахъ, стали связываться съ начертаніями ихъ наименованій, но такое начертаніе является отнюдь не „картиннымъ изображеніемъ предмета“, а символомъ или зрительнымъ знакомъ его. Буквосочетаніе „домъ“ напоминаетъ намъ предметъ „домъ“, но не имѣетъ сходства съ домомъ. И эта связь установилась не „съ теченіемъ времени“, а навѣрное была уже у Кирилла, и устанавливается какъ психическая ассоціація: въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ по мѣрѣ пріобрѣтенія грамотности. Въ этомъ и заключается грамотность. — Написаніе „boh“ или „Бохъ“ было бы не святотатствомъ, а невѣжествомъ. Во-первыхъ, не говорятъ *boh* съ лат. *h*, такъ какъ это совершенно другой звукъ акустически и физиологически. Во-вторыхъ, одни говорятъ „нохъ“, другіе „нокъ“, на сѣверѣ „нога“ и „нага“, на югѣ „ноуа“ (ног'а). Но всѣ лишутъ „ног-“, и благодаря этому способу писать существуетъ одинъ общій русскій письменный языкъ (что вполнѣ должно соответствовать видамъ составителя универсальнаго алфавита). И это обстоятельство никого не затрудняетъ, и не замѣчаютъ даже этихъ разногласій буквъ со звуками, потому что они несущественны въ правописаніи. Но кто вводитъ вмѣсто одного „ног-“ пять начертаній, тотъ осложняетъ письмо, затрудняетъ пріобрѣтеніе грамотности, портитъ правописаніе, какъ средство быстрого сообщенія мыслей, такъ какъ вводитъ для одного понятія пять письменныхъ знаковъ, хотя и не совсѣмъ различныхъ между собою. Благодаря тому, что русское правописаніе не фонетическое письмо, зрительный образъ „Бог-“ и можетъ побѣждать всякое другое начертаніе, что необходимо для грамотнаго писанія и чтенія; и потому русское слово, написанное латинскими буквами, не прочтется правильно, такъ какъ не изображаетъ привычнаго письменнаго символа даннаго русскаго слова, который долженъ существовать въ зрительныхъ представленіяхъ всѣхъ грамотныхъ русскихъ.

„Если каждая буква той или другой азбуки и претендуетъ на опредѣленный звукъ человѣческаго голоса, то (стр. 4) во всякомъ случаѣ знаки эти сплошь и рядомъ замѣняются, но соответствуютъ своему назначенію, на примѣръ, въ *Descartes, monsieur, хорошо* и т. д., либо недостаточны, либо излишни, какъ на примѣръ, *ю, ѣ, щ, ч...* Такимъ образомъ почти въ каждомъ языкѣ имѣется два алфавита, одинъ

исписный, на которомъ пишутъ, и другой—*разговорный*, на которомъ говорятъ. Если первый, благодаря стремленіямъ филологовъ связать начертанія слова съ его происхожденіемъ, можно назвать *историческимъ* и даже *генетическимъ*, то второй, которымъ пользуемся въ разговорной рѣчи, — должно назвать *фонетическимъ*, *физиологическимъ*“.

Во-первыхъ, буквы какъ *n*, *m*, *k*, *c* не претендуютъ ни на какой звукъ голоса. Во-вторыхъ, что значить „знаки измѣняются“? И какъ же они не соответствуютъ своему назначенію? Развѣ французъ затрудняется читать *monsieur*? Почему *ю*, *ь* лишнія, когда, напиримѣръ, „суда“ и „сюда“, „мѣль“ и „мель“, „нѣкогда“ и „некогда“ возбуждаютъ различныя, совершенно опредѣленныя представленія. Въ-третьихъ, „на алфавитѣ“ не говорятъ, „въ разговорной рѣчи“ имъ не пользуются, и буквъ не слѣдуетъ смѣшивать съ звуками, такъ какъ они вещи разнородныя. Въ-четвертыхъ, не алфавитъ называется „историческимъ“, а правописаніе, и то и другое не называются генетическими. Наконецъ, фонетическое письмо и физиологическое вовсе не одно и то же, такъ какъ фонетическое письмо преимущественно относится къ акустической сторонѣ звуковъ. Физиологическое письмо мы видимъ, напиримѣръ, въ учебникахъ Bell'я.

Проф. Мороховецъ желаетъ, чтобы вмѣсто правописанія для грамотнаго чтенія и писанія было фонетическое письмо, по которому каждый могъ бы въ точности воспроизводить иностранную рѣчь, не слышавъ даже иностранныхъ звуковъ. На другихъ онъ въ этомъ отношеніи надеждъ не возлагаетъ, ибо (стр. 6) „филологи и физиологи никакъ не могли освободиться отъ гнета исторической фонетики, отъ якобы генетической связи основныхъ звуковъ, находившей себѣ иногда выраженіе почти въ мистическихъ соотношеніяхъ, напир. въ треугольникахъ Гельвага, Лепсіуса, физиолога Брюкке и друг., въ невозможномъ сочетаніи знаковъ для изображенія зачастую даже менѣе сложнаго, напир. *sch* для изображенія основного звука *ш* въ то время какъ *sch* состоитъ изъ *s*, *t*, *s*, и *h*“.

Отъ исторіи дѣйствительно серьезные изслѣдователи историческихъ явленій не „освобождались“, но, напротивъ, старались объяснить настоящее между прочимъ изъ изученія прошлаго. И звуки и слова, буквы и правописаніе—все унаслѣдовано исторически. Но проф. Мороховецъ отъ „гнета исторіи освободился“, и мы увидимъ дальше, какой сумбуръ получился у него вслѣдствіе несоблюденія исторической перспективы. А въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ сдѣлался отъ этого

грубой жертвой „гнета“ исторіи. Что же касается мистическихъ треугольниковъ, то охотно раскрою автору тайну ихъ. Эти таинственные фигуры, треугольники, пентаграммы и пр. гласныхъ, ничего общаго не имѣютъ напр. съ пентаграммой Фауста, а основываются на реальныхъ фактахъ физиологіи: эти фигуры указываютъ въ грубыхъ чертахъ мѣста подъема спинки языка при производствѣ соответствующихъ гласныхъ, какъ проф. Мороховецъ можетъ убѣдиться напр. изъ стѣнныхъ рисунковъ Tschmer'a, предназначенныхъ для учащихся. (Мы увидимъ далѣе, что это указаніе не утрировка). Что касается намека указаннаго нѣмецкаго *sch*, то мѣсто это очень темное въ изложеніи автора. Во всякомъ случаѣ въ сложности знака *sch* филологи и физиологи столько же виновны, сколько анатомы и физиологи виновны въ существованіи слѣпой кишки у человѣка. Историческое наслѣдіе въ культурной жизни, въ томъ числѣ и въ правописаніи, сохраняется и измѣняется по подобнымъ же непреложнымъ законамъ, какъ въ органической жизни. Поэтому для пониманія этихъ явленій не нужно отрицать исторіи, въ томъ числѣ и исторической фонетики и исторіи письма.

Но мистическій треугольникъ оказался для г. Мороховца роковымъ. Онъ втянулъ его въ мистицизмъ, поражающій современнаго фонетика. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе господствовавшаго одно время ошибочнаго пониманія исторіи нѣкоторыхъ звуковъ индоевропейскаго праязыка, звуки *a*, *i*, *u*, обозначенные на углахъ треугольника, назывались „основными гласными“ и пр. (*Grundvokale, Grundpfeiler*). Эти термины, которые нынѣ уже не употребляются, подали автору мысль о какихъ-то „основныхъ звукахъ человѣческой рѣчи“, нполяхъ фантастическихъ. Установилъ онъ ихъ совершенно произвольно, соединилъ ихъ въ мистическія пары, называемыя „типами“, и на нихъ онъ построилъ свой „универсальный алфавитъ“.

Далѣе авторъ задаетъ между прочимъ вопросъ, „какова должна быть универсальная азбука въ своихъ основныхъ звукахъ, чтобы она могла удовлетворить всѣмъ языкамъ“ (стр. 6), и предупреждаетъ филологовъ, что они „должны чрезвычайно внимательно и совершенно безпристрастно отнестись къ вопросу“. Внемлемъ. (Стр. 5): „Болѣе или менѣе совершенная орфографія требуетъ прежде всего достаточнаго количества знаковъ для всѣхъ основныхъ звуковъ нашего звукового аппарата, чтобы изобразить нашу рѣчь на какомъ бы то ни было языкѣ такъ, какъ мы ее произносимъ... Не подлежитъ сомнѣнію, идеальною могла бы назваться лишь такая азбука, знаки которой со-

храняли бы во всѣхъ случаяхъ разговорной и письменной (sic) рѣчи свойственные имъ звуковые эффекты, чтобы каждый ознакомившійся съ азбукой, могъ, не прибѣгая къ помощи свѣдущихъ людей, никогда не слыша даже произношенія, правильно произносить слова въ ихъ начертаніи знаками такой идеальной азбуки. Такая идеальная азбука дала бы возможность писать такъ, какъ говорятъ на какомъ бы то ни было языкѣ... Такая азбука по праву могла бы назваться *международной азбукой, универсальнымъ алфавитомъ*“.

Такая азбука была бы дѣйствительно „идеальной“ и могла бы называться „международной“, „универсальной“ и пр. Но она годилась бы только для научныхъ фонетическихъ цѣлей. Для практическаго письма или общенароднаго правописанія она была бы совершенно непригодна, такъ какъ содержала бы многія сотни, если не тысячи буквъ и всевозможныхъ знаковъ, соответственно безконечному разнообразію звуковой стороны языковъ. Въ дѣйствительности такая азбука совершенно невозможна. Различіе между языками въ звуковомъ отношеніи заключается не только въ различіи между отдѣльными звуками, но и въ различномъ вліяніи однихъ звуковъ на сосѣдніе другіе, въ различіи переходныхъ звуковъ, которые мы теперь совсѣмъ не обозначаемъ въ письмѣ, и пр., однимъ словомъ во всемъ томъ, что съ физиологической точки зрѣнія называется артикуляціонной базой. Заставьте нѣмца, француза, англичанина произнести нѣсколько русскихъ словъ. Каждый изъ нихъ произнесетъ въ этихъ словахъ всѣ звуки *a, e, i, s, b* и пр., тѣмъ не менѣе всякій слышитъ, что это не русское произношеніе, и при опытности опредѣлить даже національность произносящаго. Эти особенности артикуляціонной базы каждой діалектической единицы до того тонки подчасъ, что научная фонетика справляется съ ними пока только отчасти, въ грубыхъ чертахъ. Съ другой стороны, извѣстно, чтобы усвоить себѣ произношеніе безъ „акцента“, нужно жить многіе годы среди иноязычнаго народа, а большею частію взрослый человѣкъ во всю жизнь не усвоитъ себѣ въ точности произношенія чужого языка. Какимъ же это образомъ вдругъ по буквамъ („универсальнаго алфавита“) можно усвоить себѣ точное произношеніе? Буквы не содержатъ ни одного звука. Для чтенія нужно, чтобы у читателя буквенные знаки ассоціировались съ звуковыми представленіями. Но для этого у него должны быть конечно уже готовые звуки въ слуховыхъ представленіяхъ и въ собственныхъ артикуляціяхъ и въ связанныхъ съ ними воспомнаніяхъ движеній органовъ рѣчи. Ни одного новаго звука читатель по буквамъ не про-

изнести, слѣдовательно никогда не можетъ „правильно произнести слова“ иностраннаго языка, „не слыша даже произношенія“. И не достаточно слышать, нужно усвоить себѣ звуки. Въ противномъ случаѣ читатель будетъ подставлять лишь свои звуки. Кто же въ состояніи усвоить себѣ хотя бы нѣсколько сотенъ иностранныхъ звуковъ и связать ихъ съ знаками универсальнаго алфавита? Вотъ почему основная идея автора, создать такой алфавитъ, совершенно несбыточна и его универсальный алфавитъ въ принципѣ бессмыслица. Но мы увидимъ ниже, что авторъ даже не подозреваетъ объ этихъ трудностяхъ.

Опредѣленіе „основныхъ звуковъ“ человѣческой рѣчи и систематизація ихъ, на которыхъ основывается „универсальный алфавитъ“ автора, составляетъ главную часть разбираемой книжки. При этомъ авторъ пользуется между прочимъ регистраціей звуковыхъ волнъ звуковъ рѣчи посредствомъ усовершенствованныхъ отчасти имъ же аппаратовъ (газовой капсулы—горѣлки Кеннига, мембраны Блека, отражающей лучъ на лентѣ фотографической бумаги, хронофотографа и пр.). Описаніе нѣкоторыхъ усовершенствованій этихъ приборовъ занимаетъ стр. 8 — 13 и несомнѣнно заслуживаетъ вниманія фонетиковъ — экспериментаторовъ.

Итакъ, авторъ, недовольный работами фонетиковъ и существующими правописаніями, даетъ намъ новую классификацію звуковъ на „основные звуки“, „типы“ звуковъ и т. д. и на нихъ основываетъ свой „универсальный алфавитъ“. — Уже самое названіе „основной звукъ“ вызываетъ нѣкоторое подозрѣніе у современнаго лингвиста. Его приведетъ въ недоумѣніе азбука, по которой можно, „никогда не слыша даже произношенія, правильно произносить слова“ иностраннаго языка. Онъ стоитъ передъ чудомъ, когда ему говорятъ, что эта одна азбука въ указанномъ смыслѣ „удовлетворяетъ всѣмъ языкамъ“, и что эта азбука содержитъ по числу меньше буквъ, чѣмъ русскій алфавитъ (см. ниже). Это вѣдь то же, что, напримѣръ, обѣщаніе дать точное представленіе о каждомъ изъ всѣхъ животныхъ или всѣхъ растений всего міра въ 20 описаніяхъ основныхъ животныхъ или растений. Такое гениальное изобрѣтеніе требуетъ конечно „внимательнаго“ и „безпристрастнаго“ откошенія.

Изъ предыдущихъ замѣчаній къ нѣкоторымъ мѣстамъ изъ 5 первыхъ страницъ книги читатель могъ уже убѣдиться, что въ ней много погрѣшностей всякаго рода. Ихъ гораздо больше на тѣхъ же страницахъ, и таковы же почти всѣ остальные страницы книги.

Я не придаю большого значенія тому, что мѣстами изложеніе не-точно, неясно или подчасъ совсѣмъ непонятно. Напр. „шумная со-гласная воспроизводится только опредѣленнымъ положеніемъ частей полости рта и обусловленнымъ имъ шумомъ“ (стр. 37). Вѣдь самый этотъ шумъ и есть „шумная согласная“ и всѣ звуки производятся опредѣленнымъ положеніемъ органовъ рѣчи. Страннымъ кажется, на-примѣръ, и то, что всѣ звуки у автора не производятся, а „воспро-изводятся“, какъ будто гдѣ-то существуютъ (мнеологическіе) или су-ществовали („гнетъ исторія“?) такіе подлинныя звуки, которые теперь только „воспроизводятся“. Но такіе недостатки полбѣды въ научной работѣ. Важнѣе тѣ, которые касаются сущности дѣла.

Объ историческомъ развитіи языка въ звуковомъ отношеніи, о законмѣрности въ измѣненіи звуковъ и проч. авторъ не имѣетъ ни-какого понятія. Правильное историческое фонетическое измѣненіе звуковъ, субституція звуковъ въ иностранныхъ заимствованныхъ сло-вахъ, патологическія искаженія звуковъ и проч. сваливаются всѣ вмѣстѣ въ одну кучу и разсматриваются какъ „смѣшеніе“, „иска-женіе“ и проч. звуковъ. Напримѣръ (стр. 37), „искажаются, смѣши-ваются звуки различныхъ народовъ, напримѣръ, *m* и *n*, *sh* и *s*, *t* и *d* и т. д.“ (Стр. 31) „Русское *z* иногда произносится какъ *s*, напри-мѣръ, вмѣсто *рызъ*... мы говоримъ *расъ*“ и проч. (Стр. 29) „Смѣше-ніе звуковъ *d* и *t* представляетъ всеобщее явленіе... напримѣръ, *unt* произносится *int*; русскіе также говорятъ вмѣсто (sic) *ледь*—*летъ* и т. д.“ (Стр. 35) „Какъ мы, такъ и нѣмцы, чехи и другіе смѣши-ваютъ *x* и *h* и вмѣсто, напримѣръ, *wenig*, *Buh* (sic), *druh*... произ-носятъ *wenich*, *Buch*, *druh* и т. д.“. Изрѣдка авторъ указываетъ на условія такого смѣшенія (стр. 28): „Какъ въ иностранныхъ рече-ніяхъ (sic), такъ и въ русскомъ замѣчается замѣна одного предѣль-наго (!) звука даннаго типа (!) другимъ, напримѣръ, вмѣсто *лесъ*... *лоесо* мы говоримъ *лефъ*, *лофко*; вообще же передъ согласными и на концѣ словъ *e* звучитъ какъ *ф*.“—Слѣдовательно, и въ „вдвое“, „взоръ“ авторъ находитъ *ф*!

Такой хаотическій взглядъ на историческую фонетику самъ по себѣ могъ бы не имѣть существеннаго вліянія на результаты работы, если авторъ въ своей систематизаціи звуковъ держался бы исклю-чительно данныхъ графическаго метода, на который онъ указалъ въ началѣ книги. И то не бѣда, что онъ въ дѣйствительности при рас-предѣленіи звуковъ рѣчи по „типамъ“ занимается больше физиологіей звуковъ, чѣмъ акустическими данными графики. Но бѣда въ томъ, что

онъ вмѣсто этого опирается главнымъ образомъ на ложно понятые имъ историческіе факты, и такимъ образомъ, незамѣтно для себя, подпадаетъ подъ тотъ „гнетъ исторической фонетики“, въ которомъ онъ ложно обвиняетъ филологовъ. Между тѣмъ лингвисты уже давно перестали примѣшивать историческіе факты къ классификаціи и систематизаціи звуковъ и производить ихъ на основаніи данныхъ физиологіи и акустики. Такъ, чтобы свести *з* и *ж* къ одному типу звуковъ, авторъ разсуждаетъ между прочимъ такъ (стр. 26): „Родственность данныхъ предѣльныхъ (!) звуковъ (т. е. *ж* и *з*) характеризуется не только многочисленными переходными звуками, но и недостаткомъ итальянцевъ, евреевъ и французовъ юзать, выражаемымъ глаголомъ *z'zajuer, z'zajuatъ*,—напримѣръ, *z'ai zoliment zoué—j'ai joliment j'oué*. Мы, русскіе, произносимъ, напримѣръ, вмѣсто *изжарить—изжарить*. Тѣмъ не менѣе и эти звуки даютъ различныя хронографическія кривыя.—Еще бы! Для доказательства этого не нужно утруждать себя записываніемъ кривой. Итакъ, русское *ж* въ *изжарить* вслѣдствіе „недостатка“ языка?

(Стр. 33) „Родственность *k* и *g* характеризуется также соответствующими кривыми (!), а равно легкимъ переходомъ русскаго *к* въ *г* и наоборотъ, напримѣръ, *санокъ* звучитъ какъ *санокъ, утекъ бы* какъ *утекъ бы*“. — Если авторъ, помимо гнета исторіи, не освободился бы еще отъ гнета физиологіи, то онъ нашелъ бы между этими звуками гораздо болѣе существенное, физиологическое сходство. Но у него *к* „преимущественно“ твердый звукъ, а *г*—мягконебный (стр. 32) (!). На основаніи „переходовъ“ можно конечно раскрыть родство между почти всеми звуками и соединить всѣ въ одинъ „типъ“, напримѣръ, между *к, т, н, ч, в, л* и проч. (Ср. литовск. *kàs*, греч. *κόταρος, κόταρος, τίς*, лат. *quod, quid*, старослав. *кѣто, чѣто*, готск. *hwaz, иѣм. wer*; лат. *lacruma, dacryma* и т. д.).

Родство между *г* и *л*, представляющими „низшій“ и „вышшій регистръ“ одного „типа“, (стр. 23) доказывается тѣмъ, что они „воспроизводятся чрезвычайно близкими конфигураціями полости рта и легко переходятъ одинъ въ другой, какъ на это указываютъ историческія (sic) данныя, а равно говоръ дѣтей (sic) и косноязычныхъ (sic), напримѣръ, *флю-флю* вмѣсто *фру-фру*... манжури и китайцы... вмѣсто *пашросы* говорятъ *пашилосы*, а вмѣсто *сладко* — *срадко*“ и т. д. — Комментаріи излишни. Въ дѣйствительности конфигураціи рта при этихъ звукахъ не болѣе близкія, чѣмъ при *т, с, і* и проч.

Случаи смѣшенія авторомъ звуковъ съ буквами встрѣчаются во

всей книгѣ и являются не только результатомъ неточности языка, но свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ подчасъ смѣшивалъ звуки съ буквами въ своихъ представленіяхъ. Напримѣръ: (стр. 13) „...звуки въ качествѣ алфавита...“; (стр. 14) „совокупность звуковъ... будетъ составлять алфавитъ“; (стр. 39) „...русскій языкъ допускаетъ лишь одинъ звукъ, соответствующій *i* нашего универсальнаго алфавита, но который... получилъ различныя начертанія — *i*, *и*, *й* и *ь*, легко переходящіе (sic) одинъ въ другой: Марія—Марья, ...мести—месть, знати (sic)—знать, санскритское *agni*—старославянское *омь*, латинское *linum*—старославянское *льнь* и т. д.“—Итакъ, начертаніе *i* въ *agni*, *мести* перешло въ начертаніе *ь* въ *омь*, *месть*, или наоборотъ? Или же звукъ *i* въ *agni* перешелъ въ звукъ *i* (sic) въ *омь* и т. д.?—(Тамъ же) „...во французскомъ начертаніи (слова *Chénier*) буква *i* не только смягчаетъ предшествующую букву (sic) *n*, но одновременно юстируетъ и послѣдующее *e* (э)“, и т. д.

Самое грустное въ этой работѣ то, что почти всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ по физиологій звуковъ рѣчи, темны или невѣрны и свидѣтельствуютъ о незнакомствѣ съ физиологіей рѣчи. И не придаю никакого значенія тому, что ни для одного звука не дается полного опредѣленія физиологическихъ условій производства его. Но мы въ правѣ требовать, чтобы то, что дается, не расходилось хотя бы съ тѣмъ, что дается въ элементарныхъ учебникахъ физиологій. Для примѣра обратимся къ описанію перваго же звука — *a*. (Стр. 14) „Гласный соноръ (!) *a*, произносимый при широко открытомъ ртѣ среднимъ мужскимъ голосомъ, нормальной гортанью, видоизмѣняется какъ въ дѣтскомъ лепетѣ, такъ и въ мягкомъ говорѣ нѣкоторыхъ народовъ до отгѣнковъ, обусловленныхъ твякающимъ говоромъ, до мягкаго *a*, произносимаго въ головномъ регистрѣ и находящаго себѣ выраженіе въ произношеніи французскаго *i*, когда оно стоитъ передъ *t*, *n*, и т. д., напримѣръ, въ словахъ *introduction*, *Imbert* и проч. Такимъ образомъ соноръ *a* можетъ быть воспроизведенъ (!) цѣлымъ рядомъ похожихъ другъ на друга звуковъ, предѣломъ которыхъ будутъ съ одной стороны *a*... (стр. 15) съ другой—какъ французское *i* въ *in*, *im*, напримѣръ, въ *impression*, *cinq* и т. д.“. Послѣдній звукъ обозначается авторомъ буквою *â* съ точкою наверху.

А. Томсень.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Муньось Анн. Византійское искусство на выставкѣ въ Гротта-Феррата. Римъ. 1906. *Antoine Minox.* L'Art Byzantin à l'exposition de Grottaferрата. Rome. Danesi. 1906.

Авторъ только что вышедшей книги—молодой римскій ученый г. Антонио Муньось, приобрѣтшій лестную извѣстность какъ изслѣдователь древне-христіанскаго и средне-вѣкового искусства и живой обзорѣватель текущей литературы по предмету своей специальности. Ему принадлежит нѣсколько самостоятельныхъ работъ по греческимъ рукописямъ въ различныхъ мелкихъ библиотекахъ Рима, по саркофагамъ малоазіатскаго стиля, иконографіи Мадонны, а также и по византійскому искусству. Въ самое послѣднее время имъ начато изданіе снимковъ, воспроизводимыхъ фототипією Данези, съ памятниковъ средне-вѣкового и новаго искусства (преимущественно въ Италіи). Въ скоромъ времени также ожидается выходъ предпринятаго имъ изданія, въ цвѣтныхъ факсимиле, всѣхъ миниатюръ знаменитаго Россанскаго евангелія и Сирійскаго кодекса Рабулы 586 года (второе изданіе въ фототипіяхъ, также съ нѣсколькими снимками въ краскахъ по трехцвѣтному способу). Но молодой ученый является равно специалистомъ работникомъ и по изслѣдованію итальянской живописи и такимъ образомъ охватываетъ въ своихъ интересахъ обширный періодъ христіанскаго искусства вообще. Тѣмъ любопытнѣе, что г. Муньось остановился нынѣ съ особеннымъ вниманіемъ на изученіи византійскаго искусства, которому посвящена названная въ заглавіи книга. Положимъ, занятія византійскимъ искусствомъ европейскихъ ученыхъ въ настоящее время далеко не представляютъ оригинальной новости: столько появилось уже серьезныхъ изслѣдователей и работниковъ на этомъ поприщѣ во Франціи и Германіи, и имена проф. Стрыговскаго, Дяля, Милле и др. пользуются почетной извѣстностью. Совсѣмъ иное, однако, дѣло въ Италіи, гдѣ научная современная постановка исторіи христіанскаго искусства стала возобладать лишь въ самое послѣднее время. Въ Италіи все еще возможны труды; намѣренно становящіяся внѣ научной среды, какъ, напримѣръ, новѣйшая „Исторія итальянскаго искусства“ Адольфа Вентури. Книга эта, вышедшая уже четвертымъ томомъ, очевидно, еще по старому претендуетъ на значеніе общей исторіи искусства, которую еще по прежнему итальянскій ученый сводитъ единственно къ обзорѣнію памятниковъ своей, правда, художественной страны, не заботясь о научныхъ историческихъ справкахъ, о происхожденіи многихъ памятниковъ съ востока, о томъ, что итальянскіе памятники зачастую только копируютъ чужіе оригиналы

и т. п. Тѣмъ болѣе заслуги въ трудахъ молодого ученаго, когда онъ открыто выступаетъ въ Италіи на поприщѣ новой европейской дисциплины.

Содержаніе книги не претендуетъ на изслѣдованіе и состоитъ исключительно изъ систематическаго обзора византійской выставки, имѣвшей мѣсто въ 1905 году, въ знаменитомъ аббатствѣ Гротта-Феррата, находящемся въ окрестностяхъ Рима, около Фраскати. Это аббатство, основанное св. Пиломъ, монахомъ василіанскаго ордена, изъ Россанскаго монастыря въ Калабріи, покинувшимъ этотъ монастырь около 980 года и основавшимъ въ 1004 году новую обитель въ окрестностяхъ Рима, прославлено своимъ настоятелемъ ученымъ кардиналомъ Виссаріономъ и нынѣ сохраняется уже въ качествѣ „національнаго памятника“ (*monumento nazionale*) съ большимъ раченіемъ ¹⁾. Монастырь, однако, мало привлекаетъ къ себѣ паломниковъ и туристов. Небольшіе остатки мозаической росписи надъ главнымъ входомъ въ церковь и на триумфальной аркѣ и фресковой по стѣнамъ, отъ XII столѣтія, нѣсколько памятниковъ утвари (мраморная купель XII вѣка, омофоръ, болѣе поздній, чѣмъ въ монастырѣ о немъ думаютъ), приписываемая св. Лукѣ икона Богоматери ²⁾, и нѣсколько старинныхъ иконъ, не могли, понятно, привлечь къ обители настолько вниманія, чтобы какъ-нибудь выдѣлять ее изъ общей, столь многочисленной группы римскихъ окрестностей, посѣщаемыхъ путешественниками. Поэтому, съ одной стороны, нельзя было не пожалѣть того, что собранная въ стѣнахъ этого монастыря на праздникъ его 900-лѣтія *италовизантійская выставка* осталась сравнительно мало доступной и была мало посѣщаемая даже своими любителями. Задача этой выставки была очень обширна и имѣла цѣлью показать распространеніе идей и формъ христіанскаго востока въ Италіи, съ цѣлью научно показать, насколько изслѣдователю итальянскаго искусства необходимо обращаться къ тѣмъ странамъ, гдѣ оно развилось. Тема обширная, охватывающая

¹⁾ Статя о. Авреліа Нальмери: *L'abbaye de Grottaferrata et son IX centenaire* въ *Византійскомъ Временикѣ*, 1904, т. XI, вып. 1—2, стр. 396—419 содержитъ въ себѣ какъ исторію аббатства, такъ и краткій отчетъ.

²⁾ Икона Божьей Матери, держащей Младенца на правой рукѣ, считается въ аббатствѣ даромъ папы Григорія IX (1227—1241). Не будучи ни въ какомъ случаѣ древнѣе времени этого папы, икона, кромѣ того, переписана и чрезвычайно напоминаетъ собою одну икону Богоматери Порфирьевскаго собранія въ Кіевѣ, относящую мною къ XIV вѣку (предполагается къ изданію вмѣстѣ съ иконою Гротта-Феррата).

собой не только періодъ древне-христіанскій, но и, такъ называемый, ранній византійскій (V—VIII вѣка), собственно итаलो-византійскій періодъ (XII—XIV) и, наконецъ, позднѣйшій византійскій (XV—XVII). Нужно отдать полную справедливость, затѣмъ, энергичнымъ дѣятелямъ выставки, какъ ученымъ, такъ и самому монашеству аббатства, которое оказалось вполне на уровнѣ просвѣщенныхъ стремленій молодой Италіи и, забывая всѣ неурядицы еще препирательства, отдалось этой чисто научной задачѣ съ большимъ воодушевленіемъ. Автору этой рецензіи было особенно пріятно неожиданностью видѣть и слышать, какъ вопросы и отвѣты на нихъ, нѣкогда болѣзненно раздражавшіе всѣхъ главарей римской христіанской археологін, оказались вдругъ почти популярными въ наукѣ той Италіи, которая серьезно стремится въ обновленію.

Посѣщеніе выставки давало между тѣмъ очень много всякому любителю древности. Энергія ея составителей добыла сюда въ Римъ и знаменитый *пурпурный кодексъ собора въ Россано*, играющій важнѣйшую роль въ исторіи христіанскаго искусства. Я лично видѣлъ этотъ кодексъ въ первый разъ здѣсь и хотя его 188 листовъ пурпурнаго пергамента съ унциальнымъ письмомъ уже не составляютъ такой небывалой рѣдкости послѣ пріобрѣтенія нашей Публичной бібліотекой пурпурнаго малоазіатскаго кодекса, тѣмъ не менѣе его 17 миниатюръ съ библейскими сценами и 40 фигуръ пророковъ было любопытно видѣть въ оригиналѣ. Но, затѣмъ, на выставку привезли почти всю *византійскую коллекцію Ватикана* (Христіанскаго музея) и музея въ Болоньѣ и рядъ кодексовъ южной Италіи. Здѣсь же могли мы видѣть также въ первый разъ *эмалевые кресты Газты и Козенцы*, замѣчательное *собраніе византійскихъ древностей бывшего русскаго посла въ Константинополѣ А. И. Нелидова*, *свинцовыя печати* изъ собранія парижскаго академика Шлюмбергера, *эмалевую шахматку изъ Монте-кассина XII вѣка*, нѣмецкой работы и, наконецъ, рядъ *иконъ греческихъ и русскихъ* изъ Ватиканскаго музея, который тамъ сохраняется нынѣ въ великолѣпныхъ витринахъ, устроенныхъ теперешнимъ бібліотекаремъ и хранителемъ Ватиканскаго музея, отцомъ Эрле, но который тамъ невозможно изучать, не вынимая иконъ изъ запертыхъ витринъ. На выставкѣ все было открыто и всякому специалисту разрѣшалось дѣлать фотографіи со всѣхъ предметовъ, какія только ему заблагоразсудится.

Весьма понятно, что изъ такого обильнаго матеріала можно было выбрать много памятниковъ для своего обзора и на основаніи такого

обзора можно было составить даже характеристику того или другого вида предметовъ византийскаго искусства. Польза подобныхъ обзоръ для начинающей византийскаго археологіи ясна сама по себѣ и не нуждается въ объясненіи. Однако, не должно тоже ее чрезвычайно преувеличивать, такъ какъ при неполнотѣ наведенія и недостаточномъ анализѣ обзоръваемыхъ предметовъ получается выводъ односторонній, иногда даже способный повредить изученію отдѣла. Именно такого рода неудача постигла первый и важнѣйшій отдѣлъ византийскаго выставкы, разсматриваемый Муньосомъ,—иконописи. Ватиканскій музей, доставившій на выставку наибольшее собраніе иконъ, представляетъ самъ собраніе совершенно случайное, не систематичное и, за исключеніемъ, десятка драгоценныхъ памятниковъ въ этомъ родѣ, преимущественно подборъ произведеній позднѣйшаго времени и сравнительно ремесленнаго исполненія. Г. Муньосъ, видимо, былъ крайне затрудненъ своей задачей: на основаніи этого собранія представить характеристику византийскаго иконописи и ея періоды. Онъ далъ нѣсколько чрезвычайно любопытныхъ образцовъ позднѣйшей греко-итальянскаго иконописи (Венеція, восточная и южная Италия); нѣсколько любопытныхъ именныхъ греческихъ иконъ, рядъ многочисленныхъ складней и проч., но не могъ дать какого бы то ни было историческаго обзорънія иконописи (котораго и вообще доселѣ не сдѣлано), ни его важнѣйшихъ отдѣловъ: греческаго и русскаго. Что касается русскаго иконописи, хотя автору знакомы (онъ знаетъ русскій языкъ) нѣкоторые русскія пособія по этому предмету, громадную трудность этого вопроса представляло, прежде всего, отсутствіе историческаго подбора русскыхъ иконъ. Ватиканское собраніе въ этой части является наиболѣе слабымъ, по крайней мѣрѣ, для русскаго глаза и сравнительно съ греческимъ отдѣломъ, и большинство иконъ его позднѣйшаго времени. Слѣдуя нѣкоторымъ русскимъ, очевидно, мало освѣдомленнымъ руководителямъ, г. Муньосъ составилъ общій выводъ, что русская иконопись копируетъ исключительно греческіе образцы, во всемъ придерживаясь преданія. Это господство преданія, составляя несомнѣнный фактъ для всѣхъ вѣтвей византийскаго искусства, представляетъ только одну сторону его: именно его художественное содержаніе, въ данномъ случаѣ, такъ называемую, иконографію. Впервые покойный академикъ Ѳ. И. Буслевъ съ большимъ талантомъ и любовнымъ вниманіемъ вслѣдовалъ византийское преданіе въ русскаго иконописи въ нѣсколькихъ монографіяхъ и статьяхъ. По ходу идей знаменитаго академика, сохраненіе строгаго иконописнаго преданія было высокой

исторической заслугой русского народа, такъ какъ это преданіе, перенесенное черезъ тысячелѣтній періодъ, въ среку современнаго искусства, владѣющаго всѣми утонченными новой культурой средствами, можетъ превратить эту драгоценную залежь въ источникъ новой художественной жизни. Не входя въ разсмотрѣніе этихъ радужныхъ надеждъ и тѣхъ художественныхъ произведеній новѣйшаго времени, которыя какъ бы оправдываютъ такую идеалистическую точку зрѣнія, замѣтимъ здѣсь кратко, что иконографическая сторона русской иконописи является все же только одной стороною искусства, къ тому же еще не вполне разслѣдованною. Исслѣдованія указали, правда, рядъ греческихъ композицій въ русской живописи, а затѣмъ множество древнихъ элементовъ, введенныхъ въ нее изъ византійскаго искусства (до паденія Византіи), но оставили доселѣ открытымъ вопросъ, какъ и въ чемъ вліяла греческая иконопись XV—XVII вѣка на русскую. Доселѣ цѣлый рядъ сюжетовъ русской иконописи представляется загадочнымъ даже съ этой стороны: имѣютъ ли они греческій оригиналъ, или возникли самостоятельно въ самой русской иконописи? Далѣе, кромѣ византійскаго искусства, для русской иконописи руководствомъ служила иконопись сербо-болгарская, точнѣе, сербская, исслѣдованіе которой едва можетъ считаться начатымъ. То же самое должно сказать объ иконописи молдо-влахійской, которая въ XV столѣтіи и первой половинѣ XVI вѣка какъ бы воскресила византійскую технику и искусство. Многие, что наши иконописцы называютъ вообще греческимъ, было или сербо-болгарскаго или молдо-влахійскаго происхожденія. Но и за всѣмъ тѣмъ остается еще другая сторона иконописи, ея письмо, ея художественное исполненіе и формы. Даже поверхностное знакомство съ этой стороною русской иконописи указываетъ всю ея оригинальность. Русская иконопись, хотя и держится преданія, представляетъ совершенно самобытное явленіе въ исторіи искусства, котораго произведенія нельзя смѣшать ни съ какими другими, несмотря на цѣлый рядъ художественныхъ несовершенствъ въ ея формахъ. Въ различныхъ эпохи русской иконописи, воспринятое ею преданіе мѣнялось, искажалось, осложнялось орнаментальностью и различными заимствованиями съ запада, но никогда не мѣшало выработать совершенно особаго декоративнаго цѣлага, которое представляетъ собою русская старинная икона. Весьма понятно, что разборъ писемъ русскихъ иконъ недоступенъ и не интересенъ западному исслѣдователю, пока онъ не видалъ оригиналовъ и пока ему не будетъ въ точныхъ снимкахъ представлена исторія развитія этихъ писемъ со-

стороны содержанія и формы, хотя бы въ проблематическомъ очеркѣ ¹⁾. Кратко сказать, дѣло это, представлявшее непреодолимые трудности для первыхъ знатоковъ: Г. Д. Филимонова и Д. А. Ровинскаго, только теперь устанавливается въ нѣкоторыя историческія рамки знатокомъ русской иконописи Н. П. Лихачевымъ ²⁾, благодаря, главнымъ образомъ, обширности и разнообразію его собственнаго собранія.

Несравненно удачнѣе вышло у автора нашей книги слѣдующій отдѣлъ древностей — Обзорніе миниатюръ рукописей. Авторъ былъ пораженъ чрезвычайнымъ сходствомъ орнаментаціи южныхъ итальянскихъ рукописей съ греко-восточной, именно нѣкоторыхъ рукописей библиотеки Синайскаго монастыря, какъ, на примѣръ, Греческаго Евангелія № 213 967 года и Поученій Осодора Студита № 401 1086 года, мною кратко указанныхъ въ описаніи своего путешествія на Синай ³⁾. Сходство, дѣйствительно, замѣчательное и говоритъ въ пользу копирования итальянской рукописи въ ея инициалахъ съ грековосточнаго оригинала. Данная орнаментація, дѣйствительно, ведетъ свое начало, повидному, изъ Сиріи, но сказать точно, какой именно образецъ былъ взятъ въ данномъ случаѣ, можно было бы только послѣ подробныхъ сопоставленій, такъ какъ есть много рукописей византійскихъ, представляющихъ орнаментацію подобнаго рода. Во всякомъ, однако, случаѣ, настоящее сопоставленіе является чрезвычайно вѣскимъ фактомъ въ исторіи перехода греко-восточныхъ оригиналовъ на западъ. Отнынѣ этотъ фактъ должно будетъ постоянно имѣть въ виду и при разборѣ южно-итальянскихъ фресокъ и иконъ.

Затѣмъ авторъ обзрѣваетъ выставленные предметы слоновой кости, стеатита, ткани, чеканнаго дѣла, эмали, рѣзные издѣлія и прочее. Сообразно съ самымъ выборомъ предметовъ, обзоры эти, по необходимости, весьма отрывочны, но имѣютъ значеніе по опубликованію вновь нѣкоторыхъ вещей, при чемъ лишь весьма кратко резюмируются изображенные сюжеты. Рисунки настолько хороши, что было бы же-

¹⁾ Пользуемся случаемъ сообщить всѣмъ интересующимся къ свѣдѣнію, что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ выходъ въ свѣтъ замѣчательнаго альбома фотографическихъ снимковъ съ иконъ первокласснаго собранія Н. П. Лихачева, состоящаго изъ 400 слѣшкомъ табличекъ, могущихъ послужить историческими образцами.

²⁾ См. его *Обзорніе отдѣленія христіанскихъ древностей въ музей Императора Александра III*, 1902 г. Его-же: *Краткое описаніе иконъ собранія Н. П. Третьякова*. 1905 г.

³⁾ *Зооморфическіе инициалы греческихъ и славянскихъ рукописей X-го—XI-го стол. въ библиотекѣ Синайскаго монастыря, съ предисловіемъ Н. П. Кондакова*. 1903 г.

лательно болѣе подробное ихъ описаніе, прежде всего, со стороны технической и фактуры предметовъ, такъ какъ въ зависимости отъ этого стоитъ самое ихъ хронологическое опредѣленіе. Между этими вещами собственно наше вниманіе обратили особенно на себя два эмалевыхъ креста и литургическое блюдо ватиканскаго музея. (рис. 104). Къ моему крайнему сожалѣнію, мнѣ не удалось въ свое время видѣть этихъ замѣчательныхъ вещей въ оригиналъ и пришлось воздержаться отъ описанія и публикаціи ихъ по однимъ фотографіямъ. Крестъ Козенцы—одно изъ лучшихъ произведеній византійской эмали, а крестъ Гаэты является первокласснымъ образцомъ золотыхъ эмальированныхъ складней-крестовъ. Что касается литургическаго блюда, то оно представляетъ любопытное подражаніе въ бронзѣ великолѣпнымъ византійскимъ эмалевымъ блюдамъ, отъ которыхъ до насъ сохранилось только одно воспоминаніе по тексту книги о церемоніяхъ византійскаго двора Константина Порфиророднаго. Подобное ему блюдо находится въ музее Иншпрука и эмальировано также въ медальонѣхъ различными символично-аллегорическими сценами съ обѣихъ сторонъ. Между предметами рѣзбы г. Муньось вновь останавливается на известномъ *ящикѣ изъ Террачины*, покрытомъ сплошною рѣзбою звѣринаго стиля, расположенной въ два ряда въ аркадахъ по наружнымъ стѣнкамъ ящика. Блюдо это приписывали восточному искусству и относили его: одни къ VIII—IX вѣку, другіе — къ X—XI. Вопросъ этотъ врядъ ли можетъ быть рѣшенъ сразу безъ подробнаго анализа. Сопоставленіе этого предмета съ рѣзной дверью въ Охридѣ даетъ только общія указанія въ предѣлахъ развитія и распространенія звѣринаго стиля, но очень мало говоритъ о времени нашего памятника, который при этомъ сравненіи нѣсколько выигрываетъ въ древности. А такъ какъ дверь въ Охридѣ, по разнымъ соображеніямъ, слѣдуетъ отнести къ XIII—XIV вѣку, то рѣзной ящикъ Террачины можно помѣстить между IX—XI вѣкомъ и, такъ какъ манера его обработки, форма рельефа и глубокихъ, какъ бы ажурныхъ, фоновъ напоминаетъ грузино-армянскія скульптуры X—XII вѣка, то я лично относить бы къ тому же времени и ящикъ Террачины.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать автору этого новаго обзорѣнія предметовъ византійскаго стиля въ итальянской наукѣ продолжать свои съ такимъ успѣхомъ начатыя работы.

Н. Кошдановъ.

Книжные новости.

Шайшинъ, Н. С. Олонекій фольклоръ. Былины. Петрозаводскъ. 1906. XIV+176 стр. (Перепечатано изъ „Олоонецъ. Губ. Вѣдомост.“, 1906 г.).

Эта брошюра составилась изъ цѣлаго ряда статей, помѣщенныхъ первоначально въ „Олонекскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, за 1906 г. Состоитъ она изъ предисловія, критико-библиографическаго обзора олонецкаго фольклора, разсужденій и соображеній о былинной традиціи въ Олонекскомъ краѣ и по вопросу о происхожденіи общерусскаго былевого эпоса и четырнадцати вариантовъ былинъ; въ концѣ присоединены краткія свѣдѣнія о сказителяхъ и сказительницахъ напечатанныхъ былинъ.

Главное мѣсто по объему (стр. 51—168) занимаютъ тексты четырнадцати вариантовъ былинъ, записанные въ Пудогѣ (10 записей) и въ Зюпежѣ (4 записи) отъ четырехъ сказителей и двухъ сказительницъ. Сравнительно съ другими сборниками, варианты, сообщаемые Н. С. Шайшинымъ, не даютъ почти ничего новаго; есть варианты скомканные (Дюкъ Степановичъ) и не оконченные (про Калина царя). Даже особенно отмѣчаемая имъ былина—„Неудавшееся сватовство князя Владиміра“—по содержанію и размѣрамъ (241 стихъ) очень близка къ былинѣ (въ 229 стиховъ), помѣщенной въ „Пѣсняхъ“ Кирѣвскаго, выш. III, стр. 82. И самъ авторъ отмѣчаетъ „точное почти совпаденіе этихъ былинъ...“¹⁾ Кромя того „указанныя записи старинны оставляютъ желать многого по части сохраненія былиннаго стиха и особенностей заонежскаго говора“...²⁾ А если это такъ, то мы видимъ мало основаній для появленія ихъ въ видѣ особаго выпуска „Олонецкаго фольклора“. Авторъ въ предисловіи заявляетъ, что у него имѣется „болѣе ММ 1000 фольклористическихкихъ записей послѣднихъ лѣтъ“³⁾. И намъ кажется, что всѣ эти записи должны быть изданы вмѣстѣ, въ большихъ сборникахъ, а не дробиться на безчисленное количество тощихъ брошюрочекъ. Только тогда онѣ будутъ имѣть значеніе въ литературѣ и не затеряются въ массѣ мелкихъ провинціальныхъ изданій, доступныхъ лишь записнымъ библиографамъ. Не оправдываетъ автора въ данномъ случаѣ и соображеніе, что „Олонекій фольклоръ“ можетъ оказаться „не бесполезнымъ... въ качествѣ матеріала для чтенія—и для учащихся“. Кто будетъ пользоваться второстепенными записями, имѣя подъ руками классическіе сборники былинъ?

Критико-библиографическій обзоръ олонецкаго фольклора (стр. 1—34), по словамъ автора, „имѣетъ цѣлью свести въ одно систематическое цѣлое данныя“ разныхъ указателей, „дополнить не вошедшее въ нихъ и представить критико-библиографическія свѣдѣнія касательно указываемыхъ матеріаловъ“⁴⁾. На самомъ же дѣлѣ здѣсь перечисляются лишь общезвѣстные записи былинъ по работѣ Лободы о богатырскомъ эпосѣ, съ краткимъ пересказомъ

¹⁾ „Олоонецъ. фольклоръ“, стр. 51, примѣч.

²⁾ Ibid., стр. 25.

³⁾ Предисловіе, стр. IX.

⁴⁾ „Олоонецъ. фольклоръ“, стр. 1.

отзывовъ о нихъ. Здѣсь же авторъ довольно подробно говоритъ объ издаваемыхъ имъ былинахъ (стр. 24—30 и 32—33); и по матеріаламъ М. Н. Павлина даетъ краткія свѣдѣнія (относящіяся къ 1901 году) объ Олонецкихъ былинахъ и ихъ сказителяхъ. Тогда, только въ уѣздахъ Пудожскомъ, Олонецкомъ, Каргопольскомъ и Петрозаводскомъ, извѣстно было до двухъ десятковъ сказителей и сказительницъ съ довольно обширнымъ репертуаромъ. Интересныя подробности по этому вопросу читатель найдетъ на 31 стр. разбираемой нами работы г. Н. С. Шайжина.

Наибольшій интересъ и значеніе имѣетъ глава „Былинная традиція въ Олонецкомъ краѣ“, гдѣ, на основаніи данныхъ преимущественно мѣстнаго характера, рѣшаются вопросы: „1) кто занесъ въ Олонію русскія былинныя богатства, 2) въ силу какихъ причинъ она сдѣлалась хранилищемъ не только русскаго, но и финскаго эпоса и 3) какъ скоро можетъ заглохнуть въ Олоніи былинная традиція?“¹⁾

Олонецкую губернію называютъ обыкновенно „Исландіей русскаго эпоса“. Всего тамъ записано свыше пяти съ половиною сотенъ былинъ. Гдѣ искать причинъ такого безпримѣрнаго богатства? „Единственное объясненіе этого обстоятельства, говоритъ г. Н. С. Шайжинъ, можно полагать въ томъ, что населеніе нашего края пришлое, сбродное изъ разныхъ краевъ Россіи и приливы его въ Олонію продолжались до XVI вѣка... Что же касается былинъ, сложенныхъ сравнительно поздно, въ XV и началѣ XVI вѣка, то онѣ явились въ Олонію, и черезъ Олонію, какъ этапный пунктъ, дальше на Погорье вмѣстѣ съ новыми переселенцами изъ разныхъ мѣстностей Московскаго царства, главнымъ образомъ изъ центра и сѣверо-западной (Новгородско-Псковской) его окраины“²⁾.

Причинами, способствовавшими сохраненію былинной традиціи, авторъ считаетъ „а) Примитивность въ быту и понятіяхъ народа. б) Присутствіе бнтереса къ намятникамъ эпоса... в) Малое распространеніе грамотности. г) Досугъ, необходимый для заучиванія („пониманія“) и сказыванія длинныхъ былинъ. д) Сочувствіе идеаламъ былевой поэзіи и пониманіе ея типовъ вдали. отъ крѣпостного права и, наконецъ, е) бытованіе „старинъ“ въ средѣ ревностныхъ хранителей старины вообще—раскольниковъ“³⁾. А обліи консервативнѣмъ мѣстнаго населенія „общааетъ еще долгое бытованіе русскаго эпоса во всей сѣверной части Олонецкаго края“⁴⁾.

Отечественная война 1812 года. Историческое изслѣдованіе А. Н. Попова. Томъ I. Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ войною 1812 г. М. 1905. VI+502. Цѣна 4 руб.

А. Н. Поповъ написалъ въ концѣ 1860 и въ началѣ 1870 годовъ рядъ статей по исторіи Отечественной войны, о которыхъ К. Н. Вестушевъ-Рюминъ совершенно основательно сказалъ, что какое-либо сравненіе между ними и дру-

¹⁾ Ibid., стр. 31.

²⁾ Ibid., стр. 38 л 39.

³⁾ Ibid., стр. 39—40.

⁴⁾ Ibid., стр. 43.

гими предшествовавшими работами по той же эпохѣ было бы „несправедливостью: такъ высоко стоять онѣ, оставляя только мѣсто эпохѣ гр. Толстого“. Дѣйствительно, А. Н. Поповъ изучилъ огромный матеріалъ, въ его время почти сплошь рукописный, и изложилъ результаты своей работы чрезвычайно интересно, простымъ, яснымъ языкомъ. Статьи Попова были напечатаны при его жизни въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, частью въ Русскомъ Архивѣ, и послѣ его смерти—еще въ *Русской Старинѣ*. Эта разбросанность невыгодно отражалась на ихъ извѣстности, которая всегда была ниже, чѣмъ заслуживала бы работа по своимъ достоинствамъ. Нельзя поэтому не привѣтствовать изданія статей Попова особою книгою. Вышедшій первый томъ посвященъ обзору дипломатическихъ сношеній Россіи съ разными европейскими государствами предъ войною 1812 г. Въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются сношеній съ Франціей (главы I и II, стр. 1—210), содержаніе его теперь уже не является новымъ, потому что соответственные документы появились давно въ полномъ видѣ, въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго историческаго общества; но умѣлая группировка фактовъ, ясное пониманіе лицъ и событій—по прежнему заслуживаютъ полнаго вниманія и эта часть книги читается съ большимъ интересомъ и при существованіи работъ Шиллера, Татищева, Вандаля. Остальная и большая часть тома и до сихъ поръ сохраняетъ все значеніе новизны, потому что документы о сношеніяхъ нашихъ со Швеціей, Пруссіей и Австріей (210—246, 382—500) еще почти не опубликованы. Свѣдѣнія, сообщаемыя Поповымъ объ отношеніяхъ Бернадотта, тогда наслѣднаго принца шведскаго, къ Россіи, о политикѣ прусскаго двора—въ высшей степени интересны. Вернатцѣ можно охарактеризовать, по изложенію Попова, ходъ дѣлъ такъ: императоръ Александръ вполне ясно понималъ намѣренія Наполеона и ни на минуту не вѣрилъ его искренности; онъ съ самаго Тильзита готовился къ рѣшительной борьбѣ и выбиралъ лишь наиболѣе удобный моментъ. Поведеніе Бернадотта было явно враждебное по отношенію къ Франціи; онъ зналъ о намѣреніяхъ Александра и вполне имъ сочувствовалъ; король прусскій, подъ вліяніемъ испытанныхъ тяжелыхъ ударовъ, велъ нерѣшительную и двуличную политику. Взглядъ на дѣятельность императора Александра, проводимый Поповымъ, мало-по-малу сталъ общераспространеннымъ; дальнѣйшее изученіе источниковъ показало, что Поповъ совершенно правильно оцѣнилъ событія на основаніи того, что было ему извѣстно. А это укрѣпляетъ довѣріе и къ его остальнымъ выводамъ, которые пока еще не могутъ быть проверены по изданнымъ матеріаламъ.

Описание славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи члена-корреспондента Императорскаго общества любителей древней письменности, А. А. Титова. Томъ V. Исторія церкви. Описано собирателемъ А. Титовымъ. М. 1906. Стр. 496+XXV.

Вышеназванное описание рукописей, принадлежащихъ А. А. Титову, началось печатаніемъ еще въ 1893 г., и съ тѣхъ поръ по 1903 г. вышло четыре его тома. Только что вышедшій въ свѣтъ настоящій пятый томъ, посвященный почти исключительно исторіи церкви, заключаетъ въ себѣ до 197 рукописныхъ сборниковъ, отъ № 1483 по № 1684. Большая часть рукописей

относится къ XVIII вѣку—116 рукописей; затѣмъ къ XVIII—XIX—24, къ XVII—21, къ XIX—20, къ XVII—XVIII—10 и къ XVI—одна рукопись—раскольническій сборникъ на 368 листахъ. „Почти всѣ рукописи“, говоритъ составитель „Описанія“, „снабжены записями, иногда очень интересными и показывающими, какъ та или другая рукопись переходила отъ одного владѣльца къ другому, пока наконецъ не вошла въ настоящее собраніе“. По своему содержанию описанныя рукописи дѣлятся на сборники словъ и поученій, сборники раскольническіе, сборники богослужебные и сборники сѣтланнаго характера. Для иллюстраціи укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. 1) Сборникъ, подъ № 1490 (XVII в.), весьма разнообразнаго содержанія, въ которомъ, кромѣ житій преп. Антонія Риллинна и Артемія Верховскаго, имѣются и другіе „духовные приклады и душеполезныя повѣсти, выбранныя по общему своему многогрѣшнымъ монахомъ Никономъ, постриженникомъ Выскаго монастыря, что въ Серпуховѣ“. 2) Сборникъ, подъ № 1494 (XVII в.), съ житіями преп. Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, и преп. Варлаама и Іоасафа. 3) Сборникъ, подъ № 1518 (XVIII в.), съ 101 картиной, довольно порядочной работы, рисованными во весь листъ и раскрашенными красками. Въ концѣ рукописи имѣются записи, изъ которыхъ видно, что она пользовалась „большимъ спросомъ у сельскихъ любителей духовнаго чтенія“. 4) Сборникъ, подъ № 1569 (XVIII в.), въ который вошелъ Златоустъ недѣльный, и который писанъ „тщаніемъ и трудами ростовскаго ящичнаго Михаила Гаврилова Левскаго“. 5) Сборникъ, подъ № 1612 (XVIII в.), заключающій въ себѣ Слова преподобнаго Нила Сорскаго, и 6) Сборникъ, подъ № 1667, въ которомъ имѣется списокъ, сдѣланный собственноручно О. М. Водянскимъ съ пергаменнаго списка библиотеки Московской духовной академіи—„О житіи и погубленіи Бориса и Глѣба“. Въ концѣ книги приложено подробнѣе „Указатель“.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе декабря и января мѣсяцевъ.

— *Савинъ, Александръ.* Англійская секуляризація. М. 1906. 576 стр. Цѣна 3 руб.

— *Кантъ.* Критика чистаго разума. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Лоссекаго. С.-Пб. 1907. VIII+464 стр. Цѣна 2 руб.

— *Мальбраншъ, Николай.* Разысканія истины. Переводъ съ французскаго Е. Б. Сидловой, подъ редакціей Э. Л. Радлова. Томъ I. Изданіе К. Л. Рикера. С.-Пб. 1908. 312+VIII стр. Цѣна 2 руб. (Труды С.-Петербургскаго Философскаго Общества. Выпускъ II).

— Статьи по славяновѣданію. Выпускъ II. Подъ редакціей В. И. Даманскаго. Изданіе Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1908. 391 стр.

— *Ростовцевъ, С. И.* Биолого-морфологическій очеркъ яскокъ. Съ 37 рисунками въ текстѣ и 9 таблицами. М. 1905. 108 стр.

— Латинско-итальянско-славянскій поименный ху-го и ху-го столѣ-

та, составленный въ области терскихъ славянъ. Изданный и объясненный *И. А. Бодуэн-де-Курменэ*. С.-Пб. 1906. Выпускъ 1-й. Текстъ. П+55 стр.— Приложение къ 1-му выпуску. Фототипическіе снимки.

— *Бенемисичъ, В. Н.* Древне-славянская кормчая XIV титуловъ възъ толкованій. Томъ первый. Выпускъ 2. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1906. Стр. 229—464. Цѣна 1 руб. 40 коп.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ IV. Повременное изданіе комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1906. 210 стр.

— Акты, издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXXI. Акты о литовскихъ татарахъ. Вильна 1906. XL+586 стр.

— Описание рукописнаго отдѣленія Виленской публичной бібліотеки. Выпускъ пятый. Вильна 1906. XXII+187 стр.

— *Мордухай-Болтовской, Д.* О приведеніи абелевыхъ интеграловъ къ высшимъ трансцендентнымъ. Варшава 1906. XV+407 стр.

— Еваноз. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь профессора Н. П. Данкевича. Кіевъ 1906. V+436 стр. Цѣна 2 руб.

— Сборникъ трудовъ, исполненныхъ студентами при Метеорологической Обсерваторіи Императорскаго Юрьевского университета. Издано подъ редакціею проф. В. И. Срезневскаго. Юрьевъ 1906. 228 стр.

— *Бочкаревъ, В.* Стоглавъ и исторія совора 1551 года. Историко-каноническій очеркъ. Г. Юхновъ 1906. XV+261+5 стр. Цѣна 2 руб.

— *Pavlov, Marie.* Etude sur l'histoire paléontologique des ongulés. IX. Sélénodontes posttertiaires de la Russie. Avec 8 planches. С.-Пб. 1906. 95 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XX. № 1).

— *Павлова, М.* Описание ископаемыхъ млекопитающихъ, собранныхъ русской полярной экспедиціею въ 1900—1903 гг. Съ 4 таблицами. С.-Пб. 1906. 40 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXI. № 1).

— *Латшневъ, В. В.* Житія св. епископовъ херсонскихъ. Изслѣдованіе и текстъ. С.-Пб. 1906. 81 стр. Цѣна 60 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ VIII. № 3).

— Статистическо-экономическій очеркъ двояти губерній Царства Польскаго. Отчетъ за 1906 годъ. Краткій Ежегодникъ Привислинскаго края. Варшава 1907. 98 стр. Цѣна 1 руб. (Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета. Выпускъ XXVII).

— *Тельбергъ, Г. Г.* Историческая записка объ учрежденіи и дѣятельности Казанскаго Юридическаго Общества за первые двадцать пять лѣтъ его существованія (1879—1903). Казань 1906. 44 стр.

— **СТАТИСТИКА ЗЕМЛЕВЛАДЕНІЯ 1906 г. С.-Пб. 1906.**—Выпускъ I. Московская губернія. 56 стр.—Выпускъ II. Саратовская губернія. 50 стр.—Выпускъ V. Воронежская губернія. 58 стр.—Выпускъ VIII. Вятская губернія. 52 стр.—Выпускъ IX. Подольская губернія. 54 стр.—Выпускъ X. Бессарабская губернія. 48 стр.—Выпускъ XI. Гродненская губернія. 46 стр.—Выпускъ XX. Тамбовская губернія. 52 стр.

— *Schmidt, Fr.* REVISION DER OSTBALTISCHEN SILURISCHEN TRILOBITEN. Abtheilung V. Asaphiden. Lieferung IV. Enthaltend die Gattung *Megalaspis*. Mit 8 Tafeln und 33 Figuren im Text. С.-Пб. 1906. 62 стр. Цѣна 3 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XIX. № 10).

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

НОВАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА.

„Народъ, у котораго лучшія школы, первый народъ: если онъ не таковъ сегодня, то станетъ имъ завтра“.

Жюль Симонъ.

„Общее начальное образование и усвоеніе приложимыхъ на практикѣ знаний и умѣній въ соответствіи съ запросами жизни—вотъ идеалъ, къ которому необходимо направлять просвѣщеніе народныхъ массъ“.

„Начальная школа, начальное обученіе—для жизни“.

1. Вопросъ о всеобщемъ народномъ обученіи.

На обложкѣ составленнаго А. С. Пругавинымъ довольно извѣстнаго Сборника законовъ и справочныхъ свѣдѣній по начальному народному образованію (С.-Пб. 1904), вмѣсто эпиграфа, помѣщено интересное символическое изображеніе количественнаго распространенія грамотности въ населеніи культурныхъ странъ Стараго и Новаго свѣта: въ Германіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи, Франціи, Австріи и Россіи. Въ этомъ изображеніи количественная сторона грамотности символизируется кружками, въ которыхъ соответствующее дѣйствительности число неграмотныхъ жителей зачерчено черною краской. И вотъ получились то сплошныя свѣтлыя кружки, то почти на половину или совсѣмъ темныя: въ Германіи на 100 душъ населенія приходится 98 грамотныхъ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ—уже поменьше, именно 92, соответственно чему во второмъ кружкѣ темное пространство нѣсколько больше, чѣмъ въ первомъ, въ Англіи грамотныхъ 90%, во Франціи—85, въ Австріи—52 и, на

конецъ, въ Россіи (сколько бы вы думали?)—только 16, и кружокъ, символизирующій Россію, почти весь темный...

Число грамотныхъ въ послѣднее время у насъ нѣсколько увеличилось, особенно среди мужской половины населенія. Тѣмъ не менѣе пока вовсе нѣтъ еще основаній отрицать, что русскій народъ въ своей подавляющей массѣ коснѣеть въ первобытномъ невѣжествѣ, что „власть тьмы“ закрываетъ ему всѣ пути культурнаго развитія, что въ просвѣщеніи народа Россія отстала не только отъ всѣхъ европейскихъ, но и отъ нѣкоторыхъ азіатскихъ государствъ и что число существующихъ у насъ начальныхъ народныхъ школъ не достигаетъ и желательной ихъ половины, оставаясь все еще очень далекимъ отъ той количественной ихъ нормы, которая обеспечивала бы для всѣхъ гражданъ страны свободный доступъ даже къ самому элементарному школьному образованію. Въ крайнемъ недостаткѣ просвѣщенія, въ чрезвычайной слабости общенароднаго культурнаго развитія, какою характеризуются ряды не только послѣднихъ десятилѣтій, но и цѣлыхъ вѣковъ нашей исторіи, заключается одна изъ самыхъ главныхъ причинъ нашихъ государственныхъ неудачъ и бѣдствій, нашего небывалаго матеріальнаго оскуднѣнія. Именно этою причиною болѣе всего объясняется печальный исходъ недавней нашей войны съ Японіей, а не только отсутствіемъ, какъ многие думаютъ, талантливыхъ и самоотверженныхъ полководцевъ, не только упадкомъ патріотизма въ средѣ нашихъ офицеровъ и во всякомъ случаѣ—не оскуднѣніемъ мужества, не уменьшеніемъ преданности къ родинѣ нашихъ солдатъ и крестьянъ. Далѣе, въ этой же темнотѣ народной заключается одна изъ причинъ и современныхъ аграрныхъ волненій, служащихъ выраженіемъ полнаго непониманія со стороны крестьянъ даже такихъ элементарныхъ основъ общезжитія, каковы—право собственности и неприкосновенности личности и жилища. Если, въ дополненіе къ сказанному, мы обратимъ вниманіе на поражающую матеріальную бѣдность народа, на крайнюю слабость у него почва къ тому, чтобы выбиться изъ-подъ гнета давящей его нужды и бѣдности на просторъ промышленной предпримчивости и свободы, если мы остановимся мыслью на той ужасающей атмосферѣ суевѣрій и предрассудковъ, въ которой чахнетъ умъ народа и которая склоняетъ его, въ эпохи общихъ бѣдствій и возбужденія, идти вооруженною толпою противъ своихъ врачей, учителей, то мы поймемъ, что распространеніе свѣта въ народныхъ массахъ составляетъ одну изъ самыхъ насущныхъ, совершенно неотложныхъ потребностей нашего времени, удовлетворенію которой должны быть

посвящены всё заботы не только государственныхъ и общественныхъ организацій, но и всѣхъ образованныхъ и матеріально обеспеченныхъ людей страны.

Къ сожалѣнію, частная инициатива, частная благотворительность, направляемая на дѣло просвѣщенія народныхъ массъ, у насъ не получила достаточно замѣтнаго развитія: историческія условія не успѣли выработать въ нашемъ образованномъ обществѣ и среди нашей плутократіи того просвѣщеннаго альтруизма, тѣхъ чувствъ любви къ родиѣ и національнаго достоинства, той благородной, гуманитарной силы характера, при наличности которыхъ только и возможна частная широкая благотворительность на дѣло образованія родного темнаго народа. Въ этомъ дѣлѣ намъ остается возлагать надежды прежде всего на могучій починъ государства, а затѣмъ на просвѣщенное содѣйствіе общественныхъ учреждений.

Особенно значительную помощь дѣлу начального народнаго образованія у насъ оказывали и оказываютъ *земскія учрежденія*. Наиболѣе просвѣщенные изъ нихъ не одинъ разъ дѣлали попытки ко введенію всеобщаго обязательнаго обученія и къ открытію такого количества начальныхъ школъ, при которомъ всѣ обитатели селъ и деревень могли бы давать своимъ дѣтямъ,—мальчикамъ и дѣвочкамъ,—начальное обученіе и воспитаніе. Но эти попытки, имѣвшія въ общемъ лишь спорадическій характеръ, не пошли далѣе подготовительныхъ вычисленій и проектовъ „школьныхъ сѣтей“, оставшіеся интересными памятниками лишь „академическихъ“ разсужденій, кабинетныхъ начинаній и предположеній. Упомянутыя попытки не проводились въ жизнь въ виду будто бы непреодолимыхъ матеріальныхъ затрудненій для ихъ осуществленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти затрудненія дѣйствительно не малы. Но намъ всегда сдавалось, что сила ихъ могла бы оказаться не столь страшною, если бы дѣло всеобщаго народнаго образованія было одною изъ доминирующихъ идей общественнаго сознанія, если бы неотложная необходимость всеобщаго просвѣщенія одинаково живо ощущалась всѣми представителями власти, земли и народа.

Не одинъ разъ и наше правительство возбуждало вопросъ о выработкѣ общедоступной сѣти школъ и каждый разъ отступало отъ рѣшенія поставленной себѣ задачи, также въ виду громадной трудности ея практическаго осуществленія. Таковы, напримѣръ, попытки, дѣлавшіяся въ 1864 и въ 1876 годахъ, при министрахъ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскомъ и гр. Д. А. Толстомъ. Но тѣ сотни

тысячъ начальныхъ школъ и тѣ сотни миллионъ рублей; которыя испугали тогда наше министерство просвѣщенія, были дѣломъ ошибочныхъ вычисленій, производившихся и чинами названнаго министерства, и даже такими педагогами народолюбцами, какъ бар. Н. А. Корфъ, Н. Ѡ. Бунаковъ и Страннолюбскій. Слѣдуя академику Буяковскому, они приняли за фактъ, что возрастъ, въ теченіе котораго дѣти обязаны посѣщать школу, начинается въ 7 лѣтъ и оканчивается въ 14. Между тѣмъ семилѣтняя продолжительность школьнаго возраста должна быть уменьшена у насъ, по крайней мѣрѣ, на три года. При этомъ условіи тѣ огромныя цифры потребныхъ школъ, учителей и средствъ на ихъ содержаніе, которыя получались отъ невѣрно сдѣланнаго расчета, должны быть уменьшены болѣе чѣмъ на половину, и введеніе всеобщаго обученія, можно быть увѣреннымъ, не потребуетъ такого напряженія экономическихъ силъ страны, предъ которымъ опять пришлось бы остановиться въ полномъ изумленіи.

Мы убѣждены, что если теперешній годовоі бюджетъ министерства просвѣщенія, едва превышающій на всю громадную, необъятную Россію лишь 40 миллионъ рублей, будетъ увеличенъ втрое и это увеличеніе всецѣло пойдетъ на расширеніе средствъ начальнаго народнаго образованія, то мы будемъ очень, очень близки къ такому положенію вещей, при которомъ всеобщее народное обученіе перестанетъ казаться несбыточною, пугающею воображеніе, утопической мечтою, извѣнительною только для неисправимыхъ идеалистовъ...

Какъ бы въ отвѣтъ на многолѣтнія, передуманныя и перечувствованныя ожиданія всего образованнаго русскаго общества, въ половинѣ текущаго 1906 года наше министерство просвѣщенія издало проектъ всеобщаго народнаго обученія.

Основные положенія названнаго проекта таковы:

1. Всѣ дѣти обоіеіа пола должны имѣть возможность, по достиженіи школьнаго возраста, пройти полный курсъ обученія въ правильно устроенной начальной школѣ.

2. Обязанность открытія достаточнаго числа училищъ, которое соответствовало бы числу дѣтей школьнаго возраста, лежитъ на земствахъ и городахъ.

3. Школьный возрастъ начальнаго обученія обнимаетъ четыре года, а потому расчеты относительно числа необходимыхъ школъ дѣлаются примѣнительно къ четыремъ возрастнымъ группамъ: къ дѣтямъ 8, 9, 10 и 11 лѣтъ.

4. На каждого учителя начальной школы должно приходиться не болѣе 50 учащихся.

5. Правильно устроенная начальная школа на одинъ комплектъ учащихся, не превышающій 50 человекъ, должна имѣть одного учителя или учительницу, обладающихъ соответствующимъ правомъ на преподаваніе, и одного законоучителя.

6. Обязательность начального обученія устанавливается рѣшеніями органовъ мѣстнаго самоуправления.

7. Министерство народнаго просвѣщенія, въ случаѣ постановленія земства или городского общества о введеніи всеобщаго обученія, принимаетъ на себя расходы въ размѣрѣ минимальнаго оклада содержанія учащихся лицъ, какъ во вновь учреждаемыхъ училищахъ, составляющихъ школьную сѣть данной мѣстности, такъ и въ ранѣе существовавшихъ. Остальные расходы по содержанію училищъ удовлетворяются изъ средствъ мѣстнаго населенія. Полученіе денежнаго пособія отъ министерства на содержимыя земствами и городами училища ни въ чемъ не должно стѣснять самостоятельность общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ завѣдыванія начальною школою.

8. Вѣдомствамъ, сословнымъ и инымъ организаціямъ, частнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ, если содержимыя ими училища входятъ въ общую сѣть правильно устроенныхъ школъ данной мѣстности, такъ же, какъ земствамъ и городамъ, предоставляется возможность пользоваться пособіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія на содержимыя ими училища.

9. Минимальнымъ окладомъ жалованья для начальныхъ школъ учителей всѣхъ мѣстностей Россіи полагается 360 рублей въ годъ и для законоучителя 60 рублей. Окладъ этотъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, можетъ измѣняться въ сторону повышенія, которое относится исключительно на мѣстные средства. Периодическія прибавки, устанавливаемыя содержателями школъ для учащихся лицъ, должны быть относимы всецѣло на мѣстные источники.

10. Каждая школа должна обслуживать районъ съ радіусомъ, не превышающимъ трехъ верстъ.

11. Максимальный срокъ введенія всеобщаго обученія для всѣхъ мѣстностей Россіи устанавливается въ 10 лѣтъ.

12. Введеніе всеобщаго обученія въ губерніи, уѣздѣ или городѣ находится въ зависимости отъ выработки на мѣстѣ опредѣленнаго плана осуществленія этого дѣла. Размѣръ правительственнаго пособія на каждый годъ для каждой отдѣльной мѣстности опредѣляется и

испрашивается органами мѣстнаго самоуправленія въ зависимости отъ количества школъ, открываемыхъ въ данномъ году.

Исчисленіе расходовъ, вызываемыхъ введеніемъ всеобщаго обученія, составлено министерствомъ народнаго просвѣщенія слѣдующимъ образомъ.

За основаніе взято число дѣтей въ возрастѣ 8, 9, 10 и 11 лѣтъ въ каждой губерніи, городѣ и уѣздѣ по даннымъ переписи 1897 года и дополнено цифрою, составляющею естественный приростъ къ нему дѣтей за 10 лѣтъ, считая по 1,49% въ годъ. Такой процентъ является среднимъ за десятилѣтній періодъ съ 1891 по 1901 годъ,— за эти годы имѣются послѣднія печатныя свѣдѣнія центральнаго статистическаго комитета. Количествомъ дѣтей школьнаго возраста опредѣляется число школъ, или, вѣрнѣе, число учащихся лицъ и расходъ на ихъ содержаніе. На оплату жалованья каждому учителю, при комплектѣ учащихся не свыше 50 человекъ, назначается сумма въ размѣрѣ 360 рублей въ годъ. Что касается расхода на жалованье законоучителямъ, то было принято во вниманіе, что число законоучителей въ начальныхъ школахъ не всегда соответствуетъ числу учителей, такъ какъ многія школы при одномъ законоучителѣ имѣютъ двухъ, трехъ и болѣе того учителей. По статистическимъ даннымъ за 1903 годъ общее число законоучителей въ начальныхъ школахъ Имперіи было на половину менѣ числа учителей. Поэтому, при опредѣленіи расходовъ на жалованье законоучителямъ при комплектѣ учащихся въ 50 человекъ, было принято въ расчетъ не полное жалованье законоучителю, въ размѣрѣ 60 рублей въ годъ, а половинное, въ размѣрѣ 30 руб. Такимъ образомъ пособіе отъ казны на одно училище съ 50 учащимися назначается въ суммѣ 390 рублей (360 р. учителю + 30 р. законоучителю). Такія вычисленія даютъ общую схему потребныхъ отъ правительства денежныхъ ассигнованій на введеніе всеобщаго обученія въ Россіи, опредѣляя максимальный размѣръ того пособія, какое будетъ оказывать министерство народнаго просвѣщенія на всѣ начальныя училища, какъ существующія, такъ и подлежащія открытію въ уѣздахъ и городахъ для удовлетворенія потребности всеобщаго обученія. Ежегодно министерство народнаго просвѣщенія изъ своихъ ресурсовъ будетъ отпускатъ на расходы по введенію всеобщаго обученія такую сумму, которая удовлетворяла бы мѣстныя потребности въ содержаніи существующихъ и въ открытіи новыхъ школъ на основаніи мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій. Эти изслѣдованія съ точностью должны опредѣлить число училищъ,

число учащихся и число учащихся въ каждомъ изъ нихъ. Отпуская съ опредѣленнаго года земствамъ и городамъ необходимыя суммы, министерство будетъ принимать во вниманіе какъ общее экономическое и финансовое положеніе уѣзда или города, такъ и размѣръ ассигнованій его на существующія и проектируемыя начальныя школы.

Съ приведенными основными положеніями проекта уже ознакомлены школьные инспектора, и имъ предложено выполнить слѣдующія подготовительныя работы:

1. Немедленно приступить къ мѣстнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ для опредѣленія числа необходимыхъ къ открытію новыхъ школъ, съ указаніемъ числа учащихся и учащихся въ каждой изъ нихъ.

2. Вычислить размѣры потребныхъ отъ правительства денежныхъ ассигнованій на всеобщее обученіе въ каждой инспекціи въ теченіе 10 лѣтъ и такимъ образомъ опредѣлить максимальный размѣръ того пособия, которое признается необходимымъ со стороны казны на существующія и проектируемыя училища.

3. Составить общую схему открытія училищъ въ каждой инспекціи на ближайшее десятилѣтіе, и

4. Войти въ сношеніе и согласіе съ земствами, городскими обществами и частными лицами по вопросу объ открытіи, въ исполненіе общей схемы, новыхъ училищъ въ первую и вторую очереди.

Приведенный проектъ, какъ дѣло человеческихъ рукъ, конечно, не чуждъ недостатковъ; конечно, онъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ идеальнаго акта. Такъ, проектъ оставляетъ пока не разрѣшеннымъ вопросъ о томъ, какія училища надобно считать правильно устроенными. Затѣмъ, съ точностью опредѣляя срокъ, въ теченіе котораго предполагается введеніе у насъ всеобщаго обученія, проектъ ставитъ однако это введеніе въ зависимость отъ посторонней инициативы, отъ рѣшенія вопроса мѣстными представительными организаціями, а вѣдь онѣ могутъ и не принять всѣхъ положеній или пунктовъ правительственнаго проекта, могутъ замедлить выработку плана для введенія всеобщаго обученія, могутъ выставить какія-либо препятствія къ исполненію проекта и тѣмъ, пожалуй, затормозятъ его осуществленіе. Какъ бы предвидя возможность такого замедленія, министерскій проектъ предупреждаетъ, что учредительскія права общественныхъ организацій нисколько не умаляются и не замѣняются отъ того, что министерство принимаетъ на себя часть денежныхъ расходовъ по со-

держанію училищъ, потому, что пособие отъ казны является пособиемъ мѣстному населенію, въ дополненіе къ денежнымъ средствамъ изъ мѣстныхъ ассигнованій. Назначая общественнымъ учрежденіямъ денежное пособие на содержаніе училищъ, правительство, разумѣется, будетъ наблюдать и требовать, чтобы указанное пособие выдаваемо было непремѣнно по одному опредѣленному назначенію, т. е. только на содержаніе учительскаго состава начальныхъ училищъ, и притомъ лишь такимъ школамъ, устройство которыхъ будетъ признано соотвѣтствующимъ основнымъ положеніямъ общей по Имперіи школьной организаціи. Пріипиная на себя главнѣйшую въ содержаніи начальныхъ школъ часть ихъ расходовъ, т. е. обезпеченіе учительскаго персонала основнымъ окладомъ содержанія, правительство возлагаетъ на мѣстныя учрежденія принятіе остальныхъ школьныхъ расходовъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, конечно, расходы на постройку и устройство, содержаніе и ремонтъ училищныхъ зданій, на обезпеченіе школъ прислугою и матеріалами отопленія, а также на снабженіе ихъ учебными принадлежностями и пособиями... Если мы ни на минуту не будемъ забывать, что простой народъ нашъ давнымъ-давно нуждается въ умственномъ и нравственномъ просвѣщеніи, нуждается въ немъ, какъ въ маннѣ небесной, какъ въ хлѣбѣ насущномъ, то пусть будетъ позволено намъ высказать искреннее желаніе, чтобы общественныя наши организаціи, хоть на этотъ разъ, охотно пошли навстрѣчу правительственному проекту, чтобы онъ согласился принять его безъ существенныхъ измѣненій и долгихъ парламентскихъ пререканій, по большей части не ведущихъ къ какимъ-либо серьезнымъ послѣдствіямъ, и немедленно приступили, по предлагаемому плану, ко введенію всеобщаго народнаго обученія во всѣхъ углахъ и уголкахъ, окраинахъ и захолустьяхъ нашей Имперіи. Дайте всему народу русскому пока хоть начальное только образованіе, хоть *prima elementa litterarum*, пока объ этомъ подумайте и позаботьтесь прежде и больше всего! Какъ только вы приступите къ этому святому и великому, по истинѣ всенародному дѣлу,—повѣрьте, вамъ легче рѣшать и другіе кардинальные вопросы, касающіеся народнаго счастья и блага, напримѣръ, о правовомъ уравненіи крестьянъ, о предоставленіи имъ полной гражданской свободы и объ улучшеніи условій матеріальнаго ихъ существованія, путемъ увеличенія, гдѣ оно нужно, земельныхъ крестьянскихъ надѣловъ, а главное—путемъ распространенія знаній, путемъ внесенія свѣта въ земледѣльческую и техническую культуру народа...

2. Какія знанія даетъ своимъ ученикамъ теперешняя начальная школа?

Обращаясь къ общему критическому опредѣленію, къ установленію цѣнности образовательнаго курса современной начальной школы, мы прежде всего должны замѣтить, что важнѣйшій недостатокъ этого курса—не столько ограниченность учебныхъ его программъ, сколько ихъ книжность, сухость и отвлеченность...

Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ теперешняя начальная школа своему, даже способному и усердному ученику, какими дарами она его напутствуетъ, съ какими познаніями и навыками провожаетъ въ жизнь?

Хорошій ученикъ современной народной школы на выпускномъ экзаменѣ по Закону Божию отчетливо, хотя и не всегда сознательно, читаетъ заученныя твердо повседневныя молитвы, довольно свободно рассказываетъ важнѣйшія событія священной исторіи, не понимая однако широкаго назидательнаго, жизненно-прикладнаго ихъ значенія, бойко отвѣчаетъ на вопросы изъ катихизиса и ученія о богослуженіи, хотя и подлинными словами книжки, а не собственнымъ простымъ, дѣтски-чистымъ языкомъ. Съ другой стороны, даже самый лучшій ученикъ начальной школы затруднится изложить подробно и въ удобопонятной формѣ, напримѣръ, исповѣданіе своей христіанской вѣры, не обнаружитъ надлежащаго знакомства съ Евангеліемъ, какъ вѣчнымъ источникомъ божественной истины, не изложитъ основъ нравственнаго ученія исповѣдуемой имъ религіи.

Что касается роднаго языка, то ученикъ начальной школы, при окончаніи въ ней курса, довольно свободно прочтаетъ и толково перескажетъ статью изъ общедоступной, чисто русской книги для чтенія; порядочно въ каллиграфическомъ отношеніи напишетъ онъ подъ диктовку небольшой отрывокъ,—напишетъ его безъ грубыхъ орфографическихъ ошибокъ въ буквенномъ обозначеніи словъ, но, что всегда обращаетъ на себя особеннор вниманіе, не поставитъ почти ни одного знака препинанія. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ вами онъ, ученикъ, пожалуй, обнаружитъ умѣнье отличать глаголь отъ имени существительнаго, главные члены предложенія отъ второстепенныхъ. Но предложите этому ученику самый элементарный вопросъ, напримѣръ, по литературѣ, хотя бы о томъ, произведенія какихъ великихъ родныхъ писателей онъ прочтаетъ, какія знаетъ наизусть, слыхалъ ли имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя; предложите затѣмъ вопросъ

изъ отечественной исторіи или географіи; спросите дальѣе о томъ, что такое почва, каковы ея виды и условія производительности; пригласите ученика изложить письменно самый обыкновенный случай изъ деревенской жизни, или предложите написать образецъ сельскаго приговора, либо расписку въ покупку лошади, — и вы поставите юнаго, „образованнаго“ раузан'а въ конфузующее его положеніе: на лицѣ у него загорится румянецъ застигнутаго врасплохъ незнанія, глазки заблестятъ, пугливо забѣгаютъ въ ищущемъ поддержки недоумѣніи, и оны упавшимъ голосомъ скажутъ вамъ: „мы этого не учили“.

По ариметикѣ хорошій ученикъ, оканчивающій начальную школу, обнаружить умѣнье рѣшать нетрудныя задачи на всѣ дѣйствія съ довольно большими, простыми и именованными, числами, но рѣдко окажется умѣющимъ бойко считать на русскихъ торговыхъ счетахъ и произвести примѣрный подсчетъ расходамъ на какое-либо обычное въ крестьянской жизни хозяйственное предпріятіе; ученика затруднить, пожалуй, умственное рѣшеніе даже такого, напримѣръ, вопроса: сколько надобно получить сдачи съ одного рубля послѣ покупки 1 п. и 17 ф. овса по 32 коп. за пудъ?

Изъ сказаннаго не трудно видѣть, что самое цѣнное практическое значеніе изъ преподававшихся въ начальной школѣ учебныхъ предметовъ принадлежитъ лишь умѣнью читать и писать. Этимъ умѣньемъ ученикъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можетъ потомъ воспользоваться въ интересахъ не только расширенія своего духовнаго круговора, но и улучшенія своего матеріальнаго положенія. Что касается всѣхъ остальныхъ приобрѣтенныхъ въ школѣ познаній, то они, при своей поверхностности и абстрактномъ характерѣ, не имѣютъ и не могутъ имѣть особенно важнаго и цѣннаго практическаго значенія.

Какъ видите, немного, очень немного знаній и умѣній даетъ своимъ ученикамъ современная начальная школа. Но большаго въ самыхъ частыхъ случаяхъ она не можетъ и давать. Причины все уважительныя; онѣ таковы: непродолжительность школьнаго курса, далеко не всегда исправное посѣщеніе учениками классныхъ уроковъ, тѣснота школьныхъ помѣщеній при многолюдствѣ учащихся, далеко не всегда успѣшное, не всегда методическое преподаваніе и другія неблагоприятныя обстоятельства, частенько навѣщающія, особенно въ послѣднее время, нашу начальную, нерѣдко многострадальную школу. Но и тѣ немногія познанія и умѣнья, съ которыми ученикъ оканчиваетъ теперь свое элементарное школьное образованіе, несомнѣнно имѣли бы

для него болѣе высокую и существенную цѣнность при болѣе ихъ сознательности, прочности и практической примѣнимости.

3. Какія требованія предъявляются къ составу образовательнаго курса начальной школы?

Вопросъ о томъ, чему должна учить начальная народная, преимущественно сельская, школа, или каковъ долженъ быть составъ образовательнаго ея курса, до сихъ поръ разрѣшается не одинаково, такъ какъ представляетъ собою одну изъ очень трудныхъ социально-педагогическихъ проблемъ. Въ рѣшеніи этого вопроса представляется интереснымъ мнѣніе прежде всего самихъ крестьянъ, какъ многомилліоннаго сословія, для котораго поставленный вопросъ имѣетъ безусловно важное значеніе. Затѣмъ, необходимо принять въ расчетъ отношеніе къ этому вопросу министерства народнаго просвѣщенія, какъ правительственнаго органа, вырабатывающаго учебныя программы и руководящаго постановкою и направленіемъ всего школьнаго дѣла въ государствѣ. Наконецъ, при разсмотрѣніи даннаго вопроса, нельзя не считаться съ тѣми возрѣніями на желательный составъ начальнаго школьнаго курса, какія установились въ нашихъ, принимающихъ участіе въ содержаніи школъ, общественныхъ, земскихъ и городскихъ организаціяхъ, а также въ періодической печати, не столько впрочемъ педагогической, сколько общей.

Кто близко стоитъ къ народу или кому приходилось читать письма крестьянъ, въ послѣднее время печатавшіяся въ специальныхъ временныхъ изданіяхъ для народа, тотъ хорошо освѣдомленъ, что начатки общихъ знаній, сообщаемыхъ ученикамъ начальной школы и состоящіе въ приобрѣтеніи ими умѣнья читать, писать и считать, далеко не удовлетворяютъ нашего крестьянина, такъ какъ онъ понимаетъ и оцѣниваетъ всякое дѣло, а равно и обученіе, прежде всего со стороны утилитарнаго, жизненно-прикладнаго его значенія. — „Дайте намъ“, пишутъ крестьяне: „дайте пожалуйста такую школу, которая учила бы нашихъ дѣтей не только грамотѣ и счету, но и полезнымъ въ крестьянствѣ знаніямъ и умѣньямъ, сельско-хозяйственнымъ и ремесленнымъ“. Таковъ въ общемъ выраженіи голосъ громаднаго большинства крестьянъ, высказывающихъ свои основныя пожеланія относительно состава курса начальной школы. Изъ нѣкоторыхъ писемъ нельзя также не сдѣлать и другого, дополнительнаго вывода: крестьяне желаютъ, чтобы школа, сообщая своимъ ученикамъ какъ

общеобразовательныя, такъ и прикладныя, сельско-хозяйственныя и техническія, знанія, въ то же время воспитывала ихъ, учениковъ, въ твердыхъ понятіяхъ христіанскаго долга, подчиняла ихъ „власти земли“, т. е. развивала въ нихъ тяготѣніе къ жизни и земледѣльческому интересамъ деревни, а также любовь къ родинѣ и вѣрность ея историческимъ вѣковымъ устоямъ и преданіямъ.

Министерство народнаго просвѣщенія въ непосредственно подвѣдомыхъ ему, одноклассныхъ и двухклассныхъ, сельскихъ училищахъ, съ самаго начала ихъ учрежденія, вводитъ, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, и обученіе ремесламъ. Въ названныхъ училищахъ обыкновенно преподается какое-либо одно изъ слѣдующихъ по преимуществу ремеслъ: столярное, сапожное, токарное по дереву, слесарное, кузнечное, перешитное и портняжное. Что касается начальныхъ народныхъ училищъ, подвѣдомыхъ училищнымъ совѣтамъ, то и въ этихъ училищахъ рекомендуется обученіе ремесламъ на основаніи ст. 47 инструкціи директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. Кромѣ того, на основаніи распоряженія министерства народнаго просвѣщенія отъ 24-го сентября 1881 года, ученики, прошедшіе курсъ начальныхъ народныхъ училищъ, допускаются для изученія ремеслъ въ тѣ училища, при которыхъ учреждены ремесленные классы.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Курскаго губернатора за 1891 годъ, между прочимъ, было сказано: „Незнаніе ремеслъ лишаетъ крестьянъ возможности восполнять недостатокъ средствъ въ теченіе зимнихъ свободныхъ мѣсяцевъ ручнымъ трудомъ и вызываеъ въ нихъ желаніе, чтобы изъ начальныхъ школъ дѣти выносили знаніе нужныхъ въ крестьянскомъ быту ремеслъ“. Противъ этого мѣста Государю Императору благоугодно было начертать: „Сколько разъ Я уже настаивалъ на этомъ“.

Съ приведенными возрѣніями крестьянъ и правительства на практическую важность и даже необходимость введенія въ курсъ начальной школы, сверхъ общеобразовательныхъ предметовъ, и жизненно-прикладныхъ знаній и умѣній не согласны взгляды большей части нашихъ общественныхъ учреждений и органовъ повременной печати. Въ этихъ сферахъ господствуетъ убѣжденіе, что общеобразовательная школа, будь она низшая или средняя, не можетъ принимать специальное и утилитарное направленіе безъ вреда для усѣбнаго разрѣшенія своихъ важнѣйшихъ учебно-воспитательныхъ задачъ. Названная школа имѣетъ цѣлью сообщеніе учащимся возможнаго количества знаній *гуманитарныхъ*, которыя могли бы служить прочнымъ

основаніемъ для дальнѣйшаго, по выходѣ изъ школы, духовнаго ихъ совершенствованія. Въ частности, что касается начальныхъ народныхъ училищъ, то въ своемъ громадномъ количествѣ, при трехзимнемъ курсѣ обученія, они крайне затруднены введеніемъ въ свою программу еще ремесленныхъ занятій, такъ какъ имѣютъ учащихя лишь въ періодѣ очень слабаго физическаго ихъ развитія, лишь въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ, когда не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь серьезной постановкѣ тяжелыхъ и непосильныхъ ремесленныхъ занятій. Кромѣ того, сельскія училища поставлены и во многія другія, въ этомъ отношеніи очень неблагоприятныя условія. Неправильное посвященіе учениками школьныхъ уроковъ, непродолжительность учебного года и вызываемыя ею усиленныя занятія общеобразовательными учебными предметами, удаленность нѣкоторыхъ селеній отъ училищныхъ зданій, тѣснота школьныхъ помѣщеній и переполненіе ихъ дѣтьми, отсутствіе матеріальныхъ средствъ и свободныхъ комнатъ для занятій какимъ-либо ремесломъ и, наконецъ, невозможность даже при лучшихъ условіяхъ изучить основательно какое бы то ни было ремесло въ продолженіе кратковременнаго школьнаго курса — всѣ эти обстоятельства очень много препятствуютъ введенію въ кругъ школьныхъ занятій еще обученія ремесламъ и дѣлаютъ его почти невозможнымъ. Въ подтвержденіе этой мысли ссылаются еще на тотъ фактъ, что ремесленные классы, открытые при министерскихъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищахъ, не оправдали, какъ показалъ опытъ, возлагавшихся на нихъ надеждъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что указанный фактъ не представляетъ чего-либо особенно доказательнаго, если всмотрѣться въ его причины, каковы—слабость физическаго развитія учениковъ, непродолжительность времени, назначаемого на изученіе ремеслъ, полный недостатокъ опытныхъ, практически и теоретически подготовленныхъ мастеровъ, ограниченность матеріальныхъ средствъ, ассигнуемыхъ на оборудованіе мастерскихъ, и необязательность обученія ремесламъ.

Нельзя однако не признать фактической основательности приведенныхъ выше мнѣній о дѣйствительныхъ неудобствахъ введенія въ курсъ начальной школы, сверхъ общеобразовательныхъ предметовъ, еще обученія сельскому хозяйству или ремесламъ. Если начальная народная школа имѣетъ въ виду достиженіе цѣлей общаго образованія, если, сообщая элементарныя знанія, она стремится развивать умственные силы своихъ учениковъ и ученицъ, то очевидно, что, не отступая отъ своего прямого назначенія, она должна быть только

общеобразовательнымъ учрежденіемъ и не можетъ принимать на себя разрѣшенія проблемъ, не сродныхъ ей по существу. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію и то, что дѣти крестьянъ-земледѣльцевъ, учащіяся въ сельскихъ школахъ, не могутъ довольствоваться и не довольствуются тѣми крошечными, формальными и отвлеченными знаніями, какия даетъ имъ начальная деревенская школа. Съ поля приходя въ нее и опять возвращаясь въ поле по выходѣ изъ школы, ученики-земледѣльцы имѣютъ всѣ основанія желать, чтобы школа, развивая ихъ умственно, въ то же время вводила ихъ въ сознательное отношеніе къ этому полю, къ тому, что на немъ совершается и отъ чего зависитъ успѣхъ земледѣльческихъ работъ. Вотъ почему нельзя игнорировать и желаній крестьянъ относительно практической, жизненной подготовки ихъ дѣтей, обучающихся въ начальныхъ школахъ.

Какъ же выйти изъ указанной дилеммы, какой путь выбрать для того, чтобы примирить означенныя противорѣчія?

Мы твердо убѣждены, что существуетъ благопріятный выходъ изъ разсматриваемаго затрудненія,—выходъ, при которомъ начальная школа, сохраняя общеобразовательный характеръ учебнаго курса, могла бы выполнять и законныя практическія желанія крестьянъ.

Со введеніемъ для всѣхъ доступнаго обученія число начальныхъ народныхъ училищъ должно увеличиться почти втрое, и тогда нѣкоторыя изъ упомянутыхъ выше неудобствъ для практическихъ занятій въ начальныхъ школахъ исчезнутъ сами собою. Но дѣло не только въ количественномъ ростѣ училищъ, но и въ измѣненіи ихъ программъ и учебной организаціи.

4. Общіе признаки новаго образовательнаго курса начальной школы.

Время послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости является эпохой возникновенія большей части существующихъ теперь начальныхъ народныхъ училищъ. Хотя время это составляетъ очень значительный, почти полувѣковой періодъ, однако въ продолженіе его начальная школа у насъ не успѣла еще упрочиться въ такой степени, чтобы каждое селеніе признавало ее однимъ изъ существенныхъ факторовъ жизни, считало учрежденіемъ, безъ котораго нельзя жить. Школы открывались у насъ не сразу во всѣхъ селахъ или, по крайней мѣрѣ, въ значительныхъ ихъ группахъ, а постепенно, разно-

мѣстно, спорадически. Затѣмъ, прежде чѣмъ каждая школа достигала надлежащаго упроченія и начинала дѣйствовать всею совокупностью доступныхъ ей образовательныхъ средствъ и способовъ,—проходило не мало времени. Поэтому у насъ и до сихъ поръ много, много еще школъ, влияние которыхъ едва замѣтно даже для окружающаго населенія. Не только крестьяне, но и весьма многіе изъ образованныхъ русскихъ людей до самаго послѣдняго времени смотрѣли на сельскую школу, какъ на предметъ не столько необходимости, сколько роскоши, а потому совершенно спокойно относились къ тому факту, что не только отдѣльныя, большія и малыя, селенія, но и цѣлыя волости, даже районы представляли по мѣстамъ, въ смыслѣ наличности средствъ начальнаго школьнаго образованія, своего рода пустыни. Повидимому, такое время уже проходитъ, а потому хотѣлось бы твердо вѣрить, что мы—наканунѣ повсемѣстнаго и немедленнаго открытія начальныхъ школъ и что этому открытію не помѣшаетъ ни обычная косность очень консервативнаго, простаго русскаго народа, раскинушагося на просторѣ однообразныхъ континентальныхъ равнинъ, ни благовидная медлительность учреждений, отъ которыхъ зависитъ починъ дѣла. Отъ словъ, отъ продолжительныхъ разсужденій о неотложной необходимости широкаго народнаго просвѣщенія пора намъ немедленно перейти къ открытію начальныхъ школъ въ такомъ количествѣ, при которомъ обученіе стало бы доступно для всего народа, для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Въ соотвѣтствіи съ этимъ великимъ начинаніемъ нашъ государственный бюджетъ на школы долженъ быть увеличенъ, по крайней мѣрѣ, въ три раза путемъ новаго его распредѣленія. Размѣры денежныхъ ассигнованій на введеніе всенароднаго школьнаго обученія должны быть увеличены и всѣми общественными учреждениями и частными организациями, каковы—союзы, лиги, общества...

• Вопросъ однако заключается, какъ мы уже замѣтили, не только въ количественной, но и въ качественной сторонѣ дѣла. Необходимо не только открыть вполне достаточное количество начальныхъ школъ, не только раздвинуть рамки крошечной теперешней ихъ программы и увеличить продолжительность курса, но и существенно измѣнить и улучшить весь учебный строй начальнаго школьнаго образованія. Съ этой точки зрѣнія народная школа, неизмѣнно сохраняя за собою общеообразовательный характеръ, должна воспринять въ свою дѣятельность и въ учебную программу слѣдующія функціи и формы обновленія:

1. Въ постановкѣ обученія народной школы необходимо выйти изъ области отвлеченныхъ знаній въ сферу живыхъ конкретныхъ фактовъ, непосредственныхъ наблюденій и возможно широкаго примѣненія индуктивнаго преподаванія, которое на всѣхъ ступеняхъ начального курса должно основываться на великомъ принципѣ нагляднаго обученія.

2. Въ программу начальной школы слѣдуетъ ввести такіе учебные предметы, которые, имѣя общеобразовательный характеръ, въ то же время очень полезны въ смыслѣ приобрѣтенія учащимися конкретныхъ знаній и элементарныхъ навыковъ хозяйственной и ремесленной техники; таковы—предметные уроки, рисованіе, черченіе и ручной трудъ.

3. Въ курсъ начального школьнаго преподаванія непременно должны входить основы природовѣдѣнія и вытекающія изъ нихъ, общія и важнѣйшія, свѣдѣнія объ условіяхъ успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства.

4. Что же касается специальной подготовки дѣтей народа, сельскохозяйственной или ремесленной, то она должна быть даваема особыми дополнительными, при начальныхъ школахъ, классами и отдѣленіями, профессиональными школами и мастерскими.

При выполненіи указанныхъ условій мы будемъ имѣть основаніе считать, вмѣстѣ съ просвѣщенными представителями педагогической мысли и съ такими культурными народами Запада, каковы, наприм., французы или бельгійцы,—считать важнѣйшимъ положеніемъ школьной организаціи слѣдующій лозунгъ: „Начальная школа, начальное обученіе—для жизни“ (Primaire école, primaire enseignement—pour la vie). Все, чему учить народная школа, должно осмысливать и просвѣтлять взглядъ ученика ея на окружающую его дѣйствительность, приносить ему пользу въ обширномъ значеніи этого слова, находить то или иное примѣненіе въ условіяхъ его быта. Подготавливая своихъ учениковъ прямо къ жизни, школа должна почерпать свой учебный матеріалъ, брать свои общеобразовательные уроки болѣе всего изъ окружающей ее среды, должна знакомить учащихся съ кругомъ тѣхъ предметовъ, понятій и интересовъ, которые будутъ давать содержаніе всей послѣдующей ихъ жизни, какъ взрослыхъ самостоятельныхъ людей. Для достиженія этой цѣли школа должна принять къ постоянному руководству и точному исполненію замѣчаніе нѣмецкаго педагога *Дистрвеса* (1790—1866) о томъ, что „безъ знанія природы не мыслимъ и минимумъ образованія“, и что, по справедливому мнѣнію

другого ученаго нѣмца (*Кольбаха*), естествознаніе обладаетъ громаднымъ богатствомъ элементовъ, имѣющихъ не только практическое значеніе, но и на всѣхъ ступеняхъ обученія развивающихъ умъ ученика, могущихъ быть твердымъ основаніемъ для разумнаго его міросозерцанія и благотворно вліяющихъ и на идеальную сторону чело-вѣка. Принимая на себя посильное выполнение этого общаго и основнаго требованія, начальная школа пусть познакомитъ своего ученика, въ доступныхъ для него размѣрахъ и формахъ, съ окружающимъ его міромъ Божиимъ и прежде всего съ домомъ и дворомъ, съ огородомъ и садомъ, полемъ и лѣсомъ, гдѣ мирно пройдетъ потомъ вся трудовая жизнь его. Пусть начальная школа поможетъ своему ученику приобрести разумный взглядъ на эти постоянные очаги заботъ его и трудовъ; пусть она въ сознаніи ученика претворитъ эти очаги въ живые міры цѣлесообразныхъ предметовъ и осмысленныхъ, планомѣрныхъ явленій. Для того, чтобы достигнуть такихъ результатовъ обученія, начальная народная школа, конечно, не въ состояніи предложить своимъ ученикамъ хотя бы не обширный систематическій курсъ природовѣдѣнія; но она можетъ придать прохожденію своей программы характеръ живого, реальнаго обученія, соответствующаго великому принципу наглядности, и воспользоваться доступными средствами для сообщенія учащимся не сухихъ и отвлеченныхъ, а конкретныхъ и полезныхъ знаній. Съ другой стороны, начальная народная школа, какъ общеобразовательная, не можетъ ставить обученіе въ видѣ сообщенія учащимся свѣдѣній лишь узкоприкладныхъ, рецептурныхъ, разрозненно-справочнаго характера: знанія спеціальныя должны быть даваемы и спеціальными учебными учрежденіями.

5. Четырехлѣтній курсъ обученія въ одноклассной начальной школѣ.

Такъ какъ однимъ изъ очень важныхъ недостатковъ современной начальной школы является кратковременность учебныхъ въ ней занятій, которыя въ общей сложности ведутся лишь полтора года (18 мѣсяцевъ или 72 недѣли въ теченіе трехъ лѣтъ), то прежде всего необходимо увеличить продолжительность курса всѣхъ одноклассныхъ народныхъ училищъ *на одинъ годъ*, чтобы этотъ курсъ продолжался въ общемъ итогѣ не три года, какъ теперь, а непременно четыре. Въ начальной школѣ съ такимъ курсомъ должно быть два ученическихъ отдѣленія, каждое съ двухлѣтнею продолжительностью

обученія и съ особымъ учащимъ лицомъ. Такимъ образомъ у:каждого учителя тогда будетъ уже не три, а только двѣ группы учениковъ разнаго возраста и подготовки. Указанныя измѣненія въ устройствѣ начальной народной школы, безъ сомнѣнія, будутъ имѣть разнообразныя и очень благопріятныя для учебнаго дѣла послѣдствія. Изъ нихъ важнѣйшимъ слѣдуетъ считать не только расширение школьныхъ программъ, но и возвышеніе основательности и продуктивности учебныхъ занятій.

Въ большей части теперешнихъ начальныхъ народныхъ училищъ принятъ трехлѣтній курсъ обученія, и дѣти поступаютъ въ школу каждый годъ. Отсюда является наличіе трехъ разныхъ учебныхъ отдѣленій, съ которыми учебныя занятія одновременно ведетъ одинъ учитель. Послѣдній при этомъ условіи изъ трехъ уроковъ только одинъ даетъ непосредственно, даетъ самъ каждому изъ трехъ отдѣленій, а два другіе урока ученики исполняютъ самостоятельно, безъ постоянного руководства со стороны учителя. Хотя самостоятельныя занятія, при строго обдуманной, рациональной ихъ постановкѣ, проходятъ далеко не безъ пользы для учащихся дѣтей, но эти занятія неизбежно сокращаютъ и безъ того незначительный періодъ непосредственнаго, со стороны учителя, воспитательнаго и образовательнаго воздѣйствія на учениковъ. Кроме того, при наличности трехъ отдѣленій учитель поставленъ въ необходимость удѣлять немалую долю класснаго времени на задаваніе и повѣрку работъ, назначаемыхъ въ каждый урокъ ученикамъ двухъ отдѣленій для самостоятельнаго исполненія, а также нерѣдко отрываться отъ непосредственныхъ занятій съ однимъ отдѣленіемъ, чтобы давать краткія разъясненія отдѣльнымъ ученикамъ тѣхъ двухъ группъ, которыя исполняютъ самостоятельныя работы. Большую часть такихъ работъ начальныя учителя и учительницы обыкновенно назначаютъ ученикамъ *средняго* отдѣленія, находящимся въ школѣ второй годъ, а сами преимущественно ведутъ занятія либо съ учениками младшаго отдѣленія, которые, какъ новички, требуютъ отъ учителя особеннаго вниманія въ первую половину года, либо съ учениками старшаго, выпускнаго отдѣленія, которые во вторую половину года, передъ экзаменами нуждаются въ усиленной активной помощи учителя. Ученики средняго отдѣленія, предоставляемые въ учебныхъ занятіяхъ, въ силу указанныхъ обстоятельствъ, по большей части самимъ себѣ и сравнительно рѣдко слышащіе только къ нимъ обращенный, живой, руководящій голосъ учителя, довольно скоро утрачиваютъ интересъ къ

учебнымъ занятіямъ и большими группами покидаютъ школу. Какъ ни горька для серьезнаго учителя эта постоянная убыль учениковъ особенно изъ средняго отдѣленія, но онъ почти не располагаетъ средствами для того, чтобы удержать ихъ въ школѣ исключительнымъ къ нимъ вниманіемъ, частыми, непосредственно съ ними выполняемыми, учебными занятіями. Такимъ образомъ не однѣ экономическія и хозяйственныя причины заставляютъ дѣтей покидать школу до окончанія въ ней полнаго курса, но онѣ только препятствуютъ начальной школѣ выполнять, какъ слѣдуетъ, ея задачу, — дѣтей отвлекать отъ ученія, между прочимъ, и ослабленіе къ нимъ непосредственнаго вниманія и личнаго руководства со стороны учителя, вынужденнаго очень часто предоставлять ихъ самимъ себѣ, предоставлять такъ скоро по вступленіи ихъ въ школу, — уже со втораго года обученія.

При наличіи въ народной школѣ двоихъ учителей и двухъ ученическихъ отдѣленій или группъ дѣти будутъ оставляемы безъ руководящей преподавательской помощи гораздо рѣже сравнительно, потому что на рукахъ у каждаго учителя будетъ тогда уже не три, а два отдѣленія. Именно такое количество ученическихъ классныхъ группъ въ народной школѣ только и можетъ быть оправдываемо, какъ по соображеніямъ практическимъ, такъ и съ дидактической точки зрѣнія. Изученіе каждаго предмета начальной школьной программы имѣетъ двѣ стороны: теоретическую и практическую. При прохожденіи Закона Божія ученики, послѣ устнаго усвоенія молитвъ, священно-историческихъ разсказовъ и катихизическихъ истинъ, должны укрѣпить въ своемъ сознаніи эти только что приобретенныя познанія путемъ прочтенія соответствующихъ отдѣловъ по учебной книжкѣ, или чрезъ исполненіе цѣлесообразной письменной работы, что и должно составить предметъ самостоятельныхъ ихъ занятій. При обученіи родному языку дѣти должны не только усвоивать содержаніе читаемыхъ статей, не только выводить изъ разбора примѣровъ грамматическія и стилистическія правила языка, но и упражняться въ практическомъ примѣненіи усвоенныхъ знаній, въ исполненіи разныхъ письменныхъ задачъ. Изученіе ариметики требуетъ отъ учениковъ не только занятій съ учителемъ для полученія техники въ производствѣ дѣйствій и рѣшенія задачъ, для уясненія формулъ и правилъ, но и частыхъ самостоятельныхъ упражненій въ вычисленіи примѣровъ и письменномъ, на цифрахъ, рѣшеніи задачъ. Наличность въ изученіи каждаго предмета теоретической и практической стороны и служить логическимъ и дидактическимъ основаніемъ для раздѣленія класснаго

состава учениковъ начальной школы только на двѣ группы, изъ которыхъ съ одною учитель ведетъ занятія непосредственно самъ, а другой группѣ назначаетъ какую-либо самостоятельную работу. Само собою разумѣется, что и при двухъ ученическихъ отдѣленіяхъ непосредственное образовательное - воспитательное вліяніе учителя на дѣтей неизбѣжно раздвоится и потому становится сравнительно слабѣе; но во всякомъ случаѣ это вліяніе ослабляется тогда въ гораздо меньшей степени, чѣмъ при наличіи трехъ ученическихъ отдѣленій.

6. Предметные уроки.

Когда, въ качествѣ наблюдателя, я присутствую на монотонныхъ и скучныхъ, сухихъ и далекихъ отъ жизни урокахъ начального школьнаго обученія, тогда мнѣ кажутся потонувшими безъ отливка, гдѣ-то въ пустомъ пространствѣ, вдохновенныя рѣчи великаго Песталотци о громадномъ вредѣ отрыванія дѣтей отъ непосредственнаго и жизне-радостнаго общенія съ природою и заключенія ихъ на цѣлые годы въ холодный и непривѣтливый міръ письменныхъ знаковъ. Тогда я сознаю и переживаю опасеніе, ужъ не вовсе ли позабыты нами убѣдительныя разсужденія о безусловной важности нагляднаго обученія, принадлежащія многимъ педагогамъ: и вдумчивому престарѣлому славянину Коменскому, и стремительному швейцарцу Руссо, и полному энергіи нѣмцу Дистервегу, и нашему русскому задушевному педагогу-психологу Ушинскому. Тогда у меня является желаніе, чтобы эта бѣдная и тѣсная, на сѣверѣ дикомъ, низенькая и темная классная комната, напоминающая клѣтку съ утомленными вялыми птичками, обратилась въ одну изъ богатыхъ и просторныхъ, высокихъ и свѣтлыхъ храминъ живой южной природы съ ея лазурнымъ небосводомъ и улыбающимся солнцемъ, съ прибоемъ прохладной средиземной волны, съ шумящими деревьями и пестрящими цвѣтами, съ изумрудомъ зелени и таинственнымъ полумракомъ дремлющаго лѣса. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы въ этой храмнѣ дѣти бѣгали и рѣзвились, пѣли пѣсенки, вили себѣ вѣнки и вслушивались въ ливущую музыку пернатыхъ. Я увѣренъ, что здѣсь, на лонѣ природы, дѣти дождемъ вопросовъ стали бы осыпая учителя, и онъ съ любовью спѣшилъ бы отвѣчать на вспышки ихъ животрепещущей мысли... Но такія желанія должны быть признаны почти несбыточными тамъ, гдѣ человѣческія жилища, гдѣ лѣсъ и доль, гдѣ вся природа въ продолженіе большей

части года остаются под снѣжнымъ покровомъ. И вотъ у меня является другое, однородное и болѣе осуществимое желаніе: мнѣ хочется, чтобы въ эту темную классную комнату проникъ, по крайней мѣрѣ, обильный свѣтъ живого нагляднаго обученія и озарилъ утомившихся ея гостей,—чтобы дѣти приобрѣтали знанія не только изъ отвлеченнаго изложенія книги, но и путемъ непосредственнаго изученія либо самыхъ предметовъ и явленій, либо замѣняющихъ ихъ моделей и рисунковъ, чтобы такое обученіе представляло собою подготовительную ступень, ведущую къ болѣе близкому ознакомленію съ природой. Затѣмъ, мнѣ хочется, чтобы наглядность обученія отличала не только первыя школьныя его ступени, но и всѣ послѣдующія, чтобы она оживляла отвлеченную книжную атмосферу на всемъ пространствѣ, на всѣхъ стадіяхъ начальнаго курса, являясь на помощь къ обучающимся дѣтямъ всякій разъ, когда абстракція будетъ затруднять для нихъ успѣшное пониманіе тѣхъ или иныхъ моментовъ этого курса, когда она начнетъ вносить въ классныя уроки однообразіе, скуку и утомленіе. Одною изъ наиболѣе яркихъ формъ нагляднаго обученія должны служить на первыхъ стадіяхъ обученія въ начальной школѣ такъ называемые „предметныя уроки“.

Поступая въ школу изъ темной крестьянской среды, дѣти часто обнаруживаютъ очень слабое умственное развитіе. Въ соотвѣтствіи съ ограниченностью пониманія они оказываются владѣльцами столь небогатаго запаса словъ, что затрудняются выраженіемъ связи даже несложныхъ сужденій, формулировкой иногда самой простой мысли. При такомъ уровнѣ познавательныхъ дѣтскихъ силъ школьное обученіе идетъ медленно, съ большими затрудненіями и требуетъ исключительнаго напряженія мысли какъ отъ учителя, такъ и отъ учащихся дѣтей. Въ цѣляхъ облегченія первыхъ, всегда трудныхъ для дѣтей, шаговъ на новомъ пути ихъ учебныхъ занятій, а также для расширенія маленькаго умственнаго ихъ горизонта и вводятся *предметныя уроки*, имѣющіе значеніе пропедевтики, то-есть общедоступной подготовки, для всѣхъ понятнаго введенія въ болѣе или менѣе связный курсъ природовѣдѣнія вообще и такъ называемой „естественной исторіи“ въ частности. Въ нашихъ начальныхъ школахъ эти уроки когда-то имѣли видное мѣсто, но, тенденціозно и рѣзко, хотя и не убѣдительно осмѣянные нѣкоторыми педагогами, какъ будто бы совершенно излишнія и безсодержательныя бесѣды съ дѣтьми о давно извѣстныхъ имъ вещахъ, они мало-по-малу стали выходить изъ круга учебныхъ школьныхъ занятій и теперь почти совсѣмъ забыты:

этимъ урокамъ или вовсе не удѣляютъ класснаго времени, или отводятъ едва замѣтное мѣсто, какъ предмету несущественному и необязательному. Между тѣмъ польза, какую при разумной, систематической постановкѣ могутъ приносить умственному развитію дѣтей предметные уроки, не подлежитъ никакому сомнѣнію для того учителя, который хорошо знаетъ, что образованіе отчетливыхъ представленій, ясныхъ понятій и точныхъ выводовъ возможно лишь на почвѣ непосредственнаго, заинтересованнаго и сосредоточеннаго наблюденія и опыта.

Подъ названіемъ предметныхъ разумѣются уроки, на которыхъ ученики, пользуясь по возможности всѣми внѣшними чувствами, особенно же зрѣніемъ, осязаніемъ и слухомъ, изучаютъ либо предметы органической природы, напримѣръ изъ царства животныхъ или растений, либо неорганическіе предметы, напримѣръ уголь, мѣль, свинецъ, либо произведенія человѣческихъ рукъ, предметы индустріи, техники, напримѣръ, какую-либо учебную принадлежность, матерію, стекло, либо, наконецъ, производятъ элементарные физическіе и химическіе опыты. При выборѣ предметовъ для уроковъ нагляднаго обученія учителю совѣтуютъ не особенно стѣсняться тѣмъ обстоятельствомъ, что ученики уже видѣли и знаютъ многіе предметы, какъ обычныя и всѣмъ доступныя: да, они видѣли ихъ и знаютъ, но съ такихъ точекъ зрѣнія, откуда часто остаются незамѣченными существенныя, самыя жизненные признаки вещей. Практическій, житейскій взглядъ на окружающіе насъ предметы не только у дѣтей, но и у взрослыхъ людей отличается узостью, поверхностностью, тогда какъ рациональное и планомѣрное ознакомленіе съ окружающею дѣйствительностью и въ области извѣстнаго постояннаго созерцаемаго міра объектовъ открываетъ предъ анализирующимъ его умомъ перспективы новыхъ сторонъ, свойствъ и признаковъ въ изучаемыхъ предметахъ и наводитъ мысль на новыя обобщенія и выводы. По ученію современной психологів, для насъ понятно и интересно лишь то, что соединяется, „ашердепируется“ въ нашемъ сознаніи съ другими однородными и сходными представленіями, что намъ болѣе или менѣе знакомо, что не имѣетъ для насъ характера полной или абсолютной новизны. Предметный урокъ обыкновенно слагается изъ двухъ половинъ или частей, изъ которыхъ въ теченіе первой ученики, по руководящимъ вопросамъ учителя, опредѣляютъ и называютъ отдѣльныя, главныя и второстепенныя признаки изучаемаго предмета, а во вторую половину описываютъ его въ связномъ устномъ изложеніи, представляющемъ

последовательное объединение элементов предыдущаго изученія. На предметныхъ урокахъ учитель, направляя мысль учениковъ на разсматриваемый предметъ, сосредоточиваетъ на немъ ихъ вниманіе и тѣмъ развиваетъ у нихъ наблюдательность. Дѣти увеличиваютъ запасъ своихъ точныхъ знаній, мало-по-малу отвыкаютъ отъ обычной разсѣянности, отъ бѣглаго и торопливаго, мимолетнаго и по большей части пассивнаго вниманія къ окружающимъ предметамъ и явленіямъ. Благодаря предметнымъ урокамъ, дѣти пріобрѣтаютъ драгоценныя навыки терпѣливаго и несгѣшпаго ознакомленія съ предметами и возможно-правильнаго опредѣленія ихъ признаковъ, изъ совокупности которыхъ у нихъ и образуются живыя представленія и ясныя понятія. На предметныхъ урокахъ ученики знакомятся не только съ именами изучаемыхъ предметовъ, но и съ ихъ природою, свойствами и назначеніемъ. При этомъ они начинаютъ мало-по-малу уяснять себѣ отвѣты на слѣдующіе основные вопросы знанія: *изъ чего состоитъ или сдѣланъ данный предметъ, какъ онъ сдѣланъ, для чего и къ чему?* Имѣя характеръ простыхъ, общедоступныхъ бесѣдъ, предметныя уроки должны способствовать развитію у дѣтей такой любознательности, которая не довольствуется мимолетнымъ и поверхностнымъ созерцаніемъ предмета, а стремится проникнуть въ его глубину, сущность и объять его въ доступной полнотѣ признаковъ. Наконецъ, предметныя уроки очень много помогаютъ обогащенію языка дѣтей, а это обогащеніе особенно цѣнно для деревенскаго школьника, такъ какъ онъ часто не имѣетъ въ своемъ словарѣ даже такихъ обычныхъ словъ и соотвѣтствующихъ имъ представленій, каковы, напримеръ, *прозрачный, хрупкій, упругій*. Отсутствие у дѣтей достаточнаго запаса словъ крайне затрудняетъ для нихъ пониманіе читаемаго матеріала. Даже старшіе ученики начальныхъ школъ нерѣдко отказываются отъ нѣкоторыхъ, предлагаемыхъ имъ для выѣкласснаго чтенія книгъ, лишь потому, что не понимаютъ многихъ словъ, выраженій и терминовъ, которые затемняютъ для нихъ содержаніе этихъ книгъ и дѣлаютъ послѣднія недоступными и потому неинтересными. Не берутъ книгъ популярно-научнаго содержанія многіе ученики и по выходѣ изъ школы,—отказываются отъ нихъ и взрослые грамотные крестьяне, и это печальное обстоятельство объясняется недостаточной образовательной подготовкой деревенскаго читателя, узостью горизонта его мысли и въ то же время ограниченностью его словаря, бѣдностью его лексическихъ пріобрѣтеній.

Со способомъ веденія предметныхъ уроковъ начальныи учитель ис-

жетъ познакомиться хотя бы по старой, но не утратившей значенія и интереса книжкѣ П. *Перелтскаго* „Предметные уроки по мысли Песталоцци“. Здѣсь онъ найдетъ необходимыя дидактическія указанія и цѣлый курсъ систематически расположенныхъ уроковъ. Кромѣ руководства, учителю необходимо имѣть еще коллекцію предметовъ, предлагаемыхъ руководствомъ къ наглядному изученію, такъ какъ предметные уроки непременно требуютъ наличности изучаемаго предмета,—къ моделямъ и рисункамъ можно прибѣгать не часто, лишь при отсутствіи на лицо подлиннаго предмета и при существенныхъ неудобствахъ для непосредственнаго съ нимъ ознакомленія. Какъ бы ни обстоятельно и разумно составлено было учебное руководство по веденію предметныхъ уроковъ, но прохожденіе ихъ по книжкѣ безъ всякихъ отступленій и пропусковъ не можетъ быть обязательнымъ для учителя. Въ выборѣ темъ для уроковъ и въ установленіи для нихъ системы ему слѣдуетъ руководствоваться какъ условіями даннаго мѣста и времени, такъ и степенью умственнаго развитія своихъ учениковъ. Необходимо лишь всегда выполнять требованіе, чтобы предметные уроки были серьезны и новы по содержанію, а не представляли собою бесѣды *de omni re scibili*, чтобы какъ въ своей послѣдовательности, такъ и въ общемъ объемѣ изучаемаго матеріала они вполнѣ удовлетворяли условіямъ заранѣе обдуманной и содержательной, опредѣленной и цѣльной системы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если идея нагляднаго обученія получить надлежащую всестороннюю оцѣнку въ сознаніи руководящихъ педагогическихъ сферъ, то, по всей вѣроятности, будутъ выработаны, въ соответствіи съ глубиною усвоенія этой идеи, для разныхъ климатическихъ полосъ Россіи особыя руководства по веденію начальнаго наглядно-предметнаго обученія.

7. Уроки класснаго чтенія.

Въ ряду учебныхъ предметовъ, начальнаго школы первое мѣсто, послѣ Закона Божія, принадлежитъ, конечно, родному языку и преимущественно *урокамъ русскаго класснаго чтенія*. Этотъ предметъ имѣетъ значеніе одного изъ самыхъ главныхъ средствъ къ дальнѣйшему духовному развитію и образованію дѣтей, учащихъ въ начальныхъ школахъ, а также силу и дѣйствіе одного изъ такихъ умственныхъ критеріевъ и завѣтовъ, которые для громаднаго большинства ихъ останутся основными уже на всемъ пути послѣдующей ихъ жизни.

Точно также книга для класснаго чтенія въ начальной школѣ—самая главная, послѣ руководства по Закону Божію, книга для учащихся дѣтей. Эти уроки и эта книга должны научить ихъ чтенію правильному и свободному, осмысленному и выразительному, подробной и толковой устной передачѣ читаемаго матеріала, правильной, возможно-литературной рѣчи, безошибочному письменному ея обозначенію и разумному воспроизведенію, а также сообщить имъ первоначальныя, доступныя юному разумнію, общія понятія объ окружающихъ предметахъ и явленіяхъ, передать важнѣйшія развивающія знанія или воспитательныя уроки изъ жизни людей и природы, преподать главнѣйшія свѣдѣнія изъ области географіи, естествознанія и гигиены и познакомить съ важнѣйшими событіями родной исторіи. Русская начальная школа, какъ первая и послѣдняя, какъ единственная для громаднаго большинства обучающихся въ ней дѣтей, готовится ихъ прямо къ жизни, а потому, при вдумчивомъ отношеніи къ этому обстоятельству, не трудно понять, какъ глубоки и серьезны формальная и матеріальная цѣли даваемого ею образованія, затѣмъ,—какою содержательностью и выдержанностью должна отличаться школьная книга и какъ поучительны, какъ цѣльны и дѣйствены должны быть для дѣтей уроки класснаго чтенія.

При помощи статей религіознаго и нравственнаго содержанія уроки чтенія и классная книга должны сообщить юнымъ читателямъ живыя представленія о цѣляхъ и смыслѣ разумно-свободной человѣческой жизни, о томъ, что хорошо и что дурно и къ чему въ жизни надобно стремиться, чтобы достигать цѣлей общаго и личнаго счастья, блага. Читая статьи художественной прозы и разучивая образцовыя стихотворенія, ученики должны развивать свое эстетическое сознаніе и чувство. Очерки по географіи и рассказы изъ исторіи предназначены раскрыть передъ умственнымъ взоромъ учениковъ разнообразныя картины родной страны и важнѣйшіе факты изъ великой минувшей жизни народа. Наконецъ, статьи по естествознанію должны сообщить ученикамъ разумный, сознательный взглядъ на окружающую природу и достаточное количество прикладныхъ знаній, имѣющихъ постоянное и широкое примѣненіе въ сельско-хозяйственной и индустриальной жизни крестьянина.

Мы не можемъ пожаловаться на бѣдность нашей педагогической литературы книгами для класснаго чтенія въ начальной школѣ. Достаточно вспомнить труды *К. Д. Ушинскаго*, *г-р. Л. Н. Толстого*, *Д. И. Тихомирова*, *Н. Ф. Бунакова*, *В. А. Воскресенскаго*, *Н. И.*

Горбунова-Посадова и *В. П. Вагтерова*. При всемъ томъ, книга, которая заключала бы въ себѣ статьи по всѣмъ указаннымъ выше отдѣламъ, въ количествѣ, соответствующемъ ихъ относительной важности, и въ строгомъ, безъ пробѣловъ, систематическомъ подборѣ, которая, развивая дѣтей въ нравственномъ, умственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ, въ то же время обучала бы ихъ родному литературному языку и сообщала достаточный запасъ элементарныхъ знаній по географіи, исторіи и естествознанію, въ живомъ примѣненіи послѣдняго къ сельско-хозяйственнымъ условіямъ и потребностямъ,— такая книга у насъ пока еще не составлена... Въ книгахъ для класснаго чтенія, употребляющихся въ начальныхъ школахъ, недостаточно разработана отдѣлъ по естествознанію вообще и прикладному въ частности, хотя труды *Богданова*, *Валлера*, *Кайгородова*, *Котельникова* и *Космычева* могли бы дать богатый матеріалъ для этого отдѣла. Особенно въ благоприятныхъ условіяхъ для разумнаго и плодотворнаго ознакомленія съ разсматриваемыми статьями, съ ихъ элементарнымъ естественно-научнымъ содержаніемъ, находится крестьянская школа: она работаетъ въ деревнѣ, гдѣ передъ всѣми открыта великая книга природы, гдѣ міръ разнообразныхъ минераловъ, растений и животныхъ вполнѣ доступенъ непосредственному наблюденію и гдѣ этимъ міромъ не особенно трудно заинтересовать учениковъ, будущихъ земледѣльцевъ-хозяевъ,—не особенно трудно не только для специалиста-естествовѣда, но и для каждаго, достаточно подготовленнаго къ своему дѣлу, начальнаго учителя. Надобно имѣть въ виду, что въ земледѣльческихъ селеніяхъ дѣти какъ бы сливаются съ природой. Всматриваясь въ нее, они ищутъ объясненія предметовъ и явленій, находящихся и совершающихся предъ ихъ глазами: они ловятъ каждое слово, которое облегчаетъ имъ пониманіе окружающаго міра, даетъ разгадку отовсюду идущихъ на нихъ тайнъ, постоянно рождающихся, все новыхъ и новыхъ вопросовъ. Такъ какъ живой интересъ къ природѣ со временемъ, при отсутствіи удовлетворенія, неизбежно ослабѣваетъ, то школа должна воспользоваться періодомъ его силы и выходить на встрѣчу дѣтскому любопытству и даже любознательности.

Въ цѣляхъ удовлетворенія естественно-научнаго интереса учениковъ сельской школы, на урокахъ класснаго чтенія полезно было бы прочитывать съ ними, въ видѣ дополнительнаго къ классной книгѣ матеріала, напримѣръ, „Азбуку сельскаго хозяйства“ *И. Мецкерскаго* (С.-Пб. 1905 г. Стр. 236. Цѣна 60 коп.). До появленія лучшаго руководства въ этомъ родѣ, названная „Азбука“ можетъ быть прочи-

тана не безъ пользы, — по своимъ достоинствамъ она представляетъ значительно лучший опытъ учебнаго пособия въ сравненіи, на примѣръ, съ очень сухой, скучной и малодоступной для дѣтей „Сельско-хозяйственной книгой“ *Пономарева*. Чтеніе книгъ такого содержанія должно быть признано очень желательнымъ въ сельской школѣ не только потому, что оно будетъ осмысливать и просвѣтлять смутные фантастическіе взгляды дѣтей на природу и сообщать имъ полезныя практическія знанія, но и въ цѣляхъ развитія у нихъ любви къ домашнему хозяйству, къ своему огороду и полю, саду и лѣсу, словомъ, къ сельскимъ, преимущественно земледѣльческимъ занятіямъ. При ознакомленіи дѣтей съ основами естествознанія и при обученіи ихъ сельскому хозяйству ни въ какомъ случаѣ нельзя ограничиться только книгою и классными уроками. Такъ какъ главное условіе успѣшности разсматриваемыхъ занятій заключается въ ихъ наглядности, въ непосредственномъ, предметномъ разъясненіи каждаго факта и явленія, то учителю очень полезно упражнять своихъ учениковъ въ исполненіи посильныхъ для нихъ работъ въ огородѣ и саду, въ полѣ и на лѣсѣ, съ предварительнымъ демонстративнымъ разъясненіемъ способовъ этого исполненія и ихъ практическаго значенія. Очень полезно также предпринимать вмѣстѣ съ дѣтьми, хотя бы одинъ разъ въ недѣлю, послѣ классныхъ уроковъ въ теченіе весны и осени, а также въ праздничные дни *образовательныя прогулки* въ луга и поля, сады и лѣса. При добромъ желаніи и усердіи учителя, а также при сочувственномъ отношеніи къ дѣлу со стороны родителей учениковъ всегда можно найти время и средства для такихъ занятій. Само собою разумѣется, что для успѣшнаго достиженія цѣлей прикладнаго обученія начальная школа должны быть снабжены въ достаточной мѣрѣ земельными участками, хозяйственными постройками, орудіями и инструментами, руководствами и пособиями. Понятно также, что для руководства школьными занятіями должны быть подготовлены достаточно образованные учителя и учительницы, по преимуществу изъ крестьянскаго сословія, и что курсъ начальной школы долженъ продолжаться, какъ уже было сказано, не менѣе четырехъ лѣтъ, при наличіи двухъ учащихъ лицъ, изъ которыхъ каждое вело бы занятія только съ двумя ученическими отдѣленіями. Тамъ, гдѣ земледѣльческія работы, по условіямъ почвы, не имѣютъ и не могутъ имѣть широкаго примѣненія, тамъ на степень преобладающихъ школьныхъ занятій практическаго характера должны быть выдвинуты ручной трудъ и обученіе ремесламъ.

8. Полезныя для школъ и народа сельско-хозяйственными книжки.

Бѣдность простаго нашего народа, далеко не лишеннаго смѣлки и ума, работоспособности и усердія, бѣдность вопіющая, которая можетъ затрогивать мысль и сердце не одного даже изъ черствыхъ и сытыхъ эгоистовъ, представляетъ собою прямое слѣдствіе прежде всего умственной темноты этого народа, его полнаго незнакомства съ тѣмъ, что добыто, напримѣръ, агрикультурною наукою, съ тѣми ея выводами, которые съ успѣхомъ примѣняются людьми и народами болѣе образованными, въ цѣляхъ непрерывнаго возвышенія условій экономическаго благосостоянія. Затѣмъ, освободиться отъ гнетущей нужды и бѣдности и приобрести матеріальный достатокъ очень много мѣшаетъ нашему простому народу не только его темнота, не только незначительность земельныхъ его надѣловъ, но и вѣковая жоскость и замкнутость, застарѣлая боязнь всякихъ новшествъ и крайне скептическое отношеніе ко всякимъ новымъ формамъ труда вообще и обработки земли въ частности. Эти недостатки особенно чувствительны и ясны для образованныхъ людей, вышедшихъ изъ среды простаго народа, хорошо знающихъ горемъ-горькое его житіе и по окончаніи образованія опять идущихъ къ народу, чтобы такъ или иначе помогать и служить ему. Одни изъ такихъ людей несутъ службу для народа въ должности врачей и фельдшеровъ, другіе—техниковъ или агрономовъ, третьи—школьныхъ учителей, а нѣкоторые—путемъ составленія и печатанія полезныхъ книжекъ вообще и по сельскому хозяйству въ особенности...

Для того, чтобы съ пользою писать для народа, нужно, разумѣется, располагать специальными знаніями, нарочитою подготовкою и особымъ талантомъ, а такъ какъ названными качествами обладаютъ немногіе авторы, то у насъ сравнительно и мало выходитъ для школъ и народа такихъ книжекъ, которыя, при своей содержательности и серьезности, были бы, кромѣ того, доступны и интересны для мало-образованнаго, едва грамотнаго деревенскаго читателя. Среди довольно значительнаго ассортимента хорошихъ народныхъ книжекъ по беллетристикѣ, вы рѣдко встрѣтите между популярными изданіями такую книжку по сельскому хозяйству или ремесламъ, которая была бы написана для всѣхъ понятно и занимательно. Возьметъ въ руки деревенскій грамотникъ, напримѣръ, брошюру о воздѣлываніи поля,

прочитаетъ изъ нея страницу или двѣ и отложить въ сторону взятую книжку, чтобы потомъ уже никогда не брать ея въ руки: брошюра и мудрена, и суха, и многословна; „не для насъ это написано“, — вотъ обыкновенный отзывъ читателя-простолюдника о такихъ книжкахъ.

Съ годъ тому назадъ пишущему эти строки пришлось увидѣть брошюру подъ заглавіемъ „Какъ выбиться изъ нужды къ достатку“. Разсказъ о томъ, какъ безирютные бѣдняки завели хорошее хозяйство и стали жить въ достаткѣ“. Заглавіе, какъ видите, можетъ заинтересовать хоть кого: вѣдь брошюра пытается разрѣшить одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной русской дѣйствительности, надъ которымъ задумываются и котораго не могутъ разрѣшить самые просвѣщенные люди страны. По прочтеніи названная книжка оказалась написанною очень просто и интересно, хотя и оставляющею у читателя подозрѣніе, что люди такъ легко и почти безпрепятственно богачеются скорѣе въ книжкахъ, если не въ сказкахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Дальнѣйшія справки показали автору этой статьи, что составитель упомянутой брошюры, *И. П. Селивановскій*, написалъ цѣлую серію, цѣлыхъ 29 книжекъ такого рода и принадлежитъ къ числу популяризаторовъ, въ родѣ *И. И. Горбунова-Посадова*, задавшихся похвальною цѣлью разъяснить простому народу, какъ ему бѣдному, безпомощному и совершенно обнищавшему, выйти или, лучше всего сказать, какъ выбиться изъ нужды къ достатку. Въ предисловіи къ одной изъ своихъ брошюръ *И. П. Селивановскій* высказываетъ слѣдующія прекрасныя мысли: „Деревенская жизнь земледѣльца почти всѣми считается темной и трудной, скучной и бѣдной. И дѣйствительно, она темна безъ свѣта науки, она трудна при плохихъ орудіяхъ и машинахъ, она скучна однообразіемъ труда и бѣдна при скудныхъ урожаяхъ и низкихъ цѣнахъ на сельско-хозяйственные продукты. Но все это не есть непреложныя свойства труда и жизни земледѣльца. Жизнь и труды его могутъ быть свѣтлыми и легкими, интересными, прибыльными и здоровыми, могутъ доставить счастье. Это доказали тѣ изъ ученыхъ людей, которые въ занятіяхъ земледѣліемъ провели жизнь въ деревнѣ. Тамъ они нашли для себя душевное спокойствіе и съ наслажденіемъ работали; тамъ они пользовались завиднымъ здоровьемъ, жили долго и умирали съ сознаниемъ исполненнаго долга“... Сельско-хозяйственныя книжки *И. П. Селивановскаго*, составляющія спеціальную библиотечку, рассказываютъ крестьянину, при какихъ условіяхъ жизнь его, темная и трудная,

свѣтлая и бѣдная, можетъ обратиться въ свѣтлую и легкую, радостную и безбѣдную. Главное достоинство разсматриваемыхъ брошюръ заключается въ томъ, что онѣ представляютъ собою не сводъ, но систему сухихъ и скучныхъ совѣтовъ и наставленій, а правдоподобные, живые и интересные рассказы о томъ, какъ одинъ крестьянинъ улучшилъ свое полеводство, другой—огородничество, третій—луговоеводство, какъ четвертый устроилъ прибыльный рыбный прудъ, какъ пятый осушилъ болото, какъ шестой съ успѣхомъ истреблялъ сусликовъ, какъ седьмой научился выдѣлѣ тростей, восьмой—артельному производству соломенныхъ издѣлій, девятый—устройству нестергаемаго овина, десятый—выдѣлкѣ деревянныхъ ложей, какъ тетка Катерина, при помощи мужа-столяра, улучшила свое положеніе, благодаря устроенной имъ прялкѣ-голландкѣ, какъ крестьянка Марья развела хорошихъ, носкихъ куръ... Мы далеко не указали всѣхъ темъ и вопросовъ крестьянской жизни, трактующихся въ книжкахъ г. Селивановскаго, но и обозначенныя нами темы достаточно говорятъ о содержаніи и направленіи этихъ книжекъ, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, широкаго распространенія среди обитателей селъ и деревень.

Не подлежитъ сомнѣнію, что брошюры, подобныя разсмотрѣннымъ, находятъ и будутъ находить читателей среди старшихъ учениковъ крестьянской школы и вообще грамотныхъ людей деревни и что многіе или нѣкоторые изъ нихъ берутъ такія книжки для прочтенія на дому. Но, хотя разсматриваемыя брошюры и написаны въ формѣ рассказовъ, хотя для крестьянина-земледѣльца онѣ представляютъ близкій интересъ, все же читать ихъ гораздо полезнѣе коллективно, въ многолюдной крестьянской аудиторіи, читать въ обстановкѣ необходимыхъ наглядныхъ пособій, моделей и рисунковъ, читать съ комментаріями и воспроизводить въ живомъ обществѣ мыслями, въ одушевленныхъ бесѣдахъ, имѣющихъ цѣлью не только разъясненіе прочитаннаго, но и возбужденіе въ слушателяхъ, по большей части людей восныхъ и недовѣрчивыхъ, рѣшительнаго стремленія проводить совѣты книжки въ жизнь, немедленно и безобязательно осуществлять ихъ. Несомнѣнно, каждый учитель сельской школы сдѣлалъ бы очень хорошее дѣло, если бы въ классной комнатѣ, въ особые часы, свободные отъ занятій со всѣми учениками, напримѣръ во дни воскресные и праздничные, взялъ на себя трудъ прочитать для старшихъ школьничковъ и взрослыхъ крестьянъ сельско-хозяйственныя книжки, положимъ, Горбунова-Посадова, Селивановскаго, Красноперова и нѣкоторыхъ другихъ, наиболее способныхъ составителей подобныхъ брошюръ для на-

рода. Если такія чтенія будутъ производиться съ усердіемъ и любовью и при томъ въ указанной выше обстановкѣ ви́шнихъ условий, то можно надѣяться, что на ряду съ другими просвѣтительными воздѣйствіями на деревню онѣ мало-по-малу будутъ способствовать ослабленію крестьянской темноты и косности, а также уменьшенію народной нищеты. Было бы еще лучше, если бы учрежденія, содержащія школы, т. е. правительство и земства, имѣли въ каждомъ уѣздѣ особыхъ специалистовъ, странствующихъ учителей сельскаго хозяйства, которые, какъ нѣмецкіе Winterschuler, путешествовали бы (осенью, зимой и въ началѣ весны по отдѣльнымъ районамъ, читали въ начальныхъ школахъ, съ демонстраціями, безусловно полезныя для народа книжки и давали слушателямъ практическіе совѣты, разъясненія и указанія. Въ полезности такихъ чтеній и такихъ учителей едва ли кто будетъ сомнѣваться.

9. Рисованіе, какъ предметъ общаго начальнаго образованія.

Въ ряду предметовъ столько же общеобразовательнаго, сколько и специально-практическаго значенія, преподаваніе которыхъ въ начальной народной школѣ совершенно необходимо, должно быть поставлено и *рисованіе*. Съ одной стороны, оно представляетъ собою искусство, способное служить *nur ewigen und ernsten Dingen*, а съ другой, рисованіе является очень полезнымъ учебнымъ предметомъ, быстро и успѣшно развивающимъ наблюдательность ученика, а также способность правильнаго и точнаго воспроизведенія впечатлѣній. Въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ рисованіе, къ большому сожалѣнію, почти нигдѣ не преподается. Между тѣмъ оно должно быть обязательнымъ предметомъ ихъ курса, и преподаванію этого предмета необходимо дать ту новую и раціональную постановку, какая принята въ хорошихъ западно-европейскихъ, на примѣръ, германскихъ школахъ. Тамъ рисованіе преподается уже совсѣмъ не такъ, какъ преподавалось раньше и какъ преподаютъ его теперь у насъ. Тамъ ученики низшихъ классовъ начинаютъ учиться этому предмету съ изображенія объектовъ исключительно *по памяти, по воспринятымъ ранѣе впечатлѣніямъ*. На листкахъ простой бумаги углемъ или мѣломъ рисуютъ они хорошо извѣстный и памятный имъ предметъ. Неполненные рисунки разсматриваются и обсуждаются всѣмъ классомъ по руководящимъ вопросамъ учителя. Указавъ ошибки рисунковъ, ученики сами же, при помощи учителя, опредѣляютъ, какъ слѣдовало бы имъ

нарисовать предметъ, для правильнаго и точнаго воспроизведенія его со всѣми важнѣйшими особенностями. Затѣмъ нѣсколько учениковъ, одинъ за другимъ, вызываются къ рисованію предмета на классной доскѣ, при чемъ всѣ товарищи принимаютъ участіе въ работѣ указаніемъ каждаго, по возможности, существеннаго штриха, каждаго характернаго изгиба. Когда ученики составляютъ себѣ отчетливое представленіе о предметѣ, рисунокъ его стирается съ классной доски, и они снова, съ усиленной энергіей и съ живымъ интересомъ принимаются за рисованіе того же самаго предмета уже на бумагѣ. Предметы для рисованія берутся изъ окружающей живой дѣйствительности: дѣти рисуютъ птицъ и животныхъ, деревья и кораблики, маму и папу. На второй ступени курса, послѣ рисованія по памяти, продолжающагося года два, ученики начинаютъ рисованіе съ самыхъ предметовъ, мягкимъ карандашомъ, на бѣлой или цвѣтной бумагѣ,—рисуютъ, напримеръ, перья птицъ, плавники рыбъ, части животныхъ. Скоро вводится въ употребленіе кисть и водяныя краски; начинаются упражненія въ нахожденіи правильныхъ тоновъ и въ свободномъ пользованіи кистью. При такомъ направленіи дѣла, затѣмъ проходятся перспектива и освѣщеніе, исполняются эскизы карандашомъ и кистью, при чемъ предметами рисованія служатъ цвѣты, фрукты, посуда и мебель, части дома, раковины, чучела, несложные ландшафты и наконецъ человѣкъ. Ученики иногда уходятъ въ селеніе, городокъ и тамъ срисовываютъ какой-нибудь домъ, башню и т. п. Не исправляя на ученическомъ рисункѣ ни одного штриха, учитель только указываетъ въ работѣ ошибки и иногда на особомъ листѣ рисуетъ части предмета, не удавшіяся исполнителю рисунка. Въ цѣляхъ лучшаго уясненія высокихъ качествъ и задачъ рисованія, учитель отъ времени до времени разсматриваетъ съ учениками картины великихъ художниковъ въ прокрасныхъ копіяхъ, сопровождая разсматриваніе „бесѣдами о картинахъ“ (Bilderbesprechung). На стѣнахъ школъ развѣшены картины наиболѣе извѣстныхъ современныхъ художниковъ въ недорогихъ, но тщательно исполненныхъ репродукціяхъ. Главная цѣль уроковъ рисованія въ германскихъ школахъ заключается, конечно, не въ подготовкѣ художниковъ, а въ развитіи у каждаго, по возможности, ученика наблюдательности и самостоятельнаго вкуса, а также чувствъ правдивости, искренности, простоты...

Въ нашихъ начальныхъ школахъ занятія рисованіемъ могли бы находить ближайшее примѣненіе при выполненіи программъ *ручной труда*, который требуетъ предварительнаго рисованія предметовъ,

составляющих послѣдовательные номера его программы. Къ сожалѣнію, не только громадное большинство русскихъ начальныхъ учителей и учительницъ, но и многіе инспектора народныхъ школъ никогда не видѣли процесса и порядка работъ, составляющихъ сущность ручного труда, какъ самостоятельнаго учебнаго предмета, и не имѣютъ никакихъ о немъ представленій. Поэтому мы находимъ не безполезнымъ сказать здѣсь о ручномъ трудѣ нѣсколько подробнѣе.

10. Ручной трудъ, какъ предметъ обученія въ начальной школѣ.

„Ручной трудъ“ и „ремесло“ — термины съ весьма близкимъ, съ очень сходнымъ, но не тождественнымъ значеніемъ. Ручной трудъ главною своею задачею имѣетъ достиженіе цѣлей воспитанія, какъ системы средствъ и способовъ, помогающихъ всестороннему совершенствованію юнаго человѣка. Понятіемъ „ручной трудъ“ обнимаются занятія, которыя, соотвѣтствуя цѣлямъ общаго образованія, въ то же время устанавливають связь школьнаго преподаванія съ жизнью, закрѣпляютъ знанія, приобретаемыя въ школѣ, посредствомъ особаго цикла ручныхъ упражненій. Эти послѣднія развиваютъ эстетическій вкусъ ученика, укрѣпляютъ вѣрность его руки и изоощраютъ силу его глаза, содѣйствуя въ общемъ какъ физическому росту, такъ и духовному развитію ученика. Ручной трудъ представляетъ собою строгую систему, выдержанный подборъ ремесленныхъ занятій, въ которыхъ каждый моментъ обусловленъ предыдущимъ и въ значительной степени обуславливаетъ послѣдующій. Какъ предметъ школьнаго преподаванія, названный трудъ имѣетъ тѣсную связь съ рисованіемъ, а въ многоклассныхъ школахъ и съ черченіемъ, — кромѣ того, съ ариметикой, геометрией и естествознаніемъ. Съ другой стороны, ручной трудъ очень близко стоитъ и къ ремеслу, какъ занятію, имѣющему только практическую цѣль, лишь утилитарное значеніе. Однако онъ не представляетъ собою обученія какому-либо одному ремеслу во всей совокупности и разнообразіи относящихся къ нему работъ, а является только азбукою техники, лишь пропедевтикой индустриальныхъ занятій, системою основныхъ техническихъ приѣмовъ, усвоеніе которыхъ открываетъ ученику пути къ разумному и детальному ознакомленію съ какимъ-либо однимъ изъ многихъ ремеслъ; таковы, напримѣръ, столярное, токарное, слесарное, кузнечное, папочное, корзинное, гѣбное и ткацкажное (веревочное). Обучаясь ремеслу, ученикъ при-

обрѣтаетъ лишь такія знанія и умѣнья, которыя даютъ ему возможность изготовлять предметы даннаго ремесла, имѣющіе *рыночную цѣнность*. Преподаваніе же ручного труда имѣетъ цѣлью содѣйствовать правильному развитію тѣлесныхъ и духовныхъ силъ дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщать имъ такія знанія и умѣнья по ремесленной технологіи, которыми впоследствии они могли бы воспользоваться въ домашнемъ быту, самостоятельно изготовляя наиболѣе простые и необходимые предметы домашняго обихода.

Кто серьезно озабоченъ осмысленною постановкою широкаго ремесленнаго и техническаго школьнаго образованія, тотъ долженъ придти къ убѣжденію, долженъ согласиться, что начальная одноклассная школа не можетъ ставить себѣ задачею подготовку настоящихъ мастеровъ какого-либо ремесла: такая подготовка не соотвѣтствовала бы ни общеобразовательному характеру начальной школы, ни кратковременности ея курса, ни малому, отъ 8 до 11 или 12 лѣтъ, возрасту ея учениковъ. Въ то же время никто не имѣетъ основаній и права игнорировать все чаще и настойчивѣе заявляемое сожалѣніе, что наша начальная сельская школа далеко ушла отъ жизни, отъ ея практическихъ запросовъ и потребностей, что она не подготавливаетъ ни вполнѣ грамотныхъ людей, которые могли бы сдѣлаться, даже послѣ нѣкоторой подготовки, напримѣръ, хорошими писарями, ни толковыхъ, хотя бы немного образованныхъ землевладельцевъ, ни сколько-нибудь порядочныхъ ремесленниковъ, въ которыхъ такъ много и такъ часто нуждается русская деревня. Но кто предъявляетъ къ начальной, по своему существу общеобразовательной, а не специальной школѣ такія практическія требованія, тотъ ни на минуту не долженъ забывать, что *всякое дѣло мастера боится*, что каждое занятіе, каждое ремесло можетъ идти успѣшно лишь у человѣка, разумно усвоившаго его основы, его начальныя и главнѣйшія приемы. Отчего такъ грубо-несовершенно, такъ первобытно-незатѣшливо, такъ далеки отъ соотвѣтствія своему назначенію ремесленныя надѣлія громаднаго большинства нашихъ крестьянъ-самоучекъ? — Конечно, отъ недостатка подготовки, отъ полнаго отсутствія какой бы то ни было школы. При такомъ положеніи дѣла занятія ручнымъ трудомъ въ школѣ и должны представлять собою ту основную необходимую почву, на которой, какъ на твердомъ фундаментѣ, только и можетъ быть серьезно поставлено, только и можетъ успѣшно начинаться и развиваться солидное ремесленное образованіе. Высшія ступени всякаго ремесла очень мало доступны для работника-самоучки, съ самаго

начала занятій приобрѣтающаго необходимыя навыки путемъ лишь механическаго подражанія, въ которое въ очень незначительной мѣрѣ приходятъ размышленіе и пониманіе. Вотъ почему необходимо принять за несомнѣнную истину положеніе, утверждающее, что теорія и практика, развивающія вѣрность глаза, ловкость руки и правильность вкуса, суть важнѣйшія подготовительныя условія ремесленнаго образованія и что на выработку у людей этихъ весьма цѣнныхъ качествъ слѣдуетъ обращать вниманіе съ возможно ранняго возраста.

Занятія ручнымъ трудомъ въ формѣ шведскаго „слойда“, лѣтъ двадцать тому назадъ начавшія находить примѣненіе и въ нашихъ школахъ, не вызвали сочувствія среди общественныхъ учреждений и крестьянскаго населенія, участвующихъ въ содержаніи начальныхъ школъ. Это несочувствіе зависѣло отъ несоотвѣтствія цикла ручныхъ занятій, состоявшихъ лишь въ исполненіи мелкихъ игрушечныхъ и почти безполезныхъ издѣлій изъ дерева и металла, ни практическимъ потребностямъ мѣстной жизни, ни общимъ педагогическимъ цѣлямъ.

Въ 1889 году при министерствѣ народнаго просвѣщенія была учреждена особая комиссія для обсужденія вопроса о постановкѣ ремесленнаго и техническаго обученія въ народныхъ школахъ. Эта комиссія, между прочимъ, пришла къ заключенію, что въ одноклассныхъ сельскихъ училищахъ желательнѣе введеніе, по мѣрѣ возможности, занятій ручнымъ трудомъ, посильныхъ дѣтямъ въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ, и подъ тѣмъ условіемъ, чтобы система такихъ работъ была установлена примѣнительно къ потребностямъ и понятіямъ сельскихъ жителей. Въ виду этого, съ цѣлью ближайшаго выясненія даннаго частнаго вопроса, а также для выработки программъ по ручному труду, была организована новая комиссія при отдѣленіи промышленныхъ училищъ. Эта послѣдняя въ результатѣ своихъ занятій по указанному предмету выработала особыя соображенія, которыя потомъ были разсмотрѣны и одобрены отдѣленіемъ ученаго комитета министерства по техническому и профессиональному образованію. Какъ на основное положеніе въ вопросѣ о правильной постановкѣ преподаванія ручного труда въ начальныхъ народныхъ училищахъ, комиссія указала на то, что обученіе означенному предмету въ одноклассной сельской школѣ можетъ начинаться со втораго года учебнаго курса. Кромѣ того, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ характеръ работъ, составляющихъ основную программу по ручному труду, выработанную комиссіей для названныхъ школъ, можетъ существенно измѣняться въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ условій и потребностей, тѣмъ не

менѣ комиссія въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время считаетъ нужнымъ рекомендовать преимущественно работы *по дереву*. Что касается выполненія ближайшей задачи, возложенной на комиссію, то послѣдняя составила двѣ коллекціи разнородныхъ издѣлій, могущихъ послужить, съ одинаковою степенью пригодности, основною программой работъ по ручному труду въ одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищахъ. Первая изъ означенныхъ коллекцій представляетъ нѣсколько измѣненную и дополненную систему работъ по ручному труду, выработанную путемъ опыта при Новобургской учительской семинаріи и приспособленную къ потребностямъ сельскаго быта въ южныхъ губерніяхъ Россіи. Вторая коллекція составляетъ такую же, исправленную комиссіей, систему упражненій, выработанную учителемъ ручного труда при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ *К. Ю. Цирулемъ*. Та и другая коллекція состоитъ изъ 65 номеровъ издѣлій. Выполненіе ихъ и должно составить программу работъ по ручному труду частью въ одноклассныхъ и частью въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ. На эти программы комиссія смотритъ, лишь какъ на временныя и примѣрныя: онѣ должны давать только представленіе о томъ, какого рода и вида посильныя издѣлія могутъ быть исполняемы учениками сельскихъ училищъ во время ихъ занятій ручнымъ трудомъ. Въ виду этого, рассматриваемыя программы могутъ быть приняты къ руководству лишь *на первое время*, потомъ же они должны измѣняться и пополняться согласно съ указаніями опыта, а также съ тѣми требованіями, которыя могутъ быть предъявляемы каждой отдѣльной школою, въ связи съ особыми условіями быта и занятій мѣстнаго крестьянскаго населенія.

Сознавая важность установленія одной программы по ручному труду, комиссія, работавшая по этому предмету, выразила увѣренность, что успѣхъ занятій ручнымъ трудомъ очень много зависитъ отъ подготовки учителей и отъ всей постановки учебнаго дѣла. Въ виду этого комиссія признала нужнымъ выяснитъ тѣ условія, которыя могли бы обезпечить успѣхъ занятій ручнымъ трудомъ въ сельской школѣ. Что касается учебной стороны дѣла, то комиссія выработала слѣдующія основныя положенія:

1. Ручной трудъ можетъ быть вводимъ въ тѣ сельскія одноклассныя училища, при которыхъ состоитъ два учителя, при чемъ одинъ имѣетъ право на преподаваніе этого предмета.

2. Для большаго успѣха въ занятіяхъ по ручному труду желательно, чтобы элементарный курсъ *рисованія* введенъ былъ въ число

обязательныхъ предметовъ обученія въ сельскихъ одноклассныхъ училищахъ.

3. Въ двухклассныя сельскія училища, кромѣ обязательныхъ занятій по рисованію, желательнo ввести и преподаваніе черченія.

4. Родъ ручныхъ занятій долженъ отвѣчать мѣстнымъ условіямъ.

5. Занятія должны быть вводимы по опредѣленному плану и по выработанной для данной мѣстности программѣ, утвержденной установленнымъ порядкомъ.

6. Программы, признанныя комиссіей наиболѣе цѣлесообразными, не должны исключать возможности введенія и другихъ видовъ ручныхъ занятій (воршичное, лѣпка, тавелажныя работы, занятія по сельско-хозяйственной культурѣ и друг.), гдѣ такія занятія вызываюся мѣстными условіями.

7. Ученики, приступая къ каждой работѣ, должны быть предварительно ознакомлены какъ съ ходомъ ея исполненія, такъ и съ тѣми требованіями, которымъ изготовляемый предметъ долженъ удовлетворять: *при самомъ исполненіи работы необходимо, чтобы ученики имѣли передъ собой, по возможности, собственноручно сдѣланный чертежъ изделия, со всеми необходимыми рабочими размѣрами, и производили расчерчиваніе обрабатываемыхъ частей въ тѣхъ случаяхъ, когда это допускаетъ матеріалъ.*

Относительно финансовой и матеріальной стороны дѣла комиссіей установлены слѣдующія правила:

1. При учрежденіи занятій ручнымъ трудомъ предварительно долженъ быть составленъ расчетъ потребныхъ суммъ, какъ одновременныхъ, на устройство и приспособленіе помѣщеній и оборудованіе мастерскихъ необходимымъ инструментомъ и станками, такъ и ежегодныхъ, на вознагражденіе руководителя занятій, на приобрѣтеніе матеріаловъ, инструментовъ и починку станковъ и прочаго инвентаря мастерскихъ, а также на хозяйственные расходы по содержанію въ чистотѣ и порядкѣ классовъ ручного труда.

2. Вознагражденіе преподавателю, за руководство практическими занятіями по ручному труду, необходимо назначать въ видѣ добавочнаго къ содержанію, получаемому имъ по должности учителя, и опредѣлять по расчету не менѣе двадцати рублей за одинъ годовой часть.

3. Число работающих въ одной смѣнѣ (группѣ) должно быть не менѣе 10 человекъ и не болѣе 25, при чемъ времени, отводимаго на занятія ручнымъ трудомъ съ каждой группой учениковъ, желательнo назначать не менѣе 6 часовъ въ недѣлю.

4. За обученіе ручному труду не слѣдуетъ взимать съ учениковъ особой платы.

Въ видѣ общей мѣры для достиженія надлежащихъ успѣховъ въ преподаваніи ручного труда и планомѣрнаго направленія этого дѣла, желательно установленіе особаго надзора при учебныхъ округахъ.

Такимъ образомъ, въ новой начальной школѣ съ ея четырехлѣтнимъ курсомъ обученія, съ двумя учителями и двумя ученическими отдѣленіями, каждое съ двухлѣтнимъ курсомъ, при чемъ учителя, кромѣ общеобразовательной, должны бы имѣть и специальную, сельскохозяйственную или техническую, подготовку, обученіе ручному труду можетъ продолжаться цѣлыхъ три года, начиная со второго, при шести часовыхъ урокахъ въ недѣлю. Можно быть увѣреннымъ, что при такихъ условіяхъ на урокахъ ручного труда учащіеся въ состояніи будутъ пріобрѣтать достаточное количество знаній и умѣній въ области такихъ ремеслъ, которыя особенно необходимы въ сельскомъ обиходѣ. Крестьянинъ, прошедшій въ школѣ трехлѣтній курсъ ручного труда, пріобрѣтетъ не только ремесленную сноровку и увѣренность, но и умѣнье самостоятельно и при томъ не безъ вкуса и пониманія цѣли выдѣлывать или изготовлять большую часть простыхъ предметовъ, потребныхъ для его несложнаго хозяйства. При этомъ программы ручного труда должны видоизмѣняться сообразно съ природными условіями и потребностями каждой мѣстности, что особенно важно для такого обширнаго по занимаемой территоріи государства, какимъ является Россія. Кромѣ того, сельскій мальчишъ, прошедши въ начальной школѣ, въ теченіи трехъ лѣтъ, при шести часовыхъ урокахъ въ недѣлю, опредѣленный и при томъ вполне практической курсъ ручного труда, будетъ достаточно подготовленъ въ поступленію или въ ремесленный классъ при двухклассномъ училищѣ, или въ специальную низшую ремесленную школу, чтобы съ успѣхомъ проходить здѣсь специальную технику одного какого-либо ремесла. Именно такъ серьезно, такъ солидно поставлено преподаваніе ручного труда въ школахъ образованныхъ странъ Европы и Америки: въ Швеціи и Норвегіи, въ Бельгіи, Даніи, Германіи, Франціи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ. Для насъ особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Финляндіи, гдѣ ручной трудъ преподается во всѣхъ народныхъ школахъ специально подготовленными въ педагогическихъ семинаріяхъ учителями. Еще въ 1879 году финляндскій сенатъ назначилъ 30 тысячъ марокъ (11.250 р.) на развитіе, въ теченіе пяти лѣтъ, преподаванія въ народныхъ училищахъ ручного труда. Въ

1883 году для той же цѣли назначено было пособие въ размѣрѣ 500 тысячъ марокъ (187.500 р.). Изъ этой суммы, за израсходованиемъ 200 тысячъ марокъ, 300 тысячъ марокъ составили капиталъ, проценты съ котораго идутъ въ пособие училищамъ на устройство мастерскихъ ручного труда, изданіе руководствъ и чертежей... Вообще въ Западной Европѣ и Америкѣ не жалуютъ средствъ на обученіе дѣтей-школьниковъ ручному труду и ремесламъ, и расходы на этотъ предметъ тамъ съ избыткомъ окупаются, доставляя обществу людей трудолюбивыхъ и энергичныхъ, людей техники, въ достаточной мѣрѣ обладающихъ полезными знаніями и умѣньями.

11. Естествознаніе въ начальной школѣ.

Въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ не мало людей, иногда очень образованныхъ, которые утверждаютъ, что естествознаніе не должно входить въ программу народной школы, ни какъ предметъ, могущій имѣть, по отношенію къ учащимся въ ней дѣтямъ, специальное, жизненно-прикладное значеніе, ни какъ цѣль знаній, полезныхъ съ точки зрѣнія общеобразовательныхъ задачъ и цѣлей названной школы. Этотъ взглядъ теперь замѣтно измѣняется и со временемъ долженъ будетъ уступить мѣсто другому, совершенно противоположному взгляду. Въ подтвержденіе такой увѣренности достаточно сослаться на лучшія, наиболѣе распространенныя классныя книги для чтенія въ народной школѣ, изъ соответствующихъ статей которыхъ можетъ быть составленъ краткій начальный учебникъ зоологіи и ботаники. Кто близко знакомъ съ современною начальною школою, тому извѣстно, какъ сильно интересуется дѣтей-школьниковъ изученіе окружающей ихъ природы, познаніе міра Божьяго вообще и въ частности непосредственное и наглядное ознакомленіе съ животными, растениями и минералами. Этимъ естественнымъ стремленіемъ дѣтей къ природовѣдѣнію умѣютъ пользоваться начальныя школы болѣе культурныхъ, чѣмъ Россія, странъ міра, всячески стараясь удовлетворить дѣтскую любознательность и не давая ей ослабѣвать и глхнуть отъ недостаточнаго къ ней вниманія. Укажемъ здѣсь хотя бы на прекрасный примѣръ близкой намъ Финляндіи: тамъ, въ начальныхъ школахъ преподаются краткіе курсы зоологіи и ботаники, имѣющіе по преимуществу утилитарный, практическій характеръ; тамъ, на урокахъ зоологіи главное вниманіе учащихся обращается на способы и форму ухода за домашними животными, а на урокахъ ботаники — на обогащеніе

дѣтей свѣдѣніями по огородничеству, садоводству и лѣсоводству... Очень многимъ извѣстно, что естественныя науки могутъ существенно помогать человѣку при добываніи средствъ къ жизни,—какъ способны онѣ замѣтно облегчать ему такъ называемую „борьбу за существованіе“. Кромѣ зоологіи и ботаники, назовемъ здѣсь для примѣра еще физиологію, столь важную для медицины, и химію,—для промышленности. Но значеніе естествовѣдѣнія, какъ учебнаго предмета въ начальной школѣ, заключается не только въ разнообразныхъ его практическихъ примѣненіяхъ, въ его матеріальной пользѣ, но и въ несомнѣнной воспитательной силѣ, какую оно можетъ и должно имѣть въ дѣлѣ духовнаго совершенствованія ученика. Никогда не слѣдуетъ забывать, что главную задачу каждой общеобразовательной, а слѣдовательно и начальной школы должны составлять подъемъ и развитіе умственныхъ, эстетическихъ и нравственныхъ задатковъ ученика, и что общее духовное его развитіе можетъ вліять на просвѣтлѣніе и расширеніе разсудочнаго кругозора и усвоеніе имъ разумныхъ представленій и осмысленныхъ понятій въ области практической жизни даже усгѣшише, чѣмъ совокупность знаній узко-прикладныхъ, частно-справочныхъ, рецептурныхъ. Если все духовное развитіе человѣка основывается и покоится на усвоеніи живыхъ и отчетливыхъ представленій, на образованіи ясныхъ и точныхъ понятій, на приобрѣтеніи способности къ обдуманнѣмъ и правильнѣмъ выводамъ, то естествознаніе представляетъ для указанныхъ психическихъ операцій очень богатый матеріалъ. Непосредственное и наглядное, продолжительное и сосредоточенное ознакомленіе дѣтей съ объектами изученія способствуетъ образованію у нихъ ясныхъ и точныхъ представленій, въ которыхъ образы или „умственные слѣды“ предметовъ очень близко соотвѣтствуютъ дѣйствительной ихъ природѣ, а такія представленія обуславливаютъ правильность мысли и выработку положительныхъ взглядовъ на изучаемые предметы. Чѣмъ отчетливѣе у дѣтей представленія, тѣмъ совершеннѣе должны быть ихъ понятія, потому что они являются комплексами однородныхъ представленій, умственною ихъ сводкою, какъ слѣдствіемъ сравненія, отвлеченія и обобщенія. Наконецъ, естествовѣдѣніе, особенно когда при ознакомленіи съ нимъ на первый планъ выдвигается *біологическая* сторона фактовъ изученія, можетъ давать для дѣтскаго ума вполне достаточный матеріалъ для разумныхъ и полезныхъ выводовъ. При этомъ лишь необходимо требовать отъ дѣтей возможно большаго вниманія къ тѣмъ сопоставляемымъ изъ жизни и природы фактамъ, которые въ ихъ умахъ

должны имѣть значеніе „посылокъ“ (praemissiones) для выводовъ. Известно, что дѣти очень поверхностны, что ихъ мысль мимолетна и разсѣянна, что они въ большей мѣрѣ, по сравненію со взрослыми людьми, *видя не видятъ*, что ихъ чаще „обманываютъ чувства“, что иллюзіи и даже галлюцинаціи властвуютъ надъ ними сильнѣе, чѣмъ надъ лицами, вступившими въ періодъ зрѣлости. Однимъ изъ самыхъ лучшихъ средствъ къ ослабленію у дѣтей этихъ недостатковъ и для привитія имъ навыковъ положительнаго, трезваго міросозерцанія и могутъ служить *уроки естественовѣдѣнія*. На нихъ, путемъ постоянныхъ соотвѣтствующихъ упражненій въ наблюденія и въ послыльныхъ опытахъ, дѣти должны изощрять свои внѣшнія чувства и ихъ органы, развивать свою наблюдательность, приучать вниманіе къ сосредоточенности и мало-по-малу воспитывать въ себѣ убѣжденіе, что чувства никогда насъ не обманываютъ и не могутъ обманывать, такъ какъ соотвѣтствующіе имъ органы воспроизводятъ внѣшній міръ какъ разъ въ мѣру своей природной силы, и что вводитъ насъ въ заблужденіе, „обманываетъ“ насъ собственная наша мысль, перѣдко ошибочно толкующая внѣшнія воспріятія и дѣлающая изъ нихъ неправильные, нелогическіе выводы. Развивая умъ, естественовѣдѣніе, при условіи, конечно, разумной учебной его постановки, способно благотворно дѣйствовать и на развитіе учениковъ въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Міръ животныхъ и растений, изящный и самъ по себѣ, можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ ощущеній красоты и наслажденія при внимательномъ его изученіи, при ознакомленіи съ устройствомъ, цѣлями и назначеніемъ отдѣльныхъ предметовъ этого міра. Точно также не можетъ не развиваться и нравственное чувство дѣтей, когда они будутъ изучать живой органической міръ, когда почувствуютъ, что слабыя и беззащитныя животныя ведутъ непрерывную борьбу за свое существованіе и благополучіе и потому заслуживаютъ не грубаго, а тѣмъ болѣе не жестокаго, но разсудительнаго и заботливаго съ ними обращенія. Таковъ воспитательный смыслъ преподаванія естественовѣдѣнія въ начальной школѣ. Указанныя задачи этого преподаванія могутъ быть достигаемы лишь при разумномъ веденіи дѣла, лишь при томъ условіи, если учащія лица, проходя съ учениками элементарный курсъ естественныхъ наукъ, особенно же зоологій и ботаники, будутъ сосредоточивать ихъ вниманіе *не на систематикъ* объектовъ изученія, не на описанія ихъ важнѣйшихъ признаковъ, соединяющихъ ихъ въ роды и семейства, порядки и классы, типы и ряды, а на ихъ *біологіи*, какъ опредѣленіи общихъ законовъ и условій,

въ какихъ находится и какими обуславливается жизнь растений и животныхъ. Біологическая постановка преподаванія зоологіи и ботаники по преимуществу способна открывать передъ умственнымъ взоромъ дѣтей какъ вообще образовательно-воспитательное значеніе этихъ дисциплинъ, такъ и практическую ихъ приложимость. Упомянутое значеніе не можетъ потерпѣть существеннаго ущерба и отъ того неотразимаго обстоятельства, что естествознаніе не можетъ имѣть въ начальной школѣ *научнаго характера*, научной систематической постановки и должно представлять собою лишь азбуку или пропедевтику естественно-научнаго образованія, лишь элементарный и эпизодическій курсъ основныхъ и главнѣйшихъ свѣдѣній объ окружающей природѣ. Изъ какихъ же частей долженъ составиться въ начальномъ школьномъ обученіи этотъ скромный, но очень полезный курсъ знаний? — Его подготовительную ступень должно составить *широкое приложениіе* въ начальной школѣ, ко всѣмъ предметамъ элементарнаго ея курса, *наглядности въ преподаваніи*. На второмъ мѣстѣ должны быть поставлены *предметные уроки*, въ своемъ содержаніи и систематизаціи построенные въ строгомъ соотвѣтствіи какъ съ воспитательными, такъ и съ жизненно-прикладными задачами сельской школы. Третье по указанному значенію мѣсто должны занять *естественно-научныя статьи изъ книги для класснаго чтенія*, объясняемыя по большей части при помощи непосредственныхъ наблюденій и опытовъ надъ предметами и явленіями вѣдшей природы, а она для каждаго обитателя деревни представляетъ собою, какъ уже замѣчено, вѣчно раскрытую, хотя и очень немногимъ понятную, великую книгу. Наконецъ, значеніе систематическаго свода и разумныхъ обобщеній всего матеріала, усвоеннаго учениками на довольно значительномъ и продолжительномъ пути ихъ знакомства съ окружающей природою и съ произведеніями индустріальной, сельско-хозяйственной и ремесленной техники, можетъ имѣть объяснительное и демонстративное чтеніе такихъ специальныхъ книгъ, какова, напримѣръ, упомянутая выше „*Азбука сельскаго хозяйства*“ *Ив. Мецера*.

Чѣмъ большими свѣдѣніями въ области естествознанія располагаетъ учитель, тѣмъ, разумѣется, лучше. Но для выясненія важнѣйшихъ особенностей, для общей характеристики царствъ животнаго и растительнаго учителю начальной народной школы можно ограничиться нагляднымъ описаніемъ, при помощи соотвѣтствующихъ препаратовъ и пособій, лишь *типическихъ представителей* названныхъ царствъ. Таковы представители міра зоологическаго: жужелица и майскій жукъ,

пчелы, капустная бабочка, слизень полевой, полевая и летучая мышь, гадюка, ящерица, лягушка, ракъ, кузнечики, стрекоза, паукъ-крестовикъ, кротъ, окунь, осы въ гнѣздѣ, хищная птица (высохшее крыло и лапы), заяцъ (челюсти), корова и лошадь (зубы, рога и копыта). Представители міра ботаническаго, растительнаго: дубъ, береза (кора, уголь, древесина), яблоня (вѣтка съ цвѣтами), укропъ (цвѣтокъ и сѣмена), макъ (коробочка и сѣмена), клеверъ, шалфей и мята, тимоееевка, рожь (мука, отруби, издѣлія изъ соломы), гречиха, конопля (пенька, масло, бечевка, ткань), ленъ, просо, картофель (крахмалъ, бумага накрахмаленная), овесъ (сѣмена, овсянка), одуванчикъ, рябина, смородина, клеиш, ива (верба корзиночная), грибъ.

Приведенная программа можетъ быть пройдена на третьемъ и четвертомъ годахъ обученія въ начальной школѣ. Съ содержаниемъ ея ученики могутъ познакомиться, во-первыхъ, на предметныхъ урокахъ, во-вторыхъ, съ нѣкоторыми дополненіями, при чтеніи соответствующихъ статей изъ книги для класснаго чтенія и, въ-третьихъ, для выясненія практическаго, прикладнаго значенія приобрѣтенныхъ свѣдѣній, при чтеніи „Сельско-хозяйственной книги“.

12. О распространеніи въ народѣ полезныхъ знаній и умѣній.

Мы уже говорили, что первоначальныя знанія, даваемыя учащимся теперешнею народною школою и состоящія въ приобрѣтеніи ими умѣній читать, писать и считать, перестали удовлетворять запросамъ и потребностямъ сельскаго населенія. Въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей оно выражаетъ, какъ въ особыхъ коллективныхъ ходатайствахъ, такъ и въ земскихъ собраніяхъ, настойчивое желаніе имѣть у себя, въ деревнѣ, *школу повышеннаго типа*. Если мы глубже вдумаемся въ положеніе народныхъ массъ, бѣдствующихъ отъ поголовной темноты, отъ крайней ограниченности образованія, то должны же, наконецъ, внять скорбною, молящей просьбѣ духовнаго голода и жажды. Если же и теперь мы оставимъ безъ надлежащаго вниманія искрення желанія и просьбы лучшихъ представителей сельскаго населенія, то будемъ готовы... къ новому позорному краху и при томъ въ войнѣ не только съ Японіей, но даже и съ пробуждающимся отъ вѣкового сна Китаемъ. Въ виду этого, безъ привычныхъ ссылокъ на исключительную будто бы недостаточность нашего бюджета, который вѣдь всегда можетъ быть распредѣленъ иначе, намъ необходимо дать народу, во что бы то ни стало, такое начальное образованіе, ко-

торое было бы въ состояніи замѣтно поднимать и общій уровень умственнаго его развитія, и трудовую его предприимчивость, а съ нею вмѣстѣ и его благосостояніе, теперь пошатнувшееся, упавшее, кажется, до послѣдней степени возможности.

Если въ начальной школѣ, при общеобразовательномъ ея характерѣ, нельзя преподавать малолѣтнимъ ученикамъ систематическаго курса сельско-хозяйственныхъ знаній, а также сообщать имъ какую либо систему специальныхъ техническихъ навыковъ и умѣній, то возможно преподавать въ этой школѣ начатки естествознанія, какъ общеобразовательнаго предмета, и основы сельско-хозяйственныхъ или ремесленныхъ навыковъ, въ видѣ пояснительныхъ или показательныхъ примѣровъ къ элементарному курсу естествознанія. Въ западно-европейскихъ государствахъ именно такъ разрѣшается вопросъ о распространеніи черезъ школу знаній и навыковъ сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ. Въ народныхъ школахъ Германіи преподаются лишь основы, лишь краткая теорія естествовѣдѣнія, а сообщеніе знаній прикладнаго характера составляетъ задачу „зимнихъ школъ“ (Winter-schule). Здѣсь сельское хозяйство преподается зимою особыми лицами, которыя лѣтомъ въ качествѣ „странствующихъ учителей“, посѣщаютъ свои районы и даютъ практическія указанія своимъ бывшимъ слушателямъ. Въ начальныхъ школахъ Франціи и Бельгіи ученикамъ преподаются важнѣйшія основныя свѣдѣнія изъ области физики и химіи, зоологіи и ботаники, при чемъ попутно сообщаются имъ прикладныя сельско-хозяйственныя знанія. Уроки имѣютъ вполне наглядный характеръ: они сопровождаются не только демонстраціями, но и такими, производимыми въ школьныхъ садахъ и огородахъ, опытами, каковы, напримѣръ, удобреніе почвы, водяная культура и т. п.

Введеніе основъ естествознанія въ наши начальныя школы представляется возможнымъ лишь при четырехлѣтнемъ ихъ курсѣ. Тогда преподаваніе названныхъ основъ можетъ начинаться съ третьяго года обученія и продолжаться на четвертомъ. Если въ году считать 24 учебныхъ недѣли и на каждую полагать до 30 уроковъ (по пяти въ каждый изъ шести учебныхъ дней), то всѣхъ уроковъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ обученія въ начальной школѣ получится 1.440. Затѣмъ, если на преподаваніе основъ естествознанія назначить по 4 урока въ недѣлю, то въ два года получится ихъ 192. Но такъ какъ въ нѣкоторые изъ учебныхъ дней могутъ случиться праздники, а ихъ у насъ не мало, то общее число уроковъ по естествознанію въ теченіе двухъ лѣтъ можетъ быть выражено цифрою 168. Въ та

кой періодъ времени, при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, вполне возможно преподавать ученикамъ начальной школы цикл, совершенно необходимыхъ, основныхъ свѣдѣній по естествознанію въ связи съ практическими выводами и упражненіями по части сельскаго хозяйства. О составѣ такого пропедевтическаго курса мы уже говорили.

Что касается болѣе специальной подготовки по сельскому хозяйству или ремесламъ, то ученики, прошедшіе начальную школу, въ числѣ которыхъ могутъ быть уже и взрослые крестьяне, должны находить возможность такой подготовки въ *особыхъ, при начальной школѣ, дополнительныхъ классахъ*. Обученіе въ нихъ можетъ продолжаться до двухъ лѣтъ. Учителями въ такихъ классахъ должны быть лица, получившія, по крайней мѣрѣ, низшее сельско-хозяйственное или ремесленное образование. Ежедневныя занятія учениковъ дополнительнаго класса, въ виду необходимости для нихъ исполнять домашнія работы, не могутъ продолжаться болѣе трехъ часовъ, изъ которыхъ одинъ посвящается теоріи изучаемаго предмета, а остальные—почти исключительно практическимъ занятіямъ подъ руководствомъ учителя-специалиста. Предметомъ изученія въ дополнительномъ классѣ можетъ быть только одна, какая-либо отдѣльная отрасль сельскаго хозяйства, на примѣръ, садоводство, огородничество или пчеловодство и т. п., либо одно какое-нибудь ремесло, потому что болѣе или менѣе удовлетворительныхъ успѣховъ можно достигать только при специализаціи курса, при сосредоточеніи вниманія учениковъ на изученіи теоріи и преимущественно практики лишь одного какого-либо дѣла. Затѣмъ, интересы обученія требуютъ, чтобы въ дополнительные классы принимаемы были лица, прошедшія начальную школу или, по крайней мѣрѣ, грамотныя: опытъ показываетъ, что вести сельско-хозяйственное или ремесленное обученіе весьма трудно при составѣ учениковъ класса изъ людей вовсе необразованныхъ. Ежедневно часть занятій въ дополнительномъ классѣ необходимо удѣлять на одинъ изъ предметовъ общаго образованія: на примѣръ, два часа въ недѣлю—на родной языкъ, два—на рисованіе, одинъ часъ—на ариметику и одинъ—на Законъ Божій. За эти уроки, которые даются учителемъ и законоучителемъ начальной школы, назначается имъ особое добавочное вознагражденіе. Общее завѣдываніе дополнительнымъ классомъ возлагается на учителя той начальной школы, при которой онъ открытъ. Дальнѣйшія подробности о желательной организаціи дополнительныхъ классовъ, наипрѣдѣ, онѣ должны обуславливаться мѣстными обстоятельствами и потребностями.

13. Введеніе спеціальнаго обученія въ сельскія двухклассныя школы.

Если въ одноклассныя начальныя школы нельзя вводить спеціальнаго обученія сельскому хозяйству или ремесламъ, то въ училища двухклассныя, во второмъ классѣ которыхъ обученіе можетъ продолжаться до трехъ лѣтъ, такое введеніе не представляетъ очень большихъ, очень сложныхъ затрудненій. Общеобразовательный курсъ во второмъ классѣ названныхъ училищъ можетъ оставаться почти прежній, съ увеличеніемъ лишь уроковъ по естествознанію, а спеціальный курсъ долженъ состоять въ теоретическомъ и, преимущественно, практическомъ изученіи какой-либо отдѣльной отрасли сельскаго хозяйства или одного какого-либо ремесла, подъ руководствомъ учителя-спеціалиста. Сообразно съ такою постановкою дѣла ученики второго класса сельскихъ двухклассныхъ училищъ должны, во-первыхъ, обстоятельно пройти общеобразовательный курсъ программныхъ учебныхъ свѣдѣній, усвоеніе которыхъ открывало бы имъ, ученикамъ, возможность поступать изъ сельской школы, въ случаѣ желанія, въ то или другое изъ общихъ среднихъ учебныхъ заведеній, и, во-вторыхъ, должны приобрѣсти достаточный цыклъ практическихъ и теоретическихъ познаній или по сельскому хозяйству, или по одному какому либо ремеслу, чтобы такая подготовка въ сельской школѣ дѣлала учениковъ ея либо достаточно свѣдущими земледѣльцами, либо порядочными ремесленниками. Положимъ, въ каждомъ уѣздѣ будетъ учреждено до пяти двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Въ такомъ случаѣ желательно, чтобы одно изъ нихъ, по роду прикладныхъ занятій, было столярно-токарнымъ, другое—слесарно-кузнечнымъ, третье—переплетно-корзиночнымъ, четвертое—портняжнымъ или сапожнымъ, пятое—земледѣльческимъ или сельско-хозяйственнымъ. Спеціальности практическихъ занятій, разумѣется, могутъ быть и другія, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, отъ предметовъ и качества спроса на техническія издѣлія. Необходимо лишь имѣть въ виду, что назначеніе и распредѣленіе ремеслъ или вообще практическихъ занятій по училищамъ даннаго уѣзда должно быть производимо въ полномъ соотвѣствіи съ качествомъ спроса на тѣ или иные виды предметовъ необходимаго употребленія въ данной мѣстности, чтобы двухклассныя сельскія училища даннаго уѣзда въ общей своей совокупности достаточно обезпечивали извѣстный районъ свѣдущими и опытными

земледѣльцами и ремесленниками, которые въ родныхъ селеніяхъ были бы представителями новаго, разумно подготовленнаго поколѣнія рабочихъ людей, какъ въ области земледѣлія, такъ и въ ремесленномъ производствѣ. По обстоятельствамъ спеціальныя классы при сельскихъ двухклассныхъ училищахъ (т. е. вторые) могутъ быть переносимы, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, изъ одного училища въ другое. Изъ сказаннаго не трудно видѣть, что, въ цѣляхъ лучшей постановки прикладныхъ занятій во второмъ классѣ сельскихъ училищъ, какъ уже было замѣчено, необходимо имѣть, кромѣ преподавателя общеобразовательныхъ предметовъ, еще учителя-практика изъ прошедшихъ курсъ средняго земледѣльческаго или же техническаго учебнаго заведенія,—необходимо имѣть достаточно подготовленнаго спеціалиста, способнаго учить не только по книгамъ, но прежде всего демонстративно, наглядно, на живыхъ примѣрахъ, на самыхъ объектахъ изученія. Главнымъ предметомъ занятій учителя-практика должны быть показательныя руководящія работы либо въ полѣ, либо въ мастерской по выбранному спеціальному ремеслу. Этотъ учитель долженъ быть не только практикъ, какіе обыкновенно встрѣчаются между крестьянами-самоучками, людьми въ сущности очень мало образованными, даже не всегда грамотными, но и теоретикъ, вполне способный преподавать ученикамъ второго класса сельскихъ училищъ арифметику и геометрію, рисованіе и черченіе, а также основы естествознанія въ связи съ правилами рациональнаго сельскаго хозяйства или же съ теоріей извѣстнаго ремесла. Такимъ образомъ, предметы, по преимуществу гуманитарныя, каковы — родной языкъ, исторія и географія, въ названномъ классѣ сельскихъ училищъ должны быть преподаваемы однимъ учащимъ лицомъ, а всѣ остальные, имѣющіе не только образовательно-воспитательное, но и прикладное значеніе,—другимъ учителемъ, практикомъ по преимуществу. Общія программы преподаванія спеціальныхъ предметовъ во второмъ классѣ должны имѣть значеніе лишь примѣрныхъ, нормативныхъ, а потому, въ зависимости отъ разнообразныхъ условій и потребностей мѣстной крестьянской жизни, могутъ быть измѣняемы, т. е. сокращаемы или дополняемы. Только на извѣстномъ мѣстѣ и можно опредѣлять съ точностью, чему именно изъ области сельскаго хозяйства или ремесленныхъ занятій и какъ надобно обучать въ каждомъ данномъ сельскомъ училищѣ, составленіе же общихъ, обязательныхъ для всей Имперіи, программъ и плановъ преподаванія было бы дѣломъ и нежелательнымъ, и чрезвычайно труднымъ. Къ участию въ составленіи порайонныхъ программъ

сельско-хозяйственныхъ или ремесленныхъ занятій: училищныя совѣты могутъ приглашать мѣстныхъ свѣдущихъ людей, обладающихъ теоретическою и практическою подготовкою, и утверждать эти программы на небольшіе сравнительно сроки, напримѣръ, года на три, въ видахъ возможности скорѣйшихъ, по указаніямъ опыта, измѣненій въ программахъ и въ самой постановкѣ школьныхъ занятій. Учитель-специалистъ въ своей руководящей дѣятельности, какъ практической, такъ и теоретической, долженъ постоянно имѣть въ виду принципъ наглядности и вслѣдствіе стараться о томъ, чтобы теоретическіе уроки и практическія занятія шли по возможности рука объ руку и сливались воедино: уроки теоретическіе не должны быть даваемы безъ нагляднаго показыванія изучаемыхъ предметовъ и безъ опытовъ, а практическіе— безъ непосредственнаго объясненія самыхъ объектовъ изученія, чтобы ученики подвигались впередъ въ приобрѣтеніи полезныхъ свѣдѣній и навыковъ вполнѣ сознательно, разумно. Въ ихъ занятія должны входить слѣдующіе три момента: а) непосредственныя ознакомленія съ изучаемыми предметами и явленіями и опыты, частью подѣ личнымъ руководствомъ учителя, а чаще самостоятельно, лишь по его указаніямъ, б) работы въ хозяйствѣ или въ мастерскихъ съ предварительными объясненіями для всего работающаго класса, для всей данной группы учениковъ, и в) уроки учителя въ классѣ, въ полѣ, въ лѣсу или въ мастерской, имѣющіе всегда демонстративный, показательный характеръ. Само собою разумѣется, что двухклассныя училища съ сельско-хозяйственными занятіями должны быть надѣлены участками земли, каждый размѣрами не менѣе трехъ десятинъ. На этихъ участкахъ должно вестись сельское хозяйство, должны быть устроены необходимыя хозяйственныя зданія съ достаточнымъ количествомъ скота и ассортиментомъ потребныхъ орудій. Училища съ какимъ-либо ремесленнымъ классомъ должны имѣть хорошо обставленныя мастерскія. Словомъ, обученіе въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ должно быть поставлено такъ, чтобы какъ общеобразовательный и спеціальный курсъ ихъ придавалъ имъ характеръ непосредственно полезныхъ для деревни, сельско-хозяйственныхъ или ремесленныхъ, школъ, которыя убѣждали бы крестьянъ, при помощи живого примѣра или показа, въ полной непригодности употребляемыхъ ими примитивныхъ способовъ веденія хозяйства и ремесленныхъ работъ, указывали бы имъ пути и средства для труда осмысленнаго и рациональнаго и всесторонне улучшали бы ихъ жизнь, матеріальную и духовную.

14. Педагогическая, графическая и техническая грамотность мастеровъ-преподавателей.

Главный недостатокъ обученія ремесламъ, наблюдаемый какъ во всѣхъ мастерскихъ, такъ и въ ремесленныхъ школахъ, гдѣ руководящая роль принадлежитъ людямъ, предварительно не получившимъ школьной, общей и специальной, подготовки, заключается въ отсутствіи сознательнаго отношенія учениковъ къ производимымъ работамъ, къ ихъ назначенію, способамъ и условіямъ выполненія. Руководители-мастера или не находятъ нужнымъ, или не умѣютъ объяснять своимъ ученикамъ до выполненія ими извѣстной работы, для чего и какъ она дѣлается, и ученики очень медленно, цѣною весьма значительнаго количества совершенно напрасныхъ ошибокъ, приобрѣтаютъ техническіе навыки, по большей части недостаточно правильные и нерѣдко остающіеся такими на всю жизнь. Второй недостатокъ обученія ремесламъ заключается въ отсутствіи *системы занятій*, удовлетворяющей требованію постепеннаго перехода отъ легкаго къ трудному. Ремесленные мастерскія, а иногда и школы, не всегда руководятся въ исполненіи работъ опредѣленною программю, соответствующею строгой системѣ, и занимаются производствомъ издѣлій, смотря по тому, какіе имѣются заказы, а послѣдніе, по трудности выполненія, рѣдко совпадаютъ съ работами, которыя въ извѣстное время стоятъ на очереди и требуются порядкомъ программы. Наконецъ, третій существенный недостатокъ въ преподаваніи ремеселъ состоитъ въ томъ, что руководители, если и объясняютъ ученикамъ цѣли и способы выполненія назначасмой имъ работы, то *каждому отдѣльно, а не цѣлой группѣ, не всему классу учениковъ*, почему у каждаго изъ нихъ, хотя бы поступившаго въ мастерскую или школу одновременно со многими другими, имѣется своя собственная, не общая съ товарищами, работа. Отсюда — отсутствіе порядка въ занятіяхъ, связанное съ непродуцительною тратою значительнаго количества времени, отсюда — скука и скорое утомленіе учениковъ работою, которую каждый изъ нихъ исполняетъ не только особнякомъ, но и безсознательно, лишь при помощи механическаго подражанія, — исполняетъ „на-угадъ“, „на-авось“, подвигаясь впередъ съ закрытыми умственными очами. Изъ сказаннаго нельзя не сдѣлать вывода, что учителями-практиками въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ должны быть люди, педагогически подготовленные и хорошо понимающіе важное значеніе и условія обученія сознательнаго, систематическаго, по преимуществу массоваго или класснаго.

Второе условіе, которому должны удовлетворять учителя-мастера, руководящіе ремесленными занятіями въ названныхъ сельскихъ училищахъ, представляетъ *графическая грамотность* этихъ лицъ: они должны основательно быть знакомы съ курсомъ средней специальной школы по рисованію и черченію геометрическому, проекціонному и техническому. Мастера-преподаватели должны понимать и быть убѣждены, что каждый ученикъ, проходя программу ремесла, непременно долженъ предварительно заготовить чертежъ работы, какъ бы ни была она проста, несатѣйлива, и уже затѣмъ приступать къ ея выполнению. Этимъ условіемъ гарантируется не только полная сознательность работы, но и успѣхъ ея выполненія, правильность и изящество. Между тѣмъ у насъ, въ большей части ремесленныхъ, особенно низшихъ, школъ на это условіе не обращаютъ серьезнаго вниманія, почему издѣлія, въ нихъ приготовляемая, часто не удовлетворяютъ требованіямъ ни прочности, ни цѣлесообразности, ни изящнаго вкуса.

Наконецъ, не менѣе важнымъ достоинствомъ мастера-преподавателя должна быть признана его техническая *грамотность* или подготовленность: ему слѣдуетъ выступать въ роли учителя лишь послѣ основательной, теоретической и практической подготовки въ области известнаго ремесла и быть не только хорошимъ ремесленникомъ или только мастеромъ своего дѣла, но техникомъ образованнымъ, сознательнымъ, обладающимъ до известной степени способностью къ личному творчеству, къ работѣ художественной. Исполняемая имъ издѣлія должны быть образцовыми, должны правиться ученикамъ, увлекать ихъ и возбуждать у нихъ стремленіе къ достиженію въ работѣ такой же высокой техники, такого же совершенства.

Едва ли наша народная сельская школа въ скоромъ времени увидитъ въ своихъ стѣнахъ столь достаточно подготовленныхъ учителей-практиковъ. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что рано или поздно она ихъ увидитъ, такъ какъ число среднихъ техническихъ и сельско-хозяйственныхъ училищъ, подготовляющихъ контингентъ такихъ учителей, у насъ все же, хотя и не особенно замѣтно, увеличивается. Именно, такія учебныя заведенія, а не гимназіи и не реальныя училища, должны быть открываемы, по нашему убѣжденію, въ уѣздныхъ городахъ земствами и городскими обществами. Надобно надѣяться, что устроители гимназій и реальныхъ училищъ въ упомянутыхъ городахъ наконецъ поймутъ нецѣлесообразность этихъ учебныхъ заведеній для большинства обитателей нашихъ городовъ и селеній, — поймутъ, что гимназіи и реальныя училища доводить до

окончания курса лишь незначительный процент своих учениковъ, что большинство послѣднихъ съ трудомъ доходятъ лишь до четвертаго класса, что изъ этихъ учебныхъ заведеній выходятъ ученики, отвыкшіе отъ простыхъ условій трудовой, городской и сельской жизни, не способные къ обычнымъ практическимъ занятіямъ родной среды и нерѣдко воспитавшіе въ себѣ, подъ вліяніемъ крайней нужды во время обученія въ школѣ, лишь недовольство жизнью и людьми. Школы, открываемыя въ селахъ и выполняющія не только элементарныя, но и болѣе обширныя учебныя программы, школы, подготовляющія не только книжныхъ людей, но и образованныхъ полезныхъ тружениковъ, школы, способныя удовлетворять насущнымъ потребностямъ культурнаго быта, только и могутъ создать дѣйствительно „новую породу людей“, воспитать пионеровъ новой жизни, разумной и трудовой, жизни безбѣдной и безостановочно стремящейся къ всестороннему улучшенію.

15. Общіе выводы.

1. Въ половинѣ текущаго 1906 г. министерство народнаго просвѣщенія издало *проектъ всеобщаго обученія*. Такъ какъ осуществленіе проекта поставлено въ зависимость отъ инициативы общественныхъ и частныхъ учрежденій, то очень желательно, чтобы они приняли этотъ проектъ къ руководству и немедленно приступили ко введенію, по предлагаемому плану, народнаго школьнаго обученія во всѣхъ мѣстахъ Имперіи.

2. Современная начальная народная школа даетъ своимъ ученикамъ *очень небольшія, при томъ отвлеченныя и мало полезныя знанія*. Наибольшая практическая цѣнность принадлежитъ сообщаемому теперешней школою ученикамъ ея умѣнью читать и писать.

3. Тогда какъ крестьяне желаютъ имѣть у себя такую начальную школу, которая учила бы дѣтой ихъ не только грамотѣ и счету, но и сельско-хозяйственнымъ или ремесленнымъ знаніямъ и умѣньямъ, многія наши общественныя учрежденія и органы повременной печати стоятъ за общеобразовательный характеръ начальной школы, за сообщеніе ею знаній не спеціальныхъ и прикладныхъ, а общеобразовательныхъ и гуманитарныхъ.

4. Учебный курсъ начальной школы долженъ быть обновленъ широкимъ введеніемъ въ обученіе *великаго принципа наглядности*, а въ программу школы такихъ дисциплинъ, каковы—*предметные уроки*,

рисованіе и ручной трудъ. Специальную, сельско-хозяйственную или ремесленную, подготовку должны давать ученикамъ начальной школы дополнительные при ней классы и отдѣленія, профессиональныя школы и мастерскія.

5. Курсъ обученія въ новой одноклассной начальной школѣ долженъ быть *четырёхлѣтній* при двохъ учащихъ лицахъ и при двухъ ученическихъ отдѣленіяхъ.

6. Однимъ изъ первыхъ показателей нагляднаго обученія въ начальной школѣ должны служить *предметные уроки*, на которыхъ ученики, пользуясь по возможности внѣшними чувствами, особенно же зрѣніемъ, осязаніемъ и слухомъ, изучаютъ, подъ руководствомъ учителя, въ формѣ бесѣдъ, предметы органическіе и неорганическіе, а также производятъ элементарныя физическіе и химическіе опыты. Предметные уроки составляютъ пропедевтику естественной исторіи.

7. *Уроки класснаго чтенія и соответствующая книга*, развивая дѣтей въ нравственно-религіозномъ, умственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ, въ то же время должны обучать ихъ, дѣтей, родному литературному языку, а также давать достаточный запасъ элементарныхъ знаній по географіи, исторіи и естествознанію, въ живомъ примѣненіи послѣдняго къ сельско-хозяйственнымъ условіямъ и потребностямъ.

8. Въ цѣляхъ ознакомленія старшихъ учениковъ начальной школы и взрослыхъ крестьянъ съ улучшенными способами сельскаго хозяйства и съ технологіей ремеслъ было бы очень полезно введеніе въ *начальныя школы демонстративныхъ чтеній популярныя книжечки* по названымъ предметамъ.

9. Въ ряду предметовъ преподаванія въ новой школѣ на видное мѣсто должно быть поставлено *рисованіе*, какъ по общеобразовательному, такъ и прикладному его значенію. При классномъ преподаваніи этого предмета слѣдуетъ отдавать рѣшительное предпочтеніе *рисованію по памяти, по впечатлѣніямъ и съ натуры* передъ схоластичкой геометрическаго рисованія и предъ исключительнымъ пользованіемъ таблицами.

10. *Ручной трудъ* также долженъ быть введенъ въ число *обязательныхъ* предметовъ преподаванія въ начальной школѣ, не только по несомнѣнной общеобразовательной его важности, но и какъ единственно возможный для начальной школы и при томъ твердый фундаментъ, на которомъ лишь и можетъ быть твердо поставлено и успѣшно развиваться основательное ремесленное образованіе.

11. Въ учебный курсъ начальной школы очень замѣтной стихіей должно входить *естествознаніе*, какъ элементарный и эпизодическій курсъ основныхъ и главнѣйшихъ свѣдѣній объ окружающей природѣ.

12. Вопросъ о возможности введенія въ курсъ начальной школы *основъ естествознанія* и нѣкоторыхъ *жизненно-прикладныхъ свѣдѣній* въ Западной Европѣ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. У насъ для указанной цѣли было бы очень полезно открывать при начальныхъ школахъ *особые дополнительные классы*, сельско-хозяйственные или ремесленные.

13. Введеніе специального жизненно-прикладного обученія не встрѣтитъ сложныхъ затрудненій по отношенію ко вторымъ классамъ нашихъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Эти классы, имѣя трехлѣтній курсъ, должны находиться подъ руководствомъ особыхъ, специально подготовленныхъ, учителей, которые были бы въ состояніи вести съ учениками второго класса хозяйственные или ремесленные занятія, а также подготовлены были къ преподаванію и такихъ предметовъ, каковы—арифметика и геометрія, рисованіе, черченіе и знанія естественно-научныя.

14. Учителя, приглашаемые руководить ремесленными занятіями учениковъ второго класса сельскихъ училищъ, должны быть не только опытные практики, но и достаточно подготовленные теоретики, твердо усвоившіе себѣ *грамотность техническую, графическую и педагогическую*.

А. Анастасіевъ.

КОРОЛЕВСКАЯ ЗЕМСКАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ ВИСБАДЕНЬ.

Ученые и книги, школа и библиотека состоятъ между собою въ органической связи и обыкновенно развиваются параллельно. Знаменитые ревнители книжнаго ученья были и усердными собирателями книжныхъ сокровищъ. Таковы были у насъ, на примѣръ, Ярославль Мудрый, князь Константинъ Острожскій, Петръ Великій.

Еще не такъ давно существовавшія въ Россійской имперіи публичныя бібліотеки занимали мѣсто въ системѣ учреждений министерства народнаго просвѣщенія, и это министерство хлопотало объ открытіи и лучшемъ устройствѣ бібліотекъ, издавало книги, заботилось объ ихъ распространеніи, вело періодическую отчетность о бібліотекахъ, пополугодно докладывало Государю о всѣхъ замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ и ученыхъ трудахъ ¹⁾ и пр. и пр.

Въ настоящее время въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія находятся лишь три публичныя бібліотеки: Императорская публичная бібліотека въ С.-Петербургѣ, публичная бібліотека при Императорскомъ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ и публичная бібліотека въ Вильгѣ. По первымъ двѣ бібліотеки не приспособлены къ общественному пользованію (на примѣръ, не отпускаютъ книгъ для занятія на дому), такъ что въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія состоитъ собственно только одно единственное учрежденіе съ характеромъ общественной бібліотеки. Вообще же общественныя публичныя бібліотеки существуютъ теперь вполне изолированно отъ вѣдомства, въ которомъ сосредоточено завѣдываніе образовательными учрежденіями ²⁾.

¹⁾ Сборн. постанов. по министерству народнаго просвѣщенія, т. III.

²⁾ Мы не считаемъ школьныхъ бібліотекъ, открытыхъ для публики, такъ какъ эти учрежденія имѣютъ въ виду прежде всего потребности учебныхъ заведеній и только послѣ того — публики.

Разъединеніе между школой и библиотекой совершилось постепенно. Начало такому порядку вещей было положено закономъ 12-го іюля 1867 г., по которому общественныя публичныя библиотеки изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія переходили въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Этимъ закономъ несомнѣнно устанавливалась новая точка зрѣнія на библиотеки, какъ на такія учрежденія, въ развитіи которыхъ министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ прямыхъ интересовъ. Справедливость требуетъ однако же сказать, что законъ 12-го іюля 1867 г. не разрывалъ совсѣмъ связи между школой и библиотекой, а оставлялъ между ними связующее звено въ лицѣ директоровъ гимназій и штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, которые, въ силу того же закона, должны состоять непремѣнными членами комитетовъ, управляющихъ библиотеками, по принадлежности. Довершила разъединеніе сама жизнь. Потому ли, что библиотеки не видѣли пользы въ содѣйствіи указанныхъ агентовъ министерства народнаго просвѣщенія, или потому что сами агенты не обнаруживали тяготѣнія къ библиотечкамъ, вышеприведенный законъ, одинаково игнорируемый обѣими сторонами, скоро превратился въ мертвую букву въ части его, относящейся до представительства министерства народнаго просвѣщенія въ комитетахъ библиотекъ. Съ теченіемъ времени законъ былъ такъ основательно забытъ, что безпрепятственно получали утвержденіе уставы общественнымъ библиотекъ, совершенно устраняющіе представительство министерства народнаго просвѣщенія въ управленіи библиотекъ. Такъ по правиламъ Череповцкой городской общественной библиотеки, управленіе библиотекой ввѣряется завѣдующему библиотекой и библиотечной комиссіи изъ трехъ лицъ. Какъ завѣдующій, такъ и члены комиссіи избираются городской думою (§§ 2 и 3). Выборъ книгъ и повременныхъ изданій для выиски въ библиотеку производится завѣдующимъ по соглашенію съ библиотечной комиссіей, при чемъ принимаются во вниманіе и рекомендаціи подписчиковъ (§ 6). Даже такой опытный юристъ, какъ сенаторъ Плеве (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ), 5-го апрѣля 1889 г. утвердилъ для Чердынской земской общественной библиотеки уставъ, по которому представительство министерства народнаго просвѣщенія въ управленіи библиотекой поставлено въ зависимость отъ признанія земскою управою мѣстныхъ агентовъ министерства достаточно для этого компетентными, при чемъ лица учебнаго вѣдомства допущены лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса. § 6 этого устава буквально гласитъ слѣдующее: „При разрѣшеніи

вопросовъ, касающихся составленія каталоговъ, выписки книгъ, журналовъ и газетъ, земская управа (по § 4 имѣющая главное наблюдение за библиотекой) приглашаетъ въ свои засѣданія интеллигентныхъ лицъ, изъ мѣстныхъ дѣятелей, которые и присутствуютъ въ тѣхъ засѣданіяхъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Таковы, напримѣръ, инспекторъ народныхъ училищъ и городского 4-класснаго училища, учителя городскихъ и сельскихъ народныхъ училищъ, врачи и пр.¹⁾

Намъ кажется, что именно благодаря изолированности публичныхъ библиотекъ отъ вѣдомства образовательныхъ учреждений, библиотеки эти приняли характеръ, обыкновенно далекій отъ просвѣтительныхъ цѣлей. Присматриваясь къ составу нашихъ провинціальныхъ библиотекъ, мы видимъ, что наибольшая часть ихъ средствъ употребляется на пріобрѣтеніе такихъ періодическихъ изданій, значеніе которыхъ исчерпывается даннымъ моментомъ, которыя даже по этой причинѣ и не сохраняются библиотеками, значительнѣйшая же часть основнаго инвентаря библиотекъ состоитъ изъ оригинальныхъ и переводныхъ романовъ сомнительнаго достоинства. Очевидно, что образовательныя цѣли здѣсь далеко не на первомъ планѣ. И объ этомъ нельзя не пожалѣть. Благодаря тому, что въ нашихъ провинціальныхъ (не университетскихъ) городахъ серьезную книгу почти нельзя достать, молодежь, отправляющаяся по окончаніи курса въ провинцію, считается у насъ погибшей для науки. И безъ того до нельзя слабые научные интересы, не находя поддержки и питанія въ серьезномъ чтеніи, падаютъ все ниже и ниже.

Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что устраненію начальниковъ учебныхъ заведеній отъ участія въ завѣдываніи общественными библиотеками не осталось безъ печальнаго вліянія и на ходъ воспитательнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. *Noblesse oblige*. Начальники учебныхъ заведеній, привлекаемые въ качествѣ экспертовъ къ участію въ вопросахъ о пополненіи библиотекъ, поневолѣ вовлекались въ сферу литературныхъ интересовъ и держались *au courant* явленій литературной жизни. Это открывало имъ путь и болѣе разносторонняго и дѣятельнаго вліянія на воспитывающееся юношество и несомнѣнно предохраняло отъ крайностей педантизма.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя не желать, чтобы антилогичное и антипедагогическое разьединеніе школы и библиотеки усту-

¹⁾ *Пруцкинь*, Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. С.-Пб. 1898 г.

пало мѣсто естественному порядку вещей, соотвѣтствующему общей природѣ обоихъ учрежденій, нельзя не питать надежды, что возстановленіе живыхъ связей библиотечнаго дѣла съ дѣломъ образовательнымъ не заставитъ себя долго ждать. А потому не излишнимъ представляется навести справку о томъ, какъ въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ въ странахъ, опередившихъ насъ на пути образованія.

Случай доставилъ намъ возможность ознакомиться съ одной изъ типичныхъ публичныхъ библиотекъ въ Германіи. Это такъ называемая королевская земская библиотека въ Висбаденѣ.

Надо замѣтить, что названіе это не совсѣмъ точно. Библиотека именуется королевской лишь потому, что она основана правительствомъ, содержится же она всецѣло на счетъ г. Висбадена. Названіе земской библиотеки носитъ потому, что районъ, ею обслуживаемый, не ограничивается только городомъ, а, какъ увидимъ изъ послѣдующаго, распространяется на всю страну.

Библиотека имѣетъ цѣлю, какъ значится въ ея правилахъ, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 8-го января 1896 г., содѣйствовать научнымъ работамъ и стремленію къ серьезному образованію. Книги, назначаемыя для легкаго чтенія, и изданія, имѣющія интересъ минуты, изъ обращенія въ библиотекъ исключаются.

Благодѣянія, оказываемыя библиотекою всѣмъ, ищущимъ образованія и дѣятелямъ науки, не исчислимы.

Во-первыхъ, къ обязанностямъ лицъ, завѣдующихъ библиотекою, относится не только выдача и обратный пріемъ книгъ, но также сообщеніе абонентамъ нужныхъ имъ по предмету занятій библиографическихъ и литературныхъ свѣдѣній и всякаго рода справокъ. И обязанности эти исполняются съ истинною нѣмецкою добросовѣстностію. Такъ наиримѣръ, когда я спросилъ финансовыя смѣты г. Висбадена на текущій годъ, то библиотечаръ, выдавая ихъ, любезно предложилъ свои услуги для отысканія нужныхъ мнѣ статей, что избавляло меня отъ цѣлыхъ часовъ излишней работы, такъ какъ смѣты эти представляютъ нѣсколько громадныхъ томовъ съ множествомъ рубрикъ, среди которыхъ оріентироваться непривычному человѣку крайне затруднительно.

Во-вторыхъ, въ библиотекѣ можно спрашивать не только тѣ книги, которыми она обладаетъ сама, но всякія вообще изданія, обращающіяся въ земскихъ библиотекахъ Пруссіи, такъ какъ всѣ эти библиотеки связаны взаимною солидарностію и непрерывно обмѣниваются между собою книгами. Такимъ образомъ къ услугамъ абонента би-

библиотеки предоставляется громадный книжный инвентарь, въ своей совокупности едва ли не исчерпывающій всю современную нѣмецкую литературу и содержащій также все достойное вниманія изъ всѣхъ литературъ образованнаго міра. О колоссальности этого книжнаго богатства можно судить потому, что, напримѣръ, Висбаденская библиотека считала въ 1904—1905 гг. 136.000 томовъ, а всѣ 180 библиотекъ Пруссіи 1.478.415 т. и 190.000 рукописей.

Библиотека открыта для всѣхъ взрослыхъ лицъ—не только гражданъ г. Висбадена, но обитателей всей страны (независимо отъ подданства). Изъ круга абонентовъ исключаются только дѣти. Однако же, по рекомендаціи учебнаго начальства, къ пользованію библиотекой допускаются и ученики старшихъ классовъ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Библиотека не только не взимаетъ платы за чтеніе книгъ какъ въ самой библиотекѣ, такъ и на дому, но не беретъ и денежныхъ залоговъ. Достаточнымъ обезпеченіемъ библиотеки отъ возможныхъ убытковъ признается общественное положеніе абонента, а когда это положеніе неизвѣстно управленію библиотеки, то ручательство лицъ, которымъ управленіе довѣряетъ. Состояніе на государственной службѣ признается во всякомъ случаѣ обстоятельствомъ, не допускающимъ сомнѣній въ благонадежности подписчика.

Порядокъ полученія книгъ абонентами отличается крайнею простотою, отсутствіемъ отяготительныхъ формальностей и заботливымъ вниманіемъ къ удобствамъ кліентовъ.

Что касается, прежде всего, чтенія въ самой библиотекѣ, то лицамъ, являющимся сюда съ этой цѣлю, предлагается вносить свое имя и адресъ въ выложенную для этого книгу. Если эти лица желаютъ пользоваться тѣми изданіями, которыя помѣщаются въ читальныхъ комнатахъ, то никакихъ дальнѣйшихъ формальностей не требуется. Не спрашивая никакого дозволенія, каждый самъ борется изъ витринъ читальныхъ комнатъ все, что ему нужно, и только обязанъ, по минованіи надобности, взятую книгу или брошюру возвратитъ на свое мѣсто. Въ распоряженіи читателя имѣется такимъ образомъ нѣсколько сотъ послѣднихъ №№ періодическихъ изданій текущаго года по всякимъ специальностямъ и также нѣсколько сотъ томовъ разнаго рода справочныхъ изданій и капитальнѣйшихъ трудовъ по всѣмъ отдѣламъ знаній. Кромѣ того, на столахъ читальныхъ залъ выкладываются всѣ вновь поступающія въ библиотеку книги на двѣ недѣли. Можно заявлять свою кандидатуру для полученія ожидаемыхъ

къ поступленію книгъ заблаговременно. Можно также просить бібліотеку о приобрѣтеніи книгъ, которыми она не обладаетъ. Если прибавить къ этому, что бібліотека открыта ежедневно, кромѣ только воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 ч. утра до 8 ч. вечера, съ двухчасовымъ перерывомъ (1—3 ч.) для обѣда, и двухъ недѣль въ году (около Троицы и въ концѣ сентября) для чистки, то нельзя не признать, что лицо, желающее быть au courant литературныхъ новостей по своей специальности, совершенно удобно достигаетъ этого благодаря услугамъ бібліотеки. Можно спрашивать въ читальныхъ залахъ и всякія другія изданія, находящіяся въ бібліотекѣ, съ соблюденіемъ общихъ правилъ, установленныхъ для выдачи книгъ изъ бібліотеки. Выданная изъ бібліотеки книга состоитъ въ пользованіи абонента въ теченіе мѣсяца, но если онъ три дня подрядъ не явился для чтенія, то право дальнѣйшаго удержанія книги теряется. Въ видѣ исключенія изъ общаго правила, въ уважительныхъ случаяхъ, директоръ бібліотеки можетъ разрѣшить заниматься въ самыхъ книгохранилищахъ бібліотеки. Здѣсь читатель также самъ беретъ то, что ему нужно, но не имѣетъ права ставить книгу обратно, а долженъ выложить ее на близъ стоящій столъ.

Нѣсколько сложнѣе порядокъ полученія книгъ для чтенія на дому. Требованія на книги пишутся на особыхъ бланкахъ, которые можно получать въ бібліотекѣ бесплатно или покупать въ магазинахъ за ничтожную цѣну (10 пфениговъ или около $4\frac{3}{4}$ к. за 25 штукъ). Требованія вручаются бібліотекарю, посылаются почтою или же опускаются въ особые ящики, устроенные для того на наружной стѣнѣ зданія бібліотеки, при входѣ въ него. Кромѣ того отъ служащихъ въ королевскомъ окружномъ управленіи (по нашему, въ губернскомъ правленіи), судебныхъ учрежденій и среднихъ учебныхъ заведеній требованія эти принимаются въ канцеляріяхъ этихъ учрежденій. Требованія, поступившія до 9 часовъ утра, удовлетворяются въ тотъ же день, съ открытіемъ бібліотеки. Заявляемая послѣ этого срока лично бібліотекарямъ по возможности также удовлетворяются безъ замедленія.

Требовательный бланкъ при выдачѣ книгъ штемпелюется бібліотекаремъ и служитъ затѣмъ пріемнымъ документомъ для абонента. Если потребованная книга находится въ чтеніи, подписчикъ получаетъ бланкъ съ штемпелемъ 0. Въ этомъ случаѣ отъ читателя зависитъ записаться кандидатомъ на полученіе книги. Если требуемой книги вовсе нѣтъ въ бібліотекѣ, то на бланкъ ставится штемпель 00

и, по обстоятельствамъ, другой штампель съ одной изъ слѣдующихъ надписей: „будетъ доставлено“, „разыскивается у антикваріевъ“, „заказана для просмотра“.

Затребованная книга остается за читателемъ въ теченіе трехъ дней и за тѣмъ возвращается въ библіотеку, если читатель не воспользовался въ этотъ срокъ своимъ правомъ.

Получившій книгу имѣетъ право удерживать ее въ теченіе мѣсяца. По истеченіи этого времени, ему посылается письменное предложеніе о сдачѣ книги. Если предложеніе это въ теченіе трехъ дней не исполнено, управленіе библіотеки посылаетъ поделю для истребованія книги, которому абонентъ обязанъ уплатить 30 пфениговъ (около 14 к.). Если и эта мѣра осталась безъ результата, то управленіе возбуждаетъ дѣло объ отобраніи книги полицейскимъ или судебнымъ порядкомъ. Лицо, допустившее дѣло до полицейскаго или судебного виѣшательства, тѣмъ самымъ лишаетъ себя права на дальнѣйшія услуги библіотеки.

Само собою разумѣется, что для лицъ, проживающихъ внѣ гор. Висбадена, пользование книгами библіотеки обставлено болѣе сложными формальностями. Желаящій абонироваться подаетъ объ этомъ прошеніе. Къ прошенію прилагаются и требовательные листки, подписанные абонентомъ. На каждую книгу посылается отдѣльный листокъ. Получивъ затребованныя книги, абонентъ съ первой отходящей почтой высылаетъ библіотекѣ расписку въ ихъ полученіи. Для лицъ, проживающихъ внѣ Висбаденскаго правительственнаго округа (губерніи), процедура полученія усложняется еще представленіемъ доказательствъ удостовѣреній въ томъ, что требуемыхъ абонентомъ книгъ не имѣется въ мѣстной провинціальной или земской библіотекѣ. Книги пересылаются во всѣхъ случаяхъ цѣнными посылками на рискъ и счетъ абонента. Книги, чаще спрашиваемыя мѣстными жителями, не высылаются въ другія мѣстности. Рукописи и очень цѣнныя изданія высылаются только публичнымъ библіотекамъ и для пользованія въ извѣстныхъ помѣщеніяхъ. Срокъ, на который книги высылаются, опредѣляется управленіемъ библіотеки, но онъ не можетъ быть болѣе двухъ мѣсяцевъ. Можно заблаговременно просить о продленіи назначеннаго срока, и эти просьбы удовлетворяются, если не имѣется въ виду другихъ требованій на книгу. Съ истеченіемъ срока управленіе библіотекой посылаетъ абоненту почтой приглашеніе сдать книгу, и, въ случаѣ надобности, по истеченіи трехъ дней другое предложеніе, которое оплачивается получателемъ 50 пфенигами (около 23½ к.).

На книгодержателѣ лежитъ вообще обязанность на всѣ письма управленія библіотеки отвѣчать съ первой почтой.

Въ теченіе 1902—1903 года Висбаденская библіотека выдала для чтенія 17.272 тома 1.470 читателямъ, изъ коихъ дамъ было 256. Въ числѣ абонентовъ библіотеки было 158 чиновниковъ, 139 врачей, 119 купцовъ и фабрикантовъ, 109 офицеровъ, 82 студента, 74 народныхъ учителей, 8 учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Другимъ земскимъ библіотекамъ выслано было 56 томовъ, и изъ Берлинской земской библіотеки для висбаденскихъ читателей было выписано 416 томовъ. Приобрѣтено было библіотекою вновь 3.015 томовъ. Изъ нихъ 1.074 были куплены, 437 подарены, остальные же изданія доставлены бесплатно на основаніи существующихъ постановленій.

Личный составъ служащихъ библіотеки состоитъ изъ директора, 3 библіотекарей, 4 помощниковъ, секретаря, педея и писца.

На содержаніе библіотеки въ 1906 г. по смѣтѣ гор. Висбадена назначено всего 43.520 марокъ. Въ томъ числѣ:

директору библіотеки	6.460 мар.
2 библіотекарямъ по 5.460 мар.	10.920 "
1 библіотекарю	4.560 "
на помощниковъ	2.100 "
бухгалтеру	400 "
на прислугу	1.450 "
	<hr/>
	25.890 мар.
на приобрѣтеніе книгъ	13.130 мар.
содержаніе дома и сада	950 "
освѣщеніе	800 "
отопленіе	630 "
на прочіе расходы	2.130 "
	<hr/>
	17.630 мар.

Оклады содержанія директора и библіотекарей даютъ возможность замѣщать эти должности лицами не только академически образованными, но не рѣдко и съ именемъ въ наукѣ. Это тѣмъ легче, что, благодаря отсутствію читателей для развлеченія, трудъ управленія библіотекой не отличается физическою обременительностію и, благодаря распредѣленію занятій по специальностямъ, представляетъ даже нѣкоторый научный интересъ. Учрежденіе помощниковъ библіотекарей,

которыя въ настоящее время въ Висбаденской библіотекѣ 4, создаютъ родъ школы, въ которой воспитываются библіофилы.

Три черты представляются характеристичными для прусскихъ земскихъ библіотекъ: серьезный научный характеръ состава библіотекъ; колоссальность предоставляемаго благодаря солидарности дѣйствій этихъ библіотекъ въ распоряженіе читателя книжнаго матеріала; удобство пользованія этимъ матеріаломъ внѣ зависимости отъ мѣста жительства и матеріальныхъ средствъ читателя. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что при такой организаціи прусскія библіотеки являются чрезвычайно важнымъ орудіемъ поддержанія въ населеніи научныхъ интересовъ и успѣшности ученыхъ изысканій и, слѣдовательно, весьма серьезнымъ факторомъ народнаго просвѣщенія. Спрашивается, что препятствовало бы примѣненію подобнаго рода системы у насъ? Изъ исторіи мы знаемъ, что, напримѣръ, еще въ XVII столѣтіи у насъ практиковался въ весьма широкой степени обмѣнъ книжными сокровищами между монастырями и соборами, при чемъ книги и рукописи цѣлыми партіями переходили изъ одного книгохранилища въ другое.

Вл. Фармацевскій.

АНГЛИЙСКИЙ БИЛЛЬ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ 1906 ГОДА.

Въ 1906 году главнымъ вопросомъ внутренней политики въ Англии былъ билль по народному образованию, выработанный нынѣшнимъ либеральнымъ правительствомъ и представленный въ палату общинъ въ апрѣлѣ 1906 г. Полемика за и противъ него велась въ продолженіе всего года. Чтобы понять огромный интересъ, сосредоточившійся на этомъ биллѣ, надо знать исторію народнаго образованія въ Англии за послѣднія тридцать пять лѣтъ.

Первоначально народное образованіе въ Англии было въ рукахъ духовенства. Правительство ничего не тратило на народное образованіе и не вмѣшивалось въ дѣло народнаго образованія. Впервые въ 1834 г., по настоянію королевы Викторіи, правительство назначило школамъ небольшую субсидію. Однако съ теченіемъ времени церковныя школы оказались не въ состояніи удовлетворять возрастающей въ народѣ потребности въ начальномъ образованіи, и въ 1870 г. былъ изданъ законъ объ элементарномъ образованіи (оно было сдѣлано обязательнымъ), который вызвалъ къ жизни новый видъ школъ, получившихъ названіе совѣтскихъ школъ (Board schools), такъ какъ ихъ открывали и ими завѣдывали училищные совѣты, избираемые мѣстными плательщиками податей. Эти школы должны были содержаться на общественныя средства, и училищному совѣту было предоставлено право облагать мѣстныхъ жителей податями соотвѣтственно нарастающей потребности въ школахъ. Кромѣ того онѣ пользовались и правительственными пособиями, особенно въ бѣдныхъ мѣстностяхъ. Такъ какъ школьныя подати взымались со всѣхъ жителей, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія, то въ совѣтскихъ школахъ было исключено догматическое преподаваніе Закона Божія и взамѣнъ введено простое обученіе Библии (такъ называемая Соммер-Темпльская система). Эти уроки должны были даваться въ часы школьныхъ занятій, но родителямъ предоставлялось

право освобождать дѣтей отъ уроковъ Закона Божія. Учителя школъ не подвергались испытанію въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Эти школы получили поэтому также названіе *Undenominational schools* (неконфессіональныя школы).

Въ то же время за конфессіональными школами, *Denominational schools*, были сохранены ихъ особенности: догматическое преподаваніе Закона Божія, контроль духовенства и выборъ ими учителей. Правительство брало на себя только часть расходовъ по содержанію этихъ школъ, остальное онѣ должны были добывать посредствомъ добровольныхъ сборовъ (отсюда ихъ названіе *Voluntary schools*). *Board schools* приобрѣли симпатіи родителей, и число ихъ такъ быстро возрасло, что въ 1895 г. въ нихъ обучалось столько же дѣтей, какъ и въ *Voluntary schools*. Благодаря этому, изысканіе средствъ на содержаніе послѣднихъ становилось все труднѣе и труднѣе, такъ какъ приходилось собирать добровольныя пожертвованія съ лицъ, обложеніе которыхъ школьными податями все возрастало ¹⁾. Правительство неоднократно приходило къ нимъ на помощь. Въ 1897 г. Бальфуръ провелъ законъ о дополнительномъ вспоможеніи для *Voluntary schools* по пяти шиллинговъ на каждого ученика, которое на время удовлетворило ихъ наиболѣе насущныя потребности. Между тѣмъ не только росла потребность въ школахъ, но къ нимъ начали предъявлять болышія требованія относительно обученія и гигиены. *Voluntary schools* снова оказались не въ силахъ удовлетворить этимъ требованіямъ, и положеніе ихъ стало критическимъ. Бальфуръ снова пришелъ имъ на помощь; но такъ какъ въ 1902 г. казна была истощена бурской войной, то оказалось невозможнымъ дать имъ новое пособіе изъ казначейства и оставалось только возложить содержаніе ихъ на общественныя средства, что и сдѣлалъ проведенный Бальфуромъ законъ 1902 года.

Этотъ законъ нарушилъ два главныхъ принципа закона 1870 года, а именно: 1) пособіе изъ общественныхъ суммъ дается только школамъ, находящимся подъ контролемъ общества, 2) въ школахъ содержимыхъ на общественныя суммы, не можетъ быть догматическаго преподаванія Закона Божія и, слѣдовательно, вѣроисповѣднаго испытанія учителей.

Это нарушеніе основныхъ принциповъ закона 1870 года вызвало сильную оппозицію, въ значительной степени способствовало паденію министерства и было могущественнымъ факторомъ въ результатахъ по-

¹⁾ Къ тому же съ 1891 г. обученіе сдѣлалось бесплатнымъ.

слѣдовавшихъ затѣмъ выборовъ. Новое министерство взяло на себя нравственное обязательство защитить поправные закономъ 1902 года интересы, въ результатъ чего и явился новый билль по народному образованію.

Новый билль по народному образованію мало касается вопросовъ образованія и гигиены, а тѣ, которые въ немъ затронуты, не вызвали ни интереса, ни оппозиціи. Весь интересъ сосредоточился на религіозномъ вопросѣ; въ этомъ отношеніи главныя мѣры, проводимыя биллемъ, сводятся къ слѣдующему:

1) Совершенно уничтожается двойная система совѣтскихъ и церковныхъ школъ, или, какъ онѣ назывались съ 1902 года, *Provided and Unprovided*.

2) Съ января 1908 г. только школы, переходившія въ вѣдѣніе мѣстнаго управленія и ставшія слѣдовательно *Provided schools*, будутъ пользоваться правительственными и общественными пособіями.

3) Мѣстное управленіе входитъ въ соглашеніе съ попечителями церковной школы о срокѣ ея передачи.

4) Если соглашеніе не достигнуто, дѣло рѣшается Королевской комиссіей изъ трехъ членовъ.

5) Директора и учителя школъ находятся подъ руководствомъ и контролемъ мѣстнаго управленія.

6) Для всеобщаго удовлетворенія потребности въ религіозномъ образованіи вводится преподаваніе Закона Божія по *Cowper-Temple's* системѣ (простое обученіе Библии безъ преподаванія катехизиса какого бы то ни было вѣроисповѣданія) ¹⁾.

7) Родители не обязаны посылать своихъ дѣтей на уроки Закона Божія, но мѣстное управленіе должно озаботиться занятіемъ этихъ дѣтей свѣтскими науками въ часы Закона Божія.

8) Если родители бывшей церковной школы пожелаютъ, чтобы въ ней преподавалась догматика, то мѣстный совѣтъ можетъ дать этой школѣ „облегченія“ (*facilities*), заключающіяся въ назначеніи для этой цѣли двухъ часовъ въ недѣлю, однако во внѣшкольное время. Эти уроки не оплачиваются изъ общественныхъ суммъ.

9) Школьный учитель не имѣетъ права брать на себя эти уроки Закона Божія.

10) Учителя не подвергаются испытанію по исповѣданію религіи.

11) Въ городскихъ общинахъ (въ мѣстностяхъ, имѣющихъ не

¹⁾ Мѣстному управленію предоставлено право отиѣнять уроки Закона Божія.

менѣе 5.000 жителей) бывшимъ церковнымъ школамъ могутъ быть даны мѣстнымъ управленіемъ „расширенныя облегченія“, заключающіяся въ правѣ вести догматическое преподаваніе Закона Божія ежедневно, при условіи, чтобы о такомъ ходатайствовало не менѣе $\frac{4}{5}$ родителей и чтобы въ томъ же районѣ существовала школа, которая могла бы принять остальныхъ учениковъ, родители которыхъ находятъ преподаваніе катехизиса нежелательнымъ. Въ школахъ, получившихъ расширенныя облегченія, уничтожается преподаваніе Закона Божія по Cowper-Temple'ской системѣ, и ея учитель имѣетъ право взять на себя, съ разрѣшенія мѣстнаго управленія, уроки догматики. Эти уроки не оплачиваются изъ общественныхъ суммъ ¹⁾.

12) Правительство назначаетъ 1.000.000 фунтовъ въ помощь мѣстнымъ управленіямъ для платы за наемъ помѣщеній бывшихъ церковныхъ школъ.

Новый билль вполне соответствовалъ желаніямъ нонконформистовъ, которые если и высказывались противъ „облегченій“, то только въ виду того, что уступки обыкновенно не только не удовлетворяютъ противниковъ, а увеличиваютъ ихъ требовательность. Такъ оно въ дѣйствительности и оказалось. Англикане и католики сочли себя въ такой же степени обиженными этимъ биллемъ, въ какой нонконформисты закономъ 1902 года. Они утверждаютъ, что онъ нарушаетъ принципы равенства вѣроисповѣданій, такъ какъ покровительствуетъ вѣроисповѣданію нонконформистовъ, и споръ свелся къ тому, слѣдуетъ ли преподаваніе Закона Божія по Cowper-Temple'ской системѣ отнести къ вѣроисповѣдиому преподаванію или нѣтъ? Англикане и католики утверждаютъ, что оно выражаетъ собою вѣроисповѣданіе нонконформистовъ; нонконформисты это отрицаютъ и утверждаютъ, что оно лишено всякаго вѣроисповѣднаго характера и есть только преподаваніе основъ нравственности, заключенныхъ въ Библии. Но и въ такомъ случаѣ англиканское и особенно католическое духовенство считаетъ его для себя неприемлемымъ и покровительство ему нарушеніемъ свободы совѣсти. Неприемлемымъ потому, что согласно ихъ вѣрѣ Библия не есть простой учебникъ нравственности; она есть священная книга, толкованіе которой не можетъ быть поручено свѣтскимъ лицамъ, освобожденнымъ отъ испытанія ихъ религіозныхъ взглядовъ, которые, можетъ быть, будутъ учить тому, чему сами не вѣрятъ.

Нельзя не признать справедливости этихъ жалобъ, и нѣкоторые

¹⁾ Этотъ параграфъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ католическія и еврейскія школы.

англичане видятъ единственный исходъ изъ этого конфликта въ томъ, чтобы изъять изъ школъ преподаваніе Закона Божія, предоставивъ религиозное образованіе дѣтей родителямъ и духовенству. Но огромное большинство возстаетъ противъ такого рѣшенія вопроса, предвидя, что въ такомъ случаѣ большинство дѣтей рабочаго класса будутъ расти безъ всякаго религіознаго образованія, и находя это весьма вреднымъ для націи. Законъ 1870 года предоставилъ право мѣстнымъ училищнымъ совѣтамъ исключать изъ программы состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи школъ преподаваніе Закона Божія. Однако этимъ правомъ воспользовались только 7 школъ въ Англии и 50 въ Валлисѣ (послѣдняя крупная цифра объясняется тѣмъ, что въ Валлисѣ прекрасно поставлены воскресныя школы нонконформистовъ, поэтому валлійскіе конформисты считаютъ излишнимъ преподаваніе Библии въ школѣ).

Жалоба англиканскаго и католическаго духовенства на то, что новый билль возлагаетъ на нихъ плату за догматическое преподаваніе религіи, мало основательна, потому что завѣдующіе церковной школой получаютъ послѣ перехода оя въ вѣдѣніе мѣстнаго управленія плату за наемъ школьнаго помѣщенія, которымъ въ то же время они могутъ пользоваться для своихъ цѣлей по вечерамъ и по праздникамъ. Болѣе основательна ихъ жалоба на то, что разрѣшеніе вѣронсповѣднаго преподаванія зависитъ отъ произвола мѣстнаго управленія, которое при существованіи всѣхъ выше указанныхъ условій можетъ тѣмъ же не дать расширенныхъ облегченій.

Какъ и слѣдовало ожидать, билль, въ которомъ были удовлетворены желанія избирателей нынѣшняго парламента, былъ принятъ палатою общинъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Но въ палатѣ лордовъ, въ которой засѣдаютъ высшее англиканское духовенство, лорды-католики, бывшіе министры и лѣтъ ни одного представителя нонконформистовъ, онъ встрѣтилъ враждебное отношеніе. Предложенныя палатою лордовъ и принятыя ею измѣненія билля совершенно извратили его первоначальный характеръ, и въ такомъ видѣ онъ, конечно, не могъ быть принятъ палатою общинъ, которая и отвергла его небывалымъ большинствомъ голосовъ. Сомнительно, чтобы въ теченіе 1907 года былъ выработанъ и принятъ новый билль по народному образованію; по этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ нынѣшнимъ правительствомъ, обязавшимся въ этомъ передъ своими избирателями.

О. Д.

НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И МѢРЫ КЪ ЕГО УПОРЯДОЧЕНІЮ.

Подъ вліяніемъ слуховъ о распространеніи принципа земскаго самоуправления на всю Сибирь, совѣтъ Якутскаго сельско-хозяйственнаго общества въ 1905 году, въ нѣсколькихъ своихъ засѣданіяхъ, обсудилъ, на основаніи имѣющихся данныхъ, современный бытъ населенія и выработалъ цѣлый рядъ мѣръ, „обеспечивающихъ всестороннее и своевременное удовлетвореніе непрестанно назрѣвающихъ нуждъ и потребностей“ народонаселенія Якутской области. Затѣмъ была сдѣлана сводка матеріала въ видѣ доклада: „Задачи земства въ Якутской области“, изданнаго земской комиссіей отдѣла географическаго общества въ Иркутскѣ¹⁾.

Девятая глава доклада посвящена разработкѣ вопроса о народномъ образованіи. Пользуясь данными доклада, а также и нѣкоторыми другими свѣдѣніями частнаго характера, мы попытаемся обрисовать современное положеніе народнаго образованія въ Якутской области и отмѣтить какъ desiderata якутянъ, такъ и мѣропріятія, долженствующія, по ихъ мнѣнію, упорядочить и поставить на должную высоту дѣло народнаго образованія.

На свыше чѣмъ 270 тысячъ душъ народонаселенія обоего пола въ настоящее время въ Якутской области функционируютъ всего 94 учебныхъ заведенія. Изъ нихъ духовнаго вѣдомства—71, вѣдом-

---

¹⁾ „Задачи земства въ Якутской области“. Докладъ совѣта Якутскаго сельско-хозяйственнаго общества по вопросу о введеніи земства въ Якутской области. Изд. земской комиссіи отдѣла географическаго общества въ Иркутскѣ. s. l. et a. 32 стр.

ства министерства народнаго просвѣщенія — 20 и частное — 1. Народныхъ училищъ собственно (какъ сельскихъ, такъ и городскихъ) только 88. Такимъ образомъ одна школа приходится приблизительно на 3.000 душъ народонаселенія обоого пола, одинъ учащійся на 126 жителей. Но и эти слишкомъ большія цифры должны быть еще повышены, такъ какъ изъ 94 училищъ 16 находятся въ Якутскѣ и 6 въ окружныхъ городахъ, а всю территорію области обслуживаютъ 72 начальныхъ училища, т. е. одна школа приходится на 3.400 душъ обоого пола. Одно среднее учебное заведеніе приходится на 45 тысячъ душъ обоого пола.

Что касается начальныхъ школъ, то составители доклада отмѣчаютъ, что и „самое распредѣленіе школъ области... сообразуется не съ дѣйствительно существующею потребностью въ нихъ населенія, а съ усмотрѣніемъ учебной администраціи“¹⁾. Намъ кажется, что такого рода заявленія не вполне соответствують дѣйствительному положенію вещей. Въ области, гдѣ одна школа приходится на 3.400 чело-вѣкъ, всякая школа будетъ на своемъ мѣстѣ. А густота народонаселенія школьнаго района въ Якутской области не играетъ особенно большой роли, такъ какъ все равно, вслѣдствіе климатическихъ условій, безъ интернатовъ „якутскія школы не мыслимы“²⁾. Все равно школьники должны жить при школѣ, а не приходить только на извѣстное время для занятій.

Положимъ, интернаты эти поставлены скверно. Съ этимъ согласится всякій, кто только потрудится заглянуть въ докладъ. „Въ настоящее время“, читаемъ мы на стр. 21 доклада, „интернаты или сдаются съ торговъ, или содержаніе ихъ вмѣняется въ обязанность учителей. Понятно, что съ торговъ интернаты отдаются предложившему свои услуги за наименьшую плату, выгоды же арендаторъ интерната приобрѣтаетъ, ухудшая содержаніе учащихся“. И разъ все дѣло поставлено на такую строго формальную, даже торгашескую почву, можно представить, до чего должна доходить эксплуатація бѣдныхъ школьничковъ, являющихся лишь статьей дохода для разнаго рода предпринимателей. И докладъ далѣе повѣствуетъ: „Изъ исторіи якутскихъ школьныхъ интернатовъ извѣстны прямо курьезные факты, когда содержатели пансіоновъ кормили своихъ пансіонеровъ ботвой огородныхъ овощей, напимѣръ, морковной. На соединеніе обязанности учи-

¹⁾ „Задачи земства въ Якутской обл.“, стр. 12.

²⁾ Ibid., стр. 21.

теля и содержателя пансіона мало находится охотниковъ, а если формально и соглашаются нѣкоторые, то фактически пансіона не открываютъ, чѣмъ доводятъ число учащихся до 7—10 человекъ¹⁾.

Докладъ не даетъ никакихъ данныхъ для объясненія этого страннаго и ненормальнаго явленія—отказа учителей отъ вышешкольнаго руководства и наблюденія за учащимися. Известно, что вышешкольные неофициальныя занятія въ инородческихъ школахъ приносятъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ уроки. Въ Якутской же области учителя, повидному, всячески отрещиваются отъ учениковъ. Очевидно, тутъ что-то такое кроется, что-то не договорено. Но что именно?—отвѣта на это нѣтъ въ докладѣ.

Насколько намъ известно изъ другихъ источниковъ, въ данномъ случаѣ нельзя винить всецѣло однихъ учителей. Отказываться отъ содержанія интерната заставляетъ ихъ съ одной стороны крайняя матеріальная необеспеченность, едва ли не большая, чѣмъ въ Европейской Россіи; съ другой стороны—масса „энциклопедической работы, предписываемой имъ циркулярами исполнительныхъ инспекторовъ и директоровъ училищъ: быть и учителемъ, и садовникомъ, и огородникомъ, и статистикомъ, и проч. и проч.“²⁾. А кромѣ всего этого нужно признаться, что значительную роль въ неудовлетворительной постановкѣ дѣла въ начальныхъ школахъ играетъ также и недостатокъ контроля и руководства въ школьномъ дѣлѣ.

Всѣми дѣлами начальныхъ училищъ въ Якутской области завѣдуютъ: министерскими—инспекторъ народныхъ училищъ, а духовнаго вѣдомства (церковно-приходскими)—епархіальный и уѣздные наблюдатели; ближайшее завѣдываніе церковно-приходскими школами возложено на приходскихъ священниковъ³⁾. Но на самомъ дѣлѣ все завѣдываніе школами значитъ только на бумагѣ; de facto школы предоставлены почти всецѣло самимъ себѣ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ „посвѣщеніе ихъ (школъ) разъ въ годъ считать достаточнымъ хотя бы для того, чтобы школы эти лишь съ матеріальной стороны были благоустроенными. Но и эти посвѣщенія возможны только по Якутскому, Вилюйскому и Олекминскому округамъ въ настоящее время. При увеличеніи же числа школъ и открытіи ихъ въ округахъ Верхоянскомъ и Колымскомъ, а равно и въ отдаленныхъ улусахъ округовъ Якут-

¹⁾ Ibid., стр. 21.

²⁾ Ibid., стр. 24.

³⁾ Ibid., стр. 18.

скаго, Олекминскаго и Вилюйскаго, посѣщеніе будетъ еще рѣже, веденіе школьнаго дѣла останется совершенно безъ контроля и сношенія учащихъ по всѣмъ вопросамъ съ начальствомъ сведется къ безконечной перепискѣ, разрѣшеніе многихъ важныхъ вопросовъ затянется на нѣсколько дѣтъ¹⁾. Такими чертами обрисовано въ докладѣ современное положеніе начального народнаго образованія въ Якутской области.

Выводы получаются далеко не блестящіе:

1) Школъ слишкомъ мало; притомъ же и распредѣлены онѣ по территории Якутской области, не сообразуясь „съ дѣйствительно существующею потребностью въ нихъ населенія“²⁾.

2) Постановка учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ неудовлетворительна.

3) Какъ контроль, такъ и общее руководство школами существуетъ лишь на бумагѣ.

Повидимому, школьный вопросъ могъ бы быть урегулированъ болѣе или менѣе удовлетворительно при усиленіи и правильной постановкѣ института инспекторовъ (или наблюдателей). Но авторы доклада утверждаютъ, что, во-первыхъ, фактически это невыполнимо, а во-вторыхъ, учебная администрація дѣйствуетъ слишкомъ субъективно въ вопросѣ распредѣленія школъ области. „Типъ школъ также зависитъ отъ усмотрѣнія учебной администраціи, которая выполняетъ предписанія центральнаго учебнаго начальства“³⁾. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, обычныя бюрократическія средства и способы на Якутской территоріи неприменимы.

По вопросу о томъ, какимъ образомъ наладить школьное дѣло, авторы доклада предлагаютъ свои особыя мѣры. Они указываютъ и главную причину неудовлетворительной постановки дѣла народнаго образованія, и мѣры улучшенія. Все зло, по ихъ мнѣнію, заключается въ томъ, что мѣстное населеніе совершенно устранено отъ участія въ школьномъ дѣлѣ. Съ него лишь взимаютъ суммы, необходимыя для содержанія части педагогическаго персонала и школъ министерскихъ. Вообще понятно, что, совершенно устраненное отъ дѣла образованія, мѣстное населеніе относится къ школѣ вполне индифферентно, такъ какъ даже какая либо „частная инициатива въ этомъ дѣлѣ всегда встрѣ-

¹⁾ Ibid., стр. 19.

²⁾ Ibid., стр. 19.

³⁾ Ibid., стр. 19.

тять препятствіе отъ лицъ, поставленныхъ наблюдать за школами" ¹⁾. Но, ставя препоны всякому благому начинанію со стороны, администрація въ то же время сама ничего не можетъ сдѣлать въ силу своей малочисленности, незнанія мѣстныхъ условій и крайней инертности. „Мѣстное же населеніе, въ лицѣ своихъ избранныхъ представителей, сумѣетъ лучше кого-либо опредѣлить, какъ потребность въ числѣ школъ и ихъ распредѣленіе по районамъ, такъ и типъ ихъ. Напримѣръ, при разбросанности мѣстнаго населенія и непостоянствѣ его жительства въ одномъ мѣстѣ, въ области, можетъ быть, болѣе подходящимъ типомъ явился бы типъ школъ такъ называемыхъ передвижныхъ, извѣстныхъ въ Тургайской области подъ названіемъ улусныхъ. Матеріальная обстановка школъ будетъ лучше, если населеніе будетъ непосредственно допущено къ завѣдыванію ими и если ему будетъ дано право активнаго вліянія на постановку школьнаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ" ²⁾. И даже „бѣдное населеніе области, тратящее въ настоящее время деньги на насѣ проживающихъ среди него грамотѣевъ въ учителя, смогло бы, при активномъ участіи въ школьномъ дѣлѣ, собравши свои гроши, организовать школы. Оно (населеніе) лучше поставило бы и интернаты при школахъ, безъ чего якутскія школы не мыслимы" ³⁾.

Такимъ образомъ единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ, испѣляющимъ всѣ язвы современной школы, но мнѣнію докладчиковъ, является устраненіе административной опеки и передача школьнаго дѣла въ руки самого мѣстнаго населенія. Но „все это осуществимо только при введеніи мѣстнаго самоуправленія, при введеніи въ Якутской области земства" ⁴⁾.

Здѣсь неизбежно самъ собою возникаетъ вопросъ: можетъ ли столь малокультурное населеніе принимать сколько-нибудь дѣятельное участіе въ школьномъ дѣлѣ, сумѣетъ ли оно оцѣнить настоящія цѣли народной школы и опредѣлить свои потребности въ образованіи? Докладчики утверждаютъ, что все это возможно, и стараются доказать это. Насколько имъ это удастся, пусть судятъ читатели, — мы приводимъ весь этотъ отдѣлъ почти цѣликомъ.

„Въ настоящее время, читаемъ въ докладѣ, наблюдается наплывъ якутскихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія, не говоря уже о низшихъ, въ которыхъ процентъ возрастаетъ съ каждымъ го-

¹⁾ Ibid., стр. 19.

²⁾ Ibid., стр. 19.

³⁾ Ibid., стр. 21.

⁴⁾ Ibid., стр. 19.

домъ. Нѣкоторые якуты, не имѣя возможности, или не желая отправлять своихъ дѣтей въ городъ для продолженія образованія, приглашаютъ домашнихъ учителей для прохожденія съ ихъ дѣтьми цикла науъ по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Это стремленіе къ образованію вызывается не только зако-практическими соображеніями, но и чисто идеальными побужденіями. Слѣдовательно, знанія пріобрѣтаются ради ихъ самихъ“.

„Понятно само собою, что это имѣетъ мѣсто только среди зажиточнаго слоя населенія, но потребность въ образованіи наблюдается и среди болѣе обширнаго бѣднаго населенія области. А что якуты способны и могутъ разбираться въ достоинствахъ и недостаткахъ постановки школьнаго дѣла и сообщаемыхъ школами знанійхъ, показываетъ то предпочтеніе, которое они оказываютъ школамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія передъ школами церковно-приходскими, хотя первыя и обходятся имъ дороже—а зажиточная часть населенія предпочитаетъ еще болѣе дорого стоящее обученіе частное, но хорошо поставленное, болѣе дешевому казенному, заводимому администраціей, согласно ея плану... Предоставьте самому населенію распоряжаться воспитаніемъ своихъ дѣтей, и тогда эти элементы населенія объединятъ свои средства и ихъ хватить на организацію вполне образцово поставленной школы, по расширенной программѣ, что, несомнѣнно, скоро же отразится на увеличеніи интереса мѣстнаго населенія къ дѣлу народнаго образованія. При нынѣшней постановкѣ дѣла народнаго образованія, когда оно является монополіей того или другаго вѣдомства, и когда открытіе вѣвѣдомственной и не шаблонной школы является преступленіемъ, дѣлать это можно только тайно, неофициально“¹⁾.

Кромѣ всего этого „допущеніе населенія къ активному участию въ дѣлѣ народнаго образованія избавитъ учителей отъ энциклопедической работы, предписываемой имъ циркулярами исполнительныхъ инспекторовъ и директоровъ училищъ: быть и учителемъ, и садовникомъ, и огородникомъ, и статистикомъ и проч., и проч., и проч., отчего самое дѣло только выиграетъ“...²⁾.

Какъ ясно для всякаго читателя, всѣ эти соображенія не отличаются достаточной убѣдительностью и не новы, являясь обычными за послѣднее время разсужденіями по данному вопросу. Не блещутъ также ни новизною, ни достаточной опредѣленностью и предположенія о томъ, какимъ образомъ должно выразиться участіе мѣстнаго

¹⁾ Ibid., стр. 20—21.

²⁾ Ibid., стр. 24.

населенія въ дѣлѣ народнаго образованія и въ чемъ должна состоять зависимость учебнаго персонала отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, земской управы. Докладчикамъ этотъ вопросъ представляется такимъ образомъ: „...Такъ какъ народное образованіе, какъ и другія отрасли земской дѣятельности, есть въ то же время дѣло государственное, то, естественно, оно должно быть поставлено въ связь съ общимъ государственнымъ дѣломъ, коиимъ завѣдуютъ центральные органы государственнаго управленія, должно находиться подъ контролемъ государственной власти. Этотъ контроль выражается обыкновенно въ институтѣ инспекціи. Но чтобы инспекція не была поставлена въ зависимость только отъ центральной власти, не была только исполнительнымъ органомъ ея, и чтобы отношеніе къ дѣлу не было формальнымъ и бумажнымъ, необходимо создать условія нравственной связи инспекціи съ мѣстнымъ населеніемъ, чтобы порученный контроль, дѣйствительно, исполнялся не страха ради только, но и за совѣсть. Условія эти — проведеніе въ жизнь выборнаго начала и инспекціи, но не исполнительнымъ органомъ самоуправления, управой, а представителями самого населенія, земскимъ собраніемъ. Правда, въ настоящее время, а можетъ быть и въ ближайшемъ будущемъ трудно найти лицъ, которыя могли бы быть выбранными для этого. На это время, строго опредѣленное въ своей продолжительности, можно обойтись, въ крайнемъ случаѣ, и назначенными лицами, но при непремѣнномъ условіи, чтобы дѣятельность ихъ не заключалась въ канцеляріи, а была бы гласною и подлежала бы контролю представителей населенія, предъ которыми они и должны быть отвѣтственными. Такъ должна быть поставлена инспекція не только народныхъ школъ, но и школъ другихъ, средних“¹⁾.

Такими мѣрами авторы доклада думаютъ исправить современное неудовлетворительное положеніе начальнаго образованія въ Якутской области. Всѣ надежды ихъ возлагаются на грядущее земство и участіе общества въ школьномъ дѣлѣ. Земство же, по ихъ словамъ, позаботится и о внѣшкольномъ образованіи, которое въ настоящее время почти совсѣмъ отсутствуетъ. На всю Якутскую область существуетъ только одна воскресная школа и одна бібліотека-читальня, существующія на средства благотворителей.

И. Вишеградскій.

¹⁾ Ibid., стр. 23.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ *).

*В. И. Гебель. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРС ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЕХАНИКИ. Москва. Ч. I. Кинематика и статика. 1904 г. Ц. 1 р. 10 к. Ч. II. Динамика. 1908 г. Ц. 90 к. (191—153 стр.).

Въ предисловіи ко второму выпуску сказано: „Написать для учащихся въ техническихъ училищахъ *доступный* и вмѣстѣ съ тѣмъ *основной* (курсивы авт.) курсъ теоретической механики,—вотъ цѣль автора этой книги“.

„Затрудненія при составленіи такого курса понятны каждому специалисту. Они начинаются съ первыхъ же страницъ кинематики и настолько существенны, что приходилось даже неоднократно слышать мнѣнія, категорически отрицающія возможность составленія удовлетворительнаго курса механики для средней школы“.

„Эта книга представляетъ переработанный курсъ составленныхъ мною литографированныхъ записокъ для учениковъ технического училища Московскаго общества распространенія техническихъ знаний. Съ интересомъ и любовью посвящаль я свой досугъ этому труду. Да будетъ же полезенъ онъ русскому учащемуся юношеству!“

Съ своей стороны замѣтимъ, что составить элементарный учебникъ механики для средней школы, конечно, вполне возможно, но очень не легко. Въ этомъ мнѣніи не разубѣждаетъ насъ и книга почтеннаго автора, хотя его любовь къ дѣлу и стремленіе устранить обычные погрѣшности не подлежатъ для насъ ни малѣйшему сомнѣнію. Его трудъ не есть простая компиляція; напротивъ вся книга показываетъ, что авторъ дѣйствительно не мало и съ любовью поработалъ надъ

---

*) Отзывы, отиѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

ней. И тѣмъ не менѣе почтенному автору не удалось миновать довольно многихъ изъ тѣхъ подводныхъ камней, которыми усѣянъ путь составителя элементарнаго учебника механики.

Разсмотримъ прежде всего тѣ погрѣшности, устраненіе коихъ было бы въ особенности желательно. Въ порядкѣ изложенія въ книгѣ начнемъ со стр. 64 кинематики.

Въ заключительномъ § 70 (стр. 64) кинематики, подъ заголовкомъ „Винтовое движеніе“, помѣщены слѣдующія разсужденія:

„Если тѣло имѣетъ одновременно два движенія: поступательное и вращательное около нѣкоторой оси, то истинное или составное движеніе его будетъ *винтовое*. Если направленіе поступательнаго движенія будетъ параллельно оси, то точки тѣла будутъ двигаться по цилиндрическимъ поверхностямъ..... Описываемыя при этомъ точки тѣла траекторіи называются винтовыми линіями“.

Далѣе, послѣ небольшого отступленія для вывода нѣкоторыхъ формулъ, развивается прежняя тема: „Если поступательное движеніе тѣла направлено по прямой, наклонной къ оси вращенія (фиг. 30), то винтовое движеніе будетъ происходить по конической поверхности. Траекторіи точекъ тѣла въ этомъ случаѣ называются *линіями буравца*“. Однако, если поступательное движеніе будетъ наклонно къ оси вращенія, то конечно и всѣ точки тѣла, лежащія на оси вращенія, должны тоже участвовать въ этомъ движеніи, а слѣдовательно и вся ось должна перемѣщаться поступательно, параллельно самой себѣ, съ нею же и все тѣло, продолжающее вращаться около этой оси. Поэтому сказанное въ учебникѣ о такомъ движеніи твердаго тѣла представляетъ несомнѣнный абсурдъ, равно какъ и относящійся сюда чертежъ (фиг. 30). Чертежъ изображаетъ прямой конусъ съ начерченной на немъ конической винтовою линіею. Гдѣ же здѣсь ось вращенія тѣла, перемѣщающаяся поступательно, слѣдовательно параллельно самой себѣ?

Въ динамикѣ (§ 211, стр. 43) находимъ двѣ попытки объяснить причину движенія шарика внутри вращающейся горизонтальной трубки. Первая, хотя въ количественномъ отношеніи и весьма далека отъ дѣйствительности, въ своей основѣ исходитъ по крайней мѣрѣ изъ вѣрнаго принципа, чего, къ сожалѣнію, никомъ образомъ нельзя сказать о второй. Цѣль послѣдней „показать, что ускореніе движенія шарика $= \frac{v^2}{r} = w^2 r$, то есть совершенно такое же, какое происходило бы отъ дѣйствія приложенной къ нему центробѣжной силы“.

Изложеніе занимаетъ цѣлую страницу (44-ю) и состоитъ въ слѣдующемъ: „Представимъ, что шарикъ плотно входитъ въ трубку и не можетъ вполне свободно двигаться внутри нея (напр. вслѣдствіе тренія или своей упругости), такъ что для его перемѣщенія необходимо приложить нѣкоторую опредѣленную силу F “. Тогда „шарикъ будетъ испытывать дѣйствіе центростремительной силы и въ то же время самъ будетъ производить давленіе на стѣнки отъ центра къ окружности съ центробѣжной силой mw^2r . При увеличеніи угловой скорости вращенія трубки давленіе будетъ возрастать и въ тотъ моментъ, когда величина его будетъ равна F , шарикъ начнетъ двигаться по трубкѣ. Положимъ, что угловая скорость трубки въ этотъ моментъ $= w_1$, такъ что давленіе шарика $F = mw_1^2r$. Въ слѣдующій моментъ.... шарикъ будетъ двигаться по ней уже подѣ дѣйствіемъ силы $mw_1^2r_1$, гдѣ $r_1 > r$ на величину удаленія шарика.....“. Изъ разсужденій подобнаго рода выводится окончательно слѣдующее заключеніе:

„Такъ какъ въ послѣднемъ примѣрѣ связи, задерживающіи свободное движеніе шарика, вліяютъ только на скорость движенія, но не мѣняютъ его характера, то движеніе шарика, *свободно скользящаго* (курс. авт.) по трубкѣ, происходитъ точно также, отличаясь лишь большою скоростью движенія“.

Разсмотримъ подробнѣе сказанное здѣсь. Что означаютъ слова: „вслѣдствіе тренія или своей упругости“? Упругій шарикъ, втиснутый въ трубку, конечно будетъ давить на ея стѣнки, но по нормалямъ къ нимъ; сила же вдоль оси трубки, задерживающая шарикъ, будетъ все-таки сила тренія. Пусть R_0 будетъ значенію силы тренія R для даннаго положенія шарика, при $r = r_0$. Уравненіе равновѣсія шарика будетъ $R_0 = mw_0^2r_0$, или $R_0 = w_0^2r_0$, принявъ для упрощенія массу шарика $m = 1$. Здѣсь $w_0^2r_0$ есть центробѣжная сила, равная и прямо противоположная центростремительной силѣ R_0 . Если, при томъ же $r = r_0$, увеличится угловая скорость вращенія, станетъ положимъ $w_1 > w_0$, или же уменьшится сила тренія, будетъ напр. $R_1 < R_0$, то равновѣсіе нарушится. Но послѣ нарушенія равновѣсія, что же возможно будетъ сказать о движеніи шарика? Да ровню ничего! Только допустивъ именно то, что требуется доказать, мы могли бы утверждать, что ускореніе шарика въ первый моментъ будетъ $w_1^2r_0 - R_0$, при $w_1 > w_0$, или же равно $w_0^2r_0 - R_1$, при $R_1 < R_0$. Но вѣдь тогда не было бы ни малѣйшей надобности и осложнять вопросъ введеніемъ силы тренія, или вообще какой либо задерживающей движеніе силы R ! А осложненіе вопроса состояло бы въ томъ, что, при постоянной

угловой скорости $w = w_0$, законъ движенія подъ дѣйствиємъ задерживающей силы R зависѣлъ бы отъ переменнаго ускоренія $w_0^2 - R$, которое могло бы быть вполне извѣстно только тогда, когда былъ бы данъ законъ измѣненія силы R въ зависимости отъ разстоянія g . И только въ предположеніи пропорціональности между R и g (когда $R = kw_0^2g$), — предположеніи произвольномъ и ни на чемъ не обоснованномъ — можно было бы утверждать, что „характеръ движенія“ сохранится тотъ же, что и при свободномъ движеніи шарика.

Правильное сужденіе о движеніи шарика въ трубкѣ можно составить только основываясь на ускореніи въ его относительномъ движеніи. На это есть намекъ въ концѣ § 211, только не достаточно развитый; здѣсь сказано:

„И такъ..... шарикъ, свободно скользящій по трубкѣ, имѣетъ двойное движеніе: круговое (переносное) вмѣстѣ со скоростью wg и прямолинейное (относительное) по оси трубки съ центробѣжнымъ ускореніемъ w^2r . Переменную силу, производящую послѣднее ускореніе, принято условно называть также центробѣжною силою“. Но съ какою же цѣлью были введены всѣ предшествовавшія, частію неточныя, а частію и прямо неправильныя разсужденія, когда стоило бы только показать, чему именно равно относительное ускореніе?

На стр. 60 динамики, въ числѣ примѣровъ на законъ движенія центра тяжести, помѣщенъ слѣдующій примѣръ 4-й: „Вообразимъ, что на чашкѣ А обыкновенныхъ вѣсовъ стоитъ человекъ, уравновѣшенный гириами, помѣщенными на другую чашку В. Если онъ присядеть, то чашка А поднимется; когда же онъ выпрямится, то чашка опустится. Объясненіе этого явленія состоитъ въ томъ, что человекъ и чашка вѣсовъ представляютъ одну уравновѣшенную систему, положеніе центра тяжести которой должно сохраняться безъ измѣненія. Подобное же явленіе произойдетъ съ человекомъ, уравновѣшеннымъ на чашкѣ пружинныхъ вѣсовъ: при присяданіи его пружина поднимется и стрѣлка покажетъ меньшій вѣсъ; наоборотъ, когда онъ встанетъ во весь ростъ, то вѣсъ его будетъ казаться больше, такъ какъ пружина въ это время опустится“.

Согласно этому объясненію, если человекъ присядеть, то чашка поднимется, такъ какъ „положеніе центра тяжести системы должно сохраниться безъ измѣненія“. Но отсюда слѣдуетъ, что когда присѣвшій человекъ будетъ сохранять это новое положеніе своего тѣла, то и поднявшаяся чашка вѣсовъ должна будетъ оставаться неподвижною въ приподнятомъ положеніи; иначе центръ тяжести долженъ

былъ бы перемѣститься, чего объясненіе не допускаетъ. А такое остающееся неизмѣннымъ положеніе чашки вѣсовъ показало бы не кажущееся только, но дѣйствительное уменьшеніе вѣса человѣка! Въ чемъ же ошибка разсужденія? Конечно, прежде всего въ предположеніи, будто „человѣкъ и чашка вѣсовъ представляютъ одну уравновѣшенную систему“. Не касаясь неумѣстности выбора такой „системы“, какъ „человѣкъ и чашка вѣсовъ“, да еще безразлично какъ для пружинныхъ вѣсовъ, такъ и для вѣсовъ съ коромысломъ, ограничимся однимъ замѣчаніемъ: система будетъ „уравновѣшенная“ только при ея равновѣсіи, когда чашка вѣсовъ неподвижна; когда же равновѣсіе будетъ нарушено и чашка вѣсовъ придетъ въ движеніе, то „уравновѣшеніе системы“ возможно будетъ разумѣть развѣ только въ условномъ смыслѣ равновѣсія при включеніи силъ инерціи въ число вѣшнихъ силъ системы. Когда, напримѣръ, человѣкъ стоитъ неподвижно на полу, то вѣсъ P его тѣла уравновѣшивается равнымъ по величинѣ давленіемъ R со стороны пола. Но можно ли утверждать, что это равенство $R = P$ не будетъ нарушено даже и тогда, когда человѣкъ станетъ присѣдаться и снова выпрямляться? Уравненіе движенія центра тяжести тѣла человѣка будетъ: $Mj = P - R$, гдѣ $M = \frac{P}{g}$ масса, P вѣсъ тѣла, R давленіе со стороны пола и j ускореніе центра тяжести. Пока ускореніе j равно нулю, давленіе R равно вѣсу P ; но какъ только центру тяжести будетъ сообщено нѣкоторое ускореніе, то давленіе R уже не можетъ быть равно вѣсу P . Уравненіе показываетъ, что при ускореніи j , направленномъ внизъ, $R < P$, а при j , направленномъ вверхъ, $R > P$. Далѣе, какъ только исчезнетъ ускореніе j , тотчасъ же снова возстановится равновѣсіе, то есть равенство $R = P$. Отсюда слѣдуетъ, что, во-первыхъ, состояніе равновѣсія ($R = P$) совершенно не зависитъ отъ положенія центра тяжести—отъ высоты его надъ поломъ и, во-вторыхъ, нарушить равновѣсіе возможно будетъ не иначе какъ только сообщеніемъ центру тяжести нѣ котораго движенія, опредѣляемаго ускореніемъ j . Подобнаго же рода разсужденія можно было бы примѣнить и къ вѣсамъ, но „явленія“ при нарушенномъ равновѣсіи здѣсь во всякомъ случаѣ не такъ просты, какъ предполагается въ учебникѣ. А пробовалъ ли авторъ учебника воспроизвести это „явленіе“ и могъ ли онъ найти вѣсы, на которыхъ можно было бы продѣлать такой опытъ? Если же не пробовалъ, то хорошо было бы и совсѣмъ промолчать о такомъ „явленіи“.

На той же 60 стр. динамика, въ § 225 и слѣдующихъ за нимъ,

разматриваются вопросы, относящіеся къ динамикѣ твердаго тѣла. Здѣсь частнымъ положеніямъ придается общее значеніе, не соответствующее выводамъ точной науки. Уже въ § 225, подъ заглавіемъ „Движеніе свободнаго твердаго тѣла, подъ дѣйствіемъ пары силъ“ читаемъ: „изъ статики извѣстно, что пара силъ сообщаетъ свободному тѣлу вращеніе вокругъ оси, перпендикулярной къ плоскости пары“. Но, во-первыхъ, изъ „статики“ нельзя вывести такое заключеніе, а, во-вторыхъ, для „свободнаго“ твердаго тѣла сказанное здѣсь будетъ справедливо только при совокупности слѣдующихъ двухъ условій: 1) ось пары силъ должна совпадать съ одною изъ главныхъ центральныхъ осей инерціи тѣла и 2) тѣло, до приложенія пары, должно или пребывать въ покоѣ или же вращаться, но только около той же самой главной оси, съ которой совмѣщается ось пары силъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ось вращенія тѣла парю силъ не совпадаетъ съ осью пары; если, напримѣръ, тѣло находилось въ покоѣ, то пара силъ произведетъ вращеніе тѣла не около оси пары, а около другой, именно той, которая въ центральномъ эллипсоидѣ инерціи совпадаетъ съ сопряженнымъ діаметромъ къ плоскости пары. Притомъ вращеніе тѣла около такой оси будетъ длиться только безконечно малою время, по истеченіи котораго новая ось, безконечно близкая къ первой, появится сѣ на смѣну; такія оси называются мгновенными, а ихъ послѣдовательное непрерывное чередованіе уподобляютъ движенію мгновенной оси внутри тѣла и въ пространствѣ. Даже въ тѣлѣ, совсѣмъ не подверженномъ дѣйствію вѣшнихъ силъ и вращающемся только по инерціи, первоначальная ось вращенія, при несовпаденіи ея съ одною изъ главныхъ центральныхъ осей, всегда будетъ мгновенною, съ теченіемъ времени непрерывно перемѣщающеюся какъ въ тѣлѣ, такъ и въ пространствѣ. Если къ тѣлу, вращающемуся по инерціи около мгновенной оси, будетъ приложена пара силъ, то новая мгновенная ось вращенія тѣла, рассматривая оси какъ векторы, т. е. не только по величинѣ, но и по направленію, представитъ равнодѣйствующую слѣдующихъ двухъ составляющихъ: 1) безконечно малоизмѣнившей свое положеніе и величину первоначальной мгновенной оси тѣла, при вращеніи ея по одной только инерціи, и 2) оси вращенія, сообщаемая парю силъ тѣлу, если бы оно пребывало въ покоѣ. Отсюда можно видѣть, насколько сложенъ вопросъ о положеніи оси вращенія „свободнаго“ твердаго тѣла, подвергаемаго дѣйствію пары силъ. Еще неожиданнѣе бываетъ дѣйствіе пары на тѣло не-свободное, имѣющее, напримѣръ, одну неподвижную точку, не совпа-

дающую съ центромъ инерціи тѣла; въ такомъ случаѣ пара силъ не рѣдко сообщаетъ тѣлу движенія, рѣшительно противорѣчащія обычнымъ представленіямъ о дѣйствіи пары силъ. Достаточно упомянуть хотя бы объ обыкновенномъ волчокѣ, который при быстромъ вращеніи не падаетъ на полъ даже при наклонномъ положеніи его ножки, описывающей при этомъ волнообразную или же гладкую коническую поверхность вращенія вокругъ оси, проходящей чрезъ предполагаемую неподвижной точку опоры ножки волчка.

Далѣе (на стр. 63) въ учебникѣ помѣщено уравненіе живыхъ силъ при вращательномъ движеніи „около нѣкоторой оси“ и то же самое выраженіе приращенія живой силы вращательнаго движенія, а именно: $\frac{I}{2} (w^2 - w_0^2)$, примѣнено потомъ къ самому общему случаю движенія твердаго тѣла (стр. 64), то есть: „поступательнаго движенія, тождественнаго съ движеніемъ центра тяжести“ и „вращательнаго движенія вокругъ оси, проходящей черезъ центръ тяжести“. Но тогда приращеніе живой силы при вращеніи будетъ вообще $\frac{Iw^2 - I_0w_0^2}{2}$, а не $\frac{I}{2} (w^2 - w_0^2)$. Последнее выраженіе уместно только для *неподвижной* или же *постоянной* оси вращенія, а въ самомъ общемъ случаѣ движенія тѣла мгновенная ось вращенія измѣняетъ свое положеніе не только въ пространствѣ, но и внутри самого тѣла, вслѣдствіе чего моментъ инерціи I относительно оси вращенія будетъ тоже измѣняться. Для вращенія по одной только инерціи имѣемъ $Iw^2 = I_0w_0^2$, но I и w отдѣльно все-таки измѣняются (кромѣ случая вращенія около постоянной оси).

Точно также на стр. 65 „основное уравненіе вращательнаго движенія тѣла: $D = li$ “, гдѣ i —угловое ускореніе, будетъ примѣнимо только для *неподвижной* оси вращенія, или же *постоянной* въ „свободномъ“ твердомъ тѣлѣ; слѣдовательно и здѣсь необходима оговорка, которой нѣтъ въ учебникѣ.

На стр. 78 (§ 241) неправильно описывается взаимодѣйствіе двухъ неупругихъ тѣлъ при ударѣ: „при этомъ давленіе перваго тѣла на второе, а также и равное ему въ каждый моментъ противодѣйствіе втораго тѣла будутъ уменьшаться и обратятся въ нули, когда скорости обоихъ тѣлъ сравняются. Во все время удара форма тѣлъ измѣняется: они будутъ сплющиваться, начиная съ поверхностей соприкосновенія“. Можно ли считать сколько-нибудь правдоподобнымъ такое объясненіе, по которому тѣла, лишь только коснулись, уже

производить другъ на друга наибольшее давленіе, а по мѣрѣ сплюсненія соприкасающихся поверхностей давленіе становится все меньше, и наконецъ, при наибольшемъ сплюсненіи тѣлъ, превращается въ нуль! Чѣмъ же, какъ не взаимнымъ надавливаніемъ возможно объяснить причину сплюсненія тѣлъ и неужели можно сомнѣваться въ томъ, что, по крайней мѣрѣ въ опредѣленныхъ предѣлахъ давленій, чѣмъ болѣе значительное сплюсненіе надо произвести, тѣмъ сильнѣе надо прижать тѣла другъ къ другу? Повидному помѣщенное въ учебникѣ ошибочное объясненіе находитъ послѣдователей по той причинѣ, что ихъ смущаетъ—если можно такъ выразиться—внезапное исчезновеніе наибольшаго давленія въ самый моментъ его возникновенія. Дѣйствительно, по общепринятому объясненію, наибольшее надавливаніе тѣлъ другъ на друга произойдетъ въ то мгновеніе, когда исчезнетъ разность скоростей соударяющихся тѣлъ; но, начиная именно съ того же самаго мгновенія, абсолютно неупругія тѣла стануть двигаться съ одною общою скоростью, уже не производя другъ на друга ни малѣйшаго давленія! Конечно, столь внезапное исчезновеніе давленія является весьма невѣроятнымъ, но вѣдь не слѣдуетъ забывать, что и абсолютно неупругія тѣла, какъ и абсолютно упругія, суть созданія нашей мысли, реально не существующія. Въ природѣ не происходитъ ни внезапнаго исчезновенія давленій, ни полнаго воспроизведенія обратнаго хода давленій въ періодъ возстановленія формы соударяющихся тѣлъ. Поэтому приведенный выше парадоксъ слѣдуетъ разсматривать какъ еще одинъ изъ многихъ доводовъ въ пользу того, что въ природѣ нѣтъ абсолютно неупругихъ тѣлъ.

Послѣ сказаннаго въ учебникѣ о неупругихъ тѣлахъ естественно возникаетъ вопросъ, каковъ же будетъ ходъ давленій при ударѣ упругихъ тѣлъ? Тотъ же самый, что въ неупругихъ, или же діаметрально ему противоположный? Къ удивленію, въ учебникѣ не находимъ прямого отвѣта на такой вопросъ.

Въ немъ, на *стр. 84* динамики, сказано только, что въ „періодъ сжатія“ абсолютно упругихъ тѣлъ „явленія движенія... вполне тождественны съ явленіями при ударѣ неупругихъ тѣлъ“; но что же слѣдуетъ здѣсь разумѣть подѣ „явленіями движенія“? О второмъ періодѣ сказано, что „*періодъ возстановленія* (курс. авт.), начинаясь съ момента наибольшаго сжатія, кончается моментомъ полнаго возстановленія вида тѣлъ“. Однако то, что было сказано о неупругихъ тѣлахъ, вызываетъ сомнѣніе, не предполагается ли и здѣсь, что при наибольшемъ сжатіи тѣлъ, какъ и при наибольшемъ сплюсненіи, давленіе

тоже будетъ равно нулю? И только одно уиодобленіе (на стр. 84) явленій при упругомъ ударѣ дѣйствию пружины дозволяетъ думать, что, при абсолютно упругомъ ударѣ, допускается діаметрально противоположный неупругому ходъ давленій! Но каковъ же долженъ быть тогда ходъ давленій въ тѣлахъ, дѣйствительно существующихъ въ природѣ, и какъ найти ту удивительную грань, на которой ходъ давленій вдругъ превращается въ прямо противоположный? Полагаемъ, что болѣе вдумчивое отношеніе къ подобнымъ вопросамъ привело бы къ сознанію невозможности того, что было сказано о ходѣ давленій при ударѣ неупругихъ тѣлъ.

На стр. 90 динамики читаемъ: „Легко показать, что при переходѣ консервативной системы изъ нѣкотораго начального положенія (А) въ нѣкоторое конечное положеніе (С), величина работы внутреннихъ силъ опредѣляется исключительно ея крайними положеніями“.

„Пусть будутъ $\Sigma \frac{mv_0^2}{2}$, $\Sigma \frac{mv_n^2}{2}$ и $\Sigma \frac{mv^2}{2}$ — суммы живыхъ силъ“, для положеній: начального (А), конечнаго (С) и промежуточнаго (В); „ T_1 и T_2 — работы, производимыя внутренними силами при переходѣ“ изъ (А) въ (В) и изъ (В) въ (С); „наконецъ T — полная работа при переходѣ“ изъ (А) въ (С).

„По теоремѣ живыхъ силъ для системы тѣлъ имѣемъ:

$$T_1 = \Sigma \frac{mv^2}{2} - \Sigma \frac{mv_0^2}{2} \dots (1); \quad T_2 = \Sigma \frac{mv_n^2}{2} - \Sigma \frac{mv^2}{2} \dots (2)$$

Сложивъ почленно эти равенства и замѣтивъ, что $T_1 + T_2 = T$, получимъ:

$$T = \Sigma \frac{mv_n^2}{2} - \Sigma \frac{mv_0^2}{2} \dots (3)$$

то есть величина полной работы силъ не зависитъ отъ промежуточнаго положенія (В) системы“.

Но что же препятствуетъ, и столь же „легко“, распространить ту же независимость работы силъ отъ „промежуточнаго положенія“ и на какія угодно силы, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія? Вѣдь стоитъ только подѣ T_1 , T_2 и T подразумѣвать не „работы, производимыя внутренними силами“, а работы всѣхъ силъ, какъ внутреннихъ такъ и внѣшнихъ! Доказательство должно быть основано, конечно, на особыхъ свойствахъ внутреннихъ силъ, коими онѣ отличаются отъ большаго числа внѣшнихъ.

Приведенными замѣчаніями не исчерпываются всѣ возникающія

при чтеніи учебника. Отмѣтимъ только нѣкоторые изъ нихъ сравнительно болѣе существенныя.

На стр. 62 ч. I, а также на стр. 8 введения къ ч. I даны неудовлетворительныя опредѣленія „вращательнаго движенія“. На стр. 8 введения: „Вращательнымъ движеніемъ тѣла называется такое движеніе, когда точки его описываютъ параллельныя, но не равныя окружности или дуги вокругъ неподвижной оси въ плоскостяхъ, перпендикулярныхъ къ этой оси“. А на стр. 62: „.... движеніе, въ которомъ точки тѣла описываютъ около нѣкоторой неподвижной прямой, называемой осью вращенія, параллельныя окружности въ плоскостяхъ перпендикулярныхъ къ этой оси“. Терминъ „параллельныя окружности“ здѣсь не умѣстенъ и во всякомъ случаѣ самъ нуждается въ поясненіи. Кромѣ того, однѣ точки вращающагося тѣла описываютъ „равныя“, а другія „неравныя“ окружности; почему же упомянуты только послѣднія? Вѣдь всѣ точки на одномъ цилиндрѣ, концентричномъ съ осью, описываютъ „равныя“ окружности? Поступательное движеніе тѣла тоже не выяснено какъ слѣдуетъ, и въ его опредѣленіи (стр. 7 введения) входятъ „равныя и параллельныя траекторіи“, безъ разъясненія смысла термина „параллельныя“. Для криволинейнаго же поступательнаго движенія выбранъ такой примѣръ (стр. 7—8 введения): „Если вообразимъ, что какое нибудь (твердое?) тѣло, на примѣръ пирамида, поставленная вершиной на плоскость, движется не дѣлая поворота около своей высоты (курс. авт.) такъ, что вершина ея описываетъ какую нибудь кривую линію на этой плоскости, то и всѣ другія точки этой пирамиды будутъ описывать въ пространствѣ точно такія же кривыя, притомъ параллельныя первой кривой. Слѣдовательно (?) наше (?) тѣло имѣетъ *криволинейное поступательное движеніе*“. Вмѣсто столь неудобнаго примѣра, притомъ несомнѣнно ограничивающаго общность представленія, ибо траекторіи въ криволинейномъ поступательномъ движеніи могутъ и не быть плоскими кривыми, не лучше ли было бы указать на наиболѣе существенное свойство криволинейнаго поступательнаго движенія, а именно на равенство и параллелизмъ хордъ для одновременнаго перемѣщенія всѣхъ точекъ тѣла? Изъ равенства и параллельности хордъ естественно вытекало бы и ясное представленіе о равенствѣ и параллельности траекторій.

На стр. 11 и 26 ч. I, скорость въ данный моментъ опредѣлена какъ „пространство, которое прошло бы тѣло въ единицу времени... если бы съ этого момента оно начало двигаться равномерно“. Такое опредѣленіе въ сущности ровно ничего не опредѣляетъ, въ особенности

же оно неумѣстно въ „кинематикѣ“ — въ этой „геометріи четырехъ измѣреній“! Вѣдь ни начало инерціи, ни движеніе по инерціи въ „кинематику“ не входятъ.

На *стр. 22 ч. I* читаемъ: „Не трудно доказать, что скорости брошеннаго вверхъ и затѣмъ свободно падающаго тѣла будутъ равны не только въ крайнихъ точкахъ А и В, но и во всякой произвольной точкѣ С его пути (фиг. 1)“. Редактирована эта теорема недостаточно ясно; тѣмъ же страдаетъ какъ доказательство, такъ, и притомъ въ особенности, окончательное „заключеніе“: „*всякой скорости* (курсивы авт.) v_1 тѣла, поднимающагося вертикально вверхъ или свободно падающаго внизъ, *соотвѣтствуетъ своя опредѣленная высота* $h_1 = \frac{v^2 - v_1^2}{2g}$ и обратно.... *всякой высотѣ* точки его пути *соотвѣтствуетъ своя опредѣленная скорость* $v_1 = \sqrt{2g(h - h_1)}$ “.

Термины: „высота, соотвѣтствующая скорости“ и „скорость, соотвѣтствующая высотѣ“ имѣютъ въ механикѣ вполне установившееся, всѣмъ извѣстное, значеніе; распространять ихъ на тѣ скорости и высоты, о которыхъ идетъ рѣчь въ „заключеніи“, неумѣстно вообще, а въ особенности въ элементарномъ учебникѣ механики.

На *стр. 115 ч. I* о „статистическомъ моментѣ“ сказано, что „происхожденіе понятія о моментѣ силы относительно точки, какъ о причинѣ вращательнаго движенія, принадлежитъ къ (?) самой отдаленной древности“ и что „законъ рычага, состоящій въ томъ, что производимое рычагомъ дѣйствіе измѣряется произведеніемъ Pp силы P .... на плечо p “.... „несомнѣнно былъ открытъ человѣкомъ чисто практическимъ путемъ въ самую первобытную эпоху“. Кто же разсматривалъ, да еще „въ самой отдаленной древности“, статистическій моментъ „относительно точки“ какъ причину вращенія? Что это за „точка“, неужели же произвольно взятый центръ моментовъ? Что же касается рычага, то свойствами его, конечно, могли пользоваться и „въ самую первобытную эпоху“, но отсюда до „закона“ еще очень далеко!

На *стр. 31 ч. II* не отличается ясностію сказанное о мялтникѣ: „если напиримѣръ матеріальную точку А (маленькій шарикъ, гирьку и т. п.), привязанную къ концу нити, другой конецъ О которой неподвижно укрѣпленъ (фиг. 113), толкнемъ по горизонтальному направленію съ силой K , то увидимъ, что она пойдетъ не по прямой АВ, совпадающей съ направлениемъ силы, а по дугѣ АА', описанной радиусомъ, равнымъ длинѣ нити. Ускореніе этой точки будетъ не по-

стоянная величина $a = \frac{F}{m}$, гдѣ m — масса точки, а нѣкоторая другая, притомъ переменная величина“. Объ измѣняемости ускоренія упоминается и дальше, но тоже безъ объясненія причины измѣняемости. Что же касается толчка „съ силой F “, который долженъ бы дать постоянное ускореніе $a = \frac{F}{m}$, то это уже и совсѣмъ не соответствуетъ представленію о дѣйствіи толчка!

На *стр. 66 ч. II* (§ 231) такъ выясняется „механическое значеніе момента инерціи“: „Представимъ, что мы держимъ между ладонями довольно длинный, но не очень толстый шестъ въ вертикальномъ положеніи. Соответственнымъ движеніемъ рукъ очень легко привести шестъ во вращеніе около вертикальной оси и, наоборотъ, съ довольно большимъ трудомъ—около горизонтальной оси. Но за то въ первомъ случаѣ гораздо легче прекратить начавшееся вращеніе, чѣмъ во второмъ. Это явленіе очень просто объясняется....“ различіемъ въ моментахъ инерціи. Полагаемъ однако, что „привести шестъ во вращеніе около горизонтальной оси“, держа его „между ладонями“, довольно неудобно, по причинѣ неприспособленности рукъ къ движеніямъ подобнаго рода. А „прекратить начавшееся вращеніе“ придется неизбежно, за отсутствіемъ физической возможности вращать шестъ плавно и безостановочно около „горизонтальной оси“, держа его „между ладонями“.

На *стр. 67 ч. II*, по поводу сосредоточенія массы на ободѣ маховика, помѣщено слѣдующее примѣчаніе: „интересно замѣтить, что народъ изъ ежедневной практики имѣетъ понятіе о механическомъ значеніи момента инерціи и называетъ его словомъ „махъ“. Это столь же правдоподобно, какъ и открытіе „закона рычага“ еще „въ самую первобытную эпоху“. Какое отношеніе слово „махъ“ имѣетъ къ понятію о „моментѣ“ инерціи, и въ особенности къ „механическому значенію“ этого момента?

На *стр. 72 ч. II* сказанное въ текотѣ о физическомъ маятникѣ не согласовано съ чертежемъ (фиг. 132), да и само по себѣ выражено неясно: „положимъ, что физическій маятникъ, имѣющій напримѣръ форму обыкновеннаго маятника висѣщихъ часовъ, и воображаемый простой маятникъ, длина котораго $l = AO$, отклонены на одинаковый уголъ α (фиг. 132). Оба маятника будутъ качаться совершенно одинаково и слѣдовательно будутъ имѣть одинаковое угловое ускореніе i “. Но на чертежѣ тѣми же буквами O и A означены также ось качанія O и центръ A луковницы физическаго маятника, и эта длина OA показана не

только параллельною, но и равною длинѣ l простого маятника. Надо было бы дать понять, что длина l простого маятника пока еще неизвестна, а только предполагается такою, при которой простой маятникъ будетъ изохрониченъ физическому.

На стр. 109 ч. II утверждается, будто „равномѣрность движенія“ достигается въ „простыхъ машинахъ“: „Вполнѣ она можетъ быть достигнута сравнительно въ немногихъ машинахъ и между прочимъ въ такъ называемыхъ *простыхъ машинахъ*, состоящихъ изъ одного неподвижнаго тѣла“.

На стр. 113 ч. II читаемъ: „Чувствительностью вѣсовъ называется способность коромысла составлять съ горизонтальною замѣтной уголъ (или, что все равно, способность стрѣлки коромысла замѣтно отходить отъ дѣлениа O) при весьма незначительномъ грузѣ, положенномъ на одной изъ чашекъ, напримѣръ при грузѣ въ 1 миллиграммъ“.

Довольно странное опредѣленіе чувствительности вѣсовъ!

На стр. 117 ч. II не менѣе странно опредѣленіе ворота: „воротомъ называется простая машина, служащая для перемѣщенія грузовъ на значительныя разстоянія“.

На стр. 131 ч. II объ углѣ наклона винта сказано: „вычисленія показали, что для наивыгоднѣйшей передачи силы уголъ α долженъ приблизительно равняться $42\frac{1}{2}^\circ$ “. Развѣ трудно было бы указать, что для наивыгоднѣйшей передачи работы, а не „силы“, уголъ долженъ быть $\alpha = 45^\circ - \frac{\varphi}{2}$, гдѣ φ — уголъ тренія? Нельзя же давать уголъ „приблизительно“ и указывать даже полъ-градуса! А въ особенности здѣсь, гдѣ весьма значительное отступленіе отъ наивыгоднѣйшаго угла α еще очень мало отражается на коэффициентѣ полезнаго дѣйствія η винта. Такъ, при $\varphi = 6^\circ$, наивыгоднѣйшій уголъ $\alpha = 42^\circ$ и при немъ $\eta_{\max} = 0,811$, а при $\alpha = 30^\circ$, $\eta = 0,795$, то есть коэффициентъ полезнаго дѣйствія всего только на два процента меньше, хотя отступленіе въ величинѣ угла достигаетъ 12° !

Въ задачахъ, помѣщенныхъ въ учебникѣ, мѣстами тоже попадаются недосмотры. Такъ, напримѣръ, рѣшеніе $R = P\sqrt{2}$ и $G = \frac{Pl}{2}\sqrt{2}$ задачи 202 (ч. I, стр. 182) дано вѣроятно для простѣйшаго частнаго случая, когда равныя и образующія между собою прямой уголъ силы P , приложенныя по одной къ оконечностямъ прямой l , будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ перпендикулярны и къ самой прямой. Но въ задачѣ требуется только, чтобы означенныя силы лежали въ параллельныхъ плоскостяхъ; поэтому общее выраженіе равнодѣйствующаго момента G отно-

нительно середины прямой 1, при началѣ прямоугольныхъ координатъ въ серединѣ прямой и осяхъ Ox , Oy , направленныхъ параллельно силамъ P , будетъ:

$$G = P \sqrt{2z_1^2 + (x_1 \pm y_1)^2}.$$

Здѣсь x_1 , y_1 , z_1 — координаты оконечности прямой 1; знакъ (+) для силъ одинаковаго знака, напримѣръ если обѣ силы P направлены вдоль положительныхъ осей Ox , Oy ; знакъ (—) для силъ различнаго знака.

$$\text{При } r = \frac{1}{2} \text{ и } \xi_1 = \frac{x_1}{r}; \eta_1 = \frac{y_1}{r}; \zeta_1 = \frac{z_1}{r}; G = \frac{Pl}{2} \sqrt{2\zeta_1^2 + (\xi_1 \pm \eta_1)^2},$$

$$\text{или, вставляя } \zeta_1^2 = 1 - \xi_1^2 - \eta_1^2, G = \frac{Pl}{2} \sqrt{2 - (\xi_1 \mp \eta_1)^2}.$$

Отсюда:

$$G_{\min.} = 0, \text{ при } (\xi_1 \mp \eta_1)^2 = 2.$$

$$G_{\max} = \frac{Pl}{2} \sqrt{2}, \text{ при } \xi_1 = \pm \eta_1, \text{ а въ простѣйшемъ случаѣ при } \xi_1 = \eta_1 = 0.$$

Слѣдующая за нею задача 203 редактирована столь неопредѣленно, что можетъ дать для оси равнодѣйствующей пары G различныя рѣшенія, ни одно изъ которыхъ однако не соответствуетъ помѣщенному въ учебникѣ. По этому рѣшенію: „Равнодѣйствующая сила $R = P \sqrt{2}$ и ось равнодѣйствующей пары $G = \frac{Pa}{2} \sqrt{6}$ образуютъ съ осями одинаковые углы въ 90° , 45° и 45° , откуда слѣдуетъ, что совокупность ихъ образуетъ динаму или силовой винтъ“. Но угламъ въ 90° , 45° и 45° , соответствуетъ $G = \frac{Pa}{2} \sqrt{2}$, рѣшенію же $G = \frac{Pa}{2} \sqrt{6}$ соответствуютъ для G иные углы, при которыхъ направленіе G уже отличается отъ R .

Въ задачѣ 205 не указана полная длина балки, зная которую нужно для разрѣшенія задачи. Только изъ даннаго въ учебникѣ рѣшенія можно вычислить, что эта длина предполагалась равною 24 футамъ.

Въ задачѣ 213 сказано, что „два неравные бруска AB и BC ... соединены шарниромъ въ точкѣ B , а концами A и C задѣланы въ горизонтальную плоскость“. Но рѣшеніе задачи, основанное на разложеніи силы вдоль брусковъ по правилу параллелограмма силъ, показываетъ, что бруски не „задѣланы“, а тѣмъ болѣе въ „горизонтальную плоскость“!

III. Контуринский.

Уставы о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ. Св. Зак., т. III, книга 2. Официальное изданіе 1896 г., дополненное продолженіемъ 1902 г., а равно позднѣйшими узаконеніями, разъясненіями правительствующаго сената, необходимыми выдержками изъ другихъ частей Свода Законовъ, штатами, циркулярами и проч. Съ разрѣшенія департамента Государственнаго казначейства. Составилъ и издалъ начальникъ 1-го пенсіоннаго отдѣленія этого департамента Е. Н. Смирновъ. С.-Пб. 1906 г.

Извѣстно, что истолкованіе нашихъ законовъ въ интересахъ какъ теоретическаго ихъ освѣщенія, такъ и практическаго примѣненія, — представляется дѣломъ не легкимъ вслѣдствіе ихъ многочисленности, разбросанности въ разныхъ сборникахъ, казуистичности, неполноты, противорѣчій въ нихъ, принадлежности ихъ къ разнымъ историческимъ эпохамъ и проч. Всѣ эти затрудненія, истолкованія и примѣненія закона на практикѣ выступаютъ съ особенной силой въ отношеніи уставовъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, отличающихся въ значительной мѣрѣ техническимъ характеромъ. Можно поэтому привѣтствовать всякую попытку облегчать пользованіе подобнаго рода законодательнымъ матеріаломъ.

Разсматриваемое изданіе г. Смирнова представляетъ именно такой опытъ и, надо сказать, опытъ довольно удачный. Г. Смирновъ даетъ въ своей книгѣ не только текстъ уставовъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ съ разными къ нимъ законодательными дополненіями, но приводитъ также разъясненія правительствующаго сената, разные циркуляры, штаты и т. п. Мало того: онъ знакомитъ читателя съ практикой пенсіоннаго дѣла. Всѣ указанныя разъясненія приводятся подъ отдѣльными статьями и облегчаютъ ихъ пониманіе и примѣненіе. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель, облегчающій пользованіе ею. Въ виду всего указаннаго можно, не колеблясь, утверждать, что въ изданіи г. Смирнова всѣ лица, которымъ придется обратиться къ уставамъ пенсіоннымъ и о единовременныхъ пособіяхъ, — найдутъ весьма цѣнное пособие.

III. Ивановскій.

*Учебникъ законовѣдѣнія для гимназій, реальныхъ и химико-техническихъ училищъ, составленный Гг. В. Я. Крюковскимъ и Н. Н. Товстолсомъ. Вып. I и II, 255 стр., цѣна 1 р. 25 к. Вильна, 1906 г.

Учебникъ законовѣдѣнія гг. Крюковскаго и Товстолса состоитъ изъ двухъ выпусковъ. Первый выпускъ обнимаетъ курсъ VII кл., выпускъ второй — курсъ VIII кл. гимназій. Первый выпускъ (стр. 1—60) заключаетъ въ себѣ общее энциклопедическое введеніе въ законовѣ-

дѣніе и общее ученіе о государствѣ въ связи съ обзоромъ элементовъ государственнаго устройства типичныхъ государствъ Европы и Америки. Рецензія объ этомъ выпускѣ напечатана въ майской книжкѣ Журнала за 1906 годъ, и потому останавливаться на немъ нѣтъ надобности. Необходимо только отмѣтить, что авторы не воспользовались указаніями этой рецензіи и не поправили имѣвшихся въ прежнемъ изданіи книги погрѣшностей. Кромѣ того въ томъ же первомъ выпускѣ они не воспользовались новѣйшимъ законодательствомъ, и потому процессъ образованія у насъ законовъ (стр. 17 и сл.) представленъ тамъ не вѣрно. Не приняты были во вниманіе ни законы 20-го февраля о государственной думѣ и государственномъ совѣтѣ, ни основные законы 23-го апрѣля 1906 г. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, во второмъ выпускѣ (стр. 72—73), авторы съ этими законами считаются и потому второй разъ рассказываютъ о процессѣ образованія у насъ закона, но уже сообразно съ дѣйствующимъ правомъ. Ясно, что первый выпускъ не согласованъ со вторымъ. Къ разсмотрѣнію послѣдняго я теперь и перехожу.

Второй выпускъ по объему значительно (почти втрое) больше перваго. Онъ посвященъ краткому изложенію разныхъ частей преимущественно дѣйствующаго положительнаго русскаго права и распадается на восемь отдѣловъ. Первый отдѣлъ (собственно вторая его половина)—русское государственное право (стр. 61—96), второй—гражданское право (стр. 97—135), третій—гражданское судопроизводство (стр. 136—160), четвертый—уголовное право (стр. 161—197), пятый—уголовное судопроизводство (стр. 198—222), шестой—полицейское право (стр. 223—247), седьмой—краткія свѣдѣнія по финансовому праву (стр. 248—251) и восьмой—краткія свѣдѣнія по международному праву (стр. 252—255). Таковъ составъ этого выпуска. Обращаясь къ его критическому разбору, приходится остановиться на слѣдующемъ.

Прежде всего бросается въ глаза несоразмѣрность его частей: гражданскому или уголовному судопроизводству удѣлено почти столько же мѣста, какъ и русскому государственному праву, и почти втрое больше, чѣмъ „краткія свѣдѣнія по финансовому и международному праву“. Затѣмъ отдѣльныя части обработаны съ неодинаковымъ усгѣхомъ. Наиболѣе удачно написаны отдѣлы, содержаніемъ коихъ являются права уголовное и оба процесса. Авторы разсматриваемаго учебника, какъ практическіе юристы, очевидно болѣе серьезно изучили эти части юриспруденціи, а потому и обработали ихъ въ учеб-

никъ лучше. Нельзя однако не замѣтить, что авторы увлеклись и дали изложенію гражданскаго и уголовнаго права и процессовъ слишкомъ много мѣста. Особенно, это замѣчаніе относится къ ученію о процессахъ. Тутъ подробность изложенія доведена до того, что, напримѣръ, указывается, копии какихъ бумагъ и въ какіе сроки должны быть подаваемы въ разныя судебныя инстанціи (стр. 148, 149, 150, 151 и др.). Положеніе обоихъ процессовъ надлежало бы значительно сократить, не входя въ разныя техническія подробности ненужныя, по моему мнѣнію, въ краткомъ учебникѣ.

Иное слѣдуетъ сказать объ отдѣлѣ, въ которомъ изложено русское государственное право. Это самое слабое мѣсто книги. Начать съ того, что начала русскаго государственнаго права написаны въ учебникѣ крайне поверхностно и кратко (см. напримѣръ то, что говорится о сенатѣ и синодѣ, министерствахъ, мѣстномъ управленіи, сословіяхъ). Краткость изложенія всего этого отдѣла курса не соответствуетъ значенію его въ ряду другихъ частей законовѣднія. Въ новомъ изданіи учебника законовѣднія русское государственное право должно быть разработано гораздо полнѣе. И это можно сдѣлать безъ обремененія учащихся, сокративъ другіе отдѣлы, особенно же изложеніе обоихъ судопроизводствъ. Но краткость изложенія, переходящая иногда въ поверхностность,—не единственный недостатокъ разсматриваемой части книги гг. Крюковскаго и Товстолѣса. Изложеніе при краткости оказывается иногда еще неточнымъ и неудачнымъ. Такъ въ концѣ 64 стр. по поводу замѣщенія престола говорится: „наслѣдуетъ прежде всего первый сынъ императора, а въ случаѣ его смерти сынъ наслѣдника, хотя бы самъ наслѣдникъ и не умѣлъ (!) осуществить своего права“. Спрашивается, что должно означать это „не умѣлъ“? Надо думать, что авторы хотѣли сказать: не успѣлъ или не могъ. Далѣе на слѣдующей 65 стр. читаемъ: „По прекращеніи послѣдней мужской линіи вступаетъ на престолъ ближайшая родственница императора“. По какого императора? Законъ ясно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ—„послѣднецарствоваваго“ императора. Такъ и слѣдовало сказать. На стр. 67 сказано, что „государственный совѣтъ учрежденъ въ 1810 г.“. Дѣйствительно въ этомъ году издано было сохранявшее до послѣдняго времени силу учрежденіе государственнаго совѣта, но самая исторія государственнаго совѣта восходитъ къ 1801 г., когда былъ учрежденъ непремѣнный совѣтъ. Земскія собранія на стр. 83 названы органами совѣщательными. Между тѣмъ извѣстно, что это органы распорядительныя (ср. 61 ст. положенія о зем. учр.). На стр. 86 новѣйшая (1903 г.)

реформа управленія земскимъ хозяйствомъ въ губерніяхъ сѣверо- и юго-западнаго края охарактеризована такъ: „Однако существуютъ губерніи, въ коихъ организація земскихъ учреждений *нѣсколько* видоизмѣнена и свобода самоуправленія ограничена путемъ допущенія къ совмѣстной дѣятельности правительственныхъ органовъ (напримѣръ Минская губернія)“. Нечего и говорить, что такая характеристика поверхностна и не точна. Не точно также выраженіе на 90 стр.: „Личное дворянство приобретается... полученіемъ на службѣ низшихъ чиновъ“ (по сравненію съ чинами, дающими право потомственного дворянства). Затѣмъ на 93 стр. сказано, что „волостной сходъ составляется изъ выборныхъ отъ каждаго селенія, принадлежащаго къ волости, по одному отъ *каждаю* изъ 10 дворовъ“. Между тѣмъ въ дѣйствительности волостной сходъ состоитъ изъ выборныхъ отъ *каждыхъ* 10 дворовъ. Наконецъ, попадаются неудачныя выраженія и въ другихъ мѣстахъ книги. Напримѣръ, на 162 стр. говорится, будто соучастники въ преступленіи отвѣчаютъ „солидарно, т. е. каждый полностью“. Что соучастники въ преступленіи отвѣчаютъ „каждый полностью“,—это вѣрно, но это отнюдь не значитъ, что они отвѣчаютъ солидарно, т. е. всѣ за одного и одинъ за всѣхъ.

Кромѣ указанныхъ недостатковъ разсматриваемой книги въ ней попадаются еще и другіе. Это именно существенныя пропуски и фактическія ошибки. Изъ пропусковъ отмѣчу слѣдующіе. Разсматривая устройство сената и говоря объ оберъ-прокурорахъ (стр. 77), авторы ни однимъ словомъ не упоминаютъ о генераль-прокурорѣ, т. е. министрѣ юстиціи и его отношенія къ прокуратурѣ и сенату. Затѣмъ въ статьяхъ о надзорѣ за земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ не указаны высшіе органы надзора—государственная дума и совѣтъ министровъ (см. учрежденіе госуд. думы 20-го февр. 1906 г., ст. 31 ж) примѣч.; Им. Высоч. указъ 23-го апр. 1906 г. объ упраздненіи комитета мин. V) и нѣтъ ничего объ общественномъ управленіи г. С.-Петербурга 1903 г.; въ параграфѣ о правахъ и обязанностяхъ населенія (стр. 94 и сл.) остался незамѣченнымъ знаменитый Им. Выс. указъ 17-го апр. 1905 г. о вѣротерпимости; въ ученіи о государственной территоріи, умѣстившемся на 15 строкахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о Финляндіи, не упомянуто о министрѣ статсъ-секретарѣ Великаго Княжества Финляндскаго, далѣе ничего не сказано объ отношеніи Россіи къ Бухарѣ и Хивѣ и о дѣленіи Россіи на области и округа и т. п.

Не менѣе многочисленны и фактическія ошибки. На стр. 71, изла-

гая организацію выборовъ въ государственную думу, гг. Крюковскій и Товстолѣсъ говорятъ, что въ сѣздахъ уполномоченныхъ отъ волостей участвуетъ по 3 выборныхъ отъ каждого волостного схода. Это ошибка: не по 3, а по 2. Далѣе на 77 стр. въ числѣ департаментовъ сената упоминаются межевой, четвертый и пятый. Это анахронизмъ. Названныхъ департаментовъ давно уже не существуетъ. Изъ нихъ образованъ одинъ судебный департаментъ. На стр. 78 находимъ, будто первое учрежденіе министерствъ (1802 г.) было задумано по плану Сперанскаго. Тоже ошибка. Сперанскій тогда еще вліятельной роли не игралъ. Первое учрежденіе министерствъ вышло изъ неофициальнаго комитета. На стр. 84 говорится, что первое избирательное земское собраніе состоитъ изъ потомственныхъ дворянъ. Въ дѣйствительности же оно состоитъ изъ дворянъ какъ потомственныхъ, такъ и личныхъ (28 ст. пол. о зем. учр.). На той же стр. далѣе читаемъ: „Избирательные волостные сходы избираютъ земскихъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ; каждый волостной сходъ избирать одного, а иногда и двухъ гласныхъ“. Тутъ не досказано постановленіе закона, по которому „изъ числа избранныхъ губернаторъ утверждаетъ положенный росписаніемъ комплектъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ“ (ст. 51 полож. о зем. учр.). Эта прибавка, конечно, имѣетъ существенное значеніе. Далѣе крупную ошибку дѣлаютъ гг. Крюковскій и Товстолѣсъ, когда на стр. 90 говорятъ, что „личное дворянство пріобрѣтается: рожденіемъ отъ священнослужителей“. Личное дворянство никогда не пріобрѣтается рожденіемъ (см. IX т. св. зак., ст. 45). Затѣмъ, то, что говорится на 4½ строкахъ на 92 стр. о купцахъ, не даетъ сколько-нибудь яснаго представленія объ этомъ классѣ населенія какъ вслѣдствіе крайней краткости изложенія, такъ и потому, что не принято во вниманіе новѣйшее законодательство о промысловомъ налогѣ, отразившееся уже на IX т. св. зак. изд. 1899 г. (ст. 532, 533).

Наконецъ, на 228 стр., по старой памяти, упомянуть въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ медицинскій департаментъ, упраздненный, какъ извѣстно, по закону 22-го марта 1904 г. Въ заключеніе нельзя не выразить сожалѣнія, что въ текстѣ почти не встрѣчается ссылокъ на законы или ссылки дѣлаются довольно случайно. Было бы желательнo, чтобы по крайней мѣрѣ въ началѣ крупныхъ частей курса дѣлались указанія на соответственные томы свода законовъ. Этимъ облегчена была бы возможность для учащихса самостоятельно знакомиться съ нашимъ законодательствомъ. Таковы слабыя

стороны разсматриваемаго нами учебника "законовѣднія." Къ его достоинствамъ нельзя не отнести вполне удачнаго изложенія цѣлаго ряда отдѣловъ. Таковы отдѣлы, посвященные, какъ было отмѣчено, гражданскому праву, уголовному праву, гражданскому и уголовному судопроизводствамъ.

Н. Ивановскій.

*Князь Теряевъ Распояхивъ. Историческая повѣсть А. Зарина. С.-Пб. и М. Изд. Т—ва М. О. Вольфа. 274 стр. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.

Содержаніе этой повѣсти отличается сложностью и запутанностью. Князь Теряевъ—сильный человекъ при царѣ Михайлѣ Федоровичѣ. У него въ подмосковномъ имѣніи живетъ жена и маленький сынъ Миша. Онъ, несмотря на свой ребяческій возрастъ, уже обрученъ съ такою же маленькой дѣвочкой, дочерью отцовскаго друга, тоже знатнаго боярина. На эту дѣвочку имѣетъ виды другое боярское семейство, имѣющее подростка сына; но, чтобы поженить сына на невѣстѣ Миши, надо устранить самого Мишу. И вотъ подкупленные скоморохи похищаютъ Мишу. Такова завязка этого уголовного романа изъ русской жизни XVII вѣка.

Содержаніе романа сводится къ разсказу—1) о тѣхъ усиліяхъ, которыя прилагалъ отецъ Миши въ поискахъ сына,—2) о тѣхъ приключеніяхъ, которыя претерпѣлъ мальчикъ въ обществѣ пьяныхъ и буйныхъ скомороховъ.

Авторъ пишетъ бойко, образы изъ-подъ его пера выходятъ живые, колоритные,—жалъ только, что своимъ запутаннымъ сюжетомъ авторъ воспользовался для того, чтобы нарисовать только *оборотную* сторону жизни Москвы XVII в. Юный читатель узнаетъ изъ книги г. Зарина, какъ отборно и художественно ругались русскіе люди XVII в. Впрочемъ, вѣроятно, многія изъ этихъ ругательствъ изобрѣтены самимъ г. Заринымъ, на примѣръ: щучья кость (19), комарный зудъ (20), волчья сыпь (сыть?) (50), песьи дѣти (154) и мн. др.

Авторъ особенно подробно останавливается на мрачныхъ, отвратительныхъ картинахъ пытки, пьянства въ кабакахъ и пр.; о скоморохахъ онъ считаетъ нужнымъ сообщить, что „срамота ихъ плясокъ была неописуема“, и съ нимъ можно согласиться, судя по тому рисунку, который онъ сдѣлалъ, изобразивъ одну изъ „фигуръ“ скоморошьей пляски (13).

Яркими отталкивающими чертами рисуется авторъ Фодьку, содер-

жателя „рапаты“¹⁾. Рапата, по его опредѣленію, это—мѣсто, гдѣ „пьяница, распутный ярыга и боярскій сынъ подлый, скоморохъ и иноземный насмѣиъ находили здѣсь все и во всякое время“. Въ такое убѣжище ведетъ авторъ своего читателя и, не довольствуясь своимъ колоритнымъ стилемъ, иллюстрируетъ еще большой картиной, изображающей пьянство въ кабацѣ. Здѣсь раздаются восклицанія въ родѣ: „лей въ мою голову! остались еще алтыны отъ материнскаго благословенія!“ (47). Это кричитъ почти раздѣтый пьяный ярыга, стуча оловянной чаркой. Другіе гости разрисованы такими же привлекательными чертами. Сцену пьянства и разгула въ кабацѣ авторъ рисуетъ трижды и всякій разъ съ такою же обстоятельностью (46—53, 100—102, 132—3).

Иногда авторъ оставляетъ перо художника и беретъ за перо историка, но впечатлѣніе остается все такимъ же тяжелымъ. То онъ рассказываетъ, какъ собирали недоимки съ жителей: „не жалѣли крупныхъ и жестокихъ мѣръ во взысканію пошлинъ. Во всѣхъ городахъ торговныя площади оглашались воплями людей, выведенныхъ на правезь“.

„Каждый день такихъ должниковъ приводили толпами на площадь и били ихъ палками по ногамъ, пока кто-либо, сжалившись, не выкупалъ ихъ, платя недоимку. Для усиленія доходовъ задумали вездѣ строить кабаки, и казна сама взялась курить вино; но много ли могъ пропить нищій, не имѣющій и на хлѣбъ?“

Служилые люди и боярскія дѣти, не получая жалованья, разбѣгались, оставляя свои полки.

Землевладѣльцы и люди посадскіе бѣжали отъ воеводъ и прятались по лѣсамъ, какъ дикіе звѣри“ (119). Едва-ли такое одностороннее освѣщеніе эпохи можетъ быть должнымъ образомъ переварено юной головой читателя!

Особенно обстоятельно рисуетъ авторъ систему пытокъ, которыя практиковались у насъ. Напримѣръ, „у насъ имѣлись двѣ доски, утыканныя гвоздями. Клади человѣка на одну доску, прикрывали другой и, для вѣрности (?), ложился на нее залпечный мастеръ; въ ротъ „забивался клинъ съ расклиненіемъ“; надѣвалась на голову простая бичевка и закручивалась, пока у пытаемаго не вытѣзали глаза, ну и клещи, смола и сѣра, уголья и вода практиковались у насъ съ тѣмъ

¹⁾ Авторъ подъ этимъ словомъ подразумѣваетъ „кабацъ“, но въ др.-русск. языкѣ это значило черкось, кѣрка, мечеть.

же успѣхомъ... Рубили у насъ головы, четвертовали, колесовали, жгли и, въ дополненіе, сажали на колъ и зарывали въ землю" (210—11). Не довольствуясь этимъ, авторъ подробно рисуетъ намъ картину, какъ пытали дыбой одного изъ дѣйствующихъ лицъ, какъ у него хрустѣли кости, какъ его били кнутомъ и пр. (211—12).

Совершенно излишне для хода разсказа было останавливаться на нищихъ священникахъ того времени: „иной священникъ за калачъ служилъ молебень, а за алтынъ служилъ обѣдню“. Далѣе авторъ рисуетъ одного такого священника. Сѣденый, въ ластяхъ и онучахъ, въ рваной, заплатанной рясѣ, съ бородкой клинучкомъ, онъ робко переступилъ порогъ княжескихъ хоромъ и дрожащею рукой благословилъ князя съ княгиней“.. (201).

Служилые люди, дьяки и приказные охарактеризованы почти исключительно съ отрицательной стороны. Какъ образецъ, привожу характеристику одного: „былъ онъ толстый и жирный, съ отвислымъ животомъ, пьяница горькій, до наживы жадный, со старшими раболѣпный, съ младшими дерзостенъ“ (149).

Авторъ старается стилою своему придать историческій колоритъ; иногда это ему удается, иногда нѣтъ. Во многихъ случаяхъ онъ оставляетъ безъ объясненія употребляемые имъ архаизмы: ходилъ имать Маринку (стр. 6), „онъ въ нѣтяхъ“, „ярыга“, „шиши“ (58) и пр.

В. Сиповскій.

*Газавать, тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повѣсть Л. А. Чарской, съ 10 ориг. глав. и 127 копіями съ картинъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ С.-Пб. и М., II + 310 стр. + II. Цѣна 2 руб. 75 коп., въ кол. пер. 3 руб 50 коп.

Эта прекрасная книга читается съ живѣйшимъ интересомъ. Авторъ описываетъ возстаніе Шамиля и геройскую борьбу съ нимъ русскихъ. Этотъ фонъ разработанъ прекрасно: пользуясь историческими данными, г-жа Чарская полно и обстоятельно нарисовала послѣдній эпизодъ изъ кровавой исторіи покоренія Кавказа и, что не менѣе цѣнно, удачно иллюстрировала свой разсказъ 127 копіями съ картинъ, рисунковъ и портретовъ, принадлежащихъ кисти старыхъ и новыхъ художниковъ. Такимъ образомъ, въ книгѣ г-жи Чарской читатель знакомится съ цѣлою художественною галлереей, посвященной покоренію Кавказа.

На этомъ, хорошо разработанномъ, историческомъ фонѣ изображена особенно старательно семейная жизнь Шамиля. Особенно выдвигается старшій сынъ его, жившій заложникомъ у русскихъ и обрусившійся

до того, что всѣ симпатіи его перешли къ русскимъ; даже сердцемъ его завладѣла русская дѣвушка. Ему, отщепенцу отъ родныхъ горъ, родной семьи и родного дѣла, пришлось вернуться на родину чужимъ, ненужнымъ и большимъ чухоткой. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что всѣ дѣйствующія лица повѣсти: „молодой русской офицеръ, его другъ, сынъ вождя возставшихъ горцевъ, привязавшійся къ Россіи и полюбившій русскихъ, юная страдалница — христіанка, пошавшая въ плѣнъ къ горцамъ, свирѣпый и жестокой воинъ—миридь, добрая, сострадательная чеченка — это, болѣею частью, лица историческія“.

Полагаю, что повѣсть Газаватъ будетъ украшеніемъ всякой библіотеки.

В. Сиповскій.

*И. Н. Потапенко. Сочиненія.—1) Т. VI. Пьесы. Изданіе второе. С.-Пб. 1904. Стр. 535. Цѣна 1 руб. 50 коп.; 2) Т. VII. Два счастья, романъ въ трехъ частяхъ. Повѣсти и рассказы. Изданіе третье. С.-Пб. Стр. 530. Цѣна 1 руб. 50 коп.; 3) Т. VIII. Одинъ, романъ. Повѣсти и рассказы. Изд. 3-е. С.-Пб. Стр. 497. Цѣна 1 руб. 50 коп.; 4) Т. IX. Изд. 3-е. С.-Пб. Записки стараго студента. Стр. 575. Цѣна 1 руб. 50 коп.; 5) Т. X. Изд. 3-е. С.-Пб. Свѣтлый лучъ, романъ. Повѣсти и рассказы. Стр. 574. Цѣна 1 руб. 50 коп.; 6) Т. XI. Изд. 3-е. С.-Пб. Любовь, романъ. Повѣсти и рассказы. Стр. 581. Цѣна 1 руб. 50 коп.; 7) Т. XII. Сильфида, романъ. Повѣсти и рассказы. Изд. 3-е. С.-Пб. Стр. 598. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Шестой томъ „Сочиненій И. Н. Потапенко“ посвященъ театру. Пьесы г. Потапенко читаются легче, чѣмъ его произведенія въ мнѳологической формѣ. Конечно, и здѣсь г. Потапенко остается вѣрнѣмъ себѣ: онъ не гоняется за эффектами „настроенія“, не претендуетъ ни на Чеховскую типичность персонажей, ни на глубину психологическаго анализа.

Зато дѣйствіе въ пьесахъ развивается съ достаточной естественностью и ведется живо,—особыхъ шаржей нѣтъ и мелодраматизма также.

Первая пьеса „Жизнь“—изъ наименѣе удачныхъ: сюжетъ ея—смерть талантливаго доктора отъ раны на дуэли.

Пьесу портитъ ся начало: герой дѣлаетъ—чуть что не на сценѣ—какую-то мудреную операцію; на карту ставится не только репутація ученаго, но и жизнь больнаго. Въ результатъ, конечно, его триумфъ и посрамленіе консилиума. Я не докторъ, но думаю, что доктора не болѣе довольны въ пьесѣ г. Потапенко изображеніемъ ихъ міра—по

крайней мѣрѣ, въ техническомъ отношеніи, — чѣмъ педагоги, когда они въ романахъ и разсказахъ г. Потапенки читаютъ о педагогическихъ совѣтахъ, экзаменахъ и т. д. Жаль, что г. Потапенко не знакомится подробнѣе съ особенностями той среды, за изображеніе которой онъ берется—онъ могъ бы, конечно, изобразить и докторовъ и учителей болѣе похожими на настоящихъ докторовъ и учителей.

Вторая пьеса — „Чужіе“. Въ центрѣ старый учитель-идеалистъ; его сынъ дѣлаетъ непорядочную вещь, бросая мать своего ребенка, чтобы жениться на богатой вдовѣ. Въ концѣ концовъ все обходится довольно гладко—мать ребенка щедро вознаграждена и даже устроена, но старикъ все же отказывается отъ сына—они съ этихъ поръ „чужіе“. „Волшебная сказка“ посвящена изображенію мечтательницы, которая изъ своей бѣдной и мѣщанской среды сбѣжала къ богатому графу, пожилому брату своей институтской подруги. Графъ—порядочный человекъ и отчасти литераторъ, но все-таки изъ „волшебной сказки“ не выходитъ ничего хорошаго, и дѣвушка убѣгаетъ изъ пріютившей ее было золотой кѣтки—работать и быть свободной.

„Лишенный правъ“—лучшая пьеса репертуара г. Потапенки. Сюжетъ—возвращеніе изъ Сибири нѣкоего „лишеннаго правъ“, ранѣе того бывшаго инженеромъ. Его жена уже успѣла выйти замужъ за его бывшего пріятеля, дочь выросла, ничего не зная о судьбѣ отца; человекъ, котораго „Лишенный правъ“ когда-то покусился убить, давно поправился и мирно служить на желѣзной дорогѣ, — и вдругъ въ этотъ муравейникъ является человекъ, выработавшій себѣ въ Сибири новыя жизненныя привычки и новый взглядъ на прежнія свои буржуазныя стремленія. Въ пьесѣ очень хорошъ старикъ отецъ „лишеннаго правъ“—суровый, прямой и твердый. Видя свое несоответствіе прежней средѣ, „лишенный правъ“ уходитъ, но однимъ появленіемъ своимъ онъ сдѣлалъ многое. Дочь его теперь уже не та. Вся жизнь ея пойдетъ по иному пути, лучше, свѣтлѣе.

„Букетъ“—шутка очень веселая и мѣстами остроумная; „комедія“, нишеть г. Потапенко, это не точно—водевиль, сценка, но не болѣе: осмѣивается союзъ „антимужнистовъ“, союзу судьба распасться изъ за понавашаго къ союзницамъ букета, который онъ никакъ не подѣлать.

„На лонѣ природы“ веселая шутка. Въ центрѣ скука и злоключенія петербуржцевъ въ глухой деревнѣ; очень забавна семья Бахлажановыхъ, мать съ дѣлымъ выводкомъ дочерей-невѣстъ.

„Каменный вѣкъ“ названъ такъ: шуточное представленіе въ 4-хъ

дѣйствіяхъ. Осмѣливается губернская аристократія, которая придумала себѣ новую потѣху—заняться археологіей. Мимоходомъ зачерчено нѣсколько забавныхъ карикатуръ, помѣщика-музыканта и жуира, который въ связи съ археологіей умудряется устроить себѣ дополнительную ссуду, недвижнаго толстяка-созерцателя, выжиги купца, который ищетъ извѣстности, учителя-археолога, барышни съ мелодекламацией.

„Высшая школа“—пѣса въ 4-хъ дѣйствіяхъ, довольно запутанная. На фонѣ прожитателей жизни, изображенныхъ впрочемъ безъ особаго увлеченія и вовсе не соблазнительно, развивается романъ молодой парочки, при чемъ составляющіе ее индивиды такъ строги, что не хотятъ даже чокнуться съ жуирами по поводу своей помолвки, и жуирамъ приходится пить промежъ себя.

„Искушение“—пѣса съ трагическимъ характеромъ и даже убійствомъ въ заключеніи; въ центрѣ нѣкая Марьяна Сандалова, дѣвушка съ благороднымъ и горячимъ сердцемъ, которая спасаетъ своего beau-frère'a отъ постывшей ему жены, ея же собственной сестры, но при этомъ весьма непорядочной женщины.

Въ результатъ я думаю, что въ шестомъ томѣ сочиненій г. Потапенки, который вполне можетъ быть данъ въ руки ученикамъ старшихъ классовъ, найдется нѣсколько пьесъ или сценъ, которыя подходятъ къ любительскимъ спектаклямъ.

Седьмой томъ заключаетъ въ себѣ большой романъ „Два счастья“. Это романъ между художникомъ и богатой буржуазкой, дочерью лѣсопромышленника. Художникъ, по увѣренію г. Потапенки, очень даровитъ, но въ романѣ онъ болѣе дѣйствуетъ „по лѣсной части“ и амурамъ, чѣмъ по своей специальности. Такъ какъ на 200-хъ слишкомъ страницахъ герой все пытается совмѣстить добродѣтель (онъ женатъ и отецъ семейства) съ сладостью порока, то производитъ крайне непріятное впечатлѣніе: г. Потапенко хотѣлъ представить его страждущимъ, а изобразилъ наоборотъ нѣсколько противнымъ. Кончается все къ общему благополучію: художникъ выигралъ въ рулетку, буржуазка (дѣвица) вышла замужъ за какую-то солидную фирму, а читатель получалъ облегченіе отъ безрадостной капители ихъ несостоявшагося романа. Изъ повѣстей этого тома выдѣляется большое повѣствованіе о дочери одного курьера, которая была настолько благоразумна, что отказалась отъ счастья сдѣлаться женой безумно влюбленнаго въ нее сына важнаго департаментскаго чиновника. Повѣсть читается не безъ интереса, и семья департаментскаго аристократа изо-

бражена даже съ большимъ искусствомъ. Прочитать эту повѣсть было бы не бесполезно тѣмъ родителямъ, которые захотятъ научиться отклонять своихъ дѣтей отъ неровныхъ браковъ. Есть еще въ томъ же томѣ юмористическій рассказъ о семьѣ крестьянина, въ которой родится двѣнадцатый ребенокъ: на такіа картинки съ дьяками, горилкой, люлькой и прочимъ аппаратомъ г. Потапенко настоящій мастеръ.

Восьмой томъ открывается объемистымъ романомъ *Одимъ*: это исторія одного молодого человѣка, въ которомъ г. Потапенко хотѣлъ представить исключительную натуру. Молодой человѣкъ получалъ отъ одного коммерсанта—тоже исключительной натуры—большое состояніе, и это даетъ ему возможность ярче проявить въ романѣ свою исключительность. Несмотря на всѣ свои достоинства, герой, Митя Ворошиловъ, не умѣетъ внушить никому любви: только въ заключенію романа этотъ юноша догадался, что онъ въ жизни до сихъ поръ не работалъ, а лишь волновался и ораторствовалъ, и мы закрываемъ книгу на томъ, что, покинутый любящей его дѣвушкой, онъ рѣшается пройти „суровую школу жизни“—учиться и работать. Въ общемъ романъ—чистый и съ хорошей тенденціей.

Въ томъ же томѣ помѣщены наброски изъ дѣтскихъ воспоминаній какихъ-то помѣщичьихъ дѣтей, написанные довольно живо, но безъ всякой оригинальности. Далѣе идетъ анекдотическій рассказъ о томъ, какъ мужъ, литераторъ, даетъ своей женѣ, которая проситъ его тайкомъ позаимствовать изъ писательскаго фонда двѣ тысячи для спасенія ея брата-офицера отъ суда за растрату,—урокъ справедливости. Деньги онъ достаетъ, и офицеръ спасенъ, но для этого литераторъ спускаетъ мебель изъ будуара свой буржуазки-жены. Анекдотъ мало вѣроятенъ, но не лишень пикантности.

„На ты“—поучительная повѣсть о томъ, какъ пріятный и искусный игрокъ въ винтъ устраиваетъ свою фортуна: какой-то богатый самохуръ даетъ ему на поправку 17 тысячъ, въ долгъ, но безъ расписки.

„Безъ бою“—довольно нелѣпая повѣсть о томъ, какъ бухгалтеръ потихоньку да полегоньку, и незамѣтно для всѣхъ при этомъ, одѣлся удивительнымъ художникомъ и совершенно посрамилъ своего сожителя—заправскаго художника: увидѣвъ дивно прекрасную картину—экспромптъ ново-явленнаго мастера, педантъ-труженникъ поставилъ крестъ на собственномъ творчествѣ, а счастливый соперникъ уступилъ ему за это свое бухгалтерское мѣсто; новый геній отбѣдъ

у новаго бухгалтера даже невѣсту, но покуда онъ уѣхалъ въ Италію. Зачѣмъ г. Потапенко посылаетъ его въ Италію, неизвѣстно, ибо, по-видимому, цѣль повѣсти доказать, что гений нуждается только во вдохновеніи.

Томъ IX называется „Записки стараго студента“ и посвященъ разсказамъ о студентахъ, объ университетѣ и т. п. Разказы все невинныя: напр., о полковникѣ, который держалъ для студентовъ открытый столъ, о тайномъ совѣтникѣ, который далъ двумъ бѣднымъ студентамъ сто рублей и пригласилъ ихъ обѣдать. Лучше другихъ изображеній въ этомъ томѣ удаются г. Потапенко фигуры плутоватьихъ студентовъ, напр. Кирдяги въ „Исторіи одной коммуны“. Есть исторіи и совершенно невѣроятныя, напр. „Два таланта“—о десятилѣтнемъ скрипачѣ. Читатель легко утомляется героизмомъ въ персонажахъ г. Потапенко, но съ удовольствіемъ читаетъ у того же писателя юмористическое повѣствованіе о колбасахъ, о чеботкахъ съ подковками и т. п.

Большая часть десятаго тома занята романомъ „Свѣтлый лучъ“. Свѣтлый лучъ, это—докторъ нѣсколько сумашедшій, по крайней мѣрѣ съ припадками *raganoia hallucinata*, до того героичный и самозабвенный, что на страницахъ романа онъ дважды въ морозъ снимаетъ съ себя шубу, чтобы укрыть ею иззябшую старуху. Женщины, не исключая и женщины врачей, влюбляются въ него подходя, а такъ какъ при этомъ Свѣтлый лучъ вообще человѣкъ сильныхъ страстей, то онъ порой и пользуется своими чарми и ихъ слабостью. Кончается исторія грустно: Свѣтлый лучъ отравляется, а благодаря тому, что его товарищи-врачи скрываютъ это, желая избавить его вдову отъ тяжелой церемоніи вскрытія самоубійцы, то она, эта самая вдова, вскорѣ сама пользуется остатками яда и шприцемъ, и тоже поканчиваетъ съ собой. Романъ производитъ тяжелое впечатлѣніе; въ немъ все время чувствуется напряженность, и очень ужъ тамъ много кутятъ врачи, даже женщины выпиваютъ, — что-то, кажется, такъ и не бываетъ.

„На пенсію“—исторія молодого и бесполезнаго дворянина, которому ежемѣсячно выплачиваютъ 200 рублей пенсіи мужъ его сестры, цивилизованный кулакъ, въ душѣ имъ презираемый. Исторія довольно забавная и очень возможная, въ сущности.

„Подвальный этажъ“ — повѣсть о прагматической дочери бѣднаго гробовщика, которая такъ хорошо воспользовалась своими чарми и искусствомъ (танцовщицы); что ей старый отецъ можетъ отереть по-

хорошное бюро,—повѣсть тоже трогательная по безоблачности проявленнаго въ ней міросозерданія.

„Азорка“—исторія накопленія обиды и ненависти у жены противъ мужа; разрывъ происходитъ изъ за собаки, которую застрѣлилъ мужъ, но вспышка готовилась ежедневно. Въ повѣсти есть интересные штрихи.

Первая половина XI тома занята романомъ „Любовь“: въ основѣ романа лежитъ исторія постепеннаго нравственнаго обновленія мужчины подъ вліяніемъ любящей его женщины. Богатый дворянинъ не безъ темперамента и даже не безъ задатковъ рыцарства, но съ міросозерпаніемъ кулака, плѣняетъ интеллигентную и тонко чувствующую идеалистку. Они вступаютъ въ бракъ, и дѣвушка сначала терпитъ много разочарованій, но мало по малу отвоевываетъ своего рыцаря у темныхъ силъ. Мимоходомъ зачерчено нѣсколько скучнѣйшихъ идеалистовъ: старый учитель, помѣщикъ, молодой человекъ безъ опредѣленныхъ занятій и т. д.

„Другъ для друга“ повѣсть объ оскудѣвшемъ князѣ и разбогатѣвшей поизанкѣ—они-то и оказываются созданными другъ для друга: довольно нелѣпый анекдотъ, увѣичанный соединеніемъ двухъ пламенныхъ сердецъ, занялъ 70 страницъ мелкой печати, это уже нѣкоторая роскошь, особенно въ наше время при частыхъ забастовкахъ типографій.

Презабавно и живо написанъ „Рыбальскій сонъ“. Нельзя сказать того же о „Горѣ генеральскомъ“: это исторія одного штатскаго генерала, котораго выручаетъ изъ плѣна, созданнаго правителемъ его канцелярין, бывший же его подчиненный, большой док. Генералъ этотъ большая дрянь, а г. Потапенко рассказываетъ о немъ съ такой нѣжной заботливостью, что читателю въ концѣ концовъ становится немного противной вся эта канитель.

„Сфинксъ“—повѣсть, въ которой рассказывается, какъ петербургскій интеллигентъ ѣдетъ въ деревню и находитъ въ этой деревнѣ все не такъ, какъ онъ предполагалъ.

Въ этомъ мало оригинальномъ, но недурномъ рассказѣ, есть одна черточка, за которую г. Потапенко многое можно простить. Къ петербургскому гостю является становой; тотъ, разумѣется, думаетъ, что это визитъ по сыскной части, а оказывается, что становой по своей инициативѣ устраиваетъ въ селѣ народную читальню и пріѣхавъ узнать, нельзя ли раздобыть книжечекъ.

Двѣнадцатый томъ сочиненій г. Потапенки содержитъ въ себѣ

романъ *Сильфида*; романъ этотъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ произведеній г. Потапенки, имѣетъ колоритъ историческій. Сильфида—молодая танцовщица: какой-то самодуръ полковникъ похищаетъ ее изъ театра, таитъ среди Москвы, не хуже чѣмъ въ крѣпкомъ рыцарскомъ замкѣ, потомъ на ней женится, и огромный романъ посвященъ довольно тусклому существованію Сильфиды, пока, наконецъ, надѣвши читателямъ и, можетъ быть, самому романисту, эта госпожа не умираетъ подъ звуки клавикордъ, на которыхъ ея дочь наигрываетъ танцы Сильфиды—ея перваго и послѣдняго триумфа. Историческій аппаратъ романа не особенно сложенъ: колымага, квартальный, порка, сальная свѣча—и обчелся.

„Незамѣнимая утрата“ это смерть еврея дамскаго портного.

„Повозка“—маленькій рассказъ о томъ, какъ наказываютъ розгами стараго крестьянина, а его сынъ подъ вліяніемъ этого становится бродягой на пути къ преступленію.

„Поздно“—недурной рассказъ о томъ, какъ дочь помѣшала отцу вторично жениться, а потомъ, когда эта самая дочь сама вступаетъ въ бракъ, неудачному отцу отказываетъ уже его бывшая невѣста на томъ основаніи, что „поздно“.

Въ двѣнадцатомъ томѣ есть еще интересная повѣсть, „Смертнѣй бой“: въ основу ея положена исторія одной женской души. Пѣкій литераторъ, благодаря неожиданно полученному наслѣдству, ѣдетъ съ семьей въ Парижъ. Здѣсь его жена Ольга Сергѣевна постепенно подпадаетъ сладко-гибельному вліянію новаго Вавилона; она томится, все не по ней; она чувствуетъ вокругъ себя дыханіе какой-то жизни — до нее доходящей лишь урывками — жизни, совершенно не похожей на ту, изъ которой она привезла въ Парижъ свои увядшія щеки и сѣдые волосы. Ольга Сергѣевна хочется наверстать потерянное, но эта безтолочь изъ жуировъ, модистокъ, социаль-демократовъ, курсистокъ и русскихъ журналистовъ, въ атмосферѣ гигантскаго и шумнаго города, въ концѣ концовъ доводитъ ее только до самоубійства.

Въ рассказѣ есть очень интересные штрихи, и въ общемъ онъ производитъ хорошее впечатлѣніе.

Въ беллетристикѣ г. Потапенко есть черты положительныя и есть отрицательныя стороны.

Положительную сторону творчества г. Потапенко я вижу прежде всего въ томъ, что это писатель не претенциозный: онъ не претендуетъ на особую тонкость въ постиганіи человѣческой души или изящную

небрежность письма, у него всегда понимаешь, что именно онъ хочетъ сказать.

Среди вломанныхъ и вычурныхъ произведеній нашей художественной литературы за послѣдніе годы, творчество г. Потапенко въ этомъ отношеніи является исключительнымъ.

Затѣмъ—муза г. Потапенко скромна. Это писатель, который, я думаю, ни одной души не соблазнилъ еще красотой изображаемыхъ имъ пороковъ.

Кромѣ ряда художественныхъ произведеній, на которыхъ я останавливался рѣже и не разъ уже (они рисуютъ среду сельскаго духовенства и бурсу), и съ которыми г. Потапенко, вѣроятно, на долго связалъ свое писательское имя,—онъ пишетъ съ различнымъ успѣхомъ романы, повѣсти, картинки, сцены, комедіи изъ жизни всевозможныхъ слоевъ русскаго общества. Въ основѣ этихъ повѣстей, гдѣ автору часто не хватаетъ живыхъ наблюденій и приходится сочинять,—лежитъ обыкновенно какая-нибудь мысль. Мирозерцаніе г. Потапенки обнаруживаетъ въ немъ практическаго моралиста: ему симпатично все здоровое и жизнеспособное;—честность, гуманность, справедливость у него нерѣдко торжествуютъ, такъ какъ именно эти свойства человѣческой натуры обезпечиваютъ людямъ здоровое, нормальное счастье. Но для того, чтобы дать торжество среднимъ здоровымъ особямъ, г. Потапенко приходится иногда нѣсколько обижать благородные эксцессы—не то, чтобы онъ ихъ хотѣлъ унижить,—Боже сохрани!—но они какъ-то тускнутъ подъ его перомъ, какъ старый идеалистъ въ пьесѣ „Чужіе“, или оказываются сродни безумію, напр., въ повѣсти „Свѣтлый лучъ“.

Въ повѣстяхъ г. Потапенко чувствуется не всегда искусный писатель и часто художникъ ужъ слишкомъ нетребовательный къ себѣ,—но за то въ нихъ почти всегда чувствуется человѣкъ, который думалъ надъ жизнью и учился лавировать среди ея Спильтъ и Харибль: известная доля душевнаго равновѣсія, которой этотъ писатель, повидимому, дорожить, не родилась съ нимъ, ее надо было добыть опытомъ и разсужденіемъ.

Отрицательной стороной беллетристики г. Потапенко я считаю спѣшность работы и растянутость большинства его произведеній: нельзя ставить г. Потапенко особо строгихъ художественныхъ требованій, такъ какъ, повторяю, это писатель не претенціозный.

М. Анисимій.

*Книга природы (все естествознаніе), ботаника, зоологія и палеонтологія. Иллюстрированное изданіе (600 полнѣтѣжныхъ рисунковъ, изъ нихъ 3 раскрашенныхъ). Полный переводъ съ 23-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей академика *С. И. Коротинскаго* и профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета *В. Т. Швальбе*. Цѣна 4 р., въ хорош. колѣнк. пер. 5 р. Москва 1899—1901.

Врядъ ли можно согласиться, что ботаника, зоологія и палеонтологія исчерпываютъ „все естествознаніе“, какъ гласитъ заглавный листъ. Но это еще не такъ важно, если бы книжка была равномерно хорошо обработана во всѣхъ ея частяхъ, а на дѣлѣ этого нѣтъ.

Зоологическая часть, составленная проф. Швальбе и Томе, настолько мало пригодна для чтенія или изученія, что ее не стоило переводить на русскій языкъ. Отдѣлъ, посвященный человѣку, хотя не безъ погрѣшностей, но еще пригоденъ для чтенія. Пожалуй, съ натяжкой годятся позвоночныя, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше книги переходить въ каталогъ или конспектъ, состоящій изъ массы именъ, иногда даже только латинскихъ, съ поясненіемъ въ нѣсколько словъ, а иногда и вовсе безъ поясненія.

Таковы всѣ систематическіе отдѣлы, въ особенности же систематика наѣкомыхъ. То же свойственно и другимъ частямъ книги. Говори, напр. о мшанкахъ, авторъ пишетъ: „Изъ морскихъ назовемъ: *Retepora*, *Flustra*, *Alcyonella*, *Plumatella*; мы встрѣчаемъ ихъ въ видѣ развѣтвленныхъ трубочекъ, покрывающихъ слоями камни и растенія стоячихъ водъ (въ морѣ-то?), напр., листья водяной лиліи“ (стр. 410).

Во-первыхъ, *Alcyonella* и *Plumatella*—формы не морскія, а прѣсноводныя, какъ и весь отрядъ, къ которому они относятся, и представляютъ наиболѣе обычныя формы нашихъ водъ. Во-вторыхъ, что говорятъ ученику эти четыре латинскихъ названія? Въ-третьихъ, какое у него останется представленіе о мшанкахъ, которымъ посвящено всего 8 строчекъ?

Нельзя, затѣмъ, употреблять въ книгѣ для юношей безъ всякаго объясненія такія выраженія, какъ „регрессивный метаморфозъ“ (стр. 400), „промежуточный хозяинъ“ (стр. 417), „полная сегментация“ (стр. 424) и т. п., какъ вообще польза быть конспективнымъ до неясности въ изложеніи.

Такъ, напр., радула моллюсковъ описывается въ двухъ мѣстахъ (стр. 401 и стр. 404), но оба описанія сводятся къ тому, что это—*языкъ, усаженный зубами*. Это, конечно, даетъ совершенно невѣрное

представленіе читателю, тѣмъ болѣе что при этомъ ему не пояснено, что это вовсе не зубы, съ которыми онъ знакомъ по позвоночнымъ, а хитиновые зубчики. Кстати, мимоходомъ укажемъ, что на стр. 401 радула приписывается только *Cephalophora* и какъ будто оказывается несвойственной *Cephalopoda*. Послѣ описанія легкихъ позвоночныхъ говорится о легкихъ (а не о легкомъ, какъ бы слѣдовало) улитки (стр. 404) и о легкихъ (а не о легочныхъ мѣшкахъ, что было бы правильнѣе) паукообразныхъ (стр. 397); но безъ всякаго поясненія, что улитка и паукообразныя обладаютъ такими же легкими, какъ и позвоночныя. Въ характеристикѣ червей (стр. 411) выступаетъ „кожномускульный мѣшокъ“, но тоже безо всякаго объясненія. Не лучше ли было сократить систематику и дать понятное изложеніе организаціи? Возвращаясь къ очерку чловека, отмѣтимъ слѣдующіе промахи.

На стр. 168 говорится, что по удаленіи извести изъ кости остается „хрящъ“ (*костный хрящъ*); на стр. 176 говорится, что весь животный міръ дѣлится на двѣ главныя группы: позвоночныхъ и беспозвоночныхъ, каковому дѣленію однако авторы сами благоразумно не слѣдуютъ (стр. 234). На стр. 192 волосы описываются, какъ полый цилиндръ, наполненный красящимъ веществомъ, что противорѣчитъ элементарному представленію о строеніи волоса.

Въ зоологической части тоже не мало промаховъ.

На стр. 272. Парнокопытныя невѣрно опредѣлены какъ имѣющія всегда парное число пальцевъ; на стр. 286 сообщаются давно опровергнутыя свѣдѣнія о тарпанахъ; на стр. 293 названіе *Monotremata*—но русски передано „утконосы“, а изъ описанія ехидны (стр. 294) читатель въ правѣ заключить, что у нея нѣтъ клюва. Вопреки тому, что читатель найдетъ на стр. 355, у ланцетника найдено небольшое число красныхъ кровяныхъ тѣлецъ, а встрѣчается онъ почти во всѣхъ моряхъ; называть лапку насѣкомыхъ „единственнымъ пальцемъ“ (стр. 358) совершенно невѣрно и излишне; на стр. 393 упоминаются несуществующіе „паразитирующіе пауки“. На стр. 397 сказано, что у одной части ракообразныхъ „дѣтеныши рождаются похожими на зрѣлое животное“, что, по аналогіи съ тѣмъ что сообщеннымъ фактомъ живородности скорпионовъ (стр. 394), заставить ученика ошибочно думать, будто и эти ракообразныя живородящи. На стр. 398 читаемъ такія фразы: „Бедряные членики пяти паръ ногъ (у мечехвоста) образуютъ челюсть“ или „жабры (у рѣчного рака) прикрѣплены гребневидной бахромой къ основанію конеч-

ностей“. О значеніи первой фразы можетъ догадаться только зоологъ, а во второй, вѣроятно, надо сказать „въ видѣ гребневидной бахромы“, что тоже несовсѣмъ вѣрно. На стр. 411 читаемъ, что у червей можно „почти всегда отличить голову, грудь и брюшко“, т. е. совершеннѣйшій *pop sens*, тѣмъ болѣе, что на стр. 234 самъ авторъ называетъ тѣло червей „равноуставчатымъ“. Вообще же описаніе выдѣлительной и нервной системы червей, а равно и характеристики классовъ червей (какъ и большинства другихъ) на столько сжаты, поверхностны, а мѣстами не точны, что ученикъ изъ всей стр. 412 ровно ничего не вынесетъ. На стр. 419 говорится, что „яйца сосальщиковъ откладываются въ воду“, что для паразитовъ, каковыми являются сосальщики, не всегда легко сдѣлать; на стр. 420 неудобное описаніе амбулакральныхъ ножекъ; на стр. 424 скомканное описаніе размещенія спифомедузъ (что значить, напр., личинка „образуетъ боковыя вѣточки“?—вѣроятно, рѣчь идетъ о почкахъ?); на стр. 426 непонятное описаніе образованія осевого скелета полиповъ и т. д.

Что касается до перевода, то хотя, не имѣя передъ собой подлинника, трудно разграничить недостатки оригинала отъ недостатковъ перевода, но тѣмъ не менѣе можно сказать, что существеннымъ недостаткомъ перевода (если не претендовать на дополненіе подлинника свѣдѣніями, важными для русскаго читателя) является терминологія и номенклатура.

„Членосуставная влага“ (стр. 164) вмѣсто „сочленовная жидкость“; „суставная чашка“ (стр. 173) вмѣсто „сочленовная впадина“; „вращательный нервъ“ (стр. 182)—вмѣсто „блоковой нервъ“; „пигментовыя тѣльца“ (191) вмѣсто „пигментныя тѣльца“; „язычокъ“ (стр. 216) вмѣсто „подгортанникъ“ (въ русской терминологіи язычкомъ называется *uvula*); „вробисъ“ (стр. 259) вмѣсто „барсъ“; „семейство лисухъ“ (стр. 320) вмѣсто „сем. пастушковъ“ (*Rallidae*); „морской попугай“ вмѣсто „топорицъ“ (*Mormon fratercula*); „пилицикъ“ (стр. 325) вмѣсто „крохаль“ (*Mergus*); „панцырная ящерица“ (стр. 335) вмѣсто „желтопузикъ“ (*Pseudopus*); „чешуйчатая саламандра“ (стр. 342) вмѣсто „чешуйчатникъ“ (*Lepidosiren*); „закрытые сосуды“ (стр. 402) вмѣсто „замкнутые сосуды“ и т. д.

Введеніе новыхъ наименованій вмѣсто уже укоренившихся, вообще нежелательно, но особенно неудобно, когда они переносятся съ одного животнаго на другое. Обыкновенно *мѣдьяницей* принято называть безногую ящерицу *Anguis fragilis*, что и дѣлаетъ переводчикъ на стр. 334, но въ то же время онъ *мѣдьяницей* называетъ червеобразную змѣйку

(стр. 330)—надо предполагать *Turphlops vermiculatis*. Веслоногими обыкновенно называютъ ракообразныхъ *Sopropoda*, что и дѣлаетъ переводчикъ на стр. 398, но въ то же время веслоногими онъ называетъ моллюсковъ *Pteropoda* (стр. 407), которымъ даетъ еще и другое названіе—плавниконогихъ, но не даетъ почему-то принятаго въ русскихъ учебникахъ названія крылоногихъ.

Еще менѣе удобно, когда одна и та же форма фигурируетъ подъ разными названіями. *Brachiopoda* въ зоологической части (стр. 410) называются руконогими, а въ палеонтологической, отличающейся также каталогичностью и конспективностью, плеченогими.

Опечатки въ латинскихъ названіяхъ (*Bu(s)ceros*, *A(r)gonauta*, *Ter(c)ebratala* и др.), не желательны вообще, неудобны въ названіи цѣлыхъ группъ (*Oncines* вмѣсто *Oscines* на стр. 296).

Ботаникѣ отведена одна треть книги. Здѣсь излагаются элементарныя свѣдѣнія изъ органографій и физиологій растений, и болѣе подробныя свѣдѣнія изъ анатоміи и систематики растений.

Переводъ сдѣланъ вполне удовлетворительно. Текстъ поясняется хорошими рисунками. По содержанію книга, написанная проф. Томе, авторомъ различныхъ пособій по ботаникѣ, погрѣшностей не содержитъ, если не считать нѣкоторыхъ мелочей, какъ, напримѣръ, на 65 страницѣ сказано, что принятіе жидкостей совершается посредствомъ физическаго процесса, называемаго *диффузіей*. Въ дѣйствительности здѣсь имѣетъ мѣсто не диффузія, а осмосъ. Ничего не сказано объ усвоеніи различными растениями азота и т. д.

Изложеніе отличается сжатостью, а мѣстами носитъ характеръ конспекта. Въ систематическомъ отдѣлѣ часто попадаются мѣста изъ сплошнаго списка латинскихъ и русскихъ названій.

Такая сжатость дѣлаетъ безусловно непригодной употребленіе ботанической части, какъ книги для чтенія.

В. Шимшевичъ и В. Палладинъ.

Замѣтка.

Въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* И. Ил. Холоднякъ въ очень любезной формѣ сдѣлалъ нѣсколько библиографическихъ добавокъ къ моему *Дополненію* къ „Лекціямъ по исторіи римской литературы“. Приношу ему за это мою искреннюю благодарность. Одна часть его добавокъ принадлежитъ къ

ученымъ трудамъ и переводамъ, которые или вовсе мнѣ не попались на глаза (это главнымъ образомъ касается русскихъ работъ), или проскользнули мимо ихъ, не обративъ на себя вниманія; другая касается трудовъ, мною своевременно замѣченныхъ и отмѣченныхъ для новаго изданія *Дополненія*, но такихъ, которые никакъ не могли быть внесены въ вышедшее въ концѣ 1905 г. изданіе. Дѣло въ томъ, что моя брошюра всего въ 71 страницу, какъ это ни странно, *печата-лась полтора юда*. Была ли это вина издателя, всегда, впрочемъ, относившагося ко мнѣ съ большой любезностью, или его типографіи и, въ частности, наборщиковъ, которые въ послѣднее время заявляютъ одну претензію за другою, совсѣмъ не въ мѣру своей работоспособности, особенно въ дѣлѣ набора иностранныхъ шрифтовъ,—этого вопроса я касаться не стану. Но фактъ—тогъ, что изъ ученыхъ трудовъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ теченіе этого полуторагодичнаго періода, я могъ внести лишь кое-что при корректурѣ, но и это потому оказалось отпечатаннымъ съ болѣе или менѣе крушными опечатками. За исправленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ опечатокъ я также припошу И. Ил. Холодняку полнѣйшую благодарность.

Теперь одно—два замѣчанія для самого И. Ил. Холодняка.

Во главѣ своихъ отмѣтокъ „дефектовъ“ онъ пишетъ:

„Стран. 14. Извѣстное начертаніе IOV+MENTVM на форумской надписи *теперь уже* (курсивъ мой) *не* (курсивъ его) читается *iuxmentum*, а *iug(h)mentum*, гдѣ + = g или gh“.

На эту отмѣтку я долженъ сказать слѣдующее: а) Для нея текстъ моего *Дополненія* не подавалъ никакого повода, такъ какъ я не поднималъ вопроса о чтеніи этого слова. б) „Теперь уже не читается“... Но къмъ же читается какъ *iugmentum*? Мнѣ такое лицо не извѣстно. И. Ил. Холоднякъ ссылается на Бюхелера. Но Бюхелеръ въ указанномъ имъ мѣстѣ говоритъ какъ разъ обратное тому, что говорить мой любезный петербургскій собратъ. в) Чтобы имѣть право читать *iugmentum*, для этого требуется по крайней мѣрѣ, чтобы *iougmentum* (*iougmenta*) надписи происходило отъ *iungere* и имѣло, значитъ, ближайшую связь съ *iugum*. Но это всѣ авторитетные ученые теперь рѣшительно отрицаютъ и считаютъ такую этимологическую связь *невозможною*. Началь это отрицаніе *Моммзенъ*, говоря, что *g* передъ *m* не выпадаетъ (*agmen*, *augmentum*, *figmentum*, *pigmentum*, *segmentum* и проч.). См. *Hermes*, 1903, p. 151. То же самое *Моммзену* сообщалъ передъ смертью *Йоаннъ Шмидтъ*. Заявленіе *Моммзена* о „*sprachliche und sachliche Unmöglichkeit*“ пониманія *iougmentum* какъ

iugmentum, энергически поддержалъ *Теза* въ *Rivista di storia antica*, VII (1903), p. 425, добавивъ въ нему указаніе на разницу въ количествахъ: *iumentum* и *iugum*. Наконецъ и *Бюхелеръ* (*Rhein. Museum*, LX, p. 318) заявляетъ, что раньше онъ, какъ и Корсенъ, принималъ происхожденіе *iumentum* отъ *iugmentum*, но мнѣніе это, говоритъ онъ, теперь вполне опровергнуто, gründlich widerlegt, и при этомъ ссылается именно на *ioumenta* надписи Форума. Какое же, послѣ всего этого, значеніе имѣетъ замѣчаніе, сдѣланное мнѣ И. Ил. Холодякомъ?

Напрасно онъ также моего *Эдельмана* дю-Мерля поправляетъ въ *Эделестана*.

В. Модестовъ.

Въ виду того, что вышеприведенное „замѣчаніе“ высокоотнаго В. И. Модестова назначается имъ для меня, принося ему глубокую признательность за эту честь, долгомъ почитаю отвѣтить нижеслѣдующее—по существу дѣла, не касаясь вопроса объ умѣстности упоминанія въ моей замѣткѣ чтенія IOV+MENTA (разъ дѣло идетъ о такомъ памятникѣ, какъ форумская стела, „умѣстность“ понятна сама собою...).

1) Ктѣ читаетъ теперь *iumenta* = *iug(h)menta*, вопрошаетъ В. И. Модестовъ. Отвѣчаемъ: намъ извѣстны (между прочимъ) и двое русскихъ филологовъ: а) проф. И. В. Петушилъ („Филолог. Обзор.“¹⁾ XX, 1, стр. 23); б) Ф. Эрн. Видеманъ („О началѣ греч. письменности“, стр. 13).

2) Производство *iumentum* изъ *iug(h)mentum*—единственно правильное; его держался и Бюхелеръ, на котораго именно въ этомъ смыслѣ мы и ссылались; мнѣніе Моммзена, великаго „романиста“, но производившаго *iumentum* отъ *iuvare* (sic! = „Hilfstier“), что невозможно ни фонетически, ни морфологически, ни семасиологически, и справедливо отвергнуто этимологами (см. *Walde, Wörterbuch*, 1905, p. 312),—могло бы и не приводиться. А неужели не „авторитетенъ“ такой солидный лингвистъ, какъ Гр. Stolz, *Lat. Grammatik*, 3-te Aufl. p. 90, подкрѣпившій производство *iug(h)mentum* рядомъ убѣдительныхъ этимологій? И неужели „авторитетнѣе“ *Теза*, котораго удивляетъ разница количества *iug-um* и *iumentum*, вполне понятная при эволюціи *iug(h)mentum* = *iumentum*?

¹⁾ Журналъ, коего дѣятельнымъ сотрудникомъ состоитъ и самъ В. И. Модестовъ.

3) *Eddlestand* едва ли = „Эдельстанъ“; ср. *Délestang*, *Roumestan*, *Florestan*, *cabestan* и др.

Вотъ „значение“ нашей скромной замѣтки.

И. Холодильникъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ теченіе декабря 1906 года и января 1907 года:

— Православная богословская энциклопедія. Томъ VII: Іоаннъ Синопольскій—календарь. Съ 18-ю рисунками и картами. Составленъ подъ редакціей Н. Н. Глубоковскаго. Изданіе преемниковъ † профессора А. П. Лопухина. С.-Пб. Бесплатное приложеніе къ духовному журналу „Странникъ“ за 1906 г. V+913 стр. (Общедоступная Богословская бібліотека. Выпускъ восемнадцатый).

— *М. И. Успенскій*. Юный гражданинъ. Книга для чтенія въ школахъ и дома. С.-Пб. 1907. 132 стр. Цѣна 25 коп.

— *Розенбертъ, А.* История искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Переводъ О. Ѳ. Павловской подъ редакціей профессора А. А. Павловскаго. Изданіе журнала „Миръ Божій“. Выпускъ I. 348 стр.

— *Снарскій, А. Т.* Автономія или федерація? С.-Пб. 1907. 62 стр. Цѣна 25 коп.

— *Френсенъ, Густавъ*. „Рувонисъ“ изъ романа „Helligenlei“ (жизнь Іисуса). Разрѣшенный авторомъ переводъ съ послѣдняго переработаннаго изданія Арнольда Гюберта. Со вступительными статьями А. Г. Горнфельда и И. И. Гюберта. С.-Пб. 1907. 141 стр. Цѣна 75 коп.

— *Барышниковъ, П.* Книга для чтенія на урокахъ естествовѣдѣнія въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ и подготовительныхъ школахъ. Курсъ четвертаго и пятаго года обученія. Выпускъ второй. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1907. 319 стр. Цѣна 85 коп.

— *Люботовичъ, В. С.* Учебникъ прямолинейной тригонометрии и сборникъ тригонометрическихъ задачъ для техникумовъ и техническихъ учебныхъ заведеній. М. 1906. VII+168 стр. Цѣна 1 руб.

— *Левитовъ, И.* О необходимости ошійной реформы на Дальнемъ Востоке. С.-Пб. 1906. 24 стр.

— *Эльминскій, Ѳ., проф.* Изъ жизни идвй. Научно-популярныя статьи. Томъ третій. Соперники христіанства. Статьи по исторіи античныхъ знаній. С.-Пб. 1907. VII+406 стр. Цѣна 1 руб. 80 коп.

— Отчетъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1906 годъ. Кіевъ 1906. 85+12 табл.+35+11 табл.+

28+10 табл.+66 стр.+11 стр.+47+11 табл.+28+4 табл.+4+1 табл.+7 стр.+2 стр.+6+89+7 табл.+18+6+7+3 табл.

— Протоколы III-го делегатскаго съѣзда Всероссийскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію 7-го—10-го іюня 1906 г. Изданіе Всероссийскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію. 1906. Безъ обозначенія мѣста печати. 174 стр. Цѣна 40 коп.

— Народныя движенія 1848 года въ Европѣ. Составлено М. Н. Т., подъ редакціей В. В. Битнера. Съ рисунками. Изданіе „Вѣстника Знанія“. С.-Пб. 1906. 90 стр.

— *Семьдесят и Мексика Уоллесъ*. Исторія Россіи въ XIX—XX столѣтіи. Обзоръ освободительнаго движенія. Часть первая: проф. Сеньюбось. Россія въ XIX столѣтіи. Часть вторая: М. Уоллесъ. Очеркъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи съ 60-хъ годовъ. Переводъ первой части съ французскаго Ерогина, второй съ нѣмецкаго Н. Михайлова, подъ редакціей В. В. Битнера. Съ рисунками и портретами. Изданіе „Вѣстника Знанія“. С.-Пб. 1906. 114 стр.

— *Грандъ-Аллэнъ*. Эволюція идеи вождества. Исслѣдованіе о происхожденіи религій. Въ двухъ частяхъ. Перевелъ съ нѣмецкаго переработаннаго изданія Е. А. Вольтъ, подъ редакціей В. В. Битнера. Изданіе „Вѣстника Знанія“. С.-Пб. 1906. Часть первая. 82 стр. Часть вторая. 106 стр.

— *Барминиковъ, П.* Книга для чтенія на урокахъ русскаго языка въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ и подготовительныхъ школахъ. Часть 4-я и 5-я. Курсъ четвертаго и пятаго года обученія. Выпускъ первый. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1906. 280 стр. Цѣна 75 коп.

— *Гудайль, проф.* Практическая метеорологія. Съ приложеніемъ статьи проф. А. И. Воейкова. Климатъ Россіи. Составлено Э. К. Д., подъ редакціей В. В. Битнера. Со многими рисунками. Изданіе „Вѣстника Знанія“. С.-Пб. 1906. 22 стр.

— *Битюевъ, Юрій*. Книга о книгахъ. Толковый указатель книгъ для самообразованія по всѣмъ отраслямъ знанія. Изданіе В. С. Смирдонова. М. 1907. X+285 стр. Цѣна 80 коп.

— *Пилле, Г. Г.* Преподаваніе ррочованія въ лицеехъ и коллегіяхъ Франціи. Рапортъ, представленный въ Парламентскую комиссію по среднему образованію. Переводъ съ французскаго Н. Е. Дорогова. Кіевъ 1904. 85 стр. (Приложеніе къ циркуляру по Кіевскому учебному округу № 5 за 1904 г.).

— *Петровъ, М. Н., проф.* Лекціи по всемірной исторіи. Томъ I. Исторія древняго міра. Изданіе 2-е, въ новой обработкѣ и съ дополненіями А. Н. Деревницкаго. Изданіе В. Березовскаго. С.-Пб. 1907. XX+397 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБОЗРѢНІЕ ПРОЕКТОВЪ РЕФОРМЫ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ВЪ РОССИИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ШЕСТИЛѢТІЕ (1899—1905 ГГ.) ¹⁾.

Работы по преобразованію средней школы въ министерство
Н. П. Богодѣлова.

Въ 1899 г. новшій министръ народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Н. П. Богодѣловъ поставилъ на очередь вопросъ о коренномъ пересмотрѣ системы средняго образованія. Въ циркулярѣ отъ 8-го іюля 1899 г. попечителямъ учебныхъ округовъ объ учрежденіи особой комиссіи по вопросу о среднемъ образованіи онъ обратилъ вниманіе попечителей на жалобы педагоговъ и родителей, указывающихъ на слѣдующіе недостатки среднихъ школъ: 1) на отчужденность школы отъ семьи и бюрократическій ея характеръ, формализмъ и мертвенность, ставящія въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ; 2) невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ; 3) нежелательную спеціализацію школы съ самыхъ младшихъ классовъ; 4) чрезмерность ежедневной умственной работы; 5) несогласованность программъ между собою и съ учебнымъ временемъ и наполненіе ихъ требованіями второстепенными или даже излишними; 6) недостаточное преподаваніе русскаго языка, русскаго исторіи и русскаго литературы и слабое ознакомленіе съ окружающею природою; 7) излишнія требованія

---

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ.

при преподаваніи древнихъ языковъ и неправильную его постановку; 8) недостаточную умственную зрѣлость окончивающихъ курсъ гимназій; 9) неудовлетворительную постановку преподаванія въ реальныхъ училищахъ.

Находя, что въ этихъ жалобахъ многое преувеличено, а многое вызвано ошибочнымъ представленіемъ о всецѣльномъ значеніи школы и невниманіемъ къ совокупности жизненныхъ условій, въ какія школа поставлена, Н. П. Боголѣповъ призналъ, тѣмъ не менѣе, въ нихъ долю справедливости.

7-го января 1900 г. открылись засѣданія Высочайше учрежденной подъ предсѣдательствомъ министра комиссія изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ: профессоровъ, педагоговъ и врачей. При открытіи засѣданій комиссія министръ разъяснилъ задачи ея работъ: всесторонне обсудить существующій строй средней школы, выяснитъ его недостатки и указать мѣры къ ихъ устраненію при условіи сохраненія основъ классической гимназій и реального училища, какъ двухъ главныхъ типовъ средней школы въ Россіи; подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ о видоизмѣненіи существующихъ типовъ или о созданіи какого-нибудь новаго типа, если бы такой вопросъ былъ возбужденъ. Въ частности, министръ обратилъ особенное вниманіе комиссія и на вопросы нравственнаго и физическаго воспитанія учащихся, на подготовку преподавателей средней школы и матеріальное ихъ обезпеченіе, наконецъ, просилъ комиссію руководиться соображеніемъ, что въ дѣлѣ преобразованія средней школы нужно идти постепенно и осторожно, „ибо учебное дѣло не терпитъ грубой ломки“. Въ 32 общихъ засѣданіяхъ и многочисленныхъ засѣданіяхъ подкомиссій, съ 7-го января по 7-ое марта, комиссія обсудила всѣ выдвинутые министромъ и жизнью вопросы относительно средней школы, но по многимъ вопросамъ не пришла къ единомыслію. Опираясь на труды комиссія, напечатанные въ 8-ми томахъ, Н. П. Боголѣповъ 29-го апрѣля 1900 г. повернулъ на Высочайшее благовоззрѣніе основныя черты своихъ предположеній о реформѣ средней школы. Относя къ числу наиболѣе настоятельныхъ мѣръ педагогическую подготовку учителей средней школы и улучшеніе матеріальнаго и служебнаго ихъ положенія, министръ проектировалъ учредить въ видѣ опыта при университетахъ особые педагогическіе курсы, установить особыя испытанія для кандидатовъ на учительскія мѣста, улучшить вознагражденіе за преподавательскій трудъ, на что требовалось бы отъ 7 до 10 милліоновъ рублей въ годъ. Эти мѣры, по мнѣнію

министра, могли бы разрѣшить важнѣйшую задачу по улучшенію средней школы, — дать ей способнаго, подготовленнаго и бодраго учителя: „а какъ скоро эта задача разрѣшена“, говорилъ Н. П. Боголѣповъ, „потеряетъ свою теперешнюю остроту и вопросъ о томъ, какіе предметы должны быть положены въ основу школы, ибо хорошій учитель можетъ въ большей или меньшей мѣрѣ достигнуть желаемой цѣли на всякомъ предметѣ“.

Въ вопросѣ объ организаціи средней школы министръ призналъ необходимымъ сохранить оба существующіе типа, гимназію и реальное училище, при условіи сообщенія имъ болѣе національнаго характера, большаго вниманія къ задачамъ нравственнаго и физическаго воспитанія учащихся и нѣкоторыхъ измѣненій въ учебныхъ планахъ гимназій и реальныхъ училищъ. По отношенію къ классическимъ гимназіямъ самое важное измѣненіе должно заключаться въ томъ, что изученіе древнихъ языковъ отодвигается въ старшіе классы: преподаваніе латинскаго языка начинается съ 3-го, греческаго языка—съ 4-го или даже съ 5-го класса. При этомъ греческій языкъ остается обязательнымъ лишь для готовящихся поступить на историко-филологическіе факультеты. Отнесеніе древнихъ языковъ въ старшіе классы содѣйствовало бы болѣе сознательному ихъ изученію и дало бы возможность, освободивъ учебные часы въ младшихъ классахъ, основательно поставить преподаваніе другихъ важныхъ предметовъ, а также физическое развитіе учащихся.

Преобразование реальныхъ училищъ должно было идти, по мысли министра, въ направленіи ихъ возможнаго сближенія съ классическими гимназіями, съ цѣлью дать имъ окончательно общеобразовательный характеръ. Съ этою цѣлью — 1) при нихъ долженъ быть учрежденъ восьмой классъ; 2) усилено преподаваніе новыхъ языковъ; 3) реалисты должны быть допущены на физико-математическій и медицинскій факультеты.

Низшіе классы реальныхъ училищъ и гимназій сближаются по своимъ программамъ, что облегчаетъ переходъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое и позволяетъ устраивать въ маленькихъ городахъ общія прогимназіи. На отдаленныхъ окраинахъ, гдѣ образованный классъ немногочисленъ, могутъ быть устраиваемы соединенныя среднія школы съ бифуркаціей, начиная съ 5-го класса, на два отдѣленія—гимназическое и реальное. Дабы избѣгнуть крайняго переноса классовъ, при которомъ не можетъ быть рѣчи о правильномъ веденіи преподаванія, необходимо установить и строго соблюдать разумную

мѣру предѣльнаго состава классовъ, что въ свою очередь вызываетъ необходимость открытія новыхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Съ цѣлью пробудить въ работникахъ школы живой интересъ къ дѣлу и личный починъ, необходимо ослабить мертвый бумажный контроль и мелочную регламентацію учебнаго дѣла, проникнутую духомъ недо-вѣрія къ педагогическому персоналу. Наконецъ, признано желательнымъ предоставить обществамъ и частнымъ лицамъ болѣе широкую возможность учреждать, съ разрѣшенія министерства, новые типы средней школы.

Въ комиссіи Н. П. Боголѣнова много было высказано сужденій по вопросу о желательномъ типѣ средней школы. Въ виду совершенно понятнаго разногласія во взглядахъ на задачи таковой, члены комиссіи пришли къ разнымъ выводамъ по вопросу о томъ, какому типу ея отдать предпочтеніе. Не достигнувъ единомыслія въ этомъ кардинальномъ вопросѣ, комиссія, въ лицѣ ея отдѣльныхъ членовъ и подкомиссій, остановилась на слѣдующихъ типахъ: гимназіи съ двумя древними языками, (подкомиссія К. В. Кедрова), гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ (подкомиссія А. И. Кирпичникова), реальномъ восьмиклассномъ училищѣ (подкомиссія Н. И. Билибина), школѣ съ бифуркаціей на гимназію съ латинскимъ языкомъ и восьмиклассное реальное училище (подкомиссія А. В. Муромцева), гимназіи, допускающей примѣненіе принципа индивидуализаціи въ обученіи (подкомиссія М. Р. Завадскаго) и общеобразовательной школѣ новаго типа (подкомиссія П. Г. Виноградова).

Если не представляетъ интереса новизны защита уже существующихъ типовъ школы, то, во всякомъ случаѣ, обращаетъ особое вниманіе попытка отдѣльныхъ педагогическихъ группъ внести новые принципы въ организацію средней общеобразовательной школы. Ихъ проекты и обоснованіе этихъ проектовъ должны быть рассмотрѣны гораздо подробнѣе, чѣмъ доводы въ пользу существующаго уклада средней школы, нуждающейся также въ нѣкоторомъ обновленіи для приданія ей жизненной силы.

Въ подкомиссіи по организаціи гимназій съ двумя древними языками произошелъ расколъ: часть членовъ, съ К. В. Кедровымъ во главѣ, находила необходимымъ начинать латинскій языкъ съ I класса, греческій съ III, другая же, — съ П. В. Никитинымъ во главѣ — предполагала начинать изученіе латинскаго языка съ III класса, а греческаго — съ IV. Первая группа членовъ настаивала на увеличеніи количества уроковъ по классическимъ языкамъ до 81, вторая — доволь-

стновалась 65 часами; по проекту К. В. Кедрова являлось возможнымъ добавить лишь три урока на другіе предметы (по одному—на математику, физику и исторію) за счетъ соотвѣтственнаго сокращенія уроковъ по чистописанію и новымъ языкамъ ¹⁾; по проекту П. В. Пикитина дѣлалось обязательнымъ обученіе двумъ новымъ языкамъ, увеличивалось число уроковъ по физикѣ и космографіи (на 2), исторіи (на 1) и логикѣ (на 1), кромѣ того вводился элементарный курсъ природовѣдѣнія (5) ²⁾.

Подкомиссія по организаціи гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ руководилась въ своей работѣ, между прочимъ, слѣдующими соображеніями: 1) Греческій языкъ придаетъ средней школѣ спеціально филологическій характеръ, тогда какъ его общеобразовательныя функціи могутъ быть выполнены въ достаточной степени языками отечественнымъ, латинскимъ и новыми. 2) Въ общеобразовательную школу необходимо ввести естествознаніе (11 уроковъ) и усилить преподаваніе отечественнаго языка и словесности (35), исторіи (17) и географіи (12) и правильно поставить рисованіе (8). 3) Необходимо сдѣлать обязательными французскій (20) и нѣмецкій (19) языки. 4) Латинскій языкъ (29) должно начинать не раньше III класса. 5) Преподаваніе физики (12) должно быть усилено устройствомъ самостоятельныхъ практическихъ упражненій учениковъ. 6) Въ VIII классѣ всему преподаванію необходимо придать отличный отъ другихъ классовъ характеръ, дающій возможность ученику сосредоточиться на работахъ нѣсколько большаго объема и болѣе самостоятельныхъ, подготовляющихъ его въ научнымъ университетскимъ занятіямъ ³⁾.

Подкомиссія по устройству реальныхъ училищъ остановилась на слѣдующихъ руководящихъ положеніяхъ: 1) Реальныя училища должны представлять среднія учебныя заведенія, дающія общее образованіе; въ число предметовъ преподаванія не входятъ классическіе языки: образованіе, даваемое реальными училищами, должно быть гуманитарное и реальное и носить національный характеръ. 2) Полное и немедленное преобразование существующихъ реальныхъ училищъ неотложно необходимо для достиженія указанной въ пунктѣ 1-мъ цѣли. 3) Курсъ ученія въ реальныхъ училищахъ долженъ быть восьми-

¹⁾ Общее число уроковъ 209; съ двумя новыми языками 225.

²⁾ Общее число уроковъ 218.

³⁾ Общее число уроковъ—209.

лѣтній. 4) Предметами преподаванія въ реальныхъ училищахъ должны быть: Законъ Божій (14), русскій языкъ (32), логика (2), нѣмецкій языкъ (27), французскій языкъ (27), географія (10), исторія (17), естественная исторія съ химіей (14), физическая географія (2), математика (35), математическая географія (2), физика (10), рисованіе (16), черченію (2) и чистописаніе (3)¹⁾; какъ видно изъ учебнаго плана, введенъ новый предметъ—логика и значительно усилено преподаваніе русскаго и французскаго языковъ, естествовѣдѣнія и исторіи, и сокращено количество уроковъ по нѣмецкому языку, математикѣ и рисованію. 5) Ученикамъ, окончившимъ курсъ реальныхъ училищъ, предоставляется право поступленія на физико-математическій и медицинскій факультеты университетовъ и въ высшія техническія учебныя заведенія.

Въ подкомиссіи по организаціи типа средняго учебнаго заведенія съ бифуркаціей была выяснена, прежде всего, цѣль учрежденія подобной школы. Она, по мысли сторонниковъ ея, должна 1) удовлетворить справедливому желанію общества—не рѣшать вопроса о выборѣ классической или реальной школы для ребенка, имѣющаго лишь 10 лѣтъ отъ роду, но дать возможность родителямъ и учителямъ предварительно ознакомиться со способностями его и наклонностями; 2) дать возможность въ небогатыхъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городахъ имѣть и классическую, и реальную школы, и тѣмъ 3) уменьшить огромный приливъ учащихся въ столицы и большіе города; 4) устранить крайне вредное для учебнаго дѣла и физическаго развитія учащихся переполненіе классовъ въ столичныхъ и большихъ губернскихъ учебныхъ заведеніяхъ; 5) дать возможность жителямъ небольшихъ городовъ воспитывать своихъ дѣтей, не отрывая ихъ отъ семьи; это послѣднее въ несравненно большихъ размѣрахъ можетъ быть достигнуто, если первые три общіе класса проектируемаго учебнаго заведенія будутъ открываться въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ.—Принципъ бифуркаціонной средней школы—сохраненіе типовъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, которыя она соединяетъ въ себѣ, и при томъ въ совершенной полнотѣ ихъ. Проектируемое среднее учебное заведеніе съ бифуркаціей представляетъ собою соединеніе гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ—латинскимъ, начинающимся съ IV класса, и проектированнаго восьмикласснаго реальнаго училища. Учебный планъ опредѣляетъ одинаковое число уро-

¹⁾ Общее число уроковъ 213.

ковъ въ обонхъ отдѣленіяхъ (гуманитарно-классическомъ и реальномъ) по слѣдующимъ предметамъ: по Закону Божію (14), русскому языку со словесностью и логикой (35), математической географіи (2), физической географіи (2), географіи (10), естественной исторіи съ химіей (14), исторіи (17) и чистописанію (3). По остальнымъ предметамъ предлагается такое распредѣленіе: на отдѣленіи съ латинскимъ языкомъ—по французскому—23, на реальномъ—по тому же предмету—27; по нѣмецкому—20 и 27; по математикѣ—30 и 35; по физикѣ—9 и 10; по рисованію—6 и 16, по черченію—1 и 2; на латинскій языкъ отводится 28 часовъ ¹⁾. Защитники разсматриваемаго типа школы считаютъ его настолько гибкимъ, въ смыслѣ учебнаго плана и программъ, что предполагаютъ возможнымъ даже ученику VII класса безъ затрудненія перейти изъ одной его вѣтви въ другую.

Въ доказательство желательности введенія новаго типа гимназій, допускающаго примѣненіе принципа индивидуализаціи въ обученіи, а равно и въ обоснованіе задуманной организаціи его, подкомиссія приводила слѣдующія соображенія: 1) При выполненіи своихъ образовательныхъ и воспитательныхъ задачъ, гимназія должна тщательно изучать умственныя и нравственныя особенности каждаго ученика и съ этимъ сообразовать всѣ свои мѣропріятія. 2) Общеобязательныя программы должны указывать минимумъ знаній, необходимыхъ для общаго средняго образованія. Каждая гимназія, выполняя такія программы, можетъ развивать ихъ въ той или иной части сообразно способностямъ своихъ учениковъ. 3) Интересамъ индивидуальнаго развитія учащихся наиболѣе отвѣчаютъ слѣдующія условія: преподаваніе древнихъ языковъ должно начинаться не раньше III класса; новые иностранныя языки начинаются не одновременно и каждый изъ нихъ раньше латинскаго языка, при чемъ преподаваніе ихъ идетъ практически на основѣ наглядности; всѣ курсы должны имѣть въ виду не количество матеріала, а качество его, качество той работы ума, которая должна быть произведена при его посредствѣ; преподаваніе всѣхъ предметовъ должно имѣть въ виду развитіе въ учащихся интереса къ работѣ, послѣдовательное развитіе самостоятельныхъ занятій. 4) Гимназія, въ видахъ успѣшнаго обученія, должна внимательно слѣдить за ходомъ занятій каждаго ученика и своевременно принимать мѣры къ тому, чтобы классное преподаваніе было наиболѣе производительнымъ и не понижалось отъ тѣхъ или иныхъ колебаній въ

¹⁾ Общее число уроковъ на каждомъ изъ двухъ отдѣленій—214.

занятіяхъ отдѣльныхъ учениковъ. Для этого необходимо установленіе закономѣрной гибкости курсовъ, которая допускала бы измѣнять число уроковъ по предметамъ въ предѣлахъ общей суммы уроковъ, положенной для гимназій, и передвигать ихъ въ отдѣльныхъ классахъ по предметамъ въ предѣлахъ числа уроковъ, назначеннаго для класса. Ради той же цѣли необходимо предоставить педагогическимъ совѣтамъ: переводить учениковъ въ высшіе классы по соображенію о томъ, можетъ ли данный ученикъ съ успѣхомъ слѣдовать далѣе за курсомъ; освобождать учениковъ отъ изученія греческаго языка; учениковъ VII или VIII класса, при отличныхъ успѣхахъ въ томъ или иномъ предметѣ, освобождать отъ частей курсовъ тѣхъ предметовъ, въ коихъ ученики не успѣваютъ; ученику, отставшему по какому-либо предмету и не могущему слѣдовать за класснымъ преподаваніемъ, помогать встать въ уровень съ товарищами. 5) Всякая общеобразовательная школа, которая примѣнитъ принципы индивидуализаціи и приметъ учебный планъ, наиболѣе отвѣчающій условіямъ умственнаго и нравственнаго индивидуальнаго развитія ученика, найдетъ живое сочувствіе и въ обществѣ, и въ семьѣ; отъ нея меньше всего будетъ страдать юное поколѣніе, въ ней учитель будетъ сознавать себя дѣйствительно наставникомъ. 6) Примѣненіе къ программамъ принципа индивидуализаціи настолько усилитъ производительность классной работы, что не заставитъ себя долго ожидать и то время, когда гимназія изъ восьмилѣтней сдѣлается семилѣтней и тѣмъ сохранитъ лучший возрастъ для университетскихъ научныхъ занятій.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній былъ выработанъ соотвѣтствующій учебный планъ. Для всѣхъ учащихся по слѣдующимъ предметамъ устанавливалось одинаковое число уроковъ: по Закону Божію (16), латинскому языку (29), исторіи (16), физикѣ съ космографіей (10), географіи (12) и естествовѣдѣнію (11). По остальнымъ предметамъ количество уроковъ зависитъ отъ изученія одного (латинскаго) или двухъ древнихъ языковъ; такъ, по русскому языку въ первомъ случаѣ полагается 32, во второмъ—29 уроковъ; по французскому—25 и 22; по нѣмецкому—21 и 22; по математикѣ—29 и 26; по рисованію и чистописанію—19 и 11; на греческій языкъ назначается 20 уроковъ ¹⁾).

Подкомиссіей по выработкѣ новаго типа общеобразовательной

¹⁾ Общее число уроковъ для изучающихъ одинъ древній языкъ—220, для изучающихъ оба—222.

школы были установлены слѣдующія положенія, мотивирующія выборъ этого типа и выясняющія сущность его.

I. Общеобразовательная школа должна быть единая, а не раздвоенная. Мысль о единой школѣ вытекаетъ сама собою изъ понятія общаго образованія. Общее образованіе является прежде всего противоположнымъ всѣмъ формамъ образованія спеціальнаго. Оно должно быть общимъ достояніемъ, которому сопричастны всѣ, имѣющіе притязаніе быть образованными, безъ различія профессій; оно должно предшествовать всѣмъ спеціальнымъ занятіямъ и служить имъ пополненіемъ. Естественно, поэтому, поручить заботу о немъ единой школѣ, изъ которой раскрывались бы двери на всѣ дороги. Курсъ ея слѣдуетъ расчленить на два концентрическихъ круга. Въ старшемъ отдѣленіи слѣдуетъ въ добавленіе къ общему курсу устроить дополнительные занятія для желающихъ ближе ознакомиться съ естественно-историческими или словесными предметами. По своей программѣ общеобразовательная школа должна преслѣдовать цѣль разносторонняго и гармоническаго развитія. Поэтому въ ней должны быть представлены, какъ словесныя и естественныя науки и математика, такъ и искусства и физическія упражненія. Требования при приѣмѣ предъявляются, приблизительно, какъ въ реальныхъ училищахъ по русскому языку и какъ въ кадетскихъ корпусахъ по математикѣ.

II. Младшее отдѣленіе состоитъ изъ пяти классовъ для дѣтей отъ 10 до 16 лѣтъ. Курсъ младшаго отдѣленія по всѣмъ предметамъ долженъ отправляться отъ конкретнаго и нагляднаго и постепенно восходить къ отвлеченному и систематическому. По русскому языку въ этомъ отдѣленіи проходитъ, главнымъ образомъ, въ I, II и III классахъ, объяснительное чтеніе и письменныя упражненія для наученія грамотѣ и изложенію мыслей, въ IV классѣ краткій систематическій курсъ грамматики, въ IV и V разборъ литературныхъ произведеній для ознакомленія съ цѣлями, средствами и видами литературы. Изъ иностранныхъ языковъ одинъ проходитъ основательно, въ цѣляхъ развитія ума. Другой изучается настолько, чтобы воспитанники могли читать на немъ нетрудныя сочиненія научнаго содержанія. По исторіи, курсъ которой начинается въ IV классѣ, въ младшемъ отдѣленіи проходитъ краткій систематическій курсъ русской исторіи и рядъ очерковъ по исторіи всеобщей. Естествовѣдѣніе, физика, химія и географія должны быть поставлены въ тѣснѣйшую связь и, по возможности, объединены въ рукахъ одного преподавателя. Въ курсѣ естествовѣдѣнія первыхъ трехъ классовъ дается—1) ознакомленіе съ тѣлами и

явленіями неорганическаго міра, 2) и главнымъ образомъ, учащіеся знакомятся съ живою природою, при чемъ исходной точкой служатъ экскурсіи, результаты которыхъ разрабатываются и пополняются на урокахъ. Изучается живая природа въ группировкѣ ея дѣйствительныхъ общезитій, а не въ искусственной системѣ. Въ IV и V классахъ въ преподаваніи естественныхъ наукъ выдѣляется 1) курсъ по физикѣ и химіи съ ихъ качественной и экспериментальной стороны, 2) проходитъ курсъ біологіи, начинающійся краткимъ систематическимъ обзоромъ формъ живой природы и посвященный затѣмъ физиологіи растений и животныхъ со включеніемъ челоуѣка. Географія начинается ознакомленіемъ въ I классѣ съ основными географическими элементами и понятіями, чтобы во II дать краткій курсъ отечествовѣдѣнія, въ III ознакомить съ вѣевропейскими странами, въ IV съ Европой и въ V съ Россіей. Математика поставлена въ общемъ согласно обычной программѣ только съ исключеніемъ тѣхъ статей, которыя или представляютъ излишнюю роскошь, или не заключаютъ въ себѣ общобразовательнаго элемента. Рисованіе преслѣдуетъ двѣ цѣли: 1) поставивъ воспитанника передъ натурой, научить его понять и элементарно передать самое существенное въ ней; 2) развить художественный вкусъ. Пѣніе является не только средствомъ музыкальнаго развитія, но содѣйствуетъ общественному и физическому воспитанію и имѣетъ значеніе для выраженія религіознаго чувства. Преподаваніе ручнаго труда преслѣдуетъ исключительно педагогическія цѣли: развитіе ловкости рукъ, вѣрности глазомѣра, настойчивости, аккуратности, внимательности и любви къ физическому труду. Чистописаніе имѣетъ цѣлью научить правильной посадкѣ и четкой скорописи. Въ общемъ курсъ младшаго отдѣленія долженъ дать законченное, хотя и скромное, общео образованіе тѣмъ, кто оставитъ школу по его прохожденіи. Для тѣхъ, кто перейдетъ въ старшее отдѣленіе, онъ является преедвонитической основой.

III. Въ старшемъ отдѣленіи преподаваніе получаетъ систематическій и обобщающій характеръ. Кромѣ 24 часовъ въ недѣлю, посвященныхъ общему курсу, въ каждомъ изъ трехъ классовъ отводится по 4 часа для дополнительныхъ занятій словесными или естественными науками и 6 часовъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы изучить одинъ изъ древнихъ языковъ. По математикѣ и русскому языку программы обычныя (по первому предмету съ изыятіемъ ненужнаго балласта; по второму—со включеніемъ „писателей сороковыхъ годовъ“ и изученіемъ избранныхъ произведеній великихъ писателей всемірной литера-

туры). По основному иностранному языку желательное изучение в старших классах произведений, имеющих значение в истории всемирной литературы. По второму языку продолжается практическое изучение. По физикѣ и химіи имѣется въ виду послѣдовать указанія специальныхъ подкомиссій. По биологіи в VI классѣ проходитъ ботаника, в VII зоологія, в VIII анатомія и физиологія чело-вѣка, в связи съ гигиеной. По географіи на VI классѣ назначена физическая географія, на VII—сравнительная (антропогеографическая), на VIII—математическая географія и космографія. По исторіи имѣются въ виду систематическіе курсы, сосредоточенные на изученіи развитія государства, какъ культурнаго цѣлаго. То, что предметъ можетъ дать, какъ энциклопедія общественной жизни, какъ подготовка къ социологическимъ обобщеніямъ и какъ объясненіе современнаго строя, должно быть дано на основѣ историческаго изученія государства, какъ культурнаго цѣлаго. Въ заключеніе курса общеобразовательной средней школы желательное поставить философскую пропедевтику, состоящую изъ двухъ частей: изъ обзора философскихъ проблемъ на психологической основѣ и изъ краткаго курса по исторіи греческой философіи, преимущественно, второго періода. Организация дополнительныхъ занятій должна быть предоставлена педагогическимъ совѣтамъ и давать выраженіе индивидуальнымъ интересамъ какъ учениковъ, такъ и учителей. Желающіе заняться древнимъ языкомъ (преимущественно имѣется въ виду латинскій) проходятъ курсъ, въ которомъ грамматика играетъ чисто служебную роль, а цѣль состоитъ въ умѣнн читать авторовъ средней трудности. Обязательныхъ уроковъ по искусствамъ не полагается.

IV. Въ пособіе преподаванію естествознанія, географіи и исторіи вырабатывается правильная организация экскурсій, при чемъ на младшемъ отдѣленіи на нихъ отводится около 15 дней, а на старшемъ—около 10. Экзамены производятся лишь оканчивающимъ восьмилѣтній курсъ. Они должны имѣть характеръ не отвѣтовъ по пройденнымъ курсамъ, а письменныхъ испытаній въ исполненіи работъ. Число такихъ испытаній должно быть не велико, приблизительно 5: русское сочиненіе, математическая задача, переводъ съ иностраннаго языка, работа по группѣ словесныхъ предметовъ, работа по группѣ естественно-историческихъ предметовъ. Школа можетъ осуществиться лишь, если ей будетъ предоставлена возможность доводить своихъ воспитанниковъ до поступленія въ высшія учебныя заведенія. Если же для пріема ихъ въ эти заведенія потребуются испытанія, то испытанія

эти не должны быть отданы въ руки конкурирующихъ организацій. При соблюденіи этого условія, учрежденіе школъ новаго типа можетъ быть предоставлено личной предпримчивости.

V. Число часовъ для отдѣльныхъ предметовъ устанавливается въ слѣдующемъ размѣрѣ: по Закону Божію—16, по русскому языку—32, по первому иностранному языку—29, по второму—13, по исторіи—17, по математикѣ—29, по физикѣ и химіи—11, по естествознанію—19, по географіи—16, по философской пропедевтикѣ—3, по рисованію—10, по чистописанію—4, по пѣнію—8, по ручному труду—8. На дополнителныя занятія для словесниковъ и натуралистовъ отводится по 12 часовъ, кромѣ тѣхъ 6-ти, которые положены на изученіе древняго языка ¹⁾.

Проекты комиссіи К. П. Яновскаго: уставъ гимназій и прогимназій, уставъ реальныхъ училищъ, положеніе о педагогическихъ институтахъ и уставъ педагогическаго института.

Составить проекты новыхъ уставовъ и штатовъ гимназій и реальныхъ училищъ на основаніи трудовъ комиссіи Н. П. Боголѣпова и установить окончательныя предположенія о подготовкѣ преподавателей средней школы возложено было на новую комиссію подъ предсѣдательствомъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго.

Выработанные этой комиссіей проекты были рассмотрѣны министромъ и напечатаны для разсылки на заключеніе попечительскихъ совѣтовъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе главнѣйшихъ положеній этихъ проектовъ, начиная съ „Устава гимназій и прогимназій“ 1901 г. Цѣлью гимназій указывается не только сообщеніе общаго образованія и подготовка въ высшія учебныя заведенія, но и воспитаніе. Кромѣ гимназій восьмиклассныхъ учреждаются, въ зависимости отъ надобности и возможности, гимназій въ составѣ четырехъ (V—VIII) или шести (III—VIII) старшихъ классовъ. Два низшихъ класса гимназій вмѣстѣ съ przygotowательнымъ могутъ быть отдѣляемы отъ гимназій, составляя особую przygotowательную школу. По предметамъ учебнаго курса, гимназій раздѣляются: 1) на гимназій съ двумя древними языками и 2) гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ. При гимназійхъ съ однимъ древнимъ языкомъ могутъ быть учреждаемы параллельные классы съ курсомъ реальныхъ училищъ или гимназій съ двумя древними языками, а при сихъ

¹⁾ Общее число часовъ, не считая пѣнія и ручного труда—211, для изучающихъ древній языкъ—217.

послѣднихъ—съ курсомъ гимназій съ латинскимъ языкомъ. Въ учебный курсъ гимназій съ однимъ древнимъ языкомъ входятъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій (16 ур.), русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность (30 ур.), основанія логики (1 ур.), латинскій языкъ (32 ур.), математика (29 ур.), физика съ космографіей (11 ур.), естествовѣдѣніе (8 ур.), географія (9 ур.), исторія (16 ур.), французскій (24 ур.) и нѣмецкій (11 ур.) языки, рисованіе (8 ур.) и чистописание (2 ур.). Вводятся обязательныя физическія упражненія, игнѣ и ручной трудъ.

Предоставляется обществамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ откѣрывать на свои средства учебныя заведенія съ нѣкоторыми отступленіями въ устройствѣ учебной части. При соблюденіи опредѣленныхъ условій подчиненности министру народнаго просвѣщенія и попечителю округа этимъ школамъ могутъ быть предоставляемы нѣкоторыя права, присвоенныя казеннымъ гимназіямъ. Общее число недѣльныхъ уроковъ въ гимназіяхъ съ двумя древними языками полагается въ 225, при условіи обученія обоимъ новымъ языкамъ; при одномъ новомъ—206, тогда какъ въ гимназіи съ латинскимъ языкомъ всего 202 урока. Изъ учебныхъ предметовъ въ курсъ гимназій съ древними языками не входитъ ни естествовѣдѣніе, ни космографія: на оба классическихкія языка полагается 75 часовъ (42 + 33)¹⁾.

Уставъ обращаетъ вниманіе на необходимость обставить каждую школу необходимыми учебными пособиями. Поэтому, при каждой гимназіи, кромѣ библиотекъ и физическаго кабинета, устраивается естественно-историческій кабинетъ, музей изъ предметовъ, собираемыхъ какъ учениками, такъ и преподавателями, должно быть достаточное количество глобусовъ, картъ и картинъ для проекціи и т. п. Облегчается переходъ изъ реального училища и гимназій съ двумя древними языками въ гимназію съ однимъ и наоборотъ установленіемъ дополнительнаго экзамена по несопадающимъ предметамъ курса. На директора гимназій уставъ настоячиво возлагаетъ функцію быть руководителемъ учебной части, требуя отъ него частаго посѣщенія уроковъ преподавателей и провѣрки основательности усвоенія учениками пройденнаго; директоръ долженъ принимать мѣры къ установленію связи въ преподаваніи разныхъ предметовъ курса гимназій, а

¹⁾ Кромѣ того въ гимназіи этого типа уменьшено количество уроковъ по слѣдующимъ предметамъ сравнительно съ гимназіей съ однимъ древнимъ языкомъ: по русскому языку—на 2; по физикѣ—на 3; по географіи—на 1; по исторіи—на 3; по новымъ языкамъ—на 2.

равно къ объединенію приемовъ обученія и воспитанія. Къ преподаванію въ подготовительныхъ классахъ допускаются лица женскаго пола, имѣющія званіе домашней учительницы или наставницы.

Значительно повышены оклады директора (до 4.000 р. при казенной квартирѣ) и штатнаго содержанія—900, 1.200, 1.500, 1.800, 2.100 и 2.400 р. за 12 уроковъ, при чемъ полученіе каждаго высшаго оклада зависитъ не отъ усмотрѣнія ближайшаго начальства, а только отъ срока службы, такъ какъ каждый высшій окладъ назначается по прослуженіи лишняго пятилѣтія. За дополнительные уроки положено по 75 р.; для учителей безъ высшаго образованія положенъ низшій окладъ въ 750 р., высшій въ 1.500 р.; для учителей рисованія—отъ 560 р. до 880 р. ¹⁾.

Функции классныхъ наставниковъ расширяются до функций воспитателей; на нихъ возлагается наблюдать за нравственнымъ, умственнымъ и физическимъ развитіемъ учениковъ, входить въ сношенія съ родителями и преподавателями, присутствовать при освидѣтельствованіи здоровья и т. п. Въ виду значительности обязанностей классные наставники получаютъ 600 р. вознагражденія при условіи не давать болѣе 18 уроковъ въ недѣлю.

Врачу въ гимназій отводится видное мѣсто. На него возлагается обязанность (сверхъ раньше установленныхъ) наблюдать за тѣмъ, чтобы игры учащихся и другія физическія упражненія соображались съ требованіями правильнаго развитія и укрѣпленія силъ юношества; онъ же обязанъ пополугодно представлять отчетъ о санитарномъ состояніи учебнаго заведенія. Права педагогическаго совѣта оставлены безъ измѣненія. За то въ гимназіяхъ, содержимыхъ на средства земствъ, сословій и частныхъ лицъ, учреждаются попечительные совѣты, состоящіе изъ трехъ выборныхъ лицъ и одного, назначаемаго попечителемъ округа. Кромѣ заботъ о матеріальномъ благосостояніи учебнаго заведенія имъ присваивается важная функція—сообщать педагогическому совѣту соображенія по вопросамъ, касающимся учебной и воспитательной части. Членамъ попечительнаго совѣта разрѣшается посѣщать уроки преподавателей (съ вѣдома и *consensu* начальника учебнаго заведенія) и присутствовать на экзаменахъ.

¹⁾ Для возвышенія служебнаго положенія учителя введено званіе „заслуженнаго преподавателя“ за 20 лѣтъ безпорочной службы. Соответственно съ окладами жалованья повышены и пенсіи: директору за 25 лѣтъ—2.000 р., инспектору—1.500 р., преподавателямъ до 1.200 р. и т. д.

Окончившимъ курсъ ученія въ гимназій, кромѣ ранге присвоенныхъ правъ, дается званіе учителя начального народнаго училища.

Опуская всѣ тѣ принципиальныя новшества, которыя уже указаны въ проектѣ устава гимназій и повторяются въ проектѣ устава реальныхъ училищъ (1901 г.), необходимо отмѣтить слѣдующія особенности этого послѣдняго проекта.

Цѣлью реальныхъ училищъ ставится „доставлять юношеству воспитаніе и общее образованіе“ и вмѣстѣ съ тѣмъ готовить „въ высшія учебныя заведенія“, т. е. ставится та же задача, что и гимназіямъ. Въ реальномъ училищѣ полагается восемь классовъ; допускается открытіе училища въ составѣ шести старшихъ (III—VIII) классовъ. При этомъ, шестомъ и седьмомъ (или 6-омъ, 7-омъ и 8-омъ) классахъ могутъ быть открываемы коммерческія отдѣленія. Въ учебный курсъ реального училища входятъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій (16), русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность (30), основанія логики (1), математика (33), физика (10), математическая и физическая географія (3), естествовѣдѣніе съ химіей (16), географія (11), исторія (16), французскій и нѣмецкій языки (по 24), рисованіе (16) и чистописаніе (2). Въ коммерческихъ отдѣленіяхъ, кромѣ введенія специальныхъ предметовъ, усиливается преподаваніе новыхъ языковъ за счетъ математики, физики, естествовѣдѣнія и рисованія; въ этихъ отдѣленіяхъ общее число часовъ на пять больше чѣмъ въ основномъ, гдѣ положено 202 часа.

Для подготовки учителей средней школы предположено учрежденіе педагогическихъ институтовъ, проектъ устава которыхъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія существенныя положенія. Институты должны устраиваться преимущественно въ университетскихъ городахъ на средства казенныя, общественныя или частныя или же на совмѣстныя средства казны и общества. Въ вопросѣ о средствахъ содержанія даннаго учебно-научнаго учрежденія повторяется тотъ же принципъ, что примѣнялся къ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ.

Для практическихъ занятій кандидатовъ-педагоговъ учреждаются при институтахъ среднія учебныя заведенія, по возможности съ пансіонами, въ виду важности для кандидатовъ воспитательской подготовки. Сверхъ того кандидаты занимаются въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Институтами управляютъ директоръ, совѣтъ института и хозяйственное правленіе. Кромѣ директора, во главѣ руководства педагогической частью стоитъ профессоръ, который долженъ имѣть ученую степень магистра философскихъ наукъ. Кромѣ профессоровъ при

институтахъ состоятъ преподаватели и наставники-руководители; эти послѣдніе, изъ опытныхъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, руководятъ теоретическими и практическими занятіями кандидатовъ въ области избранной ими учебной специальности.

Преподавателемъ гигиены и руководителемъ физическими упражненіями долженъ быть врачъ. Совѣтъ института устанавливаетъ общій планъ занятій кандидатовъ и наблюдаетъ за его выполненіемъ; составляетъ правила и инструкціи по институту, принимаетъ и увольняетъ кандидатовъ и выдаетъ свидѣтельства на званіе учителя среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ институтъ въ качествѣ кандидатовъ-педагоговъ принимаются окончившіе курсъ въ университетахъ, историко-филологическихъ институтахъ и, съ особаго разрѣшенія, въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и лица, состоящіа на учебной службѣ. Кандидатамъ можетъ быть выдаваема стипендія (не свыше 900 р. въ годъ), при чемъ за каждый годъ полученія стипендіи кандидатъ обязанъ служить на педагогическомъ поприщѣ два года. Кандидатамъ присваиваются служебныя преимущества въ видѣ зачисленія гдѣ пребыванія въ институтѣ на выслугу высшаго оклада пенсіи и въ дѣйствительную службу, при условіи прослуженія четырехъ лѣтъ въ качествѣ учителя или воспитателя.

Продолжительность учебныхъ занятій въ институтѣ опредѣляется проектомъ устава въ два года, но въ отдѣльныхъ случаяхъ она можетъ быть какъ увеличиваема, такъ и уменьшаема на одинъ годъ.

Занятія въ институтѣ имѣютъ цѣлью въ первый годъ 1) ознакомить слушателей съ теоріей воспитанія и обученія и съ методиками отдѣльныхъ предметовъ; 2) улучшить научную подготовку ихъ по избраннымъ предметамъ; а во второй годъ—научить практическому примѣненію пріобрѣтенныхъ свѣдѣній по педагогикѣ и дидактикѣ. Важнымъ средствомъ къ достиженію надлежащей подготовки считаются еженедѣльные педагогическія бесѣды по поводу рефератовъ кандидатовъ на теоретическія темы, докладовъ по вопросамъ школьной практики, сообщеній о новѣйшихъ сочиненіяхъ по педагогикѣ, объ учебникахъ и пособіяхъ, отчетовъ о посѣщеніи уроковъ и т. п. Къ виднымъ преимуществамъ институтовъ относится право устраивать при нихъ съѣзды и лѣтніе курсы для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и педагогическія общества. Служебное и матеріальное положеніе лицъ, руководящихъ дѣятельностью инсти-

тута, вполне отвѣчаетъ стремленію наивозможно лучше обставить такое: директоръ, состоя въ должности IV класса, получаютъ 5.000 р. содержанія при готовой квартирѣ и 4.000 р. пенсіи по прослуженіи 25 лѣтъ; профессора института приравнены въ правахъ къ профессорамъ университетовъ; наставники-руководители, занимающіе должность VI-го класса, получаютъ добавочныхъ къ учительскому содержанію 900 р. и учительскую пенсію за 25 лѣтъ.

Въ качествѣ варіанта изложеннаго проекта о педагогическихъ институтахъ та же коммиссія К. П. Яновскаго выработала болѣе осуществимый въ ближайшемъ будущемъ проектъ правилъ о педагогической подготовкѣ при гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ кандидатовъ на учительскія и воспитательскія должности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Цѣлью подготовки этого рода ставится, главнымъ образомъ, ознакомленіе съ практикой обученія и воспитанія. Отвѣтственность за правильное руководство теоретическими и практическими занятіями кандидатовъ возлагается на директора учебнаго заведенія, который обязанъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ наставниками-руководителями и кандидатами распорядковъ, касающихся подготовки къ учебно-воспитательной службѣ. Подготовка кандидатовъ продолжается одинъ годъ подъ непосредственнымъ руководствомъ директора и избранныхъ имъ опытныхъ преподавателей. Распределеніе кандидатовъ по учебнымъ заведеніямъ происходитъ ежегодно по распоряженію попечителя округа; для кандидатовъ въ преподаватели новыхъ языковъ устанавливается пониженный образовательный цензъ—окончаніе гимназіи или реального училища. Теоретическія свѣдѣнія кандидатовъ должны сводиться къ ознакомленію: 1) съ основами теоріи обученія и воспитанія въ примѣненіи, главнымъ образомъ, къ задачамъ средней школы, 2) съ ученіями важнѣйшихъ представителей педагогики. Практическое обученіе должно заключаться: 1) въ посѣщеніи уроковъ директора и наставниковъ руководителей, 2) въ даваніи пробныхъ уроковъ, 3) въ бесѣдахъ: а) относительно приготовленія къ урокамъ, б) по анализу данныхъ уроковъ, в) относительно руководства и учебныхъ пособій. Кандидаты, съ той же цѣлью практической подготовки, привлекаются къ исполненію обязанностей классныхъ наставниковъ и воспитателей пансіоновъ. Званіемъ учителя средняго учебнаго заведенія удостоиваются при учебномъ округѣ тѣ кандидаты, о которыхъ получены благоприятныя свѣдѣнія отъ директора учебнаго заведенія. Допускается выдача стипендій кандидатамъ съ обязательствомъ служить за нее два года. За работу директору

полагается 500 р. добавочнаго вознагражденія и по 450 р.—наставникамъ руководителей.

Въ изложенныхъ проектахъ комиссіи К. П. Яновскаго выразились практически почти всѣ начинанія министерства Н. П. Боголюбова относительно средней школы, если не считать второстепенныхъ распоряженій относительно измѣненій въ учебномъ планѣ древнихъ языковъ, отбѣны заданій на каникулы, права переводить безъ экзамена хорошо успѣвающихъ учениковъ, напоминанія объ обязанности преподавателей составлять въ началѣ каждаго учебнаго года подробныя программы преподаваемыхъ ими предметовъ и допущенія женщинъ къ преподаванію французскаго языка въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій и реальнаго училища.

Преобразованія средней школы въ министерство П. С. Ванповскаго — осуществленныя и проектированныя.

По назначеніи министромъ генераль-адъютанта П. С. Ванповскаго дѣло о преобразованіи средней школы быстро подвинулось впередъ въ смыслъ практическаго осуществленія. Въ концѣ мая 1901 г., съ Высочайшаго соизволенія, была образована подъ предсѣдательствомъ министра новая комиссія, собиравшаяся восемь разъ съ 28-го мая по 7-ое июня и разсмотрѣвшая: 1) „Основныя положенія устройства общеобразовательной средней школы“; 2) вопросъ о возможности нѣкоторыхъ измѣненій въ курсѣ гимназій и реальныхъ училищъ съ начала 1901—1902 учебнаго года, примѣнительно къ новому учебному плану средней школы; 3) вопросъ о подготовкѣ преподавателей для средней школы вообще и новыхъ языковъ въ частности.

Разсмотрѣвъ и одобривъ основныя положенія, комиссія нашла, что въ интересахъ учебнаго дѣла, переустройство средней школы не можетъ быть произведено вдругъ, а равно не должно быть растягиваемо на длинный промежутокъ времени; поэтому, былъ выработанъ подробный планъ, на основаніи котораго полное преобразование мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній должно быть завершено въ 1905 году. Согласно этому плану, преобразование должно начаться съ младшихъ классовъ, а измѣненіе въ преподаваніи должно коснуться, прежде всего, древнихъ языковъ въ виду того, что одинъ изъ нихъ (греческій) совсѣмъ исключается изъ числа обязательныхъ предметовъ будущей средней школы, а на другой (латинскій) до сихъ поръ затрачивалось такое значительное количество учебныхъ часовъ, что безотлагательно нужно, въ

интересахъ другихъ предметовъ, сократить его. Комиссія нашла необходимымъ со слѣдующаго учебнаго года (1901 — 1902) прекратить въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ преподаваніе латинскаго языка въ первыхъ двухъ классахъ и греческаго въ третьемъ и четвертомъ; взамѣнъ же этихъ языковъ усилить преподаваніе русскаго языка и географіи и ввести съ перваго класса преподаваніе исторіи и одного новаго языка, а гдѣ возможно, и естествовѣдѣнія; въ реальныхъ же училищахъ сдѣлать измѣненія въ распредѣленіи уроковъ въ первыхъ двухъ классахъ въ цѣляхъ объединенія ихъ учебной программы съ новыми программами соответствующихъ классовъ гимназій. 11-го іюня 1901 г. предложенія комиссіи получили Высочайшую санкцію. 18-го іюня того же года были Высочайше одобрены и главныя основанія предложенной общей реформы средней школы. Сокращенное изложеніе „Основныхъ положеній устройства общеобразовательной средней школы“ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Школа должна быть единой, общаго типа, для всѣхъ учебныхъ заведеній этого рода (§ 1). Задачей средней школы является доставлять юношеству воспитаніе и возможно законченное общее среднее образованіе и въ то же время готовить къ поступленію въ высшія учебныя заведенія; первые три класса средней школы должны имѣть законченный курсъ, быть общими и обязательными для всѣхъ учениковъ ¹⁾. (§§ 2 и 4). Полный курсъ средней школы имѣютъ семь классовъ; окончаніе трехъ низшихъ классовъ средней школы даетъ право на полученіе свидѣтельства объ окончаніи низшаго образованія (§§ 3 и 4). Начиная съ четвертаго класса, ученики средней школы дѣлятся на двѣ вѣтви: одни изучаютъ дополнительный курсъ естествовѣдѣнія и графическія искусства, другіе же взамѣнъ этихъ предметовъ въ тѣ же часы изучаютъ латинскій языкъ. Общими для учениковъ обѣихъ группъ являются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ съ понятіями изъ логики, литература отечественная и всеобщая, законовѣдѣніе, отечествовѣдѣніе, французскій и нѣмецкій языки, математика, физика, космографія, исторія русская и всеобщая, географія и естествовѣдѣніе (§ 5).

Въ университетскихъ городахъ, а также въ Вильнѣ, сохраняется по одной изъ среднихъ школъ съ обязательнымъ преподаваніемъ гре-

¹⁾ Въ нихъ преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, отечественная и всеобщая исторія и географія, арифметика, естествовѣдѣніе, новые языки, рисованіе, черченіе и чистописаніе.

ческаго и латинскаго языковъ (§ 6). Допускается факультативное преподаваніе греческаго языка во всѣхъ среднихъ школахъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ англійскимъ языкомъ (§ 7). Обращается особое вниманіе на воспитаніе учащейся молодежи и приученіе ея къ школьной дисциплинѣ, а равно на усиленіе ея физическаго развитія путемъ воинскихъ и физическихъ упражненій (гимнастика, подвижныя игры, школьныя экскурсіи и ручной трудъ—§ 8). Прошедшіе курсъ средней школы пользуются различными правами относительно поступленія въ высшія учебныя заведенія въ зависимости отъ изученія древнихъ языковъ: изучавшіе оба языка принимаются на всѣ факультеты; изучавшіе одинъ латинскій — держатъ дополнительный экзаментъ по греческому языку при поступленіи на историко-филологическій и богословскій факультеты; не изучавшіе вовсе древнихъ языковъ принимаются въ университетъ на основаніи правилъ и программъ, которыя имѣютъ быть выработаны соответствующими факультетами и утверждены министромъ народнаго просвѣщенія. Приемъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія производится на основаніи уставовъ этихъ заведеній (§ 9).

Въ промышленныхъ и техническихъ среднихъ школахъ программы первыхъ трехъ классовъ должны, по возможности, быть объединены съ курсомъ тѣхъ же классовъ средней общеобразовательной школы (§ 11). Четырехклассныя прогимназіи преобразуются въ низшія трехклассныя школы, а шестиклассныя прогимназіи въ школы семикласснаго состава (§ 12). Предположено уничтоженіе существующаго въ законѣ различія въ правахъ на полученіе класснаго чина въ зависимости отъ происхожденія: право на первый чинъ присваивается окончившимъ полный курсъ средней школы. Льготы по отбыванію воинской обязанности предоставляются окончившимъ курсъ первыхъ трехъ классовъ и полный курсъ средней школы (§ 10).

Изложенный проектъ „Основныхъ положеній“ былъ переданъ, съ Высочайшаго соизволенія, на обсужденіе и заключеніе другихъ ведомствъ, отъ которыхъ въ январю 1902 г. были получены отзывы. Среди отзывовъ обращаетъ на себя вниманіе своею опредѣленностью мнѣніе бывшаго министра финансовъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте. Въ своей запискѣ статсъ-секретарь Витте является рѣшительнымъ сторонникомъ классической системы образованія ¹⁾. Въ анализѣ основныхъ

¹⁾ „Только общеобразовательная средняя школа, построенная на серьезномъ изученіи древнихъ языковъ и математики, является базой для подготовки дѣятелей

положеній устройства общеобразовательной средней школы С. Ю. Витте проявляетъ большую критическую силу. Возражая противъ единства средней школы, министръ, между прочимъ, приводитъ такія соображенія: „Сколько извѣстно, ни въ одной передовой странѣ Европы не сдѣлано попытки объединенія (двухъ) типовъ въ одинъ: для такого объединенія нѣтъ, казалось бы, устойчивой почвы въ условіяхъ дѣйствительной жизни, во всемъ укладѣ выросшаго исторически школьнаго дѣла. Классическая, какъ и реальная школа, — каждая имѣетъ свои самостоятельныя задачи и преслѣдуетъ свои особыя цѣли: различіемъ этихъ задачъ и цѣлей обуславливается и различіе учебнаго курса школы классической и реальной. Въ классической школѣ центръ тяжести въ обученіи юношества лежитъ на древнихъ языкахъ и математикѣ; въ реальной — на математикѣ, естественныхъ наукахъ и новыхъ языкахъ. Предположенное комиссіей сліяніе двухъ существующихъ типовъ средней общеобразовательной школы въ одинъ, во имя *экономности* и въ видахъ устраненія затрудненій, сопряженныхъ нынѣ съ переходомъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, а также ранней спеціализаціи учащихся, по существу дѣла, едва ли не равносильно отбѣнѣ и классическаго, и реального образованія, и созданію новаго типа единой школы по чисто теоретическимъ соображеніямъ, а не въ силу дѣйствительной необходимости. Каковы бы ни были достоинства этой новой школы, она будетъ обладать принудительнымъ характеромъ едва ли не въ большей мѣрѣ, нежели школа существующая, такъ какъ эта послѣдняя предоставляетъ учащимся свободу выбора между классическимъ и реальнымъ образованіемъ, опредѣляемого ихъ способностями или влеченіемъ къ тому и другому роду знаній“. Въ заключеніе по вопросу о единствѣ школы С. Ю. Витте высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „школа должна быть единою въ своихъ принципахъ, но разнообразною по цѣлямъ, а слѣдовательно и по тому учебному матеріалу, который дается учащимся“, „опытъ единой школы, близко совпадающей по своимъ основаніямъ съ проектомъ комиссіи, былъ уже произведенъ у насъ въ 1849 и 1851 гг., но, по отзывамъ двухъ министровъ просвѣщенія (Головнина и гр. Толстого), а также государственнаго совѣта, привелъ къ совершенной несостоятельности нашей въ учебномъ и научномъ отношеніяхъ, которая повсюду обна-

---

высшаго типа. Упраздненіе классической школы едва ли не было бы бѣдствіемъ для Россіи; оно разстроило бы наше учебное дѣло и вызвало бы смутеніе въ умахъ наиболѣе просвѣщенной части русскаго общества“. (Отзывъ М. Ф., стр. 41).

руживалась самыми печальными признаками". Далѣе въ запискѣ указы-
вается на непослѣдовательность комиссіи въ вопросѣ о единствѣ
средней школы, такъ какъ ею же допускается другой типъ школы съ
двумя древними языками. Особой обстоятельностью въ той же запискѣ
отличается критика введенія въ курсъ средней школы новыхъ пред-
метовъ—отечествовѣдѣнія и законовѣдѣнія. Первый предметъ министр
финансовъ считаетъ неумѣстнымъ въ средней школѣ, не имѣющимъ
самостоятельнаго содержанія и лишеннымъ образовательнаго значенія.
„Сведенное на почву чисто статистическихъ выкладокъ, отечествовѣ-
дѣніе обременитъ лишь память учащихся и станеть въ противорѣчіи
съ основной задачей общеобразовательной школы — способствовать
умственному развитію учащихся, а не давать имъ отрывочныя свѣдѣ-
нія, усваиваемыя чисто механическимъ путемъ, безъ пониманія ихъ
внутренняго смысла и значенія. Такого предмета нѣтъ ни въ одной
европейской средней школѣ". Что касается законовѣдѣнія, министр
дѣлаеть относительно этого предмета такой выводъ: „Ограничиваясь
сухимъ перечнемъ устройства и компетенціи отдѣльныхъ учрежденій,
оно, безъ всякой пользы для умственнаго развитія учащихся, обре-
менило бы ихъ память и дало бы имъ ложное представленіе о право-
вѣдѣніи, какъ наукѣ. Преподаваемое научно, т. е. съ объясненіемъ
внутренняго характера и значенія правовыхъ институтовъ, оно найдетъ
неподготовленныхъ учениковъ и способно внести въ среднюю школу
политику, которой здѣсь вовсе нѣтъ мѣста". Въ положительной части
записки министръ финансовъ предлагаетъ сохранить существующую у
насъ классическую гимназію въ ея чистомъ видѣ и реальное училище,
сообщивъ послѣднему характеръ общеобразовательной школы; кромѣ
того, предлагаетъ создать у насъ, по примѣру Германіи, реальную
гимназію съ латинскимъ языкомъ. Побужденіемъ къ рекомендаціи
этого типа школы является желаніе С. Ю. Витте „содѣйствовать въ
большей мѣрѣ изученію новыхъ иностранныхъ языковъ“.

Кромѣ отзыва министра финансовъ были получены заключенія на
проектъ „Основныхъ положеній“ отъ министровъ—внутреннихъ дѣлъ,
земледѣлія и государственныхъ имуществъ, путей сообщенія, юстиціи
и военнаго, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, главноуправляющаго
Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учре-
жденіямъ Императрицы Маріи и митрополита С.-Петербургскаго и
Ладожскаго, а равно отъ попечительскихъ и педагогическихъ совѣтовъ
учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

По полученіи новыхъ данныхъ ген.-адъют. П. С. Ванновскій на-

шолъ полезнымъ образоватъ новую комиссію, подъ своимъ предсѣдательствомъ, для окончательной выработки основныхъ положеній устройства средней общеобразовательной школы. Эта комиссія имѣла семь засѣданій (съ 22-го января по 4-е февраля 1902 года), на которыхъ обсуждала, по предложенію министра, слѣдующіе главные вопросы: 1) о единствѣ средней школы, 2) о задачѣ средней школы вообще и первыхъ трехъ классовъ ея въ частности, 3) о продолжительности курса средней школы, 4) объ устройствѣ старшихъ классовъ средней школы, 5) о числѣ школъ съ обязательнымъ преподаваніемъ двухъ древнихъ языковъ и 6) объ условіяхъ приѣма въ первый классъ средней школы. По каждому изъ поставленныхъ вопросовъ были высказаны разнообразныя мнѣнія, нерѣдко прямо противоположныя; получало преобладаніе мнѣніе, за которое высказывалось большинство. Министръ самъ резюмировалъ пренія: такъ по первому вопросу П. С. Ванновскій пришелъ къ тому выводу, что „только школа, устроенная на изложенныхъ въ основныхъ положеніяхъ началахъ, способна удовлетворить тѣмъ разнообразнымъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены къ школѣ, въ виду различія природныхъ способностей и наклонностей учащихся, и не давать тѣхъ печальныхъ результатовъ, какія получались при прежней школьной системѣ, воспитывавшей учащихся въ духѣ космополитизма, въ полномъ невѣдѣніи и отчужденіи отъ своей родной страны, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ измѣнить редакцію § 1-го „Основныхъ положеній“ исключеніемъ изъ его текста слова „единая“.

Относительно воспитательной задачи школы министръ заявилъ, въ заключеніе преній по этому вопросу, что „на первомъ планѣ должна быть поставлена (эта) задача, отъ выполненія (ея), несмотря на всю ея трудность, школа не можетъ и не должна отказываться, а достигается она и при посредствѣ преподаванія, которое должно быть воспитывающимъ, и при участіи преподавательскаго персонала, такъ какъ каждый преподаватель долженъ быть вмѣстѣ и воспитателемъ, дѣйствуя на учащихся примѣромъ своего корректнаго поведенія и добросовѣстнаго отношенія къ своему долгу. Что же касается вопроса о сближеніи школы съ семьей, то, при всей его важности, онъ не можетъ быть предметомъ обсужденія комиссіи, какъ не имѣющей непосредственнаго отношенія къ ея задачѣ“.

По вопросу объ устройствѣ первыхъ трехъ классовъ средней школы въ видѣ особаго концентра, имѣющаго „законченный курсъ“ низшей школы и устанавливающаго связь съ этою послѣдней, министръ за-

явилъ, что „онъ убѣдился въ невозможности осуществленія этой идеи, внушенной ему желаніемъ установить такую же непрерывность обученія на различныхъ ступеняхъ его, каковая существовала во времена Уваровскія“.

По вопросу о продолжительности курса средней школы министръ присоединился къ мнѣнію тѣхъ членовъ комиссіи, которые защищали семилѣтній курсъ, такъ какъ семи лѣтъ „достаточно для того, чтобы дать законченное среднее образованіе, тѣмъ болѣе, что въ пользу такого рѣшенія вопроса говоритъ и опытъ другихъ школъ, имѣющихъ такую же продолжительность курса, а прибавка, въ случаѣ надобности, лишняго года съ цѣлью облегченія прохожденія курса будетъ легче, чѣмъ сокращеніе продолжительности курса съ восьми на семь лѣтъ“.

По вопросу объ организаціи старшихъ классовъ средней школы большинство членовъ комиссіи высказалось въ пользу бифуркаціонной системы, но не согласилось съ цѣлесообразностью предлагаемой проектомъ замѣны латинскаго языка дополнительнымъ курсомъ естествовѣдѣнія и графическими искусствами, въ виду общеобразовательнаго значенія двухъ послѣднихъ предметовъ. Резюмируя пренія, министръ призналъ необходимымъ поручить особой подкомиссіи пересмотръ вопроса о формѣ бифуркаціи въ будущей средней школѣ.

По вопросу о числѣ школъ съ двумя древними языками, послѣ преній, министръ высказался въ томъ смыслѣ, что, „хотя лично онъ убѣжденъ, что пяти такихъ школъ вполне достаточно,..... тѣмъ не менѣе онъ согласенъ на то, чтобы въ каждомъ учебномъ округѣ было оставлено по одной такой школѣ, такъ какъ въ этомъ смыслѣ высказалось большинство, хотя и незначительное, членовъ комиссіи“.

По вопросу объ условіяхъ приема въ первый классъ средней школы мнѣнія членовъ комиссіи раздѣлились какъ относительно нормы приемнаго возраста, такъ и относительно объема тѣхъ познаній, которыя должны требоваться отъ поступающихъ въ этотъ классъ дѣтей. Заключая пренія, министръ заявилъ, что, „не касаясь въ настоящее время ни вопроса о подготовительныхъ классахъ, ни вопроса о количествѣ возможныхъ оставленій учениковъ на повторительный курсъ, онъ признаетъ возможнымъ опредѣлить норму приемнаго возраста въ 10—12 лѣтъ, допуская при этомъ пониженіе ея на полгода, въ виду того, что дѣти такого возраста, какъ показываетъ опытъ, могутъ съ успѣхомъ проходить курсъ школы“.

По вопросу о познаніяхъ, требуемыхъ отъ поступающихъ въ пер-

вый классъ дѣтой, большинство комиссіи высказалось въ пользу сохраненія прежнихъ требованій.

Результатомъ всѣхъ подготовительныхъ работъ по организациіи новаго типа средней школы явилось „Положеніе о мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ“ въ 89-ти статьяхъ. Оно развѣиваетъ въ подробностяхъ основанія, принятыя весенней и зимней комиссіями 1901—1902 годовъ. Въ первой статьѣ, послѣ указанія задачи гимназіи, прибавлено: „при этомъ обращается особое вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе учащейся молодежи, ознакомленіе съ отечествомъ, изученіе русскаго языка и физическое развитіе“. Временно допущено сохраненіе четырехклассныхъ прогимназій.

Въ учебномъ курсѣ гимназій исторія соединена съ законовѣдѣніемъ, а географія съ отечествовѣдѣніемъ. Вѣдѣніемъ, начинаясь съ 4-го класса, проведена на основѣ противоположенія латинскаго языка — усиленному объему математики, физики, естествовѣдѣнія, французскаго языка и искусствъ. Въ учебный курсъ гимназіи съ двумя древними языками введены естествовѣдѣніе и черченіе. Составъ класса опредѣляется въ 35 чоловѣкъ, а въ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, не болѣе какъ въ 40. Къ числу обязательныхъ для каждой гимназіи учебныхъ пособій отнесены музыкальныя ноты и гимнастическіе снаряды. Опредѣлено количество штатныхъ преподавателей въ гимназіи и прогимназіи: въ первой—12, во второй—6; указанъ максимумъ числа уроковъ, которое можетъ имѣть штатный преподаватель—24 въ недѣлю. Лица женскаго пола допускаются къ преподаванію не только новыхъ языковъ въ первыхъ четырехъ классахъ, но и чистописанія, пѣнія и музыки. Воспитательная часть ввѣряется класснымъ воспитателямъ, избираемымъ изъ штатныхъ преподавателей; на гимназію ихъ полагается 6, а на прогимназію — 3, при чемъ имъ поручается не болѣе 19-ти уроковъ въ недѣлю. Дѣла, касающіяся отдѣльныхъ классовъ или отдѣльныхъ предметовъ преподаванія, обсуждаются въ комиссіяхъ педагогическаго совѣта и затѣмъ утверждаются въ его полномъ собраніи. При гимназіяхъ и прогимназіяхъ, содержимыхъ на общественныя средства, могутъ быть учреждаемы попечительные совѣты. За 25 лѣтъ службы полагается пенсія только по выходѣ въ отставку и безъ пятилѣтнихъ прибавокъ: директору въ размѣрѣ 2.000 руб., инспектору—1.700 руб., штатнымъ преподавателямъ съ высшимъ образованіемъ—1.500 руб., преподавателямъ безъ высшаго образованія, а также преподавательницамъ новыхъ языковъ—900 руб.,

преподавателямъ приготовительнаго класса — 800 руб. Званіе заслуженнаго преподавателя присвоится учителю, прослужившему безпорочно 25 лѣтъ.

Ученики, окончившіе курсъ ученія въ гимназіяхъ или получившіе свидѣтельства о знаніи полнаго курса оныхъ, удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданина, если только по рожденію своему не принадлежали къ другому высшему званію, и опредѣляются въ гражданскую службу, безъ различія состоянія, съ чиномъ XIV класса.

Къ трудамъ министерства П. С. Ванновскаго принадлежитъ выработка новыхъ программъ и учебныхъ плановъ по всѣмъ предметамъ курса новой школы. Изъ трудовъ цѣлаго ряда подкомиссій были сдѣланы сводъ учебныхъ плановъ и объяснительныхъ записокъ Я. Г. Гуревичемъ.

Въ этомъ сводѣ: 1) сопоставлено число недѣльныхъ уроковъ, назначенныхъ по новой таблицѣ на каждый учебный предметъ, съ числомъ недѣльныхъ уроковъ, отведенныхъ для того же предмета по таблицѣ 1890 года для гимназій и 1895 года для реальныхъ училищъ; 2) выяснены мотивы, которыми руководились составители новыхъ учебныхъ плановъ при распредѣленіи учебнаго матеріала по классамъ; 3) выяснены мотивы, которыми руководилась коммиссія по преобразованію средней школы при введеніи новыхъ предметовъ или новыхъ отдѣловъ по тому или другому предмету; 4) указаны тѣ преимущества, какія представляетъ новая таблица недѣльныхъ уроковъ и новые учебные планы по сравненію съ прежними.

Не разсматривая всего, что даетъ указанный трудъ Я. Г. Гуревича, достаточно для поставленной задачи остановиться на нѣкоторыхъ данныхъ. Общее число всѣхъ недѣльныхъ уроковъ въ проектируемой средней школѣ общаго типа — 198, а въ школѣ съ обоними древними языками — 200 вмѣсто 206 (225) недѣльныхъ уроковъ, положенныхъ для гимназій, и 203 уроковъ, назначенныхъ для реальныхъ училищъ. Прежняя таблица недѣльныхъ уроковъ подверглась болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ какъ въ отношеніи абсолютнаго числа уроковъ, такъ еще болѣе въ смыслѣ распредѣленія этихъ уроковъ по классамъ. Въ школѣ общаго типа предположено по 30 уроковъ, вмѣсто прежнихъ 29, для старшихъ трехъ классовъ, въ школѣ же съ обоними древними языками — по 30 въ старшихъ четырехъ классахъ. При новомъ распредѣленіи уроковъ по часамъ дня (на большую перемѣну отведенъ 1 ч. 10 мин.) и нѣкоторомъ сокращеніи продолжительности каждаго изъ нихъ (50 мин.

вмѣсто 55 мин.), увеличеніе числа недѣльных уроковъ на одинъ, по предположенію автора свода, не дѣлаетъ существенной разницы въ смыслѣ траты ученическихъ силъ и количества учебнаго времени.

Останавливаетъ на себѣ нѣкоторое вниманіе и дѣятельность комиссіи П. С. Ванновскаго по вопросу о подготовкѣ преподавателей для средней школы вообще и новыхъ языковъ въ частности.

Разработка этого вопроса поручена была попочителю казанскаго учебнаго округа М. М. Алексѣенко, докладъ котораго въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

При учебныхъ округахъ, подъ наблюденіемъ попочителя округа, открываются педагогическія семинаріи, состоящія въ завѣдываніи особаго директора. Въ этихъ семинаріяхъ кандидаты-педагоги, уже въ университетѣ ознакомившіеся съ теоретическими педагогическими предметами, получаютъ въ продолженіи одного года практическую подготовку подъ наблюденіемъ особыхъ руководителей, избираемыхъ изъ преподавателей различныхъ учебныхъ заведеній: не будучи прикрѣплены къ одному какому-либо учебному заведенію, кандидаты-педагоги посѣщаютъ различныя школы, мужскія и женскія, присутствуютъ на урокахъ, замѣняютъ учителей, классныхъ наставниковъ, воспитателей въ различныхъ заведеніяхъ, при различной обстановкѣ и разнообразныхъ составахъ учащихся, и пробные уроки даютъ также въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ; если въ числѣ ихъ окажутся лица, не слушавшія въ университетѣ курсовъ по теоретическимъ педагогическимъ предметамъ, то они должны восполнить этотъ пробѣлъ во время пребыванія въ семинаріи; расходъ на такія семинаріи исчисленъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: директору—2.000 — 3.000 руб., руководителямъ по 400—500 руб. каждому, на учебныя пособія, особые курсы, дѣлопроизводство и пр. 500 — 1.000 руб. Кроме того, М. М. Алексѣенко полагаетъ, что начинающему преподавателю, въ первый годъ его дѣятельности, необходимо оказывать помощь въ той или иной формѣ, съ цѣлью поддержать въ немъ критическое отношеніе къ собственной работѣ. Но важнѣе всего авторъ доклада считаетъ улучшеніе матеріальнаго положенія преподавателей съ цѣлью привлечь достаточное число достойныхъ и способныхъ людей къ педагогической дѣятельности. Съ тою же цѣлью авторъ рекомендуетъ выдавать стипендіи студентамъ университета, избирающимъ себѣ педагогическую дѣятельность (со 2-го курса по 400 р.), а равно кандидатамъ-педагогамъ во время ихъ практической подготовки (отъ 600—900 р.). М. М. Алексѣенко находитъ, что полезно

сдѣлать самую педагогическую карьеру болѣе привлекательной, содѣйствуя оживленію педагогической корпораціи устройствомъ педагогическихъ сѣздовъ, временныхъ курсовъ по предметамъ преподаванія, открытіемъ педагогическихъ обществъ, командировками внутри Россіи и за границу и т. п. Для полученія хорошихъ преподавателей французскаго и нѣмецкаго языковъ, авторъ доклада считаетъ необходимымъ требовать отъ нихъ высшаго филологическаго образованія. Подготовка для преподаванія иностранныхъ языковъ должна происходить на романо-германскомъ отдѣленіи историко-филологическаго факультета или на особыхъ курсахъ, если такого отдѣленія не имѣется въ университетѣ; одновременно съ этимъ должна происходить и теоретическая педагогическая подготовка путемъ изученія соответствующихъ предметовъ; а для усовершенствованія въ языкѣ желательно давать такимъ лицамъ заграничныя командировки; что касается практической подготовки, то она совершается на общемъ основаніи въ семинаріи или въ институтѣ. Кромѣ этого нормальнаго способа подготовки, М. М. Алексѣенко допускаетъ другой, болѣе упрощенный способъ, заключающійся въ томъ, что къ преподаванію новыхъ языковъ привлекаются лица, хотя и съ университетскимъ образованіемъ, но не бывшія на романо-германскомъ отдѣленіи, а также лица, окончившія курсъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, равно какъ преподаватели древнихъ языковъ и другихъ предметовъ: такія лица должны выдержать особое испытаніе по особой программѣ и затѣмъ получаютъ заграничную командировку на одинъ годъ съ вознагражденіемъ въ 1.200 руб. и, по представленіи отчета и послѣ удовлетворительныхъ пробныхъ уроковъ, получаютъ право на преподаваніе того или другого языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Независимо отъ этого, къ преподаванію новыхъ языковъ въ младшихъ классахъ могутъ быть допускаемы и лица женскаго пола, получившія теоретическую и практическую подготовку или въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или въ педагогическихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, если спеціальностью окончившихъ курсъ въ нихъ былъ одинъ изъ новыхъ языковъ. Изъ иностранцевъ только лица съ высшимъ образованіемъ допускаются къ преподавательской дѣятельности въ старшихъ классахъ и то подъ условіемъ выдержанія испытанія по русскому языку; иностранцы же со среднимъ образованіемъ могутъ быть преподавателями въ четырехъ младшихъ классахъ, по выдержаніи испытанія какъ по русскому, такъ и по соответствующему иностранному языку.

Съ большимъ вниманіемъ и обстоятельностью въ министерство П. С. Ванювскаго былъ разработанъ вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго и служебнаго положенія лицъ педагогическаго персонала ¹⁾. За основаніе былъ принятъ докладъ комиссіи А. Н. Шварца и С. Ф. Спѣшкова: эта работа была препровождена на отзывъ начальства учебныхъ округовъ. Кроме того, была заготовлена справка по тому же вопросу о постановкѣ дѣла въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы подъ заглавіемъ „Сравнительный очеркъ служебнаго и матеріальнаго положенія учебно-административнаго персонала среднихъ учебныхъ заведеній Россіи, Германіи, Франціи и Австріи“.

Наконецъ, весь этотъ матеріалъ былъ окончательно разработанъ подкомиссіей В. К. фонъ-Анрепа, которая, въ результатъ, выработала проектъ штатовъ и окладовъ содержанія для средней школы.

Исходя изъ положенія, что ни одна профессія не подтачиваетъ въ такой степени здоровья и силъ служащихъ и ни одна не представляетъ такъ мало шансовъ на движеніе вверхъ по іерархической лѣстницѣ, какъ педагогическая, комиссія гг. Шварца и Спѣшкова поставила задачей создать условія, при которыхъ педагогическая служба по учебному вѣдомству привлекала бы къ себѣ людей наиболѣе талантливыхъ и привязывала бы ихъ къ мѣсту служенія. Въ виду этихъ соображеній, комиссія значительно повысила матеріальное вознагражденіе за педагогическій трудъ, облегчивъ его, насколько было возможно, въ смыслѣ пѣлесообразнаго расходованія силъ педагоговъ. Оклады жалованья и пенсій, установленныя комиссіей, были уменьшены подкомиссіей г. фонъ-Анрепа, благодаря, особенно, настояніямъ представителя государственнаго казначейства; были сдѣланы и другія менѣ существенныя измѣненія въ подробностяхъ прохожденія учебной и учебно-административной службы. Такъ, директоръ, по предположенію комиссіи, не долженъ былъ давать ни одного урока, получая за свой сложный трудъ—4.000 руб. вознагражденія, при казенной квартирѣ и 3.000 руб. пенсін за 25 лѣтъ службы; подкомиссія нашла возможнымъ уменьшить его годовое содержаніе до 3.400 руб., предоставивъ ему право давать 6 уроковъ (по 75 р.); размѣръ пенсін опредѣлила въ 2.000 руб. Штатное жалованіе преподавателямъ было опредѣлено комиссіей въ слѣдующихъ размѣрахъ, въ зависимости отъ количества выслуженныхъ пятилѣтій: 900, 1.200,

¹⁾ Выводы работъ комиссіи и подкомиссіи по этому вопросу вошли въ „Положеніе о мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ“.

1.500, 1.800 и 2.100 руб.; подкомиссія сократила вознагражденіе, установивъ оклады: 900, 1.100, 1.300, 1.500 и 1.800 руб.; пенсіи тоже были сокращены съ 2.000 до 1.500 руб. Соответственно было повышено вознагражденіе за трудъ и пенсіи всему остальному персоналу служащихъ въ средней школь; незначительно было увеличено лишь жалованіе врачу: какъ комиссіей, такъ и подкомиссіей до 600 р. Нововведеніемъ въ служебные порядки школы можно считать установленіе слѣдующихъ началъ: 1) каждый штатный преподаватель не можетъ имѣть больше 24 уроковъ въ недѣлю; при чемъ за первые 12 уроковъ получаетъ штатный окладъ, а за остальные — поурочное вознагражденіе (по 75 р. за урокъ); 2) устанавливается, какъ опредѣленное количество штатныхъ преподавателей, такъ и штатныхъ воспитателей на школу; въ виду усложненія обязанностей послѣднихъ они получаютъ 750 руб. за воспитательство; 3) преподаватели новыхъ языковъ, безъ всякаго образованія, получаютъ пониженные оклады содержанія: отъ 750 руб. до 1.350 руб. и 900 руб. пенсіи; то же правило распространяется и на преподавательницъ, независимо отъ ихъ образовательнаго ценза. Законоучители, напротивъ, даже со среднимъ образованіемъ приравниваются въ правахъ на жалованіе и пенсію къ преподавателямъ съ высшимъ образованіемъ; 4) выдача пенсіи должна производиться только по выходѣ преподавателя въ отставку, при чемъ пятилѣтнія прибавки къ пенсіи уничтожаются; 5) вводится обязательное добавочное вознагражденіе за исправленіе на дому ученическихъ сочиненій и письменныхъ работъ вообще.

Въ виду исключительнаго значенія, которое пріобрѣтаетъ въ новой школѣ экспериментальный методъ преподаванія, увеличивается до 1.000 руб. штатная сѣмма на учебныя пособія—на физическій кабинетъ и химическую лабораторію, на пріобрѣтеніе чучелъ, коллекцій и атласовъ для естественно-историческаго кабинета, на устройство и содержаніе акваріумовъ, терраріумовъ и маленькихъ теплицъ и т. д.

Вышеуказанное нововведеніе относительно классныхъ воспитателей было подготовлено докладомъ комиссіи С. О. Спѣшкова „по вопросу объ институтѣ классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Комиссія приняла къ выводу о невозможности сохранить старый порядокъ въ дѣлѣ воспитанія въ средней школѣ, признавъ, что ни классное наставничество, ни надзирательство не достигаютъ своей цѣли, что необходимо создать новый институтъ воспитателей съ расширеніемъ круга его правъ и обязанностей. „На-

ходясь съ вѣренными имъ питомцами“, такъ мотивируютъ авторы доклада новое установленіе, „во все время пребыванія ихъ въ школы, занимаясь ихъ обученіемъ на своихъ урокахъ и присутствуя при обученіи ихъ на урокахъ другихъ преподавателей, совершая съ питомцами образовательныя прогулки и учебныя экскурсіи, руководя ихъ домашнимъ чтеніемъ, знакомясь съ условіями ихъ домашняго быта и входя въ сношеніе съ ихъ родителями, воспитатели вполне изучаютъ вѣренныхъ имъ питомцевъ и, когда нужно, найдутъ необходимыя средства для воздѣйствія на нихъ“. Къ докладу приложена „инструкція для воспитателей средней школы“.

По соглашавшися съ проектированнымъ комиссіей П. С. Выповскаго строемъ общеобразовательной средней школы, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Н. Х. Вессель представилъ свой проектъ „устава гимназій и прогимназій“ съ объяснительной къ нему запиской и учебными планами. Въ немъ Н. Х. Вессель выступаетъ защитникомъ семиклассной полуклассической школы, съ обязательнымъ преподаваніемъ латинскаго языка съ перваго до послѣдняго класса при 32 часахъ, при томъ съ систематическимъ курсомъ, не раздѣленнымъ на два центра; онъ допускаетъ существованіе и школы съ двумя древними языками въ университетскихъ городахъ „и тамъ, гдѣ это будетъ нужно“, при чемъ греческій языкъ долженъ начинаться съ 4-го класса и изучаться при 20 урокахъ. Общее количество часовъ въ обонхъ типахъ школы онъ устанавливаетъ въ 200. Руководящими началами этой школы Н. Х. Вессель выставляетъ слѣдующія соображенія: „Главными общеобразовательными учебными предметами являются языки и математика, потому: 1) что обученіе только этимъ предметамъ въ гимназій сообщатъ тѣ общія основныя познанія, безъ которыхъ невозможны никакія дальнѣйшія научныя занятія ни въ университетѣ, ни въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ, и никакая сознательная практическая дѣятельность, и 2) обученіе языкамъ развиваетъ индуктивное или синтетическое мышленіе, а обученіе математикѣ—дедуктивное или аналитическое. Изъ языковъ для этой цѣли болѣе пригодны древніе, какъ мертвые, грамматическія формы и правила которыхъ уже точно выяснены, опредѣлены и неизмѣнимы, а образцовыя классическія произведенія авторовъ вполне объяснены.... Изъ двухъ же древнихъ языковъ для общаго образованія особенно пригоденъ латинскій языкъ, такъ какъ по образцу латинской грамматики, въ большей или меньшей степени, составлены грамматики всѣхъ новыхъ языковъ“. Кромѣ указаннаго труда П. Х. Весселемъ

былъ представленъ „проектъ положенія о педагогическихъ курсахъ“ съ исторической объяснительной запиской; авторъ проекта высказывается за „учрежденіе двухгодичныхъ педагогическихъ курсовъ при образцово устроенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ гимназіяхъ“, какъ за лучший способъ приготовленія хорошихъ учителей для гимназій.

Оканчивая обзоръ трудовъ министерства П. С. Ванновскаго по преобразованію средней школы,—преобразованію незаконченному и не получившему законодательной санкціи, необходимо имѣть въ виду, что частная реформа гимназій и реальныхъ училищъ въ 1901—1902 учебномъ году, проведенная по Высочайшему повелѣнію въ видѣ временной мѣры на одинъ годъ, должна была имѣть продолженіе. Слѣдовало или вернуться къ старому или продолжать постепенное преобразование средней школы въ направленіи, указанномъ П. С. Ванновскимъ.

Труды министерства Г. Э. Зенгера.

Новый министр тайный совѣтникъ Г. Э. Зенгеръ, не сочувствуя въ цѣломъ преобразовательной дѣятельности своего предшественника, вынужденъ былъ силою обстоятельствъ идти по его пути, нѣсколько смягчая только опредѣленность его начинаній. Съ Высочайшаго соизволенія была образована коммиссія изъ директоровъ гимназій и реальныхъ училищъ разныхъ округовъ для выработки мѣръ къ установленію и на 1902—3 учебный годъ временнаго устройства гимназій и реальныхъ училищъ, по подѣ условіемъ, чтобы оно было осуществлено съ наименьшими потрясеніями для школы, съ возможнымъ соблюденіемъ педагогическихъ требованій и при томъ такъ, чтобы не предрѣшались конечные результаты реформы средней школы. Предположенія коммиссіи директоровъ были послѣдовательно рассмотрѣны ученымъ комитетомъ и совѣтомъ министра, послѣ чего 20-го іюля 1902 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о временномъ устройствѣ учебной части въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Гимназій—рижская городская, при обоихъ историко-филологическихъ институтахъ, гимназическіе классы Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и лицей Цесаревича Николая и гимназическія отдѣленія церковныхъ училищъ, программы которыхъ не подвергались измѣненіямъ въ 1901—1902 учебномъ году, сохранили старые учебные планы 1890 г. Во всѣхъ остальныхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ курсъ первыхъ двухъ классовъ сдѣланъ общимъ; въ курсъ 3-го класса

гимназій введенъ латинскій языкъ, а въ реальныхъ училищахъ усилено преподаваніе новыхъ языковъ и графическихъ искусствъ. Для четвертаго класса гимназій составлены двѣ таблицы уроковъ, одна— съ греческимъ языкомъ, другая—безъ него. Первая таблица вводится въ гимназіяхъ: 3-ей петербургской, 5-ой московской, 4-ой варшавской, 1-ой кievской и юрьевской, вторая—во всѣхъ остальныхъ гимназіяхъ. Всѣ вообще мѣропріятія, наложенныя въ Высочайшемъ повелѣніи 20-го іюля, разрѣшено сохранить въ силѣ и по истеченіи 1902—1903 учебнаго года, впредь до введенія утвержденныхъ въ законодательномъ порядкѣ новыхъ уставовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, съ предоставленіемъ, однако, министру народнаго просвѣщенія права видоизмѣнять число уроковъ по каждому предмету и распредѣленіе ихъ по классамъ по своему ближайшему усмотрѣнію по истеченіи 1902—1903 учебнаго года и до введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ. Вслѣдъ затѣмъ министерство приступило къ исполненію Высочайшей воли объ усиленіи средствъ физическаго развитія учащейся молодежи. 5-го августа Г. Э. Зенгеръ испросилъ Высочайшее соизволеніе на принятіе двухъ мѣръ: 1) разрѣшить въ видѣ опыта на одинъ годъ въ тѣ недѣли, въ которыя не приходится праздничныхъ дней, давать учащимся по одному дню отдыха съ тѣмъ однако же, чтобы эти дни не были въ безконтрольномъ распоряженіи учащихся, а посвящались различнымъ развлеченіямъ и чтобы количество такихъ дней не превышало въ теченіе учебнаго года семи, 2) сдѣлать училищныхъ врачей постоянными членами педагогическихъ совѣтовъ.

Въ подготовительныхъ работахъ по преобразованію средней школы Г. Э. Зенгеръ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, призналъ необходимымъ участіе тѣхъ совѣщательныхъ органовъ, которымъ по закону принадлежитъ разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся устройства учебныхъ заведеній, т. е. ученаго комитета и совѣта министра. До начала работъ въ ученномъ комитетѣ по вопросу о реформѣ средней школы, министромъ были преподаны его предсѣдателю слѣдующія руководящія указанія въ предложеніи отъ 17-го марта 1903 г. „Въ ученый комитетъ были одновременно препровождены какъ имѣвшіеся ранѣе на лицо, такъ и поступившіе ко мнѣ матеріалы, касающіеся вопроса о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Высочайше возложенная на меня задача разработки соотвѣтственныхъ предположеній была отнесена Монаршею волею къ моимъ важнѣйшимъ обязанностямъ по управле-

нію министерствомъ, какъ сіо выражено въ Всемилоствѣйшемъ рескриптѣ на мое имя отъ 10-го іюня 1902 г. Въ томъ же рескриптѣ Его Императорскаго Величества сказано: „относительно устройства школы Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законченнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ также съ законченнымъ образованіемъ и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа“. Въ 15-ый день сего марта Государю Императору благоугодно было Высочайше преподать мнѣ нижеслѣдующія указанія, долженствующія служить главными основаніями подлежащихъ разработкѣ законодательныхъ проектовъ о средней школѣ:

1) Гимназіи сохраняютъ восьмиклассный составъ; въ нихъ преподаются оба древніе языка, но обученіе греческому языку въ большей части ихъ не обязательно. Усвоеніе гимназическаго курса открываетъ доступъ къ высшему университетскому образованію.

2) За реальными училищами, коихъ учебный планъ подлежитъ тоже пересмотру, сохраняется составъ шести основныхъ классовъ и седьмого дополнительнаго. Окончаніе курса сего послѣдняго отерываетъ доступъ въ высшія техническія заведенія.

3) Помимо гимназій и реальныхъ училищъ, должны быть организованы среднія учебныя заведенія съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ при шестиклассномъ составѣ. Окончаніе курса этихъ учебныхъ заведеній даетъ право на службу въ губерніи.

4) Широкое развитіе должно быть дано среднему техническому и профессиональному образованію, рассчитанному на удовлетвореніе практическихъ потребностей жизни.

5) Особливое вниманіе должно быть обращено на изысканіе способовъ къ поднятію религіозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія школы всѣхъ типовъ на учащихся, а также на укрѣпленіе въ нихъ преданности русской государственности и народности.

6) Въ видахъ возможно полнаго разрѣшенія воспитательныхъ задачъ должны быть учреждены пансіоны, въ которыхъ могли бы пользоваться соответственнымъ руководствомъ питомцы извѣстной группы учебныхъ заведеній даннаго города.

7) Въ соответствии съ требованіями, предъявляемыми къ преобразуемой средней школѣ, должны быть безотлагательно установлены способы болѣе цѣлесообразной подготовки учителей для оной.

Сообщая вашему превосходительству приведенныя указанія Его

Императорскаго Величества, предлагаю ученому комитету *неуклонно* руководствоваться оными при разсмотрѣніи упомянутыхъ выше матеріаловъ“.....

Ученый комитетъ, основываясь на столь ясно выраженной Высочайшей волѣ, разрабатывалъ вопросы, касающіеся преобразования средней школы въ предѣлахъ, ему поставленныхъ.

Обратясь сперва къ частнымъ вопросамъ, ученый комитетъ призналъ желательнымъ упраздненіе приготовительныхъ классовъ съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія права открывать, гдѣ оно найдетъ нужнымъ, особыя приготовительныя школы. Отвергнуто было ученымъ комитетомъ введеніе въ курсъ средней школы законовѣднія и гігіены; признано необходимымъ замѣнить курсъ логики философскою пропедевтикой, при четырехъ урокахъ въ VII и VIII классахъ.

По вопросу о мѣрахъ къ истинно-религіозному и нравственному воспитанію учащихся въ средней школѣ было высказано много сужденій. Точкой отправленія для нихъ служили проекты двухъ комитетовъ—московскаго и петербургскаго, предположенія которыхъ были раздѣлены на: 1) предположенія, осуществимыя только въ будущемъ (напримѣръ: „директоры и инспекторы и воспитатели должны быть лица русскія и православнаго исповѣданія“); 2) предположенія, хотя и желательныя, но не легко осуществимыя (напримѣръ: „воспитатели и преподаватели должны посѣщать церковь, находящуюся при учебномъ заведеніи“); 3) предположенія, легко осуществимыя (напримѣръ, „сохраненіе экзаменаціонныхъ требованій по Закону Божію“) и 4) предположенія, осуществимыя и въ настоящее время (напримѣръ, „посѣщеніе учениками церкви и говѣніе ихъ“). Комиссія ученаго комитета, которой было поручено обсудить указанныя предположенія, высказала слѣдующее заключеніе:

„Школа можетъ и должна сдѣлать по отношенію къ религіи слѣдующее: она должна создать атмосферу серьезнаго отношенія къ религіи, которая удержала бы вѣрующихъ въ ихъ вѣрѣ и не дала бы возможности развиться религіозному скептицизму. Всякія виѣшнія мѣры принужденія при этомъ могутъ оказать больше вреда, чѣмъ пользы. Само собою разумѣется, что законоучитель долженъ быть поставленъ на необходимую высоту, на которой онъ могъ бы проявить свой авторитетъ. Пораздо успѣшнѣе школа можетъ идти по пути нравственнаго воспитанія. Нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ былъ религіозенъ, если въ немъ нѣтъ вѣры — можно требовать

уваженія и бережнаго отношенія къ тѣмъ, у кого есть вѣра, но можно отъ всякаго требовать нравственнаго поведенія. Школа можетъ требовать отъ воспитанника не только того, чтобы онъ исполнялъ формально всѣ ея предписанія, т. е. требовать отсутствія безнравственности, но можетъ стремиться и къ созданію положительной нравственности въ воспитанникѣ путемъ созданія безусловной правдивости, источника всѣхъ добродѣтелей, въ отношеніяхъ къ себѣ и другимъ. Для этого школа должна преслѣдовать всякую ложь и фальшь во всѣхъ явленіяхъ школьной жизни. Воспитанники должны чувствовать, что наставники ихъ сознаютъ серьезность своего труда, добросовѣстно и правдиво исполняютъ свои обязанности. Вслѣдствіе сказаннаго представляется болѣе цѣлесообразнымъ сдѣлать религіозное воспитаніе частію нравственнаго воспитанія вообще, а не наоборотъ. Законоучитель одинъ, какъ бы высоко онъ ни стоялъ, какъ бы добросовѣстно ни исполнялъ своихъ обязанностей, врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ въ тяжелой борьбѣ съ нравственными неудачами, ежели онъ не будетъ смотрѣть на себя, какъ на звено цѣлаго, и ежели онъ не будетъ въ такой же мѣрѣ помогать дѣятельности всего педагогическаго персонала, въ какой и этотъ послѣдній будетъ помогать ему".

Разработка вопроса о шестиклассной общеобразовательной школѣ была поручена особой комиссіи ученаго комитета, которая, исходя изъ приводимыхъ ниже руководящихъ положеній, выработала для нея учебный планъ, принятый послѣ обсуждения и нѣкоторыхъ поправокъ ученымъ комитетомъ. Въ основанію плана были положены такіа соображенія: 1) Шестиклассная средняя общеобразовательная школа должна быть *только законченнымъ* самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ, подготовляющимъ учащихся въ ней для службы въ губерніи, какъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ учрежденіяхъ земскаго и городского самоуправления и въ разнаго рода частныхъ предпріятіяхъ (на желѣзныхъ дорогахъ, въ банкахъ, конторахъ и т. п.). 2) Она *не должна* поэтому задаваться цѣлью готовить учащихся для высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, но, наоборотъ, сама должна служить завершенію образованія, начатаго въ разныхъ низшихъ школахъ. 3) Кругъ предметовъ, которые должны преподаваться въ шестиклассной средней школѣ, естественно долженъ опредѣляться ея назначеніемъ. На основаніи этихъ соображеній былъ сдѣланъ выборъ предметовъ и опредѣлено количество часовъ по каждому изъ нихъ: Законъ Божій—12 уроковъ, русскій языкъ—31, арифметика—10, алгебра—8, геометрія съ тригонометріей—7, естественная исторія съ

химіей и гигиеной—13, физика—7, географія—10 (при чемъ 4 урока на географію Россіи), исторія—14 (изъ нихъ 8 на русскую), законовѣдѣніе—4, чистописаніе—8, рисованіе—8, черченіе—2, пѣніе—12, физическія упражненія—18. Всего обязательныхъ уроковъ 164; одинъ изъ иностранныхъ языковъ можетъ преподаваться въ качествѣ необязательнаго предмета при 15 часахъ на курсъ.

Главной задачей ученаго комитета была не организація шестиклассной школы, а выработка устава гимназій, прогимназій и подготовительныхъ школъ. 20 засѣданій было посвящено этой работѣ, при чемъ за исходную точку былъ принятъ проектъ устава, выработанный комиссіей К. П. Яновскаго, параллельно съ дѣйствующимъ уставомъ и проектомъ „Положенія“ комиссіи П. С. Ванновскаго.

Принятый ученымъ комитетомъ проектъ „Устава гимназій, прогимназій и подготовительныхъ школъ“ содержитъ слѣдующія главныя отличія отъ тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ онъ строился. Въмѣсто уничтожаемаго пригготовительнаго класса проектируется подготовительная школа, въ которой учащіеся проходятъ курсъ начального училища и двухъ первыхъ классовъ гимназіи. Сохраняется дѣленіе гимназіи на два типа: а) съ однимъ и б) двумя древними языками. Къ числу обязательныхъ предметовъ преподаванія въ гимназіяхъ отнесены: Законъ Божій (16), русскій языкъ (въ типѣ а—32; въ типѣ б—29), латинскій языкъ (30), два новыхъ языка, преимущественно французскій (а—23; б—20) и нѣмецкій (а—25; б—23); исторія (а—19; б—17); географія и природовѣдѣніе (а—12; б—10), математика и космографія (29), физика (10), философская пропедевтика (4), рисованіе (а—7; б—6), чистописаніе (2). Въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ преподается греческій языкъ (24), нѣтъ естествознанія, введеннаго въ курсъ (при 9 ур.) гимназій съ однимъ древнимъ языкомъ. Греческій языкъ можетъ быть преподаваемъ факультативно и тамъ, гдѣ онъ не введенъ, безъ особой за то платы. Кромѣ названныхъ предметовъ, обязательно обученіе хоровому пѣнію, занятія физическими упражненіями и, гдѣ возможно, ручнымъ трудомъ. Допускается необязательное обученіе рисованію въ старшихъ классахъ, музыкѣ, сольному пѣнію, танцамъ, новымъ языкамъ сверхъ преподаваемыхъ обязательно, стенографіи и т. п. Съ учениками VIII класса предположены бесѣды по гигиенѣ.

Разрѣшается министру отступать отъ установленной таблицы часовъ по предметамъ, но только „съ цѣлью усиленія занятій древними языками“. Устанавливается минимальное число учебныхъ дней—200

въ году; время лѣтнихъ вакацій точно не опредѣляется, какъ въ дѣйствующемъ уставѣ (6 недѣль) и проектѣ К. П. Яновскаго (2 мѣсяца), а предоставляется усмотрѣнію окружныхъ начальствъ, по представленіямъ мѣстныхъ педагогическихъ совѣтовъ. Нормой количества учениковъ въ классѣ принимается 35 человекъ; не допускается превышенія нормы за 40 чел. ни въ какомъ случаѣ. Увеличивается число учебно-вспомогательныхъ учрежденій при гимназіи: химической лабораторіей (если преподается естествовѣдѣніе) и гимнастическимъ заломъ съ нужными приспособленіями. Допускается раздѣленіе ученической библиотеки по возрастамъ учащихся; поэтому и завѣдываніе библиотечными работами можетъ быть поручено нѣсколькимъ преподавателямъ по избранію педагогическаго совѣта. Относительно состава учащихся составленъ параграфъ, исключенный комиссіей К. П. Яновскаго, о правѣ лицъ разныхъ званій и исповѣданій обучать своихъ дѣтей въ гимназіи. Для поступленія въ первый классъ возрастъ опредѣляется въ 9—12 лѣтъ; объемъ познаній—объемомъ трехлѣтняго курса начального училища. Въ теченіе полного восьмилетняго курса разрѣшается оставлять ученика на повторительный курсъ не болѣе 4-хъ разъ. Введено примѣчаніе объ обязательности для учениковъ говѣнія во время страстной недѣли. Управление гимназіей ввѣряется директору, который является „начальникомъ учебнаго заведенія“; въ директоры можетъ быть назначенъ преподаватель, прослужившій не менѣе 12 лѣтъ по учебной службѣ. Неясно изложенъ вопросъ, какъ и въ дѣйствующемъ уставѣ и въ другихъ проектахъ устава, о порядкѣ назначенія на преподавательскія должности: съ одной стороны устанавливается право директора избирать преподавателей и воспитателей, представляя ихъ на утвержденіе окружному начальству (п. 2 § 29-го), съ другой говорится слѣдующее: „преподаватели наукъ и языковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ *опредѣляются* окружнымъ начальствомъ, по собственному его избранію или по представленію директоровъ названныхъ заведеній“ (§ 35). Лица женскаго пола, выдержавшія особое испытаніе на званіе учителя гимназіи, допускаются къ преподаванію въ четырехъ низшихъ классахъ гимназіи. Преподавателями подготовительныхъ школъ могутъ быть назначены окончившіе курсъ въ гимназіи или реальномъ училищѣ и выдержавшіе спеціальное педагогическое испытаніе, а также окончившіе курсъ въ учительскомъ институтѣ. Штатное жалованье за 12 уроковъ опредѣляется въ 1.200, 1.500, 1.800, 2.100 и 2.400 р., въ зависимости отъ количества выслуженныхъ пятилѣтій; за дополнительные уроки плата установлена по 90 р.

за годовой часть; соответственно повышены и размѣры преподавательской пенсіи до 1.800 р. за 25 лѣтъ и до 2.100 р. за 30 лѣтъ (директора—до 2.400 и 3.000 р.), съ правомъ сохранять пенсію сверхъ жалованья при службѣ въ другомъ вѣдомствѣ. Устанавливается постепенное повышение класса должности преподавателя и приобрѣтеніе имъ почетныхъ званій въ зависимости отъ количества лѣтъ службы: за 10 лѣтъ—звание старшаго учителя и VII классъ должности, за 20 лѣтъ—звание профессора гимназіи и VI классъ, съ правомъ производства за отличіе въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Опредѣляется число воспитателей по одному на два класса, при чемъ жалованье за воспитательство назначается въ размѣрѣ 1.200 р. (кромѣ вознагражденія за 18 уроковъ).

Для дѣйствительности засѣданія педагогическаго совѣта требуется присутствіе двухъ третей его членовъ (вмѣсто пяти—дѣйствующаго устава и проекта К. П. Яновскаго), кромѣ председателя. Функции и компетенція педагогическаго совѣта остаются прежними; предоставляется лишь ходатайствовать о введеніи новыхъ руководствъ и допущеніи въ ученическія бібліотеки книгъ, не помѣщенныхъ въ спискахъ ученаго комитета. Воспитаніе пансіонеровъ, а также и наблюденіе за ихъ учебными занятіями ввѣряется особымъ воспитателямъ пансіона, при чемъ пансіонеры каждаго возраста дѣлятся на группы, не болѣе 25 человекъ въ каждой, и воспитаніе каждой группы ввѣряется ближайшимъ образомъ одному воспитателю. Учебныя заведенія, открываемыя и содержимыя на общественныя или частныя средства, пользуются существенной привилегіей: учредителямъ ихъ предоставляется право избирать кандидата на должность директора и образовывать попечительные совѣты съ тѣмъ кругомъ полномочій, который уже указанъ при разсмотрѣніи проекта К. П. Яновскаго. Допускается иной размѣръ содержанія служащихъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ сравнительно съ правительственными. Условіемъ открытія частнаго или общественнаго заведенія ставится внесеніе въ государственное финансовое учрежденіе залога въ размѣрѣ годичнаго оклада всѣхъ штатныхъ служащихъ, изъ котораго они могли бы получать содержаніе въ теченіе года или до опредѣленія къ новой должности, въ случаѣ закрытія учебнаго заведенія. Требуется согласіе губернатора для утвержденія окружнымъ начальствомъ выборовъ въ попечительный совѣтъ, состоящій изъ пяти лицъ ¹⁾.

¹⁾ Проектъ ученаго комитета былъ посланъ на разсмотрѣніе въ учебное округа.

Кромѣ разработки уставовъ ученый комитетъ занимался вопросомъ о временныхъ мѣрахъ для подготовки преподавателей, при чемъ оставилъ на слѣдующихъ предположеніяхъ: 1) При управленіяхъ учебныхъ округовъ должны быть образованы особые испытательные комитеты для производства экзаменовъ аспирантамъ на должности учителей среднихъ учебныхъ заведеній по слѣдующимъ предметамъ: педагогикѣ и ея исторіи, педагогической психологіи, общей дидактикѣ и методикѣ избранныхъ аспирантомъ предметовъ преподаванія. Предъ тѣмъ же комитетомъ аспирантъ долженъ обнаружить свое основательное знакомство съ нѣкоторыми, избранными имъ самимъ или указанными ему въ управленіи округа, учебниками по предметамъ его специальности и, по возможности, представить ихъ сравнительную критическую оцѣнку. 2) Подготовка аспирантовъ по всѣмъ названнымъ въ п. 1 предметамъ должна быть самостоятельная и состоять въ изученіи изданныхъ по этимъ предметамъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ виду недостатка такихъ книгъ на русскомъ языкѣ министерству необходимо озаботиться изданіемъ оригинальныхъ сочиненій, написанныхъ по его заказу компетентными лицами, или переводовъ съ иностранныхъ языковъ. Средства для изданія такихъ книгъ можно почерпнуть изъ суммъ, собираемыхъ на содержаніе ученаго комитета и только въ меньшей своей части расходуемыхъ на прямое назначеніе. 3) Указанный въ п. 1 экзаменъ долженъ быть производимъ не по опредѣленнымъ, издаваемымъ учебнымъ начальствомъ, программамъ, а по программамъ, составляемымъ самими аспирантами на основаніи того матеріала, который они нашли въ изученныхъ ими сочиненіяхъ. 4) Одновременно съ теоретическою подготовкою или послѣ нея должна происходить практическая подготовка. Для пракческаго ознакомленія съ преподаваніемъ и воспитательскимъ дѣломъ аспирантъ прикомандировывается къ управленію учебнаго округа на время отъ 2 до 4-хъ мѣсяцевъ съ содержаніемъ по 75 р. въ мѣсяцъ. Управленіе округа назначаетъ его послѣдовательно въ два учебныхъ заведенія, срокомъ на 2—3 недѣли въ каждое, для ознакомленія его съ ходомъ преподаванія избранныхъ имъ предметовъ подъ руководствомъ одного изъ преподавателей каждаго изъ этихъ учебныхъ заведеній и съ воспитательскимъ дѣломъ подъ руководствомъ директоровъ. Послѣ того аспирантъ въ тѣхъ же учебныхъ за-

---

Полученные отзывы были сгруппированы и изданы въ видѣ особаго доклада проф. Н. И. Холодника.

веденіяхъ даетъ самъ уроки подъ наблюденіемъ тѣхъ же руководителей, также въ теченіе 2—3 недѣль, при чемъ представляютъ предварительно руководителямъ конспектъ своихъ уроковъ, которые затѣмъ разбираются руководителемъ и другими аспирантами, если ихъ нѣсколько (но не болѣе 3-хъ одновременно). Заканчивается практическая подготовка пробными уроками аспиранта, въ числѣ 2—3 въ каждомъ учебномъ заведеніи, которые аспирантъ даетъ въ присутствіи комиссіи изъ директора, руководителя и особо назначаемаго управленіемъ округа компетентнаго лица, которая составляетъ протоколъ и дѣлаетъ заключеніе о качествѣ уроковъ. 5) Если результаты теоретическихъ занятій аспиранта, а равно и его пробные уроки признаются удовлетворительными, то аспирантъ получаетъ званіе учителя гимназій по избраннымъ имъ предметамъ. 6) Окончившіе курсъ въ университетахъ по физико-математическому и историко-филологическому факультетамъ подвергаются только изложеннымъ въ п.п. 1—5 испытаніямъ. Окончившіе курсъ на другихъ факультетахъ университета, а равно не окончившіе курса и лица, окончившія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, предварительно подвергаются научному испытанію въ университетѣ. Группы предметовъ, знаніе которыхъ обязательно для полученія званія учителя по тому или другому предмету, а также программы экзаменныхъ требованій опредѣляются министерствомъ, которое за соображеніями по этимъ вопросамъ имѣетъ обратиться къ подлежащимъ факультетамъ университетовъ. 7) При университетахъ желательно учреждать кафедры педагогики и ея исторіи по мѣрѣ появленія лицъ, правоспособныхъ для замѣщенія этой кафедры. Профессоръ педагогики обязательно входитъ въ составъ упомянутаго въ п. 1-мъ комитета. Впослѣдствіи, когда могутъ быть открыты особые педагогическіе институты, эти профессора могутъ быть въ нихъ перемѣщены изъ университетовъ. 8) Гдѣ по мѣстнымъ условіямъ будетъ признано возможнымъ и желательнымъ, при управленіи учебнаго округа могутъ быть организованы кратковременныя, — не болѣе какъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, — педагогическіе курсы по перечисленнымъ въ п. 1-мъ предметамъ, равно какъ могутъ быть устраиваемы и педагогическія семинаріи. 9) Вознагражденіе членамъ испытательнаго комитета и руководителямъ производится изъ особой суммы, образуемой на этотъ предметъ изъ отчисленій изъ специальныхъ средствъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній округа. Размѣръ вознагражденія руководителя предполагается примѣрно въ 150 р. за cadaго состоящаго подъ его

руководительствомъ аспиранта. Вознагражденіе членамъ испытательнаго комитета опредѣляется управленіемъ округа за каждаго экзаменующагося. Содержаніе аспирантамъ по 75 рублей въ мѣсяцъ должно быть назначасмо изъ суммъ казны, не болѣе какъ на 4 мѣсяца каждому, съ обязательствомъ ихъ прослужить не менѣе года по назначенію учебнаго начальства или возратить полученную сумму. Время приготовленія зачисляется въ дѣйствительную учебную службу.

10) Въ случаѣ необходимости, окончившіе курсъ въ университетѣ, но не получившіе свидѣтельства на званіе учителя, могутъ быть назначаемы исправляющими должность преподавателей на срокъ не свыше 2-хъ лѣтъ съ обязательствомъ выдержать въ теченіе этого срока теоретическое педагогическое испытаніе, послѣ чего они могутъ быть утверждаемы въ должности. Допуская такихъ преподавателей, окружное начальство должно рекомендовать начальникамъ учебныхъ заведеній возможно часто посѣщать даваемые ими уроки, а также давать имъ совѣты для надлежащаго направленія ихъ преподавательской и воспитательской дѣятельности.

Кромѣ ученаго комитета въ разработкѣ вопроса о подготовкѣ преподавателей средней школы, по желанію министра, принимала участіе секція комиссія по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній. Секція состояла изъ представителей историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ подъ предсѣдательствомъ академика П. В. Никитина. Докладная записка по вопросу была составлена проф. Кулаковскимъ и заключала въ себѣ историческое его обзорніе. Заслушавъ эту записку, секція приняла слѣдующія общія положенія.

1) Университетъ имѣетъ всѣ средства къ тому, чтобы давать общую научную подготовку въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ она необходима для будущаго учителя средней школы. 2) Университетъ можетъ взять на себя также и теоретическо-педагогическую подготовку, которая должна ввести молодого человѣка, специализировавшагося въ известной области наукъ, въ сферу предстоящей ему учебной дѣятельности. Къ занятіямъ педагогическими предметами студентъ можетъ приступить по желанію или въ одинъ изъ двухъ послѣднихъ годовъ пребыванія въ университетѣ, или по окончаніи курса. 3) Что касается профессионально-технической подготовки, которая, по мнѣнію большинства членовъ секціи, также имѣетъ важное значеніе для будущаго учителя, то она во время прохожденія университетскаго курса невозможна и требуетъ особой организаціи (въ педагогическихъ институтахъ или семинаріяхъ). Нѣкоторые члены секціи высказались

въ томъ смыслѣ, что такая подготовка является совершенно излишней.

Окончивъ изложеніе проектовъ, составленныхъ при Г. Э. Зенгерѣ, нельзя не упомянуть, въ заключеніе обозрѣнія мѣропріятій по средней школѣ въ это министерство, подтвержденія циркуляромъ отъ 21-го іюля 1903 г. временнаго устройства гимназій съ присоединеніемъ таблицы уроковъ, рассчитанной на первые пять классовъ. Этимъ циркуляромъ вводилось небольшое измѣненіе въ учебный планъ реальныхъ училищъ: во 2-мъ классѣ уменьшалось число уроковъ по нѣмецкому языку съ 6 до 3 и увеличивалось по французскому языку съ 3 до 6. Циркуляромъ отъ 4-го ноября того же года, послѣ длиннаго вступленія о полезности изученія классическихъ произведеній новѣйшей литературы и перечня подходящихъ для возраста и пониманія учащихся авторовъ и ихъ произведеній, осторожно рекомендуется („министерство не встрѣтило бы препятствій“) дополнить курсъ старшаго класса гимназій и реальныхъ училищъ ознакомленіемъ учениковъ съ произведеніями главнѣйшихъ русскихъ писателей второй половины XIX вѣка.

Труды министерства В. Г. Глазова.

Вступая въ управленіе министерствомъ, генераль-лейтенантъ В. Г. Глазовъ долженъ былъ считаться въ вопросѣ о реформѣ средней школы съ тѣми Высочайшими предубаженіями, которыя на сей предметъ были даны Г. Э. Зенгеру, и съ тѣмъ фактическимъ положеніемъ дѣла, которое было наслѣдіемъ начинаній П. С. Ванновскаго. Циркуляромъ отъ 18-го мая 1904 г., вытекавшимъ какъ изъ прежнихъ Высочайшихъ повелѣній, такъ изъ Высочайшихъ указаній, преподанныхъ В. Г. Глазову 1-го мая 1904 г., министръ установилъ на 1904—5 учебный годъ новую таблицу уроковъ для первыхъ шести классовъ гимназій. Этимъ же распоряженіемъ, для VII-го и VIII-го классовъ гимназій, такъ равно и для старшихъ классовъ реальныхъ училищъ, сохранялись прежніе учебные планы на ближайшій годъ. Новыя и болѣе существенныя измѣненія въ устройствѣ учебной части средней школы были произведены въ 1905 г. На основаніи Высочайшаго соизволенія отъ 30-го апрѣля министръ предписалъ ¹⁾ въ гимназіяхъ съ однимъ древнимъ языкомъ ввести съ 1905—6 учебнаго года, въ замѣтъ грече-

¹⁾ Циркуляромъ отъ 5-го іюня 1905 года.

скаго языка, въ VII-мъ классѣ преподаваніе законовѣдѣнія при одномъ урокѣ и философской пропедевтики при двухъ урокахъ въ недѣлю, а въ VIII-мъ классѣ тѣхъ же гимназій продолжать съ 1906—1907 учебнаго года преподаваніе названныхъ предметовъ при двухъ урокахъ по каждому изъ нихъ. На счетъ оставшихся свободными трехъ уроковъ греческаго языка въ VII-мъ классѣ признано цѣлесообразнымъ усилить преподаваніе русскаго языка, физики и нѣмецкаго языка. Въ гимназіяхъ съ двумя древними языками рѣшено ввести въ VII и VIII классахъ только философскую пропедевтику при двухъ урокахъ въ недѣлю въ каждомъ изъ классовъ: необходимые для этого предмета два часа признано возможнымъ, не увеличивая общаго числа уроковъ, выдѣлить изъ уроковъ по классическимъ языкамъ. Относительно реальныхъ училищъ, для которыхъ ученый комитетъ выработалъ новую таблицу уроковъ, измѣнявшую кореннымъ образомъ строй реальныхъ училищъ, министръ предписалъ¹⁾, не вводя всѣхъ проектированныхъ измѣненій, 1) ввести преподаваніе французскаго языка въ дополнительномъ классѣ при двухъ урокахъ въ недѣлю, которые должны быть взяты изъ пяти уроковъ, назначенныхъ для прохожденія нѣмецкаго языка въ указанномъ классѣ, 2) увеличить число уроковъ нѣмецкаго языка во второмъ классѣ на одинъ (4 вмѣсто 3) на счетъ уменьшенія на одинъ числа уроковъ французскаго языка (5 уроковъ вмѣсто 6). Кромѣ исправленія таблицы уроковъ тѣмъ же распоряженіемъ предписывалось измѣнить нѣсколько учебный планъ новыхъ языковъ въ дополнительномъ классѣ, уничтожить письменное испытаніе по приложенію алгебры къ геометріи, ввести въ дополнительномъ классѣ изученіе произведеній новѣйшихъ писателей и проходить древне-русскую словесность въ томъ же классѣ по новой программѣ, приурочивъ къ пониманію образцовъ ея элементы грамматики славянскаго языка, относной къ курсу IV-го класса.

Выполняя, такимъ образомъ, планъ преобразованій школы, намѣченныхъ реформой П. С. Ванновскаго, В. Г. Глазовъ собиралъ матеріалъ и подготовлялъ фундаментъ для перестройки средней школы на новыхъ основаніяхъ. Съ цѣлью собрать фактическія данныя, министромъ было создано совѣщаніе попечителей учебныхъ округовъ въ августѣ (съ 9-го по 17-ое) 1904 года. На немъ снова обсуждался вопросъ о воспитательной задачѣ школы и о трудности ея осуществленія. Въ качествѣ мѣръ, могущихъ способствовать воспитанію моло-

¹⁾ Циркулярномъ отъ 14-го іюля 1905 года.

дежи въ здоровомъ направленіи, были указаны: 1) обученіе въ патриотическомъ и религіозномъ духѣ, ознакомленіе съ памятниками родной старины; 2) устройство пансіоновъ и интернатовъ; 3) собесѣдованія съ учащимися и изданіе сочиненій опредѣленнаго направленія; 4) устройство церковныхъ братствъ при учебныхъ заведеніяхъ; 5) установленіе болѣе близкой связи школы съ семьей. Въ заботахъ объ улучшеніи состава учащихся члены совѣщанія пахотили нужнымъ достигнуть болѣе удовлетворительной подготовки поступающихъ въ среднія учебныя заведенія, въ виду чего нѣкоторыми было признано желательнымъ выдѣлить пригготовительный, первый и второй классы въ особую подготовительную школу. Относительно вѣшкольнаго надзора возобладало мнѣніе, что силами учебной администраціи, безъ содѣйствія полиціи, трудно въ этомъ дѣлѣ добиться удовлетворительныхъ результатовъ, равно необходима и согласованность дѣйствій въ этомъ отношеніи начальниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній, хотя бы и разныхъ вѣдомствъ. Отмѣчена была неудовлетворительность постановки преподаванія въ старшихъ классахъ, гдѣ мало обращается вниманія на приученіе воспитанниковъ къ самостоятельной работѣ и мало дается стимуловъ къ саморазвитію. Былъ возбужденъ чрезвычайно важный вопросъ о созданіи цѣлой сѣти самыхъ разнообразныхъ профессиональныхъ школъ: ремесленныхъ, строительныхъ, меховыхъ, электротехническихъ, телеграфныхъ, коммерческихъ, фармацевтическихъ, юридическихъ и другихъ для удовлетворенія настоятельной нужды въ таковыхъ школахъ, представляемой жизнью. Шестиклассная общеобразовательная школа не встрѣтила большого сочувствія у совѣщанія, высказывалось опасеніе, что она создастъ значительный контингентъ недовольныхъ своимъ безправіемъ въ смыслѣ продолженія образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По вопросу объ увеличеніи числа гимназій съ двумя древними языками было признано необходимымъ сообразоваться съ запросами общества на тотъ или другой типъ школы. Относительно реальныхъ училищъ совѣщаніе пришло къ единогласному рѣшенію о желательности расширенія курса ихъ до восьми лѣтъ, сравнивъ ихъ по задачамъ образованія съ гимназіями. Министромъ былъ возбужденъ вопросъ о необходимости дѣйствовать планомѣрно въ дѣлѣ развитія сѣти среднихъ школъ; съ этой цѣлью онъ поручилъ г. г. попечителямъ представить карты школьной сѣти по округамъ. Очень сочувственно отнеслось совѣщаніе къ частной инициативѣ по открытію школъ, только признало необходимымъ болѣе точно регламентировать хозяй-

ственную и учебную часть этого рода учебныхъ заведеній. По вопросу о приѣмѣ еврейскихъ дѣтей въ среднія школы совѣщаніе пришло къ заключенію, что не обязательно руководствоваться только высотой ихъ конкурснаго балла, а слѣдуетъ обращать вниманіе и на званіе родителей, отдавая предпочтеніе лицамъ болѣе интеллигентныхъ профессій.

В. Г. Глазовъ не удовлетворился данными совѣщанія г. г. попечителей: для полнаго ознакомленія съ постановкой учебнаго дѣла онъ нашель нужнымъ совершить поѣздку по округамъ. Побывавъ въ теченіе полутора мѣсяца въ семи учебныхъ округахъ, министръ обращалъ преимущественное вниманіе на среднюю школу. Результаты своихъ наблюденій, въ существенной ихъ части, министръ циркулярнымъ путемъ ¹⁾ сообщилъ начальникамъ учебныхъ заведеній для принятія соответственныхъ мѣръ къ исправленію обнаруженныхъ недостатковъ. Указанія министра почти исключительно касались методовъ преподаванія. Такъ, рекомендовалось обращать больше вниманія на повтореніе пройденнаго, такъ какъ „у учениковъ замѣчаются пробѣлы въ дѣлѣ усвоенія предметовъ во всемъ ихъ цѣломъ“. Затѣмъ обращалось вниманіе „на необходимость дѣлать обобщенія въ курсахъ, устанавливая, гдѣ возможно, общія положенія и характеристики, проводить сравненія и параллели, ставить вопросы — отчего, зачѣмъ, почему“, * и т. п. Отмѣчена недостаточная наглядность преподаванія природовѣдѣнія и скудость учебныхъ пособій какъ по этому предмету, такъ и по географіи. Замѣчено и несоответствіе педагогическимъ требованіямъ приѣмовъ спрашиванія учащихся. Въ заключеніе напоминалось о необходимости обращать серьезное вниманіе на воспитательное дѣло, соединяя обученіе съ воспитаніемъ.

Послѣ изданія именнаго Высочайшаго указа правительствующему сенату 12-го декабря 1904 г. В. Г. Глазовъ испросилъ разрѣшеніе на то, чтобы при реформѣ средней школы не стѣсняться указаніями, данными его предшественнику. Послѣ этого было приступлено къ систематической обработкѣ имѣвшагося въ министерствѣ матеріала для составленія законопроекта о средней школѣ. Эта работа была поручена комиссіи изъ пяти лицъ подъ предсѣдательствомъ директора департамента народнаго просвѣщенія А. А. Тихомирова. Результатомъ ея трудовъ были „Положенія о подготовительныхъ школахъ и гимназіяхъ“. Согласно этому проекту отъ среднихъ общесобразовательныхъ учебныхъ

¹⁾ Отъ 1-го сентября 1905 года.

заведеній, прежде всего, отдѣляются два младшихъ класса, которые вмѣстѣ съ трехгодичнымъ начальнымъ училищемъ образуютъ пятиклассную подготовительную школу. Она представляетъ самостоятельное учебное заведеніе съ особымъ педагогическимъ персоналомъ и внутреннимъ строемъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ открываться при гимназіи. Въ пользу такого состава курса и обособленія подготовительныхъ школъ говорятъ, по мнѣнію авторовъ проекта, многія существенной важности педагогическія соображенія. Во-первыхъ, необходимо раздѣленіе школьныхъ возрастовъ, такъ какъ совершенно невозможно установить одинаковый школьный режимъ для учащихся 8—12 лѣтъ и 15—20. Во-вторыхъ, для младшихъ классовъ нынѣшнихъ среднихъ учебныхъ заведеній требуются учителя съ другою подготовкой, нежели для старшихъ классовъ; подготовка для учителей перваго рода нужна такая же, какъ для учителей соответствующихъ классовъ городскихъ и двухклассныхъ начальныхъ училищъ. Въ-третьихъ, съ учрежденіемъ подготовительныхъ школъ установится связь между низшими и средними общеобразовательными учебными заведеніями, и послѣднія сдѣлаются общедоступнѣе. Программа подготовительной школы только въ одномъ отличаетъ отъ программы двухкласснаго начального училища, именно введеніемъ въ курсъ ея новыхъ языковъ, которые, впрочемъ, факультативно могутъ быть введены и въ низшую школу (двухклассную начальную и городскую по положенію 1872 г.). Въ-четвертыхъ, подготовительная школа будетъ способствовать лучшему отбору пригоднаго элемента для средней школы; гимназіи, сдѣлавшись болѣе народными, вслѣдствіе одинаковой доступности лицамъ всѣхъ сословій, въ то же время получать питомцевъ съ болѣе высокимъ среднимъ умственнымъ уровнемъ. Въ-пятыхъ, благодаря этой школѣ меньше будетъ недоучекъ, а слѣдовательно, и неудачниковъ, такъ какъ она дастъ лицамъ, не могущимъ по чему-либо продолжать образованія въ гимназіи, законченный, хотя и пропедевтический курсъ знаній. Въ-шестыхъ, существованіе подготовительной школы наряду съ двухклассными училищами съ одинаковой программой (послѣ введенія въ нихъ новыхъ языковъ) будетъ способствовать отдѣленію „воспитанныхъ“ дѣтей отъ „дѣтей улицы“, главнымъ образомъ, благодаря болѣе значительной платѣ за обученіе, предполагаемой въ ней.

Что касается организаціи подготовительныхъ школъ, то въ ней заслуживаетъ быть отмѣченнымъ слѣдующее. Лица женскаго пола могутъ быть не только учительницами въ нихъ, но и завѣдывающими.

Матеріальное и служебное положеніе педагогическаго персонала подготовительной школы проектировано значительно лучше, чѣмъ въ двухклассныхъ училищахъ. Допускается соединеніе перваго и втораго класса въ одинъ, а также третьяго съ четвертымъ, но такъ, чтобы составъ соединеннаго класса не превышалъ 40 человекъ. Подготовительныя школы могутъ содержаться на плату за обученіе, при условіи опредѣленія таковой въ размѣрѣ отъ 50 до 75 рублей въ годъ. Жизненность этого типа школы доказывается, по мнѣнію составителей проекта, существованіемъ большого количества частныхъ училищъ 3-го разряда, такъ что можно предполагать, что въ правительственныхъ подготовительныхъ школахъ не будетъ чувствоваться особой нужды, такъ какъ всѣ частныя школы указаннаго типа преобразуются въ подготовительныя, и сверхъ того откроется много такихъ же новыхъ школъ. Значительное удобство представить цѣлая сѣть подготовительныхъ школъ, повсюду разбросанныхъ, для тѣхъ родителей, которые затрудняются отдавать далеко отъ себя дѣтѣй нѣжнаго возраста, безъ чего трудно обойтись при существованіи только сравнительно небольшого числа среднихъ учебныхъ заведеній. Наконецъ, явится большій просторъ и болѣе гигиеничная обстановка въ средней школѣ послѣ устраненія чрезмѣрной переполненности съ выводомъ изъ нея учащихся младшихъ классовъ.

Обращаясь ко второй части проекта „Положеній“, въ которой налагается уставъ гимназій, необходимо предварительно остановиться на нѣкоторыхъ мысляхъ объяснительной записки, которою авторы проекта сопровождаютъ свое твореніе. „Чтобы быть въ строгомъ смыслѣ общеобразовательной“, говорятъ они, „средняя школа должна содержать въ своемъ курсѣ сочетаніе трехъ основныхъ элементовъ знаній—гуманитарныхъ, математическихъ и естественно-научныхъ, которыя въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ уже расходятся и разрастаются въ соответствующія научныя области... Удовлетворяя указанному условію, курсъ средней общеобразовательной школы въ то же время не долженъ быть заключенъ въ рамки одной, всюду и для всѣхъ обязательной нормы, одного только учебнаго плана. Наоборотъ, необходимо, чтобы этотъ курсъ допускалъ нѣсколько видоизмѣненій или нѣсколько общеобразовательныхъ учебныхъ плановъ“. Исходя изъ этихъ соображеній, составители проекта задались цѣлью дать такое построеніе курса средней школы, „чтобы была возможность выбора между различными сочетаніями учебныхъ предметовъ, т. е. — чтобы существовало нѣсколько равноцѣнныхъ общеобразовательныхъ учебныхъ плановъ“.

Таковыхъ указано въ проектѣ „Положенія о мужскихъ гимназіяхъ“— три: классическій, классическо-реальный и реальный,—всѣ рассчитанные на шесть лѣтъ обученія. Въ составъ каждаго изъ означенныхъ плановъ входятъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій (10), русскій языкъ и словесность (22), философская пропедевтика (4), математика (20, 22 и 24), исторія (12, 12 и 16), географія и космографія (8), естествовѣдѣніе и физика (12, 14 и 20), одинъ новый языкъ (16) и законовѣдѣніе (2). За ѣмъ въ составъ отдѣльныхъ плановъ входятъ слѣдующіе обязательные предметы: классическаго — латинскій (28) и греческій (22) языки, классическо-реальнаго—латинскій (28) и второй новый (22) языки и реальнаго—второй новый языкъ (21), рисованіе и черченіе (16). Сверхъ перечисленныхъ предметовъ во всѣхъ гимназіяхъ преподается хоровое пѣніе и ведутся физическія упражненія. Допускается для желающихъ преподаваніе мѣстныхъ языковъ на тѣхъ же языкахъ. Полный курсъ ученія въ гимназіяхъ раздѣляется на двѣ ступени, изъ которыхъ одна соотвѣтствуетъ четыремъ низшимъ, а другая двумъ высшимъ классамъ. Въ четырехъ низшихъ классахъ проходится основныя систематическіе курсы, а въ двухъ высшихъ классахъ научныя познанія дополняются и углубляются, соотвѣтственно большему развитію учащихся. Кромѣ того, ученики двухъ высшихъ классовъ изучаютъ спеціально нѣкоторые изъ учебныхъ предметовъ, по своему желанію и наклонностямъ и съ одобренія педагогическаго совѣта, подъ ближайшимъ руководствомъ и наблюденіемъ преподавателей соотвѣтственныхъ предметовъ. На спеціальныя занятія въ V и VI классахъ отводится по 4 урока въ недѣлю. Лѣтнія вакаціи увеличиваются до двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Нормой учениковъ въ классѣ считается 40 человѣкъ. Создается новая должность помощника директора (въ замѣтъ инспектора) для гимназій съ параллельными классами. Штатное содержаніе раздѣляется на пять окладовъ отъ 1.200 до 2.400 рублей; за дополнительные уроки назначается по 75 рублей. Жалованье врачу въ гимназій безъ пансіона повышается до 900 р., а въ гимназій съ пансіономъ до 1.800 рублей. Учреждается должность воспитателя съ вознагражденіемъ въ 1.200 рублей и съ правомъ давать не болѣе 12 уроковъ. Пенсіи опредѣляются въ размѣрѣ: директору—2.400 рублей, его помощнику—2.000 рублей, законоучителю, штатнымъ преподавателямъ и воспитателямъ—1.800 р. и т. д. за 25 лѣтъ службы; допускается дальнѣйшее повышеніе пенсій; за 20 лѣтъ службы преподаватель, пріобрѣтшій извѣстность педагогическими или учеными трудами, получаетъ званіе профессора гимназій.

Какъ въ прежнихъ проектахъ устава средней школы, такъ и въ разсматриваемомъ,—права педагогическаго совѣта остаются въ прежнихъ рамкахъ; въ немъ, кромѣ того, отсутствуетъ отиѣченная уже раньше тенденція отвести нѣкоторое значеніе и мѣсто, при извѣстныхъ условіяхъ, общественному элементу въ лицѣ попечительныхъ совѣтовъ. Въ одномъ отношеніи, однако, предоставляется свобода мѣстнымъ желаніямъ и общественнымъ потребностямъ, это—въ выборѣ того или иного плана преподаванія, а равно и совмѣщенія учебныхъ плановъ.

Для окончательнаго разсмотрѣнія проекта „Положеній“ В. Г. Глазовъ образовалъ подъ своимъ предсѣдательствомъ новую комиссію, которой, впрочемъ, не удалось остановиться на чемъ-либо опредѣленномъ, такъ какъ работы ея были прерваны выходомъ въ отставку министра.

С. Степановъ.

СОЦИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВЪ ПАРИЖѢ.

Лѣтомъ 1905 года мнѣ привелось побывать въ Парижѣ, на лѣвомъ берегу Сены, въ улицѣ Лаказъ, въ домѣ № 5, на которомъ крупными буквами значится: „Соціальный Музей“ (Musée Social).

Образцовое это учрежденіе 16-го декабря 1904 года праздновало десятилѣтнюю годовщину своего существованія,—торжество происходило подъ предсѣдательствомъ самого президента французской республики, одного изъ почетныхъ предсѣдателей общества Соціальнаго Музея.

Что же это за учрежденіе? какъ оно возникло? какія цѣли преслѣдуются имъ?

Постараюсь познакомить васъ съ этимъ вкратцѣ, а также съ организаціей и дѣятельностью этого учрежденія.

Соціальный музей основанъ въ 1894 году на средства, пожертвованныя графомъ Шамбрёнъ (comte de Chambren). Онъ умеръ въ 1899 году, 78-ми лѣтъ отъ роду, и все свое миллионное состояніе завѣщалъ музею, располагающему въ настоящее время ежегоднымъ доходомъ около 120.000 франковъ (45.000 рублей).

Большую часть жизни графъ посвятилъ политической дѣятельности—онъ былъ префектомъ Лозеры, потомъ депутатомъ отъ этого департамента въ законодательномъ корпусѣ (съ 1857 г.), затѣмъ въ національномъ собраніи (1871), прежде чѣмъ попасть въ сенатъ (1876).

Въ 1879 году онъ оставилъ политическое поприще, чтобы сосредоточить свои интересы на литературѣ и искусствахъ, особенно музыкѣ.

Но въ 1889 году отдѣлъ соціальной экономіи на Парижской всемірной выставкѣ, обязанный организаціей своей Ж. Симону (Jules Si-

мон) и Л. Сэ (Léon Savy), произвелъ на графа такое сильное впечатлѣніе, что онъ съ жаромъ принялся за изученіе вопросовъ, касающихся взаимопомощи, коопераціи, участія рабочихъ въ прибыляхъ предприятий, организаціи учреждений и обществъ, основанныхъ какъ по почину хозяевъ, такъ и самими рабочими въ видахъ улучшенія условій, въ которыхъ приходится жить трудящемуся люду.

Эта выставка наглядными примѣрами и статистическими таблицами доказывала, что примиреніе интересовъ труда и капитала осуществимо на почвѣ заботливости со стороны хозяевъ предприятий или лицъ, заведывающихъ ими, объ улучшеніи условій жизни рабочихъ; что не слѣдуетъ возлагать чрезмѣрныхъ и исключительныхъ надеждъ на законодательство, правительственную власть: однѣ законныя нормы или принудительныя мѣры не въ состояніи обезпечить самаго существеннаго, а именно довольства трудящихся, которое, при содѣйствіи правительства, при совокупныхъ усиліяхъ панимателей и рабочихъ и при правильномъ пониманіи своихъ интересовъ тѣми и другими, достижимо только путемъ созиданія особыхъ учреждений, обезпечивающихъ то или иное улучшеніе условій жизни или ограждающихъ отъ разныхъ случайностей судьбу трудящагося люда. Созидатели такихъ учреждений поняли, что можно устранить самыя причины вражды между капиталомъ и трудомъ, если заинтересовать рабочихъ въ процвѣтаніи предприятия осязательнымъ, видимымъ улучшеніемъ условій ихъ жизни. Этимъ путемъ устанавливается тѣсная связь между хозяевами и рабочими, искреннее единеніе, основанное на взаимномъ уваженіи, заботливости и признательности.

Выставка 1889 года впервые придала широкую извѣстность тому, что во многихъ промышленныхъ предприятияхъ нашло удачное примѣненіе въ интересахъ рабочихъ.

Заинтересовавшись жилищами для рабочихъ, графъ Шамбрёнъ жертвуетъ пятьдесятъ тысячъ франковъ французскому обществу дешевыхъ жилищъ, а затѣмъ по стольку же обществу для практическаго изученія участія въ прибыляхъ, федеративному центру народнаго кредита и обществу социальной экономіи.

Въ 1891 году онъ овдовѣлъ и, оставшись бездѣтнымъ старикомъ, почти совершенно ослѣпшимъ, рѣшилъ посвятить все, чѣмъ располагалъ, поднятію народнаго благосостоянія.

Вотъ подлинныя его слова, съ которыми онъ въ 1890 году обратился къ Ж. Сигфриду (Jules Siegfried), одному изъ основателей социальнаго музея:

„Я думаю, что вы и ваши друзья правы, занимаясь вопросами, имѣющими въ виду социальныя улучшения. Идемъ эти новы для тѣхъ, кто подобно мнѣ думалъ больше о себѣ, чѣмъ о другихъ; но, дойдя до порога старости, я сознаю, что шелъ не настоящимъ путемъ, что недостаточно заботился о другихъ, и мнѣ хотѣлось бы сдѣлать въ свою очередь дѣло, полезное для трудящагося люда. Что вы мнѣ посоветуете? Я хотѣлъ бы создать новое учрежденіе, въ видахъ развитія умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія среди трудящагося населенія“. И чтобы обезпечить будущее этого учрежденія, онъ выразилъ желаніе, чтобы правительство признало его общепользымымъ (*d'utilité publique*).

Ж. Сигфридъ отвѣчалъ, что подобное признаніе можно получить черезъ государственный совѣтъ лишь въ томъ случаѣ, если учрежденіе обезпечено значительнымъ капиталомъ, и что недавно ему пришлось имѣть дѣло съ подобнымъ случаемъ, гдѣ капиталъ составлялъ 200.000 франковъ (75.000 рублей).

„Двѣсти тысячъ франковъ—это для меня подходящая цифра, и даю ихъ вамъ“, отвѣчалъ графъ Шамбрѣнъ: „укажите же мнѣ новое социальное учрежденіе“.

Ж. Сигфридъ попросилъ недѣлю на размышленіе и, посоветовавшись со своими друзьями П. Робертомъ (*Charles Robert*) и Э. Шейсономъ (*Emile Cheysson*), предложилъ графу основать „Социальный Музей“.

Цѣли этого музея они формулировали такъ:

1) Организация постоянной выставки по социальной экономіи, гдѣ между прочимъ должны быть графическія таблицы, имѣвшія такой успѣхъ на выставкѣ 1889 года;

2) Устройство библиотеки и рабочей залы, съ безплатнымъ доступомъ, гдѣ можно найти главнѣйшія сочиненія, періодическія изданія французскія и иностранныя и реестры замѣчательнѣйшихъ статей большихъ повременныхъ изданій міра по современнымъ социальнымъ вопросамъ;

3) Сообщение заинтересованнымъ всѣхъ свѣдѣній, какія только могутъ понадобиться касательно дѣлъ социального характера;

4) Технические совѣщанія какъ относительно того, что предполагается еще создать, такъ и касательно того, что уже существуетъ, и тѣхъ измѣненій, которыя обуславливаются даннымъ положеніемъ;

5) Организация бесѣдъ, курсовъ и устныхъ объясненій, имѣющихъ цѣлью разъясненіе выставленныхъ матеріаловъ и распространеніе свѣдѣній объ учрежденіяхъ, относящихся къ социальной экономіи;

6) Экспедиціи для изученія и изслѣдованія въ тѣ или другія мѣстности Франціи и заграницу;

7) Изданія для ознакомленія съ трудами социальнаго музея и съ собранными имъ матеріалами и документами;

8) Преміи и медали, присуждаемыя наиболѣе замѣчательнымъ трудамъ, и организація конкурсовъ по социальнымъ вопросамъ.

Программа эта была съ восторгомъ принята графомъ Шамбрёнъ, и не мудрено: въ развитой формѣ она представляла вѣдь то, что уже давно служило предметомъ его бесѣдъ съ Ж. Симономъ (Jules Simon), Л. Сэ (Léon Say), Ш. Робертъ (Charles Robert), Ж. Сигфридомъ (Jules Siegfried), Э. Шейсономъ (Emile Cheysson). Сохранилась замѣтка, записанная за три года передъ тѣмъ, 1-го іюля 1891 г., личнымъ секретаремъ графа подъ его диктовку, откуда видно, что идея эта была намѣчена и валежана графомъ Шамбрёнъ почти что съ самаго того времени, какъ онъ сталъ интересоваться социальными вопросами.

„Моя цѣль — народъ, улучшение участи наибольшаго числа въ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ.

Средство мое тройное:

- 1) Постоянная выставка по социальной экономіи, — *музей*;
- 2) То, что здѣсь наиболѣе живо и сильно, — *слово*, кафедра ¹⁾;
- 3) Письмо, которое остается, когда слова уже нѣтъ: *периодическое изданіе, жина*²⁾.

Черезъ три года послѣ того, какъ это было записано, 25-го іюня 1894 года организовано было правленіе (*comité de direction*), а 31-го августа того же года указомъ президента республики, согласно положенію государственнаго совѣта, социальный музей былъ признанъ какъ общепользное учрежденіе.

Правленіе, въ составъ котораго вошли Ж. Сигфридъ (предсѣдатель), Ш. Робертъ (вице-предсѣдатель), Ж. Пиво, Бутми, Жюго и Грюнеръ (секретарь), и въ трудахъ котораго принималъ дѣятельное участіе графъ Шамбрёнъ, рѣшило, что новое учрежденіе, имѣвшее въ виду пополнить пробѣлъ въ социальномъ оборудованіи, не должно ни подъ какимъ видомъ соперничать съ существующими обществами

¹⁾ Благодаря графу Шамбрёнъ учреждены въ Парижѣ три кафедры: одна (въ вольной школѣ политическихъ наукъ) по изученію основъ социальной экономіи, другая (въ Сорбоннѣ) по исторіи социальной экономіи, третья (на юридическомъ факультетѣ) по изслѣдованію и сравнительному изученію социальной экономіи въ различныхъ странахъ міра.

и братья за то, что входитъ въ ихъ задачи. Цѣль его должна состоять въ томъ, чтобы всѣмъ, кому это нужно,—политическимъ дѣятелямъ, хозяевамъ, служащимъ, рабочимъ, учащейся молодежи—облегчить практическое изученіе социальныхъ вопросовъ и пролить свѣтъ на примѣненныя уже рѣшенія и на произведенныя опыты. Обращаясь къ содѣйствію всѣхъ, оно должно было стоять внѣ политическихъ и вѣроисповѣдныхъ интересовъ; вся организація его должна была быть проникнута исключительно только истиннымъ научнымъ духомъ: изслѣдовать факты, отмѣчать результаты, предъявлять вниманію публики съ полной искренностью выводы, изъ которыхъ привели бы добросовѣстныя изысканія,—таковъ долженъ былъ быть характеръ его дѣятельности.

Открытіе музея послѣдовало 25-го марта 1895 года въ домѣ № 5 на улицѣ Лаказъ, гдѣ помѣщеніе для него было приспособлено заботами основателя музея и владѣльца дома, графа Шамбрёнъ; одна изъ залъ музея въ честь Л. Сэ названа его именемъ (Salle Léon Say), а другая именемъ Ж. Симонъ (Salle Jules Simon).

Согласно уставу эти три лица: Жюль Симонъ, Леонъ Сэ и графъ Шамбрёнъ назначены были почетными предсѣдателями общества социального музея, общее же завѣдываніе ввѣрено правленію изъ семи членовъ, поименованныхъ выше; въ составъ общества входятъ кромѣ того члены-сотрудники, избираемые на три года и группирующіеся въ комиссіи, и члены-корреспонденты, избираемые между лицами и обществами въ зависимости отъ ихъ компетенціи и характера ихъ трудовъ. Выборы должны были производиться по предложенію правленія при жизни основателя имъ самимъ, а затѣмъ особымъ главнымъ совѣтомъ (Grand Conseil). Онъ состоитъ не болѣе какъ изъ 60 членовъ, и въ его составъ входятъ почетные предсѣдатели общества, члены правленія и лица, избранныя на первый разъ этими предсѣдателями и правленіемъ, а затѣмъ избираемая самимъ совѣтомъ. Составъ совѣта обновляется каждыя два года на одну треть, при чемъ первые два раза выходятъ изъ него треть членовъ по жребію, а затѣмъ по старшинству вступленія. Члены, выходящіе изъ состава совѣта, могутъ быть снова избираемы. Въ случаѣ смерти или отказа кого либо изъ членовъ въ промежутокъ времени между выборами ваканція замѣщается главнымъ совѣтомъ по предложенію правленія. Должности членовъ главнаго совѣта, правленія и его бюро (т. е. предсѣдателя, товарища его, секретаря и казначея) безплатны. Правленіе избирается на семь лѣтъ, и составъ его обновляется ежегодно,

выходомъ одного члена сперва по жребію, а потомъ по старшинству избранія; выходящій изъ состава правленія можетъ быть вновь избранъ. Выборы при жизни основателя дѣлаются имъ самимъ, а затѣмъ главнымъ совѣтомъ по представленію остальныхъ членовъ правленія.

Главный совѣтъ долженъ собираться по крайней мѣрѣ два раза въ годъ въ качествѣ обыкновеннаго общаго собранія общества социальнаго музея. Собраніе можетъ быть всегда создано его председателемъ или по требованію четверти его членовъ. Постановленія считаются дѣйствительными, если на лицо по крайней мѣрѣ пятнадцать членовъ. Программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, устанавливается правленіемъ, и въ случаѣ надобности оно можетъ приглашать членовъ-сотрудниковъ и членовъ-корреспондентовъ присутствовать въ засѣданіи съ совѣщательнымъ голосомъ.

Въ первомъ годовомъ засѣданіи собранію докладывается общій отчетъ правленія о финансовомъ и моральномъ положеніи общества и письменный отзывъ ревизіонной комиссіи о состояніи музея, его библиотеки и архивовъ, а также о счетоводствѣ, годовомъ балансѣ и отчетѣ казначея. Въ этомъ же засѣданіи утверждается смѣта на предстоящій годъ, и производятся необходимые выборы.

Всѣ члены: почетные, сотрудники и корреспонденты, вмѣстѣ съ главнымъ совѣтомъ созываются разъ въ годъ въ особое засѣданіе, время котораго и программа назначаются правленіемъ.

Такова въ общихъ чертахъ организація общества социальнаго музея,—съ подробностями ея можно ознакомиться по уставу.

Теперь перейдемъ къ дѣятельности общества.

Согласно уставу (§ 1) социальный музей имѣетъ цѣлью предоставлять безвозмездно въ распоряженіе публики вмѣстѣ со справками и совѣтами документы, модели, планы, уставы и пр. тѣхъ социальныхъ учрежденій и организацій, которыя имѣютъ въ виду и которымъ дѣйствительно удалось улучшить матеріальное и нравственное положеніе трудящихся.

Сообразно съ этимъ музей собираетъ только такіе матеріалы, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что уже сдѣлано, испробовано и оказалось цѣлесообразнымъ, — въ немъ нѣтъ мѣста проектамъ, родившимся въ воображеніи того или другого изобрѣтателя, пока они не осуществлены и не подтверждены фактами.

Музей располагаетъ специальной библиотекой, растущей съ каждымъ годомъ: въ 1895 году число томовъ было 9.000, а въ 1904 году болѣе 21.000. Первый годъ посѣтило ее 900 читателей, а въ 1904 г.

число ихъ достигло почти 5.000 и было бы, вѣроятно, еще больше, если бы библиотека располагала помѣщеніемъ болѣе обширнымъ.

Библиотека музея находится въ тѣсной связи съ вольной школой политическихъ наукъ и юридическимъ факультетомъ: ихъ профессора и слушатели ежедневно встрѣчаются вокругъ столовъ библиотеки социальнаго музея. Здѣсь, имѣя подъ руками несравненные матеріалы и источники, готовятъ диссертации, статьи, книги. Тутъ можно найти около 400 периодическихъ изданій и между ними бюллетени рабочихъ бюро (Offices du travail) всего міра.

Съ 1-го января 1902 года музей предоставляетъ къ услугамъ публики еще болѣе рѣдкій и драгоценный источникъ свѣдѣній — архивъ, образованный изъ тысячъ документовъ, накопляющихся въ музей изо дня въ день: журнальныхъ и газетныхъ статей, графическихъ таблицъ и отчетовъ обществъ, сообщеній и записокъ, письменныхъ сношеній и остатковъ отъ совѣщаній. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ этого не найти.

Тутъ сгруппировано 1.600 папокъ подъ рубриками, совпадающими съ рубриками библиотеки музея, для которой онѣ являются существеннымъ и живымъ дополненіемъ. Онѣ подобно библиотекамъ въ значительной мѣрѣ пополняются благодаря труду корреспондентовъ, которыми располагаетъ музей во всѣхъ странахъ міра, гдѣ общественная жизнь представляетъ интересный и доступный предметъ для изученія. Росту архива оказываютъ содѣйствіе и лица, которымъ поручаются разслѣдованія и экспедиціи.

Социальный музей не довольствуется собираніемъ социальныхъ свѣдѣній всякаго рода, поступающихъ въ него тѣмъ или другимъ путемъ въ готовомъ видѣ. Онъ располагаетъ собственными средствами для личнаго ознакомленія, и делегаты его являются изучать на мѣстѣ факты и учрежденія, привлекающіе къ себѣ его вниманіе. Остановившаяся на трехъ годахъ 1902 — 04, мы видимъ, что въ 1902 г. было командировано музеемъ за границу 11 лицъ, въ 1903 г. — 13, въ 1904 г. — 10, и предметами ихъ изученія были:

въ Германіи: профессиональное образованіе, — страхованіе отъ прекращенія работъ, — организація бюро для найма, — экономическій кризисъ, — организація социальной гигиены городскими управленіями, — аграрный социализмъ, — кооперація по продажѣ зерновыхъ хлѣбовъ;

въ Англіи: кризисъ трэдь-унионизма, — шотландскіе „crofters“, — садовые города (garden-cities), — способы установленія заработной платы въ каменноугольной промышленности;

въ Италіи: рабочій кризисъ,—рабочее и социальное законодательство,—крестьянскія стачки,—соціальныя учрежденія въ провинціи Кони;

въ Голландіи: „Hofjes“, любопытный видъ помощи предоставленіемъ крова,—земледѣльческія товарищества;

въ Даніи: рабочая земледѣльческая организація;

въ Бельгіи: законъ о пенсіяхъ и его результаты;

въ Австро-Венгріи: разные виды кооперацій;

въ Норвегіи: борьба съ алкоголизмомъ;

въ Испаніи: анархистское движеніе;

въ Соединенныхъ Штатахъ: социальное движеніе,—борьба съ алкоголизмомъ,—экономическое развитіе,—садовые города,—профессіональная организація и рабочіе синдикаты.

Совокупность поименованныхъ органовъ выполняетъ первую функцію музея—собираніе свѣдѣній и документовъ и, по удачному сравненію Э. Шейсона (Emile Cheysson), одного изъ основателей музея, дѣйствуетъ подобно всасывающему насосу, который привлекаетъ и стягиваетъ къ себѣ данныя социальной науки, съ тѣмъ, чтобы потомъ, подобно нагнетательному насосу, распредѣлять ихъ между заинтересованными.

Вторая эта функція довольно сложная: она, по выраженію самого графа Шамбрѣнъ, обнимаетъ „сообщеніе свѣдѣній“ и „подачу совѣтовъ“.

„Сообщеніе свѣдѣній“ производится двоякимъ путемъ, какъ это было намѣчено графомъ: во-первыхъ — устно, посредствомъ бесѣдъ (conférences), гдѣ сотрудники музея каждую зиму знакомятъ съ тѣмъ, что имъ пришлось испытать или наблюдать; во-вторыхъ — письменно, посредствомъ „Обозрѣнія“ (Revue), которое выходитъ ежемѣсячно двойными выпусками: здѣсь параллельно сообщаются факты текущей жизни и монографіи по тому, что изучено.

„Подача совѣтовъ“, которая должна сопровождать „сообщеніе свѣдѣній“, когда приходится считаться съ практическимъ дѣломъ, а не просто съ научнымъ изслѣдованіемъ, представляется вещью болѣе деликатной. Эта функція съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разростается и въ настоящее время въ жизни музея играетъ преобладающую роль.

Всѣ запросы поступаютъ въ секретаріатъ, и если онъ вмѣстѣ съ дирекціей, объединяющей дѣятельность музея, находитъ невозможнымъ отвѣтить непосредственно, то передаетъ запросъ въ одну изъ комиссій

(sections), учрежденныхъ при музеѣ съ самаго его основанія. Такихъ комиссій, куда привлечены выдающіеся спеціалисты по главнѣйшимъ отраслямъ соціальной экономіи, выразившіе желаніе оказывать содѣйствіе администраціи музея своими совѣтами и указаніями, семь: 1) комиссія по сношеніямъ съ обществами, занимающимися соціальными вопросами; 2) земледѣльческая комиссія; 3) комиссія по рабочимъ и кооперативнымъ ассоціаціямъ; 4) комиссія по соціальному страхованію; 5) комиссія по учрежденіямъ, основаннымъ хозяевами для блага рабочихъ; 6) юридическая комиссія; 7) комиссія по экспедиціямъ, изслѣдованіямъ и опросамъ.

Дѣло разрослось однако такъ, что общему секретариату стало одному трудно справиться съ массою запросовъ и отвѣтовъ, и пришлось создать нѣчто въ родѣ спеціального секретариата для извѣстныхъ категорій запросовъ, по которымъ требуется особенно много совѣтовъ, слѣсныхъ и точныхъ, не терпящихъ отлагательства, съ какимъ неизбѣжно сопряжена передача въ ту или другую комиссію.

Такимъ образомъ при администраціи музея создались отдѣлы (services): прежде всего *отдѣлъ промышленный и рабочий*, затѣмъ *земледѣльческій отдѣлъ*, потомъ *отдѣлъ взаимопомощи*. Другія спеціализаціи, менѣе бросающіяся въ глаза, создались силою вещей: въ дѣйствительности есть *юридическій отдѣлъ*, въ которомъ цѣнными дѣятелями являются бібліотекари музея, подъ высшимъ руководствомъ компетентной комиссіи; намѣчается особый *отдѣлъ соціальной гигиены*, по вопросамъ которой значительное содѣйствіе оказывается правленіемъ (Comité de direction).

Остается упомянуть о третьемъ видѣ дѣятельности, который намѣченъ былъ музею его основателемъ, формулировавшимъ его такъ: *проповѣдничество и дѣйствіе*. Сюда относятся: устройство бесѣдъ, собраній и съѣздовъ въ провинціи и въ Парижѣ, раздача книгъ, премій и медалей на организуемыхъ музеемъ конкурсахъ. Такіе конкурсы устраивались имъ по народному кредиту, коопераціи, охрѣнѣ рабочихъ, взаимопомощи, рабочимъ пенсіямъ, соціальной гигиенѣ, по разнаго рода учрежденіямъ соціального интереса. Сюда же относится та выдающаяся роль, которая выпала на долю Музея по организаціи отдѣловъ соціальной экономіи на всемірныхъ выставкахъ въ 1900 г. въ Парижѣ, въ 1904 г. въ Сентъ-Луисѣ и въ 1905 г. въ Льежѣ.

Будемъ надѣяться, что музею удастся организовать и намѣченную же Спеціальную международную выставку по Соціальной Экономіи въ Парижѣ въ 1907 году: это дастъ возможность рельефнѣе

обрисовать значеніе выдвигаемыхъ жизнью социальныхъ вопросовъ и ознакомить съ удачными рѣшеніями въ разныхъ частныхъ случаяхъ. А для музея это будетъ особенно благоприятный случай проявить свою дѣятельность въ направленіи къ тѣмъ цѣлямъ, которымъ онъ призванъ служить, и еще разъ доказать, что социальный музей составляетъ славу и гордость Франціи.

Характеръ его дѣятельности строго научный, экспериментальный; музей этотъ представляетъ собою какъ бы лабораторію для социальныхъ изслѣдованій. Это — хранилище цѣнныхъ трудовъ, документовъ и матеріаловъ, которыми можетъ пользоваться всякій непосредственно или путемъ письменныхъ сношеній, а главный персоналъ его состоитъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей и специалистовъ, знанія и совѣты которыхъ постоянно и безвозмездно къ услугамъ всѣхъ, кто ни обратится въ социальный музей съ тѣмъ или другимъ запросомъ ¹⁾.

Аналогичныя учрежденія въ другихъ странахъ:

1) съ 1898 года въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—American Institute of Social Service (New-York, 287, Fourth Avenue);

2) съ 1899 г. въ Голландіи—Centraal Bureau voor Sociale Adviezen (Amsterdam, Vossiusstraat 37);

3) съ 1900 г. въ Даниіи—det Sociale Secretariat & Bibliotek (Copenhagen, Sagasvej 14);

4) съ 1903 г. въ Германіи—Soziales Museum (Frankfurt a. M., Börsenstrasse 20);

5) съ 1903 г. въ Швеціи—Centralförbundet för Socialt Arbete (Lästmakaregatan 6, Stockholm);

6) съ 1904 г. въ Германіи—Bürgerlicher Volksverein, Bremen;

¹⁾ Печатные источники.

1. Le Musée Social. Inauguration 25 Mars 1895.—Paris, Calmann Lévy, éditeur, 1895.—64 стр.

2. R. Charbonnel. Le Musée Social (статья въ Le Monde Illustré, journal hebdomadaire, dirigé par E. Desfossés, Paris, numéro 2138 du 19 Mars 1898; съ видами Музея).

3. Obsèques du comte de Chambrun, fondateur du Musée Social, 1821—1899. Paris, 1899 (съ фотографіей копіей портрета графа Шамбрэнъ).—56 стр.

4. Le Musée Social (Fondation de Chambrun), Paris, 5, rue Las Cases.—Paris, Arthur Rousseau, éditeur, 1904.—108 стр. Одна изъ книжекъ, составляющихъ серію: Bibliothèque du Musée Social.

5. Le Musée Social. Mémoires et documents (supplément aux Annales). Janvier 1905. N° 1. Fête du 16 décembre 1904: Anniversaire décennal du Musée Social.—Paris, Arthur Rousseau, éditeur, 1905.—39 стр.

7) съ 1904 г. въ Англии—British Institute of Social Service (11 Southampton Row, London, W. C.).

Нѣсколько иныи цѣли ставятъ себѣ:

8) существующая съ 1885 г. въ Дрезденѣ „Gehe-Stiftung“—распространеніе образованія относительно предметовъ, основательное знакомство съ которыми необходимо для плодотворной общественной дѣятельности (библіотека, курсы)—Dresden, kleine Brüdergasse 21;

9) возникшая въ 1891 г. въ Берлинѣ Centralstelle für Arbeiter-Wohlfahrts-einrichtungen (Dessauerstrasse 14, Berlin S. W.);

10) устроенный въ 1901 г. въ Москвѣ при Московскомъ Отдѣленіи Императорскаго Русскаго Техническаго Общества „Музей содѣйствія труду“ (Рождественка, д. Хлудова, кв. 60);

11) съ 1902 г. въ Бельгии—Institut de Sociologie (fondé par E. Solvay, Bruxelles, Parc Léopold);

12) съ 1904 г. въ Германіи—Bureau für Sozialpolitik въ Берлинѣ (Nollendorfst. 29/30).

А. Романовъ.

Н. П. БАРСУКОВЪ.

(Иксгологъ).

23-го ноября 1906 г. послѣ продолжительной болѣзни тихо скончался Николай Платоновичъ Барсуковъ.

Н. П. Барсуковъ родился 8-го ноября 1838 г.; первоначальное образование получалъ въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ окончилъ курсъ въ одномъ изъ военныхъ училищъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ (1859—1861 гг.) Н. П. Барсуковъ посѣщалъ въ качествѣ вольнослушателя С.-Петербургскій университетъ и слушалъ преимущественно Н. И. Костомарова и К. Д. Кавелина; отъ этихъ лѣтъ сохранились бумаги покойнаго, изъ которыхъ видно, что онъ предавался научнымъ занятіямъ съ величайшимъ жаромъ: не только записывалъ онъ и затѣмъ обрабатывалъ всѣ лекціи, но тогда уже началъ нѣсколько самостоятельныхъ работъ по изученію древнѣйшихъ источниковъ русской исторіи; тогда уже обратилъ на него вниманіе Костомаровъ и устно и письмами поддерживалъ въ молодомъ человѣкѣ его живые научные интересы. По закрытіи университета Н. П. Барсуковъ поступилъ на службу въ архивъ св. синода; впослѣдствіи онъ перешелъ на должность начальника архива министерства народнаго просвѣщенія, на каковой и скончался. Служебный формуляръ Н. П. Барсукова не великъ и не сложенъ; свои служебныя обязанности онъ исполнялъ съ отличавшею его во всемъ добросовѣстностью, но душу свою Н. П. Барсуковъ посвящалъ другому: онъ жилъ любовью къ умственному труду, любовью къ Россіи и къ ея исторіи.

Уже въ теченіе 60-хъ годовъ Н. П. Барсуковъ составилъ обстоятельный „Указатель“ къ первымъ 8-ми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей; трудъ этотъ, заслужившій полное одобреніе

специалистовъ, не увидалъ, однако, печати: но по винѣ автора онъ долгое время считался утеряннымъ и напечатанъ былъ Указатель, заново составленный другимъ лицомъ. Въ 1874 г. вышелъ подъ редакцію Н. П. Барсукова „Дневникъ Храповицкаго“, снабженный обстоятельными и весьма цѣнными замѣчаніями редактора—это изданіе неизмѣримо превосходитъ первое изданіе записокъ Храповицкаго, выпущенное въ 1862 г. извѣстнымъ библиографомъ Геннади. Въ 1878 г. вышелъ обширный трудъ Н. П. Барсукова „Жизнь и труды П. М. Строева“, гдѣ, по подлиннымъ бумагамъ знаменитаго археографа, весьма интересно и обстоятельно изложена его дѣятельность; трудъ этотъ, посвященный авторомъ Обществу любителей древней письменности, которое возникло въ 1878 г. и котораго первымъ членомъ-корреспондентомъ былъ избранъ Н. П. Барсуковъ, и понынѣ остается основнымъ пособіемъ по исторіи развитія у насъ въ началѣ XIX вѣка собранія памятниковъ и научнаго ихъ изданія. За нѣсколько лѣтъ до этого у Н. П. Барсукова завязались близкія сношенія съ кн. П. А. Вяземскимъ и П. П. Вяземскимъ, которыя не прерывались уже до смерти обоихъ князей Вяземскихъ, а послѣ того, до кончины покойнаго, продолжались въ видѣ близкихъ и сердечныхъ отношеній съ семьей гр. С. Д. Шереметева, проемника кн. П. П. Вяземскаго по предсѣдательству въ Обществѣ. Въ Обществѣ любителей древней письменности Н. П. Барсуковъ не разъ дѣлалъ сообщенія и въ послѣдніе уже годы принималъ участіе въ составленіи описанія рукописей кн. Вяземскаго, изданнаго Обществомъ. Въ 1878—1896 гг. вышло „Собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго“, подготовленное комиссією изъ нѣсколькихъ лицъ, но фактически почти все выполненное трудами одного Н. П. Барсукова, редактировавшаго это изданіе съ особенною тщательностью, потому что онъ особенно чтилъ кн. П. А. Вяземскаго, живого свидѣтеля и участника тѣхъ литературныхъ событій, исторія которыхъ была всего болѣе извѣстна, близка и любезна Н. П. Барсукову. Изъ числа многихъ замѣтокъ, помѣщенныхъ за эти годы Н. П. Барсуковымъ въ историческихъ журналахъ, особенно значительна и любопытна работа „Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ“, посвященная дѣятельности Кубарева, Сахарова, Ундольскаго и Бодякскаго („Древняя и Новая Россія“, 1880). Въ 1882 г. вышли одновременно два обширные труда Н. П. Барсукова: „Описаніе рукописей археографической комиссіи“ и—особенно цѣнный и замѣчательный— „Источники русской агиографіи“. Въ 1889 г. закончено было четырехтомное изданіе, подъ редакцію Барсукова, „Странствованій“ Григо-

ровича-Барскаго. Съ величайшимъ тщаніемъ Н. П. Барсуковъ исполнилъ это изданіе, передающее буква въ букву драгоценный, и мало еще оцѣненный и даже мало изученный памятникъ русской литературы начала XVIII вѣка. Издавать отдѣльные, сравнительно мелкіе, источники для русской исторіи Н. П. Барсуковъ продолжалъ съ тѣхъ поръ почти непрерывно — особенно много документовъ издано имъ, и всегда съ отличными примѣчаніями, въ десяти томахъ сборника „Старина и Новизна“; но съ 1888 г. преимущественно сосредоточилъ свои силы Н. П. Барсуковъ на главномъ трудѣ своей жизни—на двадцатитомной уже теперь работѣ „Жизнь и труды Погодина“. Едва ли не каждая книга этого сочиненія была отмѣчаема критикою; характеръ и значеніе его слишкомъ извѣстны, чтобы была необходимость на немъ долго останавливаться. Это, конечно, не біографія Погодина,—но это нѣчто гораздо большее, чѣмъ біографія; это есть огромный сводъ матеріала для исторіи всей умственной жизни Россіи за первые 65 лѣтъ XIX вѣка; тутъ собрано—если не въ полномъ видѣ, то въ видѣ извлеченій, въ сокращеніи—чуть ли не все, что можетъ служить иллюстраціей всѣхъ пережитыхъ русскимъ обществомъ движеній и настроеній; но вмѣстѣ съ тѣмъ трудъ Н. П. Барсукова—всего менѣе одно собраніе матеріаловъ: повсюду чувствуется личность автора труда съ его оригинальнымъ и цѣльнымъ мировоззрѣніемъ, съ его опредѣленными симпатіями; представляя каждому лицу, выступающему въ его трудѣ, возможность говорить самому, своими статьями, письмами, воспоминаніями—авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ не обезличиваетъ себя, вездѣ и всегда сохраняетъ свое я, обнаруживаетъ свои мнѣнія, чувства и взгляды. Если когда-нибудь явится короче написанная исторія русской цивилизаціи въ XIX в., она неизбежно въ значительной степени будетъ опираться на то, что сдѣлано было Н. П. Барсуковымъ.

Покойный былъ, однако, не только неутомимымъ труженникомъ на поприщѣ науки, онъ былъ цѣльною, оригинальною и крупною личностью. Въ наше время, бѣдное характерами, Н. П. Барсуковъ былъ блестящимъ исключеніемъ. О немъ всего менѣе можно было бы сказать, что онъ не былъ ни холоденъ, ни горячъ. Глубоко вѣрующій, горячій патриотъ, онъ страстно любилъ то, что, по его убѣжденію, было дорого и свято русскому народу; страстно онъ относился и къ тому, что почиталъ идущимъ въ разрѣзъ съ интересами народа, вреднымъ и тяжкимъ для него, — и въ выраженіи своихъ чувствъ и взглядовъ Н. П. Барсуковъ былъ смѣлъ, бывалъ и рѣзокъ

и язвительнъ. Это видѣли и знали многіе. Но немногіе замѣчали, что его гнѣвъ возгорался не тогда, когда несправедливость касалась его, а тогда, когда онъ видѣлъ несправедливое отношеніе къ достойному, по его мнѣнію, человѣку или хорошему явленію; не многіе знали, какъ скромнъ былъ этотъ, подчасъ столь рѣзкій человѣкъ, въ своихъ личныхъ потребностяхъ, насколько духовные интересы были ему дороже всего другого, и еще меньше было такихъ, которые разгадали, что подъ внѣшностью человѣка рѣзкаго и остраго на языкъ скрывалась не только истинно благородная душа, но и очень доброе сердце. За то предъ тѣми, кто имѣлъ случай узнать Н. П. Барсукова такимъ, какимъ онъ былъ въ сущности—его образъ навсегда останется незабвеннымъ и дорогимъ, какъ образъ человѣка, беззавѣтно преданнаго своимъ идеаламъ и только имъ однимъ.

И. Чечулинъ.

ОЧЕРКИ ПО РИМСКОЙ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРѢ.

Нижеслѣдующіе очерки, предлагаемые благосклонному вниманію ученыхъ филологовъ и отчасти юристовъ, заняты по преимуществу вопросами о соотношеніи между философіей и правомъ, между правомъ и социальнымъ-политическимъ бытомъ, на фонѣ котораго это право дѣйствуетъ.

Центральную часть очерковъ составляютъ анализъ брачнаго законодательства Августа и непосредственно связанная съ нимъ попытка дать новую характеристику Овидія, какъ опаснаго для Августа противника.

Мимоходомъ, но все-таки въ органической связи съ основными пунктами настоящаго, нѣсколько пестраго, изслѣдованія, затронуть также недостаточно выясненный въ наукѣ вопросъ о роли въ Римѣ эллинизирующаго театра (особенно комедіи, лучше намъ извѣстной), какъ авангарда въ дѣлѣ популяризаціи греческихъ философскихъ и софистическихъ идей.

Нѣкоторымъ импульсомъ къ обработкѣ этихъ этюдовъ послужила небольшая диссертация И. И. Семенова „Гудеи и греко-римскій міръ во второмъ вѣкѣ христіанской эры“ (Москва 1905,—оттискъ изъ 34 тома *Ученыхъ записокъ Московскаго университета по историко-филологическому отдѣлу*) и особенно тѣ ея части, въ которыхъ авторъ пытается указать вліяніе раввинскихъ ученій на римское брачное право и на законы о рабахъ и о взаимныхъ обязанностяхъ дѣтой и родителей¹⁾.

Какъ ни соблазнительна сама по себѣ вполне мыслимая идея о

¹⁾ Я очень признателенъ профессору П. Э. Соколовскому за его весьма цѣнныя для меня указанія по многимъ общимъ и частнымъ вопросамъ римскаго права.

вторженіи *iuris gentium* въ *ius romanum*,—и какъ ни много потратилъ И. И. Семеновъ усилій для ея доказательства,—однако намъ представилось вполне рациональнымъ вновь подвергнуть детальному (но не суммарному, какъ у нашего предшественника) анализу тотъ греческій и римскій матеріалъ, надъ которымъ онъ оперируетъ,—а также привлечь къ дѣлу источники, до сихъ поръ мало или почти не изучавшіеся въ данной связи (особенно произведенія Овидія), и, наконецъ, сообщить своему собственному анализу возможно болѣе широкую сравнительно-историческую перспективу.

Но позволительно сначала дать общую характеристику труда г. Семенова тѣмъ болѣе, что намъ придется имѣть съ нимъ дѣло на протяжении приблизительно половины нашей собственной работы.

Книга г. Семенова состоитъ изъ трехъ главъ: 1) общій очеркъ отношенія греко-римскаго міра къ іудейской культурѣ во 2-омъ вѣкѣ христіанской эры (стр. 1—23); 2) римское брачное законодательство и соотвѣтствующее ученіе раввиновъ; римскія и еврейскія правовыя ученія объ убійствѣ, о родителяхъ и дѣтяхъ, о рабахъ (стр. 23—77); 3) греко-римская теософія и этика (стр. 77—114).

Уже въ первой, въ общемъ интересной, главѣ чувствуется недостатокъ исторической перспективы.

Изучая религіозно-этическій синкретизмъ 2-го и 3-го вѣковъ по Р. Хр., авторъ подчеркиваетъ въ немъ лишь роль евреевъ, опуская греческихъ философовъ (напр. Гермогена, котораго слушалъ Маркъ Аврелій) и христіанъ, которые усвоили себѣ (ср. напр. уже Тертуліана и Минуція Феликса) все лучшее изъ языческой, особенно стоической этики.

Въ частности слишкомъ односторонне характеризуется политика Александра Севера (стр. 20), съ опущеніемъ очень важныхъ подробностей изъ цитируемаго самимъ авторомъ источника—*Vita Lampridii*. Въдъ Северъ былъ поклонникомъ не однихъ только іудеевъ: какъ говоритъ его біографъ (гл. 29), онъ молился въ своемъ *lagarium* Христу, Аврааму и Орфею.

Другое утвержденіе автора, что Александръ Северъ „публично заявлялъ о преимуществахъ іудейскихъ законовъ“, основано на сокращенной цитатѣ изъ Лампридія с. 51 § 7: *clamabat saepius, quod a quibusdam sive Iudaeis sive Christianis audierat et tenebat et per praecone[m] dici iubebat: „quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris“*. Върно то, что этотъ принципъ усвоенъ іудейскою этикою, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вошелъ и въ христіанскую этику, а, главное, еще задолго до

христианства высказывался греками (ср. Otto, Sprichwörter der Römer, 16 съ слѣдующей цитатой изъ Исократы: ἃ πάσχοιεντα; ὑφ' ἐτέρων ἰργίζεσθε, ταῦτα τοῖς ἄλλοις μὴ ποιῆτε).

Хотя авторъ и приводитъ (стр. 17) интересное (но, правда, нѣсколько глухое и одинокое) показаніе раввиновъ, что римское правительство посылало къ раввинамъ своихъ чиновниковъ для чтенія Писанія и изученія мишны, медраша, галахъ и агадъ, при всемъ томъ врядъ ли можно считать обоснованнымъ утвержденіе (стр. 16), что „изъ всѣхъ народовъ, которые входили въ составъ римской имперіи, ... одни іудеи стояли на такой высотѣ цивилизаціи, что дѣлали попытки сознательно отнестись къ вопросамъ религіи, отыскать и обосновать принципы этики и казуистически разработать право“.

Особенно рѣзко бросается въ глаза неисторичность построеній г. Семенова въ основной части его изслѣдованія, въ соотношеніи между 2-й и 3-й главами его книги.

Въ 3-й главѣ онъ признаетъ значительное вліяніе эллинистической теософіи и этики на теоріи раввиновъ, а во 2-й, наоборотъ, вліяніе раввиновъ на римское брачное и семейное право, каковое у римлянъ, какъ и у другихъ народовъ, въ сущности является отдѣломъ практической этики, приложеніемъ этическихъ теорій и принциповъ къ жизни.

Вѣдь раввины были одновременно и философами и юристами, да и самые вопросы, подлежавшіе ихъ вѣдѣнію, напримѣръ объ отношеніи между родителями и дѣтьми, имѣли одновременно и философскій и юридическій характеръ.

Что показываетъ наиболѣе характерный примѣръ изъ исторіи самой еврейской философіи и юриспруденціи—примѣръ Филона?

Въ его толкованіяхъ на ветхо-заветные законы (въ частности на 7-ю и 6-ю заповѣди, очень важныя для книги нашего автора) нельзя провести строгой границы между юридическимъ и философскимъ моментами. Комментаторъ производитъ очень цѣльное впечатлѣніе эллинизирующаго философа, хорошо знающаго сравнительное право (*ius gentium*) и истолковывающаго еврейскіе законы для греческаго философски образованнаго общества.

Пашъ авторъ обезсилялъ себя тѣмъ, что, вмѣсто историко-генетическаго метода, онъ предпочелъ методъ сопоставительный.

Напримѣръ, его почти не занимаетъ генезисъ еврейскихъ ученій 2—3 вв. по Р. Хр. и ихъ отношеніе къ болѣе раннимъ, авторитет-

нымъ ученіямъ Филона, или Юсіфа Флавія; генетическій анализъ почти отсутствуетъ и въ критикѣ греко-римскихъ ученій.

Благодаря этому интересныя построенія г. Семенова имѣютъ мало реальныхъ основаній и большей частью, такъ сказать, висятъ въ воздухѣ.

Сопоставительный методъ уже тѣмъ неудобенъ, что совпаденія въ области этики, а также брачнаго или уголовного права могутъ быть случайными и могутъ объясняться обще-человѣческой психологіей.

Недаромъ, напримѣръ, Филонъ старался вывести все лучшее въ греческихъ и иныхъ законахъ изъ ветхозавѣтнаго закона. На томъ же ложномъ основаніи, далѣе, построена извѣстная *Lex Dei sive Mosai- sagium et Romanagium legum collatio*.

Нашъ авторъ; вѣроятно, и самъ по временамъ чувствовалъ неудобства своего неблагоприятнаго метода: по крайней мѣрѣ, онъ нерѣдко колеблется относительно того, кто у кого заимствовалъ (евреи у римлянъ, или наоборотъ), или же принужденъ отдѣлываться замѣчаніемъ, что обѣ школы, еврейская и римская, очевидно (?), зорко слѣдили другъ за другомъ.

А между тѣмъ историко-генетическій методъ показалъ бы, что одни совпаденія вытекаютъ, независимо другъ отъ друга, изъ раннихъ этическихъ нормъ обонхъ народовъ, другія (какъ и у христіанъ) объясняются продолжительнымъ воздѣйствіемъ эллинистической цивилизаціи.

Этого метода мы и будемъ держаться въ приложеніи къ греко-римскому матеріалу для пересмотра вопросовъ, поставленныхъ нашимъ предшественникомъ.

I. Философскія ученія о власти и ихъ отраженія въ римской литературѣ и правѣ.

§ 1. Рабы.

Что касается положенія рабовъ, то между римскимъ и еврейскимъ правоученіемъ, какъ видно уже изъ примѣровъ, приведенныхъ г. Семеновымъ (стр. 75 и 76), замѣчается нечаянная разница и въ деталяхъ и въ основной тенденціи, которая у римскихъ правовѣдовъ носить ясно выраженный гуманистическій, стоическій отпечатокъ.

Напримѣръ, при объясненіи „Исх.“ 21, 20 („если кто ударитъ раба своего или служанку свою палкою, и они умрутъ подъ рукою

его, то онъ долженъ быть наказанъ“) равнины, опираясь на „Числа“ 35, 16 сл., рассуждали главнымъ образомъ о выборѣ смертоноснаго орудія (ср., впрочемъ, Ulrian. Coll. I, 7) и такого мѣста на тѣлѣ, гдѣ рана можетъ причинить смерть.

Но римскій юристъ Павелъ (Coll. 3, 2, 1) признаетъ господина невиновнымъ въ челоуѣкоубійствѣ, если онъ нанесъ рабу смертельныя побои *безъ злого умысла (sine dolo)*; „однако (*tamen* читаетъ Huschke, *Iurispr. anteiust.*⁵ вмѣсто не идущаго къ дѣлу рукописнаго *enim*) modum castigandi et in servorum coercitione placuit temperari“.

Здѣсь высказано положеніе знаменитаго 47 письма Сенеки, § 19: *rectissime facere te iudico, quod timeri a servis tuis non vis, quod verborum castigatione uteris: verberibus muta admonentur*. Ср. его же *De clementia*, I, 16, 4: *nunquidnam aequum est gravius homini et durius imperari, quam imperatur animalibus mutis?* 18, 1: *servis imperare moderate laus est*.

Различныя законоположенія императоровъ и юристовъ (см. у самого г. Семенова стр. 35 — *Spart. Hadrian.* 18, 7; *Dig.* 1, 6, 2, или *Coll.* 3, 3, 1 — 2; *Dig.* 1, 6, 1, 2; *Gai inst.* 1, 53, *Coll.* 1, 2, 2) въ концѣ концовъ легко сводятся къ указаннымъ темамъ Сенеки¹⁾.

Другой случай (стр. 76) имѣетъ въ виду отпущеніе на волю полу-

¹⁾ Я не берусь судить объ отношеніи цитруемыхъ г. Семеновымъ равнинскихъ теорій къ ученію Филона (при другой, историко-генетической, постановкѣ своего изслѣдованія, авторъ, несомнѣнно, самъ обратилъ бы на это болше вниманія, чѣмъ онъ сдѣлалъ), но отмѣчу на всякій случай, что Филонъ въ комментаріи къ заповѣди „не убій“ (*De spec. leg.* § 25, М. 322 — 323) придерживался по отношенію къ рабамъ эллинистической точки зрѣнія, проводя взгляды, очень сходные со взглядами, позднѣе его наложенными Сенекой.

Правда, многоходящъ (въ концѣ 25 §), у него встрѣчается нѣсколько утилитарный взглядъ на убійство раба (*καίτων δὲ τις οὐκίτηρ, πὸ τὸ πρότ.ρον βλάπτε ἐλατὸν ὑπερῶων ἄ; παρὰ ζῶντος αἴτις ἀπορούμενος* — ср. отчасти „Исходъ“ 21, 21), но въ общемъ онъ даетъ не менѣе, если не болѣе краснорѣчивую аполוגію рабовъ, чѣмъ Сенека: рабъ отъ природы такой же челоуѣкъ, какъ и господинъ; онъ ниже послѣдняго лишь случайно (τύχη); поэтому онъ заслуживаетъ особаго сожалѣнія, и въ случаѣ чрезвычайной жестокости господина, за раба вступится ἢ μισάνθρωπος δίκη, ἢ βοήθος καὶ ὑπερμαχος τῶν ἀδικηθέντων.

Злоупотребленія господина своей властью надъ рабами характеризуются приблизительно тѣми же аргументами, какъ и у Сенеки, но съ болшею страстностью: это ἀλαζονεία καὶ ὑπερφοβία καὶ ἀγενή ἀμιότης, ἀχρησίας τὸ ἀνεύθυνον ζηλοῦσης κατὰ τυραννικὴν δυναστείαν, ἢ ἐμφοτος, τάχα δὲ καὶ ἐπιτατηθευμένη μισανθρωπία. Такой господинъ — уже типичный тираннъ въ маломъ масштабѣ (ἐν ἐλάττωι παρασκευαίς), παρηγορίας τῶν ἐνδον μὲν ἐν παραδεισοῦς, — и горе, если онъ будетъ богатымъ: διαβήσεται γὰρ αὐτὸς ἐπὶ πόλεις τε καὶ χῆρας καὶ εἴθη τῆν αὐτοῦ πατρίδα προβουλωσάμενος.....

свободнаго—полураба. Въ ученіи равниновъ сквозить, правда, гуманистическая нотка: надо заботиться объ интересахъ не только господина, но и подобнаго полураба. Но этотъ гуманизмъ своеобразно мотивируется тѣмъ, что „міръ созданъ для размноженія“, и дарованіе этому полурабу свободы позволить ему жениться на свободной и, такимъ образомъ, выполнить законъ о размноженіи.

Съ этимъ казусомъ авторъ сопоставляетъ казусъ Юліана, юриста адриановой эпохи (D. 40, 12, 13), но цитируетъ текстъ не сполна опуская изъ него ссылку Юліана на Сабина и Кассія, юристовъ еще время Тиберія.

Дѣло идетъ о типичной римской *vindicatio*: *Duobus petentibus hominem in servitute pro parte dimidia separatim, si uno iudicio liber, altero servus iudicatus est, commodissimum est eo usque cogi iudices, donec consentiant; si id non continget, Sabinum refertur existimasse duci servum debere ab eo qui vicisset: cuius sententiae Cassius quoque et ego sum. et sane ridiculum est eum pro parte dimidia duci, pro parte libertatem eius tueri. commodius autem est favore libertatis liberum quidem eum esse, compelli autem pretii sui partem viri boni arbitrato victori suo praestare.*

Итакъ, въ основѣ заключенія Юліана лежатъ чисто греко-римская гуманитарно-философская идея—*favor libertatis* ¹⁾. Но изъ контекста можно заключить, что также смотрѣли на дѣло юристы тиберіевой эпохи: казусъ этотъ разбирался уже ими, уже они всячески желали соглашения судей въ подобномъ спорномъ случаѣ; разумѣется, при отсутствіи соглашения вступало въ силу *ius strictum*, отдававшее подсудимаго во власть выигравшаго дѣло. Юліанъ, съ своей стороны, предлагаетъ, въ интересахъ подсудимаго, только одно новшество: дополнительный третейскій судъ—*virī boni arbitratum*.

Слѣдовательно, этотъ примѣръ рискованно сопоставлять съ гораздо болѣе поздними еврейскими ученіями, особенно въ виду того, что въ еврейскомъ правѣ вопросъ шель объ особомъ типѣ полусвободнаго, который одинъ день работалъ на господина и одинъ день на себя;

¹⁾ Ср. еще *favor libertatis* у того же Юліана Dig. 40, 2, 4 пр. и, напримѣръ, у Гая Inst. 4, 14 (объ *adsertores*).

Это, очевидно, старый терминъ, соответствующій старому принципу. Характерны, напримѣръ, споры въ сенатѣ по поводу *liberti* въ первые годы принципата Нерона. Защитники этого сословія (Tacit. Ann. XIII, 27), между прочимъ, говорили: *si separarentur libertini, manifestam fore penuriam ingenuorum. non frustra maiores, cum dignitatem ordinum dividerent, libertatem in communi posuisse.*

между тѣмъ для римскихъ юристовъ вообще не былъ мыслимъ такой „межеумокъ“: *et sane ridiculum est arbitrari eum pro parte dimidia duci, pro parte libertatem eius teneri*, говорятъ Юліанъ.

Но и болѣе поздніе юристы возвращались къ этому вопросу какъ разъ въ связи съ *vindicatio* и съ *actio de communi dividundo*. Въ частности мотивировка Павла (*Sent. IV, 12, 5*) въ пользу освобожденія подобнаго раба основаца 1) на коренномъ положеніи римскаго суда, въ силу котораго раздѣленіе судейскихъ голосовъ поровну ведетъ къ оправданію подсудимаго; 2) на требованіи гуманности (*clementia, humana ratio*), на покровительствѣ людямъ, находящимся въ тяжеломъ положеніи: *communem servum unus ex sociis vinciendo futurae libertati non nocebit: inter pares enim sententias clementior severiori praefertur, et certe humanae rationis est favere miserioribus et prope innocentes dicere, quos absolute nocentes pronuntiare non possumus*.

Huschke весьма кстати ссылается по этому поводу на 254-ую декламацию Квинтиліана и особенно на 81-ое письмо Сенеки (§ 26): *quemadmodum reus sententiis paribus absolvitur et semper quidquid dubium est humanitas in melius inclinat*.

Но, впрочемъ, римлянамъ вообще нечему было учиться у евреевъ по вопросамъ, касающимся положенія рабовъ.

Приблизительно съ середины 2-ого вѣка до Р. Хр. въ Римѣ утверждается стоическая философія, и начинается ея систематическая проповѣдь, при вліятельной поддержкѣ кружка Сципіона Африканскаго Младшаго и Лелія.

Эта проповѣдь въ эпохи войнъ и въ слѣдующій кровавый вѣкъ проскрипцій находить себѣ помощь въ благородномъ поведеніи нѣкоторыхъ рабовъ.

Объ этомъ съ силой заявляетъ даже такой придворный писатель, какъ Валерій Максимъ VI, 8, 1 sq., а стоики учили, что господинъ можетъ получить отъ раба, какъ *homo ab homine*, даже благодареніе (*Senec. Benef. III, 22—23*).

Но началу этой стоической проповѣди предшествовала, совпавъ съ ней въ серединѣ 2-ого вѣка до Р. Хр., либеральная пропаганда, идущая изъ другого, правда, родственнаго со стоицизмомъ источника, именно изъ драматической поэзіи, трагедій и комедій, опирающейся на Еврипида.

Извѣстна высоко-гуманная точка зрѣнія Еврипида на природу и положеніе рабовъ (ср. напр. Д. Θ. Бѣляевъ, „Воззрѣнія Еврипида на

сословія и состоянія, внутреннюю и внѣшнюю политику. Аеннъ⁴. I. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1882, сентябрь, класс. отд., или Nestle, Euripides, der Dichter der griech. Aufklärung, 348 сл.). Тезисы той философіи, которой держался Еврипидъ (напр. *φύσει ἀνθρώπου; δοῦλος οὐδαίς*, рабъ по положенію можетъ быть γένναίος по характеру и т. п.) перешли уже во 2-ой половинѣ 3-го вѣка до Р. Хр. въ Римъ и были тамъ утверждаемы трагедіей и извѣстной намъ еще лучше комедіей.

Взгляды, проводимые театромъ, несомнѣнно, имѣли свое воздѣйствіе на римскую публику—уже потому, что заставляли зрителей и читателей драмы думать о мѣстной рабовладѣльческой практикѣ, не всегда гуманной даже у такихъ столбовъ отечества, какъ Катонъ Старшій.

Вполнѣ понятно, что поэтъ сципионовскаго кружка Теренцій старался воспроизвести точнѣе гуманныя теоріи Менандра для поученія римлянъ. Напримѣръ, Гета въ *Adelphoe*—это дѣйствительно δοῦλος γένναίος, который считаетъ себя неотъемлемымъ членомъ семьи овдовѣвшей и обѣднѣвшей Состраты; на дѣлѣ онъ даже покровитель этой семьи, поддерживая ея существованіе своимъ заработкомъ и горячо принимая къ сердцу ея огорченія.

Но сходныя точки зрѣнія, предупредившія протестъ стоиковъ противъ рабства, мы находимъ уже у Плавта—и въ слѣдующую за нимъ эпоху.

Такъ, прологъ къ *Casina* (уже не плавтовскій) съ силой подчеркиваетъ, что въ другихъ странахъ, напримѣръ въ Греціи, рабы могутъ даже жениться (v. 68 sq.).

Это какъ бы косвенный намекъ на современное римское право и на Катона Старшаго, облагавшаго конкубинатъ рабовъ съ рабынями денежнымъ налогомъ (*Plut. Cat. M.* 21).

Но специально въ комедіи *Capitivi*, можно сказать, уже сопоставлено (по греческому источнику, зависѣвшему отъ Еврипида) большинство аргументовъ противъ рабства, которые впоследствии воспроизведены Сенской въ его упомянутомъ 47 нисемь.

Старый Хегіонъ скупаетъ плѣнныхъ для обмѣна одного изъ нихъ на своего взятаго въ плѣнъ сына. Комедія устами паразита признаетъ это—*quaestum inhonestum, maxime alienum ingenio suo* (v. 96); съ плѣнниками гуманны и благодущны даже приставленные къ нимъ сторожа (*logarii*—актъ 2); самъ Хегіонъ, подслушавъ трогательный разговоръ плѣнниковъ, изумляется *hominum ingenium liberale* (v. 419); рабство, по словамъ плѣнниковъ, это—случайное состояніе, которое дала имъ *vis hostilis* и *fortuna* (v. 305: *qui imperare insueram, nunc*

altrius imperio obsequor); они просятъ не ругать ихъ именемъ раба, для нихъ невольнымъ (v. 590); въ уста одного изъ нихъ вложенъ великолѣпный патетическій монологъ (v. 684 sq.) на ту тему, что рабъ, даруя цѣною своей жизни свободу своему господину, дѣлаетъ себя безсмертнымъ, поступаетъ во имя *virtus* (*qui per virtutem perierit, non interit*—ср. выше приведенное мѣсто изъ *De beneficiis* Сенеки и соответствующіе пункты его 47 письма).

Вообще протестъ противъ рабства, благодаря преимущественно греческому вліянію, длился въ римскомъ обществѣ до эпохи Северовъ болѣе 400 лѣтъ (конечно, съ болѣе или менѣе значительными перерывами), и римскимъ классическимъ юристамъ оставалось лишь резюмировать эллинистическую и въ частности стоическую точку зрѣнія на раба, какъ человѣка отъ природы (напр. *Dig.* 1, 5, 4, 1: *servitus est constitutio iuris gentium, quam quis dominio alieno contra naturam subicitur*; 1, 1, 4: *ut pote cum iure naturali omnes liberi nascerentur*; 50, 17, 32:... *quod ad ius naturale attinet, omnes homines aequales sunt*—см. у Marquardt—Mau, *Das Privatleben der Römer I*², весь этуль о рабахъ).

§ 2. *Драматурги, стоики и юристы о юридическомъ положеніи женщины.*

Итакъ, юридическое положеніе рабовъ противорѣчитъ *ius naturale* и *aequitas*.

Приблизительно тѣ же самые писатели (драматурги и стоики) и отчасти юристы за тотъ же приблизительно промежутокъ времени (довольно продолжительный!) неоднократно высказывались и объ аналогичномъ положеніи замужней женщины.

Это особенно необходимо имѣть въ виду для оцѣнки одного очень поразительнаго съ виду совпаденія римскаго права съ раввинскимъ у г. Семенова (стр. 46). Конечный смыслъ обоихъ текстовъ—римскаго и еврейскаго—сводится къ слѣдующему: мужъ, не жившій съ женой цѣломудренно и не подававшій ей примѣра правственности, не можетъ требовать отъ жены цѣломудрія, разъ самъ его не проявляетъ.

Какъ ни „бросается въ глаза“ это сходство римскаго и еврейскаго ученій, но, при внимательномъ анализѣ, примѣръ этотъ съ особой силой говоритъ противъ г. Семенова: въ римскомъ текстѣ (какъ и въ еврейскомъ) заключается обще-человѣческая мораль; помимо всякаго

европейскаго вліянія, тезисъ этотъ проходитъ черезъ всю римскую литературу, начиная еще съ Невія и Плавта и вплоть до отцовъ церкви, причемъ литературными источниками этого тезиса являются, несомнѣнно, греческіе драматурги (Еврипидъ, Менандръ и др. комики) и близкіе къ нимъ по многимъ взглядамъ стоики.

Римскій текстъ слѣдуетъ, поэтому, разобрать, оставивъ совершенно въ сторонѣ еврейскія галахи.

Содержаніе его (см. болѣе подробную цитату изъ Augustin. ad Poll. 2, 7 на стр. 68 книги г. Семенова) приблизительно таково: матрона Евфрасія, по расторженіи брака (*solutio matrimonii*), вышла замужъ за другого. Первый мужъ обратился по этому поводу съ какой-то просьбой къ императору Антонину Каракаллѣ. Императоръ отвѣтилъ, что формальныя основанія для вчиненія процесса *de adulterio* у мужа, конечно, есть (тѣмъ болѣе, что женщины не имѣли инициативы обвиненія невѣрнаго мужа—см. напр. рескриптъ Севера и Антонина въ Cod. 9, 9, 1: *publico iudicio non habere mulieres adulterii accusati-onem, quamvis de matrimonio suo violato queri velint, lex Iulia declarat, quae cum masculis iure mariti facultatem accusandi detulisset, non ideo feminis privilegium detulit*). По вмѣстѣ съ тѣмъ и письмо его самого, императора, ни въ какомъ отношеніи не можетъ образовать *praesudicium* для этого дѣла. Дѣйствительно, если окажется, что мужъ самъ былъ виноватъ въ расторженіи брака и въ выходѣ жены замужъ за другого безъ нарушенія Юліева закона (*secundum legem Iuliam*), то его рескриптъ не приведетъ къ осужденію жены за прелюбодѣяніе, разъ не будетъ установленъ самый фактъ его совершенія. „Судья, продолжаетъ императоръ, будутъ имѣть передъ собою задачу разслѣдовать, былъ ли ты, живя самъ цѣломудренно, и для нея наставникомъ въ уваженіи добрыхъ нравовъ; мнѣ представляется крайне несправедливымъ, чтобы мужъ требовалъ отъ жены цѣломудрія, какового самъ не проявляетъ. Это можетъ даже привести къ осужденію самого мужа“.... (*habebunt ante oculos hoc inquirere, an cum tu pudice viveres, illi quoque bonos mores colendi auctor fuisti; periniquum enim mihi videtur esse, ut pudicitiam viri ab uxore exigat, quam ipse non exhibet. Quae res potest et virum damnare...*).

Это почти буквальная цитата изъ стоическаго ученія—ср. Senec. ep. 94, 26: *scis improbum esse, qui ab uxore pudicitiam exigit ipse alienarum corruptor uxorum. scis, ut illi nihil cum adultero, sic tibi nihil esse debere cum paelice, et non facis* (ср. еще 95, 37 и Quintil.

nst. V, 11, 35: si turpis dominae consuetudo cum servo, turpis domino cum ancilla).

Въ общемъ этотъ тезисъ (въ формулировкѣ отцовъ церкви, напр. Иеронима—см. Marquardt—Mañ, Privatleben der Römer², 66, пр. 11) „*quod non licet feminis, aequè non licet viris*“, при широкомъ распространеніи въ Римѣ греческой философіи, особенно стоической, никогда не сходилъ со сцены: его выдвигали поэты (часто, впрочемъ, съ юмористической точки зрѣнія¹), философы, вслѣдъ за ними юристы и императоры и, наконецъ, христіанскіе писатели, — и замѣтно, что образованное римское общество всегда живо имъ интересовалось.

Впервые съ большою обстоятельностью вопросъ этотъ былъ изложенъ у Плавта (Mercator, 817—829) въ монологѣ старой Сирѣ, долго не поддававшемся правильному разъясненію и даже принимаемому нѣкоторыми комментаторами (напр. Уссингомъ) за интерполяцію. Вотъ этотъ монологъ: „пойстнѣ, несчастныя женщины связаны въ своей жизни суровымъ закономъ и болѣе несправедливымъ (*iniquiore*), чѣмъ мужчины. Въ самомъ дѣлѣ, если мужъ тайно отъ своей жены завелъ себѣ любовницу (*scortum*) и жена объ этомъ узнаетъ, мужъ не подлежитъ наказанію. Но если жена тайно отъ мужа вышла изъ дома на улицу, то для мужа это законный поводъ расторгнуть съ нею бракъ (*virgo fit causa, exigitur matrimonio*). *О если бы для мужа былъ такой же законъ, какъ и для жены! Вѣдь жена, если она хорошая женщина, довольна однимъ мужемъ; почему бы и мужу не доволствоваться одной женой?* Право, если бы мужа, когда кто изъ нихъ тайно отъ своей жены заведетъ себѣ любовницу, наказывались такъ же, какъ наказываются разводомъ виновныя жены,—то, по моему, хорошо было бы, чтобы больше было мужей безъ женъ (*vidui*), чѣмъ женщинъ безъ мужей“.

Для меня нѣтъ сомнѣнія, что этотъ монологъ и по отдѣльнымъ

¹) Эмансипированныя матроны вольнаго поведения предпочитали такую формулировку этой мудрости: *quod licet viris, aequè licet feminis*. Ср. Martial. XII, 58: *Ancillariorum (= Senec. Benef. I, 19, 4) tua te vocat uxor, et ipsa lecticariola est; estis, Alauda, pares*.

Juvenal. VI, 281 (matrona in adulterio deprehensa):

olim convenerat, inquit,
ut faceres tu quod velles, nec non ego possem
indulgere mihi. clames licet et mare caelo
confundas, homo sum.

подробностям и по основной мысли представлялся очень жизненным для зрителей-современников Плавта.

Въ монологѣ мы, напримѣръ, читаемъ, что достаточно жегѣ тайно отъ мужа выйти изъ дому, и для мужа готовъ основательный поводъ къ разводу. Римская исторія какъ разъ сообщаетъ намъ сходные факты изъ быта древнихъ римлянъ или вообще римлянъ стараго закала. Ср. особенно Valer. Max. VI, 3, 10—12: C. Sulpicius Gallus uxorem dimisit, quod eam capite aperto foris versatam cognoverat... Nec aliter sensit Q. Antistius Vetus, repudiando uxorem quod illam in publico cum quadam libertina vulgari secreto loquentem viderat... Iungendus est his P. Sempronius Sophus, qui coniugem repudii nota affectit, nihil aliud quam se ignorante ludos ausam spectare (Marquardt—Mau, Privatleben der Römer², 66 и особенно 60⁴, гдѣ, впрочемъ, врядъ ли правильно замѣчаніе Mau, что мѣсто изъ Плавта недокзательно по отношенію къ римскимъ нравамъ)¹).

Далѣе, жалобы на несправедливость брачныхъ законовъ были также вполне понятны для образованныхъ римлянъ и римлянокъ времени Плавта.

Греческое культурное вліяніе стало очень значительнымъ еще съ конца Первой Пунической войны; знатныя римлянки получаютъ греческое образованіе, которое поддерживается театромъ съ его передовыми философскими и гуманистическими идеями; женщины усваиваютъ себѣ и греческіе культы, въ родѣ распространенныхъ по всей Италіи Bacchanaalia; стремленіе къ эмансипаціи выражается, между прочимъ, въ потребности комфорта и даже роскоши, каковую старо-римская партія безуспѣшно старается сдержатъ посредствомъ lex Oppia, отгѣннаго, наконецъ, въ 195 году, несмотря на энергичную защиту этого закона Катономъ Старшимъ; притязанія на эмансипацію подерѣпляются еще патриотизмомъ, неоднократно проявленнымъ римскими матронами во время многотрудной Второй Пунической войны.

Таково приблизительно настроеніе римскаго общества, особенно

¹) Вообще вопросъ о греческихъ и римскихъ элементахъ въ комедіяхъ Плавта, мнѣ кажется, подлежитъ дальнѣйшему пересмотру. Такъ, напримѣръ, очень бросается въ глаза почти буквальное совпаденіе бытовыхъ подробностей въ отрывкѣ изъ того же Mercator (ч. 403 sq.) и изъ 15 контрверсій 2-ой книги (§ 3) у Сенеки: оба отрывка опредѣляютъ одинаково скромный нарядъ для матроны и одинаково скромное сопровожденіе ея на улицѣ (старую некрасивую служанку). Непремѣнно ли греческій бытъ живютъ въ виду оба отрывка? Видѣ въ контрверсій есть безусловно римскія черточки...

женской его половины, около времени постановки на сцену „Mercator“.

„Dura, iniquior lex“ въ монологѣ Сиры какъ разъ соответствуетъ правовому положенію римской женщины въ томъ видѣ, въ которомъ изображалъ его Катонъ Старшій (вообще скептически относившійся къ женщинамъ — ср. его юмористическій рассказъ о Praetextatus у Геллія I, 23) въ своихъ публичныхъ рѣчахъ (Gell. X, 23, 5): *in adulterio uxorem tuam si deprehendisses, sine iudicio impune necares; illa te, si adulterares sive tu adulterarere, digito non auderet contingere, neque ius est.*

Слѣды полемики между Катонемъ Старшимъ и Валеріемъ по поводу приниженаго положенія женщины сохранены—въ общихъ чертахъ, вѣрно—Титомъ Ливіемъ тамъ, гдѣ онъ излагаетъ исторію Оупіева закона (XXXIV, 1—4).

Извѣстному плаутинисту Ф. Лео (Plautin. Forsch. 107) удалось убедительно доказать связь монолога Сиры съ еврипидовскими идеями на ту тему, что по несправедливости человѣческаго общежитія мужчины въ бракѣ пользуются большей свободой, чѣмъ женщины. Лео привлекъ къ сравненію Medea, 245 и особенно Electra, 1032 ¹⁾: ὕταν δ' ὑπόντος τοῦδ' ἀμαρτάνῃ πρὸς τάνδον παρώσας λέκτρα, μιμῆσθαι θέλει γυνή τὸν ἄνδρα ἤατερον κτᾶσθαι φίλον, κἄπειτ' ἐν ἡμῖν ὁ φόρος λαμπρόνεται, οἱ δ' αἴτιοι τῶνδ' οὐ κλύουσ' ἄνδρες κακά.

Не безъ извѣстнаго основанія Лео отнесъ сюда же 6-ой фрагментъ изъ Данан Невія: *desubito famam tollunt, si quam solam videre in via.*

Отгнѣчу съ своей стороны, что та же еврипидовская мысль усвоена и знатокомъ Еврипида Овидіемъ въ его сужденіи о Клитемнестрѣ (Arg amat. II, 399):

dum fuit Atrides una contentus (=Plaut. Merc. 824), et illa casta fuit; vitioset improba facta viri.

Она многое слышала о различныхъ измѣнахъ мужа, но слухи еще не довели ея до измѣны:

*Prisaneida viderat ipsa,
et male peccantem Tyndaris ulta virum.*

Синтезъ этого гуманистическаго, особенно стоическаго ученія нашелъ прекрасное выраженіе у Лактанція въ знаменитой 23 главѣ VI книги его Institutiones divinae: *divina lex duos in matrimonium*

¹⁾ Ср. еще Andromach. 486: τὴν μίαν μοι στεργέτω πρὸς...

pari iure coniungit... Non, sicut, iuris publici ratio est, sola mulier adultera est, quae habet alium, maritus autem, etiamsi plures habeat, a crimine adulterii solutus est.... Iniquum est, ut id exigas, quod praestare ipse non possis. Quae iniquitas effecto, ut essent adulteriu, feminis aegre forentibus, praestare se fidem non exhibentibus mutuam caritatem. Denique nulla est tam perditu pudoris adultera, quae non hanc causam vitiis suis praetendat: iniuriam se peccando non facere, sed referre. Вот въ какой связи всего болѣе понятенъ рескриптъ Антонина Каракаллы.

§ 3. *Отцы и дѣти. Роль театра въ Римѣ. Эллинистическая философія и Платонъ.*

Равнымъ образомъ ученіе объ обязанности родителей и дѣтей содержать другъ друга, возведенное въ законъ при Антонинахъ (ср. у г. Семенова стр. 75), было задолго до нихъ подготовлено греческой философіей и потому не нуждается въ сопоставленіи съ еврейскими теоріями. Ср. напр. интересную по аргументаціи 1-ю контроверсію у Сенеки на тему *liberi parentes alant aut vinciantur*.

Но и вообще старая римская отцовская власть, отличавшаяся чрезвычайной суровостью, уже давно подверглась упорнымъ атакамъ греческой гуманистической философіи, и въ домашній обиходъ образованныхъ римлянъ все болѣе и болѣе стала входить идея объ *indulgentia patris*.

Мы видѣли, что вопросъ о рабахъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о женщинахъ—до такой степени, что напр. даже посвященные этимъ вопросамъ отрывки изъ драматическихъ произведеній легко могли быть косвенными, а можетъ быть и прямыми, вылазками противъ современнаго римскаго *usus'a*.

Вопросъ о положеніи дѣтей стоитъ въ неразрывной связи съ указанными вопросами, и всѣ они вмѣстѣ группируются около философскаго ученія о власти вообще, въ частности о власти домохозяйина надъ женой, дѣтьми и рабами: эта власть въ греческой философіи признавалась аналогичной власти правителя; кромѣ того, воспитаніе дѣтей находилось подъ руководствомъ педагога, который имѣлъ подобіе отцовской власти.

И вотъ, основы этого ученія проповѣдовались въ Римѣ какъ драматургами, такъ и философами, особенно стоическими.

Едва ли не первое мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи авторитетная комедія Теренція *Adelphoe*, поставленная въ 160 г. до Р. Хр.

Въ этой комедіи дана не только теорія воспитанія дѣтей, но и общее гуманистическое ученіе о взаимныхъ отношеніяхъ людей разныхъ сословій и состояній и о власти.

Знаменитый монологъ Микіона (v. 65) исходитъ именно изъ опредѣленія *власти вообще*: только та власть авторитетна и устойчива, которая пріобрѣтается дружественными отношеніями (*amicitia adiungitur*), а не та, которая основывается на силѣ (*vi fit*); находящіяся подъ первой властью всегда искренни, подъ второй лицемерны; природы (*ingenium*) послѣднихъ нельзя передѣлать силой и устрашеніями; поэтому лучше приучать дѣтей поступать правильно по внушенію собственной природы (*sua sponte*), а не изъ страха передъ кѣмъ-либо другимъ: въ этомъ и состоитъ отличіе *отца отъ повелителя, деспота* (*dominus*).

Такъ Микіонъ и дѣлаетъ: онъ вѣритъ въ добрыя природныя наклонности Эскина и Ктезифона и не очень боится эксцессовъ юности, въ увѣренности, что природная порядочность обоихъ молодыхъ людей выведетъ ихъ на правильный путь, и школа жизни докончитъ ихъ воспитаніе (v. 820 сл.).

При этомъ доброта (*amicitia, beneficium*) во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми должна основываться на желаніи понять другъ друга и не мѣрить ближняго своимъ масштабомъ (v. 98); въ частности, Микіонъ согласенъ съ Хегіономъ, что съ Состратой, какъ съ женщиной бѣдной, слѣдуетъ обходиться особенно деликатно въ виду подозрительности и обидчивости, свойственной бѣднымъ людямъ (v. 605, ср. *Plaut. Aul.* 247).

Съ другой стороны, зная характеръ Эскина, онъ умѣетъ съ тактомъ и искусствомъ вызвать у молодого человѣка искреннее раскаяніе (v. 679) и вмѣстѣ съ тѣмъ бурный восторгъ, что отношенія между нимъ и отцомъ полны истинной любви и дружбы, даже товарищества (v. 707).]

Правда, въ концѣ пьесы надъ Микіономъ нѣсколько зло подшучиваетъ Демея, пользуясь его чрезмѣрнымъ благодушіемъ и повышеннымъ настроеніемъ Эскина, но въ концѣ концовъ побѣдителемъ остается Микіонъ: вѣдь Демея приходится ступешаваться и окончательно отказаться отъ прямого вмѣшательства въ жизнь своихъ дѣтей.

Эти мысли въ разной формѣ повторяетъ и самъ Теренцій и еще до него Плавтъ; очевидно, онѣ были очень популярны въ греческихъ оригиналахъ римской комедіи.

Но при этомъ понятно, что греческіе драматурги наблюдали въ реальной дѣйствительности разнообразное приложеніе этихъ теорій къ жизни: одни люди были ими всецѣло проникнуты и болѣе или менѣе систематически проводили ихъ въ жизнь, другіе сочувствовали такимъ теоріямъ лишь отчасти и слѣдовали по преимуществу модѣ, для третьихъ—утонченныхъ эгоистовъ—такая мода могла быть даже выгодной и т. д.

Съ этой точки зрѣнія любопытна, прежде всего, комедія Теренція *Heauton timorumenos*.

Менедемъ, бывшій прямолинейный деспотъ, поступавшій съ сыномъ *vi et via pervolgata patrum* (v. 100), обращается, послѣ бѣгства сына, въ истиннаго гуманиста.

Хреметъ, настоящій и притомъ лицемѣрный деспотъ, очень любить кстати и не кстати рисоваться своимъ гуманизмомъ. Слишкомъ безтактно вмѣшавшись въ дѣла Менедема, онъ съ комической торжественностью заявляетъ: *homo sum et nihil humani a me alienum puto* (v. 77).

Раздоръ Менедема съ сыномъ онъ объясняетъ, какъ истинный философъ, тѣмъ, что они оба не знали другъ друга, и что молодой Клинній былъ бы послушнымъ сыномъ при умѣнїи обращаться съ нимъ (v. 151).

Но какъ разъ его собственный сынъ Клитифонъ страдаетъ отъ его деспотизма и нежеланія и несумѣнія понять натуру молодыхъ людей (v. 215), отъ его требованія, чтобы дѣти жили, прииоравливаясь къ капризамъ отцовъ, но не наоборотъ (v. 204).

Въ концѣ концовъ Менедемъ долженъ былъ напомнить Хремету о его мудрыхъ, но лицемѣрныхъ поученіяхъ (v. 920), а сынъ—о незнаніи имъ обязанностей мудраго и гуманнаго отца (v. 1035).

Очень интересенъ старикъ Деменетъ въ *Asinaria* Плавта: онъ—либераль, потому что самъ хочетъ веселиться; ему поэтому некогда заниматься воспитаніемъ сына, нельзя и деспотизировать его, такъ какъ отецъ предпочитаетъ соперничать съ сыномъ по части любовныхъ похожденій.

Деменетъ сталъ просвѣщеннымъ философомъ съ ранней юности, съ тѣхъ поръ, какъ его собственный отецъ помогъ ему похитить дѣвицу *ab Ione* и, такимъ образомъ, *beneficiis* (ср. *Ter. Adelph. 72*) *emit gnatum suum* (v. 72).

Поэтому нельзя гнѣваться на дѣтей, какъ это дѣлаютъ прочіе отцы, но надо имъ потакать и угождать (*obsequi*—v. 49). Если Ми-

кионъ стремится гуманностью добиться отъ Эсхина, чтобы послѣдній ничего отъ него не скрывалъ, то Деменетъ счастливъ уже тѣмъ, что сынъ удостоиваетъ его посвященія въ свои тайны (v. 77); со-парничая съ сыномъ, онъ лстиво говоритъ ему (v. 835): *nolo ego metui, amari mavolo, mi gnate, abs te*.

Понятно, такого блудливаго либерала никто и не боится, ни сынъ, ни старуха—жена, которая съ эффектомъ уводитъ его съ пира, приговаривая (v. 921): *surge, amator, i domum!*

Сложиво и интересиво разработана эта тема въ *Vacchides* Плавта. Въ концѣ концовъ старики отцы попадаютъ на удочку тѣмъ же готерамъ, какъ и ихъ сыновья; въ этомъ, конечно, заключается косвенное извиненіе неосторожныхъ и мимолетныхъ увлеченій юности (такъ же, какъ и въ „Формионъ“ Теренція).

Но одинъ изъ стариковъ, Филоксенъ, все-таки неглупый человѣкъ; онъ довѣряетъ молодымъ людямъ, входитъ въ ихъ положенію, не превеличиваетъ значенія увлеченій юности (v. 418 sq.), понимаетъ, что новое время принесло новыя нравы (v. 436); понимаетъ также, что отъ вѣчнаго ворчанія устарѣвшаго моралиста педагога Лиды толку не выйдетъ, и потому поручаетъ своего сына вниманію его молодого солиднаго друга, въ надеждѣ, что именно дружба будетъ средствомъ къ взаимному совершенствованію молодыхъ людей (ср. ту же мысль у Микіона *Adelph.* 828)¹⁾.

Прямая противоположность Филоксену—педагогъ Лидъ, старомодный моралистъ и брюзга, съ грустью сознающійся въ безуспѣшности своихъ педагогическихъ приѣмовъ (v. 165).

По его взглядамъ, юноша долженъ безъ разсужденій повиноваться и отцу и педагогу.

Въ старыя добрыя времена, юноша не смѣлъ ни на шагъ отлучиться отъ педагога, иначе *et discipulus et magister perhibebantur improbi* (v. 425); во время занятій за ошибку хотя бы въ одномъ слогѣ *floret corium tam maculosum, quam nutricis pallium* (v. 434).

¹⁾ Эта вскользь брошенная въ обѣихъ комедіяхъ мысль имѣетъ серьезное философское значеніе. Видъ философскіе трактаты о дружбѣ, въ родѣ трактата Цицерона, опредѣляли дружбу, какъ потяжно республиканскій союзъ, основанный на *virtus*, *ars*, состоящей по преимуществу въ стремленіи къ духовному прогрессу, и на *aequitas*.

Подчеркнемъ еще разъ, что *aequitas*, въ широчайшемъ смыслѣ слова, образуетъ такъ сказать, основную атмосферу ново-аттлческой комедіи и, разумѣется, еврипидовской трагедіи.

Между тѣмъ теперь сами отцы заступаются за дѣтей и грозятъ наказаніемъ строгому педагогу: *hocine hic pacto potest inhiberi imperium magister, si ipsus primus vapulet?* (v. 448).

Въ свою очередь юноши позволяютъ себѣ не только фамиліарно обращаться съ педагогами (v. 137: *illuc sis vide: non paedagogum iam te, sed Lydum vocat*) и не только учить своихъ учителей, доказывая имъ бесполезность ихъ педагогикъ для обѣихъ сторонъ (что и дѣлаетъ Пистоклеръ, v. 135 sq.), но даже грозятъ педагогамъ: *magistron quemquam discipulum minitarier* (v. 152)!

Вообще, выражаясь языкомъ Микіона, это типичный поклонникъ такого *imperium, quod vi fit*.

Но носители подобной власти,—все равно, будутъ ли они людьми прямолинейными, или же лицемѣрными (какъ Хреметъ въ *Neauton timogitupos*, или какъ Демифонъ въ *Mercator Плавта*—ср. его характеристику въ первомъ монологѣ его сына Харина),—не имѣютъ никакого успѣха и большей частью прямо смѣшны.

Съ такой философской системой римляне знакомилъ театр, а его роль въ исторіи римской культуры очень велика, гораздо больше, чѣмъ это можетъ казаться.

Вліяніе драмы давало себя чувствовать почти во всѣхъ родахъ литературы: напр. оно очень сильно въ области элегіи и эпоса (напр. вергилиевскаго) ¹⁾.

Характерно, что драматическое искусство тѣсно переплелось съ краснорѣчіемъ, этимъ универсальнымъ римскимъ искусствомъ, воплощавшимъ въ себѣ главныя основы римской культурно-политической жизни.

Еще до образованія художественной прозы римскіе драматурги, по греческимъ образцамъ, успѣли выработать настоящій ораторскій языкъ съ антитезами, аллитераціями и т. п.

Уже во времена республики отрывки изъ комедій и трагедій фигурируютъ въ учебникахъ реторикъ, какъ образцы ораторскаго искусства.

„Декламаціи“ временъ имперіи (контроверсій и суазорій) отражаютъ на себѣ огромное вліяніе Еврипида и комиковъ.

Квинтилианъ (*Inst. XI, 1, 68*) совѣтуетъ будущему оратору тщательно изучать Еврипида и Менандра, какъ „драматурговъ истинно ораторскаго направленія: у Еврипида много прекрасныхъ афоризмовъ“

¹⁾ Ср. напр. мои „Очерки по сравнительной исторіи литературы“, Москва 1905, 60 сл.

(sententiae), много мастерства въ изложеніи философскихъ тезисовъ и въ диалектикѣ и эристикѣ; особенно изумителенъ онъ въ воздѣйствіи на чувства и очень силенъ въ призывахъ къ состраданію.

У Менаандра Квинтиліанъ восхищается даромъ изобрѣтенія (inveniendi) и словеснаго изложенія (eloquendi) и истинно реалистическаго воспроизведенія жизни (omnem vitae imaginem expressit) съ способностью живоизобразить факты, персонажи и душевныя состоянія.

Видѣвъ съ тѣмъ тотъ же Квинтиліанъ (I, 11, 1) рекомендуетъ будущему оратору въ числѣ учителей также хорошаго комическаго актѣра.

Такимъ образомъ, πάθος и ἦθος драмы родственны съ соотвѣствующими элементами судебной рѣчи. Такъ учила напр. устами Горація (Arg. poet. 102) теорія драматическаго искусства („если ты хочешь, чтобы я плакалъ, то ты самъ сначала долженъ проникнуться скорбью“); того же требовалъ и Цицеронъ отъ оратора въ томъ знаменитомъ отрывкѣ De oratore (II, 189 сл.), гдѣ онъ проводитъ параллель между судебнымъ ораторомъ, драматургомъ и актеромъ.

Мы знаемъ далѣе о дружбѣ знаменитыхъ актѣровъ Росція и Эзопа съ наиболѣе видными ораторами, напр. съ Цицерономъ и Гортензіемъ; о послѣднемъ извѣстно, что онъ и указанные актѣры подражали другъ другу ¹⁾.

Болѣе того, драматическіе шаблоны оказывались для оратора и его слушателей наиболѣе яркой и удобопонятной формой изображенія бытовыхъ подробностей процесса.

Такъ, уже въ рѣчи pro Roscio Amerino Цицеронъ характеризуетъ семью—отца и двухъ сыновей—по шаблону комедіи Пеццілія и настаиваетъ на болѣе общей подобнаго сравненія, чѣмъ частнаго сравненія, взятаго изъ римскаго или италійскаго быта: etenim haec conficta arbitrator a poetis, ut effectos nostros mores in alienis personis expressamque imaginem vitae cotidianae videremus (§ 47).

Въ рѣчи противъ Верреса подсудимый, своего рода генералъ, но, такъ сказать, „съ другой стороны“ („особый типъ полководца“) — такъ и просится въ характеристикѣ Цицерона въ *jeunes premiers* элегія и комедія, особенно въ качествѣ *miles gloriosus*.

Еще интереснѣе рѣчь pro Caelio: всѣ ораторы непрерывно стараются вставить бытовыя подробности этого грязноватаго дѣла въ рамки то комедіи, то трагедіи, то мима.

¹⁾ Некоторые изъ этихъ фактовъ я беру у В. В. Варнеке, Очерки изъ исторіи древне-римскаго театра, С.-Пб. 1908, 116, 222 и др.

Рѣчи обвинителей по Цицерону не имѣютъ ни завязки (*principium*), ни развязки (*exitus*), ни *argumentum*: это нѣчто въ родѣ плохого юма; Целія обвинители называютъ *pulchellus Iaso*, въ отвѣтъ на это защитники Крассъ и Цицеронъ называютъ Клодія *Medea Palatina*, а Целій—*Clytaemnestra quadrantaria*; самому Целію Цицеронъ отводитъ положеніе сына въ комедіи и характеризуетъ его поведеніе съ точки зрѣнія двухъ противоположныхъ типовъ отцовъ комедіи — суроваго и сердитаго старика изъ комедіи Цецилія и снисходительнаго философа Микіона изъ *Adelphoe* Теренція.

Очень важно при этомъ то, что философія Микіона почти пунктуально воспроизведена въ этой рѣчи: ср. въ частности разсужденіе на ту тему, что Целій имѣетъ не только *ingenium* (благодаря чему можетъ самъ исправиться), но и *virtus*—стремленіе къ усовершенствованію этого *ingenium* (§ 45).

Этотъ экскурсъ о роли театра въ Римѣ возвращаетъ насъ къ нашему специальному вопросу о судьбѣ теоріи власти.

Усвоивъ себѣ въ послѣднемъ упомянутомъ нами процессѣ теорію Микіона, Цицеронъ и вообще держался ея въ своей домашней жизни: въдѣ члены его *familia*, т. е. онъ самъ, жена, особенно дѣти и любимый вольноотпущенникъ Тиронъ, жили другъ съ другомъ, можно сказать, на равной ногѣ, въ согласіи съ принципами *aequitas*. Въ частности, Теренцій—очень уважаемый имъ поэтъ, какъ учитель ораторскаго искусства, жизни и морали.

Правда, до полнаго теоретическаго признанія философіи Микіона (или Сиры въ *Mercator* Плавта), почти пунктуально совпадающей съ философіей стоиковъ, Цицерону дойти было не легко, и, смотря по обстоятельствамъ, онъ часто колебался; напр. въ *De republica* III, 10, онъ порицаетъ *lex Voconia, quae quidem lex utilitatis virorum gratia rogata, in mulieres plena est iniuriae*, а съ другой стороны виртуозно излагаетъ ученіе Платона (I, 43), діаметрально противоположное эллинистическому и стоическому. Но, подъ вліяніемъ тяжелой для него диктатуры Цезаря, въ своемъ трактатѣ *De officiis* (II, 27) онъ очень симпатизируетъ стоическому ученію объ *imperium*, какъ о *patrocinium* (= микіоновскому *imperium quod amicitia adiungitur*): основа и залогъ прочности верховной политической власти не страхъ, но *benevolentia*. (§ 23); Цицеронъ поклонникъ той эпохи въ жизни римскаго народа, когда *imperium populi Romani beneficiis tenebatur, non iniuriis* (§ 26).

Но гораздо опредѣленнѣе сгруппированы почти всѣ мысли драматурговъ о власти въ трактатѣ Сенеки *De clementia*. Мы уже встрѣ-

чались съ его мыслями о рабахъ и о женщинахъ. Но вотъ что говорить онъ о власти вообще и объ аналогіи власти государя съ властями „меньшими“ отца, учителя, офицера (I, 16, 2 — 3): *nonne 1) pessimus pater videbitur, qui adsiduis plagis liberos etiam in levissimis causis comprescet? Uter autem 2) praeceptor liberalibus studiis dignior, qui excarnificabit discipulos, si memoria illis non constiterit aut si parum agilis in legendo oculus haeserit (ср. Plaut. Bacch. 433), an qui monitionibus et verecundia emendare ac docere malit? 3) Tribunum centurionemque da saevum: desertores faciet, quibus tamen ignoscitur.*

Вообще это цѣлая греческая демократическая система, противъ которой по пунктамъ возсталъ, между прочимъ, Платонъ въ VIII книгѣ Политіи р. 562 sq. Онъ находитъ прямую анархію тамъ, гдѣ народъ требуетъ отъ *начальниковъ*, чтобы они вели себя какъ частные люди, гдѣ нѣтъ власти даже въ *частныхъ домахъ*: *отцы* боятся *дѣтей*, *старіки* молодыхъ людей, *учители* учениковъ, *рабы* ведутъ себя слишкомъ свободно, *иноземцы* требуютъ собѣ гражданскихъ правъ, *женщины* добиваются равноправія съ мужчинами.

Весь этотъ нѣсколько разросшійся этюдъ ясно показалъ намъ, какъ нужно быть осторожными при сопоставленіи римскихъ законовъ съ иноземными: вообще сопоставленіе отдѣльныхъ законовъ, а не цѣлыхъ ихъ группъ, объединяемыхъ однимъ юридическимъ или философско-юридическимъ угломъ зрѣнія, врядъ ли можетъ дать сколько нибудь надежные и поучительные результаты.

Второй этюдъ мы посвятимъ анализу даннаго И. И. Семеновымъ матеріала по исторіи брачнаго законодательства Августа. Въ интересахъ общей схемы нашихъ собственныхъ очерковъ мы позволимъ себѣ не держаться порядка изложенія г. Семенова, но начнемъ со второго и третьяго §§ его главы о брачномъ законодательствѣ, оставивъ первый § (основной) къ концу этюда, для перехода къ характеристикѣ Овидія.

Черезъ весь второй этюдъ будетъ проходить та мысль, что г. Семеновъ, благодаря несовершенству своихъ методологическихъ приѣмовъ, приписалъ эпохѣ Северовъ гораздо болѣе законодательныхъ новшествъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности.

III. Погрешенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРВЫЙ РИМСКИЙ ДИКТАТОР¹⁾.

5. Отношеніе диктатуры къ внутреннимъ дѣламъ.

Возникновеніе диктатуры въ 438—7 году, въ качествѣ высшей военной магистратуры, вызвано было неудовлетворительностью тогдашнихъ условій верховной военачальнической власти, созданныхъ введеніемъ консулярнаго трибуната. Значеніе по преимуществу военной магистратуры осталось за диктатурой навсегда. Однако, съ теченіемъ времени, диктатура получила примѣненіе также и въ области внутреннихъ дѣлъ республики.

Уже диктатору 434 года приписывается вмѣшательство во внутреннія дѣла. Такъ какъ веентская война, ради которой Эмилиі былъ вторично назначенъ диктаторомъ, не состоялась, то, по разсказу Ливія (4, 24), Эмилиі, не желая пропустить своей власти безъ всякаго дѣла, созвалъ народную *comitia* и предложилъ законопроектъ о сокращеніи пятилѣтняго срока цензуры до полутора года. На другой день этотъ законъ былъ принятъ комиціями, за что тогдашніе цензоры и отомстили Эмилию зачисленіемъ его въ *ararii*. Установленіе полуторогодового срока для цензуры именно въ 434 году само по себѣ не можетъ вызывать сомнѣній; но приобщеніе къ этому дѣлу имени диктатора Эмилија крайне подозрительно¹⁷¹⁾.

Первые цензоры начали функционировать въ 443 году, послѣ того

---

¹⁾ *Окончаніе*. См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 годъ, отд. класс. филол.

¹⁷¹⁾ Подозрительно и отсутствіе промежутка между опубликованіемъ законопроекта и проведеніемъ его черезъ комиціи. Однако это можно бы, пожалуй, признать свидѣтельствомъ о томъ, что позднѣйшее *trinundinum* въ то время еще не было установлено.

какъ въ предшествовавшемъ 444 году впервые были избраны консулярные трибуны взамѣнъ консуловъ. А такъ какъ первоначальный срокъ цензуры былъ пятилѣтній ¹⁷²⁾, то въ 434 году предстояли выборы новыхъ цензоровъ на слѣдующее, третье, пятилѣтіе. По этому случаю и могъ возникнуть тогда вопросъ о сокращеніи процедуры ценза, такъ какъ за два предшествующія пятилѣтія должны были обнаружиться какія-нибудь неудобства растяженія этого дѣла на цѣлыя пять лѣтъ. Это была чисто административная мѣра, не коснувшаяся существа цензуры въ ея финансовыхъ функціяхъ: заключенные цензорами контракты по подрядамъ и откупамъ и установленные ими размѣры имущества для процентныхъ взносовъ въ счетъ трибута со стороны полноправныхъ гражданъ и налога со стороны зраріевъ сохраняли силу вплоть до слѣдующаго ценза. Причина сокращенія срока цензорскихъ полномочій заключалась, слѣдовательно, не въ этомъ, а зависѣла, повидимому, отъ общихъ политическихъ условій того времени въ связи съ борьбой сословій изъ-за высшей магистратуры, какъ это, впрочемъ, принимаетъ и Ливій ¹⁷³⁾.

Учрежденіе цензуры явно находится въ генетической связи съ введеніемъ консулярнаго трибуната. Патриціи не соглашались допустить плебеевъ къ консулату. Если же тѣмъ не менѣе они согласились открыть плебеймъ доступъ къ консулярному трибунату взамѣнъ консулата, то это не могло ограничиваться лишь мелочнымъ пониженіемъ чина высшей магистратуры, какъ это выходило бы, если бы, согласно съ мнѣніемъ Моммзена, учрежденіе цензуры относилось только къ 435 году. Напротивъ, переименованіе консулата въ консулярный трибунатъ, съ увеличеніемъ личнаго состава этой магистратуры, имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если оно сопровождалось одновременно и умаленіемъ компетенціи, т. е. если къ консулярнымъ трибунамъ съ самаго же начала перешла только одна часть консульскихъ функцій, въ то время какъ другая часть тогда же отдана была

---

¹⁷²⁾ Liv. 4, 24, 4: quinquennaleм censuram.—На первыхъ порахъ пятилѣтній срокъ отъ однихъ выборовъ до другихъ соблюдался довольно строго (см. *Schwegler*, III, 115 пр.); но въ общемъ наблюдаются неправильности въ срокахъ ценза. *Моммзенъ* (*Chronol.* 162) высказалъ предположеніе, что первоначальнымъ срокомъ ценза являлось четырехлѣтіе, и что пятилѣтіе установилось только въ періодъ 2 пункта войны. Однако уже между 314—234 годами пятилѣтія встрѣчаются чаще четырехлѣтій.

¹⁷³⁾ Liv. 4, 24, 3: *nimiram potestatem ratus*; § 4: *libertati populi Romani consularum*.

цензорамъ. Выдѣленіе финансоваго управленія съ оставленіемъ этой отрасли въ исключительномъ вѣдѣніи патриціевъ, параллельно съ консулярнымъ трибунатомъ, доступнымъ для обоихъ сословій, имѣло для патриціевъ и большое практическое значеніе, такъ какъ въ области финансовъ важную роль игралъ *ager publicus*, владѣніе которымъ патриціи считали тогда еще своимъ исключительнымъ правомъ.

Объ новыя магистратуры, консулярный трибунатъ и цензура, совершенно отчетливо представляютъ собою раздѣленіе прежней нераздѣльной компетенціи консуловъ на двѣ самостоятельныя отрасли: военную и финансовую. Также и внѣшняя обстановка обѣихъ магистратуръ одинаково примыкаетъ къ консулату: выборы тѣхъ и другихъ одинаково происходили въ центуриатскихъ комиціяхъ; тѣ и другіе одинаково пользовались правомъ на *sella curulis* и на *toga praetexta*; если же одни лишь консулярные трибуны получили право на *fascēs*, то это зависѣло отъ того, что ликторскіе *fascēs* являлись отличительнымъ знакомъ военной власти, которой цензоры и не имѣли. Но помимо военной и финансовой отраслей, распределенныхъ между обѣими новыми магистратурами, были еще другія административныя дѣла, разграниченіе которыхъ на первыхъ порахъ могло подавать поводъ къ недоразумѣніямъ. Недостаточнымъ разграниченіемъ этихъ прочихъ дѣлъ, приведшимъ въ 434 году къ болѣе точному опредѣленію цензорскихъ функций, можно объяснить и заключеніе въ 444 году договора съ Ардеей при содѣйствіи именно цензоровъ.

Первые цензоры, L. Papirius Mugillanus и L. Sempronius Atratinus приступили къ производству ценза только въ 443 году¹⁷⁴⁾. Но самый вопросъ о цензурѣ долженъ былъ быть предрѣшенъ еще въ предшествующемъ 444 году въ связи съ введеніемъ консулярнаго трибуната. Также и выборы цензоровъ для предстоящаго пятилѣтія, по обычаю магистратскихъ выборовъ вообще, должны были состояться заблаговременно еще въ теченіе 444 года. И вотъ, когда дѣло коснулось заключенія договора съ Ардеей (*foedus Ardeatinum*)¹⁷⁵⁾, то естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ о томъ, кому поручить это дѣло, консулярнымъ трибунамъ или цензорамъ, такъ какъ тѣ и другіе одинаково являлись преемниками прежней нераздѣльной консульской власти. Если же въ этомъ случаѣ отдано было предпочтеніе цензорамъ¹⁷⁶⁾,

¹⁷⁴⁾ Liv. 4, 8, 1: hic annus censurae initium fuit.

¹⁷⁵⁾ Liv. 4, 7, 10.

¹⁷⁶⁾ Schwegler, III, 120.

то это могло основываться на томъ, что въ дѣлѣ ардеатовъ замѣшанъ былъ и вопросъ о принятіи во владѣніе римлянъ предоставленной имъ въ Ардеѣ земли; съ другой стороны консулярные трибуны, въ качествѣ военныхъ властей, могли быть устранены отъ этого дѣла, такъ какъ эта земля досталась римлянамъ не по праву войны. Въ текстѣ договора съ ардеатами, по свидѣтельству Лицінія Макра ¹⁷⁷⁾, и значились имена Папірія и Семпронія, приступившихъ въ слѣдующемъ 443 году къ производству ценза, въ то время какъ заключеніе договора въ лѣтописи стояло подъ 444 годомъ. Въ ближайше слѣдующія времена подобнаго дѣла болѣе не возникало и не представлялось, слѣдовательно, случая слѣдовать прецеденту 444 года, являвшемуся такимъ образомъ единичнымъ исключеніемъ. А такъ какъ въ послѣдующія времена республики заключеніе договоровъ входило въ компетенцію консуловъ или равныхъ имъ магистратовъ, то анналисты, найдя въ договорѣ 444 года имена Папірія и Семпронія, не могли представить себѣ ихъ иначе, какъ только въ званіи консуловъ. А для того, чтобы облечь ихъ этимъ званіемъ, анналистамъ пришлось предположить, что это были *consules suffecti*, избранные на мѣсто консулярныхъ трибуновъ 444 года; въ свою очередь этихъ послѣднихъ пришлось принудить къ *abdicatio* ¹⁷⁸⁾ по испытанному въ позднѣйшее время образцу путемъ признанія ихъ за *vitio creati* (Liv. 4, 7, 3). Такая поправка въ консульскіе фасты 444 года внесена была только позднѣйшими анналистами ¹⁷⁹⁾, въ то время какъ старые анналисты ничего еще не знали о консульствѣ Папірія и Семпронія въ 444 году ¹⁸⁰⁾.

Консульство Папірія и Семпронія 444 года отвергаетъ и Мом-

¹⁷⁷⁾ Liv. 4, 7, 12.

¹⁷⁸⁾ По Ливію (4, 7, 3) эта *abdicatio* произошла *tertio mense*. День (11, 62) знаетъ въ точности, что это было на 73-й день по вступленіи ихъ въ должность.— Новые выборы совершилъ *interrex* T. Quinctius Barbatus (Liv. 4, 7, 10). Если это извѣстіе почеркнуто изъ подлинной лѣтописи, то дѣло могло касаться только выборовъ для слѣдующаго года.

¹⁷⁹⁾ Консульство Папірія было извѣстно уже Цицерону (fam. 9, 21, 2). Данное письмо помѣщается между письмами, написанными въ 46 году; анналистъ Лиціній Макръ умеръ въ 66 году.

¹⁸⁰⁾ Liv. 4, 7, 10: *neque in annalibus priscis neque in libris magistratum inveniuntur*. Согласно съ этимъ и Ливіи (4, 30, 12) не называется потомъ Папірія *consul iterum*.—Если же эти консулы значились въ *libri lintei* (Liv. 4, 7, 12), то это только свидѣствуетъ о позднѣйшемъ происхожденіи этого списка магистратовъ.

мзень ¹⁸¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаетъ онъ и ихъ цензуру 443 года, полагая, что цензура вообще учреждена была только въ 435 году. При этомъ Моммзенъ указываетъ на то, что только тогда именно и сооружена была на Марсовомъ полѣ *villa publica*, въ которой производился цензъ ¹⁸²⁾, и что въ слѣдующемъ 434 году изданъ былъ законъ Эмилиа о 1½ годовомъ срокѣ цензуры. Однако ссылка на постройку новой *villa publica* совсѣмъ не убѣдительна, такъ какъ вѣдь и до 435 года производился же цензъ, если не въ этомъ помѣщеніи, такъ въ другомъ, все равно, производили ли тогда цензъ еще, по старому, консулы, или, уже по новому, отдѣльные цензоры. А что касается закона о срокѣ цензуры, то болѣе естественно было бы ожидать изданія такого закона въ томъ году, къ которому Моммзенъ приурочиваетъ учрежденіе цензуры, если только придавать ему значеніе учредительнаго закона. Если же это былъ дополнительный законъ, вызванный какими-либо случайными обстоятельствами, то опять было бы странно, что для этого дополненія потребовалось изданіе формальнаго закона, въ то время какъ самое учрежденіе цензуры обошлось безъ участія комицій. По крайней мѣрѣ, комиціальныи законъ, которымъ была учреждена цензура, не упоминается ни подъ 435 годомъ, къ которому Моммзенъ относитъ начало цензуры, ни подъ 443 годомъ, къ которому оно приурочено у Ливія.

Въ начальныя времена республики законодательная дѣятельность комицій врядъ ли была очень обширна, тѣмъ болѣе что еще въ теченіе IV столѣтія, до 339 года, по отношенію ко всякимъ законамъ, принятымъ въ комиціяхъ, окончательное рѣшеніе о признаніи ихъ дѣйствительными находилось во власти сената. Вообще въ старое время центр тяжести по управленію государствомъ находился въ сенатѣ. Учрежденіе цензуры прямо приписывается сенату ¹⁸³⁾. Подобнымъ образомъ курульное эдилство учреждено было сенатскимъ рѣшеніемъ ¹⁸⁴⁾. Также и введеніе консульнаго трибуната въ 444 году и диктатура въ 438 — 7 году не потребовала изданія комиціального закона ¹⁸⁵⁾. Поэтому самъ по себѣ подозрительнъ законъ дикта-

¹⁸¹⁾ *Mommsen, Chronol.* 1 изд. 88 сл.; 2 изд. 95 сл.

¹⁸²⁾ *Liv.* 4, 22, 7.

¹⁸³⁾ *Lix.* 4, 8, 4: *mentio inlata est ad senatum*; § 5 *partes laeti accipere*.

¹⁸⁴⁾ *Liv.* 6, 42, 14: *factum senatus consultum, ut duoviros aediles ex patribus dictator populum rogaret*.

¹⁸⁵⁾ Правда, Ливій (2, 18, 6) ссылается на *lex de dictatore creando lata*; однако приводимая имъ тутъ же частность (*consulares*) ложна и по существу дѣла.

тора Эмилия, которымъ будто бы вводился 1½ годовою срокъ цензуры.

Еще болѣе подозрительны указываемые Ливіемъ мотивы, руководившіе диктаторомъ при изданіи этого закона. По Ливію, Эмилию съ одной стороны не хотѣлъ, чтобы его диктатура прошла въ полной бездѣятельности, а съ другой стороны онъ желалъ оказать услугу свободѣ римскаго народа ¹⁸⁶⁾. Однако компетенція всякаго диктатора напередъ опредѣлялась рѣшеніемъ сената; а Эмилию былъ назначенъ для военныхъ дѣйствій противъ веевтянъ; стало быть, обращеніе къ другому дѣлу, противъ воли сената, являлось бы актомъ узурпаціи. Въ частности, если бы диктаторъ вздумалъ провести новый законъ черезъ комиціи, то утвержденіе этого закона все равно зависѣло отъ сената, безъ санкціи котораго никакой законъ, хотя и принятый комиціями, по старымъ порядкамъ, до 339 года, не имѣлъ силы. Слѣдовательно, диктаторъ Эмилию потрудился бы совершенно напрасно на пользу свободы римскаго народа.

Но особенно подозрительно именно это свободолюбіе диктатора. Эта черта характера Эмилия ставитъ его на одну линію съ свободомыслящимъ Маніемъ Валеріемъ во время первой *secessio plebis* ¹⁸⁷⁾ и съ Цинциннатомъ, подавившимъ тиранническіе замыслы Мэлія ¹⁸⁸⁾. Все это слишкомъ отзывается тенденціозностью анналистовъ конца республики, постаравшихся тираннической диктатурѣ Суллы и Цезаря противопоставить свободолюбивыхъ диктаторовъ стараго времени. Законъ диктатора Эмилия, обязанный своимъ существованіемъ его свободомыслию ¹⁸⁹⁾, представляется явной фикціей, разукрасившей съ тенденціозной цѣлью сухія и разрозненныя замѣтки подлинной лѣтописи, сообщавшія о томъ, что назначенному противъ веевтянъ диктатору Эмилию не пришлось на этотъ разъ воевать, и что въ томъ же году срокъ цензуры подвергся сокращенію. Свободомысліе Эмилия и основанный на этомъ свободомысліи законъ Эмилия выдуманы, повидимому, Личиніемъ Макромъ, противникомъ Суллы и оптиматовъ.

¹⁸⁶⁾ Liv. 4, 24, 3: ne nequiquam creatus esset; § 4: ne libertati populi Romani consulturum.

¹⁸⁷⁾ Liv. 2, 31, 8 сл.

¹⁸⁸⁾ См. гл. 3.

¹⁸⁹⁾ Подобной тенденціи обязаны своимъ существованіемъ консулы 500 года *Ser. Sulpicius M'. Tullius*, легальный образъ дѣйствій которыхъ является нагляднымъ противовѣсомъ поступкамъ М. Туллія Цицерона во время подавленія смуты Катилины (Dion. 5, 53 сл.).

Диктаторъ 434 года былъ такой же военный магистратъ, какъ и предшествующіе диктаторы 437 и 435 годовъ и какъ и всѣ послѣдующіе диктаторы вплоть до времени Лициніевыхъ законовъ: 431 года (противъ эквовъ) ¹⁸⁰⁾, 426 (противъ вееянъ), 418 (противъ эквовъ), 408 (противъ вольсковъ) ¹⁸¹⁾, 396 (противъ вееянъ) ¹⁸²⁾, 390 (Камиллъ противъ галловъ), 389 (Камиллъ противъ разныхъ сосѣдей) ¹⁸³⁾, 385 (А. Корнелій Коссъ противъ вольсковъ и латиновъ съ геринками) ¹⁸⁴⁾, 380 (противъ Пренеста) ¹⁸⁵⁾.

За исключеніемъ Корнелія Косса 385 года, всѣ прочіе диктаторы изображаются въ видѣ исключительно военныхъ магистратовъ. Правда, по Ливію, также Камиллу въ 390 году, послѣ отраженія галловъ, было предложено сенатомъ не слагать званія диктатора до выясненія внутренняго состоянія республики ¹⁸⁶⁾, вслѣдствіе чего онъ и остался будто бы до конца магистратскаго года ¹⁸⁷⁾. Однако вся дѣятельность Камилла въ области *domi* сводится къ возбужденію ряда сенатскихъ постановленій по преимуществу сакрального содержанія (возстановленіе пострадавшихъ храмовъ, заключеніе официального гостепріимства съ церитянами, постройка святилища Аія Локуція, учрежденіе капитолийскихъ игръ, сокровищница Юпитера Капитолийскаго) и произнесенію Камилломъ въ народной *contio* рѣчи противъ переселенія въ Вей. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не имѣется ни малѣйшаго намека на какія-либо принудительныя дѣйствія или, по крайней мѣрѣ, угрозу со стороны диктатора. Все это онъ могъ сдѣлать и просто въ качествѣ вліятельнаго члена сената и авторитетнаго гражданина. Притомъ рѣчь Камилла по вопросу о переселеніи въ Вей (который въ этой формѣ врядъ ли даже возникалъ, такъ какъ свѣдѣнія о погромѣ Рима, несомнѣнно, преувеличены) является очевидно, украшающимъ элементомъ разсказа, центръ тяжести котораго заключается въ анекдотѣ о знаменосцѣ. А многія мѣропріятія, рѣшенные

¹⁸⁰⁾ По Діодору (12, 64), это была первая война римлянъ съ эквами (войны 459—7 и 449 годовъ онъ игнорируетъ); затѣмъ у него слѣдуетъ война 418 года (Diod. 13, 6. Liv. 4, 46, 5 сл.), 414 (Diod. 13, 12. Liv. 4, 49, 7 сл.). 394 (Diod. 14, 98. Liv. 5, 28, 6) и 389.

¹⁸¹⁾ Liv. 4, 57, 6. Diod. 14, 11.

¹⁸²⁾ Liv. 5, 19 (abdicatio сейчасъ по возвращеніи 5, 29, 7). Diod. 14, 93.

¹⁸³⁾ Liv. 6, 2, 6 сл.

¹⁸⁴⁾ Діодоръ (15, 35) упоминаетъ только о дѣлѣ Манлія и упускаетъ о войнѣ.

¹⁸⁵⁾ Liv. 6, 28, 3. Diod. 15, 47.

¹⁸⁶⁾ Liv. 5, 49, 8: *ne rem publicam in incerto statu relinqueret.*

¹⁸⁷⁾ Liv. 6, 1, 4.

сенатомъ будто бы по настоянію Камилла, явно примѣшаны къ разсказу о нашествіи галловъ лишь искусственно. Самый фактъ принятія церитянами римскихъ жрецовъ свидѣтельствуеъ, что союзъ гостопріимства съ церитянами существовалъ уже раньше нашествия галловъ. *Ludi Capitolini*, равно какъ и существовавшая для этой цѣли коллегія, вполнѣ однородна съ обычными и въ другихъ частяхъ города *ludi compitales* и существовавшихъ для ихъ устройства коллегій ¹⁹⁸). Легенда объ Аіи Локуціи представляетъ собою характерное предсказаніе *ex eventu*: не потому святилище было построено, что Аіи Локуціи предсказалъ здѣсь прибытіе галловъ, а, наоборотъ, создавалась легенда, потому что существовало въ данномъ мѣстѣ такое святилище ¹⁹⁹). Что же касается сокровищницы Юпитера Капитолійскаго, то для оцѣнки этого извѣстія достаточно указать на всю связь съ легендой о галльскомъ золотѣ ²⁰⁰). Вообще вся дѣятельность Камилла въ области *domi* сводится въ сущности къ нулю: также въ разсказѣ о нашествіи галловъ Камиллъ является въ сущности такимъ же исключительно военнымъ диктаторомъ, какъ и во время завоеванія Вей ²⁰¹).

Болѣе существенно то, что сообщается о диктаторѣ 385 года, А. Корнелии Коссѣ ²⁰²). Онъ былъ назначенъ специально для войны съ вольсками и ихъ союзниками, но тѣмъ не менѣе Ливій (6, 11, 10) мотивируетъ уже самое назначеніе диктатора ссылкой на нова *consilia Manlii*. Окончивъ войну, Коссъ оставался въ лагерьѣ вслѣдствіе подозрительнаго поведенія Цирцей и Велитръ. Но въ виду агитаціи

¹⁹⁸) Диалогистъ Пизонъ приписываетъ учрежденіе капитолійскихъ игръ еще Ромулу (*Peter*, *Hist. Rom. tell. fr.* 7), и обычаи, которыми сопровождалось это народное празднество, вполнѣ подтверждаютъ древность его происхожденія, равно какъ и отсутствіе связи съ нашествіемъ галловъ (*Wissowa*, *Religion und Kultus d. Römer*, 112 и 382, прим. 6).

¹⁹⁹) Притомъ, судя по типу его наименованія, *Aius Escutius* означалъ божество, заведывавшее рѣчью дѣтей, подобнымъ образомъ какъ *Rumina* (*ficus Ruminalis* на коміціи) заведывала кормленіемъ грудныхъ дѣтей. Имя Цедіція означаетъ, быть можетъ, стронгеля этого святилища.

²⁰⁰) Ср. *Ihne*, *Röm. Gesch.* I^a, 256 сл.

²⁰¹) Событія обѣихъ первыхъ диктатуръ Камилла, войскою и галльской, заслонены густымъ наслоеніемъ разныхъ легендъ. Даже самая подлинность диктатуры 398 года подлежитъ сомнѣнію (*Monissen*, *R. F.* II, 321. *Ihne*, I^a, 255), между прочимъ потому что Діодоръ (14, 93) о ней умалчиваетъ (Ср. *Edl. Schwartz* у *Pauly-Wissowa*, *K. E. z. v. Diodoros*, V, 695). Рѣшеніе вопроса въ значительной степени зависитъ отъ того, на которой сторонѣ Тибра произошла битва съ галлами, называемая битвой при Алліи.

²⁰²) *Liv.* 6, 11 сл.

Манлій диктаторъ былъ вызванъ изъ лагеря въ городъ; здѣсь на комиціи, въ присутствіи сената, онъ произвелъ судъ надъ Манліемъ (6, 15) и только уже послѣ этого отпраздновалъ триумфъ надъ вольсками (6, 16, 5). Такимъ образомъ диктаторъ появляется здѣсь впервые въ роли пугала противъ внутренняго врага. Однако пріобщеніе дѣла Манлія къ диктатурѣ Косса представляется уже по одному тому крайне подозрительнымъ, что Коссъ празднуетъ свой триумфъ только послѣ того, какъ побывалъ въ городѣ, функционируя здѣсь въ качествѣ судьи на основаніи тѣхъ же диктаторскихъ полномочій. Такое теченіе дѣлъ противорѣчитъ всѣмъ правиламъ о военномъ имперіи римскихъ полководцевъ, имѣвшимъ силу только за предѣлами городского помарія и превращавшемся по переходѣ черезъ эту черту. Также и помимо этого, принятая Ливіемъ редакція разсказа о дѣлѣ Манлія вообще представляется мало достовѣрною ²⁰³).

По Ливію (6, 16, 4), въ 385 году, на основаніи приговора диктатора Косса, Манлій былъ заключенъ въ тюрьму; но въ слѣдующемъ 384 году дѣло Манлія началось снова, и Манлій былъ тогда казненъ. Такой двойной приступъ къ одному и тому же дѣлу крайне подозрителенъ, тѣмъ болѣе что Діодоръ (15, 35) сообщаетъ о смерти Манлія еще подъ 385 годомъ ²⁰⁴). Далѣе, по главной версіи Ливія, казнь Манлія совершена была народными трибунами путемъ сверженія съ Тарпейской скалы ²⁰⁵); по другой версіи, указанной самимъ Ливіемъ, судъ надъ Манліемъ производили II viri perduellionis ²⁰⁶), въ связи съ чѣмъ находится и извѣстіе, что Манлій подвергнутъ былъ избіенію до смерти ликторскими розгами ²⁰⁷). Существованіе двойкой версіи о формѣ суда и о способѣ казни доказываетъ, что на этотъ счетъ не имѣлось опредѣленнаго преданія и что то и другое является лишь

²⁰³) Mommsen, Röm. Forsch. II, 179 сл.—Изъ частности, пристегнутыхъ къ дѣлу Манлія, наиболѣе странно запрещеніе патриціямъ жить на Кампидіи.

²⁰⁴) Само по себѣ это обстоятельство, правда, не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ Діодоръ резюмируетъ событія нѣсколькихъ лѣтъ подъ однимъ какимъ-нибудь годомъ (начальнымъ или конечнымъ). Однако вполнѣ правдоподобно предположеніе, что дѣло Манлія преднамѣренно растянута анналистами и на 384 годъ, для того чтобы сопоставить такимъ образомъ обонъ героевъ того времени, Манлія и Камилла, изъ которыхъ послѣдній въ 384 году былъ консулярнымъ трибуномъ.

²⁰⁵) Эту версію принималъ и Варронъ (Gell. 17, 21, 28).

²⁰⁶) Liv. 6, 20: sunt qui per II viros, qui de perduellione anquirent creatos, auctores sint damnatum.

²⁰⁷) Gell. 17, 21, 24: ut Cornelius scriptum reliquit, verberando necatus est.

результатомъ вольныхъ комбинацій. Мало того, даже и производство формальнаго суда и формальной казни, въ томъ или другомъ видѣ, подлежитъ сильному сомнѣнію. Діодоръ (15, 35) резюмируетъ найденныя имъ въ своемъ источникѣ (Кассій Геминя) данныя о дѣлѣ Манліяхъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: ἐν τῇ Ῥώμῃ Μάρκος Μάνλιος ἐπιβαλόμενος τυραννίδι καὶ κρατηθεὶς ἀντιείθη, „Манліи хотѣлъ захватить тираническую власть, но его одолѣли и убили“. Выраженіе κρατηθεὶς (осиленный, побѣжденный) исключаетъ мысль о правильномъ судѣ, а указываетъ, напротивъ, на употребленіе силы противъ силы. Иными словами, въ источникѣ Діодора дѣло Манлія представлялось въ видѣ мятежа, при подавленіи котораго (κρατηθεὶς) и погибъ (ἀντιείθη) виновникъ этого мятежа. Такое воззрѣніе, правда уже въ фантастически разукрашенной формѣ, проводилось и у Діона ²⁰⁸); слѣды этого воззрѣнія имѣются даже у самого Ливія, который, излагая дѣло Манлія въ видѣ простой агитациі, все-таки употребляетъ выраженіе *seditio* ²⁰⁹). А что дѣйствія Манлія представляли собою нѣчто большее, чѣмъ простая агитациія, видно также изъ извѣстія о томъ, что патриціанскій родъ Манліевъ съ тѣхъ поръ отказался употребить имя *Marcus* ²¹⁰). Изъ этого же свидѣтельства видно далѣе, что затѣя Манлія была направлена противъ патриціевъ и что онъ дѣйствительно могъ опираться при этомъ только на плебеевъ, какъ это изображено и у Ливія ²¹¹). Подлинная лѣтонисъ врядъ ли заключала въ себѣ на много больше матеріала о дѣлѣ Манлія противъ того, что даетъ Діодоръ, какъ доказываетъ наличие самыхъ разнообразныхъ вариаций разсказа. Къ числу позднѣйшихъ разукрашеній принадлежитъ и судъ

²⁰⁸) Zonar. 7, 24.—*Mommsen*, Röm. Forsch. II, 189.

²⁰⁹) Liv. 6, 18, 1: *Manliana seditio*.

²¹⁰) Cic. Phil. 1, 13, 32: *propter Manlii scelus decreto gentis Manliae nomen patricium Manlium Marcum vocari licet*.

²¹¹) Тогдашнія возжеланія плебеевъ вскорѣ послѣ этого воплотились въ формѣ законопроектвъ Лицинія, касавшихся 1) облегченія задолженности, 2) урегулированія права на владѣніе общественной землей и 3) политическихъ правъ плебеевъ. Въ разсказѣ о Манліи Ливій выхватываетъ только первый пунктъ: вся агитациія Манлія вращается вокругъ задолженности бѣднаго класса, будучи направлена къ облегченію должниковъ путемъ отсрочки платежей (6, 18, 4) и даже сокращенія долговыхъ обязательствъ (6, 11, 8). Въ этомъ, несомнѣнно, сказывается вліяніе демократическихъ тенденцій во времена Суллы (*Mommsen*, R. F. II, 195 сл.). Въ періодъ законодательства Лицинія дѣло могло касаться въ частности только арендаторовъ земельныхъ участковъ на оккупированномъ патриціями *ager publicus*.

надъ Манліемъ, а слѣдовательно, и основанное на этомъ дѣлѣ приобщеніе диктатора къ дѣламъ внутренней политики.

Итакъ, въ теченіе первыхъ 60 лѣтъ послѣ введенія диктатуры встрѣчаются исключительно только военные диктаторы, т. е. такіе, которые назначались для веденія войны (*dictator rei gerundae causa*, по терминологіи послѣдующаго времени). При этомъ, однако, въ двухъ случаяхъ, въ 434 и 385 годахъ (городской дѣятельности Камилла въ 390 году можно собственно и вовсе не принимать въ расчетъ), эти военные диктаторы приобщаются также и къ внутреннимъ дѣламъ. Но, во-первыхъ, внимательство обоихъ диктаторовъ въ городскія дѣла происходитъ только между прочимъ, въ добавокъ къ ихъ военнымъ функциямъ, для которыхъ они были предназначены; и, во-вторыхъ, оба эти случая внимательства диктаторской власти въ городскія дѣла представляются крайне сомнительными.

Совсѣмъ иное и даже совершенно противоположное значеніе диктатуры сказывается въ 368 и 367 годахъ. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ избраны были подрядъ три диктатора, и всѣ они являются вполне отчетливо городскими магистратами. Правда, по Ливію (6, 42, 4), въ 367 году Камиллъ получилъ свои диктаторскія полномочія сперва только ради войны съ галлами и, уже по окончаніи этой войны и послѣ своего триумфа, онъ сталъ заниматься и городскими дѣлами. Однако, по Полибію (2, 18), въ 367 году такой войны совсѣмъ не было: впервые послѣ погрома Рима галлы появились въ Лациіи снова только черезъ 30 лѣтъ, т. е. около 360 года, каковое нашествіе отмѣчено и Ливіемъ подъ 361, 360 и 358 годами. Притомъ и содержаніе разсказа о войнѣ 367 года было различно у различныхъ писателей. Анналистъ Клавдій Квадригарій приурочивалъ къ этому году легенду о Т. Манліи Торкватѣ, убишемъ въ единоборствѣ на мосту великана галла и получившемъ прозвище *Torquatus* отъ снятой съ него цѣпи (Liv. 6, 42, 5). Другіе анналисты (ib. § 6) относили эту легенду къ болѣе позднему времени ²¹², а для 367 года принимали битву диктатора Камилла въ албанской области. При такихъ обстоятельствахъ

²¹²) Ливій употребляетъ при этомъ выраженіе: *decem haud (aut?) minus post annos ea acta*, а самъ онъ даетъ разсказъ о Торкватѣ уже черезъ 7 лѣтъ, въ 361 году (7, 10). Изъ этого слѣдуетъ, что также и другіе анналисты не были между собою согласны въ опредѣленіи хронологіи подвига Торквата: одни сообщали это подъ 361 годомъ (ихъ примѣру послѣдовалъ Ливій), другіе же подъ 358 годомъ, т. е. 10 лѣтъ спустя послѣ даты Квадригарія (со включеніемъ, по римскому счету, обоихъ конечныхъ годовъ).

не можетъ быть сомнѣнiя въ томъ, что нашествiе галловъ въ 367 году придумано анналистами для того, чтобы послѣднюю (пятую) диктатуру старика Камилла на прощанiе еще разъ окружить ореоломъ побѣды надъ галлами. Да и обстоятельства времени таковы, что предпринятая тогда крупная реформа врядъ ли даже допускаютъ возможность, будто вниманiе республики въ это время было отвлечено въ сторону вслѣдствiе новаго нашествiя такого страшнаго врага, какимъ галлы оказывались при первомъ своемъ появленiи въ 390 году.

Свѣдѣнiя Ливiя о 368—7 годахъ, въ теченiе которыхъ рѣшалась судьба законопроектовъ, предложенныхъ народными трибунами Лицинемъ и Секстиемъ, крайне скудны и отрывочны, изъ чего слѣдуетъ, что анналистическая традицiя въ данномъ случаѣ близко примыкаетъ къ материалу подлинной лѣтописи. Дополнительное разукрашенiе безискусственныхъ замѣтокъ лѣтописи заключается, кромѣ вымышленной войны съ галлами, главнымъ образомъ въ рѣчахъ, вставленныхъ въ изложенiе событiй этихъ годовъ. А это изложенiе состоитъ въ сущности только изъ перечня результатовъ, да изъ магистратскихъ фактовъ со включенiемъ диктатуръ.

При этомъ обращаютъ на себя вниманiе прежде всего два обстоятельства. Во-первыхъ, въ теченiе обоихъ годовъ получается сплошное нахожденiе при власти диктаторовъ. И, во-вторыхъ, несмотря на то, что оба эти года въ должности состояли консулярные трибуны, эти послѣднiе совершенно уходятъ на второй планъ, а вмѣсто нихъ внутренними дѣлами республики руководствуютъ диктаторы, какъ будто и вовсе не было налицо консулярныхъ трибуновъ.

Сперва на должность диктатора въ 368 году назначенъ былъ М. Фурiй Камиллъ ²¹³⁾, но, по настоянiю народныхъ трибуновъ, онъ долженъ былъ сложить свои полномочiя. При этомъ, однако, немедленно (*extemplo*) на его мѣсто назначенъ былъ другой диктаторъ въ лицѣ П. Манлиа, который назначилъ себя въ помощники, въ званiи магистра всадниковъ, впервые представителя плебейскаго сословiя, Г. Лицинiя, родственника народнаго трибуна Лицинiя Столона ²¹⁴⁾. Въ этомъ же году, неизвѣстно при какомъ диктаторѣ, прошла реформа коллегii иностранныхъ культовъ, число членовъ которой было доведено до 10, такъ чтобы половина мѣстъ предоставлялась патри-

²¹³⁾ Liv. 6, 38, 4.

²¹⁴⁾ Liv. 6, 39, 3.

ціямъ, а другая плебеймъ ²¹⁶). Въ слѣдующемъ 367 году Камиллъ снова былъ назначенъ диктаторомъ ²¹⁶), и тогда съ согласія диктатора и сената (Liv 6, 42, 9: *dictator senatusque victus*) приняты были законы Лицинія и Секстія и произведены выборы новыхъ консуловъ, изъ которыхъ однимъ оказался самъ Секстій, первый консулъ изъ плебеевъ. При содѣйствіи диктатора (6, 42, 11: *per dictatorem*) состоялся компромиссъ, по которому патриціи согласились на уступку плебеймъ одного консульскаго мѣста, но съ тѣмъ чтобы изъ консулатъ выдѣлена была судебная претура, оставшаяся за патриціями ²¹⁷). Наконецъ, учреждены были новыя двѣ должности курульныхъ эдиловъ, которыя также предоставлены были патриціямъ. Выборы новыхъ эдиловъ произведены были подъ предсѣдательствомъ диктатора (6, 42, 14). Согласно съ этимъ можно полагать, что и выборы консуловъ и претора, наравнѣ съ проведеніемъ законопроектовъ Лицинія, состоялся также подъ предсѣдательствомъ того же диктатора, что, повидимому, и заключается въ контекстѣ самого Ливія (6, 42, 9: *dictator senatusque victus, ut rogationes acciperentur, et comitia consulum habita*).

Въ первомъ году были назначены два диктатора подрядъ. Это значитъ, что въ этомъ году, наряду съ консулярными трибунами, функционировали круглый годъ диктаторы, такъ какъ нормальный срокъ диктаторскихъ полномочій былъ полугодовой. Второй диктаторъ 368 года, П. Манлій, былъ назначенъ вслѣдъ затѣмъ, какъ Камиллъ оказался вынужденнымъ сложить свои диктаторскія полномочія. Причиной же его отказа являлась угроза народныхъ трибуновъ, скрѣпленная рѣшеніемъ плебса, о наложеніи на него значительнаго денежнаго штрафа, если онъ будетъ исполнять какія-либо диктаторскія функціи (6, 38, 9: *si M. Furius pro dictatore quid egisset*). Отсюда, съ одной стороны, видно, что, если потребовалось въ этомъ случаѣ особое рѣшеніе плебса, то народные трибуны тогда еще не пользовались общимъ правомъ на *intercessio* противъ диктатора. Но, съ другой стороны, самая угроза штрафомъ въ такое время, когда диктаторъ находился еще при власти, казалась нѣкоторымъ аналитамъ (6, 38, 9: *ut scripsere quidam*) столь странной, что они сочли нужнымъ найти для

²¹⁶) Liv. 6, 42, 2.

²¹⁸) Liv. 6, 42, 4.

²¹⁷) По Ливію выходитъ, будто компромиссъ состоялся послѣ того, какъ были произведены консульскія выборы, хотя тутъ же Ливій сообщаетъ, что выборы состоялись уже послѣ принятія законопроектовъ Лицинія. Это указываетъ, что въ такомъ беззастенчивомъ порядкѣ случайно значились и соответствующія замѣтки Ливіона.

что отказа другую причину, и эта причина и была найдена ими въ излюбленномъ въ позднѣйшее время *vitio creatus*. Въ пользу этого послѣдняго взгляда Ливій ссылается на немедленное избраніе другого диктатора, а также на то, что самъ Камиллъ въ слѣдующемъ же году былъ снова назначенъ диктаторомъ, безъ всякихъ препятствій со стороны народныхъ трибуновъ. Однако какъ разъ указанный Ливіемъ обстоятельства позволяютъ предположить тутъ нѣчто другое, вмѣсто принятаго нѣкоторыми анналистами *vitium*.

Народные трибуны не возставали противъ Камилла, когда онъ былъ назначенъ диктаторомъ снова въ 367 году, и не угрожали ему тогда штрафомъ, согласно рѣшенію плебса. Изъ этого слѣдуетъ, что и въ первый разъ причина ихъ протеста не заключалась въ личности Камилла, а въ чемъ-либо другомъ. Далѣе, они не протестовали и не угрожали штрафомъ, только что опредѣленнымъ по рѣшенію плебса, когда вслѣдъ за отказомъ Камилла на его мѣсто избранъ былъ другой диктаторъ. Стало быть, причина протеста противъ Камилла не заключалась и въ его диктаторскомъ званіи. Настоящая причина протеста плебса могла состоять въ томъ, что Камиллъ продолжалъ исполнять функціи диктаторской власти и по истеченіи полугодового срока его диктатуры; въ такомъ случаѣ получается надлежащій смыслъ и для выраженія Ливія: *pro dictatore*. Стало быть, протестъ былъ направленъ противъ превращенія диктатуры въ годичную магистратуру, параллельную съ консульнымъ трибунатомъ. Иными словами, дѣло касалось попытки патрициевъ реорганизовать высшую магистратскую власть по своему, въ противовѣсъ реорганизации, предложенной Лициніемъ и Секстіемъ. При этомъ патриціи соглашались уступить плебеямъ должность магистра всадниковъ, какъ это и сдѣлалъ преемникъ Камилла Манлій.

А что тогда дѣйствительно была попытка ввести диктатуру въ кругъ нормальныхъ и постоянныхъ магистратуръ, объ этомъ свидѣтельствуетъ фактически непрерывная наличность диктаторовъ въ теченіе обоихъ 368 и 367 годовъ. При этомъ, по крайней мѣрѣ, функціи диктатора 367 года совершенно аналогичны консульской компетенціи: совместно съ сенатомъ диктаторъ рѣшаетъ судьбу законопроектовъ (6, 42, 9); при его участіи устраивается компромиссъ о реорганизации высшей магистратуры (§ 11); онъ же предсѣдательствуетъ и въ избирательныхъ комиціяхъ (§ 14). А такъ какъ въ 368 году не было никакихъ войнъ, то нужно полагать, что и диктаторы этого года уже напередъ были назначены не въ качествѣ специально военныхъ ма-

трибунатовъ, какъ это бывало до сихъ поръ, а получили ту же общую консульскую компетенцію, какъ и диктаторъ 367 года, дѣлавшую ихъ пригодными и для функций въ городѣ. Такое оформление диктаторскихъ полномочій, составлявшее крупное нововведеніе, соответствуетъ реформаторскому теченію тогдашней политической жизни, вызванному законопроектами Лицинія. Однако это нововведеніе не имѣло успѣха, но, безъ сомнѣнія, оно ускорило изысканіе другого способа переустройства высшей магистратуры примѣнительно къ проекту Лицинія и Секстія.

Отъ консульской власти диктатура 368—7 годовъ отличалась, какъ выше указано, тѣмъ, что на нее не распространялась трибунская *intercessio*. Напротивъ, право провокаціи, повидному, было уже признано по отношенію къ этимъ диктаторамъ, поскольку дѣло касалось ихъ функций въ городѣ. По крайней мѣрѣ, Ливій (6, 38, 8) сообщаетъ, что Камиллъ, желая сломить упорство плебеевъ, пригрозилъ имъ немедленно произвести наборъ и вывести ихъ на войну, а по Плутарху (Сам. 39) онъ будто бы даже осуществилъ эту свою угрозу. Если бы право провокаціи противъ диктатора не было дѣйствительнымъ въ городѣ, то ему незачѣмъ было грозить плебеямъ приведеніемъ ихъ на военное положеніе, такъ какъ это послѣднее нисколько не увеличивало диктаторской власти надъ личностью упорствующихъ плебеевъ, разъ онъ и въ городѣ обладалъ всѣми прерогативами военнаго диктатора. Можно поэтому полагать, что нововведеніе 368 года, заключавшееся въ приобщеніи диктатуры къ городскимъ дѣламъ, сопровождалось одновременно также распространеніемъ на городскую диктатуру закона 449 года: *ne quis ullum magistratum sine provocacione crearet*²¹⁰). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, если диктатуры 368—7 годовъ дѣйствительно представляли собою попытку реорганизаціи высшей магистратуры съ присвоеніемъ диктатурѣ общей компетенціи, аналогичной консульской власти.

Своеобразность диктатуръ 368—7 годовъ нашла себѣ выраженіе и въ капитолійскихъ фастахъ тѣмъ, что диктаторъ Манлій, единственный между всѣми диктаторами, въ этихъ фастахъ названъ *dictator seditionis sedandae et rei gerundae causa*. Правда, авторитетъ капитолійскихъ фастовъ въ общемъ стоитъ не выше авторитета позднѣйшихъ анналистовъ. Но, во всякомъ случаѣ, видно, что составители этихъ фастовъ, слѣдуя, конечно, анналистическимъ даннымъ, представляли себѣ ком-

²¹⁰) Liv. 3. 55, 5.

петенцію диктатора Манлиа всеобщю, подобно консульской компетенціи, простиравшеюся какъ на городскія, такъ и на военныя дѣла. Такой же взглядъ проводится у Ливія и на диктатуры Камилла, который, хотя и дѣйствуетъ въ городѣ, въ то же время грозитъ приступить къ производству набора. Но, впрочемъ, выраженія, употребленныя въ канитолійскихъ уставахъ, не могутъ быть признаны почерпнутыми изъ подлинной лѣтописи.оборотъ *rei gerundae causa* могъ составиться лишь впоследствии, когда, наряду съ военной диктатурой, появились другія спеціальныя диктатуры. А оборотъ *seditionis sedandae* въ сущности даже не вѣренъ, такъ какъ настоящей *seditio* тогда вовсе и не было, а была лишь интенсивная политическая борьба съ взаимными угрозами репрессіей. Въ данномъ оборотѣ отражаются уже воззрѣнія на диктатуру, существовавшія въ концѣ республики.

Диктатура 368—7 годовъ представляетъ собою одинъ изъ эпизодовъ въ длинномъ рядѣ попытокъ къ переустройству высшей магистратуры, пока, наконецъ, въ 367 году не была найдена окончательная формула. Ближе всего соприкасается эта диктатура съ децемвиратомъ. Въ обоихъ случаяхъ заключается усиленіе высшей магистратуры; въ обоихъ случаяхъ замѣчается склонность патриціевъ подѣлиться съ плебеями, но съ ущербомъ для народнаго трибуната. Обѣ попытки кончились одинаково. Въ обоихъ случаяхъ возстановленъ былъ прежній порядокъ, при которомъ возможна было трибунская *intercessio*, и въ обоихъ случаяхъ высшая магистратура подверглась реформѣ путемъ раздѣленія ея компетенціи съ частичнымъ допущеніемъ плебеевъ ²¹⁹).

Послѣ реформъ высшей магистратуры, принятыхъ въ 367 году, диктатура возвращена была въ прежнее состояніе спеціально военной магистратуры. Однако примѣръ примѣненія диктатуры къ городскимъ дѣламъ не прошелъ безслѣдно. Съ этого времени начинаютъ появляться случаи городскихъ диктатуръ, но съ такой же опредѣленной компетенціей, какъ и военная диктатура, такъ что диктатору поручалось однако какое-либо, узко ограниченное, дѣло, очень часто даже крайне малозначущее. Независимо отъ такого ограниченія компетенціи, городскія диктатуры этого времени по прецеденту, данному въ 368—7 годахъ, подвергались уже праву провокаціи, а вскорѣ на нихъ было распространено и право трибунской *intercessio*.

²¹⁹) Аналогія обоихъ періодовъ обнаруживается и въ томъ, что къ политическимъ дѣламъ тамъ и здѣсь примѣняется женщина: тамъ Виргинія, здѣсь жена Лицинія (Liv. 6, 31, 5 сл.).

Первый примѣръ такой специальной диктатуры въ примѣненіи къ городскимъ дѣламъ имѣлъ мѣсто въ 368 году ²²⁰). Тогда произошло необыкновенный разливъ рѣки, прервавшій игры въ циркѣ, а въ этомъ былъ усмотрѣнъ признакъ гнѣва боговъ. И вотъ по этому поводу старики вспомнили, что было пропущено время, когда слѣдовало совершить обрядъ вбиванія гвоздя въ наружную стѣну Капитолійскаго храма. Богобоязненные римляне рѣшили загладить этотъ свой грѣхъ. Но тутъ возникъ вопросъ, кому совершить обрядъ. Старинная надпись (*lex vetusta priscis litteris verbisque scripta*), помѣщавшаяся на сторонѣ храма, очевидно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вбивали гвоздь, гласила: *ut qui praetor maximus sit idibus Septembribus clavum pangat*. Въ 368 году находились въ должности два *praetores consules* и одинъ *praetor urbanus*. Но не имъ было поручено совершеніе обряда, а во избѣжаніе ошибки рѣшено было назначить для этого случая особаго диктатора, такъ какъ званіе диктатора было признано наиболее подходящимъ къ указанному въ надписи понятію *praetor maximus*, т. е. наивысшій военный магистратъ ²²¹). Такимъ образомъ диктаторъ 368 года, назначенный для совершенія обряда вбиванія гвоздя, формально являлся на положеніи военного диктатора, и таковымъ признавалъ себя и самъ Манлій ²²²). Но когда онъ захотѣлъ использовать свои военные полномочія, собирався произвести наборъ для войны съ гериниками, то народные трибуны заявили протестъ и Манлій долженъ былъ отказаться отъ своихъ воинственныхъ замысловъ. Какъ въ 368 году, такъ и въ данномъ случаѣ трибунская *intercessio* касалась пока еще не дѣйствій диктатора въ предѣлахъ даннаго ему порученія, а основывалась лишь на формальныхъ условіяхъ: въ 368 году, потому что прошелъ полугодовой срокъ, а въ 363 году, потому что диктаторъ собирався выйти изъ предѣловъ даннаго ему частнаго порученія. Но въ результатѣ получилось, что съ тѣхъ поръ городскіе диктаторы,

²²⁰) Liv. 7, 3.

²²¹) По свидѣтельству Ливія (7, 3, 8), правильность котораго явствуетъ и изъ изложенія дѣла 368 года, въ прежнее время обряда вбиванія гвоздя исполнялся консулами. Примѣненіе выраженія надписи къ консулату было вполнѣ уместно, пока эта высшая магистратура состояла изъ двухъ неравноцѣнныхъ коллегъ. Когда же въ 367 году признанъ былъ принципъ равноцѣпности обоимъ *praetores consules*, то для примѣненія выраженія *praetor maximus* пришлось изыскать какой-либо подходящій выходъ, который и былъ найденъ въ отождествленіи этого терміна съ диктатурой. Ср. вми. 231.

²²²) Liv. 7, 3, 9: *perinde ac rei gerendae ac non solvendae religionis gratia creatus esset*.

назначавшіеся для какого-либо опредѣленнаго дѣла, фактически лишались своихъ военныхъ полномочій. Наряду съ собственно военной диктатурой установился такимъ образомъ гражданскій типъ диктатуры.

Сообщая о назначеніи диктатора Манлія для совершенія обряда вбиванія гвоздя, Ливій указываетъ, что это произошло ради отвращенія гнѣва боговъ ²²³⁾, и при этомъ ссылается на какой-то прецедентъ, когда, благодаря этой церемоніи, также совершенной диктаторомъ, наступило прекращеніе моровой язвы (*pestilentiam quondam clavo ab dictatore fixo sedatam*). Однако изъ изложенія Ливія ясно видно, что гнѣвъ боговъ въ этомъ дѣлѣ является только случайнымъ обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ лишь поддержанію обычая, который самъ по себѣ имѣлъ другое значеніе. Вбиваніе гвоздя было приурочено къ 13-му сентября (*Liv. 7, 3, 5: idibus Septembribus*). А такъ какъ этотъ день является годовщиной освященія храма капитолійскаго Юпитера ²²⁴⁾, въ стѣну котораго вбивался обрядовой гвоздь, то изъ этого слѣдуетъ, что этотъ обрядъ находился въ какой-либо связи съ капитолійскою эрой (*post aedem Capitolinam dedicatam*). Объ этомъ свидѣлствуетъ и Ливій, заявляя, что первый гвоздь былъ вбитъ консуломъ Гораціемъ по освященіи храма ²²⁵⁾ и что вбиваніе гвоздя служило цѣлямъ лѣтосчисленія ²²⁶⁾, съ каковою цѣлью этотъ обрядъ совершался еще и въ позднѣйшія времена въ этрусскомъ городѣ Volturni ²²⁷⁾. Относительно Вользиній Ливій ссылается на свидѣтельство аналлиста Цицилія Алімента. Повидимому, къ этому же источнику восходитъ и утвержденіе Верріа Флакка у Феста, что вбиваніе гвоздя происходило ежегодно ²²⁸⁾, такъ какъ онъ не указываетъ специально на Капитолійскій храмъ, а говоритъ лишь вообще объ *aedes sacrae*.

Свѣдѣнія объ обычаѣ вбиванія гвоздя въ стѣну Капитолійскаго храма прямо говорятъ противъ ежегоднаго повторенія этого обряда. Уже случай 363 года доказываетъ, что прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ былъ совершенъ этотъ обрядъ въ послѣдній разъ передъ

²²³⁾ Liv. 7, 3, 4: *religione adductus*; § 9: *solvendae religionis gratia*.

²²⁴⁾ Plut. Poplic. 14.

²²⁵⁾ Liv. 7, 3, 8: *Horatius consul ea lege templum Jovis optimi maximi dedicavit anno post reges exactos*.

²²⁶⁾ Ibid. § 6: *eum clavum, quia rarae per ea tempora litterae erant, notam numeri annorum fuisse ferunt*.

²²⁷⁾ Ibid. § 7.

²²⁸⁾ Fest. p. 55: *clavus annalis appellabatur, qui figebatur in parietibus sacrarum aedium per annos singulos, ut per eos numerus colligeretur annorum*.

тѣмъ ²²⁹⁾: о немъ вспомнили только вслѣдствіе наводненія, свидѣтельствовавшего о неудовольствіи боговъ. А слѣдующій затѣмъ случай относится уже къ 331 году. Ясно поэтому, что былъ неправъ Нибуръ, принимавшій и для Рима ежегодное повтореніе церемоніи. Неправъ былъ также и Моммзенъ ²³⁰⁾, пытавшійся связать эту церемонію съ позднѣйшимъ празднованіемъ столѣтнихъ саесула. Ссылаясь на показанную у Ливія моровую язву, Моммзенъ полагалъ, что обрядъ вбиванія гвоздя установленъ былъ ровно 100 лѣтъ тому назадъ, въ 463 году, по обѣту, вызванному повальной болѣзью. Въ такомъ случаѣ на первомъ планѣ стояла бы religio, а отношеніе обряда къ лѣтосчисленію являлось бы только случайнымъ придаткомъ. Однако не говоря даже о томъ, какимъ это образомъ римляне могли додуматься до вбиванія гвоздя, какъ цѣлительнаго средства противъ народнаго бѣдствія, было бы очень странно, если бы лѣтопись понтификовъ, сохранившая извѣстіе о моровой язвѣ, умолчала объ открытіи такого чудодѣйственнаго средства для предотвращенія немилости боговъ. Притомъ, по Ливію, въ 363 году обрядъ былъ восстановленъ на основаніи воспоминаній стариковъ ²³¹⁾, изъ чего слѣдуетъ, что послѣдній случай передъ тѣмъ имѣлъ мѣсто уже при жизни этихъ стариковъ, а вовсе не 100 лѣтъ тому назадъ. А слѣдующій затѣмъ случай произошелъ въ 331 году.

Промежутокъ между 363 и 331 годами равняется 32, а со включеніемъ обоихъ крайнихъ годовъ, по римскому счету, 33 годамъ. Это обстоятельство въ связи съ *memoria seniorum* въ 363 году даетъ возможность приурочить возникновеніе обряда вбиванія гвоздя къ представленію о смѣнѣ поколѣній, считавшихся по три на столѣтіе, по 33 года на каждое поколѣніе. А такъ какъ церемонія происходила въ годовщину освященія Капитолійскаго храма, то и можно полагать, что эта церемонія и была введена въ связи съ постройкой храма Юпитера ²³²⁾, ради лѣтосчисленія, по этрусскому образцу, причемъ въ основаніе по-

²²⁹⁾ Liv. 7, 3, 9: *intermisso deinde more.*

²³⁰⁾ *Mommsen, Chronol.* 1 изд. 173; 2 изд. 176.

²³¹⁾ Liv. 7, 3, 9: *ex seniorum memoria.*

²³²⁾ Такъ какъ дата освященія Капитолійскаго храма относится еще ко времени царствованія послѣдняго Тарквинія (см. „Вопросы древняго Лация“, 334), то рядомъ съ двумя *praetores* римской общины, изъ которыхъ одинъ былъ главный (*maior*), существовали еще другіе, восторженныя, *praetores* (напр. начальники отрядовъ изъ другихъ латинскихъ городовъ). Примѣнительно къ двойственности римскихъ *praetores* ожидалась бы форма сравнительной степени вмѣсто превосходной (*praetor maximus*).

ложно было представлѣніе о смѣнѣ поколѣній по расчету средняго времени зрѣлаго возраста, какъ активнаго участника въ общественной жизни. Правда, промежутокъ времени между 508 и 363 годами не дѣлится на 33, все равно, будемъ ли исчислять время по естественнымъ 12-ти мѣсячнымъ годамъ или по этрусскому 10-ти мѣсячному счету годовъ; въ обоихъ случаяхъ для 363 года получается опозданіе, но меньшей мѣрѣ, лѣтъ на 10. Однако изъ разсказа Ливія о 363 годѣ и явствуетъ, что церемонія вбиванія гвоздя въ этомъ году была исполнена дѣйствительно съ значительнымъ опозданіемъ и только потому, что о ней вспомнили старики. А вспомнили старики заодно и о томъ, что тому случаю вбиванія гвоздя, который совершился на ихъ памяти, предшествовала *pestilentia*. По расчету, основанному на смѣнѣ поколѣній по 33 года, время третьяго поколѣнія, считая съ 508 года, оканчивалось въ 409 году; а въ предшествующемъ 410 году въ Римѣ дѣйствительно свирѣпствовала необыкновенная *pestilentia*²²²); въ послѣдующемъ же 408 году находился налицо диктаторъ, который, однако, былъ назначенъ противъ эввовъ. Эти три смежные факта, происшедшіе слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ, въ воспоминаніяхъ стариковъ сливались въ одно прагматическое цѣлое (*Liv. 7, 3, 3: repetitum ex seniorum memoria pestilentiam quondam clavo ab dictatore fixo sedatam*). Но отдѣльныя части этихъ воспоминаній подтверждаются данными лѣтописи, а потому можно признать достовернымъ, что въ послѣдній разъ передъ 363 годомъ обрядъ вбиванія гвоздя совершонъ былъ въ надлежащее время, въ 409 году, 99 лѣтъ спустя послѣ освященія Капитолійскаго храма.

Срокъ повторенія этого обряда черезъ каждые 33 года былъ, повидимому, извѣстенъ еще римскимъ археологамъ позднѣйшаго времени. По крайней мѣрѣ, Ливій (8, 18, 12) сообщаетъ по поводу совершенія обряда въ 331 году слѣдующее: *memoria ex annalibus repetita in secessionibus quondam plebis clavum ab dictatore fixum alienatasque discordia mentes hominum eo placulo compotes sui fecisse*. Любопытно, что обрядовой гвоздь является здѣсь цѣлительнымъ средствомъ не просто противъ эпидеміи, а также противъ гражданскихъ раздоровъ. Но это послѣднее представляетъ собою уже чисто искусственную комбинацію, найденную арифметическимъ путемъ. Дѣло въ томъ, что если отсчитать назадъ время четырехъ поколѣній (132 года), начиная съ 363 года (со включеніемъ этого исходнаго числа), то

²²²) Liv. 4. 52, 3.

получится какъ разъ дата первой *secessio plebis*, 494 годъ. При этомъ археологъ, сдѣлавшій это арифметическое вычисленіе, не принималъ во вниманіе указываемаго Ливіемъ запозданія обряда въ 363 году, но зато доказалъ, что ему было навѣстно правило о срокѣ повторенія этого обряда, основанномъ на счетѣ поколѣній.

Обрядъ вбиванія гвоздя повторенъ былъ въ 331 году уже послѣдній разъ, такъ какъ упоминаемый въ 313 году диктаторъ *clavi figendi causa* получилъ эту функцію только путемъ комбинаціи со стороны нѣкоторыхъ анналистовъ ²³⁴).

Переустройсто высшей магистратуры, представляемой съ 366 года двумя консулами и однимъ преторомъ, измѣнило положеніе дѣла. Тѣмъ не менѣе въ 362 году снова прибѣгли къ избранію военнаго диктатора. Военная исторія этого времени, когда, послѣ низверженія Вей, римская республика начала проводить объединительную политику въ Лациі, представляетъ немало затрудненій. Искаженія лѣтописнаго матеріала, допущенныя Ливіемъ и его предшественниками, въ иныхъ случаяхъ обнаруживаются сравнительно легко, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ. Главный недостатокъ Ливія въ описаніи событій IV столѣтія вплоть до самнитскихъ войнъ заключается въ отсутствіи надлежащей исторической перспективы: съ одной стороны сказывается сильно преувеличенное мнѣніе о тогдашнемъ могуществѣ римской республики, а съ другой мелкія по своему содержанію дѣла возводятся въ крупныя событія. Такая односторонняя прагматизація безискусственныхъ замѣтокъ лѣтописи усугубляется еще стремленіемъ къ равномерному по возможности распредѣленію военныхъ дѣйствій между всѣми наличными магистратами даннаго года, имѣвшими право военнаго имперія. Поэтому достовѣрными могутъ быть признаны только указанія главныхъ фактовъ, но не ихъ освѣщеніе и изображеніе ихъ частныхъ. По отношенію къ 362 году достовѣрно только то, что тогда возникъ споръ съ герниками и что для дѣйствій противъ нихъ назначенъ былъ диктаторъ; все прочее столь же подозрительно ²³⁵), какъ и приуроченная къ этому году легенда о *lacus Curtius* ²³⁶).

²³⁴) Liv. 9, 28, 6. См. *Mommsen, Röm. Forsch.* II, 243.

²³⁵) Въ томъ числѣ и смерть плебейскаго консула Генуція, расписанная явно тенденціозномъ направленіи съ незначительнымъ въ такихъ случаяхъ присутствіемъ представителя рода Клавдіевъ (Liv. 7, 6, 7 сл.). Смерть консула Генуція является лишь копіей со смерти консулярнаго трибуна Генуція (Liv. 5, 18, 7).

²³⁶) Liv. 7, 6. О диктаторѣ 362 года ср. *Burger, Sechzig Jahre aus der älteren Geschichte Roms* (1891), 213.

Недостовѣрны также и частности разсказа о новомъ набѣгѣ галловъ на Лацию, случившемся, по Полибію (2, 18), 30 лѣтъ спустя послѣ погрома Рима, т. е. въ 360 году. По Ливію, галлы хозяйничали тогда въ Лациі въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Вблизи Рима они появлялись три раза, въ 361, 360 и 358 годахъ, и всѣ три раза римляне назначали противъ нихъ диктаторовъ. Нѣтъ причины отвергать достовѣрность этихъ фактовъ наряду съ показаніемъ Полибія, дающимъ лишь суммарное опредѣленіе времени и обстоятельствъ. Если, какъ это явствуетъ изъ свидѣтельства Полибія, галлы появились тогда впервые со времени погрома Рима, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что римляне, помня о страшномъ прошломъ, принимали экстренныя мѣры, выразившіяся въ избраніи диктаторовъ. Однако въ 361 и 360 годахъ дѣло ограничилось, повидимому, одной только тревогой: галлы только проходили по близости, но не подступали къ Риму. Особенно это ясно по отношенію къ 361 году. Вся война съ галлами исчерпывается здѣсь у Ливія однимъ только единоборствомъ Манлія ²²⁷⁾, каковую легенду Квадригарій приурочивалъ, однако, къ 367 году, а другіе анналисты къ 358 году ²²⁸⁾. Ясно, что эта кочующая легенда составляетъ лишь дополнительный элементъ, чуждый матеріалу подлинной лѣтописи, въ которой могло заключаться только замѣчаніе о появленіи галловъ и объ избраніи диктатора, оставшагося безъ дѣла, такъ какъ гроза пронеслась мимо, по территоріи Тибура, гдѣ галлы и перезимовали. Въ виду этой бездѣятельности диктатора 361 года, анналистъ Лициній Макръ призналъ даже возможнымъ предположить, что этотъ диктаторъ назначенъ былъ не противъ галловъ, а только *comitiorum habendorum causa*, что, однако, Ливій отклоняетъ съ ссылкой на *vetustiores annales* ²²⁹⁾.

Въ виду остановки галловъ на зиму въ тибуртской области, римляне назначили диктатора и для 360 года. Однако и въ этомъ году диктатору, повидимому, не пришлось воевать, такъ какъ галлы ушли на югъ по направленію къ Кампаніи. Правда, Ливій заставляетъ его сражаться *haud procul porta Collina* ²³⁰⁾. Однако, ни по Ливію, ни по капитолийскимъ фастамъ диктаторъ 360 года не удостоился триумфа,

²²⁷⁾ Liv. 7, 9, 7 сл.

²²⁸⁾ См. выш. 211.

²²⁹⁾ Liv. 7, 9, 4.

²³⁰⁾ Liv. 7, 11, 6.

что и указываетъ на отсутствіе въ старыхъ анналахъ свѣдѣній о какихъ-либо серьезныхъ дѣйствіяхъ противъ галловъ ²⁴¹⁾.

Въ 358 году появилась новая шайка галловъ въ окрестностяхъ Пренеста и Педа, и римляне снова назначили противъ нихъ диктатора ²⁴²⁾. Однако и тогда римляне сохраняли, повидимому, лишь выжидательное положеніе и не вступали въ борьбу съ галлами, тѣмъ болѣе что послѣдніе опять-таки находились на чужой территоріи. По крайней мѣрѣ, Полибій сообщаетъ, что во время этого набѣга римляне совсѣмъ не выходили въ походъ противъ галловъ, что онъ и приписываетъ ихъ неподготовленности, хотя настоящая причина этого могла заключаться именно въ томъ, что галлы совсѣмъ не трогали римской территоріи, ограничиваясь сосѣдними областями Тибура и Пренеста ²⁴³⁾, а защита тибуртянъ не входила въ интересы римлянъ, такъ какъ Тибуръ находился тогда во враждѣ съ Римомъ изъ-за объединительной политики римской республики. Правда, Ливій и въ этомъ году сообщаетъ о большой битвѣ и даже о триумфѣ диктатора ²⁴⁴⁾. Однако эта битва и триумфъ явно придуманы только для того, чтобы пояснить окончательное исчезновеніе галловъ въ этомъ именно году (вплоть до слѣдующаго набѣга). Набѣги галловъ, разукрашенные разными легендами, производили сильное впечатлѣніе на народное воображеніе, подъ влияніемъ воспоминаній о погромѣ 390 года; но по существу они не имѣли большого значенія.

Гораздо важнѣе были недоразумѣнія, открывшіяся съ 358 года на сѣверной границѣ противъ Этруріи. Въ 356 году этруски (тарквинійцы въ сообществѣ фалисковъ) ²⁴⁵⁾, захватили римскіе соляные промыслы на устьѣ Тибра. Отправленный туда диктаторъ С. Мациусъ, первый плебей, достигшій этого званія, освободилъ промыслы отъ захватчиковъ и удостоился за это триумфа. По этому поводу Ливій замѣчаетъ, что патриціи остались очень недовольны назначеніемъ плебея въ диктаторы и что поэтому всячески мѣшали въ сенатѣ разрѣшить вопросъ о снабженіи диктатора необходимыми для его

²⁴¹⁾ Какъ Ливій, такъ и капитолійскіе фасты сообщаютъ только о триумфѣ консула Петелія надъ тибуртянами. Однако и этотъ триумфъ очень сомнителенъ.

²⁴²⁾ Liv. 7, 12, 8—9.

²⁴³⁾ Другое дѣло въ 350 — 349 годахъ, когда галлы засѣли на зиму на Албанской горѣ, на римской территоріи. Какъ у Ливія, такъ и у Полибія годы исчислены со включеніемъ 5-лѣтней *solitudo magistratum* (Mommson, R. F. II, 362 сл.).

²⁴⁴⁾ Liv. 7, 15, 8.

²⁴⁵⁾ Liv. 7, 17, 6 сл.

экспедиціи средствами, вслѣдствіе чего онъ оказался вынужденнымъ провести это дѣло черезъ комиціи. Однако совершенно неправдоподобно, чтобы сенатъ дѣлалъ какія-либо прешятствія въ дѣлѣ огражденія соляныхъ промысловъ, касавшемся не только экономическихъ интересовъ населенія, но и интересовъ римской казны, такъ какъ промыслы составляли казенную собственность. Въ подлинной лѣтописи могло быть развѣ только замѣчаніе о неудовольствіи патриціевъ избраніемъ плебея, а выводы отсюда сдѣланы уже анналистами ²⁴⁶⁾.

Замыслы атрусковъ противъ римскихъ соляныхъ промысловъ продолжались, впрочемъ, и въ слѣдующіе годы ²⁴⁷⁾. Въ этомъ дѣлѣ были замѣшаны и церитяне ²⁴⁸⁾. Поэтому въ 353 году римляне объявили войну этимъ своимъ бывшимъ друзьямъ и отправили противъ нихъ диктатора Т. Манлія. По окончаніи похода, въ результатъ котораго церитяне явились римскими данниками (аегатіи), диктаторъ пытался вмѣшаться въ консульскіе выборы ради проведенія патриціанскихъ кандидатуръ; однако трибуны воспользовались своей *intercessio* и выборы были произведены не диктаторомъ, а черезъ *interrex*а ²⁴⁹⁾. Также и въ этомъ случаѣ протестъ трибуновъ былъ направленъ противъ самовольнаго расширенія полномочій даннаго диктатора, который былъ назначенъ только для веденія войны съ церитянами, а, слѣдовательно, оказывался формально некомпетентнымъ для веденія другихъ дѣлъ, въ томъ числѣ и для предсѣательства на выборахъ. То же самое повторилось и съ диктаторомъ 352 года ²⁵⁰⁾.

Въ виду этого въ слѣдующемъ 351 году въ первый разъ избранъ былъ диктаторъ со специальнымъ порученіемъ произвести магистратскіе выборы, которые тогда и состоялись подъ его предсѣдательствомъ ²⁵¹⁾. Такіе же диктаторы *comitiarum habendorum* назначены были и въ 350 и въ 349 годахъ ²⁵²⁾, и съ тѣхъ поръ это случалось часто, когда консулы были заняты, такъ что не были въ со-

²⁴⁶⁾ Народное преданіе сѣмало диктатора Г. Марція съ царемъ Анкомъ Марціемъ, которому поэтому и было приписано самое учрежденіе соляныхъ промысловъ на устьѣ Тибра.

²⁴⁷⁾ Liv. 7, 19 (захвачена шайка тарквинійцевъ).

²⁴⁸⁾ Ibid. § 8.

²⁴⁹⁾ Liv. 7, 21, 1—2.

²⁵⁰⁾ Liv. 7, 22, 1.

²⁵¹⁾ Liv. 7, 22, 10.

²⁵²⁾ Liv. 7, 24, 11; 27, 12.

стояніи вернуться своевременно въ Римъ для производства выборовъ.

Подобнымъ образомъ, по аналогіи съ *dictator clavi figendi causa*, въ 344 году, по религиознымъ соображеніямъ, избранъ былъ спеціальный *dictator feriarum constituendarum causa* ²⁵³).

Въ отличіе отъ развившагося такимъ образомъ разряда спеціальныхъ городскихъ диктатуръ, примѣнявшихся, впрочемъ, чаще всего только *comitiorum habendorum causa* ²⁵⁴), военный диктаторъ съ тѣхъ поръ обозначался терминомъ: *rei gerendae causa*. Въ связи съ различіемъ порученій выработалось и различіе въ правахъ диктаторской власти. Право провокаціи противъ диктаторовъ, дѣйствовавшихъ въ области *domi*, было недѣйствительно еще съ 368 года. Напротивъ, трибунская *intercessio* допускалась на первыхъ порахъ только противъ нарушенія положеннаго для диктатуры полугодового срока и противъ превышенія предоставленной данному диктатору компетенціи. Впослѣдствіи трибунская *intercessio* признавалась дѣйствительной и въ предѣлахъ даннаго диктатору порученія: такъ это было, по крайней мѣрѣ, въ періодъ Второй Пунической войны по отношенію къ диктаторамъ *comitiorum habendorum causa* ²⁵⁵).

Можно, однако, полагать, что право трибунской *intercessio* противъ городскихъ диктаторовъ существовало еще въ періодъ самнитскихъ войнъ. Въ 314 году былъ назначенъ *dictator quaestionibus exercendis* ²⁵⁶) для производства разслѣдованія заговора въ Капуѣ. Ливій изображаетъ это дѣло, какъ простой судъ, происходившій въ стѣнахъ Рима. Напротивъ, по Діодору ²⁵⁷), диктаторъ предпринялъ своего рода карательную экспедицію въ самую Капую. Согласно съ этимъ диктаторъ 314 года названъ въ капитолійскихъ фастахъ *dictator rei gerendae causa*, т. е. военнымъ диктаторомъ. Въ сообщеніи Ливія пред-

²⁵³) Liv. 7, 28, 7.

²⁵⁴) Другіе случаи городской диктатуры встрѣчаются рѣдко. Засвидѣтельствованы: 257 *Latinarum feriarum causa* (*Fasti Cap.*); 216 *senatus legendi causa* (*ib.*); 208 *comitiorum ludorumque faciendorum causa* (Liv. 27, 33, 6). Диктаторъ 314 года *quaestionibus exercendis* (Liv. 9, 26, 6) въ капитолійскихъ фастахъ названъ *rei gerendae causa*. Неопредѣленно значеніе 322 года (Liv. 8, 40, 2).

²⁵⁵) Въ 210 году трибуны при помощи своей *intercessio* прямо руководили теченіемъ выборовъ (Liv. 27, 6: *comitia certamine inter tribunos dictatoremque iniecto perfici non potuerunt... Si suum nomen dictator acciperet, se comitiis intercessuros; si aliorum, comitiis se moram non facere... Concedentibus tribunis comitia habita.*

²⁵⁶) Liv. 9, 26, 6.

²⁵⁷) Diod. 19, 76.

ставленъ, очевидно, только финаль этого дѣла, по возвращеніи диктатора въ Римъ. Такъ какъ въ заговорѣ капуанцевъ замѣшаны были и знатные люди, проживавшіе въ Римѣ, то диктаторъ, вернувшись въ Римъ, потребовалъ ихъ къ своему трибуналу. Привлекаемые къ суду диктатора обращались къ трибунамъ съ просьбой о защитѣ, но трибуны отказали имъ въ этомъ²⁵⁸); зато сторону подсудимыхъ приняла вся знать, такъ что диктаторъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія и сложить диктаторскія полномочія (быть можетъ, потому, что онъ, какъ *dictator rei gerundae causa*, былъ уполномоченъ только для дѣйствій въ области *militiae*, но не въ городѣ). Трибунская *intercessio* противъ диктатора въ городѣ выставляется здѣсь уже дѣйствующей на общихъ основаніяхъ; если же они не воспользовались ею, то это произошло по ихъ собственному желанію. И нѣтъ причины не довѣрять этому извѣстію.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло 325 года, когда суду диктатора подлежалъ его же магистръ конницы, одержавшій блестящую побѣду надъ непріателемъ, но при этомъ нарушившій военную дисциплину, дѣйствуя вопреки прямого приказа диктатора²⁵⁹). Магистръ, привлеченный къ суду диктатора, искалъ убѣжища въ Римѣ, но диктаторъ явился за нимъ и туда. Тогда магистръ пытался найти спасеніе въ трибунской *intercessio* и въ *provocatio*²⁶⁰). Трибуны заступились за магистра. Однако диктаторъ протестовалъ противъ такого вмѣшательства въ прерогативы военнаго имперія²⁶¹), но согласился простить своего магистра, когда трибуны стали упрашивать диктатора, такъ какъ онъ остался доволенъ тѣмъ, что трибуны въ этомъ случаѣ признали свою *intercessio* незаконной²⁶²). Изъ этого видно, что сама по себѣ трибунская *intercessio* въ то время считалась уже вполне возможной по отношенію къ дѣйствіямъ диктатора въ городѣ, точно такъ же, какъ и *provocatio*. Но съ другой стороны трибуны признали, что они не имѣютъ права на *intercessio* въ предѣлахъ собственно

²⁵⁸) Liv. 9, 26, 10: *appellantibus tribunos nemo erat auxilio.*

²⁵⁹) Впрочемъ, блестящая побѣда подсудимаго магистра мало достовѣрна, такъ какъ в *quibusdam annalibus tota res praetermissa est* (Liv. 8, 30, 7); нѣкоторые аналлисты сообщали объ одной побѣдѣ, а нѣкоторые даже о двухъ.

²⁶⁰) Liv. 8, 33, 7: *tribunos plebis appello et provooco ad populum.*

²⁶¹) Liv. 8, 34, 6: *ne potestas tribunicia, inviolata ipsa, violet intercessione sua Romanum Imperium.*

²⁶²) Liv. 8, 35, 5: *damnatus donatur tribuniciae potestati, precarium, non iustum auxillum ferenti.*

военнаго имперія диктатора, такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло касалось нарушенія воинской дисциплины. Стало быть, дѣйствія военнаго диктатора въ предѣлахъ его военнаго имперія не подлежали ни трибунской *intercessio*, ни провокаціи. Но разъ диктаторъ дѣйствовалъ въ городѣ, то трибунская *intercessio* оказывалась тогда уже применимой къ такимъ его дѣйствіямъ даже въ томъ случаѣ, если это былъ собственно военный диктаторъ (*rei gerundae causa*), что и подтверждается дѣломъ 314 года. Въ 325 году рѣшался вопросъ лишь о томъ, можно ли признать силу трибунской *intercessio* въ дѣлѣ, возникшемъ изъ-за нарушенія воинской дисциплины, а потому относящемся къ области *militiae*; этотъ-то вопросъ и былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Итакъ, въ 325 и 314 годахъ трибуны уже пользовались правомъ на *intercessio* противъ городскихъ дѣйствій диктатора. Напротивъ, еще въ 363, 353 и 352 годахъ трибуны могли протестовать только противъ превышенія компетенціи городского диктатора. Изъ этого слѣдуетъ, что трибунская *intercessio* противъ городскихъ диктаторовъ установилась между 352 и 325 годами. А такъ какъ съ 351 года начинается рядъ специально городскихъ диктаторовъ *comitiorum habendorum causa*, то и нужно полагать, что именно въ 351 году плебей согласились на допущеніе этой городской диктатуры подъ условіемъ признанія силы трибунской *intercessio* на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и противъ всѣхъ остальныхъ городскихъ магистратовъ. Стало быть, *provocatio* противъ дѣйствій диктаторовъ въ городѣ была допущена еще въ 368 году, а въ 351 году къ этому присоединилась и трибунская *intercessio*. На военнаго диктатора въ предѣлахъ его имперія въ области *militiae* не распространялась ни та, ни другая.

Различіе въ диктаторской власти явствуетъ и изъ того, что было такое время, когда въ рѣшеніяхъ сената о назначеніи диктатора дѣлалась оговорка: *ut optima lege*²⁴²). Значить, въ то время допускалась, по меньшей мѣрѣ, возможность назначать и такихъ диктаторовъ, полномочія которыхъ не были обставлены „самыми лучшими условіями“ (*optima lege*), а, напротивъ, отличались „умаленіемъ правъ“ (*imminuto iure*). Если бы не существовало никакого различія, то ого-

²⁴²) Fest. p. 198: postquam vero provocatio ab eo magistratu ad populum data est, quae ante non erat, desitum est adici „ut optima lege“, utpote imminuto iure priorum magistrorum populi (=въ сравненіи съ прежними диктаторами права воздѣйствій оказывались уменьшенными).

ворка „*optima lege*“ была бы безцѣльна. Впослѣдствіи такой оговорки болѣе не дѣлали, изъ чего слѣдуетъ, что со временемъ исчезло и соответствующее этой оговоркѣ различіе типовъ диктатуры. Прибавка словъ „*optima lege*“ прекратилась съ тѣхъ поръ, какъ на этотъ типъ распространено было право провокаціи: *postquam provocatio ad populum data est*. Изъ этого явствуетъ, что бывшее различіе диктатуръ основывалось на различіи ихъ отношенія именно къ праву провокаціи: противъ однихъ диктаторовъ граждане имѣли право апеллировать къ народному суду, противъ другихъ такого права первоначально не имѣли, но также приобрѣли его съ теченіемъ времени. Выше было нами указано, что первая городская диктатура 368 года тотчасъ уже подвергалась дѣйствию права провокаціи, а этотъ прецедентъ имѣлъ силу, конечно, и для послѣдующаго времени по отношенію къ такимъ диктаторамъ, которымъ приходилось дѣйствовать въ городѣ въ области *domi*. Отсюда слѣдуетъ, что оговорка „*optima lege*“, поскольку она касалась изъятія отъ дѣйствія права провокаціи, относилась къ военнымъ диктаторамъ въ области *militiae*. Распространеніе провокаціи и на этихъ диктаторовъ находится въ связи съ общимъ развитіемъ этого гражданскаго права, получившаго окончательное оформленіе его содержанія по закону М. Валерія въ 300 году ²⁴⁴).

По отношенію къ *provocatio* закономъ 300 года были сравнены между собою не только разные типы диктатуры, но и самая диктатура поставлена была въ одинъ уровень со всѣми остальными магистратурами ²⁴⁵). Подобнымъ образомъ и въ отношеніи *intercessio* съ 351 года не было никакого различія между городскими диктаторами и прочими городскими магистратами, поскольку дѣло касалось дѣйствій въ области *domi* ²⁴⁶); а въ области *militiae* трибунская *intercessio*, дѣйствовавшая вообще исключительно только въ городѣ, не распространялась равномерно и на другихъ магистратовъ. Такимъ образомъ по отношенію къ правамъ гражданъ диктаторъ ничѣмъ не выдѣлялся между магистратами *cum imperio*, съ 368 и 351 годовъ въ городѣ, а съ 300 года и на войнѣ.

²⁴⁴) Liv. 10, 9, 3 сл.—Послѣдующіе законы Норціевъ касались не самаго поддержания по существу, а только установленія гарантій для осуществленія гражданами этого права въ разныхъ положеніяхъ дѣла (Cic. r. p. 2, 31, 54: *neque vero leges Porciae quidquam praeter sanctionem attulerunt novi*).

²⁴⁵) Въ законѣ значилось вообще: *si quis adversus ea fecisset*.

²⁴⁶) Liv. 27, 6, 5 (трибуны занимаютъ протестъ противъ дѣйствій диктатора по поводу магистратскихъ выборовъ).

Иначе обстояло дѣло въ вопросѣ о *maior potestas*, т. е. объ отношеніи диктатора къ прочимъ магистратамъ. Если диктатура возникла въ періодъ консульнаго трибуната, съ цѣлью водворить въ войскѣ принципъ единоличной верховной власти взаимнѣ коллегіальнаго предводительства консульныхъ трибуновъ, то вопросъ о соотношеніи этихъ двухъ властей рѣшается самъ собой. Въ силу принципа единоличной власти консульные трибуны не являлись товарищами диктатора. Напротивъ, диктаторъ оказывался по отношенію къ нимъ на положеніи *maior potestas* ²⁶⁷⁾. Дѣйствительно, въ военныхъ дѣйствіяхъ диктаторъ распоряжается консульными трибунами, какъ подчиненными себѣ военачальниками ²⁶⁸⁾. Подобнымъ образомъ въ рукахъ городскихъ диктаторовъ 368 и 367 годовъ сосредоточивается все управленіе дѣлами до предсѣдательства въ комиціяхъ включительно, въ то время какъ консульные трибуны совершенно ступшевываются. Сложившееся такимъ путемъ понятіе о *maior potestas* единоличнаго диктатора примѣнялось потомъ и къ коллегіальному консулату, организованному съ 366 года законодательствомъ Лицинія. Также и консулы послѣдующаго времени ²⁶⁹⁾ обязаны были подчиняться диктатору ²⁷⁰⁾, но, конечно, только въ предѣлахъ даннаго ему порученія: на войнѣ консулы, какъ впоследствии и преторы, дѣйствуютъ подъ начальствомъ диктатора ²⁷¹⁾. Еще въ 203 году, когда сенатъ отзывалъ консула Сервилія изъ Африки и возникло подозрѣніе, что консулъ не послушается претора, который долженъ былъ предъявить ему это требованіе сената, специально для передачи приказа консулу избранъ былъ диктаторъ, котораго консулъ и послушался ²⁷²⁾.

²⁶⁷⁾ Liv. 4, 17, 11: cum potestas maior, tum vir quoque potestati par; 6, 38, 3: summum imperium.

²⁶⁸⁾ Liv. 6, 2, 7 сл.

²⁶⁹⁾ За время существованія консульнаго трибуната, кромѣ 437 и 434 годовъ, находящихся на особомъ положеніи (см. гл. 4), имѣются всего только два консульскіе года съ диктаторомъ, 435 и 431. Также и по отношенію къ этимъ годамъ Ливій (4, 27, 1; 41, 11) предполагаетъ положеніе консуловъ, рядомъ съ диктаторомъ, такъ какъ же, какъ и оно было впоследствии.

²⁷⁰⁾ Liv. 8, 32, 3: cum summum imperium dictatoris sit pareantque ei consules praetores.

²⁷¹⁾ Liv. 7, 11, 9; 7, 25, 11; 27, 6 (о преторѣ); ср. 4, 41, 11: consul auspicio dictatoris res prospere gesserat. Но вообще случаевъ совѣстныхъ дѣйствій консуловъ съ диктаторомъ, подъ его начальствомъ, очень мало.

²⁷²⁾ Liv. 30, 24, 3: cum praetor a preturum consulem litteras suas diceret, dictator ad id ipsum creatus pro iure maioris imperi consulem in Italiam revocavit.

Однако на практикѣ случаи такого фактическаго подчиненія консуловъ диктатору встрѣчались рѣдко. Обыкновенно диктаторъ и консулы дѣйствовали и на войнѣ параллельно, въ разныхъ мѣстахъ, причѣмъ диктаторъ могъ состоять фактически даже какъ бы на вторыхъ роляхъ. Первый примѣръ этого рода имѣется еще въ 340 году.²⁷³⁾

Помимо понятія о *maior potestas*, имѣвшаго, однако, фактически болѣе принципиальное, чѣмъ реальное значеніе, превосходство диктаторской власти передъ консульской сказывалось и въ томъ, что диктаторъ не былъ обязанъ представлять отчетъ объ израсходованіи находившихся въ его распоряженіи средствъ²⁷⁴⁾; однако отпустить сумму изъ эрарія по требованію диктатора нуждался въ утвержденіи со стороны сената²⁷⁵⁾. Впрочемъ, и консулы, какъ и вообще всѣ полководцы *cum imperio*, распоряжались вполне по своему усмотрѣнію всѣми средствами, какъ вырученными отъ добычи, такъ и поступившими изъ эрарія, такъ что разница между диктаторомъ и консуломъ была чисто формальная: консулъ представлялъ объ этомъ отчетъ черезъ вѣстора, а диктаторъ не дѣлалъ этого, но право расходованія было одинаковое въ томъ и другомъ случаѣ²⁷⁶⁾.

Въ понятіе о *maior potestas* входило и право отрѣшать другихъ магистратовъ отъ исполненія предоставленныхъ имъ по должности функций. Примѣненіе этого права принципиально было возможно и для диктатора по отношенію къ консуламъ. Однако фактически оно могло осуществиться только въ томъ случаѣ, если консулъ, принимая участіе въ томъ дѣлѣ, которое было поручено диктатору, поступалъ такимъ образомъ подъ его начальство; такіе случаи бывали рѣдко. Обыкновенно консулы и диктаторы дѣйствовали порознь. А вмѣшательство диктатора въ такія дѣла, которыя выходили изъ предѣловъ даннаго ему порученія, было возможно только въ томъ случаѣ, если на это уполномочивалъ его сенатъ²⁷⁷⁾ и если трибуны не протестовали противъ такого превышенія власти²⁷⁸⁾. Что же касается въ

²⁷³⁾ См. „Начало мировой политики“. Ж. М. Н. Пр. 1904, сентябрь, 427 сл.

²⁷⁴⁾ Dion. 6, 38: диктаторъ, *ὡς ἀνεπιβούχῳ χρηόμενος ἰσχύει*.

²⁷⁵⁾ Liv. 22, 23.

²⁷⁶⁾ При совмѣстныхъ дѣйствіяхъ диктатора и консула въ одноѣмъ и томъ же мѣстѣ преимущественно право распоряженія принадлежало, конечно, диктатору (Liv. 3, 29, 2).

²⁷⁷⁾ Такъ, напр., диктаторъ 325 года, по возвращеніи съ войны, *iussu patrum, prius quam abdicaret, consules creavit* (Liv. 8, 37, 1).

²⁷⁸⁾ См. выш. 248 и 249.

частности городских диктатуръ, то съ 351 года, когда трибуны приобрѣли право на *intercessio* противъ диктатора, *maior potestas* послѣдняго потеряла всякое значеніе по отношенію къ народнымъ трибунамъ, а черезъ ихъ посредство дана была возможность защиты и другихъ магистратовъ противъ посягательствъ диктаторской власти. Дѣйствительно, не имѣется никакихъ свѣдѣній о примѣненіи диктаторской *maior potestas* въ области *domi* ²⁷⁹⁾. При этомъ кругъ компетенціи городскихъ диктаторовъ напередъ ограничивался вообще весьма узкими предѣлами; такія сравнительно широкія полномочія, какими отличается законодательная дѣятельность диктатора 339 года Кв. Публилія Филона ²⁸⁰⁾ или дѣятельность диктатора 389/6 года Кв. Гортензія по случаю яникульской *secessio* ²⁸¹⁾, встрѣчаются лишь въ видѣ исключеній.

По своему генезису и по своему правовому положенію диктатура существенно отличается отъ консулата. Миліне Моммзена ²⁸²⁾, что диктаторъ былъ не что иное, какъ только *maior collega* консуловъ, подобно тому, какъ преторъ былъ наоборотъ *collega minor* тѣхъ же консуловъ, лишено всякаго основанія ²⁸³⁾. Власть диктатора всегда считалась стоящей выше консульской власти не просто количественно, на подобіе различія власти консула и претора, но и качественно, какъ видно уже изъ того, что диктатура признавалась свободной отъ *provocatio* и *intercessio* еще въ такія времена, когда консулатъ уже давнымъ давно былъ ограниченъ этими правами гражданъ. Но, съ другой стороны, диктаторская власть не была такою чрезвѣрною, какою изо-

²⁷⁹⁾ Свѣдѣній этого рода отсутствуютъ и изъ времени между 368 и 351 годами, когда примѣненіе диктаторской *maior potestas* въ городѣ было еще возможно. Впрочемъ, такую возможность конструируетъ Ливій еще для 402 года (5, 9, 6: *dictatorem extempore dicam, qui tribunos plebis abire magistratu cogat*, причемъ въ словѣ *abire* заключается даже преувеличеніе діала).

²⁸⁰⁾ „Начало мировой политики“. Ж. М. Н. Пр. 1904, сентябрь, 432.

²⁸¹⁾ Liv. ep. 11: *plebs propter aces alienum secessit in Ianiculum, unde a Q. Hortensio dictatore deducta isque in ipso magistratu decessit*.

²⁸²⁾ Моммзен, St. R. II°, 168.

²⁸³⁾ Не правъ Моммзенъ (*ibid.* 160) и въ томъ, что диктаторъ сохранялъ свои полномочія будто бы не дальше срока полномочій тѣхъ консуловъ, черезъ посредство которыхъ состоялось его избраніе. Въ 317 году консулы, слагая должность, передали войско избранному при нихъ въ концѣ года диктатору, который продолжаетъ вести войну безъ нихъ (Liv. 9, 21, 1). Въ 202 году былъ назначенъ диктаторъ *comitiorum habendorum causa*, который приступилъ къ производству выборовъ уже только послѣ *abdicationis* тѣхъ консуловъ, при которыхъ онъ былъ избранъ (Liv. 30, 39 сл.).

бражаютъ ее позднѣйшіе писатели. Приписываемую ей роль пугала противъ внутреннихъ враговъ, поскольку дѣло касается римскихъ гражданъ, диктатура могла играть развѣ только въ 368 и 367 годахъ, когда противъ нея трибунская *intercessio* не была еще примѣнима въ полномъ своемъ объемѣ. Этотъ первый случай городской диктатуры, несомнѣнно, былъ вызванъ именно стремленіемъ къ ослабленію силы трибунскихъ агитацій путемъ противопоставленія плебейскимъ трибунамъ болѣе сильной власти, чѣмъ была власть консулярныхъ трибуновъ. Однако эти диктаторы вовсе не предназначались для принятія крутыхъ мѣръ противъ плебса: одинъ изъ диктаторовъ 368 года избралъ даже плебея на должность магистра всадниковъ, а результатомъ дѣятельности диктаторовъ этихъ двухъ годовъ явилось проведение цѣлаго ряда законовъ, благопріятныхъ плебсу. Такой же характеръ имѣла и диктатура Филона въ 339 году и, повидимому, и диктатура Гортензія во время яникульской *secessio*. Притомъ диктатуры 368 и 367 годовъ подлежали уже дѣйствию провокаціи, а диктатура Филона, кромѣ того, уже и трибунской *intercessio*. Съ 351 года въ городѣ диктаторы были не страшнѣе консуловъ, что особенно рельефно выразилось въ 314 году.

Поэтому положеніе, что диктаторы избирались *in asperioribus bellis aut in civili motu difficiliore* ²⁸⁴), *quando duellum gravius discordiæ civium escunt* ²⁸⁵), можетъ быть признано приложимымъ къ періоду послѣ 368 года лишь съ большими ограниченіями. А по отношенію къ предшествовавшему времени вѣрна только первая часть этого положенія (*in asperioribus bellis, duellum gravius*), такъ какъ оба случая вмѣшательства диктаторовъ во внутреннія дѣла въ промежутокъ времени между 438 и 386 годами, вызываютъ сильныя сомнѣнія, а до 438 года сомнительны и самыя диктатуры.

Еще въ періодъ Второй Пунической войны диктатура признавалась уже устарѣлымъ учрежденіемъ ²⁸⁶), примѣненіе котораго обуславливалось затруднительными обстоятельствами преимущественно формальнаго характера, потребовавшими даже разныхъ отступленій отъ старыхъ порядковъ. Вмѣстѣ съ окончаніемъ этой войны прекратилось и дальнѣйшее избраніе диктаторовъ ²⁸⁷). Послѣдующимъ поколѣніямъ

²⁸⁴) Сп. XIII 1668 (*oratio Claudii* 1, 29).

²⁸⁵) Сп. leg. 3, 9.

²⁸⁶) Liv. 22, 11, 6: *vetustate iam præpe obliti eius imperii*.

²⁸⁷) Послѣдними были диктаторы 203 года (для отозванія консула изъ Африки) и 202 года (*comitiorum habendorum causa*).

диктатура была известна уже только по наслышке и притомъ въ односторонне преувеличенномъ видѣ. Особенно любопытно искаженіе представленія о диктатурѣ у Полибія (3, 87, 8), который, слѣдуя, конечно, указаніямъ своихъ римскихъ друзей, утверждаетъ, будто, по вступленіи въ должность диктатора, немедленно переставали функционировать всѣ магистраты, за исключеніемъ однихъ только народныхъ трибуновъ ²⁸⁸). Поэтому нельзя довѣрять и его извѣстію (§ 7), будто и старымъ диктаторамъ присвоены были 24 ликтора, такъ какъ, по Ливію, впервые это было сдѣлано Суллою ²⁸⁹). Примѣнительно къ нашей теоріи о неравноцѣнности обоихъ консуловъ въ начальныя времена республики (до 366 года) и въ виду того, что диктатора избиралъ только одинъ консулъ, а не оба вмѣстѣ, извѣстіе Ливія заслуживаетъ предпочтенія передъ сообщеніемъ Полибія, основанномъ на представленіи, будто диктаторъ являлся замѣстителемъ двухъ консуловъ ²⁹⁰). Такое представленіе могло возникнуть только уже послѣ 366 года, хотя и тогда сохранялся старый порядокъ избранія диктатора только черезъ одного изъ обоихъ, тогда уже равноцѣнныхъ, консуловъ. Подозрительно также и сообщеніе, будто ликторы диктатора появлялись въ городѣ съ топорами въ *fascēs* ²⁹¹). Городскіе диктаторы начинаются только съ 368 года, и тогда же *provocatio* признана была причѣвнимою и къ диктатору въ городѣ, наравнѣ съ консулами. Всѣ эти искаженныя представленія воплощены были Суллою въ его собственной диктатурѣ, снабженной въ 82 году самыми неограниченными полномочіями подъ видомъ диктатора *rei publicae constituendae*. А это въ свою очередь содѣйствовало не только закрѣпленію прежнихъ искаженныхъ воззрѣній, но даже еще большому преувеличенію представленія о диктатурѣ ²⁹²).

Неудивительно поэтому, если позднѣйшіе анналисты, особенно тѣ, которые писали въ вѣкъ Суллы и послѣ него, вносили подобныя представленія о диктатурѣ и въ исторію древняго времени. Но это

²⁸⁸) Это представленіе воспроизведено и у Діонисія (5, 70), а по его примѣру также у Плутарха (Сам. 5; Qu. R. 81).

²⁸⁹) Liv. ep. 89: Sulla dictator factus, quod nemo unquam fecerat, cum fascibus XXIV processit.

²⁹⁰) Cic. leg. 3, 9: oenus idem iuris quod duo consules tenent.

²⁹¹) Liv. 2, 18, 8: creato dictatore primum Romae praeferrī securēs viderunt. Dion. 5, 75.

²⁹²) Напр., Cic. r. p. 2, 56: genus imperii proximum similitudini regiae, Dion. 5, 71: ἰστοράωνος ἀρχή.

касается главнымъ образомъ только легендарныхъ или просто вымышленныхъ диктатуръ. На достовѣрныхъ диктатурахъ, извѣстія о которыхъ основываются на данныхъ понтификальной лѣтописи, эти воззрѣнія отразились сравнительно мало. При этомъ замѣчается двойное теченіе: съ одной стороны диктаторы выставляются безапелляціонными пугалами противъ плебеевъ, а съ другой—они изображаются, какъ радѣтели народа и его свободы. Первое теченіе основывается на объективномъ представленіи о диктаторскомъ всемогуществѣ, второе—на субъективныхъ тенденціяхъ оппозиціи противъ Суллы и Цезаря.

Вторая диктатура Цинцинната (439 г.), неизвѣстная, по Діонисію ²⁹²), старшимъ анналистамъ, вымышлена для того, чтобы облечь въ законную форму дѣйствія Сервілія Агалы, представлявшаго собою въ старой версіи простого убійцу—преступника по политическимъ побужденіямъ. Авторъ новой версіи и превратилъ Агалу въ магистра всадниковъ, дѣйствующаго, какъ официальное лицо, при исполненіи порученія, даннаго ему диктаторомъ, противъ котораго Мэлію нельзя было воспользоваться ни правомъ провокаціи, ни трибунской *intercessio*, согласно позднѣйшимъ воззрѣніямъ о старой диктатурѣ.

Вымышленная вторая диктатура Цинцинната является уже по своему предназначенію всецѣло городской диктатурой. Напротивъ, въ первый разъ, въ 458 году, Цинциннатъ является прежде всего военнымъ диктаторомъ и только уже добавочнымъ образомъ, послѣ сказочнаго своего похода противъ эквовъ, вмѣшивается и въ городскія дѣла. Возвратившись въ Римъ, Цинциннатъ сохранилъ за собою свои диктаторскія полномочія до тѣхъ поръ, пока не окончился судъ въ комиціяхъ надъ М. Вольсціемъ, для того чтобы народные трибуны не могли помѣшать этому ²⁹³). Дѣло противъ Вольсція было возбуждено еще въ предыдущемъ году, но тогда не могло состояться по причинѣ трибунскихъ агитацій. А такъ какъ въ слѣдующемъ же году судъ все-таки состоялся, то и могъ возникнуть вопросъ о причинахъ уступчивости трибуновъ въ этомъ году, вслѣдствіе чего прагматизирующие анналисты, связавъ это дѣло съ диктатурой того года, нашли искомую причину въ давленіи на трибуновъ со стороны грозной диктаторской власти. Однако авторъ этой комбинаціи упустилъ изъ виду,

²⁹²) См. выш. 117.

²⁹³) Liv. 3, 29, 6: *confestium se dictator magistratu abdicasset, ni comitia M. Volsci tenuissent; ea ne impedirent tribuni, dictatoris obstitit metus.*

что если диктаторъ былъ назначенъ для веденія войны противъ эквовъ, то его внимательство въ другія дѣла, не входившія въ кругъ даннаго ему порученія, представляли бы собою превышеніе власти, противъ чего трибуны и могли заявить протестъ, какъ это они сдѣлали въ 368, 353 и 352 годахъ. Притомъ рассказъ о диктаторѣ Цицинатѣ, какъ побѣдителя эквовъ, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки народно-эпического творчества ²⁹⁵). Связь этой мифической диктатуры съ дѣломъ Вольсція, основанномъ на данныхъ подлинной гѣтописи, является только результатомъ прагматизма позднѣйшихъ анналистовъ, работавшихъ подъ вліяніемъ возрѣній о мнимомъ всемогуществѣ старыхъ диктаторовъ ²⁹⁶).

Возрѣніями позднѣйшаго времени пропитаны особенно рассказы о первыхъ мифическихъ диктаторахъ латинской и сабинской войны, а это отразилось въ свою очередь и на вопросѣ о происхожденіи диктатуры.

Но Ливію, ближайшимъ поводомъ избранія перваго диктатора Т. Ларція послужила опасность, угрожавшая римской республикѣ со стороны внѣшнихъ враговъ, латиновъ и сабинянъ ²⁹⁷). Стало быть, на первомъ планѣ у Ливія стоитъ война. Замѣна же консуловъ диктаторами именно въ это время мотивировалась у нѣкоторыхъ анналистовъ, по свидѣтельству Ливія, тѣмъ, что консулы того года принадлежали къ числу приверженцевъ изгнаннаго Тарквинія, являясь такимъ образомъ мало надежными вождями для войны, предпринятой зятемъ того же Тарквинія ²⁹⁸). Однако дѣятельность этого перваго диктатора не обходится и безъ внутреннихъ враговъ. По Ливію, избраніе диктатора Ларція напугало не только сабинянъ, но въ еще большей степени и римскихъ плебеевъ: *magnus plebem metus incessit, ut intentiores essent ad dicto parendum* ²⁹⁹).

²⁹⁵) См. гл. 3.

²⁹⁶) Вмѣстѣ съ историчностью побѣды диктатора Цицината падаетъ и историчность его диктатуры. Поэтому *Шеелеръ* (II, 581 прим. 4 и 730) напрасно пытается спасти эту диктатуру предположеніемъ, что Цицинатъ былъ назначенъ диктаторомъ специально только для проведенія суда.

²⁹⁷) Liv. 2, 18, 4: *in hac tantarum expectatione rerum sollicita civitate dictatoris primum creandi mentio orta.*

²⁹⁸) Авторъ этой комбинаціи забылъ уяснить вопросъ, почему эти консулы, будучи приверженцами Тарквинія (*ex factione Tarquiniana*), не выбрали также диктатора изъ той же партіи, разъ выборъ лица на должность диктатора выходитъ въ компетенцію консуловъ.

²⁹⁹) Liv. 2, 18, 7.— Впрочемъ, слова Ливія представляютъ собой только пере-

Такая же комбинація внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ дана также у Діонисія ²⁰⁰), но такъ, что собственно мотивомъ для назначенія диктатора выступаютъ именно внутреннія осложненія. Пользуясь случаемъ, въ виду необходимости набора для войны съ латинами, погрязшіе въ неоплатныхъ долгахъ плебеи отказались явиться къ набору, пока не будутъ имъ прощены долги ²⁰⁰). А такъ какъ, благодаря закону Валерія о provocatio, консулы не были въ состояніи сломить упорство плебеевъ, то сенатъ рѣшилъ создать на время войны неограниченную и неответственную власть въ формѣ диктатуры, не подлежащей дѣйствию закона Валерія. Такимъ образомъ диктатура возникла, по Діонисію, ради обхода закона, гарантировавшаго всѣмъ римскимъ гражданамъ право на provocatio, такъ что плебеи имѣли полное основаніе считать себя обманутыми ²⁰¹). Въ этомъ видѣ диктатура является прежде всего политическимъ учрежденіемъ, какимъ была диктатура Суллы.

Второй диктаторъ А. Постумій изображенъ у Ливія въ виду исключительно только военнаго магистрата. Напротивъ, Діонисій примѣшиваетъ также Постумія къ вопросу о задолженности плебса, но представляетъ его при этомъ въ образѣ благожелательнаго диктатора. Когда, по окончаніи войны въ Римѣ, среди плебеевъ возникли волненія изъ-за долговъ, то Постумій, не желая производить давленія на плебеевъ, постигшимъ сложить свои диктаторскія полномочія ²⁰²). Различіе между Ливіемъ и Діонисіемъ въ этомъ случаѣ зависитъ отъ того, что первый придерживается старой редакціи регилльскои повѣсти, свободной отъ позднѣйшихъ наслоеній.

Заго диктатуру Валерія также и Ливій изображаетъ уже всецѣло въ духѣ позднѣйшихъ воззрѣній ²⁰³). По его словамъ, съ самаго начала 494 года происходили мятежныя собранія недовольныхъ плебеевъ, такъ что консулы признали нужнымъ представить это дѣло на обсужденіе сената. Сенаторы же съ своей стороны нашли, что плебеи разнуздались благодаря мирному времени и что поэтому нужно поставить ихъ въ условія военной дисциплины и произвести для этой цѣли безпощадный наборъ. Однако плебеи настроѣвъ отказались явиться

оказъ этимологическаго толкованія слова dictator, представленнаго Варрономъ (I. 1. 5, 82: *quoi dicto audientes omnes clement*).

²⁰⁰) Dion. 5, 63.

²⁰¹) Dion. 5, 70.

²⁰²) Dion. 6, 22.

²⁰³) Liv. 2, 28.

въ набору, пока не будетъ исполнено обѣщаніе о сложеніи долговъ. Тогда сенатъ, по предложенію Аппія, рѣшилъ назначить диктатора, а quo provocatio non est. Избранный въ диктаторы М. Валерій осуществилъ наборъ не только въ силу своей безапелляціонной власти, но и потому что подтвердилъ эдиктомъ данныя прежде плебеймъ обѣщанія. По окончаніи войны, диктаторъ, согласно своему эдикту, внесъ на обсужденіе сената вопросъ, quid de nexis fieri placeret. По сенатъ и на этотъ разъ отвѣтилъ отказомъ, вслѣдствіе чего диктаторъ немедленно сложилъ свои полномочія, а плебей удалились на mons sacer. Такимъ же образомъ изображены обстоятельства диктатуры Валерія также у Діонисія ³⁰⁴): какъ у Ливія, такъ и у Діонисія secessio plebis разыгрывается уже послѣ того, какъ Валерій пересталъ быть диктаторомъ. По другой версіи, Валерій въ званіи диктатора участвовалъ еще и въ улаженіи спора съ плебейми ³⁰⁵). Самъ Ливій, приписавъ въ разсказѣ о secessio всю заслугу одному лишь Мененію, въ другомъ мѣстѣ ³⁰⁶) ссылается на диктатора (безъ указанія имени), который во время одной изъ secessiones plebis содѣйствовалъ успокоенію общины совершеніемъ обряда вбиванія гвоздя. У Діонисія ³⁰⁷) скомбинированы обѣ версіи: наряду съ Мененіемъ въ числѣ сенатскихъ пословъ, отправленныхъ для переговоровъ съ плебсомъ ³⁰⁸), находился и Валерій, но уже послѣ своего отказа отъ диктаторства. Вообще въ аналитическихъ разсказахъ причастіе диктатора Валерія къ плебейской secessio разрослось до такихъ размѣровъ, что основная часть сказанія объ этомъ диктаторѣ, его побѣда надъ сабинянами, превратилась въ сущности только въ эпизодъ.

Въ построеніи этихъ разсказовъ о Ларціи, Постуми и Валеріи совершенно ступшевывается представленіе объ ограниченности диктаторскихъ полномочій, исчерпывавшихся въ старыя времена однимъ какимъ-либо опредѣленнымъ порученіемъ. Для Ларціи, Постумія и Валерія не существуетъ никакой грани между сферами domi и militiae, подобнымъ образомъ какъ не существовало такой грани и въ

³⁰⁴) Dion. 6, 34—44.

³⁰⁵) Cic. Brut. 14, 54: videmus cum plebes prope ripam Anienis ad tertium miliarium conedisset eumque montem, qui sacer appellatus est. occupavisset, M. Valerium dictatorem dicendo sedavisse discordias et cum primum ob eam ipsam causam. Maximum esse appellatum. См. выш. 58.

³⁰⁶) Liv. 8, 18, 12.

³⁰⁷) Dion. 6, 21.

³⁰⁸) Діонисій (6, 19) принимаетъ 10 пословъ.

диктатуръ Суллы. Въ дѣятельности древнѣйшихъ трехъ представителей диктаторской власти военныя функции неизмѣнно комбинируются съ дѣлами плебеевъ, приведшими ихъ къ первой *secessio*. А въ этихъ дѣлахъ замѣчается рѣзкое противорѣчiе между ихъ теченiемъ и ихъ рѣшенiемъ. Сперва все вращается вокругъ социальнаго-экономическаго вопроса о задолженности плебеевъ и въ частности о *нехи*; а когда дѣло приходитъ къ благополучному концу, то экономическiй вопросъ исчезаетъ безслѣдно, и вмѣсто него осуществляется политическая уступка, выразившаяся въ признанiи неприкосновенности плебейскихъ трибуновъ. Подобный контрастъ представляетъ собою вообще вся вторая книга Ливiя въ сравненiи съ послѣдующими книгами. За исключенiемъ организацiи народнаго трибуната, на протяженiи всей второй книги затрагиваются одни только экономическiе вопросы: объ удешевленiи соли, о казенной продажѣ хлѣба, о раздачѣ земли, о долгахъ, причѣмъ во всѣхъ этихъ вопросахъ понятiе о старомъ политическомъ плебсѣ подмѣняется позднѣйшимъ значенiемъ этого термина въ смыслѣ „бѣднѣйшея класса населенiя“. Напротивъ, начиная съ III книги Ливiя, дѣла плебеевъ обнаруживаютъ ярко политическую окраску, сперва исключительно, а потомъ преимущественно. Въ концѣ перваго столѣтiя республики начинаетъ сказываться уже и аграрный вопросъ, имѣвшiй, какъ кажется, нѣкоторое значенiе еще въ исторiи децемвировъ (за Аниеномъ). Въ законодательствѣ Лицинiя къ аграрному вопросу присоединяется уже и вопросъ о задолженности, находившейся, повидимому, въ тѣснѣйшей связи съ первымъ вопросомъ. Въ теченiе втораго столѣтiя республики съ одной стороны получило сильное развитiе переселенческое дѣло, содѣйствовавшее смягченiю аграрнаго вопроса, а съ другой — въ 326 году было уничтожено *нехум* въ его безпощадной формѣ личнаго закрѣпощенiя должника ³⁰⁰⁾. Въ виду послѣдняго обстоятельства можно полагать, что, подобно другимъ сказанiямъ (Эней, Ромуль, регилльская повѣсть), также и преданiе о первой *secessio plebis* въ данномъ видѣ, поскольку дѣло касается сцѣпленiя этого событiя съ вопросомъ о *нехум*, закрѣпилось еще около 300 года. Но подробная разработка этого мотива принадлежитъ уже позднѣйшимъ анналистамъ, для которыхъ понятiе о плебсѣ представлялось преимущественно только въ видѣ социальнаго-экономическаго вопроса.

Искусственность построенiя анналистическихъ рассказовъ о пер-

³⁰⁰⁾ Liv. 8, 28.

выхъ трехъ диктаторахъ видна также нѣз колебанія въ мотивировкѣ введенія диктатуры. По нѣкоторымъ анналистамъ, мнѣніе которыхъ воспроизведено у Ливія, учрежденіе диктатуры обуславливалось недовѣріемъ къ консуламъ, которыхъ будто бы подозрѣвали въ принадлежности къ партіи изгнаннаго Тарквинія; однако самъ Ливій тутъ же заявляетъ, что собственно даже не было неизвѣстно, какіе это были консулы. По мнѣнію другихъ анналистовъ, авторитету которыхъ слѣдуетъ Діонисій, введеніе диктатуры представляло собою патриціанскій *coup d'état* съ цѣлью лишить плебеевъ защиты закона Валерія о провокаціи. Дѣйствительно, подобное поведеніе патриціевъ было вполне возможно, какъ доказываютъ выборы двухъ патриціанскихъ консуловъ, нарушавшіе точно сформулированное требованіе закона Липинія. Объясненіе, данное Діонисіемъ, одобрялъ и Нибуръ ³¹⁰⁾; также считавшій диктатуру обходомъ закона о провокаціи.

Противъ этого взгляда еще Шweglerъ ³¹¹⁾, указывалъ на то, что если патриціи хотѣли пренебречь закономъ Валерія, то для этого вовсе не было нужды въ учрежденіи новой магистратуры; того же самого можно было достигнуть и при помощи консульской власти, такъ какъ, вѣдь, тогда не было еще народныхъ трибуновъ. А что касается обезпеченія производства набора, то консулы и впослѣдствіи, несмотря на дѣйствіе закона Валерія и даже при противодѣйствіяхъ со стороны трибуновъ, имѣли полную возможность сломить всякую obstructiō противъ набора. Съ своей стороны Шweglerъ ³¹²⁾ представлялъ себѣ диктатуру, какъ переходную ступень отъ царской монархіи къ коллегіальному консулату: по его мнѣнію, пожизненныхъ царей смѣнили сперва временные единоличныя магистраты—диктаторы; когда же затѣмъ диктаторы замѣнены были консулами, то къ диктатурѣ стали прибѣгать лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ ³¹³⁾. Однако такой постановкѣ вопроса о возникновеніи диктатуры противорѣчитъ вся формальная обстановка избранія диктатора, свидѣтельствующая о томъ, что консулатъ древнѣе диктатуры, такъ какъ полномочія диктатора формально основываются на полномочіяхъ консуловъ, а не наоборотъ. Согласно съ этимъ Моммзенъ ³¹⁴⁾ считаетъ именно консуловъ непосредственными преемниками царей и допускаетъ,

³¹⁰⁾ Niebuhr, Röm. Gesch. I⁴, 590.

³¹¹⁾ Schwegler, II, 128 сл.

³¹²⁾ Тамъ же, 92 сл. и 131.

³¹³⁾ Взглядъ Шwegлера проводитъ в *Ilse*, Röm. Gesch. I², 112 и 118 пр. 2.

³¹⁴⁾ Mommsen, St.-R. II³, 167 сл.

что диктатура развилась уже изъ консулата, въ видѣ временнаго усиленія этой магистратуры, но при этомъ полагаетъ, что еще въ моментъ отъѣзды царской власти возстановленіе послѣдней, въ видѣ кратковременной магистратуры, было предусмотрено „конституціоннымъ порядкомъ“ ³¹⁵⁾, вслѣдствіе чего онъ и называетъ диктатуру „исключительно частью конституціи римской республики“ ³¹⁶⁾. Однако такое схематическое представленіе объ учрежденіи римской республики врядъ ли можетъ быть признано соответствующимъ историческимъ условіямъ, обнаруживающимъ республиканскую конституцію Рима въ непрерывной и постепенной эволюціи. Поэтому нужно полагать, что и учрежденіе республики не сопровождалась выработкой какой-либо новой конституціи, основанной на теоретическихъ соображеніяхъ, а выразилось лишь въ практическомъ приспособленіи къ новому положенію дѣлъ, унаслѣдованныхъ еще отъ царскаго періода порядкомъ.

Судя по всему, во время тарквиніевскаго владычества римская община, съ принадлежавшимъ ей *ager Romanus*, представляла собою одну изъ составныхъ частей подвластнаго Тарквиніямъ Лация, пользовавшихся подъ суверенитетомъ династіи Тарквиніевъ мѣстной автономіей; отъ прочихъ общинъ Лация положеніе римской общины отличалось только тѣмъ, что Римъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и резиденціей тогдашнихъ этрусскихъ владетелей Лация ³¹⁷⁾. Въ силу мѣстной автономіи городская община Рима имѣла, рядомъ съ этрусскимъ сувереномъ (на Капитоліи), также своего мѣстнаго царя, перешедшаго потомъ и въ республиканскій періодъ подъ наименованіемъ *rex sacrorum* или просто *rex*. Изъ компетенціи этого мѣстнаго царя еще въ тарквиніевскія времена, по конституціи Сервія Туллія, выдѣлено было управленіе военнымъ дѣломъ римской общины, во главѣ котораго, подъ верховною властью суверена, поставлены были два мѣстные *praetores* („предводители“), изъ которыхъ, согласно системѣ двухъ армій, одинъ являлся главнымъ, а другой—запаснымъ ³¹⁸⁾. Учрежденіе римской республики состояло въ низверженіи власти этрусскаго суверена (из-

³¹⁵⁾ *Mommsen*, St.-R. II³, 168.

³¹⁶⁾ *Ibid.* 135.

³¹⁷⁾ Если при этомъ признать мѣстомъ резиденціи Тарквиніевъ Капитолій, гдѣ они построили и храмъ Юпитера, то получимъ надлежащее объясненіе для страннаго иначе факта изъятія Капитоліи изъ черты священнаго помѣрія. Такое обособленіе Капитоліи при наличности въ немъ главнаго святилища Рима и противопоставленіе городу четырехъ *regiones* вводитъ поманно, какъ наслѣдіе тарквиніевскихъ временъ.

³¹⁸⁾ „Римскія три трибы“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, августъ, 333 сл.

гнаніе Тарквиніевъ), сопровождаясь распаденіемъ этрускаго Лация на его составныя части. Римская община сама по себѣ стала сувереннымъ государствомъ, а представителями этой суверенной власти молодой республики и явились „предводители“ войска, низвергшаго владычество Тарквиніевъ. А такъ какъ одинъ изъ обонхъ praetores продолжалъ считаться главнымъ ³¹⁹⁾, то принципъ единоличности военной власти не нуждался въ новомъ оформленіи путемъ установленія новой единоличной магистратуры. Надобность въ такой магистратурѣ могла появиться только уже послѣ введенія коллегіальнаго (консулярнаго) трибуната взаимнѣ консулата.

Въ сужденіи о диктатурѣ нужно отрѣшиться отъ представленія, навѣяннаго сказаніями о мнѣсныхъ диктатурахъ, будто диктатура введена была еще въ самыя первыя времена республики ³²⁰⁾. А если оставить въ сторонѣ мнѣя и считаться только съ достовѣрными фактами, то споръ римскихъ археологовъ о томъ, кто былъ первымъ диктаторомъ, Ларцій или Валерій, разрѣшается въ томъ смыслѣ, что первымъ диктаторомъ римской республики былъ Мамеркъ Эмилиій, мнѣмый авторъ закона о 1¼-годовомъ срокѣ цензуры.

III. Истужиль.

³¹⁹⁾ См. выше гл. 4.

³²⁰⁾ Это представленіе проводится также *Liebmann*омъ въ *R.-E. Pauly-Wissowa*, s. v. dictator, V, 372.

Подъ редакціей проф. К. Я. Грота вышли въ свѣтъ и продаются (главнымъ образомъ въ кн. маг. Суворина, Карбасникова, Глазунова и Стасюлевича) слѣдующія изданія «Переписки» и «Трудовъ» академика Я. К. Грота *).

Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ въ его біографіи и характеристикѣ. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р.

Я. Гротъ. Стихи и проза для дѣтей. Спб. 1891 г.

(Складъ обѣихъ книгъ только въ книжномъ магазинѣ И. Глазунова).

Переписка Я. К. Грота съ Н. А. Шлетневымъ. Спб. 1896 г., три тома, цѣна 3 р. томъ.

Кн. маг. Глазунова и Стасюлевича. Складъ у К. Я. Грота. Шпалерная, 34, кв. 26.

Труды Я. К. Грота (каждый томъ продается отдѣльно):

I. Изъ Скандинавскаго и Финскаго міра. Спб. 1898 г., цѣна 3 р.	} Въ книжномъ магазинѣ Суворина, Карбасникова, Глазунова, Стасюлевича, складъ у издателя (К. Я. Грота).
II. Филологическія разысканія. Спб. 1899 г., цѣна 3 р.	
III. Очерки изъ исторіи русской литературы. Спб. 1901 г., цѣна 3 р.	
IV. Изъ Русской исторіи. Спб. 1901 г., ц. 3 р.	
V. Дѣятельность литературная, педагогическая и общественная. Спб. 1903 г., цѣна 3 р.	

Фритіофъ, Скандинавскій витязь, поэма Тегнера, переводъ Я. К. Грота, 3-ье изд. Спб. 1898 г., цѣна 75 к.

(Въ книжн. магазинахъ Суворина, Карбасникова, Глазунова).

Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Я. К. Грота. Спб. 1899 г., цѣна 1 р. 25 к.

(Въ книжн. магазинахъ Суворина и Карбасникова).

Русское правописаніе, руководство, составл. Я. К. Гротомъ по порученію II Отд. Импер. Акад. Наукъ, 17-е изд. Спб. 1906 г., цѣна 60 к.

(Складъ только въ книжномъ магазинѣ Суворина).

Н. П. Гротъ. «Богъ въ природѣ», первонач. чтеніе. Спб., цѣна 15 к.

(Въ книжномъ магазинѣ Импер. Академіи Наукъ).

Н. П. Гротъ. «Свобода въ жизни и государствѣ», этюдъ по Чаннингу, въ пользу голодающихъ, ц. 25 к. (скл. у К. Я. Грота).

Н. Я. Гротъ. Философія и ея общія задачи. Сборникъ статей, подъ ред. Моск. Психол. Общества (съ портретомъ и біографіей автора). Спб. 1904 г., цѣна 2 р.

(Складъ въ книжн. магазинѣ Суворина).

*) Одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учебнскихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для безплатныхъ народныхъ читателей и особо рекомендованныхъ вниманію педагогическихъ совѣтовъ гимназій и реальныхъ училищъ для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки сихъ учебныхъ заведеній.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

XVI

ГОДЪ ИЗДАНИЯ

1907

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVI

ГОДЪ ИЗДАНИЯ

1907

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакцію Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи *В. И. Ламанскаго*, секретаря Отдѣленія *Ө. И. Щербатскаго* и чл.-сотр. *Н. Н. Виноградова*, въ XVI году своего существованія будетъ выходить четырьмя выпусками, по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодействія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта,—вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVI годъ изданія, редакція «Живой Старины» пригласила къ участию въ журналѣ многихъ ученыхъ специалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библиографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ «Указатель» къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкой, для иногородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для духовенства, учителей и учащихся—2 р. 50 к. Подписка принимается въ редакціи «Живой Старины» (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

А. И. Анастасіевъ. Новая начальная школа	129
В. Н. Фармаковскій. Королевская земская бібліотека въ Внобаденѣ	182
О. Д. Англійскій билль по народному образованію въ 1906 г. . .	191
Н. Н. Виноградовъ. Начальное образованіе въ Якутской области и мѣры къ его упорядоченію	196

Отъѣмы о книгахъ:

П. В. Котурницкій. В. И. Гебель. Элементарный курсъ теоретической механики	208
И. А. Ивановскій. Уставы о пенсіяхъ и одновременныхъ пособіяхъ .	217
И. А. Ивановскій. В. Я. Крюковскій и Н. Н. Товстолтъ. Учебникъ законовѣдѣнія	—
В. В. Ошповскій. А. Заринъ. Князь Терлевъ Раснохннъ	222
В. В. Ошповскій. Л. А. Чарская. Газавать, тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу	224
И. Э. Анненскій. И. Н. Потапенко. Сочиненія	225
В. М. Шимкевичъ и В. И. Палладинъ. Книга природы	233
В. Н. Модестовъ и И. И. Холоднякъ. Запѣтки	236
— Книжныя новости	239

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

С. Л. Степановъ. Обзорніе проектовъ реформы средней школы въ Россіи, преимущественно въ послѣднее шестилѣтіе (1899—1905 гг.) (окончаніе)	73
А. Д. Романовъ. Соціальныи музей въ Парижѣ	123
Н. Д. Чечулинъ. Н. П. Варуковъ (некрологъ)	134

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. М. Покровскій. Очерки по римской исторіи и литературѣ .	43
И. В. Петушилъ. Первый римскій диктаторъ (продолженіе) . .	64

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—3

Редакторъ Э. Л. Рядловъ.

(Вышла 1-го февраля).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и научныя, критики и библіографіи, и современную летопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкою въ другіе города 14 р. 25 к., за границу—16 р. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціей, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полныя экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 — 1905 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкою и доставкою, за границу—4 р.

6/22
28

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1994**

